

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна
Центр болгаристики та балканських досліджень
імені Марина Дринова

Харківське міське товариство болгарської культури
імені Марина Дринова

Болгарська академія наук
Інститут історичних досліджень
Комісія істориків Україна-Болгарія
Община Панагюриште

ДРИНОВСЬКИЙ ЗБІРНИК

ТОМ VI

АКАДЕМИЧНО ИЗДАТЕЛСТВО
„Проф. МАРИН ДРИНОВ“

Харків-Софія

2013

*Рекомендовано Науковою радою Центру болгаристики та балканських досліджень
імені М. Дринова (протокол № 4 від 30 квітня 2013 р.)*

Редакційна рада

М. Г. Станчев (Україна) – голова, Д. Айдачич (Сербія), П. Бахмайер (Австрія),
І. Тодєв (Болгарія), Н. Белішки (Болгарія), Л. В. Горіна (Росія), І. Ілчев (Болгарія),
К. Косєв (Болгарія), Г. Марков (Болгарія), Р. Мішев (Болгарія), Ю. М. Могарічев (Україна),
В. Ю. Салєнков (Україна), П. С. Сохань (Україна), Н. Н. Червенков (Молдова),
Г. Й. Чернявський (США)

Редакційна колегія

Страшнюк, С. Ю., доц., к.і.н. (головний редактор, Харків); Стоянов, І., проф., д.і.н. (заст.
головного редактора, Велико Тирново); Сорочан, С. Б., проф., д.і.н. (заст. головного редак-
тора, Харків); Ченчик, Д. В., доц. к.і.н. (відповідальний секретар, Харків); Бурдяк, В. І.,
проф., д. політ. н. (Чернівці); Віднянський, С. В., проф., д.і.н. (Київ); Гришина, Р. П.,
проф., д.і.н. (Москва); Дроснева, Е., доц., д-р (Софія); Каплін, О. Д., проф., д.і.н.
(Харків); Козлігін, В. Д., проф., д.і.н. (Київ); Кравченко, В. В., проф., д.і.н. (Едмонтон);
Крапівін, О. В., проф., д.і.н. (Донецьк); Куделко, С. М., проф., к.і.н. (Харків);
Мартем'янов, О. П., доц., к.і.н. (Харків); Мілова, М. І., проф., д. політ. н. (Одеса);
Мільчев, В. І., проф., д.і.н. (Запоріжжя); Наумов, С. О., проф., д.і.н. (Харків); Петков, П. Ст.,
проф., д-р (Велико Тирново); Поліщук, І. О., проф., д. політ. н. (Харків); Посохов, С. І.,
проф., д.і.н. (Харків); Потрашков, С. В., проф., д.і.н. (Харків); Пригарін, О. А., доц., к.і.н. (Оде-
са); Радкова, Р., проф., д.і.н. (Софія), Романюк, О. І., доц., д. політ. н. (Харків); Тортіка, О. О.,
доц., д.і.н. (Харків); Чижов, О. П., доц., к.і.н. (Харків); Чорній, В. П., проф., к.і.н. (Львів),
Яровий, В. І., проф., д.і.н. (Київ)

Адреса редакційної колегії

Україна, 61022, Харків, м. Свободи, 6, Харківський національний університет імені
В. Н. Каразіна, Центр болгаристики та балканських досліджень імені М. Дринова
Тел. / факс: (057)-707-50-27; E-mail: drinovcenter@gmail.com

Друкується за підтримки общини Панагюриште (Болгарія)

СВІДОЦТВО

ПРО ДЕРЖАВНУ РЕЄСТРАЦІЮ ДРУКОВАНОГО ЗАСОБУ МАСОВОЇ ІНФОРМАЦІЇ
Серія КВ № 122231-1115Р

ISBN 978-954-322-705-1

ISBN 978-954-322-706-8

- © Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, 2013
- © Константин Атанасов Жеков, художнє оформлення, 2013
- © Академічне видавництво імені проф. Марина Дринова, 2013

ДРИНОВСЬКИЙ ЗБІРНИК

ТОМ VI

СОФИЯ • 2013

АКАДЕМИЧНО ИЗДАТЕЛСТВО
„Проф. МАРИН ДРИНОВ“

Харків-Софія

2013

Шостий том є збірником статей за матеріалами XII Кирило-Мефодіївських читань (Харків, 2012), присвячених 200-річчю від дня народження академіка І. І. Срезневського, а також кількох наукових форумів молодих учених, що проходили у Харківському та Софійському університетах протягом 2011–2012 рр. Крім тематичних розділів представлені також традиційні для „Дриновських збірників“ рубрики: „Джерела та джерелознавство“, „Рецензії“, „Наукове та художнє життя“, „Ювілеї“. Розраховано на професійних істориків, студентів гуманітарних факультетів й широкий читацький загал.

Шестой том представляет собой сборник статей по итогам XII Кирилло-Мефодиевских чтений (Харьков, 2012), посвященных 200-летию со дня рождения академика И. И. Срезневского, а также нескольких научных форумов молодых ученых, проходивших в Харьковском и Софийском университетах в 2011–2012 гг. Кроме тематических разделов представлены традиционные для „Дриновских сборников“ рубрики: „Источники и источниковедение“, „Рецензии“, „Научная и художественная жизнь“, „Юбилеи“. Рассчитано на профессиональных историков, студентов гуманитарных факультетов и широкий круг читателей.

The sixth volume is a collection of articles on the results of 12 Sts. Cyril and Methodius Readings (Kharkov, 2012), dedicated to the 200th anniversary of the birth of I. Sreznevskiy, as well as several scientific meetings of young scientists, held in the Kharkov University and the University of Sofia in 2011-2012. In addition to the traditional topical headings for “Drinov collections” new rubrics are presented: “Sources and source study”, “Reviews”, “Scientific and artistic life”, “Jubilees”. Designed for professional historians, students of humanitarian faculties and the general public.

ХРИСТИАНСКИЕ ВИЗАНТИЙСКИЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТАНТИНА-КИРИЛЛА И ФОРМИРОВАНИЕ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

О. Б. Дёмин

Дьомін, О. Б. Християнські візантійські засади діяльності Костянтина-Кирила та формування слов'янської писемності

В статті обґрунтовується пріоритетність кирилиці над глаголицею. Основою кириличної азбуки стали християнські та візантійські норми та принципи життя і діяльності Костянтина-Кирила.

Ключові слова: Костянтин-Кирил, Мефодій, кирилиця, Візантійська імперія.

Дёмин, О. Б. Христианские византийские основы деятельности Константина-Кирилла и формирование славянской письменности

В статье обосновывается приоритетность кириллицы в сравнении с глаголицей. Основой кириллической азбуки стали христианские и византийские принципы и нормы жизни и деятельности Константина-Кирилла.

Ключевые слова: Константин-Кирилл, Мефодий, кириллица, Византийская империя.

Dyomin, O. B. Byzantine Christian bases of activity of Constantine and Appearance of the Slavic script

The article explains the priority of the Cyrillic alphabet. Its basis became Christian and Byzantine principles and standards of the life and activity of Constantine-Cyril.

Keywords: Constantine-Cyril, Methodius, Cyrillic alphabet, Byzantine Empire.

Кирилло-мефодиевская проблематика и в начале XXI столетия остается столь же актуальной, как и ранее. И так же сложность вопроса заключается в том, что ранние, точно датированные памятники славянской письменности отстают от даты создания азбуки на десятилетия и столетия. Поэтому соображения о том, что предложили Константин-Кирилл и Мефодий византийскому двору и моравским представителям, кириллицу или глаголицу, носят во многом умозрительный характер. В то же время, основными источниками изучения раннего этапа появления славянской письменности остаются те же документы, что и ранее: главным образом, тексты „Житие Константина“ и „Житие Мефодия“. В связи с этим, перед исследователями встает проблема возможности, при таких обстоятельствах, используя традиционные источники, дать ответ на основной вопрос о первичности появления кириллицы или глаголицы.

Не отрицая значение филологических методов, система доказательств может быть расширена путем привлечения исторических и информационных методик изучения материала. Такой подход позволил автору обосновать первичность азбуки, впоследствии получившей название кириллицы, относительно глаголицы¹. Помимо источниковедческого анализа, в первую очередь, перспективны те методы, которые используются в теории информации, основные положения которой были разработаны К. Шенноном более 60-ти лет тому назад. Хотя он сам утверждал, что теория информации неприложима ко всем наукам, и призывал к осторожности², ряд положений теории нашел широкое применение в гуманитарных науках, в частности, и в лингвистике.

При анализе текстов особую важность имеют выводы К. Шеннона относительно возможности измерения количества информации в языковом тексте и вероятности предсказания появления информации³. В работах последователей К. Шеннона его идеи были развиты применительно и к социальным системам. В частности, обращалось внимание на существование так называемой „избыточной информации“. Последнее означает, что некоторая информация может быть предвидена до ее получения. Так, для иллюстрации этого положения исследователи указывали на то, что почти со 100 % вероятностью можно предсказать, что в русскоязычном тексте вслед за сочетанием букв ТЬС появится буква Я⁴.

Такие ресурсы теории информации позволяют применять ее отдельные положения и в исторической науке. Например, в ходе анализа текста источника упоминание в нем о любой прошедшей битве обязательно включает в состав „избыточной информации“ свиде-

тельство наличия некоторого числа человеческих потерь. Для проблемы происхождения славянской письменности подобное положение теории информации может означать, что в текстах „Житий“ присутствует „избыточная информация“ в пользу той или иной версии появления славянской азбуки. Однако ответ не может сводиться к поиску разгадки одного или нескольких недосказанных информационных положений. Скорее, вопрос заключается в наличии во всем тексте „рассеянной“ избыточной информации, смысл которой был более или менее понятный современникам, но затем утраченный потомками. Однако именно эта информация предоставляет возможность восстановить целостное понимание текста и структурировать мировоззренческо-информационное пространство житийных произведений и выйти на конкретный результат.

Использование такой методики позволяет сделать следующие выводы. Хотя моравская азбука предназначалась для удовлетворения, в первую очередь, духовных потребностей населения Великой Моравии, субъективным фактором создания славянской письменности стала философская составляющая мышления и образовательной подготовки Константина. Это было частично связано с господствовавшим в Византийской империи христианским мировоззрением, а частично с тем, что личность, которой приказали записать божественные слова – Константин, оказался высокообразованным и творческим, в рамках средневекового догматического научного мышления, человеком. Симптоматично его определение философии как науки: „Знание вещей божественных и человеческих, насколько может человек приблизиться к Богу, что учит человека делами быть по образу и подобию сотворившего его“⁵. Как считают исследователи, это во многом эклектическое определение науки, опирающееся на позднеантичные философские компендиумы, своего рода христианизированная античная формулировка⁶. Вместе с тем, показательно то, что в предложенной трактовке Константин опирался как на теологическое, через божественное откровение, видение мира, так и на достижение человеческого разума и человеческой практики. Но второе подчиняется первому, ограничивается рамками веры. В целом же, данное понятие философии отражало состояние научных знаний кирилло-мефодиевского времени. Другое дело, что время жизни Константина пришлось на кризисный для философии этап развития, переходный от патристики к схоластике. Поэтому в историографии достаточно широкий разброс оценок определения Константином философии как науки: от признания его христианизированным античным понятием до отнесения к нарождающейся схоластике⁷.

В плоскости подобного умонастроения поисков соотношения божественного и человеческого лежит причина и первоначального отказа Константина от поездки в Моравию, и причина последующего согласия. Он отказывается, ибо повод собственно человеческий – отсутствие букв для языка моравян. Ведь последствия того, что кто-то попытается записать божьи слова и беседы неизвестно чем и неизвестно на чем, едва ли не водой по воде катастрофические, ведь можно ославить себя как еретика: „Кто может записать на воде, беседу и прослыть еретиком?“⁸. Но и весомым аргументом для начала работы Константина над созданием письменности для моравян стало заявление императора Михаила и его родственника Варды, фактически руководившего делами империи, о возможности получения Константином моравских букв через божественное откровение: „Если захочешь, то может тебе дать Бог, что дает всем, кто просит без сомнения, и открывает стучащим“⁹. Таким образом, из всего этого следует, что поиски новых букв Константин мог вести только в достаточно жестко ограниченных рамках философского подхода его времени к такому явлению как письменность: одновременно и божественному проявлению, и человеческой норме общения.

В литературе достаточно широко распространено представление о длительных работах Константина и его единомышленников над славянской азбукой еще до появления моравских представителей в Константинополе. Поэтому внезапное появление азбуки после „божественного внушения“ объявлялось просто агиографическим шаблоном¹⁰. Однако о том, что это не был „мгновенный акт“, подчеркивается и в „Житие Константина“: Константин вместе с помощниками стал молиться и лишь „вскоре“ (не уточняется через какое время) сложились письмена. Конечно, наличие лиц, „кто были таких же мыслей,

как и они⁴¹¹, может говорить о группе единомышленников, занятых работой над азбукой. Однако ведь самой азбуки они почему-то не создали в результате предполагаемой предшествующей работы, и славянская письменность появилась только после приказа из императорского дворца. Поэтому помощники, скорее всего, непрерывно молились, давая возможность Константину обдумать возможности решения вопроса.

Во многом это был подсознательный процесс, шедший в плоскости поиска путей воплощения божественной воли в нормативную практику письменности. Тексты „Житий“ позволяют говорить, что Константин не руководствовался исключительно интуицией, а опирался, в первую очередь, на полученные им в ходе учебы и жизненного опыта знания, современные ему научные формулировки, известные ему лично примеры, христианские нормы и церковные авторитеты.

Фундамент филологических представлений Константина был прочно заложен еще в детские и юношеские годы, особенно во время обучения в Константинополе. Вероятно, не случайно текст „Жития Константина“ фактически начинается с детского сна Константина, в котором присутствует София (Мудрость) и которую он избирает себе в спутницы жизни. Глубокие светские знания, основанные на греческой традиции, он получил позже: „И в 3 месяца овладел всей грамматикой и за иные взялся науки, научился же и Гомеру, и геометрии, и у Льва, и у Фотия диалектике, и всем философским учениям, а сверх того и риторике, и арифметике, и астрономии, и музыке, и всем прочим эллинским учениям“⁴¹². Это позволило ему сделать вывод о том, что греки являлись родоначальниками всех наук и знаний. Это подтверждается тем, что Константин четко сформулировал данное положение во время обсуждения с арабами достоинств различных народов, специально подчеркнув, что „ведь все искусства вышли от нас“⁴¹³, то есть греков.

Однако, кроме светских знаний, Константин с детства частично самостоятельно овладевал и теологическими знаниями. Еще мальчишкой он „...взялся за учение, сидя в своем доме, уча на память книги святого Григория Богослова“⁴¹⁴. Со временем авторитет церковных авторов стал для Константина почти непререкаемый. Поэтому для него огромное значение имели высказывания о роли греческого наследия святого Климента, третьего папы Римского, мощи которого Константин отыскал в Херсонесе и частицу которых всегда возил с собой. В „Воспоминаниях Климента“ говорилось о разделении между разными народами нравов и обычаев, законов и знаний. Грекам в этом распределении достались грамматика, риторика и философия¹⁵, то есть науки, непосредственно связанные с письменностью. В данном конкретном случае не имеет значения действительное авторство „Воспоминаний“, главное, что Константин воспринимал их, как и его современники, плодом трудов святого Климента Римского. Древнегреческое наследие византиец-христианин рассматривал как определенную ступень эволюции божественного промысла. Взаимоподтверждение божественной и светской посылки служило для Константина мощным аргументом в пользу греческих корней новой письменности.

Но что не менее важно, у Константина в доморавский период сложилось негативистское отношение к определенному роду письменным знакам, которые появились в результате непосредственной человеческой деятельности. Об этом есть прямые свидетельства в „Житие Константина“. В нем говорится, что во время пребывания в арабском халифате члены византийской миссии, в составе которой был и Константин, увидели дома христиан, которые по распоряжению властей отмечались специальными знаками, воспринятыми византийцами как „кривляющихся и ругающих“. Константин дал христианскую интерпретацию увиденным рисункам, охарактеризовав эти символы в качестве изображения бесов, которые не могут жить в одном доме с христианами и убегают от них. В домах же, на стенах которых нет подобных знаков, враги человечества, демоны, мирно сосуществуют с нехристианами¹⁶.

То есть, в конечном итоге выбор букв письменности для моравян определялся для Константина философской дилеммой. С одной стороны, использование греческого наследия в сфере грамматики и философии, то есть опора на греческий алфавит, а с другой стороны – разрыв традиции, появление кардинально отличных от греческих букв, при отсутствии объяснения этому с позиций именно грамматики и теоретической фило-

софии (богословия по номенклатуре того времени). Ведь для Константина вопрос заключался в таком выборе письменности, которая бы отражала знание и божественное, и человеческое, и при этом, данное дело (письменность) должно было по образу и подобию приближаться к Богу.

Но в избыточной информации содержится еще ряд положений, свидетельствующих о выборе Константином образца для моравской письменности. В первую очередь, это символика креста. Ряд современных славистов разделяют существующую в славянской филологии гипотезу, согласно которой первая буква глаголицы, которая имеет внешнее сходство с крестом, есть непосредственно знак креста, символ Бога¹⁷.

Однако внешнее сходство имеет глубинную основу, конкретно-предметную связь глаголической буквы и вещественного креста, находящуюся как в византийской практике письма, так и в понимании Константином смысла изображения креста. В тексте „Житие Константина“ в описании диалога с Аннием, сторонником иконоборства, низложенным патриархом Иоанном VII Грамматиком, вырисовывается видение Константином сущности креста в христианской жизни. Оно не дано в виде определения, но вытекает из различий между иконой и крестом. Анний стал требовать объяснений, почему не поклоняются разбитому кресту, а подгрудному изображению отдают должное как иконе. В ответах Константин бывшему патриарху крест представлен как исключительно целостное явление, а икона – и целостное, и частичное явление. В кресте утрата одной части ведет к утрате всего образа креста, а изображение на иконе только лица, то есть части, есть, тем не менее, подобием всего целого, то есть подобием первообраза. Анний, в развитие темы, стал подчеркивать, что христиане поклоняются крестам, которые не имеют надписей, в то время, когда есть и другие, с надписями, хотя, одновременно, иконе отдают честь только в случае написания имени личности. Ответ Константина свелся однозначно к тому, что всякий крест образом своим подобен Христову кресту, а иконы не имеют единого образца¹⁸. То есть, крест, в трактовке Константина, восходит непосредственно к божественному началу, носит сакральный характер, а икона является всего лишь делом рук человеческих и не имеет божественного образца.

Но не менее важна для выяснения роли креста в славянской письменности практика употребления знака креста в византийской письменной традиции. В Византийской империи существовало правило написания знака креста перед текстом, которое сохранялось в течение многих столетий и в самой империи, и в землях, зависимых от нее. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические находки греческих и кириллических надписей со знаком креста перед текстом¹⁹. В „Житие Константина“ есть прямое свидетельство того, что Константин с детства усвоил это правило: запечатлен эпизод о его первом творческом опыте, когда он на стене своей комнаты написал стихотворение, посвященное Григорию Богослову. Перед начальной строкой „Похвалы святому Григорию“ Константин начертал „крестное знамение“²⁰.

Этого правила Константин придерживался и в дальнейшей своей жизни, в частности, в Великой Моравии, когда он занимался обучением детей²¹. Хотя об этом прямого свидетельства нет, но более поздние педагогические труды говорят об употреблении креста в соответствии с давними указаниями. В работе Константина Костянецкого (XV в.) „Разъясненное сказание о буквах“ приведено правило: „Ведь велено нам впереди всех букв в начале азбуки писать знак креста, и не думай, что это – просто так. Ведь и мы в начале жизни сопричастны распятию Христову крещением и погребены будем с крестным знамением. Так и начиная писать Божественные буквы перед всеми ими, подобает поставить крест и сказать: „Кресте, помогай“, как в Апостоле сказано: „Да не позволит мне Господь клясться ничем, помимо креста Господня“. И когда уже выучивались буквы, дети писали „молитву за святых отцов наших“ также в виде креста²².

Понимание исключительно божественной природы креста, поставленного перед любым текстом, выводило его за рамки письменности. Но и отказаться от знака креста в начале текста, согласно усвоенной им византийской традиции, Константин не мог. И точно также не мог поставить крест перед азбукой как символ целого, а затем вновь начать азбуку из глаголического „аз“ в виде креста, то есть из части целого (одной из почти че-

тырех десятков букв). Ведь два креста подряд нивелировали его божественную сущность. Это противоречило его взглядам, ибо приравнивало, фактически, крест к иконе. В системе мировоззрения Константина крест как буква, то есть часть целого, просто не мог функционировать. Еще сложнее Константину было представить крест в качестве знака счета – единицы и далее до девяти, не говоря уже о его включении в двухзначные, трехзначные и так далее цифры.

В состав „избыточной информации“ входят и календарно-хронологические данные. В „Житии Константина“ присутствуют два эпизода, которые внешне выпадают из контекста истории о создании письменности и борьбе за ее сохранение. Речь идет о расшифровке Константином надписей на чаше, сделанной Соломоном из драгоценного камня, находившейся в церкви „Святой Софии“, и спор Константина с евреем в Риме, в ходе которого ему пришлось продемонстрировать хронологические расчеты для доказательства уже свершившегося прихода Христа²³. То есть, в „Житии“ почему-то специально подчеркивалось умение Константина производить сложные хронологические математические операции, которые изучались тогда в курсе арифметики и астрономии. Возможное объяснение может быть связано с несколько иной причиной появления прозвища Константина – Философ, чем это считалось ранее. Ведь в средневековом христианстве философами называли также людей, которые были способны заниматься сложными, как на то время, хронологическими вычислениями для определения дат церковных праздников и хорошо владели их правилами. Как утверждалось в одной из древнерусских рукописей: „Аще который философ навикнет пасхалиям ... и начнет хвалится ... и ты рцы ему сыце: аще горазд еси и философ пасхалиям ..., найди же ми ... в кий день луна небесная настанет и в кий час, ... найди ми, философе, рукою индиктовую пасху евреом и пасху христианом ...“²⁴.

Календарный аспект прозвища Философ присутствовал и при переводе первой церковной книги на славянский язык. По мнению исследователей, то был, скорее всего, краткий апракос с текстами церковных служб на весь год. Не исключена возможность перевода особого типа краткого апракоса, так называемого праздничного. В нем содержались чтения на субботы и воскресенья почти всего литургического года²⁵. И хотя содержание первого переведенного в Византии апрокоса все еще остается невыясненным, оно, как представляется, исходило из порядка чтений служб, принятых в византийской церкви. Ведь вряд ли иной порядок праздничных служб санкционировали бы в Константинополе, где началась работа по переводу книг с греческого языка на моравский язык.

И, хотя система праздников, в целом, существенно не различалась одна от одной ни в Константинополе, ни в Риме, однако уже в IX в. между двумя частями христианского мира обозначились отличия в регламентации годового круга церковных служб, определявшихся датой пасхи. Несмотря на выработанные на первом Вселенском соборе христианских церковью 325 г. в городе Никее единые для всего христианского мира главные правила вычисления Пасхи, сам процесс расчета даты требовал сложных и многоступенчатых арифметических действий. С целью их облегчения в IV в. первые семь букв греческого алфавита были расписаны по дням месяца и соответственно по дням года, начиная с первого дня первого года эры „от сотворения мира“. В итоге, определенная буква оказывалась жестко привязанной ко дню недели. Буква, которая приходилась в текущем году на воскресенье, на востоке христианского мира стала называться „число богов“, на западе – „солнечные эпакты“, а на Руси – „вруцелето“.

К IX в. обнаружилось несколько расхождений в принципах расчетов и соответственно в датах празднования Пасхи в восточных и западных церквях. Во-первых, по разному считали начало эры „от сотворения мира“: в Византии с 5508 г. до н.э., в Риме с 4713 г. до н.э. К тому же, римская церковь пользовалась и эрой от основания Рима, и начала вводить эру от Рождества Христова. Во-вторых, в пределах двадцативосьмилетнего солнечного цикла дополнительный 366-ой день високосного года вводился в разной последовательности: на востоке христианского мира – в 3, 7, 11, 15, 19, 23, 27 годах, а на западе – в 1, 5, 9, 13, 17, 21, 25 годах. В-третьих, в расчетах лунного цикла использовали разные способы нумерации годов. В Риме придерживались александрийского цикла, в котором счет велся от даты прихода к власти императора Диоклетиана – с 29 августа 284 г., а в Византии применяли

сирийский или константинопольский цикл, начинавшийся с дня весеннего равноденствия 249 г. В целом, расхождения между западным и восточным циклами составляли 3 или 16 дней. Кроме того, сохранялись различия календарного порядка, связанные с началом светского года, счетом дней в месяце, использованием букв и цифр в календарных элементах. В итоге указанная совокупность хронологических деталей привела к различиям в церковном календаре и соответственно к различиям в системе постов и праздников византийской и римской церкви²⁶. Определенное подтверждение приверженности Константина и Мефодия византийской системе праздников и постов присутствует в булле папы Стефана V. Обращаясь к правителю мораван Святополку, папа обвинял Мефодия и его учеников в приверженности к византийскому толкованию „символа веры“ и распространению византийской системы постов, которая отличалась от франкской²⁷.

В итоге можно сделать вывод, что в основе славянской церковной службы, привнесенной Константином и Мефодием в Великоморавское государство, лежала византийская грекоязычная система церковных служб, праздников и постов. Да и едва ли можно предположить, что, занимаясь в Константинополе под надзором церковных иерархов первым переводом христианских текстов, Константин и его единомышленники замыслили оторвать церковные службы и праздники новых христиан от колыбели христианства и разорвать религиозное единство новых христиан с главнейшим, в их понимании, церковным центром.

Таким образом, традиционные источники, которые и до настоящего времени сохраняют свою ценность при рассмотрении вопроса о создании славянской письменности, содержат достаточное количество избыточной информации, чтобы служить дополнительным аргументом в пользу первичности кириллицы. Для образованного представителя византийского общества работа над славянской азбукой была возможна в нормативных рамках позитивного понимания древнегреческого философского наследия, в том числе и греческой письменности, в качестве следующей ступени божественного откровения. В противоположность этому жизненная практика сформировала у Константина негативистское отношение к самостоятельно изобретенным знакам. Христианско-философскую основу имело у Константина и обоснование сакральной целостности креста, с вытекающей отсюда смысловой нагрузкой при использовании перед текстами. Как избыточная информация, предоставляющая данные для календарной составляющей процесса создания новой письменности для мораван, присутствуют в тексте „Жития Константина“ хронологические вычисления. В конечном итоге, для Константина воспринявшего византийскую христианскую и философскую картину мира, единственно приемлемой основой письменности мораван мог быть греческий алфавит, что и предопределило создание им той азбуки, которая стала известна как кириллица.

¹ Демин, О. Б. „Мы пришли дать вам слово“. Кирилл и Мефодий в истории славянской культуры. Одесса, 2003; Дьомін, О. Б. Християнські реалії Візантії середини IX століття та виникнення слов'янської писемності. – Історія в школах України, 2007, № 7, с. 47–49; Дьомін, О. Б. Херсонес та „Руські письмена“ в контексті творення слов'янської писемності Кирила та Мефодія. – В: Записки історичного факультету Одеського національного університету. Одеса, 2007, вип. 18, с. 129–135; Демин, О. Б. Византийский христианский и календарный контекст деятельности Константина Философа: мог ли он создать глаголицу? – В: Древнее Причерноморье. Одесса, 2008, вып. 8, с. 119–126; Демин, О. Б. Биография как доказательство: к истории создания славянской письменности. – В: Curriculum vitae. Гуманітарний метод у гуманітарному знанні. Одеса, 2009, с. 35–39; Демин, О. Б. Византийская философия и создание Кириллом и Мефодием славянской письменности: взгляд историка. – В: Медієвістика. Одеса, 2009, вип. 5, с. 61–68; Демин, О. Б. Раннесредневековые европейские конфессионально-культурные реалии и создание славянской письменности. – В: Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. Чернігів, 2009, вип. 73, серія: історичні науки, № 6, с. 3–7.

² Шеннон, К. Работы по теории информации и кибернетике. М., 1963, с. 667–668.

³ Там же, с. 669–686.

⁴ Седов, Е. Информационно-энтропийные свойства социальных систем. – В: Общественные науки и современность. М., 1993, № 3, с. 93.

⁵ Житие Константина. – В: Сказания о начале славянской письменности. М., 1981, с. 73.

⁶ Флоря, Б. Н. Комментарии к Житию Константина. – В: Сказания..., с. 109–110.

⁷ *Пейчев, Б.* Кирилово определение на философията. – В: Константин-Кирил Философ. София, 1969, с. 71–72; *Велчев, В.* Делото на славянския просветител Константин-Кирил Философ в историята на културата. – В: Константин-Кирил Философ. София, 1971, с. 232–245.

⁸ Житие Константина, с. 87.

⁹ Там же.

¹⁰ *Флоря, Б. Н.* Комментарии к Житию Константина. – В: Сказания..., с. 127.

¹¹ Житие Мефодия. – В: Сказания о начале славянской письменности. М., 1981, с. 97.

¹² Житие Константина, с. 72–73.

¹³ Там же, с. 76.

¹⁴ Там же, с. 72

¹⁵ *Демин, О. Б.* „Мы пришли дать вам слово“..., с. 60.

¹⁶ Житие Константина, с. 75; *Демин, О. Б.* „Мы пришли дать вам слово“..., с. 42, 59.

¹⁷ *Степанов, Ю. С.* Несколько гипотез об именах букв славянских алфавитов в связи с историей культуры. – Вопросы языкознания, 1991, № 3, с. 27, 34.

¹⁸ *Демин, О. Б.* „Мы пришли дать вам слово“..., с. 37–39.

¹⁹ *Заимов, Й.* Битольская надпись болгарского самодержца Ивана Владислава 1015–1016 гг. – Вопросы языкознания, 1969, № 6, с. 124–129; *Заимов, Й.* Битолски надпис на Иван Владислав самодержец български. София, 1970, с. 15–16; *Белый, А. В., Э. И. Соломоник.* Утерянная и вновь открытая мангупская строительная надпись. – Нумизматика и эпиграфика, XIV, 1984, с. 170–175.

²⁰ Житие Константина, с. 72.

²¹ Житие Константина, с. 87.

²² *Костенецкий, К.* Разъясненное сказание о буквах. – В: Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX – XVIII веков. М., 1990, с. 156–157.

²³ Житие Константина, с. 86, 91.

²⁴ Цит. по: *Климишин, И. А.* Календарь и хронология. М., 1985, с. 263–265.

²⁵ *Верецагин, Е. М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971, с. 14–16.

²⁶ *Демин, О. Б.* Византийский христианский и календарный контекст деятельности Константина Философа..., с. 119–122.

²⁷ *Флоря, Б. Н.* Сказания о начале славянской письменности и современная им эпоха. – В: Сказания..., с. 45.

ІЗМАЇЛ СРЕЗНЕВСЬКИЙ ТА СЛОВ'ЯНСЬКИЙ СВІТ (до 200-річчя від дня народження)

УДК 930(477.54):929 Срезневський

І. І. СРЕЗНЕВСЬКИЙ ТА СТАНОВЛЕННЯ ТРАДИЦІЇ ІСТОРІОГРАФІЧНОЇ РЕФЛЕКСІЇ В ХАРКІВСЬКОМУ УНІВЕРСИТЕТІ

Ю. А. Кісельова

Кісельова, Ю. А. І. І. Срезневський та становлення традиції історіографічної рефлексії в Харківському університеті

В статті розглядається традиція історіографічної рефлексії в Харківському університеті в першій половині XIX ст. Метою автора було з'ясувати вплив цієї традиції на становлення І. І. Срезневського як науковця та вказати, як традиція була ним продовжена у його науковій та викладацькій діяльності.

Ключові слова: І. І. Срезневський, історіографічне знання, Харківський університет.

Киселёва, Ю. А. И. И. Срезневский и становление традиции историографической рефлексии в Харьковском университете

В статье рассматривается развитие традиции историографической рефлексии в Харьковском университете в первой половине XIX в. Целью автора было выяснить влияние данной традиции на становление И. И. Срезневского как ученого и указать как традиция была им продолжена, воплотившись в его научной и преподавательской деятельности.

Ключевые слова: И. И. Срезневский, историографическое знание, Харьковский университет.

Kiseljova, J. A. I. I. Sreznevskiy and the formation of the tradition of historiographic reflection at Kharkov University

The article deals with the development of tradition of historiographic reflection at Kharkov University in the first half of the 19th century. The aim of the author was to determine the influence this tradition to the process of formation of I. I. Sreznevskiy as a scientist and specify how the tradition was continued by him in his research and teaching activities.

Keywords: I. I. Sreznevskiy, historiographical knowledge, Kharkiv University.

Ім'я видатного вченого Ізмаїла Івановича Срезневського нерозривно пов'язано з Харківським університетом. Тут він, син професора російської словесності цього університету, здобув вищу освіту, спробував свої сили в галузі політичної економії і статистики, знайшов однодумців та соратників, співзвуччя своїм, навіяним романтичною добою, фольклористичним захопленням, отримав путівку у наукове життя (направлення у закордонне відрядження) та зробив перші кроки як дослідник і викладач в галузі слав'янознавства.

Серед незчисленної кількості факторів та тенденцій, які визначили науковий шлях вченого та пов'язали його з alma mater, можливо виділити наукову традицію, яка безпосередньо вплинула на становлення І. І. Срезневського як науковця, але до сьогодні не привертала уваги дослідників. Мається на увазі традиція історико-наукової (історіографічної) рефлексії в Харківському університеті.

У сучасній історіографічній науці загальноновизнаною стала теза про одночасність появи історіографічного компоненту зародженню самого історичного знання¹. Але довгий час історіографія побувала у вигляді внутрішньої рефлексії історика. Перетворенню ж її на зовнішню сприяв як процес інституціоналізації історичної науки, так і загальний розвиток історико-наукової складової університетської науки першої половини XIX ст. В рамках цих процесів й буде розглянуто нами генезис історіографічної традиції в Харківському університеті та його вплив на формування наукової діяльності І. І. Срезневського.

Незважаючи на те, що І. І. Срезневський навчався на етико-політичному відділенні Харківського університету, ми вважаємо доречним розглядати процес його науково-професійного становлення в широкому контексті розвитку університетської

©Кісельова Ю. А., 2013

гуманітаристики. Такий підхід видається правомірним з огляду як на особливості розвитку університетської науки того часу (а саме органічну близькість та відносно слабу диференційованість різних галузей знання), так і схильність самого науковця до літературної творчості, філологічних та етнографічних спостережень, які у культурному середовищі Харкова знайшли благодатний ґрунт. Важливим був також вплив наукових уподобань батька науковця І. Є. Срезневського (хоча і відносно нетривалий час через його передчасну смерть). Зацікавлення до філологічного знання молодому науковцю прищеплювала матір Ізмаїла Івановича, а також учні та колеги батька, які продовжували працювати в університеті після його смерті (наприклад, викладач кафедри всесвітньої історії Є. М. Філомафитський, який був вихованцем родини Срезневських та у 1810-х рр. разом з Р. Т. Гонорським та Г. Ф. Квіткою плідно працював над виданням, ініційованого І. Є. Срезневським часопису „Украинский вестник“²).

З перших кроків самостійного життя І. І. Срезневський мріяв про наукову кар'єру³. Треба зазначити, що на 1840-і рр. в цілому був сформований погляд на систему професійних якостей університетського професора, в основу якої була покладена рефлексивна складова діяльності університетського науковця. Сприяли цьому складні завдання формування нової професійної групи (університетської професури) та організації навчання у новостворених університетах на рівні західноєвропейської науки та освіти, що стояли перед творчими системами вищої освіти Російської імперії. Відтак, навіть у науково-атестаційних документах основними якостями кандидатів на вчені ступені були визначені такі як обізнаність з історичним розвитком наук, вміння використовувати найкращі досягнення наукової думки в процесі викладання, спроможність до самостійних оцінок „переворотів у ході наук“⁴. Таким чином, певною мірою вважалось, що здатність до рефлексії дорівнювала здатності до наукової діяльності.

З іншого боку, історико-наукові знання у перші десятиліття існування Харківського університету виконували важливу просвітницьку функцію. Актуалізували її перш за все іноземні професори. Звертаючись у публічних промовах до історії наук та відтворюючи універсальну схему руху наук, вони прагнули легітимізувати утвердження моделі європейського університету в Російській імперії, яку вони розглядали як продовження світової практики розповсюдження освіти⁵. З іншого боку, історія окремих галузей знання, на їхню думку, мала важливе виховне значення. Наприклад, професор К. Роммель у своїй промові припускав, що викладання історії розвитку класичної філології з XV ст. із вказівкою на її успіхи спроможне „пробудити любов до цієї науки“⁶. Професор А. Дегуров закликав вдумливо сприймати результати історичних творів, роз'яснюючи різницю між історичним романом та професійними історичними дослідженнями на прикладах творів Ф. Вольтера, Д. Юма, І. Босюета, У. Робертсона⁷.

У подальшому просвітницький потенціал історико-наукових знань стали використовувати і вітчизняні науковці. Наприклад, П. П. Гулак-Артемівський 1819 р. у промові під час відкриття кафедри польської мови надавав характеристику „стану наук у Польщі“, маючи на меті „вказати головні періоди в долі польської мови поряд з науками та долею народу“⁸. Пізніше видавець „Українського журналу“ А. С. Склабовський надрукував 1824 р. вступну лекцію П. А. Загеплинського з історії астрономії, у передмові до якої він закликав автора до продовження цієї теми на сторінках журналу, тому що „історія наук“, на його думку, викликала широкий громадський інтерес⁹.

Просвітницьке значення мали, до певної міри, і вступні лекції, під час яких відбувалося ознайомлення з історичним розвитком окремої галузі знань, її сучасним станом, основною науковою літературою. Поряд з таким знанням, яке слугувало, на думку викладачів, для „належного пояснення науки“¹⁰, поступово впроваджувалася і критична (а по суті історіографічна) методика викладання, коли основні постулати дисципліни розглядалися в боротьбі різних точок зору, що призводило до формування у слухачів критичного мислення, пробуджувало самостійну думку.

Пізнавальний потенціал критичного способу викладання в Харківському університеті був визнаний та широко використовувався професорами етико-політичного відділення, також і під час навчання на ньому І. І. Срезневського. Вчений з особливою подякою зга-

дував свого викладача російського права (ймовірно мова йшла про І. М. Даниловича), який перед початком курсу видавав студентам стислий огляд, де „з кожного з основних питань були вказані джерела їх вирішення та найбільш важливі праці вчених, які викладали одне з цих рішень чи містили міркування з їх приводу“¹¹. Всі слухачі повинні були заздалегідь готуватися до занять за джерелами та літературою¹¹.

Таким чином, під час навчання І. І. Срезневського та його перших кроків як дослідника історико-наукові знання в університетській освіті та науці виконували потрібну функцію. Вони були важливою частиною професійної культури університетського науковця, складала основу способу викладання та мали просвітницький потенціал.

Аналізуючи розвиток традиції історіографічної рефлексії в Харківському університеті, також слід звернути увагу на зародження історіографічного знання у надрах філологічних дисциплін. Зважаючи на те, що сфери компетенції філологічної та історичної наук у першій половині XIX ст. не були ще чітко розмежовані, матеріал з історії класичної філології та російської словесності склав основу перших історіографічних екскурсів. Саме класична філологія становила галузь наукової спеціалізації Івана Євсєєвича Срезневського, батька І. І. Срезневського. Він вивчав класичні мови в Московському університеті, а в подальшому успіхи в цій галузі забезпечили йому кар'єрне просування та отримання викладацької посади у Ярославському (Демидівському) училищі, де І. Є. Срезневський працював викладачем кафедри „словесності давніх мов та російського красномовства“¹². До Харківського університету він перейшов вже як викладач кафедри російської словесності¹². Таким чином, до кола наукових зацікавлень батька входили як класична філологія, так і російська словесність. Інтерес до філологічного знання був притаманним й І. І. Срезневському.

Університетська освіта в галузі класичної філології передбачала не тільки пізнання граматичних структур, але й спроможність інтерпретувати зміст творів. Більшість праць, з якими знайомилися студенти, були історичними. Наприклад, це були окремі книги „Історії“ Геродота, твори Ксенофонта, промови Демосфена, книги „Іродової історії“, трактат Лукіана „Про спосіб писати історію“, з латинської словесності – уривки з праці Тита Лівія, „Історія“ Тацита, промови Цицерона, життєписи Плутарха та ін. „Пояснення“ античних творів вимагало, як правило, історичних коментарів. Разом із тим увага до праць окремих античних письменників надавала можливість та вимагала (згідно логіки викладання) ознайомити студентів старших курсів з цілісним поглядом на історію давньогрецької та давньоримської літератури. В Харківському університеті перші курси з історії класичних літератур розпочали викладатися ще у 1811–1812 навч. р.¹³ Згодом Х. Ромель зробив обов'язковим курс історії римської літератури в стінах Харківського університету. В часи навчання І. І. Срезневського в університеті у 1820-х рр. цей курс викладав видатний професор І. Кронеберг, лекції якого з історії німецької літератури не могли вмістити усіх бажаючих їх прослухати¹⁴. Таким чином, університетська освіта у галузі класичної філології передбачала знайомство студентів з найважливішими історичними творами доби античності, формувала поняття про розумовий рух в античному світі, про особливості розвитку історичної думки давніх греків та римлян та надавала поштовх інтересу до особистостей істориків.

При такій посиленій увазі до історії іноземної літератури природно виникав інтерес і до процесу розвитку вітчизняної словесності. Саме в Харківському університеті професором І. С. Рижським у 1809–1810 навч. р. був прочитаний перший у російських університетах курс історії російської словесності¹⁵. При цьому, як зазначав М. І. Сухомлинов, викладач не обмежувався вибірковим розглядом творів, але звертав увагу на зв'язок та послідовність літературних явищ¹⁶. І. С. Рижський планував навіть з часом написати підручник з історії російської словесності¹⁷, але смерть вченого 1811 р. не дозволила здійснитися цим намірам. Батько І. І. Срезневського не продовжив практику попередника, зосередивши свою увагу на викладанні естетики. Але в 1820-х рр. історія вітчизняної літератури стала традиційним елементом університетського філологічного навчання. Викладання цього курсу в Харківському університеті розпочав з 1823–1824 навч. р. екстраординарний професор Д. С. Борзенков¹⁸. Поширенню інтересу до історико-літературного процесу та до особистостей видатних „письменників історії“ сприяло видання 1822 р. підручника М. І. Греча „Досвід стислої історії російської літератури“¹⁹. На той час саме підручники з історії словесності взяли на

себе функції формування багажу історіографічних знань та їх розповсюдження в системі університетського викладання. Вважаючи літературу „виразником думок та почуттів кожного народу“¹⁹, М. І. Греч обмежував її витонченою словесністю та історією. Відтак в підручнику історичні праці розглядалися як різновид прозаїчних творів, а четверта частина підручника „Досвід тислосто історії російської літератури“ містила відомості про визначних літераторів, в тому числі й істориків, авторів загальних історій XVIII ст.

Таким чином, окремі питання теорії та історії історичної науки входили до змістовної частини конгломерату філологічних дисциплін, який мав назву „словесність“. Такий стан справ при розподілі сфер компетенції різних дисциплін зберігався до середини XIX ст.

У 1840-х рр. близький товариш І. І. Срезневського викладач кафедри російської словесності А. Л. Метлинський (який, доречі, також закінчив етико-політичне відділення та захистив магістерську дисертацію з політичних наук) не лише включав до своїх курсів історико-наукові сюжети, а й пропонував зробити їх серцевиною навчання. Його курс теорії прози, судячи зі змісту його програми, претендував на роль дисципліни наукознавчого профілю. У першій частині, яка була присвячена теорії філософських творів, розглядалися особливості різних галузей науки, форми наукових творів, наукова публіцистика, надавався нарис розвитку наукового знання в стародавньому та новому світі²⁰. Такий підхід відобразився і в тій частині програми, яка була присвячена історичним працям. Окрім питань, котрі представляли філологічний інтерес, до цього розділу були включені ще й питання історіографічного характеру, наприклад, „історія та історики Стародавнього Світу та Візантії“, а також „перебіг історичних досліджень в країнах Європи“²¹.

Розвиток літературознавчої думки підготував і теоретичні основи майбутньої історіографії. В ході розробки теорії літературознавства формувалися уявлення про безперервність історико-літературного процесу, особливості його періодизації та залежність цього процесу від суспільної думки й перебігу політичної історії. Була вироблена низка понять, таких як „хід словесності“, „літературні напрями та школи“, які стали інструментами пізнання сутності літературного руху та певною мірою сприяли зародженню нової галузі знань – „історії історичної літератури“. Слід зазначити, що саме в статті викладача Харківського університету Р. Т. Гонорського, де він намагався охарактеризувати стан вітчизняної літератури²², сучасні дослідники вбачають першу спробу дослідити літературу як специфічне явище зі своїм особливим внутрішнім життям та усвідомити її як самобутній процес²³. Нарешті, саме в літературознавстві була сформульована ідея про відображення літературними та історичними творами самосвідомості народу та істориків, яка пізніше буде покладена в основу знакових для інституціоналізації історії історичної науки історіографічних творів С. М. Соловйова та М. Н. Петрова.

Одночасно формувався інтерес до історії науки і у істориків Харківського університету. Вже в магістерській дисертації М. Корсуна „Міркування про те, в чому полягає суть історії і який належний спосіб її вивчення“, виданій 1824 р., була висловлена думка, що „вірна та повна історія наук історичних [тобто історіографія – Ю. К.], яка б уміщала в себе не одну тільки літературу, але й увесь ряд змін, які сталися з історією та різницю у способах уявлення її давніми та новими письменниками“²⁴, є рівноправною допоміжною історичною наукою поряд з джерелознавством та спеціальними історичними дисциплінами. І тільки єдність цих галузей знань, на думку автора, давала право історії „більше за інші науки служити знаряддям істинної просвіти“²⁵.

Таким чином, можливо говорити про те, що історіографічне знання було іманентно притаманним університетській історичній освіті й науці. В подальшому традиція історіографічної рефлексії в галузі історичних наук активно розвивалася науковцями університету. Вже в 1830–1840-х рр. викладач російської історії П. П. Гулак-Артемовський значну частину свого двохрічного курсу з російської історії присвячував історіографічно-джерелознавчому вступові²⁶. Викладачі кафедри загальної історії В. Ф. Цих та М. М. Лунін також зверталися до історіографічної проблематики як у своїй науковій творчості, так і під час викладацької діяльності. Саме ці вчені стали засновниками „харківської школи“ істориків, характерною особливістю якої сучасні дослідники вважають розробку теоретичних проблем історії²⁷. При цьому суттєвою рисою їх теоретичних рефлексій була

нерозривність методологічних та історіографічних пошуків, а визначною особливістю лекційної діяльності цих двох істориків стало ініціювання викладання науково-критичним методом²⁸.

Таким чином, можна стверджувати, що історіографічне знання формувалося у першій половині XIX ст. як важлива складова гуманітарної університетської освіти.

З огляду на це, доречно припустити, що при викладанні курсів по кафедрі історії та літератури слов'янських нарідів, що була заснована в російських університетах Статутом 1835 р. та по якій передбачалося викладання філологічних та історичних дисциплін, історіографічним знанням також повинна була приділятися значна увага. Місію продовження традицій історіографічної рефлексії в галузі слов'янознавства узяв на себе перший викладач кафедри історії та літератури Харківського університету І. І. Срезневський.

На думку М. Ю. Досталь, сучасної дослідниці наукової творчості вченого, І. І. Срезневський з самого початку своєї наукової діяльності в галузі історико-славістичних досліджень виступив одним із зачинателів історіографії вітчизняного та зарубіжного слов'янознавства²⁹. Вже в харківський період діяльності він написав свої перші історіографічні праці, біографічні нариси, рецензії та замітки про історичні твори. Звернутися до історіографічного знання його підштовхували завдання популяризації слов'янознавства та утвердження у науковому середовищі нової галузі знання. Для досягнення цієї мети І. І. Срезневський ще під час закордонної подорожі запропонував розпочати видання славістичного журналу за участю О. М. Бодяньського та П. І. Прейса. За задумом вченого, часопис повинен був давати перш за все літературний та науковий огляд „ходу“ слов'янської словесності, фольклорних, етнографічних та історичних досліджень в слов'янських землях і в Російській імперії³⁰. На жаль, задум не був втілений в життя, але Срезневський не полишав своїх планів, пропонуючи М. П. Погодину, видавцю „Москвитянина“, виділити для слов'янських книг окремих відділ³¹.

І. І. Срезневський звертався до історіографічного знання і в процесі викладацької діяльності в Харківському університеті. Дослідник діяльності вченого в галузі історичної науки А. В. Крюков вважав, що саме в лекційні курси І. І. Срезневського, прочитані в Харківському університеті, вперше в Російській імперії були включені систематичні огляди з історії наукових знань у слов'янських народів³². Цьому сприяло те, що саме в харківський період його викладацької діяльності, за власними словами Срезневського, історико-етнографічний виклад предмету превалював над тематикою слов'янської філології³³. Але, на нашу думку, вирішальним тут було визнання вченим дидактичного потенціалу історіографічного знання та ефективності критичного способу викладання.

За свідцтвом сина науковця, І. І. Срезневський повернувся із закордонного відрядження „закінченим вченим з визначеними поглядами на науку та готовою до життя людиною“³⁴. До викладацької діяльності в Харківському університеті вчений приступив у 1842 р., маючи усталені погляди на професійні якості та завдання університетського професора. Охарактеризувати їх може висновок І. І. Срезневського про зміни у характері університетського викладання, що відбулись за п'ять років дії університетського Статуту 1835 р., яким він підсумував звіт про діяльність університету за 1842–1843 навч. р. Як зазначав учений, якщо „в 1835 р. не більше п'яти професорів викладали свої лекції не за іноземними посібниками“, „бідні засобами для примноження своїх вчених запасів не завжди могли слідкувати за рухом науки“, то вже на початку 1840-х рр. вимоги „з послідовністю“ слідкувати за рухом наук стали „обов'язком кожного російського університетського викладача“. На думку Срезневського, в цей час кожен викладач намагався „бути самостійним якщо не в системі, то в методі викладання, не відстаючи, по можливості, від сучасного руху своєї науки“³⁵.

Подібні переконання привели Срезневського до широкого використання критичних елементів у своїх курсах лекцій. Спираючись на записи лекційних курсів І. І. Срезневського, його син зазначав, що основною ідеєю батька, яку він рішуче став провадити з перших лекцій у Харкові й продовжував до кінця свого життя, було намагання пробудити у слухачів власну думку, зацікавити та привчити їх до самостійної наукової діяльності.

При цьому він не забував нагадувати молодим науковцям про важливість саморефлексії та обережності у висновках, наочно демонструючи особистим прикладом зразок критичного ставлення до власних наукових переконань³⁶.

Оцінки сина професора, щодо його високих викладацьких цілей та ідеалів, збігаються зі спогадами учня І. І. Срезневського, колишнього студента Харківського університету М. Ф. Де-Пуле, котрий згадував, що молодий професор „як ніхто міг заохотити студентів до наукової діяльності“. За свідченням М. Ф. Де-Пуле, викладач на заняттях демонстрував як треба поводитися з першоджерелами. Не менш корисною для студентів мемуарист визнавав і „критику“ І. І. Срезневського. Історіографічний аналіз, який демонстрував на заняттях професор, Де-Пуле вважав „вельми оригінальним“. Спочатку Срезневський „виставляв авторитетами науки Востокова, Павловського, Добровського, Шафарика“, а потім зіштовхував їх з п'єдесталу, вказуючи на їхні слабкі сторони та часто-густо переходячи „із захопленого до іронічного відношення до них, хоча не розбиваючи остаточно їх авторитету“³⁷. Цікаво, що спогади про характер викладання І. І. Срезневського разом з враженням від його останньої прощальної лекції в Харківському університеті, у якій вчений критично поставився до наукової та лекційної діяльності як своїх товаришів по університету, так до своєї власної³⁸, підштовхнули Де-Пуле віднести І. І. Срезневського до типу вченого-критика³⁹.

В 1847 р., збираючись до Санкт-Петербургу, І. І. Срезневський планував короткочасне наукове відрядження з метою попрацювати у столичних архівах та бібліотеках. Так сталося, що після цієї поїздки вчений вже не повернувся працювати до Харкова, пов'язавши свою подальшу наукову та викладацьку долю з Санкт-Петербурзьким університетом. Але результатом наукової діяльності І. І. Срезневського у харківський період можна вважати розроблену ним програму викладання курсів зі слов'янознавства, яка з 1849 р. стала офіційною програмою викладання предметів по кафедрі історії та літератури слов'янських нарід у всіх університетах Російської імперії. Важливо відмітити, що саме ця програма затвердила в якості обов'язкового елементу викладання як філологічних, так і історичних курсів слов'янознавства рефлексивні компоненти. Так, історико-наукові питання були присутні у всіх чотирьох курсах загальної програми викладання. Вступна частина курсу „Загальний філологічний огляд слов'ян“ включала „загальний огляд змісту та успіхів слов'янської філології як науки взагалі та відносно до наших наукових потреб“; в курсі „Слов'янських старожитностей в філологічному відношенні“ окреме місце відводилося „огляду успіхів дослідження слов'янських старожитностей“; у вступній частині курсу „Історія та література слов'янських нарід“ розглядалися питання „про історію мови та історію словесності, як про частину історії освіти, так і про окреме ціле“, надавався загальний огляд історії слов'янської мови та літератури, огляд успіхів освіти у слов'ян та „огляд успіхів досліджень відносно історії та літератури слов'янських нарід“⁴⁰.

Таким чином, можна зробити висновок, що вже у харківський період історіографічні знання стали важливою складовою професійних переконань та наукових уподобань І. І. Срезневського. На нашу думку, важливим фактором цього стала традиція історіографічної рефлексії, яка була сформована та інтенсивно розвивалася в стінах Харківського університету. В подальшому вчений під час власної науково-викладацької діяльності розширив та поглибив цю традицію, а потім закріпив історико-науковий компонент у програмі університетського викладання дисциплін слов'янознавчого профілю, яка стала обов'язковою для всіх російських університетів.

¹ Колесник, И. И. Когда зародились историографические знания в России. Пути исследования проблемы. – История СССР, 1989, № 4, с. 136–151.

² Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905). Х., 1905, с. 55.

³ Срезневский, В. И. Краткий очерк жизни и деятельности И. И. Срезневского. – В: Памяти И. И. Срезневского. Кн. 1. Пг., 1916, с. 10.

⁴ Уставы Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов. – В: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1864, с. 277; Положение о произ-

водстве в ученые степени. – В: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1864, с. 1138; Проект положения об испытаниях на ученые степени. – В: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. СПб., 1875, с. 987.

⁵ *Киселева, Ю. А.* Истоки становления историографии как учебной и научной дисциплины в Харьковском университете: первая треть XIX века. – Харківський історіографічний збірник, 2010, вип. 10, с. 247.

⁶ *Роммель, Х. Ф.* О преимуществе и силе истинного и совершенного просвещения. – В: Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета. Х., 1811, с. 55.

⁷ *Дегуров, А. А.* О возрождении наук и перевесе, который они дали Европе перед прочими частями света – В: Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета. Х., 1812, с. 37.

⁸ *Гулак-Артемовский, П. П.* Речь в день открытия кафедры польского языка при Императорском Харьковском университете. – Украинский вестник, 1919, № 2, с. 140.

⁹ *Зателлинский, П. А.* Об астрономии. – Украинский журнал, 1824, № 21, с. 118.

¹⁰ Російський державний історичний архів (РДІА). ф. 733, оп. 95, спр. 691, арк. 12.

¹¹ *Срезневский, И.* О научных занятиях студентов. По поводу письма профессора Дройзена. – ЖМНП, 1869, № 12, с. 250.

¹² Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905). Х., 1905, с. 54.

¹³ Обзорение публичных чтений в имп. Харьковском университете в 1811–1812. Х., 1812, с. 17.

¹⁴ Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905). Х., 1905, с. 170.

¹⁵ Обзорение публичных чтений в имп. Харьковском университете в 1809–1810. Х., 1810, с. 14.

¹⁶ *Сухомлинов, М. И.* Исследование и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. СПб., 1889, с. 83.

¹⁷ Известия о жизни и смерти И. С. Рижского. Х., 1811, с. 5.

¹⁸ Обзорение публичных чтений в имп. Харьковском университете в 1823–1824. Х., 1824, с. 12.

¹⁹ *Греч, Н.* Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822, с. 4.

²⁰ Вопросы для испытания молодых людей, желающих поступить в число студентов Харьковского университета. Х., 1849, с. 8.

²¹ Там само, с. 9.

²² *Гонорский, Р. Т.* Нечто о нашей живописной прозе и о нынешнем состоянии русской словесности вообще. – Украинский вестник, 1816, № 4, с. 29.

²³ Возникновение русской науки о литературе. М., 1975, с. 184.

²⁴ *Корсун, Н.* Рассуждение о том, в чем состоит сущность истории и какой надлежащий способ ее изучения. Х., 1824, с. 18

²⁵ Там само, с. 9.

²⁶ РДІА. ф. 733, оп. 95, спр. 667, арк. 22; РДІА. ф. 733, оп. 95, спр. 715, арк. 3.

²⁷ *Стельмах, С. П.* Исторична думка в Україні XIX – початку XX ст. К., 1997, с. 22.

²⁸ *Киселёва, Ю. А.* Историографические сюжеты в творчестве ученых-историков Харьковского университета первой половины XIX века. – Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна, 2011, № 965: Сер. Історія, вип. 43, с. 227.

²⁹ *Досталь, М. Ю. И. И.* Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003, с. 376.

³⁰ Там само, с. 104.

³¹ *Барсуков, Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 6. СПб., 1892, с. 385.

³² *Крюков, А. В. И. И.* Срезневский как историк: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. К., 1977, с. 16.

³³ *Барсуков, Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 6. СПб., 1892, с. 381.

³⁴ *Срезневский, В. И.* Указ. соч., с. 15.

³⁵ Отчет о состоянии Императорского Харьковского университета за 1842–1843 у.г., составленный по поручению Совета И. Срезневским. Х., 1843, с. 121.

³⁶ *Срезневский, В. И.* Указ. соч., с. 34.

³⁷ *Де-Пуле, М. Ф.* Харьковский университет и Д.И. Каченовский: культурный очерк и воспоминания из [18]40-х годов. – В: Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців. Т. 1. Х., 2008, с. 301.

³⁸ Там само, с. 301.

³⁹ Там само, с. 307.

⁴⁰ Программа преподавания славянской филологии в Санкт-Петербургском университете. СПб., 1849.; РДІА, ф. 733, оп. 50, спр. 553, арк. 6–16.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА И. СРЕЗНЕВСКОГО С ЧЕШСКИМИ СЛАВИСТАМИ

Т. Готовска-Хенце

Готовска-Хенце, Т. Първата среща на И. Срезневски с чешките слависти

Статията е посветена на първата среща на големия руски славист Измаил И. Срезневски с представителите на чешката възрожденска наука. В рамките на първата си научна командировка зад граница младият харковски възпитаник прекарва четири месеца в Прага и пропътува (в по-голямата част от времето и пеша) градове и села в Бохемия, Моравия и Тешинска Силезия. По този начин той изучава езика и местните диалекти и получава многобройна информация от първа ръка за живота и обичаите на местното население. Статията анализира в каква степен преживяното по време на пътуването и специално контактите с възрожденските дейци в различните славянски страни влияят върху схващанията на младия руски учен. За тази цел са съпоставени неговите възгледи преди отпътуването с тези след завръщането му.

Ключови думи: славянски филологии, диалектология, етнология, славянско национално движение.

Готовска-Хенце, Т. Первая встреча И. Срезневского с чешскими славистами

В статье рассматривается влияние первой встречи великого русского слависта Измаила Срезневского с представителями чешской национальной гуманитарной науки. Молодой харьковский ученый провел четыре месяца в Праге. Он также посетил города и деревни в Чехии, Моравии и Тешинской Силезии. Путешествуя пешком, он изучил много языков и диалектов, собрал информацию „из первых рук“ в области этнологии и народных традиций. Цель настоящей статьи – показать, как процесс накопления профессионального опыта и становление контактов с лидерами национального славянского возрождения повлияли на молодого русского ученого. Это осуществляется путем сравнения взглядов Срезневского до и после его первого путешествия в Европу.

Ключевые слова: славистика, диалектология, этнология, славянское национальное движение.

Gotovska-Henze, N. The first meeting of Ismail Sreznevskiy with Czech slavists

The article studies the impact of the first meeting of the great Russian Slavist Ismail Sreznevskiy with the representatives of the Czech National Revival Science. The young Kharkov scholar spent four months in Prague. He also visited towns and villages in Bohemia, Moravia and Tocsin Silesia. Travelling on foot, he got to know many languages and local dialects and gathered marvelous first-hand information in the field of ethnology and folk traditions. The article is aiming to show how the gathered professional experience and contact with the leaders of National Slavic Revival influenced this young Russian scientist. This is done by comparing his views before and after completing this first journey in Europe.

Keywords: Slavic studies, dialectology, ethnology, Slavic national movements.

Объектом нашего исследовательского интереса является первый визит Измаила Ивановича Срезневского в Богемию и Моравию в рамках его научной командировки по славянским землям (сентябрь 1839 – октябрь 1842 г.). Основные вопросы, которые занимали нас при разработке этой темы (они же являются и нашей исследовательской целью), были следующими: какой след оставила первая встреча с чешскими славистами в сознании молодого харьковского преподавателя? Какое влияние на него произвело путешествие по славянским землям? Для удовлетворительного ответа на эти вопросы мы попытаемся сопоставить взгляды И. И. Срезневского до отъезда в заграничную командировку, т.е. взгляды молодого ученого, начавшего свою преподавательскую карьеру в Харьковском университете, с его идеями по возвращении из Европы как первого в Украине преподавателя кафедры истории и литературы славянских наречий.

Сразу же заметим, что речь идет об очень талантливом молодом человеке, который девятилетним написал первые стихи, четырнадцатилетним поступил на Юридический факультет, решив уже в юном возрасте посвятить свою жизнь науке. В 1837 г. он защитил магистерскую диссертацию на тему: „Опыт о сущности и содержании теории в науках политических“ и был назначен адъюнктом Харьковского университета по кафедре политической экономии и статистики.

В это время любознательный адъюнкт много читал философской литературы. Он познакомился с немецкой идеалистической школой (произведениями Ф. Шеллинга, Г. Гегеля,

И. Гердера, И. Канта), французскими авторами эпохи Просвещения и романтического направления (Ж. Кондорсе, О. Тюрго, О. Тьери, Ж. Мишле, Ф. Гизо и др.), знал также славянскую романтическую историографию¹. Читая французскую литературу, он начал интересоваться древней религией, научившись скептическому отношению к господствующим в науке постулатам². Немецкая школа привлекала его диалектическим методом; в целом же он воспринял систему взглядов объективного идеализма. В 1830-е годы молодой юрист не только познакомился с европейскими корифеями философии разных направлений, но и сформировал свой взгляд на историю и развитие общества. Он воспринял от французской романтической историографии интерес к „плебейскому третьему сословию“, т. е. к широким народным массам. В этом духе Измаил Иванович осуждал историков дворянского происхождения, которые изучали лишь представителей знати (князей, полководцев, аристократию) и описывали только государства и войны. На массы народа, по словам Срезневского, они смотрели „сквозь очки схоласта и фарисея“³. Молодой, но критически мыслящий человек считал: изучая народ, следовало обращать внимание на все социальные слои, и поэтому не надо опираться на историков дворянского происхождения, которые судили о народе по одному лишь высшему классу.

Расширение спектра исторического анализа на народные массы в многонациональных государствах породило специфический феномен – национальный подъем зависимых народов. Старая сословная историография обходила их молчанием, исследуя преимущественно титульные нации, которые имели свои государства. Такое отношение к малым народам будущий славист тоже остро критиковал. В 1831 г. он записал в рабочей тетради к своему „Опыту о сущности и содержании теории в науках политических“: „Несмотря на все свое видимое совершенство, история еще очень несовершенна. Посудите сами: ищут истории политической, разумея под оной историю государства. Куда же денутся бедные народы, не получившие великого имени государственных? Бедняжки, они должны исчезнуть с лица земли без внимания, именно потому, что историк не нашел в существовании их ничего политического. После этого, что такое история человечества?“ – удивлялся молодой ученый⁴. Он придерживался твердого убеждения: историческая наука должна уделять внимание всем народам, в том числе малым и несвободным, потому что всеобщая история есть история всего рода человеческого, а не только некоторых „избранных“ наций. Его точка зрения по этому вопросу противоречила господствующему в немецкой (и не только немецкой) историографии постулату об „исторических“ и „неисторических“ народах – первым, мол, принадлежало будущее, а вторые обречены на забвение. С другой стороны, подход И. И. Срезневского роднил его с представителями романтической славянской историографии в лице ее чешских представителей Павела Йозефа Шафарика и Франтишека Палацкого, которые отстаивали право чехов и славян вообще на будущее. И. И. Срезневский был знаком с первым трудом П. Й. Шафарика „История славянского языка и литературы“, „Хроникой“ Козьмы Пращского, „Чешской грамматикой“ В. Ганки и некоторыми извлечениями из Краледворской и Зеленогорской рукописей⁵. Главные идеи романтической историографии (о значимости в истории народа всех сословий и об истории всех народов, больших и малых), которые молодой ученый воспринял, были разработаны в его магистерской диссертации „Опыт о сущности и содержании теории в науках политических“. Когда будучи уже адъюнктом кафедры политической экономии и статистики он получил предложение „Журнала Министерства народного просвещения“ о сотрудничестве, то собирался писать не только на малороссийские темы, а и публиковать материалы о Краледворской рукописи и чешском словаре Йозефа Юнгмана⁶.

Вот такое инновационное мышление имел этот талантливый молодой человек. Живой, энергичный, увлекающийся всем, что касается науки, он любил литературу, публиковал свои первые стихи („Море“, „Мысли Саади“, „Молдавская песня“) и прозу („Могильщик“, „Три сновидения“)⁷. По происхождению рязанец, по рождению ярославец, он прожил почти безвыездно с детских лет на Украине, которую полюбил как свою родину. Заметим, что в 30-е годы XIX в. Харьковский университет был центром национального движения в Восточной Украине. Здесь выросли многие представители патриотической интеллигенции. Взгляды И. И. Срезневского типичны для деятелей умеренно либерального крыла национально-культурного движения Украины того времени. Измаил Иванович активно участвовал в студенческом литературном кружке, члены которого провозгласили принцип народности

литературы и ее прямую связь с фольклором⁸. Поэтому собрание произведений народного творчества было одним из направлений деятельности кружка.

В 1830-х гг. Измаил Иванович тесно общался с поэтом А. Л. Метлинским – оба любили и собирали украинский фольклор. Украинской историей и фольклором увлекался сам Н. В. Гоголь; Срезневский ответил на призыв великого писателя посылать ему собранные материалы. В 1834 году началась переписка⁹, из которой следует, что Н. В. Гоголь знал „Запорожскую старину“ – самое замечательное литературное „детище“ Срезневского. Она вызвала большой интерес и у Т. Г. Шевченко. В раннем творчестве украинского поэта, как и в сборнике „Запорожская старина“, чувствовалось романтическое преклонение и любовь к героической истории украинцев¹⁰. „А теперь, маменька, знаю старину запорожскую как свою собственную жизнь. Мало по-малу и собрал сведений очень много“, – писал он матери из Варваровки. „Главное мое занятие любимое – история Украины“ – сообщал он в том же письме¹¹. В результате появился „Украинский сборник“ и „Историческое обозрение гражданского устройства Слободской Украины“.

Измаил Иванович был также пламенным защитником украинского языка, отстаивая его право на существование. В своем „Взгляде на памятники украинской народной словесности“ он утверждал, что „язык украинский (или как угодно называть другим, малороссийский) есть язык, а не наречие русского или польского“. Это был не только настоящий язык, но язык „поэтический, музыкальный, живописный“. Будучи еще не обработанным, он мог уже сравниться с языками образованными по гибкости и синтаксическому богатству, не уступая „богемскому в обилии слов и выражений, польскому в живописности, сербскому в приятности“. Для автора украинский язык – „один из богатейших языков славянских“¹². Он изучал малороссийские говоры, о чем писал не только в „Запорожской старине“¹³. Благодаря своей разнородной деятельности этого периода, будучи собирателем и издателем фольклорных материалов, пламенным защитником украинского языка, романтическим исследователем прошлого, получив известность с выходом „Запорожской старины“ (1833–1838), талантливый юрист обрел свое место среди видных представителей украинской науки 30-х годов XIX века¹⁴.

В период деятельности харьковского кружка молодых литераторов-романтиков И. И. Срезневский читал некоторые извлечения из чешских Краледворской и Зеленогорской рукописей. Как известно, в 1817–1818 гг. палеограф и знаток многих древних текстов Вацлав Ганка прославился „открытием“ этих „старинных“ летописей. Они быстро обошли Европу и появились в переводе на все славянские (и не только славянские) языки, вдохновив даже Гете. Харьковский адъюнкт восхищался этими спорными творениями (особенно „Либушиным судом“) и яростно отвергал любые сомнения в их достоверности. У него преобладало романтическое отношение к прошлому славян. В 1838 г. он написал: „Любите, храните, чеши, свои народные драгоценности и защищайте их от нападков всеразрушающей критики, если по совести признаете их того достойными...“¹⁵. В данном случае под нападкам „всеразрушающей критики“ он имел в виду родоначальника чешской славистики Йозефа Добровского, сомневавшегося в достоверности рукописей.

Измаил Иванович верил в славянство как особый субстрат общественной жизни, не романский и не германский, но и не азиатский. Это „племя“ проживало в Старом свете рядом с другими „племенами“ с древнейших времен, но большинство исследователей изучало лишь кельтские, германские и романские народы как автохтонное население Европы, а к славянам относились пренебрежительно как к менее культурному „племеню“.

Благодаря П. Шафарику и его „Старожитностям“, славяне заняли свое достойное место как древнее и многочисленное „племя“ в Европе, имевшее свою богатую культуру. Срезневский тоже причул к такому выводу, настаивая на важности внимательного изучения всех славянских народов в прошлом. „Каждый живой народ, каждое живое наречие, каждая живая народная словесность представляют этнологу, историку, филологу хотя нечто такое, что, наперекор судьбе, пережило долгие века и сохранилось только в нем, что каждый славянский народ выражает в особой форме, будучи необходимым звеном в общем развитии славянства, и может дать ответы на те или другие из общеславянских вопросов“¹⁶. Кроме того, он искренне верил в особую миссию этого „племеню“, которому суждено было обновить Европу. Первые контакты с представителями зарубежных славян он завязал еще в

Украине, познакомившись со словацкими торговцами, у которых почерпнул образцы устного народного творчества. Так в 1832 г. появился первый славистический труд будущего исследователя – „Словацкие песни“, которые автор записал, перевел, сопроводив комментарием и маленьким словарем.

Когда в декабре 1837 г. Срезневскому было предложено отправиться в славянские земли „для приготовления к занятию кафедры истории и литературы славянских наречий“, он был уже вооружен многими идеями и представлениями. Богатая эрудиция, инновационное мышление, знакомство с крупнейшими представителями зарубежной философской и исторической науки, в том числе славяноведения – это были его бесспорные достоинства. К тому же будущий славист уже владел несколькими славянскими языками (в совершенстве русским, польским и украинским, в некоторой степени словацким, сербским и чешским). Перед отъездом он уже думал об издании этимолого-этнографического словаря славянских наречий, необходимого для дальнейшего прогресса в славянском языкознании¹⁷, но был убежден: полевые исследования, собирание материалов должны предшествовать аналитической работе, для чего следовало познакомиться с каждым народом непосредственно.

План его научной командировки составил ректор университета, известный украинский писатель П. П. Гулак-Артемовский. Маршрут и время следования были четко определены. Цель состояла в практическом знакомстве с языками, просвещением и литературой, с этнографией и фольклором западных и южных славян, равно как в изучении климата, промышленности и пр. Поэтому он решил путешествовать летом, а зимой работать в библиотеках, завязав контакты со специалистами¹⁸. Срезневскому было предписано прибыть в Чехию на полгода и общаться с П. Шафариком, Й. Юнгманом, В. Ганкой, Ф. Челаковском, Ф. Палацким, т. е. с известными чешскими учеными.

Итак, в сентябре 1839 г. он покинул Харьков и отправился в свое научное путешествие по славянским землям. Остановившись по дороге в Санкт-Петербурге, получил от министра народного просвещения графа С. С. Уварова рекомендательные письма к П. Шафарику и В. Ганке. „Работайте, молодой человек! Знайте, что каждый ваш шаг не только может, но и должен иметь влияние на будущее поколение – влияние благодатное и следовательно производимое строго-совестливо“ – этими словами, ставшими пророческими, министр сопроводил будущего слависта¹⁹. Срезневский остановился ненадолго в Кенигсберге, где встретился со своим коллегой, будущим преподавателем кафедры славянских наречий Санкт-Петербургского университета Петром Прейсом. Важно отметить, что зная этнографическую карту Габсбургской империи Шафарика, еще перед отъездом из Харькова Измаил Иванович начал работу над своей картой географического расположения славян в Европе²⁰, продолжив трудиться над ней в Восточной Пруссии.

„Каждый сделает что-нибудь, многие сделают много!“ – с этим девизом молодой путешественник отправлялся в долгой путь²¹. Он проехал или, скорее, прошел Чехию, Моравию, Силезию, Сербскую Лужицу, Крайну, Штирию, Хорутанию (Словению), Фриулию, Истрию, Далмацию, Черногорию, Хорватию, Славонию, Сербию, Галицию и Северную Венгрию (Словакию), т. е. все славянские земли за исключением болгарских. Но началось его путешествие в Германии, где (в Берлине, Лейпциге и Галле) он познакомился с корифеями немецкой науки.

Однако не большие немецкие города вызвали его восхищение, а Прага, куда харьковский ученый прибыл в начале февраля 1840 г. Город „ста золотых башен“ наполнил его сердце трепетом. Славянские слова напоминали ему московское наречие. „Прага – прелесть, западная Москва, огромна, величава, многобашенна, пестра!“ – писал он с восхищением своему брату Николаю²². А вот как описывал он столицу Богемии в письме этнологу В. В. Пассеку: „Прекрасный город, похожий на Москву, окруженный милыми окрестностями, веселый, хоть и не шумный, музыкальный...“²³.

Сразу же после своего прибытия И. И. Срезневский посетил автора знаменитых „Славянских древностей“ П. Й. Шафарика и библиотекаря Народного музея В. Ганку. Русский гость подружился прежде всего с представителями старшего, русофильского направления патриотической интеллигенции: кроме слависта П. Й. Шафарика (1795–1861) и палеографа В. Ганки (1791–1861), это были историк литературы и автор первого чешско-немецкого словаря Й. Юнгман (1773–1847), патриарх чешской историографии Ф. Палацкий (1798–1876),

фольклорист и переводчик Ф. Л. Челаковский (1799–1852), филолог Й. Франта Шумавский (1796–1857). С молодым же поколением полонофильской ориентации он не мог, да и не желал находить общий язык²⁴.

Языку Срезневский учился у Ф. Шумавского и Ф. Л. Челаковского. Он был талантливым учеником – уже в марте мог говорить на чешском, а в июне друзья хвалили его за прекрасное владение языком²⁵. Чешский был первым из западославянских языков, с которым Срезневский познакомился во время путешествия и который стал базой для усвоения других наречий. Благодаря лингвистической подготовке, он мог свободно общаться с людьми, которых встречал по дороге, а без этого работа этнолога была бы невозможна. Очень тесно И. И. Срезневский сблизился с Ф. Л. Челаковским, который знал все славянские языки и работал над составлением их сравнительной грамматики. Знакомство с рабочими записями чешского исследователя, их количество и образцовый порядок изумляли гостя. У Челаковского он научился не только разговорной речи, но и многому полезному для своей дальнейшей работы над словарями²⁶.

В доме П. Й. Шафарика Измаил Иванович проводил целые вечера. Он восхищался великим славистом, удивляясь как его профессиональным качествам и трудолюбию, так и высокому моральному достоинству. Был благодарен за предоставленную литературу, за практические советы относительно организации путешествия. Библиотекарь Чешского музея В. Ганка помогал ему в палеографической работе, снабжал необходимой литературой. С этим горячим русофилом он завязал дружбу на всю жизнь²⁷. В соответствии с планом научной командировки, И. И. Срезневский познакомился и с Й. Юнгманом, Ф. Палацким, другими чешскими исследователями, живо интересовался их трудами. В столице Богемии он прожил почти 4 месяца и, как сам определил: „Жилось мне в Праге очень хорошо: славянами был принят, как родной...“²⁸.

Срезневскому особенно импонировала романтическая и патриотическая направленность чешского славяноведения: эти ученые изучали древнюю историю, культуру, этнографию и мифологию, чтобы продемонстрировать историческую общность славян и поднять их престиж по крайней мере для потомков, способствуя борьбе за национальное равноправие²⁹.

Он особенно ценил заслуги Й. Юнгмана в деле национального возрождения. Как участнику украинского национально-культурного движения, чешский аналог вызвал у него восхищение. „Это пробуждение представляет чудный пример революции совершенно особенного рода, революции без шума и крови, без черни и бездельников, революции, начавшейся в кабинете смиренного ученого, в келии монаха, в книгах и книгою, без всяких покушений противу начальства, революции, действующей, по-видимому слабо, но между тем решительно и с успехом...“ – писал он своему брату³⁰.

Во время пребывания Срезневского в столице Богемии, здесь же в научной командировке оказался П. Прейс. Он готовился занять кафедру славяноведения Санкт-Петербургского университета и брал уроки чешского языка вместе со своим коллегой. Молодые люди подружились и, по словам Прейса, дополняли друг друга: „Он любит настоящее, занимается более народом, этнографией вообще, я же – как известно – стариною, прошедшим. Настоящее преимущественно интересует меня тогда, когда оно объясняет прошедшее“³¹. Научная подготовка и целостная направленность русских ученых-славистов различалась, но в известном смысле перекликалась³².

Перед своим отъездом за рубеж больше года Прейс изучал церковные документы старославянского письма у именитого специалиста проф. А. Х. Востокова, а потому хорошо знал древнеславянский язык. Поэтому Шафарик ожидал его с большим нетерпением. Оба перечитывали страницы за страницей „Славянские древности“, прибегая к помощи древнеславянского и древнерусского словарей, которые Прейс привез с собой. Последний, зная не понаслышке литературные сокровища русских монастырей, делал важные заметки в тексте. По его словам, „почти на каждой странице“ представлялся повод для замечаний, поправок, дополнений и т. д.³³, что Шафарик очень ценил. С другой стороны, Прейс с большим интересом просмотрел материалы и документы, собранные великим славистом и не обманулся в своих ожиданиях. У Шафарика действительно накопилось много „превосходных материалов, печатных и рукописных“³⁴. Не меньше нашлось и в Чешском музее. В частности,

молодой ученый собирал информацию о болгарях, поскольку намеревался посетить балканские владения Османской империи, куда, по его словам, „ни Бодянский, ни Срезневский не дерзнули отправиться“⁴³⁵.

План его харьковского коллеги имел более современную направленность. Срезневский изучал жизнь и нравы, язык, быт и фольклор славянского населения Габсбургской монархии. Поэтому больше интересовался деревнями, чем городами и почти все время шел пешком. Он совершил три поездки из Праги в сельскую местность, потом посетил Мельник и побывал в Северной Чехии³⁶. Общительный русский путешественник странствовал, по ходу расспрашивая пастухов и земледельцев, прачек и трактирщиков. Особое впечатление на него произвела Моравия, потому что там он „в каждом уголке“ находил что-нибудь новое. „Моравия – как музей древностей и редкостей“ – читаем в письме к В. В. Пассеку³⁷. С большим „душевным удовольствием“ бродил он, изучая „моравский народ“, который сохранил „много славянского и добр, гостеприимен, радушен, хоть нередко и беден...“³⁸. Весной 1840 г. он побывал также в Бероуне, Пльзене, Клатове, Страконице, Будейовицах, Брно и других городах, общаясь с местными исследователями: в Оломоуце посетил этнографа А. В. Шемберу, в Брно его собеседниками были поэт Ф. Клацель и историк А. Бочек.

После Моравии, которую покидал с грустью, любознательный молодой человек отправился в Тешинскую Силезию. Во Вратиславе (Бреслау) он провел почти месяц в доме чешского патриота Яна Евангелиста Пуркине, профессора тамошнего университета. Путешествуя преимущественно пешком, имея в кармане „только записную книжку с карандашом“³⁹, русский исследователь увидел и узнал многое. Маршрут путешествия охватил все наиболее важные места Центральной Европы, где можно было собрать богатую информацию в области славянской диалектологии, фольклористики, этнографии и т. п.

Когда в ноябре 1840 г. Срезневский снова вернулся в Прагу, он знал уже намного больше, чем знаменитый Шафарик, который не покидал своего кабинета. Во время путешествия молодой исследователь смог проверить и дополнить карту славянских диалектов, включив в нее моравские говоры ганаков, моравских словаков, валахов и силезских моравцев⁴⁰. „Теперь не Шафарик мне, а я Шафарика поправляю карты Чехии, Моравии, Силезии, Лужиц...“ – похвалился он в письме к матери⁴¹.

Неутомимый пешеход покинул Прагу и отправился далее на юг по славянским странам, где приобрел много непосредственных впечатлений о словаках, хорватах, словенцах, черногорцах, сербах, итальянских славянах. Записанный языковый материал (слова и выражения, диалектизмы и т. д.) был огромен⁴². Теперь молодой ученый обладал уникальными сведениями обо всех западно- и южнославянских языках, за исключением болгарского. Не менее внушительным был и разнообразный этнографический материал, собранный во время путешествия (сказки, мифы, планы старых домов и городищ, рисунки костюмов и т. д.). Увиденное, собранное и сохраненное было настолько объемным, что один современник Срезневского назвал это „подвигом европейским от Балтийского моря до Адриатического“⁴³.

Но Измаил Иванович не остался посторонним наблюдателем, который бесстрастно вел путевые заметки. Мораван он полюбил и сочувствовал им. „Жаль, что над этим народом властвуют немцы и онемеченные, к которым он не имеет ни доверия, ни крохи привязанности“, – писал он своей матери в письме из Оломоуца 3/15 июля 1840 г.⁴⁴, заметив, что в Праге число тех, кто читает по-чешски, непрерывно увеличивается, и это раздражало немцев, пробуждая к антиславянским и даже антирусским настроениям⁴⁵.

Во всех славянских землях Срезневский общался с литераторами, этнологами, лингвистами, историками, деятелями национального Возрождения этих народов. Почти со всеми он не только познакомился, но и подружился. Среди незабываемых впечатлений, какие путешествие оставило у харьковского слависта, наибольшее, конечно, произвела Прага. В блокноте В. Ганки Срезневский собственноручно написал: „Прага и чехи, как вы и все, с которыми свела меня там добрая моя судьбина, останутся для меня всегда милы, незабвенны...“⁴⁶.

О том, какой след оставило трехлетнее путешествие по славянским землям и в частности знакомство с чешскими славистами, можно судить и по его первой лекции, прочитанной 16 октября 1842 года. Она была посвящена обоснованию необходимости изучения славянства и весьма показательна в этом отношении. „Вопрос о славянстве стал вопросом европейским, не вопросом моды и несколько месяцев и лет, а предметом глубокого изуче-

ния“ – констатировал возвратившийся из Европы молодой славист⁴⁷, ссылаясь на факт открытия новых кафедр славяноведения во многих европейских университетах.

Причины для возросшего интереса к славянам были разные. Прежде всего, он подтвердил свою позицию, сформированную еще в студенческие годы о том, что славяне были „племенем“ столь же древним в Европе, как романское и германское. Подобно П. Шафарьку, он считал славянские народы автохтонным населением, подчеркнув его культурную роль в древней европейской истории. Исследование прошлого славян стало его вкладом в этническую историю Старого света. „Знание славянства для европейцев вообще важно не менее, как знания романства и германства“, – заявлял Срезневский, аргументируя свой тезис тем, что их быт, предания и язык сохранили свидетельства о первобытной жизни европейских народов, равно как родство и связи с народами юго-западной Азии⁴⁸. Иными словами, изучая славян, можно выйти на факты и выводы, важные для этнографа, филолога, историка, юриста, политика и т. д.

Но необходимость изучения славян не заключалась только в их древности. Измаил Иванович накопил непосредственные впечатления, пообщался с деятелями славянского Возрождения, и у него окрепло убеждение, что именно просветительский, культурный и национальный подъем являлся основной причиной повышенного интереса к ним заграничных ученых.

Каким образом этот интерес к славянам, к их национальному и культурному возрождению касался России? Зачем предлагать славяноведение на кафедрах российских университетов? Аргументов у молодого лектора было много и разных. Во-первых, славяноведение в России было необходимо, поскольку изучение славянских языков облегчало взаимное общение. Во-вторых, изучение литературы зарубежных славян обогащало родную литературу. В-третьих, Срезневский считал, что русские не смогли бы в полной мере познать себя без познания своих кровных братьев. Наконец, весьма важный аргумент этой лекции, который выходил за рамки „чистой академической науки“, – русские должны осознать себя частью славянского мира. Необходимо, чтобы в России развилось чувство принадлежности к большой славянской семье, чувство „единоплеменничества“. Моральный долг русских – помогать соплеменникам, которые жили в менее благоприятных, по его убеждению, условиях⁴⁹. „Мы должны любить славянство во всем его объеме, потому что мы славяне, без этого мы не можем иметь истинной любви, истинного уважения к самим себе: это долг нравственности, прямой наш человеческий долг, долг любви родного к родному, брата к брату“ – говорил он переполненной студенческой аудитории⁵⁰.

Нетрудно распознать в приведенных аргументах моралистический пафос: такая аргументация сочетала в себе как логику и научный подход, так и сильную эмоциональную привязанность к своему предмету. Как уже отмечалось, Срезневский интересовался зарубежным славянством еще перед отъездом за рубеж – это было туманное чувство симпатии. Теперь же, после своего возвращения в Харьков, он хорошо его знал. Благодаря путешествию и под влиянием общения с известными учеными, деятелями национального Возрождения, не только чешскими, но и словацкими, южнославянскими (Л. Штур, В. Караджич, Ст. Враз), романтические представления русского патриота были дополнены теорией славянской взаимности.

По убеждению Срезневского, славяне были одним „племенем“ не только в древности, они остались братьями до сих пор и поэтому надо по-братски общаться друг с другом на ниве культуры. Красноречивый лектор говорил с пафосом и часто цитировал А. С. Пушкина, А. Мицкевича и Я. Коллара перед аудиторией, среди которой находились украинцы, русские, поляки... В. Ламанский ссылается на свидетельство известного публициста де Пуле, который присутствовал на первой лекции Срезневского: „Направление профессора было панславистское, стихи Коллара не сходили... с его уст...“⁵¹. Действительно, приверженность идее славянской взаимности уже стала важной составной частью его взглядов по национальному вопросу⁵².

Итак, познакомившись с зарубежной славистикой, Измаил Иванович понимал свой предмет достаточно широко, стремясь комплексно представить студентам историю, язык и литературу зарубежных славян. Общий курс по истории языка и литературы славянских наречий состоял из трех частей: 1) энциклопедическое введение в изучение славянства;

2) западные славяне южной отрасли (включая болгар); 3) западные славяне северной отрасли. Под влиянием романтизма главное внимание уделялось „науке народностей“, т. е. присутствовал филологическо-этнографический уклон: предмет излагался не по дисциплинам, а по народам, представленным в комплексном освещении⁵³.

Важно отметить большое влияние на концепцию курса чешской славистической школы. В лекциях, которые читались с 1842 по 1846 г., т. е. до отъезда из Харькова, И. И. Срезневский использовал методики и научные достижения корифеев славяноведения Й. Добровского и П. Й. Шафарика. Он делил прошлое славян на пять больших периодов, придерживаясь романтического взгляда о том, что в древности славяне были одним целым и долгое время оставались таковым⁵⁴. Лишь спустя много веков, под влиянием различных географических, исторических и политических факторов, они разделились и развивались дальше своим специфическим путем. В этом изложении со всей очевидностью прослеживается „красная нить“, начерченная автором „Славянских древностей“. Он полностью разделял воззрения Шафарика об автохтонности славян в Европе, об их высокой культуре в древности и пр. Что касается истории чехов, Измаил Иванович в основном опирался на „Историю чешского народа в Чехии и Моравии“ Ф. Палацко, восприняв его идею противостояния двух сил: славянской и германской, представляя их борьбу как основной двигатель исторических процессов в Европе. За основу в своей словарной работе ученый использовал элементы научной методики и системы Ф. Челаковского, в частности при составлении словарей словацкого и болгарского языков (а также в будущем, работая над словарем древнерусского языка)⁵⁵.

Интересно отметить, что молодой преподаватель с самого начала знакомил студентов с литературными текстами на западославянских языках. Еще на втором году преподавания нового предмета он включил в свои лекции отрывки из таких знаковых произведений, как „Дочь Славы“ Я. Коллара и „Краледворская рукопись“. С последней, как мы уже выяснили, он познакомился еще в студенческие годы, и, несмотря на основательную критику и сомнения исследователей в ее достоверности, до конца жизни защищал подлинность этой литературной подделки.

Пребывание в славянских землях чрезвычайно обогатило харьковского преподавателя. Он смог познакомиться с местными диалектами гораздо лучше, чем кто-либо другой из современных ему лингвистов и впервые в российской славистике выделил собственно моравские говоры⁵⁶. Шафарик неоднократно интересовался мнением русского коллеги в области диалектологии, ценя его компетентность. В личной переписке начинающий русский ученый посылал великому чешскому слависту сведения о границах расселения и диалектах славянских народов, о численности итальянских словенцев и пр. Благодаря этому изнурительному путешествию, Срезневский превратился в одного из самых осведомленных ученых в сфере славянской диалектологии и географии, впервые в российской науке предприняв попытку показать закономерности изменения гласных и согласных звуков в славянских языках⁵⁷.

Кроме достижений в области славянской диалектологии, путешествие способствовало уточнению этнографической карты южных и западных славян. И эти непосредственные наблюдения оказались очень полезными для Шафарика в его работе над „Славянской этнографией“. Не лишним будет напомнить, что И. И. Срезневский был автором самого квалифицированного научного отзыва на эту книгу в России. Проявляя заслуженное уважение к „великану современной славянской учености“, харьковский исследователь не побоялся высказать замечания, относительно предложенной Шафариком классификации наречий; в частности, он не принимал существование белорусского языка и двух болгарских наречий. На основе своих непосредственных наблюдений Срезневский указал некоторые неточности труда в обозначении границ расселения сербов, словенцев, словаков и др. Он критиковал сам подход автора, предлагая историко-географический принцип деления славянских языков⁵⁸. Ценные сведения о словенцах и хорватах послал он и Ф. Челаковскому⁵⁹.

Отдадим должное Срезневскому и как популяризатору чешской науки, литературы и культуры в России. Он представил русскому читателю наиболее важные периодические издания, информировал о последних новостях чешской научной жизни, содействовал переводу Краледворской и Зеленогорской рукописей.

По завершению путешествия появились новые исследования на малоизвестные до того

времени темы, например: „Исторический очерк серболужицкой литературы“ (1844). Срезневский впервые описал фриульских славян (словенцев); его статьи „Словинны во Фриуле“, „Фриульские славяне (резьяне и словинны)“, „Сообщение о резьянах“ сохраняют научную ценность до сих пор. В ряде публикаций харьковского периода он представил анализ современной ему литературы южных и западных славян. В частности, в библиографическом „Очерке книгопечатания в Болгарии“ впервые в русской науке описал сочинения болгарских авторов с 1806 по 1845 г., выразив надежду, что этот долго страдавший под османским владычеством народ тоже быстро пойдет по пути духовного возрождения. Замечательным был и его „Взгляд на современное состояние литературы у западных славян“, где он описывал литературу в тесной связи с национальным подъемом. Нельзя не упомянуть написанный в мемуарном жанре его „очерк биографический и библиографический“ о Вуке Караджиче (1846 г.), который, как известно, стал первой научной биографией знаменитого сербского филолога и фольклориста. Измаил Иванович собирался написать подобный очерк и о видном болгарском эмигранте-просветителе, основателе первой болгарской школы нового типа в Габрово Василе Априлове, но, к сожалению, это намерение осталось неосуществленным. Не в последнюю очередь занимался он и археологией, изучая городища западных славян. Своим вкладом в области этнолингвистики, этнографии и славянской мифологии харьковский профессор заложил солидную основу русской академической славистики⁶⁰.

Интерес к древней мифологии у Срезневского зародился еще в студенческие годы под влиянием романтизма. Древнеславянская мифология была в центре интереса и других украинских исследователей⁶¹. Этот интерес не был случайным – ученые пытались доказать единый языческий культ у всех славян, как подтверждение их древней культурной общности. Возвратившись из научной командировки, молодой славист написал статьи „Об обожании Солнца у древних славян“, „О языческом веровании древних славян в бессмертие души“ и др. Более подробно древнеславянский культ он разработал в своей докторской диссертации „Святылища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям“. Собранный огромный диалектологический, этнологический и фольклорный материал, включая чешские средневековые хроники, он обработал под влиянием романтизма, представляя народную культуру как общую для всех славянских племен. Основная его идея сводилась к тому, что у древних славян существовал общий культ. Предположение наличия подобного рода духовной общности оказалось ошибочным, тем не менее, некоторые его постулаты (например, о связи языческих культов с сельскохозяйственным календарем) подтвердились наукой⁶². Защитив этот труд в декабре 1846 г., И. И. Срезневский стал первым доктором славяно-русской филологии в Российской империи, благодаря чему перед ним открывалась дорога для успешной научной карьеры.

Позиционировавший себя как украинский патриот и друг всего славянства до отъезда за рубеж, выдающийся этнограф, лингвист и диалектолог, каким он стал после своего возвращения в Харьков, – все это обещало плодотворную работу на ниве изучения современных славянских народов, переживавших эпоху национального Возрождения, в контексте концепции славянской взаимности. Планы у И. И. Срезневского были обширными: написать географическое обозрение западных славян, составить хрестоматию, где познакомить студентов со всеми славянскими наречиями, начать работу над общей сравнительной грамматикой славянских языков... Своему другу В. Ганке он доверительно писал, что вскоре в России изучение славянства станет почти наравне с изучением Востока⁶³. Но судьба распорядилась иначе. В начале 1847 года, как известно, произошли резкие изменения в его личной и научной биографии, что было связано с переездом в Санкт-Петербург, где в столичном университете после скоростижной смерти П. Прейса освободилась кафедра истории и литературы славянских наречий.

Не последнюю роль в этом повороте судьбы сыграли его чешские друзья. Для того, чтобы перебраться в Санкт-Петербург, Измаил Иванович использовал тесные связи, которые В. Ганка поддерживал с министром народного образования С. С. Уваровым. „Примите участие, добрый друг, напишите министру. Напишите, как Вам скажет ваше сердце, Ваша память обо мне...“⁶⁴. Далее И. И. Срезневский писал, что если бы ему удалось хоть на два, на три года переселиться в Петербург, то „это бы подвинуло меня далеко в науке...“. Конечно, в Харькове, расположенном далеко от специализированных библиотек и музеев, он почти

не имел доступа к большей части памятников языка северной и восточной Руси, да и знание древнеславянского языка оставляло желать лучшего. Одним словом, сокровища древнеславянской и древнерусской письменности находились в Санкт-Петербурге, куда всей душой стремился И. И. Срезневский⁶⁵. „Добрый друг“ действительно откликнулся и С. С. Уварову писал. Кстати сказать, он уже „принимал участие“ точно таким же образом еще во время пребывания И. И. Срезневского в Праге. В мае 1841 г. В. Ганка, от своего имени и от имени П. Шафарика, обратился с письмом к С. С. Уварову и просил министра о продолжении стипендии для молодых русских славистов, чтобы те могли закончить знакомство со славянскими народами.

Чешские патриоты действительно ценили своих русских гостей. Более того, они питали надежду, что благодаря им славяноведение сделает шаг вперед, особенно в плане изучения слабо исследованных областей и регионов. „Все эти страны тем любопытнее для нас во всех отношениях, потому что исследователи-венгры давали неудовлетворительные ответы на лингвистические и этнографические вопросы, о Галиции даже этого не было сделано, а „Булгария и в новейшем описании Буета изображена только по слухам, без знания дела, чего нельзя и ожидать от иностранца, которому не был известен язык страны, не был понятен характер жителей...“⁶⁶. Письмо это – яркое свидетельство не только состояния европейского славяноведения в начале 1840-х гг., но и пионерской роли исследований первых русских славистов. Молодые ученые не в полной мере оправдали ожидания чешских славистов, тем не менее материалы, которые они собрали во время путешествия, действительно дали толчок развитию славяноведения в России.

К сожалению, накопленный И. И. Срезневским в период его первой заграничной командировки материал не был в большинстве своем ни обработан, ни опубликован, ибо в Санкт-Петербурге, под влиянием новой общественной, политической и научной среды, харьковский славист в корне поменял свою научную ориентацию. Собственно научное творчество Срезневского в области славяноведения оставалось сравнительно скромным, а богатство собранных материалов до сих пор остается в его личном архиве в ожидании своих исследователей.

¹ *Досталь, М. Ю.* И. И. Срезневский как историк-славист. – В: Славянские языки, письменность и культура. Ред. В. В. Колесов и др. Киев, 1993, с. 42.

² *Ламанский, В.* Измаил Ив. Срезневский (1812–1880). М., 1890, с. 8.

³ Цит. по: *Ламанский, В.* с. 14.

⁴ Цит. по: *Досталь, М. Ю.* Цит. соч., с. 41.

⁵ *Досталь, М. Ю.* И. И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003, с. 87. Эта монография до сих пор остается наиболее фундаментальным трудом на эту тему.

⁶ *Францев, В. А.* И. И. Срезневский и славянство. Петроград, 1914, с. 2.

⁷ „Украинский альманах“ 1831 року. – В: Харківська школа романтиків. Т. 1. Харків, 1930; Невский альманах, 1833.

⁸ Подр. см.: *Досталь, М. Ю.* Цит. соч., с. 67–69.

⁹ Русская старина, 23. Спб., март 1892, с. 751–752.

¹⁰ Подр. см.: *Зінчук, Л. Д.* І. І. Срезневський і Т. Г. Шевченко. – В: Славянские языки, письменность и культура..., с. 158–167.

¹¹ Письма И. И. Срезневского 21 февраля и 27 февраля 1833. Из переписки И. И. Срезневского 1829–1839 гг., оттиск из журнала „Киевская старина“. К., 1901, с. 35, 38.

¹² Цит. по: *Ламанский, В.* Цит. соч., с. 4.

¹³ К этому периоду относятся также „Отрывки из записок о старце Григории Скороводе“, „Взгляд на памятники украинской народной словестности“, „Иван Барабаш“, „Мартынец“, „Барсерки“ и пр.

¹⁴ *Ламанский, В.* Цит. соч., с. 5.

¹⁵ Там же, с. 3.

¹⁶ Цит. по: *Францев, В. А.* Цит. соч., с. 8.

¹⁷ См. подр.: *Бозатова, Г. А.* И. И. Срезневский и славянская историческая лексикография. – В: Славянские языки, письменность и культура..., с. 51.

¹⁸ См. подр.: *Лаптева, Л. П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005, с. 171.

¹⁹ *Францев, В. А.* Цит. соч., с. 74.

²⁰ *Лаптева, Л. П.* Цит. соч., с. 173.

²¹ Цит. по: *Францев, В. О.* Цит. соч., с. 8.

²² Письмо И. И. Срезневского к брату Н. И. Срезневскому, 7 августа 1840 из Ополе в Силезии. – См.: *Досталь, М. Ю.* И. И. Срезневский и его связи с чехами и словаками, с. 511.

²³ Письмо И. И. Срезневского В. В. Пассеку, 9 августа 1840 г. из Ополе. – Там же, с. 514.

- ²³ *Досталь, М. Ю.* И. И. Срезневский и его связи с чехами и словаками, с. 203.
- ²⁴ *Францев, В. А.* Цит. соч., с. 13–14.
- ²⁵ См. подр.: *Досталь, М. Ю.* И. И. Срезневский и его связи с чехами и словаками..., с. 207–208.
- ²⁶ Переписка между ними продолжалась 20 лет, многие письма И. И. Срезневского Ганка опубликовал на страницах „Журнала Народного музея“. Чешский патриот стал „родным дедушкой“ детям Срезневского, его именем был назван второй сын русского слависта.
- ²⁷ Письмо И. И. Срезневского В. В. Пассеку, 9 августа 1840 из Ополе. – В: *Досталь, М. Ю.* И. И. Срезневский и его связи с чехами и словаками..., с. 514.
- ²⁸ Там же, с. 210.
- ²⁹ Письмо И. И. Срезневского к брату Н. И. Срезневскому, 7 августа 1840 г., из Ополе в Силезии. – В: *Досталь, М. Ю.* И. И. Срезневский и его связи с чехами и словаками..., с. 511.
- ³⁰ Письмо П. Прейса 12 января 1841 года из Праги. – В: Письма П. И. Прейса М. С. Куторге, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарику, Куршату и др. (1836–1846). – В: Материалы к истории славяноведения. Ред. Вл. Ламанский. СПб, 1892, с. 40.
- ³¹ По словам Ганки: „Один археолог, другой этнограф, другой за древней хартией, другой в народе. И потом сходятся, поверяют друг другу свои наблюдения, взаимно уважая направление друг друга“. Письмо В. Ганки Министру народного просвещения С. С. Уварову. – В: Письма П. И. Прейса..., с. 108–109.
- ³² Письмо Прейса 12 января 1841 из Праги М. С. Куторге. – В: Письма П. И. Прейса..., с. 41.
- ³³ Там же, с. 38.
- ³⁴ Письмо Прейса 29 августа 1840 г. из Праги М. С. Куторге. – В: Письма П. И. Прейса..., с. 36.
- ³⁵ См. подр.: *Досталь, М. Ю.* И. И. Срезневский и его связи с чехами и словаками, с. 210–211, где находится подробное описание маршрута Срезневского и карта на с. 534–536. Карту путешествия Срезневского публиковал и В. А. Францев. – В: *Францев, В. А.* И. И. Срезневский и славянство, с. 9.
- ³⁶ Письмо И. И. Срезневского В. В. Пассеку, 9 августа 1840 г. из Ополе опубликовано у *Досталь, М. Ю.* Цит. соч., с. 515.
- ³⁷ Там же, с. 516.
- ³⁸ Письмо к матери из Оломоуца 3/15 июля 1840 г., опубли. у *Досталь, М. Ю.* Цит. соч., с. 507.
- ³⁹ Там же, с. 216, 220.
- ⁴⁰ См. подр.: *Богатова, Г. А.* Цит. соч., с. 52.
- ⁴¹ Только о словаках в его архиве были сохранено более семи тысяч слов и семисот выражений. – См. подр.: *Богатова, Г. А.* Цит. соч., с. 51.
- ⁴² Там же, с. 52–53.
- ⁴³ *Досталь, М. Ю.* Цит. соч., с. 507.
- ⁴⁴ „Немец уже – дрожит, зовет на помощь чертей и проклинает Россию“. – Письмо И. И. Срезневского к брату Н. И. Срезневскому, 7 августа 1840 г. из Ополе в Силезии. – В: *Досталь, М. Ю.* Цит. соч., с. 511.
- ⁴⁵ См. подр.: *Францев, В. А.* Цит. соч., с. 23.
- ⁴⁶ Там же, с. 55.
- ⁴⁷ *Богатова, Г. А.* Цит. соч., с. 53.
- ⁴⁸ *Францев, В. А.* Цит. соч., с. 55.
- ⁴⁹ Там же, с. 56; *Богатова, Г. А.* Цит. соч., с. 53.
- ⁵⁰ *Ламанский, В.* Цит. соч., с. 18.
- ⁵¹ Но, как отмечает М. Ю. Досталь, она не исключала его русский патриотизм. – См. подр.: *Досталь, М. Ю.* Цит. соч., с. 95.
- ⁵² Там же, с. 101.
- ⁵³ *Лаптева, Л. П.* Цит. соч., с. 203–204.
- ⁵⁴ См. подр.: *Досталь, М. Ю.* Цит. соч., с. 207.
- ⁵⁵ Там же, с. 220.
- ⁵⁶ *Лаптева, Л. П.* Цит. соч., с. 207.
- ⁵⁷ Рецензия появилась в 1843 г. на страницах „Журнала Министерства народного просвещения“ (ч. 38., № 4, отд. 6, с. 1–30).
- ⁵⁸ См. подр.: *Досталь, М. Ю.* Цит. соч., с. 110–111.
- ⁵⁹ Особенно ценные были 43 словенских и 30 хорватских пословиц. – См. подр.: *Досталь, М. Ю.* Цит. соч., с. 217.
- ⁶⁰ Там же, с. 299.
- ⁶¹ Среди прочих отметим и М. И. Костомарова, который в 1846 г. опубликовал в Киеве свой труд „Славянская мифология“.
- ⁶² *Досталь, М. Ю.* Цит. соч., с. 45.
- ⁶³ См. подр.: *Францев, В. А.* Цит. соч., с. 57–58, 64–65.
- ⁶⁴ Там же, с. 61.
- ⁶⁵ Там же, с. 62.
- ⁶⁶ Письмо В. Ганки без даты Министру народного просвещения С. С. Уварову. – В: Письма П. И. Прейса..., с. 110.

И. И. СРЕЗНЕВСКИЙ И ЕГО НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ С ЧЕШСКИМ СЛАВИСТОМ В. ГАНКОЙ

Л. П. Лаптева

Лаптева, Л. П. І. І. Срезневський та його наукові контакти з чеським славістом В. Ганкою

У статті аналізуються листи Ізмаїла Срезневського до чеського ученого Вацлава Ганки з 1840 по 1860 р. Значна увага приділена відображенням у них свідченням про південних слов'ян Австрійської імперії, Сербії та Черногорії. Міститься оцінка ролі контактів двох науковців для розвитку слов'янознавства в Росії.

Ключові слова: І. І. Срезневський, В. Ганка, славістика, міжслов'янські зв'язки.

Лаптева, Л. П. И. И. Срезневский и его контакты с чешским слави́стом В. Ганкой

В статье анализируются письма Измаила Срезневского к чешскому ученому Вацлаву Ганке с 1840 по 1860 год. Значительное внимание уделено отраженным в них сведениям о южных славянах Австрийской империи, Сербии и Черногории. Содержится оценка роли научных контактов двух ученых в развитии славяноведения в России.

Ключевые слова: И. И. Срезневский, В. Ганка, слави́стика, межславянские связи.

Lapteva, L. P. I. I. Sreznevskiy and his contacts with the Czech Slavist V. Hanka

The article analyzes the letters from Ishmael Sreznevskiy to the Czech scientist Vaclav Hanka between 1840 and 1860. Great attention in the letters is given to the integration of information about the southern Slavs of the Austrian Empire, Serbia and Montenegro. It presents an assessment of the role of scientific communication between two scientists in the development of Slavic studies in Russia.

Keywords: I. Sreznevskiy, V. Hanka, Slavic studies, Slavic connection.

И. И. Срезневский (1812–1880) принадлежит к числу крупнейших русских слави́стов XIX века. Вместе с А. М. Бодянским, П. И. Прейсом и В. И. Григоровичем он стал начинателем научного исследования славян в их прошлом и настоящем, родоначальником преподавания славяноведения в университетах российской империи и воспитателем кадров русских слави́стов. Об И. И. Срезневском существует значительная литература¹. Она отражает существенный вклад учёного не только в русскую, но и в европейскую науку о славянах. И. И. Срезневский интересовался всеми славянскими народами, как западными, так и южными, как большими, так и самыми малыми. Неоценимым научным подвигом И. И. Срезневского является изучение им истории русского языка и его памятников. Вообще, литература об И. И. Срезневском касается практически всех сторон его деятельности, хотя освещает их с неодинаковой подробностью и глубиной. Известно, что юбилейные мероприятия, посвящённые той или иной личности, не всегда приносят исключительно новый материал, напротив, подчас в них наблюдается много повторений хорошо известных фактов и оценок. Однако и такие повторения полезны, так как они выполняют просветительскую функцию исторической науки и воспитывают преемственность поколений, без чего дальнейшее развитие невозможно. В то же время, каждое обсуждение научным сообществом определённой проблемы приносит и новые данные: обнаруживаются ранее неизвестные факты, позволяющие по-новому оценить те или иные явления, не вызывавшие внимания у предшествующих исследователей обстоятельства, или не точно интерпретированные события. В целом, углублённое изучение данной проблемы, при общем представлении, также необходимый этап развития исторической науки.

К таким вопросам, недостаточно изученным и перспективным для углубления знаний о творчестве И. И. Срезневского, относятся его контакты с чешским деятелем национального возрождения XIX века Вацлавом Ганкой (1791–1861). Ганка представляет собой феномен чешского и славянского культурного Возрождения. Он имел неплохую лингвистическую подготовку (учился у Й. Добровского). Знал древние, древнеславянский и церковнославянский, а также современные западные и славянские языки. Переводил тексты со всех этих языков, хотя с разным успехом. Ганка также писал стихи, собирал памятники народной чешской старины и т.д. По мировоззрению он являлся сторонником так называемой славянской взаимности в её русофильском варианте. Официально В. Ганка

занимал скромную должность библиотекаря Чешского национального музея и хранителя рукописей и литературы. Эту должность он выполнял с большой энергией и успехом. Он сам разыскивал памятники письменности прошлого чехов и других славян, приобретал их другим способом и пополнял ими фонды библиотеки музея, а нередко и публиковал их. Писал исследования и статьи информационного характера о древней славянской литературе, преимущественно чешской. Ганка приобретал для библиотеки сочинения и современных ему славянских писателей, и вообще деятелей Возрождения, установив для этой цели широкие связи, вероятно, со всеми лицами, которые интересовались славянством. В результате, библиотека музея в Праге стала средоточием литературных богатств, созданных славянами. Древняя чешская столица стала центром научного интереса всех славяноведов, в чём была безусловная заслуга Ганки. Деятельность этого сторонника возрождения славянства основывалась на глубоком чувстве чешского патриотизма.

В начале XVII в. Чехия потеряла политическую независимость и стала провинцией империи Габсбургов. За 150 лет немецкого господства произошла реставрация религии, широкая германизация культуры и общества. Чешский язык потерял государственную, общественную, культурную и научную функции, деградировал и утратил перспективы для развития. В новое время у чешской интеллигенции, немецкой по образованию, стало пробуждаться национальное самосознание, и свою отсталость в развитии национальной культуры они стремились ликвидировать патриотической работой. Проявлялся интерес к культурному прошлому Чехии – к языку, литературе, истории; создавались журналы с патриотической тематикой (на немецком языке), патриотические кружки и пр. Собирались исторические памятники, свидетельствующие о далёком и славном прошлом народа. Следует отметить, что таким „интеллектуальным движением“ была охвачена не только чешская интеллигенция. Это было явление европейского характера, именуемое эпохой Романтизма. Таким романтиком-патриотом и был Вацлав Ганка. Тяжело переживая унижительное положение чехов, презрительное отношение, прежде всего со стороны немцев, к чешской литературе и письменности, вообще непризнание её самостоятельности, Ганка решил исправить создавшуюся ситуацию своеобразным способом. Он стал подделывать исторические памятники и сочинять новые. Во второй декаде XIX века стали появляться один за другим „найденные“ памятники, свидетельствующие о высоком уровне чешского языка, о превосходстве древней чешской культуры над немецкой и т. д. Кульминацией этих „находок“ стало появление так называемых „Краледворской и Зеленогорской рукописей“ (РКЗ), якобы открытых Ганкой в 1817–1818 гг. „Открытия“ были встречены патриотической чешской интеллигенцией с восторгом и ликованием². Наконец-то были „найдены“ „подлинные“ доказательства превосходства чешской культуры, литературы, общественного устройства и быта над немецкими! В. Ганка стал „великим открывателем“ бесценных сокровищ славянской древности и несколько десятилетий купался в „славе славянского Колумба“. Принятие РКЗ чешской возрожденческой интеллигенцией в качестве подлинных памятников древней чешской письменности (XI и XIV вв.) объясняется романтическим патриотизмом, который всегда имеет ложную основу и выдаёт желаемое за действительное. Кроме того, филологическая и историческая наука находились в начале XIX в. на таком уровне, который не позволял распознать подлинность памятника или его подложность. Среди славянских филологов такого специалиста не было, что же касается немецких филологов, профессиональный уровень которых был на голову выше чешских, то они не занимались славянскими языками и литературой. Их интерес находился в области индоевропеистики, главным образом индогерманских языковых вопросов. Вероятно по этой причине знаменитый немецкий филолог Якоб Гримм верил в подлинность РКЗ, верил в неё и великий немецкий поэт И. В. Гёте, и другие, не имеющие тесного отношения к современной литературе, но известные впоследствии философы К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкое признание льстило чешским патриотам; РКЗ широко распространялись, они были переведены на европейские языки и издавались большими тиражами.

Такова была литературная ситуация в Чехии и положение Ганки в чешском интеллектуальном обществе, когда с ним познакомился молодой русский учёный И. И. Срезневский, командированный российским Министерством народного просвещения для изу-

чения прошлого и современного состояния зарубежных славян, с целью последующего занятия кафедры славянских наречий и литератур в Харьковском университете.

Такая кафедра была учреждена Уставом Российских университетов 1835 г. в Москве, Петербурге, Казани и Харькове. Первые русские исследователи славянства (как впрочем и последующие) обычно начинали свои штудии в Германии, где изучали филологическую науку, находившуюся в этой стране на высоком уровне. Они посещали лекции профессоров Берлинского и других университетов, изучали методы исследования языка и постановки преподавания его, работали с литературой и источниками, обогащали свои знания в беседах с крупными немецкими учёными, посещали их семинары и т.д. Получив теоретическую и методологическую подготовку в Германии, русские слависты отправлялись в славянские страны, где приобретали сведения о состоянии славянских языков и литератур, устанавливали живую связь с носителями языков и местной национальной интеллигенцией. В путешествиях по славянским землям они приобретали новые сведения о материальной, умственной и культурной жизни зарубежного славянства. Стартовым пунктом для научных путешествий славистов была Прага, являвшаяся наиболее оживлённым центром славянских изучений во всей Австрии. Здесь жили и трудились уже известные учёные и национальные деятели – П. Й. Шафарик (1795–1861), Й. Юнгманн (1773–1847), поэт и фольклорист Ф. Л. Челаковский (1799–1852), В. Ганка, другие литераторы и филологи.

И. И. Срезневский прибыл в Прагу 4 (16) февраля 1840 г. из Дрездена. Как он отмечал, в первый же день по приезде, он посетил П. Й. Шафарика, с которым часто беседовал и впоследствии. Ф. Л. Челаковский стал одним из учителей Срезневского по средневековому и новому чешскому языку; русский стажёр был знаком с Й. Юнгманном, Ф. Палацким и др. Но особенно тесные дружеские отношения установились между И. Срезневским и В. Ганкой. Как писал русский учёный в альбом Ганки 3 (15) января 1841 г., „пятимесячное моё пребывание в Праге родственно сблизило нас друг с другом“. Ганка помогал И. Срезневскому в совершенствовании чешского языка, изучении палеографии, информировал об источниках, книгохранилищах и архивах, снабжал необходимой литературой и т. д. Как свидетельствует переписка этих славистов, научные контакты продолжались почти до кончины Ганки в 1861 г.

Письма В. Ганки к Срезневскому не опубликованы и хранятся в архивном Фонде И. И. Срезневского в РГАЛИ³. Наиболее ценными, однако, являются на наш взгляд, 53 письма И. И. Срезневского Ганке за период с 1840 г., опубликованные В. А. Францевым в издании „Письма Вячеславу Ганке из славянских земель“⁴. По содержанию и хронологии их можно условно разделить на три части. Первая охватывает период пребывания Срезневского за границей и путешествия его по славянским странам. Вторая часть относится к харьковскому периоду деятельности учёного после возвращения из заграничной командировки; в третьей части отражается его жизнь и творчество петербургского периода с 1847 по 1860 г.

В целом в литературе о Срезневском этот источник используется неравномерно. Наиболее полное извлечение из писем Срезневского Ганке касается вопросов о русско-чешских и русско-словацких связях. Эта тема освещена в ряде статей и монографий. Ещё В. А. Францев в начале XX в. опубликовал труд под названием „Очерки по истории чешского возрождения“⁵, а в начале XXI века появилась на свет монументальная монография М. Ю. Досталь „И. И. Срезневский и его связи с чехами и словаками“⁶. Путешествие по Лужицам и изучение Срезневским серболужицких языков, этнографии и т. д., а также связи с представителями этого славянского народа подробно рассмотрены в исследовании автора этих строк о русско-серболужицких научных и культурных связях в XIX – начале XX в.⁷ Слабее использованы в литературе сведения Срезневского о южных славянах, содержащиеся в его письмах Ганке, но именно в этом материале имеются иногда уникальные сведения, пока не получившие достойной оценки.

Закончив в основе свои штудии в Праге, русский славист посетил других западных славян и в январе 1841 г. прибыл в Вену, чтобы провести подготовку к путешествию по землям южных славян. Здесь он встретился с Вуком Караджичем⁸, который согласился помочь Срезневскому в изучении сербского языка и народа и, кроме того, нашёл ему мо-

лодого хорвата, у которого русский славист брал ежедневно уроки. Затем он отправился в Штирию и в немецком Граце познакомился с профессором словенского языка К. Квасом⁹, капелланом Мурко¹⁰, иллирийским поэтом Трнским¹¹. Все они занимались изучением славянской филологии, и Срезневский характеризует их стремление установить для словенцев (штирийских и краинских) иллирийское правописание. Далее Срезневский прибыл в Марбург и сообщил Ганке о границе между Штирией славянской и немецкой, охарактеризовал штирийское и краинское наречия и познакомился со всеми деятелями в области словенского языка и изданиями их трудов. Кроме того, Срезневский описал одежду, физический тип славянского населения, природу и некоторые обычаи. Все эти сведения заинтересовали Ганку, и письмо Срезневского от 20–30 марта 1841 г. было им напечатано в *Časopis Českého Musea* на чешском языке, а П. П. Дубровский перевёл письмо на польский язык и напечатал в *Biblioteka Warszawskie*.

Из Загреба Срезневский сообщает об успехе иллирийского движения и приводит большой список опубликованной „по иллирийски“ литературы, созданной ново-иллирийскими писателями. Русский путешественник извещает своего чешского друга об интересе местного населения к другим славянским языкам. В заключение письма автор просит Ганку при его публикации вставить характеристику провинциально-хорватских наречий – кайкавского и штокавского, и подробно описывает их разницу. В мае 1841 г. И. И. Срезневский делится с Ганкой своими наблюдениями над итальянскими славянами. Посетил Резьянскую долину: „Двух дней было мне почти достаточно, чтобы не только разузнать всё главное о наречии и обычаях Резьи, но и обойти всю долину; священник рассказывал мне о старине (он и родом из Резьи), а капеллан водил меня по деревням и сёлам“¹². На основании данных Срезневского П. И. Шафарик составил статью „О резьянах и фурляньских славянах“ (опубликовано в журнале „Денница“ в 1842 г.).

В июне 1841 г. И. И. Срезневский извещал Ганку уже из Штрии. Прежде всего он сообщил, что они (путешествовал вместе с П. И. Прейсом) с сопровождающими идут пешком (за неимением других средств передвижения в этих землях). „Как ни спешим, как ни стараемся проходить в день вёрст по 40, по 50, а от времени всё-таки отстаём“¹³ – сетует он. Но из Триеста в Копр (Сапо d'Istria) выехали на дилижансе и, прибыв в Копр, двинулись дальше в маленькие городки и сёла, чтобы выяснить на каких наречиях говорит их население и записать песни.

И. Срезневский красочно описывает это путешествие в сопровождении священника, знавшего хорошо местное наречие. „Путешествовали мы таким образом: впереди осёл, на нём бисаги и на бисагах один из нас, за ослом проводник пешком, за проводником конь с другим из нас; дорожка, как и все дорожки в Штрии (дорожки, а не дороги) страшно дурны“¹⁴.

Путешественники убедились, что местное наречие ещё краинское. Записали несколько десятков слов, кое-что об обычаях и несколько песен. Срезневский устанавливает границы краинского наречия. Далее автор характеризует истринское наречие и отмечает бедность населения. Затем автор устанавливает границу начала чакавского языка, а в городе Фиуме-Риеке отмечает множество славян и „только чакавские песни“. На острове Крк путешественники слушали глаголическое богослужение, „наречие Крка есть хорватское чакавское“, – констатирует он и сообщает особенности употребления букв и произношения¹⁵. Описав географию Далмации, Дубровник, отсутствие удобств для передвижения по стране, грубость обращения с путешественниками со стороны властей и чиновников, безответственность последних по отношению к своим обязанностям, грязь, нечистоты и антисанитарные условия ночлега, не позволявшие утомившимся путникам отдохнуть, И. И. Срезневский заключает: „То ли дело путешествовать по немецким землям Австрийским; благородное обхождение начальства с путешественниками может служить примером в целой Европе“¹⁶.

Посетив военную границу хорватскую, изучив многие другие места, Срезневский, 1 октября 1841 г. „вступил на сербский Белградский берег“¹⁷, а затем добрался до Вены, где и остался на зиму. „В Сербии мне было очень хорошо, – пишет Срезневский. – В Белграде я был как дома у русского консула Ващенко, бывал у Князя, Княгини старой, Ефрема Обре-

новича, Паши и познакомился со всеми интересными людьми; а для путешествия моего по внутренней Сербии дан мне был не только паспорт, но и чиновник, водивший меня всюду, за что не могу не быть благодарным правительству сербскому“. . . . „Хотелось бы сообщить Вам дневник моих походов по Сербии. . . , но не имею времени и вместо дневника посылаю Вам список новых сербских книг, заслуживающих внимания“¹⁸, – и далее следует большой перечень сербской литературы – книг и периодических изданий, изданных как в Сербии, так и в Венгрии, свидетельствующий об оживлённой деятельности сербов в области изучения языка древних памятников письменности и характера азбуки.

Таким образом, путешествие Срезневского по территории южных славян Австрийской монархии можно считать подвигом, который был совершён русским учёным ради познания славянского мира, неведомого для России и мало знакомого европейскому обществу. Основное внимание Срезневский уделял выяснению вопроса о славянском языке, его состава, границ распространения, различию диалектов, наличию и характеру письменности, степени осведомлённости местных интеллектуальных сил о своём языке и вообще о прошлом. Выяснение этих вопросов позволило Срезневскому внести много нового в представления современников о языке южных славян, составить их классификацию, провести корректировку границ распространения диалектов и „наречий“, представить их новую „карту“. Много неизвестного ранее материала представил Срезневский науке о славянах в области этнографии, в описании быта, нравов, одежды, устройства жилища, фольклора, праздников, похорон и т. д. у разных славянских „племён“, населявших владения Австрии. В отличие от славянофильски ориентированных русских учёных, позднее посещавших территорию южных славян, Срезневский совершенно равнодушно относился к религии населения. „Не искал“ православных, а видел в славянах братьев по происхождению и родственников по языку. Его письма к Ганке являются убедительным опровержением точки зрения многих исследователей деятельности Срезневского о его принадлежности к славянофильскому направлению в науке. К сожалению, мнение о славянофильстве Срезневского встречается и в современных работах, особенно зарубежных авторов, что можно объяснить их предвзятостью или невежеством.

Особенностью писем И. Срезневского В. Ганке является тот факт, что они заранее были рассчитаны на публикацию их содержания в научной печати. И действительно, многие письма целиком или во фрагментах, по их получении Ганка напечатал, в основном, в „Журнале Чешского Музея“ в переводе на чешский язык. Из этого источника заимствовал сведения П. П. Дубровский, перепечатавая некоторые письма русского учёного в издаваемом им в Варшаве журнале „Денница“ и в журнале „Библиотека Варшавска“ в переводе на польский язык. Таким образом, результаты исследований Срезневского становились доступными интересовавшейся славянами общественности. Лишь в России о них никто ничего не знал. Огромное расстояние между местами путешествия Срезневского и его родиной, жестокая австрийская и русская цензура корреспонденции на границах, дороговизна пересылки были малопреодолимым препятствием для переписки. Так, письма Срезневского к матери занимали иногда два и более месяца пути, т. е. как и Срезневский, „шли пешком“ и достигали адресата в то время, когда автор письма находился уже в совершенно другой части Европы. Более того, кроме матери и других родственников, письма Срезневского в России никто не ждал. Интерес к славянам в этой самой большой славянской стране был мизерным. Ими интересовались единицы из числа профессоров университетов или деятелей, побывавших в славянских областях Южной Европы со своими целями. В России не было печатного органа, в котором бы освещались сведения о славянах, и не было человека – организатора типа Ганки. Лишь журналы „Москвитянин“ и „Маяк“ печатали иногда заметки на славянские темы. В общем, скромному харьковскому магистру, отправившемуся за границу для обучения, не было места в журналах, равнодушных к славянской проблематике. Поэтому научные результаты трудного путешествия Срезневского по каменистым тропам балканских предгорий, его открытия и достижения, освещённые в письмах к Ганке, в России стали известны только к концу XIX в.: письма к матери опубликованы в 1895 г.¹⁹, а к Ганке и того позднее – в 1905, т. е. когда славяноведение в России достигло в своём развитии европейского уровня. У истоков этого процесса стоял И. Срезневский, русский

первопроходец по славянским землям, своим трудом внёсший неоценимый вклад в осведомление научной общественности о южных славянах.

В письмах Срезневского Ганке имеются не только зафиксированные впечатления о славянских землях, его оценки и рассуждения о различных сторонах жизни общества обследованных территорий, но и целые научные разработки отдельных вопросов. К ним, например, относятся его сведения о Черногории. Эти материалы были опубликованы Ганкой в „Журнале Чешского Музея“ в виде отдельной статьи под названием „Черногория. Описание Измаила Срезневского в письмах к Вацлаву Ганке“²⁰ в 1842 г.

Для написания этой статьи Срезневский, по его собственным словам, воспользовался книгой Егора Ковалевского „Четыре месяца в Черногории“ (СПб., 1841), немецкой *Montenegro und die Montenegriner v. 2. Stieglitz (Stuttgart, 1841)*. Первую книгу Срезневский читал вместе с Вуком Караджичем, и они обсуждали её. Так же Срезневский имел беседу о Черногории с Владыкой Черногорским. Соединив эти данные со своими впечатлениями о стране и народе, Срезневский создал самостоятельный очерк, добавив в него новые сведения и исправив ошибки и неточности предшественников. Прежде всего, Срезневский описал географическое положение Черногории и её природу. Автор констатирует, что всю Черногорию окружают непроходимые скалы, которые надолго останутся дикими. Горы покрывают и всю внутренность страны. Серые дикие громады скал, огромные скалистые кряжи, малые тропинки между горами и небольшие речки. Вершины гор покрыты снегом и являются источником влаги, но вода, однако, почти вся под землёй: источник её начинается в горах и уходит внутрь, так что на поверхности её очень мало. Лишь в расселинах и на отлогих склонах имеется зелень и иногда леса. В небольших и редких долинах почвы плодородны, здесь растёт особый виноград. Климат холодный. Дикая страна привлекла человека к себе только по его нужде сохранить свою независимость – резюмирует Срезневский. Далее автор очерка сообщает общую площадь Черногории – 90 миль, а жителей приходится по 1000 на милю (данные несколько отличаются от сведений Ковалевского). Каждый четвёртый черногорец – оруженосец. Черногорье делится на четыре нахии – Катунскую, Лешанскую, Рецкую и Черницкую. Перечисляются многочисленные племена, заселявшие обе части Черногории – т. е. собственно Черногории и Берды. Указывается, что жители их бедно живут, но очень храбры. Деревни разбросаны далеко друг от друга, проезжих дорог нет, лишь к Скадарскому озеру проделана дорога для верховой езды, а между селениями идут тропинки с горы на гору часто над пропастями. В стране встречаются развалины крепостей и замков. Сохранившихся церквей мало, но в Морачском монастыре церковь св. Успения, построенная ещё Стефаном Урошем, сохраняет несколько старых грамот и рукописей. В целом – страна дикой природы населена дикими суровыми людьми, отличающимися первобытными нравами и образом жизни. Впрочем, об этом в очерке прямо ничего не говорится. По-видимому, Срезневский не мог или не хотел касаться вопросов быта, строя и обычая черногорцев. Изучение этих сторон жизни было осуществлено в русской литературе позднее: в фундаментальном четырехтомном труде П. А. Ровинского, изданном в конце XIX – начале XX в. Сведения, собранные Срезневским, имеют несколько поверхностный характер, но вполне достоверны и отвечают уровню знаний о Черногории в 40-х годах XIX в.

Очерк о Черногории И. И. Срезневский послал Ганке из Вены, откуда в середине марта 1842 г. выехал в Бретиславль (т. е. Братиславу), и оттуда началось его путешествие по Словакии²¹, которое оказалось также весьма результативным. В письме от 10 августа 1842 г. он писал: „В путешествии моём я был очень счастлив: моё собрание народных идиотизмов и описаний всего, что касается народной жизни и быта, если не богато, то, по крайней мере, не бедно: всюду находил я помощь. Особенное внимание обратил я на наречия и народности словаков: под Татрами и Бескидами наблюдатель находит ещё так много нового и любопытного, что мог бы остаться там на два, на три года, и всё бы ещё не вычерпал рудника сокровищ, неоценимых для филолога, этнографа, историка“²². Затем русский учёный-путешественник направился на родину – через Ковно проехал в Белоруссию и на Чернигов, из Чернигова поехал в Киев, а из Киева через Полтаву приехал в Харьков 21 сентября 1842 г.

С этого времени начинается второй период сотрудничества между русским учёным-

славистом И. И. Срезневским и В. Ганкой.

16 октября 1842 г. И. И. Срезневский с большим успехом прочитал вступительную лекцию по славяноведению в Харьковском университете. Своё впечатление, которое оказало на него Россия после долгой отлучки, он выразил в письме от 1 декабря 1842 г. „Я её (Россию – Л. Л.) представляю себе огромной, величественной преходной картиной, далеко ещё не оконченной; и живописец – странный человек: он не испугался ни величия предмета, ни огромности, но сделавши общий абрис, не знает за что хвататься, что стоит обдѣлывать: обдѣлывает мастерски, чудесно, но по кусочкам, и где не обделано, там запчкано. Когда картина будет совсем окончена, ей не будет подобной, но пока обделает, пройдёт ещё много времени, и пачкотни будет немало“²³. „Наш Харьков без меня тоже много обделался – пишет он дальше, – соборная колокольня немногим ниже Стефановской Венской, и легка, как перо. Построено много домов со вкусом, открыто много новых магазинов. Жителей полиция считает 37 тысяч, следовательно, с приезжими можно считать не менее 40 тысяч. Архиерей (Инокентий) говорит чудесные проповеди и служит очень часто. Театр выстроен новый, и, говорят, внутри хорошо украшен“... „Литература в Харькове спит, – продолжает учёный, – кроме рассуждений, речей и т.п. нынешний год не выдет, кажется, ничего кроме Энеиды Котляревского (первое полное издание). Губернские ведомости стали хуже“²⁴.

Указав труды, которые ещё пишутся разными лицами, но не готовы к печати, Срезневский информирует Ганку о состоянии литературы в России вообще. Перечисляет выходящие журналы, прибавляя иногда остроумные характеристики их. Так, по его мнению, „первое место принадлежит Отечественным запискам, но и в них много болтовни, много немецкой философии, и притом ни из того, ни из сего антиславянское направление“²⁵. Газеты в жалком состоянии. Губернские ведомости выходят в каждом губернском городе. Книг выходит до 500 ежегодно – пишет учёный, перечисляя некоторые из них по истории России и других стран, по юриспруденции, по статистике, по древней истории. Издаются романы, стихи, филологические исследования, описания путешествий и т.д.

Процитированное письмо Срезневского В. Ганка перевёл на чешский язык и опубликовал в „Журнале Чешского Музея“ за 1843 г. Однако эта полезная для межславянских и конкретно русско-чешских научных контактов информация не могла повлиять на наличие негативных оценок состояния русской литературы некоторыми деятелями чешского возрождения. Так, П. Й. Шафарик не признавал очевидных достижений русской культуры и откровенно писал Я. Коллару, что русские – это народ „наполовину онемеченные и наполовину отатаренные северяне“, и с ними невозможно славянское единение, а „роскошные плоды ума Батюшкова, Жуковского, Пушкина и пр. и пр. – суть цветы дилетанства; сад в коем они выросли – не народ славянский“²⁶. В то же время чешский учёный стремился получить из России рукописи и другие источники, необходимые для его работы, хранившиеся в русских архивах и библиотеках, а также и материалы Срезневского, приобретённые во время его путешествия по славянским землям. Не гнушался чешский учёный принимать и материальную помощь от русского правительства и отдельных лиц для издания своих трудов²⁷. Отрицательно отзывался о русской литературе и побывавший в России Карел Гавличек-Боровский. В письме к К. Запу 29 сентября 1843 г. он признавался, что „знает только одного Гоголя, а все прочие (и с Пушкиным) составляют только, так сказать *imitatorum pecus!*“ Таким образом, для К. Гавличка вся русская литература не представляла достойного внимания²⁸. На наш взгляд, такая оценка русской духовной жизни первой половины XIX в., когда уже действовали писатели, ставшие через десяток лет основателями литературы мирового значения, когда создавался фундамент для пореформенного расцвета гуманитарной русской культуры, свидетельствует о незнакомстве деятелей чешского возрождения с культурным процессом в России и об их предвзятости. И. И. Срезневский пытался бороться с таким положением, заполняя целые страницы своих писем к Ганке списками книг, статей, выходявших журналов и других изданий. Однако тщетны были его стремления – ни П. Й. Шафарик, ни К. Гавличек-Боровский, по-видимому, не читали „Журнала Чешского Музея“, где Ганка усердно публиковал полученную информацию.

Между тем в Харькове И. И. Срезневский читал в университете лекции по славяно-

ведению, посвящая много времени для их подготовки. Однако он заметил определённое равнодушие студентов к его предмету. „К объяснениям о древностях западных славян они (т. е. студенты – Л. Л.) равнодушны, если это только непосредственно не касается наших русско-польских „древностей“⁴²⁹, – писал он. „К современному глухи... Покамест всё меня заставляет предполагать, что у нас изучение славянства станет почти на равне с изучением Востока“⁴³⁰.

Отсутствие интереса к славяноведению среди слушателей Харьковского университета вызвало у Срезневского определённое разочарование. Не осуществились и другие планы: „Мы с Бодянским хотели вместе издавать журнал, и отложили“⁴³¹, – пишет учёный 12 марта 1843 г. Это, как и другие письма, содержит список новой русской литературы по русской истории, по филологии. „В литературе много хорошего, в этом году издаётся 99 журналов, кроме книг. Лучшие для общего чтения Отечественные записки и Библиотека для чтения. Для любителей славянства – Москвитянин и Маяк“⁴³², – информирует Срезневский. В следующем письме учёный посылает полное обозрение русской литературы за первое полугодие 1843 г. Перечень весьма внушительный.

Наряду с преподаванием, И. И. Срезневский начинает обработку своего накопленного материала и публикует ряд научных статей. В 1843 г. в „Журнале Министерства народного просвещения“ (далее ЖМНП) И. И. Срезневский опубликовал рецензию на книгу П. Й. Шафарика „Славянская этнография“⁴³³. Эта работа вызвала широкий отклик у славянских и неславянских учёных. В России она была переведена на русский язык и напечатана отдельным изданием. И. И. Срезневский, высказав в своей рецензии искреннее уважение и любовь к своему учителю и перечислив с краткими характеристиками основные труды Шафарика, сделал ряд существенных замечаний и соображений. Он констатировал тесную связь „Народописи“ с более ранним учёным трудом Шафарика „История славянского языка и литературы“ (1826 г.), указав на то, что обе книги имеют одно и то же содержание. Далее рецензент указал на необходимость исправления характеристики наречий и дополнения литературы, особенно великорусской, а также рекомендовал прибавить материал о нравах и обычаях славян. Автор рецензии не принимает шафариково деление наречий и советует принять историко-географическое деление – на восточное, южное и северное наречия. Так же и в вопросе о границах славянских земель и языков Срезневский предложил свои поправки и дополнения. Сам И. И. Срезневский чувствовал, что Шафарик может рассердиться на его критику, но не ожидал от чисто научного спора никаких дурных последствий. „Шафарик может быть имеет право сердиться на меня за мою статью о „Народописи“, но в его благородстве я вполне уверен“⁴³⁴, – писал русский учёный Ганке. Но Шафарик не обнаружил в себе это качество и прервал связи со Срезневским. По-видимому, известному учёному было трудно признать факт превосходства своего бывшего ученика.

На материалах, полученных Срезневским во время путешествия по Лужицам в 1844 г., была опубликована статья „Исторический очерк сербо-лужицкой литературы“⁴³⁵ – первая работа в России о лужицких сербах. Она стала основой для сочинений других славянских учёных и русских исследователей более позднего времени по этому вопросу.

Особое внимание И. И. Срезневский уделял популяризации в России личности и творчества Ганки. В первую очередь, он стремился как можно шире распространить сведения об „открытых“ Ганкой РКЗ. Так, 3 октября 1844 г. Срезневский пишет: „Скоро получите Вы мой исторический очерк сербо-лужицкой литературы, помещённый в ЖМНП. Очень рад буду, если он заслужит Ваше одобрение. Но меня это напечатание его несколько смутило: прежде очерка я послал в Ж. М. статью о Краледворской рукописи и Ганке, и очерк напечатан, а статья эта нет, – и между тем мне бы очень хотелось вам послать статью ту, чтобы Вы наконец уверились, как я думаю и пишу о Вас... Краледворская рукопись разбирается у нас подробно: так песнь о татарах составила целое рассуждение. Позволите ли Вы автору (гр. Шведову) украсить её именем Вашим?“⁴³⁶.

РКЗ послужили И. Срезневскому источником для написания статей. В одной из них, коротко остановившись на истории открытия РЗ, её содержании, а также на отрицательном отзыве Й. Добровского, Срезневский решительно защищал её подлинность и выра-

жал свою солидарность с теми учёными, которые считали её „драгоценным памятником“. Он также опубликовал РЗ в подлиннике и в „русском чтении“, сделав при этом попытку прокомментировать отдельные слова и упомянутые в ней факты. Материал РЗ служил Срезневскому для суждений об общественном устройстве, образованности и других особенностях древних славян, что и было изложено в его статье „Сеймы“⁴³⁷.

В 1840 г. Срезневский обратился к РК. Эту рукопись он также признавал подлинной, отмечал её высокую ценность в языковом и, особенно, в этнографическом отношении и большое значение для исследования древней религии славян³⁸. В 1846 г. Срезневский по материалам РКЗ написал сочинение „Об обожании солнца у древних славян“³⁹.

Из южнославянской проблематики И. И. Срезневский в харьковский период своей деятельности обратился к болгарской литературе и послал Ганке 26 мая 1846 г. обозрение этой литературы с 1840 г. Ганка опубликовал это письмо в „Журнале Чешского Музея“ за 1847 г. под названием „O bolgarskè literatuře. List I. I. Srezněwského W. Hankowi“.

Срезневский начинает свою информацию с констатации, что до 1840 г. вышло не более тридцати книг и приводит большой и подробный перечень болгарских изданий. При этом прибавляет, что „книги эти замечательны и по содержанию, и по самому языку, большею частью в них довольно чистому и естественному, что довольно редко и в книгах других славян, не только в болгарских“⁴⁰. Оценивая далее многие издания с точки зрения новизны освещения, Срезневский обращает внимание на характер болгарского языка, полемику по этому вопросу и тенденции его дальнейшего развития. Отмечается значительное число изданий в переводе с русского, что обычно осуществлялось представителями болгарской интеллигенции в Одессе. И. Срезневский, в целом, выражает удовлетворение литературными успехами болгарского народа, „отставшего от всех других славянских народов“.

В 1846 г. в Санкт-Петербургском университете за смертью П. И. Прейса стала вакантной кафедра истории славянских наречий и литератур. Срезневский решил занять это место и обратился к Ганке за содействием, если будет необходимость. По письмам роль Ганки в этом предприятии Срезневского не прослеживается, но в 1847 г. харьковский славист стал профессором-славистом в Петербургском университете. Мотивы учёного, относительно замены Харькова на Петербург, подробно изложены в письме от 9 августа 1846 г. Они продиктованы неудовлетворённостью Срезневского состоянием славяноведения в Харьковском университете, фактически тормозящим научный рост. Ввиду ценности этого материала для характеристики положения славянских изучений в провинциальных университетах России в середине XIX в., приводим мотивировку Срезневского несколько более подробно.

Срезневский пишет, что в Харькове он терпит досадный недостаток. „Средств для должного усовершенствования себя в науке, пособий не только рукописных или старопечатных, но даже и новых печатных нет почти никаких, кроме того, что принадлежит мне лично. Естественно, что наша университетская библиотека славянским отделом беднее моей несравненно, потому что до меня славянством здесь никто не занимался. Ни одного труда не могу окончить удовлетворительно, потому что для окончания нужна полнота, а её ожидать и даже желать было бы странно. Притом сокровища библиотек петербургских до сих пор остаются мне известны немногим больше, как и всякому, кто знаком с нашей филологической печатной литературой: я не был ещё в Петербурге с целью их изучения. Таким образом, исторический лексикон старорусского языка, для которого я собираю материал, не может не оставаться только бессвязным сборником, и если судьбе неужгодно будет меня сблизить с тем, что ещё не напечатано и не может быть напечатано скоро, то останется таким и навсегда. Грамматика старорусская тоже... Если бы мне удалось... переселиться в Петербург, то это бы подвинуло меня далеко в науке“⁴¹.

Переселение Срезневского в Санкт-Петербург состоялось. Накануне он защитил докторскую диссертацию и получил степень доктора славяно-русской филологии. Книгу „Святылища и обряды языческого богослужения древних славян“ он посвятил Артемовскому и Ганке, как первым наставникам его в славянской филологии. На том же заседании Совета Харьковского университета Ганка был избран почётным членом университета. В Петербурге И. И. Срезневский сделал большую карьеру, стал академиком и постепенно

переориентировался на изучение истории русского языка. С В. Ганкой переписка продолжается, но теперь её содержание сосредотачивается на работе Срезневского в Университете, Главном Педагогическом институте и в качестве цензора. О переключении И. И. Срезневского на изучение истории русского языка и его памятников и источников, а также научных результатах этой работы, имеется богатая литература специалистов, поэтому нет необходимости останавливаться на этом вопросе. В Петербургский период жизни И. Срезневский отошёл от исследования проблематики, касающейся зарубежных славян, но продолжал активно информировать научную общественность о литературной жизни славян, помещая библиографические заметки в изданиях Академии, преимущественно в „Известиях ОРЯС“, которые долгое время редактировал и практически был автором всех заметок и рецензий. Работам Ганки в них уделялось самое большое внимание. В рецензиях и аннотациях И. И. Срезневский продолжал защищать подлинность РКЗ, хотя в литературе с середины 1850-х годов началась по этому вопросу острая полемика; и сторонники подлинности „памятников“ терпели поражение одно за другим. К 80-м годам XIX в. вопрос о подложности РКЗ и других „памятников“, выдававшихся за древние, практически был решён, но И. И. Срезневский оставался до конца жизни на консервативных позициях защитников „подлинности“. В литературе неоднократно высказывалось недоумение, почему образованный, эрудированный знаток древнеславянских языков и литератур, человек с критическим складом ума, со скептическим отношением к различным мнениям, верил в подлинность Ганковых фальсификатов. При этом он не считал своего чешского друга крупным учёным, а скорее относил его к посредственности в области славянской филологии. Преданность Срезневского Ганке, на наш взгляд, объясняется психологическим фактором. Чешский славист был человеком доброжелательным, всегда готовым помочь как в научном, так и в бытовом отношении каждому русскому славянину. Об этом свидетельствует всякий, кто с ним соприкасался. Ганка был демократичен, лишён кичливости и высокомерия, характерных для некоторых других чешских деятелей, например Ф. Палацкого и П. Й. Шафарика, к которым молодые русские слависты, обратившись один раз, больше уже стремились визиты не повторять. Кроме того Ганка фанатично любил своё дело, верил в идею общеславянства, чем подкупал молодых русских славистов-романтиков. На энергичного Ганку, установившего контакты со всеми деятелями, симпатизировавшими славянской идее, можно было рассчитывать при приобретении книг, получении рекомендации к нужным людям, попросить о посредничестве в каком-либо деле и т.д. В общем, это был человек с характером, импонирующим русскому типу общения, в отличие от сухих индивидуалистов европейского типа, позволявших себе выказывать любезность и расположение, только если видели в этом пользу для себя.

Что касается И. И. Срезневского, то Ганка был для него первым учителем в славянской филологии, близким по душевному складу и романтическому отношению к миру. Возможно, И. И. Срезневский первоначально искренне верил в подлинность Ганковых подделок, но со временем, убедившись в своём заблуждении, благородно не хотел „предавать“ учителя, для которого слава „открывателя“ РКЗ представляла смысл жизни. Кроме того, европейской известности Срезневского так же в значительной степени способствовал Ганка, публикуя его информацию о славянской литературе, о развитии славяноведения и вообще науки в России в чешских научных журналах и прессе. Таким образом, энергия чешского деятеля способствовала укреплению контактов и приносила большую пользу обоим учёным.

В 1861 г. В. Ганка скончался. И. И. Срезневский грустил об этой потере и постарался увековечить его память в сознании русских славистов. Он опубликовал в разных газетах несколько некрологов, где отметил заслуги Ганки перед славяноведением в целом и его значение для развития русского славяноведения. 11 января 1861 г. Срезневский произнёс речь о Ганке на заседании 2-го отделения РАН. Составил библиографию его трудов, информировал в печати о погребении Ганки в Праге. Все эти материалы опубликованы в сборнике И. И. Срезневского „Воспоминания о В. В. Ганке“ (СПб., 1861). По закону жанра Ганка характеризуется в панегирическом духе.

Закljučая изложение вопроса о взаимоотношениях двух славистов XIX в., русского –

И. И. Срезневского, и чеха – В. Ганки, следует констатировать, что их научные контакты явились важным фактором развития славяноведения в России в первой половине XIX в. Один из первопроходцев, организаторов и исследователей интеллектуальной жизни зарубежного славянства в России получил существенную поддержку при первых шагах своей деятельности, что впоследствии предопределило его ведущую роль в отечественном славяноведении 1840–1870-х гг. С другой стороны, научная информация, которую Ганка получал от Срезневского, существенно обогатила содержание чешской науки, а через неё – и других славянских народов.

Наука и культура тогда имеют перспективу развития, когда существует обмен достижениями разных народов, в частности через контакты их деятелей. Представляется, что освещённые выше взаимоотношения И. И. Срезневского и В. Ганки являются одним из ярких примеров такого обмена.

¹ Подробную характеристику литературы об И. И. Срезневском см.: *Досталь, М. Ю.* И. И. Срезневский и его связи с чехами и славянами. М., 2003, с. 11–43.

² Об РКЗ существует огромная литература. См. об этом: *Лантева, Л. П.* Краледворская и Зеленогорская рукописи и их русские переводы. – В: Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора. М., 2002, с. 11–119.

³ Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 436, оп. 6.9.4–25: Письма В. Ганки И. И. Срезневскому.

⁴ Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Материалы для славянской филологии. Издал В. А. Францев. Варшава, 1905.

⁵ *Францев, В. А.* Очерки по истории чешского возрождения. Русско-чешские учёные связи конца XVIII и первой половины XIX столетия. Варшава, 1902.

⁶ *Досталь, М. Ю.* И. И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003.

⁷ *Лантева, Л. П.* Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до первой мировой войны (1914 г.). М., 2000.

⁸ Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Материалы для славянской филологии. Издал В. А. Францев. Варшава, 1905, с. 952.

⁹ Там же, с. 958.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 959.

¹² Там же, с. 972.

¹³ Там же, с. 977.

¹⁴ Там же, с. 978.

¹⁵ Там же, с. 983.

¹⁶ Там же, с. 985.

¹⁷ Там же, с. 996.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Путевые письма И. И. Срезневского из славянских земель., 1839–1842. СПб, 1895.

²⁰ Письма к Вячеславу Ганке..., с. 1000.

²¹ Подробно об этом см.: *Досталь, М. Ю.* И. И. Срезневский и его связи с чехами и славянами. М., 2003.

²² Письма к Вячеславу Ганке..., с. 1022.

²³ Там же, с. 1025.

²⁴ Там же, с. 1026.

²⁵ Там же, с. 1027.

²⁶ *Францев, В. А.* Очерки по истории чешского возрождения..., с. 165–166.

²⁷ Письма к Вячеславу Ганке..., с. 1207.

²⁸ *Францев, В. А.* Н. В. Гоголь в чешской литературе (К истории славянского литературного общения в XIX ст.). СПб, 1902.

²⁹ В этот период в Харьковском университете училась значительная часть студентов польской национальности и происхождения.

³⁰ Письма к Вячеславу Ганке..., с. 1029.

³¹ Там же.

³² Там же, с. 1030.

³³ *Срезневский, И. И.* Рец. на кн.: “Slovanský národopis” Sestavil Šafářik. При книге карта “Slovanský zeměvid” od P. J. Šafářika. – ЖМНП, ч. 38, отд. 6, с. 1–30.

³⁴ Письма к Вячеславу Ганке..., с. 1031.

³⁵ *Срезневский, И. И.* Исторический очерк серболужицкой литературы. – ЖМНП, 1844, № 7 (июль), с. 26-60.

³⁶ Письма к Вячеславу Ганке., с. 1043.

³⁷ *Срезневский, И. И.* Сеймы. – В: Очерки истории России, издаваемые В. Пассеком. СПб., 1838, кн. 1, с. 226–239.

³⁸ *Срезневский, И. И.* Извлечение из Краледворской рукописи касательно религиозных верований и обрядов. – ЖМНП, ч. 28, 1840, № 12, с. 115–148.

³⁹ *Срезневский, И. И.* Об обожании солнца у древних славян. – ЖМНП, ч. 51, 1846, с. 36–60.

⁴⁰ Письма к Вячеславу Ганке., с. 1045.

⁴¹ Там же, с. 1052–1053.

ІЗМАЇЛ СРЕЗНЕВСЬКИЙ ТА ГАЛИЧИНА

І. Я. Райківський

Райківський, І. Я. Ізмаїл Срезневський та Галичина

У статті розповідається про вплив творчості І. Срезневського на русько-український національний рух у Галичині першої половини XIX ст. Зокрема, звернуто увагу на поїздку вченого до Галичини під час наукової подорожі по слов'янських землях (1839–1842 рр.), коли він протягом 19–29 липня 1842 р. перебував у Львові. І. Срезневський познайомився з відомими галицькими діячами – „Руською трійцею“, Д. Зубрицьким, Й. Левицьким. Зроблено аналіз записки І. Срезневського 1842 р. до міністра народної освіти Росії про наукове і літературно-видавниче життя в краї. Розкрито уявлення І. Срезневського про Галичину в наукових працях та його листування з галичанами (братами Яковом та Іваном Головацькими, І. Вагилевичем та ін.).

Ключові слова: Срезневський, наукова поїздка, Галичина, листування.

Райковский, И. Я. Измаил Срезневский и Галиция

В статье речь идет о влиянии творчества И. Срезневского на украинское („русское“) национальное движение в Галиции первой половины XIX в. В частности, обращено внимание на поездку ученого в Галицию во время научного путешествия по славянским землям (1839–1842 гг.), когда он на протяжении 19–29 июля 1842 г. находился во Львове. И. Срезневский познакомился с известными галицийскими деятелями – „Русской троицей“, Д. Зубрицким, И. Левицким. Сделан анализ записки И. Срезневского 1842 года к министру народного просвещения России о научной и литературно-издательской жизни в Галиции. Раскрыто представление о Галиции в научных работах И. Срезневского и его переписка с галичанами (братьями Яковом и Иваном Головацкими, И. Вагилевичем и др.).

Ключевые слова: Срезневский, научная поездка, Галиция, переписка, деятель.

Raykivskiy, I. Y. I. Sreznevskiy and Galicia

This article relates the influence of I. Sreznevskiy's scientific work on Russian-Ukrainian national movement in Galicia in the first half of 19th century. In particular, attention is focused on scientist's journey to Galicia during his exploratory tour Slavic lands (1839–1842) when he visited Lviv in July 1842. I. Sreznevskiy had met famous Galician figures – “Russran trio”, D. Zubrytskiy, Y. Levytskiy. There is also analyzed I. Sreznevskiy's report about the country's literary-publishing life to the minister of popular schooling of Russia made in 1842. The article shows I. Sreznevskiy notions of Galicia in his scientific works and correspondence with Galicians (brothers Yakiv and Ivan Holovatskiys, I. Vahylevych and others).

Keywords: Sreznevskiy, scientific work, Galicia, correspondence.

Цікавою і маловідомою сторінкою в діяльності І. Срезневського були його зв'язки з Галичиною. До сьогодні це питання викликало незначний інтерес серед дослідників, зокрема І. Свенціцького, Г. Гербільського, А. Крюкова та деяких інших, має наукову актуальність, яку необхідно розглядати в контексті впливу науковців першої „хвилі“ „національного відродження“ на український рух XIX – початку XX ст. Характерно, що івано-франківський дослідник А. Крюков, автор невеликої замітки в „Українському історичному журналі“ 1971 р., зауважив, що „подорожі вченого по західноукраїнських землях не присвячено жодного спеціального дослідження“¹. З відомих причин заїдеологізована радянська історіографія (як і дореволюційна російська) мало цікавилися українським національним рухом у Галичині, тоді як серед сучасних дослідників ця тема ще чекає ґрунтовного, неупередженого дослідження.

На першій стадії „національного відродження“ (академічній або науковій, „збирання спадщини“) до середини XIX ст. окремі вчені або ентузіасти зайнялися дослідженням різних сторін життя народу – фольклору й етнографії, мови, історії. Дещо змодифікована модель, запропонована чеським істориком М. Грохом, найкраще відбиває як закономірності, так і особливості розвитку українського руху та може бути з успіхом взята на озброєння в конкретних дослідженнях. Трифазна грохівська схема („А“ – наукова стадія; „В“ – організаційна або культурна; „С“ – політична) стала своєрідною азбукою для дослідників національних рухів у східноєвропейському регіоні в XIX – на початку XX ст.²

Провідну роль у тогочасному національному русі відіграла інтелігенція, котра вдавалася до поширення в масах національно-політичної свідомості. Серед кращих представників наукової еліти, що взяли участь у наукових народознавчих дослідженнях, результати яких були використані для обґрунтування національної ідеї, був І. Срезневський. Зокрема, він з особливою силою вплинув на діяльність „Руської трійці“ та її сподвижників у Галичині, що услід за „Енеїдою“ І. Когляревського започаткували нову українську літературу в краї, вперше відкрито висловили ідею національної єдності русинів-українців по обидва боки австро-російського кордону.

У 1839–1842 роках І. Срезневський здійснював наукову подорож по слов'янських землях і після Чехії в липні 1842 р. побував на Закарпатті та в Галичині, що опинилися під владою Австрійської імперії. Про півавстрійську Русь у тогочасному російському суспільстві було вкрай обмаль інформації. В. Дорошенко, український діяч родом із Полтавщини, згадував, що „колись про Галичину, її населення та відносини політичні, суспільні й національні в російській займанщині мало хто і знав поза окремими одиницями“³. У „подорожніх листах“ колишнього студента Петербурзького університету В. Кельсієва, що подорожував Галичиною в 1865–1866 рр., писалося про неї як „совершенно для русской публики невѣдомомъ русскомъ краѣ“⁴. І. Срезневському судилося стати одним із перших російських науковців, що особисто побував на західноукраїнських землях; враження від знайомства з краєм він використав у своїй діяльності. Зокрема, перебування харківського вченого в Галичині знайшло відображення в 64-му листі, що містився в книзі подорожніх заміток (усього опубліковано 66 листів)⁵.

І. Срезневський спочатку прибув до Ужгорода, де зустрівся з відомими русинами, зокрема з видавцем граматики М. Лучкаєм. „Настоящий хохоль“, – писав про нього в листі своїй матері. Під час обіду з місцевим єпископом усі розмовляли „по малорусски“⁶. Перебуваючи в Ужгороді, І. Срезневський цікавився архітектурою міста, вивчав старовинні рукописи, планував написати історико-географічний нарис Закарпаття. З Мукачєвого вчений спочатку думав через Бескиди їхати на Буковину, а вже звідти – до столиці Галичини, однак, щоб скоротити собі шлях, він вирішив добиратися через Сколе до Стрия⁷. І. Срезневський приїхав до Львова 19 липня, пробув у місті десять днів (до 29 липня)⁸.

„Городъ Лембергъ (офіційна назва міста в австрійський період. – *І. Р.*) не можетъ не понравиться“, – листовно ділився враженнями науковець, усупереч домінуванню польської мови в місті, простолюд із навколишніх сіл розмовляє „по южно-руски“ („польській языкъ естъ господствующій: по-нѣмецки говорятъ жиды и нѣмецкіе чиновники; по южно-руски – простой народъ, приходящій изъ сель. Жидовъ впрочемъ множество“)⁹. Тут він ближче познайомився з І. Вагилевичем, Я. Головацьким, Д. Зубрицьким та Й. Левицьким. Із радістю констатував, що галичани із захопленням читають твори Г. Квітки-Основ'яненка, однак мав застереження щодо правопису галицьких книг („ну ужь правописаніе...“). За короткий час І. Срезневський відвідав у Львові Ставропигійський архів, бібліотеку Оссолінських, місцевий театр, де побачив дві вистави польською мовою¹⁰.

І. Срезневський дав лаконічні характеристики галицьких діячів, з якими йому довелося познайомитися у Львові. Щодо колишніх членів „Руської трійці“ І. Вагилевича та Я. Головацького, то перший, за словами І. Срезневського, „помѣшался на томъ, что въ него влюбляются“, тоді як Я. Головацький „много путешествовалъ“. Найбільш відомий галицький історик першої половини ХІХ ст. Д. Зубрицький активно працював над збором „историческихъ матеріаловъ“, а філолог Й. Левицький – „плохой грамотѣй, хоть и написалъ грамматику“¹¹. Як відомо, граматика Й. Левицького вийшла друком німецькою мовою в Перемишлі 1834 р. під назвою „Grammatik der ruthenischen oder klein-russischen sprache in Galizien“ („Граматика рутенської або малоросійської мови в Галичині“). Однак у книзі була представлена не жива народнорозмовна мова, а мішанина старослов'янських, великоруських і польських слів, з домішками місцевої говірки. І. Срезневський познайомився також з М. Левицьким, одним із засновників перемишльського товариства греко-католицьких священників, цензором руських книжок. На закінчення листа І. Срезневський

коротко зауважив про своє перебування в Галичині: „Каждый день имѣль что-нибудь для работы – и такъ прожилося 10 дней“¹².

Розповіді І. Срезневського про слов'ян, наддніпрянських письменників і вчених зміцнювали серед галичан українську національну свідомість, прагнення прислужитися рідному народу¹³. З нагоди приємної зустрічі Я. Головацький присвятив І. Срезневському в липні 1842 р. щирі слова:

Руський з руським повстрѣчався,
Руський з руським повітався...
Хоч з далекої України,
Хоч з далекої родини –
Вже один другому брат!
Ізв'яжімся, рідні діти, –
Час вже нам відмолодіти!
Свою пісню заспіваймо,
Своєю сили добуваймо –
Та все піде влад!¹⁴

У поезії Я. Головацького домінує мотив єдності великого українського народу, соборницької настрої, що з таким оптимізмом і ясністю, хай навіть і суто декларативною, вперше прозвучали в творчості галицьких письменників¹⁵. „Срезневский был весьма сердечен и дружелюбен со мною, – згадував на схилі віку Я. Головацький, – из его разговоров я многому научился и уяснил себе многие вопросы насчет состояния России, малороссийской словесности и вообще славянского дела“¹⁶.

Інформацію про наукове і літературно-видавниче життя в Галичині І. Срезневський 1842 р. подав міністру народної освіти Росії. Щодо літературної діяльності „южных русов“ учений зробив висновок – „состояние её жалко“, насамперед через відсутність засобів для реалізації письменниками своїх ідей. Серед книжок „на наречии южноруском“, що вийшли в Австрії останнім часом, було звернуто увагу на фольклорну збірку Вацлава з Олеська (Львів, 1833 р. *Збірка досить багата за змістом, писав І. Срезневський, однак видана „без большого умения и часто без критики“*), граматику „руської“ мови в Галичині Й. Левицького (Перемишль, 1834 р. *Хоча в ній перемішано „с наречием южноруским и книжное великорусское, и книжное западноруское“*, все ж ця граматика краща, ніж у попередників О. Павловського і М. Лучкая), „Руське весілля“ Й. Лозинського (Перемишль, 1835 р. *Книжка цікава, була написана „по южноруски“ і надрукована польсько-латинськими буквами, пропозиція введення латинки для „руського“ письма викликала критику серед галичан*), „Русалку Дністровую“ (Будапешт, 1837 р. *Короткий аналіз змісту містив високу оцінку видання – „первый отголосок желания литераторов галицких трудиться сообща, первое собрание их трудов“*), „Pieśni ludu ruskiego w Galicyi“ польського етнографа Ж. Паулі (Львів, 1839–1840 рр. *У книзі містилося, поряд з цікавим, багато вже відомого народно-пісенного матеріалу*), „Галицькі приповідки і загадки“ Г. Ількевича (Відень, 1841 р. *За змістом „собрание превосходное“, але, на жаль, матеріал розміщений в алфавітному порядку“*)¹⁷. І. Срезневський звернув увагу на недоступність руських книг у Галичині, наприклад, видану нещодавно в Угорщині та конфісковану цензурою „Русалку Дністровую“ знайти не легше, ніж рукопис Х ст.¹⁸.

Поїздка до Галичини мала вплив на подальшу наукову діяльність І. Срезневського. Після вивчення мови галичан та їх культурно-історичної спадщини він у статті „Галицьке наречіє“, яка залишилася невиданою, переконував, що мова галичан і наддніпрянських „малоросів“ – однорідна, не є діалектом російської. У „Записках“, які вів І. Срезневський, збереглося кілька ескізів одягу гуцулів, таблиця територіального розселення етнічних груп у Галичині (лемків, бойків, гуцулів). Порівнюючи етнографічний матеріал Галичини й Харківської губернії, вчений доводив, що в одязі та побуті населення цих місцевостей було багато спільного¹⁹. Водночас Ізмаїл Іванович присвятив ряд своїх праць історії Карпатської Русі, розвитку мови і культури місцевого населення, але з них була видана лише одна – „Русь Угорская“ – у віснику Російського географічного товариства 1852 р.²⁰.

Листування І. Срезневського з Я. Головацьким та І. Вагилевичем продовжувалося декілька років (до 1845 р.)²¹. Галицькі діячі одержували, крім його власних видань, літературні й наукові твори з Наддніпрянщини, водночас інформували про свої творчі здобутки. Перший лист до Я. Головацького І. Срезневський написав ще до поїздки в Галичину, не пізніше 1841 р. Повідомивши про бажання краще пізнати мову і звичаї галицьких русинів, автор просив свого галицького адресата про сприяння, зокрема, поради, з ким „поговорити о народу, ёго мови и звичаях“²². Водночас І. Срезневський у листі конкретизував питання, які ставив перед собою під час візиту до краю: „1. Якъ Руській людъ въ Галиціи говорить и якъ де змінивъ свою стару мову... 2. Якъ Руській людъ въ Галиціи живеть, якъ де змінивъ своій старый бытъ и якъ де задержав у ёму те, чого въ иншихъ мѣсцяхъ вже нема“²³.

Хотілося б більш детально зупинитися на листуванні І. Срезневського з колишніми діячами „Руської трійці“. Так, І. Вагилевич передав улітку 1844 р. І. Срезневському, що проявляв інтерес до Галичини після знайомства з краєм, етнографічні замітки, ділився враженнями про свою граматику „руської“ мови, літературну працю²⁴. У листі до Я. Головацького 1 липня 1844 р. колишній діяч „Трійці“ писав, що харківський учений звернувся до нього з проханням надіслати „де які лише маеш записки кстаті жизнї народу южноруського“²⁵. Вагилевичевий лист до І. Срезневського від 2 (14) травня 1845 р. містив прохання передати „южноруські“ твори (С. Гулака-Артемовського, П. Куліша та ін.), обіцянку вислати кілька примірників граматики І. Вагилевича²⁶.

У свою чергу, Я. Головацький висловлював вдячність І. Срезневському 27 липня (8 серпня) 1844 р. „за ласкаво прислані книжки“: поетичні збірки М. Костомарова „Українські балади“ (Харків, 1839) та А. Метлинського „Думки і пісні та ще дещо“ (Харків, 1839), збірник І. Срезневського „Запорожская старина“ (Харків, 1833–1838), п'єсу І. Котляревського „Наталка Полтавка“, опубліковану в „Украинском сборнике“ (Харків, 1838), водночас зауважив: „Дисертації Костомарова, о котрій мені пише-те, я не дістав“. У відповідь Я. Головацький вислав опубліковані Г. Ількевичем у Відні 1841 р. галицькі приповідки і з боєм додав, що „із новин літературних від нас небагато сподівайтесь. ...Нові книжки ... і на пальцях нема що лічити“²⁷. Дисертацію М. Костомарова І. Срезневський надіслав Я. Головацькому іншим разом, у недатованому листі просив вибачення за затримку з відповіддю („ни лѣннивъ, ни забылъ, а частію дѣла много, частію переписка была дорога“). Майже весь лист (чотири сторінки тексту) займають народні приказки, переписані власноруч І. Срезневським²⁸.

На початку 1842 р. І. Срезневський мав зустріч у Відні з братом Якова Головацького – Іваном, який цікавився народознавчою діяльністю. Невдовзі між ними почався обмін інформацією з народознавства, книжковими виданнями. І. Головацький надіслав І. Срезневському в травні 1846 р. альманах „Вѣнок (далі – „Вінок“) русинам на обжинки“ (ч. I), який видав разом із братом Ярославом. Він висловив щире вдячність за поради, що „глибоко вкопались въ душу и неодступными, незабутными товаришами и руководителями остануть въ моѣмъ стремленію; они бо возбудили мою дѣятельность, они одушевили идею Словянства“²⁹. Завдяки І. Срезневському, який надіслав „Марусю“ Г. Квітки-Основ'яненка, та, мабуть, під його впливом Я. Головацький наважився опублікувати в Галичині повість наддніпрянського письменника. Однак переписаний ним і поданий до львівської цензури текст повісті довго був на розгляді у В. Левицького, що заборонив публікацію в 1844 р. Остаточне твір Г. Квітки-Основ'яненка вийшов у Львові зусиллями І. Борискевича в 1849 р.³⁰.

Таким чином, І. Срезневський виявляв інтерес до національного руху в Галичині, протягом кількох років листувався з місцевими діячами (Яковом та Іваном Головацькими, І. Вагилевичем), з якими познайомився під час наукової поїздки слов'янськими землями в 1842 р. У листі до чеського філолога і поета В. Ганки він писав, що „в подорожі своїй“ був щасливим, знайшов цінний історичний, етнографічний і філологічний матеріал³¹. Спілкування з І. Срезневським сприяло активізації народознавчої діяльності галичан, посиленню інтересу серед нечисленної місцевої інтелігенції до вивчення мови, історії, фольклорної спадщини рідного народу. Інформацію про наукове і літературно-

видавниче життя русинів Галичини І. Срезневський подав міністру народної освіти Росії в 1842 р., підкреслював важке становище галицько-руського населення, що опинилося під загрозою колонізації.

¹ *Крюков, А. В. І. І. Срезневський і Галичина.* – Український історичний журнал, 1971, № 5, с. 96 (с. 96–100).

² *Грицак, Я.* Страсті за націоналізмом. Історичні есеї. К., 2004, с. 53; Нариси з історії українського національного руху. Відп. ред. *В. Г. Сарбей.* К., 1994, с. 161, 162; *Ресняк, О.* Україна в імперську добу (XIX – початок XX ст.). К., 2003, с. 12, 13 *та ін.*

³ *Дорошенко, В.* Що знали на Полтавщині про Галичину у 80–90 рр. XIX в. – Наша Батьківщина. Львів, 1937, ч. 9 (вересень), с. 197.

⁴ Галичина и Молдавия, путевья письма Василя Кельсієва. СПб., 1868, с. II.

⁵ Путевья письма Измаила Ивановича Срезневскаго изъ славянскихъ земель. 1839–1842. Съ приложеніемъ карты. СПб., 1895, с. 374.

⁶ Там само, с. 317.

⁷ *Крюков, А. В. І. І. Срезневський і Галичина,* с. 98.

⁸ Матеріали по історії возродження Карпатской Руси. Собрал И. С. Свѣнцицкій. Львовъ, 1906, ч. I, с. 158. Однак, за даними І. Свенціцького у книзі „Обзоръ сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ую пол. XIX в.“ (СПб., 1906, с. 71), І. Срезневський був у Львові 19 днів, такої ж думки дотримувався і М. Шалата (Шалата, М. Маркіян Шашкевич. Життя, творчість і громадсько-культурна діяльність. К., 1969, с. 104).

⁹ Путевья письма Измаила Ивановича Срезневскаго изъ славянскихъ земель, с. 321.

¹⁰ Там само, с. 321, 322.

¹¹ Там само, с. 322.

¹² Там само.

¹³ *Студинський, К.* Причинки до історії культурного життя Галицької Руси в літах 1833–47 / Відбитка з XI і XII т. Збірника фільологічної секції НТШ. Львів, 1909, с. 55.

¹⁴ *Головацький, Я.* [В альбом Измаїлу Срезневському] – В: *Шашкевич, М., Вагилевич, І., Головацький, Я.* Твори. К., 1982, с. 221.

¹⁵ *Петраш, О.* „Руська трійця“. К., 1986, с. 125, 126.

¹⁶ *Головацький, Я.* Пережитое и перестраданное. – В: Письменники Західної України 30–50-х років XIX ст. К., 1965, с. 270.

¹⁷ „Русалка Дністрова“. Документи і матеріали / Упоряд. Ф. І. Стеблій та ін. Відп. ред. Ф. І. Стеблій. К., 1989, с. 200, 201.

¹⁸ Там само, с. 202.

¹⁹ *Крюков, А. В. І. І. Срезневський і Галичина,* с. 99.

²⁰ Там само, с. 98.

²¹ *Свѣнцицкій, И. С.* Обзоръ сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ую пол. XIX в., СПб., 1906, с. 73.

²² Львівська національна наукова бібліотека (далі – ЛННБ) ім. В. Стефаніка НАН України. Відділ рукописів, ф. 36 (Головацький, Я.), спр. 344, арк. 1 зв.

²³ Кореспонденція Якова Головацького в літах 1835–49. Видав К. Студинський. – Збірник фільологічної секції НТШ. Львів, 1909, т. 11–12, с. 21, 22.

²⁴ *Студинський, К.* Причинки до історії культурного життя Галицької Руси в літах 1833–47, с. 56.

²⁵ Кореспонденція Якова Головацького в літах 1835–49, с. 126; Вагилевич І. До Я. Ф. Головацького (1844). – В: *Шашкевич, М., Вагилевич, І., Головацький, Я.* Твори, с. 209.

²⁶ Матеріали по історії возродження Карпатской Руси, с. 184, 185.

²⁷ *Головацький, Я.* До І. І. Срезневського (1844) – В: *Шашкевич, М., Вагилевич, І., Головацький, Я.* Твори, с. 312, 313.

²⁸ ЛННБ ім. В. Стефаніка. Відділ рукописів, ф. 11, спр. 3782, арк. 1, 2 зв.

²⁹ *Студинський, К.* Причинки до історії культурного життя Галицької Руси в літах 1833–47, с. LVI, LVII.

³⁰ Там само, с. 69.

³¹ *Крюков, А. В. І. І. Срезневський і Галичина,* с. 100.

О КНИГЕ „СВЯТИЛИЩА И ОБРЯДЫ ЯЗЫЧЕСКОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ ДРЕВНИХ СЛАВЯН ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ СОВРЕМЕННЫМ И ПРЕДАНИЯМ“ И. СРЕЗНЕВСКОГО

Д. Айдачич

Айдачич, Д. В. Про книгу „Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям“ *И. Срезневского*

Автор досліджує книгу І. І. Срезневського про святилища і обряди поганських слов'ян (Санкт-Петербург, 1848; Харків, дисертація 1846), історичні, лексикографічні й фольклорні джерела та їхню аутентичність, назви й властивості святилищ. Розглядається вплив підробок (особливо Вацлава Ганки) на погляди Срезневського, внесок автора у знання про обрядову культуру стародавніх слов'ян й доля книги в історії славістики.

Ключові слова: І. Срезневський, релігія, обряди, святилище, язичники, слов'яни, славістика.

Айдачич, Д. В. О книге „Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям“ *И. Срезневского*

Автор анализирует книгу И. И. Срезневского о святилищах и обрядах языческих славян (Санкт-Петербург, 1848; Харьков, дисертація 1846), исторические, лексикографические и фольклорные источники и их подлинность, названия и свойства святилищ. Рассматривается влияние подделок (особенно Вацлава Ганки) на взгляды Срезневского, вклад автора в знания об обрядовой культуре древних славян и место книги в истории славистики.

Ключевые слова: И. Срезневский, религия, обряды, святилище, язичники, славяне, славистика.

Ajdachich, Dejan. About the book “Sanctuaries and Rituals of pagan Religion of ancient Slavs on the contemporary Testimonies and Legends” of *I. Sreznevskiy*

The author analyzes the book of I. I. Sreznevsky of sanctuaries and rituals of pagan Slavs (St. Petersburg, 1848; Kharkov, Thesis 1846), historical, lexicographical and folk sources, and their authenticity, the names and properties of the sanctuaries. The effect of fraud (particularly of Vaclav Hanka) to view of Sreznevskiy, contribution to the knowledge of ritual culture of the ancient Slavs and the fate of books in history of slavistics.

Keywords: I. Sreznevskiy, religion, rituals, sanctuary, pagans, the Slavs, slavistics.

Измаил Срезневский, как адъюнкт-профессор Харьковского университета, получил стипендию российского Министерства народного просвещения на три года для изучения культуры и быта славянских народов, прежде всего Австрийской империи. В 1839 г. в возрасте 27 лет он направился сначала в Берлин, а потом посетил Польшу, Лужицу, Словакию, Чехию, Словению, Хорватию, Галицию, Сербию и Черногорию, где собирал материал в академических библиотеках и лично познакомился с ведущими славистами своего времени. После окончания долгого путешествия с образовательной и научной целью, И. Срезневский осенью 1842 г. вернулся в Харьков, где до 1847 г. преподавал славистические предметы. В конце харьковского периода своей жизни и творчества¹ написал докторскую диссертацию „Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям“, которую защитил 3 декабря 1846 г. в Харькове. Срезневский стал первым доктором славяно-русской филологии в Российской империи. Его работа, опубликованная в Харькове, состоит из 107 страниц. Позже разделы диссертации были опубликованы в петербургском журнале „Финнский вестник“ за 1847 год (т. 20, 21, 23), а в 1848 г. в столичной типографии К. Жернакова вышла отдельной книгой на 96 пронумерованных страницах. Книга петербургского издания, которой мы пользовались², содержит краткое вступительное слово и содержание на пронумерованных двух страницах, предисловие (1–18), первую главу о святилищах (19–56), вторую главу – об обрядах богослужения (57–93) и заключение (94–96). После относительно быстрого появления трех изданий на протяжении трех лет – две в форме книги и одного журнального варианта 1847 г., сей труд долгое время не переиздавался, а новое издание увидело свет лишь в 2011 г. в московском издательстве „Красанд“. Книга Срезневского в полном варианте доступна в электронном виде на проекте Google books³.

Как известно, в первой половине XIX века интенсивно развивались сравнительные исследования религий, а самую большую популярность завоевали немецкие философы романтизма и языковеды. В рамках на то время ведущей немецкой филологии знаменитые Й. фон Гёррес, Ф. Кройцер и братья Гримм исследовали индоевропейские корни европейских мифологий, попутно включая в свои обзоры и славянский материал. Это было время рождения научной славистики и установления сотрудничества таких национальных великанов, как В. Караджич, М. Максимович, Я. Коллар, В. Ганка, Ф. Челаковский, П. Шафарик, с которыми молодой И. Срезневский лично познакомился и поддерживал контакт через переписку.

Срезневский в исследованиях языческой религии вообще не вспоминает „*Синописис*“ и сокращенный русский перевод (1722) с итальянского „*Королевства славян*“ (1601) Мавра Орбини, ошибочно там названного Мавроурбин, ни книг „кабинетных мифологов“ конца XVIII – начала XIX века Г. Глинки, М. Чулкова и А. Кайсарова, ни списки Ю. Венелина, которые в 40-х годах XIX в. считались уже превзойденными и устарелыми. Новые мерила критического отношения к источникам открыла знаменитая и энциклопедически богатая книга П. Й. Шафарика „*Slovanské starožitnosti*“ (1837), которая породила ряд исследований языческой народной культуры. Перевод Осипа Бодянского книги Шафарика на русский язык появился под названием „*Славянские древности*“ в трех томах в 1837 и 1838 годах почти одновременно с изданием в оригинале. Эта книга была основой славистических курсов первых русских славистов⁴. Вскоре в Российской империи выходит ряд книг о славянских древностях: „*Начертание славянской мифологии*“ петербургского профессора Михаила Касторского (1841), „*Славянская мифология*“ Николая Костомарова (1846), „*Святылища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям*“ Измаила Срезневского (1846/1848) и „*Мифы славянского язычества*“ Дмитрия Шеппинга (1849).

Некоторые разделы книги И. Срезневского печатаются в известных журналах того времени: „Журнале Министерства народного просвещения“ (1846, 1847), „Чтениях в Обществе истории и древностей российских“. Труды Срезневского о языческой религии славян (после книги о святылищах на общеславянском фоне) представлены в нескольких более поздних исследованиях⁵.

Об источниках. Срезневский в своём произведении использовал на то время известные средневековые нарративы германских и датских хронистов и миссионеров, а также работы чешских и польских латинистов. Византийские источники автор цитирует по многотомной компиляции латинских переводов „*Memoriae populorum*“ Ивана Стриттера (1740–1801), изданной в Санкт-Петербурге. Арабские источники Срезневский использует по двум изданиям российской Академии – русского ориенталиста немецкого происхождения Христиана Френа „*Ibn-Fozzlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit*“ (1823) и французского ориенталиста Франсуа Бернар Шармуа „*Relation de Masoudy et d'autres auteurs musulmans sur les anciens Slaves*“ (1833). Срезневский, как правило, цитаты из неславянских источников подает в переводе на русский язык. Будучи хорошо знакомым с источниками и исследованиями о языческих святылищах и обрядах древних славян, в предисловии он высказывает мнение, что авторы до него часто повторяли небольшой круг древних источников, в основном, списки германских, датских и византийских хронистов.

Срезневский намного чаще, по сравнению со своими предшественниками и современниками, использует словари, близко к позициям современной этнолингвистики, которая лексический материал связывает с интегральным изучением народной культуры. Автор привлек старый „*Лексикон*“ Памва Беринды (1627), два словаря вендского языка XVIII века – люнебургского наречия Христиана Хенига фон Эссена, немецко-словенский словарь Освальда Гутсмана (1789), словарь лужицкого языка (1721) и словарь иллирийского языка Белостенца (1740), словарь Стулия (1806), так называемые чешские древности „*Mater verborum*“ Вацерода в издании Вацлава Ганки (1833). Русский славист лексический материал черпает также из польского словаря Самуила Богумила Линде (1807–1814), из „*Сртског речника*“ Вука Караджича (1818), чешско-немецкого словаря Йозефа Юнгмана (1835–1839) и чешского словаря Юрия Палковича (1821), этимологического словаря сло-

венского духовника, писателя и лингвиста Урбана Ярника “*Versuch eines Etymologikons der slowenischen Mundart in Inner-Oesterreich*” (1832), „*Корнеслова русскаго языка*“ Федора Шимкевича (1842). Пользуется автор и лингвистическими трудами Ф. Палацкого, „*Славянской грамматики*“ вдохновителя славянского единства Йозефа Добровского, исследованием “*Glagolita Clozianus*” о сохранных страницах глаголической проповеднической книги XI века, которую издал Варфоломей (Ерней) Копитар (1836), и др.

И. Срезневский привлекает как источники, так и сочинения о древнем праве – книгу А. Кухарского о древнейших памятниках славянского законодательства (1838), научный труд Вацлава Александра Мацеевского “*Pamiętniki o dziejach piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian*” (СПб., 1839), а также такие источники, как „*Законник Стефана Душана*“, „*Руска правда*“ (по российскому изданию, 1848: 20; Раковецкого 1848: 39). Особое внимание Срезневский уделяет новым и новейшим записям устной традиции, объединяя свои анализы древних источников с „современными свидетельствами“ и „все, что с остатков языческой обрядности мне удалось заметить в народе“ (Срезневский 1848: 5). Фольклорные источники Срезневского более подробно отразим в анализе представлений отдельных славянских народов.

Догматы древней религии славян. Во вступительном слове автор рассматривает основы языческих верований (Срезневский 1848: 1–18), придерживаясь древних источников Гельмольда и Прокопия, а также на то время современных объяснений Павла Шафарика и Михаила Касторского. Самый важный догмат древней веры славян, по Срезневскому, – это существование единственного верховного бога, который является родоначальником всех других богов. Автор подтверждает существование других славянских богов, но указывает, что их положение относительно верховного бога – подчинённое, ссылаясь на латинско-лужицкий словарь Ю. Светлика (1721). В этом словаре в лексикографическом описании рядом с *idolum* подается слово *pribobojo*, которое Срезневский переводит как *прибоги* и включает в общую концепцию о богах вместе с объяснением, что других богов создал Бог богов или Великий бог – они были его творением, играя роль посредника между ним и миром (Срезневский 1848: 4). По мнению ряда исследователей, включая Срезневского, существование верховного бога могло влиять на восприятие христианства как монотеистической религии.

И. Срезневский ссылается на мнение Прокопия, что верховным богом есть хозяин громов, и считает, что Прокопий смешал два понятия: понятие невидимого и видимого бога (Срезневский 1848: 2–3). Поэтому в своем комментарии уточняет византийского автора, подчеркивая, что Перун – это видимый бог. Ученый рассматривает и точку зрения Гельмольда о единобожии славян, заключая, что по немецкому летописцу „бог богов“ – Световид (Срезневский 1848: 3). Вопрос имени верховного бога славян достаточно сложный, поскольку на разных славянских территориях встречаются разные имена. Шафарик и Касторский еще до Срезневского пользовались синтагмой „бог богов“ и идеей о том, что славяне имели единственного верховного бога, который мог на востоке и западе по-разному называться. Проблемы общеславянских и локальных особенностей мы рассмотрим ниже.

Срезневский считает, что славяне верили и в богинь. В подтверждение ссылается на Масуди, который описывает деву в сравнении с главными идолами, а также на упоминание Ибн Фадлана о жене и дочери Русского бога, описания богини лютичей Титмара, богинь в храме Ретры (Срезневский 1848: 5), непроверенные источники вроде древнечешских слов Вацерада (1848: 6).

Названия святилищ и идолов. Места проведения обрядов на природе, пишет Срезневский в первой главе, могут быть местами поклонения божествам стихии возле родника, огня, святого дерева или в святилищах. Внимательный анализ, благодаря которому Срезневский объединил старые и новые данные о „поклонении воде“, „почитании воды“, „богослужении возле воды“, „спускании за водой“, показывает воду как сакральный и обрядовый объект (Срезневский 1848: 20). В обрядах, связанных с огнем, автор анализирует разные календарные периоды: летние обряды с разжиганием костров на Ивана Купала, „огнепоклонение“, зажженное бревно Коляда во время празднования Рождества у сербов,

гадание на углях у разных славянских народов и пр. Исследование обрядов, связанных с водой и огнем, представляет образцовый синтез высшего уровня для середины XIX века.

В разделе „О храмах“ (Срезневский 1848: 37–47) и остальном тексте Срезневский называет места проведения обряда: *святимище, городище, храм, капище, требище, урочище*, реже употребляется слово *престол*. Слово из заголовка *святимище* автор использует как общее наименование. Употребление этого названия свидетельствует: автор не придерживается христианского принципа о том, что место общения с богом ограничивается христианским вероисповеданием. Он использует как близкие по значению слова *святимище* и *храм* в описаниях арабских путешественников, датских и германских хронистов.

Городище представляется по описанию Зориана Доленги-Ходаковского (Срезневский 1848: 33–36) и данным археологического исследования Константина Калайдовича. В книге, где не так много полемики, Срезневский не соглашается с точкой зрения Доленги-Ходаковского о невозможности нахождения *городищ* вблизи друг друга и приводит факты, которые в ряде случаев противоречат такому обобщению (Срезневский 1848: 35). Как „недосмотр“ Доленги-Ходаковского исследователь поддерживает мнение о том, что городища строятся на возвышенностях над устьем двух рек, но подает примеры, которые не соответствуют этому принципу (Срезневский 1848: 35). Городище рассматривается как культовый объект, являющийся чем-то средним между местом для идолов и храмом, который имеет валы, иногда пепел, жертвенные предметы и человеческие останки. Существуют два типа: открытое городище, около которого нет ограждения, и другое, которое может быть скрытым (Срезневский 1848: 36). В книге перечислены городища на широком славянском пространстве. Через несколько лет после издания своей книги Срезневский опубликовал и отдельную статью „О городищах в землях славянских, преимущественно западных“ (1850)⁶.

В разделе об устройстве и расположении храмов он пишет, что внутренность храма славянских язычников (прежде всего по записям о балтийских славянах) делится на две части: переднюю часть и само святимище (Срезневский 1848: 42). Сакральный центр храма может быть посередине, но чаще всего – в противоположном конце от входа (Срезневский 1848: 43). Русский исследователь не исключает возможность существования купола и полукупола, ссылаясь на Масуди и остатки старого славянского храма в силезском городе Любусе (Срезневский 1848: 44). Срезневский полагает, что храмы не были низкими, оценивая их в 5 или 10 аршинов минимум (Срезневский 1848: 44). Согласно источникам, храмы строились из дерева, но на основании свидетельств из Мекленбурга и Померании, слухов от Масуди и по некоторым каменным останкам в Саксонии и Силезии, после публикации Срезневского подтверждается существование каменных храмов у славян (Срезневский 1848: 45–46). В поддержку славянского, а не немецкого происхождения каменных останков, автор утверждает, что известные замки славянского происхождения построены из камня; славяне владели техникой строительства каменных сооружений, а также упоминает о каменном *тереме* Ольги (Срезневский 1848: 46).

Срезневский подчеркивает большое значение рогов, которые находились во многих храмах (Срезневский 1848: 46), и ориентации святимища на восток, куда направлялись обращения к богам (1848: 47). Священники здесь не жили, но в одиноких храмах, в которых никто не жил, можно было остаться по необходимости.

Капище упоминается в средневековых христианских источниках восточных славян: согласно „Киевскому паперику“, капища в Ростовской области уничтожил чудотворец Исаия; о капищах пишет и митрополит Илларион. Срезневский раскрывает значение и этого слова – идол, жертвенник, цитируя места, в которых оно также переведено в „*Новом Завете*“ (Срезневский 1848: 38, 41), но, учитывая этимологию Й. Добровского (от *kap-ati*), задается вопросом: не правильней ли будет от *kon-om* (см. гр. *hapτος*) (Срезневский 1848: 38)? Современный этимологический словарь подтверждает его существование в старославянском языке, отсылая к старочувашскому – дунайско-болгарскому со значением „форма, фигура“⁷. В переводе описания храма Руевита в Коренице Саксона на острове Руян „капище“ употребляется как название для основной части храма с идолом (Срезневский 1848: 41).

Требнице упоминается в Новгородской летописи. Срезневский толкует его как храм-жертвенник и находит старославянское подтверждение из библейских текстов и этимологии *Требити теребить* – щипать, выщипывать, вырезать, вычищать; *трѣба* – нужда, обряд (1848: 38). У Срезневского не встречается название *божница*, а также *кумирище*, *кумирища*, которые походят от слова кумир⁸. Встречается и слово *калдовиче* со значением жертвенник по словарю “*Deutsch Windisches Wörterbuch*” Гутсмана (1789) (Срезневский 1848: 60). Срезневский подает слово того же и сродного корня, указывая на их возможную семантическую связь.

Чаще всего используется слово *идол*, а рядом с ним сложенные слова *идолопоклонство*, *идолослужение* (1848: 51). По записям, которыми пользуется Срезневский, славяне своих богов (идолов) делали, прежде всего, из дерева, называя их разными именами. О том, что идол сделан из дерева, свидетельствует название *болван*, *балван* (по словарю польского языка Линде; Срезневский следует Шафарику, 1848: 51). Слово *кумир* в значении языческого идола часто используется в старославянских текстах, а его происхождение, по современным этимологическим реконструкциям, – осетинское или болгарское. Срезневский, рассматривая слово *кумир*, ссылается на грамматику Добровского и Копитара (Срезневский 1848: 50), а анализируя слово *истукан* – на „*Лексикон*“ Памва Беринды 1627 г. (истукаю – выливаю – 1848: 50). В переводах использованных источников появляются и сложенные названия типа „рукотворные боги“ (Срезневский 1848: 40) Титмара в треугольном храме Ридегосту.

Мистификации. Чтобы было понятно, каким образом на выводы Срезневского влияет одновременное использование подлинных и поддельных записей, следует из его книги выделить информацию, которая не является оригинальной, посмотрев, в какой сфере интересов она появляется, как ее использует автор, к каким обобщениям она ведет Срезневского и других исследователей своего времени, убежденных в надежности и достоверности использованных материалов.

Главное направление мистификаций Я. Длугоша и В. Ганки – выдумывание богов, ради расширения пантеона с добавлением некоторым из них определенных компетенций в рамках разделения божьих дел. Срезневский приводит, к примеру, богов Длугоша: Дедилля, Девана, Марана (1848: 6), Ния (Срезневский 1848: 14)¹⁰, но мистификации Длугоша в полной мере не используются и существенного значения для реконструкции веры языческих славян не имеют. Особенно негативное влияние на мнение Срезневского о богах славян имело его убеждение, что мистификация Вацлава Ганки „*Краледворская рукопись*“ и словарь “*Mater verborum*” Вацера – достоверные свидетельства о древней вере. “*Mater verborum*” – это названия для вымышленных и дописанных чешских слов в чешском списке средневекового лексикографического произведения Саломона из Сент-Галленского монастыря, известного под названием “*Glossae Salomonis*”. Этот лексикографический латинский труд конца IX века потом переписывался и, в большинстве случаев, в новых версиях получал немецкие глоссы. В экземпляре из пражской библиотеки находилась перепись неизвестного чешского монастыря 1102 года с чешскими глоссами, о чем первым кратко сообщил Вацлав Ганка в 1827 году в “*Časopise společnosti vlastenského Museum u Čechách*”. Ганка опубликовал чешские глоссы “*Mater verborum*” в 1833 году в “*Zbírce nejdávnejších slovníků latinsko-českých*”, а почти все их Й. Юнгман включил в свой чешско-немецкий словарь. Авторитет этого изобретения подтвердили Ф. Палацкий и П. Й. Шафарик научным изданием с комментариями в 1840 году (Срезневский 1848: 4). Подозрения по поводу подлинности без аргументации первым высказал Е. Копитар, а доказательства мистификации предоставил А. Патера.

Во время своего пребывания в Европе Срезневский лично познакомился с В. Ганкой, а затем опубликовал статью „Извлечения из „Краледворской рукописи“ касательно религиозных верований и обрядов“ (1840). Срезневский ценил Ганку, был с ним в тесной переписке двадцать лет, свои впечатления о славянских странах опубликовал как открытые письма Ганке. С Ганкой полемизировал он только о вопросах трактовки „Реймского евангелия“, а также сербского и хорватского правописания. Срезневский в 1861 году издал „Воспоминания о В. В. Ганке“ и „Обзорение филолого-археологических трудов В. В. Ган-

ки“. В книге о святилищах он подает обширные цитаты, часто ссылаясь на „*Краледворскую рукопись*“¹¹ как надежный и подлинный документ, что соответствовало мнению об открытиях Ганки, которые еще не ставились под подозрение или не рассматривались как мистификации. В их подлинности не сомневался и Срезневский, используя вымышленные названия богов мнимого автора чешских глосс XII века, внесенных в список латинской рукописи „*Mater verborum*“. Как уже отмечалось, впервые их опубликовал Ганка в 1833 году, а Срезневский подает их по изданию Палацкого и Шафарика записей так называемого чешского монаха Вацерода, который указывает имена богов: Дъвана, Лътница, Лада, Лютица, Морана, Хлипа; Дъвана – дочь Перуна и Лътницы, Радагаст – внук Крта, Страца – сын бога времени Ситиврата (Срезневский 1848: 6). Главное доказательство тезиса Срезневского о взаимоотношениях славянских богов как членов семьи, где верховный бог является главой, основаны на вымышленной мифологии Ганки. Сожалея, что следов об их отношениях осталось мало, Срезневский пишет: „В Вацерода читаем, что Девану считали дочерью Перуна и Летницы. Радагаста – внуком Крта, Страца – сыном Ситиврата“.

Благодаря „источникам“ Ганки, которыми активно пользовался Срезневский, его выводы, особенно о славянских богах, делают труд на сегодня устаревшим. Срезневский защищал подлинность „*Краледворской рукописи*“ в 1861 г., когда в Чехии появились сомнения в её аутентичности. Даже незадолго до смерти Срезневский пытался защитить Ганку в статье „Чешские глоссы в „*Mater verborum*“: разбор А. О. Патеры и дополнительные замечания И. И. Срезневского“ (1878). Но в России в конце семидесятых годов XIX века труды В. Макушева, В. Ламанского и А. Кочубинского неопровержимо доказывают факт фальсификации¹², а Ламанский статьей „Новейшие памятники древнечешского языка“ (1879–1880) выступает против намерения Срезневского защитить Ганку от разоблачения Патеры¹³.

На фоне другой мистификации, сведения которой И. Срезневский отверг, более ясным становится его отношение к неподлинным источникам, равно как и к последствиям некритического их использования. В свое время много внимания любителей древностей привлекла коллекция бронзовых фигур из села Прильвица, расположенного в краях, где когда-то жили славяне (Мекленбург). Прильвицкие идолы с надписями, которые позже были расшифрованы как надписи языческих славян, в 1768 г. доктор Хемпель купил у ювелира Якоба Шпонхолца. Тогда ещё не знали, что фальсифицированные бронзовые статуэтки связаны с языческими верованиями славян и надписью Ретры, что вызвало интерес коллекционеров фигурок и историков храма в Ретре. По заказу принца Мекленбург-Стрелицкого придворный мастер зарисовал найденные идолы, а его придворный советник и проповедник Андреас Готтлиб Маш написал книгу „*Die gottesdienst Alterthümer der Obodriten*“ (1771). Со временем поляк Ян Потоцкий, автор известной „*Рукописи из Сарагосы*“, как коллекционер приобрел несколько фигур, заказав для своей книги „*Voyage dans quelques parties de la Basse-Saxe pour la recherche des antiquités slaves ou vendes*“, изданной в Гамбурге в 1795 г., новые зарисовки мнимых ретранских идолов, присовокупив к ней краткий словарь славянских слов. Срезневский книгу 1771 года об ободритах упоминает с замечанием, что идолы из Прильвица – „бесмысленная подделка“ (Срезневский 1848: 53). Он не считается с мнением авторов, которые использовали книгу Маша о благах Ретры – Боттона, „Историю“ Фаддея Булгарина, „*Historia narodu polskiego*“ Адама Нарушевича, „*Über die Ächtheit der sogenannten Obotritischen Runendenkmäler zu Neu-Strelitz*“ Якоба Андреаса Левецова (1836), „*Wissenschaft des Slavischen Mythos*“ чешского профессора Яна Гануша (1842), профессора Бернхарда Ингемана из Копенгагена, который, по мнению М. Касторского, воссоздал дуалистическую веру славян, ссылаясь на Маша. Следуя П. Шафарику (1837), Касторский работе Маша как мистификации придавал такую важность, что год издания его книги назвал переломным в исследовании славянской мифологии и разделил ее на период до 1771 и после 1771 года. Срезневский вслед за публикацией книги о святилищах опубликовал ещё две статьи, связанные с ретранскими фигурами: „Древние письмена славянские“ (1848)¹⁴ и „(Прильвицкие древности) Новое сочинение Яна Коллара „*Die Götter von Retra*“ (1851)¹⁵.

Ссылка Срезневского на мистификации Длугоша, Ганки, Сахарова, расширивших пантеон вместе с приписыванием компетенций вымышленным богам, не сильно отразилось на центральной теме его исследования, поскольку все эти мистификации игнорируют обряды, посвященные этим богам. Так и в труде Срезневского, в центре которого были святилища и обряды языческих славян, доходит до парадоксальной ситуации – он цитирует мистификаторов с их „кабинетными богами“, но не может предложить их тождественность соответствующим обрядам. Как ни странно, очевидная и несоразмерно слишком развитая мифология при отсутствии ритуала не посеяла зерна сомнения у русского исследователя, а также не повлияла на появление новых вопросов в связи с нехваткой источников.

Поскольку в конце XIX века уже намного критичней относились к источникам, и мистификация Ганки ни у кого больше не вызывала сомнений, целый ряд реконструкций древней веры славян утратил смысл. Сам Срезневский одним махом стер всех поклонников Маша, но пришло время, когда и его труд постигла такая же участь. Книга Срезневского была обречена на забвение, даже то, что в ней было полезного. Хотя он был умным и начитанным исследователем, тщательно и широко образованным славистом с энциклопедическими знаниями, которые П. Шафарик высоко ценил, российский ученый отдал дань заблуждениям целого поколения филологов. Тем не менее, книга Срезневского предшествовавшая синтетическим работам А. Котляревского, А. Афанасьева, А. Потебни, А. Веселовского и Н. Сумцова, была шагом вперед прежде всего благодаря обширному славистическому материалу. Даже А. Афанасьев, великий коллекционер и компилятор XIX века, часто не отличал подлинное от фальсификата. По критичности, однако, исследование Срезневского не может сравниться с трудами Александра Веселовского и Николая Сумцова. Критическое отношение к источникам во времена Срезневского только начинало приобретать значимость. Работа по анализу источников стала неотъемлемой частью изучения языческих верований. К сказанному можно добавить, что сам автор в молодости как творец „*Запорожской старины*“ пропустил некоторые подделки или сам же их и сочинил. В этом контексте Ганка и Срезневский предстают как собратья по „научному патриотизму“, что ставит под сомнение саму идею такой науки, основанной на „записях“, которые не являются оригинальными.

С распространением неоязычества и восстановлением веры в псевдоакадемические библиотеки на основе сомнительных источников, Срезневский оказался в неоднозначном положении: одной ногой он стоит на почве науки, которая требует соблюдения строгих правил, но, с другой, в своей книге выражает позиции, которые могут представлять интерес разве что неоязыческих „ученых“. Задача академической филологии и антропологии – критически защитить Срезневского от возможных злоупотреблений его авторитетом.

Обращаясь к народным пословицам, когда речь идет о веровании в судьбу и *роениц*, *рожениц* (1848: 7), Срезневский ссылается на „*Слово христороубца*“, приводит русские и сербские пословицы, а также хорватские предания из книги „*Рожденик*“. Николай Зубов в книге „*Лингвотекстология середньовічних слов'янських повчань проти язичництва*“ (2004) доказал, что роженицы – это не существа из языческих верований; они представляют собой неправильно истолкованные понятия из христианской полемики о Богородице. То, что было частью полемического текста, понимается невнимательными хронографами и мифологами как доказательство наличия существ, которые называются роженицами.

Балтийские (полабские) славяне. Измаил Срезневский использовал широкий ряд хроник на латинском языке о балтийских славянах. Следуя примеру Шафарика, он изначально предполагал, что иностранные завоеватели были слишком предвзятыми, из-за чего они не могли понять все факторы чужой религии, но в самом тексте не исправил точку зрения хронографов средневековья, а пытался уточнить структуру и величину святилищ. Оценивая возможную высоту славянских храмов, упомянутых в латинских списках, харьковский профессор предполагает, что летописцы сравнивали их с христианскими церквями, которые были им известны, чтобы, несомненно, подчеркнуть тот факт, что славянские языческие святилища ниже (1848: 44). Срезневский не приводит комментариев, которые бы могли принципиально оспорить мнение латинистов. Без комментариев остался и один

из самых ранних латинских источников о саксах, в котором бенедиктинец Видукинд Корвейский (приблизительно в 925–980 гг.) упоминает, что идол Сатурна из меди вылили балтийские славяне (Срезневский 1848: 51).

По „Хронике“ священника Титмара (Дитмара) Мерзебургского (975–1018), в болотистой и лесистой местности Щецинского залива, на запад от Одера, в Мекленбурге, племя редаров (ободритов) на Ридегосте (Радегосте) имело треугольный храм с тремя дверьми, среди которых недоступная, самая низкая дверь, находилась на востоке, развернутая к морю. В храме были резные идолы, среди которых главным считался рукотворный Сварожич; тут же находились и рога (Срезневский 1848: 40)¹⁶. Возле Ретры, по Титмару и летописцу Сасу, располагалась священная роща со священной сосной (1848: 30). Срезневский использует более поздний латинский источник XI в. „Деяния епископов Гамбургской церкви“ (пр. 1075) Адама Бременского, предполагая, что „знаменитый город редаров, Ретра, – столица идолопоклонства“ (Срезневский 1848: 40), храм, снова возведенный после разрушения на месте, которое описал Титмар. Исследователь замечает, что и Гельмольд упоминает в своем труде храм в Ретре.

Срезневский широко использует три источника истории балтийских славян XII века: „Житие Оттона Бамбергского“, „Славянскую хронику“ („Chronica slavorum“) немецкого пресвитера и миссионера Гельмольда (ок. 1117–1177) и „Деяния данов“ („Gesta Danorum“) урстуна датско-славянской стычки Саксона Грамматика (ок. 1140–1216). Из „Жития Оттона Бамбергского“, главным образом по словам участника проповеднических походов и Оттонового помощника Сефрида, описывается храм в Щецине на самом высоком из трех холмов с окрашенными фигурами и трехголовым идолом Триглава (Срезневский 1848: 39). Недавно сербский этимолог и фольклорист Александр Лома, связывая записи разных эпох в своей статье о Чернобоге, предположил, что Чернобог и Триглав – разные названия одного бога¹⁷. По Сефриду Срезневский перечисляет и храмы в Гуцкове, Лютичах, Вольгасте, Юлине, Гавельберге, ободритский храм (Бодрича) в Ростоке и Мальхове, храм Руевита в Коренице на острове Руян (1848: 42).

Верование в святые дубы вытекает из Гельмольдова описания огражденной рощи по дороге из Старгарда к Любеку, где почитают „бога того края Проне“ (Срезневский 1848: 30). Он утверждает, что здесь были пенаты и идолы, существовал жрец, который проводил жертвенные обряды. В изучении языческой мифологии славян Срезневский повторяет известное и неоднократно цитированное Гельмольдовое название Чернобога (1848: 12), к которому добавляет топонимы гор Чернобог и Белобог у лужичан. По словарю вендского языка люнебургского наречия Кристиана Хенига „*Vocabularium Venedicum*“ (1705), черта называли Чернобогом (Срезневский 1848: 12). Говоря о веровании в Белобога в Померании, Срезневский основывается на „*Codex Pomeraniae diplomat*“ (1848: 13).

А. Лома отталкивается от предположения о том, что и в племенах прибалтийских славян культ сосредотачивался на одном верховном боге так, что само его имя находит отклик в письменных источниках. В то время, когда другие почитаемые божества остаются анонимными, связывание двух теонимов, *Чернобог* и *Триглав*, с одним и тем же местом и временем указывает, что празднование, которое описывает Гельмольд, надо приписывать именно Триглаву и что к нему относится имя *Чернобог*¹⁸. Гельмольд упоминает и Плонский храм в стране вагров, храм цирципанов и Аркону с Руяна (Срезневский 1848: 40).

В хрониках Саксона Грамматика описано завоевание знаменитой славянской святыни Арконы на балтийском острове Руяне (Рюген). Саксон описывает местных кумиров – резные и грубо окрашенные фигуры, а также разрушение Святовидового кумира (Срезневский 1848: 41). Размер храма не впечатлил Саксона, а Срезневский оценивает его как действительно небольшой (1848: 42–43), подчеркивая, что идолов нужно было перерезать, чтобы вынести из храма (1848: 43). Саксон не описывает ободритский храм в Ростоке (1848: 42). Срезневский же переносит Саксоново описание идола Руевита из Кореницы, сделанного из дуба, который имел семь мечей на поясе и восьмой в руке, и был таким высоким, что рослый человек едва прикасался к его бороде топором (1848: 41, 52–53). Анализируя молитву, Срезневский хвалит остроумное истолкование Тиверием („*Historia rit. Slav. Lusat.*“) описания идола Поренута из Кореницы с левой рукой на лбу и подбород-

ком на груди как представлении о боге в минуту молитвы в записе Саксона (Срезневский 1848: 62–62).

Компилятор Марескалк Турий в “*Annales Herulorum*” (1521) пишет о рощах Живы (Срезневский 1848: 30), а Арнольд из Любека в продолжении Гельмольдовой „*Славянской хроники*“ говорит о рощах Годерака (1848: 30). По идолам, описанным в латинских хрониках, балтийские славяне верили в Световида, Сварожича, Триглава, Чернобога, Рувита, Поревита и Поренута. Триглав имеет три головы, идол Поренута – четыре лица и пятое над грудью, а идол Поревита – пять голов. Славянские идолы украшались резьбой и рисунками, могли даже быть представлены и рисунком на флагах (1848: 48). Срезневский утверждает, что много идолов было с панцырями и в шлемах, некоторые носили жезл или палку, встречались и посеребренные или позолоченные статуи (1848: 53).

Среди неславянских мифологов своего времени Срезневский цитирует труды братьев Grimm, Людвиг Гизебрехта, Густава Клема, Карла Прайскера и др.¹⁹

О верованиях и святилищах чехов, словаков и поляков. В книге Срезневского источники о чешских и польских верованиях неравной подлинности, поэтому ненадежные и мистифицированные выдумки Яна Длугоша (1415–1480), чешские мистификации Вацлава Ганки и Йозефа Линды, как самые сомнительные источники, в работе Срезневского рассматриваются отдельно, чтобы более очевидным было различие в выводах оригинальных записей и тех, которые подвергались изменениям. Учитывая тот факт, что в Длугоша именуются и подлинные данные, его “*Historia polonica*” нужно читать критически. Вслед за Длугошем и Бельским, Срезневский называет храмом и святилище богини Живы на горе Живец (1848: 39), а Длугош упоминает идолослужения в Гнезне, что подтверждает критическая историография.

Срезневский, ссылаясь на хронику Пржибика Пулкавы из Раденина (+1380) и в “*Monumenta Historica Boemiae*” чешского историка-пиариста Геласиуса Добнера (1719–1790), упоминает храм в Браниборе (Срезневский 1848: 42). По книге Стредовского “*Sacra Moraviae historia*” (1710) утверждает, что в Моравии существовали скалы, на которых проводились жертвенные обряды (Срезневский 1848: 28). Запись из текста „Дорога до Лужиц“ Людевита Штура автор использует как подтверждение верований славян в Белобога (1848: 13).

О языческих богах восточных славян. Из ранних восточнославянских письменных источников в книге Срезневского встречаются летописи Нестора, Кирилла Туровского, „*Слово о полке Игореве*“ (Срезневский 1848: 10). Срезневский ссылается на информацию об уничтожении кумиров Перуна, Хирса, Стрибога, Симаргла и Мокوشي в Киеве, рассказывает, как Аким Корсунянин в Новгороде „требища разрушил и Перуна порубил“, а также пишет о разрушении кумира Велеса в Ростове (1848: 50). Среди богов, в которых верили русичи, упоминается Перун (Срезневский 1848: 3, 4, 11, 50), Стрибог (1848: 4), Велес (1848: 11), а также „владимирский“ пантеон. В „*Слове о полке Игореве*“ Стрибог представлен как дед ветров, Велес – как дед певца Бояна, Дажьбог – дед Владимира (Срезневский 1848: 6). Эта запись подтверждает тезис, который Срезневский выводит по Вацероду: по языческим верованиям, отношения богов были сходными с отношениями в семье.

Вскоре после публикации книги Срезневского на берегу реки Збруч, левой притоки Днестра, был найден „збручский истукан“: четырехсторонний столб с рельефно резными фигурами, разделенными на три зоны, считался тогда идолом Световида. Открытие статуи подтвердило, что славяне делали и каменные идола. Этому идолу Срезневский позже посвятил статью „Збручский истукан Краковского музея“ (1850)²⁰.

Срезневский часто пользуется арабскими источниками о Поволжье (прежде всего Ибн Фадлана), которые в Санкт-Петербурге издал российский ориенталист Христиан Френ “*Ibn-Fozlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit*” (1823). До Срезневского труд Френа использовали Шафарик (1837) и Касторский в книге о славянской мифологии (1841). Подаются и записи географа Димешки по Френу.

Срезневский записи Ал Масуди – арабского путешественника и историка (ок. 896–956) – часто подает не по изданию датчанина Расмусена, а по изданию фрагментов арабских списков о древних славянах, которые в 1833 г. опубли-

ковал французский ориенталист Франсуа Бернар Шармуа (*Relation de Masoudy et d'autres auteurs musulmans sur les anciens Slaves*). Срезневский не цитирует первую статью на русском языке об Ал Масуди В. Григорьева, изданную в 1835 году²¹, хотя маловероятно, что не был с ней знаком. И. Срезневский как энциклопедист мог знать и о планах Савельева подготовить арабские источники о славянах, но в его книге это не упоминается. Срезневский утверждает, что древнейшее описание славянских идолов оставил Масуди и подает всеобъемлющее описание статуи Сатурна и храма из его „Золотых лугов и рудников драгоценных камней“ (Срезневский 1848: 37–38). Описание храма из красного коралла и зеленого изумруда с куполом, в котором находится мудрец и дева, Срезневский сопровождает комментарием, что он „нарисован неестественными цветами“, преувеличено, и задается вопросом: каким славянам принадлежал этот храм? Географическая локализация памятников Масуди в XIX веке приводила ученых к разным предположениям, но современные исследователи указывают на Поволжье. Российский ориенталист Авраам Гаркави в статье о мусульманских свидетельствах о славянах и русских (1868) высказал мнение, что Масуди писал о славянах не по личным впечатлениям или письменным источникам, а используя устные свидетельства²².

Языческие верования южных славян плохо представлены в ранних византийских исторических источниках. Срезневский приводил записи Прокопия, реже Константина Порфирогенита, Ганкондила, Теофилакта и др. из многоотомной компиляции латинских переводов византийских источников, которую в Санкт-Петербурге издал Иван Стриттер (Johann Gotthelf von Stritter 1740–1801) под названием *“Memoriae populorum”*. Сокращенный перевод сборника Стриттера был издан в 1770–1776 гг. на русском языке под названием *“Известия византийских историков, объясняющих российскую историю древних времен и переселение народов”*. И. Срезневский по примеру П. Шафарика в первом томе *“Славянских древностей”*²³, в предисловии к своей книге упрекает иностранцев, которые первыми описали верования и обычаи славян, но часто их не понимали. Таким образом, он считает, что Прокопий не до конца понял взгляды славян на верховного бога (Срезневский 1848: 2–3). По византийским источникам из Стриттера Срезневский не мог обрисовать пантеон богов южных славян.

Среди балканских славян Срезневским упоминается бог „старый палач“ (*стари крвник*) по В. Караджичу (Срезневский 1848: 4). Когда речь идет о богах в хорватских источниках, автор ссылается на неподлинные источники: веру в бога Ладу он находит у М. П. Каганчича *“Specimen philologie et geographie Pannoniorum”* (1795) и Ивана Швеара *“Ogledalo Illiriuma, iliti Dogodovština Ilirah, Slavinah, stražnji put Horvatah zvanih”* (1839)²⁴.

В свое время И. И. Срезневский был одним из наиболее филологически подготовленных исследователей народной культуры. Он использует чешско-немецкий словарь Й. Юнгмана, о котором уже шла речь (1835–1839), и чешский словарь Ю. Палковича (1821). Лексическое подтверждение харьковский профессор черпал также из популярного словаря Самюэля Богумила Линде (1807–1814), польско-французского словаря (1844)²⁵, *“Српског речника”* В. Караджича²⁶, *“Gazophylacium Latino Illiricum”* Ивана Белостенца (1740)²⁷, *“Rjecosloxe”* Якоба Стулли (1806)²⁸. Лексикографические данные из языка прибалтийских славян Срезневский берет из словаря люнебургского наречия вендского языка XVIII в. Христиана Хенига *“Vocabularium Venedicum”* (1705)²⁹, использует немецко-словенский словарь *“Windisches Wörterbuch”* Освальда Гутсмана (1789)³⁰, *“Vocabularium Latino-Serbicum”* Ю. Свотлика (1721) – словарь лужицкого наречия.

Филологически широко образованный, Срезневский в свой труд включил славянские слова из словарей, фольклорных и этнографических записей, юридических списков и материала, который сам собрал, из славянских языков, в т.ч. малочисленных славянских народов и славянских диалектов – лужицких сербов, венгерских русинов (Срезневский 1848: 53), хорутанов (словенцев), вендов (полабских славян). Во время своего путешествия в 1840 г. Срезневский сделал копию кашубского словаря конца XVIII в. из наследия К. Г. Антона³¹; позже писал о труде Цейнови о кашубской лексикографии, хотя в книге отчетливо не упоминаются кашубские материалы³².

Связи между славянами и общеславянское наследие в произведении И. И. Срезневского о святилищах тяжело исследовать, поскольку вся книга создана с намерением показать, что объединяет славян, и мало направлена на то, чтобы указать на специфические особенности и различия. Так, речь идет о проникновении различного материала способом, который оставляет читателя в убеждении о единственности древней славянской культуры³³. Но, с другой стороны, существуют и отрывки, которые связывают на первый взгляд не связанные культуры славян – восточных и западных, западных и южных, южных и восточных. Например, когда бенедиктинец Видукинд Корвейский упоминает в латинской хронике “*Res gestae saxonicae*”, что Ситиврат – бог времени, Срезневский это подкрепляет Вацеродом и Масуди (1848: 7). Чтобы подтвердить общеславянскую распространенность верований в рай как врата между Солнцем и Землей, Срезневский использует предания хорутанов (словенцев в Каринтии) и словаков, добавляя, что верования славян в рай заметили еще арабы в X веке (Срезневский 1848: 15–16).

Вопрос существования общеславянских богов сложный, поскольку в разных славянских краях они называются разным именем. Приверженцы единственной основы веры древних славян отстаивают идею, что речь идет об одних и тех же богах с разными локальными именами. В славянском мире менее распространено обратное истолкование, которое исходит из предположения о том, что это верования в разных богов. В заключение своего исследования Срезневский утверждает, что отсутствие останков храмов в некоторых славянских областях не означает, что их никогда не существовало. Автор допускает возможность, что обряды небесным богам там, где не было храмов, могли проводиться и в других местах поклонения (1848: 94).

В книге Срезневского как общеславянские боги именуются Перун (бог грома), Хорс, Дажьбог (солнца), Стрибог (ветра); в „*Ипатьевской летописи*“ Дажьбог назван сыном Сварога (Срезневский 1848: 6). Люди ищут поддержку у богов и боятся их гнева. Боги своими знаменьями указывают на благосклонность или нерасположенность к людям.

Срезневский придерживался мнения, что языческие боги на разных славянских территориях носили разные имена. Его попытка реконструкции общих свойств богов победы у славян приводит к отождествлению Тряса (Ганка, „*Краледворская рукопись*“), Сварожича (Титмар), Радагаста (Адам Бременский), Световида (Гельмольд, Саксон и Вацерод), Яровита („*Житие Оттона Бамбергского*“), Руевита (Сакс), Черноглава („*Квитлинг сага*“), Лада (Длугоша), Перуна и Велеса (у русичей). Замечая, что существуют и богини славян, Срезневский упоминает их вскользь, даже аломодификация богини Мокоши выражена слабо.

Идею о том, что одни и те же боги названы разными именами, в современном истолковании выразил Александар Лома. Он пишет, что Сварожич и Радагост из Ретры³⁴ – одни и те же существа. Исследование древностей в XX веке привнесло новые источники как материальной культуры, благодаря раскопкам археологов, особенно немецких, так и духовного происхождения, среди которых есть и фальсификаты.

Обряды. Во второй главе об обрядах, жрецах, поклонении, молитвах, жертвоприношении, сжигании, гадании жребием и прорицании, поминальных пирах и играх Срезневский, прежде всего, интересуется архаическими обрядами и пытается сложить мозаику их общеславянской распространенности. В этом, по сравнению с предшественниками, он расширяет материал новоизданными книгами фольклорных и этнографических записей о народной культуре сербов – „*Српске народне пјесме*“ В. Караджича, хорватов – Станка Врза и Вука Караджича, словенцев – Валвазора (1680), „*Slovenske pјesmi, krajnskiga naroda*” (Срезневский 1848: 64) Эмила Коритка, галичан – “*Pieśni ludu polskiego w Galicyi*” (1838), “*Pieśni ludu ruskiego w Galicyi*” (1839) Жеготы Паули, „*Галиц. рассказы*“ Илькевича (1841), поляков – “*Lud Polski, jego zwyczaje, zabobony*” (1830) Лукаша Голембовского, россиян – „*Русские в пословицах*” (1831) и „*Русские простонародные праздники*” (1839) И. Снегирева, неподлинного И. Сахарова, записи А. Востокова из описания рукописей Музея Румянцева, украинцев – „*Замечания о праздниках у Малороссии*” (1843) К. Сементовского, словаков – “*Narodnie Spiewanky Slowakiw*” Яна Коллара (1834) (Срезневский 1848: 4, 32).

Среди известных на то время сборников не упоминается „Русалка Днестровая“ – сборник украинских песен Михаила Максимовича, а также сборник поляков Вацлава из Олеска, „Пжеваниця“ Симы Милутиновича Сарайлии, мистификации „Иллирийские баллады“ французского романтика Проспера Мериме. Срезневский включает и личные записи с летних полевых исследований, например, об обычае „бить бочки“ в Зильской долине, добавляя к ним древние описания бесовских плясок (Срезневский 1848: 90); дает подтверждение верованию в то, что бедные – тоже божи люди под названием „богци“ в Каринтии (1848: 8), или использует припевы колядничких песен, которые записывал в Венгрии (1848: 63).

Если рассмотрение Срезневским пантеона славянских богов ненадежны из-за ссылки на неподлинные источники, его восприятие архаических обрядов выдержало испытание временем. Материал об обрядах славян в значительной степени основан на подлинных старых и новых записях как в связи с языческим культом воды, почитания огня, гор и камней, лесов и рощ, так и по поводу гадания, жертвоприношений и поминальных пиров.

Языческие славяне предсказывали по животным, по поведению птиц (Срезневский 1848: 9–10). В канун Рождества (Бадњи дан) сербы жгли Рождественское полено (бадняк) (1848: 10, 26), а на углях гадали разные славянские народы (Срезневский 1848: 24). Предрождественские предсказания поляков Срезневский подает по сборнику народных песен Жеготы Паули “*Pieśni ludu polskiego w Galicyi*” (1838) (1848: 10–11, 64). Упоминает он и гадание водой в решете у поляков и русских по Михаилу Вишневному из книги “*Historia literatury polskiej*” и по И. Сахарову (Срезневский 1848: 81).

Срезневский уделяет внимание поминальным пирам язычников со ссылкой на переписи Йорнандеса о готах “*De getharum origine et rebus gestis*” VII в., фрагмент о веселии на похоронах Атилы (1848: 92). Рассматривая погребальные песни и танцы языческих славян, стоит обратить внимание на языковые и фольклорные реликты: название „радуница“ для погребальных песен в Белоруссии по книге этнографа и библиотекаря Лукаша Голембовского “*Lud Polski, jego zwyczaje, zabobony*” (1830) и схожее название похоронных танцев, которые чехи по старочешской хронике Козьмы Пражского по-латыни называли „радованками“ (Срезневский 1848: 91, 93). Срезневский указывает и на название *stupa* для кровавого пира о покойнике по Старовольскому из словаря Линде (1848: 92–93).

Ученый сомневается в правдивости записей Козьмы Пражского о том, что ради успеха в военных походах славяне приносили в жертву ослов (1848: 74). По Льву Дьякону русичи живыми не сдавались, чтобы их души не служили врагу (1848: 16, 18). Срезневский писал, что славяне приносили человеческие жертвы идолам. Владимир Петрухин в работе „Проводы Перуна: древнерусский фольклор и византийская традиция“ оспаривает точку зрения Ирины Русановой и Бориса Тимощука из книги „Языческие святилища древних славян“ о том, что славяне приносили жертвы идолам, объясняя такие записи типичным образцом подражания византийским и византийско-библейским описаниям³⁵. Петрухин подтверждает человеческое пожертвование при похоронной церемонии по Ибн Фадлану и самосжигание жен ради воссоединения с покойными мужьями по Масуди (Срезневский 1848: 16). Приношение в жертву пленных врагов подтверждается источниками. И. А. Афанасьев считал, что человеческие жертвы приносились³⁶.

Выводы. В выводах Срезневского обобщены его взгляды на славянские святилища и обряды: 1) по сравнению с современными записями и преданиями не существует серьезных расхождений, которые вместе с существующими местными особенностями подтверждают уникальность славянского языческого богослужения; 2) с помощью догматов языческой религии пока невозможно объяснить всех условий богослужения, поскольку источники познаний славянских верований очень скудны; 3) святилища языческих славян представляли собой жертвоприношения божествам огня и воды, горным и лесным существам, а также городища и храмы, посвященные небесным богам; 4) жрецы, которых называли разными именами, принимали значительное участие в общественной жизни, но имеющиеся данные не дают достаточных оснований для более точных выводов об отношениях жреца с другими социальными слоями; 5) молитвы, жертвоприношения (благоуханий, яств, оружия, животных, людей) и гадания были основными составляющими

богослужебного обряда. Жертвоприношение воспринималось как очищение от грехов, а похоронный обряд был одним из жертвенных обрядов. О магии невозможно утверждать что-то определенное. Обряды сопровождалась играми, танцами и песнями; б) языческие богослужения славян были включены в ежегодный календарь праздников. Дошедшие до наших дней народные обряды сохраняют элементы этой связи, но они нуждаются в новом исследовании. Основные обряды были посвящены Солнцу. С точки зрения заgrabной ритуальности, в работе Срезневского различные источники пересекаются в синтетическом представлении об обрядах и обрядовой культуре, что является методологическим путем, заслуживающим похвалы.

На мой взгляд, теоретические позиции авторов XIX века не следует судить строго, применяя современные научные парадигмы, которым только предстоит развиваться, но надо благосклонно искать идеи, которые будут интересны последующему поколению антропологически ориентированных филологов и фольклористов. Если с такой точки зрения читать *„Святылища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям“*, не сложно заметить, что у Срезневского существуют идеи о „святых рощах“, которые появляются в известной *„Золотой ветви“* Дж. Дж. Фрейзера. Если бы Срезневский в силу заблуждений своего времени не считал, что сказки и предания – это не соответствующий источник для изучения обрядовой культуры, возможно, появились бы некоторые интерпретации, которые бы предвосхитили идеи В. Проппа. Естественно, что Срезневский еще не мог сформулировать теорию об „обрядовом переходе“ в трех фазах, сформулированную ван Генеппом в середине XX в., но он уже за сто лет до этого указал на начала разделения обряда – есть у него интересные наблюдения об очищении. Срезневского также не надо оценивать мерилami исчерпывающего и детального структуралистского описания с использованием оппозиций и кодов, поскольку такой анализ обрядов не представлен в его книге. Но в рамках понимания проблемы на то время он убедительно связывает верования с ритуалами, ритуальные действия с пространством и временем, обрядным порядком, хотя мало внимания уделяет сопровождающим магическим текстам.

Фактом является то, что книга Срезневского *„Святылища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям“* богаче по материалу, чем труд М. Касторского *„Славянская мифология“*, и более критична, нежели сочинение Д. Шеппинга *„Мифы славянского язычества“*, но в истории славистики она осталась почти не замеченной, так как ее автор основывался на мистификации Ганки. Если неподлинны рассказы собирателя Сахарова не существенны для понимания теоретических позиций Срезневского, того же нельзя сказать о Ганке, выдумки которого воспринимались им как истина. Ганка и лично был близок Срезневскому. Легковерность и некритичность последнего к рукописям чешского „исследователя“ привели к тому, что книга о святылищах оказалась обреченной на забвение. Как Срезневский отбросил фигурки из Прильвица, расценив их как „бессмысленные подделки“, перенес в сноски Маша и всех, кто ему следовал, так после открытия обмана Ганки книгу Срезневского и многочисленные статьи всех, кто использовал Ганку как первостепенный и несомненный источник, постигла такая же участь. И хотя в современной науке книгу Срезневского мало или вообще не упоминают, она все же должна занять свое заслуженное, несправедливо отнятое историческое место. Ведь Срезневский является одним из авторов, за которым затем последовали другие, немногочисленные фольклористы, филологи и антропологи, кто осмелился проанализировать определенное явление славянской культуры на общеславянском фоне. Но, разумеется, сегодня не надо забывать о недостатках книги, как это делает Н. Щавелева, обращая внимание на аспекты, в которых труд Срезневского менее спорный³⁷.

В XIX веке еще не были развиты методы реконструкции на основе языкового материала, устной традиции, анализа скрытых следов в народных узорах и украшениях; еще не знали об останках малых святылищ, которые затем были обнаружены археологами, опираясь на знания о возможных местах их позиционирования, на что указывал еще Срезневский. Новые записи фольклора и верований в большей мере касаются отношения к силам природы. В заключении автор пишет, что тяжело по записям народных верований сделать

выводы о том, какой была магия древних славян, реконструировать старые поэтические формулы. Такие исследования дальновидно предвидел Срезневский, но на их появление пришлось ждать еще полтора века – до публикации трудов Светланы и Никиты Толстых, Андрея Топоркова, Любинка Раденковича, Александра Ломы и др. Во времена Срезневского не существовало соответствующего корпуса заклинаний, а записи Сахарова были мистификацией.

Книга Срезневского объединяет намного более разнообразные сведения по сравнению с исследованиями предшественников. Следуя Шафартику, он использует словарный материал и новые записи, а также личные полевые заметки. Современный методологический подход, при котором исследование движется от нового к старому, учитывает новые фольклорные и лексические записи, представлен в трудах таких выдающихся ученых, как Дмитрий Зеленин, Никита Толстой и другие.

Вопрос критичности к источникам определяет позицию проанализированной нами книги в истории исследования славянских древностей. Она избегает большинство старых русских мифологических пособий и ненадежных источников („*Cynopsis*“). Книга не имеет натянутых параллелей с античной мифологией. По сравнению с Шеппингом, который ссылается на М. Чулкова и А. Кайсарова, Срезневский исключительно критичен. Это было время, когда полагали, что верования древних славян связаны только с природой и природной стихией, оживленной в олицетворенных её повелителях. Младший современник Срезневского А. А. Котляревский также занимался славянской мифологией, но он меньше прожил и в других областях не дал настолько плодотворных результатов, как Срезневский в лексикографии и славистике.

Когда речь идет об этнических маркерах изучаемого славянского материала, Срезневский не подчиняет его некоему панславистическому принципу. По потребности он сравнивает славянский материал и замечает некоторые черты сходства с германскими и скандинавскими языческими обрядами верованиями внутри индоевропейстики и исследований общего прошлого народов на севере Европы. В новейшее время некоторые реконструкции О. Трубачева и языковой анализ топонимов К. Тищенко указывают на кельтский слой в вере балтийских и даже восточных славян.

Срезневский не обращал внимания на языческие следы в верованиях и письменной традиции христианства, чем начали заниматься в конце XIX века А. Н. Веселовский и его преемники. Новая волна в славянской филологии и фольклористике исследований отношений языческой и христианской религий связана с концом XX века и трудами, которые критически рассматривают источники и исследуют мистификации (Г. Ловмянский, Н. Зубов, А. Топорков, Л. Лаптева) или связи язычества и народного христианства (В. Петрухин, А. Панченко, Н. Толстой).

Славяне действительно имели достаточно развитый обряд, связанный с водой и огнем. Рассмотрение Срезневским устройства святилища проведено образцово для своего времени и представляет новизну в синтетичности. Анализ места возведения храмов содержал некоторые суггестии, которые могут быть мотивированно использованы в будущих археологических исследованиях. Вторая глава об обрядах обоснованно указывает на недостаточность сохраненного материала для достоверных выводов о месте жертвоприношения, магических ритуалах, календарных факторах славянских языческих верований. Срезневский указывает на области, которые стали предметом исследования в XX веке – заклинания в рукописях и древних записях, полевые записи заклинаний, изучение магии, гадание и сонник, что хорошо вписывается в представление о языческой культуре славян. Исследования народной древности показывают, что Срезневский предвидел наличие разрыва между высшей и низшей мифологией, но он не сформулировал, что именно разделяет эти различные сегменты культуры. В начале первой главы, посвященной святилищам природы, он отметил важность природных стихий (духи лесов и вод) и был в шаге от понимания очень развитой низшей мифологии. Но Срезневский хотел показать пантеон славянских богов с главой семьи, пантеон на основе подлинных документов. Он приложил огромные усилия, чтобы их собрать, но книга его, к сожалению, почти забыта.

¹ И. И. Срезневского после смерти слависта Петра Прейса вызвали в Санкт-Петербург на его место в университет. И. И. Срезневский и немного старше его Прейс в один и тот же период путешествовали по Европе, а в некоторых местах даже вместе жили и поддерживали дружеские отношения. Исмаил Срезневский принял приглашение Петербургского университета и работал там с 1847 г. до конца жизни.

² *Срезневский, И. И.* Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям. СПб., 1848. 96 с. Все следующие цитаты из книги И. Срезневского будут поданы в основном тексте.

³ Один экземпляр отсканирован из библиотеки Колумбийского университета, а другой, с подчеркиваниями в тексте и на полях, – из библиотеки Гарвардского колледжа с датированной печатью 21.12.1966 г. на титульной стороне первой страницы.

⁴ *Усачева, В. В.* Вклад П. Й. Шафарика и Л. Штура в славянскую фольклористику. – В: Магия слова и действия в народной культуре славян. М., 2008, с. 337.

⁵ *Журавльова, О. С. (укл.).* Исмаїл Іванович Срезневський (до 200-річчя від дня народження) : біобібліогр. покажчик. Укл. О. С. Журавльова [...]. Харків: Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, 2012, с. 24.

⁶ *Срезневский, И. И.* О городищах в землях славянских, преимущественно западных. – Зап. Одесского общества истории и древностей, 1850, т. 2, с. 532–549.

⁷ *Етимологічний словник української мови.* К., 1986, т. 2, с. 371–372.

⁸ *Прискока, О.* З історії давньоруських назв язичницьких культових споруд. – Слов'янський збірник. К., 2002, вип. 9, с. 37–42.

¹⁰ Ния поляки-язычники просили, чтобы после смерти отвел их в самые лучшие части ада.

¹¹ Имена богов (Срезневский 1848: 6), боги-спасители (1848: 8), бог Тряс (1848: 11), Морена (1848: 14), жертвоприношения (1848: 28), обеты (1848: 31), идолы под деревьям (1848: 48), чародеи и гадатели (1848: 60–63), молитвы (1848: 65–66), жертва богам (1848: 69), жертва (1848: 75), гадание (1848: 81).

¹² *Лантева, Л. П.* Краледворская и Зеленогорская рукописи. – В: Literární mystifikace, etnické mýty a jejich úloha při formování národního vědomí. Uherské Hradiště, 6, 2001, s. 97.

¹³ Там же, с. 98.

¹⁴ *Срезневский, И. И.* Древние письмены славянские. – ЖМНП, 1848, ч. 59, отд. 2.

¹⁵ *Срезневский, И. И.* Новое сочинение Яна Колара „Die Götter von Retra“. – ЖМНП, 1851, ч. 70, отд. 2, с. 87–99; Прильвицкие древности. Новое сочинение Яна Колара „Die Götter von Retra“. СПб., 1851.

¹⁶ Стены его извне украшены чудесной резьбой, представляющей образы богов и богинь. Внутри же стоят рукотворные боги, страшно одетые в шлемы и панцыри; на каждом из них нарезано его имя. Главный из них – Сварожич.

¹⁷ *Лома, А.* Пракосово. Београд, 2002, с. 187–188.

¹⁸ Там же, с. 187.

¹⁹ „*Deutsche Mythologie*“ (1844) братьев Гримм, труды Бертольда и Фабриция о святилище на острове Рюген (Руйне) (Срезневский 1848: 30), надежную и тщательную историю Генриха Людвига Гизебрехта „*Wendische Geschichten aus den Jahren 780 bis 1182* (1843)“ (1848: 40), „*Handbuch der germanischen Alterthumskunde*“ (1836) Густава Клемма, „*Blicke in die vaterländische Vorzeit*“ (1841) библиотекаря и музейного работника Карла Прейскера, „*Jahresbericht dess Vereins für mecklenburgische Geschichte*“ (1840) Августа Барча (1848: 53), статья Вильгельма Бернардия о славянской мифологии „*Bausteine zur slawische Mythologie*“ (1848: 78), надписи из немецких газет и журналов, список датчанина Нилса Петерсена о вендах „*De danskes toge til Venden*“ (1836) (1848: 77).

²⁰ *Срезневский, И. И.* Збручский истукан Краковского музея. – Зап. Импер. Археол. о-ва, 1850, т. 5, с. 163–196.

²¹ О древних походах русов на Восток. – ЖМНП 1835, ч. 5, 1. В. Григорьев исследовал историю хазар.

²² Восточная литература. Режим доступа: <http://www.vostlit.info>

²³ *Шафарик, П.* Славянские древности, 1837, с. 13.

²⁴ Срезневский приводит стихи: „Лепи Иво терга роже, теби, Ладо, свети боже! Ладо, слушай нас, Ладо! Песме, Ладо, певамо ти, сердца наше, клањамо ти! Ладо, слушай нас, Ладо!“ (1848: 63).

²⁵ В связи с преклонением: „*Własciwu poklon samemu Bogu ma być oddawan*“ (Срезневский 1848: 62).

²⁶ В рамках описания культа огня Срезневский по „*Сртском рјечнику*“ В. Караджича пишет, что сербы поджигают бадняк (1848: 26). Когда говорит о почитании гор, автор по Караджичу пишет: сербы и хорваты верят, что вилы населяют Велебит (1848: 28). В рамках глубокого рассмотрения славянских слов с корнем *kald-*, *kold-*, *kud-* Срезневский называет и сербские слова *куђење*, *кудити* (1848: 60).

По „Српском рјечнику“ В. Караджича Срезневский утверждает, что сербы молят бога, чтобы тот сиял: „сјај, сјај, Боже“ (1848: 64).

²⁷ По словарю Белостенца *вухвец*, *вухвица* означает пророк, пророчица – *python*, *pythonissa* (1848: 61). Срезневский отступает от названий языка в заголовке словаря и использует не „иллирский“, а „хорватский“.

²⁸ Срезневский использует и словарь Стулли, чтобы поддержать сродность слов с *kald-*, *kud-* (1848: 60).

²⁹ По Хенигу Срезневский подает, что на вендском черта называли Чернобогом (1848: 12); а рождественские праздника названы *treba* (*trewa-triwe*) (1848: 72). Райнхольд Олеш в 1959 г. опубликовал новое издание словаря Хенига (Christian Hennig von Jessen), которого Срезневский подает как Геннинга.

³⁰ После русского слова *колдун* Срезневский подает корутанские (словенские) слова *калдова-ти* – на сей день означает приносить жертву, *калдовавц* – жрец, *калдовице* – алтарь, а в примечаниях (1848: 60) имеет в виду вендские слова *kaldivati*, *kaldivauz*, *kaldivaunik* (Deutsch Windisches Wörterbuch 1789: 255–256).

³¹ Дуличенко, А. Д. „Кашебский словарик“ конца XVIII века из наследия К.-Г. Антона (в копии И. И. Срезневского 1840 г.) / предисл. и публ. А. Д. Дуличенко. – В: *Studia z filozofii polskiej i słowiańskiej*. Warszawa, 1998, № 34, s. 129–143.

³² Журавльова, О. С. (укл.). Измаїл Іванович Срезневський..., с. 27.

³³ Ученый исходил из убеждения в существовании относительно единой славянской культуры и сходства языческих религий отдельных славянских племен (Лаптева, 2005: 208).

³⁴ Лома, А. Пракосово, с. 196.

³⁵ Петрухин, В. Я. „Проводы Перуна“: древнерусский фольклор и византийская традиция. – В: *Язык культуры: семантика и грамматика*. М., 2004, с. 248–255.

³⁶ Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Справочно-библиографические материалы / Ред. Т. Агапкина. М., 2000, с. 213.

³⁷ Щавелева Н. И. К вопросу о языческих верованиях западных славян. – В: *Славянские языки, письменность и культура*: Сб. науч. тр. Отв. ред. В. В. Колесов. К., 1993, с. 101–106.

МОВНЕ ПИТАННЯ В „МАЛОРОСІЙСЬКОМУ/УКРАЇНСЬКОМУ ПРОЕКТІ“ ПЕРШОЇ ПОЛОВИНИ ХІХ СТ.

С. О. Наумов

Наумов, С. О. Мовне питання в „малоросійському/українському проекті“ першої половини ХІХ ст.

У статті досліджується генеза українського мовного питання як поєднання суто мовного (літературно-лінгвістичного) і суспільного („малоросійський“, „український“, „російський“ проекти) контекстів у Російській імперії першої половини ХІХ ст. З'ясовуються мотивація діячів тієї епохи, зміст і характер громадської полеміки довкола української літературної мови. Особлива увага приділена загостренню українського мовного питання в 1830-х рр. і започаткуванню „українського проекту“ в 1840-х рр. (П. Куліш, Кирило-Мефодіївське товариство).

Ключові слова: мовне питання, „український проект“, „малоросійське нареччя“, українська літературна мова.

Наумов, С. А. Языковой вопрос в „малороссийском/украинском проекте“ первой половины ХІХ в.

В статье исследуется генезис украинского языкового вопроса как сочетания собственно языкового (литературно-лингвистического) и общественного („малороссийский“, „украинский“, „русский“ проекты) контекстов в Российской империи первой половины ХІХ в. Выясняются мотивация деятелей той эпохи, содержание и характер общественной полемики вокруг украинского литературного языка. Особое внимание уделено обострению украинского языкового вопроса в 1830-е гг. и зарождению „украинского проекта“ в 1840-е гг. (П. Кулиш, Кирилло-Мефодиевское общество).

Ключевые слова: языковой вопрос, „украинский проект“, „малороссийское наречие“, украинский литературный язык.

Naumov, S. The language issue in the “Little Russian / Ukrainian project” the first half of the 19th century

The article examines the genesis of Ukrainian language issue as a combination of purely linguistic (literary and linguistic) and social (“Little Russian”, “Ukrainian” and “Russian” projects) contexts in the Russian Empire in the first half of the 19th century. The motivation of figures of that epoch, the content and nature of public debate around the Ukrainian language are found out. Special attention is paid to the aggravation of Ukrainian language issue in the 1830's and the start of the “Ukrainian project” in 1840s (P. Kulish, Cyril and Methodius society).

Keywords: language issue, “Ukrainian project”, “Little Russian dialect”, the Ukrainian literary language.

Назва статті може вказувати, в залежності від кута зору, як на суперечливу оцінку стану націєтворчого процесу в Україні даного періоду, так і на його еволюцію (трансформацію). На межі ХVІІІ–ХІХ ст. безроздільно панував „малоросійський проект“, змістом і завданням якого було визначення місця „Малоросії“ (українських земель) та її населення в єдиному державному і соціальному організмі Російської імперії. В „історичну“ (а не календарну, тобто з 1861 р.) другу половину ХІХ ст. малоросійське/українське суспільство вступило, маючи вже в своєму складі переконаних прихильників окремішності української нації та певний арсенал ідей, які її мали підтвердити (основи „українського проекту“). При цьому залишається немало нез'ясованих моментів щодо того, як (хронологічно, змістовно, персонально) цей перехід відбувся, під дією яких чинників і чому саме в такому напрямку. Оскільки їх розробка потребує спеціальних і не одиничних зусиль, а автор статті не є „вузьким“ фахівцем у цьому питанні, мова йтиме переважно про можливі варіанти і способи розв'язання окресленої проблеми чи окремих її аспектів.

Типологізація „українського проекту“ очевидна: це властивий Європі ХІХ ст. „національний проект“, на основі і в рамках якого відбувалося творення української нації. Складніше з „малоросійським проектом“. Спроба З. Когути якщо не есенціалізувати

„малоросійську“ націю, то, принаймні, наголосити на деяких речах, що змушують задуматися над її можливим, хоча б ембріональним, існуванням (малоросійська ідентичність, наприклад), зрештою, здається, не переконала його самого. Є проблематичним співвідношення малоросійського проекту з реставраторськими ідеями другої половини XVIII ст. (умовно кажучи, „козацький проект“) та „національними проектами“ XIX ст. – „українським“ і „общерусским“ („великої російської („русской“) нації“), з якими він був генетично, змістовно і хронологічно пов'язаний.

Якщо розглядати „малоросійський проект“ у національному дискурсі, то його можна було б охарактеризувати як „протонаціональний“. Мається на увазі, зокрема, що, по-перше, в його межах зароджувалися певні складові „національного міфу“, по-друге, він був предтечею і до певної міри підвалиною „українського проекту“, по-третє, таке визначення вказує на ембріональний стан націєтворення, перехідний від домодерної „шляхетської“ нації (яка, на нашу думку, в Україні XVIII ст. перебувала на стадії формування, зрештою так і не завершеної) до модерної.

Взагалі цей варіант/тип суспільних проектів ще недостатньо навіть артикульований, тим більше – концептуалізований, не кажучи вже про його дослідження. У кращому разі йдеться лише про потребу виокремлення перехідного чи підготовчого етапу, який передував націєтворенню, та його визначальні риси. Стосовно нашого випадку О. Міллер називав діяльність М. Цертелева, М. Максимовича та їм подібних малоросійських ентузіастів першої половини XIX ст. „раннім українофільством“ (як „тот этап интереса к украинской, а чаще всего казачьей теме, который не предполагал утверждения исключительной украинской идентичности среди его адептов“)¹, слушно відрізняючи його від „справжнього“ українофільства, тобто „українського проекту“. В іншому місці він з посиланням на С. Єкельчика підтримував коригування „класичної“ тричленної схеми М. Гроха у напрямку „выделения особой предварительной фазы, когда характерный для эпохи романтизма интерес этнографов, филологов и историков к этническим особенностям был свободен от националистической идеологии“². Втім, і сам М. Грох у одній зі своїх пізніх праць вказував на можливість „прелюдії“ до національного будівництва³.

Можливо, проекти на кшталт „малоросійського“ актуальні для ситуацій з достатньо високим рівнем подібності/спорідненості домінантних етносів і етнічних меншин, коли останні усвідомлювали своє підпорядковане становище, але сприймали його як доволі комфортне, релевантне, в чомусь навіть вигравне. Тому „малоросійський проект“ був спрямований у кінцевому підсумку на розширення, закріплення, освоєння суспільної ніші за місцевою (регіональною, етнічною) елітою. Змістовні акценти змінювалися в залежності від питомої ваги і суспільної ролі еліти: старої (старшинсько-шляхетської), якій були притаманні ностальгічно-реставраційні, включаючи політичні, ідеї й настрої, – чи нової (інтелігенція), спрямованої на „прогресивні“ культурні цінності, творення нових культурних феноменів на „історичній“ основі та їх суспільне визнання. В цьому зв'язку є сенс говорити про два варіанти чи різновиди „малоросійського проекту“ (і водночас його стадії) – шляхетський (суспільно-політичний) та інтелігентський (мовно-культурний). Подібна конструкція в неартикульованому вигляді доволі давно присутня в літературі. Так, Ю. Шевельов свого часу фактично вказував на О. Павловського як на з'єднувальну чи перехідну ланку від шляхетського до інтелігентського варіанту, називаючи його ідейно близьким до новгород-сіверського гуртка кінця XVIII ст. і піонером преромантизму: „З ідеологічного погляду Павловський постає перед нами як жива ланка зв'язку між шляхетського опозицією ИР („Истории Русов“ – С.Н.), спертою на засади раціоналістичного просвітництва, і преромантизмом“⁴. Елітарний характер проекту підкреслювався й тим, що він виключав суб'єктність народних мас, „простолюду“, позиція якого до уваги не бралась і якому нічого не адресувалось. У цьому сенсі, наприклад, показовим є наголошування П. Куліша (1858 р.) на тому, що І. Котляревський „був панський писатель, і для панів скомпонував *Енеїду*“⁵.

„Національний проект“ з точки зору його генези нині трактується переважно як специфічна, одна з численних реакцій інтелектуалів на суспільні реалії: модернізацію, становище суспільства (населення), політику влади – під впливом націоналізму або ви-

ключно як результат засвоєння ідеології націоналізму та запозичення/засвоєння його схем. Змістовно він виглядає як процес створення певною соціальною групою (як правило, купкою інтелігентів – „будителів нації“), яка претендує на провідну роль, нового („національного“) образу, нового уявлення суспільства про себе (як про „націю“) і прищеплення його достатньо довільно визначеному людському колективу. Велика, якщо не визначальна роль при цьому відводиться зовнішнім впливам з боку більш ранніх і потужних національних проєктів – у цьому сенсі говорять про вторинний, імітаційний характер „націоналізмів“⁶. У будь-якому разі це не „органічна“ концептуалізація інтелектуальною елітою етнічної групи об’єктивної, іманентної потреби, можливості й перспектив націєтворення на етнічному субстраті. За словами Г. Касьянова, „нація мала виникнути спочатку в уяві діячів „національного відродження“ як умоглядна конструкція, і лише згодом ця справді „уявлена“ спільнота, цей проєкт були пов’язані в єдине ціле, узгоджені з „об’єктивними“ соціально-політичними, культурними, геополітичними та іншими реаліями“⁷.

На відміну від висхідної концепції „національного відродження“, в якій вищою, вирішальною фазою боротьби виступав масовий національний рух з політичними цілями, серцевиною національного проєкту, навколо якої точиться основна боротьба, визнається мовне питання. „Серед нових націй у Європі кінця XIX – початку XX століття, – зазначає Г. Сетон-Вотсон, – мова стала найважливішим чинником у творенні національної свідомості“⁸. О. Міллер наголошує, що мова є одним із найважливіших елементів у символіці етнічності, а шрифт і алфавіт нерідко відіграють ключову роль у процесах формування ідентичностей⁹, визнає, що з тезою Ю. Шевельова про мовне питання як центральне для українського національного руху XIX ст. „важко не погодитися“¹⁰. Р. Вульпіус, висловлюючи подібну думку, вказує, що „емансипація недомінантних етносів повинна протікати, як мінімум на початковій стадії, на рівні мови“ і ставить долю проєкту „великої російської („русской“) нації“ в пряму залежність від набуття українською мовою статусу літературної¹¹. Обидва дослідники спираються на критерії успіху мовної емансипації, розроблені В. Стюартом: ступінь стандартизації мови; дистанціювання від споріднених мов; „історичність“; життєздатність (під якою фактично розуміється поширеність мови – кількість її „користувачів“ та застосування у всіх соціальних і культурних контекстах). Р. Сассекс доповнив останній пункт: необхідна достатня кількість акторів, які ідентифікують себе з певною мовою й готові відстоювати її всупереч протидії¹².

Застосування цих критеріїв у поєднанні з концептами „малоросійського“ та „українського“ проєктів до мовних і, ширше, суспільних практик першої половини XIX ст., на нашу думку, може бути плідним дослідницьким прийомом, корисним для кращого розуміння як цих проєктів, їх співвідношення, так і ситуації навколо заміфологізованого мовного питання.

Генезу мовного питання доцільно розглядати як синтез суто мовного (філологічного чи літературно-лінгвістичного) і суспільного контекстів. Перший стосується формування літературної мови, вироблення стандартизованої лексики, правопису, абетки та застосування їх у літературі й періодиці. Другий, який, власне, і є предметом нашого дослідження, розуміється як суспільна реакція (з боку різних акторів – авторів і читачів, влади і громадськості, малоросів/українців і представників інших етнічних груп, прихильників і противників тощо) на мовний контекст.

Сказане не обов’язково слід розуміти таким чином, що мовний контекст є первинним, причиною, а суспільний – вторинним, наслідком. Розвиток обох контекстів великою мірою ґрунтувався на емоційному чиннику – „малоросійському сентименті“, який по-різному виявлявся й у корінних „малоросів“, і в іншоетнічних мешканців краю, і у приїжджих. Мовний контекст з самого початку був інспірований (і) певними явищами суспільного й культурного життя: вплив романтизму і гердерівських ідей, образ „згасаючої“ Малоросії, формування російської літературної мови тощо. Вони відіграли вирішальну роль на початковій стадії формування мовного питання, пов’язаній з залученням народної мови до літератури белетристичної та наукової.

У першому випадку письменники вдавались до української народної мови „для розваги“, в пошуках колориту, яскравих сюжетів, образів, висловлювань з народного життя тощо. Відповідно й жанри цієї літератури були „низькими“ (бурлескно-трагедійна поема, байка, балада, соціально-побутова п'єса, етнографічно-побутова повість), призначеними для невибагливого повсякденного обивательського читача. Один з родоначальників нової української літератури Г. Квітка-Основ'яненко зізнавався (можливо, дещо й лукавлячи), що почав писати твори українською, щоб довести, „что от малороссийского языка можно расстрогаться“, і загалом „именно для одной забавы себе, веселого чтения с женою и видя, что землякам нравится“¹³.

Дослідницький інтерес до народної мови був переважно академічним і стимулювався як загальним зацікавленням цією сферою „народного духу“, так і поширеним тоді розумінням приреченості „малоросійського нарiччя“. О. Павловський у передмові до своєї „Граматики“ називав його „умирающим“, „ни мертвым ни живым языком“¹⁴. Так само вважали й упорядники перших піснених збірок. М. Цертелєв писав, що ці пісні тепер умирають, а їхня мова застаріла для самих „малоросіян“. П. Лукашевич менше ніж через 20 років категорично стверджував, що пісні, які він видає, „уже мертві для малоросіян“¹⁵.

Подібні зацікавлення були очевидним прогресом з точки зору актуалізації українського мовного питання. Адже загалом наприкінці XVIII – на початку XIX ст., у рамках домінантного „шляхетського“ варіанту „малоросійського проекту“, мова не фігурувала серед символічних цінностей, збереження яких видавалось актуальним. Причини цього криються в самому характері цього варіанту, ментальності його носіїв. Останні керувалися цінностями „козацького-старшинського“ минулого, серед яких пріоритет належав владі і власності (артикульованим як права, свободи, вольності), а мові не було місця. Звичайно, вони не мислили й не могли мислити національними категоріями, в яких мова має пріоритетне значення.

З іншого боку, самі по собі ці апелювання до народної мови були швидше передумовами, ніж проявами мовного питання. Літературні твори, про які йшлося вище, за словами Ю. Шевельова, не підносилися до формування літературної мови, а лише фіксували різні місцеві говірки¹⁶. Власне, те саме можна сказати й про згадані мовознавчі спроби. Намагання того-таки Ю. Шевельова трактувати „Граматику“ О. Павловського як програму збереження й розвитку української мови і „чи не перший в історії української літератури літературний маніфест з проголошенням засад нового стилю“¹⁷ виглядають все ж непереконливо. Ситуація згадувалася й достатньо безконфліктною, толерантною чи й доброзичливою реакцією громадськості і влади на „малоросійський колорит“ у літературі.

Проте так тривало недовго. Своєрідною точкою біфуркації можна вважати 1830-і рр. В „малоросійському“ письменницькому середовищі почали висловлюватись думки про більш високі обрії своєї літератури. Г. Квітка-Основ'яненко в 1834 р. в листі до М. Погодіна вже зовсім інакше вмотивує написання „Повістей“: „Они написаны в разрешение спора, что на нашем наречии нельзя написать ничего серьезного, нежного, а только лишь грубое, ругательное, кощунное“¹⁸. Це добре розуміли й сучасники. І. Срезневський писав тоді, що Квітка „первый стал употреблять малорусское наречие в словесности русской не ради шутки и попытки, а как орудие, сильнее всякого другого могшее действовать на нравственный подъем значительной доли русского народа...“¹⁹. Нарощування публікацій на „малоросійську“ тему (у І. Срезневського в 1833 р. склалося враження, що „появилось очень много мнений и правил относительно правописания для языка Украинского“)²⁰ і їх характер, схоже, досягли того рівня, коли їх стали сприймати як щось більше, ніж елементи фольклору, гумористичні чи мелодраматичні „простонародні“ замальовки в літературі. Вони вже виглядали як заявка на особливу „малоросійську“ літературу й мову, тож освічене суспільство (хоча б у особі нечисленних інтелектуалів) мало визначитися зі своїм ставленням до цього явища, дати йому оцінку. Завдання особливо актуалізувалося формуванням нової російської літератури та літературної мови, відносно яких необхідно були визначити позицію малоросійських „відповідників“.

Суспільна реакція була неоднозначною (від захоплення й підтримки до гострої критики й заперечення), розмежування між її речниками – мінливим, а його критерії (етнічні,

територіальні, культурні тощо) неочевидними. Принаймні частково це підтверджує несподівано категоричний виступ І. Срезневського (1834 р.) на захист української мови, в якому він відмовлявся вважати її „наріччям“: „В настоящее время нечего доказывать, что язык украинский (или, как угодно называть другим, малороссийский) есть язык, а не наречие, как доказывали некоторые, и многие уверены, что этот язык есть один из богатейших языков славянских, что он едва ли уступит богемскому в обилии слов и выражений, польскому в живописности, сербскому в приятности, что это язык, который, будучи еще не обработан, может уже сравниться с языками образованными по гибкости и богатству синтаксическому, – язык поэтический, музыкальный, живописный“²¹. Це при тому, що ще в 1833 р. він особливо не задумувався про статус української мови, називаючи її водночас „языком Украинским“, „Украинско-Запорожским наречием“, „языком старым Русским южного наречия, т. е. Украинским или, как называют, Малороссийским“²².

Суб’єктивно складається враження, що питома вага і гострота критичних висловлювань істотно зросли наприкінці 1830-х – на початку 1840-х рр. Саме на той час припадають зневажливе публічне висловлювання М. Полевого на адресу української літератури („И не лучше почтенному Грицьку и другим даровитым его землякам писать на богатом, прекрасном, звучном языке русском, нежели на исковерканном и некрасивом, областном наречии его?“²³), роздратована репліка Г. Квітки-Основ’яненка („Мы должны пристыдить и заставить умолкнуть людей с чудным понятием, гласно проповедующих, что не должно на том языке писать, на коем 10 миллионов говорят, который имеет свою силу, свои красоты...“²⁴), його перепалка з В. Каразіним, емоційний протест М. Костомарова проти презирливого ставлення до української мови й самої ідеї писати українською²⁵, а також перші антиукраїнські пасажі В. Белінського та ін. Таким чином, уже для цього моменту оптимістична фраза О. Міллера про те, що „в России первой половины XIX в. украинская тематика вызывала интерес и симпатию“²⁶, не зовсім відповідає дійсності.

Тоді ж полеміка, яка до того велася здебільшого на приватному рівні, почала набувати публічного, а отже, суспільно значущого характеру. В цьому немало роль відіграли літературні журнали (зрозуміло, російські) – не даремно Г. Квітка-Основ’яненко писав у 1841 р. про „раскол, произведенный русскими журналами против нашего языка“²⁷. В цьому сенсі відома концепція К. Дойча про роль масових комунікацій у процесі націєтворення (див., напр.: „у політичній і соціальній боротьбі сучасної епохи *національність* означає єднання (alignment) значної кількості людей із середнього та нижчого класів, пов’язаних з регіональними центрами й провідними соціальними групами каналами соціальної комунікації та економічним спілкуванням...“²⁸) може бути застосована в дещо нетрадиційний спосіб: періодична преса „інших“ (за відсутності власної) як засіб актуалізації національної проблематики та згуртування її адептів.

Можливо, посилення негативних оцінок на адресу української літератури і мови було пов’язане з загальною ситуацією в російському суспільстві, а саме піднесенням патріотичних (російських націоналістичних, за сучасною термінологією) настроїв, що підігрівалися офіційною політикою, в основу якої зрештою було покладено відому уваровську тріаду. Тут слід наголосити на суперечності, що існує в літературі в питанні про початки російського націоналізму та його проникнення в імперську політику. В сучасних російських і західних виданнях достатньо багато фактичного й концептуального матеріалу про формування російського національного дискурсу та цілеспрямовану підтримку його владою впродовж першої половини XIX ст. Для прикладу, він щедро представлений у вузівському навчальному посібнику під редакцією академіка Л. Мілова (автор розділу М. Цимбасв)²⁹. На думку цих авторів, доктрина С. Уварова була теорією казенного патріотизму, „основанной на идее национальной исключительности и имперского превосходства“, що мала на меті „привести всю культурную и общественную жизнь России“ у відповідність з „истинно русскими“, „национальными началами“³⁰. С. Удалов, дослідник державної ідеології Росії другої чверті XIX ст., наголошує, що тріада була нерозривно пов’язана з російською („русской“) національною ідеєю³¹. При цьому „если русские люди должны были возродить в себе собственную народность, то по отношению к нерусским народам практически проводилась политика навязывания русской народности

в ущерб своей. Путем подобной интеграции национальная идея должна была трансформироваться в общеимперскую идеологию⁴³². В монографії А. Зоріна переконливо показано вплив німецького націоналізму на С. Уварова, а його тріада пов'язується з „російським („руським“) державним націоналізмом“, елементи якого автор слухно помічає (подібно до М. Цимбаєва) ще в діяльності О. Шишкова на початку XIX ст.³³. Подібні думки знаходять підтримку й на Заході. На думку Р. Вортмана, Микола I намагався розв'язати завдання „інкорпорування національної ідеї в імперську міфологію“, тож „негайно після повстання декабристів офіційний церемоніал, риторика, мистецтво й архітектура взяли вбудовувати національну ідею в імперський міф“, а „своє канонічне ідеологічне формулювання“ національна ідея російської монархії знайшла в уваровській тріаді³⁴.

Разом з тим такі погляди зустрічають опозицію, зокрема, з боку дослідників націоналізму. Вони керуються схемою, згідно з якою „офіційний націоналізм“ (вираз Г. Сетон-Вотсона) має „реактивний“ (вислів О. Міллера) характер, постає „пізніше та як реакція“ (Б. Андерсон) на націоналізми підвладних народів³⁵. Тому О. Міллер наполегливо проводить думку про повільний і непослідовний процес „націоналізації“ імперії Романових та відносить його започаткування на середину XIX ст.: „Медленно, не без сопротивления и внутренних противоречий, но правящая элита усваивала определенные элементы идеологии русского национализма, что уже в середине XIX века сказывалось на мотивации ее политики“³⁶. Здебільшого на другу половину XIX ст. він відносить і формування російського націоналізму, по суті надаючи й йому „реактивного“, а отже, вторинного й у чомусь захисного характеру: „Националистические мотивы в русском общественном мнении постепенно становились все более актуальными во второй половине века, чему способствовали господство национализма в Западной Европе того времени и конфликт сперва с польским, а затем и с другими национальными движениями в самой Российской империи“³⁷. Серед цих „інших“ особлива роль відводиться українському рухові: „Вызов со стороны украинского национализма становится исключительно важным катализатором дискуссии о проблеме формирования самой русской нации“³⁸. Щоправда, згодом (і в форматі усного мовлення, що не так зв'язує і зобов'язує) О. Міллер все ж визнавав, що російський націоналізм „вычленяется уже в 40-е годы XIX века, в поздние сороковые годы“, і навіть задавнював його генезу, вказуючи, що „очень мощный толчок пробуждению русского национализма дало восстание 1830–31-х годов“ та називаючи впливового імперського ідеолога початку XIX ст. М. Карамзіна раннім націоналістом чи протонаціоналістом³⁹. Проте в пізнішій публікації⁴⁰ ці тези відсутні.

На нашу думку, саме започаткована в Російській імперії „націоналізація“ громадської сфери, культури і політики, задеклароване цілеспрямоване вибудовування їх на „істинно русских началах“ ставили малоросів/українців перед проблемою вибору, з'ясування своєї причетності чи непричетності до цього та визначення власного місця в новій суспільній і культурній ситуації. Разом з уже згадуваними нападками на малоросійську літературу та мову це й стало передумовою громадської актуалізації мовного питання, переплетіння суто мовного контексту з суспільним і переходу останнього на більш високу стадію – відстоювання права на існування української літератури й літературної мови.

Не виключено, що якби це перше „мовне“ протистояння сталося не в 1830-х рр., а буквально десятиліттям раніше, ситуація могла б розвинуватися за зовсім іншим сценарієм. Точніше, ніякого протистояння могло й не бути, малоросійські еліти сприйняли б нову російську („руську“) культуру як „общерусскую“, тобто і свою, а націєтворення пішло б у напрямку триєдиної російської нації. Було б безпідставно категорично заперечувати таку можливість, втім, як і пророкувати її реальність. Але в 1830-х рр. українська культура вже мала твори, імена, визнання, стала помітним і популярним явищем, що давало її нечисленним адептам віру в свої сили та надихало на боротьбу й наполегливу працю.

Своєчасним є питання, наскільки реальним і сильним у той момент було підживлення з боку інших слов'янських „національних проєктів“ (чеського, польського, болгарського тощо). На наш погляд, апеляції до них як мало не визначальних чинників впливу не виглядають переконливими. Вони здебільшого ґрунтуються на спекулятивних і „зовнішніх“ аргументах (хронологічні співпадіння, співвідношення „сильних“ і „слаб-

ких“ націоналізмів, ймовірність і логічність такого впливу, концептуальне положення про імітаційний характер націоналізмів тощо). Необхідні ж емпіричні дослідження: з одного боку, хронології, каналів і змісту зовнішніх впливів, а з іншого – способів і результатів їх сприйняття творцями й активістами „українського проекту“. Зроблена нами нещодавно початкова спроба вивчення впливу „болгарського проекту“ на малоросійських/українських діячів у першій половині XIX ст. дала підстави для достатньо скромних і обережних висновків: „Наведені факти і висловлювання, на нашу думку, дозволяють стверджувати, що болгарські зацікавлення були одним із тих чинників, які стимулювали зміну дослідницьких акцентів, „переадресацію“ уваги українських учених з імперської/загальноросійської чи всеслов'янської тематики на вивчення свого народу. Крім того, тут наявні окремі елементи наукової концепції національного відродження так званих „малих“ чи „неісторичних“ народів: усвідомлення його актуальності, універсальності, значення патріотичного/національного почуття і культурного чинника (мови, літератури, історії), роль народознавчих студій як наукової основи та ін. У кінцевому підсумку все це сприяло зародженню і поступовому формуванню модерного „національного“ дискурсу, було однією з його передумов і чинників. Проте стосовно періоду до 40-х рр. XIX ст. ... говорити про наявність такого дискурсу означало б штучно есенціалізувати його“⁴¹.

Ознайомлення („в першому наближенні“) з цікавими в цьому плані малоросійськими/українськими персоналіями першої половини XIX ст. теж дає підстави лише для висновку про наявність культурних і особистих контактів і впливів; ідеологічна („націоналістична“) ж їх складова стосується швидше „слов'янської“, народознавчої, а не суто української тематики. Все це, звичайно, було своєрідною моральною й інтелектуальною підтримкою, але в цьому сенсі подібне значення мали й зв'язки (значно тісніші) з великоросійською інтелігенцією (не кажучи вже про західноукраїнських письменників і мовознавців). Малоросійські діячі 1830–1840-х рр., за їхніми власними свідченнями, ставали „українськими патріотами“, як правило, під впливом народного середовища, історичних, літературних та фольклорно-етнографічних публікацій першої третини XIX ст. Так, П. Куліш вказував на суперечливість мовного оточення, яка вражала його за дитинства; відзначав роль „Енеїди“ І. Котляревського та „Наських українських казок запорожця Іська Материнки“ О. Бодяньського, які були для нього та його товаришів по гімназії „первим ступнем народного самопознання нашого“, й особливо „Українських народних дум і пісень“ М. Максимовича, після яких він почав „шанувати рідну мову, що живе в устах народніх та його піснях“⁴². М. Костомаров, захопившись збіркою М. Максимовича і „Запорожской старини“, перечитав усі доступні йому видання українською мовою і навіть самотужки здійснював своєрідні „етнографічні екскурсії“ по селах. Як наслідок, за його словами, „любовь к малорусскому слову более и более увлекала меня“⁴³.

Важливо підкреслити, що зміст суспільного-мовного контексту другої половини 1830-х – початку 1840-х рр. з „малоросійського“ боку був переважно академічним, емоційним, протестно-захисним. Полеміка, причому досить гостра, велась, по-перше, щодо статусу й можливостей „малоросійської“ мови як літературної (між її прихильниками і противниками) та, по-друге, щодо основоположних засад її правопису (в середовищі прихильників). Час для глибокого осмислення суспільної ролі, значення і призначення мови, в тому числі як чинника націєтворення, тобто для концептуалізації її ролі в „національному проекті“ (якого теж ще не було), тоді ще не настав.

Важливі кроки в цьому напрямку були зроблені впродовж 1840-х рр. З одного боку, вони були пов'язані з поглибленням процесу творення, стандартизації і розширення горизонтів застосування української літературної (отже, національної, як частини „національного міфу“) мови. Важко переоцінити роль Т. Шевченка, його творчості, в якій – від першого „Кобзаря“ 1840 р. – був представлений неконцептуалізований, так би мовити, інтуїтивний, але від того не менш значущий варіант літературної мови, що в загальних рисах і став її наочним взірцем, практичним уособленням стандарту. Оцінюючи значення діяльності Т. Шевченка, Б. Андерсон цитує слова Г. Сетон-Вотсона: „Формуванням визнаної української літературної мови завдячуємо йому більше, ніж будь-кому іншому. Вживання цієї мови стало вирішальною стадією у формуванні української національної

свідомості⁴⁴. Менш талановитим, зате більш цілеспрямованим і усвідомленим був доробок П. Куліша. Оцінюючи заслуги Т. Шевченка й П. Куліша як фундаторів української літературної мови, Ю. Шевельов зазначав: „Шевченко перший піднісся до розуміння синтетичності й соборності Л[ітературної] м[ови], як у розрізі іст[оричному] (використання архаїзмів, слов'янізмів тощо), так і в геогр[афічному] (використання приступних і відомих Шевченкові говірок), з врахуванням досвіду його полтавсько-харківських попередників. У відмінних пропорціях сполучав ці елементи і П. Куліш. Іст[орична] і стилістична синтеза як суть мовної реформи лишилася незрозумілою сучасникам і ближчим наступникам Шевченка й Куліша, але широта геогр[афічної] синтези забезпечила новій Л[ітературній] м[ові] великий вплив. Ця засада лягла і в основу мовних прямувань діячів, об'єднаних навколо „Основи“, а пізніше визначила характер словника Б. Грінченка...“⁴⁵. В листах П. Куліша 1840-х рр. не раз зустрічаються свідчення того, що він усвідомлював високе призначення своєї праці в царині мови й літератури⁴⁶. Інакше кажучи, він розумів мету і наслідки своєї мовотворчої діяльності, і в цьому сенсі його можна вважати якщо не першим, то одним із перших свідомих творців „українського проекту“. Так, у листі до О. Бодяньського 23 травня 1846 р. він чітко вказував: „Задача в том, чтоб украинский язык поднять на степень литературного“⁴⁷. Його діяльність цілком відповідає наведеній вище схемі мовної емансипації. В ті роки П. Куліш інтенсивно працював над виробленням стандартів української мови: її диференціюванням (але не від російської, як О. Павловський, а від польської), історичністю (як М. Максимович), чистотою і народністю: „Читаю „Литовский статут“ и отмечаю малороссийские слова, которых там множество, хочу составить особый из них словарь: он покажет состояние малороссийского или, лучше сказать, древнерусского языка до того времени, когда он начал ополячиваться“, „во время моих путешествий по Малороссии я записывал разного рода народные рассказы, стараясь изучить простую речь, чуждую того влияния, какое потерпел язык образованного нашего общества от языков западных“⁴⁸.

Таким чином, йдеться про свідому роботу принаймні над трьома емансипаційними мовними чинниками (історична спадщина, стандартизація, дистанціювання). Якщо додати до цього ще такі важливі складові подвижницької діяльності П. Куліша того часу, як написання першого українського історичного роману „Чорна рада“ (розширення сфери застосування і підвищення літературного статусу української мови) та популярної історії України (творення і пропаганда „історичного міфу), то його роль як, можливо, першого свідомого (й успішного) творця „українського проекту“ вже в 1840-х рр. виглядає досить переконливо. Більше того, є окремі свідчення на користь того, що П. Кулішу тоді була властива, хоч і не в повній мірі, ексклюзивна національна ідентичність і пов'язана з цим відданість етноніму „українець“ (а не „малорос“). Зокрема, в листі до М. Костомарова (1846 р.) він емоційно заявляв: „Зачем Вы говорите, что Вы не украинец?... Мы даем Вам права гражданства, при том же маменька Ваша украинка. Я не могу Вас так любить как люблю, когда считаю Украинцем. Можно ли так отвергать столь драгоценное для нас имя?“⁴⁹.

Є певні докази того, що розуміння значення діяльності „національномовних лексикографів, граматиків, філологів і літераторів“, яка „була ключовою для формування європейських націоналізмів“⁵⁰, ширилося в середовищі малоросійських/українських інтелектуалів уже в 1840-х рр. Для прикладу, начебто далекий від національних ідей А. Метлинський переконував начебто значно ближчого до них М. Костомарова (1847 р., правопис збережено): „Я не думаю, як ти писав і пишеш, щоб война за правописаніе була за даромь: бо писанія и вымова – знамя характера и существо народности“⁵¹.

Другим великим і важливим кроком у напрямку формування „українського проекту“ стали заснування і діяльність Кирило-Мефодіївського товариства. Останнє традиційно розглядається як перший організаційний прояв українського націоналізму (в широкому „західному“ розумінні цього слова). За Б. Андерсоном, це „перша українська націоналістична організація“⁵². О. Міллер характеризує його як першу спробу організаційного оформлення „модерного українського націоналізму“⁵³. Загалом з

цим важко не погодитись, але принаймні з одним уточненням: в ідеології товариства все-таки значно більше всеслов'янських, ніж власне українських ідей, вона (ідеологія) була швидше панславистською на українському ґрунті, ніж суто українською. Можливо, саме через це в програмних документах кирило-мефодіївців мало уваги приділено мовному питанню – як уже зазначалось, ключовому для будь-якого „національного проекту“, тим більше на початковій стадії. Зрештою, чи не через брак „націоналізму“, уваги до власне „українського проекту“ в товаристві П. Куліш не виявляв до нього особливого інтересу? З іншого боку, з точки зору співвідношення „проектів“ важливо підкреслити, що кирило-мефодіївці не просто термінологічно відмовились від „Малоросії“ і „малоросів“ на користь „України“ й „українців“, а й зробили це по суті, наповнивши ці категорії іншим змістом та вивісивши їх за рамки російського імперського й національного контексту.

Практика 40-х рр. XIX ст. засвідчує не лише перехід (не остаточний і не завершений) від „малоросійського“ до „українського“ проекту, а й переміщення ролі провідного центру з Харкова до Києва. Останнє, в свою чергу, було зумовлено Київським університетом, з яким безпосередньо пов'язані „київська романтика“ (Д. Чижевський)⁵⁴ як культурне явище та Кирило-Мефодіївське товариство, 8 з 12 членів якого були студентами або співробітниками університету. Тим самим підтверджуються відомі слова (Б. Андерсон називає їх афоризмом) Е. Хобсбаума про те, що „розвитком шкіл та університетів вимірюється розвиток націоналізму...“. До речі, цікаво, що в російському перекладному виданні ця фраза („the progress of schools and universities measures that of nationalism“)⁵⁵ набула зовсім іншого змісту: „Национальным достижением было развитие школ и университетов“⁵⁶.

Започаткована нова фаза формування „українського проекту“ була перервана арештом кирило-мефодіївців, внаслідок чого найбільш активна, авторитетна й плідна частина його реальних чи потенційних творців надовго була втрачена для громадського життя. Крім того, це не могло не позначитись на настроях надзвичайно тонкого прошарку української інтелігенції. Водночас були мінімізовані умови для творчості: за десятиліття (до середини 1850-х рр.) в імперії побачили світ лише два альманахи з українськими текстами⁵⁷. Наскільки відомо, жодного протесту це не викликало, що свідчить швидше про другорядність, маргінальність мовного питання, ніж про якесь побоювання розділити долю братчиків. Українське культурне і громадське життя в його публічних проявах було відкинуто далеко назад і майже завмерло.

Проте 10-річний „антракт“ виглядав таким лише назовні: суспільна думка, можливо, стала латентною, атомізованою, але не зупинилась. Тож друга половина 1850-х рр. тільки на перший погляд несподівано вибухнула „кулішівкою“, п'ятьма збірками українських творів⁵⁸, новим „Кобзарем“, концептуальною „Україною“ М. Костомарова, спробами запровадження української мови в освітній процес (букварі, недільні школи), „хлопоманством“ і зрештою – українофільськими громадами, які започаткували український національний рух як організовану перманентну боротьбу національної еліти за реалізацію „українського проекту“.

¹ *Миллер, А. И.* „Украинский вопрос“ в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000, с. 53.

² Там само, с. 106.

³ *Хрох, М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе. – В: *Нации и национализм*. М., 2002, с. 128.

⁴ *Шевельов, Ю.* „Граматика“, що належить до історії літератури („Граматика малоросійського наріччя“ Павловського та її автор). – В: *Слово*. Зб. 2. Нью-Йорк, 1964, с. 189.

⁵ *Куліш, П.* Дві мови, книжна і народна. – Україна, 1914, кн. 3, с. 29.

⁶ *Андерсон, Б.* Уявлені спільноти: Міркування щодо походження й поширення націоналізму. 2-е вид. К., 2001, с. 107, 113; *Миллер, А. И.* „Украинский вопрос“ в политике властей и русском общественном мнении..., с. 10.

⁷ Касьянов, Г. В. Теорії нації і націоналізму. К., 1999 [електронний ресурс]. Режим доступу: <http://litopys.narod.ru/kasian/kas13.htm>

⁸ Націоналізм: Антологія. Упоряд. О. Проценко, В. Лісовий. К., 2000, с. 518.

⁹ Миллер, А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006, с. 78.

¹⁰ Миллер, А. И. „Украинский вопрос“ в политике властей и русском общественном мнении..., с. 80.

¹¹ Вульцус, Р. Языковая политика в Российской империи и украинский перевод Библии (1860–1906). – *Ab Imperio*, 2005, № 2, с. 191–192.

¹² Там само, с. 191; Миллер, А. И. „Украинский вопрос“ в политике властей и русском общественном мнении..., с. 82.

¹³ Цит. за: Михайлин, І. „Я тоді ще не знав, що я українець...“. – Березіль, 1991, № 6, с. 149.

¹⁴ Грамматика малороссийского наречия, или Грамматическое показание существеннейших отличий, отделивших Малороссийское наречие от чистого Российского языка, сопровождаемое разными по сему предмету замечаниями и сочинениями. Сочин. Ал. Павловский. СПб., 1818, с. 2, 4 [електронний ресурс]. Режим доступу: <http://toloka.hurtom.com/viewtopic.php?t=21927&sid=5856063b0a7c63abd7ccel1f5c7e01013>

¹⁵ Огієнко, І. Історія української літературної мови. К., 2001, с. 197.

¹⁶ Енциклопедія українознавства. Львів, 1994, т. 4, с. 1362.

¹⁷ Шевельов, Ю. „Грамматика“, що належить до історії літератури..., с. 188.

¹⁸ Цит. за: Айзеншток, Є. Г. Ф. Квітка і М. П. Погодін (до історії літературних відносин). – В: За сто літ. К., 1928, кн. 2, с. 24.

¹⁹ Там само, с. 12.

²⁰ Запорожская старина. X., 1833, ч. 1, вып. 1, с. 19 [електронний ресурс]. Режим доступу: <http://toloka.hurtom.com/viewtopic.php?t=14949>

²¹ Срезневский, И. Взгляд на памятники украинской народной словесности. – Ученые записки Московского университета, 1834, ч. 5 [електронний ресурс]. Режим доступу: <http://litmisto.org.ua/?p=3393>

²² Запорожская старина, ч.1, вып. 1. с. 19; вып. 2, с. 73.

²³ Цит. за: Михайлин, І. „Я тоді ще не знав, що я українець...“, с. 150.

²⁴ Там само.

²⁵ Костомаров, Н. И. Исторические произведения. Автобиография. К., 1989, с. 449–450.

²⁶ Миллер, А. И. „Украинский вопрос“ в политике властей и русском общественном мнении..., с. 53.

²⁷ Цит. за: Михайлин, І. „Я тоді ще не знав, що я українець...“, с. 157.

²⁸ Націоналізм. Антологія, с. 561.

²⁹ История России XVIII–XIX веков. Под ред. Л. В. Милова. М., 2006, с. 446–448, 506–508, 532–534, 723 та ін.

³⁰ Там само, с. 506–507.

³¹ Удалов, С. В. Теория официальной народности: механизмы внедрения. – В: Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2005, вып. 21, с. 73 [електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.sgu.ru/files/nodes/9843/08.pdf>

³² Там само, с. 80.

³³ Зорин, А. Кормя двуглавого орла...: Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001, с. 339–374.

³⁴ Вортман, Р. „Официальная народность“ и национальный миф российской монархии XIX века. – В: РОССИЯ/RUSSIA, вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX века. М., 1999, с. 233–244 [електронний ресурс]. Режим доступу: http://ec-dejavu.ru/o/Official_Nation.html

³⁵ Див.: Миллер, А. И. „Украинский вопрос“ в политике властей и русском общественном мнении..., с. 11; Андерсон, Б. Уявлені спільноти..., с. 113.

³⁶ Миллер, А. Империя Романовых и национализм..., с. 153.

³⁷ Миллер, А. И. „Украинский вопрос“ в политике властей и русском общественном мнении..., с. 33.

³⁸ Там само, с. 228.

³⁹ Империя и нация в воображении русского национализма: Взгляд историка: Лекция Алексея Миллера 14 апреля 2005 г. [електронний ресурс]. Режим доступу: <http://polit.ru/article/2005/04/14/miller/>

⁴⁰ Миллер, А. Империя и нация в воображении русского национализма. – В: Миллер, А. Империя Романовых и национализм..., с. 78–95.

- ⁴¹ *Наумов, С. О.* „Болгарська тема“ в українському націотворенні імперської доби: до питання про взаємодію „національних проектів“. – В: Дриновський збірник/Дриновски сборник, Харків; Софія, 2011, т. 4, с. 116.
- ⁴² Цит. за: *Нахлік, С.* Життя Пантелеймона Куліша: Наукова біографія. К., 2007, т. 1, с. 17–18.
- ⁴³ *Костомаров, Н. И.* Исторические произведения. Автобиография..., с. 446–450.
- ⁴⁴ *Андерсон, Б.* Уявлені спільноти..., с. 99.
- ⁴⁵ Енциклопедія українознавства. Львів, 1994, т. 4, с. 1362.
- ⁴⁶ *Міжковський, В.* Люди сорокових років (Кирило-методіївці в їх листуванні). – За сто літ, 1928, кн. 2, с. 43; *Шевельов, Ю.* Кулішеві листи і Куліш у листах. – В: Вибрані листи Пантелеймона Куліша українською мовою писані. Нью-Йорк; Торонто, 1984, с. 54.
- ⁴⁷ *Куліш, П.* Повне зібрання творів. Листи. К., 2005, т. 1: 1841–1850, с. 83–84.
- ⁴⁸ *Куліш, П.* Листи до М. Д. Білозерського. Львів; Нью-Йорк, 1997, с. 35.
- ⁴⁹ *Міжковський, В.* Люди сорокових років (Кирило-методіївці в їх листуванні)..., с. 53.
- ⁵⁰ *Андерсон, Б.* Уявлені спільноти..., с. 95.
- ⁵¹ *Міжковський, В.* Люди сорокових років (Кирило-методіївці в їх листуванні)..., с. 78.
- ⁵² *Андерсон, Б.* Уявлені спільноти..., с. 99.
- ⁵³ *Миллер, А. И.* „Украинский вопрос“ в политике властей и русском общественном мнении..., с. 227.
- ⁵⁴ *Чижевський, Д.* Історія української літератури (від початків до доби реалізму). Нью-Йорк, 1956, с. 422.
- ⁵⁵ *Hobsbawm, E.* The Age of Revolution 1789–1848. New York, 1996, p. 135.
- ⁵⁶ *Хобсбаум, Э.* Век революции. Европа 1789–1848. Пер. с англ. Л. Д. Якуниной. Ростов н/Д, 1999, с. 191.
- ⁵⁷ Див.: Українські літературні альманахи і збірники XIX – початку XX ст.: Бібліогр. покажчик. К., 1967, с. 43–50.
- ⁵⁸ Там само, с. 50–56.

І. І. СРЕЗНЕВСЬКИЙ І УКРАЇНСЬКІ НАРОДОЛЮБЦІ НАДДНІПРЯНЩИНИ 40–80-Х РР. ХІХ СТ.

С. І. Світленко

Світленко, С. І. І. І. Срезневський і українські народолюбці Наддніпрянщини 40–80-х рр. ХІХ ст.

Розглянуто вплив постаті та творчої спадщини І. І. Срезневського на формування і поступ українського народолюбства – національно-демократичної течії національного руху в Наддніпрянщині 40–80-х рр. ХІХ ст. Показано інтелектуальні контакти І. І. Срезневського з М. І. Костомаровим, П. О. Кулішем, В. Б. Антоновичем, М. П. Драгомановим та іншими українськими діячами й особливості їх динаміки. Висвітлено оцінки українськими народолюбцями значення творчого доробку І. І. Срезневського.

Ключові слова: І. І. Срезневський, українські народолюбці, кирило-мефодіївці, „Запорожская старина“, Наддніпрянщина.

Світленко, С. И. И. И. Срезневский и украинские народолюбцы Надднепрянщины 40–80-х гг. ХІХ в.

Рассмотрено влияние личности и творческого наследия И. И. Срезневского на формирование и развитие украинского народолюбия – национально-демократического течения национального движения в Надднепрянщине 40–80-х гг. ХІХ в. Показаны интеллектуальные контакты И. И. Срезневского с Н. И. Костомаровым, П. А. Кулишом, В. Б. Антоновичем, М. П. Драгомановым и другими украинскими деятелями и особенности их динамики. Освещены оценки украинскими народолюбцами значения творчества И. И. Срезневского.

Ключевые слова: И. И. Срезневский, украинские народолюбцы, кирилло-мефодиевцы, „Запорожская старина“, Надднепрянщина.

Svitlenko S. I. I. I. Sreznevskiy and Ukrainian narodolyubtsi 40s–80s of the nineteenth century

The influence of personality and artistic heritage of I. I. Sreznevskiy on the formation and progress of Ukrainian narodolyubstva – national-democratic trends of the national movement in Dnieper 40s–80s of the nineteenth century. Displaying intellectual contacts with I. I. Sreznevskiy, M. I. Kostomarov, P. O. Kulish, V. B. Antonovich, M. P. Dragomanov and other Ukrainian leaders and features of their dynamics. Deals with evaluation of Ukrainian narodolyubtsya, my assessment of the creative works by I. I. Sreznevskiy.

Keywords: I. I. Sreznevskiy, Ukrainian narodolyubtsi, cyril-mefodiyivtsi, “Zaporizhzhya Antiquity”, Dnieper.

У 20-х–30-х рр. ХІХ ст. І. І. Срезневський став знаковою постаттю вітчизняного романтизму – одного з важливих чинників переходу українського національно-культурного Відродження від академічної стадії збирання спадщини у стадію культурно-політичну, або народолюбну. Цілком не випадково постать і творча спадщина І. І. Срезневського вже давно викликала дослідницький інтерес у вчених. Однією з центральних проблем дослідників постав харківський період життя і творчості визначного славіста, зокрема оцінки його знаменитого збірника „Запорожская старина“ та діяльність гуртка харківських романтиків. Саме ці сюжети простежуються в дослідженнях М. І. Костомарова, В. Б. Антоновича, М. П. Драгоманова, О. М. Пипіна, В. І. Срезневського, О. С. Грушевського, М. Ф. Сумцова, К. М. Грушевської, В. Г. Сарбея, А. В. Крюкова, М. Т. Яценка та ін. При цьому не можна не помітити, що проблема „І. І. Срезневський і українські народолюбці 40–80-х рр. ХІХ ст.“ ще не стала предметом спеціального вивчення, а розглядалася лише фрагментарно¹. Заповнити хоча б деяку міру цю лакуну ставить на меті дана стаття.

Розпочинаючи виклад матеріалу, не можна не звернути увагу на період 20–30-х рр. ХІХ ст., коли молодий Ізмаїл Срезневський захопився ідеєю вивчення народу. Народна ідея стала ключовою для табору українських народолюбців, світогляд яких формувалася на романтичній ідейній основі. Жива зацікавленість І. І. Срезневського – росіянина за етнічним походженням – українською фольклорно-етнографічною старовиною пробудилася під впливом харківського інтелектуального середовища, зокрема Г. Ф. Квітки-

Оснoв'яненкa та П. П. Гулакa-Артемовського. Хронологічно це відбулося досить рано, коли Ізмаїл Срезневський навчався на етико-політичному відділі філософського факультету Харківського університету в 1826–1829 рр.²

Саме в другій половині 1820-х рр. в Харкові виник літературно-етнографічний гурток, учасники якого, зокрема І. І. Срезневський, О. Г. Шпигоцький, І. В. Росковшенко, брати Ф. С. і О. С. Євєцькі та інші, об'єдналися зацікавленим вивченням літератури й історії України, збиранням українського фольклору. Діяльність гуртка І. І. Срезневського ознаменувала формування українського інтелектуального ядра, навколо якого з часом утвердилася школа харківських романтиків. У 1830-х рр. до цього своєрідного українського національно-культурного явища прилучилися й Л. І. Боровиковський, М. І. Костомаров, А. Л. Метлинський, В. В. Пассек, І. М. Петров, О. О. Корсун, І. Є. Бецький, А. Хиджеу та ін. Головною ідеєю харківських романтиків став захист літературного статусу української мови як повноцінної й самостійної³.

Наприкінці 1820-х – на початку 1830-х рр. І. І. Срезневський розпочав активне вивчення української народної мови, приступив до укладання українсько-російського та українсько-російсько-польського словників, зацікавився традиційним побутом та народною культурою українців Харківщини й Катеринославщини. Особливе значення мала його практична робота домашнім учителем на Катеринославщині, коли влітку 1832 р. І. І. Срезневський переїхав до маєтку Подольських і поблизу Дніпра, на колишніх землях Війська Запорозького Низового, знайомився з пісенно-поетичною творчістю кобзарів, записував спогади старожилів про Запорозьку Січ, народні думи, перекази та легенди і тим самим набував евристичного досвіду фольклорної й етнографічної діяльності. Водночас він збагачував свої знання в поміщицьких бібліотеках та архівах⁴.

Вищезазначене збирання української народної спадщини зумовило появу відповідних археографічних публікацій молодого кандидата наук. Так, наприклад, уже в 1831 р. І. І. Срезневський опублікував свої перші записи українських пісень в „Украинском альманахе“, а в 1833–1838 рр. – збірник „Запорожская старина“, в якому побачили світ українські історичні пісні й думи, а також матеріали й записи самого збирача про побут запорожців. Випуски альманаху викликали великий інтерес серед української інтелігенції⁵.

У той час збиральницька й публікаторська діяльність молодого І. І. Срезневського, українолюбна й народолюбна за своєю сутністю, послужила одним із пізнавальних чинників генезису українського народолюбства як історичного явища, що стало домінантним в історії українського національного руху і демократичної думки в Наддніпрянщині 40–80-х рр. XIX ст.

Визначний український народолюбець М. І. Костомаров зазначав в „Автобіографії“ (1875–1881), що знайомство з „Запорожской стариною“ та її автором справило на нього тривалий і сильний вплив. Зближення з І. І. Срезневським „сильно сприяло моему прагненню до вивчення малоруської народності“, – згадував Микола Іванович. „Автобіографія“ свідчить, що інтелектуальні імпульси, надані її авторові начитаним й розумним І. І. Срезневським, спричинили помітне розширення кола його читання за рахунок української літератури та обумовили народолюбні прагнення, які виявилися в етнографічних екскурсіях із Харкова по сусідніх селах.

Це своєрідне й раннє „ходіння в народ“ супроводжувалося знайомством Миколи Костомарова з народом із перших вуст, породжувало численні мовно-фольклорні записи. Характерно, що І. І. Срезневський підбадьорював М. І. Костомарова в його перших творчих спробах, зокрема при написанні ним драматичного твору „Сава Чалий“. Згодом Микола Іванович стверджував, що в ранній період своєї творчості перебував під значним впливом такого „мутного джерела“, як „Запорожская старина“ І. І. Срезневського⁶.

У передмові до першого випуску цього видання І. І. Срезневський сформулював свою думку про мову і стиль української народно-поетичної творчості. У ранній статті „Взгляд на памятники украинской народной словесности. Письмо к профессору И. М. Снегиреву“ (1834) він порушив питання про оригінальність і самодостатність української мови, яку визначав не як наріччя російської мови, а як „одну з найбагатших мов слов'янських...“⁷. Усе це було наслідком прямого знайомства молодого вченого з живою народною стихією,

культурою та мовою на землях нащадків запорозьких козаків.

Упродовж 1839–1842 рр. І. І. Срезневський здійснив тривале наукове відрядження по слов'янських землях, побувавши в Чехії, Сербії, Хорватії, Словенії, Чорногорії, Словаччині. Тривала подорож мала евристичний та народолобний характер, адже дослідник-славист збирав народну спадщину, охоче відвідував селянські вечорниці, народні свята, із зацікавленням вивчав народно-пісенну й танцювальну творчість південних і західних слов'ян⁸.

Після повернення І. І. Срезневського із закордонного відрядження його інтелектуальні контакти з М. І. Костомаровим відновилися. Микола Іванович отримував від свого наставника рукописні першоджерела, радився з ним щодо окремих розділів власної дисертації, нарешті одержав підтримку від нього як опонента щодо своєї праці⁹.

Народолобні інтелектуальні контакти І. І. Срезневського не обмежувалися М. І. Костомаровим, а в 1844 р. розширилися. Як свідчить лист П. О. Куліша до Т. Г. Шевченка від 31 грудня 1844 р., в той час у Харкові виник видавничий проект, що ставив на меті опублікувати „Записки о Южной Руси“. В цьому виданні мали побачити світ не тільки наукові статті, а й українська літературна проза та поезія. Ця справа об'єднала групу видавців, зокрема М. І. Костомарова, П. О. Куліша, А. Л. Метлинського та І. І. Срезневського¹⁰.

Той факт, що в 1844 р. І. І. Срезневський входив до інтелектуального кола харківських романтиків і майбутніх кирило-мефодіївців – діячів народолобної ідейної спрямованості, підтвердила й записка III відділення від 17 квітня 1847 р. про доставлення Т. Г. Шевченка до Петербурга та розгляд відібраних у нього рукописів. У ній, зокрема, йшлося про чотири листа П. О. Куліша до Т. Г. Шевченка, в одному з них від 1844 р. сповіщалося про наміри видавати у Харкові „Записки о Южной Руси и о славянах“. Співробітниками цього видання висловили бажання бути М. І. Костомаров, П. О. Куліш, А. Л. Метлинський та І. І. Срезневський¹¹.

Щоправда, українську народолобність І. І. Срезневського не варто перебільшувати. Свої суспільно-політичні погляди вчений не висловлював прямо, з цілковитою певністю, а тому про їх сутність можна довідатися за побічними свідченнями. На їх основі можна стверджувати, що впродовж 1830-х – у першій половині 1840-х рр. він був близьким до діячів українського національно-культурницького руху. Після повернення із закордонного відрядження І. І. Срезневський разом з А. Л. Метлинським і М. І. Костомаровим гаряче захопився новою ідеєю народності¹².

Світогляд І. І. Срезневського містив деякі елементи демократизму, який виявлявся у співчутливості до простого народу, у вивченні й публікації народної фольклорно-етнографічної спадщини. Разом із тим за своїми світоглядними цінностями І. І. Срезневський був лише дотичним до українських народолобців, ідейний напрям яких формувався. Напевно, на більше й не можна розраховувати за умов ліберальної поміркованості вченого, який поділяв монархічні погляди і вважав Миколу I покровителем російської науки і культури¹³.

Натомість вплив постаті та праць І. І. Срезневського простежується в поглядах і діяльності кирило-мефодіївців, які в середині 40-х рр. XIX ст. репрезентували початки нової стадії в українському національному русі й думці. Автобіографічні й епістолярні матеріали, документи слідчих справ III відділу В. й. і. в. канцелярії показують, що І. І. Срезневський входив до інтелектуального кола М. І. Костомарова та П. О. Куліша, а його фольклорно-етнографічні твори сприяли формуванню їхнього народолобного світогляду та культурницької діяльності.

У цьому контексті особливий дослідницький інтерес становлять листи П. О. Куліша до І. І. Срезневського. Так, в одному з них – від 13 лютого 1845 р. – Пантелеймон Олександрович висловлював вдячність своєму адресату за готовність творчою працею підтримати новий журнал під назвою „Киевский сборник“, який планувався виходити 4 рази на рік. Лист П. О. Куліша до І. І. Срезневського від 13 березня 1845 р. свідчить про те, що український народолобець, працюючи над історичним романом „Чорна рада“, користувався матеріалами „Запорожской старины“, консулювався з автором цієї праці щодо тлу-

мачення окремих термінів¹⁴.

З листа П. О. Куліша до І. І. Срезневського від 21 вересня 1845 р. дізнаємося, що їхнє листування відновилося після певної перерви, спричиненої службовими обставинами. Характерно, що в той період П. О. Куліш називав Ізмаїла Івановича „почтеннейшим“ і зазначав: „Все, що Ви не напишете про Південну Русь, буде мати місце в нашому журналі...“. У черговому листі від 10 грудня 1845 р. П. О. Куліш запропонував І. І. Срезневському приєднатися до них з М. І. Костомаровим у справі об'єднання їхніх збірок українських пісень¹⁵.

Інтелектуальна співпраця між П. О. Кулішем та І. І. Срезневським тривала і в 1846 р. У листі від 10 січня Пантелеймон Олександрович ділився зі своїм старшим колегою творчими здобутками і проблемами. Текст пройнятий глибокою повагою до адресата. 29 січня 1846 р. П. О. Куліш направив І. І. Срезневському зібрані пісні, у свою чергу просив також направляти йому записані сімейні й любовні пісні. У листі від 7 березня 1846 р. П. О. Куліш доправив І. І. Срезневському чергові пісні та просив вислати йому свої¹⁶.

Як засвідчує лист П. О. Куліша до І. І. Срезневського від 21 квітня 1846 р., його автор мав намір негайно розпочати втілення в життя спільного публікаторського проекту, визначивши його мету. До того ж він сповіщав Ізмаїла Івановича про написання двох третин „Чорної ради“ по-українськи і просив коментаря у свого адресата з цього приводу. У листі до М. І. Костомарова від 2 травня 1846 р. П. О. Куліш писав, що І. І. Срезневський вже направив йому свої жіночі пісні¹⁷.

20 липня 1846 р. П. О. Куліш відправив І. І. Срезневському свою „Повість об українском народі“ і просив зробити зауваження щодо неї. Як видно з листа, П. О. Куліш готувався до трирічного відрядження за кордон для вивчення слов'янських мов. У цьому зв'язку він просив відомого славіста надати йому настанови, як, де і що вивчати. За умов очікуваного відрядження по лінії Академії наук П. О. Куліш хотів узгодити з І. І. Срезневським терміни і спосіб спільного видання першого тому збірки історичних народних пісень¹⁸.

21 серпня 1846 р. П. О. Куліш сповістив О. М. Бодяньського про об'єднання збірок українських пісень, зокрема свого, І. І. Срезневського, А. Л. Метлинського та М. І. Костомарова, в єдиний і про вивчення всіх варіантів за різними списками. При цьому він запропонував Осипу Максимовичу приєднатися до спільного проекту, наголошуючи на важливості того, щоб п'ять професорів різних університетів, розділених величезним простором, діяли „як одна душа“. Незабаром, у листі від 24 серпня 1846 р. П. О. Куліш написав І. І. Срезневському, що направив йому свої думи, не залишивши навіть для себе будь-якого примірника, у зв'язку з чим просив його переписати і разом зі своїми ненадрукованими пам'ятками надіслати назад. Водночас він запропонував Ізмаїлу Івановичу негайно направити будь-які відомі йому літописи О. М. Бодяньському, який в той час займався публікацією цих джерел¹⁹.

Цей лист спричинив чи не перше суттєве непорозуміння між П. О. Кулішем та І. І. Срезневським, адже в ньому останній убачив недовіру до себе й написав ображені листи до П. О. Куліша й О. М. Бодяньського. Цікаво, що в цей же період І. І. Срезневський запропонував свою кандидатуру на вакантне місце викладача слов'янських літератур у Санкт-Петербурзькому університеті. Таке рішення відомого славіста викликало різко негативну реакцію П. О. Куліша, який сам виказував претензії на вільну кафедру. Все це зумовило досить швидкий та остаточний розрив їхніх відносин. Свідченням цього став лист П. О. Куліша до О. М. Бодяньського від 8 жовтня 1846 р., в якому автор обіцяв розповісти своєму адресату щось „дуже погане“ про І. І. Срезневського.

У свою чергу в листі до І. І. Срезневського від 12 жовтня 1846 р. П. О. Куліш висловлював своє здивування з приводу ставлення Ізмаїла Івановича до його думки „про Вашу недовірливість і нетовариськість“. У листі від 2 листопада 1846 р. П. О. Куліш демонстративно сповіщав І. І. Срезневського про повернення ним записаних Ізмаїлом Івановичем пісень і відмовлявся від своїх, які дозволяв опублікувати. Судячи з листа І. І. Срезневського від 8 листопада 1846 р., той все ж таки надіслав П. О. Кулішу якісь його пісні, а 17 листопада того ж року П. О. Куліш направив у свою чергу І. І. Срезневському ще дві пісні з

його колекції²⁰.

Факти співпраці Пантелеймона Олександровича та Ізмаїла Івановича містить і слідча справа П. О. Куліша. В ній, зокрема, знаходимо список адрес різних осіб, складений кирило-мефодіївцем не пізніше березня 1847 р., в якому є й адреса І. І. Срезневського. Підтвердженням творчих контактів між П. О. Кулішем та І. І. Срезневським є, зокрема, лист першого з них до О. В. Марковича від 25 січня 1846 р., в якому сповіщалося про обіцянку І. І. Срезневського надати в розпорядження автора цієї епістолярії всі зібрані пісні. В іншому листі від 2 травня 1846 р. П. О. Куліш повідомляв М. І. Костомарова: „Срезневський також надіслав мені свої жіночі пісні“. Напевно, І. І. Срезневський направив П. О. Кулішу і свою працю „Святелища и обряды языческого богослужения древних славян“ (1846), яка зберігалася в М. Д. Білозерського серед книжок П. О. Куліша на хуторі Миколаєві Борзнянського повіту Чернігівській губернії, при від'їзді останнього за кордон у 1847 р.²¹

Протокол допиту П. О. Куліша в III відділенні від 16 квітня 1847 р. свідчить про те, що народна пісня про смерть Б. Хмельницького, опублікована І. І. Срезневським в „Запорожской старине“, була використана українським народолюбцем у процесі написання першого історичного роману українською мовою „Чорна рада“²².

Слідча справа М. І. Костомарова теж містить деякі матеріали про співпрацю цього українського народолюбця з І. І. Срезневським. Так, у своїх відповідях на питання під час допиту в III відділенні 17 квітня 1847 р. М. І. Костомаров зізнавався, що зберігав у себе твори Т. Г. Шевченка і ще у Харкові прагнув укласти словник української мови. Причому в цій справі він отримував допомогу з боку професорів І. І. Срезневського та А. Л. Метлинського. Останній писав М. І. Костомарову 28 березня 1847 р., зокрема, про свій нещодавній лист до І. І. Срезневського. Праця Ізмаїла Івановича „Святелища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям“ (Харків, 1846) належала до книжок бібліотеки М. І. Гулака, яку він бажав узяти з собою на заслання в Перм²³.

З творами І. І. Срезневського був ознайомлений й кирило-мефодіївець Г. Л. Андрузький, ув'язнений царським режимом у Соловецькому монастирі впродовж 1850 – 1854 рр. Про це інформує довідка III відділення 1850 р. про зміст журналу „Московский литературный и ученый сборник“ за 1847 р., з якого Г. Л. Андрузьким були зроблені виписки. Серед останніх увагу жандармів привернули виписки зі статті І. І. Срезневського „Взгляд на современное состояние литературы у западных славян“, виконаної в дусі слов'янофільства. Характерно, що непоміченою не залишилася теза статті вченого про те, щоб у слов'ян „науки і мистецтва розвивалися з народних начал“, ішлося і про з'єднання слов'янських народів²⁴.

І. І. Срезневський поширював свій вплив на студентську молодь і завдяки науково-педагогічній діяльності. Про велику енергетичну силу лекцій професора ділилися своїми враженнями П. Я. Сердюков у листі до П. О. Куліша від 22 лютого 1847 р., в якому між іншим ішлося, що І. І. Срезневський „читав чортову пропасть“, під враженням від чого „усі студенти у в один голос гудуть“, а сам лектор – „такий дзіндзивер-зух, що хоч в орнду на танець“²⁵.

Після розгрому Кирило-Мефодіївського товариства стосунки українських народолюбців з І. І. Срезневським уже не могли зберігати колишньої динаміки. Псувало відносини й те, що І. І. Срезневський не розраховувався з П. О. Кулішем, М. І. Костомаровим та О. М. Бодянським, не повернувши їм записані ними фольклорно-етнографічні скарби. Одним із епістолярних свідчень цього став лист П. О. Куліша до О. М. Бодянського від 22 грудня 1847 р. із Тули, де автор писав: „Срезневський сумно підтвердив мою невігдну про нього думку“.

У чергових листах до О. М. Бодянського від 6 січня та 21 квітня 1848 р. П. О. Куліш не полишав надії „вицапати“ як-небудь свої пісні у „скаредного“ І. І. Срезневського. 27 квітня 1848 р. він навіть попросив Віктора Білозерського зайти до І. І. Срезневського й забрати у нього позичені думи або отримати негативну відповідь. Нарешті, 5 липня 1848 р. П. О. Куліш листовно попрохав І. І. Срезневського повернути йому зібрані ним і М. І. Костомаровим пісні, але і ця спроба не мала результату. Своє розчарування і гнів з цього при-

воду П. О. Куліш висловив у листі до О. М. Бодяньського від 16 березня 1849 р.²⁶

На початку 1850-х рр. відносини між І. І. Срезневським і деякими колишніми кирило-мефодіївцями вже були вельми прохолодними. Певно, причиною цього стало те, що, маючи широкі плани видання українських народних дум, зокрема готуючи до публікації „Малороссийские думы. Полный сборник“, Ізмаїл Іванович не поспішав віддавати записи народних пісень П. О. Куліша і М. І. Костомарова, які ще в 1840-х рр. були позичені ним у Пантелеймона Олександровича. Останній знав про ці плани і писав з цього приводу О. М. Бодяньському 18 вересня 1853 р.: „Там (у виданні історичних дум. – Авт.), звичайно, будуть і ті, які він (І. І. Срезневський. – Авт.) у мене вкрав“. Украй негативне ставлення до І. І. Срезневського висловлював П. О. Куліш і в ряді інших листів, зокрема до М. М. Білозерського від 24 жовтня 1854 р. і до О. М. Бодяньського від 12 листопада 1854 р.²⁷

На початку 1860-х рр. І. І. Срезневський став ректором Петербурзького університету. Як відомо, в той період у столиці перебував і М. І. Костомаров. Спочатку ставлення І. І. Срезневського до Миколи Івановича було дуже схвальним. Проте незабаром М. І. Костомаров помітив щодо себе з боку ректора „певну холодність“, що спричинило поступове розходження між колишніми однодумцями. Причину цього слід шукати не тільки у зміні соціального статусу І. І. Срезневського, а й у посиленні консерватизму його світогляду²⁸.

Проте в пореформений період І. І. Срезневський мав інтелектуальні контакти з яскравими представниками молодшого покоління українських народолюбців Наддніпрянщини. Праці І. І. Срезневського були одним із джерел формування поглядів ряду діячів українського народолюбства: В. Б. Антоновича, М. П. Драгоманова, Я. П. Новицького та ін. Так, у „Мемуарах“ ідейного лідера Київської Старої громади В. Б. Антоновича йшлося про те, що збірник пісень І. І. Срезневського, поряд з аналогічними працями М. О. Максимовича і А. Л. Метлинського, козацькими літописами, томами „Киевлянина“ і „Молодика“, став першоджерельною основою в процесі формування його українофільських поглядів.

Характерно, що молоді українські народолюбці, здійснюючи „ходіння в народ“ на Правобережній Україні, розповсюджували серед селян „Граматку“ П. О. Куліша 1857 р. Тоді місцеві шляхтичі не на жарт перелякалися від цієї популярної книжки для народу, особливо у зв'язку з тим, що наприкінці видання була надрукована дума про Наливайка, давно відома із збірок І. І. Срезневського і М. О. Максимовича. Так творча спадщина Ізмаїла Івановича об'єднала відразу два покоління українських народолюбців²⁹.

У 1874 р. в Києві відбувся III Археологічний з'їзд, який зібрав чимало видатних науковців, серед яких були присутні Микола Костомаров, Орест Міллер, Ізмаїл Срезневський та інші знані вчені з України, Росії, Сербії, Польщі, Франції. За спогадами М. Білінського, на одному з пленумів з'їзду І. І. Срезневський „зробив доповідь про видатні наукові заслуги В. Б. Антоновича“. Присутні зустріли цей виступ справжньою овацією. При цьому скромний В. Б. Антонович так знякотив, що „зігнувся сидячи в кріслі, ніби мався пірнути“³⁰.

І. І. Срезневський з великим тактом ставився до польських делегатів III Археологічного з'їзду. Про це згадував М. П. Драгоманов в „Австро-руських споминах (1867–1877)“: „Не треба їх зачіпати! – казав мені Срезневський, – їм і так важко“. Кожний учасник зібрання міг читати реферат рідною мовою³¹.

Українські народолюбці пореформених десятиліть прагнули визначити ідейну роль І. І. Срезневського, критичніше сприймали творчу спадщину визначного славіста. Зокрема М. П. Драгоманов вперше звернувши увагу на його оригінальне українське слов'янофільство, яке стало міцною основою українолюбства. Так, у своїй праці „Література російська, великоруська, українська і галицька“ (1873–1874) М. П. Драгоманов назвав І. І. Срезневського „українтувавшим великорусом“ і, поряд з М. О. Максимовичем, „науковим представителем“ „оригінального українського слов'янофільства“. В рецензії „Ученая экспедиция в Западнорусский край“ (1877) він відмітив рівень підготовки відомого вченого-славіста, який, поряд з М. О. Максимовичем і А. Л. Метлинським, видавав і вивчав українську народну словесність³².

У листі до ідеолога російського народництва П. Л. Лаврова від 5 лютого 1877 р. М. П. Драгоманов ставив ім'я І. І. Срезневського поряд з такими діячами, як О. М. Бодяньський, Д. В. Григорович, М. О. Максимович, які займалися „свого рода слов'янофільством“,

відмінним від московського. Дещо пізніше Михайло Петрович вмістив матеріал про І. І. Срезневського у часопису „української вільної преси“ „Громада“, про що сповіщав І. Я. Франка, направивши йому літографічне зображення визначного славіста. Проте у 1893 р. М. П. Драгоманов уже прямо писав про „фальшовані пісні Срезневського“, закидав йому нерозуміння деяких слів пісні про Саву Чалого³³.

Звісно, вплив І. І. Срезневського та його творчого доробку, зокрема „Запорожской старины“, на українських народолобців із часом змінився помітним охолодженням. Так, В. В. Кравченко відмічав, що М. О. Максимович, а слідом за ним М. І. Костомаров уже не поділяли колишнього захоплення від раніше знаменитого збірника. При цьому М. О. Максимович пояснював фактичні помилки у збірнику І. І. Срезневського надмірною довірливістю автора до „бандуристів“. Натомість М. І. Костомаров обумовлював їх свідомою фальсифікацією фольклорних та історичних текстів³⁴.

У своїй рецензії „Малороссия в ее словесности“ (1870) М. П. Драгоманов прямо називав „Запорожскую старину“ І. І. Срезневського прикладом підробки народних дум. Критичне ставлення до „Запорожской старины“ переважало і в передмові до праці „Исторические песни малорусского народа“ (1874), в якій В. Б. Антонович і М. П. Драгоманов заперечували автентичність більшості підробок народних дум. Водночас зазначені українські народолобці поставили ім'я І. І. Срезневського третім після М. А. Цертелєва і М. О. Максимовича, які завдяки своїм збіркам звернули увагу на „малоруські народні пісні“, сприяли високій оцінці знавцями „історичного характеру багатьох малоруських дум і пісень“. У „Передньому слові“ [до „Громади“ 1878 р.] М. П. Драгоманов вмістив згадку про „Запорожскую старину“ І. І. Срезневського як про таку, що належала до „по більшій часті фальшивих“, хоча й відмітив, що колись користувалася популярністю серед читачів³⁵.

Українські народолобці пореформеного періоду не тільки критично ставилися до спадщини свого визначного попередника, але прагнули перевершити його. Так, український народолобець з Катеринославщини Я. П. Новицький, на відміну від І. І. Срезневського, намагався визначити співвідношення між оповіддю та документом. При цьому для цього дослідника народного буття першорядного значення набував саме документ, за допомогою якого відбувалася перевірка оповідних свідчень, переказів³⁶.

Постать і творчий доробок І. І. Срезневського мали помітний вплив не тільки на харківських романтиків, а й на наступні покоління репрезентантів національно-культурного Відродження – українських народолобців 40 – 80-х рр. XIX ст. Це простежується, насамперед, у поглядах і діяльності кирило-мефодіївців, які в середині 1840-х рр. започаткували нову стадію в історії українського національного руху. Автобіографічні та епістолярні матеріали, документи слідчих справ III відділу В. й. і. в. канцелярії свідчать, що І. І. Срезневський входив до інтелектуального кола М. І. Костомарова, П. О. Куліша та інших діячів Кирило-Мефодіївського товариства, а його фольклорно-етнографічні твори сприяли формуванню їхнього народолобного світогляду та культурницької діяльності. Розгром Кирило-Мефодіївського товариства, особисті непорозуміння й конфлікти, переїзд І. І. Срезневського із Харківського до Петербурзького університету, посилення консерватизму в його світогляді спричинили помітне послаблення та навіть розрив зв'язків відомого вченого-славіста з колишніми кирило-мефодіївцями, які раніше були дружніми.

У пореформений період І. І. Срезневський мав інтелектуальні контакти з представниками молодшого покоління українських народолобців Наддніпрянщини. Праці І. І. Срезневського були одним із джерел формування їхніх національно-культурницьких поглядів. Діячі українського народолобства, зокрема В. Б. Антонович, М. П. Драгоманов, М. І. Костомаров та ін., почали критично вивчати творчість І. І. Срезневського. При цьому М. П. Драгоманов уперше звернув увагу на його оригінальне українське слов'янофілство, яке в національному русі стало ідейним містком до українолюбства.

¹ Кравченко, В. В. Нариси з української історіографії епохи національного відродження (друга половина XVIII – середина XIX ст.) / відп. ред. П. С. Сохань. Х., 1996, с. 206–209.

² Кравчук, Р. В. З історії слов'янського мовознавства. К., 1961, с. 11; Русское и славянское языкознание в России XVIII–XIX вв. (в биографических очерках и воспоминаниях современников). Уч.

посobie. Отв. ред. проф. П. А. Дмитриев. Л., 1980, с. 73.

³ Катренко, А. М. Український національний рух XIX ст.: Навч. посібник. К., 1998. – Ч. 1: Перша половина XIX ст., с. 33; Михайлин, І. Л. Історія української журналістики: Період становлення: від журналістики в Україні до української журналістики. Х., 2004, с. 144, 146.

⁴ Кравченко, В. В. Нариси з української історіографії епохи національного відродження (друга половина XVIII – середина XIX ст.), с. 211, 213.

⁵ Русское и славянское языкознание в России XVIII–XIX вв. (в биографических очерках и воспоминаниях современников). Уч. пособие. Л., 1980, с. 73–74.

⁶ Костомаров, Н. И. Автобиография. Бунт Стеньки Разина. К., 1992, с. 101, 102, 104, 109.

⁷ Павлюк, М. В. Основні етапи розвитку українського мовознавства дожовтневого періоду. К.; Одеса, 1978, с. 87.

⁸ Русское и славянское языкознание в России XVIII–XIX вв. (в биографических очерках и воспоминаниях современников). Уч. пособие. Л., 1980, с. 75.

⁹ Костомаров, Н. И. Автобиография. Бунт Стеньки Разина. К., 1992, с. 116, 117.

¹⁰ Куліш, Пантелеймон. Повн. збір. творів. Листи. Т. 1: 1841–1850. Ред. колегія: Гр. Грабович (голова) та ін.; упоряд., комент. Олесь Федорук; підгот. текстів Олесь Федорук, Наталія Хохлова; відп. ред. Степан Захаркін. К., 2005, с. 45.

¹¹ Кирило-Мефодіївське товариство : у 3 т. Голов. ред. П. С. Сохань. К., 1990, т. 2, с. 308, 309.

¹² Сумцов, М. Ф. Життєпис Я. Щоголіва. – В: Сумцов, М. Ф. Дослідження з етнографії та історії культури Слобідської України: вибр. праці. Х., 2008, с. 397.

¹³ Русское и славянское языкознание в России XVIII–XIX вв. (в биографических очерках и воспоминаниях современников). Уч. пособие. Л., 1980, с. 81–82.

¹⁴ Куліш, Пантелеймон. Повн. збір. творів. Листи. Т. 1: 1841–1850, с. 48, 49.

¹⁵ Там само, с. 54, 61.

¹⁶ Там само, с. 67–69, 73, 75.

¹⁷ Там само, с. 81–83.

¹⁸ Там само, с. 94.

¹⁹ Там само, с. 104, 106, 107.

²⁰ Там само, с. 445–446, 119, 113, 124, 125.

²¹ Кирило-Мефодіївське товариство : у 3 т. Голов. ред. П. С. Сохань. К., 1990, т. 1, с. 269; там само, т. 2, с. 40, 63; там само, т. 3, с. 88–89.

²² Там само, т. 2, с. 53.

²³ Там само, т. 1, с. 284, 288, 214, 217; т. 2, с. 622.

²⁴ Кирило-Мефодіївське товариство : у 3 т. Голов. ред. П. С. Сохань. К., 1990, т. 2, с. 583, 593.

²⁵ Там само, т. 3, с. 167, 168, 170.

²⁶ Куліш, Пантелеймон. Повн. збір. творів. Листи. Т. 1: 1841–1850, с. 202, 205, 216, 218, 227, 230, 232, 283.

²⁷ Куліш, Пантелеймон. Повне збір. творів. Листи. Т. 2: 1850–1856. Ред. колегія: Гр. Грабович (голова) та ін.; упоряд., комент. Олесь Федорук. К., 2009, с. 371, 447, 135, 213, 221, 222.

²⁸ Костомаров, Н. И. Автобиография. Бунт Стеньки Разина. К., 1992, с. 227–228; Русское и славянское языкознание в России XVIII–XIX вв. (в биографических очерках и воспоминаниях современников). Уч. пособие. Л., 1980, с. 82.

²⁹ Антонович, В. Б. Мемуари. – В: Син України: Володимир Боніфатійович Антонович: у 3 т. / упоряд.: Віктор Короткий, Василь Ульяновський. К., 1997, т. 1, с. 180, 174–175.

³⁰ Білінський, М. З минулого пережитого: 1870–1888. – В: Син України: Володимир Боніфатійович Антонович: у 3 т. Упоряд.: Віктор Короткий, Василь Ульяновський. Т. 1. К., 1997, с. 403–404.

³¹ Драгоманов, М. П. Австро-руські спомини (1867–1877). – В: Драгоманов М. П. Літературно-публіцистичні праці: у 2 т. К., 1970, т. 2, с. 233.

³² Драгоманов, Михайло. Вибрані праці : у 3 т. [у 4 кн.]. [редкол.: В. П. Андрущенко (голова) та ін.]. – Т. 2 : Фольклористика. Літературознавство / [упорядкув. та прим. В. Ф. Погребенника], К., 2007, с. 95, 173, 237.

³³ Драгоманов, М. П. Лист до П. Лаврова від 5 лютого 1877. – В: Драгоманов, М. П. Літературно-публіцистичні праці: у 2 т. К., 1970, т. 2, с. 465; Драгоманов, М. П. Лист до І. Франка [б. д.]. – В: Драгоманов, М. П. Там само, т. 2, с. 477; Драгоманов, М. П. Т. Шевченко в чужій хаті його імені („Кобзар Тараса Шевченка“). Видання Товариства імені Шевченка, ч. 1–2, у Львові, 1893. Там само, т. 2, с. 410.

³⁴ Кравченко, В. В. Нариси з української історіографії епохи національного відродження (друга половина XVIII – середина XIX ст.), с. 206.

³⁵ Драгоманов, М. П. Вибране. К., 1991, с. 11, 46, 56, 281.

³⁶ Новицький, Яків. Твори: у 5 т. Яків Новицький. Голов. ред. кол. : Павло Сохань – головн. ред. та ін. Т. 1. Запоріжжя, 2007, с. 5–6.

**„МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА“
І. І. СРЕЗНЕВСЬКОГО ЯК ДЖЕРЕЛО ВИВЧЕННЯ
ДАВНЬОРУСЬКОЇ ІГРОВОЇ КУЛЬТУРИ**

В. А. Старков

Старков, В. А. „Материалы для словаря древнерусского языка“ І. І. Срезневского як джерело вивчення давньоруської ігрової культури

„Материалы...“ І. Срезневского є джерелом культурно-історичних відомостей і вміщують великий інформативний потенціал стосовно різних аспектів життя людини часів Київської Русі. Материалы...“, поряд із іншими видами джерел, виконують спеціальну джерельну функцію. Категоріальний масив праці Срезневського є значним і суттєво спрощує науковий пошук категорій ігрової культури, широко представлених у „Материалах...“.

Ключові слова: Ізмаїл Срезневський, „Материалы...“ Срезневського, ігрова культура, історичні джерела.

Старков, В. А. „Материалы для словаря древнерусского языка“ И. И. Срезневского как источник изучения древнерусской игровой культуры

„Материалы...“ И. Срезневского – источник культурно-исторических сведений и содержат большой информативный потенциал относительно различных аспектов жизни человека времен Киевской Руси. Вместе с другими видами источников они выполняют специальную источниковедческую функцию. Категориальный массив труда Срезневского огромен и существенно упрощает научный поиск категорий игровой культуры, широко представленных в „Материалах...“.

Ключевые слова: Измаил Срезневский, „Материалы...“ Срезневского, игровая культура, исторические источники.

Starkov, V. A. “Materials for the Dictionary of Old Russian language” Sreznevskiy I. I. as a source for studying ancient Russian game culture

The Sreznevskiy’s “Materialy...” are source of historical and cultural information about different aspects of Old Rus people’s life. “Materialy...” together with other kinds of sources fulfil the special source function. The words massif of Sreznevskiy’s work is huge and it facilitates the scientific search of play culture categories. This categories are widely represented in “Materialy...”.

Keywords: Ishmail Sreznevskiy, Sreznevskiy’s “Materialy...”, play (game) culture, historical sources.

Використовуючи свій досвід роботи із „Матеріалами...“, можу стверджувати, що як джерело філологічних, так і взагалі культурно-історичних досліджень, вони, разом з іншими видами джерел, вміщують великий інформативний потенціал. У дослідженнях культурно-побутових аспектів життя людини часів Київської Русі, „Материалы...“, поряд із літописними, археологічними, писемними, іконографічними та іншими пам’ятками, виконують спеціальну джерельну функцію. Категоріальний масив, вміщений у праці І. І. Срезневського, суттєво спрощує науковцям пошук необхідного матеріалу і одночасно виконує функцію провідника як у наративних, так і у документальних давньоруських джерелах.

Пошук численних опублікованих, в тому числі й рідкісних, джерел становить для науковців певну організаційну проблему і потребує зусиль та часу. Ґрунтовні ж, іноді з численними прикладами з давньоруських джерел до багатьох гасел, словники слугують не лише для цілей тлумачення термінів, але й для подальшого пошуку у вибраному напрямку. Іноді наведеного саме словникового прикладу цілком достатньо для вирішення певного наукового „епізоду“, не звертаючись до самого джерела.

Слід зазначити, що „Материалы...“ не втратили своєї актуальності й понині. Вони є єдиним закінченим давньоруським словником від „А“ до „Я“, оскільки „Словарь русского языка XI–XVII вв.“ (Вип. 1–28. М., 1975–2008) доведений до літери „С“, а „Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)“ (Т. 1–8. М., 1988–2008) – до літери „П“. До речі, обидва ці видання в значній мірі повстали із „Материалов...“ Ізмаїла Івановича Срезневського.

© Старков В. А., 2013

Категорії ігрової культури широко висвітлені у „Материалах...“. Це – якості, які потрібні у різного роду іграх та обрядодіях ігрового характеру (аналоги сучасним поняттям сили, швидкості, спритності, влучності тощо); категорії, які характеризують відношення у суспільній свідомості до людських цінностей, серед яких і згадані якості; окремі ігрові категорії; учасники ігрових процесів (скоморохи, борці) тощо. Спочатку звернемо увагу на цінність здоров'я та фізичних якостей, які необхідні при будь-якій фізичній діяльності, в т.ч. й ігровій, у світогляді людини давньоруських часів.

Господарські, військові та інші аспекти давньоруської дійсності зумовлювали високі вимоги до здоров'я та фізичних якостей людини. Слово „здоров'я“ дуже рано з'являється у писемних джерелах, що свідчить про його поширеність. Наприклад, руські князичі надсилали половецькому хану Боняку побажання здоров'я (1140)¹, а послі половецького хана зичили здоров'я князю Святославу (1147)². Такі побажання написані на берестяних грамотах з півночі Київської Русі, у Новгородському регіоні; у землях південніших вони не збереглися через несприятливі умови перебування берести в ґрунті. У грамоті XII ст. учасник новгородського походу на Углич повідомляв своєму кореспондентові: „От Тереньтея к Михалю. Пришлеть лошак с Яковцем... Я на Ярославли, добр, здоров и с Григорем“³. Грамоти наступних століть свідчать, що й пізніше такі побажання були поширені. Наприклад, назва села Здоровець вказує на те, що на той час (XIV ст.) ціннісне уявлення про здоров'я закріпилося і в топоніміці⁴.

Зазначимо, що звичайні привітання між людьми („здоров“, „здоровенькі були“ тощо) мають своє глибоке коріння, що підтверджується давньоруськими джерелами. Задля фізичного здоров'я слід було дотримуватись певного способу життя. Зайві найдки, напої шкодили здоров'ю. У давньоруській літературі та літописах зустрічаємо поради з цього приводу: „...тело бо пища требует, а не сласти: малотребиа, а не пресытия, довля... а не многоядия. Овы бо, и души и телу ползу творяща, здравие, и крепость, и добронравие ражают, ови ж обою повреждають“⁵ (XI ст.); „Винное бо лихопитие ничьсо же иного подавает, нь иступление ума и нищету: и тело немощно и слабо съдевает“⁶ (XI ст.); „Лжі бережися, і п'янства, і блуду, бо в сьому душа погибає і тіло“⁷, „Ні питю, ні їди не потурайте, ні спанню“ („Поучення“ Володимира Мономаха, поч. XII ст.)⁸. Давньоруський термін „трезвий“, „тверезий“, не п'яний, означає і „здоровий“, „міцний“ (у переносному значенні), а також „сильний“, „кріпкий“. Подібні настанови можна знайти і в пізніших творах, наприклад, у відомому трактаті XVII ст. „Громадянство звичаїв дитячих“ Єпіфанія Славинського: „Известно есть яко дети, ащи излишняго ядения и спания употребляти будуть, тупаго смысла бывають: и того ради не скорее внятие дел приходить“⁹.

Термін „здоров'я“, таким чином, був поширений в Київській Русі. Можна навести чимало випадків, коли про найрізноманітніші ситуації повідомлялось за допомогою цього слова: про переконливу перемогу над ворогом („...Полки їхні переміг, і розоривши їх, прийшов у Ростов поздорову, з честю і славою“¹⁰ (1120); про те, що після військової сутички всі воїни залишились неушкодженими („Йде Даньслав Лазутиниць за Волок даньником с дружиною, и присла Андрей полк свой на него, и бишася с ними... и придоша вси здави“¹¹ (1169); про власне стан здоров'я („Приде князь Олександр ис татар велми не здрав“¹² (1263).

Релігійна ідеологія середньовіччя позначалася на всіх аспектах громадського життя. Послання митрополита світському можновладцю – князю або дарунки парафіян церкви з побажаннями тілесного здоров'я упроваджувались у теологічну фразеологію (Те, що „быша вси здави“ після битви¹³ (1169), чи „приидоша вси здави“ після походу¹⁴ (1217) пояснювалося „Божим заступництвом“). Цьому ж приписувалась впевненість у перемозі над супротивником: „Бог миловал и святая Троица и великого князя здравием с немцы е есте управилися по своей воле“¹⁵. Вважалося, що здоров'я можна було помолити: „Встаючи же тако же безстояния моляху... да здравьство дасться им“¹⁶ або „...Молюсь Богови и святои Богородици, да будете душею и телом добри здорови...“¹⁷. Данило Заточник у своєму „Слові“ закликав „Господи, дай же князю нашему силу Самсонову, храбрость Александрову“¹⁸, а в „Сказанні про Бориса та Гліба“ читаємо: „...Яко

же и народу многу приходити в церковь святою и приносить не дужныя своя ти полатати в церкви святою и ту абие сдрави бывають⁴¹⁹ (XI ст.). Володимир Мономах, великий князь київський (1113–1125), видатний полководець, успішний та сміливий мислитель, безумовно розвинений фізично, який не раз дивився смерті у вічі, також підкреслював „залежність“ фізичного існування людини від Бога: „Смерті бо, діти, не боячись ні на раті, ні од звіра, діло мужеске робіте, як вам Бог дасть. Бо коли я од війни, і од звіра, і од води, і з коня падаючи, не помер, ніхто й із нас не зможе покалічитись і вбитися, допоки не буде се Богом звлено⁴²⁰, хоча ще в „Ізборнику“ 1076 року говориться: „Ни одною же си оружье погуби, да не наг обрящещи ся и на брани побежен будеши, оружие бо наше есть тело, а душа храбрь⁴²¹“.

Найважливішу роль за давньоруської дійсності відігравали фізичні якості людини – сила, швидкість, спритність, витривалість, які характеризували стан здоров'я. Афоризм XIII ст. твердить: „Тело крепится жилами, а мы, княже, – твоею державою⁴²²“.

У найвідоміших творах давньоруської літератури – таких, як „Слово про Ігорів похід“, можна знайти звеличення мужності, сили волі, відваги. У тлумачному словнику XV ст. (1431) поняття „доблесть“ подається як „кріпость, мужність⁴²³“, тобто як сукупність фізичних та моральних якостей людини. У характеристиках князів, поданих в літописах, насамперед підкреслюються їхні фізичні якості: „Був де Ростислав муж доблесний у бою, а на зріст ставний і красен лицем⁴²⁴ (1066); „И бе Феодор телом крепок зело⁴²⁵ (1170); „Бе бо Василик лицем красен, очима светел, и грозен паче меры храбор, на ловех вазнив, сердцем легок⁴²⁶ (1238); „Лев був князь мудрий і хоробрый, і сильний у бою, – немало бо показав він мужності своєї у многих ратях⁴²⁷ (1291); „Бе же Святослав телом легок и вельми храбр⁴²⁸ тощо.

Сучасному поняттю „сила“ в давньоруській мові відповідало багато аналогів. Це – „благодомощіє“ („От всех телесных благих инаго не имать человек желательнейшаго, яко же здравие и благодомощие...⁴²⁹), „кріпость“ („Даниил... вжада воды, пив почюти рану на телеси своем; во брани не позна ея крепости ради, мужьства возраста своего; бе бо дерз и храбор⁴³⁰, 1224), „моженіє“ („Сам мощь есть, еже есть мог, ть бо вся можения дасть⁴³¹, XII ст.), „сила“ („Возмужав крепостию и силою свершаяся и мужьством же и смыслом предспея⁴³², XI ст.).

Ще більше слів у давньоруській мові існувало на означення поняття „сильний“. Це – „великосильний“ („...Печенежи... вышаша мужа великосилна, до послет Владимира противу его братися⁴³³, 993), „доблий“ („Идоменеус, среднии... строин, крепок, добль⁴³⁴, XIII ст.), „дужий“ („Аже ли будут дети малы в дому, и не дужи... то, кто им ближнии будет, ...донеле же возмогут⁴³⁵, XII ст.), „кріпкий“ („...сь убо благоверный Борис... крепък телом⁴³⁶, XII–XIII ст.), „кріпкоукий“ („Бе же царь Никифор воиничен, благодарьзновенен, крепкорук⁴³⁷, 966), „сильний“ („Бе бо и телом крепка и сильна, яко же и муж⁴³⁸, XI ст.), „гладкий“ („Вероу ми или, чядо, яко тоучным телом⁴³⁹, XI ст.).

Сучасним словам „швидкість“, „бистрий“, „прудкий“ також відповідають численні давньоруські аналоги: „бистрість“ („И бе муж ть изряден быстростию...⁴⁴⁰, XIII ст.), „бистрь“ („На добрыя дела слабы есмы и ленивы... а на злая дела крепцы и встанливи, быстры есмы и легцы...⁴⁴¹, XIV ст.), „скорота“ („Скоротою яко крилато собрание святых...⁴⁴², XI ст.), „скокливий“ („Острый меч, скокливый наход...⁴⁴³, XII ст.). Зустрічались у давньоруській мові й такі поняття, як „вправність“, „спритність“: „...все плясуны и чернокнижники и металники со своими коварствы выдают что кто умеет⁴⁴⁴“.

Окрім слів на означення фізичних якостей людини у давньоруській мові широко вживались лексичні форми морально-вольових якостей: „доблесть“ („доблесть – крепость, мужьство, лукавство“), „богатирство“, „мужество“ („Иже истягну ум крепостию своею, и поостри сердца своего мужеством⁴⁴⁵, XII ст.), „смелство“, „храборство“, („Похвалим Володимера... храборством прослуша в странах многах⁴⁴⁶, XI ст.). Характерно, що давньоруське слово „кріпость“ означало і фізичну силу, і мужність та стійкість духу, що свідчить про єднання фізичних і морально-вольових якостей людини.

Розглядаючи повсякденність, і культуру зокрема, середньовічного суспільства, неможливо уникнути питання про вплив на неї церкви.

Ідеалом людини в античному світі була всебічно розвинена людина. Ідеал середньовічної людини, що формувався водночас з формуванням феодальних відносин, був вельми далеким від античного. Філософ В. В. Бичков писав: „Християнство, що спрямувало всю свою увагу до внутрішнього світу людини, висунило новий тип героя. Герой, у розумінні християн, це людина, яка вмє відмовитись від матеріальних благ заради духовних... Християнський герой покірливий і зовнішньо пасивний. Він, як і античний герой, є воїном, але воїном христовим. Його ідеал не Геракл, або боги Олімпу, але Ісус, розіп'ятий на хресті“⁴⁷.

Давньоруські джерела мають багато згадок про верховенство духу над тілом. Вони зустрічаються вже в перших рукописних книжках – „Ізборниках“ 1073 та 1076 рр., „Мінеях“ 1097 року: „И вхлаштаются вся телесная пошьятия от помысла“⁴⁸; „Веси яко призываеши князя очищать храмы, а ты еще желаеши Бога своего в дом телесный вселити... очисти тело постъмь, истреби жяждю...“⁴⁹.

Митрополит Іларіон (XI ст.) проголошував: „Аще не умертвите телеса ваша, то не можете плод небесних творити“⁵⁰. Про це ж говорив Данило Заточник у своєму „Слові“: „Господине мои! Не зри внешняя моя, но возри внутренняя моя...“⁵¹. Митрополит Никифор у посланні до Володимира Мономаха закликав: „Потребно есть убо по истине былие постное: ты бо кротить телесныя страсти“⁵² (поч. XII ст.).

У літературі XIII–XIV століть зустрінемо й слова про людину, що виснажує свою плоть: „Измождил бо себе весьма жестоким житием“⁵³, „Смиришася своею волею да тако вознесутся измождиша плоть алчбою, жаждою и бдением“⁵⁴ тощо. Подібні твердження про зверхність духу над тілом зустрічалися і надалі, у XV–XVI століттях.

Протилежність двох світоглядів, античного і середньовічного, можна простежити на прикладі уявлення про аскетизм. Грецьке слово „аскетизм“ передусім означало фізичні вправи, а „аскет“ – переможця змагань. За часів середньовічного християнства слово „аскет“ вже означало людину, що зневажала тіло і гартувала виключно дух. У цьому розумінні характерний аскетизм церковного діяча кінця XV – початку XVI ст. Йосипа Волоцького: „Сии бо тело свое всеми образы томили суть, не насыщающе своея угробы, не насыщася, не напивающеся воды“⁵⁵, хоча ще Кирило Туровський (середина XII ст.) сповідував аскетизм помірний, застерігаючи від чернецьких самокатувань: „Многие иссушили тело свое постом и воздержанием... но поелику делают сие без рассуждения, то далеки они от Бога“⁵⁶. Отже, такий погляд на співвідношення духовного та тілесного, як і на залежність від волі Божої здоров'я, сили та інших фізичних якостей, свідчать про вплив християнської релігії на свідомість людини і насамперед на авторів писемних пам'яток.

Але церква не могла не враховувати народні традиції та звичаї. Ще за язичницьких часів притаманна народу ігрова діяльність особливо яскраво виявлялася під час народних свят. Літописці та книжники, які зазнавали впливу церкви, обминали увагою ці свята та пов'язані з ними „ігрища“, які спиралися на тілесні, рухові засади і сприяли фізичному розвитку людини. Це наражалось на нападки й заборони з боку церкви практично від початку запровадження християнства на Русі, що широко висвітлюють писемні джерела. Як зазначав з огляду на це російський історик Б. О. Рибаків, „Руські автори XI–XIII ст. не змальовували язичництво, а таврували його, не перераховуючи елементів язичницького культу, гамузом засуджували всі „бісівські“ діяства. Вони не звертались до подробиць, цікавих для нас, які були добре відомі у давні часи“⁵⁷. Стабільність ставлення протягом століть до народних ігрищ як до „сатанинських“, „бісівських“, „богоне нависницьких“ тощо свідчить про засудження їх церквою і, водночас, про їх поширення в середні віки.

Подібне ставлення має витоки з перших літописних повідомлень. У „Повісті временних літ“ автор зазначав, розповідаючи про вятичів, радимичів, сіверян: „І весіль не бувало в них, а ігрища межі селами. І сходилися вони на ігрища, на пляси і на всякі бісівські пісні...“⁵⁸. В іншому списку „Повісті“ можна прочитати: „...и схожахуся на игрища и на вся бесовская плясания“⁵⁹.

Осудження ігрищ у XI–XII ст. не мають такого категоричного тону, який з'явився пізніше. Це зумовлювалось існуванням двовір'я, коли між християнством і язичництвом встановилась відносна рівновага. У цих повідомленнях виразно простежується думка, що ігрища, як неодмінний атрибут язичництва, відволікали народ від церкви. У „Повісті“ від 1068 р. повідомляється: „Але цими й іншими способами всякими диявол обманює, хитрощами переваблюючи нас од Бога: трубами, і скоморохами, і гуслими, і русаліями. Ми бачимо ж ігрища виточені і людей безліч на них, як вони пхати стануть один одного, видовища діючи, – це бісом задумане діло, – а церкви стоять, і коли буває час молитви, то мало їх знаходиться в церкві“⁶⁰. У „Слове о твари и о дни, рекомом неделее“ автор визнає, що дуже важко залучити народ до церкви: „Мнози ся ленять и зле живут... не слушая божественных словес, но аще плясцы или гудцы, или ин кто игрец позовет на игрище или на какое зборище идольское – то вси тамо текут... и весь день тот предстоят позорьствующе тамо... А в церкви – покрову сущю и заветрию дивну и не хотят прити на поученье“⁶¹.

Починаючи з XIII ст. посилюється осуд народних ігор, обрядів і розваг, що мають у своїй основі язичницькі звичаї. У XV–XVI ст. натиск церкви сягає свого апогею. І вже важко було собі уявити, щоб у храмі могли намалювати скоморохів, як у XI ст. за Ярослава Мудрого в головному храмі Київської Русі – Софії Київській.

„Житія“, „Кормчі“, „Поучення“, „Слова“, а часто-густо і літописи XIII–XV ст. перейняті закликами не відвідувати ігрища під страхом відлучення від церкви. Автор „Житія Олександра Невського“ закликав „от младенства Христа возлюбив, от мирских суемудрий отвари себе, душетленных же и богоненавистных же игр и бесовских сонм до конца возгнушався“⁶², а автор „Житія Авраамія Смоленського“ наслідував йому: „...Растуцу же ему во страсе Божии на пустошныя бо игры и на позорища отнюдь не внимаше, но на церковное пение притекаше“⁶³. В „Пандектах“ Никона Черногорця відзначається, що „от мала в великое приходит зло... и песни бесовские, и гусли, и лыки, и различные игры и просто на всю злобу сотонину“⁶⁴.

Подібними ж осудами наповнені й літописи. Наприклад, Никонівський літопис від 1358, 1378 та 1389 років повідомляє відповідно: „Новгородци утвердишася межи собою крестным целованием, что им игранья бесовского не любити...“; „...и на позорище не хожаше, и со отроки не играше, и с всяческих кощуний и глумлений отбегаше“; „...измлада добродетелным и жестоким житием живяше, пустошных бесед не творяше, глумления и игранья не любяше...“⁶⁵. Ослушникам церква загрожувала відлученням: „А ще кто обрящет колесници гонец, или сопелник, или плясец, или подрумник, любя рекше игрища, или игрец,... да отлучится от церкви“⁶⁶.

Найбільшого гоніння від церкви зазнали скоморохи – яскраві представники народної ігрової культури. Скоморохам інкримінували й тяжкий гріх – осміяння Христа перед страстою. Писемні джерела тієї доби різко засуджували скомороство (Літопис руський) (1068), Синайський Патерик, в якому воно уособлюється з бісами, Златоструй XII ст. тощо).

У XIII ст. на Русі скоморохів також називали „глумцями“, „глумотворцями“. „Игрца и глумца... не подобает в борзе поставляти епископа“ – можна прочитати в Новгородській Кормчій 1280 року⁶⁷. Літературні джерела XIV–XVI ст. також засуджували скоморохів, про що свідчать численні „Слова“, „Поучення“ проти язичництва, „Кормчі“ тощо.

Неоднозначним було ставлення церкви до силових методів розв'язання конфліктів, до судового поєдинку, так званого „поля“. На ранньому етапі побутування поля церква сприймала судовий поєдинок як один з різновидів „Божого суду“. Поле виступало, поряд з випробовуваннями водою, вогнем, розпеченим залізом, різновидом середньовічних ордалій, завдяки яким нібито встановлювалась істина. Спочатку це пов'язувалось з уявленням про всезнаюче божество, яке спроможне захистити правого і звинуватити винуватого. Правому – і Бог допоможе. Як зауважував С. Герберштейн, навіть на рубежі XV та XVI ст. у Московії учасник суперечки заявляв: „Вимагаю назначити мені присягу, надаю себе правосуддю Божому та вимагаю поля й поединку“⁶⁸.

Зауважимо, що церква, засуджуючи язичницькі обряди та звичаї, водночас і пристосовувалась до них (припасовування календарних християнських свят до язичницьких, часткове засвоєння язичницької обрядовості тощо), що виявилось також у ставленні церкви до судового двобою. Свідчили про це і внутрішні церковні справи. Самій церкві були необхідні „дюжі старці“ для підтримання порядку в монастирях (епістимарх – чернець, що стежив за дисципліною у монастирі), для здійснення тривалих стомлюючих паломництв до святих місць (характерний приклад – відоме ходіння ігумена Даниїла на початку XII ст.), для оборони монастирів від посягань ззовні.

Важливою складовою частиною духовного світу людності є наукові знання, рівень яких свідчить про ступінь розвитку культури суспільства. Стосовно давньоруських знань про святкову та ігрову культуру античного і середньовічного світу, то історичні джерела дають підстави розглянути це питання.

Праці античних і середньовічних авторів давньоруською мовою, а також оригінальні давньоруські праці наводили відомості про Олімпійські та інші ігри давнини, про різні види ігрової діяльності давнього та середньовічного світу. Олімпійські ігри згадуються у праці про Олександра Македонського (XII ст.): „Филипу суццо на позорищи Олимпиеве, вниде Паусания с оружием в позорище и с инеми мужи храбрыми...“⁶⁹. У літописі Руському під 1254 роком читач знайомився з літочисленням за Олімпіадами (чотириріччя між Олімпійськими іграми): „Хронікареві треба писати чисто все, що відбулося, іноді ж писати про попередне, а іноді вступати в пізніше: мудрий читаючи зрозуміє; число ж рокам ми тут не писали, ми пізніше впишемо за антіохійським вселенським правилом, за олімпіадами, грецьким-таки численням, і за римськими високосами, так, як Євсевій Памфіл та інші хронікарі написали од Адама до Христа“⁷⁰.

В одній із праць давньогрецького філософа Діонісія Ареопагіта, вміщеній у „Великих Мінеях-Четіях“ митрополита Макарія, досить докладно описані Олімпійські ігри: „Олимпиада наричуются пять удаления на горбе бываема, 1 мустьями битися, 2 – боритися, 3-е теши и пеши и на колесницах, 4-е скакати, 5-е камык метаху, и сия яко праздник имуще. На 5-е лето собирашася от всех стран множество и творяху сия игры, и еже побеждаше, венец победы приимаше, ов масличен, он же инак, он еже ино, что прямо победе“⁷¹.

Цікаво, що в оригінальній праці Діонісія Ареопагіта місто Олімпія тільки згадується, і жодної розповіді про Олімпійські ігри! Так само не знайдено її і в працях болгарського перекладача Ісайї, який перекладав праці Діонісія. Отже, таке докладне повідомлення про Олімпійські ігри було вміщено невідомим давньоруським перекладачем і переписувачем Ісайї! Це свідчить про те, що освічені люди про Олімпійські ігри знали. Перекладач зазначав, що Олімпіади були святом для людей з багатьох країн (очевидно, в давньогрецькому розумінні цього слова). Це його судження свідчить як про глибоке розуміння духу Олімпійських ігор, так і їх мети.

Традиція давніх Олімпійських ігор не оминула й Київську державу. Київська Русь теж прислужилась збереженню Олімпійської традиції. По-перше, на Русі були відомі свідчення про античну фізичну культуру, в тому числі й про Олімпійські ігри. По-друге, основні давньоруські види фізичної культури були аналогами основних давньогрецьких видів спорту (біг, стрибки, боротьба, кулачний бій, кінні змагання). Якщо ж порівняти програму сучасних Олімпійських ігор з видами фізичної культури, популярними в Київській Русі, то можна переконатись, що більшість сучасних олімпійських видів спорту мали в Київській Русі свої прототипи. Це легка атлетика, бокс, боротьба, кінний спорт, важка атлетика, плавання та стрибки у воду, фехтування, стрільба з лука, веслування, змагання на вітрильниках, зимові види (лижі, сани, ковзани).

Про олімпіади зустрічаємо згадку і в більш пізньому „Алфавіті“: „Алимпиада – в еллинех нарицашеся иже на четыре лета совершаемых поприщ, четверолетнаго ради солнечнаго течения“⁷². Йдеться там і про інші регіональні ігри в Давній Греції: „Имяху еллины тризница именовавхуся: олимбия, пифия, истмия, немея“⁷³, а також про ігри в Давньому Римі: „Римляне исходяще вне града творяху глумления, игры и борбы и конские уристания“⁷⁴. У хроніці антіохійського клірика V–VI ст. Іоанна Малали назива-

ються Антіохійські ігри, які були аналогом олімпійським: „При сем в Антиохии начяша игры творити, ови борихуся, ови уристаахуся, ови ж препеваахуся козлогласием“⁴⁷⁵. Окрім цього там змагалися „...на столпе лажением, бранием, утеканием конским“⁴⁷⁶.

Найвідомішим на Русі видом змагань, поширеним ще за часів пізнього Риму й Візантії, були кінні змагання. Хроніка Георгія Амартола повідомляє про заснування іподрому: „И яко по убийстве Римове създа коньщину Ром, в ней бых трус велий“⁴⁷⁷. Кінні змагання були поширені й в Антіохії („Вельможам же антиохийским прилежно молящем ся ему внидет в град и в конеристании, иде-же вси народи совокупльше ся ждуть“⁴⁷⁸), і в Іудеї („Сам же възврати ся в Иерихон... И събрав нарочиты от всея Июдея, и затвори я в конеристании“⁴⁷⁹). „Иподрумие“ – „поле консаго уристания“ – говорить в давньоруському „Алфавіті“⁴⁸⁰. В давньоруській мові існували синоніми до слова „іподром“: „Киркисий – еже есть подрумие“⁴⁸¹, „конщина“. Іподромам належала важлива роль у соціально-політичному житті Візантії. На них відбувалися багатолюдні свята і насамперед кінні змагання. В історичних джерелах згадується про заборони відвідувати кінні змагання, зокрема заборони Трульського (692) Собору: „...Конская уристания да не будут или ин людский позор да не створяется“⁴⁸²; „Никако же убо в подлежащая дни конная уристания да не будут“⁴⁸³; „Не подобает мнху на уристание коньное всходити“⁴⁸⁴. Очевидно, церкві за часів Київської Русі, та й пізніше, доводилося стикатись із тими же проблемами, що й візантійській: люди цікавились кінними видовищами на шкоду відправі.

Воскресенський літопис повідомляє про заснування іподрому: „Създа же царь и полату великую, иподрому предивную и две поле устрой“⁴⁸⁵, а „Великі Мінеї-Четїї“ – про пам’ятники, що стояли там: „На позорищи на иподроми... стояша тамо болвани“⁴⁸⁶.

Окрім хронік, про іподроми та кінні змагання розповідали й руські прочани. Наприклад, Ігнатій Смольнянин, який відвідав Константинополь наприкінці XIV ст., „идохом на двор Константинов и видехом тамо здание царско, еже именуется Продромио“⁴⁸⁷. У кінних змаганнях брав участь і візантійський імператор який „сам колесничая уристания всегда творяше й некогда четверицу добро управив...“⁴⁸⁸ і кинув заклик у Царгороді: „...кто б царев конь укротил, что б мог ездить царь Михаил на чудном и на грозном коне“⁴⁸⁹. Очевидно, „четыре кони медяны“⁴⁹⁰, які привіз великий князь київський Володимир 989 року із Корсуня (Херсонеса) до Києва, були скульптурною композицією четвірки коней, запряжених у колісницю. Давньоруські джерела містять також інші згадки про кінний спорт у Візантії.

Кінні змагання на іподромі в присутності візантійського імператора Костянтина VII та великої княгині Київської Ольги, яка гостювала у нього 957 р., є одним з центральних зображень світського фрескового живопису в київському Софійському соборі. Унікальний для середньовічного світу ансамбль фресок розповідає про візантійські і давньоруські фізичні вправи, ігри та розваги. Окрім зображення кінних перегонів на колісницях, про візантійську фізичну культуру у Софійському соборі свідчать фрески про полювання, озброєне двоборство ряджених, бій гладіаторів, силових акробатів з жердиною.

Окрім кінних перегонів, у Київській Русі були відомі й інші види візантійських змагань і розваг. Серед візантійської знаті насамперед цінувались фізична сила, витривалість, відмінне володіння мечем, списом, луком, палицею, вміння їздити верхи. Найпоширенішою розвагою знаті було полювання, про що свідчать візантійські хроніки: „Иаковець с царем в зверинци ловы творя...“⁴⁹¹; „Иполит же телом беаше среднии, силен... ловец лют, смыслен... И погна Иполит дивий вепрь, и потчеся конь его, и... паде на земли, дръжащу рукою узду коневы“⁴⁹². Було поширене полювання з ловчими птахами, зокрема із соколом: „Единою же от дний, якоже обычай есть богатичищем глумление творити ловитвою, Константин изиде с ними на поле, крагуил свой взем, и яко пусти и...“⁴⁹³. Дев’ять сюжетних композицій „мисливських“ фресок Софії Київської і сім медальонів із зображенням ловчих птахів об’єднують значну частину усіх світських фресок Софії. Серед них лише „Полювання на дикого коня“ та „Полювання на вивірку“ не мають аналогів у візантійському живописі.

Різноманітні ігри й змагання відображені на фресках „Борці“, „Скоморохи“, які

можна ідентифікувати і як давньоруські. В „Поученні“ Єфрема Сирина є згадки про візантійських борців: „Страдалец обнажит себе, да сочтает тело,⁹⁴ „Два страдалца приидоста... подвизаться купно“⁹⁵. У Великих Мінеях-Четіях повідомляється про „звіроборців“, які боролися з дикими звірами: „Тя же, чадо моє... на звероборение веду“⁹⁶; „Пусти звероборицу ту“⁹⁷; „Внегда же тех зверей емше ловцы, в грады приведут, и затворивше, потом к звероборствующих изведут рати, тажед наскочивше плоти вкусят... с мнозем желанием на таковую трапезу текуть“⁹⁸.

Таким чином, за часів Київської Русі лексичні визначення сили були поширеніші, ніж сьогодні. Це стосується й інших слів, що означають фізичні та морально-вольові якості людини. Викладене дає змогу говорити про помітнішу роль фізичних якостей та м'язової сили людини за давніх часів. Можна стверджувати, що в Київській Русі існував своєрідний культ сили та якостей, які сприяли повсякденній діяльності, в т.ч. й ігровій. Вплив церкви на середньовічну культуру був неоднозначним. Визнаючи позитивну роль православ'я на писемність, розвиток освіти, архітектуру, будівництво тощо, слід говорити про його гоніння на ті явища народної культури, в основу яких покладені вірування й традиції язичницької доби, в т.ч. на народні ігри та розваги.

У Давній Русі було відомо про фізичну культуру античного та середньовічного світу. Знали і про найбільш відомі Олімпійські, і про менш відомі – Немейські, Піфійські, Істмійські, Антіохійські ігри. У світовому Олімпійському процесі Київська Русь була однією з проміжних ланок, яка зберігала позитивні традиції давнини. Давньоруська олімпійська традиція полягала як у знанні фізичної культури античного світу, так і в культивуванні основних давніх видів фізичної культури: одноборств, стрибків, бігу, кінних видів тощо.

Наші висновки, були зроблені на використанні текстів „Материалов для словаря древнерусского языка“ І. І. Срезневського, а також інших словників давньоруської мови, зазначених вище, які в значній мірі використали його працю. В цьому є велике непересічне значення „Материалов...“, які й донині слугують специфічним і ефективним джерелом досліджень давньоруського буття, культури зокрема.

¹ Московський летописный свод конца XV в. – В: Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 25. М.; Л., 1949, с. 40

² Ипатьевская летопись. – В: ПСРЛ. Т. 2. М., 1962, с. 303.

³ Арциховский, А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 года). М., 1954, с. 72.

⁴ Янин, В. Л., Зализняк, А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986, с. 44.

⁵ Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. М.; СПб., 1868–1917. Дек. 24, с. 1877.

⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. М., 1979, с. 312.

⁷ Володимир Мономах. Поучення. – В: Літопис руський за Іпатським списком. К., 1989, с. 457.

⁸ Там само.

⁹ Гражданство обычаев детских. – В: Буш, В. В. Памятники старинного русского воспитания. Пг., 1918, с. 47.

¹⁰ Літопис руський за Іпатським списком. К., 1989, с. 178.

¹¹ Новгородская летопись по синодальному харатейному списку. СПб., 1888, с. 149.

¹² Там само, с. 201.

¹³ Московський летописный свод конца XV в., с. 78.

¹⁴ Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955, с. 78.

¹⁵ Там само, с. 156.

¹⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М., 1978, с. 366.

¹⁷ Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка. Т. 1. М., 1989, с. 138.

¹⁸ Моление Даниила Заточника. – В: Памятники литературы Древней Руси (ПЛДР). Вып. 2: XII век. М., 1980, с. 398.

- ¹⁹ *Срезневский, И. И.* Сказания о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV в. СПб., 1860, с. 30.
- ²⁰ *Володимир Мономах.* Поучення..., с. 461–462.
- ²¹ Изборник 1076 г. М., 1965, с. 629.
- ²² Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932, с. 66.
- ²³ *Калайдович, К.* Иоанн ексарх Болгарский. М., 1824, с. 196.
- ²⁴ Литопис русский за Ипатським списком..., с. 103.
- ²⁵ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – В: ПСРЛ. Т. 9. М., 1965, с. 239.
- ²⁶ Новгородская четвертая летопись. – В: ПСРЛ. Т. 4. Пг., 1915, с. 219.
- ²⁷ Литопис русский за Ипатським списком..., с. 451.
- ²⁸ Похвальное слово Владимиру. – В: Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Кн. 2, отд. 2. К., 1888, с. 59.
- ²⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975, с. 205.
- ³⁰ Ипатьевская летопись..., с. 744.
- ³¹ *Срезневский, И. И.* Словарь древнерусского языка..., т. 2, с. 162.
- ³² Слово о законе и благодати митрополита Илариона по нескольким спискам. – В: *Срезневский, И. И.* Мусин-Пушкинский сборник 1414 г. СПб., 1893, с. 64.
- ³³ Русский хронограф. Хронограф редакции 1512 г. – В: ПСРЛ. Т. 22, ч. 1. СПб., 1911, с. 367.
- ³⁴ *Истрин, В. М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, кн. 5. – В: Летописи Историко-филологического общества при Новороссийском университете. Т. 16, ч. 2. Одесса, 1910, с. 11.
- ³⁵ Русская Правда. – В: Российское законодательство X–XX веков. Законодательство Древней Руси. Т. 1. М., 1984, с. 71.
- ³⁶ Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971, с. 58.
- ³⁷ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью..., т. 9, с. 32.
- ³⁸ *Срезневский, И. И.* Словарь древнерусского языка. Т. 3. М., 1989, с. 352.
- ³⁹ *Срезневский, И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Т. 3. СПб., 1879, с. 240.
- ⁴⁰ Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. Вып. 1–2. М., 1892–1896, с. 387.
- ⁴¹ Словарь русского языка XI–XVII вв..., вып. 1, с. 366.
- ⁴² *Срезневский, И. И.* Словарь древнерусского языка. Т. 3, с. 384.
- ⁴³ Похвала к Богу о сотворении всей твари Георгия Писиды... – В: *Буслаев, Ф.* Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, с. 921.
- ⁴⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1980, с. 212.
- ⁴⁵ Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950, с. 5.
- ⁴⁶ Слово о законе и благодати митрополита Илариона..., с. 64.
- ⁴⁷ *Бычков, В. В.* Эстетика поздней античности (II–III вв.). М., 1981, с. 243.
- ⁴⁸ Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. СПб., 1880, с. 61.
- ⁴⁹ Изборник 1076 г..., с. 220.
- ⁵⁰ *Срезневский, И. И.* Словарь древнерусского языка. Т.3, с. 1091.
- ⁵¹ Моление Даниила Заточника..., с. 394.
- ⁵² Никифора митрополита послание Владимиру Мономаху. – В: Русские достопамятности. Ч. 1. М., 1815, с. 62.
- ⁵³ Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. СПб., 1912, с. 106.
- ⁵⁴ Житие и жизнь преподобных отец наших Варлаама пустытника и Иосаафа царевича индийского. Творение преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина. СПб., 1887, с. 178.
- ⁵⁵ Просветитель, или обличение ереси жидовствующих. Творение преп. Отца нашего Иосифа Волоцкого. Казань, 1896, с. 272.
- ⁵⁶ Творения святого отца нашего Кирилла, епископа Туровского. К., 1880, с. 81.
- ⁵⁷ *Рыбаков, Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1988, с. 4.
- ⁵⁸ Литопис русский за Ипатським списком..., с. 9.
- ⁵⁹ Софийская первая летопись. – В: ПСРЛ. Т. 5. Л., 1925, с. 6.
- ⁶⁰ Повесть временных лет В: Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы XI–начало XII в. М., 1978, с. 184.
- ⁶¹ *Гальковский, Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. 2. М., 1913, с. 82.
- ⁶² *Мансикка, В.* Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913, с. 53.
- ⁶³ Житие преподобного .Авраамия Смоленского..., с. 31.
- ⁶⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7, с. 400.

- ⁶⁵ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью..., т. 10, с. 230; Т. 11, с. 30, 109 – відповідно.
- ⁶⁶ *Срезневский, И. И.* Сведения и заметки. Т. 2. СПб., 1876, с. 301.
- ⁶⁷ *Срезневский, И. И.* Словарь древнерусского языка. – Т. 15, с. 22.
- ⁶⁸ *Герберштейн, С.* Записки о Московии. СПб., 1866, с. 83.
- ⁶⁹ *Истрин, В. М.* Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893, с. 26.
- ⁷⁰ Літопис Руський за Іпатським списком..., с. 410.
- ⁷¹ Великие Минеи-Четии... Окт. 1–3, с. 750.
- ⁷² Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 12. М., 1987, с. 358.
- ⁷³ Там само. Вып. 6, с. 81.
- ⁷⁴ Там само. Вып. 1, с. 301.
- ⁷⁵ *Истрин, В. М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, кн. 12. – В: Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 90, № 2. СПб., 1913, с. 4.
- ⁷⁶ Там само, кн. 10. – В: Летописи Историко-философского общества при Новороссийском университете. Т. 17. Одесса, 1913, с. 397.
- ⁷⁷ *Истрин, В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. 1. Пг., 1920, с. 4.
- ⁷⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7, с. 272.
- ⁷⁹ Там само.
- ⁸⁰ Там само, вып. 6, с. 247.
- ⁸¹ *Истрин, В. М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, кн. 7. – В: Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 89, № 3. СПб., 1911, с. 19.
- ⁸² *Срезневский, И. И.* Словарь древнерусского языка. Т. 2, с. 1092.
- ⁸³ Там само, т. 3, с. 1254.
- ⁸⁴ Там само.
- ⁸⁵ Летопись по Воскресенскому списку – В: ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859, с. 126.
- ⁸⁶ Великие Минеи-Четии. Окт. 1–3, с. 168.
- ⁸⁷ Хождение Игнатия Смольнянина 1389–1405 гг. – В: Православный палестинский сборник. Т. 4, вып. 3. СПб., 1887, с. 7.
- ⁸⁸ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью..., т. 9, с. 5.
- ⁸⁹ *Сперанский, М. Н.* Слово о благочестивом царе Михаиле – В: Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Т. 1. 1934, с. 161.
- ⁹⁰ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью..., т. 9, с. 57.
- ⁹¹ *Срезневский, И. И.* Словарь древнерусского языка. Т. 1, с. 966.
- ⁹² *Истрин, В. М.* Хроника Иоанна Малалы..., кн. 4. – В: Летописи Историко-филологического общества. Т. 13. Одесса, 1905, с. 366.
- ⁹³ Великие Минеи-Четии... Окт. 4–18, с. 978.
- ⁹⁴ *Срезневский, И. И.* Сведения и заметки..., т. 1, № 9. СПб., 1867.
- ⁹⁵ Там само.
- ⁹⁶ Великие Минеи-Четии... Сент. 14–24, с. 1383.
- ⁹⁷ Там само, с. 1384.
- ⁹⁸ Там само, с. 909.

СРЕЗНЕВСКИ, БЪЛГАРИТЕ И БЪЛГАРИЯ ПРЕЗ 170 ГОДИНИ

Е. Дроснева

Дроснева, Е. Срезневски, българите и България през 170 години

Текстът е съкратен вариант на изследване за взаимовръзките на Измаил Срезневски и съвременните му българи и за усвояване на жизнения път и творчеството му от българите от първите му лекции върху българското минало (Харковски университет, 1842) до 2012 г. включително, когато се навършиха 200 години от рождението му. Акцентът е върху хората, положили началото през Възраждането и първите следосвобожденски български десетилетия. Взети са под внимание монографии, студии, статии, сборници, институции, научни форуми, очертани са контекстът на проучванията и тенденциите в тях, свързани с поставения проблем.

Ключови думи: Срезневски, българи, България, институции, публикации, контекст, тенденции.

Дроснева, Э. Срезневский, болгары и Болгария за 170 лет

Текст явялется сокращенным вариантом исследования о взаимосвязях Измаила Ивановича Срезневского и современных ему болгар, а также об осмыслении жизни и творчества Срезневского болгарскими учеными. Период охватывает время от первых лекций ученого о болгарях (в Харьковском университете, 1842) до 2012 года (когда исполнились 200 лет со дня его рождения). Особое внимание обращено на людей, положивших начало общения в период Возрождения и в первые десятилетия после Освобождения Болгарии в 1878 году. Анализу подвергнуты монографии, статьи, сборники, институции, научные форумы; намечаются контексты исследований и основные тенденции изучения проблем по теме „Срезневский и болгары“.

Ключевые слова: И. И. Срезневский, болгары, Болгария, институции, публикации, контекст, тенденции.

Drosneva, E. Sreznevskiy, Bulgarians and Bulgaria during 170 years

The paper is a short version of a study on the cooperation between Ishmail Sreznevskiy and Bulgarians and about how Bulgarians used to study his life and works. As for the period it was in 1842 in Charkov University that Sreznevskiy read for the first time lectures on Bulgarian past and in 2012 we celebrated his anniversary (200 years; born in 1812). The special attention is paid to the beginnings: contacts between Sreznevskiy and Bulgarians during the National Revival and on the first steps of Bulgarian scientists before and after the Liberation in 1878 towards studying him and his works. There had been observed monographs, papers, other research works, publications, institutions, scientific meetings, the context of the studies and the main trends in the process of developing the theme.

Keywords: Ishmail Sreznevskiy, Bulgarians, Bulgaria, institutions, publications, context, trends.

1. ...Потропваха колелата на влака по 36-часовия ми път от Киев към София, първите вълнения от настаняването отшумяваха и, както е прието в нашите ширини, почвахме общуването в купейното си житие. Жената срещу мен се оказа украинка с внука си и с отличен руски език – беше от моето поколение, та нямаше защо да се дивя. От дума на дума, разказах ѝ защо съм била в Харков. За някогашната учителка, а вече пенсионерка, името беше толкова познато, та се зардва, че сме почели един от светлите хора на родината ѝ. Вече на видело, с удоволствие ми разказваше за Закарпатието, показваше ми страната си и нямаше как да не стигнем и до „карпатякороса“ Юрий Венелин. И ако разказвам това преживяване, правя го, защото тъкмо то се превърна в първата ми увереност, че наистина по време на Кирило-Методиевските четения в Харковския национален университет сме сторили нещо добро не само като научна дан към Измаил Срезневски – един от големите учени от XIX-ото столетие и към страните, с които се е занимавал, но и за днешните хора в страната, в която прохожда в науката и се формира като личност и учен.

Прочие, по-нататъшният ми разказ за Срезневски и българите би могъл да се изчерпи с историографски поглед към наличните десетина български и публикувани в Бъл-

гария съчинения, специално посветени на живота и творчеството му. Но нямаше да е коректно към науката и към хората, които я създават, към българските съвременници на учения, с които се е състояло взаимното им общуване. Така „затънах“ в съществуващата книжнина и се наложи да предложа за публикуване в настоящия том на „Дриновски сборник“ този кратък вариант на наблюденията си.

Любопитният да проследи българските усилия ще може да се ориентира по списъка в Приложение № 1, включващо съчиненията, които зачекват темата „Срезневски“, изследват различни аспекти от живота и творчеството му, връзките му с българите, или илюстрират разглежданите от авторите им проблеми чрез позоваване на името и съчиненията му. Приложение № 2 пък насочва любезния читател към най-новата биобиблиография на Измаил Срезневски, която ми е известна. Изготвена е от Библиотеката на Харковския национален университет с участието на колеги от още няколко страни¹. Самото Приложение включва известните в България заглавия от и за учения, а номерът е според поставения в Харковската библиография. Предпочетох този начин на препратки, първо, за да намалю обема на студията си, второ – да не преповтарям самата библиография, по която засега съм идентифицирала близо 300 познати у нас съчинения на и за Срезневски. Двете приложения, а и целият ми текст имат по-скоро предварителен характер, понеже житейски обстоятелства и разни битовизми ми позволиха на този етап да разчитам само на части от личната си библиотека и архив, с изключение на две-три заглавия, които по друг повод ми бяха под ръка. Подпомогнаха ме и справките в Интернет: както по всички теми, тъй и по тази, материалите там са обилни и далеч невинаги коректни.

2. Начало. То тече във времето от 1812 до 1880 г., когато се е състоял животът на Срезневски и когато са се състояли изследванията му и общуванията му с българите. Със същия успех се налага да кажа: във второто възрожденско столетие на българите, от когато датират и разнообразните им по форма общувания със Срезневски и с творчеството му. И ако всичко това не беше се състояло, поставената в заглавието тема би се изчерпила с част от творчеството на Харковския и Петербургския професор. Но – състояло се е!

Не е много логично да избира рождената година на учения за начало, толкова повече, че не ми е известно тогавашното българско присъствие в родния му Ярославъл – в случай, че го е имало изобщо. Но е факт, че е съвсем дете, когато баща му, професорът в тамошния лицей Иван Срезневски, става професор в Харковския университет. По онова време южният град Харков за българите вече е един от обживените центрове. Без да се разпростирам, достатъчно е да напомня, че още през XVIII в. в областта и близо до Харков живее фамилия Каразини, един от представителите на която – Василий – създава тамошния университет, който днес с основание, достойно и с гордост носи неговото име². Много преди да стане център на славистиката и българистиката градът и университетът „отглеждат“ хора като Пьотър Иванович Кюпен, най-ранния библиограф на българската печатна книга, още и автор на *Записката за изучаване на славянските страни, народи и култури* и чрез пътувания по славянския свят³. Точно тази записка впоследствие ляга в основата на научнопътешественическите планове на първите четирима университетски слависти в Руската империя, един от които е и Срезневски. Дали и в каква степен се е познавал бъдещият учен с харковски българи, доколко те все още са се чувствали българи, има ли български студенти в университета по време на неговото студентство и в ранните му професорски години са въпроси за бъдещи изследвания.

Само из областта на любопитките (може би) е фактът, че бъдещият академик славист завършва университета в знаменателната 1829 г. – годината, в която излизат в Москва „Древние и нынешние болгары“ на Юрий Венелин, завършва със съмнителен успех за Русия поредната ѝ война с Турция и е подписан Одринският мирен договор, а след него е най-масовото преселение на българи в южните предели на Руската империя. Така, към вече усвоените от българите Харков, Одеса и Киев, към по-отдавнашните им поселища, в днешна Украйна възникват десетки български колонии, с всичките удобства и неудобства на съжителството⁴. В ранните си години Срезневски се посвещава

на изучаване на родния край, на страната и много пътешества, воден от разбирането си, че не можеш да разказваш една страна, ако не я познаваш *de visu*. Дали е бивал сред българите в старите и новите колонии? И какво е значението на позицията му за бъдещите му славистични дирения, за които основополагащи смята два момента: че е задължително да посети земите на славянските народи извън Русия и че в основата на славистичните проучвания лежи България. Както преди доста години обърна внимание колегата Сергей Страшнюк, тъкмо Срезневски създава и термина „българист“, широко известен днес, но за произхода на който рядко или никак не се замисляме⁵. С поглед към бъдещото му творчество, Измаил Срезневски е от следовниците, които усвояват призива на Венелин: съвременните им българистични изследвания да допринесат за възраждането на българите и така русите да изпълнят дълга си на благодарност към българите за азбуката и християнството, на които в Средновековието са ги научили⁶. Дали и затова Срезневски настойчиво търси контакти със съвременните си българи и първият му специално посветен на тях труд (*Очерк книгопечатания в Болгариш*, 1846; по-нататък в тази студия – *Очерк*) е тъкмо върху новопечатните им книги?

Първите документиранни *срещи с българи* за учения са от времето на научното му пътешествие. С един от българите срещата приключва със запис на една народна песен, който днес често се коментира във фолклористиката, а от останалите българи, по-точно от разказите им, е истински ужасен, като узнава на какъв тормоз са подложени от поробителя си и как животът им няма значение, особено за разбойниците по границите и пътищата на Османската империя. Не ми е известно дали сред студентите му в Харков е имало и българи, но със сигурност се знае покрай едно писмо от 12 март 1843 г. до приятеля и колегата Вячеслав Ханка, че още през първата си преподавателска година чете лекции за историята на българите, а към времето на писмото е приключил цикъла с второкурсниците. Колцина от тогавашните студенти в Харковския университет – 447 през 1842 г. и 410 през 1843 г. според официалната статистика, са слушали и Срезневски, на този етап мога само да гадая⁷.

Харков е средището, където се формират ранните българистични интереси на И. Срезневски, които се разширяват, обогатяват и задълбочават през целия му сетнешен живот⁸. Пак в Харков са две от особено знаменателните му срещи с българи. Там го намира в края на 1845 г. *Захарий Княжески* (1810–1877). И се очертава една дълготрайна линия на поведение не само на Срезневски, но и на колегите му Осип Бодянский и Виктор Григорович: Срезневски препоръчва българина на колегата и приятел Бодянский, също и на Михаил Погодин; откликва на настояванията на Княжески и взема за свой студент първия си българин, вече в Санктпетербургския университет, *Константин Петкович* (1824–1898)⁹. С него и с брат му *Димитър Петкович* (даже в съвременната книжнина често ги бъркат) Срезневски общува и в следващите години чрез писма, подкрепя за публикуване, може би и на живо. Пак още в Харков *Спиридон Палаузов* намира Срезневски през лятото на 1846 г. (ако не го познава, поне по литература от по-рано – от 1844 г. се знае с В. Григорович на живо, а от 1844/5 г. – и с Бодянский). По Палаузов той предава за Бодянский своя студия (не мога да уточня все още коя, но със сигурност, може би, не е *Очерка*, излязъл през септември на същата година). След години Палаузов изработва и защитава в Петербург магистърската си дисертация *Векът на българския цар Симеон*, която съставя епоха в развитието на проучванията върху времето на управление (893–927 г.) на българския владетел. По време на харковската им среща Палаузов е студент в семинара на Бодянский, тъй че е възможно да е бил препоръчан на Срезневски от московския професор. Но не изключвам и част от Одеския кръг – българите Априлов, Палаузов, Мутев в този случай, Николай Н. Мурзакевич, професор в Ришельовския лицей, по-късно и негов директор и много свързан с българите, нито пък Григорович. Доколкото може да се съди по опазената документация, с двамата (Княжески и Палаузов) Срезневски продължава писмовното си общуване и през следващите години и двамата понякога се превръщат в посредници на връзките му с Бодянский, а Палаузов – и на връзките му с Григорович.

От Харков, преди да се срещне със Захари Княжески, издирва *Васил Априлов* (1789–1847) и покрай другото му съобщава, че иска да напише негова биография, подарява му и биографията си за Вук Караджич – в знак на уважение, но вероятно и за да покаже на какво е способен. Позволявам си да мисля, че Срезневски е планирал подобни биографии за всеки най-ярък, според него, представител на съвременната си наука и култура от всеки славянски народ. Априлов се опасява от определени настроения и нрави на сънародниците си и на одеските гърци, признава, че затова и отказва¹⁰, та първата негова биография се появява след смъртта му, а авторът ѝ Николай Василиевич Савелиев-Ростиславич е най-ревностният последовател на Юрий Венелин. Априлов насочва Срезневски към *Димитър Мутев* (1818–1864) от Одеския кръг във връзка с молбата му да бъде информиран за новоизлизащите български книги. Съблазнително е да се мисли, че Априлов и Срезневски са се познавали и лично, но съм по-склонна да приема становището на български автори, че лична среща не се е състояла: Априлов вече е твърде болен, а не ми е известно в тези последни негови години Срезневски да е ходил до Одеса, значи и да го е навещавал. Според някои податки един от каналите на връзката им е Амвросий Лукиянович Метлинский (Амвросий Могила, Fra Ambrosio; години на живот: 1814–1870). Самият Срезневски има своите лични и научни перипетии тогава, преселва се в Петербург (1847, след смъртта на приятеля си Пьотър Прейс, и оглавява славистичната катедра), а болният Априлов отговаря на писмата му с впечатляващо закъснение; вижда се, че дори не е знаел за създадената в Харков катедра – очаква и там да се организира – накрая заминава на лечение, от което така и не се завръща.

По-различна, вероятно, е връзката с Д. Мутев. Той, заедно с Палаузов, се превръща в главния снабдител на Срезневски с новобългарски издания. По препоръката на Априлов общуването ще е започнало още в Харков, но едва ли е било прекъснато след заселването на професора в Петербург. Толкова повече, че след разни удачи и неудачи Мутев живее няколко години в Петербург, след това пък е директор на Болградската българска гимназия. Когато две души се срещнат – а такъв е случаят с душите на двамата – едва ли ще изпуснат възможността срещите и сътрудничеството да продължат.

Съвсем сигурно е, че в Петербург, благодарение на приятеля си Бодянки, Срезневски се е срещнал и запознал с неговия студент *Сава Филаретов* (1825–1862). Самият Филаретов информира Бодянки за тази среща. Дали от Петербург, или от Москва, но най-вероятно Срезневски лично се е познавал и с *Иван Денкоглу* (ок. 1781/1791–1861) – московския благодетел не само на българските студенти, но и на Софийското училище, в което ще работи след дипломирането си Филаретов, и човек, осигурил издаването (посмъртно) на *Критическите изследования...* на Венелин и издигането на паметника му, много активен във връзките си с учени и културни дейци в Русия. Изглежда, че пак чрез Бодянки, Срезневски се е запознал и с *Найден Геров* (1823–1900). И Геров известно време прекарва в Петербург и едва ли се е минало без лично общуване – по принцип, а и покрай подготовката на *Речник на българския език*, част от който е издадена тъкмо от Руската академия на науките, и то по време, когато Срезневски е изключително важна действаща личност в нея. За Н. Геров руският учен никак не е ласкателен по повод на поемата *Стоян и Рада*, която днес се оценява като първата българска поема и знак за усвояване на новото поетично изкуство от българите. Но без да сме строги съдници, нека си дадем сметка, че ученият съди от висотата на академичната си подготовка и на закалката си в руската поезия и далеч невинаги съумява да оцени явлението от гледната точка на развитието на българския литературен процес, който пък няма физическата възможност да следи изкъсо, поради затруднените връзки между самите българи, още повече между българите и „другите“ извън империята. Геров и Срезневски са си и кореспондирали, както личи от опазените в архива на професора писма¹¹.

Колкото до *Стефан Изворски* (1815–1875), най-известен като поет, но следвал в Духовната академия в Петербург, тук е мястото да подчертая: Срезневски търси българските си съвременници, но не по-малко го търсят и те. Нямам преки данни за общуване между двамата – лично или чрез писма, но и не изключвам връзка помежду им. Първо, чисто логично, заради упоритостта, настойчивостта и уменията на възрожденските бъл-

гари да стигнат до когото са си наумили да стигнат, още и поради факта, че има години, в които Мутев и Изворски си сътрудничат в „Български книжици“, трето заради отвореността и стремежа на Срезневски да търси все нови контакти с българи.

Приживе на учения българите рядко биват в столицата на Руската империя дори и за кратко, камо ли за дълго. Като център на наука, най-вече славистична и юридическа, те ще я усвояват след Освобождението, но две години след него Срезневски напуска белия свят. Така че остават там част от любимите му възпитаници, като Василий Василевски и Владимир Ламански например, които пък ще са любими преподаватели на Васил Н. Златарски; остава там и по-малкият му син Всеволод, с когото българите няма да пропуснат да установят трайни връзки, създали отлични резултати по занимаващата ме тема – кога именно се срещат – на този етап ми е трудно да определя¹². Но приживе на учения усвоените български средища в голямата империя са все пак Одеса, Киев, Кишинев, Москва и съвсем символично столицата Петербург. Обяснението и от двете страни – Русия и българите – е в свирепия за южняка климат на Петербург. При тези ранни контакти то вероятно е справедливо и твърде достоверно. Два века по-късно нещата могат да изглеждат други и наистина са други. Но и днешният Петербург (още Петроград и Ленинград през XX в.) не е градът от XIX век.

Все пак, има още български възрожденци, с които Срезневски ще да е бил запознат – на живо, чрез писма, а също и най-вече чрез творчеството им. И да е бил познат на възрожденците ни по тези три пътя.

Най-популярното сред тях име безспорно е на *Неофит Рилски* (1793–1881). За него в *Очерк за пътешествие по Европейска Турция* разказва Виктор Григорович и така остава за бъдещето безспорен документ за състоялото се. Поради връзката между Григорович и Срезневски, сигурно Григорович е споделял и лични впечатления от големия българин. Но ако Григорович има късмета единствен от четиримата първи университетски слависти в Русия (заедно с него още Пьотър Прейс, Бодянский и Срезневски) не само те, но и водещите имена в тогавашната европейска славистика (а извъневропейска тогава фактически няма) изучават съвременния български език по неговата *Българска граматика* (Крагуевац, 1835). А и Неофит присъства в обзора на учения.

В *Очерка* се появяват още десетина имена на български автори, част от които днес са известни по друг начин, та има нужда да бъдат допълнително разчитани. Няма да изреждам всички, защото текстът не е библиографска рядкост и любопитният ще си ги види. Пък и няма податки Срезневски лично да се е познавал с хората. Доколкото е могъл, вниквал е в книжовните им усилия, а никоя биография не е в състояние да разкаже толкова много за човека, колкото разказва неговото произведение. Но още тук ще споделя, че по отдавнашните ми и сегашни впечатления не ми изглежда този изключителен труд на Срезневски, който го вписва в редичката от усърдия на П. И. Кепен (1826), Ю. И. Венелин (1838), Н. Н. Мурзакевич (1838) и дава тласък на Павел Шафарик и внука му Константин Иречек, да е бил познат на българския възрожденски печат. Нещо повече, ранните упоменавания на българската следосвобожденска наука разчитат на чешката версия, т.е. на писмото на Срезневски до Ханка, публикувано в изданието на Чешкия музей. Но за това – по-нататък.

Вторият факт е свързан с многозаслужилия за националното Възраждане *Христаки Павлович* (1804–1848), бащата на бъдещия художник Николай Павлович. Името му присъства в *Очерка* по повод на *Аритметиката* и на *Българо-гръцкия разговорник*. Няма го *Царственик-а* (1844). Но пък в личната библиотека на Срезневски книгата присъства (дн. в РАН – Санкт Петербург, Русский фонд, под № 34 950 – поне според впечатленията ми от края на 70-те години на XX в.) и е едно от общо 28-те български заглавия плюс пълното течение на „Любословие“, които е притежавал към 1846/1847 г. Не ми е известно да го е рецензирал, поне не преди Кримската война, до която са по-плътните ми наблюдения, за разлика от някои броеве на „Любословие“ и на съчинения на Захари Княжески (1847) и Васил Априлов (1847), които са излезли след *Очерка*. А Григорович се е срещал с Христаки.

Има още няколко българи от епохата на Възраждането, които си заслужава да бъдат споменати в контекста на размишленията на тема „Срезневски търси съвременните си българи, съвременните му българи търсят Срезневски“. Първият от тях е *Любен Каравелов* (1834–1879). Не е известно да са се познавали, да са си писали, а за мен е и незнано петербургския професор да е рецензирал неговия съчинения, нито пък сега мога да направя справка за многобройните български книги в личната библиотека на Срезневски, или дори със съчиненията на Каравелов. Но е повече от възможно Срезневски да е познавал съчиненията му от фолклористичен и етнографски характер – поради интереса си към тази част от изявите на славяните например. Заслужава си тук да се добави известното за връзката Срезневски – Бодянски – Каравелов, в която най-важната съставка е Бодянски, който общува и с двамата. И за още една – Срезневски – Котляревски – Каравелов, с активна част Котляревски. И – най сетне и съвсем категорично – един коментар на Каравелов, оцелял в личния му архив, за произведение на Срезневски.

Следващият, макар и от по-ранно време е *Георги Раковски* (1821–1867). Не е известно да се е познавал със Срезневски, но е много близък с Виктор Григорович. Близък в степен, че казанският, след това новоросийски (в Одеса) професор да му даде намерения от него ръкопис на *Житие и страдание грешнаго Софрония* и Раковски да го публикува във вестника си „Дунавски лебед“. Дали чрез него, или чрез Палаузови, възможно и чрез още някого българин от Одеския кръг, но Раковски е достигнал до една от студиите на петербургския професор за Дубровнишката грамота на българския цар Иван Асен II. Раковски подробно и твърде задълбочено коментира произведението и грамотата в *Няколко речи за Асен Първи...*, писани в Одеса, спрени от цензурата и чак през 1861 г., в Белград, видели бял свят¹³.

Заради български изследвания от последните години вече е съвсем сигурно, че Срезневски не се е познавал лично със студента на колежата си Бодянски и брат на Димитър Миладинов – Константин, обикновено изписвани в науката като *Братя Миладинови*, наричани понякога и Братя Миладиновци. След време той ще напише хубава рецензия за осигуреното от Йосиф Щросмайер издание на *Песни на македонските българи*, но наличният в архива му текст всъщност му е предоставен от Александър Рачински. За опазеното отдавна се знае, още по-отдавна – за рецензията. Но самият текст, историята и анализът му станаха достояние на науката съвсем неотдавна¹⁴.

Още два случая заслужават по-специално внимание. Не е известно лично да са се познавали, или пък да са си писали Срезневски и *Марин Дринов*. Да очакваме, че не са общували, не е особено логично. Живеят в една и съща страна, Дринов е студент на приятеля Бодянски, посещавал е Петербург: документирано – като частен учител в семейството на княгиня Голицина, но едва ли само тогава, а и Срезневски спхожда от време на време Москва. Дринов наследява в Харков един от любимите студенти на Срезневски – Пьотър Лавровски, всъщност и самия Срезневски; много близък приятел е с друг любим студент на Срезневски – Викентий Макушев, пък и работят едни и същи или поне сходни проблеми. Но и не знам Срезневски да е канен за участие в органа на Българското книжовно дружество – „Периодическо списание“. От съчиненията на Дринов, още и от встъпителната му лекция в Харков личи, че той и познава, и е уважителен към деянията на по-възрастния си колега, макар невинаги да е съгласен със становищата му. Убедена съм, че това е една от посоките за бъдещи проучвания.

Вторият случай е с *Константин Иречек*. Не ми изглежда вероятно напористият и много знаещ, и много активен Иречек да не е подирил контакти с приятеля на дядо си, колкото и стар да му е изглеждал, също и въпреки оценката си, че много са сторили и той, и магистрантът му Палаузов, но най-много е сторил Иречековият приятел Марин Дринов. Ще се радвам да видя, че недостигът ми на информация на този етап е свързан с два факта: че разчитам само на личния си архив и личната си библиотека, както стана дума, а още и втория – че разглеждам поставения проблем в контекста на българо-руските, българо-украинските и българо-съветските връзки. Другите посоки, като руско-чешки, руско-сръбски, украинско-чешки, украинско-сръбски и прочие, отлагам за по-добри времена.

Докато обсъждам познанствата на Срезневски с българите и на българите със Срезневски, ще вметна *още два въпроса*, които намирам за значими. Първият – как *българският възрожденски печат* (периодика и книги, особено учебници) усвоява творчеството на учения, наличността на негови съчинения или на съчинения, в които бива цитиран, ще развия частично по-нататък.

Вторият изникна в процеса на дирене. Аз всъщност не знам как Срезневски посреща Източната криза (1875–1878) с Априлското въстание, Руско-турската война и Освобождението на България. Вярно е, че по онова време не е особено здрав, ала все пак и наистина продължава да е активен, но е вярно и това, че при огромния обем литература, който съм обръщала през годините, не съм срещала името му, което винаги забелязвам. Като част от Източния въпрос – още и националноцърковните борби на българите, а по-общо, и динамиката на процесите през втората половина на XIX в. Може би и това са въпроси за бъдещи дирения, толкова повече, че трудно бих могла да си представя как един учен, толкова ангажиран с миналото и настоящето на българите, ще остане безпристрастен към текущите събития, които разтърсват континента и страната му. Даже да е минал на съвсем консервативни, както ги определят в книжнината от недалечното ни славистично минало, позиции.

3. Университетът. Националната гордост на България – днешният Софийски университет „Св. Климент Охридски“ – отваря врати според „Временни правила за висшите педагогически курсове към Първа мъжка гимназия в София“ на 1 октомври 1888 г. и вече 125 години освен първопроходец е и водачът на българското висше образование. Плод е на дълги размисли и спорове, на надежди и разочарования и на упоритостта на различни правителства и на енергични млади хора¹⁵.

Други са по онова време структурата и принципите на функциониране на днешната Българска академия на науките (създадена в Браила на 10 октомври 1869 г. като Българско книжовно дружество, с първи председател Марин Дринов, дало живот на първото българско специализирано научно издание „Периодическо списание“). Много са и тогавашните ѝ проблеми, но за всички е ясно, че без национално висше училище науката и образованието, изобщо просперитетът на свободна България са немислими. В усвояването на Срезневски тъкмо Университетът се превръща в лидер – чрез преподавателския си състав и чрез студентите, които изгражда.

От гледна точка на избрания проблем *първото следосвобожденско десетилетие*¹⁶ изглежда доста постно, особено на фона на възрожденското време. Не ми е известно смъртта на Срезневски да е отразена в българския периодичен печат, но и той е твърде рехав тогава и много от изданията са с краткотраен живот. Всъщност усещането за „постност“ е твърде измамно. И ето защо.

Първите преподаватели в Софийския университет са преинтересни като хора и нагласи. „Новите седмочисленици“, както скоро почват да ги наричат (ярък знак за развитието на българистиката през XIX в., нали?), защото са наистина седем и защото им се възлагат много надежди да сторят за България такова велико дело, като на българските и общославянски ПРОСВЕТИТЕЛИ светите братя Кирил и Методий и светите им ученици, пристигнали в България след смъртта на Методий. След година-две, че и от втория семестър, се присъединяват още неколцина. В състава се съчетават младостта и опитът. *Никола Михайловски* е брат на Иларион Макариополски (за една от книгите на когото Срезневски ласкаво се изказва в *Очерка*) и баща на Стоян Михайловски, бъдещия автор на текста на *Химна за Кирил и Методий*. Химн, който и днес звучи не само по цяла България, а и извън нея и се е превърнал с музиката на Панайот Пипков в песен символ на 24 май, най-обикнатия от българите празник в последните повече от век и половина. Но той е и студент на Бодянски и с много актив в националното Възраждане. Най-малко познат е русенецът *Иван Данев*, завършил в Табор и приятел на Ангел Кънчев, опълченец, а в свободна България – народен представител в Учредителното събрание (1878–1879), подписал Търновската конституция. Нареща се в редичката и неособено познатият дългогодишен директор на Първа мъжка гимназия в София *Станмир Станмиров*, възпитаник на Киевската духовна академия.

Младите тогава Александър Теодоров-Балан (първият ректор), Любомир Милетич, Беню Цонев, Иван Георгов, Иван Шишманов завършват високите си науки в престижни центрове и още по-престижни училища в чешките и австрийските предели на Австро-Унгария и в Германия тъкмо в това десетилетие. Има смисъл да се споменат още двама – по-възрастният Стефан С. Бобчев, завършил право в Москва, отпосле професор в Университета и панагюрецът (!) Атанас Шопов, завършил също право, но в Петербург. Накрая третият – В. Н. Златарски, завършил гимназия и университетското си образование в Петербург. Скоро ще го видим и професор в Университета. Какъвто е и брат му, основоположникът на българската геология, Георги Златарски. Да добавя и бъдещия дългогодишен директор на Университетска библиотека Стоян Аргиров, който започва следването си по славянска филология в Прага.

Та, младите тогава, в преобладаващата си част са родени през 60-те години, развиват се ритмично, ентузиазирани са и освен че овладяват науките в Руската империя, Австро-Унгария, Германия, поглъщат тамошната култура, създават множество познанства, които прерастват в приятелства и научни сътрудничества, дето в бъдеще време ще дадат добри плодове. И както навремето Срезневски, Бодянский и Григорович препоръчват студентите си българи на свои колеги и приятели в Русия и извън нея, така ще действат и българските учени. Вече на границата на двете столетия най-талантливите им студенти ще бъдат изпращани на специализации в Петербург, Лайпциг, Виена, Париж, Швейцария, Англия и пр. Сред тях са Йордан Иванов, Стефан Младенов, Стоян Романски, Анастас Иширков, Павел Орешков, Никола Данчов; част от тях са сред ярките герои на следващите страници, други тепърва ми предстои да изследвам в избраната посока. Първите четирима в следващите години ще станат и професори в Университета¹⁷.

Известно време прекарва в столицата, в Юридическия факултет на Петербургския университет и Димитър Благоев, скоро изгонен оттам, след като е създал първата марксистка група в Русия. Още от сферата на премълчаваните – според предпочитанията на поредния политически режим – любопитки: съпругата му Виктория (Вела) е сестра на Георги Живков, министър на просвещението в правителството на Стефан Стамболов, при когото се открива Университетът, и на Никола Живков, автор на първообраза на текста на *Шуми Марица*, запята на Шипка и превърнала се в първи химн на Нова България.

Точно Л. Милетич, Б. Цонев, И. Д. Шишманов, Й. Иванов, в по-малка степен може би В. Н. Златарски, С. С. Бобчев и Балан ще насочат студентите си към делото на Срезневски, а в творчеството си често ще се позовават на неговите дирения. Като се добави и тъстът на Шишманов, украинецът Михаил Драгоманов, ще стане ясна и още една посока в усвояването на Срезневски в България. Тези хора притежават и ясното разбиране, че без библиотека никаква наука и никакъв университет не е възможен. В личните библиотеки на повечето от тях има съчинения и на Срезневски, но за това – по-нататък.

Като твърдя, че усещането за „постност“ е измамно, имам още аргументи. Веднага или скоро след Освобождението започва и градежът на още институции (вж. следващата част), без които успехът би бил съмнителен, да не кажа невъзможен: библиотеки, архиви, музеи, нови училища и пр.

От ранните и дълготрайни университетски дела специално отбелязване заслужава *Славянският семинар* на Любомир Милетич, който той ръководи от създаването му (1894/96) до края на живота си през 1937 г. Като министър Иван Шишманов съумява да прокара в бюджета на Университета перо за издаването на студентското творчество. Така се появат „Известия на Семинара по славянска филология“ – девет тома (1905–1948; томове 8 и 9 са редактирани от С. Романски). В тях са първите публикации на хора като Орешков, Романски, Божан Ангелов, Христо Вакарелски (първият българин, лауреат на Хердцова награда), Кирил Мирчев, Иван Леков и мнозина още, повечето от които ще дават в следващите десетилетия облика на българската филологическа хуманитаристика като наука и университетско преподаване. Някои работи – като например на П. Орешков за епентетичното „л“ – са веднага забелязани от европейски слависти и включени в изследванията им, други за десетилетия остават единствени.

Чак до 70-те години на ХХ в. (седемте тома „Студентски проучвания“) историците не съумяват да създадат подобен орган, но професорите са не по-малко загрижени за публикуване на отличните студентски работи. Класически пример е издаването чрез Златарски на първата писмена работа на второкурсника Петър Мутафчиев за земеделското владение във Византия.

Очевидно е, че университетските преподаватели са имали точно око. Споменатите им питомци, а те не са единствени, са сред хората – подобно на професорите си – които дават своята дан в усвояването на Срезневски и темите му, но и в подготовката на следващите поколения учени, допринесли за разширяване и задълбочаване на темата за българите и Срезневски.

С годините в този процес ще се включи още един университетски възпитаник, с няколко задгранични специализации, и той като Балан столетник – Михаил Арнаудов. Доста по-рано и по различен начин си отиват от живота Боян Пенев и асистентът му Борис Йоцов – и двамата с приноси в избраната за тази студия тема.

Най-вече през втората половина на ХХ в. с особени заслуги по темата за Срезневски са Петър Динеков и учениците му, Боню Ст. Ангелов, Христо Кодов, Маньо Стоянов, Кюю Куев, Донка Петканова, Тодор Ив. Живков – хората, подготвили най-младата днешна генерация старобългаристи, специалисти по възрожденска литература и фолклористи, мнозина етнографи (през втората половина на ХХ в. етнографи и етнологи се готвят и от историците, начело с Христо Гандев, Цветана Георгиева и Иваницка Георгиева).

Има нужда да се маркират поне още няколко момента, особено характерни за ХХ в. Става дума за отпечатването на програми, издаването на сборници с извори (христоматии), публикуването на лекционни курсове и/или учебници – все за нуждите на обучението на студентите и изготвянето на дипломни работи според изискванията на поредния учебен план.

Като пример за *програмите* вземам на Мария Велева по Историография¹⁸. Макар че, за съжаление, половин век спорадични четения в Софийския университет (В. Н. Златарски, Петър Ников) и последвалите непрекъснати от 50-те години до днес (Александър Бурмов, Горан Тодоров, М. Велева, Е. Дроснева и Тодор Попнеделев), а от 70-те години – и във Великогърновския университет „Св. св. Кирил и Методий“ (М. Велева, Петър Тодоров, Николай Проданов), въведените през 90-те години и в Благоевград (от Е. Дроснева), Пловдив (от Е. Дроснева) и филиалите на Пловдивския университет в Смолян и Кърджали (Лизбет Любенова, Т. Попнеделев), Шумен (Красимира Петрова, Никола Аврейски) и във филиала на Русенския университет в Силистра (от Е. Дроснева) и някои от частните университети все още не са довели дотам българските историци да са осмислили значението на историята на собствената си наука в общото историческо познание и ролята ѝ в развитието на обществото. Въпреки защитените от края на 70-те години до днес дисертации по историография (две при М. Велева, по една при П. Тодоров и Т. Попнеделев и седем при Е. Дроснева), въпреки и издадените няколко монографии. И въпреки поредицата „Историческо наследство“, сътворена през 70-те и 80-те години, която включва съчинения на модерната българска историопис от С. Н. Палаузов докъм средата на ХХ в.

Но е факт, че първата отпечатана в България програма принадлежи на М. Велева (1978/79). От още по-ранни времена Срезневски впрочем влизаше в лекционните ѝ четения в контекста на чуждестранната българистика като фактор във формирането на възрожденската историопис, т.е. на модерната българска историческа наука. Срезневски остава, разбира се, и в следващите програми (1985; 1998 – автор Е. Дроснева).

Христоматиите на историците всъщност не стигат до заслугите на Срезневски, макар да включват и текстове, въведени и/или изследвани от него. Съвсем друго е положението с христоматиите на филолозите. Вземам като пример създадената от П. Динеков, К. Куев и Д. Петканова, претърпяла към днешна дата четири издания. В нея е заложен принципът в уводната част към всеки текст да се посочват (по добрия образец на позитивистите) всички преписи, публикации, откриватели, изследователи на съответния паметник. Тъй и името, и делата на Срезневски многократно биват почетени.

Публикуване на *лекционни курсове* не е на мода сред историците, макар отделни примери да има отпреди Втората световна война още. После – само като изключение (курсове на Димитър Ангелов, Николай Генчев, Георги Бакалов, Пламен Митев, Милчо Лалков, Петър Ангелов, Христо Матанов) и в тях, макар тематиката често да го предполага, Срезневски може да се съзре, а най-вече и да не се види. Историографски курсове засега не са публикувани, но на първопроходците не са и запазени, ако изключим този на Златарски, който от 70-те години насам не може да види бял свят. И пак – съвсем друга е картината с колегите филолози. С оглед на темата имам предвид курсовете на Беню Цонев (2-ри и 3-ти том посмъртно, две издания), Боян Пенев (пак посмъртно и пак две издания), М. Арнаулов, П. Динеков, Д. Петканова. Те всъщност изпълняват функциите и на учебници, без да изчерпват наличните учебници за филолози и фактически изчерпвайки наличните за историци.

Дипломните работи представям само чрез защитените в Катедрата по История на България. Изготвени са под ръководството на М. Велева или на Е. Дроснева. От тях специален интерес представлява посветената на Павел Орешков (1884–1953) – човек със сложна житейска съдба, но и с много заслуги не само за българската наука в различни области на хуманитаристиката, в преки връзки с много от най-ярките имена на славистиката в началото на XX в. като К. Иречек, Ватрослав Ягич и Н. С. Державин. На него принадлежи въвеждането в научно обръщение (1929) на писмата на В. Априлов до Срезневски. Както е видно от някои материали, Орешков е бил силно заинтересован от личността на Срезневски¹⁹. В останалите дипломни работи от Приложение № 1 към тази ми студия името на И. И. Срезневски се среща дотолкова, доколкото темата го е изисквала.

В края на 1990-те години студентите започнаха да правят – по желание – и *курсови работи* по историография. Темите, които избират, често имат връзка с българистиката и славистиката. Особено ярка беше сесията по защитите им през 2011/2012 г. и три от тях (една за Дринов и две за Шишманов) са публикувани в българското електронно списание по Украинистика, три са включени в настоящия том на „Дриновския сборник“, но има поне още толкова достойни за обнародване.

Накрая на тази част, още един щрих към дейността на първите университетски преподаватели. Имам предвид няколко *още издания*. На първо място от многото – *две списания*, обединили научната хуманитарна мисъл на България за дълги десетилетия: „Българска сбирка“ на С. С. Бобчев и „Български преглед“, наричано още „професорското списание“. Стана дума и за „Периодическо списание“, наченато още преди Освобождението. Министерството на народното просвещение започва през рождената година на Университета издаването на „Сборник за народни умотворения, наука и книжнина“, известен и като *Министерски сборник*, със съставител и редактор на първите 20 тома Иван Шишманов, в началото чиновник в министерството; той е и един от инициаторите за създаването му. Без този сборник и днес никой фолклорист, етнограф, специалист по Възраждане не може да мине.

С такъв багаж в началото на XX в. същите някогашни млади ентузиастични ще започнат списването на *новите* издания – „Годишник на Софийския университет“ и „Сборник на БАН“.

В професорското списание излиза статията на Орешков, в академичните – на Всеволод Срезневски и Ст. Романски, които също въвеждат нови извори по темата. Пак в издание на Академията, но вече през 1980-те години излиза и четвъртото българско изследване, специално посветено на Срезневски (Е. Дроснева). Най-новото засега отново е издание на БАН – авторките Лиляна Минкова и Лучия Антонова-Василева в отделно книжно тяло представят факсимилно и разчетен текста на ръкописния сборник на Константин Миладинов, съхранен в Личния архив на И. И. Срезневски, неговата история и историята на проучванията му, предложен е лингвистичен анализ на песните. Добавена е и споменатата рецензия на петербургския професор. Още три отделни кратки български статии за Срезневски са отпечатани в издания на БАН – три енциклопедии, които на практика обединяват усилията на цялата българска научна общност.

Линията за създаване на свои научни органи е възприета и от следващите висши училища, днес университети. В едно от тях е петото българско изследване за Срезневски, на колежата от Великотърновския университет С. Влаев, но то, за съжаление, все още ми е известно само като заглавие (по Харковската библиография).

Казано накратко, още в първите години Университетът залага принципи, най-добрите от които и днес, век и четвърт по-късно, са живи и дават добри плодове.

4. *Още институции.* Ако дотук разказът беше за двете най-важни научни институции на следосвобожденска и днешна България, време е да обърна поглед към още няколкото, без които същинска наука няма, но и част от тях са със заслуги в опазване и изучаване на наследството на И. Срезневски в двете главни посоки: връзки със съвременните му българи и изследване на българската писмовност, средновековна и съвременна нему.

Възрожденското време ражда уникалната българска институция на *читалищата*, първите (1856) в Лом, Свищов и Шумен. Читалищата, тясно свързани с училищата чрез сграден фонд, инвентар и особено чрез учителите, скоро се превръщат в центрове на културния живот на българите. На тяхна база се ражда модерният български театър, в много случаи там се създават нелегалните революционни комитети, там се събират съзаклятници по въстанията, включително и водачи на Априлското. Пак там кипи бурен книжовен живот – създават се библиотеки, музейни сбирки, събира се и се чете и периодика, обменят се актуални „световни“ новини²⁰. Напомням тези общоизвестни факти, за да подсетя за обществения опит на българите от предосвобожденското време. Читалищата всъщност съчетават в себе си няколко институции, които след Освобождението ще се обособят. Към тях през столетието се добавя опитът на българите, завършили в Османската империя и извън нея високи науки, та почерпили и *чуждестранен опит*, който съчетават с местния и поемат дългия и трънлив път на градеж на модерните институции в свободна България. Най-сетне, да не забравяме и личните „съкровища“ – библиотеки, музейни сбирки и пр., добре представени и в художествената литература от и за епохата – като например от Любен Каравелов (*Българи от старо време* – колекциите на Хаджи Генчо и дядо Либен) и от Иван Вазов (най-плътно в разказа *Хаджи Ахил*, но не само в него).

Говорим ли за институцията *библиотека*, трябва да се сетим, че създадените тогава към читалищата и училищата съвсем не са най-ранните. Предшестват ги от векове манастирските и църковните, но е неточно да се твърди, че в тях се събира само църковно-религиозна книжнина. Представителна с оглед на темата е библиотеката на Рилския манастир. В нея и до днес се съхраняват съчинения на Априлов и Венелин, на посетилия манастира Виктор Григорович, на Осип Бодянски, на Спиридон Палаузов (включително с негов автограф върху *Век болгарского царя Симеона*), на М. Дринов, на мнозина руски и украински учени, на европейски слависти, на Захарий Княжески, книги от личната библиотека на Неофит Рилски с подобен обхват, даже периодика. Към тях трябва да се добавят и каталози за продаваните в книжните магазини в Москва и Петербург книги²¹. Всички са осигурени по различни пътища към времето на публикуване или в близките години, понякога в по няколко екземпляра. Засега съчинения на Срезневски не са ми познати в тази библиотека. Но, както се вижда, част от споменатите автори са сред приятелите и познатите на петербургския професор, позовават се на негови изследвания и така, чрез тях – не само чрез ученика му Палаузов, името и част от творчеството му стават достойние на монашеското братство, на поклонниците и изобщо на четящите посетители на манастира.

Представителна за училищните библиотеки с оглед на темата е Габровската. На създаденото от Априлов, Палаузов и Мустакови училище (1835), днешната Априловска гимназия в Габрово, В. Априлов завещава личната си библиотека. Колкото и дълго и сложно да пътуват книгите към родния му град, най-сетне стигат. Още преди Освобождението в тази библиотека попадат и съчинения на Срезневски (от Априловата или по други пътища).

Ново явление в следосвобожденска България е създаването на днешната Национална библиотека „Св. св. Кирил и Методий“. Първите стъпки дължим на губернатора

Пьотър Алабин, на завеждащия отдела за народно просвещение при Временното руско управление Марин Дринов, на депутата в Учредителното събрание Владимир Палаузов, син на Н. Хр. Палаузов, и на неколцина още, след които ще се включи и Константин Иречек. Според Иречек²² в основата на библиотечната книжна сбирка е залегнала личната библиотека на Спиридон Палаузов, но тя не е единствената. Към нея се добавя след ред перипетии личната библиотека на Иван Денкоглу, после тази на Любен Каравелов, на Николай Хр. Палаузов, най-сетне, в първото десетилетие на ХХ в. – и на Марин Дринов. От опазената в БИА документация и някои изследвания се вижда, че в личните библиотеки на възрожденците ни очаквано има и по едно или по няколко съчинения на Измаил Срезневски – отделни книжни тела или в периодиката²³. Скоро след това ще последват библиотеки от този тип в градове като Пловдив, Варна, Русе и др., които макар да са по-скоро общински, реално поемат и общонационални функции още в първите следосвобожденски години. Оценката се отнася и за многострадалната Сливенска библиотека – през Освободителната война читалище „Зора“ е опожарено и са нужни колосални усилия всичко да започне наново. Хората са успели: дори ако съдим само от факта, че през Втората световна война, особено заради бомбардировките над София, част от Университета (начело с историците) е евакуирана в Сливен и преподавателите са могли да продължат и продължават научните си изследвания.

Тук е мястото да се разкаже накратко за Университетска библиотека. В създаването отново първопроходец е Любомир Милетич, но не след дълго, но пък за дълги години тя е поета от Стоян Аргиров. Той я управлява над 35 години! Завършил докторат по славянска филология в Прага (1892), Аргиров отлично познава историята на славистиката, периодичните ѝ издания, най-ярките ѝ имена от XVIII–XIX в., с мнозина е лично познат и достатъчно близък и е със специално внимание към натрупването на фонд от съчинения на многобройни учени от европейска величина, както и на предходна и съвременна периодика. Успява да абонира библиотеката за десетки научни издания на различни европейски езици, а самият той, заедно с д-р Иван Раев, е и от българските преводачи на Иречек. С дарения на наследници, чрез завещания на университетски преподаватели, а приживе чрез собствените им контакти с ред издатели в различни страни в библиотеката постъпват, освен другите, онези съчинения на И. Срезневски, които и днес красят колекцията ѝ „Славика“. Като казвам съчинения на Срезневски, имам предвид десетте отделни издания, също и броеве на поне двадесетина списания на руски език, в които има негови или за него текстове²⁴. От тях излизат още над 60 заглавия, както установих, познати и достъпни в България. Заслужава си да се споменат в този план личните библиотеки на Михаил Драгоманов, Любомир Милетич, Иван Шишманов (въпреки злощастията ѝ от края на 1950-те или началото на 1960-те години), на Боян Пенев, чрез които отново попадат съчинения по интересувашата ме тема. И за да приключа на този етап с личните библиотеки на българските учени хуманитаристи, да спомена, че в процеса на дирения се оказва: В. Н. Златарски някак се е снабдил със съчинение от личната библиотека на Измаил Срезневски.

Впрочем пряката работа с конкретните книжни тела със сигурност ще разкрие повече страници из живота на нашите разнообразни библиотеки, допринесъл и за усвояване на творчеството на Срезневски. Още и ще уплътни знанията ни за много важните лични библиотеки на българските възрожденци и на българските учени от първите следосвобожденски генерации, както и за общуването им с колеги у нас и зад граница, не само в Русия. Толкова повече, че Срезневски не принадлежи „само“ на Русия или на Украйна.

Особен е случаят със следващата научна институция, *архивите*. Имали са мнозина наши възрожденци чувство за архив – иначе не биха съществували днес богатите сбирки на Български исторически архив към Народните библиотеки в София и Пловдив, множество материали в Научния архив на БАН, към бившите ЦДИА и ЦДА, СГОДА (днес обединени в Главна дирекция „Архиви“ към Министерския съвет) и по-малките, но не по-малко ценни по цялата страна (окръжни, градски, музейни, училищни, читалищни). Усърдията след Освобождението довеждат до изграждане на няколко архива, но чак до началото на 50-те години на ХХ в. не се стига до изграждане на централен архив и

стройна система на архивното дело²⁵. Точно от съхраненото в архивите може да се види и днес, как роднините на Спиридон Палаузов (починал 1872 г.) 15 години са се грижили книгите му да не напускат дома им, въпреки финансовите затруднения. В първите месеци след Освобождението ги предлагат на свободна България, мечтана и творена и от него. Дринов, до когото е писмото на Н. Хр. Палаузов, веднага осигурява парите за закупуването им (1500 тогавашни рубли в помощ на семейството) и за превоз до България, поемане на транспортни разходи и митнически такси. Пак чрез архива става възможно да се проследи дългият и сложен път на библиотеката на Иван Денкоглу през неговото училище в София, към Столична община и накрая до Народната библиотека²⁶. Тук според волята му постъпват освен библиотеката на Дринов и част от архива му, друга част (днес дигитализирана) – се съхранява в Научния архив на БАН. Кое то пък прави възможно да се изследват много от лекциите му в Харковския университет и при пряка работа с тях да се види доколко Срезневски като личност и творчество е присъствал. Това съвсем не са всички възможни примери от първите 30 години на Нова България.

Но ми се ще допълнително да подчертая още един момент от дейността на българските архиви, вече след Втората световна война. Не всичко е „розово“ (кога ли пък всичко е „розово“ в реалния живот?!), в българо-съветските отношения по тази линия и аз лично имам мрачни спомени от края на 1970-те години в Съветския съюз на тема „Съветски архиви“. Но в случая наистина говоря за нещо добро, историята на което обаче не съм проучила. Както и да е, през 1960-те години в България постъпват микрофилми, които разширяват изворовата база за българските изследвания върху Срезневски. Следите им се виждат в едно инкриминирано изследване на Николай Генчев, създадено в края на 1960-те и началото на 1970-те години, но видяло бял свят по единствения оцелял (благодарение на Велко Тонев) екземпляр чак през 2001 г., след смъртта на автора му, но с негов актуализиран предговор от предната година.

Един университет, особено когато прохожда, не може да задоволи всички образователни нужди на страната, даже тя да е само с територията и броя на населението си такава, каквата е България към времето на създаване на Университета. Нито пък всеки жаден за по-висока наука може да си позволи да следва навън. Като познават извъневропейския и българския възрожденски опит, първостроителите залагат на масово начално образование (типовите проекти на сградите създава много интересният архитект Петко Момчилов, на чийто баща Иван – възпитаник на Ришельовския лицей в Одеса – в бъдеще вероятно ще отдели повече внимание и по темата за българите и Срезневски) и на гимназиалното образование. До Освобождението българите създават *гимназиите* си в Болград (1858) и Пловдив (израствала на базата на класното училище), Габровската (на базата на училището от 1835). След Освобождението се заемат с укрепване на съществуващото и създаване на нови. Ако тук ги споменавам, то е защото най-малко три от тях участват в изграждането на и/или се радват да имат в екипа си част от големите български учени, оставили трайни следи и в разработването на връзката „Срезневски – българите – България“. На базата на Първа мъжка гимназия в София – каза се вече – е създаден Софийският университет. Там след дипломирането си работят В. Н. Златарски, Боян Пенев и кой ли още не; дългогодишен директор е, да повтора, един от „Новите седмочисленици“ – Ст. Станимиров. Гимназията дълго време е база не само за получаване на документ за учителска правоспособност, но и за придобиване на реални педагогически умения от десетки бъдещи преподаватели в Университета, много от които покрай другото ще стигат и до Срезневски.

Следващата е Русенската мъжка гимназия „Княз Борис“, едно от най-модерните български училища в първите следосвобожденски десетилетия на България. От интересувашия ме кръг учени тази гимназия завършват Михаил Арнаудов, Боян Пенев, Петър Мутафчиев; там години наред работи Божан Ангелов (обект на вниманието ми в бъдеще). Там се създават приятелства за цял живот (Мутафчиев и Пенев например), формиран се трайни интереси към науката (посочените трима, които не изчерпват всички достойни възпитаници на гимназията).

И, естествено, Първа мъжка гимназия във Варна, но не защото студията ми е предназначена за отпечатване в града побратим Харков, а защото я завършват неколцина ярки представители на българската историческа наука, от които – заради Срезневски – посочвам само бъдещите професори от Университета Петър Ников (и учител в нея за известно време) и Христо Гандев.

Колкото до *музеите*, и тяхното създаване следва възрожденския опит, натрупан у дома и извън българското землище, още и извън Османската империя. И те постепенно ще се отделят от библиотеките и архивите, но пътят извънредно много ще допринесат за просперитета на Нова България (онова време много обича термини като „Нова“ – за сравнение, заглавието на Вазовия роман *Нова земя* – и „Първи“, та и аз често-често ги употребявам, с уважение и към официалните названия). Да се обхоят всички днешни, дори само историческите или с исторически привкус, не ми изглежда възможно. Но си мисля, че например Габровският или Старозагорският музей биха внесли обогатителен нюанс в картината на избраната от мен тема, покрай Априлов, Палаузови и Захарий Княжески.

През 20-те години се наблюдава явление ново, което – малко неочаквано може би – ще даде един от ефектите си в средата на 90-те години на отминалото столетие. Създават се тогава три „свободни“ висши института, с икономическа или историко-политико-финансова насоченост: Свободният в София (1922, с дългогодишен директор създателя си С. С. Бобчев и призван освен всичко друго да приюти част от руските професори, емигранти след Октомврийската революция, за които място не се е намерило в Софийския университет²⁷; негов наследник е днешният УНСС), Икономическият във Варна (1920, макар идеята да е от 1911 г., но са попречили трите войни; Варна е градът, прославен освен с Мъжката си гимназия, още и с Търговската, а висшето училище се вижда продължител на Търговската гимназия; днес се знае като Икономически университет – Варна, а преди 1989 г. беше много популярен като ВИНС „Димитър Благоев“) и Свищовският (1936, който акцентира върху икономиката също, но се мисли и като наследник – в известен смисъл – на първото българско търговско училище, създадено още през 1875 г. от Димитър Шишманов, бащата на бъдещия академик Иван Шишманов; днес се знае като Стопанска академия „Д. А. Ценов“, но до промените от края на 1980-те години се водеше като Финансов). Очеvidно и трите „свободни“ института не предполагат – поради профила си – досег със Срезневски.

Но тенденцията за още и още висши училища след Втората световна война се изразява в създаване на профилирани (педагогически, технически, икономически) висши учебни заведения в множество селища – както в „традиционни“ центрове, така и в нови, което решава ред икономически и социални проблеми на страната и държавата.

През 1995 г. всички на практика се нарекоха „университети“ – факт, който говори колкото за земяческо-политическите нрави в съвременна България, толкова и за магията на думичката „университет“: магия, осигурена от впечатляващото присъствие на Софийския университет в българската духовност. По онова време България имаше още един университет – във Велико Търново, който скоростно (!) беше извървял пътя от Висш педагогически институт (1963) до Университет (1971), според поредното държавно решение. Но кой ли имаше търпение да следва модела на Софийския и на Велико-търновския „Св. св. Кирил и Методий“?! В някои малобройни отношения заслужаваха може би институтите от този тип в Пловдив, Шумен, Благоевград. И днес, заедно със София и Велико Търново, те са петте български висши училища от типа на класическите университети, с различни оценки в класациите от всякакъв род, обаче София и Търново си остават първенци. Сътрудниците им, според програмите за обучение на историци и филолози, в една или друга степен застъпват живота и научните дела на Срезневски, обаче не се наемам да ги коментирам преди да установя по-преки връзки с повечето от колегите си – не познавам всички подходящи публикации, но като гледам част от издаденото в Търново и Шумен, частично в Благоевград и Пловдив, надявам се Срезневски да не е непознато име за студентите в съответните специалности, още по-малко – за преобладаващата част от щатните им и някои от хоноруваните им през годините пре-

подаватели. Толкова повече, че ако не най-младите, предното поколение поне тръгва от Софийския университет, следва моделите му, а Софийският е привързан към темата не просто емоционално (казва ли са ми по-млади колеги филолози: „О, Срезневски, нашият любимец!“), пък доказателства виждам в продукцията им), но и съвсем прагматично и строго научно. А за днешните частни университети ще си спестя възможността да говоря. Но и там нещата зависят от конкретния преподавател (преди да отидат там като щатни или хонорувани, мнозина колеги се бяха доказали като учени). Вече не съм особено обнадеждана, че ще чуя във Варненския свободен университет (той си унищожи четенията по история), в Бургаския (където и ги нямаше, или се явяваха спорадично) или в Нов български да се говори за Срезневски. И да е ставало евентуално дума за Срезневски в краткотрайния Славянски университет, никак не съм убедена, че е звучало компетентно слово, като знам освен учебните планове и състава на този т.нар. университет. Американският пък в Благоевград изобщо и изначално не се вписва в темата ми. Поне такива са впечатленията ми към днешна дата.

Накрая на тази част ще спомена институции, които днес се наричат „неформални“. Думата ми е за *дружествата*. Духът на XIX в. насърчава хората да правят все повече от тях. Много шумели, в известен смисъл и ефективни в последните подробски години, но особено популярни в първите следосвобожденски десетилетия са археологическите дружества. Нека обаче не си представяме, че се захващат с интензивни археологически разкопки. Не че не ги правят, но названието „археологически“ в случая следва модела на столетието от началните му десетилетия и днес по-точно бихме ги нарекли „Дружества за изучаване на старината“, каквото и да значи старината. В тях се събират професионалисти, любители и любопитни. По познатите ми материали от „Известията на Варненското археологическо дружество“ и известното ми по литература за Търновското не се наемам да твърдя, още по-малко по спомени, че стигат и до Срезневски. Но съществено то е също, че освен да опазват старини, да събират материали от възрожденското време, а и по-ранни, те всъщност създават атмосфера на нагласи, на отношение към отминалото време, на ползата от познаването му и на пътищата за възсъздаването му. А това никак не е маловажно – чисто теоретически, но и като ефект върху младежта, да речем: не един и два са случаите, в които младите ще се захласнат по науката „История“ и след години ще ги видим в първите речички на българската историопис. Някои може би ще стигнат и до славистиката или поне до българистиката, чрез нея и до Срезневски.

5. Научни форуми. В повечето случаи материалите от тях излизат в специални сборници, понякога като поредица през годините; също понякога изданията са много-томни – в зависимост от количеството на подготвените за печат статии; пак понякога сборниците са посветени на предстоящия научен форум, без да е задължително личното присъствие на всеки автор във форума.

Практиката за организиране, провеждане и участие в научни форуми, въведена като форма на временно обединение на съмишленици скоро след Освобождението, в следващите десетилетия и до днес се разширява и обогатява. Началото попива натрупания възрожденски опит – вътре в българското общество, в съчетание с наученото от любопитните и отворени към световните новости пътуващи на Изток и на Запад от Османската империя българи. Много ярки с оглед на темата са изявиите по линия на църковнонационалната борба и учителските събори.

Форумите са институционални, местни, окръжни, национални, международни, в България и извън нея; много от тях са свързани с предстоящи или течащи юбилеи и кръгли годишнини. И понеже учени винаги е имало и ще има, а те обичат да се мислят като духовно свързана гилдия, където и както да работят, остава да се осигурят средствата и много важното – да ги има хората, които знаят как се правят нещата и да имат физическите и психическите сили да ги направят. Така текаат конференции, конгреси, симпозиуми, сесии, семинари и просто сбирки, все с желанието да се обменят научните постижения. И ако България през 1934 г. е домакин на IV международен конгрес на византолозите (следващ път – през 2011 г.), заслугите са най-много на българските учени, вече споменавани по-горе по случая Срезневски: доайена Васил Н. Златарски, Петър

Мутафчиев (освен всичко друго, той е специализирал в Мюнхен при Август Хайзенберг, чете курса по „История на Византия“ в Университета и е референт за Балканите в списание *Byzantinische Zeitschrift*, поето вече от колегата му и приятел Франц Дьолгер), Петър Ников (ученик на Карл Крумбахер пак в Мюнхен и на К. Иречек във Виена; в продължение на три години, от 1920 до 1923 г., той чете и първите лекции по „История на Византия“ в Университета).

Следват – през втората половина на ХХ в. – конгреси по славистика, по балканистика у нас и извън България, но с българско участие, по история, конгреси на Българското историческо дружество и едни, които искам специално да отбележа – Първият (1981), Вторият (1986) и Третият (2013) международен конгрес по българистика; организирани от Софийския университет четири (1981, 1984, 1987, 2006) международни симпозиума „Университетски изследвания и преподавания по българската история у нас и в чужбина“. В материалите на тези и подобни научни форуми нерядко се среща и името на Срезневски, вплетено в изследванията на български учени и на чуждестранните им колеги.

Обаче българското присъствие навън, както и външното тук, не е от конгрес на конгрес и от конференция на конференция – колегията си сътрудничи в периодични издания, обмена си писма с научна информация, участва в научноорганизационна дейност, български учени гостуват с лекции в университети, колежи, научни дружества, биват избирани за чуждестранни членове и сами избират своите колеги в българските научни институции, канят ги за четения. Възникват и чисто човешки приятелства, които насърчават и развитието на науката. То е практика и днес, онаследена от предосвободенското време, все още почти непроучена²⁸.

Това са малка част от фактите, които опровергават идеологическите глашатаи след 9 септември 1944 г. и наследниците им след 10 ноември 1989 г. в твърденията им на тема колко изолирана била българската наука от световната такава в съответния исторически отрязък от време.

6. Книжнина. Контекст и тенденции. Две са предпоставките, които предизвикват интереса на българските учени към И. И. Срезневски: тематиката в изследванията му и заслугите му към Българското възраждане. Да подчертая и едно разбиране, характерно и за България: никога наука не се развива затворена в националните си граници. Защото наистина първо се е родила науката, хилядолетия след нея – националната държава. Така, изследователите обичат да се занимават с историята на своята наука, макар специалистите историографи в България да се броят на пръсти и в днешните университети далеч не винаги четенията да се водят от тях. Но още създателите на Университета поставят на здрава основа изучаването на историята на славистиката, особено в нейния филологически дял.

С развитието на българската украинистика (специалност „Украинистика“ беше открита преди 15 години в Софийския университет, но тази част от света български учени изследват поне четвърти век подред, от Паисий насам) вероятно ще се очертае и следваща посока – интерес към историята на самата Украйна, много „българска земя“ от дълги векове насам. Днес добрите българо-украински политически и икономически отношения са благоприятната обща рамка, която насърчава общуването на учените и разработването на взаимноинтересуващата ги проблематика.

Както изглежда, докъм 1852 г. името на Срезневски и делата му не са кой знае колко познати на българите. Всъщност няма и къде особено да засвидетелстват в печатен вариант познанието си: до Кримската война (1853–1856) са излизали само списание „Любословие“ (1844–1846), вестник „Български орел“ (3 броя, 1846), проходил е „Цариградски вестник“ (1848–1862), кратък е и животът на сп. „Мирозрение“ (5 броя, 1850–1851) и сп. „Смесена китка“ (1852) на П. Р. Славейков. Нещо повече, пълен е захласът по Юрий Венелин и за университетската славистика в Русия почти не остава място.

Ситуацията се променя с появата на *Векът на българския цар Симеон* на Спиридон Палаузов и достигането ѝ до българските предели в Османската империя. По-късно името на Срезневски попада и на страниците на *възрожденския печат*, пак чрез статии

на ученика му В. Макушев (в сп. „Читалище“) и на почитателя му А. Хилфердинг (в сп. „Български книжици“). Така се очертава една тенденция: делата на големия учен да стават достойни на българите в Османската империя чрез някогашните му студенти и чрез колеги. Неколцина от редакторите и сътрудниците на двете списания са с доказано познание с Петербургския професор и/или поне с творчеството му: Д. Мутев, С. Палаузов, Ст. Изворски, З. Княжески, М. Дринов, или пък са от Одеския кръг, или са свързани с него, като училият в Киевската духовна академия Тодор Бурмов – първият министър-председател на свободна България. Пряката работа с възрожденския печат след Кримската война е възможно да уплътни картината на тази тенденция, наченала с младия Палаузов.

Твърде е възможно *Спиридон Палаузов* (1818–1872), човек отлично подготвен в Одеса, Бон, Мюнхен, Москва и Петербург, живеещ основно в Одеса, сиреч на украинска земя, да е познавал ранното творчество на учителя си много по-плътено, отколкото си представяме или отколкото е отразено в съчиненията му. Но има и едно документирано доказателство и то е в защитата, която цензорът С. Палаузов осигурява на Тарас Шевченко в официалното си писмо, в което изтъква приносите на Срезневски по темата „Украйна и украинците“ и подчертава, че нищо крамолно следователно няма и у Шевченко. Впрочем самият Срезневски също известно време е цензор и може би има заслуги за осигуряване на работно място на студента си Палаузов след защитата на магистърската теза.

Засега ще отбележа само оценката си, че с тази книга Палаузов решава веднъж и завинаги спорния в тогавашната наука въпрос за времето и пространството, в които живее и управлява цар Симеон. Той прилага и нов подход. Събира в едно двата Симеонови образа – на царя войн и на дееца и организатора на културата. Нов е подходът му и към литературното наследство на епохата – слива в един разказ авторските и анонимните български съчинения с всичките им известни тогава преписи (някои открити от Срезневски и от Палаузов) и така литературният живот на времето блясва с цялата си прелест, макар и открития тепърва да предстоят. В препратките си българинът се позовава на „Древние письменна славянские“ (1848) и заключава, че „не може да не се съгласим с мнението на И. И. Срезневски и да не стигнем до извода, че глаголическата писменост е явление от IX в.; но къде именно тя е получила началото си, – това изисква най-тънки изследвания и търсения“. Самият Палаузов вижда като родина на глаголицата България, откъдето тя се е разпространила и в Далмация и изобщо – движи се в посока Изток–Запад, а паметниците са допълнителен аргумент, че е била съставена с оглед на българския език. В творчеството си Палаузов често отправя поглед и към други изследвания на учения. Сред тях са „Святылища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям“ (1846), „Мысли об истории русского языка“ (1849), „Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков)“ (1863), „Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках“ (1866–1867), „Болгарская грамота XIII в.“ (1853) и др.

Ако днес Палаузов се възприема като първия български професионално подготвен историк, то е колкото основателно, толкова и заслуга на Людмила Ровнякова, която напомни за него (1972), толкова и на българските учени, начело с А. Бурмов, който първи в пряк текст постави въпроса, и то в статия за Марин Дринов, дали началото на модерната ни историопис не трябва да броим тъкмо от Палаузов, не от Дринов. Макар че както е видно например от възпителната лекция на П. Ников в Софийския университет (1920), дори тогава той е вече възприеман като нещо различно от времената от Паисий Хилендарски (1762) и на Романтизма, но все още и не може би от времената на Позитивизма или на „научно-критическото течение“ както му викат тогава. До 1972 г. най-подробният български разказ за Палаузов е може би на Мария Матеева²⁹.

100 годишнината (1972) от смъртта на Палаузов стана повод да се преиздадат част от съчиненията му върху Средновековието и Новото време, част от писмата му и да се направят множество изследвания върху жизнения му и творчески път. Така името и делата на учителя му Срезневски многократно се появяваха в българската печатна продукция

и ставаха все по-известни за българските историци, за широката четяща публика; със сигурност нови неща излязоха и за колегите-филолози. Така се уплътни онази тенденция, спомената в началото на тази част: Срезневски навлиза в науката на България чрез учениците си, начело с Палаузов. За жалост, след като излязоха двата тома, със съставители и редактори съответно Васил Гюзелев и Христо Коларов, а на втория М. Велева, научният шум затихна и се появи само два нови факта, и двата благодарение на немската българистка Хилде Фай. След запитване в Хайделберг се установи, че Палаузов не е следвал там; откри и дипломната му работа от Бон и я публикува³⁰.

В. Н. Златарски в първия български историографски курс (1897), след него П. Ников във встъпителната си лекция задават модела за историографски изследвания: в контекста на световната наука. Доста по-рано подходът се вижда и у И. Д. Шишманов в студията му, която открива Сборника за народни умотворения, наука и книжнина: „Значението и задачите на нашата етнография”. Този модел се следва и днес, а един от резултатите е във възложените и защитени дисертации по Българистика, в които Срезневски неизменно присъства. Но между смъртта на Палаузов, усърдията (на Златарски, Ников, Бурмов) да се развие Историография и в България и тези дисертации лежи цяло едно столетие.

Съвременникът на петербургския учен, *Марин Дринов* (1838–1906), освен да се реализира като комплексен изследовател в много по-висока степен отколкото разни обстоятелства са позволили на Палаузов, става и университетски професор, формира отлични представители на руската Славистика и създава една от най-трайните и до днес българо-руски и българо-украински научни връзки: Харков и България. Неслучайно В. Н. Златарски отбелязва, че той е от последните представители на комплексната славистика и подчертава: „...Дринов представя верен тип на стар славист в най-добър, широк и висок смисъл на тази дума, славист, който неуморно работи и работи в чисто историческа, филологическа, фолклорна и историко-литературна област. [...] Наистина е съвмещавал и съвместя в своята личност, в своята учена деятелност, енциклопедията на славяноведението“, макар на първо място да го занимават българите – с историята, езика и литературата си³¹.

Във връзка с темата за Срезневски тук ще посоча само част от творчеството на харковския му предшественик, на която той самият се позовава, и някои негови оценки. По познавателни и етични причини Марин Дринов се опира на проучванията на И. И. Срезневски винаги, когато са актуални за разработваната от него тема. Тук влизат изследванията на петербургския учен върху старите руски летописи (1862), „Древние памятники русского языка и письма...“ (1863, 1865, 1882) и „Древние славянские памятники юсого письма“ (1858). В статии и студии Дринов се опира още и на „Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках...“ (1867, 1871, 1874, 1875, 1876, 1879)³², в бъдеще една от обикнатите от нашите старобългаристи серии изследвания.

Чрез професионалиста Дринов се обогатява и допълнително очертава кръгът от съчинения на Срезневски, който ще продължи да вълнува българските учени в следващите десетилетия. Дали сами ги откриват, или тръгват от Дринов, е друг въпрос, но постоянен остава интересът към средновековните български паметници, издирени или само обявени, също и публикувани от Петербургския професор, както и уважението към неговия принос. Макар в името на науката, подобно на Дринов, да оспорват някои от вижданията му.

Не по-малко интересна в този план е встъпителната лекция на Дринов в Харковския университет с оценката, която дава за миналото на славистиката и за перспективите пред нея, както ги вижда, след като поема Катедрата на Срезневски и П. А. Лавровский. Най-често цитираният и днес пасаж от тази лекция (издадена напоследък и факсимилно по запазената чернова) гласи: „Позвольте мне, милостивые государи, начать с объяснения того внутреннего волнения, которое я испытываю, восходя на эту кафедру, и которое, без сомнения, вы прочли на моем лице, заметили и в голосе. Кафедра эта не новая, она имеет хотя и непродолжительную, но славную историю: с нее учили Срезневский и Лавровский – громкие имена в славянской науке. Сумею ли я хоть сколько-нибудь под-

държат доброе имя, снисканное этой кафедрой такими именитыми деятелями? Смогу ли я сколько-нибудь ответить на те ожидания, которые вы вправе возлагать на того, кто осмелился назваться их преемником. Я только одно могу обещать – это любовь к своему предмету и усердную готовность содействовать его процветанию⁴³³. Като изпреварвам събитията, позволявам си да цитирам отговора на един от следващите, стотина години по-късно, харковски слависти – проф. Георги Н. Попов: Дринов „не само достойно е поел предадената му щафета, но и съществено е увеличил славата на катедрата“⁴³⁴.

След години, по повод смъртта на колегата си и приятел В. Макушев, Дринов още веднъж ще оцени творчеството на Петербургския професор: „През последните шест-седем години се преселиха един след друг във вечността най-старите руски слависти О. М. Бодянки, В. И. Григорович, И. И. Срезневски, които немалко нещо са направили за привдигането на славянската наука, на която они ни бяха първите учители в руските университети... Чрез своите многобройни учени трудове и пътувания по словенските земи, както и чрез дълготрайната си професорска дейност, они немалко са спомогнали и за развитието на словенския свят изобщо, та и между българите“⁴³⁵.

Последните два цитата от текстове на Дринов маркират една бъдеща посока във възприемането на Срезневски от страна на българите. Сам Дринов е с пълното съзнание за отговорната си мисия, натежала от заслугите на предшествениците му в Харков. В бъдеще време и през целия XX в., та и сега, сред подтиците на българския интерес към Срезневски са свързаните с Харков, Дринов и изобщо с историята на славистиката и българистиката.

През 1875 г. излиза книгата на чешкия учен *Константин Иречек* (1852–1918), умно наречена *История на българите*, не на България (по негово време терминът „България“ би го ограничил само между Дунав и Стара планина). Чрез него в българските предели още веднъж се заговоря за Измаил Срезневски.

Когато пише труда си, Иречек едва е подминал 20 житейски лета и е далеч от да навърши 25 години. Винаги държа да подчертая, защото съм убедена, че съм права: на тази възраст, по-скоро под нея, имаш храбростта да напишеш историята на цял един народ от първите свидетелства за него до своето време, в случая – минало на 1500–600 години. С узряването – житейско и в науката – разбираш, че такова начинание не е по силите на един човек. Константин Иречек не загърбва българската проблематика дори след не особено благоприятния си опит с българите и България в следосвобожденската действителност и бурните политически страсти. Във Виена и Прага продължава да се грижи за българската научна младеж – самият Петър Ников (1884–1938) става доктор при него, под негово ръководство. Иречек не прекъсва и връзките си с българските си колеги и цял живот трупа поправки и добавки към младежката си книга. Българите го подозират, че се е отказал от тях и се е ориентирал към сръбската история, но дори това не го смущава. Но никога не прави ново издание на труда си. Всичко това излиза през 1929 г., след смъртта му, с превод на Андрей Диамандиев и Иван Раев по руското издание, компетентно редактирано от Васил Златарски. Сигурна съм, че е въпрос по-скоро на възраст и научна зрялост, отколкото на нарасналия обем на българистични дирения и постижения по континента и в самата България: храбростта е по-присъща на младостта, после разбираш, че си заплувал в непреплуваем океан от проблеми за миналото на един народ, за който се пише и говори повече от хилядолетие, и то през новата ера.

Ако тук споделям размислите си, то е и заради прекалено строгата оценка на младия Иречек за Срезневски, по-близък по възраст до дядо му Павел Шафарик, с когото са си близки и си сътрудничат, отколкото до внука Иречек. Да повторя: основателно захласнат по само с 14 години по-възрастния от себе си Марин Дринов, Иречек смята, че Шафарик, Палаузов и Срезневски имат важни приноси в изследването на българската история, но всъщност, особено за времето на цар Симеон, заслугите са фактически на Дринов. Иречек заедно с това е уважителен към откритията на Петербургския професор. И изрично подчертава, че Срезневски е „най-добрият познавач на славянската палеография“⁴³⁶.

Иречковите позовавания на творчеството му са в зависимост от разработваните теми, както подобава на модерния историк. Още в „История на българите“ той стига и няма как да не стигне до проблема за взаимоотношенията между глаголицата и кирилицата. Неясно защо обаче, акцентира на едно по-късно становище на Срезневски, отрицало и продължаващия диспут в славистиката по проблема. Иречек избира с основание мнението на дядо си, но изглежда не познава по-ранното гледище на Срезневски, цитирано и от Палаузов, изпреварило с няколко години виждането на Шафарик. Или пък, след разказ за руския прием на Шафариковото разбиране, е оставил Бодянски и Срезневски в добавката „и др.“. Важно в случая е да се отбележи на кои изследвания на Срезневски се позовава, защото четящите възрожденски българи владеят и немски, и чешки, и руски (трите езика, на които са най-ранните Иречкови издания), но на по-широк кръг естествено се радва преводът на български език. Така, през тези езици и чрез Иречек достигат до тукашната публика още веднъж заглавия на изследвания на Срезневски. Иречковите посочки са за: „Древние глаголические памятники“ (1866), „Савина книга по изданието за паметниците с юсово писмо“ (1868), публикации в „Журнал Министерства народного просвещения“ (1841), включващи 33 старобългарски паметника и Райградския манастир в Моравия, „Древние памятники русского письма и языка...“ (1863).

Само ще напомня, че Иречковата история ляга в основата на много възрожденски и на първите български следосвобожденски учебници, които служат на българското училище и по-късно. Не е важно, че в тях името на Срезневски може и да липсва – важно е, че хората, които ги съставят, научават за този учен, участвал в изграждането на облика на европейската славистика през XIX в. И не един и двама поемат пътя на историята, вдъхновени от Иречек – Златарски е само един от най-известните. Но по същата пътечка тръгват към науката „История“ и наши млади съвременници.

Остава да добавя един безсмислен според мен спор, развихрил се през последната трета на XIX в.: на коя национална наука принадлежат хора като Палаузов, Дринов, и потих – за Иречек. Още тогава, в края на 70-те, едва узнала за спора и за аргументите му – повечето несериозни – изработих своето становище. И то е, че когато един човек създава блага за две науки, нямаме право да го затваряме в тесните национални граници. Науката наистина не е откритие на националните държави и да запишем Палаузов и Дринов само за руската или само за българската наука означава да зачеркнем една важна част от творчеството и научноорганизационната им дейност. Даже не повдигам въпроса за това, че бихме им отнели правото на местожителство, което така или иначе са си избрали, и правото на българско самосъзнание, многократно доказано с делата им. Но не може и да ги приемем само като български учени, щом самите те активно участват в процеса на формиране и развитие на руската българистика и европейската славистика. Прочие, този безсмислен спор издава една много висока оценка за делата им: никой не ще пожелае да запише в историята на националната си наука нескопосан и недоучен „учен“.

Благодарение на Палаузов, Дринов, отчасти на Раковски и Иречек, се оформя един кръг от изследвания на Срезневски, които и до днес трайно присъстват в българската хуманитаристика. Това е следващата тенденция, която на този етап съм успяла да проследя.

Трета тенденция, която най-рано съзирам у И. Шишманов (1894), е усвояването на Срезневски, по-точно на *Очерка* му, за новобългарската печатна книга, чрез чешката версия (писмото до Ханка, издадено 1847 г.), която за жалост не познавам *de visu*. После ще видим този подход при Боян Пенев, Емил Георгиев, дори при историка на българската журналистика Георги Боршуков, който е узнал за нея, благодарение на покойния днес колега Илия Конев, но не и за руската. Във всички тези случаи позоваването е провокирано от изследванията на авторите за Константин Фотинов, а Е. Георгиев представя *Очерка* доста по-разгърнато и в контекста на българо-чешките връзки. От издадените лекции на Боян Пенев се вижда, че веднага след чешките учени е възнамерявал да направи лекция за руските слависти и българисти, специално и за Срезневски, но тя не е публикувана или не е запазена. Възможно е да не се е и състояла, но едва ли: макар да е специализиран в западните славяни (той създава полската филология в България, също

и Българо-полското дружество, чете курс по българска литература от Средновековието до своето време, също издаден), много добре познава явленията в Руската империя, историята на славистиката и обича да оглежда целия славянски свят. В чешки контекст се докосва до Срезневски и Б. Йоцов.

Съществено разширяване на изворовата база, в случая – опознаване на творчеството на Срезневски – настъпва със създаването на Университета и най-вече чрез изследванията и лекционния курс на *Беню Цонев* (1863–1926), първият том от който е готов за печат дълго преди Първата световна война, но вижда бял свят едва през 1919 г., а работата е наченала още в края на XIX в. Вторият и третият ще излязат посмъртно (1940), подготвени от асистента му Кирил Мирчев, който и коригира някои неточности.

Тъкмо в първия том личи почеркът на учения по темата: преди да представи историята на българския език, прави преглед на изследванията на предшествениците си. При показването и обяснението пък на изворите за историята на българския език, върху които гради повествованието си, прецизно отбелязва откривател, изследовател, оценки и пр. Коего обяснява защо в този том е отделено толкова много място и за творчеството на Петербургския професор. Подробно са коментирани възгледите на Срезневски върху глаголицата, кирилицата и взаимодействието между тях, за езика, за който са предназначени, за различните редакции на старобългарския език, за вариантите на глаголицата и пр.

С този подход Б. Цонев въвежда в българската наука дирения на предшественика си върху *Михановичевия апостол*, *Житието на св. Текла*, *Мирославовото евангелие*, *Вълкановото (Симеоновото) евангелие*, *Зографското евангелие*, *Клоцовия сборник*, *Мариинското евангелие*, *Синайския требник*, *Асеманиевото евангелие*, *Македонския лист*, *Охридското евангелие* – все най-стари глаголически паметници, а също и най-старите известни през XIX в. кирилски паметници като *Савината книга* (открита от самия Срезневски), *Супрасълския сборник*, *Слуцкия псалтир*, *Хилендарските листи*, *Ундолските листи* и *Македонския лист*. В представянето следват среднобългарските паметници от XII и XIV в. отново с отчитане на конкретните приноси на И. И. Срезневски – *Григоровичев паримейник*, *Болонски псалтир*, *Погодински псалтир*, *Слепченски апостол*, *Охридски апостол*, *Гърновско евангелие* от 1273 г., *Струмишки апостол*, *Хлудов паримейник*, *Зографски трифологий*, със служба за Кирил и Методий; най-сетне и *Аджарският дамаскин* от 1686 г. Беше наложително да ги изброя, защото през следващите десетилетия и до днес те представят основния кръг от паметници, при изследването на които българските учени съобщават приносите на Срезневски или поне препращат към труда на Б. Цонев. Българският езиковед обявява около 20 паметника, открити, съобщени, обнародвани от Петербургския професор, излезли от 1848 г. нататък, някои и посмъртно, а в същото време залага един от основните принципи на българското езикознание и в тази посока – история на науката.

Този подход на Б. Цонев се оформя като тенденция и се запазва и при следовниците, чак до наши дни, и обуславя честата поява на Срезневски в изследванията на българските филолози. Приятната особеност е, че всяко следващо поколение съумява да разшири обсега на българистичната проблематика от изследванията на И. Срезневски, т.е. да опознае – с днешна дата – практически всички.

Десетина години по-млад от Б. Цонев и негов ученик е многозаслужилият за науката, преподаването и популяризацията *Йордан Иванов* (1870–1947). Възпитаник е на втория випуск на Висшето училище в София (дн. Софийски университет) и учи още при А. Теодоров-Балан, Л. Милетич и при Иван Шишманов. Тези негови учители са и отлични учени, в творчеството на които Срезневски също присъства достатъчно активно. Интересното е, че макар да са предимно езиковеди, отчасти старобългаристи – с изключение на Шишманов – те успяват да създадат у Й. Иванов вкус към комплексното изследване на проблемите, такъв, какъвто е в разбирането за славистика/българистика по времето, когато самите те са още деца. Огромното му по обем творчество е и богато на идеи, приноси във всички възможни сфери, както ги определя историографията, и един от символите за дълголетие на българската наука. Негов възпитаник, след това

и асистент, е добре познатият Петър Динев (1910–1992). На два пъти Й. Иванов, за когото асистентът му казва, че е преброял маса архиви „от Русия до Испания“, жертва университетската си кариера: веднъж работи в Търговското агентство в Солун, втори път тръгва във войните със Седма рилска дивизия. Все с една и съща цел: да обикаля из Македония (роден е в Кюстендил, където завършва педагогическо училище), кога легално, кога с подкрепата на армията, за да издирва оцелели български старини.

Така се ражда значителна част от творчеството му, от която тук ще спомена настолната книга и на съвременните български изследователи *Български старини от Македония* (1908, 1931– допълнено, фототипно 1970) и изданието на Зографската чернова на *История славянобългарска* от Паисий Хилендарски. Й. Иванов е лично познат с мнозина от славистите на своето време, с някои – като с П. Лавров, работи и заедно на Света гора. До творчеството на И. Срезневски освен от обща професионална култура, почерпана в Университета, и по-късно той се докосва във връзка с проучванията си на старобългарските и среднобългарските паметници, включително във връзка с откритите от него още глаголически листи в архива на Рилския манастир.

Винаги, когато има смисъл, Й. Иванов, в стила на учителите си, се позовава на Срезневски по повод на паметниците, с които работи, особено в манастирите на Света гора. Но самите позовавания свидетелстват, че той много добре познава изследванията му, свързани със средновековната българска литература. В *Български старини из Македония* бележките включват повече от десет публикации, появява се името на Константин Петкович и изследването му за Атонските древности, провокирано до голяма степен и от Срезневски, както и Палаузовият *Век болгарского царя Симеона*. Самият Срезневски, макар да са посочени отделни негови грешки, е оценен като „бележит руски славист“, който има впечатляващи постижения в проучването на паметници от Атон, макар да не е посещавал никога това свято за християните, особено за източноправославните, място. Освен в останалите случаи Й. Иванов особено подчертава заслугите на Срезневски по издирване и изучаване на *За буквите* на Черноризец Храбър и най-много по изнамиране, изследване и публикуване на съчинението на Климент Охридски *Похвално слово за Кирил Философ*. Така и чрез Й. Иванов се утвърждава тенденцията Срезневски да бива оглеждан като изследователя с многобройни приноси в откриването, опазването, обнародването и изследването на български средновековни паметници – основна посока и досега, стане ли дума за старата българска книжнина, проблем, разработван най-вече от филолозите ни и до днес.

По-различен е *Иван Шишманов* (1866–1928). Научната му програма от ранна младост е да се види какво българите са взимали от други народи и какво са внесли в световната културна съкровищница. По друг начин изразено, той е българинът, който поставя въпроса за културните взаимовлияния. А това е задача, за чието изпълнение един живот не стига, не стигат и много животи. Докато чете лекции по сравнителна история на западноевропейските литератури, той прави многобройните си приноси изследвания по история на Българското възраждане, сравнява процесите тук със западноевропейския Ренесанс. Воден пък от споменатата си програма, стига и до историята на славистиката и българистиката. Не че съвсем не го занимава Средновековието, но от хронологическа гледна точка предпочитанията му са към времената от XV в. насам. Така – заради Възраждането и славистиката и българистиката през XIX в., се появяват наблюденията му, съпроводени и от въвеждане на нови извори за В. Григорович, дневника на когото открива и публикува, за контактите на Юрий Венелин и Павел Шафарик с българите и множество още; изглежда, че и първи узнава за *Очерка* на Срезневски върху новобългарската печатна книга, както стана дума.

Важно е в случая да се подчертае, че с Шишманов фактически начева тенденцията, стремежът Петербургският професор да бъде видян като човек, живял през второто българско възрожденско столетие и общувал с българите. Още – да бъде видян Срезневски в кръга на съвременните си руски и задгранични (извън Руската империя) слависти и българисти. Двете посоки дават отлични плодове през целия XX в., а осмислянето им продължава и днес. Само няколко имена ще спомена от тази тенденция, а част от про-

изведенията им е посочена в Приложение № 1. Имам предвид например Павел Орешков, Стоян Романски, а от нашите съвременници – най-вече Лиляна Минкова, русистка по образование и със защитена дисертация върху историята на украинската литература през XIX в. В България синът на Срезневски публикува материали от архива на професора – кореспонденцията с Григорович, която има отношение към българите. Кога българските учени са се свързали с Всеволод засега (да подчертая пак) ми е трудно да кажа, но не по-късно от годините преди Първата световна война, както се вижда от някои писма и един доклад на Йордан Иванов.

Още един шрих – епохата на Възраждането дълги десетилетия се изучава интензивно по-скоро от учени с базово образование филология, макар и историците да са активни. При трима ярки медиевисти обаче (Златарски, Мутафчиев, Ников) трудно е да се посочи поне един историк, университетски преподавател, който да е специалист тъкмо върху XVIII–XIX в. от родната история. Това положение се запазва почти до края на Втората световна война.

Доста се задълбочава разделението вътре в хуманитаристиката още към края на XIX в. и особено през XX. Както изглежда, към езиковедите и историците трябва да се добавят фолклористите начело с Михаил Арnaudов и с продължение П. Динеков, Цветана Романска, Донка Петканова и още неколцина. Така стават достояние на българската наука още съчинения на Срезневски, които, веднъж усвоени, продължават живота си в българската наука. В рамките на филологията дълго време се развива етнографията, а хората, които я работят в този план, не подминават фолклора. Има този подход и при днешните старобългаристи – докато изследват литературните явления, да не пренебрегват апокрифите и фолклора, а напротив, да търсят паралели и в тях. Впрочем с годините Срезневски все повече се насочва към ръкописите и към езика, а като не може да стигне до българите в българското землище, принудително изоставя етнографията и фолклористиката и се докосва до тях „само“ чрез съхраняване на готови текстове, тежки за издаване и речензии, и до популяризирането им в научната общност. С развитието пък на българската русистика и старобългаристиката, на различните дялове на езикознанието все по-засилено е българското научно внимание към приносите на Срезневски в речникотворчеството.

Още една тенденция се набелязва може би на границата на XIX и XX в., но не ми е под ръка първата българска *енциклопедия* на Лука Касъров, за да кажа доколко го има там Срезневски. В следващата, много добра, на братя Данчови, статия за него няма, но пък името му се среща например по повод на *Савина книга*. Както изглежда, за първи път самостоятелна статия „Срезневски И. И.“ е включена в петтомната *Кратка българска енциклопедия* (т. 4, 1967) – първата многотомна и първата, съставена от колектив. Авторът не е посочен, но доколкото в редколегията са езиковедът Владимир Георгиев и литераторите П. Динеков, Г. Цанев и Ст. Королев, много е възможно да е писана от първия. Освен стандартни биографични данни в кратката статия са посочени няколко съчинения (от 1849 г. до посмъртни). Очертани са няколко области на диренията му, с акцент върху езикознанието, диалектологията, руския език, славянската палеография, старобългарския език, и е приведена оценката, че „има заслуги за проучването на важни паметници на старобългарската книжнина“. Най-важното е, че присъствието на отделна статия за големия учен отук нататък става практика в общите и в специализираните енциклопедии.

Постепенно името и творчеството на Срезневски влизат и в специализираните речници от енциклопедичен тип – общи и тематични, и появата им зависи от творческата програма на съставителите. Освен в специален термин Срезневски бива отбелязван във връзка с приносите си за откриване, обявяване, изследване на конкретни старобългарски паметници. Както – пак благодарение на филолозите – влиза и маркирано или многократно споменавано във връзка със старобългарските паметници в поредици с извори за българската литература от Средновековието до наши дни. Представителни в това отношение са посочените в Приложение № 1 произведения.

Въпреки по-скромните като количествено изяви на *историците*, с удоволствие отбелязвам няколко факта. С напредъка на историографията, през 70-те години бяха за-

шитени две дисертации по българистика (Димитър Цанев, София, 1975; Е. Дроснева, Ленинград, 1980), в които Срезневски е сред „главните герои“. Материалите им са публикувани в издания в България и Русия, а могат да се видят и в двете книги на Д. Цанев. Така и историците, следвайки подхода на Златарски, Ников и Бурмов, се вписаха в кръга на изследователите, които разглеждат творчеството на Срезневски в контекста на развитието на славистиката и българистиката; следвайки и призова на Шишманов – в контекста на европейските културни взаимодействия през XIX в.

Но нека признаем – времето беше твърде благоприятно покрай разширяващите се българо-съветските научни връзки и най-вече поради утвърждаването на *българистиката* като отделна наука, а в общественopolитическия живот – във връзка с 1300-годишнината на българската държава. Тогава като пример беше създаден Центърът по българистика, Катедрата по Кирилометодиевистика в Софийския университет, Кирило-Методиевският научен център при БАН, готвеше се и започна да излиза многотомната *История на България*, та българските учени бяха щастливи да се срещат по-честичко със задграничните си колеги по научни форуми, да работят в задгранични архиви и пр. Така насърчени, възлагахме с М. Велева и дипломни работи, частично споменати вече и отразени в Приложението, с отношение и към славистиката и българистиката. Като част и от тези процеси се появи силната монография на Л. Минкова за О. М. Бодянский и многобройни нейни талантиливи статии, частично обединени наскоро в една от книгите ѝ, а през 2012 г. излезе и книгата ѝ за З. Княжески, над жизнения и творчески път на когото от десетилетия работи, и която книга е предшествана от доста статии на авторката.

Но както по-горе споменах, „не всичко е розово“. През 1980-те години се появиха две претенциозни книги на един и същ автор (Димитър Райков), първата от които е вписана като бележки към основния текст във втората, пък и съдържа множество грешки, не само в раздела за Срезневски, частично оправени във втората. Ала, както се кава, това са „бели кахъри“. По лошото е, че още първата силно мирише на плагиатство на идеи – от замисля до конкретните изпълнения, демонстрира неуважение към предшествениците. (Спомням си, че особено се засегнах от отношението към колегите ми и вече приятели Д. Цанев и Л. Минкова, още тогава утвърдени имена в науката, та никак не се трогнах от вписаните в текста мои и отново без позоваване изводи за формирането на руската българистика, заети, вероятно от автореферата ми – едва бях защитила дисертацията си, едва прождах значи в българистиката. Дали да съжалявам, че не събрах психически сили културно да напиша рецензия? Едва ли – изприказвах се по коридори, университетски конференции и упражнения със студентите. Пък и бях забелязала автора в сп. „Журналист“ със статията му за Константин Зеленецки, единствена в България и до днес и май единствена авторска в книгите му.) Следващата му книга, за Юрий Венелин, бях така любезна да не изчета, но винаги предупреждавам студентите да не си губят времето с нея. Все пак, нямаме как да не включим и Д. Райков в този преглед – книгите ги има, някой сигурно все още ги помни и чете, а тъй или иначе и те са факт към темата за Срезневски и българите.

Трябва да отбележа, че книгите на този човек изобщо не са представителни за *научната популяризация* на българистиката по онова време. Като пример, отлични статии написа, най-вече във в. „Пулс“, Илия Пехливанов. Появява се и до днес с качествените си материали в различни наши вестници. Много приятна е и книгата на историка Христо Йонков, най-добрия познавач и на фотографските ни извори, особено от Възраждането.

Ако трябва да *обобща*, не намирам вид печатно издание, което да е подминало Срезневски. Колкото до контекста, той включва времево Средновековие и Възраждане, възрожденците, с които доказано или възможно е общувал, средновековните български писмени паметници също, и е обект на внимание от няколко хуманитарни науки, частично представени в тези страници. Два крайни случая силно ме впечатляват: когато стане дума за *Савина книга*, почти няма подминаване на заслугата на Срезневски за откриването, съобщаването и изследването ѝ и с посочки към допуснати грешки при разчитането ѝ. Когато обаче става дума за старобългарските преписи на *Хрониката* на Георги Амартол, не съм попадала на материал, в който приносят му да е отчетен, макар двата варианта на изследванията му да са отлично познати на българските учени. Най-

после и за тенденциите. Определящата е, че шом български учен стигне до някое нужно нему изследване на Срезневски или до шрих от житейския му път и от общуванията му с българите, веднага след обнародването му фактът трайно влиза в българската наука и нататък изпуснат не бива. Няма да обобщавам следващите тенденции, обичайни за една наука, която що-годе нормално се развива: разширяване на изворовата база, на аспектите на проучвания, публикуване на резултатите от изследванията, добросъвестна подготовка на специалисти от следващите поколения. Но още нещо си заслужава изтъкването: къде от традицията, къде с влиянието и на Срезневски, българите се заемат още в края на XIX в. с изработване на описи на новобългарската печатна книга (Балан, Никола Начов, покъсно руският професор емигрант в България В. Погорелов) и на ръкописите в българските архивохранилища, първо славянските, после и гръцките и османските (Б. Цонев, Евтим Спространов, Хр. Кодов, К. Куев, М. Стоянов), да не говорим за издаването на паметниците. Истината е, че освен университетски преподаватели, едновременно членове на БАН, в това начинание по обработване на оцелелите паметници рано-рано се включват и културни дейци като Н. Начов, учители като историка академик Юрдан Трифонов, библиотечни работници като Ст. Аргиров, М. Стоянов, да не говорим за днешната Археологическа комисия и множеството отлични старобългаристи.

Както се вижда от Приложение № 1, заслугите по избраната от мен тема не са само на българските учени, а и на *чуждестранни колеги*. Донякъде са обозрими преводните и на оригинален език, но издадени в България техни творби. Списъкът на имената би бил твърде дълъг, затова и съм посочила само сборниците от научни форуми, както и монографиите. Донякъде обозрими, но от много учени, са *книжовните сбирки* на националните, местните и музейните библиотеки, периодиката (своя и чуждестранна), толкова повече, че имаме много и добри специализирани библиографии (вкл. по чуждестранна българистика, на и за дейци на Българското възраждане и пр.), речници, справочници... И практически необозрими са личните библиотеки на български учени, живели и творили след Втората световна война и натрупали – освен всичко друго – впечатляващо количество издания, осъществени извън България, с или без българско участие, които хората са си осигурявали при пътувания (свои и на колеги – българи и небългари) и по линия на приятелства и пр. научни сътрудничества. Да отворяя дума за *личните им архиви* даже не смея. Всичко това, дори когато мисля само по темата за усвояване на Срезневски в България през последните 170 г., но пък като знам как се правеха доскоро, в известен смисъл и сега, енциклопедичните издания, като отчитам и прежния си опит в работата с тях, имам всички основания да твърдя: този тип издания показват в едър план пътищата на разработване, с всички сполуки и несполуки на която и да е тема в една национална наука.

7. Думи за хората на създанието (вместо заключение). Както обях в началото, споделеното в тази студия има характер на предварителни наблюдения. Ще ги разширя ли – зависи от отреденото ми житейско време. Но и сега съм категорична: СРЕЩАТА на българите със Срезневски и на Срезневски с българите СЕ Е СЪСТОЯЛА! И като факт от реалността, нямало е начин един ден науката да не започне да я осмисля. Срещата е осъществена от хора на създанието. От хора на създанието е осъществено и включването и поддържането ѝ в науката. Повечето от споменаваните дотук и от включените в Приложението си заслужават монографичното проучване, разбира се не само в контекста, избран в тази студия. За едни вече има монографии, или поне статии и студии, други чакат своето научно време. И ако науката ни, на инат дори, продължи да се развива качествено – със сигурност имат историографско бъдеще. Колкото до мен, само маркирах част от имената и постиженията, а с желание да намала обема спестих и доста от научния си апарат. И аз мечтая за бъдещо продължение, не само покрай тримата връстници (Срезневски и българите Иван Добровски и Иларион Макариополски, които не се знаят лично с Харковския/Петербургския професор, но пък той се отзовава за някои от книжовните им трудове) и не само във връзка с кръгли годишнини.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

БЪЛГАРСКА И ИЗДАДЕНА В БЪЛГАРИЯ КНИЖНИНА С ОЦЕНКИ И ПОЗОВАВАНИЯ ЗА СРЕЗНЕВСКИ

Този списък включва част от известната ми литература, писана от българи или издавана в България, в която по различни поводи се среща името на И. И. Срезневски. Добавени са и някои съветски издания, добре познати в България. Всички заглавия са прегледани *de visu*. Статиите са разписани само, ако са в списания. Сборниците от международни научни форуми са дадени с общо заглавие с надеждата, а по-точно с увереността, че ще заинтересуват славистите не само във връзка с Измаил Срезневски. Дипломните работи са в личния ми архив и у авторите си. Екземпляри на дисертациите се съхраняват в Националната библиотека „Св. св. Кирил и Методий“.

І. Студии, статии, монографии, дисертации, сборници

- Ангелов Б. Ст.* Из историята на старата българска и възрожденска литература. С., 1977.
Ангелов Б. Ст. Из старата българска, руска и сръбска литература. Т. 2–3. С., 1967–1978.
Ангелов Б. Ст. Старобългарско книжовно наследство. С., 1983.
Ангушева-Тиханова А. Гадателните книги в старобългарската литература. С., 1996.
Априлов В. Съчинения. С., 1968.
Арнаулов М. В. Априлов. Събрани съчинения. С очерк за живота и дейността на Априлова. С., 1940.
Арнаулов М. Очерци по български фолклор. Т.1–2. 3. изд. С., 1996.
Атанасов П. Българо-руски литературни връзки през XVII и XVIII в. С., 1986.
Българо-немски литературни и културни взаимоотношения през XVIII и XIX в. С., 1985.
Българо-руски и българо-съветски връзки през вековете. Приморско, септември 1983 г. Ч. 2. С., 1984.
България в света от древността до наши дни. Т. 1. С., 1979.
Вакарелски Хр. Етнография на България. 2. изд. С., 1977.
Валева Е., Е. Дроснева Историографски четения в Института по славяноведение и балканистика при Академията на науките на СССР. – Исторически преглед, 1980, № 4, 93–96. [включително за четенията през 1980 г. послучай 100-годишнината от смъртта на И. И. Срезневски].
Веда Словена. Т. 1–2. С., 1997.
Велева М. Романтизмът в българската историография през Възраждането. – В: Международен симпозиум „Университетски изследвания и преподавания по българската история у нас и в чужбина“, Смолян – 1984. Т. 2, ч. 4. Смолян, 1988, с. 5–29.
Втори международен конгрес по българистика. Доклади. Старобългарска литература. Литература на българското Възраждане. Т. 11. С., 1987.
Генчев Н. Българо-руски културни общувания през Възраждането. 2. изд. С., 2002.
Генчев Н. Научни трудове. Т. 1. 1961–1972. С., 2003.
Генчев Ст. Захари Княжески и студията му за семейните обичаи на българите. – Векове, 1976, № 6, с. 70–73.
Георгиев Е. Литература на изострени борби в средновековна България. С., 1966.
Георгиев Е. Основи на славистиката и българистиката. С., 1979.
Горина Л. В. Болгарский хронограф и его судьба на Руси. С., 2005.
Горина Л. В. Профессор Марин Дринов – основоположник болгарского академического славяноведения. С., 2009.
Гюзелев В. Апология на Средновековието. С., 2004.
Данова Н. Константин Георгиев Фотинов в културното и идейно политическо развитие на Балканите през XIX в. С., 1994.
Данова Н. Иван Добровски в перспективата на българския деветнайсети век. С., 2008.
Диневков П. Между фолклора и литературата. С., 1978.
Дринов М. Избрани съчинения. Т. 1–2. С., 1971.
Дроснева Е. Болгарские сюжеты в раннем творчестве И. И. Срезневского. – *Etudes Historiques*, 11. Sofia, 1983, 113–127.

- Златарски В. Н.* Избрани произведения. Т. 2. С., 1984.
- Иванов Й.* Български старини из Македония (2. доп. изд.). С., 1931.
- Иванов Й.* Избрани произведения. Т. 1. С., 1982.
- Иванов Й.* Българите в Македония (3. изд., фотот.). С., 1986.
- Изследвания в чест на Марин Дринов. С., 1960.
- Йонков Х.* Приятели на България. Т. 1. С., 1971.
- Йоцов Б.* Йозеф Добровски и нашето Възраждане. – Българска историческа библиотека, 1930, № 1, с. 154–189.
- Пречек К.* История на българите. С поправки и добавки от самия автор. 2. изд. С., 1978.
- История и историография. Сборник в чест на проф. д-р Мария Велева. С., 2008.
- История на българската средновековна литература. Съст. Анисава Милтенова. С., 2008.
- Каймакамова М.* Българска средновековна историопис. С., 1990.
- Калоева И. А.* Изучение южных славян в России во второй четверти XIX в. – Изв. на Народната библиотека „Кирил и Методий“, 9, 1969, с. 3–37.
- Конев И.* Въпроси на българската възрожденска литература в руската славистика до 60-те години на миналия век. – Славянска филология, 13, 1973, с. 313–323.
- Конев И.* Васил Априлов и българо-руските културни взаимоотношения. – Исторически преглед, 1974, № 2, с. 69–77.
- Константинов Г.* Нова българска литература. Епоха на Възраждането. Паисий Хиелендарски до Иван Вазов. 2. изд. С., 1947.
- Кувев К.* Съдбата на старобългарските ръкописи през вековете. С., 1979 (2. изд. 1986).
- Кувев К.* Черноризец Храбър. С., 1967.
- Леков Д.* Българска възрожденска литература. Проблеми, жанрове, творци. Т. 1. С., 1988.
- Марин Дринов. Материали от българо-съветска научна конференция „150 години от рождението на Марин Дринов“ и „110 години Народна библиотека „Кирил и Методий“, ноември 1988 г. С., 1989.
- Минкова Л.* Български възрожденци в Русия. С, 2005.
- Минкова Л.* Възрожденският просветител Захари Княжески. – Литературна мисъл, 1974, № 3, с. 125–134.
- Минкова Л.* Захари Княжески – един от първите. С. [2012.]
- Минкова Л.* Непознатият Константин Петкович? – Български език и литература, 2009, № 3.
- Минкова Л.* Осип Максимович Бодянски и българското Възраждане. С., 1978.
- Минкова Л.* Петр Иванович Прейс – первый болгарист Петербургского университета. – Etudes Historiques, 8, 1978, с. 75–86.
- Минкова Л., Л. Антонова-Василева.* Ръкопис на Константин Миладинов в архива на Измаил Срезневски. С., 2008.
- Мутафчиев П.* Избрани произведения. Т. 1–2. С., 1973.
- Никулина М. В., Ст. Великов.* Към историята на руско-българските културни връзки през Възраждането. Писма на Николай Христов Палаузов и Спиридон Николаев Палаузов до Михаил П. Погодин и Виктор И. Григорович. – Известия на държавните архиви, 27, 1974, с. 101–139.
- Орешков П.* Априлов и Срезневски 1831–1847. – Български преглед, 1929, № 2, с. 203–229.
- Палаузов С. Н.* Избрани трудове. Т. 1–2. С., 1974–1977.
- Пенев Б.* История на новата българска литература. Т. 1–4. С., 1977–1978.
- Петканова-Тотева Д.* Дамаскините в българската литература. С., 1964.
- Петканова Д.* Разноликото Средновековие (отразено в литературата). С., 2006.
- Първи международен конгрес по българистика. Доклади. История и съвременно състояние на Българистиката. Т. 1–2. С., 1982.
- Радова Р.* Интелигенцията и нравствеността през Възраждането (XVIII–първата половина на XIX век). С., 1996.
- Райков Д.* Българите и България в старата руска книжнина. С., 1983.
- Райков Д.* Българите и България в чуждестранната кижнина. С., 1989.
- Раковски Г. С.* Съчинения в четири тома. Т. 3. Историография. Съст. и ред. В. Трайков. С., 1984.

Романски С. Български въпроси в преписката на И. Срезневски с В. И. Григорович. – СпБАН, 54, 1937, с. 95–176.

Сборник в чест на професор Ив. Д. Шишманов по случай на трисет годишната му научна дейност (1889–1919). Издаден от почитателите му. С., 1920.

Советская болгаристика. Итоги и перспективы. Материалы конференции, посвященной 1300-летию болгарского государства. М., 1983.

Срезневский В. И. Переписка И. И. Срезневского с В. И. Григоровичем. – СпБАН, 54, 1937, с. 1–94.

Старобългарска литература. Т. 2: Българо-руски литературни връзки през Средновековието. С., 1977.

Стоянов М. Руската книга в България до Освобождението. – Изв. на Държавната библиотека „Васил Коларов“ за 1953 г. Юбилеен сборник. С., 1955, с. 193–219.

Хиляда и сто години от смъртта на св. Наум Охридски. С., 1993.

Цанев Д. За българите. С., 1981.

Цанев Д. Българската историческа книжнина през Възраждането (XVIII–XIX в.). С., 1989.

Цонев Б. История на българския език. Т. 1. 3. изд. (фотот.). С., 1984.

Шишманов И. Д. Избрани съчинения. Т.1–3. С., 1965–1971.

Шишманов И. Д. Константин Г. Фотинов, неговият живот и неговата дейност. – Сборник за народни умитворения, наука и книжнина, 11, 1894, с. 591–763.

II. Енциклопедии, справочници, речници, библиографии

Ангелова А., Л. Петкова. Колекция „Славика“. Редки и ценни издания по славистика от библиотеката на Софийския университет (1519–1922). С., 2005.

България в руската дореволюционна литература. Библиографски указател. Т. 1. С., 1981.

Българска книга. Енциклопедия. С., 2004.

Гечева Кр. Българската култура през Възраждането. Библиография. Българска и чужда книжнина 1878–1983. С., 1986.

Голяма енциклопедия „България“. Т. 11. С., 2012.

Данчов Н. Г., И. Г. Данчов Българска енциклопедия. С., 1936.

Енциклопедия „България“. Т. 6. С., 1988.

Енциклопедия „Българска възрожденска интелигенция. Учители, свещеници, монаси, висши духовници, художници, лекари, аптекари, писатели, издатели, книжари, търговци, военни“... С., 1988.

Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 1–4. С., 1985–2003.

Кой кой е сред българите. XV–XIX в. С., 2003.

Костадинова Л., В. Флорова, Б. Димитрова. Българо-руски научни връзки през XIX–XX в. Писма и документи. С., 1968.

Кратка българска енциклопедия. Т. 4. С., 1967.

Марин Дринов 1838–1906. Биобиблиографски указател. С., 1990.

Речник на българската литература. Т. 1–3. С., 1976–1982.

Старобългарска литература. Енциклопедичен речник. С., 1992 (2. изд. С., 2003).

Стоянов М. Българска възрожденска книжнина. Т. 1. С., 1957.

Христова Б., Д. Караджова, Е. Узунова. Бележки на български книжовници X–XVIII в. Т. 1–2. С., 2003–2004.

Чолов П. Български историци. Биографично-библиографски справочник. С., 1981 (2 изд. 1999; 3 изд. 2010).

III. Сборници с извори, христоматии, университетски учебници и програми, албуми, каталози, описи

Българска ръкописна книга X–XVIII в. Каталог. Изложба. С., 1976.

Велева М. Програма по българска историография. С., [1978–1979] (2. изд. 1985).

Диневков П. Български фолклор. Т. 1. 4. изд. С., 1990.

Диневков П., К. Кувев, Д. Петканова. Христоматия по старобългарска литература. 3 изд. С., 1974.

- Джурова А.* 1000 години българска ръкописна книга. Орнамент и миниатюра. С., 1981.
- Дуйчев И.* Стара българска книжнина. Избрани четива. Т. 1–2. С., 1940–1944.
- Кодов Хр., Б. Райков, Ст. Кожухаров.* Опис на славянските ръкописи в Света гора. Т. 1. С., 1985.
- Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. 3. изд. С., 1978.
- Петканова Д.* Народното четиво през XVI–XVIII век. С., 1990.
- Петканова Д.* Старобългарска литература. Т. 1–2. С., 1986–1987.
- Стара българска литература. Т. 1–5. С., 1982–1992.
- Стоянов Ст., М. Янакиев.* Старобългарски език. Текстове и речник. 2. изд. С., 1972.
- Специалност „История“. Справочник за 1999 г. Софийски университет „Св. Климент Охридски“, Исторически факултет. С., 1999.

IV. Защитени дисертации от историци

- Дроснева Е.* Становление русской болгаристики (до середины XIX в.). Дисс. ... канд. истор. наук. Л., 1980. 243 с., машинопись.
- Дроснева Е.* Становление русской болгаристики (до середины XIX в.). Автореферат дисс... канд. истор. наук. Л., 1980. 20 с.
- Цанев Д.* Българската историческа книжнина през първата половина на XIX в. Дис... канд. на истор. науки. С., 1977. 407 с., машинопис.
- Цанев Д.* Българската историческа книжнина през първата половина на XIX в. Автореферат на дис... канд. на истор. науки. С., 1977. 23 с.

V. Дипломни работи и специализантски тези по историография, защитени в Катедрата по история на България в Софийския университет

- Атанасова С.* Приносът на Русенската мъжка гимназия „Княз Борис“ за развитието на историческата наука и образование в България на границата на два века (1884–1912). С., 2001. 90 с.
- Ачева А.* Стоян Аргиров – обществена и научна дейност. С., 1999. 119 с.
- Балтаджиева Г.* Историческите възгледи на Боян Пенев. С., 1992. 104 с.
- Божанова Р.* Иван Шишманов като редактор на „Сборник за народни умотворения, наука и книжнина“. С., 1997. 119 с.
- Бурова Н.* Историческата проблематика на страниците на списание „Просвета“ (1935–1943). С., 1992. 154 с.
- Генчева Т.* Българската възрожденска историография по проблемите на ранните векове на османското владичество. С., 1992. 112 с.
- Георгиева Цв.* Лекциите по история, литература и култура на славянските народи, четени от професор Марин Дринов в Харковския университет. С., 1993. 88 с.
- Захариев З.* Академик Юрдан Трифонов – жизнен път и исторически изследвания. С., 1987. 91 с.
- Йорданова Т.* Никола Начов – жизнен път и историописно творчество. С., 1999. 116 с.
- Ковачев Р.* Българската история на страниците на списание „Българска сбирка“ (1894–1915). С., 1983. 130 с.
- Спасов З.* Проблеми на българската история на страниците на списанията „Български книжици“ и „Читалище“. С., 1984. 168 с.
- Станева Н.* Жизнен път и историописно творчество на Димитър Цухлев. С., 1994. 75 с.
- Стефанов С.* Йордан Иванов – жизнен и творчески път. С., 1990. 125 с.
- Стойчева В.* Жизнен път и научна дейност на Павел Орешков. С., 1993. 76 с.
- Тренчева Т.* Жизнен път и творческо дело на Атанас П. Шопов. С., 1992. 155 с.
- Цветкова Е.* Приписките като извор за историята на българската ръкописна книга (XV–XVIII век). С., 1992. 238 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ИДЕАЛЕН ОПИС НА СЪЧИНЕНИЯ НА И. И. СРЕЗНЕВСКИ, ПОЗНАТИ И ЦИТИРАНИ В БЪЛГАРИЯ

Нарекох описа „идеален“ по примера на архивистите, които с този термин обозначават опитите за пълен опис на архивни документи по определена тема, които не се съдържат в едно-единствено архивохранилище, а различни части от тях са опазени в различни архивохранилища. С други думи, не във всяко от прегледаните изследвания се съдържат всички обозначени заглавия. В някои случаи конкретното издание, посочено в Библиографията (Харков, 2012) се разминава с познатите и цитираните от българските автори, в други е споменато само заглавието, без да е съвсем ясно кое издание се има предвид. Налични са и предпочитания към определени изследвания на Срезневски. Само като пример, дългата му серия от „Сведения и заметки...“, посочена в Библиографията по наличното – отделни отпечатъци, Известията, Приложенията към тях или пък Сборника, и обозначена с различни номера според годината на излизане, от българските автори се познава и в двете пълни версии. И още Б. Цонев въвежда цитирането според номера на разработката, поставен от Срезневски – практика, която се прилага и днес в България и прави по-разбираемо позоваването. Очаквано, най-силен интерес на българските автори привличат още *Древните славянски паметници* (1846), статии и книгата за глаголическите паметници, *Юсовото писмо, Очеркът за книгопечатането в България* (в руската и чешката версия), а напоследък и *Речникът*, особено във факсимилното му издание от 1989 г. и др. По повод на защитата на Шевченко от страна на С. Палаузов, посочените публикации на Срезневски са в сферата на обосноваването на предположения. Но много от тях пък ги има у Орешков.

В Библиографията (2012) на Срезневски има невключени заглавия и издания, но е въпрос за продължение на настоящото изследване, за да си позволя да ги публикувам. В добавка, в отделни случаи наистина невинаги съм сигурна, че авторите познават оригиналите на Срезневски.

№ 1, 6, 7, 9, 14, 19, 23, 24, 39, 40, 41, 42, 43, 47, 49, 52, 53, 76, 81, 89, 91, 96, 97, 98, 100, 101, 103, 106, 108, 115, 117, 118, 131, 132, 133, 136, 139, 140, 142, 143, 145, 148, 149, 151, 152, 158, 160, 165, 170, 172, 177, 179, 180, 181, 182, 184, 185, 187, 191, 195, 196, 201, 202, 204, 207, 208, 209, 211, 212, 213, 218, 228, 232, 234, 235, 236, 240, 244, 247, 253, 254, 257, 258, 261, 265, 269, 271, 273, 274, 275, 276, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 287, 288, 289, 290, 292, 294, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 309, 310, 313, 314, 315, 317, 318, 319, 320, 321, 323, 324, 325, 328, 330, 331, 334, 335, 337, 338, 340, 341, 342, 343, 344, 348, 350, 351, 352, 353, 355, 356, 357, 359, 360, 362, 363, 364, 366, 367, 369, 370, 371, 372, 373, 378, 379, 381, 382, 383, 384, 388, 394, 419, 420, 421, 423, 424, 425, 427, 428, 429, 434, 452, 477, 486, 480, 481, 499, 501, 505, 506, 515, 522, 524, 526, 530, 539, 554, 559, 566, 567, 568, 577, 584, 591, 597, 598, 599, 628, 646, 667, 668, 672, 685, 688, 695, 696, 725, 726, 727, 728, 729, 752, 755, 762, 784, 787, 812, 821, 823, 824, 829, 834, 835, 843, 848, 849, 856, 857, 858, 859, 860, 865, 868, 869, 871, 895, 899, 915, 917, 927, 928, 939, 942, 944, 945, 947, 952, 957, 969, 980, 983, 984, 986, 1028, 1029, 1030, 1031, 1042, 1045, 1047, 1059, 1060, 1062, 1063, 1071, 1072, 1073, 1086, 1112, 1113, 1116, 1120.

¹ Измаїл Іванович Срезневський. Біобібліографічний покажчик. Харків, 2012. Консултирани са още няколко библиографии и справочници: *Можяева И. Е.* Южнославянские языки. Библиографический указатель. М., 1969; *Славяноведение в дореволюционной России.* М., 1978; *България в руската дореволюционна литература.* Библиографски указател. Т. 1. С., 1981; *История славяноведения в Харьковском университете.* Ч. 1. Харьков, 1988; а по записките ми от по-ранни времена и Библиографията от Сб ОРЯС, т. 22, прил. № 5, СПб., 1881, и от Українські письменники, т. 3. Київ, 1963. Полезен в много случаи ми беше още един украински труд: *Почесні члени Харківського університету.* Біографічний довідник. Харків, 2008.

² Василий Каразин. Живот и дейност. С., 2005. Дали Каразин е бил повлиян от нереализираната по-стара идея за създаване на Батуриноския университет, не ми е известно, но той е имал оригинал или препис на Проекта на Г. Н. Теплов от 1760 г. Срв. *Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России. Київ, 1993, с. 598–599, бел. 304.

³ *Кеттен П. И.* Записка о путешествии по словенским землям и архивам. – Библиографические листки, 1925, № 33–34. От по-новите публикации за него срв.: *Дроснева Е.* Храбрите списания, Кьопен, Мустакови и ... – В: Балканските измерения на фамилията Мустакови. Сборник с материали от международна научна конференция Габрово, 18–19 септември 2007 г. С., 2008, с. 150–172 и пос. литер.

⁴ Умишлено посочвам първото специализирано изследване на познатия с Васил Априлов негов автор: *Скальковский А.* Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848. Следващият с траен принос по въпроса е Н. С. Державин, който пък е в интензивни връзки с мнозина от споменаваните по-нататък български учени. Най-новите изследвания, които са ми известни за Одринския мир, са публикувани в предишния том на Дриновски сборник. След *Ищутин В. В.* Юрий Иванович Венелин (1802–1839): Библиографический указатель литературы за 1828–1994 гг. – В: Ю. И. Венелин в Болгарском возрождении. М., 1998, не ми е известно да са се появили качествено нови изследвания за Венелин, макар в отделни публикации в България името му да продължава да се среща в научната и учебната книжнина.

⁵ *Страшинок С.* Марин Дринов и формирование Харьковской школы исторической болгаристики. – В: Марин Дринов. Материали от българо-съветска научна конференция „150 години от рождението на Марин Дринов“ и „110 години Народна библиотека „Кирил и Методий“, ноември 1988 г. С., 1989.

⁶ Срв. *Дроснева Е.* За мястото на Юрий Иванович Венелин в руската българистика. – В: Първи международен конгрес по българистика, София, 23 май – 3 юни 1981 г. Доклади. История и съвременно състояние на българистиката. Т. 1. С., 1982, с. 253–260.

⁷ Данните са по: Сравнительныя ведомости о состоянии учебных заведений МНП за 1842 и 1843 годы. – Журнал Министерства народного просвещения, 1844, ч. 42, отд. 3, с. 1–34. От ведомостите се вижда също, че тогава в Университета, освен Срезневски работят още 74 преподаватели. Ако успее да се запозная някой ден с историята на Харьковския университет по-детайлно, възможно е да съобразя някои обстоятелства.

⁸ Срв. *Дроснева Е.* Болгарские сюжеты в раннем творчестве И. И. Срезневского. – *Etudes Historiques*, 11, 1983, с. 113–127.

⁹ Фамилия Петковичи е поставена като проблем за изследване в науката от Йордан Иванов. Най-новото проучване, което ми е известно и е най-пълното, е на Лиляна Минкова в сп. „Български език и литература“ (2009). Познато ми е само по електронната си версия (сп. „LiterNet“), за която публикация дори авторката се удиви при срещата ни на 18 януари 2013 г., че съществува.

¹⁰ По подобни причини Ватрослав Ягич почти 70 години по-късно – на 23 март/05 април 1912 г., отказва на Павел Орешков да му сътрудничи за написване на биографията си. Съдя от едно писмо (машинописно копие) в личния ми архив. Архивът на Орешков е в неизвестност, може би е продаден зад граница. Материалите в моя личен архив получих от дъщерята Здравка Орешкова – Заявлова, колега в Университетска библиотека, която ми ги предостави през 1982 г., за да си направя копия. По онова време правех статията си за Орешков в „Енциклопедия България“. Десет години по-късно сътрудничеството ни продължи и така се появи и дипломната работа на В. Стойчева, ръководена от мен.

¹¹ За Геровите писма срв. *Файнштейн М. Ш.* О фонде И. И. Срезневского в Санктпетербургском отделении РАН. – В: Славянские языки, письменность и культура. М., 1993, с. 249–257.

¹² За семейство Срезневски срв. *Досталь М. Ю.* И. И. Срезневский – хранитель традиций русской и славянской культуры. – В: Славянский филологический сборник. Вып. 1. М., 2009, с. 90–105.

¹³ Вж. бележките на В. Трайков в третия том от съчиненията на Раковски.

¹⁴ *Минкова Л., Л. Антонова-Василева.* Ръкопис на Константин Миладинов в архива на Измаил Срезневски. С., 2008.

¹⁵ За Университета вече съществува обилна литература, която сигурно ще се увеличи във връзка с предстоящата 125-годишнина. Затова тук посочвам само някои заглавия: Дарителите. Евлогий и Христо Георгиеви. С., 1998; Спомени за университета. Т. 1. С., 1986; Спомени за Софийския университет. С., 1988; История на Софийския университет „Климент Охридски“. С., 1988; Университетът. С., 1999.

¹⁶ Срв. *Велева М.* Развитие на историческата наука в България след Освобождението. – В: Сборник от лекции по следдипломна квалификация. Т. 6. С., 1983, с. 74–110; *Задгорска В.* Историческата наука и образование в политиката на българската държава 1878–1912 г. С., 2004.

¹⁷ Споменаваните дотук и по-нататък са в различна степен изследвани – понякога най-пълният очерк е само в текстовете на наши дипломанти или докторантите ми, вече със защитени дисертации (Любомила Соленкова за Христо Гандев – 2008, Димитър Христов за Иван Снегаров – 2009, Петър Първанов за Стефан Савов Бобчев – 2012). Първо посочвам поредицата „Видни университетски учени“, издавана по случай 100-годишнината на Университета и останала незавършена. Вж. напр. *Мурдаров В.* Любомир Милетич. С., 1987; *Жерев С.* Беню Цонев. С., 1989; *Цветкова-Крумova Л.*, Стефан Младенов. С., 1989; *Гюзелев В.* Петър Мутафчиев. С., 1987; *Велева М.* Александър Бурмов. С. 1988 и др. Към тях добавям: *Златарска-Тодорова К.* Баща ми Васил Златарски. С., 1975; *Димов Г.* Иван Шишманов. Строител на българската национална наука и култура. С., 1988; *Конева Р.* Иван Шишманов и обединена Европа. С., 2011; *Повасилев С.* Спомена за творци на словото. С., 1989; *Леков И.* Из близкото минало на славянското езикознание. Дейци и насоки. С., 1983; *Попов К.* Научното дело на видни български езиковеди. С., 1982; *Любенова Л.* Петър Ников. Жизнен път и научно дело. С., 1986; *Попнеделев Т.* Петър Ников. – Минало, 1994, № 1; Сборник в памет на професор Петър Мутафчиев. С., 1996; Исторически студии. Т. 2: Петър Мутафчиев. Познат и непознат. С., 1997; Спомена и размисли за Петър Динеков. С., 2010. В Известията на Българското историческо дружество са публикувани и материалите от научните сесии за С. Палаузов (т. 29, 1974), В. Златарски (т. 32, 1979) и П. Ников (т. 38, 1986). Сравни и посочените в Приложение № 1 справочници и енциклопедии. Том 4 на Историческия музей в Кюстендил (1996) включва материалите от международния симпозиум за Йордан Иванов, том 9 (1996) от Известията на музеите в Северозападна България – материалите от сесията за акад. Йордан Трифонов. Издания като последните две предлагат още множество интересни изследвания, но не с всичко разполагам в момента. Само библиографски все още ми е известен томът за Стоян Аргиров и новоиздадената „История на Университетска библиотека“.

¹⁸ Текстовете им вж. у *Дроснева Е.* Историографски програми в българското висше училище. – В: История и историография. Сборник в чест на проф. д-р Мария Велева. С., 2008, с. 363–408; Специалност „История“. Справочник за 1999 г. Софийски университет „Св. Климент Охридски“, Исторически факултет. С., 1999; *Дроснева Е.* Четенията по историография в Софийския университет (1986–2006). – В: IV международен симпозиум „Университетски четения и изследвания по българска история“. IV международен семинар, Смолян, 11–13 май 2006 г. С., 2008, с. 784–800.

¹⁹ От Автобиографията му от 1936 г. (личен архив на Е. Дроснева, копие) се вижда, че вече са готови за печат няколко студии, сред тях и една за Ягич и Срезневски, друга за Петкович и Срезневски, с неизвестни документи, на които сигурно е попаднал към 1912 г. по време на специализацията си в Петербург. Не е известно публикуването им да се е състояло.

²⁰ От най-новите български изследвания за читалища са ми познати две: *Антонова В.* Възрожденското читалище „Зора“ в Русе. Русе, 2011; *Стоянова К.* Основаване на читалище „Просвета“ в Перушица и началните му стъпки. – В: Петър Бонев. Документи, материали, снимки. Пловдив, 2012, с. 9–17.

²¹ Не са ми под ръка изследванията на Р. Радкова за Рилския манастир и разчитам на записки в личния си архив. Те са от 1978 г., когато работих с каталозите на библиотеката. И с удоволствие отбелязвам, че са опазени там съчинения на К. Калайдович, Ю. Венелин, Й. Добровски, В. Априлов, на самия Неофит Рилски, Н. Сахаров, А. Хилфердинг, Н. Хр. Палаузов, А. Шлецер, Г. Кръстевич... Все едно, не мога да изброя всичко от записките си.

²² *Иречек К.* Пътувания по България. С., 1974, с. 112.

²³ *Кирова Е.* Библиотеката на Марин Дринов – база на неговата научна и обществена дейност. – В: Марин Дринов. Материали от българо-съветска научна конференция „150 години от рождението на Марин Дринов“ и „110 години Народна библиотека „Кирил и Методий“, ноември 1988 г. С., 1989, с. 36 и сл.; *Стоянов М.* Руската книга в България до Освобождението. – Изв. на Държавната библиотека „Васил Коларов“ за 1953 г. Юбилеен сборник. С., 1955, с. 193–219. По отдавнашни записки в личния си архив посочвам и: Опис на книгите от Денкоглувската библиотека [1882]. – Български исторически архив при Националната библиотека „Св. св. Кирил и Методий“ (по-нататък – БИА), ф. 35, а.е. 586, л. 3–36, и Каталог книг, приобретенных из библиотеки С. Палаузова для Болгарской национальной библиотеки в Софии. – БИА, ф. 35, а.е. 633, л. 3–42, също и Списък на книгите, подарени от г. Владимир Николаевич Палаузов от бащината му библиотека в Одеса чрез г. П. П. Славейков, 05 юни 1909. – БИА, ф. 276, а.е. 18, л. 3–6.

²⁴ Срв. *Ангелова А., Л. Петкова.* Предговор. – В: *Ангелова А., Л. Петкова.* Колекция „Славика“. Редки и ценни издания по славистика от библиотеката на Софийския университет (1519–1922). С., 2005, с. 17–33; също и описа на колекцията, съставен от двете авторки.

²⁵ За архивното дело в България приваждам двата най-ранни курса; четени са в Софийския университет: *Дуйчев И.* Лекции по архивистика. С., 1993; *Кузманова М.* История на архивите и организация на архивното дело в България. С., 1966.

²⁶ Освен посочените в бел. 22 описи на лични възрожденски библиотеки, срв. и БИА ф. 35, а.е. 586, л. 1–2, 37, 39, 48; ф. 633, л. 1; ф. 133, а.е. 4, л. 1–2 и др.

²⁷ *Велева М.* Българската съдба на проф. П. М. Бицилли. С., 2004.

²⁸ *Велева М.* Българската историческа наука между двете световни войни (студия под печат); *Велева М.* Болгаро-советские научные связи в период между двумя мировыми войнами. – В: Советская болгаристика. Итоги и перспективы. Материалы конференции, посвященной 1300-летию болгарского государства. М., 1983, с. 86–92.

²⁹ *Кузманова М.* Интересът към българските писмени паметници през епохата на Възраждането. – ГСУ – ФИФ, 58, 1964, № 3, с. 168–208 [отд. отп. С., 1965].

³⁰ Лекцията на Ников е преиздадена от *Попнеделев П.* Петър Ников..., с. 73–85; за Бурмов срв. *Велева М. Александър Бурмов...; за новите данни: Фай Х.* Докторската дисертация на Спиридон Палаузов „Преглед на политико-икономическите възгледи на гърците. – Известия на Българското историческо дружество, 36, 1984, с. 49–64.

³¹ *Златарски В. Н.* Преглед на 30-годишната научно-книжовна деятелност на професора М. С. Дринов. – В: Сборниче за юбилея на професора Марин С. Дринов. 1869–1899. С., 1900, с. 65.

³² *Дринов М.* Избрани съчинения. Т. 1–2. С., 1971.

³³ Цит. по: *Горина Л. В.* Професор Марин Дринов – основоположник българското академического славяноведения. С., 2009, с. 98. В същото книжно тяло е преводът на български език. Общо за Дринов: у *Горина Л.* Марин Дринов. Историк и общественный деятель. М., 1986 (на бълг. ез. – С., 2006) и в заглавията от Приложение № 1.

³⁴ *Попов Г.* Учен, държавен и обществен деец. – В: Марин Дринов 1838–1906. Био-библиографски указател. С., 1990, с. 23.

³⁵ Цит. по: *Минкова Л.* Осип Максимович Бодянски и българското Възраждане. С., 1978, с. 174.

³⁶ *Иречек К.* История на българите. С., 1978, с. 463. Вж. и предговора на редактора Петър Петров към книгата.

ТЕОДОСІЙ ІКОНОМОВ (1836–1871) – СУЧАСНИК І ОДНОДУМЕЦЬ ІЗМАЇЛА СРЕЗНЕВСЬКОГО

Е. П. Стоянова

Стоянова, Е. П. Теодосій Ікономов (1836–1871) – сьвременнок и единомишленник на Измаил Срезневский

Статията осветлява научната дейност на Теодосий (Богдан) Сотиров Икономов (1836–1871), професор в Катедрата по славянска филология, след това и директор на Болградското централно училище (Бесарабия), по-точно неговия пионерски принос в българската славистика. По време на своите часове той използваше елементи на славянската компаративистика, за да събуди интерес към старобългарския език, който беше смятан за мъртъв. Учудващо е неговото ясно разбиране върху разликата между старобългарския и церковнославянския езици, което имаше значение за явна методика на нормирането на съвременния български език. Неговото схващане за съотношението им беше изразено много по-рано в сравнение с европейските учени слависти от XIX век.

Ключови думи: Болградското централно училище, Бесарабия, старобългарски, церковнославянски езици, нормиране на съвременния български книжовен език.

Стоянова, Е. П. Теодосій Ікономов (1836–1871) – сучасник і однодумець Ізмаїла Срезневського

Стаття висвітлює наукову діяльність і піонерський внесок у болгарську славистику професора кафедри слов'янської філології Болградського центрального училища (Бессарабія) Теодосія (Богдана) Сотірова Ікономова (1836–1871). Під час занять він використовував елементи порівняльного слов'янського мовознавства. Вражаючою є чіткість його дефініцій щодо давньослов'янської та церковнослов'янської мов, що мало велике значення для нормування сучасної болгарської літературної мови. Погляди Ікономова стосовно предмету викладання випередили багатьох учених-славистів Європи наприкінці XIX ст.

Ключові слова: Болградське центральне училище, Бессарабія, XIX ст., давньослов'янська, церковнослов'янська мови, нормування сучасної болгарської мови.

Stoyanova, E. P. Theodosiy Ikonov (1836–1871) – a contemporary and confederate of Ishmail Sreznevskiy

This article describes the scientific activity of Theodosy (Bogdan) Ikonov (1836–1871), what has been the professor in the Slavonic philology chair in the Bolgrad center school (Besarabia). During his lectures he used the Comparative Slavonic elements. It's wonderful as far as clear he understood the Old Slavonic's attributes from the Church Slavonic languages. He very correct attempts to solve the normalization's problem of modern Bulgarian language. His point of view puts him on the first place between the great many European scientists of the 19th century.

Keywords: The Bolgrad center school, Besarabia, the end of the 19th century, Old Slavonic and Church Slavonic language, the normalization of modern Bulgarian language.

Теодосій Ікономов* (1836–1871) народився у болгарському місті Свіштові, в родині переселенців з Македонії. Більшу частину свого життя прожив за кордонами своєї батьківщини, тому майже забутий співвітчизниками. Проте йому належить роль першопрохідця у болгарській славистиці, він був засновником першого наукового болгарського часопису „Общ труд“, що виходив у м. Болграді наприкінці 60-их рр. XIX ст. (Сьогодні це Одеська обл., Україна). У цьому виданні Теод. Ікономов наполегливо і послідовно відстоював нові для свого часу наукові і творчі ідеї й став засновником декількох напрямів духовного розквіту часів Болгарського відродження. Наша стаття присвячена лише його внеску у філологічну науку, точніше – славистику.

У Центральному історичному архіві України збереглася заява Теод. Ікономова до керуючого Київським навчальним округом О. С. Норова стосовно прийняття до Другої

*Не плутати Теодосія (Богдана) Сотірова Ікономова із Тодором Поппетровим Ікономовим – автором численних шкільних підручників з болгарської мови, математики та інш. предметів, що виходили друком у перші десятиріччя після Визволення Болгарії. – Див.: Българска възрожденска интелигенция. Енциклопедия. Софія, 1988, с. 283–284.

київської гімназії: „Любов до науки, а головне – бажання зробити якомога більше корисного для своєї батьківщини, спонукало мене прибути сюди у Київ, де я вже протягом двох років готуюсь до вступу у гімназію. Тепер, будучи у змозі скласти іспити і виконувати навчальне навантаження, маю честь покійно прохати Вашу високість зарахувати мене до четвертого класу Другої київської гімназії“. Збереглася й доповідна О. С. Норова до російського імператора Олександра II, в якій повідомляється, що він прохає дозволити зарахувати Теод. Ікономова до Київського університету. Його імператорська високість 21 березня 1856 р. поклав резолюцію „Згоден“¹.

У 1857 р. Ікономов „вступає вільним слухачем“ до історико-філологічного факультету Київського університету. Темою свого реферату він обрав історію заселення слов'ян в Європі (Київський міський державний архів, ф. 15, опис 471, справа 205). Юний болгарин із захопленням викладає сутність твору чеського славіста П. Шафарика „Slovanske starozitnosti“ (1837), де було зроблено спробу намалювати повну і всебічну картину історичного минулого слов'янських народів, окреслити кордони їхнього мешкання, визначити місце у культурному масиві інших європейців. Ім'я П. Шафарика викликало почуття великої вдячності серед болгарської інтелігенції, яка тільки-но народжувалася, надихало її ідеями слов'янського братерства.

У Київському університеті Теодосій Ікономов зближується зі вченим-славістом Й. М. Бодяньським. У бібліотеці університету знайомиться з публікаціями, що друкував в „Известиях императорской академии наук по Отделению русского языка и словесности“, „Ученых записках Отделения русского языка и словесности“, „Ученых записках Отделения русского языка“ (1854–1863) І. І. Срезневський. Це надавало змогу ознайомлення з найновішими досягненнями у галузі славістики. Тут він отримує благословення на продовження своєї освіти у Празі, яка на той час була Меккою для славістів. Наприкінці 1859 р., після двох років навчання у Києві, він від'їжджає до Праги, де протягом ще двох років вивчає слов'янську філологію. З собою бере декілька рекомендацій, у тому числі від Й. Бодяньського. Один з листів був адресований В. Ганці, активному пропагандисту слов'янської культури, праці якого сприяли зростанню самосвідомості як чехів, так і болгар. Надзвичайно енергійний, Ганка прагнув охопити усі проблеми славістики: друкував особисті наслідування чеських та російських народних пісень, переклад „Слова о полку Ігоревім“, працював над граматикую російської і польської мови, вивчав давньослов'янську і розробляв норми сучасної чеської мови. Такий погляд на славістику не лише як філологічну науку, але й як комплексне дослідження усїєї культури, навіть усїєї життєдіяльності слов'ян було близьким і І. І. Срезневському.

Велику увагу європейської громадськості привернули „відкриті“ за участю В. Ганки Краледворський і Зеленогорський „рукописи“, що являли собою скоріш за все підробку, але настільки талановиту і вмілу, настільки відповідаючу вимогам свого часу, що їх миттєво було перекладено всіма слов'янськими, а також більшістю європейських мов. Теодосій Ікономов був рекомендований Ганці як болгарин, що навчається у Київському університеті і бажає якомога більше поглибити свої знання у галузі слов'янської філології. Ці рекомендації увели Ікономова до кола вчених, що сформувалося біля Чеського народного музею. Там, окрім Ганки, молодий болгарин зближується ще з такими великими славістами, як П. І. Шафарик, Л. Є. Пуркіне, І. В. Фріч, з якими між іншим двадцятьма роками раніш співпрацював й Ізмаїл Срезневський, вивчаючи південнослов'янські мови.

Ікономова запрошують до участі у складанні першого тому словника Рігера, він друкує декілька газетних статей і під впливом Ганки перекладає початок „Краледворського рукопису“ болгарською мовою. Звичайно, такі прояви не залишилися непоміченими – чеська газета „Cas“ повідомляла: „Пан Ікономов, болгарин, що надрукував свого часу у Цариградській газеті „Болгарія“ чудовий переклад деяких пісень з „Краледворського рукопису“, у наступні дні відбуває у Белград, де починає редагування газети „Дунавски лебед“².

Чеська славістична наука і культура в цілому справили значний вплив на Теодосія Ікономова. У своїй подальшій діяльності він спирається на праці П. Шафарика, а також

на ідеї проф. Празького університету Ф. Л. Челаковського, лекції якого з порівняльної граматики слов'янських мов він відвідував.

У 1861 р., залишивши Прагу, Ікономов зупиняється на короткий термін у Белграді (Сербія), потім у рідному Свіштові і Браїлі (Румунія). Навесні 1862 р. він прибув у Болград, де йому судилося прожити десять останніх років свого життя. Це був найбільш плідний період його життя (4 травня 1862 року у листі до матері Роксандри поп Теодосієвої повідомляється про прибуття до місця роботи, хороше і навіть дуже хороше самопочуття). Сюди його запросив один з найосвіченіших представників Болгарського відродження Д. Мутев на посаду професора слов'янської філології в Болградське центральне училище (БЦУ). Спочатку Т. Ікономов очолював кафедру слов'янської філології, а потім двічі, з 12.08.1864 до 26.11.1864 і з 15.03.1867 до 25.01.1869 року керував цим училищем. У Болграді його творча діяльність розвивається у кількох напрямках. Він бере участь у боротьбі проти грецької церкви, видавши тут комедію „Ловчанскийт владика или бела на Ловчанскийт сахатчия“ (1863), виступає з лекціями і промовами перед викладачами й учнями Училища, а також болгарською громадськістю на теми, пов'язані з історією болгарської культури і болгарської мови, розпочинає видання журналу „Общ труд“, в якому вміщує ряд своїх розробок у галузі славістики, фольклористики, а також окремі поетичні твори.

„Общ труд“, безперечно, – найбільш цінне у спадщині Ікономова. Відразу ж після виходу першого числа часопису редактор газети „Народност“, що друкувалася у Бухаресті, соратник Л. Каравелова І. Касабов оцінює новий часопис як „найнеобхідніший“ для самовдосконалення і самої болгарської нації, так і для національної літератури. Він вітає видання, знаходячи, що його мета „висока і благородна“, закликаючи кожного болгарина допомогти розповсюдженню цього корисного видання. Незважаючи на те, що вийшло друком лише три числа часопису „Общ труд“, він мав велике значення для духовного розвитку болгарської громадськості. Видатний дослідник культури періоду Болгарського відродження, історик, літературознавець і фольклорист М. Арнаудов назвав „Общ труд“ „провісником“ часопису „Периодическо списание“ – найавторитетнішого наукового видання цього періоду, органа Болгарського літературного товариства (Българско книжовно дружество – БКД), що виконувало, за відсутністю необхідних державних інституцій, функції впровадження мовної політики, культурного і мовного будівництва. „Не підлягає сумніву, – писав Арнаудов, – що засновники БКД, судячи з їхньої програми, були ознайомлені з болгарським часописом „Общ труд“⁴³.

Велика увага в ньому приділялась найзначнішим етапам з історії болгарської держави, наприклад, це була стаття самого видавця „Епоха Симеона Великого“. Проблеми педагогіки розглядалися у перекладі статті видатного російського критика В. Г. Белінського „Про виховання“. Загальні питання культури висвічувалися у виступі, присвяченому слов'янським першовчителям Кирилу та Мефодію. Завдання у галузі мовознавства окреслювалися у виступі „Про значення і важливість слов'янської кафедри“. Дуже широко був представлений болгарський фольклор, зокрема надруковані народні твори, зібрані І. Івановим, Д. Пановим, а більш за все Ц. Гінчевим. З приводу двох листів останнього про долю усної народної творчості місцевих болгар Теодосій Ікономов друкує репліку у вигляді виноски вже у першому числі „Общ труд“, а в другому числі виступає зі статтею „Програма збирання зразків усної словесності і місцевих говірок“, в якій звертається до всіх вчителів, які працюють у так званих болгарських колоніях Бессарабії, а також і в самій Болгарії, щоб вони записували та відправляли до редакції фольклорні твори у будь-якому вигляді. Проте він звертає особливу увагу на принципи запису: ні в якому разі не замінювати слів та виразів виконавців, відтворювати особливості їхнього мовлення, які є найціннішими для вивчення історії розвитку мови. Художня література представлена віршами Д. Великсина і Д. Войнікова, перекладом на болгарську мову „Послання П. І. Шафаріку“, за мотивами Т. Г. Шевченка, двома поетичними творами самого Ікономова: „Къде е родът ми?“ „Пробудження“, а також епічними творами в обробці М. Козлева „Черен Арап и Хайдут Сидър“ та „Бивол Гольо и мечка-стръвница“.

Ключовим поняттям у публіцистичних і поетичних виступах Теодосія Ікономова є духовність. Лексеми *дух* ~ *духовност* – *душа* особливо часто зустрічаються в його публіцистичних творах, починаючи зі вступної редакційної статті до першого числа „Общ труд“: „Непоклатена основа за всяко едно общество, за целият един народ е образването, просвещението. Ако ние искаме да се смятаме и да бъдем народ на светът, като потомци от славни предци... трябва да се грижим... за **духът** - най-главната страна на човешка“⁴⁴ і далі пор.: *Само чрез него* (Йдеться про болгарську національну мову. – Е. Ст.) *проявлява се вътръшната **духовност** на народа, вътръшната духовна страна на човека“*; „...а за **духът** си, най-главната страна човешка няма да се грижим...“ „науча осветява разума, издига му **душата**“; „България жадувала тогава за просвещението **духовно**“ („Слово за Св. св. Кирил и Методий“); „А тежки ни тѣгла, вековни черни дни //Дошли са до **душа** – през връх преляна чаша!“ („Пробуждане“)*.

Головною сферою наукових інтересів проф. Ікономова була старослов'янська писемність. Цим пояснюється і велика кількість цитат з лексикою, притаманною для церковних текстів. Так, щоб продемонструвати відмінності давньослов'янської (давньоболгарської) мови від церковнослов'янської, яка, на думку Ікономова, знаходилась під впливом давньоруської, він показує це на прикладах: з одного боку, уривка з тропаря, вилученого з літургії, присвяченої творцям слов'янської абетки: „Да радуются днес роди словенские, свещенную память светителей богомудрых светло празднующих...“ (текст був представлений давньослов'янською з використанням архаїзованої кирилиці), а з іншого боку – уривком з рукопису Нестора-літописця (лист 17): „Языкъ словенскъ... и рады быша словене слышаша величие Божие своим языком“.

Оцінюючи роль Теод. Ікономова у становленні сучасної болгарської літературної мови, не можна не сказати про його внесок у болгарську славистику, поставивши в один ряд з Ал. Теодоровим-Баланом, Б. Цоневим, Л. Милетичем, яких історики вважають засновниками національної славистики, оскільки предмет дослідження в їхніх працях був представлений в контексті культур інших слов'янських народів. Але ж подивимось, як писав про це у 60-х рр. ХІХ ст. наш герой: „Славенският, а по-правилно старославенският език, като език първообразен се нахожда в таква отношение към новите днешни второобразни езици славенски (северно- и южноруски, български, сръбски, словенски, поляшки, чехо-словацки, сърболужишки и изгубения вече език на полабските славяни) като латинският към романските езици... без него не би могла да се разбере нито най-проста граматична форма в кое и да е от новите наречия славенски“⁴⁵. У процесі вивчення граматики старослов'янської мови, під час аудиторних занять в БЦУ, Ікономов, наскільки це було можливим в умовах середнього навчального закладу з урахуванням підготовки слухачів, залучав для порівняння тексти з інших мов. Це було тим більш доречним, що у Болграді навчалися не тільки юнаки з Бессарабії, але й з Болгарії, Сербії, Македонії, Румунії. Елементи порівняльного слов'янського мовознавства використовувались як з метою доведення ідеї спільності слов'янських мов, так і поживалення занять зі старослов'янської, яка на лекціях молодого професора оживала, хоча і вважалася мертвою. Під його керівництвом слухачі шукали й знаходили пояснення лінгвістичним процесам, а також відповіді на складні питання граматики болгарської мови.

Теодосій Ікономов розглядав існування кафедри слов'янської філології у Болградському центральному училищі як справу дуже важливу, тому що тут отримуватимуть базову освіту майбутні лінгвісти – фахівці з болгарського та слов'янського мовознавства. Від них у майбутньому залежатиме вірний, науково обґрунтований підхід до розробки норм сучасної болгарської мови, а також кваліфіковане збирання фольклорних матеріалів. Шлях болгариста і слависта, вважав молодий учений, має починатися з вивчення старослов'янської мови на засадах порівняльно-історичного методу: „Българщината като дял от славенщината, безспорно е свързана с лингвистиката славенска, а следователно и език славенски и то до толкоз, щото без него нито може да

* Більш докладно про це див.: Стоянова Є. П. История одного языкового острова. Письменность болгарской диаспоры на Украине 1861–1993. София, Велико Тырново: Знак '94, 1997. 244 с.

се помине“⁶. Звертає на себе увагу і вражаючи на той час чіткість таких дефініцій, як старослов'янська і церковнослов'янська мови, що ми проілюструємо далі.

На той час серед учених-лінгвістів ще не було досягнуто термінологічної єдності стосовно вказаних понять. Наприклад, проф. Ф. Челаковський, коли читав лекції з порівняльної граматики слов'янських мов у Братиславському та Празькому університетах, ставив знак рівності між староболгарською, церковнослов'янською і старослов'янською мовами. В лекціях провідного славіста другої половини XIX ст. В. Ягича, прочитаних ним у Санкт-Петербурзькому університеті в 1884–1885 навчальних роках, така дефініція, як церковнослов'янська мова, розкривалася через поняття діалект і говірка. Про літературну мову тут навіть не згадувалося. „Церковнослов'янська ніколи не була витоком, з якого походили б інші говірки, і вона ніскільки не важливіша ніж польська, чеська та ін. Вона теж є діалектом“⁷. У своїй відомій праці „История происхождения церковно-славянского языка“ (1900), яка стала класичною, В. Ягич теж не торкався проблеми співвідношення діалект/стандарт, говорячи лише про те, що батьківщиною мови Кирила і Мефодія, тобто мови церковної літератури, слід вважати Македонію, і що за своїм походженням це давньослов'янська мова. Ізмаїл Срезневський також знаходився у пошуках вірного найменування цього ідіому, називаючи староболгарську і „старослов'янською“, і „чисто слов'янською“ і лише „слов'янською“.

Погляди Теод. Ікономова у цій галузі близькі до позиції російського славіста В. Григоровича, висловленої ним у промові „О значении церковно-славянского языка“: „Давньослов'янська мова – мова високої літератури, яка працями святих слов'янських апостолів Кирила і Мефодія і пріснопам'ятних духовенства болгарського у IX і X століттях зробилася здобутком усіх православних слов'ян, збагачена не тільки перекладами, але й оригінальними творами. Вона разом із священним змістом, здавалося, змогла зберегти до наступних поколінь найбагатшу, найрізноманітнішу слов'янську мову, яка потроху почала втрачати своє давнє значення, бо кожний народ, до якого потрапляли священні книги, залежно від сили свого наріччя, змінював їх і спрощував“⁸. Далі В. Григорович висловлює думку про вторинність церковнослов'янської мови: „Не будши корінною, первинною, церковнослов'янська містить головні умови для розвитку різних наріч у звуках та формах, і тому, зближуючись з кожним, вона або виправдовує їхні особисті відзнаки, то навіть сприяє розкриттю в них первинного... Особливість церковнослов'янської мови пояснювати організми кожного наріччя вважаю ознакою не її первинності, а ознакою взаємності церковнослов'янської з усіма наріччями“⁹.

Думка про вторинність церковнослов'янської мови була підхоплена і розвинута Теод. Ікономовим. У своїй програмній статті „За значението и важността на славянската катедра“ він пояснює: „Ний нарекохме няколко пъти езикът славенски старославенски, и то за туй, за да означим с него название от една страна ония първообраз, от който са произлезли (и така трябва да бъде) всичките нови второобразни вече славянски езици, а пък от друга, за да го отличим по този начин от така наречения църковно-славянски език, който е вече от втора важност, гледащиц са на него като на език от по-нов период на съществуването му... най-правилно би могли да го наречем, по наше мнение, език от преходно състояние, поне в отношение към руския днешен език“¹⁰. Він постійно наголошував на необхідності уникати сплутування дефініцій, які призводили до помилок у методиці викладання болгарської мови: „...старославенски или старобългарски, този именно език с най-старите му форми и с неговото на висока стъпка логично правописание, трябва да се въведе за преподаване и изучение в българските училища, и то в сравнение с българския. В нашето отечество славенскит... изучава се, за зла чест, дори и до днес не в първообразния му вид, но именно в ония, който ние нарекохме език от преходно състояние, наречен инак църковно-славянски, сиреч черковния език по печатаните в руско книги“¹¹. Тут можна знов нагадати про методологічні настанови І. Срезневського, згідно з якими теоретичні питання староболгаристики повинні вирішуватися лише за посередництвом середньовічних писемних пам'яток.

Але серед болгарської наукової громадськості того часу Ікономов не зустрів розуміння. Об'єктивна причина полягала в тому, що церковні друковані кни-

ги, які з'явилися в XVII–XVIII ст. у Болгарії, не сприймалися як чужі. Прибічники церковнослов'янської просвітницької школи Хр. Павлович і К. Фотинов оголосили мову цих книг староболгарською. Погляд на церковнослов'янську як на рідну не зазнав змін і після того, як В. Априлов вказав на відмінності, що існували між ними¹².

Некомпетентність подібних поглядів узагальнив В. Д. Стоянов, який був на той час секретарем Болгарського літературного товариства (БКД). Він писав, що мало хто з сучасних учених-філологів достатньою мірою ознайомлений з найновішими досягненнями в галузі мовознавства. Лише доброї волі і патріотичних почуттів вже замало – потрібна глибока обізнаність у прогресивних мовознавчих ідеях. І якщо серед учених є такі особистості, які відчувають свою некомпетентність, але все ж беруться говорити або писати про проблеми філології, це слід суворо засудити. Подібне є просто неприпустимим, оскільки від безпідставних балачок більше шкоди, ніж користі¹³.

Теод. Икономов науково обґрунтував свою позицію ще 1864 р., коли не були опубліковані ані славістична стаття М. Дринова „За новобългарскето азбуке“ (1870), ані книга Сп. Палаузова „Памятники славяно-русской письменности“ (1870–1874). У своїх поглядах на співвідношення старослов'янської й церковнослов'янської мови він випередив багатьох учених-славістів з європейськими іменами, і це дає нам право вважати болгарського проф. Теод. Икономова, що працював у 3-ій чверті XIX ст. на території нинішньої України, першим болгарським ученим-славістом.

¹ *Гарева, М.* Един забравен възрожденски книжовник. Библиотекознание. Библиография. Книгознание. Сборник 5. София: Народна библиотека „Св. св. Кирил и Методий“, 1994, с. 94.

² *Cas* (Прага). 1860, № 75, с. 3.

³ *Арнаутов, М.* Българското книжовно дружество в Браила. София, 1966, с. 101.

⁴ *Икономов, Т.* Встъпителна статия на редакцията. – *Общ труд*, 1868, № 1, с. 5.

⁵ *Икономов, Т.* За значението и важността на славянската катедра. – *Общ труд*, 1868, № 2, с. 15–16.

⁶ Там само.

⁷ *Ягич, В.* История славянской филологии. СПб., 1910.

⁸ *Григорович, В.* Статьи, касающиеся древнего славянского языка. Казань: Типография Императорского Казанского университета, 1852, с. 10.

⁹ Там само.

¹⁰ *Икономов, Т.* За значението и важността на славянската катедра., с. 18.

¹¹ Там само, с. 19.

¹² *Априлов, В.* Мисли за сегашното българско училище. Б. м., 1847.

¹³ *Стоянов, В. Д.* Няколко думи за изучаване и обработване на български сегашен език и за народната ни книжнина въобще. – *Периодическо списание на Българското книжовно дружество*. Браила, 1870, № 1, с. 12–16; № 2, с. 3–8.

ИСТОРИЯ СЛАВИСТИКИ ТА МІЖСЛОВ'ЯНСЬКИХ ВЗАЄМИН (XIX – перша третина XX ст.)

УДК 94(497.2):929 Дринов

МАРИН ДРИНОВ В ІСТОРИЯТА НА СЛАВИСТИКА

Н. Николова

Николова, Н. Марин Дринов в историята на славистиката

В статията се разглежда приносът на Марин Дринов – виден български учен, историк, славист, езиковед за развитието на славистичната наука. Неговите забележителни трудове – с точни и обективни факти – обогатяват проучванията по славянска филология. Посочва се оценката за научното дело на проф. Марин Дринов от други учени слависти.

Ключови думи: Марин Дринов, история, славистика.

Николова, Н. Марина Дринов в истории славистики

В статье рассматривается вклад Дринова – выдающегося болгарского ученого, историка, слависта, лингвиста в развитие славянской науки. Его известные работы – с точными и объективными фактами – обогащают исследования в области славянской филологии. Дается оценка научной деятельности профессора М. Дринова другими славянскими учеными.

Ключевые слова: Марин Дринов, история, славистика.

Nikolova, N. Marin Drinov in history of Slavic studies

The paper discusses the contribution of Marin Drinov, a prominent Bulgarian scientist, historian, Slavic scholar, and linguist in the development of the Slavic studies. His notable works enrich studies in Slavic philology with accurate and objective facts. The paper indicates also how the scientific work of Professor Marin Drinov is valued by other Slavic scholars.

Keywords: Marin Drinov, history, Slavic studies.

През третата четвърт на XIX в. в България се утвърждава интелектуалното начало на живота на нацията. Общественото внимание е насочено към постиженията на европейската наука и култура. Основните приноси в тези насоки, водещите идеи и възгледи на известни личности представляват същността на онова мащабно движение в контекста на цялостния ни развой. Носители и разпространители на тези идеи са представителите на българската възрожденска интелигенция, които имат подчертан модерен манталитет. Получили образованието си във водещи и престижни университети в Европа и Русия, те пренасят в родината нови просветителски идеи, хуманистичния стремеж към идейна общност и с книжовната си дейност допринасят за развитието на славистиката.

Марин Дринов е един от първите български учени – историк, езиковед, славист, който, продължавайки възрожденската традиция, поставя проблемите на нивото на славистичната научна мисъл за своето време. Той е роден на 20. X. 1838 г. в Панагюрище, където получава основното си образование. От 1858 до 1861 г. е в Южнославянския пансион в Киев и завършва философския клас на Киевската духовна семинария. Следва в Московския университет (1861–1865) и завършва Историко-филологическия факултет с финансовата подкрепа на Славянския комитет. В университета Дринов е ученик на редица крупни руски учени славяноведи. Досегът му с тях не само укрепва желанието му да се посвети на науката, но и определя предмета на бъдещите му занимания – славяноведението¹.

Първият учен, който въвел славянството като самостоятелен научен обект за изследване, е Павел Йозеф Шафарик. Със своя труд „История на славянските езици и литератури по всички наречия“, публикуван през 1826 г., той направил първи опит за най-изчерпателна характеристика на славянските клонове и техните разновидности на базата на сравнително-историческия метод. Трудовете на доайена на славистиката поставили основите на модерната методология в изучаването на славянските народи².

Ученолюбивият панагюрец е ученик на Осип Бодянски – „пионера“ на преподаването на славистичните дисциплини на Московския университет на професионално научно ниво³. Благодарение на професионализма на Бодянски, Московският университет се утвърдил като първия и най-развит център по славянски изследвания в Русия, в който се оформила цяла школа от специалисти в тази област⁴. Неговият лекционен курс представлял славянознанието като комплексна дисциплина, като разкривал, от една страна, връзката на историята и филологията, а от друга – общото в руското и общославянското духовно развитие. Южните славяни били застъпени в лекциите по славянска древност, в които се представяло и древнобългарското наречие⁵.

След завършване на висшето си образование Марин Дринов става частен учител на децата на княгиня Е. А. Голицина и с нейното семейство посещава редица европейски страни. Така получава възможност да събира материали по българска история в книгохранилищата на Италия, Австрия, Полша, Чехия.

С голяма прецизност книжовникът проучва историческото минало на нашия народ и се възхищава от него. В своите занимания с българската история той проявява интерес към широк кръг от проблеми: изследва и изяснява въпроси и от политическата, и от културната, и от църковната история на народа. При това Марин Дринов не се ограничава само в една епоха, а обгръща в цялост историческото развитие на България, като се почне от историята на населението в българските земи през римската епоха и се стигне до Възраждането у нас през втората половина на XVIII и първата половина на XIX в. Като резултат от творческите търсения и неуморните изследвания на Дринов във Виена през 1869 г. излизат от печат двете му известни съчинения: „Поглед върху произхода на българския народ и началото на българската история“ и „Исторически преглед на българската църква от самото ѝ начало и до днес“. Тези забележителни исторически проучвания му създават висок научен авторитет в академичните среди в Русия и у нас.

В предговора към своя пръв труд Дринов пише, че народното самопознаване не е възможно, „догдето историята ни остава в тме забвения“⁶. Подбуден от дълбоки патриотични чувства, книжовникът се стреми, използвайки всички възможни и достъпни източници, да определи мястото на българите сред славяните и да посочи богатото духовно наследство, което те крият у себе си. С научния труд „Поглед върху произхода на българския народ и началото на българската история“ Дринов разрешава повдигнатия се спор за произхода на българите, като убедително доказва тезата, че прабългарите са едно малцинство, което се влива в многобройното славянско население на Балканите, и дава отпор на съществуващите антиславянски и антибългарски нападки.

Като черпи сведения от най-различни извори (предимно от гръцки и латински), Дринов утвърждава славянския произход на българите: „Ние сме словяне, нашият българският народ е от словянски род, та се разбира, че и праотците ни трябва да са били от словянски род, били са словяне“⁷.

Никой друг от нашите възрожденски книжовници след Паисий Хилендарски така ясно не е изразил идеята, присъща на цялото ни национално-възродително движение, за значението на родната история като могъщо средство за пробуждане и укрепване на народностното самосъзнание.

Като особено отличителен принос в изследването на Марин Дринов по българска история трябва да се посочи, на първо място, използването на множество исторически извори в оригинал или превод, а освен това привличането на богата специална книжнина по засегнатите въпроси. Във всичко това младият изследвач проявява рядка осведоменост и критична преценка. Схващанията на М. Дринов по тези проблеми представляват изключителен интерес и за нас.

В „Исторически преглед на българската църква от самото ѝ начало и до днес“ авторът разглежда делото на Кирил и Методий и техните ученици, прави кратки характеристики на епископ Константин, презвитер Григорий, Йоан Екзарх, Черноризец Храбър и Симеон, характеризира книжовната дейност на патриарх Евтимий, анализира Бориловия синодик и др. Марин Дринов е събрал най-ценните данни за историята на българ-

ската църква и онова, което е написал, остава в много отношения ненадминато. Учудва не само отличното познаване на историческите извори и точното тяхно използване, но също и рядката съдържаност и обективност, които той проявява при разглеждането на така важни и актуални въпроси, вълнуващи дълбоко всички българи.

Чешкият историк и славист Константин Иречек в рецензията си за тази книга справедливо отбелязва, че авторът ѝ прави голяма услуга на българската книжнина, която чрез това съчинение встъпва в кръга на европейските литератури. Тази Дринова книга, пропита с горещ патриотизъм, е била обнародвана в списание „Православное обозрение“ и има широко разпространение както в училищата и сред българското духовенство, така и в Русия. Двете книги на М. Дринов полагат основата на новата критична българска историография.

Марин Дринов е един от основателите на Българското книжовно дружество (1869) и пръв негов председател. Една от основните задачи на Българската книжовно дружество в Браила е да разработи проблемите на националния ни език. В трудовете на Дринов теоретично и научнообосновано се представя ролята на книжовния език за духовното укрепване на нацията. Въпросите, свързани с изграждането на българския книжовен език, се разглеждат професионално и на нивото на състоянието на европейската филологическа наука.

През 1872 г. Марин Дринов защитава магистърска дисертация в Московския университет на тема „Заселение Балканского полуострова славянами“. На 2 май 1873 г. по доклад на А. А. Потебня той е избран за щатен доцент при Катедрата по славянски наречия в Харковския университет⁸.

В края на май 1873 г. Дринов пристига в Харков, за да чете лекции, задължителни според правилата на университета. На заседание на Съвета на Историко-филологическия факултет той изнесе лекции: първата – „Критически обзор на Константин Багренородни за заселването на славяните на Балканския полуостров“, избрана от самия автор; втората – „За родината на древнославянската литература“, предложена от факултета⁹.

През учебната 1873/1874 г. Марин Дринов се готви много старателно и прилежно за лекциите си. На 20 септември 1873 г. изнася първата си лекция на тема: „Успехи и задачи славяноведения“¹⁰, в която се разглежда възникването на славянознанието като последствие от национално-културното възраждане на западните славяни. В тази лекция Дринов подлага на научна преценка трудовете на известни слависти от онова време¹¹. Приемственост спрямо традициите на Московския университет можем да установим и в програмата на лекциите, които Дринов чете в Харковския университет. Той преподава общ курс по славянознание, история на отделните славянски езици, черковнославянски език – общо взето, същите дисциплини, които е слушал при Бодянски¹².

Още от самото начало Дриновите лекции добиват популярност сред студентите, понеже въпреки тяхната научна задълбоченост, носят характер на проста непринудена беседа¹³. Освен това се отличават с краткост и яснота¹⁴.

Между българите, студенти на Бодянски, Марин Дринов стига до най-високи научни знания, получава международно признание и руският учен може с право да се гордее с него. Трудовете на Дринов дават прекрасна възможност да се покаже значението на преподавателската дейност на О. М. Бодянски за формирането на един от първите български учени. В юбилейните сборници в чест на Марин Дринов, в много от статиите, в които се преценява цялостната му дейност или неговият принос в отделни области, е подчертано колко широко използва точни и пълни данни в историческите, фолклорните, топонимическите и етнографските изследвания. Тази методология той е усвоил „в школата на руската славистика от втората половина на XIX в. в лицето на учени слависти като О. М. Бодянски, Ф. И. Буслаев и др.“¹⁵. В „Спомен за В. В. Макушева“ Дринов определя заслугите на Бодянски, Григорович и Срезневски като посочва, че „немалко нещо са направили за привдигането на славянската наука, на която они бяха първите учители в руските университети... Чрез своите многобройни учени трудове и пъту-

вания по словенските земи, както и чрез дълготрайната си професорска и обществена дейтелност, они не малко са спомогнали и за развиването на словенский свят изобщо, та и между българете¹⁶.

В трудовете на Дринов е осезаемо присъствието на наученото, възприето от Бодянски, и лесно може да се види как постигнатото от един изследовател става градивен материал в работата на идващия след него.

Благодарение на М. Дринов в Харковския университет се формира школа на учени, в чиито интереси преобладават проблемите за историята и културата на българския народ. Сред основателите на тази школа наред с Марин Дринов трябва да се споменат и имената на А. Потебня, Н. Сумцов и М. Халански. За високата репутация на Дринов като историк свидетелстват следните факти: през 1899 г. от Петербургския и Новоросийския университет дошли в Харков да защитят докторски дисертации П. А. Сирку („К истории исправления книг в Болгарии в XIV в.: Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского“) и М. Г. Попруженко („Синодик царя Бориса“), които справедливо разчитат на компетентния отзив на българския учен¹⁷.

По време на своята неуморна научна и обществено-политическа дейност М. Дринов възпитава редица учени слависти, в това число и българските учени В. Златарски, Д. Матов, П. Драганов и др.

През 1876 г. Марин Дринов защитава докторска дисертация на тема „Южные славяне и Византия в X веке“ и става професор. Член-кореспондент е на Руската академия на науките и почетен член на чешката, полската и сърбохърватската академия на науките.

От особено значение за издигане на авторитета на Марин Дринов като византист и славист от европейска величина е монографията му „Южные славяне и Византия в X веке“. Васил Н. Златарски смята, че тази монография съставлява епоха в славянската историческа наука и надали ще изгуби скоро своето високо положение, което е придобила със своята оригиналност, обективност и главно със своята дълбока критичност. В широките рамки на византийската и европейската история Дринов разглежда политическата и културната история на българите през царуванията на Симеон Велики и сина му Петър и началото на Самуиловото царство. В тази монография Марин Дринов застъпва концепцията за антивизантизма не само в политическата, но и в духовната история на българите¹⁸.

Харковският професор изследвал етническите корени и взаимодействието между отделните сродни народи не изолирано, а в най-широк контекст – метод, познат още от родоначалника на славистиката. За него славистиката била комплексна наука, която изисквала интердисциплинарен подход. Привличани били достиженията на историята, езикознанието, фолклора и митологията, историческата география и други хуманитарни дисциплини. Въоръжен с такива разнородни аргументи, Дринов участвал в дискусии за старославянския език и старобългарската култура, историята на българската църква, характера на ранната езическа славянска митология, средновековните културни взаимодействия на Балканите и т.н.¹⁹

Преподавателската дейност не откъсва Дринов от научноизследователската му работа и от интересите му към Книжовното дружество, независимо от това, че той изпълнява различни задължения към факултета: участие в заседания, писане на рецензии, при избор на нови преподаватели и др. Така например той е официален рецензент на докторската дисертация на А. А. Потебня на тема „Записки по русской грамматике“. Дринов изготвя рецензията с разбиране и умение²⁰.

В поредицата приноси на Марин Дринов като езиковед и славист е интересът към развитието на българската лексикография. Той пръв поставя изискването за теоретичен модел на речници на българския език, като специално отбелязва основни изисквания за пълноценното лексикографско описание. Дринов не пропуска от професионална и научна гледна точка да оцени първите български речници. Обширните му рецензии, посветени на първите речници на българския език (на Н. Геров и на Ал. Дювернуа) до голяма степен запълват празнината от липсата на професионална лексикографска критика.

Положителна е оценката на Дринов за речника на Ал. Дювернуа. Разглежданият речник запълва доста съществена празнота в пособията по славянско езикознание. Не му липсват недостатъци, но те бледнеят пред достойнствата, с които се отличава огромният труд на покойния московски славист²¹.

Въз основа на компетентната рецензия на Марин Дринов, речникът на Ал. Дювернуа получава висока оценка в Русия. През 1892 г. той е бил удостоен от Императорската академия на науките в Петербург с високата награда на митрополит Макарий. Значението на речника на Ал. Дювернуа за по-нататъшната лексикографска практика у нас не се изчерпва само с регистрираните в него редки диалектни думи и богато приложения илюстративен материал. Този речник е първият образец за цялостна лексикографска обработка на словното богатство на българския език и в това е неговият голям принос, както изтъква Марин Дринов. Твърде сполучливото обяснение на много тъмни речи, ценните указания на заниманията от чуждите езици, изобилието на веществените тълкувания, тънкият анализ на значенията на българските частици (...) придават на тоя труд твърде важно научно значение и го правят, може да се каже, настолна книга за всекиго, който се занимава със славянската филология, в най-широк смисъл на думата²².

Важна роля за изграждането на Дринов като славист оказва и чешкият период. По примера на първите чешки възрожденци родолюбивият панагюрец осъзнавал важноста на въпроса за кодифицирането на съвременния език и подобно на Юнгман настоявал за изработването на „словар и залиде написана граматика“²³.

В забележителните си статии „За новобългарското азбуке“ и „Писмо до българските читалища“ книжовникът излага своите научни схващания относно устройството на книжовния ни език и на българския правопис. Най-голямото им достойнство се изразява във факта, че в тях въпросът за езика се поставя на много широка обществена основа. Българският книжовен език, за да стане общонароден културен език, език на нацията, не бива да остане грижа само на учените, но и на целия народ²⁴.

Освен като строител на книжовния български език Марин Дринов е един от първите български учени, обърнали внимание на важноста на диалектното и етнокултурното проучване на българското езиково землище. Неслучайно известният славист В. Ягич отбелязва, че Дринов е бил действително тънък наблюдател на историческите и диалектологичните езикови явления²⁵.

При теоретичното решаване на въпросите на новобългарския книжовен език Марин Дринов изхожда от прогресивни, демократични, научни и реалистични позиции. В концепцията на учения за българския книжовен език прави впечатление уменията му да обобщава и анализира огромен фактически материал, с кратък изказ да характеризира многоаспектни и многопластови езикови явления и процеси.

Като високообразован филолог славист Марин Дринов има изключителни приноси за развитието на националния книжовен език. Изказаните от него специални тези и становища по езикови въпроси обикновено са точни, разбираеми и мисловно разграничени от другите съвременници. При дискусиите със своите съвременници – видни слависти, относно някои езикови проблеми, личат богатата филологическа информираност, обективното представяне на обзорната теза, стремежът да се опознаят цялостно конкретните и общите причини за отделно езиково явление, уменията да се набележат средствата за широкото усвояване на научнообоснованите становища.

В кореспонденцията на Дринов, свързана с научната му дейност, личат имената на видни чешки, руски, полски и други учени, като В. Ягич К. Иречек, О. Бодянски, В. Кочановски, Н. Лавровски, В. Ламански, В. Макушев, Н. Державин, А. Патера, Ст. Микутски, П. Сирку, Н. Сумцов и др. Писмата на тези учени в по-голямата си част третират въпроси, които обединяват общите им научни интереси с тези на Дринов: историята, бита и езика на славяните въобще и историята, езика и литературата на българския народ в частност.

Професионалното мислене и така изявената полемична култура на Марин Дринов го откриват като изтъкнат учен славист. Украинският езиковед А. Юрченко отбелязва,

че голямото научно наследство на Марин Дринов е важен източник на ценни идеи и хипотези, от които черпят теоретичен потенциал всички нови поколения слависти²⁶.

Наследил книжовноезиковите традиции от своите предшественици, докоснал се до постиженията на чуждестранните лингвисти от световна класа, Марин Дринов притежава дълбока и проникваща научна мисъл. Голяма част от неговия житейски път е извън България – в Европа и Руската империя, поради което е имал възможност да изследва редица неизвестни ръкописи и исторически извори, ценни и важни за българската наука и култура. С научният принос в европейската славистика, Марин Дринов остава завинаги с всестранните си интереси към живота и историята на славянското семейство²⁷. Като ерудиран учен, Марин Дринов създава фундаментални трудове в историята на славистиката. Той е добър популяризатор на научните знания за развитието на славистичната наука.

¹ Изследвания в чест на Марин Дринов. Предговор. Под ред. на Ал. Бурмов, Д. Ангелов и Ив. Дуйчев. С., 1960, с. 5.

² *Готовска-Хенце, Т.* Европейските „мостове“ на славянските елити през XIX в. Чешкият период в живота на професор Марин Дринов. – В: Дриновский збірник/Дриновски сборник. Т. 4. Харків-Софія, 2011, с. 26–27.

³ *Лантева, Л. П.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005, с. 139, 143.

⁴ Пак там, с. 233.

⁵ Пак там, с. 137–139.

⁶ *Дринов, М.* Съчинения. Т. 2. С., 1909, с. 6.

⁷ *Дринов, М.* Съчинения. Т. 2. С., 1911, с. 214.

⁸ *Халанский, М. Г. М. С.* Дринов как представитель кафедры славяноведения. – В: Почест. Харьков, 1908, с. 54–55.

⁹ *Горина, Л. В.* Марин Дринов историк и обществен деец. БАН, С., 2006, с. 45.

¹⁰ *Дринов, М.* Съчинения. Т. 3. С., 1915, с. 505.

¹¹ *Паскалева, В.* Принос към биографията на Марин Дринов. – В: Изследвания в чест на Марин Дринов. Предговор. Под ред на Ал. Бурмов, Д. Ангелов и Ив. Дуйчев. С., 1960, с. 41.

¹² *Дринов, М.* Съчинения. Т. II. С, 1911, с. 18.

¹³ *Халанский, М. Г. М. С.* Дринов как представитель кафедры славяноведения. – В: Почест, Харьков, 1908, с. 57.

¹⁴ Пак там, с. 57.

¹⁵ *Романска, Цв.* Марин Дринов като етнограф и фолклорист. – В: Изследвания в чест на Марин Дринов. Предговор. Под ред на Ал. Бурмов, Д. Ангелов и Ив. Дуйчев. С., 1960, с. 146.

¹⁶ *Дринов, М.* Съчинения. Т. 3. С., 1915, с. 418.

¹⁷ *Страшнюк, С. Ю.* Марин Дринов и формирование Харьковской школы исторической болгаристики. – В: Марин Дринов. Материали от българо-съветската научна конференция „150 години от рождението на М. Дринов“ и „110 години Народна библиотека „Кирил и Методий“. С., 1989, с. 84.

¹⁸ *Гюзелев, В.* В памет на Марин Дринов – председател-основател на Българското книжовно дружество в Браила. – Списание на БАН, 3, 2006, с. 72.

¹⁹ *Готовска-Хенце, Т.* Европейските „мостове“ на славянските елити през XIX в. Чешкият период в живота на професор Марин Дринов..., с. 27–28.

²⁰ *Суццов, Н. Ф.* Выступление. А. А. Потехина на учено поприще и участие в этом деле М. С. Дринова. – В: Почест. Харьков, 1908, с. 141.

²¹ *Дринов, М.* Съчинения. Т. 3. С., 1915, с. 383.

²² *Дринов, М.* За българския речник на Ал. Л. Дювернуа. – Периодическо списание, 1893, № 43.

²³ *Готовска-Хенце, Т.* Европейските „мостове“ на славянските елити през XIX в. Чешкият период в живота на професор Марин Дринов..., с. 28.

²⁴ *Дринов, М.* Съчинения. Т. 2. С., 1911, с. 259.

²⁵ *Ягич, В.* История славянской филологии. 1910, с. 576–577.

²⁶ *Юрченко, А.* Профессор Марин Дринов как филолог. – В: Марин Дринов. Исследования харьковских ученых, посвященные 150-летию со дня его рождения. С., 1991, с. 88.

²⁷ *Цветков, А.* Марин Дринов. – В: Бележити българци. Т. 3. С., 1969, с. 562.

НАУКОВЕ ВІДРЯДЖЕННЯ О. О. КОЧУБІНСЬКОГО В СЛОВ'ЯНСЬКІ ЗЕМЛІ (1874–1876 рр.)

К. А. Калякіна

Калякіна, К. А. Наукове відрядження О. О. Кочубинського в слов'янські землі (1874–1876 рр.)

У статті розглянуті результати наукового відрядження доцента кафедри слов'янських мов історико-філологічного факультету Новоросійського університету О. О. Кочубинського за кордон в 1874–1876 рр. Головним предметом його вивчення були слов'янські мови та слов'янські народи. Особливий акцент він зробив на історичні обставини розвитку слов'ян. Закордонне відрядження О. О. Кочубинського сприяло формуванню нових підходів у розвитку російської славістики.

Ключові слова: О. О. Кочубинський, південні та західні слов'яни, наукове відрядження, слов'янські наріччя.

Калякіна, К. А. Научная командировка А. А. Кочубинского в славянские земли (1874–1876 гг.)

В статье рассмотрены результаты научной командировки доцента кафедры славянских языков историко-филологического факультета Новороссийского университета А. А. Кочубинского за границу в 1874–1876 гг. Главным предметом его изучения были славянские языки и славянские народы. В основном, он сосредоточил внимание на исторических обстоятельствах развития славян. Заграничная командировка А. А. Кочубинского способствовала формированию новых подходов в развитии российской славистики.

Ключевые слова: А. А. Кочубинский, южные и западные славяне, научная командировка, славянские наречия.

Kalyakina, K. A. Kochubinskiy scientific studies in the Slavic lands (1874–1876)

In the article the results of the Associate Professor, of Slavic Languages History and Philology faculty of the University of Novorossiysk, A. Kochubinskiy's scientific missions abroad (1874–1876). The main object of his study were the Slavic languages and Slavic peoples. He focused mainly on the historical circumstances of the Slavs. A. Kochubinskiy's missions contributed to the formation new approaches to the development of Russian Slavic studies.

Keywords: A. Kochubinskiy, southern and western Slavs, scientific secondment, Slavic dialects.

Наприкінці XVIII ст. слов'янознавство тільки почало зароджуватись в Російській імперії, а вже у 30-ті рр. XIX ст. набуло статусу університетської дисципліни. Поширений інтерес до цієї галузі науки призвів до створення нових кафедр історії слов'янських наріч у російських університетах. Першими в Санкт-Петербурзькому, Московському, Харківському і Казанському університетах їх зайняли О. М. Бодянский, П. І. Прейс, І. І. Срезневський і В. І. Григорович. Для вдосконалення кадрів Міністерство народної освіти наполягало на закордонних дослідженнях для кращих випускників російських університетів. Статут 1863 р. передбачав дворічне відрядження за кордон всім особам, які готувалися до професорського звання.

Історія відряджень викладачів Новоросійського університету ще не стала предметом окремих досліджень. Лише в дисертації радянського історика Л. В. Юрченкової, присвяченій діяльності О. О. Кочубинського як історика, зазначалось, що його перше закордонне відрядження стало одним із найбільш продуктивним в підготовці молодого вченого до докторської дисертації та професорського звання¹.

В історії Новоросійського університету було достатньо вчених, які зробили значний внесок в розвиток славістики та історичної науки. В. І. Григорович був першим, хто очолив кафедру слов'янських мов на історико-філологічному факультеті. З метою розширення курсу слов'янської історії, за його пропозицією було прийнято на кафедру викладача гімназії м. Одеси О. О. Кочубинського, випускника Московського університету. Для підвищення його кваліфікації історико-філологічний факультет клопотав перед Радою університету щодо наукового відрядження у слов'янські землі. Крім того, факультет

запропонував, враховуючи дороговизну закордонного життя, виділити молодому вченому платню в розмірі 800 руб. на рік. Однак ця пропозиція не була прийнята 2 березня 1874 р. на Раді університету, і питання про відрядження О. О. Кочубинського залишилося без наслідків².

В своєму засіданні від 18 березня 1874 р. історико-філологічний факультет знову підняв питання про відрядження, доповнивши на Раді університету своє клопотання листами з пропозиціями від професорів О. І. Смирнова, В. І. Григоровича, І. Ягича та І. С. Некрасова. В них вчені пояснювали причини щодо нового балотування доцента О. О. Кочубинського³.

На Раді це питання викликало жваве обговорення. Так, професор І. І. Мечников вважав, що занадто молодий вік та недостатність досвіду вченого робить його наукові праці більш публіцистичними, ніж науковими⁴. Однак на захист О. О. Кочубинського виступили не тільки попечительні члени історико-філологічного факультету, а й академік І. І. Срезневський, який вказав на достатній рівень наукової роботи молодого викладача. Представлений план майбутнього стажування О. О. Кочубинського після голосування (17 голосів підтримали, а 7 – проти) був прийнятий з деякими поправками. Більш того, його зобов'язали забезпечити літературою історико-філологічний факультет, якої на той час було замало для наукової діяльності вчених півдня Російської імперії⁵. Врешті решт за Височайшим розпорядженням попечителя Одеського учбового округу № 4256 від 16 липня 1874 р. доцента О. О. Кочубинського було відряджено за кордон з науковою метою на півтора роки з окладом 800 руб. на рік⁶.

Згідно із вказівкою університету, О. О. Кочубинський, перш за все, повинен був ознайомитися зі слов'янським населенням Галичини. 1 серпня 1874 р. він зупинився у Львові для вивчення історії „карпатської гілки російської мови“. О. О. Кочубинський приїхав до міста у ваканційний час, тому головні книгосховища – університетська бібліотека та інститут Осолінських – були закриті. Однак історик, філолог, дослідник історії Галичини, священик УГКЦ, автор незавершеного етимологічного словника „Словено-руській корнеслов“ А. С. Петрушевич допоміг молодому вченому в мовознавчих заняттях. Одним із захоплень А. С. Петрушевича було колекціонування книг і стародруків. Свою велику збірку пам'яток слов'янської культури він люб'язно надав для вивчення О. О. Кочубинському. Це дало змогу останньому вже в своєму першому звіті, що був представлений на розсуд Новоросійському університету, ретельно проаналізувати кожний вивчений рукопис⁴.

У Львові О. О. Кочубинський залишився майже на два місяці, студіюючи стародруки та інші пам'ятки культури в міському архіві, архіві ратуші в монастирі св. Онуфрія і архіві Ставропігійського інституту. В перерві занять над місцевими рукописними старожитностями науковець відвідав поселення бойків. До Львову він повернувся у вересні, щоб продивитися матеріали Осолінського інституту. Однак вченого „зустрів“ достатньо убогий, за його словами, фактологічний матеріал. Тому О. О. Кочубинський вирушив до Праги, де зберігалися найцінніші рукописи слов'янського світу.

В Празі О. О. Кочубинський продовжив вивчати „карпатсько-російську мову“, а також її взаємини з польською мовою. Тільки після цього він приступив до вивчення старочеської мови, розпочавши з давніх її пам'яток – латинських грамот та літописів. Такий метод вивчення був раніше запропонований Й. Добровським в його „Нарисах чеської літератури“⁸. О. О. Кочубинський зосередився на значних слов'янських рукописах – Пандекта Антіоха та Іпатьєвському літопису. Далі він ознайомився з „Пам'ятками російської мови“ і „Маловідомими пам'ятками“ академіка І. І. Срезневського та із зібраннями Головацького-Петрушевича „Пам'ятки дипломатичної та судово-ділової російської мови в давньому Галицько-Володимирському князівстві та ін.“⁹. Крім того, старочеські рукописи науковець умовно поділяв на пам'ятки чеської мови донімецької доби (XIII – поч. XIV ст.) та на пам'ятки епохи германізації чеської мови (з XIV ст.).

Проаналізувавши значний фактичний матеріал, О. О. Кочубинський погодився з думкою про те, що „карпатсько-російська“ група мов складається з трьох наріч: лемків, бойків-гуцулів та подністровського. Свою увагу О. О. Кочубинський зосере-

див на лемківському наріччі, порівнюючи його з польським діалектом мазурів. Його філологічні, етнографічні, географічні та історичні матеріали доповнили раніше накопичений ним матеріал.

Перебуваючи в Чехії, О. О. Кочубинський розпочав вивчення та аналіз словацького наріччя, яке вважав складовою частиною чеської мови. З цією метою відвідав у Карловому університеті курси професора М. Гаттали „Історія рукописної літератури слов'янської“ та „Про утворення форм“. Обидва курси виявилися не тільки змістовними, але й корисними з точки зору методики викладання¹⁰. Однак перші пам'ятки словацької мови О. О. Кочубинський так і не знайшов, а тому зосередився на вивченні творів вчених XVIII ст., які були корисними для аналізу словацького наріччя: І. Л. Фриша, Я.-П. Іордана і особливо Й. Добровського. Більшість відомостей були почерпнуті ним з книг двох наукових шкіл: Л. В. Штура та М. Гаттали. Саме цією клопіткою роботою молодий вчений займався в останні дні свого перебування у Празі.

Маючи обмаль часу, О. О. Кочубинський намагався в короткий термін охопити всі слов'янські території та всі можливі письмові й етнографічні матеріали. Тому, не затримуючись довго в Чехії, він вирушив до лужицьких сербів. Представники цього слов'янського народу розмовляли двома відмінними наріччями. На думку вченого, верхньолужицьке наріччя більш підходить до типу польської мовної сім'ї. Нижньолужицький діалект О. О. Кочубинський зміг проаналізувати по прибутті до Берліну, де ознайомився з рідкісним рукописом біблії Якубиці¹¹. Отримавши рекомендації І. Ягича, невдовзі він залишив місто і попрямував до північної Угорщини (Словаччини), Сербії та Хорватії.

В Угорському королівстві О. О. Кочубинський відвідав політичний і літературний центр Святий Мартін, що в Турчанському комітаті, в нещасливий для міста час. Травневими законами австрійської влади 1873 р. освіта та призначення священиків були переведені під контроль держави, що призвело до закриття багатьох семінарій, типографій та наукових видань¹². Тому О. О. Кочубинському довелося вивчати мову через спілкування з місцевим населенням, яку охарактеризував так: „що не місто, то свій норв“¹³. Це пов'язано з тим, що кожна околиця мала свій діалект, а кожна словацька книга – свою орфографію.

О. О. Кочубинський дослідив також говірки русинів Угорщини. В цьому йому допомогла багата бібліотека місцевого діяча А. І. Добрянського з села Чертежне – поборника культурного, мовного і етнічного єднання австрійських русинів з російським народом. А. І. Добрянський, як голова „Товариства Св. Василя Великого“, надавав підтримку закарпатським, галицьким і навіть словацьким друкарським виданням, велику увагу приділяючи церковним питанням. У своєму дослідженні О. О. Кочубинський дійшов висновку, що мова русинів помітно не відрзнялася від мови їх сусідів в Галичині – бойків та гуцулів, але водночас мала певні особливості. В Пешті О. О. Кочубинський працював в Національному музеї, сподіваючись ознайомитися з рукописними пам'ятками русинів. Однак знайшов лише бідне зібрання слов'янських рукописів.

З Австро-Угорщини молодий вчений переїхав до Белграду, де зайнявся вивченням старосербських та старослов'янських пам'яток. Вдалося попрацювати в архіві та бібліотеці й отримати копії документів, що зберігали в приватних колекціях і не були відомі навіть сербським історикам. О. О. Кочубинський скористався також нагодою встановити зв'язки з місцевими вченими та літераторами – Дж. Даничичем, Я. Шафариком, М. Миличевичем та ін.

Серед досліджених ним рукописів особливу увагу він зосередив на сербському Тріоді XIV ст., а також сербулах – церковних пам'ятках сербського письма XIV, XV і XVI ст. Більшість з них – пергаментні записи без початку і кінця, змістовно повторювали Тріод. На основі цих матеріалів О. О. Кочубинський дослідив єдність сербської та староболгарської мов, встановивши, що в самому тексті й уривках із канонів були навіть спогади про Кирила та Мефодія. Більш того, вчений визначив в пам'ятках сербської мови – значних чи не дуже, старих та нових, слов'янських та латинських – єдність південних слов'янських мов з російською.

В Хорватії О. О. Кочубинський вивчав кайкавське наріччя, яке, на його думку, більш ідентичне „словенській“ мові Мефодія¹⁴. Географічно кайкавці перебували в оточенні мад'ярів, сербів, хорватів; ця особливість дозволила вченому дійти висновку, що „кайкавське населення“ заселило країну раніше за інших, тобто є автохтонним.

Своє слов'янське відрядження О. О. Кочубинський мав закінчити у Відні. Однак час, що залишався (два місяці), він вирішив провести у Празі, де вивчав прусську та литовську мови за граматичними виданнями Г. Нессельмана та А. Шлейхера. Щодо литовських занять, то вчений також користувався порадами професора порівняльного мовознавства Карлового університету А. Лудвига. В результаті О. О. Кочубинський дійшов висновку, що серед індоєвропейської мовної сім'ї литовська мова є найближчою до слов'янських наріч¹⁵.

Зважаючи на прохання ученого, Міністерство дозволило доценту О. О. Кочубинському залишитись ще на чотири місяці за кордоном для завершення роботи. Він скористався цією можливістю поповнити свої знання про мови західних слов'ян й провести історико-порівняльне дослідження фонетики всього кола слов'янських наріч¹⁶.

Наукові публікації О. О. Кочубинського з історії та філології слов'ян стали з'являтися після його закордонного відрядження. Фактично університетське відрядження 1874–1876 рр. стало вирішальним в долі О. О. Кочубинського як славіста. Новоросійський університет після В. І. Григоровича вперше отримав фахівця такого рівня. Нові дослідження вченого сприяли підготовці докторської дисертації „До питань про взаємні відносини слов'янських наріч“, яку він захистив у Києві 17 березня 1877 р. Написані ним монографії склали певний етап в російській славістичній науці. Свої знання О. О. Кочубинський втілював у загальні курси, які читав усе життя в Одесі. Його мовними розробками й історичними дослідженнями слов'янських народів користуються і сучасні вчені.

¹ Юрченкова, Л. В. А. А. Кочубинский как историк зарубежного славянства: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1983, с. 10.

² Державний архів Одеської області (далі – ДАОО), ф. 45, оп. 7, спр. 10, л. 34.

³ Там само, л. 36–37, 38–39, 40–42, 43–44.

⁴ Там само, л. 48–50.

⁵ *Кочубинский, А. А.* Записка о путешествии по славянским землям доцента А. Кочубинского. – Записки Императорского Новороссийского университета, 13, 1874, с. 87–134.

⁶ ДАОО, ф. 45, оп. 7, спр. 10, л. 296.

⁷ *Кочубинский, А. А.* Отчет о занятиях за границей славянскими наречиями, с 1 августа 1874 г. по 1 февраля 1875 г. – Записки Императорского Новороссийского университета, 18, 1876, с. 194.

⁸ Там само, с. 219.

⁹ Там само, с. 221.

¹⁰ *Кочубинский, А. А.* Отчеты (второй и третий) о занятиях славянскими наречиями с 1 февраля 1875 по 1 февраля 1876 г. – Записки Императорского Новороссийского университета, 20, 1876, с. 96.

¹¹ Там само, с. 102.

¹² Там само, с. 108.

¹³ Там само, с. 112.

¹⁴ Там само, с. 167.

¹⁵ Там само, с. 171.

¹⁶ *Кочубинский, А. А.* Отчет (четвертый) о занятиях славянскими наречиями командированного за границу с 1 февраля по 1 июня 1876 года. – Записки Императорского Новороссийского университета, 20, 1877, с. 143.

ВИСВІТЛЕННЯ СТАНОВИЩА СЛОВАКІВ НА СТОРІНКАХ „ЖУРНАЛУ МІНІСТЕРСТВА НАРОДНОЇ ОСВІТИ“ (Про внесок Ш. М. Дакснера у розвиток славістики)

І. В. Малацай

Малацай, І. В. Висвітлення становища словаків на сторінках „Журналу Міністерства народної освіти“ (Про внесок Ш. М. Дакснера у розвиток славістики)

Враховуючи той факт, що міністерський журнал був не лише офіційним виданням, а й розміщував на своїх сторінках публікації науковців та передових представників європейської суспільно-політичної думки, автору видається важливим показати значення публікації статті відомого словацького національного діяча Ш. М. Дакснера для ознайомлення російської громадськості зі становищем словаків у складі Угорщини в середині XIX ст.

Ключові слова: історія словаків, панславизм, мад'яризація, національний рух.

Малацай, И. В. Освещение положения словаков на страницах „Журнала Министерства народного просвещения“ (о вкладе Ш. М. Дакснера в развитие славистики)

Учитывая тот факт, что министерский журнал был не только официальным изданием, но и размещал на своих страницах публикации ученых и передовых представителей европейской общественно-политической мысли, автору представляется важным показать значение публикации статьи известного словацкого национального деятеля Ш. М. Дакснера для ознакомления российской общественности с положением словаков в составе Венгрии в середине XIX в.

Ключевые слова: история словаков, панславизм, мадьяризация, национальное движение.

Malatsay, I. V. Coverage situation Slovaks on pages of “Journal of the Ministry of Education” (The contribution of S. M. Daksner to the development of Slavic Studies)

Given the fact that the ministerial journal was not only the official publication, but placed on its pages information about scientists and leading representatives of European political thought, the author shows the importance of article publication of known as Slovak national figure S. M. Daksner to present to Russian public to the position of Slovaks of Hungary in the mid-nineteenth century.

Keywords: history of Slovaks, pan-slavism, magyarization, national movement.

Поширення ідей панславизму, слов'янської взаємності, слов'янської спільності, їх вплив на культурні та політичні процеси в Центральній і Південно-Східній Європі були і залишаються предметом пильної уваги науковців. В умовах глобалізації, коли питання національної і регіональної ідентичності стають проблемою вибору майбутнього для багатьох народів, необхідним є звернення до прикладів і уроків минулого. Ідея слов'янської взаємності та її теоретичне оформлення в трактатах вчених XIX ст. отримали найбільш повне і закінчене вираження у розвитку словацько-російських зв'язків 1820–1890-х рр. В історії цих відносин знайшли відображення оригінальні теоретичні концепції єднання слов'янських народів і практичні культурно-політичні програми співпраці слов'ян в умовах непростих взаємин Австрійської та Російської імперій. Процес проходив на тлі складних перипетій „слов'янської політики“ Росії і держав Центральної Європи¹.

Становлення ідеології панславизму можна віднести до 20-х рр. XIX ст. Ці ідеї з'явилися в середовищі західних слов'ян під впливом романтизму. Серед натхненників раннього панславизму є і словаки – Ян Коллар (1793–1852), Павел Йозеф Шафарик (1795–1861), згодом Людовіт Штур (1815–1856) та Светозар Гурбан-Ваянський (1847–1916)². Зовнішня політика Санкт-Петербургу і атмосфера, яка панувала в імперському суспільстві, свідчили, що панславизм відіграв домінуючу роль у російській свідомості. Росіяни намагалися перебрати на себе роль лідера всіх слов'ян. Вони не тільки проголошували себе захисниками, а й підкреслювали єдність слов'ян в такій мірі, що для багатьох синонімами стали слова „росіянин“ і „слов'янин“. Втім, у Росії не існувало спеціально створеної державної панславистської програми. Ця програма обгрунтовувалася у працях письменників, лідерів панславизму та в приватних думках. Періодом найбільшого піднесення панславистських ідей в Росії був час між Кримською та російсько-турець-

кою війною 1877–1878 рр. Одним з основних аргументів російського панславізму після Кримської війни було те, що Росія, котра опинилась у дипломатичній ізоляції, могла залучити на свій бік слов'янські народи у якості союзників у протистоянні Західним державам³.

На початку 1860-х років, в часи пореформеного піднесення в усіх галузях життя, в Товаристві шанувальників природознавства, антропології та етнографії при Московському університеті виникла ідея організації Всеросійської етнографічної виставки, де були б представлені всі народи Російської імперії. Виставка повинна була сприяти підвищенню самосвідомості російського суспільства й тому отримала фінансову підтримку уряду. Потім у слов'янофільських і близьких до них колах виникла ідея доповнити її слов'янським відділом, щоб наочним етнографічним матеріалом зайвий раз нагадати росіянам про їхнє „коріння“, про спорідненість і близькість слов'янських культур. Серед інших на етнографічній виставці були присутні й словаки – письменник і видавець А. Радлінський, юрист Я. Есенський, та адвокат П. Мудрость⁴. Московський з'їзд справді став яскравим підтвердженням поширення слов'янофільських ідей у середовищі слов'янських народів імперії Габсбургів.

У першій половині XIX ст., у період могутності Російської імперії, яка домінувала у Європі, одним із урядовців, що визначав внутрішню ідеологічну спрямованість, був голова Міністерства народної освіти С. С. Уваров (1786–1855), який обіймав цю посаду з 1833 р. по 1849 р. Його погляди були близькими до слов'янофільів⁵. На посаді міністра освіти С. С. Уваров відновив видання „Журналу Міністерства народної освіти“. Цей захід відіграв важливу роль у процесі запровадження контролю за діяльністю середніх та вищих навчальних закладів у межах держави. Упродовж XIX ст. на посаді редактора журналу перебували передові представники російської науки і педагогіки – А. В. Нікітенко, К. Д. Ушинський, А. І. Георгієвський та інші. Кожен з них зробив вагомий внесок у становлення системи освіти та науки в Росії.

Від 60-х років XIX ст. на посаді головного редактора „Журналу Міністерства народної освіти“ перебував А. І. Георгієвський. За його сприяння та активної участі видання з виключно педагогічного стає також і науковим. Відтепер на його шпальтах з'являлися дослідження з історії, мови та літератури, зокрема кілька публікацій, які в тій чи іншій мірі стосувалися історії словаків. Так, у контексті висвітлення історії Угорщини від найдавніших часів до прийняття Прагматичної санкції 1613 р. Владислав Салай зазначав, що „з історією Угорщини пов'язані не лише угорці та німці, а й „незначні“ народи, в тому числі й словаки“⁶. На особливу увагу заслуговує праця Ш. М. Дакснера (1822–1891), відомого словацького національного діяча та поета, який був однією із найвизначніших постатей словацької історії XIX ст.⁷ Під час революції 1848–1849 років, Ш. М. Дакснер відстоював позиції, що були викладені у „Вимогах словацького народу“. Головним із цих вимог було визнання самобутності та національних прав словаків, запровадження словацької мови в установах та закладах освіти, скликання словацького сейму для вирішення місцевих та загальноімперських питань, визнання культурних та громадських свобод. За свої погляди Ш. М. Дакснер був засуджений угорською владою до смертної кари. Але не судилося: звільнений австрійськими військами, у 1848–1849 рр. він став капітаном словацьких добровольців, які разом з австрійцями воювали проти угорців. Це він був автором Меморандуму словацького народу в 1861 р., одним із засновників Матиці словацької.

На другу половину XIX ст. його публікація стала чи не єдиною, що знайомила російських читачів із словаками, основними подіями їх історії, вказуючи на характерні особливості розвитку цього народу, а тому заслуговує на особливу увагу. Будучи обмеженими у політичних, національно-культурних правах, словаки для покращення свого становища намагалися знайти підтримку. Ш. Дакснер вважав, що допомогу можна отримати лише у результаті об'єднання всіх слов'ян. Обґрунтовуючи свою позицію, він вказує на близькість слов'янських культур, мови, християнської традиції, яка була принесена Кирилом та Мефодієм. Звертаючись до історії, Ш. Дакснер визначає

важливість існування Великоморавської держави як центру слов'янської християнської культури, а від IX ст., коли в Панонській рівнині з'являються угорські племена, життя словаків стає неподільно пов'язаним з угорцями⁸. Перебування у складі Угорського королівства стало визначальним у розвитку словаків на наступну тисячу років. Насамперед, варто зазначити, що словаки не мали ніяких атрибутів автономії: словацькі землі в адміністративному відношенні були поділені на окремі комітати, а керівні органи місцевого самоуправління перебували в руках угорських дворян. Від середини XIX ст. словацькі землі входили переважно до Прешпорзького (Братиславського) та Кошицького дистриктів (округів). У більшості словацьке населення залишалося лише у чотирьох комітатах, які утворювали на півночі Угорщини суцільну область – Оравський, Тренчанський, Ліптовський та Зволенський комітати⁹. Угорське королівство було багатонаціональним, кількість його населення в 1869 р. становила 13,56 млн осіб¹⁰, з них словаків – 2 481 811 осіб¹¹.

Розбіжності у статистичних даних щодо кількості словацького населення Угорщини є результатом „асиміляційної політики“ (мад'яризації), яку проводив угорський уряд з кінця XVIII-го та упродовж XIX ст. Особливу увагу цьому питанню приділяє Ш. М. Дакснер. Він вказує на те, що у 1790–1791 рр. за правління Леопольда II було прийнято закон про „забезпечення охороною“ всіх угорських станів від насадження чужої мови, зокрема, німецької. Тоді ж було дозволено призначати викладачів угорської мови в усіх гімназіях, академіях та університетах. Уже наступного, 1792 р., у статті 7 „Збірки угорських законів“ наголошувалося, що вивчення угорської мови є обов'язковим предметом в усіх навчальних закладах¹². Активнішим процес мад'яризації стає з 1830-х років. Тепер це стосувалося не лише навчально-культурної сфери, а й адміністративного життя, що суттєво обмежувало доступ словаків до органів влади. Так, у статті 8 закону від 1830 р. зазначалося, що на посаду державного службовця не може бути призначено особу, яка не володіє угорською мовою. Постановою уряду від 1 січня 1834 р. було внесено доповнення до статті, відповідно до якої адвокатською практикою не дозволялося займатися без знання угорської мови¹³.

У 30-ті роки XIX ст. політика асиміляції досягла загальнодержавного масштабу, про що свідчить стаття 3 закону 1836 р., записана вже угорською мовою. В ній зазначалося, що відтепер усі державні закони, поряд із латиною, мають бути записані й угорською та визнаватися за оригінал; слухання справ у королівській палаті мають відбуватися угорською мовою; заклучні документи, судові акти та циркуляри також повинні записуватися угорською мовою. Стаття 6 „Збірки угорських законів“ від 1840 р. стала ще одним підтвердженням внутрішньополітичного курсу влади, спрямованого на помад'ярення слов'янського населення. В ній наголошувалося, що всі подання та звернення до короля й вищих інстанцій угорські законодавчі збори надсилатимуть лише угорською мовою. Існували й більш спокусливі засоби пропаганди угорської мови. Перш за все – фінансове заохочення. Так, угорською владою було засновано особливі стипендії для тих учителів та учнів, котрі „із великою любов'ю присвячували себе мад'яризму“ (поширенню мови, культури, національних традицій угорців); окремо було визначено грошові фонди для допомоги збіднілим представникам слов'янських громад. Під час призначення студентських стипендій та нагород із державного чи місцевого бюджетів або матеріальної допомоги віддавалася перевага угорцю або тому, хто записував себе угорцем¹⁴.

Револьюційні події 1848–1849 рр. певною мірою також стали продовженням політики мад'яризації. Яскравим прикладом зазначеного процесу можна вважати прийняття статті 16 законів від 1848 р., за якою комітатські збори перетворювалися на представницький орган влади. Такий, на перший погляд, прогресивний крок мав і інший бік. У статті зазначалося, що робочою мовою зібрань має бути угорська. Для того, щоб брати участь у вирішенні економічних, політичних релігійних чи соціальних питань, необхідно було перетворитися на „мад'яра“. Із вищевикладеної історії мад'яризації зрозуміло, що словацька мова, а разом з нею – словацький народ та його розвиток, так само як і решта немад'ярських народностей, що проживали у межах Угорщини,

були майже повністю вилучені із суспільного життя, життя держави, місцевих органів влади.

Важливим аспектом висвітлення становища словаків у роботі Ш. М. Дакснера стало конфесійне питання, адже словаки не мали національної церковної організації. Від XVI ст. словацьке населення у своєму віросповіданні було поділене на дві конфесії – католицьку та протестантську. В якості літургійної та літературної мови протестанти використовували чеську мову XVI ст., а католики – місцеві діалекти словацької. Важливою віхою у визнанні рівності протестантизму і католицької віри стало прийняття патенту „Про віротерпимість“ та ряд законів 1790 р. Ці закони визнавали за протестантами Угорщини повну свободу та автономію у церковних справах, організації навчальних закладів, але під контролем австрійської влади. Вже починаючи з середини XIX ст., після революційних подій, австрійська та угорська влада починає активно проводити політику конфесійного розмежування. В першу чергу це стосувалося освіти. Народні школи та училища в Угорщині знаходилися у підпорядкуванні католицької чи протестантської церкви¹⁵. Євангелісти, лютерани та кальвіністи досить активно працювали у напрямку створення навчальних закладів. Кошти на їх утримання надходили з різних джерел, переважно через пожертвування громад та добровільні внески окремих осіб. Позитивним було те, що навчальна система дозволяла отримати освіту як заможним, так і дітям збіднілих родин чи сиротам. Але у другій половині XIX ст. ситуація змінилася з причини активного проведення „політики помад’ярення“. До 1830-х років мовою викладання в навчальних закладах була виключно латина. У результаті ж прийняття законів 1830 і 1844 рр., запроваджувалось викладання в школах країни угорською мовою. Лише на початку 1860-х років словацькі євангелісти отримали дозвіл відкрити гімназії з викладанням словацькою мовою. 1862 року була заснована перша словацька гімназія в Ревуці (Ш. М. Дакснер брав активну участь у її заснуванні), у 1866–1867 рр. – гімназія у Турчанському Св. Мартині. Серед католицьких навчальних закладів лише в Бансько-Бистрицькій гімназії використовувалася словацька мова.

Важливу роль у процесі поширення останньої на середину XIX ст. відіграв Прешпорзький (Братиславський) ліцей, де з початку XIX ст. існувала кафедра чехо-словацької мови та літератури, яку очолював Ю. Палкович. При кафедрі було засновано „Чехослов’янське товариство“. Діяльність цієї спілки полягала у вивченні „чесько-словацької мови“, історії слов’янських літератур та історії слов’ян. Одним із його активних членів був Л. Штур (1815–1856)¹⁶. Вже 1835 р. Л. Штур очолив товариство і розпочав читання лекцій з історії словаків. За зразком товариства у Братиславському ліцеї виникають студентські гуртки в навчальних закладах інших словацьких міст: Левоче, Кежмарку, Банській Шавниці та Прешові. Дискусії, що відбувалися на зібраннях студентства, стали проявом активності студентів-словаків у вирішенні національного питання. У цьому ж середовищі виховувалися Й. Гурбан і М. Годжа – майбутні лідери словацького національного руху. 1845 року вони разом із Л. Штуром та іншими словаками заснували літературне товариство „Татран“. Метою організації стало видання книг рідною мовою та фінансова підтримка словацького студентства. Потрібно віддати належне Л. Штурові, який після довготривалої боротьби отримав дозвіл на створення „Словацької національної газети“, яка почала виходити в 1845 р. з літературним додатком „Татранський орел“. Видання проіснувало до 1848 р., ставши першою словацькою газетою, за прикладом якої у другій половині XIX ст. створювались інші періодичні видання.

Наступне питання, до якого звертається Ш. М. Дакснер, – це зародження та розвиток словацького національного руху. На середину XIX ст. словаки не мали ні сприятливої соціальної структури суспільства, що робило неможливим опиратися на неї у процесі боротьби за національні права, ні державно-правової традиції, ні власного представницького органу. Тому словацькі патріотичні кола починають приділяти більше уваги програмі й тактиці національного руху. За ініціативою Я. Францищі 6–7 червня 1861 р. в м. Турчанському Св. Мартині відбулися народні збори за участі кількох тисяч осіб. Головною метою зібрання було укладання звернення до угорської влади. Документ, що

отримав назву „Меморандум словацького народу 1861 р.“, складався із чотирьох пунктів. Основною метою, яку ставили перед собою автори „Меморандуму“, було визнання словаків окремою нацією, що мало бути зафіксовано на законодавчому рівні. В наступному пункті зазначалося про необхідність визнати землі, що були компактно заселені словаками, окремою територіально-адміністративною одиницею держави під назвою „Околіє“. Стосовно мовного питання пропонувалося залишити угорську лише як мову дипломатії, а словацька мова в межах „Околія“ мала б стати державною. В останньому пункті меморандуму йшлося про те, що словаки прагнуть вести боротьбу за свої права у союзі з русинами, румунами, сербами і хорватами Австрійської імперії. Будучи безпосереднім учасником всіх цих подій, Ш. М. Дакснер зазначає, що угорська влада з великим невдоволенням сприйняла „Меморандум словацького народу“, однак це не завадило його поширенню серед патріотів¹⁷. На зібранні у Турчанському Св. Мартині було ухвалене ще одне важливе рішення – заснувати літературне товариство „Матиця словацька“, яке проіснувало з 1863 до 1875 р. У тогочасних умовах розвитку суспільства Матиця стала символом національної єдності словаків¹⁸.

Поширення ідей панславізму, публікація матеріалів, що висвітлювали становище словаків на сторінках „Журналу Міністерства народної освіти“, відіграла важливу роль у процесі вивчення їхньої історії. Поява розлогої статті безпосереднього учасника подій Ш. М. Дакснера стало важливим поштовхом до розвитку словакістики як складової частини славістики в Росії.

¹ *Рокіна, Г. В.* Панславізм. – В: Теорія і практика славянської взаємності в історії словацько-руських зв'язей XIX в. Казань, 2005, с. 5. Режим доступу: <http://www.ec-dejavu.net/p/Panslavism.html>

² Там само, с. 25.

³ *Дакснер, Ш.* Словаки и Словенское околье в Угорщине. – Журнал Міністерства народного просвещения, 1868, № 39, с. 557.

⁴ *Досталь, М. Ю.* Славянський съезд 1867 года в Петербурге и Москве. Режим доступу: <http://slawia.org/be/book/Slavyanskiy-sezd-1867-goda-v-Peterburge-i-v-Moskve>.

⁵ *Замостьянов, Ф.* Последнее тридцатилетие XIX века. – В: 200 лет журналу „Народное образование“. Режим доступу: http://anguium.narod.ru/200_2.html

⁶ *Мадьярський історик Владислав Салай і історія Венгрії до Прагматическої санкції.* – Журнал Міністерства народного просвещения, 1868, № 1, с. 53.

⁷ *Дакснер, Ш.* Словаки и Словенское околье в Угорщине. – Журнал Міністерства народного просвещения, 1868, № 39, с. 555–645.

⁸ Там само, с. 557.

⁹ *Погодин, А. Л.* Словаки. – В: Славянський мир. Політичне і економічне положення славянських народів перед першої світової війною в 1914 році. М., 1915, с. 265–275.

¹⁰ *Dejeny Slovenska.* Bratislava, 1992, zv. 3, s. 473.

¹¹ Там само, с. 474.

¹² *Дакснер, Ш.* Словаки и Словенское околье в Угорщине. – Журнал Міністерства народного просвещения, 1868, № 39, с. 625.

¹³ Там само, с. 627.

¹⁴ Там само, с. 629.

¹⁵ За даними Ш. М. Дакснера, протестантів серед словаків нараховувалося біля 500 000 осіб.

¹⁶ *Дакснер, Ш.* Словаки и Словенское околье в Угорщине. – Журнал Міністерства народного просвещения, 1868, № 39, с. 619.

¹⁷ Там само, с. 642–643.

¹⁸ Там само, с. 641.

Т. Д. ФЛОРИНСКИЙ И СЛОВАКИСТИКА

К. В. Лифанов

Лифанов, К. В. Т. Д. Флоринський і словакістики

У статті розглядаються погляди професора Університету Св. Володимира в Києві Т. Д. Флоринського на походження словацької мови та її взаємовідносини з чеською, котрі він виклав у другому томі „Лекцій зі слов'янського мовознавства“. Всупереч поширеній наприкінці XIX ст. концепції про те, що словацька мова є діалектом чеської, Т. Д. Флоринський доводив її самостійність, стверджуючи, що відмінності між словацькою та чеською мовами сягають праслов'янського періоду. Хоча концепція Т. Д. Флоринського не була визнана сучасниками, подальший розвиток славистики свідчить про його правоту.

Ключові слова: недостатня вивченість, лінгвістична одиниця, сукупність ознак, походження, праслов'янська період.

Лифанов, К. В. Т. Д. Флоринский и словакистика

В статье рассматриваются взгляды профессора Университета Св. Владимира в Киеве Т. Д. Флоринского на происхождение словацкого языка и его взаимоотношения с чешским языком, которые он изложил во втором томе „Лекций по славянскому языкознанию“. Вопреки широко распространенной в конце XIX века концепции о том, что словацкий язык является диалектом чешского, Т. Д. Флоринский доказывал его самостоятельность, утверждая, что различия между словацким и чешским языками восходят к праславянскому периоду. Хотя концепция Т. Д. Флоринского не была принята его современниками, последующее развитие славистики свидетельствует о его правоте.

Ключевые слова: недостаточная изученность, лингвистическая единица, совокупность признаков, происхождение, праславянский период.

Lifanov, K. V. T. D. Florinskiy and Slovak Studies

In article views of the professor of University of St. Vladimir in Kiev T. D. Florinskiy on origin of Slovak language and its relationship with the Czech language, which he stated in the second volume „Lectures on Slavic linguistics“, are considered. Contrary to the widespread concept at the end of the 19th century that Slovak language is a Czech dialect, T. D. Florinskiy proved his independence, arguing that distinctions between Slovak and Czech languages go back to the Pre-Slavic period. Though the concept of T. D. Florinskiy wasn't accepted by his contemporaries, the subsequent development of Slavic philology testifies to his correctness.

Keywords: insufficient study, linguistic unit, set of signs, origin, Pre-Slavic period.

Имя Т. Д. Флоринского занимает особое место в истории словакистики, хотя в словацких работах о нем представлена весьма скромная информация. В частности, профессор Университета Коменского в Братиславе В. Важный, излагая отношения между чешским и словацким языками в духе концепции чехословакизма и утверждая, что чешский и словацкий образуют единый чехословацкий язык, подчеркивает, что данную точку зрения разделяет большинство славистов, что они убедительно доказали в своих работах. „Несмотря на это, некоторые исследователи попытались определить словацкому языку самостоятельное место в семье славянских языков, отличное от чешского. В первую очередь это относится к русскому языковеду Т. Флоринскому, который в работе „Лекции по славянскому языкознанию“ учил, что хотя словацкий язык и является наиболее близким чешскому, чем какому-либо иному славянскому языку, однако он не образует с ним особой языковой единицы и в семье славянских языков имеет свое самостоятельное место, как и чешский, польский или какой-либо иной славянский язык. Учение Флоринского быстро нашло последователя в Словакии в начале нашего столетия в лице С. Цамбела“¹.

Прямо противоположную оценку деятельности Т. Д. Флоринского в области словакистики спустя более 30 лет дает известный словацкий лингвист Я. Станислав. В своей „Истории словацкого литературного языка“ он пишет следующее: „Т. Д. Флоринский не признавал теорию, в соответствии с которой словацкий язык является диалектом чешского языка. Он пишет [...], что сравнительное изучение всех славянских языков при-

вело его к иному выводу, что словацкий язык бесспорно ближе всего к чешскому, чем к какому-либо другому, но не составляет с ним единое целое, а занимает свое особое, самостоятельное место в семье языков наряду с чешским, польским, сербохорватским, русским и другими языками. [...] Этот вопрос после различных дискуссий и споров был решен в духе Т. Д. Флоринского [...]»².

Т. Д. Флоринский (1854–1919) окончил Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1880–1882 гг. он преподавал на Высших женских курсах и в 1881 г. защитил магистерскую диссертацию „Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в.“. В 1882 г. был назначен доцентом Университета Св. Владимира в Киеве. Защитив докторскую диссертацию „Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков“ (1888), был назначен ординарным профессором и деканом Историко-филологического факультета. Поскольку в Университете Св. Владимира он был единственным славистом, начал преподавать славянские языки и литературы. С этой целью прочитал всю имеющуюся литературу из области славистики, регулярно информируя научную общественность о новых публикациях в различных периодических изданиях. Итогом его исследовательской деятельности в области славистики стали „Лекции по славянскому языкознанию“, первый том которых вышел в 1895 г. в Киеве, а второй том – в 1897 г. в Киеве и Санкт-Петербурге. Во втором томе содержится обширная глава о словацком языке, насчитывающая 124 страницы.

Т. Д. Флоринский самостоятельно не собирал словацкий материал, а лишь основательно изучил другие работы, посвященные словацкому языку: „Основы чехословацкой диалектологии“ А. Шемберы, „Славянское народописание“ П. Й. Шафарика, „Сравнительную грамматику чешского и словацкого языков“ М. Гатталы и др. Этого материала ему оказалось достаточно, чтобы выработать собственную точку зрения, принципиально отличавшуюся от мнения большинства славистов того времени, и открыто за нее выступить. Большая часть славистической общественности того времени, однако, не разделила его взгляды, поскольку он обогнал развитие словакистики, по меньшей мере, на полвека. Многие его выводы не утратили актуальности до настоящего времени.

Во вводной части своей работы Т. Д. Флоринский описывает сложные общественно-политические условия жизни словаков в Венгрии, последствием чего является недостаточная изученность словацкого языка, причем данных о нем меньше, чем о других славянских языках, включая языки меньших народов, как, например, словенский или серболужицкий. По его данным, первые упоминания о словацком языке теоретического характера содержит грамматика Я. Благослава 1571 г. Несмотря на их краткость, для Т. Д. Флоринского чрезвычайно важно, что уже Я. Благослав рассматривает словацкий в качестве самостоятельного славянского языка, а не включает его в состав чешско-моравских диалектов. Удивительно, что в конце XIX в., когда в лингвистике господствовал младограмматизм, по сути, не различающий понятия *язык* и *литературный язык*, Т. Д. Флоринский проникает в самую суть проблемы. Он подчеркивает, что точка зрения о единстве чешского и словацкого языков опирается не на глубокое сравнительное изучение этих языков, а на историческую традицию, стародавние культурные связи между чехами и словаками и длительное использование чешского языка в Словакии. В результате широкого распространения чешского языка среди словаков, в чешских головах возникла фикция о таком близком родстве двух языков, которое позволяет считать их одной диалектной группой – чешско-словацкой. В действительности, однако, сам по себе интересный факт значительного распространения чешского языка среди словаков в XV–XVIII вв. еще не может быть доказательством того, что чешский и словацкий языки принадлежат к одной лингвистической единице. Т. Д. Флоринский подчеркивает, что в гуситский период чешский язык распространялся также в польской Силезии и среди лужицких сербов, но мы не можем на этом основании делать вывод о единстве чешского с польским или серболужицким языками³.

Т. Д. Флоринский подчеркивает: хотя словацкий язык слабо изучен, существует достаточное количество данных, которые свидетельствуют о своеобразии и самостоятельности этого языка, и приводит 15 фонетических и несколько морфологических различий

между чешским и словацким языками, указывая на различия в их словарном составе.

На основе сопоставительного анализа чешского и словацкого языков Т. Д. Флоринский приходит к важному теоретическому выводу, имеющему значение не только для словакистики. Он подчеркивает, что некоторые из фонетических особенностей словацкого языка спорадически представлены в моравских говорах чешского языка и частично существовали в древнечешском языке. Для определения степени своеобразия языка, однако, не очень важны отдельные явления, которые могут свидетельствовать о родстве этого языка с каким-либо другим языком. Значительно важнее *вся совокупность характерных признаков, представляющая этот язык*⁴. Более того, он полагает, что наличие некоторых словацких явлений в моравских говорах может быть объяснено тем, что моравские говоры образуют переходную зону между чешским и словацким языками.

По мнению Т. Д. Флоринского, в пользу самостоятельности словацкого языка свидетельствует и его особое географическое положение в славянском мире. К словацкому языку примыкает не только „чешско-моравский“, но и другие языки, т. е. словацкий язык занимает срединное положение между славянскими языками, поэтому во всех регионах Словакии обнаруживаются элементы чешского, польского, русского, сербского и других языков. Не отрицая близости словацкого и чешского языков, Т. Д. Флоринский постоянно подчеркивал различия между ними и искал параллели словацким явлениям в других славянских языках. Особое внимание он обращал на количественные различия в словацком и чешском языках и приводил многочисленные примеры, когда в словацком языке представлен долгий гласный, а в чешском – краткий, и наоборот.

Т. Д. Флоринский пытается ответить на вопрос, когда возникли языковые особенности словацкого языка и делает революционный для того времени вывод. По его мнению, они возникают еще в праславянский период, поэтому словацкий язык выделился из праславянского без каких-либо промежуточных ступеней. Он пишет, что карпатско-дунайские славяне, или словаки, с древнейших времен на заре исторической жизни славян говорили на своем собственном языке, который отличался от языков соседних славянских народов: чехомораван, поляков, славянорусов⁵. Его ядро составляли средне-словацкие говоры, поскольку дифференциальные признаки концентрируются именно в них, хотя и представлены в говорах, распространенных за пределами среднесловацкой территории. Таким образом, Т. Д. Флоринский приближается к пониманию словацкого языка как языка гетерогенного, который возник путем интеграции генетически различных говоров праславянского языка. Его концепция содержит элементы, которые находим в более поздних теориях о происхождении словацкого языка Я. Станислава, Л. Новака, Э. Паулини, И. Книежи, С. Б. Бернштейна и Р. Крайчовича.

Работа Т. Д. Флоринского бесспорно представляет собой важнейший рубеж в истории словакистики, хотя в свое время она не была должным образом оценена и, к сожалению, в настоящее время почти забыта. В конце же XIX в. она произвела эффект разорвавшейся бомбы, последствием чего стала целая серия резко отрицательных эмоциональных рецензий. Последующее же развитие словакистики подтвердило правоту концепции киевского слависта.

¹ *Vážný, V. Nářečí slovenská. – В: Československá vlastivěda. III. Jazyk. Praha: Sfinx, 1934, s. 220.*

² *Stanislav, J. Dejiny slovenského jazyka. I. Úvod a hláskoslovie. Tretie, doplnené vydanie. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1967, s. 220.*

³ *Флоринский, Т. Д. Словацкий язык. – В: Т. Д. Флоринский. Лекции по славянскому языкознанию. Часть 2. Киев–СПб., 1895, с. 235.*

⁴ Там же, с. 237.

⁵ Там же, с. 232.

ИВАН АКСАКОВ И МОСКОВСКОТО СЛАВЯНСКО ОБЩЕСТВО ЗА ПОДПИСАНИТЕ ДОГОВОРИ В САН СТЕФАНО И БЕРЛИН

И. Стоянов

Стоянов, И. Иван Аксаков и Московското славянско общество за подписаните договори в Сан Стефано и Берлин

В тази статия се проследява отношението на Иван Аксаков и Московското славянско общество към подписаните договори в Сан Стефано и Берлин през 1878 г. Критиката, която отправя И. Аксаков към подписания Берлински договор, довежда до закриването на Московското славянско общество и отстраняването му от Москва.

Ключови думи: И. Аксаков, Санстефански мирен договор; Берлински мирен договор; Московско славянско общество.

Стоянов, И. Иван Аксаков и Московское славянское общество о подписанных договорах в Сан-Стефано и Берлине

В статията проследява отношението на Ивана Аксакова и Московското славянско общество към соглашенията, заключенни в Сан-Стефано и Берлине в 1878 г. Критика на И. Аксаков на Берлинския договор привела до закриването на Московското славянско общество и отстраняването на руския славянофил от Москва.

Ключевые слова: И. Аксаков, Сан-Стефанский мирный договор, Берлинский мирный договор, Московское славянское общество.

Stoyanov, I. Ivan Aksakov and the Moscow Slavic society for the peace treaties signed in San Stefano and Berlin

In this article we can trace Ivan Aksakov and the Moscow Slavic society's attitude towards the peace treaties signed in San Stefano and Berlin 1878. The criticism that Aksakov directed towards the Berlin signed contract led to his removing from Moscow and to the closing of Moscow Slavic society.

Keywords: I. Aksakov, The San Stefano peace treaty, The Berlin peace treaty, Moscow Slavic society.

Формирането на Московския славянски комитет през 1858 г. съвпада с активизирането на българските буржоазни среди след Кримската война. Мненията на българи като Н. Геров, С. Филаретов, Н. Х. Палаузов, Х. Даскалов, С. Радулов и др. за сближаване с Русия съответстват на стремежите на определена част от руското общество и руското правителство за създаване на обществена организация, чиято основна цел е укрепване на връзките между Руската империя и покорените християнски народи на Балканския полуостров. Основните пътища за постигане на тази цел са осигуряване на помощи за църквите и училищата в славянските земи и привличане на будните южнославянски младежи и девойки за обучение и възпитаване в Русия¹. Подобна е целта и на възникналите по-късно отдели на комитета в Петербург, Одеса, Киев.

До есента на 1875 г. Славянските комитети в Русия се намират под ръководството на Азиатския департамент на Министерството на външните работи². Изострянето на Източната криза и прекомерното активизиране на комитетите за поддържане на революционната борба на южните славяни не съответства на официалната руска политика. Независимо от това че и правителството, и комитетите се стремят към една и съща цел – разрешаване на Източния въпрос в полза на Русия и освобождаване на славяните от османското владичество – дейността на комитетите излиза извън границите, начертани от руската дипломатия. Стремещът на славянофилите да оказват всестранна подкрепа на революционната борба на балканските народи с цел да принудят Русия да обяви война на Турция довежда дотам, че правителството поставя под свой контрол дейността на комитетите и им налага редица ограничения. Още в средата на декември 1875 г. Ив. Аксаков е известен от губернатора на Москва, генерал-адютант А. Е. Тимашев, че по нареждане на императора Славянският комитет, заедно с всичките отдели, преминава

на подчинение на Министерството на вътрешните работи. В същото време Министерството на външните работи запазва правата си за ръководството на задграничната му дейност. Комитетът се задължава да състави точни списъци на своите членове и да си изработи устав, регламентиращ дейността му³. Окончателното му подчиняване на Министерството на вътрешните работи става през октомври 1876 г.⁴

През есента на 1876 г. Русия взема окончателно решение за война с Турция. Славянските комитети се включват активно в нейната подготовка. Те развиват активна дейност по закупуването и доставянето на оръжие за българското опълчение, по подготовката на облеклото и снаряжението на опълченците. След започване на войната, вече като Славянски благотворителни общества, те оказват навременна помощ на българските бежанци от Южна България, намерили убежище на север от Балкана, на църквите и училищата в освободените български земи.

Славянските благотворителни общества следят с внимание развоя на събитията след подписването на примирието между воюващите страни и откликват живо на дипломатическите преговори и сключените мирни договори. В съществуващата литература се обръща внимание преди всичко на отношението на Славянските благотворителни общества и техните ръководители към Берлинския конгрес и подписания в Берлин договор. В архива на И. С. Аксаков, а и в други архиви, се намират все още неизползвани материали за отношението на славянофилите към сключените след войната договори. Някои от тези материали дават нова, по-различна представа за тях от утвърдената в споменатите изследвания.

Бойните действия на Руско-турската война от 1877–1878 г. приключват на 19 януари 1878 г. Подписването на примирието насочва вниманието на руската дипломация към мирния договор. Проектът му се подготвя от руската Главна квартира в Пордим още през ноември 1877 г. Според Пордимския проект българската държава ще се простира „в границите на българската националност и в никакъв случай в по-тесни граници от тези, отбелязани на Цариградската конференция“⁵. Постановленията на този проект обаче влизат в остро противоречие с подписаната на 3 януари 1877 г. конвенция между Австро-Унгария и Русия, в която изрично се подчертава, че при успешна война на Русия срещу Турция „не ще се допусне, щото на Балканския полуостров да се образува голяма славянска или друга държава“⁶.

Посоченото противоречие между Виенската конвенция от 3 януари 1877 г. и Пордимския проект за мирен договор от ноември същата година има важно значение за последвалите събития, свързани със Санстефанския мирен договор, с Берлинския конгрес и последвалия го мирен договор. Противоречията в самата руска дипломация, от една страна, и противоречията между руската дипломация и тази на останалите велики сили, от друга, намира силен резонанс в средите на руското общество⁷.

Подписването на Санстефанския мирен договор се посреща с удовлетворение от цялата руска общественост. Особено възторжено приветстват това събитие славянофилите от кръга на И. С. Аксаков, който произнася специална реч по този повод на 5 март 1878 г. пред заседание на Московското славянско общество. В тази реч Аксаков поздравява слушателите си в възраждането за нов живот на „цели племена и народи“⁸. В същото време той подчертава, че Източният въпрос все още не е разрешен напълно и че Цариград не е очистен от азиатската мръсотия. Следователно задачата на Русия в това отношение все още не е изпълнена цялостно⁸.

В речта си Аксаков отделя значително място и на Австро-Унгария. Тя, заедно с останалите западноевропейски страни, се стремяла да задуши славянската свобода. На тези ѝ стремежи ръководителят на Московското славянско общество отговаря със заплаха за въстание на австрийските славяни. В същата реч се отделя място и на руската дипломация, която Аксаков подозира в готовност за отстъпки пред исканията на Запада за ревизия на подписания договор⁹. Всичко това не пречи на видния славянофил да види действителните резултати от войната и той заявява, че „каквото и да се случи в близко бъдеще, никой и никога не може да отнеме от нас най-същественото достойние на наши-

те победи и както реките няма да потекат назад, така не ще се измени и исполинският безвъзвратно свършен факт: османското владичество в Европа е съкрушено навеки, въпреки че Турция продължава да съществува. Призван е от небитието в битието крупен политически славянски организъм – България“.

Много точно в речта е разкрита и ролята на Руско-турската война в съдбата на българския народ. Като подчертава, че войната се води преди всичко за освобождаването на България, И. С. Аксаков заключава: „По пътя на смъртта и страданията ние бяхме призвани да извършим свято дело за възкръсването на нашите братя. Българската земя е напоена с руска кръв. Върху руските кости се изправи България“¹⁰.

Независимо от панславистките си възгледи, Аксаков вярно преценява мястото на Русия в разразилата се Източна криза и правилно щрихира резултатите от войната. Като вещ публицист и общественик, запознат много добре с политиката на Русия, а също така и с политиката на западните сили, той трезво преценява, че прелиминарният договор все още не означава окончателен резултат от завършилата война и че пред петербургската дипломация стои нелеката задача да отстоява завоеванията на руската армия. В споменатата реч той заявява по този повод: „Дипломацията съчинява конгрес!“ Членовете на Московското славянско общество трябвало да следят внимателно развитието на събитията и да се съберат на ново заседание, „когато хоризонтът се проясни“¹¹.

Ако за Аксаков и обкръжението му Санстефанският договор е напълно приемлив край на войната, то за славянофилите, които са на дипломатическа служба, е ясно, че този мир и условията в договора са нереални с оглед на политическата конюнктура.

Един от най-сведущите по въпроса е М. А. Хитрово, който заема длъжността генерален консул на Русия в Цариград от 1871 до 1877 г., а през 1878 г. е директор на Дипломатическата канцелария при Главното командване на действащата армия¹². В същото време Хитрово е член на Петербургското славянско благотворително общество и близък съратник на И. С. Аксаков. Независимо от това, той не споделя възгледите му по въпроса за Санстефанския мирен договор. Това се вижда от една поема, написана от него и запазена в архива на списанието „Русская старина“. Тя е предназначена за публикуване в споменатото списание, но не е допусната от цензурата. Поемата е озаглавена „Санстефаниада, поема-шега, 1878“. Към поемата има съпроводително писмо с дата 18 декември 1883 г., в което се отбелязва, че в „Русская старина“ се печатат много стихотворения, които не се приемат на друго място. Ако тази поема не можело да се отпечата, то трябвало да се съхрани в архива до времето, когато това ще бъде възможно. По-нататък в съпроводителното писмо се отбелязва: „В шегата „Санстефаниада“ между смеха се прокрадват сълзи: тези сълзи бяха предизвикани у всички руски хора, взели присърце тежките обстоятелства, под гнета на които героичните подвизи и безчислените жертви за самоутвърждаване на нашите воители и на техните доблестни вождове не се увенчаха с мир, напълно достоен за героичните победи на руската войска“¹³.

В самата поема на остра критика се подлага командването на руската армия, интендантската служба, преждевременното сключване на примирието, безцелното стоене на войските недалеч от Цариград и самият Санстефански договор, подписан от Н. П. Игнатиев¹⁴. Най-ожесточена критика се отправя към Игнатиев, който, без да е запознат с действията на руската дипломация и преди всичко с подписаната Виенска конвенция от 3 януари 1877 г.¹⁵, налага един предварителен мирен договор, разкриващ изцяло замислите и целите на Русия в Югоизточна Европа. Този договор изостря противоречията между Петербургския кабинет и останалите Велики сили, тъй като Австро-Унгария обвинява Русия във вероломство и неспазване на поетите задължения от началото на 1877 г., докато Виенското правителство стриктно се придържало към неутралитет по време на войната в съответствие с подписаната конвенция. При това положение Австро-Унгария се ориентирала към сближение с Англия. По този повод Ю. С. Карцов заявява: „Въпросите за политическата етика винаги са повече или по-малко спорни. Но, заставайки на позиция практическа и военна, трябва да се признае, че мигът, избран за разрыв с Австро-Унгария от княз Горчаков, беше съвсем неподходящ. Армията ни току-що

извършваше преход през Балкана. По море господстваше турският флот, а към него във всяко време можеше да се присъедини английската флотилия¹⁶.

В поемата „Санстефаниада“ М. А. Хитрово критикува Н. П. Игнатиев и за това, че се стремил на всяка цена да стане историческа личност и „своето име тъй малко под тратката огромен да види“¹⁷.

На 1 юни 1878 г. се открива Берлинският конгрес, чиято основна задача се състои в разрешаването на основните последици от състоялата се Руско-турска война. Фактът, че Русия получава съгласието на останалите Велики сили за война с Турция, а и това, че тя подписва дипломатически споразумения с някои от тях, я задължава да се съобрази с мнението им и особено с тези, пред които поема предварителни ангажименти, свързани с териториалното разпределение на освободените земи. Грешките на руската дипломация, допуснати от Райхщад през 1876 г. до започването на войната през април 1877 г., са използвани умело от противниците ѝ. Не е без значение и фактът, че руската дипломация е представена на конгреса от канцлера княз А. Горчаков и граф П. Шувалов – дипломатически представител на Русия в Лондон. И ако все пак Шувалов е дипломат от кариерата и прави възможното да защити руските, а и българските, интереси, княз Горчаков допуска изключително много грешни ходове, следствие на напредналата възраст, на споразуменията с Австро-Унгария и на неприязненото отношение, проявявано към него от Бисмарк. Първоначално немският канцлер изявява желание да подкрепи исканията на Русия, но след като Горчаков заявява, че не се нуждае от помощта му за сключване на мира, Бисмарк се ограничава с наблюдателна позиция. Като преценява трезво създалата се ситуация, Ю. С. Карцов отбелязва: „Своето участие той [Бисмарк – б. м., И. С.] ограничи с това, че пред Петербургския кабинет изяви готовност да помогне на Русия, но да заеме ролята на застъпник на Русия, когато това Русия дори не го е молила, той счете за несъвместимо със своето достойнство и напълно излишно“¹⁸.

Когато Берлинският конгрес приближава към своя край и за всички е очевидно, че от Санстефанския договор няма да остане почти нищо по-съществено, Московското славянско благотворително общество провежда ново заседание на 22 юни, на което И. С. Аксаков отново произнася реч. Тя може да бъде разгледана в два аспекта – преследвана цел и фактическо съдържание. Целта, която преследва с тази реч Аксаков, е да поддържа на ниво авторитета на Русия сред южните славяни. Независимо от решенията на Берлинския конгрес, независимо от разпокъсването на българските територии и връщането на голяма част от тях под властта на Османската империя, южните славяни трябвало да вярват в Русия, трябвало да разчитат на нейната политика и да бъдат убедени, че тя единствена е в състояние да им помогне. Острата критика към военния министър граф Д. А. Милютин и към руската дипломация има за подтекст същата мисъл – Русия си остава покровителката и избавителката, а виновни за катастрофата в Берлин са дипломатите и ръководителите на Военното министерство.

Никак не е случаен фактът, че Аксаков разчита речта му да има по-голям успех зад граница, отколкото в самата Русия. Само четири дни след произнасянето ѝ той се обръща с писмо към Е. А. Свербова, в което заявява: „Изпращам Ви, многоуважаема Екатерина Александровна, речта, произнесена от мен на 22 юни на откритото заседание на Славянското общество. Вие, разбира се, ще се съгласите, че повече не можех да мълча, независимо че я дадох в редакцията, тя няма да бъде отпечатана. Все пак се надявам, че зад граница тя ще се появи в превод. Моля Ви, направете си труда след прочитането да я изпратите на Г. П. Галаган. При мене няма друг свободен екземпляр“¹⁹. По-късно, на 28 август 1878 г. в писмо до Г. П. Галаган в Полтава, И. С. Аксаков описва по какъв начин се появява идеята за съставянето и произнасянето на тази реч. Той дълго чакал да се появи поне някакъв адрес от страна на Московската Дума, но тъй като това не става, председателят на Славянското общество не можел повече да мълчи. От славянските земи били получени много писма с упрек, че в този тъй важен момент Обществото и лично Аксаков мълчали. Ето защо трябвало да се изгради ясно обществено мнение по разискванията в Берлин и по очерталите се решения на предстоящия мирен договор. Аксаков изтък-

ва, че на самото събрание присъствали едва около 40 души, но непосредствено след произнасянето на речта той я изпратил в Прага, където тя веднага била отпечатана в местните вестници. Впечатленията от появяването ѝ били изключително благоприятни, тъй като укрепили вярата на славянския свят в Русия. Освен това редакторът на списание „Гражданин“ Пуцикович я отпечатва в специално допълнение към списанието. На него по финансови причини му било изгодено „Гражданин“ да бъде спряно за известно време и с това си действие Пуцикович постига целта си²⁰.

Писмото на Аксаков до Г. П. Галаган е твърде категорично по въпроса за целите, които се преследват с въпросната реч. До 22 юни Аксаков действително се опитва да издейства адрес срещу Берлинския конгрес от страна на Московската Дума, но след като генерал-губернаторът на Москва се противопоставя на този опит, той остава без последствие²¹. Сам Аксаков в писмо до редактор-издателя на в. „Новое время“ изтъква, че тази реч не се отличава особено много от писаното по въпроса в „Московские новости“ и в „Новое время“, но все пак това е реч, произнесена пред едно общо събрание, а не вестникарска статия. Тази реч изразявала мнението на Московското славянско благотворително общество²².

Като председател на обществото, Аксаков действа твърде умело за печелене на привърженици по повдигнатите от него въпроси. Това не се оказва толкова трудно, тъй като значителна част от руската интелигенция и част от дворянско-буржоазните кръгове, интересувани се от съдбата на славяните, не одобряват позицията на Русия в Берлин. От Е. А. Свербова той получава изключително радушен отговор и възторжени думи за произнесената реч. В ново писмо до нея Аксаков подчертава, че е изпълнил дълга си на честен човек. Ако в Русия се намерели поне двадесет честни граждани, които биха се решили на открит протест, работите вероятно биха тръгнали по друг път. В края на писмото Аксаков заявява: „Доста сме станали подли и сега всички търсят някаква евтина сделка със съвестта, някакво примирие с позора и с разграбеното наше достойние – само и само да не се лишат от душевен комфорт“²³.

Съдържанието на речта е изключително емоционално и повдигнатите въпроси засягат най-чувствителните струни както на руската, така и на общославянската душевност. В началото Аксаков се обръща със следните думи към присъстващите: „Не сме ли се събрали тук, за да погребем днес милиони хора, цели страни, свободата на българите, независимостта на сърбите, да погребем руската слава, руската чест, руската съвест?“ Според оратора отказът от успехите, постигнати по време на войната, не може да се квалифицира по друг начин освен като позор. „Русия – победителката, сама доброволно разжалва себе си като победена“²⁴. Решенията срещу славяните, залегнали в разискванията на Берлинския конгрес, били насочени не само срещу тях самите, но и срещу Русия, а в заговора срещу нея участвали и руските представители.

Значително място в речта се отделя на България. Аксаков подчертава, че конкретният повод за войната са турските кланета в Южна България, а главната цел на войната била освобождението на българския народ от турско иго. Поради това тази война предизвиква всеобщо съчувствие и въодушевление. Тя с пълно право могла да бъде наречена „народна война“. Резултатите от войната са възстановяване на българската държава в нейните естествени граници, а сега, на конгреса, с благоволенieto на Русия страната се разпокъсвала на две, като най-плодородната, най-изстрадалата част се връща под турска власт. „Руските победоносни войски, тези същите, които с цената на своята кръв извоюваха свободата на Южна България, са заставени да я закрепостят отново към победения изверг и тъй да се каже собственоръчно да отведат: християнските жени на поругание, децата на осрамление, всичките на люта турска мъст за това, че са вярвали в руската власт, заради братското съчувствие към русите“²⁵. Като критикува изключително остро руската дипломация за отстъпките, които прави, Аксаков заявява: „Дори не съществуват такива думи, с които да се заклейми по достойнство това предателство, тази измяна на историческия завет, на призиванието и дълга на Русия. Да се съгласят на такова решение – това означава да се подпише самоотричането като Глава и Върховна представителка на

славянския и целия източнохристиянски свят, означава да изгуби не само своето обаяние, не само съчувствието, но и уважението на славянските племена, нашите естествени съюзници в Европа⁴²⁶.

Първоначалното предназначение на речта е постигнато, но почти неочаквано за Аксаков тази му проява има изключително силен отзвук и в самата Русия. Още в писмото си от 1 юли до Е. А. Свербова, т.е. само девет дни след произнасянето на речта, той съобщава: „До този момент няма никакво преследване срещу мен заради речта, независимо че в Петербург тя се предава от ръка на ръка⁴²⁷. За същото свидетелства и Пуцикович в писмото си от 15 юли: „Никога не съм мислил, че тази реч ще предизвика такъв възторг. Тук всички Ви възхваляват по най-възторжен начин⁴²⁸.

Ако сред определени среди на руското общество речта на Аксаков предизвиква възторжени чувства, то правителствените сфери реагират напълно противоположно. На 7 юли 1878 г. Министерството на вътрешните работи взема решение за отстраняването му от поста председател на Московското славянско благотворително общество. На 25 юли по лично указание на император Александър II Министерството на вътрешните работи закрива Славянското общество в Москва, без свикване на общо събрание. На следващия ден Аксаков напуска Москва и е въдворен в с. Варварино, Владимирска губерния²⁹. За новото си местоживеее видният славянофил отбелязва: „Тук е такова спокойствие, като че ли никаква политическа история не съществува на света – цялата наша сегашна дейност се представя някак отвлечена, чувството за нейната реалност се появява за малко и изчезва. Аз, признавам си, съм много радостен, че попаднах тук⁴³⁰.

Строгите мерки, които руското правителство взема по отношение на И. С. Аксаков, не спират неговата обществена дейност. Още на 5 юли той се обръща с писмо към Н. Палаузов в Одеса и го уведомява за изнесената реч. В писмото се отправят обвинения срещу западните държави, които се стремели да заличат всичко българско на юг от Балкана. „България се създава в най-неудобната и нездрава форма – малко княжество с местен княз“. Това било едно чисто макиавелистично пресмятане на западната дипломация³¹. В писмото се настоява за разпространяване на речта в България. С помощта на Одеското българско настоятелство тя е изпратена в градовете Тулча, Сливен, Цариград, Пловдив, Русе, Гърново, Габрово, София и в столицата на Румъния Букурещ³².

И след заточението си И. С. Аксаков продължава да бъде значителна фигура в славянския свят. В писмо до Е. А. Свербова от 15 август 1878 г. той обяснява, че правителството не обявило официално нито за закриването на Славянското благотворително общество, нито за заточаването му, в резултат на което той продължавал да получава „писма от най-наивните хора в света – южните славяни“, с предложение за въстание в Южна България, за оказване на съпротива на Австро-Унгария и т.н. Освен това във Варварино пристигнал и специален сръбски пратеник, който носел препоръчано писмо от митрополит Михаил и други официални лица. В писмото се оказвало, че макар и руската дипломация да ги отблъсквала и предавала в един или друг вид под властта на Австрия, то те продължавали да вярват и искали да се свържат още по-здраво с руския народ, с руското общество за установяване на най-тесни литературни, икономически, образователни и други връзки. На тези искания Аксаков отговорил „да чакат и вярват упорито и докрай в историческата съдба на Русия⁴³³.

И в този случай видният славянофил продължава да преследва основната задача, стояща пред Славянските общества и ярко изразена в речта му от 22 юни – укрепване на вярата на славянския свят в Русия, независимо от провалите на руската дипломация и на руските управляващи кръгове. В Русия, като нравствен и обединителен център на славянския свят, трябвало да се вярва неизменно.

Закриването на Славянското общество в Москва и заточаването на И. С. Аксаков във Варварино се посреща с възмущение от българите. За това свидетелства писмото на А. Теохаров от 20 октомври 1878 г., в което се заявява, че „тази печална вест“ се разнесла като мълния сред българския народ: „Няма град, село, махала в България, където да не знаят за това и няма нито един българин, който да не е прочел Вашата изпълне-

на с правдивост и любов към нас реч. За това ми съобщиha упълномощени пратеници от Елена³⁴. Що се отнася до българите в Москва, след заточаването на Аксаков те се чувствали като сираци без баща. В заключение А. Теохаров отбелязва: „Приемете нашето уверение, многуоважаеми Иван Сергеевич, че нашият народ ще Ви остане вечно признателен за Вашите заслуги и винаги с благоговение ще произнася Вашето име. Вие сте единственият човек, който издигна глас в наша защита и то в момент, когато всички други мълчаха“³⁵.

Признателността на българите към И. С. Аксаков се изразява и в редица благодарствени адреси, а в началото на 1879 г. започва да се говори за издигане на кандидатурата му за български княз³⁶.

Отношението на Славянските благотворителни общества към мирните договори, подписани в Сан Стефано и Берлин, има важно значение, тъй като тези организации, възникнали като Славянски комитети през 1858 г., заемат особено място във възрожденските процеси, протичащи в Българи през втората половина на XIX век. Независимо от панславистките идеи на техните ръководители и идеолози, Славянските комитети, а след 12 април 1877 г. – Славянските общества, правят много в подкрепа на българите за развитието на движението за новобългарска просвета, за извоюване на църковна независимост и в борбите за национална самостоятелност. През лятото на 1876 г. сред най-видните представители на славянофилството се налага убеждението, че в основата на Източния въпрос стои българският въпрос, а за това допринася най-вече разразилата се Източна криза в края на 70-те години на века, в основата на която стоят българските въстания за политическа независимост.

Мястото и ролята на Славянските общества се разбира твърде добре и от руските управляващи кръгове, независимо от това, че от лятото на 1876 г. тяхната дейност постепенно се изплъзва от контрола на правителството. След закриването на Московското славянско благотворително общество военният министър граф Д. А. Милютин отбелязва в дневника си с дата 22 юли 1878 г.: „Прискърбен факт. Той несъмнено ще произведе неприятно за нас впечатление в славянските земи, където гледаха на Московското славянско общество като на орган, чрез който самото руско правителство проявяваше своето съчувствие и покровителство към славяните. Жалко е, че нашите немногобройни обществени деятели рядко притежават политически такт; те, със своите увлечения, почти развалят работата, за която са се захванали“³⁷.

Интересно е да се знае все пак мнението на кои обществени среди изразява И. С. Аксаков и кои кръгове на руското общество откликват на неговата реч. Според В. И. Адо „Аксаков ни най-малко не изразявал чувствата и настроенията на демократичната интелигенция, още повече на народните маси“³⁸. В. И. Адо твърди, че „Аксаков се явявал най-смелият изразител на разочарованието и недоволството на определени кръгове от помещиците и буржоазията, предизвикани от отстъплението на Русия“³⁹. Тези твърдения не се приемат от Н. И. Цимбаев, който също се затруднява да определи на коя точно част от обществото се явява изразител И. С. Аксаков. Въпреки всичко той приема, че речта му, произнесена срещу реакционните решения на Берлинския конгрес, имала прогресивно значение и се явявала свидетелство за недоволството на широките слоеве на руското общество срещу антиславянските решения на конгреса. Освен това тази реч намерила най-широк отзвук сред демократичните слоеве на българския народ и способствала за закрепване на дружбата между руси и българи⁴⁰.

Без съмнение в мнението на двамата изследователи има нещо вярно, но независимо от всичко, трудно може да се приеме твърдението на Цимбаев, че речта на Аксаков „се явява свидетелство за недоволството на широките народни слоеве в руското общество“, още повече, че самото понятие „широки народни слоеве“ по същество не дава никаква представа за това, колко са широки и колко са народни слоевете, подкрепящи Аксаков. Освен това не може да се приеме и твърдението, че речта намерила широк отглас сред демократичните слоеве на българския народ, тъй като тя е приета с радост от всички българи. Защитата на националните интереси на българския народ, отразена в речта на

Аксаков, независимо от целите, които той преследва, е блестяща, а това несъмнено я прави приемлива за всички кръгове на българското общество.

За да се даде все пак отговор на този въпрос, трябва да се обърне внимание на кореспонденцията на и до И. С. Аксаков непосредствено след произнасянето на речта. В нея се срещат най-вече писма до славянофили, членове на Московското, Петербургското и другите славянски общества. Срещат се писма и на издатели, които се отличават и преди, и след това с по-самостоятелно и различно мнение от мнението на петербургските управляващи среди. Сред кореспондентите се срещат и представители на руските буржоазно-либерални кръгове, на българските и сръбските младежи, учещи в Русия. Сам Аксаков се обръща също най-вече към споменатите кръгове. При това положение може да се приеме, че И. С. Аксаков изразява интересите на една част от буржоазните кръгове, както твърди В. И. Адо, свързани много по-рано със славянофилските идеи, на част от руската интелигенция и дори на част от петербургските дипломатически кръгове, настроени срещу граф П. А. Шувалов и княз А. Горчаков, а оттам – и срещу решенията на конгреса в Берлин. Няма никакви данни за това, че народните маси в Русия застават зад казаното от Аксаков в речта му от 22 юни 1878 г. Трудно е да се докаже дори, че те са информирани в някаква степен и че изобщо знаят за решенията на Берлинския конгрес.

Определено трябва да се каже, че с изложените мисли И. С. Аксаков обосновава правото на българския народ на самостоятелен политически живот в естествените му граници, начертани в член 10 на Фермана за независима българска църква от 28 февруари 1870 г. и потвърдени от Цариградската посланическа конференция през декември 1876 г. Независимо от това обаче, основната цел на тази реч се заключава в стремежа да се запази вярата на южните и западните славяни, въобще на славянския свят, в Русия, въпреки провалите на руската дипломация. И този път идеята, че тя е нравствен център на славянския свят, е основен двигател в действията на видния славянофил. Следователно целта, заложена от Петербургското правителство със създаването на Московския славянски комитет през 1858 г. и неговите отдели по-късно, а именно, че северната империя е и нравственият, и културният, и политическият център на славянския свят, който трябва да направлява цялостното му развитие, остава доминираща и в този момент. Временният провал сега, през 1878 г., както и този през 1856 г., се дължи на отделни правителствени и дипломатически дейци, но той няма нищо общо с историческата мисия на Русия.

¹ Институт Русской литературы (Пушкинский дом) – Рукописный отдел, Санкт-Петербург (далее – ИРЛИ (Пушкинский дом) – РО), ф. 3 (архив Аксаковых, К. С., С. Т., И. С.), оп. 5, ед. хр. 21, л. 1–2; оп. 2, ед. хр. 3, л. 6–11; *Попов, Н.* Очерки религиозной и национальной благотворительности на Востоке и среди славян. Вып. 1. СПб., 1871, с. 127.

² ИРЛИ (Пушкинский дом) – РО, ф. 3, оп. 5, ед. хр. 21, л. 2.

³ Там же, оп. 2, ед. хр. 3, л. 2.

⁴ *Цимбаев, Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978, с. 235.

⁵ *Карцов, Ю. С.* За кулисами дипломатии. СПб., 1908, с. 61.

⁶ Описание Русско-турецкой войны 1877–1878 г. Издание военноисторической комиссии главного штаба. Т. 2. СПб., 1903, с. 7.

⁷ *Адо, В. И.* Берлинский конгрес 1878 г. и помещичье-буржуазное общественное мнение России. – Исторические записки. М., 1961, № 69; *Адо, В. И.* Выступление И. С. Аксакова против Берлинского конгресса 1878 г. и отклики на него в России и Болгарии. – История СССР, 1962, № 6; *Цимбаев, Н. И.* Цит. соч., 240–246; *Генов, Ц.* Славянские комитеты в России и болгарское освободительное дело..., с. 181–185.

⁸ *Аксаков, И. С.* Сочинения. Т. 1. Славянский вопрос 1860–1886. М., 1886, с. 280–281.

⁹ Там же, с. 282; *Цимбаев, Н. И.* Цит. соч., с. 238.

¹⁰ *Генов, Ц.* Цит. соч., с. 181.

¹¹ Там же, с. 182.

¹² ИРЛИ (Пушкинский дом) – РО, ф. 274 (архив Семенского, М. П.), оп. 1, ед. хр. 399, л. 96–97 (Автобиография на М. А. Хитрово, написана 26 ян. 1891 г.).

¹³ Там же, ф. 265 (архив „Руская старина“), оп. 2, ед. хр. 2984, л. 7.

¹⁴ Там же, л. 8–14.

¹⁵ До заключения мира в Сан-Стефано Н. П. Игнатъев не был уведомлен о существовании конвенции 3 января 1877 г. и о принятых Россией обязанностях. Когда Сан-стефанский договор был обнародован, вызывая недовольство великих сил, Горчаков заявляет, что это личное дело Игнатъева; для него договор оказался полной неожиданностью. О существовании Венской конвенции Игнатъев узнал у генерала Обручева, который после заключения Сан-стефанского договора сказал: „А мы в Вене по вопросу о болгарских границах руководились Вашими желаниями“. Удивленный, Игнатъев обратился к императору Александру II с вопросом, правда ли сказанное Обручевым. Императору князь Горчаков объяснил, что Игнатъев не был уведомлен о конвенции по настоянию графа Андраши, который многократно повтарял русскому дипломатическому представителю в Вене Новикову, что генералу-дипломату лучше не знать о достигнутом соглашении между двумя империями (*Карцов, Ю. С.* Цит. соч., с. 63–64).

¹⁶ Там же, с. 63.

¹⁷ ИРЛИ (Пушкинский дом) – РО, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 2984, л. 9.

¹⁸ *Карцов, Ю. С.* Цит. соч., с. 65.

¹⁹ ИРЛИ (Пушкинский дом) – РО, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 50, л. 12.

²⁰ Там же, ед. хр. 11, л. 1–3.

²¹ Там же, ед. хр. 5, л. 1–2.

²² *Цимбаев, Н. И.* Цит. соч., с. 241.

²³ ИРЛИ (Пушкинский дом) – РО, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 50, л. 13.

²⁴ *Аксаков, И. С.* Цит. соч., с. 298–299.

²⁵ Там же, с. 300.

²⁶ Там же, с. 305.

²⁷ ИРЛИ (Пушкинский дом) – РО, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 50, л. 13.

²⁸ *Цимбаев, Н. И.* Цит. соч., с. 242 – 243.

²⁹ ИРЛИ (Пушкинский дом) – РО, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 50, л. 14.

³⁰ Там же.

³¹ Народная библиотека “Святых Кирилла и Мефодия” – Болгарский исторический архив (далее – НБКМ – БИА), ф. 113 /архив Н. Палаузова/, а. е. 24, л. 1–2; *Генов, Ц.* Цит. соч., с. 183.

³² Там же.

³³ ИРЛИ (Пушкинский дом) – РО, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 50, л. 15.

³⁴ Там же, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 597, л. 1.

³⁵ Там же.

³⁶ *Адо, В. И.* Выступление И. С. Аксакова против Берлинского конгресса 1878 г., с. 135; *Цимбаев, Н. И.* Цит. соч., с. 244.

³⁷ Дневник Д. А. Милютин. Т. 3. М., 1950, с. 82.

³⁸ *Адо, В. И.* Цит. соч., с. 133.

³⁹ Там же, с. 134–135.

⁴⁰ *Цимбаев, Н. И.* Цит. соч., с. 245.

МАКЕДОНСЬКЕ ПИТАННЯ В ЗОВНІШНІЙ ПОЛІТИЦІ БОЛГАРСЬКОГО УРЯДУ РАЧО ПЕТРОВА (1903–1906 рр.)

Д. В. Миколенко

Миколенко, Д. В. Македонське питання в зовнішній політиці болгарського уряду Рачо Петрова (1903–1906 рр.)

У статті розглядаються основні напрями політики кабінету міністрів Народно-ліберальної партії у 1903–1906 рр. щодо вирішення македонського питання. Автор характеризує їх у порівнянні з ідеологічними засадами уряду С. Стамболова в 1887–1894 рр. та приходять до висновку, що на початку минулого століття під впливом зовнішніх і внутрішніх чинників представники цієї політичної сили змушені були корегувати свої погляди на вказану міжнародну проблему.

Ключові слова: Македонське питання, уряд Р. Петрова, Д. Петков, Народно-ліберальна партія, „стамболовісти“.

Миколенко, Д. В. Македонский вопрос во внешней политике болгарского правительства Рачо Петрова (1903–1906 гг.)

В статье рассматриваются основные направления политики кабинета министров Народно-либеральной партии в 1903–1906 гг. относительно решения македонского вопроса. Автор характеризует их в сравнении с идеологическими принципами правительства С. Стамболова в 1887–1894 гг. и приходит к выводу, что в начале прошлого века под влиянием внешних и внутренних факторов представители этой политической силы вынуждены были корректировать свои взгляды на указанную международную проблему.

Ключевые слова: Македонский вопрос, правительство Р. Петрова, Д. Петков, Народно-либеральная партия, „стамболовисты“.

Mykolenko, D. V. Macedonian question in the foreign policy of the Bulgarian government conducted by Racho Petrov (1903–1906).

The article deals with the basic directions of the policy conducted by the Cabinet People's of the Liberal Party in 1903–1906 concerning Macedonian issue. The author compares it with the ideological principles of “stambolovisty” in the period of governing of S. Stambolov in 1887–1894 and comes to the conclusion that in the early twentieth century representatives of these political forces had to adjust their views on the mentioned international problem under the influence of the external and the internal factors.

Keywords: Macedonian question, government R. Petrov, D. Petkov, People's Liberal Party, “stambolovisty”.

Відповідно до рішень Берлінського конгресу 1878 р., який після російсько-турецької війни 1877–1878 рр. встановив новий статус-кво на Балканському півострові, Македонія так і залишилася у складі Османської імперії, в той час як інші народи регіону – серби, греки і болгары – вже розбудовували власну державність, крокуючи шляхом самоствердження на міжнародній арені зі своїми великодержавними концепціями. Белград, Афіни і Софія починають висувати власні претензії на територію області*, застосовуючи історичні, мовні, церковні та інші аргументи для їхнього обґрунтування. Протягом останньої третини ХІХ – на початку ХХ ст. вони формували мережі навчальних закладів, проводили агітацію і пропаганду серед місцевого, здебільш слов'янського, населення з метою прищеплення йому відповідної національної ідентичності. Вирішення долі Македонії стало однією з найскладніших міжнародних проблем.

Після утворення болгарської держави у 1878 р. її національна програма оформилась у більш-менш чіткий план – об'єднання у межах власних кордонів земель, які мали увійти до складу Князівства згідно з рішеннями Сан-Стефанського попереднього мирного договору** між Туреччиною і Росією¹. Але Берлінський конгрес завдав втіленню

* Надалі у тексті – умовне визначення щодо Македонії.

** Угода від 19 лютого (3 березня) 1878 р. передбачала розширення Болгарії за рахунок трьох історичних областей – Мезії, Македонії і значної частини Фракії.

у життя цього задуму*. У 1885 р. Софії вдалося частково реалізувати проект, приєднавши до своєї території Східну Румелію. А от вирішення на свою користь македонського питання залишалося головним пунктом національної програми.

1887 року до влади в країні прийшов уряд С. Стамболова, який розробив та розпочав реалізовувати план посилення впливу Болгарії у Македонії. Вирішувати це завдання довелось у умовах складної міжнародної ситуації. Софія перебувала у дипломатичній ізоляції, адже 1886 р. було розірвано російсько-болгарські відносини. Інші великі держави, так само як і Росія-визволителька, не визнавали новообраного князя Фердинанда легітимним головою держави. Болгарія не могла розраховувати на підтримку власних інтересів з боку гарантів берлінського статус-кво, які не бажали порушувати стабільності на Балканах. Відповідно до задумів прем'єра і його прибічників Софія мала досягти своєї мети поступово – мирним шляхом за сприяння Османської імперії, розвиваючи болгарський національний рух на території європейських вілаєтів Туреччини. Отримуючи від Стамбулу санкції на вихід македонських церковних общин зі складу Константинопольської патріархії, на приєднання їх до Екзархату** та відкриття нових болгаромовних навчальних закладів у Македонії, „стамболовісти“ розраховували виховати у місцевого слов'янського населення болгарську національну свідомість².

Після відставки 1894 р. уряду С. Стамболова його концепція розв'язання македонського питання продовжувала домінувати серед представників Народно-ліберальної партії, які, перебуваючи в опозиції до кабінету „народняків“***, на шпальтах газети „Нов век“ критикували владу за нерішучість у переговорах з Портою та закликали не покладати марні сподівання на допомогу Санкт-Петербурга у вирішенні зазначеної проблеми³. І навіть смерть С. Стамболова від рук терористів у 1895 р. не змусила „стамболовістів“ змінити власні принципи. Послідовники покійного лідера – Д. Греков, Д. Петков, Н. Геннадієв та інші – намагалися й надалі активно відстоювати первинні ідеали партії. Проте, перебуваючи у січні – жовтні 1899 р. при владі у складі коаліційного уряду на чолі з Д. Грековим, їм не вдалося вплинути на зовнішньополітичний курс Софії.

Князь Фердинанд, користуючись своїм конституційним правом, мав змогу в будь-який час відправити у відставку та призначити новий кабінет міністрів. Так, у період з жовтня 1899 р. по травень 1903 р. уряд по чергово очолювали ліберал Т. Іванчов (з 13 жовтня 1899 р. по 25 січня 1901 р.), безпартійний Р. Петров (до 5 березня 1901 р.), демократ П. Каравелов (до 4 січня 1902 р.) і прогресивний ліберал С. Данєв (до 19 травня 1903 р.). Експериментуючи зі складом виконавчого органу влади у пошуку більш-менш покiрних його представників, голова держави тим самим змінював і зовнішню політику країни. Поступова розбудова авторитарного режиму монарха, змушувала „стамболовістів“ пристосовуватися до реалій політичного життя Болгарії.

1903 року НЛП отримала чергову можливість повернутися до влади. Випробувавши всі варіанти для створення правлячої коаліції з представників Народної, Демократичної і Народно-ліберальної партії, лідери яких, до того ж, не зуміли домовитися між собою про розподіл міністерських портфельів, Фердинанд 6 травня вдруге доручив формування уряду безпартійному генералу Рачо Петрову (1861–1942) – людині, котра на той час користувалася довірою з боку монарха та була близькою за своїми політичними переконаннями до „стамболовістів“****. За рішенням князя новопризначений прем'єр

* Сан-Стефанську Болгарію було розділено на васально залежне від Османської імперії Болгарське князівство, автономну в складі Туреччини Східну Румелію і звичайну провінцію Порти – Македонію.

** Болгарська церква, створення якої було проголошено 1870 р. фірманом турецького султана.

*** Члени Народної партії Болгарії, створеної у 1894 р. на основі об'єднаної опозиційної коаліції представниками різних політичних сил. Виступали проти режиму С. Стамболова; в зовнішній політиці орієнтувалися на царську Росію.

**** 1894 року Р. Петров зіграв не останню роль у відстороненні С. Стамболова від влади. Очолюючи Військове міністерство, він звів нанівець всі потенційні загрози масових акцій протесту „стамболовістів“, незадоволених відставкою їхнього лідера. Після формування нового уряду на чолі з К. Стоїловим генерал зберіг за собою міністерський портфель, однак згодом вийшов зі складу „народняцького“ кабінету на знак протесту проти реабілітації учасників державного перевороту (1886 р.) та виступу російськи налаштованих офіцерів у Русе і Сілістрі (1887 р.). Принципова позиція Р. Петрова зблизила його зі „стамболовістами“. 1901 року його вперше було обрано депутатом Народних зборів Болгарії від Народно-ліберальної партії.

мав також виконувати за сумісництвом обов'язки міністра закордонних справ і віросповідань. До складу уряду увійшов ще один безпартійний – полковник М. Савов (військовий міністр). Інші ключові посади зайняли представники Народно-ліберальної партії. Так, Д. Петков очолив Міністерство внутрішніх справ, доктор Н. Генадієв отримав портфель міністра правосуддя, І. Шишманов – народної освіти, А. Манушев – фінансів, Д. Попов – громадських робіт, шляхів сполучення, торгівлі та землеробства⁴.

Такий крок князя Фердинанда свідчить про те, що він все-таки більше схилився до тих принципів, які пропагували лідери НЛП. А от рішення голови держави включити до складу кабінету міністрів безпартійних представників істеблішменту країни підтверджує його побоювання вдруге наступити на одні й ті ж граблі – власноруч установити гегемонію цієї партії. Та й з кандидатурою прем'єр-міністра монарх теж перестрашувався, віддавши перевагу своєму надійному протеже, якого ще 1887 р. удостоїв рідкісного звання – „почесний флігель-ад'ютант“ його величності.

В історіографії існує чимало робіт, присвячених темі зовнішньополітичної діяльності уряду Р. Петрова щодо вирішення македонської проблеми. У монографії болгарського дослідника Ж. Попова⁵ розкриваються заходи болгарської влади на міжнародній арені під час правління „стамболовістів“ у 1903–1908 рр. Автор характеризує позицію НЛП відносно Іллінденського повстання 1903 р., Мюрцштезького проекту реформ у Македонії тощо. Ці ж питання, але більш детальніше, розглянув у своїй статті С. Славов⁶.

У російській дореволюційній історіографії болгарським партіям приділялося небагато уваги. Їхній вплив на політичні процеси в умовах авторитарного режиму князя Фердинанда на початку ХХ ст. визначався як несуттєвий⁷. Радянські вчені також не часто зверталися до цієї теми. Зовнішній курс Софії вони оцінювали, застосовуючи класовий підхід, та називали його проявом буржуазного націоналізму, вигідного правлячим соціальним прошаркам. Поширені стереотипи і штампи заважали об'єктивному висвітленню теми. За „стамболовістами“ міцно закріпилася дефініція „руссофоби“, які у своїй політиці орієнтувалися на країни Троїстого союзу⁸.

У сучасній російській та українській історіографії вказана проблема практично не вивчалася. Науковці лише побіжно займалися нею, досліджуючи інші теми. Л. Лямцева у своїй роботі⁹ дала загальну характеристику зовнішнім пріоритетам ліберальних і консервативних партій Болгарії, а львівський вчений В. П. Чорний¹⁰ стисло розкрив політику урядів країни на міжнародній арені у кінці ХІХ – на початку ХХ ст.

Розглядаючи концепцію розв'язання македонського питання урядом Р. Петрова у порівнянні з ідеєю вирішення цієї проблеми С. Стамболовим, можна простежити еволюцію „стамболовістських“ підходів і методів в умовах авторитарного режиму князя Фердинанда, зробити висновок, наскільки на початку ХХ ст. НЛП відійшла від своїх первинних принципів, взятих на озброєння у період прем'єрства її засновника, а також визначити ступінь впливу партії на зовнішній курс Софії. Характеристика політики другого народно-ліберального кабінету міністрів на чолі з генералом Р. Петровим щодо македонської проблеми у зазначеній порівняльній ретроспективі і є метою даної роботи.

Напередодні чергового приходу до влади Народно-ліберальна партія нагадала суспільству власну позицію відносно деяких аспектів македонської проблеми. На шпальтах газети „Нов век“ регулярно публікувалися статті з критичними зауваженнями на адресу уряду прогресивних лібералів, в яких наголошувалося, що єдиним шляхом покращення становища болгар у Македонії є досягнення компромісу з Туреччиною. Тому необхідно переоканати Стамбул у своїх миролюбних намірах, не застосовуючи по відношенню до Порти ворожих дій¹¹. Ставка на Росію кабінета С. Данева, на думку лідерів НЛП, не виправдовувала себе, адже Санкт-Петербург не збирався задовольняти національні інтереси Болгарії. Крім того, протягом першої половини 1903 р. журналісти газети висловлювали великі сподівання на реформи в Македонії, підкреслюючи, що за умови їх реалізації „...болгарський національний елемент в європейських віластах Туреччини неодмінно візьме гору над усіма іншими. Це стане перемогою Князівства“¹².

Перші зовнішньополітичні кроки уряду генерала Р. Петрова, спрямовані на вирішення македонської проблеми, продемонстрували готовність нової болгарської влади

слідувати усталеним „стамболовістським“ принципам, які зводилися до спроб Князівства порозумітися з Османською імперією. З цією метою у кінці травня 1903 р. кабінет міністрів направив у Стамбул досвідченого політика і дипломата, безпартійного на той час Г. Начовича, який вирізнявся своєю прихильністю до болгарсько-турецького зближення. Обравши обережну тактику, не форсуючи подій, болгарський представник, поринувши у політичну атмосферу османської столиці, вивчав ситуацію на предмет готовності Порти до двосторонніх переговорів, а також ненав'язливо намагався переконати турецьких високопосадових осіб у миролюбних намірах Князівства¹³.

У цілому стратегія, обрана кабінетом Р. Петрова, відповідала ідеологічним засадам Народно-ліберальної партії. Однак на початку ХХ ст. на Балканах склалася зовсім інша міжнародна ситуація, з якою Софія змушена була рахуватися. Порту, розчарована політикою попередньої болгарської влади, поставилася до місії Г. Начовича з недовірою. Великий візир Османської імперії Мехмед Ферід-паша так охарактеризував ініціативу Софії: „Нині діючий кабінет запевняє нас у своїй доброзичливості; при цьому, знаючи нестійкий характер Фердинанда, хотілося б бути впевненим у тому, що уряд сприятиме і припиненню четницького руху“¹⁴. До того ж у Стамбулі передбачали можливість переорієнтації Болгарії на Росію та залишалися переконаними, що Князівство продовжувало фінансувати революційні комітети у Македонії і Фракії, а тому не поспішали розпочинати переговори з Софією.

На той час Османська імперія, намагаючись розколоти визвольний рух слов'янського населення у своїх європейських вілаєтах, почала підтримувати сербську і грецьку національну пропаганду в Македонії¹⁵. Подібні заходи знаходять підтвердження у чисельних листах, які отримував Г. Начович від довірених осіб у Салоніках, Бітолі та Скоп'є¹⁶. Зближення з Софією не входило у плани Порти. Однак подальші події в регіоні змусили кабінет Р. Петрова і турецький уряд прискорити переговорний процес.

2 серпня 1903 р. у Македонії відбувся збройний виступ місцевого християнського слов'янського населення проти османської влади, який 19 серпня підтримали мешканці Фракії. Ці події, що увійшли в історію під назвою Іллінденсько-Преображенського повстання, привернули увагу всієї Європи. Великі держави, незалежно від їхньої блокової належності і зовнішньополітичної орієнтації, задля покращення становища жителів Македонії і Фракії планували провести реформи у цих областях. Болгарський уряд, у свою чергу, підтримував вказані ініціативи. Не маючи змоги вплинути на перебіг подій у європейських вілаєтах Туреччини, він зайняв пасивну позицію.

Одні з перших зовнішньополітичних кроків кабінету Р. Петрова були спрямовані на забезпечення позитивного іміджу Князівства серед гарантів берлінського статус-кво. Представники Болгарії в європейських столицях отримали від Міністерства закордонних справ відповідні інструкції, в яких йшлося про необхідність запевнити високопосадових осіб великих держав і Османської імперії у тому, що софійський уряд надалі проводитиме миролюбну політику та буде сприяти успішній реалізації ідеї реформ у Македонії і Фракії¹⁷. Однак, незважаючи на всі зусилля Міністерства закордонних справ і віросповідань Князівства, дипломатичні агенти й довірені особи регулярно повідомляли з Туреччини про поширення чуток у Стамбулі щодо підготовки Болгарією війни проти Порти¹⁸. Хоча вказані плітки і не мали під собою реального підґрунтя, та все ж вони зумовлювали недовіру між двома державами.

Наприкінці серпня 1903 р. уряд Р. Петрова регулярно висловлював свої сумніви відносно щирості намірів Туреччини мирним шляхом розв'язати проблему слов'янського населення своїх вілаєтів. У зверненні болгарського дипломатичного представника у Санкт-Петербурзі Д. Станчова до міністра закордонних справ Росії графа В. Ламсдорфа підкреслювалося, що Стамбул тільки й чекає слушної нагоди для загострення конфлікту, і тому великим державам необхідно надати Порті „...категоричні поради залишатися поміркованою“¹⁹.

Протягом перших місяців роботи уряду „стамболовістів“ члени опозиційних партій Болгарії критикували владу за її пасивність та закликали вдатися до рішучих заходів. У відповідь на такі виступи лідер Народно-ліберальної партії Д. Петков зазначив: „Слаб-

кість Болгарії та міць Туреччини визначили наш миролюбний підхід до відносин зі Стамбулом і дипломатичні методи розв'язання проблеми. Після припинення повстання ми зробимо все можливе задля покращення становища мешканців області. У будь-якому іншому випадку буде неможливо стримувати революційний рух²⁰.

3 жовтня 1903 р. у місті Мюрцштег Австро-Угорщина і Російська імперія оприлюднили спільно розроблений проект реформ у Македонії, який увійшов в історію під назвою Мюрцштезької програми*. Офіційна реакція болгарського уряду на цю ініціативу великих держав розходилася з оцінками, які у кулуарних заявах отримав запропонований план. У зверненні до урядів великих держав Софія вітала прагнення Санкт-Петербурга і Відня покращити ситуацію в області, проте вже 16 жовтня Р. Петров у своїй телеграмі, адресованій Г. Начовичу, дав негативну оцінку проекту. „Загальна мета програми, – зазначав прем'єр-міністр, – це відсторонення місцевих болгар від адміністративного управління²¹.

Зі значною долею песимізму характеризував мюрцштезькі ініціативи лідер НЛП Д. Петков. На його думку, реформа з самого початку була приречена на фіаско, адже її розробка відбувалася в умовах постійних чвар між європейськими державами, які представляли антагоністичні військово-політичні блоки. До того ж її поміркований характер не дозволяв суттєво покращити становище християнського слов'янського населення області²².

20 жовтня 1903 р. Р. Петров у своєму листі до болгарських дипломатичних агентів у Лондоні, Берліні, Парижі, Відні й Санкт-Петербурзі дав чергову характеристику ініціативам Росії і Австро-Угорщини. Призначення Віднем і Санкт-Петербургом незалежних від Стамбулу інспекторів у Македонії, на думку прем'єра, не могло гарантувати неупередженості нової влади, адже подібна практика не виключала симпатій та антипатій великих держав. Незадоволення голови уряду викликав і той факт, що проект реформ не передбачав змін в управлінні Фракією, населення якої страждало „...нарівні з мешканцями інших вілаєтів²³.

Миролюбна риторика представників болгарської влади поступово почала змінюватися на радикальні гасла. „Всі намагання вирішувати проблему мирним шляхом, без допомоги гармат, виявилися марними“, – заявив 12 грудня у Народних зборах військовий міністр М. Савов. Один із лідерів НЛП Н. Генадієв висловив думку, що в умовах існуючої міжнародної ситуації він навіть не може припустити думки про роззброєння. Уряд підрахував, що у разі війни країні буде необхідна чотириохсоттисячна армія для оборони власних кордонів та захисту інтересів Князівства на Балканах. У міністерських кулуарах все частіше лунали відверті заяви: головна умова існування незалежної Болгарії – це наявність у неї боєздатної армії. Як наслідок, наприкінці 1903 р. в країні розпочалася реформа збройних сил. Характеризуючи роль армії у розв'язанні македонської проблеми, Д. Петков називав її опорою в дипломатичних відносинах з Туреччиною та іншими балканськими державами²⁴.

Перший „стамболовістський“ уряд протягом другої половини 1880-х – першої половини 1890-х років також вдавався до аналогічних прийомів. Агресивні заяви тогочасного прем'єра і його найближчих прибічників мали на меті схилити Порту до переговорного процесу, зробити її більш поступливою. Щоправда далі зазначених декларацій справа не доходила. Софія продовжувала віддавати перевагу дипломатичним методам вирішення македонського питання. Аналогічно діяв і уряд Р. Петрова. Не зважаючи на заклики його окремих представників братися за зброю, кабінет міністрів демонстрував свою миролюбність, терпимість та довіру по відношенню до великих держав і Туреч-

* Передбачала дворічний контроль над діяльністю головного турецького інспектора Хальміпаші у Македонії з боку австрійського і російського цивільних інспекторів, реорганізацію османської жандармерії, новий адміністративний устрій області, реформування судових установ, створення міжнародної комісії для розгляду справ учасників Іллінденсько-Преображенського повстання тощо. План реформ підтримали всі країни-підписанти Берлінського трактату, окрім Німеччини. Остання з обуренням сприйняла пропозиції Відня і Санкт-Петербурга, оскільки ревниво ставилася до виконання угод 1878 р.

чини. Подібну ситуацію ілюструє позиція „стамболовістів“ щодо революційного руху в Македонії^{*}. „Члени деяких комітетів можуть бути більшими патріотами, аніж усі ми, – зазначав у своєму виступі у Народних зборах Д. Петков, – але при цьому вони не несуть відповідальності за країну, не знають усіх обставин, які склалися навколо Болгарії, тому не мають права диктувати політику уряду“²⁵. Проте, на відміну від засновника НЛП С. Стамболова, який забороняв створювати на території Болгарії революційні комітети та вимагав переслідувати учасників македонського визвольного руху, Д. Петков підтримував зв'язки з представниками Таємної македонсько-одринської революційної організації, але при цьому застерігав їх від активних дій проти османської влади.

Зовнішньополітична діяльність уряду Р. Петрова у 1903 р. не викликала нарікань з боку великих держав. Зокрема, у звіті Міністерства закордонних справ Росії політика болгарського кабінету міністрів за цей період характеризувалась як продовження курсу попереднього „русифільського“ кабінету С. Данєва. Прихід до влади Народно-ліберальної партії, на думку російських дипломатів, не змінив міжнародну орієнтацію Софії, яка відмовилася від усілякої ворожості загалом та по відношенню до Санкт-Петербурга зокрема²⁶.

Однак подальші дії уряду Р. Петрова засвідчили хибність оцінок російської дипломатії. На відміну від кабінету Прогресивно-ліберальної партії, „стамболовісти“ не розглядали Росію як союзника у справі вирішення македонського питання. Недовіра до ініційованих Санкт-Петербургом і Віднем реформ підштовхнула Софію до нових переговорів зі Стамбулом. До Туреччини знову був відряджений Г. Начович, який з жовтня 1903 р. став офіційним дипломатичним агентом у цій країні²⁷.

Відновлення діалогу з Портою призвело до виникнення дискусії серед правлячих кіл Болгарії. Прем'єр-міністр Р. Петров наполягав на включенні Фракії до складу територій, на яких планувалися реформи, та наполегливо рекомендував болгарським дипломатам шукати можливість вирішити це завдання. Його підтримав міністр внутрішніх справ Д. Петков, а також всі найбільш впливові члени НЛП. Порто ж не бажала реалізувати Мюрцшгезький проект у Фракії. Її категоричність поставило двосторонні переговори на межу зриву. На відміну від представників болгарського уряду, Г. Начович мав іншу думку з приводу майбутнього Фракії та вважав доцільним поступитися Туреччині заради досягнення порозуміння з нею.

Незважаючи на той факт, що Г. Начович формально був підлеглим Р. Петрова, дипломат знайшов спосіб вплинути на прем'єр-міністра, змінивши його позицію відносно Фракії. Він звернувся до Фердинанда, наполегливо доводячи монарху необхідність прийняти турецький варіант здійснення реформ. З дипломатичної переписки між Г. Начовичем і Фердинандом видно, що голова держави ніяк не міг прийняти остаточне рішення з цього приводу. „Відповідальність перед болгарським народом є величезною, – писав князь у листі, – через це Р. Петров і Д. Петков продовжують вагатися“²⁸. Позицію Г. Начовича підтримав екзарх Йосиф I, що врешті-решт остаточно переконало Фердинанда. Р. Петров і Д. Петков змушені були теж поступитися. Після цього двосторонні переговори між Софією і Стамбулом помітно активізувалися.

26 березня 1904 р. Болгарія і Туреччина підписали двосторонню угоду. Згідно з її положеннями, Князівство зобов'язувалося не допускати на своїй території діяльності революційних комітетів та формування четницьких загонів, а також суворо переслідувати своїх підданих, які намагатимуться брати участь у протизаконних акціях на територіях європейських вілаєтів Османської імперії. У свою чергу Порто погоджувалася надати загальну амністію учасникам національно-визвольного руху^{**}, реалізувати запропонований Австро-Угорщиною і Росією Мюрцшгезький проект реформ, забезпечити вільне працевлаштування македонських болгар на адміністративні посади. Угода офіційно санкціонувала повернення на батьківщину десятків тисяч біженців, які після

^{*} Великі держави і Туреччина вимагали від Софії взяти під контроль діяльність революційних комітетів у Македонії і Фракії.

^{**} Це положення не розповсюджувалося на організаторів терористичних актів із застосуванням вибухових сумішей.

Іллінденсько-Преображенського повстання емігрували до Болгарії. Імперська влада офіційно обіцяла повернути їм залишене колись житло і господарство. Крім того Договір передбачав створення спільних військових і громадянських органів у прикордонній зоні з метою звести нанівець можливість переходу розбійників і четників через демаркаційну лінію, а також взаємний обмін затриманими злочинцями і дезертирами.

Підпадали під амністію й учасники національно-визвольного руху в Македонії і Фракії, взяті під варту турецькою владою під час Іллінденсько-Преображенського повстання. Для реалізації цього пункту домовленостей дипломатія Софії розгорнула енергійну діяльність, склавши поіменні списки заарештованих²⁹.

Новина про болгарсько-турецьке порозуміння викликала суперечливі думки серед громадян Князівства. Опозиційні політичні сили гостро критикували уряд за його поступливу політику, приписуючи йому насильницьку репатріацію македонських біженців за відсутності гарантій їх нормального існування. Представники Народної і Прогресивно-ліберальної партій піддали осуду дії кабінету Р. Петрова за намагання вирішити болгарське національне питання у двосторонньому порядку без участі західноєвропейських держав і Росії та за підтримку Таємної Македонсько-Одринської революційної організації (ТМОРО). Демократи і ліберали-„радославовисти“ звинуватили уряд у туркофільстві. На їхню думку, „стамболовисти“ мали застосувати більш рішучі заходи та використати військову силу для здобуття автономії Македонією³⁰.

Майже одночасно з роботою над підписанням болгарсько-турецького договору, уряд Р. Петрова розпочав пошук можливостей для порозуміння з Сербією, яка після травневого перевороту 1903 р. перебувала у міжнародній ізоляції і тому була схильна до компромісів. Значна роль у вирішенні цього завдання належить дипломатичному агенту (на той час у Чорногорії, а з 1905 по 1907 р. у Сербії) Д. Різову – прихильнику ідеї створення слов'янського союзу на Балканах. Його енергійні зусилля на досягнення домовленостей з Белградом у македонському питанні, стали результатом підписання 31 березня 1904 р. болгарсько-сербського союзного договору, який включав у себе воєнно-політичну угоду між державами. Документом передбачалося проведення обома країнами заходів, спрямованих на збереження територіального статус-кво у регіоні, протистояння намірам будь-якої іншої країни окупувати Македонію і Фракію, а також застосування спільних зусиль для покращення становища своїх діаспор у Туреччині, тобто сприяння впровадженню Мюрцштезької реформи у Салоніцькому, Бітольському і Косовському вілаєтах, а також на території Фракії³¹.

Намагаючись зберегти у таємниці зміст документу, сербський та болгарський уряди переконували європейську й балканську дипломатію і громадськість, а також своїх громадян у тому, що двостороння угода стосується лише економічних питань. Однак, незважаючи на всі ці зусилля, договір між Белградом і Софією викликав недоброзичливі відгуки з боку Туреччини, яка розцінила його як зручний привід для затримки реалізації своїх домовленостей з Болгарією, гальмуючи звільнення з-під варті заарештованих революціонерів.

Зближення Софії з Белградом неоднозначно оцінила і болгарська опозиція. З одного боку, вона схвальними відгуками зустріла підписання так званих економічних угод; з іншого – звинуватила уряд в ігноруванні македонської проблеми під час діалогу з Сербією. На думку демократів, болгарський уряд мав змусити Белград відмовитися від своїх претензій на цю область. Представники Народної, Прогресивно-ліберальної, Ліберальної і Младоліберальної партій закликали покласти край діям сербських і грецьких четників у Македонії та вимагали від влади запобігти пропаганді, яку проводили Белград і Афіни у цій області³².

Підписана з Сербією угода суперечила концепції розв'язання македонської проблеми, запропонованої С. Стамболовим. Як відомо, 1889 р. засновник НЛП відповів

** Їх загальна чисельність становила близько 4 тис. осіб.

** Політичне угруповання прихильників колишнього прем'єр-міністра країни В. Радославова, яке 1886 р. оформилося у самостійну політичну силу – Ліберальну партію.

відмовою на пропозицію сербського політика Н. Пашича розділити Македонію на сфери впливу та об'єднати зусилля двох держав у боротьбі проти Туреччини. Тогочасний болгарський прем'єр зробив ставку на зближення зі Стамбулом, ігноруючи всі заклики до створення антитурецького блоку.

Отже, у період правління другого народно-ліберального уряду під впливом зовнішніх і внутрішніх чинників „стамболовістська“ ідея вирішення болгарського національного питання зазнала трансформації. Тодішні міжнародні умови давали Софії можливість проводити багатовекторну політику, що було неможливим у другій половині 1880-х – першій половині 1890-х років. На відміну від першого періоду правління „стамболовістів“, коли у Болгарії існував авторитарний режим їхнього вождя, на початку ХХ ст. новим лідерам політичної сили вже необхідно було враховувати думку князя Фердинанда, безпартійних міністрів, а також своїх опонентів, котрі у будь-який час могли отримати від монарха міністерські портфелі, потіснивши представників НЛП.

Незважаючи на підписання угоди з Сербією, уряд Болгарії продовжував переговори з Портою. У своєму зверненні до Г. Начовича, датованому червнем 1904 р., генерал Р. Петров рекомендував дипломатичному представникові в Стамбулі вдатися до енергійних заходів задля припинення свавілля проти македонських болгар та наполегливо радив йому уникати загострення двосторонніх відносин. У серпні дипломат отримав аналогічну інструкцію і від Д. Петкова, який тимчасово виконував обов'язки керуючого Міністерством закордонних справ і віросповідань³³.

Внаслідок ігнорування Портою вимог Софії серед членів болгарського уряду почали посилюватися негативні по відношенню до Туреччини настрої. Протягом літа 1904 р. провладна газета „Нов век“ опублікувала низку статей, в яких йшлося про неефективність реформ у Македонії та навмисний зрив Стамбулом плану реалізації Мюрцштезького проекту³⁴.

Порта також була незадоволена політикою Софії. Вже через місяць після підписання двосторонньої угоди вона звинуватила Князівство у підтримці революційного руху на території своїх вілаєтів. Влітку 1904 р. відносини між Болгарією і Османською імперією почали погіршуватися.

Не знайшло свого продовження і болгарсько-сербське зближення. Активізація Белградом пропаганди у Македонії, а також репресії четників ТМОРО проти сербоманського населення у північно-західній частині області звели нанівець зусилля дипломатії обох країн.

Укладені Болгарією у 1904 р. угоди з Туреччиною і Сербією не дали довготривалого ефекту у відносинах між державами та мали превентивний характер. Вони не вирішували основного питання, яке розділяло країни Балканського півострова – це статус слов'янського населення Македонії. Підписання домовленостей для Софії, Белграда і Стамбула мало тактичне значення та визначалося зовнішньополітичною кон'юнктурою. Саме тому спроби зближення Князівства з Портою і Сербією були приречені на фіаско.

Ускладнення відносин Болгарії з сусідніми балканськими державами відбувалося на тлі остаточного розчарування правлячих кіл країни реалізацією Мюрцштезького проекту реформ у Македонії. У своєму письмовому рапорті князю Фердинанду від 27 серпня 1904 р. виконуючий обов'язки міністра закордонних справ і віросповідань Д. Петков характеризував ініційовані Австро-Угорщиною й Росією перетворення як неефективні. „Цивільні агенти і офіцери жандармерії увесь цей час виконували роль простих спостерігачів“, – відзначав політик. В інформації, яку отримував уряд від своїх дипломатичних представників, наводилися факти, котрі підтверджували свідоме гальмування реформ Портою³⁵.

У результаті провалу спроб залучити Сербію до реалізації автономістської ідеї у Македонії, а також зневіри у сприятливу політику великих держав і Туреччини, уряд генерала Р. Петрова розпочав корегувати свої підходи до розв'язання македонської проблеми. Він все більше схилився до думки про необхідність покладатися лише на власні сили і можливості. У статтях провладної газети часто-густо з'являлися антагоністичні по відношенню до Порти заяви представників болгарської влади, у той час як офіційна

позиція народно-ліберального кабінету міністрів залишалася усталеною – не допустити потенційного конфлікту зі Стамбулом. Агресивні публікації носили надзвичайно емоційний характер та друкувалися в агітаційно-пропагандистських цілях. З їх допомогою влада намагалася перекопати громадськість своєї країни у тому, що не залишить напризволяще християнське слов'янське населення як Македонії, так і Фракії та продовжувати захищати його інтереси.

Невдовзі після підписання болгарсько-турецької угоди Софія відновила контакти з представниками ТМОРО*. Д. Петков пояснював цей крок тим, що Стамбул так і не збирався доводити до логічного завершення реалізацію Мюрцштезького проекту. Однак справжня мета налагодження перерваних раніше зв'язків полягала у спробах знову встановити контроль над діяльністю революційних комітетів. А от для забезпечення свого позитивного іміджу на міжнародній арені, уряд Р. Петрова й надалі продовжував співпрацювати з Османською імперією, стримуючи розгортання четницького руху в Македонії. У кабміні вважали, що „...під вуаллю патріотизму, ТМОРО експлуатувала місцеве населення та зловживала його довірою, компрометуючи святу македонську справу“³⁶. Через це влада Болгарії заборонила на території Князівства збір коштів для підтримки Таємної організації. Водночас уряд самотужки продовжував забезпечувати фінансову допомогу ТМОРО, створивши для цього спеціальний фонд. Д. Петков неодноразово клопотав перед князем про необхідність збільшення обсягу грошових субсидій на потреби болгарського визвольного руху.

Наприкінці 1904 р. уряд Р. Петрова зайняв чітку позицію відносно національно-визвольного руху в Македонії і Фракії, яка полягала у необхідності продовження співпраці з ТМОРО. При цьому кабінет міністрів повинен був взяти на себе роль координатора, зосередивши у своїх руках цілковитий контроль над її діяльністю. Серед членів ТМОРО знайшлося чимало прибічників такої ідеї, переважно представників правого крила організації – Д. Агура, Х. Матов, Х. Татарчев.

На початку 1905 р. при Міністерстві закордонних справ і віросповідань було створено Друге політичне відділення, до обов'язків якого входив моніторинг ситуації в європейських вілаєтах Османської імперії, а також надання компетентних порад уряду щодо політики у македонському питанні. Невдовзі співробітники цієї установи запропонували кабінету міністрів проект, який включав комплекс заходів, направлених на забезпечення контролю над діяльністю революційних комітетів. Цей документ передбачав: 1) продовження матеріальної підтримки „правого крила“ ТМОРО, а також пошуку можливостей зближення з „лівим“ угрупованням Я. Санданського; 2) запобігання втручання третіх осіб у відносини Софії з „санданістами“, що могло погіршити і без того напружені стосунки; 3) сприяння об'єднанню угруповання генерала І. Цончева з Таємною організацією; 4) виховання у керівництва ТМОРО поміркованості та нейтралізація радикальних елементів; 5) переконання Йосифа I у необхідності призначення на посади вчителів освітніх закладів Екзархату лише лояльних до політики Болгарії осіб³⁷.

Запропоновані ініціативи були підтримані кабінетом міністрів, який відразу ж розпочав їхнє впровадження. Залучивши своїх довірених осіб серед населення Османської імперії, було проведено широку агітацію, яка сприяла зростанню числа лояльних до політики Софії представників навчальних закладів Екзархату. „Македонія потребує пробудження, – пише у своєму листі до Г. Начовича Д. Петков, – заради цього слід використовувати таку зброю, як слово, щоб підготувати народ до майбутньої визвольної боротьби“³⁸.

Однак подальшій реалізації розробленої програми завадили протиріччя щодо методів її здійснення, які виникли на зламі 1904–1905 рр. Так, дипломатичний агент у Стамбулі Г. Начович негативно ставився до активних взаємозв'язків між урядом НЛП і Таємною македонсько-одринською революційною організацією. На його думку, подібна політика по відношенню до Порти із залученням четницького руху заважала реалізації реформ в її європейських вілаєтах та не дозволяла досягти компромісу з нею. А от лі-

* Йдеться про період активної фази болгарсько-турецьких переговорів.

дер правлячої Народно-ліберальної партії Д. Петков вважав за необхідне продовжувати підтримувати діяльність ТМОРО та наполягав на комплексному підході до вирішення македонської проблеми. Прем'єр-міністр Р. Петров взаємовідносинам з революційними організаціями взагалі відводив другорядну роль у функціонуванні кабінету міністрів. Поступово він перетворився на противника дипломатичних методів розв'язання македонського питання, все більше схилившись до силового сценарію із залученням збройних сил. Подібний дисонанс у поглядах ключових фігур болгарської влади заважав ефективному вирішенню завдань зовнішньої політики країни³⁹.

Провал Мюрцштезького проекту реформ ставав дедалі очевиднішим, тому серед представників уряду почало збільшуватися число прихильників війни з Османською імперією як одного із варіантів розв'язання македонської проблеми. Однак, враховуючи невідповідність Князівства до збройного конфлікту, Софія всіляко намагалася перенести його початок на невизначений термін. „Болгарії необхідно бути готовою до війни на Балканському півострові, але при цьому самій не провокувати конфлікту“⁴⁰, – наголошував Д. Петков у своєму листі від 16 березня 1905 р. до Г. Начовича. План воєнних дій проти Туреччини, розроблений Генеральним штабом збройних сил влітку 1905 р., не передбачав наступальних операцій. Він мав суто оборонний характер. Цей факт є найвагомішим доказом того, що Софія у найближчій перспективі не розглядала війну з Портою як засіб вирішення на свою користь македонського питання.

Погіршення відносин з Османською імперією та поширення антитурецьких настроїв серед громадськості країни вплинуло на зовнішньополітичний курс уряду генерала Р. Петрова. Проблеми, пов'язані з Македонією, кабінет міністрів все частіше намагався обговорювати не з Портою, а з великими державами. Так, у відповідь на активізацію сербських і грецьких четницьких угруповань на території європейських віластів Туреччини, 17 червня 1905 р. Софія звернулася з протестами не до Стамбула, а до Парижа, Лондона, Відня, Берліна і Санкт-Петербурга. Намагаючись дискредитувати Сербію і Грецію, Болгарія розповсюдила через своїх дипломатичних представників у європейських столицях інформацію, в якій дії зазначених збройних формувань характеризувались як терористичні. Уряд Р. Петрова розраховував, що великі держави, втрутившись у ситуацію навколо Македонії, змусять Белград і Афіни припинити свою національну пропаганду в області та розформувати четницькі загони. З метою протидії нападам бойовиків на мирне населення Македонії влада Болгарії звернулася до представників реформаторської місії в області з клопотанням про надання дозволу на забезпечення селян і жителів міст зброєю для самозахисту. Незважаючи на те, що вказана ініціатива знайшла розуміння і підтримку серед деяких чиновників і жандармерії македонської адміністрації, Порто не дозволила застосування подібних заходів.

1906 р. уряд Р. Петрова розробив довгостроковий план розв'язання македонської проблеми, який передбачав спочатку здобуття автономії області у складі Османської імперії, а вже потім приєднання її до Князівства. У цьому проекті знайшла відображення інтерпретація болгарської влади принципу автономізму щодо Македонії⁴¹. Згідно з позицією кабінету міністрів отримання права на самоврядування необхідно розглядати у контексті процесу остаточного визволення області від турецького ярма, а також підкреслювалася неможливість у Македонії іншої національної автономії, окрім болгарської. На думку одного із лідерів правлячої Народно-ліберальної партії Н. Генадієва, реалізувати подібний план можна було у п'ятирічний термін⁴². Варто зазначити, що вказана концепція не була новаторством. Аналогічну стратегію вирішення болгарської національної проблеми застосовував наприкінці 1880-х – на початку 1890-х років кабінет С. Стамболова.

Уряду Р. Петрова так і не судилося втілити у життя зазначений вище задум. На початку листопада 1906 р. внаслідок особистих протиріч між князем і прем'єр-міністром останній змушений був піти у відставку. Головою новоствореного уряду став лідер НЛП Д. Петков, а „стамболовісти“ зберегли за собою більшість міністерських портфелів. Тільки зовнішньополітичне відомство країни монарх, як і 1903 р., не наважився дові-

рити представнику правлячої партії. Міністерство закордонних справ і віросповідань очолив професійний дипломат, безпартійний Д. Станчов.

У період свого перебування при владі кабінет міністрів генерала Р. Петрова оперативно реагував на зміни міжнародної ситуації, намагаючись своєчасно застосовувати заходи в інтересах держави. Інформація, яку отримував уряд від своїх дипломатичних представників та інших довірених осіб, майже завжди була своєчасною й об'єктивною, що свідчить про добре налагоджену агентурну мережу та високий рівень професіоналізму кадрового складу Міністерства закордонних справ і віросповідань, яке вимушено очолював лідер НЛП.

Необхідно віддати належне поміркованості ініціатив Болгарії у цей період, які не призвели до загострення міжнародного становища на Балканах. Навіть у критичній ситуації під час Іллінденсько-Преображенського повстання 1903 р. болгарська влада зберегла холоднокровність та звела нанівець можливість залучення країни у збройних конфлікт, котрий міг стати для князівства фатальним. Протягом 1903–1906 рр. „стамболовістам“ вдалося підтримувати позитивний імідж Болгарії в Європі. Великі держави, незалежно від їхньої зовнішньополітичної орієнтації, залишалися задоволеними миролюбною позицією Софії.

Однак необхідно визнати, що всі заходи уряду, спрямовані на вирішення македонської проблеми, не дали суттєвих результатів. Реалізація багатовекторного курсу призвела до погіршення відносин з сусідніми балканськими країнами. Кабінету міністрів не вдалося завоювати довіру Туреччини та забезпечити її сприяння покращенню становища православного слов'янського населення європейських вілаєтів. Залишилися безрезультатними і спроби Софії встановити партнерські взаємовідносини з Сербією. Одночасно розпочавши зближення зі Стамбулом і Белградом, дипломатія князівства не врахувала, що це взаємовиключні курси. Вказані дії можна вважати основним прорахунком зовнішньої політики кабінету міністрів Р. Петрова, який змушені були виправляти уряди-наступники.

У 1903–1906 рр. більшість ініціатив болгарської влади щодо вирішення македонського питання відповідала баченню розв'язання цієї проблеми засновником і першим ідеологом Народно-ліберальної партії С. Стамболовим. Серед них спроби встановити дружні зв'язки зі Стамбулом, застосування дипломатичних методів, скептичне ставлення до участі Росії у процесі врегулювання ситуації на Балканах. Однак під впливом зовнішньо- і внутрішньополітичних обставин „стамболовісти“ змушені були корегувати свої погляди на вказану міжнародну проблему. Зближення з Сербією у 1904 р., а також відносини з революційними комітетами у Македонії – це ті напрями діяльності уряду, які свого часу принципово не застосовував С. Стамболов.

¹ Соларов, К. България и македонският въпрос. С., 1925, с. 141.

² Мичев, Д. Стефан Стамболов и македонският въпрос. – Македонски преглед, 1995, № 4, с. 58.

³ Нов век, 1895, 16 февруари.

⁴ Нов век, 1903, 20 май.

⁵ Попов, Ж. Народнолибералната (стамболовистка) партия в България, 1903–1920. С., 1986.

⁶ Славов, С. Външна политика на Княжество България и македонският въпрос в следидинденския период (1903–1908). – В: Клио. Сборник в чест на 65-годишнината на ст.н.с. Милен Куманов. С., 2008, с. 398–428.

⁷ Погочин, А. Л. История Болгарии. СПб., 1910; Ястребовъ, Н. В., П. А. Лавров. История болгарского народа. Петроградъ, 1916.

⁸ История Болгарии. Т. 1. М., 1954.

⁹ Лямцева, Л. Монархический институт в политической системе Болгарии в конце XIX – начале XX в. – Проблемы социально-политической истории зарубежных стран. Сыктывкар, 1996.

¹⁰ Чорній, В. П. Історія Болгарії. Львів, 2007.

¹¹ Нов век, 1903, 16 януари.

¹² Нов век, 1903, 25 февруари.

- ¹³ *Славов, С.* Външната политика на Княжество България и македонският въпрос в следилинденския период (1903–1908). – В: Клио. Сборник в чест на 65-годишнината на ст.н.с. Милен Куманов. С., 2008, с. 401.
- ¹⁴ Централен държавен архив, ф. 3 „Личен архив Цар Фердинанд“, оп. 18, а.е. 14.1, л. 8.
- ¹⁵ *Сквозников, А.* Македония в конце XIX – начале XX века – яблоко раздора на Балканах. Самара, 2010, с. 58.
- ¹⁶ Исторически архив при Народна библиотека „Св. св. Кирил и Методий“, ф. 14 „Гр. Начович“, оп. 5, а.е. 3828, л. 110–111.
- ¹⁷ *Славов, С.* Вказ. праця, с. 401.
- ¹⁸ Централен държавен архив, ф. 3 „Личен архив Цар Фердинанд“, оп. 18, а.е. 14.3, л. 15.
- ¹⁹ Цит. за: *Славов, С.* Вказ. праця..., с. 402.
- ²⁰ Стенографски дневници на XIII ОНС, I редовна сесия. С., 1903, с. 126.
- ²¹ Цит. за: *Славов, С.* Вказ. праця..., с. 402.
- ²² *Дамянов, С.* Европейската дипломатия и Илинденско-Преображенското въстание. – Исторически преглед, 1983, № 3, с. 320.
- ²³ Цит. за: *Славов, С.* Вказ. праця..., с. 404.
- ²⁴ *Попов, Ж.* Народниoliberalната (стамболовистка) партия в България, 1903–1920. С., 1986, с. 166.
- ²⁵ Цит. за: *Попов, Ж.* Народниoliberalната ..., с. 169.
- ²⁶ Архив внешней политики Российской империи, ф. 137 „Отчеты МИД“, оп. 475, д. 134, л. 27.
- ²⁷ *Славов, С.* Вказ. праця..., с. 406.
- ²⁸ Цит. за: *Славов, С.* Вказ. праця, с. 408.
- ²⁹ Централен държавен архив, ф. 52 к „Р. Петров“, оп. 3, а. е. 31, л. 18.
- ³⁰ *Попов, Ж.* Буржоазните опозиционни партии и второто народниoliberalно правителство 1903–1908. – Исторически преглед, 1982, № 1, с. 53.
- ³¹ *Оманова, Р.* Второто народниoliberalно правителство и сръбската пропаганда в Македония (1903–1908). – Военноисторически сборник, 1986, № 6, с. 112.
- ³² *Попов, Ж.* Буржоазните..., с. 54.
- ³³ *Влахов, Т.* Турско-българското съглашение от 1904 г. – В: Сборник в чест на проф. Александър Бурмов. С., 1973, с. 320.
- ³⁴ Нов век, 1904, 14 юли.
- ³⁵ Цит. за: *Славов, С.* Вказ. праця..., с. 420.
- ³⁶ Цит. за: *Славов, С.* Вказ. праця..., с. 425.
- ³⁷ *Попов, Ж.* Народниoliberalната..., с. 166.
- ³⁸ Цит. за: *Славов, С.* Вказ. праця..., с. 426.
- ³⁹ Там само.
- ⁴⁰ *Попов, Ж.* Народниoliberalната..., с. 167.
- ⁴¹ *Славов, С.* Вказ. праця..., с. 425.
- ⁴² Там само.

ОБРАЗ РОССИИ И РУССКИХ В СОЗНАНИИ БОЛГАР В ПЕРИОД БАЛКАНСКИХ ВОЙН 1912–1913 гг.

Н. С. Гусев

Гусев, Н. Образът на Русия и руснаците в съзнанието на българите по времето на Балканските войни от 1912–1913 гг.

Българското общество възприема борбата си с Османската империя като продължение на руско-турските освободителни войни, а армията си като ученик и последовател на делото на Русия. Не можем да кажем, че няма помощ за това от „върха“, но самите българи са запознати с руската история и култура. Въпреки това, официалният Санкт Петербург не проявява благоволение към София и това е било известно на Балканите, затова в съзнанието на българското общество понятията „Русия“ и „руска дипломатия“ не се сливат.

Ключови думи: Русия, руснаците, България, Балканските войни, образ.

Гусев, Н. С. Образ России и русских в сознании болгар в период Балканских войн 1912–1913 гг.

Българское общество воспринимало свою борьбу с Османской империей в период Балканских войн как продолжение русско-турецких освободительных войн, свою армию – учеником и продолжателем дела России. Такого рода настроения подогревались „сверху“, но и сами болгары были знакомы с русскими историей и культурой. В то же время официальный Санкт-Петербург не благоволил Софии, что было известно на Балканах, поэтому в сознании болгарского общества слияния понятий „Россия“ и „русская дипломатия“ не происходило.

Ключевые слова: Россия, русские, Болгария, Балканские войны, образ.

Gusev, N. Image of Russia and the Russians in the mind of the Bulgarians during the Balkan wars 1912–1913

Bulgarian society perceived its struggle with the Ottoman Empire as a continuation of the Russian-Turkish wars of liberation, its army – as disciple and successor of Russia. We can't say that it wasn't backed up by the authorities, but the Bulgarians were closely acquainted with Russian history and culture. However, the official St. Petersburg was not favourably disposed towards Sophia, which was known in the Balkans, so that in the mind of Bulgarian society the concepts of “Russia” and “Russian diplomacy” didn't merge.

Keywords: Russia, Russians, Bulgaria, The Balkan wars, image.

*Велика Россия! Какое обаяние овладевает
миллионами болгар при произнесении этого священного имени.
Г. Пеев¹*

В результате долгих и кровопролитных войн России на Балканском полуострове в 1878 г. казалось, были освобождены все южные славяне, но решения Берлинского конгресса помешали этому и, сохранив часть земель в центре региона за Османской империей, жители Македонии и Старой Сербии вновь оказались под властью Порты. Поэтому в 1912 г. война, одной из заявленных целей которой было очищение Македонии от турок, воспринималась как продолжение действий России по освобождению южных славян, но уже своими силами.

Ети настроения существовали и среди болгар. Офицери 7-го Преславского полка писали в Россию в Славянское благотворително общество: „Исполняем священный долг, выполняя заветы наших освободителей“². Простые солдаты запаса при мобилизации рассуждали подобным образом: „Мы сейчас будем биться за свободу наших братьев так же, как русские бились за нашу свободу“³. Декларировалось это и на различных торжественных встречах и мероприятиях с участием представителей русского общества⁴. Атанас Стефов, командир 61-й роты 18-го пехотного Етырского полка, считал события 1912 г. непосредственным продолжением войны 1877–1878 г., сравнивая героев Шипки и Сливници с болгарскими солдатами Балканской войны⁵. Исторические параллели

замечал и осаждавший Адрианополь Г. Стайнов, писавший близким: „Тут так, как сказал Верещагин: „На Шипке все спокойно““. Снег, вьюги, замерзшие трупы, заваленные люди“⁶; христиане освобожденных городов снимали фески и рисовали кресты на домах, как и за 35 лет до этого⁷. Переброска болгарских войск после битвы у Лозенграда далее на восток живо напомнила С. Икономову движение частей генерала Гурко⁸. Порой болгары даже гордились, что превосходили русских в своих боевых подвигах. Так, П. Курдоманов указывал, что бои за с. Караагач в 1912 г. закончились быстрее, нежели в 1878 г.⁹ Бои проходили там, где за 35 лет до этого клали свои жизни на алтарь славянской свободы русские солдаты, о чем не могло не вспомнить нынешнее воинство¹⁰. А генерал-кавалерист А. Назлымов вспоминал присутствие и потери русской армии в 1829 г. в том же поселке, где теперь стояла его дивизия¹¹.

Немаловажным фактором в создании и существовании таких настроений стало то, что болгарская армия создавалась русскими военными специалистами, многие из офицеров учились в России, оба народа сражались бок о бок в 1877–1878 гг. В связи с этим бытовало отношение к русским как к учителям. Это отмечали русские корреспонденты, рассказывая, что колонна солдат кричала им: „Ура“ нашим учителям – русским“, „Ура“ родной русской армии“¹². Болгарская пресса этот факт не забывала подчеркнуть; газета „Вечерна поща“ обращалась к солдатам: „Болгарский воин, вспомни геройские дела своих отцов и дедов и доблесть своих учителей-русских“¹³. Генерал Р. Димитриев после взятия Лозенграда заявлял: „Пусть и наши учителя-русские гордятся успехами своего детища“¹⁴. Но помимо таких внешних проявлений, направленных вовне, существуют и другие свидетельства. Поручик Иван Досев, бывший чиновником на почте, покинувший семью и ставший добровольцем, на приказ командира не высовываться из окопа ответил: „Русские нас не учили лежать“¹⁵.

Были и негативные ассоциации, тоже впрочем не отрицающие факт влияния русских на болгарское военное искусство. Сержант Т. Стойчев считал, что порка солдат по голым филейным частям – „наследие русских еще с русско-турецкой войны“¹⁶. А столь часто применяемый болгарами удар в штыки Р. Милков (вполне обоснованно, на наш взгляд) считал устаревшим приемом, пришедшими из русской армии, „где консерватизм не давал проникнуть новым знаниям, связанным с растущим совершенством огнестрельного оружия“¹⁷. Как видим, русские действительно воспринимались учителями по отношению к армии, но не всегда в положительном ключе.

Вместе с тем следует отметить, что эти настроения не подогревались сверху. Уже в царском манифесте об объявлении войны, который был напечатан в каждой газете, развешивался по всей стране, зачитывался в церквях, есть следующие строки: „Болгарский народ помнит пророческие слова Царя-освободителя „Святое дело должно быть доведено до конца“¹⁸. Преимущество миссии Болгарии по отношению к России подчеркивалось в речах в Народном собрании представителем младо-либералов Д. Тончевым и Д. Страшимировым от имени БЗНС¹⁹.

Еще до объявления войны пресса обращалась к памяти о событиях 1877–1878 гг. В самом конце июля газета „Мир“ сообщает о визитах деятелей русской культуры в места боев за Плевну, приводя их записи в журнале посещений²⁰. Художник А. И. Вахрамеев, к примеру, написал: „Слава и тем борцам, что и сейчас ведут жестокую борьбу за объединение славянства“²¹ (так в тексте. – Г. Н.). Цель этих сообщений вполне очевидна. Заметим, что при этом даны даты посещений: 6, 9 и 13 июня, т.е. за полтора-два месяца до публикаций. Как нам кажется, объяснить эту задержку можно тем, что момент стал подходящим: не будем забывать, что „Мир“ – печатный орган правящей партии. Помимо этого сообщалось о выборе места строительства русской церкви на Шипкинском перевале²², а буквально за несколько дней до перехода болгарской армии через турецкую границу публикуются воспоминания о юбилейных торжествах в 1902 г., посвященных боям за Шипку и Шейново²³.

Вновь укажем, что выходят эти номера спустя 10 лет непосредственно после событий и тогда, когда вопрос о войне с Турцией был решен. За два дня до манифеста

царя Фердинанда „Мир“ печатает стихотворение И. Гроздева, написанное к параду 9 августа (опять-таки постфактум) о знаменитом Самарском знамени²⁴:

*„С тобою победила Русь святая,
Свободными ты делаешь детей рабов,
Когда над Пирином ты воссияешь?“²⁵.*

Освобождение страны в исторической памяти болгарского народа было тесно связано с конкретным русским императором. Не единожды в различных уголках Болгарии, ее гражданами в России были отслужены молебны за упокой души Александра II²⁶. При этом отметим, что происходило это еще до начала боевых действий, даже до кровавых событий в Штипе и Кочани. То есть общество было заранее „подогрето“ воспоминаниями о событиях тридцатипятилетней давности.

Естественно, после 6 октября пресса продолжала напоминать о преемственности Балканской войны: „Как себя обессмертил русский солдат, так сейчас его ученики идут строить новые алтари свободы“²⁷. После победы при Люле-Бургасе газета „България“ писала: „Дело Царя-Освободителя, императора Александра II, начатое в добрый час, заканчивается – болгарские войска перед стенами Константинополя“²⁸. Несколько позже, когда достижения болгар в войне стали еще внушительнее, в „Мире“ были помещены слова пловдивского митрополита Максима, произнесенные им после панихиды и молебна об Александре II и Н. П. Игнатъеве, где он перифразировал московского святителя Платона над гробом Петра I: „Николай Павлович! Встань, посмотри на свое дело! Посмотри, как твои ученики, воодушевленные и ободренные твоим духом, летят от победы к победе к стенам Константинополя взять завещанное наследство“²⁹.

В прессе публиковали художественные произведения русских писателей, посвященные Русско-турецкой войне³⁰; сообщалось о торжествах в честь годовщины битвы при г. Елена³¹; печатались телеграммы со словами поддержки русских и ответы на них, в том числе и послания людей, связанных с освобождением Болгарии³². После возобновления боевых действий в 1913 г. количество обращений к памяти 1877–1878 гг. снижается, но в мае мы находим информацию о посещении мавзолея в Плевне членами полтавской губернской комиссии. Была отслужена панихида и подарены два металлических венка: один посвященный павшим в 1877–1878 гг., второй – в 1912–1913 гг.³³

Поддерживали эти настроения в армии и речами перед строем, как, к примеру, это сделал Георги Лозев, священник 45-го пехотного полка³⁴. А полковник К. Арабов, отправляя на границу свой полк, приказал прочитать молитву „Господи син, с нами буди“, после этого рассказав солдатам, что так же молилась 14-я русская дивизия перед переходом через Дунай в июне 1877 г. Это „подействовало крайне благотворно на нашего добродушного селянина“, – констатирует командир в своих воспоминаниях³⁵.

Имели место и кардинально иные точки зрения. „Под ширмой „освободительной“ миссии деспотическая Россия преследовала с неустанным упорством через безостановочную скрытую деятельность свои завоевательные цели“, – писал „Рабочнически вестник“ в апреле 1913 г.³⁶ Подобную точку зрения высказывал К. Станчев в своих воспоминаниях, опубликованных в газете „Камбана“ в 1927 г. Заметим, что они вышли в свет не в начале войны, а после нее или тогда, когда российская внешняя политика все больше и больше вызывала недовольство в болгарском обществе. Для обоих изданий характерны социалистическая направленность, при этом в дневнике известного болгарского социал-демократа Василя Коларова таких высказываний нет. В связи с этим с некоторой долей уверенности можно говорить, что тут сказывается левая, „антиимпериалистическая“ пропаганда, и эти политизированные свидетельства дают право усомниться в их объективности.

Как видим, в болгарском обществе существовало хорошее, теплое отношение к России, как к освободительнице, ее дело казалось незаконченным, а поэтому свои действия болгары видели продолжением действий русских, несмотря на тридцатипятилетний временной разрыв между ними. Настроения эти подогревались „сверху“.

В то же время нельзя считать, что болгарский народ не обладает исторической памятью, или она столь коротка, что роль недавних освободителей была забыта. Подтверж-

дением тому служит и несколько иной пласт информации. Русская дипломатическая миссия в Константинополе помогала болгарам – жителям Турции получить поддельные паспорта и отправиться через Одессу на фронт добровольцами. Так стали солдатами болгарской армии жившие в Адрианополе Марин Стоянов и Панчо Кочарапов, воспринявшие это как продолжение помощи России в освобождении балканских славян³⁷. Николай Сурин, полковник русской армии, был отправлен на театр военных действий корреспондентом Петербургского телеграфного агентства. В с. Кукуш он разместился у местного жителя Г. Ярцева на ночлег. Известие, что Н. Сурин не только журналист, но и офицер, вызвало у хозяина радостное оживление. Селянин воспринял корреспондента как представителя передовых частей русской армии³⁸.

Таким образом, в сознании болгар существовало мнение, что положившая большое количество своих сынов ради возрождения Болгарии Россия не останется безучастной. Подтверждают этот тезис следующие факты. Болгарская пресса сообщала о мобилизации в России, сосредоточении ее войск на турецкой границе, уделяя этому не последнее место на своих страницах, а газета „Вечерная почта“ – выделяла подчеркнутым шрифтом³⁹. В солдатской среде в начале 1912 г. ходили слухи, что русский флот вошел в Босфор, а за проявление его действий принималась слышимая канонада турок⁴⁰. После остановки наступления на Чаталджинские высоты вновь заговорили о вмешательстве России в войну⁴¹. Очевидно, что в болгарском обществе существовала не только память о помощи, оказанной Россией в 1877–1878 гг., но и мнение о ее вероятном вмешательстве в балканскую войну.

Связь между 1877 и 1912 гг. видели и русские корреспонденты. На прощальном ужине в честь болгарских офицеров-учеников Николаевской академии генштаба их русский коллега прочел следующие стихи:

*„Туда, туда, где меж бойцами
Наш гений Белый генерал,
Сверкая грозными очами,
По полю ратному ристал,
Туда, где дух его витает
Над возрожденною землей
И где теперь благословляет
Он вас на новый, славный бой“⁴².*

Но ярче всего это проявлялось у Василия Ивановича Немировича-Данченко, которому спустя 35 лет вновь пришлось пройти по тем же местам, но уже с другой славянской армией. В своей книге он часто уходит в эти воспоминания, уделяя им целые главы, сравнивая местности в разное время, при этом отмечая разруху и запустение в 1912 г. по сравнению с 1878 г.

Как видно, болгары чувствовали тесную связь с Россией и ее армией, помнили о ее значении в своей истории, но знали свою освободительницу и в ином ракурсе. Ее культура и история не являлись для них terra incognita. П. Карчев рассказывает весьма интересную историю. Во время зимнего „сидения“ перед Чаталджинской линией в окопах он и его товарищи услышали, как турецкая музыкальная команда заиграла симфонию П. И. Чайковского „1812 год“. Отметим, что они сразу узнали эту мелодию, и не только русофил, но и стамболовист (а их традиционно считали русофобами) признали, что „какой болгарин может отрицать глубину русского искусства... Гордится им [Чайковским] все человечество“⁴³. Н. Додов в своем дневнике охарактеризовал „путешествия“ своего прошения по бюрократическим коридорам: „Очень похоже на русские порядки, как их описал Гоголь в „Шинели“⁴⁴. Писатель Й. Йовков, описывая поле после сражения, задавал себе вопрос: „Где я видел это? Может быть, на „Куликовском поле“ Репина, может быть, на „Войне“ Штука или на каком-то душераздирающем полотне Верещагина“⁴⁵. Получавшие образование в российских учебных заведениях, естественно, знакомились с прошлым и культурой России. Дети полковника Г. Тенева вспоминали, что он „вдохновенно цитировал стихи Пушкина, Лермонтова и др., а Суворов, Кутузов были для него кумирами“⁴⁶. Гений Суворова, переход через Альпы с восхищением вспоминал Д. Азма-

нов⁴⁷. Были и иные проявления знакомства с Россией. Морозы зимы 1912–1913 гг. очевидец-болгарин назвал „сибирским холодом“⁴⁸; офицеры на фронте в минуты бездействия играли в карточную игру „шестьдесят шесть“, которую называли „русское сантасе“⁴⁹. Так же солдаты пели русские песни, а однажды даже затянули начальные строки народолюбческого гимна: „Смелость друзья не теряйте,/ Бодрость в неравном бою,/ Родину-мать вы спасайте,/ Честь и свободу свою“⁵⁰.

В 1912 г. был юбилей Отечественной войны, что не прошло незамеченным в Болгарии. Газета „Мир“ поместила обширную статью „К столетию Отечественной войны в России“ и ряд очерков об истории войны и ее значении⁵¹. Отразилось это и в солдатской среде, где часто сравнивали бытовые условия зимой 1912 г. с состоянием Наполеоновской армии во время бегства из России⁵². Очевидно, что болгарское общество было знакомо с русской историей и культурой, и трудно не согласиться с мнением корреспондента Н. Гасфельда, побывавшего в Македонии в 1912 г.: в Болгарии „вы, в конце концов, найдете некоторый интерес к русской культуре и некоторое чувство благодарности русскому обществу“⁵³.

Приведенные выше факты подтверждают: болгарский народ не забыл своих освободителей; Балканскую войну он воспринял как продолжение русско-турецкой кампании 1877–1878 гг., а самих себя – как продолжателей дела русских. В этих чувствах ему помогала и государственная пропаганда, и восприятие „братушек“ как своих учителей в военном деле. При этом болгары считали, что единожды принявшая участие в их судьбе, Россия не оставит их на произвол судьбы и в дальнейшем, что подтверждают слухи о русских кораблях в Босфоре. Хорошо известны были в Болгарии русская культура и история, причем их влияние и знание о них не ограничивалось литературой и искусством.

Рассмотрим также вопрос об отношении болгар к России того времени – ее обществу и внешней политике. С XVIII века дипломатическое значение России на Балканах было традиционно высоко: во время Балканских войн же оно было усилено за счет прописанной в сербско-болгарском договоре 1912 г. роли арбитра в территориальных вопросах. Поэтому болгар не могли не интересоваться происходящими в России событиями. Болгарская пресса передавала мнение российских изданий: газеты „Новое время“, выступавшей за конец власти иноверцев-угнетателей, но против вмешательства крупнейшей славянской державы; газеты „Россия“, ратовавшей за сохранение status quo⁵⁴, и других изданий с завидной регулярностью⁵⁵.

Болгарское общество с большим интересом следило за новостями, свидетельствовавшими о проявлениях к нему симпатий общества русского. В подтверждение этого тезиса приведем строки из газеты „Мир“: „С особенными симпатиями к Болгарии относятся все русские газеты. Высоко ценя эти симпатии, мы смеем надеяться, что они смогут повлиять на русскую политику“⁵⁶. Об отправившихся на родину болгарско-учениках Николаевской академии Генерального штаба, о том, как их по дороге встречали, прощались, пели „Шуми, Марица“ жители Петербурга, Одессы⁵⁷, о манифестациях в поддержку славян⁵⁸ и конкретно Болгарии⁵⁹ регулярно сообщала пресса. Размещались на страницах периодики послания болгарам из различных славянских обществ России⁶⁰, Государственной Думы⁶¹, письма простых ее граждан и видных деятелей⁶². Как правило, это были слова, проникнутые осознанием серьезности момента, радости, связанной с победами славян.

Дочери царя Фердинанда разместили в русской прессе призыв собрать деньги для болгарских сирот. На это откликнулись не только взрослые, но и дети, чьи письма были напечатаны в газете „Мир“. Приведем некоторые выдержки из них. „От всего сердца желаю Вашему папе Царю поколотить отвратительных турок. Отправляю Вам 3 рубля. Я соберу еще денег для болгарских сирот. Светик Герих“; „Когда играю в солдатики, всегда болгары побеждают... Юрик Герих“; „Мне 10 лет. Я сын профессора Чернова, который умер 4 месяца назад, и я знаю, как это быть сиротой. Мама мне подарила 50 рублей, и я Вам отправляю их для осиротевших детей... Алексей Чернов“; „Я – маленькая Анечка, пяти с половиной лет. Я изучила карту Балканского полуострова, знаю имена Балканских правителей, очень люблю их и могу узнать по портретам... Турок не люблю, они мучают славян... Аня Никитина“⁶³. Эти эмоционально сильные письма

лишь подчеркивают желание прессы показать благоприятственное отношение к Болгарии русского общества, которое способно повлиять на российскую дипломатию.

В связи с этим, естественно, не могла не развернуться информационная борьба за симпатии русских. С усилением территориальных споров союзников она приняла серьезные масштабы. По свидетельству Н. Милева, приезд весной 1913 г. Радко Димитриева, известного и популярного в России генерала, в Петербург „на отдых“ преследовал в том числе и пропагандистскую цель⁶⁴. В этой же делегации ехал и Стоян Данев, которому глава Генерального штаба И. Фичев предоставил данные о количестве мобилизованных и потерях. В своих воспоминаниях генерал признается: „Эти числа были преувеличены, чтобы достигнуть большего эффекта от усилий, совершенных Болгарией ради войны“⁶⁵. Таким образом, высокопоставленный военный шел на заведомый подлог ради укрепления дипломатических позиций своей страны, и, вероятно, делал он это не по собственной инициативе, скорее всего имея указания свыше.

Проболгарски настроенная Внутренняя Македонско-Одринская революционная организация так же осознавала необходимость влияния на настроения русского общества. Христо Матов, один из лидеров ВМОРО, направил инструкции делегатам в Англии, Франции и России, в которых приказывал распространять утверждение, что жители Македонии не останутся под властью греков и сербов, „которые плечом к плечу с турками сражались против болгарских революционеров“⁶⁶. Профессор Любомир Милетич, осознав неизбежность войны „и уверившись, что все в Петербурге настроены против нас“, отправился в российскую столицу с целью исправить это. „Но, к сожалению, было совсем поздно!.. Особенно меня задевало, когда я видел, что нас обвиняют в каких-то жестокостях, которые наши союзники, греки и сербы, совершили“⁶⁷. На Певческом мосту (т. е. в МИД России) уже расставили приоритеты, и Болгария в этой иерархии стояла ниже Сербии и Румынии. Информационная борьба не увенчалась успехом.

Помимо общественного мнения, на дипломатию мог влиять глава государства – император Николай II. Надежды на положительное решение арбитра и его давление на своих министров внушала телеграмма С. Данева, отправленная после встречи с ним: „Отзываются о Болгарии очень лестно, особенно престолонаследник. Готовы нас поддержать“, но при этом русский монарх заметил, что Румынии придется уступить территории, „потому что положение Кароля тяжелое“⁶⁸. Периодическая печать передавала слова Николая II, которые он якобы произнес на банкете в Царском селе, где сожалел, что не смог предотвратить войны, но „может быть, даже лучше, что сейчас разрешится Балканский вопрос, который уже достаточно тормозил европейский мир и постоянно угрожал войной“⁶⁹. Как видим, болгарскому народу пресса пыталась показать благожелательное отношение к нему русского императора.

Печать информировала читателей и о здоровье российского престолонаследника: о травме цесаревича Алексея, кровоизлиянии в поясную область, температуре и пульсе сообщала газета „Мир“⁷⁰. С объявлением войны в болгарской кафедральной церкви Св. Краль в присутствии председателя кабинета министров, царицы, дипломатических представителей был отслужен молебен софийским митрополитом за победы союзных войск, за здоровье правителей балканских православных государств и „Николая II, русского императора, покровителя православных народов“⁷¹.

Именины Николая II также стали поводом для проявления симпатий к нему со стороны Болгарии. В той же церкви митрополит Партений с участием всего персонала и певческого хора в присутствии ряда министров и других государственных деятелей, „множества офицеров и видных столичных граждан и гражданок“ отслужил молебен⁷². Царь Фердинанд с престолонаследником в это время находился в Салониках, откуда была направлена телеграмма от его имени и наследника трона Николаю II, где выражалось „особое счастье, что приносят поздравления и благопожелания из родного города славянских первоучителей“. Там же, 6 декабря, в болгарской церкви Кирилла и Мефодия состоялась торжественная литургия и молебен о долголетьи русского императора в присутствии царя Фердинанда, его сыновей и „множества видных солунчан“, затем они отправились на службу в русскую церковь⁷³. Понятно, что проявление этих симпатий было направлено вовне, имея целью показать свою преданность и искренние симпатии

к русскому императору, дабы попытаться повлиять на его решения в предстоящих территориальных конфликтах. Пресса старалась уверить своих читателей в положительном исходе предстоящих конфликтов с союзниками в связи с симпатиями русского общества и императора, при этом сами болгары старались эти самые симпатии не только не утратить, но и усилить.

Однако, как признала накануне Второй Балканской войны газета „Мир“, в России существует большая разница между общественным мнением и поведением ее официальных кругов⁷⁴, а, как заметила другая болгарская газета, „в политике нельзя руководствоваться чувствами“⁷⁵. Так же и нам следует четко осознавать, что отношение к русскому обществу и отношение к русской дипломатии имели существенные различия, если не были диаметрально противоположны. В преддверии войны Болгарское телеграфное агентство передавало выдержки из интервью главы российского МИДа С. Сазонова немецкой прессе, в котором тот уверял, что status quo на Балканах нерушим: ни союзники, ни Турция не могут рассчитывать на приращение территории⁷⁶. Российская дипломатия в начале боевых действий была категорически против взятия и приобретения Болгарией Адрианополя. Этот город считался важным оборонительным рубежом Константинополя, на который Петербург имел далеко идущие планы. Позже, после победы при Люле-Бургасе, Россия согласилась на передачу первой европейской столицы Османской империи под власть царя Фердинанда. Эти факты были известны болгарам, как дипломатам, так и рядовым гражданам⁷⁷. Отношение к официальной русской дипломатии было негативным.

Одним из важнейших для болгар вопросом был нейтралитет Румынии. Поведение России по отношению к этой стране расценивалось неоднозначно. Вручение фельдмаршальского жезла румынскому правителю Каролю в начале войны виделось как стремление к вовлечению Бухареста в орбиту русской политики, попытка оторвать ее от Тройственного союза, а ведь „русская дружба – это и болгарская дружба“⁷⁸, а значит и спокойствие на северных рубежах⁷⁹. Затем сложилось мнение, что на Певческом мосту считают Бухарест более приоритетным партнером, нежели Софию. „Это вызвало во всех большое негодование по отношению к России или, правильнее, против русской дипломатии, потому что русский народ обладает выраженными симпатиями к нам и черногорцам“, – записал Н. Додов в своем дневнике⁸⁰. Это различие в мнении правительства и общества по румынскому вопросу отмечала и газета „Народни права“⁸¹. П. Пешев считал милости, которыми осыпал Кароля Николай II, и то, что он стал шефом полка, вошедшего в 1913 г. в Болгарию, прямым оскорблением для своей страны⁸².

Не меньше интересовал болгар следующий вопрос: кто важнее для Петербурга – Белград или София? Последняя рассчитывала на соблюдение договора 1912 года с сербами. Согласно ему, „спорная“ территория оставалась на усмотрение арбитража русского императора. Однако сербские войска занимали и „бесспорные“ болгарские земли. София взывала к арбитражу, печать об этом напоминала⁸³, видимо, надеясь таким образом заявить о своей лояльности и вере в справедливость царя. Однако призывы С. Сазонова не смогли воздействовать на союзников, хотя можно предположить, что при достаточном нажиме Петербург бы смог усадить Балканы за стол переговоров. В рамках данной работы мы не ставили задачу анализа дипломатических усилий ни одного из государств, прямо или косвенно участвовавшего в конфликте. Однако факт остается фактом: в российском МИДе не настояли на неукоснительном соблюдении союзного договора, а посол в Белграде Н. Гартвиг советовал сербам и вовсе его аннулировать. О действиях дипломата знали в Болгарии, в связи с чем он лишился симпатий болгарского народа⁸⁴. Болгарское общество поняло, что в Петербурге приняли сторону Белграда. Это осознали политики, военные и просто обыватели⁸⁵. Газета „Народни права“ подытожила результаты действий России в спорной ситуации: „Поведение русского правительства в болгаро-сербском споре отняло у всего болгарского общества, в том числе у самых безоглядных русофилов, любую веру в справедливость с ее стороны по отношению к Болгарии“⁸⁶.

Русофильскому правительству пришлось в этой ситуации тяжело. Солдаты, проез-

жавшие Софийский вокзал, кричали: „Долой Гешова“⁸⁷. Накануне Второй Балканской войны правительство И. Гешова ушло в отставку. Современная болгарская исследовательница П. Кишкилова считает, что поведение русской дипломатии усложняло положение правящей партии, однако не это явилось решающим фактором в падении кабинета⁸⁸.

Ставший новым премьером С. Данев (которого, к слову, также считали русофилом), согласно свидетельству И. Фичева, верил, что Россия, заплатившая 200 тысячами жизней за освобождение Болгарии, не сможет оставить ее в критический момент. Позже он будет вопрошать посланника в Петербурге: „Неужели голос России столь слаб, что не слышен в Константинополе и Бухаресте? Или Россия нас оставила на произвол судьбы?“⁸⁹.

Как известно, Болгария, пойдя ва-банк, подверглась нападению всех своих соседей. О том, что отношение Петербурга стало восприниматься как враждебное Болгарии, свидетельствуют следующее. Автор, писавший под псевдонимом „Дублве“, утверждал, что продавались „карты войны, напечатанные в России, где сербские полки берут Чаталджу“, изображения взятия Лозенграда черногорцами; „мы видели русские картины, как Шукри-паша сдается сербской армии“⁹⁰. Г. Стайнов в своих письмах с фронта высказывает симптоматичную точку зрения: Межсоюзническая война будет остановлена русской интервенцией в Болгарию⁹¹. Другой автор отражает ходившие слухи, что „русские высадили десант в Варне и Бургасе и претендуют на часть Болгарии“⁹². Если в искренности последнего источника можно сомневаться (издан под псевдонимом сразу же после войны), то первому вполне можем доверять.

Отношения между странами были бесповоротно испорчены. А между народами? Журнал „Аз знам всичко“, болгарский аналог русской „Нивы“, уже по завершении боевых действий очень часто размещал материалы о России. Тут и распорядок дня императорской семьи, и „дело Бейлиса“, и гибель поселка рыбаков на о. Новая Земля, и многое другое⁹³. Однако о жителях Силистры говорится, что они „проявили чудеса храбрости, чтобы дать свободу поработанному брату, а сами *Петербургом* (курсив наш – Г. Н.) были обречены на рабство“⁹⁴. Как видим, это весьма аполитичное издание винит в потере Добруджи русскую дипломатию. На наличие у журнала симпатии к освободительнице указывает первый его номер за 1914 г., в котором говорится с сожалением: „В России сегодня смотрят с неприязнью на Болгарию не только официальные круги, но и народные массы“, в подтверждение чему приводится почтовая открытка, где портрет царя Фердинанда, изображенный на марке, „русские чиновники замазали кровавыми чернилами“⁹⁵. О том, что несмотря ни на что, благодарность и теплота по отношению к России оставались, говорит и другое. Так, Крум Аврамов с грустью записал в своем дневнике в октябре 1915 г. об объявлении войны Сербии: „Поскольку Россия, наша освободительница, в союзе с Сербией, значит, что мы в войне и с ней... До чего мы дошли!“⁹⁶.

Подытоживая вышесказанное, заметим, что картина восприятия России и русского общества в Болгарии складывалась довольно интересная. В 1912 г. еще были свежи воспоминания 1877–1878 гг., и власти не преминули этим воспользоваться. Используя пропаганду, ложившуюся на крайне благодатную почву, в народных представлениях эта война казалась продолжением дела России на Балканах. Но болгары и сами, без всякой пропаганды, прекрасно помнили недавнюю историю, то, как учась в бою, били турок бок о бок с русскими. Это обстоятельство, как и то, что Петербург активно участвовал в создании армии Болгарии, лишь подчеркивало преемственность событий. Помимо прочего, влияние России было заметно и в культурной сфере через знакомство с русской культурой и ее историей. Но МИД Российской империи не столь благоволил Болгарии. Об этом прекрасно было известно самим болгарам, в связи с чем в их сознании не происходило слияния понятий „Россия“ и „русская дипломатия“. В Софии попытались влиять на внешнюю политику Петербурга при помощи общественного мнения, однако безуспешно. После краха Балканского союза, вступления в войну Румынии, отсутствия четкой позиции России, казалось, настал конец болгарскому русофильству.

- ¹ Мир, 1912, 19 декември.
- ² *Горанов, П. С.* Руските воени доставки за Българската войска през Балканската война. – В: Балканските войни 1912–1913 (сборник статии от научна конференция, проведена през октомври 1992 г.). В. Търново, 1995, с. 51.
- ³ *Додов, Н.* Дневник по Балканската война. София, 2006, с. 10.
- ⁴ Мир, 1912, 14 ноември, 23 август, 21 декември.
- ⁵ *Чолакова, М.* Балканската война през погледа на подпоручиците Атанас и Иван Стефови от Търново (Писма от фронта). – В: Балканските войни 1912–1913 (сборник статии от научна конференция, проведена през октомври 1992 г.). В. Търново, 1995, с. 131.
- ⁶ *Стайнов, Г.* Писма от Одрин. София, 1964, с. 73.
- ⁷ Там же, с. 116.
- ⁸ *Икономов, С.* Освободителната война на Балканите. История. – Впечатления. – Картини. София, 1912, с. 193.
- ⁹ *Георгиева, С.* Войнишки дневник на Петър Жечев Курдоманов за Балканската война. Силистра, 2001, с. 53.
- ¹⁰ *Икономов, С.* Цит. соч., с. 54; *Арабов, К.* Лични възпоменания от войната между България и Турция през 1912–1913 г. – Военноисторически сборник, 1931, № 2, с. 121.
- ¹¹ *Назълмов, А.* Материали за историята на войната 1912–1913 година. Действията на кавалерийската дивизия. Лични спомени. Ч. 1. София, 1913, с. 216.
- ¹² *Мамонтов, Н. П.* С българскими войсками от Балкан до Чатаалджи. М., 1913, с. 62.
- ¹³ Вечерна поща, 1912, 6 октомври.
- ¹⁴ *Димов, Д.* Поборници. София, 1989, с. 16.
- ¹⁵ *Радев, С.* От триумф към трагедия: Това, което видях от Балканската война и Конференция в Букурещ и Букурещкият мир от 1913 г. София, 2003, с. 39.
- ¹⁶ Балканската война в спомените на съвременници и участници. София, 1973, с. 232.
- ¹⁷ *Милков, Р.* Из страниците на Българската авиация. София, 2003, с. 37.
- ¹⁸ Балканските войни по страниците на Българския печат 1912–1913. Съст. П. Кишкилова. София, 1999, с. 40.
- ¹⁹ Мир, 1912, 21 август.
- ²⁰ Там же, 1912, 28 юли, 8 август.
- ²¹ Там же, 1912, 31 юли.
- ²² Там же, 1912, 18 август.
- ²³ Там же, 1912, 2 октомври.
- ²⁴ К слову, во время войны оно будет висеть в салоне царского поезда (см.: *Робер дьо Бурбулон.* Български дневници. София, 2007).
- ²⁵ Мир, 1912, 4 октомври.
- ²⁶ Там же, 1912, 1 юли, 9 август.
- ²⁷ Там же, 1912, 10 октомври.
- ²⁸ Балканските войни по страниците..., с. 48.
- ²⁹ Мир, 1912, 10 ноември.
- ³⁰ *Гаршин, В.* – Мир, 1913, 31 януари; *Верунин, И.* Пасха на поле боя. Светлый праздник на позиции. – Там же, 1912, 19 октомври.
- ³¹ Там же, 1912, 3 декември.
- ³² Телеграма генерал-лейтенанта П. Калитина, брата погибшего при Старой Загоре командира 3-й дружины болгарского ополчения, и ответ царя Фердинанда. – Там же, 1913, 8 февруари.
- ³³ Там же, 1913, 21 май.
- ³⁴ *Елдъров, С.* Православието на война. Българската православна църква и войните на България 1877–1945. София, 2005, с. 80–81.
- ³⁵ *Арабов, К.* Цит. соч., с. 110.
- ³⁶ Балканските войни по страниците..., с. 155.
- ³⁷ *Димов, Д.* Цит. соч., с. 60, 64.
- ³⁸ *Пеев, Георги Т.* – В: Македония 1912–1913. Дневници и спомени. София, 1995, с. 40; *он же.* До Солун и назад. – Мир, 1912, 19 декември.
- ³⁹ Дневник. – 1912. – 26 септември; Мир, 1912, 10 октомври; Вечерна поща, 1912, 23 и 25 септември; *Дървингов, П.* Балканската война както е била виждана, когато са се развивали самите събития. По осведомленията на Българската телеграфна агенция. София, 1941, с. 100.
- ⁴⁰ *Георгиева, С.* Цит. соч., с. 105, 110.
- ⁴¹ *Арабов, К.* Цит. соч., с. 102.
- ⁴² Мир, 1912, 3 октомври.
- ⁴³ *Карчев, П.* През прозорец на едно полустолетие (1900–1950). София, 2004, с. 313–314.
- ⁴⁴ *Додов, Н.* Цит. соч., с. 61.
- ⁴⁵ *Йовков, Й.* Нощите пред Одрин. – Народ и армия, 1914, № 8, 9 и 10, с. 373.

- ⁴⁶ Димов, Д. Цит. соч., с. 28.
- ⁴⁷ Азманов, Д. Моят епоха. 1878–1919. София, 1995, с. 115.
- ⁴⁸ Илиев, Н. Моите впечатления. – Народ и армия, 1914, № 15, 16, 17, 18, 19 и 20, с. 646.
- ⁴⁹ Станчев, К. 1912–1913 (из записките ми като македонско-одрински опълченец). – Камбана, 1927, 19 септември.
- ⁵⁰ Илиев Н. Цит. соч., с. 644.
- ⁵¹ Мир, 1912, 31 август, 7–19 октомври.
- ⁵² Стойчев, Т. Цит. соч., с. 237.
- ⁵³ Шевалье, Н. Правда о войне на Балканах. Спб., 1913, с. 96.
- ⁵⁴ Дървингов, П. Цит. соч., с. 204, 206.
- ⁵⁵ Мир, 1912, 28, 30, 31 август, 1 септември и т. д.
- ⁵⁶ Там же, 1912, 31 август.
- ⁵⁷ Дървингов, П. Цит. соч., с. 167, 177.
- ⁵⁸ Мир, 1912, 30 септември.
- ⁵⁹ Вечерна поща, 1912, 30 ноември; Додов, Н. Цит. соч., с. 29.
- ⁶⁰ Вечерна поща, 1912, 29 септември.
- ⁶¹ Мир, 1912, 3, 4, 6, 9 десември.
- ⁶² Там же, 1912, 1 октомври; 1913, 8 февруари; 1912, 11 ноември.
- ⁶³ Там же, 1913, 7 февруари.
- ⁶⁴ Милев, Н. Дневници, спомени, пътеписи, писма. София, 2008, с. 165.
- ⁶⁵ Фичев, И. Балканската война 1912–1913. Преживелици, бележки и документи. София, 1940, с. 348.
- ⁶⁶ Архив Христо Матов. София, 2004, с. 329.
- ⁶⁷ Любомир Милетич до Ватрослав Ягич. Писма 1896–1913. София, 1996, с. 364–365.
- ⁶⁸ Из тайния архив на българския цар Фердинанд I. Документи за военната и политическата история на България. София, 2001, с. 107.
- ⁶⁹ Вечерна поща, 1912, 11 октомври.
- ⁷⁰ Мир, 1912, 24 октомври.
- ⁷¹ Дървингов, П. Цит. соч., с. 215–216.
- ⁷² Мир, 1912, 7 декември.
- ⁷³ Хесанчиев, Х. Служба на България в чужбина. Военнодипломатически спомени (1899–1913 г.). София, 1993, с. 543–544.
- ⁷⁴ Мир, 1913, 31 май.
- ⁷⁵ Вечерна поща, 1912, 30 декември.
- ⁷⁶ Дървингов, П. Цит. соч., с. 186, 198.
- ⁷⁷ Фичев, И. Цит. соч., с. 86–87; Джемаль-паша. Записки Джемаль-паши 1912–1913 гт. Тифлис, 1923, с. 38; Назлъмов, А. Цит. соч., с. 40.
- ⁷⁸ Станчев, К. Цит. соч. – Камбана, 1927, 19 декември.
- ⁷⁹ Икономов, С. Цит. соч., с. 30; Мир, 1912, 21 септември.
- ⁸⁰ Додов, Н. Цит. соч., с. 65.
- ⁸¹ Балканските войни по страниците..., с. 120.
- ⁸² Пешев, П. Историческите събития и деятели от навечерието на освобождението ни до днес. София, 1993, с. 421.
- ⁸³ Мир, 1913, 3 юни; Балканските войни по страниците..., с. 181, 191, 225–227.
- ⁸⁴ Пешев, П. Цит. соч., с. 408.
- ⁸⁵ Василев, Г. Бележки на деня. Съст. Ц. Билярски. София, 1991, с. 110, 129; Фичев, И. Цит. соч., с. 44; Додов, Н. Цит. соч., с. 74.
- ⁸⁶ Балканските войни по страниците..., с. 184.
- ⁸⁷ Додов, Н. Цит. соч., с. 74.
- ⁸⁸ Кишкилова, П. България 1913. Кризата във властта. София, 1998, с. 135.
- ⁸⁹ Пешев, П. Цит. соч., с. 418–420.
- ⁹⁰ Дублве. Дайте ни истински картини от войната. – Народ и армия, 1914, № 15, 16, 17, 18, 19 и 20, с. 745
- ⁹¹ Стайнов, Г. Писма от Одрин. София, 1964, с. 131.
- ⁹² Войник. Военни писма. – Народ и армия, 1913, № 1, с. 45.
- ⁹³ Аз знам всичко, 1913, 3 и 17 ноември; 8, 15 и 29 декември.
- ⁹⁴ Там же, 1913, 15 декември.
- ⁹⁵ Там же, 1914, 5 януари.
- ⁹⁶ Аврамов, К. Цит. соч., с. 86.

НАЦІОНАЛЬНА ІДЕНТИЧНІСТЬ БОЛГАРСЬКОЇ ДІАСПОРИ У ТВОРЧОМУ ДОРОБКУ М. С. ДЕРЖАВІНА

Н. І. Самойленко

Самойленко, Н. І. Національна ідентичність болгарської діаспори у творчому доробку М. С. Державіна

Стаття присвячена науковому спадку відомого російського та радянського вченого, історика, етнографа, лінгвіста, академіка М. С. Державіна (1877–1953) у галузі болгаристики. Акцент зроблений на дослідженні ним болгарських колоній на півдні Російської імперії та з'ясуванні механізмів збереження етнічної самоідентифікації болгарською діаспорою.

Ключові слова: істориографія, історія Болгарії, болгарська діаспора, М. С. Державін.

Самойленко, Н. И. Национальная идентичность болгарской диаспоры в творческом наследии Н. С. Державина

В статье рассматривается научное наследие известного российского и советского историка, этнографа, лингвиста академика Н. С. Державина (1877–1953) в области болгаристики. Анализируются работы, посвященные болгарской диаспоре в границах бывшей Российской империи; акцент сделан на описанных Н. С. Державиным механизмах сохранения этнической самоидентификации.

Ключевые слова: историография, история Болгарии, болгарская диаспора, Н. С. Державин.

Samoylenko, N. I. The National identity of the Bulgarian Diaspora in the scientific heritage of N. S. Derzhavin

The article is devoted to the study of scientific activity of well-known Russian and soviet scientist Nicolay Sevastjanovich Derzhavin (1877–1953) whose field of research had a great deal with Bulgaria history. The scientist's contribution to investigation of the Bulgarian Diaspora in the former Russian empire is analyzed. The author pays attention to the ways of keeping the Bulgarian ethnic self-identity that had been described by N. S. Derzhavin by 1917.

Keywords: historiography, history of the Bulgarian people, the Bulgarian diaspora, N. S. Derzhavin.

У глобалізованому світі особливої актуальності набуває адекватне вирішення проблем національних меншин з метою збереження їхньої унікальності у якості активних суб'єктів історичного процесу через збереження етнічної ідентичності. Значні зрушення у державному будівництві впродовж останніх років та нові реальності постсоціалістичного буття в Україні також викликали особливу увагу до питань етнічної та національної ідентичності спільнот: адже за умов розпаду поліетнічних держав у Центрально-Східній Європі наприкінці ХХ ст. та формування нових державних утворень національна ідеологія сфокусувалася на етнічній та національній ідентичності. Це стосується не тільки титульної нації, але й тих, що впродовж життя багатьох поколінь мешкали на теренах колишнього СРСР та чия громадсько-політична діяльність значно активізувалася з падінням комуністичного режиму. Серед них, поза сумнівами, слід згадати болгарську спільноту. Болгарська діаспора в Україні налічує понад 200 тис. осіб¹. Попри чисельні історичні та політичні зміни вона зберегла свою мову та культуру, що стало наслідком дії різного роду чинників, зокрема й тих, які формувалися тривалий період часу. Ці чинники заслуговують на особливу увагу з огляду на потреби формування державної політики у багатоетнічній країні з такого делікатного та складного питання, яким є національне. Шанобливе ставлення до історичного спадку болгарської спільноти, як і до решти етносів на території України, виступає запорукою збереження їх етнічної ідентичності та виваженої національної політики держави.

У сучасному соціогуманітарному знанні не склалося єдиної думки щодо розуміння нації, етнонаціональної ідентичності та факторів, які їх визначають², проте більшість дослідників вбачають зв'язок між конкретно-історичними умовами життя етнічного колективу та компонентами етнонаціональної свідомості й самосвідомості. У цьому зв'язку вивчення болгарської діаспори в Україні, яка почала складатися з першої чверті

XVIII ст., дозволяє наблизитися до більш чіткого розуміння закономірностей формування та функціонування ідентичності етнічної спільноти як такої. Одним із засновників наукової традиції дослідження болгарських поселень в межах сучасної України, в працях якого зафіксовані механізми самозбереження етнічного колективу за умов інонаціонального оточення, з повним правом слід назвати М. С. Державіна (1877–1953).

Науковий доробок М. С. Державіна, уродженця с. Преслав колишнього Бердянського повіту Таврійської губернії, відомого історика-славіста, етнографа, мовознавця, археографа, члена трьох Академій наук (СРСР, Білоруської та Болгарської), першого „червоного“ ректора Петроградського університету (1922–1925), директора першого в СРСР Інституту слов’янознавства, котрий залишив понад 500 наукових робіт, є багатограним та різноманітним. Закономірно, що його праці неодноразово привертали увагу вітчизняних і зарубіжних фахівців³. Проте конче потрібні узагальнення напрацювань науковця, які є ключем до розуміння змісту та компонентів етнічної свідомості болгарських поселенців на теренах колишньої Російської імперії з огляду на потреби сьогодення, ще чекають свого часу. У цій статті розглядається болгарська етнічна спільнота за спостереженнями М. С. Державіним на початковому етапі його творчості (1897–1916)⁴, коли він фактично заклав підґрунтя – це є загально визнаним⁵ як у вітчизняній, так і у болгарській науковій традиції – для подальшого дослідження болгарської діаспори. Результати його наукової діяльності у справі висвітлення життя болгарських колоністів кінця XIX – початку XX ст. було підсумовано у книзі „Болгарські колонії в Росії“ (Т. 1, 1914; Т. 2, 1915)⁶, яка заслужено високо оцінювалася сучасниками та не втратила своєї значущості донині. Вона є першим комплексним дослідженням болгарської етнічної групи на півдні України⁷. М. С. Державін ще студентом Ніжинського історико-філологічного інституту розпочав історико-етнографічні та діалектологічні дослідження болгарських поселень за підтримки відомого болгариста М. С. Дринова, згодом – Московського археологічного товариства, Академії наук і Міністерства народної освіти. Наслідком його досліджень стала низка статей з етнографії болгарських колоній Таврійської та Херсонської губерній, видана на сторінках широко відомих наукових часописів тієї доби („Этнографическое обозрение“, „Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества“, „Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук“, „Славянские известия“, „Живая старина“). Доповнена матеріалами з етнографії та лінгвістики Бессарабської губернії, вона перетворилася на базу майбутньої узагальнюючої праці – згаданої вже книги „Болгарські колонії в Росії“, що була захищена як магістерська дисертація 1916 р. В дисертації М. С. Державін дослідив практично всю наявну на той час інформацію етнографічного характеру про болгарських колоністів.

Початок наукового шляху майбутнього академіка в історії вітчизняної славістики був часом активного розвитку, урізноманітнення як тематики, так і методів досліджень; характер та спрямованість славістичних студій кореспондувалися з європейською науковою думкою. Відбувався процес закономірної диференціації славістичних дисциплін. Перші десятиліття XX ст. у російській університетській науці стали добою справжнього розквіту славістики, у тому числі й болгаристичних студій, що не могло не позначитися сприятливо на результатах досліджень М. С. Державіна⁸. Вчений здійснив п’ять експедицій (1897, 1900, 1904, 1910, 1911 рр.) у болгарські поселення й мав нагоду опрацювати фонди Народної та університетської бібліотек (1903, 1909–1910 рр.) у Софії. Проте лихоліття російських революцій 1917 р., громадянська війна, викликавши регрес у вітчизняному слов’янознавстві, вкупі з репресіями 1930–1940-х рр. щодо вчених, які досліджували сьогодення та минуле національних меншин на теренах СРСР⁹, а також у „справі славістів“¹⁰ фактично призупинили на тривалий час вивчення болгарської діаспори вітчизняними істориками. З іншого боку, серед причин занепаду інтересу до історії національних меншин слід згадати проаналізований В. В. Міхеєвою негативний вплив кардинальних змін в етнографічній науці, що стався після наради етнографів Москви та Ленінграду 1929 р., де теоретична етнологія була оголошена класовим збоченням¹¹.

Отже, через неоднозначні та суперечливі політичні процеси, коли здатність відчутти політико-ідеологічну кон'юнктуру, обрати найбільш „бажані“ теми для дослідження визначали не тільки творчі перспективи, а але й саме життя, у 1930–1940-і рр. болгарська етнічна свідомість опинилася на периферії наукових розвідок. В друкованих працях вченого вона розглядалася фрагментарно¹² у зв'язку з іншими проблемами, в першу чергу – етногенезом слов'ян, проте він продовжував вивчати болгарську проблематику. Зокрема, у листі до В. Златарського від 10 січня 1927 р. М. С. Державін повідомляв про свої творчі плани в галузі болгаристики, підготовку до друку книги про болгар в Україні¹³. Але ця праця, як й інші його розвідки цього часу про болгар за межами історичної батьківщини, стала надбанням архіву¹⁴. Широка наукова громадськість не була ознайомлена з їх результатами. Вони свідчили про накопичення знань та розвиток вивчення проблеми, але не змогли за життя їх автора зайняти належного місця в історії болгаристичних досліджень, не були введені у науковий обіг до 1996 р.¹⁵

Попри те, що вчений безпосередньо не ставив за мету з'ясувати, як та чому збереглася болгарська ідентичність колоністів упродовж понад 200 років з часу початку переселення, своїми чисельними публікаціями дає відповідь на це питання. Дослідник спирався не тільки на класичні праці попередників, в першу чергу А. Скальковського, А. Клауса, аналіз даних губернських статистичних комітетів і волосних правлінь, але й на свої власні спостереження, добре знання болгарської мови, що дозволило йому побачити та зафіксувати у своїх дослідженнях етнопсихологічні особливості болгарських переселенців (останні, як правило, залишалися поза увагою попередників) на тлі решти етнічних спільнот й уникнути абсолютизації окремих чинників (побут, повсякденна поведінка, святкові традиції та обряди, культура мовлення, зовнішні фактори, тощо) етнічної свідомості у справі самозбереження етнічної групи. М. С. Державін добре розумів громадянський сенс своїх розвідок для „вирішення негайних потреб народного буття“, говорячи загалом про становище болгарських поселенців, яке „в культурному та господарському відношенні було тяжчим“ за становище сусідніх національних меншин¹⁶. У листі від 14 травня 1911 р. до керівництва Болгарської академії наук з проханням сприяти у друкуванні його дослідження з історії болгарських колоністів він наголошував: „Рятуючи скарби матеріального та духовного буття, етнограф та лінгвіст ... рятує народність“, висловивши сподівання, що з його працею матимуть можливість ознайомитися не тільки фахівці, але й ті, про кого вона написана¹⁷. Визначаючи суспільну та наукову значущість етнографії, оцінювану ним у якості важливого елементу історичного знання¹⁸, дослідник фактично пов'язував вивчення повсякденного буття тієї чи іншої спільноти з попереднім розвитком набутого нею культурного досвіду¹⁹. Із цього можливо зробити опосередкований висновок щодо позиції М. С. Державіна відносно історичних аспектів власних етнографічних розвідок, історичну складову яких він вважав скромною²⁰, але усвідомлював: без неї не буде зрозумілим становище болгарських колоністів у цілому, ані причини збереження ними власної етнічної приналежності.

Саме в історичних екскурсах вчений визначив як умови збереження власної етнічної ідентичності болгарської спільноти, так і компоненти її самоідентифікації. Найсуттєвішою серед них було зазначено господарчу: „ступінь економічного добробуту колонії завжди... відображається на її культурності“²¹. Серед соціально-економічних умов – володіння сільськогосподарськими навичками, завдяки яким, маючи статус першопоселенців, що фактично став основою автаркії, колоністи зуміли вирішити потрібне у господарському відношенні Російській імперії завдання засвоїти цілісні землі. М. С. Державін докладно розглядає землекористування та систему землеволодіння колоністів²², опис яких не залишає сумнівів щодо архаїчності аграрної культури. На неї були приречені переважна більшість поселенців усіх болгарських колоній²³. Він переконливо довів, що „крім зерновиробництва решта видів сільського господарства на низькому рівні“²⁴. Стосовно соціального складу переселенської спільноти дослідник не бачить на початку ХХ ст. гомогенності, притаманній початку колонізації; більшість домогосподарств знеземелені. Зокрема, у його рідному с. Преслав лише 17,3 % спромоглися не зменшити розміру свого земельний наділу, отриманого при переселенні²⁵,

що вкрай погіршувало соціальне становище колоністів та створювало передумови для конфліктів на всіх рівнях існування поселень. Проте, за його спостереженнями, хоча й мали місце конфлікти (вочевидь на соціальному ґрунті), протестні настрої „не виходять за околицю свого села”²⁶. Отже, колоністи зберігали певну лояльність до влади держави, в якій жили. За умов соціально-економічної нестабільності всередині переселенської спільноти неминуче формувалися механізми усталених зв'язків заради забезпечення життєдіяльності, елементарного виживання та виокремлення їх серед інших етнічних спільнот.

Стосовно соціо-культурних умов формування та збереження етнічної ідентичності, про які йдеться у творчому доробку М. С. Державіна, слід вказати на зовнішні впливи, контакти з іншими етнічними групами та їх співвідношення з внутрішньогруповими взаєминами. У цьому зв'язку на перший план ним висувуються найближче етнічне оточення, соціально значущі трудові відносини всередині болгарської спільноти, контакти з інонаціональними поселеннями міського типу²⁷. Зокрема, говорячи про основні фактори впливу на розвиток болгарських колоній в Бердянському повіті Таврійської губернії, дослідник зупиняється на контактах з російським та німецьким етносами. При цьому він вважає „постійну відданість Росії” типовою рисою „болгарської національної свідомості”²⁸ та підкреслює, що „зовнішні запозичення [досвіду німецьких колоністів – прим. авт.] не змінили звичного укладу життя”²⁹. Згодом дослідник доходить невтішного висновку: „зближення з більш сильними чужоземними культурами започаткувало процес” поступової втрати національних відмінностей болгарських колоністів³⁰. Обставини, у яких опинилися переселенці, прирікали їх на працювитість та трудову кооперацію у патріархальній родині. М. С. Державін з боєм підкреслював, що працювитість болгар, як риса національного характеру, все ж не веде до розквіту³¹. Отже, ця соціально-психологічна особливість, притаманна болгарським колоністам, на початку ХХ ст. залишалася умовою виживання.

Ще в першій своїй розвідці болгарист-початківець докладно описав цілу систему приписів, настанов, які регулюють життя болгарина від народження до смерті у якості консервативно-зберігаючих засад етнічної ідентичності³². В своїй магістерській дисертації фольклорист та лінгвіст Н. С. Державін продовжив систематизацію та розширив коло досліджуваних складових етнічної ідентифікації через особливості побуту, житла, системи харчування, національного одягу, оригінальну систему родинних зв'язків, фольклору, різноманітних звичаїв, навіть дитячі ігри. Він звернув увагу, що за народними звичаями змішані шлюби засуджувалися (винятком були тільки вдови). У такий спосіб здійснювалася профілактика асиміляції, самозбереження та самоізоляції етнічної спільноти³³. Особливе значення він надавав пісенному фольклору, що до певного ступеня виступав носієм колективної пам'яті етнічної спільноти, навіть здійснив першим фонографічний запис зразків народних пісень³⁴.

Історичні екскурси дозволили М. С. Державіну об'єктивно охарактеризувати стан болгарської етнічної спільноти та її ідентичності у досліджуваний період. Він підтверджує незмінність основних етно-психологічних рис болгарських поселенців, описаних авторами 40-х–50-х рр. ХІХ ст.³⁵ Вчений помітив зв'язок між економічним становищем болгарських колоністів, змінами у суспільному житті, державною політикою та етнічною свідомістю³⁶. Фактично, зберігаючи себе як етнічну спільноту, вони зберігали й господарські навички історичної доби кризи феодалізму в Османській імперії, які в іншій історичний час, коли створювалися умови для вільного підприємництва, виявилися неефективними. Не сприяла економічному прогресу й система общинного землекористування³⁷. Як наслідок, з одного боку, руйнувалися засади болгарської патріархальної родини, що дослідник вітає як підґрунтя розвитку особистості, а з іншого боку, з сумом говорить про те, що чекає конкретну особистість, етнічну свідомість, за межами цієї патріархальної родини: „Замість ... турботи про законні моральні та матеріальні потреби єдинокровного та єдиновірного нам народу... на кожному кроці нетерпиме ставлення. Всі духовні потреби за подвійною печаткою адміністративних дозволів... У народу забирається його найкращий скарб – материнська мова та національні традиції, ... за-

порука народної моральності. Натомість ... – право запозичувати російську культуру міських низів з усіма її супутниками: алкоголізмом, розпущою, злочинністю³⁸. Отже, підсумовуючи свої майже двадцятирічні штудії, М. С. Державін доходить висновку, що етнічна ідентичність болгарських колоністів опинилася під загрозою, що перед поселенцями постала перспектива повної асиміляції.

М. С. Державін глибоко дослідив питання про болгарських переселенців в Російській імперії. Науковець фактично з'ясував механізми збереження етнічної ідентифікації переселенців за умов, коли країна, яка їх приймала, здійснювала політику асиміляції. Творчий доробок М. С. Державіна наближає до розуміння змісту процесу етнічного самозбереження болгарської діаспори та адаптації до інонаціонального середовища. Фактично описані такі важливі компоненти етнічної ідентифікації, як стандарти повсякденної поведінки, набір настанов, приписів, стереотипів, що унормовують та регулюють внутрішньо- групові та міжгрупові відносини та зв'язки. Розкрито залежність етнічного самовизначення від соціальних, історичних та економічних умов, у яких перебувала переселенська спільнота. Дослідження науковця не дозволяють однозначно характеризувати ступінь етнічної ідентичності болгарських переселенців на тлі кризового стану самої спільноти. На це вказує ціла низка чинників, побачених М. С. Державіном (відсутність стабільних соціально-економічних умов, певна культурна відокремленість, приналежність більшості переселенців до однієї соціальної верстви, лояльність до соціально-політичної системи країни переселення). Таким чином, наукова спадщина М. С. Державіна зафіксувала розвиток основних складових етнічної свідомості та самосвідомості болгарської діаспори на теренах колишньої Російської імперії.

¹ Станчев, М. Болгары в Российской империи, СССР, странах Балтии и СНГ. Т. 1. (1711–2006). Статистический сборник. София, 2009, с. 532.

² Черниш, Н. Г. Соціологія. К., 2009, с. 259; Смельзер, Н. Социология. Пер. с англ. М., 1994, с. 305–307; Коч, С. В. Особенности процессов этнической идентичности в среде болгар-поселенцев Одесской области. – В: Дриновський збірник/Дриновски сборник. Т. 3. Харків–Софія, 2009, с. 286–287; Бонева, Т. България в Бесарабия: власт и идентичност (историко-етнографско проучване). – България етнология, 2009, № 1–2, с. 19; Горина, Л. В. Профессор Марин Дринов о болгарской народности в Османской империи. – В: Дриновський збірник/Дриновски сборник. Т. 4. Харків–Софія, 2011, с. 16; Стоянов, И. История на българското Възраждане. Велико Търново, 2010, с. 197–199; Ангелов, Д. Образуване на българска народност. – В.: България. 681–1981. София, 1981, с. 97; Магочій, П.-Р. Україна. Історія її земель та народів. Ужгород, 2012, с. 343.

³ Диневков, П. Руско-български етнически и културни отношения в осветлението на академик Н. С. Державин. – Исторически преглед, 1945, № 1, с. 84–86; Гандев, Х. Академик Николай С. Державин като историк. По случай седемдесетгодишния му юбилей. – Философска мисъл, 1947, № 3–4, с. 237–239; Ангелов, Д., Тодоров, Г. Н. С. Державин като историк на българския народ. – Исторически преглед, 1963, № 6, с. 74–93; Хаджиниколова, Е. Български преселенци в Южните области на Русия. 1856–1877. София, 1987. 176 с.; Михеева, В. В. Болгари півдня України і Молдови в историко-етнографічній літературі кінця XVIII–XX ст.: Автореф. дис. ... канд. істор. наук. Дніпропетровськ, 1997. 19 с.; Турков, В. В. Научное наследие Н. С. Державина в изучении переселения бессарабских болгар в южнорусские земли в 60-е гг. XX ст. – В: Наукова спадщина Н. С. Державіна і розвиток слов'язнознавства: Матеріали міжнародної наукової конференції 15–17 травня 1995 р. Запоріжжя, 1995, с. 95–96; Шанова, З. К. Державинские чтения в Санкт-Петербургском университете. – Българистика, 2005, № 11, с. 55–58; Белова, Е. Переселение болгарского населения из Бессарабской части Молдавского княжества в России (конец 50-х – начало 60-х годов XIX века). – В: България Бесарабия. Вип. 3. Болград, 2005, с. 9–38; Пачев, С. І. Колонии видинских переселенцев в Таврии в 60–70-е гг. XIX в. – В: България в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т. 10. Одеса–Велико Търново, 2009, с. 85–92 та інш.

⁴ Михеева, В. В. Труд Н. С. Державина „Болгарские колонии в России“ и его место в болгаристике. – В: III Дриновские чтения „Проблемы источниковедения, историографии, истории и культуры Болгарии, истории болгаристики“. Тезисы докладов. 25–27 октября 1994. Харьков, 1994, с. 104.

⁵ Пачев, С. І. Висвітлення процесу болгарської колонізації Північного Причерномор'я в историко-етнографічних студіях Н. С. Державіна. – В: Дриновський збірник/Дриновски сборник. Т. 4. Харків–Софія, 2011, с. 460; Державин, Н. С. Ответ моему рецензенту. – Известия Отдела русского языка и словесности Российской академии наук, 23, 1918, № 1–2, с. 73; Мишев, Р. Българо-руско научно сътрудничество в областта на историческите науки. – Исторически преглед, 1982, № 4, с. 57; Михеева, В. В. Болгари півдня України і Молдови в историко-етнографічній літературі кінця XVIII–XX ст., с. 9.

⁶ *Державин, Н. С.* Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская, Бессарабская губернии). Материалы по славянской этнографии. – В: Сборник за народни умотворения и народопис, 29, 1914, с. 259; *Державин, Н. С.* Болгарские колонии в России. Т. 2: 1. Язык. 2. Обзор говоров. Общие итоги. Выводы и наблюдения. 3. Тексты с приложением диалектической карты. Петроград, 1915, с. 648.

⁷ *Пачев, С. І.* Висвітлення процесу болгарської колонізації Північного Причорномор'я в історико-етнографічних студіях Н. С. Державіна, с. 460.

⁸ *Лаптева, Л. П.* Два века славяноведения в России (к 170-летию создания славистических кафедр в российских университетах). – В: Славяноведение в России в XIX–XX вв. М., 2007, с. 19, 21.

⁹ *Белова, Е.* Переселение болгарского населения... , с. 12.

¹⁰ *Аксенова, Е. П.* „Изгнанное из стен Академии“: Н. С. Державин и академическое славяноведение в 30-е годы. – Советское славяноведение, 1990, № 5, с. 69–81; *Горяинов, А. Н.* Славяноведы – жертвы репрессий 1920–1940-х гг. Некоторые неизвестные страницы из истории науки. – Советское славяноведение, 1990, № 2, с. 78–91.

¹¹ *Михеева, В. В.* Болгари півдня України і Молдови в історико-етнографічній літературі кінця XVIII–XX ст., с. 10.

¹² *Державин, Н. С.* История Болгарии. Т. 1. Происхождение болгарского народа и образование первого болгарского государства на Балканском полуострове. – М.–Л., 1945, с. 49, 62, 169; *Державин, Н. С.* К вопросу о происхождении болгарского народа (Письмо в редакцию). – Вопросы истории, 1952, № 7, с. 153–155; *Державин, Н. С.* Славяне в древности. Культурно-исторический очерк. М., 1946, с. 127–134.

¹³ Българо-руски научни връзки XIX–XX век. Писма и документи. Съст. Л. Костадинова, В. Флорова, Б. Димитрова. София, 1968, с. 105.

¹⁴ *Михеева, В. В.* Болгари півдня України і Молдови в історико-етнографічній літературі кінця XVIII–XX ст..., с. 10.

¹⁵ *Див.: Михеева, В. В.* Из рукописного наследия академика Н. С. Державина. Материалы по истории этнографии болгар. – В: Українська історична наука на порозі XXI століття: Харківський історіографічний збірник. Харків, 1997, с. 103–112.

¹⁶ *Державин, Н. С.* Болгарские колонии Новороссийского края, Херсонской и Таврической губернии. – Известия Таврической ученой архивной комиссии, 1908, № 41, с. 25.

¹⁷ Българо-руски научни връзки XIX–XX век. Писма и документи..., с. 77–78.

¹⁸ *Державин, Н. С.* Этнографические условия развития болгарских колоний в Бердянском уезде Таврической губернии. – Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества, 1902, № 1, с. 3.

¹⁹ *Державин, Н. С.* Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская, Бессарабская губернии)..., с. 205.

²⁰ *Пачев, С. І.* Висвітлення процесу болгарської колонізації Північного Причорномор'я в історико-етнографічних студіях Н. С. Державіна..., с. 461.

²¹ *Державин, Н. С.* Болгарские поселенцы на юге России. – Славянские известия, 1905, № 1, с. 684.

²² *Державин, Н. С.* Болгарские колонии Новороссийского края, Херсонской и Таврической губерний..., с. 39, 42–43, 49, 79, 82, 88, 102; *Державин, Н. С.* Болгарские колонии в России. Т. 1, с. 61–63; *Державин, Н. С.* Болгарские колонии на юге России. – Славянские известия, 1906, № 7, с. 84–85.

²³ *Державин, Н. С.* Болгарские колонии Новороссийского края, Херсонской и Таврической губерний..., с. 87–88.

²⁴ Там само, с. 100.

²⁵ *Державин, Н. С.* У болгар Таврической губернии. – Этнографическое обозрение, 1900, № 4, с. 67.

²⁶ *Державин, Н. С.* Болгарские колонии Новороссийского края, Херсонской и Таврической губерний..., с. 91.

²⁷ *Державин, Н. С.* Болгарские поселенцы на юге России..., с. 681–682, 683.

²⁸ *Державин, Н. С.* Болгарские колонии Новороссийского края, Херсонской и Таврической губерний..., с. 41, 42.

²⁹ *Державин, Н. С.* Этнографические условия развития болгарских колоний в Бердянском уезде Таврической губернии..., с. 3.

³⁰ *Державин, Н. С.* Болгарские колонии Новороссийского края, Херсонской и Таврической губерний..., с. 43.

³¹ *Державин, Н. С.* Болгарские колонии на юге России. – Славянские известия, 1905, № 7, с. 606, 612.

³² *Державин, Н. С.* Очерк быта южнорусских болгар: 1. Родинные и свадебные обычаи. 2. Поверья. – Этнографическое обозрение, 1898, № 3, с. 37–62; № 4, с. 113–125.

³³ *Манолова, Г.* Аспекти на езиковата ситуация в етнически смесени бракове при българските переселници в Бесарабия. – В: *Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали.* Т. 10. Одеса–Велико Търново, 2009, с. 389–390.

³⁴ *Кауфман, Н. Н.* Академик Н. С. Державин и песните на българите, преселените в Русия. – *Българска музика*, 1971, № 8, с. 85–97; *Карагузалов, В. В.* Песенный фольклор болгар-поселенцев (фонографическая коллекция академика Н. С. Державина). – В: *Русско-болгарские фольклорные и литературные связи.* В 2-х томах. Т. 1. Л., 1976, с. 156–173.

³⁵ *Державин, Н. С.* Болгарские колонии на юге России. – *Славянские известия*, 1905, № 7, с. 613.

³⁶ *Державин, Н. С.* Болгарские колонии на юге России. – *Славянские известия*, 1906, № 1, с. 85.

³⁷ Там само.

³⁸ *Державин, Н. С.* Болгарские колонии в России. Т. 1, с. 42.

БОЛГАРСЬКА НАЦІОНАЛЬНА МЕНШИНА УКРАЇНИ НАПЕРЕДОДНІ НАЦІОНАЛЬНОЇ РЕВОЛЮЦІЇ 1917–1921 РР.

М. В. Лазарович

Лазарович, М. В. Болгарська національна меншина України напередодні Національної революції 1917–1921 рр.

Досліджено основні тенденції зростання чисельності й розселення болгарської національної меншини України на різних етапах її розвитку. З'ясовано причини переселення болгар на українські землі. Проаналізовано основні заняття переселенців. Значну увагу приділено національно-культурному розвитку болгарських колоністів. Визначено вплив національної політики Російської імперії на діяльність болгарської меншини.

Ключові слова: болгарська національна меншина, переселення, заняття, чисельність, розвиток, вплив.

Лазарович, М. В. Болгарское национальное меньшинство Украины накануне Национальной революции 1917–1921 гг.

Исследованы основные тенденции роста численности и расселения болгарского национального меньшинства Украины на разных этапах его развития. Выяснены причины переселения болгар на украинские земли. Проанализированы основные занятия переселенцев. Значительное внимание уделено национально-культурному развитию болгарских колонистов. Определено влияние национальной политики Российской империи на деятельность болгарского меньшинства.

Ключевые слова: болгарское национальное меньшинство, переселение, занятия, численность, развитие, влияние.

Lazarovych, M. Bulgarian national minority in Ukraine on the eve of the National Revolution of 1917–1921

The basic tendencies of quantity and settling apart growing of the Bulgarian national minority of Ukraine on the different stages of its development are investigated. The reasons of Bulgarians migration to other lands are explained. The basic employment of immigrants are analysed. The significant attention is given to national-cultural development of the Bulgarian colonists. Influence of national policy of Russian empire on activity of the Bulgarian minority is certain.

Keywords: the Bulgarian national minority, resettlement, employment, number, development, influence.

Населення України з найдавніших часів відзначалося багатоетнічним складом. Поруч із українцями тут мешкали й представники інших національностей, які різнилися походженням, мовою, культурою, традиціями, звичаями, конфесійною приналежністю, рівнем політичного розвитку, ступенем етнічної самоорганізації тощо. Їх частка в складі населення України, як і їхня абсолютна кількість, ніколи не були стабільними.

Заселення українських земель представниками національних меншин було зумовлене різними причинами. Насамперед – це сприятливе геополітичне становище, зокрема, місце в міжнародних торговельних зв'язках, родючі землі, що приваблювали іноземних селян-землеробів, тривале перебування України в складі інших держав, політика уряду, спрямована на заселення України іноземцями. На кількісному складі й розміщенні іноетнічного населення, його гетерогенності та дисперсності суттєво позначилися міграційні процеси¹, які особливо посилювалися в ХІХ – на початку ХХ ст.

У той час землі України залишалися розшматованими між двома імперіями – Російською та Австро-Угорською. Значну увагу їх правителі приділяли колонізаційній політиці на захоплених ними територіях. Так, щоб утвердити на українських землях свою владу, вони поширювали тут імперські закони і порядки, спрощували сюди представників пануючих націй, переселяли іммігрантів із інших країн. Для метрополій результат масових переміщень інонаціонального населення в Україну полягав у тому, що вони, по-перше, в особі переселенців отримували опору для подальшого зміцнення

свої присутності; по-друге, посилювали свої позиції на міжнародній арені, зокрема в тих країнах, звідки походили іммігранти; по-третє, переміщене населення ставало сировинним ресурсом для якнайшвидшого господарського освоєння нових територій; по-четверте, іноземні колоністи подавали місцевим мешканцям приклад іншого побуту й іншої більш ефективної системи господарювання².

Порівнюючи колонізаційні зусилля Романових і Габсбургів на українських землях, перевагу слід віддати першим, які зосередили в своїх руках значно більшу територію. Російська імперія вже в другій половині XVIII ст., значно розширивши свої кордони у західному й південному напрямках, зокрема приєднавши Північне Причорномор'я, обрала своєрідну політику закріплення відносно добре освоєних величезних просторів. Прагнучи остаточно покінчити з українською автономією, позбутися волелюбних корінних мешканців та отримати вдячних і покірних віроповіданих, царат проводив насильницьке переселення народів, яке межувало з геноцидом. У результаті, запорозьке козацтво опинилося за Дунаєм, кримські греки й вірмени – на північних берегах Азовського моря і Дону, а ногайці та десятки тисяч татар втекли у турецькі володіння³. Спустілий край, як і приєднані величезні степові простори, необхідно було освоювати, оживляти осілою землеробською працею. Однак Росія була не в змозі освоїти нові землі своїми силами. Цьому заважало, насамперед, кріпосне право, яке позбавляло більшу частину селян можливості вільно переселятися на нові землі⁴. Було вирішено запросити колоністів з-за кордону.

Правову основу іноземної колонізації започаткували спеціальні маніфести російської імператриці Катерини II 1762, 1763 та 1764 рр., які заохочували переселення досвідчених селян-хліборобів із європейських країн у деякі південні й південно-східні місцевості Російської імперії. Переселенцям гарантувалися свобода релігії та звичаїв, самоврядування, звільнення від рекрутчини, виконання повинностей та сплати податків на визначений термін, надання достатньої кількості земель, асигнування з державної скарбниці для початку господарських робіт⁵ тощо.

Якщо перших колоністів не обмежували майновим цензом, то поява пізніше додатку до Маніфесту 22 липня 1763 р. дозволяла переселення лише заможним землеробам і ремісникам, котрі мали родини. З 1819 р. прикликання іноземців припинилося; подальші переселення здійснювалися за спеціальним дозволом⁶. Усе це, зрозуміло, різко зменшило притік колоністів до Російської імперії.

Типовими причинами, які спонукали переселенців покинути століттями обжиті землі, були: численні війни, які неминуче призводили до погіршення становища населення; відсутність вільних земель на батьківщині чи власних колоній у неї в нововідкритих частинах світу, куди могли переселитися бажаючі; релігійні утиски в Західній Європі окремих протестантських течій⁷, тощо.

Упродовж XVIII – на початку XIX ст. на українських землях постала низка військових поселень іммігрантів із країн, які потерпали від турецької агресії. Статус військового поселенця отримували іноземці, які оселялись у південних регіонах Російської імперії за умови військової служби. Вони входили до селянського стану, але мали деякі пільги. Таким чином уряд Російської імперії вирішував важливе стратегічне завдання: створення міцних укріплених районів, які могли захистити південні рубежі імперії від несподіваних нападів і стати надійним плацдармом, а при необхідності тилом, для подальшого просування на південь. Другим урядовим завданням, підпорядкованим першому, було господарське освоєння родючих південноукраїнських земель. Для цього в регіоні сформували військові округи Новосербія, Слов'яносербія, Бузьке козацьке військо та інші, землі яких заселяли військовими переселенцями, головним чином болгарськими і молдавськими іммігрантами⁸.

На 80-ті роки XVIII ст. припадає початок іноземної землеробської колонізації Півдня України, головними регіонами якої стали землі Катеринославської, Херсонської й Таврійської губерній. З того часу, зазначають дослідники⁹, вже не окремі групи людей, а великі організовані громади німців, голландців, шведів, болгар, греків, представників

інших етносів почали переселятися в досі малозаселені й економічно відсталі степи, щоб вільною працею перетворювати їх на культурні землеробські райони.

Важливим у контексті зазначеного є дослідження специфіки розміщення болгарського населення на території України, виявлення компактності та місця його проживання, соціальної структури, політико-правового статусу. Дана проблематика не повно відображена в історіографії і потребує подальшого розроблення.

Серед сучасних досліджень обраної тематики насамперед слід відзначити колективну монографію „Національні меншини України у ХХ ст.: політико-правовий аспект“, а також праці таких науковців, як О. Горбач, В. Мільчев, І. Міронова, В. Павленко, С. Пачев, С. Петков, В. Чоп, С. Шевченко та ін. Окремі аспекти проблеми відобразили Я. Верменич, В. Гвоздик, Я. Конєва, О. Рафальський, Г. Турченко, Б. Чирко, Н. Шумада та ін.

Переселення болгар в Україну почалося ще в другій половині ХVІІІ ст. і фактично тривало до завершення російсько-турецької війни 1877–1878 рр. Воно було спричинене національно-релігійним та соціальним гнобленням турецьких загарбників і відбувалося двома шляхами: хвилеподібні масові еміграції під час повстань чи війн і поодинокі переселення окремих осіб¹⁰. Перші болгари на українських землях з'явилися ще в часи козацтва, у лавах якого і служили¹¹, а перші болгарські поселення засновано в долині р. Синюха та її притоки Вись 1752 р. вихідцями зі Сілістрицини¹². Територія Центральної України входила тоді до „Вольностей Запорозьких“ у складі паланок, куренів, зимівників, хуторів. Були болгари й у складі військовослужбовців Нової Сербії (1752–1764 рр.), розташованої на теренах теперішньої Кіровоградської області. Але найбільш організоване і чисельне переселення з болгарських земель зафіксовано в 1773 р. Восени цього року близько 400 сімей з села Алфатар поблизу Сілістрії, з-під Рущука й Відіна, а також Добруджі розмістилися в селах Бузького козачого війська – Дмитрівці, Аджамці й Диківці (нині – села Знамянського і Кіровоградського районів). Перезимували тут, наступного року вони перебралися до постійного місця мешкання у село Вільшанку (нині – райцентр Кіровоградської області).

Переселенці отримали в своє користування понад 17 тис. десятин землі. З часом відбулося деяке розширення географії проживання діаспори: села Добре, Станкувате, Мала Вільшанка, Мала Мазниця, Вербова Балка (Чорний Ташлик), Оборочне, Доброіванівка, Кацка (Вільшанський район), Тернове, Новостанкувате, Гнатівка, Новомихайлівка, Липняжка, Любомирка (Добровеличківський район)¹³.

У 1764–1769 рр. невеликі групи болгар осіли під Києвом на землях Києво-Братського монастиря і на Чернігівщині. Тривало активне заселення Бессарабії, де російські землевласники спроваджували болгарських іммігрантів до своїх степових маєтків. 1790 р. чималий болгарський відділ увійшов до складу Бузького козачого війська (скасowanego 1817 р.) і був розселений у Херсонській губернії в околицях Бобринця (нині – райцентр Кіровоградської області) та Вознесенська (нині – райцентр Миколаївської області)¹⁴. У 1791 р. 186 болгарських сімей з Андріанопільського вілайету заснували поселення Тернівку¹⁵ поблизу Миколаєва.

Найінтенсивніше освоєння болгарями українських земель відбувалося на початку ХІХ ст.: вони заселяють терени поблизу Одеси – Малий і Великий Буялик, Кубанка, Паркани; Тирасполя – Катаржино; Феодосії – Старий Крим, Кішлав та ін. Останнє масове переселення болгар на південноукраїнські землі відбулося в 1830–1834 рр. Загальна кількість болгарських переселенців зростала: якщо у 1819 р. вона становила близько 24 000 осіб, то в 1844-му – 75 400 (3,3% населення Таврійської, Херсонської й Бессарабської губ.)¹⁶. Про масовість переселення болгар в Україну засвідчує й те, що на середину ХІХ ст. тут нараховували 92 їхні колонії¹⁷.

Після поділу Бессарабії, згідно з Паризькою мирною угодою 1856 р., та приєднання її південної частини до Румунії, болгарські переселенці позбулися багатьох колоністських привілеїв, наданих їм російським урядом. Спроби протестувати завершилися кривавою розправою властей та масовою втечею болгар¹⁸. У результаті, в 1861–1862 рр. близько 30 000 із них переселилися звідти в Бердянський

і Мелітопільський повіті¹⁹ Таврійської губернії, де заснували 47 колоній²⁰. Тоді ж у Приазов'я прибула певна кількість переселенців із Північно-Західної Болгарії²¹. Тим часом як із Мелітопільщини частина болгарських колоністів переселилася в 1860-х рр. на Кубань і Закавказзя²². Згодом у Приазов'ї утворилася друга велика колонія болгар в Україні з центром у Преславі²³, поблизу нинішнього м. Приморська на Запоріжжі. До 1914 р. кількість приазовських болгар збільшилася втричі, сягнувши 45 тис. осіб²⁴. Причому зростання чисельності відбувалося за рахунок природного приросту. У 1918 р. таврійські болгарини мали у Приазов'ї 30 колоній, які, переважно, компактно розташовувалися між річками Бердою на сході і Молочною на заході. Їхнє населення нараховувало близько 40 тис. осіб²⁵. Таке скорочення, найімовірніше, було наслідком Першої світової війни та супутніх їй подій.

Загалом, згідно з переписом населення Російської імперії, в 1897 р. в Таврійській, Херсонській і Бессарабській губерніях проживало понад 170 тис. болгар²⁶ (3,13% усього населення губерній). На початку ХХ ст. в Російській імперії налічувалося понад 250 тис. болгар²⁷. За даними всесоюзного перепису 1926 р., в УСРР проживало 95% болгар²⁸ від їх загальної чисельності в СРСР.

Дослідники відзначають нерівномірність розміщення національних меншин в Україні і пояснюють це передусім історичними умовами їхнього комплектування²⁹. Проте болгар таке твердження стосувалося чи не найменше. В Російській імперії абсолютна більшість їх у 1897 р. проживала на українських землях. Лише у трьох губерніях – Бессарабській, Таврійській і Херсонській їхня частка становила 99% від загальноімперської³⁰. Причому в Бессарабській губернії болгарини становили 5,33% усього населення і були зосереджені насамперед у Аккерманському, Ізмаїльському і Бендерському повітах, Таврійській (2,85%) – у Бердянському і Феодосійському, Херсонській (0,94%) – в усіх повітах, крім Александрійського (в Ананьївському їх було мало)³¹. В інших частинах України їхня кількість була мізерною.

Окрім регіональних відмінностей, етнічні суб'єкти України помітно різнилися й тим, що одні з них проживали здебільшого у містах і містечках, інші – в селах³². Проте, болгарське населення і в даному питанні виглядало доволі консолідовано, мешкаючи переважно в сільській місцевості компактними колоніями. У 1897 р. в межах європейської Росії в містах мешкали 8,3% болгар³³. Насамперед вони осідали в Одесі, Херсоні, Миколаєві, Ніжині, Києві³⁴.

Важливим чинником для розуміння соціальних умов розвитку і національного населення, його етнічної самоідентифікації, формування національної еліти, можливостей самоорганізації тощо є дані про станово-майновий рівень, виробничу зайнятість і суспільний поділ праці, освіченість серед етносів України³⁵. Стосовно першого, то болгарини були справжніми господарями, які вміли працювати й користуватися результатами своєї праці. Серед болгарських колоністів в Україні переважало землеробство. Володіючи на 1914 р. 151 347 дес. землі³⁶, вони перетворювали південні степи в родючі поля, сади, прибуткові економії.

Економічному розвитку їхніх господарств сприяли більші, ніж у місцевих мешканців земельні наділи, висока агрономічна культура, працьовитість, відносна самостійність та незалежність, хоч і підпорядкована общинним порядкам. В аграрному секторі перевага надавалася тваринництву, особливо вівчарству, та зерновиробництву, яке в другій половині ХІХ ст. вийшло на перше місце. Кожна болгарська сім'я середнього достатку мала дві пари волів або буйволів, 2–3 коней, 1–2 корови, 20–30 овець, бідна – пару волів чи коней, 1 корову, 5–6 овець. А якщо врахувати вкрай незначний відсоток бідняцьких господарств, то напрошується висновок, що життєвий рівень болгар був досить високим. За підрахунками радянських спеціалістів, до 1917 р. 45% становили так звані куркульські господарства, 35 – міцні середняцькі й лише 20 – малоземельні й батраки³⁷. Економічну стабільність болгарської національної меншини похитнула лише Перша світова війна.

Значну роль у господарстві болгарських колоністів також відігравали рибальство, торгівля, виноградарство й виноробство³⁸. У пошані були городництво, садівництво, тютюнництво. Зокрема, чимало болгар, не переходячи в російське підданство, приїздили

в Україну на заробітки, надовго осідали тут і займалися переважно городництвом. За ними навіть закріпилася назва – „болгари-городники“.

Серед ремесел переважали ті, що забезпечували домашні потреби. Приміром, у 1867 р. в Таврійській губернії налічувалося 229 болгар-ремісників, серед яких були шевці, столяри, ковалі, бондарі та ін.³⁹

Ще однією особливістю, яка спостерігалася на початку ХХ ст. в Україні, була різниця між сільською та міською спільнотами, сільською культурою і міською цивілізацією. В Україні історично склалося так, що національний склад села і міста був різним (1900 р. лише 13% українців жило у містах, де натомість переважали росіяни та євреї). Оскільки неукраїнські жителі міст мали кращий доступ передусім до вищої освіти і можливості здобути фахову підготовку, то вони, звісно, й переважали серед інтелігенції в Україні. Тобто, спостерігалася гостра диспропорція між питомою вагою українців, які проживали в Україні, і національним складом творчої інтелігенції, для якої рідна мова була українська. Так, якщо серед осіб, зайнятих розумовою працею в сфері науки, літератури і мистецтва українці становили 12,3%, то євреї – 25,7%, росіяни – 40,7%, поляки – 8,2%, німці – 4%. Тобто, серед українців одна людина творчої праці припадала на 423 осіб, серед поляків – на 145, євреїв – на 90, росіян – на 80 осіб⁴⁰.

Що ж до болгарської меншини, то певний час освітня політика російського царату в цілому не суперечила інтересам болгар. У селах вони мали право відкривати школи з російською і почасти болгарською мовами навчання, вивчати болгарські граматику й історію. Уже в другій половині ХІХ ст. існувало 50 болгарських початкових шкіл, що охоплювали близько 2,5 тис. учнів⁴¹. Початкова освіта у болгарських селах була представлена школами трьох типів у залежності від джерела фінансування: громадськими, земськими та парафіяльними. До 1874 р. переважали громадські школи. Вони утримувалися виключно за рахунок болгарських сільських громад, які самостійно вирішували проблеми облаштування приміщення, пошуку вчителя, оплати його праці.

Якісно новий етап розвитку початкової освіти болгар почався із утворенням земських училищ. Ці навчальні заклади утримувалися за рахунок як земств, так і сільських громад. Для відкриття училища громада мала забезпечити його зручним приміщенням, меблями, облаштувати квартиру для вчителя, дбати про їхній ремонт, опалення, освітлення, утримувати сторожа тощо. Земство забезпечувало училище методичною літературою, навчальними посібниками, утримувало вчителя. Третій тип початкових навчальних закладів – парафіяльні школи у болгар були мало поширені. Їх почали відкривати на рубежі ХІХ–ХХ століть, але діяли вони не постійно.

Рівень охоплення дітей шкільною освітою, згідно зі статистичними даними 1897 р. на прикладі приазовських болгар, засвідчує, що в болгарських селах до школи ходило в середньому 85% хлопчиків та 28% дівчаток шкільного віку (у різних колоніях ці показники коливалися від 50 до 100% у хлопчиків та від 9 до 60% у дівчаток). Якщо порівняти отримані дані з середніми, приміром, по Бердянському повіту – 60% хлопчиків та 27% дівчаток⁴², то видно, що болгарські діти були охоплені початковою освітою повніше.

Після закінчення початкових шкіл діти колоністів продовжували навчання в болгарській гімназії в Болграді на Одещині й центральних болгарських училищах в Преславі (нині село Приморського району Запорізької області) й Комраті (нині місто в Республіці Молдова)⁴³. В 1874 р. на базі Преславського училища відкрили учительську семінарію⁴⁴, яка готувала кадри для болгарських шкіл та адміністрації.

У піднесенні культурно-освітнього рівня болгар вагоме місце посідали Одеське настоятельство й Кишинівське товариство поширення грамотності. Їх значний капітал, створений шляхом пожертвувань, використовували для видання болгарської літератури і підручників, надання стипендій і матеріальної допомоги болгарам, які навчалися у світських і духовних закладах Російської імперії⁴⁵. Зокрема, значну роль відігравали Південнослов'янський пансіон у Миколаєві та Новоросійський університет.

Результати освітньої діяльності болгарської меншини були пристойними. Так, у 1904 р. серед приазовських болгар рівень письменних та учнів становив 34%, у тому числі 50% серед чоловіків та 18% серед жінок⁴⁶. Цей показник був вищим, ніж

в середньому по приазовському регіону, що пояснюється заможнішим життям болгар порівняно з більшістю населення краю.

У той же час, як подає С. Пачев, за рівнем письменності болгар дещо відставали від німців та деяких інших національних меншин. Також через переважно селянський склад болгарської етнічної громади відсоток тих болгар, які отримали освіту вищу від початкової, був меншим, ніж у середньому в краї. Недоліком освітньої діяльності болгарської меншини було й те, що колоністам так і не вдалося створити національної школи. Викладання велося винятково російською мовою. Тому освіта стала одним із факторів, що прискорював асиміляцію⁴⁷. Хоча, на відміну від, наприклад, сербів та чорногорців, які практично асимілювалися⁴⁸, болгари зуміли зберегти свою етнічну ідентичність.

Певні здобутки господарської і культурно-просвітницької діяльності українських болгар мали велике значення не лише для економічного й культурного розвитку тих регіонів, де вони проживали, а й для підготовки кадрів освітнього і національно-визвольного руху в Болгарії. Болгарські колоністи зробили особистий внесок у національне визволення Болгарії, допомагаючи повстанцям матеріально. Вони також брали участь у російсько-турецьких війнах⁴⁹.

Проживаючи на теренах, які входили до складу Російської імперії, болгарська меншина певною мірою відчувала на собі особливості національної політики царату. Остання була зорієнтована на збереження цілісності монархії, а тому спрямовувалася на обмеження політичних і етнічних прав національних меншин, їх асиміляцію, попередження національно-визвольних рухів, провокування міжнаціональної ворожнечі. Вона впливала як із монархічно-поліційного устрою, так і з її шовіністично-великодержавницької внутрішньої та зовнішньої політики⁵⁰. Ґрунтувалася ця політика на концепції обмежувального, заборонювального законодавства, супроводжувалася реакцією, насиллям і репресіями⁵¹. Цілі нації, в тому числі й українці, зневажливо іменовані „хохлами“, та болгари, зводилися в Російській імперії до становища другорядних етнічних національних груп, змушених сприймати російську мову як державну, позбавлених права на судочинство власною мовою, не кажучи вже про можливість будь-якого державного самовлаштування чи самоідентифікації себе як нації.

Усе населення Російської імперії у правовому плані було поділено на 1) „природних обивателів“, яких, своєю чергою, ділили на чотири стани: дворянство, духівництво, міських та сільських мешканців, та 2) „інородців“. „Інородці“ – термін, який в імперії вживався щодо більшості народів, що її населяли. Але з юридичного погляду до них належало вісім груп населення, які були виключені з загальнодержавної юрисдикції і для яких існували спеціальні правові норми. Це – сибірські народи, самоїди, калмики Астраханської та Ставропольської губерній, киргизи, кавказькі горці, тубільці Туркестану, ординці Закаспійської області та євреї⁵². На початку ХХ століття голова уряду Російської імперії П. Столипін відніс до категорії „інородці“ й українців. З того часу поняття „інородці“ стало використовуватися стосовно всього неросійського населення, а росіяни розглядалися як „державна нація“. Як засвідчують дослідження, „інородцям“, у т. ч. й українцям, було заборонено створювати свої національні товариства, громадські організації, клуби, газети, школи, на них поширювалася низка інших обмежень⁵³. Майбутнє національних меншин Російської імперії міністр народної освіти Д. Толстой у 1870 р. окреслив так: „...кінцевою метою упокорення усіх інородців, які мешкають у межах нашої Вітчизни, безумовно повинно стати обрусіння і злиття з російським народом“⁵⁴.

Щодо політико-правового становища в Російській імперії болгар, то окремої законодавчої регламентації їхнього політико-правового становища не існувало. Тим більше, що участь їх у політичному житті, виборчій діяльності, самоуправлінні була незначною⁵⁵. Місцева болгарська адміністрація – сільські збори й волосні управи – будувалася на виборних засадах і підпорядковувалася російським повітовим і губернським владним структурам⁵⁶. Однак політика русифікації, як уже було зазначено, не оминула й болгарської меншини.

Правовий статус болгар змінила реформа 1871 р., згідно з якою чужинці зрівнювалися в правах з корінними населенням Російської імперії. По суті це була прихована форма русифікації. У законодавчому порядку діловодство в органах державного і громадського управління переведилося на російську мову, що стала обов'язковою для навчання в освітніх закладах⁵⁷.

Значних обмежень у правах зазнала болгарська національна меншина з початком Першої світової війни. Щоправда, передусім вони стосувалися тих болгар, які були підданими Болгарської держави, але проживали на Півдні України. Майже всі вони концентрувалися на території Херсонської губернії та налічували 5 тис. осіб. Щодо політичних настроїв російсько-підданих болгар, то за їх власними словами, вони до Росії ставилися не тільки з лояльністю, а і з відданістю. Тому не дивно, що з початком війни місцеві болгарські національні громади в своїх резолюціях засуджували політику болгарського уряду та надсилали йому численні телеграми-протести з цього приводу. „В Росії нам живеться добре, і нас лякає те, що війна Болгарії з Росією може привести до трагічних для болгарських колоністів наслідків“⁵⁸, – ішлося в одній із відозв представників болгарської національної меншини.

Отже, на початку ХХ ст. населення України відзначалося багатоетнічним складом. Окрім українців, тут мешкали представники інших національностей, серед яких і болгарська меншина. Їхня поява на українських землях була зумовлена різними причинами – економічними, політичними, військовими, конфесійними тощо. Зокрема, переважна більшість болгар, змушених покинути батьківщину, насамперед шукала прихистку від національно-релігійного та соціального гноблення турецьких загарбників.

На нових теренах болгарські колоністи зосередилися головним чином у сільській місцевості Бессарабської Таврійської, Херсонської губерній. Основним заняттям було звичне для них сільське господарство. Завдяки деяким пільгам, наданим владою, високій агрокультурі, працьовитості та відносній самостійності господарств поселенці домоглися для себе пристойного життєвого рівня. Останній, своєю чергою, уможливив національно-культурний розвиток болгарської національної меншини, зокрема шкільництва, розвій якого переважав середньостатистичний по регіону.

Негативним чинником діяльності болгар у межах Російської імперії була її національна політика, спрямована головним чином на обмеження політичних і етнічних прав національних меншин, їх асиміляцію. Проте, завдяки традиціям, власному укладу життя, релігійності, спільному життю, певній консервативності громади тощо болгарській меншині вдалося зберегти свою національну самобутність.

¹ Національні меншини України у ХХ столітті: політико-правовий аспект. К., 2000, с. 15.

² *Светушенко, О.* Внесок німецьких колоній у розвиток сільського господарства півдня України в другій половині ХІХ століття. – В: Німецькі поселенці в Україні: Історія та сьогодення: Монографія. Київ–Миколаїв, 2006, с. 249.

³ *Тимофієнко, В.* Церкви німецьких колоністів у Південній Україні. – В: Німецькі поселенці в Україні: Історія та сьогодення: Монографія. Київ–Миколаїв, 2006, с. 390.

⁴ *Плеская-Зебольд, З.* Немецкие колонисты на Одесчине. – В: Німецькі поселенці в Україні: Історія та сьогодення: Монографія. Київ–Миколаїв, 2006, с. 215–216.

⁵ *Козирева, М.* Адміністративно-територіальні перетворення німецьких районів півдня України в 20–30 рр. ХХ століття. – В: Німецькі поселенці в Україні: Історія та сьогодення: Монографія. Київ–Миколаїв, 2006, с. 324; *Панчук, М.* Національна німецька меншина в Україні у 1920–30-х роках. – В: Німецькі поселенці в Україні: Історія та сьогодення: Монографія. Київ–Миколаїв, 2006, с. 320.

⁶ *Козирева, М.* Адміністративно-територіальні перетворення німецьких районів півдня України в 20–30 рр. ХХ століття..., с. 324, 325.

⁷ *Задерейчук, І. П.* Німецька колонізація українських земель у ХVІІІ–на початку ХІХ ст. – Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия „Юридические науки“. Том 19, 2006, № 3, с. 30, 31, 32; *Козирева, М.* Адміністративно-територіальні перетворення німецьких районів півдня України в 20–30 рр. ХХ століття..., с. 324.

⁸ *Петков, С. В.* Переселенські національні меншини на українських землях у складі Російської імперії в ХVІІІ – на початку ХХ ст. (історико-правове дослідження): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харків, 1999, с. 8.

⁹ Там само; Берестень, О. Є. Суспільно-політична та культурно-просвітницька діяльність німецьких і менонітських колоністів Півдня України (1905–1914 рр.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 2006, с. 1.

¹⁰ Конєва, Я. П. Історична доля та народна творчість болгарської діаспори в Україні [Електронний ресурс]. – В: Під одним небом. Фольклор етносів України. Київ, 1996. – Режим доступу: http://www.rdu.org.ua/6_7.htm

¹¹ Шевченко, С. І. Болгарська діаспора Кіровоградщини: минуле й сучасне. – В: Державна етнологічна політика: правовий та культурологічний аспекти в умовах Півдня України. Збірник наукових праць V Всеукраїнської науково-практичної конференції 2–3 жовтня 2003 р. Запоріжжя – Сімферополь, 2003, с. 96.

¹² Горбач, О. Болгари на Україні. – В: Енциклопедія українознавства. Словникова частина: В 10 т. Париж–Нью-Йорк. Т. 7. Львів, 1993, с. 152.

¹³ Шевченко, С. І. Болгарська діаспора Кіровоградщини: минуле й сучасне..., с. 96.

¹⁴ Горбач, О. Болгари на Україні..., с. 152.

¹⁵ Багмет, М. Німецькі поселенці – „біля пляма“ в історії України. – В: Німецькі поселенці в Україні: Історія та сьогодення: Монографія. Київ–Миколаїв. Серія „Україна: історія і сучасність“, 2006, вип. 1, с. 35.

¹⁶ Горбач, О. Болгари на Україні..., с. 152.

¹⁷ Польовий, Л. Болгари. – В: Етнологічний розвиток України. Терміни, визначення, персоналії. К., 1993, с. 415.

¹⁸ Верменич, Я. В. Болград. – В: Енциклопедія історії України: Т. 1: А–В. К., 2003, с. 331.

¹⁹ Горбач, О. Болгари на Україні..., с. 153.

²⁰ Польовий, Л. Болгари..., с. 415.

²¹ Пачев, С. І. Освіта та рівень письменності приазовських болгар у другій половині ХІХ – на початку ХХ ст. – Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України ЗДУ: Південна Україна ХVІІІ–ХІХ ст. Вип. 6. Запоріжжя, 2001. с. 205.

²² Горбач, О. Болгари на Україні..., с. 153.

²³ Міронова, І. С. Національні меншини України. Навчально-методичний посібник. Миколаїв – Одеса, 2006, с. 15.

²⁴ Пачев, С. І. Приазовські болгары: проблема збереження культурної спадщини. – В: Державна етнологічна політика: правовий та культурологічний аспекти в умовах Півдня України. Збірник наукових праць V Всеукраїнської науково-практичної конференції 2–3 жовтня 2003 р. Запоріжжя–Сімферополь, 2003, с. 71.

²⁵ Чон, В. М. Участь болгарських колоністів Приазов'я в повстанському русі 1918–1920 рр. – В: Державна етнологічна політика: правовий та культурологічний аспекти в умовах Півдня України. Збірник наукових праць V Всеукраїнської науково-практичної конференції 2–3 жовтня 2003 р. Запоріжжя–Сімферополь, 2003, с. 92.

²⁶ Підрах. за: Распределение населения по главнейшимъ сословіямъ, вероисповеданіямъ, родному языку и по некоторымъ занятіямъ: краткія общія сведения по Имперіи. СПб., 1905, с. 4–5; Первая всеобщая перепись населения Російской Имперіи 1897 г. Т. 41. Таврическая губернія. СПб., 1904, с. 5; Первая всеобщая перепись населения Російской Имперіи 1897 г. Т. 47. Херсонская губернія. СПб., 1904, с. 7, 8.

²⁷ Павленко, В. В. Болгари в Україні. – В: Енциклопедія історії України: Т. 1: А–В. К., 2003, с. 329.

²⁸ Чирко, Б. В. Національні меншості на Україні в 20–30 рр. – Український історичний журнал, 1990, № 1, с. 52.

²⁹ Національні меншини України у ХХ столітті: політико-правовий аспект..., с. 12.

³⁰ Підрах. за: Распределение населения по главнейшимъ сословіямъ, вероисповеданіямъ, родному языку и по некоторымъ занятіямъ: краткія общія сведения по Имперіи..., с. 4; Общій сводъ по Имперіи результатовъ разработки данныхъ первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. 2. СПб., 1905, с. 11.

³¹ Общій сводъ по Имперіи результатовъ разработки данныхъ первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года..., с. 11.

³² Монолатій, І. Західноукраїнська етнополітична сфера: суб'єкти і тенденції імперського простору. – Наукові записки Інституту політичних і етнологічних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України. Вип. 37. К., 2008, с. 75.

³³ Общій сводъ по Имперіи результатовъ разработки данныхъ первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года..., с. 11.

³⁴ Міронова, І. С. Національні меншини України. Навчально-методичний посібник..., с. 187.

³⁵ Національні меншини України у ХХ столітті: політико-правовий аспект..., с. 18–19; Солдатенко, В. Українська революція і етнологічні відносини: Проблеми дослідження. – Наукові записки. Збірник. Сер. „Політологія і етнологія“. Вип. 8. К., 1999, с. 4.

³⁶ Гвоздик, В. С. Формування етнічних груп населення Півдня України на початку ХХ ст. – В: Державна етнологічна політика: правовий та культурологічний аспекти в умовах Півдня України. Збірник наукових праць VI Всеукраїнської науково-практичної конференції 6–8 жовтня 2005 р. Запоріжжя, 2005, с. 132.

³⁷ Міронова, І. С. Національні меншини України. Навчально-методичний посібник..., с. 187, 189.

³⁸ Гвоздик, В. С. Формування етнічних груп населення Півдня України на початку ХХ ст. ..., с. 132.

³⁹ Міронова, І. С. Національні меншини України. Навчально-методичний посібник..., с. 187, 188.

⁴⁰ Національні меншини України у ХХ столітті: політико-правовий аспект..., с. 33.

⁴¹ Павленко, В. В. Болгари в Україні..., с. 329; Міронова, І. С. Національні меншини України. Навчально-методичний посібник..., с. 187.

⁴² Пачев, С. І. Освіта та рівень письменності приазовських болгар у другій половині ХІХ – на початку ХХ ст. ..., с. 205, 206.

⁴³ Павленко, В. В. Болгари в Україні..., с. 329; Міронова І. С. Національні меншини України. Навчально-методичний посібник..., с. 187.

⁴⁴ Пачев, С. І. Освіта та рівень письменності приазовських болгар у другій половині ХІХ – на початку ХХ ст. ..., с. 206, 207.

⁴⁵ Міронова, І. С. Національні меншини України. Навчально-методичний посібник..., с. 188.

⁴⁶ Пачев, С. І. Освіта та рівень письменності приазовських болгар у другій половині ХІХ – на початку ХХ ст. ..., с. 208.

⁴⁷ Там само, с. 208–209.

⁴⁸ Шевченко, С. І. Болгарська діаспора Кіровоградщини: минуле й сучасне ..., с. 97.

⁴⁹ Міронова, І. С. Національні меншини України. Навчально-методичний посібник..., с. 188.

⁵⁰ Калакура, О. Я. Поляки в етнополітичних процесах на землях України у ХХ столітті. К., 2007, с. 104.

⁵¹ Рафальський, О. О. Національні меншини України у ХХ столітті: Історіографічний нарис. К., 2000, с. 75.

⁵² Національні меншини України у ХХ столітті: політико-правовий аспект..., с. 10, 28.

⁵³ Рафальський, О. Національні меншини України у ХХ столітті..., с. 58–59.

⁵⁴ Цит. за: Поліщук, Ю. Освіта німецьких колоністів Правобережної України в кінці ХVІІІ – на початку ХХ століття в політико-правовому полі російського царизму. – Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України. Вип. 40. К., 2008, с. 304.

⁵⁵ Національні меншини України у ХХ столітті: політико-правовий аспект..., с. 28.

⁵⁶ Павленко, В. В. Болгари в Україні..., с. 329.

⁵⁷ Там само.

⁵⁸ Цит. за: Турченко, Г. Ф. Особливості етносоціальних змін у південноукраїнському регіоні в 1914–1917 рр. – В: Державна етнологічна політика: правовий та культурологічний аспекти в умовах Півдня України. Збірник наукових праць V Всеукраїнської науково-практичної конференції 2–3 жовтня 2003 р. Запоріжжя–Сімферополь, 2003, с. 136.

РОСІЙСЬКА ІСТОРИЧНА НАУКА В ЕМІГРАЦІЇ 1920–1930-х рр. В ОЦІНКАХ А. В. ФЛОРОВСЬКОГО

А. В. Руденко

Руденко, А. В. Російська історична наука в еміграції 1920–1930-х рр. в оцінках А. В. Флоровського

У статті розглянуті наукові штудії професора Карлового університету в Празі А. В. Флоровського, присвячені комплексному аналізу та процесу осмислення наукової творчості істориків-емігрантів 20-х–30-х рр. ХХ ст. Головним предметом його дослідження була систематизація наукових доробок російського зарубіжжя. А. В. Флоровський зробив на особливості праці та специфіці діяльності своїх колег за кордоном. Вчений одним із перших спробував дослідити та проаналізувати діяльність професійних організацій істориків.

Ключові слова: А. В. Флоровський, історики-емігранти, російське зарубіжжя, „географічний чинник“, „малі форми“, еміграція.

Руденко, А. В. Российская историческая наука в эмиграции 1920–1930-х гг. в оценках А. В. Флоровского

В статье рассмотрены научные публикации профессора Карлова университета в Праге А. В. Флоровского, посвященные комплексному анализу и процессу осмысления научного творчества историков-эмигрантов 20-х–30-х гг. ХХ в. Главным предметом его исследования была систематизация научных разработок русского зарубежья. Особый акцент А. В. Флоровский сделал на особенности труда и специфике деятельности своих коллег за рубежом. Ученый одним из первых попытался исследовать и проанализировать деятельность профессиональных организаций историков.

Ключевые слова: А. В. Флоровский, историки-эмигранты, русское зарубежье, „географический фактор“, „малые формы“, эмиграция.

Rudenko, A. V. The Russian historical science during the period of emigration (1920–1930) in the thoughts of A. V. Florovskiy

In this issue the scientific researches of A. V. Florovskiy, who was the historian-emigrant, professor of the Karl University in Prague, are examined. They are dedicated to the complex analysis and the process of comprehension of historians-emigrants' work in 20s–30s years of 20th century. The main subject of his researches was the systematization of the science development of the Russian Diaspora. The special emphasis was laid by A. V. Florovskiy on the peculiarities of work and the specificity of the activity of his colleagues abroad. The scientist was one of the first who tried to research and analyze the activity of the professional organizations of historians.

Keywords: A. V. Florovskiy, historians-emigrants, the Russian Diaspora, „geographical factor“, „minor forms“, emigration.

Процес осмислення наукової творчості істориків-емігрантів почався в 20-ті роки ХХ століття. Головним чином через відгуки на поточні публікації, присвячені, як правило, недавнім подіям. Опосередковано це виявилось і в рецензіях на книги, що виходили в СРСР. Коли стало зрозуміло, що еміграція триватиме невизначений час, розпочалась організаційна діяльність та робота по систематизації наукових досліджень. По мірі накопичення історіографічного матеріалу і успіхів у бібліографічній справі почали з'являтися узагальнюючі статті.

В працях Антонія Васильовича Флоровського, професора Карлового університету в Празі, творчість істориків-емігрантів розглядалося як самодостатня, а головою метою було підведення певних підсумків та постановка нових дослідницьких завдань. Вчений одним зі перших спробував проаналізувати розвиток історичної науки в російському зарубіжжі. Науковець вбачав специфіку розвитку історичної науки за кордоном у впливі „географічного“ чинника, який обумовлював характер, теми і галузі досліджень; в сповільненості темпів наукової роботи (дієві результати еміграція не могла давати відразу); впливі місцевого наукового середовища та зосередженості наукової роботи в центрах еміграції¹. А. В. Флоровський також відзначав такі особливості, як видання

робіт „малих форм“ і публікації багатьома мовами². Найсприятливіші умови для продовження інтелектуального життя, з його точки зору, склалися в Празі та Белграді³. Така „послідовність“ відрізняється від загального уявлення про культурні центри російського зарубіжжя, де перше місце традиційно відводиться Парижу.

У середовищі росіян, культурних і наукових працівників-емігрантів, залучених до столиці Чехословацької Республіки, помітну і за кількістю, і за інтенсивністю роботи групу склали представники російської історичної науки. Починаючи з кінця 1921 р., в Празі стали осідати окремі російські вчені-історики. Депортація відомих інтелігентів з радянської Росії у вересні 1922 р. поповнила склад російських істориків в Чехії; пізніше поступово прибували нові особи – як старі працівники науки, так і молоді, що тільки в еміграції розпочали свою вчену діяльність.

За даними А. В. Флоровського, склад російських істориків-емігрантів у Празі впродовж 1920–1930 рр. не був постійним не лише внаслідок різночасового вступу в їхнє середовище нових науковців, але і через втрату окремих діячів науки. Професор А. В. Флоровський особливо наголошував на важкості втрати одного з організаторів російської наукової еміграції в Празі професора М. В. Ястребова, а потім – російського вченого Н. П. Кондакова; професор Г. В. Вернадський вибув з числа празьких істориків у зв'язку з перенесенням його діяльності за океан⁴. Сам факт одночасного перебування в Празі значної кількості російських істориків (понад 20-ти) природно диктував їм не тільки участь у професійних та навчально-академічних емігрантських організаціях, але й створення ними особливих осередків наукового спілкування.

Аналізуючи склад цієї групи російських істориків, вчений зазначав, що в Празі найповніше представлений розділ історичної науки, що вивчав російську історію, історію російської державності, народу і культури. Другу за чисельністю групу склали фахівці з історії мистецтв та археології; особливо помітна за внутрішнім змістом праць когорта слов'янознавців. Тільки двоє були фахівцями з всесвітньої історії, з нахилом у бік Візантії. А. В. Флоровський підкреслював нерівномірність щодо окремих наукових дисциплін і особливо відсутність достатнього представництва науковців з історії Західної Європи⁵.

Історія Росії в еміграції, на думку А. В. Флоровського, розроблялася „різноманітно“, але це розмаїття було вимушеним і випадковим. Нерівномірність досліджень вчений пояснював особовим складом вчених і специфікою організації наукової роботи: історики змушені були враховувати місцеві наукові потреби, інтереси та можливості країн, що надали їм притулок. Наприклад, виїхали з Болгарії П. Савицький і Н. Кондаков, оскільки там їх курси не викликали інтересу⁶. Деякі вчені, як наприклад історики права Росії, перейшли до вивчення права країн-реципієнтів, тому що працювали в державних вищих навчальних закладах. Так само вчинили історики мистецтва.

За тематикою наукових розробок привернули особливу увагу емігрантських істориків кілька етапів історії Росії: за їх визначенням, період початку Русі та період літописання. Великими монографіями були представлені історія України (В. А. Мякотин, м. Софія), Підкарпатської Русі (А. Л. Петров, м. Прага), але майже не було робіт з історії Московської Русі⁷.

На основі проведеного аналізу А. В. Флоровський ставив завдання більше використовувати можливості вивчення історії народів країн перебування, їх зв'язків з Росією, досліджувати архіви держав розсіяння на наявність в них матеріалів з історії Росії. З його точки зору, дослідники повинні були більше уваги приділяти вивченню результатів наукової роботи емігрантів, так як поза Батьківщиною вчені могли працювати продуктивніше, ніж в Росії, де умови життя і творчості були важчими через придушення свободи творчості⁸.

А. В. Флоровський послідовно відстоював завдання збалансованого, комплексного висвітлення як історії господарсько-економічних, так і політико-соціальних процесів в Росії, не впадаючи в крайнощі формаційного вчення і не перебільшуючи значення державного будівництва для долі країни. Соціально-економічні процеси варто вивчати, „але не заради розкриття класових конфліктів“⁹. Важливо, що розвиток продуктивних

сил і його наслідки у соціальних, політичних і культурних галузях розглядалися вченим в нерозривній гармонійній єдності. Він говорив про „історичне явище Росії як явище держави з економічною, політичною міццю і радіацією“¹⁰. У даному контексті „радіація“ трактувалась як вплив на зовнішнє оточення.

Слушним є й таке твердження А. В. Флоровського: вивчаючи культурне і духовне життя, історики в основному стежили за „продуктами“, за „вершинами художньої творчості“, в той час як завданням дослідника є вивчення загальних шляхів духовного розвитку в переплетенні і зламі з політичними, соціальними і матеріальними впливами. Або, як лаконічно пише А. В. Флоровський: „пошук ідей та ідеологій“¹¹. Назагал, в своїх роздумах про шляхи пошуків у галузі російської історії на еміграції він прагнув гармонізувати підходи, уникнути крайнощів і однобічності. Якщо марксистські вчені абсолютизували роль колективу, маси, то історики-емігранти, представники позитивізму схильні були надавати підвищене значення особистостям.

А. В. Флоровський пильно стежив за розвитком науки в СРСР, при цьому він прагнув бути стриманим в оцінках досліджень радянських колег. Зустрічаючись з вченими-марксистами на міжнародних з'їздах і конференціях, А. В. Флоровський прийшов до сумного для себе висновку: „На мові марксистів ми – уламки старої буржуазної прогнилої історіографії, ще живі, але приреченні на зникнення ...“¹².

Аналізуючи історіографічні роботи істориків-емігрантів, А. В. Флоровський враховував умови, в яких вони були створені. У відборі матеріалу, в оціночних моментах достатньо чітко простежується думка про те, що найважливіше та найцінніше з історії Росії було створено до революції і продовжено вигнанцями за кордоном. Звідси частогусто завищені оцінки праць своїх колег в еміграції і, навпаки, негативне ставлення до того, що створювалося в радянській Росії. Правда, пізніше, в 1950–1960-і рр., А. В. Флоровський визнавав внесок в розвиток історичної науки радянських дослідників, причому, насамперед, робив наголос на введення ними в науковий обіг нових джерел, розробку нових тем. Характерно, що часткове визнання внеску в науку істориків-емігрантів робилося і радянськими дослідниками (Л. П. Лаптева, В. Т. Пашуто). Але в тому і в іншому випадку заперечувалась методологічна переконливість їхніх праць.

Таким чином, А. В. Флоровський був одним з перших хто розпочав вивчати історичний доробок істориків-емігрантів. У низці своїх робіт він проаналізував особливості праці та специфіку діяльності своїх колег, російських істориків, що працювали в Центральній та Південно-Східній Європі, спонукаючи їх на інтенсифікацію наукової діяльності.

¹ Архів Російської академії наук (РАН), ф. 1609. оп. 1, д. 51, л. 5.

² Там само, д. 17, л. 7.

³ Там само, л. 3.

⁴ *Флоровский, А. В.* Русские историки-эмигранты в Праге. – В: Прага: Русские в Праге 1918–1928 гг. Прага, 1928, с. 263.

⁵ Там само, с. 265.

⁶ *Пашуто, В. Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992, с. 123.

⁷ АРАН, ф. 1609. оп. 1, д. 17, л. 8.

⁸ Там само, д. 38, л. 2.

⁹ Там само, д. 51, л. 10.

¹⁰ Там само, л. 9.

¹¹ Там само, д. 46, л. 4.

¹² Там само, д. 51, л. 11.

ИСТОРИЧНА БОЛГАРИСТИКА В ОСОБАХ І КОНЦЕПЦІЯХ: ПОГЛЯД МОЛОДИХ УЧЕНИХ

УДК 94(497.2):929 Дринов, Бобчев

МАРИН ДРИНОВ И СТЕФАН САВОВ БОБЧЕВ

П. Първанов

Първанов, П. Марин Дринов і Стефан Савов Бобчев

Стаття простежує спілкування між двома болгарськими вченими, знайомство котрих відбулося під час російсько-турецької війни 1877–1878 рр. М. Дринов (1838–1906) рекомендував С. Бобчева (1853–1940) до Московського університету. Обидва листувалися між собою, обговорювали наукові проблеми, а Бобчев досліджував та популяризував творчість Дринова, допомагав В. Златарському скласти та видати зібрання творів харківського професора.

Ключові думи: Дринов, Бобчев, Златарски, кореспонденція, дослідження.

Първанов, П. Марин Дринов и Стефан Савов Бобчев

Статья прослеживает общение между двумя болгарскими учеными, знакомство которых состоялось во время Русско-турецкой войны 1877–1878 г. М. Дринов (1838–1906) рекомендовал С. Бобчева (1853–1940) в Московский университет. Оба состояли в корреспонденции, обсуждали научные проблемы, а Бобчев исследовал и популяризировал творчество Дринова, помогал В. Златарскому составить и издать собрание сочинений харьковского профессора.

Ключевые слова: Дринов, Бобчев, Златарский, переписка, исследования.

Purvanov, P. Marin Drinov and Stefan Savov Bobchev

M. Drinov (1838–1906) and S. Bobchev (1853–1940) met for the first time during Russian-Turkish war for Bulgarian liberation (1877–1878). It was Drinov who recommended Bobchev to the authorities in the Moscow University. Later both scientists used to exchange letters, to share scientific news and ideas; Bobchev studied Drinov's scientific works and represented them to Bulgarians in different publications. He also helped V. Zlatarsky to collect and publish the papers and monographs of the professor of the Kharkov University after Drinov's death.

Keywords: Drinov, Bobchev, Zlatarsky, correspondence, scientific works.

Марин Дринов (1838–1906) и Стефан Савов Бобчев (1853–1940) са двама българи, в чието развитие могат да се открият множество паралели¹. Те са свързани от природата, тъй като и двамата се раждат в български планински градчета – единият в Панагюрище, другият в Елена. Обвързани са и от политическото развитие на своя народ: и двамата живеят и развиват дейността си през епохата на Възраждането и годините след Освобождението на българите, макар и с петнадесетгодишна разлика в полза на Дринов. И ако тези обстоятелства остават извън контрола на хората, то те обуславят житейските и професионални пътища на Дринов и Бобчев. И двамата, след като завършват образованието си в родните си места, се занимават с учителство. И двамата демонстрират желание и качества, които показват, че родните им места са тесни за техните стремежи; и двамата тръгват да търсят житейската си и професионална реализация чрез наука, в големи градове като Киев и Цариград, за да завършат накрая висшето си образование в Московския университет.

Приликите в развитието на Дринов и Бобчев не спират дотук. Те продължават с професионалното им развитие. И двамата се насочват професионално към историческата наука, но в същото време се стремят да помогнат в развитието на младата си родина и са политически и обществено ангажирани „на ползу роду“.

При така поставените обстоятелства около М. Дринов и С. С. Бобчев, няма как двамата съвсем съзнателно да не преплетат съдбите си и да не установят контакти помежду си, чието начало се поставя със събитията около Освобождението на България и приключва след смъртта на Дринов. Свидетелства за техните взаимоотношения се откриват

в писма между двамата, а така също и в спомени на Бобчев.

Запознанството между Марин Дринов и Стефан Савов Бобчев се осъществява по време на Руско-турската освободителна война. Тогава Бобчев, който до този момент се е установил в Букурещ и там издава вестник „Стара планина“, е принуден да прекрати начинанието си и да затвори печатницата си, след което се отправя заедно с руските войски към родината си. С тези войски пътува и българският професор от Харковския университет. Така по стечение на обстоятелствата двамата българи пътуват заедно към освобождаващото се отечество и полагат началото на съвместната си дейност².

Макар и да пътуват заедно, социалното и професионалното положение на двамата е коренно различно. Дринов е вече уважаван учен, който се е отправил към родината си като част от официалните руски власти, докато Бобчев по това време е емигрант, който е показал интелектуалния си потенциал, но не е успял напълно да се оформи като личност, макар и да е осъзнал желанието си да се занимава с публицистика. Именно на тази основа е следващата връзка между Дринов и Бобчев.

След установяването си в Търново Бобчев, заедно с П. Р. Славейков, е назначен в канцеларията на княз Черкаски като чиновник за специални поръчения. Въпреки добрата работа, желанието на Бобчев да се занимава с публицистика надделява и той се свързва с Хр. Г. Данов, с когото заедно решават да издават български вестник. На 22 юни 1878 г. Данов пише молба до „Господин управляващия Отдела на народното просвещение при Негово сиятелство Императорския руски комисар“ в Пловдив. Молбата е на български език и чрез нея се иска да се разреши издаването на вестник, наречен „Марица“. Целта е изданието да брани българското управление и българския народ, да тълкува на народа делата на управлението и да запознава народа с европейската политика, славянския свят и чуждестранната и българската литература. Начинанието е отхвърлено остро от княз Черкаски, по политически причини, а формалният отказ е именно от Марин Дринов, който тогава завежда отделението³.

Въпреки че Бобчев има служба във Временното руско управление, а така също и желание да се занимава с публицистика и да помага на Родината си, той никога не престава да преследва желанието си да довърши висшето си образование, което е прекъснал през 1876 г. в Цариград. Намерението му е да продължи да следва и да завърши медицина, но след няколко неуспешни опита той се отправя към Москва, за да учи право. Това той прави по настояване на П. Р. Славейков, Тодор Бурмов и Марин Дринов, като именно Дринов, заедно с княз Черкаски, е човекът, който му дава препоръчителни писма, които да представи пред руските власти и пред неговата Алма Матер. Така българският професор определя голяма част от по-сетнешното развитие на Стефан Савов Бобчев⁴. Жест, който впоследствие Бобчев прави за други българи по молба на Дринов⁵.

Запознанството между Бобчев и Дринов се осъществява по стечение на обстоятелствата в превратен за българския народ момент. И двамата се ръководят от идеята да помогнат на Родината си. Затова и се завръщат в нея с настъпващите руски войски. Макар и да не става ясно доколко близки в този момент са двамата, Дринов явно забелязва потенциала на Бобчев и му помага да продължи обучението си.

Връзките между двамата продължават в годините напред и следващата им среща е по времето, когато Бобчев е в емиграция (1886–1889 г.) Тогава и двамата са част от българите, които посещават Киев по повод на 900-годишнината от приемането на християнството в Русия⁶. Не е ясно в какви отношения са в този момент, но това е последната среща между тях на живо.

Пак по време на емиграцията на Бобчев, през 1888 г., когато вече се е установил в Одеса, той изпраща на Дринов за мнение книгата си „Писма о Македонии и Македонскомъ вопросе“, която ще излезе през следващата година в Одеса. Книгата е позната преди това по статии на Бобчев във „Варшавски дневник“. В нея той доказва българския характер на Македония, като се базира и на части от изследвания на Дринов. Тезите на автора предизвикват широк отзвук в сръбската преса⁷. Българският професор

е съгласен с мнението на Бобчев и го поощрява за положениия труд, но го съветва да обърне повече внимание на сръбското отношение към българите в тази област, а не да изкарва на преден план броя на турците в Македония и тяхната веротърпимост⁸. Критика, с която авторът не се съобразява.

Темата явно вълнува двамата, защото те продължават дискусиата си и С. С. Бобчев изпраща на Дринов книги по въпроса от Стоян Протич⁹.

Около темата за Македония се поставя началото на научното сътрудничество между Дринов и Бобчев. То продължава през последното десетилетие на XIX в., когато двамата дискутират въпроса за българския правопис. Формалният повод е започналото да излиза през 1893 г. списание „Българска сбирка“, което се редактира от Бобчев. Тогава харковският професор поздравява редактора за новото начинание и обещава да му сътрудничи. Поставя въпроса и за българския правопис, на който е изданието, като изказва мнението си, че според него „...“ трябва да се замени в средата на думата с „а“, а в края с „ъ“ и да отпадне, а безгласното „ъ“ да се изхвърли от окончанието в края на думата¹⁰. Така Дринов се показва загрижен за езика, на който излиза българската периодика и обръща внимание на Бобчев.

Освен на междуличностното общуване, Бобчев се опира на научните дирения на Дринов в своите изследвания. В учебниците си по българска история той представя произхода на славяните и прабългарите и заселването им на Балканите според схващанията на професора, изложени в „Поглед върху произхождението на българския народ“¹¹. Също така споделя възгледите на Дринов за българския Цар Симеон¹². По този начин популяризира научните дирения на Дринов.

За Бобчев Дринов е изтъкнат български учен и общественик. Той подчертава заслугите на Марин Дринов за изграждането на българската държава¹³. Също така разглежда и участието му в учредяването и дейността на Българското книжовно дружество, като специално набляга на значението, което има за българите предизвиканата от Дринов дискусия за българския книжовен език¹⁴.

Това, което Бобчев налага като извод за значението на Дринов за българите, е, че той е български историк, който успява да представи българското историческо развитие, бита и езика на българите пред европейската публика. Споделя възгледите му за произхода на българите и славяните, за българското развитие през средните векове и контактите на славяните с Византия. Тези констатации се потвърждават и от писаните от Бобчев текстове за Дринов след смъртта на последния¹⁵. В тях той го представя като учил при най-изтъкнатите славянски учени и впоследствие издигнал се сам до такъв, без обаче да забравя, че е българин¹⁶. За Бобчев Дринов е човек, който поставя науката пред политиката¹⁷. Високо оценява научните му занимания, като изтъква, че освен чисто научното им значение, за българите те имат и нравствена стойност¹⁸. Смята ги за актуални, въпреки дистанцията на времето, заради подкрепата на изказаните в тях тези с неоспорими извори¹⁹. Приветства издаването на събраните съчинения на Дринов и сам спомага за тяхното реализиране, като помага на съставителя им проф. Васил Златарски със събирането на статии²⁰. Така Бобчев поставя Дринов сред изтъкнатите български учени и общественици, които макар и да работят извън пределите на страната и да са успели да се издигнат извън националните граници, никога не забравят и не крият своя произход.

Представените данни ясно показват контактите между Бобчев и Дринов през годините. Видно е, че двамата имат сходни жизнени пътища, научни и обществени възгледи. Те си взаимодействат, независимо дали пряко, или на научното поприще. Дринов помага при формирането на Бобчев и така си спечелва верен последовател в негово лице. Последният споделя научните възгледи на Дринов и винаги търси компетентна помощ от него за своите научни дирения. Бобчев се отблагодарява на Дринов, като и след смъртта му се стреми да популяризира творчеството и дейността му. И двамата оставят трайна диря в българската наука и обществен живот, което дава повод на някои изследователи да ги поставят на първите две места по важност сред българите, придобили висше образование в Московския университет²¹.

¹ За Дринов срв.: *Горина, Л.* Марин Дринов – историк и обществен деец. С., 2006; *Горина, Л.* Професор Марин Дринов – основоположник на българското академично славянознание. С., 2009; Сборник по случай 170-годишнината от рождението на проф. Марин Дринов. С., 2009; за Бобчев: *Първанов, П.* Стефан Савов Бобчев – жизнен и творчески път. Дисертация ... „доктор“. Благоевград, 2012. 572 с. компютърен набор и посочената от тези автори литература.

² НБКМ–БИА, ПД 5111.

³ НБКМ–БИА, ПД 5111; ПД 11533.

⁴ Стефан С. Бобчев. Животописни бележки. – Във: Възхвала. Сборник в чест на Стефан С. Бобчев. 1871–1921, С., 1921, с. 16–18; *Бобчев, С. С.* За Михаил Ив. Маджаров. – Юридически преглед, 1933, с. 416; *Саввов, Ил.* Един принос към историята на нашата журналистика. – Българска сбирка, 1896, с. 547.

⁵ *Тончев, И.* Българската държава и учението на българи в чужбина. С., 1994, с. 17.

⁶ НБКМ–БИА, ПД 5111.

⁷ *Бобчев, С. С.* Писъма о Македонии и Македонскомъ вопросе. Одесса, 1889, с. 79–84.

⁸ НБКМ–БИА, ПД 10596; ПД 10597.

⁹ НБКМ–БИА, ПД 10598.

¹⁰ НБКМ–БИА, ПД 11479.

¹¹ *Бобчев, С. С.* История на българския народ (по д-р К. Иречек). Съставена за средните училища, според програмите в България. Пловдив, София, Русчук, 1881, с. 11–20.

¹² *Бобчев, С. С.* Симеонова България от държавно правно гледище (Историко-правни бележки). С., 1928, с. 1–5.

¹³ *Бобчев, С. С.* История на българския народ (по д-р К. Иречек). Съставена за средните училища, според програмите в България. Пловдив, София, Русчук, 1881, с. 292–296.

¹⁴ *Стойков, В.* За три разсадника на висшата наука и култура. – Научен преглед, 1933, с. 66–70.

¹⁵ *Бобчев, С. С.* Марин Дринов. – Юридически преглед, 1906, с. 212.

¹⁶ *Бобчев, С. С.* Историческите трудове на М. Дринов. – Българска сбирка, 1909, с. 633.

¹⁷ Пак там, с. 633–634.

¹⁸ Пак там, с. 636–637.

¹⁹ Пак там, с. 634–636.

²⁰ НБКМ–БИА, ПД 10611.

²¹ *Аретов, Н.* Българското възраждане и Европа. С., 1995, с. 134–135.

МОНОГРАФИЧНИТЕ ИЗСЛЕДВАНИЯ НА Д-Р СИМЕОН ТАБАКОВ

Н. Василева

Василева, Н. Монографични дослідження д-ра Симеона Табакова

Доктор права Брюссельського університету Симеон Табаков (1882–1918) – болгарський дипломат та історик. В кількох монографіях він представив історію і сучасність караманів, Албанії, Сербії, Румунії, а також національне та еміграційне питання в Італії та Болгарії. Найвідоміша його книга – тритомна історія міста Сливена (1911–1929), що зберігає наукову цінність досьогодні. Спількувався Табаков з багатьма видатними людьми свого часу. Стаття вводить до наукового обігу нові джерела із болгарських і турецьких архівів.

Ключові слова: С. Табаков, дипломат, історик, монографії, балканські країни, Сливен.

Василева, Н. Монографические исследования д-ра Симеона Табакова

Доктор права Брюссельського університета Симеон Табаков (1882–1918) – болгарський дипломат і історик. В кількох монографіях он представив історію і сучасність караманів, Албанії, Сербії, Румунії, а також національний і імміграційний вопрос в Італії і Болгарії. Наиболее известная его книга – трехтомная история города Сливена (1911–1929), сохраняющая свою научную ценность и поныне. Общался Табаков со многими видными людьми своего времени – политиками и учеными. Статья вводит в научный оборот новые источники из болгарских и турецких архивов.

Ключевые слова: Табаков, дипломат, историк, монографии, балканские страны, Сливен.

Vasileva, N. Monographs by PhD Simeon Tabakov

Simeon Tabakov (1882–1918), PhD in Law (Brussel Open University) worked as a Bulgarian diplomat and at the same time he published books on the past and present of karamans, Albania, Serbia, Rumania, the emigration question in Bulgaria and Italy, Bulgarian national question. His most famous work is about Sliven where he was born. The three volumes of it (1911–1929) are still actual. Tabakov was also well known with many famous policy makers and scientists. The paper is also based on newly found sources in Bulgarian and Turkish Archives.

Key words: Tabakov, diplomat, historian, monographs, Balkan countries, Sliven.

1. Биографични сведения

Д-р Симеон Табаков е роден на 10 декември 1882 г. в гр. Сливен, тогава намиращ се в пределите на Източна Румелия, в семейството на хаджи Киро Маринов Табака и София Козарова¹. Баща му е един от емблематичните представители на своята епоха, родолюбец по дух, борец за свободата на своя угнетен народ. Роден и отраснал като поданик на Османската империя, понася всички неволи на времето. Той е представител на занаятчийската класа в българското общество, която през последните десетилетия от османското владичество поема тежката задача да поведе българския народ към борбата за освобождение.

Израснал в тази семейна среда, С. Табаков е възпитан в любов към народа, неговото героично минало и борбата за националните идеали. През годините той наследява и носи в себе си този дълг към опазване на народната памет и историята на своите предшественици.

Симеон Табаков завършва гимназиалното си образование в Държавната мъжка гимназия в Сливен през 1900 г.² Веднага след това той се записва като студент в Юридическия факултет на Висшето училище в София. По-късно през 1905–1906 г., докато е на служба в Българското дипломатическо агентство в Лондон, специализира международно право в Училището за икономически и политически науки при Лондонския университет (School of Economics and Political Science, University of London)³. Още през следващата година защитава и докторат на френски език в Юридическия факултет на Новия университет в Брюксел⁴. Темата на доктората му е „Основите на международното

право и неговите извори“ (Le fondement du droit International et ses sources).

През студентските си години Табаков има възможността да попадне в обкръжението на различни представители на българската интелигенция – академици, хора от политическия елит и културния живот на Царство България. Сред личностите, с които той поддържа контакт, са проф. Иван Шишманов, Ив. Евстр. Гешов, Стефан С. Бобчев.

Щастливата възможност да се озове в средите на „Сливенската дружба“ предначертава пътя към най-голямото дело на неговия живот – написването на „Опит за история на град Сливен“. Там д-р С. Табаков също е в компанията на високообразовани представители на българското общество с кариера в различни професионални сфери, получили образованието си в чужбина и върнали се, за да работят за растежа и благоденствието на България. По-голямата част от тях са високоуважавани личности от управленския елит на страната и научната интелигенция, дейтели на родолюбието и националната гордост. Сред близките приятели на Симеон Табаков са Стефан Гидиков и Хараламби Хаджи Тачев, автор на герба на София.

Въпреки високото образование в областта на правото, което получава, Табаков не упражнява професията си на юрист, а избира да започне работа в Министерството на външните работи и изповеданията (МВРИ), за да защитава националните интереси на своята родина. Още след завършване на Висшето училище в София (днешния СУ „Св. Климент Охридски“), през октомври 1904 г. той подава заявление до министъра на външните работи и изповеданията с молба да бъде назначен на длъжността писар при Дипломатическото агентство в Лондон⁵. Първоначално С. Табаков е назначен в министерството, но само след два месеца той е командирован в британската столица на същата длъжност. От този момент животът му преминава в служба на интересите на Царство България. За четиринадесет години стаж в МВРИ кариерата му на дипломат преминава през столиците на Англия, Италия, Турция, Сърбия и Румъния. Отдадеността му на службата върви ръка за ръка и с неговите творчески търсения. Табаков използва всяка една от своите командировки, за да събира сведения за съчиненията си. Всяко свободно време той посвещава на библиотеките и архивите. Излизайки от облика си на дипломат и бъдейки очевиден на важни политически събития, подготвя поредица от материали, в по-голямата си част посветени на националните интереси на България. С. Табаков съумява да използва службата си, за да следва своите интереси в подготовката на статии и научни съчинения. Пребивайки в по-голямата част от живота си извън пределите на България, той неуморно събира литература в чуждестранните библиотеки, от страниците на вестници и списания.

Резултат от неговия труд е цялостното редактиране на вестник „Велика България“, издаван в София от 19 февруари до 15 март 1908 г. Той се очертава като съвършено независим националистически ежедневник. Страниците на този вестник, излезли изпод перото на С. Табаков, са огледало на неговата личност и характер.

2. Монографични изследвания

Първият му по-обширен труд е публикуван през 1905 г. в „Известия на историческото дружество“ под заглавие „Бележки за караманлиите и тяхната литература“. Научната студия представлява изследване върху караманлиите и тяхната история. Като повод за написването ѝ той посочва противоречивата и неправилна теория, която е изложена в „бележките на Черновежд върху Караманците“⁶ за възникването на караманлийския етнос като „погърчени турци“. Табаков представя проблема като слабо изследван в българската и чуждестранната наука, посветена на историята на Османската империя, а по въпроса за тяхната писменост изобщо липсват изследвания. В подкрепа на казаното посочва трудовете на Фр. Катзел *Volkerkunde*, К. Иречек *Gerlah*, Ив. Шишманов, в които само бегло се споменава за тях.

Симеон Табаков излага и защитава тезата за българския произход на тази народност, теория, която и в нашата съвременност продължава да битува в историческата на-

ука. С това той се противопоставя на становищете за техния изцяло гръцки корен и се опитва да докаже и наличието на български елемент сред тях.

Първо, Табаков изяснява произхода на тяхното наименование и посочва териториите в Мала Азия, обитавани от тях – областта Кападокия в Централната част на Анадола. За да се опита да докаже съществуването и на българския етнически елемент там, той се позовава на масовите преселвания на българското население в първите години от овладяването на български земи от османците и заселването му в пределите на Анадола. Студията му е наситена с изследвания върху етимологията на географски обекти, имена на села и градове, прави паралели със съществуването на тези наименования в българските, гръцките и турските земи. Така се опитва да проследи движението на караманлийския народ.

По-нататък той проследява в исторически план възникването на караманлиите и обособяването им като етнос. Посочва най-ранните сведения, които са познати до този момент за тях в науката. Излага няколко теории за формирането им като народност и как се стига до тяхното потурчване. Описва движението на народни маси през Балканския и Малоазийския район и влиянието, което те оказват за разпространението на караманлийското население. Също така разказва за контакта, който имат с различните народности, живеещи в границите на империята. Прави сравнение с другите етнически групи в пределите на турската държава с подобна съдба – как се формират, промените, които настъпват в традициите им след приемането на ислямската религия, съдбата им.

Втората част от труда е посветена на тяхната писменост и на въпроса за тяхната литература, което е тяхната най-характерна и отличителна черта. Въпреки че караманлиите са приели ислямската религия християни, те продължават да използват гръцката азбука в изписването на турската реч. Тук, за да защити твърдението си за българския корен, той обяснява, че част от това население са българи, попаднали първоначално под гръцко влияние.

Методите и подходът, които прилага, са е изцяло научен, включително и исторически, характер – проследява развитието на етноса от първите сведения, които има за тях до съвременността. Научният апарат е прецизно подреден и структуриран. Използва много богат изворов материал, изследвания на чуждестранни автори и български учени, статистически сведения, летописи, писма, прави сравнение на информацията, давана от тях. Позовава се на народното творчество – език, обичай, писменост. Дава пояснение на непознатата терминология и превод на караманлийски текстове. В цялото изложение на своя труд Табаков разказва за историята на караманлиите като част от историята на Османската империя. По този начин успоредно разказва за нейното възникване и развитие.

Табаков не е професионален историк, по това време той вече е завършил юридическото си образование, но познанията, които показва в подготовката на такъв тип историческо изследване, са впечатляващи. Количеството литература, което той изчита, за да се запознае с материята, не може да бъде единствено обяснение за добрата подготовка на такова изследване. Вероятно в годините, през които е студент, силният му интерес към историята го е отвел в часовете на Историческо-филологическия факултет, които по това време са отворени за посещение на външни лица. Твърде крехката му възраст изключва наличието на натрупан опит, без да се е запознал отблизо с методологията на провеждане на дадено историческо изследване.

В потвърждение на това предположение сред новооткритите документи за С. Табаков е запазено едно писмо до проф. Иван Шишманов⁷. Писмото е писано от Табаков след завършването на университета. То оставя впечатление, че е подготвено като продължение на разговор от предишна тяхна среща в дома на професора. В него той излага своите възгледи за състоянието на историческата наука, за празнотите в нея и за все още неизследваните въпроси от нашата история. Споделя своето убеждение, до което стига сам, че дори и да няма съхранени извори по тези въпроси, единственият и непроучен източник остава „народът“. Като първа крачка от едно такова мащабно изследване, Табаков предлага да бъде напра-

вено едно поселищно проучване на територията на страната⁸, с което да бъдат събрани историческите факти от народната памет. По този начин да бъде написана историята на всяко селище. Но предложенията му не са систематично подредени и не предлагат стройна програма.

Самият проф. Иван Шишманов още през 1889 г. публикува такава програма за събиране и обнародване на терени, етнографски, фолклорни и лингвистични материали⁹. Бихме могли да предположим, че Табаков се е запознал с това негово предложение и след като по това време вече работи върху съчинението за историята на град Сливен, той търси подкрепа за своето дело.

Забележително е как още в този ранен етап от творческата му дейност и независимо от младежката му възраст С. Табаков има ясно заявено мнение върху състоянието и развитието на историческата наука, наблюдение върху нейните пропуски, идеи за насоките в бъдещото ѝ развитие. Идеите, описани по-горе, представят Табаков като изграждащ се бъдещ краевед.

Съмишленник в своите идеи той търси и в лицето на Иван Евстр. Гешов. Познанство им отново датира от годините, в които Табаков е студент във Висшето училище. Запазени са две писма¹⁰, разменени между двамата, в които той се допитва за статиите на Юджийн Скайлер¹¹ и Уолтър Беринг¹², посветени на последиците от Априлското въстание 1876 г. Табаков се опитва да открие тези статии в библиотеката на Британския музей в Лондон. От тези писма научаваме и за препоръката, която дава Ив. Гешов за Табаков на Алфред Стийд¹³ – британски общественик, за да бъде помощник на работата му. Още тук С. Табаков заявява, че самият той подготвя няколко труда върху българската история.

След постъпването си на работа С. Табаков, като част от българския дипломатически корпус, разполага с периодични командировки в различни държави. Точно тогава в творчеството му започват да присъстват политическите въпроси. Характерна черта за съчиненията на автора е разглеждането на проблеми от неговото съвремие и търсенето на зародиша им в миналото.

През 1908 г. С. Табаков подготвя изследване, което можем условно да определим като историографска критика. Статията със заглавие „Една тенденциозна книга по Македонския въпрос“ подлага на критичен анализ труда на Джовани Амадори-Виргили *La Questione Rumeliota (Macedonia, Vechia Serbia, Albania, Epiro) e la politica italiana (Румелийският въпрос)*¹⁴. Неуспехът на Италия в Африка, раздвижването отново на Балканския фронт подтикват според Табаков италианската държава да обърне поглед към балканските брегове на Адриатическо море и да заяви своите претенции към тях. Като израз на тази нова перспектива във външната политика на италианските власти, се явява въпросният труд.

Заявявайки още в началото, че *La Questione Rumeliota* не е исторически труд и не допринася с нищо към историческата наука, Табаков анализира всяка глава от книгата. Той смята, че книгата е написана по една единствена причина – да изгради фалшива теория, която с пропагандна цел да обоснове италианските претенции. Затова той се заема с трудната задача да обори всяко лъжливо твърдение с факти, почерпени от исторически изследвания и добре обосновани.

Заявлението на Джовани Виргили, че ще разгледа въпроса чрез „прецизна документация“ и ще развие „един свой критичен анализ на политическите проблематика“, е решително оспорено от Табаков. Той настоява, че след като авторът не е посетил лично териториите, за които пише, и не се е запознал с населението там и неговите проблеми, няма право да говори за етнографията на този народ. В подкрепа на това той добавя и липсата на използване на първоизточници за проблема като извори за средновековната и по-късната история на Балканския полуостров, летописни бележки и средновековни хроники. За Табаков трудът на автора се базира единствено и само на широко пропагандираната теория на Йован Цвиич¹⁵. Вергили изцяло заимства от нея охарактеризирането на македонското население като народ без национално самосъзнание. Опитът на ита-

лианския автор да постави определянето на етническата принадлежност на дадено население в рамките на самоопределянето на „народното чувство“ е напълно опроверган от С. Табаков. Според него за да бъде определена една народност, трябва да се отчитат редица фактори – език, територия на обитаване, раса, религия, фолклор.

Табаков критикува Вергили също и за неправилната употреба на използваните от него дати. Ето затова той съветва автора да направи сравнение с хрониките на кръстоносните походи, като извори за историята на Балканския полуостров. Критиката, която построява той, разглежда в детайли цялата книга и опровергава всичко написано, като се позовава и прави сравнение с трудовете на други автори, чуждестранни и български, писали по същата проблематика. Сред българските имена са тези на К. Иречек, М. Дринов, проф. А. Иширков.

Забележително е познанието, което демонстрира Табаков върху българската и чуждестранната литература. Той показва възможността свободно да борави с историческата литература и изворите. Влиза в дискусия, за да защити историческата истина.

Въпреки натовареното ежедневие, което има Табаков, и служебните му ангажменти, той умело успява да използва всяко свободно време, за да събира материали и подготвя своите бъдещи трудове. Плод на първата му командировка, след повторното връщане на служба в МВРИ, в италианската столица е книгата му, посветена на един много актуален проблем в съвременността на Европа – голямата вълна от емиграция към Американския континент.

Особено ценна е тази негова историко-икономическа и дипломатико-политическа монография „Емиграционният въпрос. Принос към българското емиграционно дело“. В нея Табаков изследва и анализира стопанския по характер, но в перспектива – демографски, засилен изселнически процес на българите в пределите на Царство България и най-вече от Егейска и Вардарска Македония към Северна и Южна Америка от 1888 г. нататък, в паралел и сравнение със сходните тенденции на изселническото движение в Италия. Като доказателство за качествата на труда е и положителната рецензия на Кръстьо Мирски, който препоръчва книгата да бъде разпространена – поради нейната актуалност и обективни анализи, във всяко селско читалище и всяка градска библиотека¹⁶.

Трудът е построен върху солидно проучване на демографски, статистически, икономически и политически източници – български, но в по-голямата си част италиански, извършени от автора през 1910–1911 г., докато служи като секретар при българската легация в Рим. Повечето от тези свои проучвания извежда в таблици. Книгата е съставена от две глави – първата изцяло представя емиграционния проблем в Италия, причините, предизвикали това явление в съвременността, законовите мерки, грижата на държавата и на обособените институции. Втората – състоянието на проблема сред българското население, мерките, предприети от българската държава за ограничаване на този процес, как се осъществява тази дейност, наречена „емигриране“. Той сравнява емиграционния процес в двете държави във всичките му аспекти и изгражда труда си върху няколко опорни точки. Проследява как протича процесът на емиграция от закупуването на билета до края на пътуването и пристигането в новите земи. Обръща особено внимание на последиствията за потърпевшите държави в демографски и икономически план.

Нужно е да отбележим, че трудът на д-р Симеон Табаков е пръв по време измежду серия публикации по тази тревожна тема, появили се в различни български вестници и списания през 1911–1918 г. Интересен факт е, че книгата е видяла бял свят по време на командировката му в Цариград, в българската печатница „Бандулов“¹⁷. В екзархийския орган в. „Вести“¹⁸ е публикувано обявление за отпечатването на книгата на 15 юли 1911 г. През следващата година с Окръжно писмо на МВРИ е изпратен по един екземпляр на книгата до библиотечния фонд на всички български легации и консулства¹⁹.

Повечето от студиите, написани от д-р С. Табаков, разглеждат актуален политически или социален проблем на неговото време. В тях той търси в миналото причини за възникването му, като построява една историческа ретроспекция. В този вид структура

Табаков написва своето съчинение „Ромъните в Македония“. Като причина за подготвянето на този труд той посочва претенциите на Румъния към България след края на Балканската война от 1912 г. Ако българската държава се разшири за сметка на османските провинции в Македония, Румъния настоява да бъде обезщетена, като компенсация за малцинството от куцовласи, които живеят по тези земи.

В първата глава на съчинението Табаков изброява причините, които предизвикват спора между България и Румъния. Той прави паралел с политическите аспирации на румънската държава с тези на сръбската след Съединението на Княжество България с Източна Румелия. Подобно на Сърбия, и Румъния се страхува от едно политическо и икономическо надмощие на уголемена България, тя търси гаранции за своята бъдеща сигурност. Зад всичко това обаче Табаков вижда политическата игра на Великите сили и защита на интересите на всяка една от тях. Австро-Унгария, мъчейки се да отвлече вниманието на Румъния от Трансилвания и да предотврати евентуален съюз, подхранва амбициите ѝ за Добруджа. Русия също се опитва да приглуши румънските претенции за Бесарабия. Това според Табаков са само външните причини, подклаждащи спора между двете балкански съседки. Вътрешните – това са амбициите на крал Карол²⁰, който според Табаков в своето царуване с нищо не е допринесъл за борбата и защитата на националните интереси на Румъния и търси начин да промени това. Като подходящ довод, с който обосновава своите претенции, Румъния издига съдбата на едно малцинствено население в пределите на Македония. Тя всъщност иска да използва като разменна монета останките от румънско население в османските провинции за постигане на своите цели.

За да представи цялостно проблема, Табаков търси неговите корени в миналото. Затова първо и основно, той проследява произхода на румънската народност и нейното заселване на Балканския полуостров, развитието и разселването на „ромъните“ през годините. След това обяснява как тази малцинствена група се озовава в пределите на Македония. В този исторически преглед Табаков се позовава на изследванията на българските автори проф. Милетич, К. Иречек, допълвайки ги с богата информация, извлечена от чуждестранни автори: *Gabriel Narodounghian. Recueil d'Actes Internationaux de l'Empire Ottoman. Tome 2. Paris, 1897–1903; Baron I. de Testa. Recueil des traités de la Porte ottomane. Tome 3. Paris, Amyot, 1865.*

В следващата глава Табаков представя зараждането на въпроса за румънското население в пределите на турската държава. Кога и как румънската държава предявява първите претенции за защита на неговите права. Той излага хронологически възникването и развитието на идеята за „аромъните“ в пределите на Македония. Разказва за поетата борба от румънска страна за църковни права на това малцинство с Гръцката патриаршия – църковната служба да се отслужва на собствения му език, организирането на пропаганда сред аромъните за въздигане на тяхното национално самочувствие. Разказва за създаването на комитета „Дружество за интелектуална култура на македоноромънците“, списването и издаването на вестници с пропаганден характер, за лицата, ангажирани в провеждането на тази пропаганда. Цялата тази подробна и детайлна информация Табаков извлича от редица чуждестранни изследователи, работили по този проблем.

Според Табаков това е изкуствено създадена и подхранвана идея, която има за цел да преекспонира въпроса за живеещите в пределите на Македония аромъни с единствената цел да бъде използвана от румънските власти в подходящи политически ситуации. Румъния няма обща граница с турската държава, от което следва, че при едно евентуално нейно разпадане и загубване на балканските ѝ провинции, тя не може да получи никакви териториални облаги. Затова обръща поглед към съседката си България и настоява, ако тя получи Македония, то Румъния да бъде компенсирана. Така въпросът за положението на аромънското население се обвързва с териториалните претенции към Добруджа, които румънската държава да получи като утеха след краха на Османската империя.

За да се опита да опровергае издиганите политически искания за права на аромъните, Табаков излага техния брой, като предоставя данни от няколко източника и накрая – преброяването по „каази“, публикувано в труда на Кънчев и в този на D. M. Brancoff²¹.

По този начин показва малобройността му и претопяването му сред останалите етнически народности, населяващи тези територии. Така той доказва неоснователността на румънските претенции и тяхната пропагандна цел. В труда си той прецизно и подробно представя факти, използва демографски данни, прави сравнение на изложената информация между няколко източника. Всичко това е важно условие за обективното представяне на проблема.

Продължавайки със своите изследвания върху балканската политика, Табаков написва и издава студия, осветляваща историята на най-младата държава на територията на Балканския полуостров – Албания. В предговора на труда той обяснява липсата на достатъчно познания за тази „политическа единица“. До този момент в българската историческа наука единствено налични са оскъдните изследвания в статиите на д-р Н. Маренин²² и В. Кънчов²³, но те според Табаков не са достатъчни за пълното изследване на проблематиката. Статията на В. Кънчов за Македония засяга само западната ѝ част, населена с определен брой албанци, а тази на Н. Маренин представя положението на албанската народност – обитаваните от нея територии, социалната им структура и управление, но в ново време.

Няколко са причините, които Табаков посочва за нуждата албанската история да бъде осветлена от българските учени. В годините, в които Табаков пише своята студия, огнището на Балканския полуостров отново се разпалва и всяка от държавите дава глас отново на своите териториални претенции към балканското наследство на Османската империя. Той тясно свързва миналото на Албания с това на нашата държава, позовавайки се на историята на двете български царства и владенията от тях земи в съвременните нему териториални граници на албанската държава. Затова Табаков смята, че историята на тази най-млада държава трябва да бъде изследвана и да се докажат заслугите на българския народ за развитието на тези земи (християнизиранието им, съвместните борби срещу турските войски в навечерието на завладяването на Балканския полуостров, създаването на Албания като самостоятелна държава в резултат на Балканската война). И по този начин България да се противопостави Албания да бъде използвана като средство срещу българските земи в Македония.

Табаков проследява хронологически историческото минало на тази народност – от първите известни сведения за нея (като жители на полуострова) до създаването ѝ като самостоятелна държава през 1912 г. Позовавайки се на изследванията на К. Иречек, обяснява произхода на тази етническа група, в резултат от смесването на няколко племена – илири, епирици, геги и тоски. Разтълкува етимологията на някои от названията, с които са наричани. Според автора те дават сведения за характерни черти от техния начин на живот. Разказва в какъв контакт са албанските племена със заобикалящите ги народности и за влиянията между тях. Представя племенния им начин на живот и социалната им структура, произхода на езика им, религиозното различие между албанските племена – част от тях са християни, католици и православни, а други са приели исляма. Всички тези черти, които в основи описват и разкриват една народност, Табаков представя, позовавайки се на направени до този момент изследвания, най-вече от италиански автори.

По-нататък той проследява политическото развитие на албанската народност, принадлежността ѝ през годините към различни държави, владели обитаваните от тях територии. Особено внимание отделя на контакта между българската и албанската народност, населяваните общи територии от тях, взаимоотношенията между тях през годините на управление на цар Симеон и цар Самуил. С всичките си доводи Табаков се опитва да покаже изконното право на България да нарича тези територии свои.

Разказва за един от най-героичните периоди от историята на албанския народ – борбата на „Албанската лига“ под предводителството на Георги Кастриоти Скендербег²⁴ в годините на османските завоевания на Балканския полуостров. Изследва произхода на Кастриоти, сравнявайки сведенията за него, дадени от няколко автори (Барбарич, д-р Г. Якова-Мертури) и защитава твърдението за славянски произход на този албански национален герой, което К. Иречек дава. Табаков обаче не се задоволява с посочването

и цитирането на дадена теза, а се стареа да доразвие това твърдение и в защита посочва етно-географските изследвания на друг автор. Разказва за битките, които води албанският народ с османските войски, и много детайлно описва тяхното развитие в географски план – селата и местностите, през които преминава походът на войските и местата, на които се водят сраженията. Важна информация Табаков дава и за албанските племена, излезли в защита на своята свобода – имената на техните предводители и владенията от тях области и селища, с което рисува една подробна карта на обитаваните от албанците земи. След попадане на албанските племена под османска власт Табаков обръща внимание на тяхното „потурчване“, в резултат на което част от албанските племена изповядват ислямската религия, а останалите християнска.

За времето след като албанските и българските земи са завладени от турските войски и стават част от Османската империя, Табаков разказва за едно особено явление. Албанските племена започват периодично да проникват и да се заселват на територията на Македония. Като причина за това той посочва стремежът им към по-плодородни земи. За сравнение на тази тенденция привежда и тяхното движение към териториите на така наречената Стара Сърбия (Косово поле и Метохия). Позовавайки се на изследването на Кънчов, той посочва областите и селата в Македония, населявани с албанци в началото на двадесети век, и доказва постоянния характер на това придвижване.

Накрая Табаков завършва с формирането на идеята на албанската народност да се отдели в самостоятелна политическа единица. Заслугата за реализирането ѝ той поставя в контекста на албанските въстания през 1911 г. и последвалата Балканска война и нейния развой.

Студията на С. Табаков „Албания в миналото“ е кратък, но изключително ценен поглед върху историята на албанския народ. Тя е наситена с много факти, извлечени от богатия извор материал, който той използва, трудовете на К. Иречек, Кънчов, Макушев, Барбарич, Буе, проф. Иширков. Но още по-ценно е съпоставянето на информацията, давана от тези трудове, и изводите, които Табаков прави. В своето изследване той поставя въпроси пред българската историческа наука, които трябва да намерят своите отговори в бъдещето.

След приключването на Балканската война, с подписването на Букурещкия мирен договор и краха на идеята за национално обединение, който България преживява, Табаков подготвя студия, в която анализира финансовото състояние, в което се намират всички съседни балкански държави след излизането им от тази война. Целта на съчинението е да покаже как и в какво количество съседите на България се облагодетелстват след загравването на нейните територии. Прави сравнение на финансовото им състояние преди влизането им във войната и след приключването ѝ. Студията носи заглавието „Черти от финансовото положение и икономическия подем на съседите ни след войната“ и е издадена през 1914 г. като самостоятелен труд.

В предговора на изданието Табаков посочва за основа на труда си сведенията, почерпени от чуждестранните ежедневници и специални издания: *Almanach de Gotha*²⁵, 1914; *The Times (annual financial review)*, January 16, 1914; *Le Mouvement économique*, Bucarest, December 1913, February 1914; *L'Orient Financier Paris*, January, February 1914; *Revista Economica si Financiaria*, Bucaresti, January, February 1914; *Deutsche Levante Zeitung*, Hamburg, January, February 1914. Всички те са популярни и влиятелни издания за икономика. По-нататък, когато излага фактите, Табаков цитира и други издания.

В труда си Табаков представя Румъния, Сърбия, Гърция и Черна гора, държавите, облагодетелствани от условията на подписания мирен договор. При поднасяне на фактите за тях той следва един общ модел. Дава информация за количеството на териториалните им придобивки, броя население, с което са се увеличили, приложението на тези нови придобивки в икономически план, дължината на железопътната им мрежа и новопроектираните линии, характеристиките на външната им търговия за последните финансови години и размерът на външните им заеми. Табаков подробно обрисова икономическото състояние на всяка една от държавите, като отделя внимание на

всеки компонент от икономиката – вносът и износът на стоки – в случая на Гърция и Румъния, разглежда състоянието на търговската флота, развитието на индустрията. В случая на Сърбия – новооткритите банки, като навлизане на чужди капитали в държавата, чуждите предприятия в страната и количеството на минното производство. Като специфична черта на румънската икономика посочва намеренията да се експлоатират петролните залежи в страната. В края отделя място за основните икономически характеристики и финансовото състояние на Черна гора и Албания. Всички изнесени сведения в студията са подкрепени с количествени данни и именно това прави труда на Табаков толкова ценен. В навечерието на Първата световна война тази студия подробно осведомява за икономическата мощ на тези балкански страни и за влиянието на чуждестранните капитали в тях, което би определило избора им на чия страна да застанат в бъдещата война.

Най-значимото дело в творчеството на д-р С. Табаков, с което той е познат и на българската историческа наука, остава неговата история на град Сливен²⁶. Той работи върху тритомния труд почти през целия си живот. Първият том на историята, който разглежда възникването на града, развитието му през историческите епохи, е издаден още приживе през 1911 г. Останалите два тома са издадени посмъртно, вторият – през 1924 г., и третият, допълнен и от други лица, през 1929 г.

Любовта към родния край, носталгията от напускането на родното място и нуждата миналото му да бъде съхранено за бъдещите поколения раждат идеята за написването на историята на град Сливен. След като е създадена „Сливенската дружба“ от преселниците в София като средище, където сливенци да възпоменават паметта на родното място, те си поставят и тази нелека задача.

Изборът Табаков да подготви този труд всъщност е следствие от липсата на други кандидати (дори от средите на българските изследователи). Интересно и важно е да бъде отбелязан този факт. Подготовката на един такъв материал изисква много усилия, време и системна работа. Желанието на Табаков да се заеме с това начинание не е спонтанно, то всъщност е резултат от неговите трайни интереси към историята на родния край.

С. Табаков се ражда като гражданин на Източна Румелия, закърмен с националните идеали, в семейството на един горд и родолюбив сливенец. Епохата и времето, в които живее, непримиримо се борят България да докаже своето историческо право да съществува в границите на своите изконни територии. Сливен е люлка на българските националноосвободителни борби, родил герои, дали живота си за българското освобождение, и повел борбата на българския народ. Това са ценностите, с които Табаков израства и които безспорно формират личността му.

Върху първия том на „Опит за история на град Сливен“ Табаков работи през 1903–1906 г. За да подготви съчинението, той ползва голямо количество литература, изследвания на българските учени, но не се задоволява само с това. По време на службата си в Българското агентство в Лондон (1905–1907) търси сведения и в чуждестранна литература, с които да допълни вече намереното в българската литература.

През 1904 г. (преди командироването му в Англия) С. Табаков изпраща писмо²⁷ на кмета на Сливен Георги Долапчиев²⁸, в което споделя желанието си да потърси материали за историята на града и извън пределите на страна. По-конкретно, Табаков иска да посети Румъния и най-вече градовете Букурещ, Плоещ, Галац, Браила, Болград и Тулча, където според него лежи половината от историята на града в паметта на преселилите се там сливненци. С помощта на Градския общински съвет на Сливен той осъществява това свое пътуване през септември 1904 г. и посещава Плоещ, Брашов и Букурещ²⁹. Стремещът на автора е цялостно да опише историческото минало на града.

Към намерените сведения Табаков се отнася много внимателно, съпоставя фактите и прави сравнение между няколко автора. Той подхожда с прецизност при излагането на данните.

При написването на труда си С. Табаков използва голям брой теренни материали, записани сведения (спомени) от очевидци, които издирва. Широко използва и фолклор-

ни материали, събирани дори по-рано от него. Осъзнавайки, че преданията и народните умотворения не са основен исторически източник, той често се обръща към тях като изворов материал и ги отъждествява с паметта на народа, която трябва да бъде съхранена. Всъщност Табаков записва извори. Записвайки спомените на своите съграждани, той успява да съхрани едни обширни по обем сведения за следосвобожденската история на Княжество България. Това е безценна информация за бъдещите изследователи.

Съчинението съдържа и значителен по обем демографски материал. Важна заслуга на труда на Табаков е, че е един от първите автори, които в поселищните проучвания разглеждат малцинствените групи – турци, цигани, евреи, татари и др. Опитва се да установи заселването им в града, представя бита и традициите им. Липсата на архивни материали може да отдадем на обясними за времето причини.

Още от заглавието, което формулира – „Опит за история на град Сливен“ – се вижда, че Табаков не претендира трудът му да бъде в рамките на строгата научност, а по-скоро го представя като исторически материал за едно бъдещо и по-сериозно изследване. Това показва самосъзнанието на автора за неговите възможности в областта на историческата наука и липсата на излишни претенции. Самият Табаков при подготовката на труда се натъква на трудности от липсата на материали и признава, че това понякога го поставя на границата на предположенията. Оскъдността от изследвания за средновековната история на града и района, с която той се сблъсква, не го отдалечава от загатването и поставянето на въпроси от този период, но с ясно съзнание използва това, за да постави ясни задачи към българската историческа наука. Това е постоянно срещано явление в творчеството на Табаков: като отчита приносите, той посочва и слабостите на българската историопис. Старанието, което авторът полага за изчерпателност на данните в българската и чуждестранна литература, заслужава похвална оценка.

Малко изтъкнат и отчитан факт е, че именно тритомният труд, посветен на град Сливен, поставя началото на поселищната и градописна история в българската историопис. Отчитайки слабостите и неточностите, които допуска С. Табаков в написването на историята на Сливен, трябва да не забравяме условията на времето, в които работи. По-ценно от всичко остава опитът на автора и наследството, което тази история ни оставя, и задачите, които ни поставя.

Великото достойнство на „Опит за история на град Сливен“ е, че в нея народът разказва за себе си, оставя своите спомени и преживявания в тази книга. И всичко това авторът поднася в контекста на националната история, а не отделя града от общото, за да го опише.

Въпреки че С. Табаков не е професионален историк, със своето цялостно творчество той може да бъде причислен към представителите на позитивистичното направление в модерната българска историопис³⁰. В изследванията, които той подготвя, особено ценна безспорно е използваната от него чуждестранна литература. Той черпи сведения за своите трудове от италиански, английски, немски, руски и др. издания, които по това време не са широко разпространени в пределите на България. Със своите съчинения авторът поставя важни задачи пред бъдещата историческа наука, които трябва да бъдат решени. Табаков не търси популярност, целите на неговото творчество са да търси истината, да се отдаде заслуженото на българското минало и настояще и да се противопостави на опитите тя да бъде фалшифицирана. Но той завинаги ще остане и историк на родния си град.

¹ Табаков, С. История на град Сливен. Т. 2. С., 2002, с. 261; Киров, З. Д-р Симеон Табаков – историкът на град Сливен 1882–1918 г. – В: История на град Сливен. Т. 3. С., 1929, с. 8–9.

² Централен държавен архив (ЦДА), ф. 177 к, оп.1, а. е. 130, л. 826.

³ ЦДА, ф. 176 к, оп. 18, а. е. 408, л. 1–2.

⁴ Деспи-Майер, А. Българските студенти в двата Брюкселски университета (1870–1919). – Известия на държавни архиви (ИДА), 52, 1986, с. 293–387.

⁵ ЦДА, ф. 176 к, оп.18, а. е. 408, л. 4.

⁶ Става въпрос за Петър Пантелеев Карапетров Черновежен.

⁷ Иван Шишманов (1862, Свищов–1928, Осло) – литературен историк, фолклорист, общественик. Познаването между двамата се заражда по времето, когато Табаков е студент в Юридическия факултет на Висшето училище.

⁸ НА–БАН, ф. 11 к, оп. 3, а. е. 1467, л. 1–2.

⁹ *Шишманов, Ив.* Значението и задачите на нашата етнография. – СБНУНК, 1, 1889, с. 1–64; Избрани съчинения. Т. 2. С., 1966, с. 7–61.

¹⁰ НБКМ–БИА, ф. 272, а. е. 3572, л. 1–2.

¹¹ Юджийн Скайлър (1840, Итака–1890, Венеция) – американски дипломат и общественик, завършва философия в университета Йейл (1859–1861) и право в Колумбийския университет (1863). Официален анкетьор на американското правителство в Одрински и Пловдивски санджак след потушването на Априлското въстание (юли–август 1876), чийто доклад потвърждава данните за жестокостите над българите, изнесени в репортажите на американския журналист и кореспондент на лондонския Daily News Дж. Макгахан. Член е на Централния комитет за набиране на помощи за пострадалото българско население, сформиран през 1876 г. в Цариград. (Срв. Митев, Й. Американската анкета през 1876 г. за турските жестокости в България. – Военноисторически сборник, 1989, № 2, с. 3–17.

¹² Втори секретар на английското посолство в Цариград, определен от лорд Едуард Дарби, външен министър в правителството на Бенджамин Дизраели, за официален анкетьор на Великобритания в Одрински и Пловдивски санджак през юли–септември 1876 (вж. История на Априлското въстание. Т. 3. С., 1999, с. 28–29).

¹³ Алфред Стийд – британски общественик, брат на известния публицист, пацифист, издател на престижните издания Pall Mall Gazette (1883–1889), основател и редактор на популярното списание Review of reviews Уйлям Томас Стийд (1849–1912).

¹⁴ Периодично списание 1908 г., с. 749–792.

¹⁵ Имат се предвид Йован Цвиич (1865, Лозница, Сърбия–1927, Белград) и неговото съчинение „Балканския полуостров и южнославянските земи“ (1885), в което излага теорията си, че старото етнографско име българи е загубило през турското владичество своето етнографско значение и в по-голямата част на полуострова с него се означава селското население под чифлишки режим. А самото наименование българи е загубило националното си значение и в обширните области на Балканите се употребява в икономически смисъл като рая, земеделци, селянин. Представя и теория как македонците са станали българи, липсата на тяхно национално самосъзнание.

¹⁶ *Мирски, Кр.* Емиграционният въпрос. – Радикал, 7, 3 декември 1911, № 22.

¹⁷ Става въпрос за печатницата на Калчо Стоянов и Нанчо Калчев, които участват в атентата срещу Отоманската банка в Истанбул. След разкритията на властите през 1901 г. и двамата са осъдени и заточени в Синоп. Бащу му умира по време на заточението. След прокламираната амнистия от младотурския режим след 1908 г., Нанчо Калчев се връща в Цариград и възстановява печатницата, но умира през 1910 г. и печатницата е наследена от Димитър Бандулов.

¹⁸ Вести, 12, Цариград, 20 декември 1911, № 43; 22 декември 1911, № 44; 25 декември 1911 г., № 45; 29 декември 1911, № 46; 31 декември 1911, № 47.

¹⁹ ЦДА, ф. 353 к., оп. 1, а. е. 113, л. 62.

²⁰ Крал Карол I (1839–1914) – държавен глава на Румъния (1866–1914).

²¹ Предполага се, че секретарят на Българската екзархия Димитър Мишев публикува под този псевдоним книга със заглавие La Macedoine et sa Population Chrestienne („Македония и нейното християнско население“). Тя е отпечатана на френски език през 1905 г. в Париж. В изданието се дават подробни статистически данни за броя, етническия състав и конфесионалната принадлежност на населението там.

²² Вероятно става въпрос за статията на Маренин „Албания и албанците“ (1902).

²³ Васил Кънчов (1862, Враца–1902, София) – учен, географ и историк, завършва четирикласното училище във Враца, после Ломската гимназия (1884), учи химия в Харков (1885), химически технологии в Мюнхен и Щутгарт (1886–1888). Директор на Солунската българска мъжка гимназия (1892–1893), директор на българското училище в Серско (1891–1892). Главен екзархийски инспектор на българските училища в Македония (1894–1897), министър на народното просвещение (1902). Автор е на множество очерци и изследвания за Македония и на първата цялостна статистика на населението в Османската провинция (Македония. Етнография и статистика. – В: *Ташев, Т.* Министрите в България 1879–1999. С., 1999).

²⁴ Георги Кастриоти Скендербег е роден в семейството на Иван Кастриоти Скендербег. Под негова ръководство албанските родове се обединяват и организират Лешката лига през 1444 г. за борба срещу османската власт. За кратко време били освободени територии в централната част на

албанските земи и продължил да води сражения с турските войски. Умира през 1468 г., но името и делото му остават символ на албанското единство и свободолубие (Срв.: *Матанов, Хр.* Средновековните Балкани. Исторически очерци. С., 2002, с. 532–537).

²⁵ Немско издание – алманах, за първи път публикувано през 1763г., в централния град на провинция Тюрингия Гота. Предоставя подробни факти и статистика за народите по света и по-подробни данни за тези в Европа, за кралските семейства, фамилии и династии. Алманахът се списва под ръководството на служителите на дипломатическия корпус. Първата част от изданието е посветена на кралските династии, а втората – на останалите държави, чрез обнародване на демографски и политически сведения. Последният публикуван брой е от февруари 1912 г.

²⁶ *Табаков, С.* Опит за история на град Сливен. Т. 1–3. С., 1911–1929.

²⁷ НБКМ–БИА, колекция 12, л. 41–42.

²⁸ Георги Долапчиев (1865, Сливен–1961) – учи в Сливенското четирикласно училище и в Духовната семинария в Одеса и Киев, завършва право в Юридическия факултет на Московския университет (1896). Деец на Прогресивно-либералната партия, кмет на Сливен (1902–1905), народен представител в V ВНС (1911) и XV ОНС (1911–1913), доброволец в Балканските войни (1912–1913). Член на Народно читалище „Зора“ и негов председател (1905–1906), основател (1903), пръв председател и дългогодишен член на Дружеството за икономическо повдигане на град Сливен (до 1940). Срв.: *Табаков, С.* Опит..., т. 2, с. 547–548; *Иванов, Ив., Цв. Башева.* Доколкото знаем за тях. Т. 2, с. 83–84.

²⁹ *Табаков, С.* Опит..., т. 2, с. 541–542.

³⁰ За нуждите на статията са използвани и сведения от Devlet Arşivleri (Турски държавен архив) – Dahiliye Nezareti Sicill-i Nüfus İdare-i Umumiyesi (ДН. SN-THR), Dosya 35; *Дечев, В.* Симеон Табаков и неговите демографски изследвания. – В: Регионални проучвания на българския фолклор. Т. 2. Фолклорната традиция на Сливенския край С., 1989; *Жечев, Т.* Симеон Табаков и неговата история на град Сливен. – В: *Табаков, С.* Опит за история на гр. Сливен. Т. 1. 1911; *Симитчиев, Б.* Имена, които помним. Сливен, 2002; Юбилеен отчет на „Сливенската дружба“ в София по случай 25-годишнината от основаването J 1901–1926 г. С., 1926; Юбилеен сборник на Сливенската мъжка гимназия „Д. Чинтулов“ по случай 55-годишнината от основаването ѝ. С., 1934, и др.

РАЗМИСЛИ ЗА ИСТОРИКА КРУМКА ШАРОВА

А. Стефанова

Стефанова, А. Роздуми про историка Крумку Шарову

Стаття присвячена крупному болгарському історичу – досліднику періоду національного Відродження Крумці Шаровій (1924–2004). Простежується доба її становлення як особистості та фахівця, її погляди на історичну науку й ремесло історика, а також власний внесок у вивчення епохи болгарського Відродження.

Ключові слова: Крумка Шарова, Любен Каравелов, національне відродження, історик.

Стефанова, А. Размышления об историке Крумке Шаровой

Статья посвящена крупному болгарскому историку, исследователю периода национального Возрождения Крумке Шаровой (1924–2006). Прослеживаются время ее личностного и профессионального становления, ее взгляд на историческую науку и ремесло историка, а также вклад в изучение эпохи болгарского Возрождения.

Ключевые слова: Крумка Шарова, Любен Каравелов, национальное Возрождение, историк.

Stefanova, A. Thoughts about Krumka Sharova

The author shares her ideas on the early activities as a human being and as a historian of the famous Bulgarian scientist professor Krumka Sharova (1924-2006). Next come a review and analysis of some of the most important research works of Sharova on the National Revival and some of her understandings on history and the historian craft.

Keywords: Krumka Sharova, Lyuben Karavelov, National Revival, historian.

Какво означава да си историк? Дали са необходими един куп удостоверения като дипломи, или един акт за раждане е напълно достатъчен? Кога се става историк? Когато са изписани 200 страници, или 500, а защо не 10 000? Какво е онова качество, което не се притежава от никое друго същество освен от историка? Въобще коя е границата, която отделя писането на приказки и разкази, от създаването на текстове за миналото, които го разгръщат и го правят разбираемо за поколения наред?

За мен историкът е човек, чиято работа не се изчерпва с прекарването на часове над книгите и документите, а продължава и с умението да се извлече най-важното от тях. Това е човекът, който представя света по един начин, който може да се усети, да стане по-разбираем, и същевременно доказва твърденията си с факти, с данни, които могат да се прочетат и видят. Професор Крумка Шарова е човек, който показва Възраждането по начин, по който много малко хора успяват да го направят. Тя съчетава изворите за миналото през погледа на настоящето и ги оставя за бъдещето, за да можем да се докоснем чрез историята до миналото, такова, каквото се е състояло, а не такова, каквото е написано от поредните победители.

За мен думите на Теодор Момзен: „Историкът не се обучава, той се ражда“, които са написани в посвещението на Александър Фол в списание *Исторически преглед*, в юбилейния брой, посветен на Крумка Шарова, най-точно я описват като историк. Без претенции, че съм чела всяко нейно произведение, тези, които съм чела, ясно показват точно това – че не дипломата изгражда историка. Първият документ, удостоверяващ появата на историка, е актът за раждане, защото майсторството с годините само се доразвива, но ако не е заложено в човека, колкото и дипломи да са наредени по стените, искрата просто не може да пламне.

Проф. Крумка Шарова е човек, който се е посветил на Възраждането и многото проблеми и недоизяснени въпроси, които съпътстват този период от българската история. Според нейните колеги наред с големите по обем изследвания, които е публикувала, има още толкова, които не са намерили път към публичното пространство. Всеотдайността към историята и възискателността правят Крумка Шарова човек, който още от началото на своята творческа кариера и до самия ѝ край преследва истината и се бори тя да дос-

тигне до света – точна и подредена, без излишна помпозност на изказа и без автоцензура.

Запознанството ѝ с историята започва от ранна детска възраст. Според самата нея в интервю, дадено за БНР на 31 март 1994 година, не е имало нищо друго освен историята, с което да е искала да се занимава. В годините преди да кандидатства в Софийския университет обаче Възраждането не е причината за избирането на историята като възможност за работа. Списание *История на изкуството* на Николай Райнов, за което е абонирана, дава този необходим тласък. То и възможностите на Н. Райнов на „изследвач“ и „човек с огромна ерудиция за миналото на света и на българите“ предопределят пътя на професор Шарова като историк от Софийския университет.

Периода, с който ще се занимава, до края на живота си обаче, тя избира след срещата си с проф. Бурмов и писането на дипломна работа относно „сръбско-българските отношения през Възраждането“. Въпреки че от дете е имала възможност да се запознае с „научна историческа литература“ върху Възраждането (труда на Димитър Страшимиров „Архив на Българското възраждане“). Професионалният ѝ път и доживотната ѝ любов към Възраждането се появяват именно при срещата с професорите в Софийския университет – Александър Бурмов и Христо Гандев: разбирайки потенциала ѝ, те я насочват към научна работа и по-специално – към завършването на аспирантура и последвалата ѝ кариера в Софийския университет и БАН.

След като е приета за аспирант има период, в който Възраждането, станало вече нейното желано поле за работа, не е това, на което първоначално отдава професионалните си умения. Поради многото хора, които в този момент се занимават с Възраждането, Крумка Шарова е насочена към следосвобожденското време и прави дисертация на тема: „Историята на синдикалното движение в края на XIX–началото на XX век“. После е изпратена от Политбюрото на ЦК на БКП в Института по история на партията (1953). Въпреки кариерното ѝ развитие, образованието ѝ на историк в Софийския университет е това, което продължава да съчетава пътя ѝ с Възраждането. Навремето при проф. Бурмов студентката Крумка Шарова трябва да направи курсова работа по българска историография за Възраждането, където отново се сблъсква и вече прочита по друг начин произведенията на най-добрите дотогава специалисти по Възраждане – Захари Стоянов, Иван Шишманов, Боян Пенев, Михаил Димитров, Жак Натан, Димитър Страшимиров. Дори през годините научната ѝ работа да оборва или доаргументира много от тезите, представени от тези автори, уважението ѝ към тях по никакъв начин не намалява. Напротив, те са тези, които въпреки трудностите пред нея, я карат да продължи да търси истината и да я доказва. През тези първи години от професионалното ѝ боравене с Възраждането една тема започва да я вълнува, която впоследствие според самата нея я формира като историк – Любен Каравелов.

Така още в първите години на кариерата си проф. Шарова тръгва по два пътя – Възраждането, нейната „незаконна любов“, и работата ѝ като асистент и преподавател по нова българска история в Софийския университет и старши научен сътрудник в Института по история на работническото революционно движение. Съчетаването на тези два коренно различни аспекта на историята обаче, я изграждат и доразвиват по начин, по който, ако един от двата пътя липсваше, потенциалът ѝ никога нямаше да може да се развие.

Досегът ѝ с историята на социалистическите и работническите движения и организации оформят опита и с пропагандата и цензурата. Това изгражда у нея критичния поглед върху използването на възрожденските дейци за идеологически цели, с които проф. Шарова се бори и не позволява на идеологията да опорочи истината. Още в първите ѝ изследвания за Възраждането съвременният поглед на историк ясно личи. Ако човек не си направи труда да прочете годината на издаване, трудно може да се различи стилът на произведението ѝ от 50-те години на XX век с такова, издадено след 1989 г. В статията си „В осмисляне на натрупаното. Историкът Крумка Шарова“ Кети Мирчева пише, че „след 1989 година, когато паднаха и последните марксистки идеологически бариери в историческата наука, проф. Шарова бе един от онези историци на своето поколение, кой-

то публикува нови изследвания, в които преразглежда на пръв поглед отдавна утвърдени и сякаш непохватими схеми на българската история...“.

Според мен проф. Шарова не чака 1989 г., за да започне да публикува тези изследвания. Още в книгата си за „Любен Каравелов и българското освободително движение 1860–1867 година“ тя подлага на критичен анализ подобни тези и чрез аргументация, подкрепена с доказателства, ги оборва. Начинът, по който го прави обаче, е достатъчно прецизен, за да не може цензурата, която се налага по това време, да достигне до нейните изследвания. Това нейно умение да съчетава изказа си с истината и същевременно да се предпазва от пропагандата и идеологията правят произведенията ѝ достъпни и разбираеми. Документите и аргументацията ѝ пък успяват да направят изследванията ѝ валидни и до днес, което за много от написаните по време на социализма подобни творби не може да се каже.

В началото на нейните публикации относно Възраждането и възрожденските дейци, изследванията са с „по-популярен характер“¹ – брошурата за Васил Левски, общи изследвания като „Националноосвободително движение през 60-те и 70-те години на XIX в.“². След като девет години от живота си прекарва в Института по история на БКП, през 1961 г. успява да се премести в Института по история, а малко по-късно, преследвайки вече избрания от нея период, Възраждане, се премества в Института „Ботев–Левски“, който се трансформира в секция по история на Възраждането, където най-накрая намира мястото си и може спокойно да се съсредоточи върху по-дълбокото и задълбочено изследване на обикнатата епоха.

Първите ѝ изследвания след 1961 г. се фокусират около външнополитическите контакти на българските възрожденци³. Този досег до българските проблеми, свързани с търсене и възприемане на модели от балканските страни и Европа в деянията на възрожденските революционери, изграждат посоката на нейните изследвания, които през годините проф. Шарова ще развива последователно. Но с тази тематика не се изчерпва обхватът на нейните проучвания. В следващите десетилетия професорът ще разгледа последователно различни проблеми от Възраждането, като им отдели необходимото време и анализира достатъчно голямо количество документи, за да се убеди в правотата на своите разсъждения. В по-късните години място в нейните проучвания намират: дипломатическата активност на българите през 40-те години на XIX в.⁴, проблемите около създаването на БРЦК, спорните въпроси около функционирането на организацията и противоречията вътре в нея, развитието на четническото движение и използването на терора като основен метод за събиране на пари за закупуване на оръжие. След 1989 г. проф. Шарова разглежда личността на Г. С. Раковски⁵, дейността на Евлогий и Христо Георгиеви⁶. Като цяло, изследванията ѝ се изграждат около революционната дейност на българските дейци и развитието на техните идеи, които са повлияни както от вътрешни, така и от външни фактори.

Оценките на българската научна литература относно Възраждането също са подложени на критичния ѝ поглед и извеждането на необходимост от преразглеждане и доразвиване на въпроси около активността на българите и революционните идеи. Професор Шарова е човекът, който в своя доклад на научната конференция в Сливен „Култура, църква и революция през Възраждането“ през 1995 г., разглежда традиционното противопоставяне в историческата наука на революционното и еволюционното решение на българския национален въпрос⁷. Отчитайки натрупаните през годините материали, тя обобщава, че ако наистина историците искат да покажат и разгледат обективно Възраждането като процес, разграничаването, което се прави между еволюционизма и революционизма като едното се елиминира за сметка на другото, е несериозно и не отговаря на реалните събития. По този начин се поставя една различна гледна точка, която професорът проследява в по-нататъшните си изследвания.

Всички проучвания, които Крумка Шарова позволява да излязат в публичното пространство, а според нейните колеги много други остават в „чекмеджето ѝ“, са подложени от самата нея на критичен анализ. В интервюто за БНР от 1994 г. тя самата си призна-

ва, че много теми като например „сръбско-българските отношения през Възраждането“ така и не достигат до печат, защото не са достатъчно добре изследвани.

Като изследовател проф. Шарова отдава заслуженото на историците, работили преди нея. Дори да не се съгласява с дадена теза, тя намира мястото си в нейните проучвания и не остава без историографски прочит⁸. Самата тя е последовател „на схващането за необходимостта от разширен археографски и исторически коментар на документални издания“⁹. Без да натрапва своята гледна точка, проф. Шарова я дава и излага своите наблюдения по въпроси, за които няма достатъчно материална база, но за сметка на това са натрупани достатъчно косвени доказателства.

Тя е наясно, че история без писмени документи и сведения не може да се пише и затова посвещава голяма част от времето си на събиране и публикуване на такива документални издания, които са допълнени и от нейни коментари за по-пълноценно разбиране на съответния документ. Без да има претенциите да е безгрешна, с един много добър стил професорът защитава своите убеждения и дори да ѝ се налага понякога цензура – подмяната в последния момент на текстовете ѝ в VI том на БАН относно БРЦК и Каравелов от 1867–1872 г. с тези на Димитър Косев, тя не налага автоцензура на своите текстове. Напротив, за разлика от някои други историци, писали през тези години, успява да превърне дори неуспехите в градивен елемент от своето творчество, като контролира политическите конюнктурни с добра работа и задълбочено изследване. В крайна сметка именно тази нейна черта в творчеството ѝ го прави четено и разбираемо и от младите поколения. А всеотдайната ѝ работа оставя изключителни впечатления и у нейните колеги, които имат много добро мнение за нея – в качеството ѝ на историк и човек. В своите спомени проф. Вера Мутафчиева отбелязва, че въпреки проблемното положение, в което изпада¹⁰, работата ѝ е удостоена с необходимото внимание, без проф. Шарова да се влияе от политическите пропаганди и като следва своята собствена морална и научна позиция. Така застава зад Мутафчиева.

Ако все пак има тема, която присъства през цялото време в изследванията на професор Шарова, то това е Любен Каравелов. В интервюто, което дава на 15 юни 2004 г., самата тя казва: „Работата над Любен Каравелов ме формира като историк“¹¹. Личността на Любен Каравелов е в центъра на много нейни изследвания и е неизменна част в редица други, посветени на различна тематика. Това, което я вдъхновява да го разгледа, са вестниците *Свобода* и *Независимост* и неговият живот, не толкова пропагандата, която се развива за сметка на революционера. И наистина когато човек чете книгата „Любен Каравелов и българското освободително движение 1860–1867 година“, в нея ясно се вижда историкът човек, заинтригуван от човека революционер, а не само от революционера. Чрез един особен подход на читателя се дава възможност да разбере как се формира личността. През какво трябва да се премине, за да се достигне до идеята за свобода и Отечество. Повечето въпроси, които самата авторка си поставя¹², са разгледани и са намерили обяснения в книгата. Редица други са поставени като задача за по-нататъшни изследвания, които с течение на годините са доразвити¹³. Въобще, личността на Каравелов е представена по начин, който заинтригува и кара читателя сам да извлече изводи и да си зададе въпроси, като се подчертае най-важното – че не юбилеите и честванията, а делата им карат обществото да си спомня героите. А за да могат да се разберат и видят делата, истината трябва да бъде изложена.

Разглеждайки личността на Любен Каравелов, проф. Шарова отговаря на някои въпроси, които до тогава не са били проучени задълбочено. Един от тях е за предателството на Каравелов – дали той е предал архивите на Левски на османските власти. Без да се опира само на документи от Възраждането, Крумка Шарова търси нишката на слуховете там, където са започнали, а именно във вестник *Отечество*¹⁴. За да се преборят със своя политически противник – Петко Каравелов, консерваторите подновяват слух, започнат от Иванчо Хаджи Пенчович. Който пък от своя страна е един от най-приближените на Мидхат паша и работи за пропагандата срещу българските революционери и въобще срещу идеята за просветено българско общество.

Благодарение на прозорливостта на професор Шарова, слух, прокаран в полза на Високата порта, а после и за задоволяване на политически потребности, е оборен с точни, ясни и конкретни доказателства. Подходът ѝ да търси доказателства не само в изследвания период, а и в следващия и да вниква в същината на въпроса и да дълбае колкото е необходимо, я прави такъв учен. Защото много е лесно да се представи едно свидетелство, извадено от контекст. Но то, седящо без разглеждане на обстановката, в която е създадено и бидейки подкрепено само с анализ от автора, остава голо и недобре обосновано. Точно това е подходът, срещу който се бори професор Шарова. В своите изследвания тя разглежда събитията и личностите не изолирани, а в контекста на нещо по-голямо. Затова и посвещава доста голяма част от професионалната си кариера на вътрешните и външните фактори. Дори само поглеждайки съдържанието на книгата „Любен Каравелов и българското освободително движение 1860–1867 година“⁴, човек може да види структурата на изследването, как протича мисълта ѝ и на базата на какво прави своите изводи⁵. Първо, разглежда как се формира личността – ранно обучение, обучение извън пределите на българските земи, семейство. На второ място – как влияе взаимодействието с други култури, общества, революционни идеи, които формират човека и неговите идеи. И на трето, но не на последно място – как процесите вътре в българските земи формират личността и какво дава тя на народа си и на революционното движение.

В по-широк мащаб в такава посока се движат и изследванията ѝ през годините, от вън навътре – от външнополитическите отношения на българите към вътрешните проблеми, като никога не се гледат разделени, а винаги се изгражда паралел. Без едното не може да съществува другото и проф. Шарова до края на живота си защитава тази теза.

Без да имам удоволствието да се познавам лично с проф. Шарова, впечатлението, което тя оставя чрез своите трудове и у колегите си, е достатъчно доказателство за достойния и пълноценен живот на този човек. Авторитетът на хора, които са посветили трудове за нея и нейните изследвания, достатъчно категорично говорят за уважението към нея – Александър Фол, Мария Велева, Пламен Митев, Кети Мирчева и т.н. Нейните колеги я разглеждат като достоен историк, който изследва много въпроси, останали под сянката на пропагандата или неправилно разчетени във времето. Още повече тя поставя много нови въпроси, които младото поколение трябва да разгледа. Уважението, което тя има към своите учители – като проф. Бурмов, се пренася и на нея, защото няма изследовател, който да се занимава с Възраждане и да не обърне внимание на нейните публикации и изследвания.

Ще завърша с една от оценките на Крумка Шарова за историческата наука, оценка, толкова валидна за собственото ѝ цялостно творчество: „...*Пътят на научното познание е постепенен и ... приносите, а и някои от заблужденията на историците в дадено време, са до голяма степен неизбежна степен в осмислянето на историческите явления*“⁶.

¹ Исторически преглед, 2004, № 5–6, с. 33. В този двоен брой на списанието са публикувани материали за и в чест на проф. Крумка Шарова, по случай 80-годишнината от рождението ѝ. Там са и интервютата от различни години, цитирани дотук и по-нататък в настоящата статия.

² Кратка история на България. С., 1958. Текстът на Кр. Шарова е на с. 124–167.

³ Шарова, Кр. Черногорската прогресивна общественост и българското освободително движение в началото на 70-те години на XIX в. – Известия на Института по история, 14–15, 1964, с. 85–104; Ангел Кънчев в Сърбия. – Военноисторически сборник, 1965, № 3, с. 56–65; Към историята на връзките между руската революционна емиграция и южнославянските революционери през 70-те години на XIX в. – Известия на държавни архиви, 13, 1967, с. 256–290.

⁴ Шарова, Кр. Български дипломатически акции сред Европа в началото на 40-те години на XIX в. – В: България и европейските срани XIX–XX в. С., 1975, с. 27–45.

⁵ Шарова, Кр. Г. С. Раковски и историческата приемственост в българското революционно

движение. – В: Алманах за историята на Русе. Т. 1. Русе, 1996, с. 194–216; Г. С. Раковски – символ и двигател на триединството на Българското възраждане – национална революция, съвременна про-света и култура и независима църква. – В: Българското възраждане. Идеи. Личности. Събития. Т. 4. С., 2002, с. 298–303.

⁶ Шарова, Кр. За политическите възгледи и дейност на братя Евлогий и Христо Георгиеви (до 1878 г.). – В: Делото на братя Евлогий и Христо Георгиеви. Карлово, 1996, с. 13–30.

⁷ Шарова, Кр. Взаимодействие на движенията за национална култура, църква и политическо освобождение. – В: Култура, църква, революция през Възраждането. Сливен, 1995, с. 11–39.

⁸ Шарова, Кр. Любен Каравелов и българското освободително движение 1860–1867 година. С., 1970, с. 7–24.

⁹ Мирчева, К. В осмисляне на натрупаното. Историкът Крумка Шарова. – Исторически преглед, 2004, № 5–6, с. 49.

¹⁰ Баща ѝ – Петър Мутафчиев – в края на 40-те и началото на 50-те години на ХХ в. е заклеямен като фашистки автор. Брат Боян емигрира във Франция през 60-те години.

¹¹ Исторически преглед, 2004, № 5–6, с. 65.

¹² Напр. „как става възможно за едно българче от Копривщица .., да получи такъв широк кръгзор, да обхване в съзнанието си всички въпроси, български...“ (Исторически преглед, 2004, № 5–6, с. 54).

¹³ Шарова, Кр. Любен Каравелов. Предубежденията и заблуждения за идеите на дейността му. – Литературен форум, № 34–37, 1994, 2–8 октомври – 2–8 ноември.

¹⁴ Вестник на консерваторите след Освобождението на България. Твърдението е намерило място в страниците на вестника в годините 1884–1885.

¹⁵ Шарова, Кр. Любен Каравелов и българското освободително движение..., с. 433–434.

¹⁶ Шарова, Кр. Новото в незавършената книга на Ал. Бурмов „Образуване и начална дейност на БРЦК“. – Исторически преглед, 1997, № 8, с. 125.

МОНОГРАФИИТЕ НА ЗИНА МАРКОВА

П. Косева

Косева, П. Монографиите на Зина Маркова

В статията са разгледани основни моменти от три труда на Зина Маркова (1940–2004) – монографиите „Българската екзархия 1870–1879 г.“, „Българското църковнонационално движение до Кримската война“ и „Четата от 1868 година“. Източник на вдъхновение за българската изследователка са борбите на българите за политическо и духовно освобождение. Изследванията на Зина Маркова са значими не само от гледна точка на сериозността на написаното в тях, но тяхно достойнство е и откриването и маркирането на проблеми, подлежащи на бъдещи проучвания.

Ключови думи: Зина Маркова, екзархия, църковно национално движение, четата на Хаджи Димитър и Стефан Караджа.

Косева, П. Монографии Зины Марковой

В статье рассматриваются формирование и деятельность болгарского ученого проф. Зины Марковой (1940–2004). Специальное внимание уделяется трем монографиям исследовательницы, посвященным борьбе болгар в период Возрождения за независимую церковь, ранней деятельности Болгарской экзархии и отряду Хаджи Димитра и Стефана Караджа 1868 года.

Ключевые слова: Зина Маркова, экзархия, церковно-национальное движение, отряд Хаджи Димитра и Стефана Караджа.

Koseva, P. Monographs by Zyna Markova

The paper analyses the life and scientific activities of one of the Bulgarian historians prof. Zina Markova. Three of her books are especially commented. Two of them study the struggle for independent national church during the period of Bulgarian National Revival and the third one – the group of warriors of Hadzi Dimitar and Stefan Karadza (1868).

Keywords: Zina Markova, echzarchy, national church movement, Hadzi Dimitar and Stephan Karadza.

Зина Костадинова Маркова е родена на 23 юли 1940 г. в Пловдив. Израства в семейството на Елена и Костадин. Майка ѝ е учителка, а баща ѝ притежава художествените заложби да рисува и да пише стихове. Зина израства и се оформя като личност в следвоенното време на ранния социализъм – време, изпълнено с редица трудности. Средното си образование завършва в Пловдивската гимназия „Иван Вазов“. През 1959 г. бъдещата историчка за кратко работи в цигарената фабрика „Родопи“, но скоро след това кандидатства успешно за специалност история в Софийски университет „Св. Климент Охридски“.

През 60-те години на ХХ век във Философско-историческия факултет преподават Александър Бурмов, Димитър Косев, Христо Гандев, Туше Влахов, Петър Петров и др. В тези години като асистенти работят бъдещите видни представители на българската историческа наука като Николай Генчев, Александър Фол, Васил Гюзелев, Илчо Димитров и др. Зина Маркова се отличава с нестандартното си поведение и благодарение на него си спечелва негативното мнение на някои от колегите си, и особено на комсомолските ръководители. По време на студентска бригада тя дори е заплашена с отстраняване от университета, поради разпространението на „упадъчен буржоазен морал“. Формираното се у нея отрицателно отношение към съществуващия политически режим се запазва и занапред и по-късно тя участва в основаването на Клуба за гласност и преустройство (03.11.1989) в навечерието на демократичните промени у нас. В първите години от следването си Зина Маркова проявява засилен интерес към археологията, но след това насочва интересите си в областта на Българското възраждане, като немалка заслуга за това има влиянието, което ѝ оказва проф. Христо Гандев. Не е без значение и фигурата на акад. Димитър Косев, който по това време е ректор на университета. Точно той е човекът, който забелязва качествата на Зина Маркова и още в студентските години ѝ възлага задачата да направи цялостно изследване за четата на Хаджи Димитър и Стефан Караджа. По-късно на тази база тя издава и монографията си за четата (вж. по-нататък в настоящата статия).

На 1 януари 1966 г. Маркова е назначена за редовна аспирантка на проф. Иван Унджиев в Института по история към Българската академия на науките. Темата на дисертацията ѝ е: „Главни моменти в развоя на българската църковноосвободителна борба до Кримската война“ – тема, която е успешно защитена в края на 1969 г. Година след защитата на дисертацията си младата изследователка е назначена за научен сътрудник. По това време Институтът по история се е утвърдил като стабилно научно-изследователско звено към БАН и там работят едни от най-качествените кадри по история в България. В ръководената от проф. Иван Унджиев секция „Възраждане“ тогава работят Крумка Шарова, Горан Тодоров, Бистра Цветкова, Николай Жечев и др.

Трудовете на Зина Маркова се основават на широка и стабилна изворова база, всеки детайл в тях е предварително проверен. Творчеството ѝ обхваща шест книги, седем тома с документи и спомени и множество студии, статии, рецензии и отзиви. В съвременната историческа наука трудно се намират контрааргументи на твърдения, изградени от нея. Тя съзнателно избягва излишното теоретизиране и набляга на работата с извори. Още в началото на изследователската си дейност тя публикува за пръв път един важен документ, свързан с темата, по която работи тогава: „Законът на Хаджидимитровата чета“. Работата ѝ с документи продължава и през 70-те години на XX в. Зина Маркова публикува любопитни дипломатически доклади за Бургас и Бургаския регион през Възраждането, които открива в съветските архиви. Тези доклади съдържат интересна информация относно културния и стопанския живот на българите. Малко по-късно съвместната ѝ работа с Елена Стателова води до появата на бял свят на том със спомени за Учредителното събрание в Търново¹. Документален том, в чиито авторски състав влиза и Зина Маркова, е посветен на архива на фамилията Хаджитошеви². Участието ѝ в този том е от важно значение за развитието на изследователката, тъй като по този начин тя участва в първия успешен проект в България за обработване и представяне на подобен обемен семеен архив. Друг съществен проект, в който Зина Маркова участва, е издаването на документална поредица, свързана с българо-руските отношения и връзки в периода 1856–1876 г.³ Нейната работа е съсредоточена около представянето на непубликувана дипломатическа кореспонденция между Министерството на външните работи в Петербург и Руското посолство в Цариград, както и документите, излезли от съответните консулства в българските земи и съседните балкански страни.

Съпругът на Зина Маркова – Симеон Ангелов, е бил български посланик в Париж и това ѝ дава шанса през 90-те години да работи със семейния архив на графовете Дьо Бурбулон. Като един деен човек, тя се възползва от предоставената ѝ възможност и публикува „Български дневници“ на граф Робер дьо Бурбулон⁴. В семейния архив на споменатите графове българският учен попада на документи, разкриващи моменти от ежедневието на дворцовия живот в София по времето на Фердинанд и Борис III. Заслуга на Зина Маркова е и пускането за първи път в научно обръщение на документи от библиотеките и архивите на Москва и Ленинград⁵. Използвани са документи с руски, български, английски, френски и гръцки произход и са проследени основните принципи на официалната руска политика.

Пламен Божинов, научен сътрудник към Института по история към БАН, с интереси в областта на Българското възраждане, новата балканска и европейска история, разграничава два периода в творчеството на Зина Маркова. Първият обхваща времето от 1966–1967 г. до втората половина на 70-те години на XX в., когато основните ѝ занимания са свързани с четата на Хаджи Димитър и Стефан Караджа и църковнонационалното движение до Кримската война. Вторият период е от края на 70-те–началото на 80-те години и продължава до средата на 90-те. Научният интерес на изследователката по това време е концентриран около Екзархията. Със защитата на своето изследване „Българската екзархия 1870–1879 г.“ Маркова получава научна степен „доктор на историческите науки“.

Монографичните трудове на Зина Маркова са събрани в първи том на „Избрани съчинения“, с подзаглавие „Монографии“, издаден от Академичното издателство „Проф. Марин Дринов“ през 2007 г. Първата монография носи заглавието „Българското църков-

нонационално движение до Кримската война“. Първото му издание е направено през 1976 г. от издателството на Българската академия на науките. В периода преди 70-те години на XX в. марксистките историци пренебрегват в известна степен темата за българската църковнонационална борба, защото считат тази тема за достатъчно разработена, от една страна, и, от друга, защото усилията са насочени към проучване на проблемите на социално-икономическото развитие и на национално-революционното движение през Възраждането.

Българският църковен въпрос възниква през втората четвърт на XIX век. Наложеният от османците църковноадминистративен статут на Балканите поставя българите в неблагоприятно положение. Българите, за разлика от останалите балкански народи, които в една или друга степен запазват църковнонародностната си автономия, са лишени в продължение на близо пет века от собствена църковна организация и са били подчинени на чужда църковна власт. Движението за възстановяване на църковната независимост, придобило мащабите на общонародна борба с националнополитически характер, е специфична проява именно на българската национална революция. По своята мащабност това движение е една от най-крупните прояви в българската възрожденска история.

В предговора си към монографията, посветена на църковната борба до Кримската война, Зина Маркова прави обзор на съществуващите до момента изследвания. Списъкът на литературата е значителен, но в центъра на научния интерес стои вторият период от развоя на борбата, т.е. периодът след Кримската война. Началният етап на църковното движение е само откъслечно застъпен в историческата литература. Това обстоятелство дава мотивация на авторката да насочи вниманието си към борбата на българите срещу гръцката църковна власт в периода от 40-те до първата половина на 50-те години на XIX в., като за горна граница приема 1856 г. При проучването си Маркова стъпва на трудовете на Тодор Бурмов⁶, Йордан Георгиев и Иван Снегаров, които разглеждат конфликтите между гръцките владци и населението във Враца и Видин, Петър Ников⁷, Михаил Арнаудов⁸. Зина Маркова работи и с извадки от рапортите на полския агент в Цариград Михаил Чайковски и документи на Неофит Бозвели и Иларион Макариополски за периода 1844–1848 г., което става възможно, благодарение на документалната публикация на Ванда Смоховска-Петрова. Особено полезни за работата ѝ се оказват статиите и студиите на Георги Раковски, отнасящи се до църковния въпрос. В изследването ѝ са използвани и общи трудове върху Българското възраждане на изследователи като Иван Шишманов, Боян Пенев, Христо Гандев и др. Специални благодарности авторката отправя към проф. Николай Генчев, който ѝ предоставя документи, издирени от него във френските архиви, както и на к.и.н. Надя Данова и доц. Васил Гюзелев. Безспорно достойнство на книгата ѝ е, че тя е първият след Втората световна война опит за монографично изследване на движението за църковна независимост на българите до 1856 г. Специално внимание е обърнато на социално-икономическите изменения в българското общество през втората четвърт на XIX в.

В „Българското църковнонационално движение до Кримската война“ основната тема е съсредоточена върху края на българската автокефална църква и на българския народ под властта на Цариградската патриаршия. Отрицателни за Търновската патриаршия се оказват разединението сред българското духовенство и експанзията на Цариградската патриаршия. През втората половина на XIV век започва процес на отпадане на някои епархии от Търновски диоцез и църковният център там постепенно придобива второстепенно значение. Що се отнася до останалите църковни центрове, след смъртта на Стефан Душан през 1355 г. Охридската архиепископия става самовластен авторитет сред населението в Македония и укрепването ѝ позволява отклоняването на църковната експанзия на Сръбската и Цариградската патриаршия. Видинска митрополия е подчинена на Патриаршията – нещо, което било част от стремежа на Иван Срацимир да демонстрира независимост от Търново статут. Унищожаването на Търновската патриаршия става в периода 1416–1438 г.

Тежък етап за Цариградската патриаршия настъпва с превземането на Константинопол през 1453 г. Тя става част от системата на Османската империя, но запазва много от правата си. Така например тя има правото на правораздаване в патриаршеското, митрополитските и епископалните съдилища, притежава законодателна власт главно в областта на частното право, има имунитет по отношение на турската съдебна власт, както и финансово-икономически имунитет. Системата за събиране на данъците от Патриаршията в общи линии бива запазена. Тази институция придобива ръководна роля в сферата на духовно-културния живот на подвластните на османците християнски народи. Зина Маркова характеризира положението на Патриаршията като „държава в държавата“. Тя проследява фискалната дейност на гръцката църковна власт в българските земи, посочвайки, че отношенията между османската власт и Цариградската патриаршия са изградени до голяма степен поради материална изгода. На базата на съществуващите дотогава научни изследвания и пуснатия в научно обращение изворов материал, Зина Маркова проучва данъчната дейност на гръцките архиереи в българските земи през XVII–XIX в. Именно в спецификата на материалните взаимоотношения тя вижда възникналата между българския народ и гръцките архиереи пропаст. По-късно, през втората четвърт на XIX в., при подходящите обществени условия тази пропаст ще прераствне в открита борба на българския народ срещу Цариградската патриаршия. Относно характера на тази църковна институция, изследователката споделя мнението на Петър Ников: „Силна власт, но власт чужда, носителка на чужди идеали, болна или неволна разсадница и крепителка на гърцизма в България, равнодушна, а после и неприятелска към българската идея, език и националност, невежествена, устремена преди всичко към това да изкористи и ограби населението, тая власт не е могла да извика симпатии, а само недоволство, тайно или явно...“.

Търсенето на причините за едно или друго събитие винаги присъства в списъка със задачи на историка. Според Зина Маркова причините за църковнонационалното движение на българите трябва да дирим предимно в развитието на самото българско общество, в комплекса от социално-икономически, политически и идейни изменения, настъпили в него в десетилетията, предшествали поставянето на българския църковен въпрос. Осемнадесети век е векът на Просвещението за Европа и на френската буржоанододемократична революция, появяват се и се разпространяват идеите за националността. През XVIII в. Паисий Хилендарски разказва и ратува за българската църква. Сред останалите балкански просветители също възникват идеи за отделяне от Цариградската патриаршия и изграждането на църковни организации на национална основа. Всичко това оказва силно въздействие върху съществуващата в българските земи атмосфера, а създаването на гръцка автокефална църква през 1833 г. изиграва ролята на пример за следване.

Никое събитие в историята не се случва изолирано от света около него и българският църковен въпрос също има своите външнополитически измерения. Те намират място в посочената по-горе монография на Зина Маркова. Развоят на борбата между българския народ и Цариградската патриаршия зависел от някои външни фактори, които в различни моменти затруднявали или улеснявали църковния въпрос. Още в началната си фаза българо-църковната разпра надхвърлила рамките на вътрешен за Османската империя проблем. Г. С. Раковски дори нарича този проблем „малък източен въпрос“, тъй като по отношение на него се проявила традиционната конкуренция на Великите сили за влияние в Османската империя. Тук били намесени интересите на Русия, Франция, Полша, Англия.

Като тълкувание на термина „църковен въпрос“ Зина Маркова дава следната формулировка – това е въпросът за отхвърляне на властта на Цариградската патриаршия и учредяване на самостоятелна църква. Останалите балкански народи също имат неразбирателства с Патриаршията, но единствено в българските земи конфликтът с нея прераства в продължителна всенародна борба, насочена към признаване на българската нация сред останалите източноправославни народи в Османската империя. Според Маркова не

са основателни твърденията, че църковното движение е плод на външни внушения. Църковната борба е мирен етап на националната революция, тъй като по форма и методи тя е легално движение, основаващо се на редица реформени актове, издадени от турското правителство, и не е пряко насочена срещу османската власт. Напротив, в прошенията и молбите се визира лоялност към султана. В хода на това национално движение авторката вижда средство за натрупване на политически опит и укрепване на националното съзнание. За нея то представлява школа за изграждане и формиране на български обществени и политически дейци, които по-късно ще имат важна роля в дейността за освобождение и в политическия живот на свободна България.

В монографията „Българското църковнонационално движение до Кримската война“ се стига до някои важни заключения по отношение на църковната борба. Църковното движение започва в отделни градски центрове с участието на по-заможните и образовани българи и постепенно се разраства сред по-голямата част от българския народ, включително и сред бедните градски и селски слоеве. Борбата за църковна независимост става всенародна след Кримската война. Но монографията показва, че и преди това църковното движение е по-масово, отколкото се е смятало. През 40-те и 50-те години на XIX в. борбата между гръцките владци се разгаря в по-голямата част от българските земи – Северозападна и Централна България, Северна Тракия, части от Македония и с участието на българската емиграция в Русия и Румъния и Цариградската българска колония.

Друг монографичен труд с важно значение, излязъл изпод перото на Зина Маркова, е „Българската екзархия 1870–1879 г.“. Първото издание е от 1989 г. и е осъществено от издателството на Българската академия на науките (дн. Академично издателство „Проф. Марин Дринов“). С фермана от 27 февруари 1870 г. е възстановена след близо петвековно чуждо църковно господство самостоятелната българска църква (макар и със статута само на Екзархия), която е втората по значение институция с общобългарско значение след държавата. Тази победа е извоювана със собствените сили на народа и е един от най-важните моменти в българското национално битие. До издаването на тази монография към началната история на българската църква не е подхождано като към самостоятелна тема на изследване, а като към заключение, послепис на църковнонационалното движение. Маркова не е съгласна с Петър Ников, според когото в 1872–1873 г. е било постигнато „пълно“ прилагане на фермана с избора на екзарх и като горна граница в изследването си тя приема края на Временното руско управление и влизането в сила на решенията, наложени от Берлинския конгрес. В посочените хронологически рамки авторката се опитва да представи църковната институция на по-широк исторически фон, като отчита различните аспекти на нейното съществуване и функции в живота на възрожденското общество през 70-те години на XIX в. Според нея Екзархията не бива да се идентифицира с централното ръководство, с няколкото личности, които я възглавяват, а да се разглежда като широка, с повсеместно присъствие национална организация. Това нейно схващане се оказва от полза за изграждането на по-пълна и реална представа за същността на Екзархията. Зина Маркова проследява историята на тази институция през 70-те години по две условни линии – като трети етап на църковнонационалното движение и като начален етап в дейността на църковната институция. Тя изтъква, че актът за учредяването на Екзархията едновременно е и не е решение на църковния въпрос или по-точно не е неговото окончателно решение.

Монографията на Зина Маркова е първият опит за цялостно разглеждане на Екзархията. В проучването си тя се опира на биографични изследвания, направени от българския патриарх Кирил, който е първият, използвал по-задълбочено официалната екзархийска документация; на Юбилейния сборник на Църковно-историко-архивния институт към Българската патриаршия по повод на 100-годишнината от Априлското въстание; на трудовете на Петър Ников, Тодор Събев⁹ и др. Историята на Екзархията до 1879 г. е в периферията на изследователския интерес и в тази връзка Маркова изтъква, че историческата ни наука е длъжна на темата „Екзархията през 70-те години“. Отчитайки това, самата тя се заема с изплащането на този „дълг“.

Учредяването на Екзархията е постижение на утвърждаващата се българска нация. Във фермана тя е проектирана като полусамостоятелна църква със значителна автономия. През есента на 1872 г. с настъпилата схизма елементите на подчиненост на Цариградската патриаршия стават неприложими. В същото време напълно реална е зависимостта на Екзархията от гражданската власт, която се проявява при утвърждаването на екзархийския устав и назначаването на избраните екзарх и митрополити чрез султански берати. Учредяването на Екзархията е акт с безспорно значение, но ферманът има формален характер, тъй като е издаден без съгласието на Патриаршията. Затова от този момент нататък най-важен става въпросът за действителното му прилагане.

В началните глави на монографията Зина Маркова коментира народно-църковния събор от 1871 г. и екзархийския устав. Тя потвърждава съществуващото в литературата мнение, че екзархийският устав е с либерален дух и предвижда напредничави и демократични учредения и наредби. Уставът по своята същност е стъпка напред за българската законотворческа мисъл и част от развитието на православно управленско законодателство изобщо. Той обаче не може да бъде пълноценно реализиран на практика, поради различни промени, настъпили в развитието на българската историческа съдба. От особено значение е фактът, че за пръв път в многовековното съществуване в рамките на Османската империя е създадена и официално призната от властта една общобългарска институция. Българите получават възможността да изградят основите на управлението на своето духовно ведомство. Зина Маркова оценява съставянето на екзархийски устав като начало на българската законодателна дейност в новото време. Тя открива прилики в поведението и вижданията на народните представители, присъствали на Народно-църковния събор и Учредителното събрание от 1879 г. в Търново. Обект на интерес е и схизмата от септември 1872 г. между Екзархията и Патриаршията. Периодът до средата на 1873 г. е един от най-напрегнатите за младата българска църква, тъй като тогава тя е изправена пред враждебността на Цариградската патриаршия и нелоялността на турското правителство. Въпреки това ръководителите ѝ, и особено Антим I, показват устойчивост и последователност в отстояването на извоюваните права. В изследването на Зина Маркова присъстват и вътрешните конфликти и противоречия. Тя разглежда двете основни течения – на умерените и крайните, възникнали вследствие на различни мнения по въпроси като териториални граници на Екзархията, местоположение на седалището, външнополитическа ориентация и др.

Не всички територии, населени с българи, влизат в диоцеза на Българската екзархия. Член 10 от фермана за учредяването ѝ се отнася до т.нар. спорни епархии и на негова основа българите от тези епархии бързат да докажат своето мнозинство чрез подписи под специално съставени махзари. Зина Маркова различава три категории спорни епархии. Към първата група принадлежат Скопска, Поленинска, Охридска, Пелагонийска и Неврокопска епархии и характерно за нея е наличието на упорито и продължително движение за присъединяване към екзархийския диоцез. Втората група включва епархии, в които движението започва сравнително по-късно и има ограничени постижения през доекзархийския период, но е сигурно свидетелство за българския характер на съответните територии. Към тази група принадлежат Воденска, Струмишка, Мелнишка и Серска епархии. Третата група спорни епархии, представена от Мъгленската, Костурската и Дебърската, се характеризира с ограничени и спорадични прояви до издаването на фермана. Правейки обзор на църковнонационалното движение в Македония до 1870 г., Зина Маркова стига до извода, че с някои изключения (Скопска и Поленинска епархии), то започва по-решителните си стъпки през 60-те години на XIX в. – нещо, което се наблюдава и в други периферни земи като Добруджа, Причерноморието и Одринска Тракия. Тя спира вниманието си и на появата на термините „македонизъм“ и „македонски въпрос“, които възникват именно през 70-те години, за което спомагат впечатленията на П. Р. Славейков и унгарския консул в Призрен Липих, който пише: „Скопските българи започват да се считат като един македонски откъслек от цялата нация, отделен от собствено дунавските българи“.

Авторката отбелязва, че през 1870-те години съществува борба между Екзархията и Патриаршията не само по отношение на спорните епархии, но и в райони, поименно посочени във фермана като части на българския църковен окръг (например Варна, Пазарджик, Русе и др.). Не навсякъде екзархийската власт се установява безпрепятствено, тъй като на много места живеят привърженици на Патриаршията, които ожесточено се борят за своите интереси. Освен това ферманът бива нарушаван нееднократно и от самата турска власт. До 70-те години на XIX в. борбата за отхвърляне на зависимостта от Цариградската патриаршия и присъединяване на спорни територии към българската църква постига частични резултати – разпространяване на българското богослужение, български общини, увеличаване на броя на българските училища.

Важен аспект е този, свързан с начина на управлението на Екзархията. Особено необходимо е признаването на българската национална общност чрез официалното ѝ присъединяване към екзархийските рамки, тъй като в противен случай се създават реални предпоставки за откъсването или претопяването на части от българското население. Опасността за дезинтеграция на българската общност е действителна, тъй като националните доктрини на съседните на българите страни са особено агресивни в този период и гръцките институции провеждат целенасочена асимилаторска политика. В края на разглеждания в монографията период Екзархийският диоцез включва 16 епархии в географските рамки между Дунав и Стара планина, в Северна Тракия и частично в Македония, като чрез проведен плебисцит са добавени и Скопска и Охридска епархии. Осъществени са добри връзки между митрополитите на епархии и екзархийската управа. Както Зина Маркова отбелязва, „чувства се стремеж към търсене на колективното мнение“, което е от полза за управленския и административен опит на българите. Тя спира погледа си върху машинациите около смяната на българския екзарх не само защото е важен за самата институция момент, но и защото добре показва зависимостта на църквата от правителството и грубата намеса на Високата порта във вътрешните, формално автономни сфери на православните институции. Според чл. 4 от фермана председател на българската църква се избира след предварително получено съгласие от султана. Такова съгласие е дадено на 11 февруари 1872 г. Уреждането на подобни важни проблеми, както и на такива, касаещи ежедневието, в крайна сметка зависят от разрешение или одобрение от страна на Високата порта. Четейки протоколите, свързани с Екзархията, Маркова се учудва от формализма и бюрокрацията, с които се е сблъсквало екзархийското ръководство всеки ден. Впечатление прави и корумпираната система. Макар че има недостиг на средства, в документите на Екзархията винаги присъства перото „бакшиши“. Акцент е поставен и върху финансовото състояние на българската институция, по повод на което изследователката пише: „Беден е българският народ, бедна била и църквата му. А бедността, както някой бе казал, не е грях, но не е и предимство. Тя води до потиснатост, до отсъствие на самочувствие, до примиряване със съдбата на несвободен, на зависим“.

Зина Маркова разглежда Екзархията като един нов етап в българското самоуправление. Тази институция има редица достойнства в качеството си на официално признат от османските власти орган. Епархийските, казалийските и махалийските съвети съчетават традицията и новото, постигнато по силата на църковнонационалната борба. Екзархът и митрополитите са посредници между властта и населението и по същество се проявяват като защитници на българите по отношение на насието и произвола, като правото на защита е регламентирано в документи, издадени от самата Османска държава. Екзархията има важно значение за развитието на възрожденската ни култура и просвета. С нейното съдействие значително се разраства мрежата от български училища. В монографията е изтъкнат още един много интересен факт – една църковна по своята същност институция спомага за светския характер на новобългарското образование. Екзархийските представители на практика действат повече като реформатори и просвещенци.

Не всичко върви безпроблемно за Екзархията. Османската бюрокрация създава редица трудности за развитието на просветата през 70-те години на XIX в. В стремежа си към обективност, Маркова изтъква и някои от минусите на българската институция, като по този начин не пропуска да представи и другата страна на монетата. Емигрантските

дейци критикуват действията на Екзархията. В нападенията си те не отчитат много от съществуващите фактори, но въпреки това в твърденията им се съдържа доза истина, тъй като не във всички епархии архиереите подхождат с нужната сериозност към проблемите.

Дискусионен момент, свързан с Екзархията, е нейното отношение към революционноосвободителното движение. Има две основни противоположни мнения в тази посока. С. Дамянов¹⁰ дава негативна, крайна оценка. С обратен знак е оценката на Т. Събев¹¹, който изтъква аргументи за неиздържаността на горната теза и макар да подхожда с пристрастие, въвежда нови факти в дискута. Във връзка с този въпрос проф. Зина Маркова изтъква, че е необходим подход, отчитащ същността и характера на Екзархията и целите, които тя си поставя. Екзархията възниква като легална институция и това предполага, че средствата, които ще използва за постигане на поставените задачи, също ще са легални и съобразени с османската власт. Екзархистите по принцип са привърженици на еволюционализма и не приемат въоръжената борба и революцията като метод за извоюване на победи. Маркова посочва, че въпреки тези си убеждения, Екзархията не е против действията на революционерите, симпатизира им, но официалната ѝ позиция няма как да бъде различна от заявената по обясними причини.

В заключителната си оценка за Екзархията Зина Маркова споделя мнението, че тя води правилна и съобразена с традициите политика в областта на просветно-културното дело. Екзархийската институция има водеща роля за националното обединение и развитието на националната идея и се превръща в символ на победата на българите в дългата и трудна борба с Цариградската патриаршия. „Школа за натрупване на управленско-административен, общественически и политико-дипломатически опит“ е определението, което изследователката дава на общобългарската институция, с което кратко, точно и ясно маркира основните функции, които изпълнява Екзархията, и значимостта, която тя има за развитието на българската нация. Изследването на Зина Маркова, посветено на Екзархията, е с особена значимост, защото в центъра му е поставена една от първите общобългарски институции на новото време. Проследяването на развитието ѝ е важно за разбирането на последвалите процеси в българското общество и начина на мислене на институционално равнище.

Зина Маркова посвещава монографичен труд на четата на Хаджи Димитър и Стефан Караджа, озаглавен „Четата от 1868 година“ и излязъл на бял свят през 1990 г. Двайсетина година преди появата на този труд изследователката публикува малка книжка на същата тема: „Четата на Хаджи Димитър и Стефан Караджа“. Тя представлява опит да се обхванат най-съществените страни на четата – подготовка, състав, действия, отражение, в контекста на освободителното движение през 50-те и 60-те години на XIX в. и на фона на международната ситуация във връзка с Източната криза. Изследването от 1967 г. обобщава дотогавашните постижения на историографията. Тази публикация дава тласък на нови проучвания по темата и осмисляне на ролята и значението на четническата инициатива като част от цялостното развитие на революционноосвободителното движение. В монографията „Четата от 1868 година“ по-подробно са разгледани онези моменти, във връзка с които е възможно да се поднесат нови сведения и идеи. Такива например са моментите около подготовката и организацията на четата, за обстановката в Европа и на Балканите, за несъгласието между Великите сили по отношение на това как трябва да се реагира на българската проява, за отношението на българската общественост към четата. По-лаконично е представен бойният път на бунтовниците. Зина Маркова отбелязва, че трудът ѝ не е изчерпателна история на Хаджидимитровата чета, а има за цел да подтикне към по-нататъшни изследвания.

В монографичния труд на Маркова са представени разсъждения, свързани с подготовката и организацията на четата на Хаджи Димитър и Стефан Караджа. В случая става въпрос за по-широка и масова акция в сравнение с предишни чети. Авторката оспорва мнението, намерило израз в по-старите съчинения, че това дело дължи осъществяването си основно на своите водачи. Според нея за добрата подготовка на четата значение имат

ред еднакво важни фактори: неколкomesечната усиленa работа на войводите и техните съмишленици, готовността на революционнo настроените емигранти да участват в предстоящата борба и сравнително широката обществена подкрепа на емиграцията в Румъния. Щo се отнася до самия замисъл на революционерите, Зина Маркова посочва, че това е събитие, което символизира една воля, една сила, един подвиг. Тя изразява възхищение от факта, колкo различни личности и съдби са събрани от една идея и колкo разнообразни характери са слети в едно цяло в името на общата цел.

Броят и съставът на четата са въпроси от съществено значение, на които много изследователи се опитват да намерят отговор. В различни източници числеността на четниците е 124, 125, 128 души. Панайот Хитов изброява 110 души, а Христо Македонски е категоричен, че точният брой е 128. Според Зина Маркова въпросът все още остава открит. В приложения към изследването ѝ списък на четниците са посочени 125 души, като са дадени и кратки биографични данни за тях. Разбира се, съдържанието на изследването включва и биографични сведения за водачите на четата. Хаджи Димитър и Стефан Караджа започват своето служене в името на народа като хайдути, а по-късно двамата заедно представляват „сполучливо съчетание за съвместна работа, изпълнена с много опасност и риск“. Сред хората в четата се открояват личности с немалък обществено-политически опит и с ясното съзнание за делото, на което се посвещават. Но не е възможен точният анализ на социалния състав, тъй като за повечето четници липсва необходимата информация. Това, за което има сведения, е, че от 33 четници 27 произхождат от занаятчийско-търговски семейства. Известно е също така, че по-голямата част от четниците са родени в градове като Копривщица, Котел, Елена, Дряново и др., които са изявиени за времето търговски и занаятчийски центрове. По отношение на опитността на участниците в четата, се наблюдава наличието както на четници, сражавали се за първи път, така и на такива, които имат богат боен опит зад гърба си.

В края на юни 1868 г. пригoтовленията в общи линии са привършени. Четата стъпва на българска земя през нощта на 6 срещу 7 юли. Преминаването ѝ през Дунава не остава незабелязано от османските власти и по следите ѝ е изпратена потеря. Зина Маркова разглежда тактиката на четата по време на сраженията. Налице е добра преценка на терена. Кориите, в които се разполага бойната дружина по време на първите три битки, са на височини, което дава възможност за добър поглед и обстрел. Най-често четниците прибягат до кръгова отбрана. Прикриват се зад саморъчно издълбани окопи и изразходват мунициите си предпазливо. Обикновено изчакват неприятелят да открие стрелбата, след което по команда стрелят съсредоточено и залпово. С умела тактика се отличава и начинът, по който четата се оттегля от полесражението. Четниците са наясно, че откъм страната на Балкана най-често се поставят охранителни постове и, използвайки обходен маньовър, се отправят на север, заобикалят ги, след което поемат на юг. Въпреки всички качества на четата, по-многобройният противник надделява и разправата с разбунтувалите се българи от страна на „властта, бруталната власт“ е безмилостна. В изследването на Зина Маркова може да бъде открита информация относно този момент от съдбата на четата на Хаджи Димитър и Стефан Караджа. Основавайки се на различни документи, авторката проследява действията на Мидхат паша, за когото целта не била справедлива присъда, а даване на пример за назидание.

Изследователката отделя място в монографичния си труд за международния отзвук от действията на четата от 1868 г. и на начина, по който тя била възприета в българското общество. Бунтовническите начинания на обединените под знамето на Хаджи Димитър и Стефан Караджа е прието като продължение на започналата с Критското въстание криза (1866–1869) и получава широк отзвук на Балканите и в Европа. В различните дипломатически доклади прозира отношението на Великите сили спрямо българското националноосвободителното движение. Последната част от монографията е озаглавена „Безсмъртието“ и изборът на това заглавие съвсем не е случаен. Нежеланието да се приеме гибелта на борците за свобода води до раждането на легенда за безсмъртието на Хаджи Димитър и Стефан Караджа – явление, което Зина Маркова определя като „плод

на тънкия поетичен усет на нашия народ“⁴. На подвига на четата са посветени редица стихотворения, народни песни и публикации в периодичния печат. Това прави силно впечатление на Великите сили, които започват да осъзнават настъпващите в българската провинция на Османската империя промени.

Със своята последователна и особено задълбочена мисъл, взискателен поглед в изворите и вникване в детайла, Зина Маркова оставя след себе си значими трудове, които заемат своето достойно място в редиците на историческите изследвания. Борбата на българите за политическо и духовно освобождение е изворът на вдъхновение за нея и като резултат от него българската историческа наука се сдобива с ценни монографии, посветени на конкретни прояви на четническото движение и на църковноосвободителната дейност. Трудовете на Зина Маркова – тук разгледаните и не единствено те – са значими не само от гледна точка на сериозността на написаното в тях, но тяхно достойнство е и откриването и маркирането на проблеми, подлежащи на бъдещи проучвания.

¹ Спомени за Учредителното събрание от 1879. Съст. Елена Стателова, Зина Маркова. С., 1979. Анализирани в статията съчинения са според публикациите в: *Маркова, З.* Избрани съчинения. Т. 1–2. С., 2007–2008. За жизнения и творческия ѝ път срв. *Sine Ira Et Studio*. Изследвания в памет на проф. Зина Маркова. С., 2010.

² Семейен архив на Хаджитошеви. Т. 1 (1751–1827). Съст. Кирила Възвъзова-Каратеодорова, Зина Маркова, Елена Павлова-Харбова, Васил Харизанов. С., 1984.

³ Русия и българското националноосвободително движение 1856–1876. Документи и материали. Т. 1, ч. 1. С., 2003.

⁴ Граф дьо Бурбулон, Р. Български дневници. Съст. и научна редакция проф. Зина Маркова. С., 1995.

⁵ Русия и българския църковнонационален въпрос 1856–1864. С., 1984.

⁶ *Бурмов, Т.* Българо-гръцката църковна разпра. С., 1902.

⁷ *Ников, П.* Възраждане на българския народ. Църковнонационални борби и постижения. С., 1971.

⁸ *Арnaudов, М.* Иларион Макариополски и българският черковен въпрос. С., 1925.

⁹ *Събев, Т.* Учредяване и диоцез на Българската екзархия. С., 1973.

¹⁰ *Дамянов, С.* Православната църква и българската национална революция. – В: *Православието в България*. С., 1977.

¹¹ *Събев, Т.* Българската православна църква и националноосвободителното движение. – В: *Априлското въстание и българската православна църква*. С., 1977.

НЕОТЪПКАНИЯТ ПЪТ НА ВЕРА МУТАФЧИЕВА

И. Николова

Николова, И. Неотъпканият път на Вера Мутафчиева

Статията разглежда първите стъпки на Вера Мутафчиева като историк и като писател. По-конкретно авторът се спира на двете ѝ дисертации – „Аграрните отношения в Османската империя през XV–XVI век“ и „Кърджалийско време“, и на първите ѝ романи – „Летопис на смутното време“ и „Случаят Джем“. Уповавайки се на подбрани моменти от личния живот на академичка, статията щрихира факторите и причините зад професионалните избори и убеждения на Вера Мутафчиева.

Ключови думи: В. Мутафчиева, историк, османист, XX век.

Николова, И. Непроторенный путь Веры Мутафчиевой

Статья рассматривает первые шаги Веры Мутафчиевой как историка и писателя. Более конкретно автор анализирует две диссертации В. Мутафчиевой – „Аграрные отношения в Османской империи XV–XVI веков“ и „Кырджалийское время“, а также её первые романы – „Летопись смутного времени“ и „Дело султана Дজেма“. Отгалкиваясь от отдельных моментов личной жизни академички, статья проливает свет на факторы и причины, которые стояли за профессиональным выбором и убеждениями Веры Мутафчиевой.

Ключевые слова: В. Мутафчиева, историк, османист, XX век.

Nikolova, I. Untrodden track of Vera Mutafchieva

The article examines the first steps of the Vera Mutafchieva as a historian and writer. More specifically, the author analyzes the two theses by V. Mutafchieva – “Agrarian Relations in the Ottoman Empire in the 15th–16th centuries” and “Kyrdzhalysko time”, as well as her first novels – “Chronicles of the Time of Troubles” and “The case of Sultan Djema”. Based on the individual moments of private life of the academician, the article shows the factors and causes that were for the professional choice and beliefs of the Vera Mutafchieva.

Keywords: V. Mutafchieva, historian, osmanist, the twentieth century.

„Родих се на 28 март в 9 часа и пет минути. През месеца на Марс, в деня на Юпитер, в часа на Венера...“, пише акад. Вера Мутафчиева за себе си в спомените си. Годината е 1929, а родителите – Надя и Петър Мутафчиеви. Баща ѝ – Петър – е знаменитият „знаков, но забравян“ български византист, обичан професор по история на Византия в Софийския университет „Св. Климент Охридски“, известен с двутомната „История на българския народ“ (1943). Майка ѝ – Надя – е основният възпитател на Вера и брат ѝ Боян (р. 1932 г.). Докато Петър, чийто усмивки дъщеря му „помни под брой“, прекарва почти цялото си време в кабинета (у дома или в университета), работейки усилено, Надя е вкъщи, често притеснявайки се, че е родила „дивак“. Детството на Вера преминава бурно, тя самата се определя като „енергийна централа“. Често пъти я водят извън София, главно на планина. Това изгражда и оставя у нея една неистова любов към пътуването, която ще я държи здраво до края на живота ѝ. Още едно нещо, което ѝ е останало от ранното предучилищно детство, е любовта към книгите и четенето, ръководена изцяло от безкрайното ѝ любопитство. Чете в тайна, много подходящи и неподходящи за възрастта си книги.

Лудото безгрижно детство не преминава и без перипетии. От една страна, физически – през лятото на 1932 г. ѝ е поставена диагнозата коремен тиф; през 1942 г. е оперирана от тумор в бузата; през зимата на същата година – пък и от апендисит; на всичкото отгоре ѝ откриват и сърдечен порок. От друга, емоционални – на 2 май 1943 г., когато Вера е едва на четиринадесет години, от рак умира Петър Мутафчиев, само на 59 години, оставяйки зад себе си две невръстни деца и една вдовица. При това положение Вера трябва да започне работа, за да подпомага семейството си. През следващата 1944 г. семейство Мутафчиеви са принудени да бягат от София покрай бомбандировките и са в изгнание почти цялата година. Може би всички тези житейски и здравословни трудности са я калили, направили са я по-смела в начинанията, по-дръзка в мислите.

През 1947 г. Вера Мутафчиева завършва Първа девическа гимназия в София, класически профил, където изучава древногръцки и латински. В училище е отличничка, но не го обича особено, скучно ѝ е. Извън училище учи езици – немски и френски, а тайно започва сама да се учи на италиански. Английският така и не научава, той остава „пролука в образованието“ ѝ. Казава, че не помни да е употребила труд за изучаването на нов език. Колкото до висшето образование и избора на специалност, докато Вера се колебае между архитектура, биология и физика, а от кариерен център ѝ заявяват: „Ставате за всичко“, майка ѝ недвусмислено обявява, че Вера трябва да учи история. Разбира се тя решава: „...Аз ще бъда какво да е, но в никой случай историчка“. В кандидат-студентските си документи все пак вписва история на трето място „за всеки случай“ и това я записва впоследствие, влизайки втора по успех във висшето училище.

Досегът ѝ с историята не е значителен към времето на влизане в университета – като дете разлиства дебелия томове на баща си от чисто любопитство, впоследствие помага чрез набиране на текст с изготвянето на „История на българите“. Всеки случай, ако през 1947 г. е била на вълна „историчка – никога“, то през 1951 г., когато завършва с отличие специалност история, чака с нетърпение да си вземе дипломата, за да постъпи на работа като асистент в Ориенталския отдел на Народната библиотека „Св. св. Кирил и Методий“. Причините за тази рязка промяна могат да се търсят в няколко посоки – чистата практичност, черта, характерна за Вера, и чистата случайност покрай изучаването на един нов за нея език.

Сама признава, че идеята да изучи толкова трудния и толкова непопулярен османотурски ѝ е дошла насън. Всъщност нейното увлечение е по Изтока като цяло, османската история избира поради „липса на по-добро“. Докато е в университета, успява да изучи османотурския. Това ѝ осигурява и първата по-сериозна работа в Народната библиотека. Разбира се, в началото си е чист чирак, чак след завършването си става асистент в Ориенталския отдел, където работи до 1955 г. Веднага е „обладана от силно стремление“ да стане „не просто османист, а много добър, компетентен, ама световен османист!“. Още през 1952 г. завършва първото си изследване, занимаващо се с войнуците (дотогава „войнгани“, както ги е нарекъл Йордан Венедиков) със заглавие „Към въпроса за положението на войнушкото население“². Статията е публикувана в годишника на Народна библиотека. Към абсолютно неизследвания проблем за войнуците и другите специални категории рая Вера ще се връща допълнително през научната си кариера. Още тук е явен нейният афинитет към неизследваното, тя обича, за разлика от толкова други, да върви по „неотгъпкания път“³ и най-малкото благодарение на това прави едни от първите наченки и важни открития в цяла една историческа епоха в родната история. В библиотеката трупа опит и познание по различни проблематики, но не и достатъчно финанси за издръжка на цяло домакинство. Това я принуждава да работи допълнително на няколко места, но е показателно, че никога не се отказва от усърдната работа по историческите въпроси. Това вече е призвание. Или поне така изглежда.

През 1955 г. след нелек конкурс става аспирант в Института по история при БАН. Още на входа ѝ се заканват, че дисертация няма да напише. Може би би било невинно да се предположи (но това не изключва евентуалната истинност на едно такова твърдение), че инатът и желанието ѝ да върви срещу течението не само в науката, но и в живота, са част от движещите сили, които я оформят и утвърждават като учен. След няколко неуспешни опита да си намери научен ръководител, я поема Александър Бурмов, професор, познат ѝ от университета. Той ѝ предлага темата, върху която ще бъде нейната дисертация, а именно – „Феодалната рента в Османската империя XV–XVI в. с оглед на нашите земи“ (1958). Бидейки практичен, Бурмов търси с какво да попълни лекционния си курс, а както вече бе споменато, периодът на османска власт и по-специално XV–XVII век са абсолютно бяло поле, чакащо „някоя си“ Вера Мутафчиева да го оцвети. Самата Вера се радва от пълната неизвестност на темата си и започва веднага да пише и ще има да пише чак до защитата си през 1958 г. Докато изготвя дисертацията си, публикува и няколко студии. Една от тях е свързана с османските държавни доставки, първоначално отхвър-

лена и чак след като е излязла в СССР (1958), бива публикувана в България (1960). Друга – с цифлиците, публикувана в „Исторически преглед“ през 1958 г., преведена на гръцки и румънски. Тези преводи дори на най-първите ѝ произведения са показателни за нивото на балканските османисти изобщо. Те носят със себе си повече проблеми за автора, отколкото признание, но показват наличието на талант и задълбочено познание у аспирантката.

Колкото до самата дисертация, Вера се шегува, че „за пръв и последен път в дългия си професионален труд се радвах на пълно мнозинство“. Защитата е успешна и тя започва работа като младши научен сътрудник. „Феодалната рента в Османската империя XV–XVI в. с оглед на нашите земи“ с основание може да се окачестви като първия ѝ по-сериозен исторически труд. В него за първи път някой разделя събираните данъци от спахии и държава, за първи път се изчислява производството до точност (заради характера на регистрите това е възможно, просто не е имало кой да го направи), изобщо – „новаторски“⁴⁴ труд. Самият Бурмов, нейният научен ръководител, я окачествява като пълна с идеи и забелязва, може би пръв, потенциала ѝ. Със стопанска тематика ще се занимава още, което е обяснимо не само заради конкретното време, в което живее и твори, време, когато икономическата история е на почит и е най-актуална за изследване (тук могат да се споменат някои знаменити имена като Бистра Цветкова, Страшимир Димитров, Константин Косев, Христо Гандев и др.), но и поради характера на изворите, с които разполагаме и с които работят османистите, в това число и самата Вера Мутафчиева. Освен това тя не е историк, чийто изследвания остават статични – връщането към една и съща проблематика е характерно за научната ѝ дейност. И така преди да навърши тридесет години, Вера Мутафчиева поставя едно достойно начало на историческата си дейност.

В годините между 1959 и 1963, когато е младши научен сътрудник в Института за история при БАН, пише един от най-известните си трудове – „Аграрните отношения в Османската империя през XV–XVI век“. Монографията излиза през 1962 г., когато Вера е само на тридесет и три години. Това е един изключително зрял труд, който все още се използва като основно учебно пособие от студентите, занимаващи се с османска история. Трудно е възприета у нас заради многото болезнени митове, които отрича, но очевидно става дума за сериозен труд, като се има предвид, че е преведена на английски, гръцки, руски, унгарски и грузински език. В този момент е видно едно от първите предизвикателства, които Вера Мутафчиева поставя пред българите, очаквайки, че те са готови за тях. Освен „Аграрните отношения в Османската империя през XV–XVI век“ в споменатите години на начално професионално пребиваване в БАН отпечатва две студии за вакъфите, пише за така омразните ѝ за учене ранни въстания, успява да разбули някои митове за ислямизацията (известните сведения на Методи Драгинов и поп Петър по повод насилственото ислямизиране), студията ѝ за Чепинско излиза през 1965 г., по въпроса с поп Петър не се наема да публикува откритието си. Обобщително може да се каже, че Вера продължава да работи все с характерния за нея хъс към непозната тематика. Това е и първият ѝ сблъсък с така любимото ѝ демитологизиране на дадена проблематика – пореден елемент на „неотъпкания път“.

Първата половина на шейсетте години са повратно време в живота на Вера Мутафчиева. В научната сфера се решава да напише докторска дисертация на тема по неин избор, избира си периода, наречен „кърджалийство“. Тя проявява отявлен интерес към темата още от по-рано, доказателство за което е студията „Феодалните размирици в Северна Тракия през края на XVIII и началото на XIX в.“ (1962), написана за сборник в чест на Паисий Хилендарски. Това е една от онези характерни за нея теми, абсолютно непозната дори на учените. През януари 1964 г. пък Вера преустановява заетостта си в Института по история и се мести в новосъздадения Институт по балканистика, където завежда секция „Балканските народи през епохата на османския феодализъм и националнореволуционните движения“. Там ще остане чак до 1978 г. В личен план ѝ се случва една истинска трагедия: през 1963 г. брат ѝ Боян бяга във Франция. На практика Вера губи брат си за десетилетия напред. За човек, възпитаван в устоите на традиционното

сплотено патриархално семейство, тези загуби на членове на семейството ѝ се отразяват пагубно. И ще продължат да ѝ се отразяват и при загубата на майка ѝ, и при смъртта на едната ѝ дъщеря Яна.

Третото нещо, което завинаги ще я промени, е „свърхоткритието“⁴⁵ на живота ѝ – писането. Когато се решава да стане доктор на историческите науки, започва да се замисля за оттегляне от османистиката, иска ѝ се по-свободно поприще, където никой не е ограничаван от „формули и идеологеми“, нито е вечен длъжник на изворите. Открива, че освен че ѝ се отдава писането, то е един вид отдушник (тя дори го нарича „терапия“). Майка ѝ трудно понася вестта, че дъщеря ѝ смята да изостави науката, и гледа скептично на подобно дръзко начинание. През 1964 г. Вера завършва първия си роман и открива второто си призвание.

Докато в е Института по балканистика, се захваща с няколко по-големи проекта, освен дисертацията. Първоначално подхваща аянството, тясно свързано с кърджалийското време. През 1964 г. с нейно участие излиза първи том на поредицата „Гурски извори за българската история“. Има намерение и за изготвяне на биографичен труд за Петър Парчевич, който така и не успява да реализира, заради проблеми с ватиканския архив, въпреки че специално е пратена в командировка в Рим. Друго нейно начинание е и сборникът „Румелийски празници и делници от XVIII в.“: хрумва ѝ това да е колективен труд и така и става – в него участват единадесет други учени и той вижда бял свят през 1978 г. В него са представени документални откъси от документи от българските земи, пътеписи, дипломатически доклади и фолклор. През 1972 г. пък излиза „Процесът 1873“, съдържащ скандална информация за съдебния процес на Васил Левски. Покрай „Процесът“ се наблюдава първият Верин подбор на по-изследвана тематика. Нима има специалист по османския период, който да не се е занимавал с Левски?

Работата по дисертацията се оказва много, Вера трябва да издирва документи, да ги подрежда, да ги осмисля и чак тогава да пише. Никак не е чудно, че ѝ отнема толкова много години да я завърши. В старанието си да е прецизна, изписва цели три варианта на „Кърджалийско време“. В крайна сметка през 1978 г. става доктор на историческите науки, защитавайки „Кърджалийското време“ (1977). Това е един от най-значимите ѝ трудове не само като изследовател на османската история, но и като на балканист. С подробно изучаване на изворите Вера Мутафчиева съумява да подреди хаоса, който е представлявал втората половина на XVIII век. Тя за първи път ясно обяснява, подрежда и периодизира сложната материя на периода, неясна дори на учените. Това е един от трудовете, уплътнили тезата, че българското Възраждане води началото си от осемнадесетото столетие, а това не е малко постижение. Даже пише първия си роман, вдъхновена от периода. Преди „развода по взаимно съгласие“ с Института по балканистика обаче, изпод „перото“ на Вера излиза още едно произведение – „Книга за Софроний“ (1978). Софроний Врачански, може би най-интригуващата личност от периода на ранното Възраждане, е в полезрението на Вера от няколко години. Тя се чувства длъжна да опише живота му и в крайна сметка излиза с увлекателно написана изцяло нова визия за него. Тази книга бележи и първите ѝ стъпки в биографичното писане.

С „Книга за Софроний“ приключва „венецуелският сериал“ (както на шега нарича Вера Мутафчиева научната си кариера). На 49 години, с две деца и два брака зад гърба си, тя решава да се отдаде изцяло на второто призвание – литературата. За двадесет и три години тя постига повече, отколкото някои историци за целия си живот. Може да се каже, че върви в две основни посоки: разработване на изцяло неизследвана дотогава проблематика и оборване на митологеми. Това ѝ докарва множество овации и главоболия.

От една страна, е най-често критикувана, че съчувствала на „поборителя“ и защитавала османския режим, някои по-крайни елементи я наричат направо „туркофил“. „Кърджалийско време“ е един от най-признатите ѝ трудове. Самата тя също го оценява високо и това личи ясно в едно нейно изследване, свързано с писания на френския българист Бернар Лори. Прави впечатление начинът, по който тя брани собствените си постижения и остро критикува тезите на Лори, като, разбира се, всеки нейн аргумент е

наситен с конкретни факти. Французинът свободно си критикува българската историопис – какво направила и по-точно какво не е направила, отсреща Мутафчиева разяснява за очевидните пропуски в неговите познания за българската историография, отваря дума и за някои неточности във френската, прави невъобразими паралели с Френската революция. Тук Вера е във вихъра си – смела, дръзка, без страх от липса на признания. Друго, в което бързат да я винят, е плагиатство. (Така става като човек има 500 страници продукция на година! Лично аз не си обяснявам как е успяла да се омъжи два пъти, да пише романи и монографии и да гледа две деца едновременно.) Много учени правят открития, които после техни колеги си приписват за заслуга (пример, конкретно свързан с Вера, може да се даде с разкритията ѝ, че сведението на поп Петър за насилствената ислямизация е късен фалшификат).

Така или иначе, нейната основна цел е да убеди читателя в съжденията си. Не избягва споровете и дебатите, винаги е готова да се аргументира по всяко едно становище, което е изложила. Дори напротив, понякога си мисля, че има идеята да ги предизвика още, докато пише по даден проблем. „Хващах постановка и излизах с конкретно, документирано и аргументирано ново мнение по проблема“, признава самата тя. Любовта към споровете е важно качество, желано от всеки историк, включително и за балканския османист. Много учени прибавят до субективност за периода, страх ги е да не нахърнят крехката читателска психика, да не нахърнят нечие самочувствие. Вера Мутафчиева не принадлежи към тази група. Тя никога не се страхува да нарече нещата с истинските им имена. Винаги е такава в писането си, а и в живота.

Към 1979 г., докато Вера все още е в Института по балканистика, има издадени седем романа! Най-първият от тях, когато тя все още неуверена (първата реакция на авторката, като разбира, че първият том е одобрен за публикация, е „Грешка имаше“) се пуска по течението на „незадължителността“⁶, е „Летопис за смутното време“. Издадени през 1965 и 1966 г., първите крачки в писателството носят популярност на Вера сред литературни среди и сред неочакваната от нея широка публика. „Летописи“ върви ръка за ръка с „Кърджалийско време“. Ако се приеме, че научното изследване поставя рамките на периода и е плод на интересите на високата наука, то романът по-емоционално и достижимо за човека разказва за живота на хората. В него Вера пише всичко, което не е успяла да изкаже и докаже чрез строго научен метод. По-късно решава да ги събере в един том на избраните си произведения, което естествено е крайно логично. Уникулността в нейното творчество е именно тази нестандартна симбиоза между факти и разсъждения, представени по увлекателен за всеки начин.

Следващият ѝ роман е издаден още на следващата 1967 г., това е „Случаят Джем“. За Джем султан всеки османист знае, разбира се, но увлечението на Вера по него води началото си от нейната специализация в СССР. Докато е там, се натъква на „Джем султан според архив на Ватикана“ на Тхуасне. Веднага след одобряването от издателство на втория том на „Летописа“, заетата Вера вече трескаво пише „Джем“. Тя нарича брат си „повод за появата на Джем“ и може би именно при написването на този роман може напълно да се потвърди теорията на Мутафчиева за писането като терапия. Така или иначе, „Случаят Джем“ е основната причина дори да я поканят в Съюза на българските писатели (където членува през 1968–1994). След публикуването всички забравят, че на два пъти ръкописът на романа е отхвърлян със забележки да се промени стилът. Това, което издателствата не са достатъчно прозорливи да видят, Вера знае от години за него – за „Случаят Джем“ (пък и за „Последните Шишмановци“) казват, че е един от първите модерни български романи.

След „Случаят Джем“, освен десетгодишната забрана да се превеждат нейни книги⁷ от страна на Съюза на българските писатели, в една година излизат и „Последните Шишмановци“ и „И Клио е муза“ – сборник с есета. На следващата – 1970 г. – е публикуван „Рицарят“. Вера Мутафчиева го определя като любимия свой роман. За него тя казва: „Ни преди, ни след съм писала с толкова лекота и щастлив кеф“. Освен темата за рицарството, винаги актуална, Вера прокарва своите виждания за времето, в което тя самата живее, а това прави романа двусмислено актуален и четен от мнозина.

До края на кариерата си в Института по балканистика Вера скоростно пише и издава и „Героика“ (1972) – още една книжка с есета, този път по повод на построяването на АЕЦ „Козлодуй“, след това и „Белот на две ръце“ (1973), за който самата тя изразява почуда, че са се намерили хора да го харесат. Последното, което издава, докато е в Института по балканистика, са „Алкивиад Малки“ и „Алкивиад Велики“, за които ѝ е осигурена специална командировка в Гърция. Някои оценяват „Алкивиад“ като най-анти тоталитарния ѝ роман, в него тя дава преимущество на отделната личност и духа на индивида пред голямата политика.

В литературното поле Вера Мутафчиева остава вярна на себе си, провокирайки публиката с безкрайната си алегоричност. Тя не просто пише исторически романи, осмисляйки отдавна отминалото, тя представя вижданията си за настоящето и бъдещето по умел и понякога не толкова дискретен начин. Това я отличава в жанра, но, както самата тя осъзнава, историческото мислене не е нещо, с което човек се разделя като с една или друга служба. Нейните произведения провокират желание за дискусия и цялостно осмисляне на миналото и настоящето. Чрез разбирането на „историческия алгоритъм“⁸ тя успява лесно да се спусне в паралели между няколко исторически епохи без усилие, което освен че е интелектуално предизвикателство към читателя, изисква и огромна доза смелост. С темите, които си избира за всяко изследване и роман, Мутафчиева прави тест за зрялост на обществото ни и истината е, че ако реално се направи една елементарна справка колко пъти са преиздавани нейните творения, ще излезе, че обществото ни е презряло даже. Неслучайно ѝ е присъдена Хердеровата награда за 1980 г., неслучайно неведнъж се чуваше шепот да я предложат и за Нобеловото отличие.

Оставайки вярна на БАН, Вера Мутафчиева е старши сътрудник I степен в Института за литература между 1979 и 1993 г. През 1994 г. вече е и заместник-председател на БАН. През тези няколко десетилетия се занимава и с множество дейности извън Академията – основател и директор на Центъра за древни езици и култури към Комитета за култура (1978–1980); директор на Българския изследователски институт в Австрия (1980–1982). По-късно става председател на Агенцията за българите в чужбина (1997–1998), създател и председател на Издателския съвет на Националния дарителски фонд „13 века България“ (1998–2009). През 1994 г. е един от учредителите на Сдружението на българските писатели.

През последните години от живота си сяда да свърши две много важни неща – да напише спомени и да подбере и обобщи цялото си творчество чрез „Избрани произведения“. В жанра на биографиите Вера не е „зелена“. Книги като „Книга за Софроний“, „Образ невъзможен. Младостта на Раковски“ (1983) и опитът ѝ да напише биография на баща си показват нейното умение да се фокусира върху личността и да структурира увлекателно един подобен труд. „Бивалиците“ излизат в четири тома (четвъртият носи заглавие „Небивалици“ и е изцяло посветен на литературните ѝ приключения) през 2000, 2001, 2003 и 2005 г. За своя живот също вече има предишен опит – например „Белият свят“ (1987), описващ Верините пътувания по света. Тази автобиография, написана толкова интригуващо, цели да се вмъкнат в читателската глава не просто купичка събития, но и да се проникне в живота на автора, да се опознае неговата същност, да се видят причините зад всеки личен избор в живота на автора. Проявявайки нейната си смелост, Вера оставя публиката да навлезе толкова навътре в личното ѝ пространство, споделяйки горчилките и щастието си с тънко поучителен и винаги оптимистичен тон. През 2008 г. са издадени и дванадесетте тома „Избрани произведения“. Грижи се сама за всичко, въпреки преклонните си вече 79. Първото ѝ мото – „Аз – самичка“ – отново е актуално след почти осем десетилетия.

Вера Мутафчиева умира спокойно в съня си на 9 юни 2009 г. на героичните 80 години. Малко по-късно прахът ѝ е пръснат при нос Сунион, Егейско море. Тя описва това място в „Белия свят“, може би затова е избрано. В интервю споделя, че иска духът ѝ да се пренесе на някой облак или да заживее в Истанбул. Може би и сценарият с нос Сунион би ѝ харесал. Приживе отрича да е жив класик, както я наричат понякога, но

сега няма кой да оспорва. Нейният „бистър и дълбок“⁶⁹ стил, нейният скептичен начин на мислене и в същото време непрекословната вяра във въздействието на обективната истина оставят ярък отпечатък в нейните трудове, а също и – най-важното за един писател, бил той и историк – в умовете на четящите. В заключение, ето един цитат от Г. Цанков: „Голямата тема на цялото ѝ творчество е анатомизирането на митовете, превръщането на митовете в удобен инструмент за прочистване на мозъци“.

¹ В настоящата статия, освен посочените по-долу в бележките, са използвани и: [БА] Вера Мутафчиева на 80: Спирам да пиша и се отдавам на плетиво и стугарство. – Блиц, 2009. – Начин за достъп: <http://www.blitz.bg/article/11004>; Барух, Е. Отвъд утопиите. България, Балканите, Европа – визии за следващото десетилетие. С., 2000, 310 с.; Борисов, Г. Вера Мутафчиева беше не само голям учен и писател, но и труженик. – 19 минути, 10.06.2010. – Начин за достъп: <http://www.24chasa.bg/Article.asp?ArticleId=151246>; Бонева, В. Българското Възраждане в българската историопис. С., 2003. – Начин за достъп: <http://liternet.bg/publish8/vboneva/istoriopis.htm>; Богданов, Б. За Вера Мутафчиева. – Дневник, 2009, 11 юни; Богданов, Б. Нашите разговори с Вера Мутафчиева. – Култура, 2009, № 23; Гроздев, Г. Изчезващ вид: Среци с майстори. С., 2011, 352 с.; Гроздев, Г. Паметта срещу доноса. – Либерален преглед, 2009, 1 септември. Начин за достъп: <http://www.librev.com/index.php/component/content/article/23-discussion-bulgaria/665-2009-09-01-10-12-16>; Данилченко, К. Случаят Джем. – Литературен форум, 2002, № 21; Илков, А. Първите думи: Тича голо, тича босо. – Култура, 2001, № 1; Камбуров, Д. Не-некролог за Вера Мутафчиева. – Капитал, 2009, 12 юни; Маркова, Г. И ще погала всички с доброта, преди да си отида. – 24 часа, 2009, 29 юни. Начин за достъп: <http://www.24chasa.bg/Article.asp?ArticleId=151246>; Маркова, Г. Прахът на Вера Мутафчиева бе пръснат в Егейско море. – 24 часа, 2009, 24 юли. – Начин за достъп: <http://www.24chasa.bg/Article.asp?ArticleId=186511>; Мутафчиева, В. Аз, Анна Комнина. Шумен, 1994, 388 с.; Мутафчиева, В. Бивалици. Кн. 1–3. С., 2000; Мутафчиева, В. Кърджалийско време. С., 1993, 416 с.; Мутафчиева, В. Навиканите Балкани. С., 2001, 128 с.; Мутафчиева, В. Небивалици. С., 2000, 296 с.; Мутафчиева, В. Някои разсъждения относно разсъжденията на Бернар Лори върху историческия мит „пет века ни клаха“ (... и митовете на историята). – Историческо бъдеще, 1997, № 2, с. 75–80; Мутафчиева, В. Османска социално-икономическа история. С., 1999, 448 с.; Мутафчиева, В. Случаят Джем. С., 1999, 504 с.; Мутафчиева, В., В. Чичовска. Съдът над историците: Българската историческа наука. С., 1995; Мутафчиева, В., А. Желязкова. Турция между Изтока и Запада. С., 1998, 224 с.; Проучвания в чест на професор Вера Мутафчиева. Съст. Радусев, Е. и др. С., 2001, 395 с.; Тетевенска, П. Последно сбогом на Вера Мутафчиева. – Българска национална телевизия, 2009, 12 юни. Начин за достъп: <http://bnt.bg/bg/news/view/10185/flameCandle70x80px.swf>; Чолов, П. И. Български историци: Биографично-библиографски справочник. С., 2010, 430 с.

² Мутафчиева, В. Към въпроса за положението на войнушкото население. – Изв. [на] Държ. библи. „Васил Коларов“ за 1952 г. С., 1953, с. 247–276.

³ Цанков, Г. „Опит за дъщерята на Клио“. – В: Проучвания в чест на професор Вера Мутафчиева. С., 2001, 395 с.

⁴ Гарева, М. Вера Мутафчиева. Библиография. – Начин за достъп: <http://veramutafchieva.net/pdf/181.pdf>.

⁵ Със „сврхоткритието на живота ми“ самата Вера описва началния етап на прописването си („Бивалици“, кн. 3).

⁶ „Пиших, за да пребивавам крадешком из злачния всемир на незадължителността“ („Бивалици“, кн. 3).

⁷ Мутафчиева В. Бивалици, кн. 3. „Случаят Джем“ има осем издания само в Турция.

⁸ Така се изразява самата Вера в едно интервю с Г. Гроздев.

⁹ Извадено от вече цитираното интервю с Г. Гроздев.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА (1185–1204) В СОВРЕМЕННОЙ БОЛГАРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А. С. Добычина

Добычина, А. С. Възстановяване на средновековната Българска държава (1185–1204) в съвременната българска историография

В статията се проучват особености на българската историография от 1985 г., свързани с образуването на Второто Българско царство. През 1980-те темата се третира предимно по „патриотичния“ начин в термини на „освобожданието“ от византийското „иго“ в съответствие с марксистската парадигма. През 1990-те и след 2000 г. две най-важни тенденции се забелязват: падането на „табута“ на миналото и интеграцията в сферата на съвременната западна наука.

Ключови думи: историография, Второто Българско царство, средновековна история, нови тенденции.

Добычина, А. С. Восстановление средневекового Болгарского государства (1185–1204) в современной болгарской историографии

В статье исследуются особенности болгарской историографии с 1985 г., связанные с образованием Второго Българского царства. В 1980-е гг. тема рассматривалась, главным образом, в „патриотическом“ ключе, в терминах „освобождения“ от византийского „ига“ в соответствии с марксистской парадигмой. В 1990-е и после 2000 г. можно выделить две основные тенденции: снятие „табу“ прошлых лет и интеграцию в современную западную науку.

Ключевые слова: историография, Второе Българское царство, медиевистика, новые тенденции.

Dobychina, A. The Restoration of the Medieval Bulgarian State (1185–1204) in Contemporary Bulgarian Historiography

The paper examines peculiarities of the Bulgarian historiography, since 1985, concerning the establishment of the Second Bulgarian Empire. During the 1980s the subject was treated predominantly in „patriotic“ spirit, in terms of „liberation“ from the Byzantine „yoke“, described within the Marxist paradigm. During the 1990s and after 2000 two main tendencies can be observed: breaking the „taboos“ of the past and entering the realm of contemporary Western scholarship.

Keywords: historiography, Second Bulgarian Empire, medieval history, new trends.

Развитие българской государственности на протяжении всей ее многовековой истории не было непрерывным. После долгого пребывания болгарских земель и их населения в составе Османской империи, возродившаяся в 1878 г. Болгария еще очень долго должна была доказывать легитимность своего настоящего и перспективность будущего существования, обращаясь к страницам прошлого. Исторические параллели между строительством и укреплением собственного национального государства и событиями далекого доосманского Средневековья, связанными с восстановлением под предводительством братьев Асеневцев самостоятельной болгарской государственности после почти двухвекового прямого правления Византии, напрашивались сами собой. Не удивительно поэтому, что изучение этих событий, равно как и решение вопроса об исторической преемственности между державой Асеневцев и Болгарской державой Раннего Средневековья, стало для национальной болгарской исторической школы одним из приоритетов и привлекло внимание таких „корофеев“ болгарской исторической науки как В. Златарский¹, П. Ников², П. Мутафчиев³.

После окончания Второй мировой войны, ознаменованного известными переменами во внешнем и внутреннем положении Болгарии, болгарская медиевистика рассматривает становление державы Асеневцев – т. н. Второго Българского царства — преимущественно в русле марксистской методологии, с позиций исторического материализма. Исключения составляют, пожалуй, лишь работы исследователей, связанных с западной

системой исторического знания и поддерживавших общение с ее представителями: И. Дуйчева⁴, В. Тыпковой-Заимовой⁵, И. Божилова⁶. В целом, в качестве важнейших достижений этого периода можно признать систематизацию и введение в национальную образовательную и культурную практику накопленных ранее знаний⁷, а также издание основного корпуса письменных источников, относящихся к интересующим нас событиям (сочинений Никиты Хониата, Георгия Акрополита и некоторых др.) в рамках серии „Источники по истории Болгарии“⁸.

Существенные сдвиги в развитии болгарской историографии применительно к исследуемой теме намечаются в середине 1980-х гг., когда в Болгарии торжественно празднуется 800-летие восстания Асеневцев, и заявляют о себе в полную силу спустя несколько лет, в условиях нового резкого перелома в жизни самой Болгарии и болгар. В связи с „юбилейными“ торжествами работы, посвященные возобновлению средневекового Болгарского государства, занимают в болгарской медиевистике, без преувеличения, центральное место. В начале 1990-х гг., с падением коммунистического режима, „железного занавеса“ и выходом самой страны из т. н. „советского блока“, тема возобновления средневекового Болгарского государства обретает новую актуальность. Освобождаясь от наследия марксистской методологии, болгарские историки, теперь уже с новых позиций, продолжают активно работать над изучением событий конца XII в. Впервые за многие десятилетия они обращаются к сюжетам, которые ранее либо игнорировались вовсе, либо интерпретировались в русле „генеральной линии“ БКП. Отказываясь от „сакрализованной“ ранее формулы „Болгарское государство и болгарский народ против Византии и византийского ига“, представители болгарской историографии последнего времени стремятся представить картину этого процесса во всей ее сложности, многообразии, противоречивости и неоднозначности. Наиболее ярким течением и конкретным работам, возникшим в связи с этой темой в русле болгарской историографии последнего времени, и посвящена эта статья. В качестве „точки отсчета“ представляется оптимальным взять работы „юбилейного времени“, связанные с торжествами 1985 г., когда интерес к теме находился на одном из своих „временных пиков“, хотя и был ограничен необходимостью следовать законам „юбилейного жанра“ и общим идеологическим установкам тогдашнего болгарского политического режима. В свою очередь, завершают обзор работы 2011 года, отражающие новейшие тенденции в развитии болгарской историографии применительно к интересующей теме.

Развитие болгарской историографии в 1980-е годы: через подведение итогов – к „новому мышлению“. Бурный всплеск интереса со стороны болгарских историков к событиям, связанным с возобновлением в конце XII в. самостоятельной средневековой болгарской государственности, приходится на 1985 год, когда в Болгарии торжественно отмечается 800-летний юбилей восстания Петра и Асеня против византийского „ига“. Несомненно, что этот всплеск, во многом, был инспирирован соответствующими идеологическими и пропагандистскими установками тогдашнего политического руководства Болгарии, активно эксплуатировавшего „национально-освободительную“ тематику в собственных интересах.

В этих условиях главная задача исторических работ на „юбилейную“ тему сводится к тому, чтобы подчеркнуть не только „национальный“ характер династии Асеневцев, но и целостность, „монолитность“ болгарского народа еще в эпоху Средневековья. Особую сложность при этом должна была представлять трактовка целого ряда „неудобных вопросов“, сложившихся в болгарской историографии в связи с событиями конца XII в., включая, прежде всего, вопросы об этническом составе восставших, об этническом происхождении предводителей восстания и значении внешних факторов для его успеха. С большей или меньшей гибкостью эти вопросы историки, пишущие на „юбилейную“ тематику, пытаются „обойти“, выдвигая на первый план уже сложившиеся в национальной историографии клише о византийском „иге“ и угнетаемом болгарском народе.

Наиболее показательны в этом отношении работы одного из ведущих и наиболее влиятельных в то время историков П. Петрова „Восстановление Болгарского государ-

ства (1185–1197 гг.)⁴⁹ и „Тырново в политической истории Болгарии“¹⁰, в которых рассматривается как восстание под руководством Петра и Асеня, так и дальнейшее „укрепление Болгарского государства“.

Анализируя предпосылки восстания, П. Петров подбирает традиционные формулировки для изображения „загнивающей“ Византии, „угнетающей“ завоеванные народы. Он констатирует „жестокий феодальный гнет“, политическое бесправие болгар, лишенных самостоятельной церкви и постоянно подвергающихся угрозе ромеизации¹¹, в то время как „сидевшие на шее у провинций динаты и сборщики податей не проявляли никакого беспокойства о тех, кто одевал и кормил их своим трудом“¹². В качестве непосредственного повода к восстанию П. Петров выделяет грубое отношение императора к братьям Петру и Асеню, предводителям будущего антивизантийского выступления. Касаясь болезненного для болгарской историографии вопроса об этническом происхождении Петра и Асеня, П. Петров следует версии В. Злагарского, согласно которой братья Асенева – „влиятельные болгарские бояре“¹³, потомки болгарина Борила, опального сподвижника императора Алексея Комнина (1081–1118). В трактовке вопроса об этническом составе восставших П. Петров также следует традиционной линии, замечая, что византийцы давали названия населению с точки зрения военно-административного деления империи, так что употребление Никитой Хониатом двух этнических наименований применительно к восставшим – „влахи“ и „болгары“, свидетельствует не о разных народах, а лишь об огромном территориальном охвате движения¹⁴. Для подтверждения тезиса о „сквозном“, в диахронии, единстве болгарского народа в эпоху Средневековья привлекается и подходящая фраза из „Истории“ Хониата: „Сам Никита Хониат говорит о едином народе, и что Петр и Асень хотели объединить воедино жителей Мизии с жителями Фракии и Болгарии, как это было ранее“¹⁵.

Описывая ход самого восстания, П. Петров делит его на три этапа, употребляя стандартные формулы, характерные для марксистской историографии. Первый этап восстания он связывает с образованием первых боевых отрядов в Тырново¹⁶ после „предварительной агитации и подготовки восстания“. Второй – с „освобождением от византийской духовной власти и восстановлением самостоятельной болгарской церкви“. Третий – с „официальным объявлением восстания“, а, точнее, с коронацией Петра болгарским царем. Причем некое действие „бесноватых“, описанное в источниках, П. Петров интерпретирует как „вспышку неописуемой народной радости и желания довести борьбу против поработителей до конца“¹⁷. Констатируя, что для борьбы с византийцами Петр и Асень привлекали наемные половецкие отряды, П. Петров оговаривает, что они выполняли лишь вспомогательные функции¹⁸. П. Петров, в целом, сознательно обходит „половецкий фактор“, выдвигая на передний план военные заслуги Асенева и героизм болгарского народа. Анализируя процесс легитимации восстания, П. Петров констатирует наличие преемственности между новым политическим образованием Асенева и т. н. Первым Болгарским царством, некогда могущественной балканской державой.

Констатируя, что „благодаря <восстанию> пришел конец двухвековому византийскому игу, и болгарский народ снова стал творцом своей собственной исторической судьбы“, П. Петров делает вполне ожидаемый вывод о том, что события конца XII в. вернули Болгарию в ранг „великих держав“, так что она „вновь взяла на себя функции передового оплота славянских народов против Византии, крестоносцев и обрушивающихся из Азии нашествий и завоевателей“¹⁹.

В том же патристическом ключе написана статья А. Данчевой-Василевой „Возобновление и укрепление болгарского государства (1186–1197 гг.)“²⁰. Как и ее предшественники, исследовательница оценивает восстание как антифеодальное и „народно-освободительное“. По мнению А. Данчевой-Василевой, „у восставшего народа не было своей ясной идеологии и программы, кроме первичного и спонтанного чувства социальной справедливости“, однако предводители восстания „предложили ему политическую программу, в которой была отражена великая идея возобновления болгарской державы, чтобы установить болгарский социально-правовой порядок взамен ликвидации

византийского политического и экономического господства²¹. Описывая положение болгарских земель в составе Византии, исследовательница использует такие формулы как „чужеземный гнет“ (именно от него стремятся избавиться болгары), „антифеодальный характер“ (именно таково их движения за освобождение из-под власти империи), „идеологическая программа“ (применительно к усилиям предводителей восстания по его легитимации и их апелляции к культу св. Димитрия), „разрастание широкого фронта освободительного движения“. При этом сознательно обходится вопрос об этническом происхождении братьев Асенецев, половецкий фактор в событиях конца XII в., заметно идеализируются фигуры предводителей восстания, особенно Асеня, в то время как фигура Петра традиционно остается на заднем плане. В целом, исследование А. Данчевой-Василевой повторяет выводы П. Петрова о „загнивающей“ Византии, патриотической борьбе угнетенного болгарского народа, сохранившего, несмотря ни на что, свое болгарское самосознание, и превращении Болгарии в конце XII в. в могущественную балканскую державу, „непреодолимый барьер против экспансии крестоносцев на полуострове“²².

В том же „юбилейном“ 1985 г. выходит исследование Пл. Павлова „Борьба болгарского народа против византийского владычества и восстание Петра и Асеня“²³. Как и в других работах этого времени, в ней констатируется негативная роль византийского владычества в истории Болгарии: „катастрофические изменения в общем состоянии болгарской народности“, сопровождавшиеся „массовыми выселениями населения“, ударами по болгарской „феодальной аристократии, классу, который, вопреки своей эксплуататорской природе, в условиях соответствовавшего ей общественно-экономического строя, играл объективно прогрессивную, руководящую роль“²⁴. В отличие от А. Данчевой-Василевой, автор анализирует вопрос о происхождении предводителей восстания, однако приходит к вполне ожидаемому выводу, что „Петр и Асень имели болгарское народностное самосознание и были выразителями, идеологами и предводителями борьбы“²⁵. Как и в работах П. Петрова и А. Данчевой-Василевой, в статье активно используются стандартизированные формулы для характеристики освободительного движения: „борьба против поработителей“, „целенаправленная политическая подготовка“, „психологическая обработка общественного мнения“. Фигуры восставших также идеализируются: Петр и Асень называются „великими сыновьями Болгарии“²⁶.

Наряду с работами типично „юбилейного“ характера в болгарской историографии 1980-х гг. выделяются исследования, заметно отличающиеся от них по способу подачи материала: несмотря на обращение к конкретной тематике, главным предметом интереса авторов становятся концептуальные проблемы истории возобновления средневекового Болгарского государства. Среди наиболее значимых работ этого периода — „Восстановление Болгарии Асенецами (проблема власти)“ В. Тыпковой-Заимовой²⁷ и „Династия Асенецев (1186–1460)“ И. Божилова²⁸.

Статья В. Тыпковой-Заимовой „Восстановление Болгарии Асенецами (проблема власти)“²⁹ представляет собой комплексное исследование в духе западноевропейской историографии. В центре внимания автора оказываются закономерности формирования таких масштабных политических образований как „империя“, „царство“, „королевство“ в эпоху Средневековья, отличия между восточным и западным „сценариями“ развития и место державы Асенецев в ряду более или менее современных ей политических образований. Анализируя условия развития будущего Второго Болгарского царства, исследовательница обращается к проблеме пребывания болгарских земель под византийским господством и, избегая каких-либо однозначных выводов, констатирует, что „политической ассимиляции в современном значении слова не проводилось“, но позиция центральной власти состояла в том, чтобы размыть культурные особенности болгар и отодвинуть на задний план их собственное „национальное“ самосознание³⁰. Рассматривая проблему происхождения Асенецев, исследовательница также избегает определенных формулировок, подробно анализируя источники и контекст понятий, которые в них встречаются. Сопоставляя утвердившиеся в современной ей историографии мнения,

В. Тыпкова-Заимова утверждает, что Асенеvцы, скорее всего, не были представителями старой болгарской аристократии, и возвышение их рода соотносится по времени с утверждением власти Византии на землях Болгарии³¹. Затрагивая проблему главной этнической составляющей политического образования Асенеvцев и допуская активное участие влaшских этнических групп в событиях конца XII в., исследовательница категорически опровергает утвердившуюся в западной историографии концепцию о „болгаро-владшском“ царстве, аргументируя свою позицию отсутствием у владш XII в. собственной государственной традиции³². Делая вывод о месте державы Асенеvцев среди других крупных средневековых политических образований, исследовательница констатирует, что Болгария 1185–1204 гг. представляла собой „типичное балканское средневековое государство“, имевшее „западные и византийские черты“ в сочетании со специфическими болгарскими установками и „болгарской идеей“, которая и была реализована в ходе становления Второго Болгарского царства³³.

Проблемы идеологии Второго Болгарского царства анализируются в фундаментальной работе И. Божилова 1985 г., написанной в жанре просопографического исследования и рассматривающей события конца XII в. через биографии первых правителей Второго Болгарского царства: Ивана I Асеня-Белгуна, Феодора-Петра и Калояна. В отличие от своих коллег, И. Божилов подробно останавливается на вопросах происхождения Асенеvцев и этнического состава восставших³⁴. Рассматривая эти вопросы как „искусственную проблему, тормозящую до известной степени развитие медиевистики“³⁵, И. Божилов категорично заявляет, что в большинстве случаев византийские и западноевропейские авторы конца XII и самого начала XIII вв. использовали термин „влади“ для обозначения болгар центральных, северных и северо-восточных территорий Болгарии³⁶. Затрагивая проблему происхождения Петра и Асеня, И. Божилов констатирует, что Асенеvцы происходили из той болгарской аристократии, которая формировалась в Паристрионе в XII в. и стала выразителем стремлений болгарского народа к свержению византийской власти³⁷. В традиционном для болгарской историографии ключе исследователь осмысливает роли Петра и Асеня в событиях конца XII в.: поскольку „все источники выдвигают на передний план младшего брата“, Асеня, Божилов делает вывод о том, что именно он руководил восстанием, и все важные идеи исходили именно от него. Что же касается старшего брата, Петра, коронованного, по мнению исследователя, в Преславе, то его роль сводилась исключительно к олицетворению исторической традиции и преемственности между государством Асенеvцев и Первым Болгарским царством³⁸. К возможным причинам пассивной роли Петра в политике возобновленного Болгарского царства И. Божилов причисляет временный разрыв между братьями, когда Петр пошел на соглашение с императором Исааком II Ангелом, в то время как Асень остался непримиримым противником Византии. В результате последующего урегулирования отношений между ними, Петр получил апанажное владение в Преславе, сохранив свои формальные властные полномочия, и в стране сложилась особая форма государственного управления – двоевластие Петра и Асеня, существовавшее на протяжении первого десятилетия истории Второго Болгарского царства³⁹. Освещая наиболее значимые события конца XII в., И. Божилов замечает, что поворотным моментом в развитии движения, возглавляемого Асенеvцами, стоит считать не заключение т. н. Ловечского мирного договора 1188 г., а переговоры Петра и Асеня с императором Фридрихом Барбароссой. Именно здесь, согласно исследователю, впервые раскрывается внешнеполитическая программа возобновленного Болгарского государства, восходящая к „*Rex Symeonica*“ и связанная с процессом „*Renovatio Imperii*“ — могущественного Болгарского государства, способного конкурировать с Византией на Балканском полуострове. Согласно И. Божилову, из этого следует, что, организуя походы против болгар, византийский император Исаак II Ангел боролся не с мятежниками-сепаратистами, а пытался уничтожить возобновленное Болгарское царство как государственное образование, способное конкурировать с Византией в доминировании на Балканах⁴⁰.

Наконец, дух „юбилея“ отражается и на развитии болгарской археологии рассма-

триваемого периода: в центр внимания археологов попадает топография столицы возобновленного Болгарского царства, „колыбели восстания“ Тырново и местоположение храма св. Димитрия (где было провозглашено само восстание). С 1976 по 1985 гг. под руководством архитектора Т. Теофилова проводятся масштабные работы по реконструкции храма. Результат вызывает неоднозначные отклики: сомнения скептиков связаны с локализацией храма на окраине средневекового города, в т. н. „Нижнем квартале“, почти у самой крепостной стены, а также спорная датировка найденных на этом месте археологических объектов. Тем не менее, в целом реконструкция признается вполне удачной, а местоположение самого храма св. Димитрия в „нижнем квартале“ достоверным и не подлежащим сомнению.

Еще в 1985 г. выходит статья А. Попова „Асенеццы и „новый город“ в Тырново“, предлагающая аргументы в пользу локализации храма именно в „новом квартале“, у самой реки Янтра, и связывающая его строительство с существованием здесь еще до восстания 1185 г. некоего фамильного монастыря Асенецев, в некоем их родовом владении⁴¹. В 1986 г. официальная версия относительно топографии Тырново и местоположения храма св. Димитрия находит свое отражение в разделе „Градоустройство и архитектура“ в рамках трехтомной „Истории Велико Тырново“⁴². Здесь обобщаются сведения о пригородах Тырново, о холмах Царевец, Трапезица и их ближайших окрестностях „подножиях“, в одном из которых располагался храм св. Димитрия как „доминанта в этой части города“⁴⁴, „представляющая Тырновскую архитектурно-художественную школу“⁴⁴. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. появляется ряд статей Т. Теофилова, обосновывающего правомерность своей реконструкции и датировки храма концом XII в.⁴⁵

Параллельно с этим, исследования по топографии средневекового Тырново велись Й. Алексиевым, внимание которого было сосредоточено, прежде всего, на изучении холмов Царевец и Трапезица как археологических объектов, применительно к XI и XII вв.⁴⁶, а также средневековых тырновских монастырей⁴⁷. На основе материала раскопок конца 1980-х – начала 1990-х годов Й. Алексиев приходит к выводу о том, что в период византийского владычества Тырново было преимущественно аграрным поселением со слабо выраженной ремесленной деятельностью⁴⁸, но при этом одним из важнейших опорных пунктов византийской власти в подножии Балканских гор⁴⁹.

Болгарская историография после 1989 г.: процесс интеграции в мировую историческую науку. Резкие перемены, произошедшие во внешнем и внутреннем положении Болгарии в конце 1980-х – начале 1990-х гг. (падение коммунистического режима и начало масштабных политических и экономических преобразований, крах т. н. „советского блока“, необходимость скорейшего поиска своего места в изменившемся мире и т.д.), не могли не отразиться на положении и состоянии исторической науки в стране. Падение прежних цензурных ограничений и идеологических „табу“ сопровождалось большим количеством самых разнообразных материалов и публикаций на темы национальной истории в ставших независимыми СМИ – вплоть до откровенно спекулятивных. Не стали исключением и сюжеты, связанные с восстановлением в конце XII в. самостоятельной средневековой болгарской государственности, которые оказались востребованы не только на страницах печати, но и в русле митинговой стихии⁵⁰. Вместе с тем, несмотря на переживаемые Болгарией общественно-политические и социально-экономические потрясения, в стране и в это время не прекращается деятельность собственно научных центров в области исторического знания, продолжают публиковаться научные работы, проводятся научные форумы того или иного рода.

Характерной особенностью работ, написанных в этот период, становится повышенное внимание к тем „неудобным вопросам“, которые так упорно обходили своим вниманием авторы работ „юбилейного“ времени: положение завоеванных болгарских земель в рамках Византийской империи, роль половецкого фактора в возобновлении Болгарского царства, религиозно-политическая практика первых Асенецев и т.д.

Так, в 1989 г. в свет выходит работа Пл. Павлова „Средневековая Болгария и половцы“, в которой процесс восстановления Болгарского царства вписывается в контекст

болгаро-половецких военно-политических отношений⁵¹. При этом подчеркивается, что именно союз Асеневцев с половецкими ханами в условиях внутренних потрясений и противостояния с Византией оказался настоящим успехом болгарской дипломатии⁵². Указывая на тот факт, что в XI–XII вв. в византийской феме Паристрион (т. е. в северо-восточных болгарских землях) проводилась целенаправленная политика „миксоварваризации“⁵³, автор склоняется к версии о болгаро-половецком происхождении Петра и Асеня. В работе Пл. Павлова впервые затрагивается такой сюжет как инструменты укрепления союзнических болгаро-половецких связей: формирование образа общего врага в лице византийцев как изнеженных, лживых, коварных и женоподобных, апелляция к этническому родству протоболгар и половцев, повышение авторитета половецких вождей среди болгар. В разрез с укоренившимся к 1985 г. клише о „загнивающей“ Византии, Пл. Павлов пишет о „все еще чувствовавшейся мощи империи“⁵⁴, для противостояния которой потребовалось не только привлечение половцев, но и активная деятельность по возведению фортификационных сооружений⁵⁴.

Проблему пребывания болгарских земель в составе Византии затрагивает И. Петкова в своей статье „Некоторые моменты в развитии взаимоотношений между Византией и болгарскими землями в XI–XII вв.“⁵⁵. В работе опровергается давно утвердившееся в болгарской историографии мнение о якобы проводившейся империей жесткой политике по отношению к завоеванному населению: о широком принудительном употреблении греческого языка в подвластных Византии болгарских землях как важной части целенаправленной ромеизации болгар⁵⁶, о некоей „ромеизации“ вообще и высокомерном отношении ромеев к новым подданным их империи⁵⁷. Это направление историографии было успешно продолжено в недавней диссертационной работе Л. Илиевой. Помимо статуса болгар и их языка в рамках Византийской империи, исследовательница подробно рассматривает особенности социально-экономического положения болгарских земель, развития болгарских городов и религиозно-культурной жизни в болгарских землях в XI–XII вв.⁵⁸ Так, Л. Илиева приводит археологические данные, связанные с периодом пребывания болгарских земель в составе Византии, которые свидетельствуют об экономическом росте, а отнюдь не об упадке и кризисе, любимом клише болгарской историографии. Более того, именно с экономической стабильностью в болгарских землях Л. Илиева связывает временное затишье в политической активности болгар и отсутствие выступлений против Византии в конце XI – начале XII в.⁵⁹ Тем не менее, кризисный период конца XII в., возобновление печальной практики добровольной продажи в рабство среди местного населения, по мнению исследовательницы, обеспечивает успех „делу“ Асеневцев⁶⁰. Рассматривая этно-демографическую ситуацию в болгарских землях, Л. Илиева констатирует наличие т. н. „миксоварваров“ в придунайских землях и постоянный процесс миграции местного болгарского населения как в район Балканских гор, так и в Странджу и Родопы.

Помимо обращения к „неудобным вопросам“, не меньшее воздействие на формирование облика новой болгарской историографии оказывает тот фактор, что в связи с переменной внешнеполитического курса болгарские ученые получают возможность активно участвовать в развитии мировой и, прежде всего, европейской науки. Пока молодое поколение накапливает опыт, в авангарде „обновления“ болгарской медиевистики выступают историки старшего поколения, сформировавшиеся как профессионалы еще до „юбилея“ 1985 г., но прошедшие в свое время западноевропейскую (немецкую или французскую) школу, а потому сумевшие быстро адаптироваться к новым условиям. Так, в 1995 г. выходит в свет монография И. Божилова „Семь этюдов по средневековой истории“⁶¹, написанная явно под влиянием классика французской историографии П. Лемерля⁶² в жанре небольших, но ёмких по содержанию отдельных исследований.

В рамках „этюда“ „Асеневцы: *Renovatio imperii Bulgarorum et Graecorum*“ И. Божилов вновь обращается к своей оригинальной концепции, изложенной им ранее в работе „Династия Асеневцев“, оперируя терминами „*Renovatio Imperii Bulgarorum et Graecorum*“ и „*Rax Symeonica*“⁶³. Он отвергает понятие „восстание“ применительно к

выступлению Петра и Асеня и после детального анализа источников, как указывает он сам, на „семантическом, идеологическом, фактологическом уровнях“ приходит к выводу о том, что речь идет о некоем „отделении“, „государственном перевороте“ и даже „узурпации“⁶⁴, причём не в целях „освобождения“ как такового, а для „восстановления некогда существовавшего единства болгарского народа в его исконных этнических и политических границах“. Характеризуя развитие Болгарии в начале XIII в., И. Божилов критикует как некий „комплекс“ своих коллег традиционное представление о том, что в поисках легитимации своей власти Асеновцы искали международного признания как со стороны императора Священной Римской империи Фридриха Барбароссы, так и со стороны папской курии. Возобновленной Болгарии незачем было искать подтверждения своего суверенитета, поскольку к этому времени она уже располагала всеми признаками суверенного государства, а именно: независимой церковью и собственным коронованным правителем. Переговоры Асеновцев с крестоносцами, а затем и с Римом велись исключительно в целях создания союза против Византии в рамках реализации все того же проекта „Renovatio Imperii Bulgarorum et Graecorum“⁶⁵. Соответственно, и в физическом устранении Асеновцев стоит искать не „внутриболгарский“ след в лице недовольных половцев или местных бояр с их склонностью к сепаратизму, но происки Византии, встревоженной стремительным ростом влияния опасного соседа.

Концепция И. Божилова находит свое отражение и в рамках соответствующего раздела, озаглавленного как „Возобновление Болгарского царства“, в рамках нового коллективного труда по истории Болгарии, опубликованного в трех томах в 1999 г.⁶⁶ Помещая возобновление царства в традиционный хронологический интервал между 1186 и 1197 гг., исследователь трактует его как „полное восстановление той государственной и политической модели, которая была создана в эпоху царя Симеона“⁶⁷. Однако, согласно И. Божилову, политическая теория – это одно, а политическая действительность – нечто совершенно иное, когда в интересах практического обоснования замысливаемых братьями Асеновцами перемен был необходим некий провиденциальный знак свыше⁶⁸. В качестве такого знака И. Божилов видит участие св. Димитрия, „исполнителя Божией воли и защитника самих Асеновцев“⁶⁹. Как и в „Династии Асеновцев“, И. Божилов сводит роль Петра в восстании только к представительским функциям, тогда как реальное лидерство историк оставляет за Иваном I Асенем, „идеологом“ выступления, автором программы возобновления царства⁷⁰. В дальнейшем И. Божилов неоднократно подчеркивает „воинские качества и доблесть, тактическое мастерство и стратегическое мышление“⁷¹ Ивана Асеня. Именно с достоинствами младшего из предводителей восстания, согласно исследователю, связано такое явление первых десяти лет истории Второго Болгарского царства как двоевластие, когда во главе страны находились, по сути, два человека – Петр и Асень⁷². В отношении Петра И. Божилов придерживается традиционной для болгарской историографии версии о его пребывании в собственном апанажном владении с центром в старой столице Первого Болгарского царства, Преславе, и фактическом устранении от реальной политической власти.

Свое оригинальное видение событий конца XII в. представил известный тырновский историк Й. Андреев в рамках обобщающего труда, посвященного истории Второго Болгарского царства и увидевшего свет в 1996 г.⁷³ Несмотря на то, что восстание Петра и Асеня рассматривается исследователем в традиционных для болгарской историографии предшествующего периода категориях „освободительной борьбы“ против византийского „рабства“, Й. Андреев подробно анализирует причины восстания, уделяя особое внимание воздействию климатических факторов, трактованных средневековым человеком как предзнаменования будущих перемен, и „идеологическому воздействию“, к которому прибегли Асеновцы, чтобы поднять своих соплеменников на восстание. Утверждая, что движение носило „болгарский характер“, Андреев не снижает роли в нем и других этнических групп, компактно проживавших в северо-восточной части бывших владений Первого Болгарского царства. Ограничивая хронологически период „становления Второго царства“ 1186–1196 гг., автор подробно характеризует дальнейшее раз-

витие Болгарии и рассматривает его как период „реализации политической и национальной доктрины“, причем важнейшим условием для этой реализации было „болгарское народное самосознание“⁷⁴.

Болгарская историография в начале третьего тысячелетия: новые горизонты.

С началом нового тысячелетия, в 2000-е годы, интерес к отдельным нюансам восстановления Болгарского царства переходит на „второй круг“: хорошо известные факты интерпретируются в новом ключе, в научный аппарат вводится новая методология, наряду с заслуженными исследователями в научной дискуссии звучат голоса молодых ученых.

Новый подход к истории событий 1185–1204 гг. демонстрирует известный болгарский медиевист Хр. Матанов. В своей работе „Средневековые Балканы“⁷⁵ он отказывается от принятого в болгарской исторической науке узко „национального“, страноведческого „формата“ и рассматривает историю Болгарии в контексте развития всего балканского региона. В его интерпретации восстание Петра и Асеня — это не что иное, как проявление местного сепаратизма, которым были охвачены Балканы, Кипр и ряд малоазийских провинций Византии. Основные причины усиления центробежных тенденций на Балканах в конце XII – начале XIII в. Хр. Матанов видит в политике императоров из династии Комнинов, взявших курс на поощрение провинциальной военной аристократии, крупных земельных собственников⁷⁶. Новая династия Ангелов, пришедшая к власти в 1185 г., лишь ускорила развитие процесса своей недалековидной и негибкой политикой. В свою очередь, балканские мятежные провинции, провозгласившие свою независимость, прежде всего Сербия и Болгария, быстро втягиваются в европейскую дипломатическую игру и искусно лавируют между Византией и Западом, создавая тем самым на Балканах „специфическую геополитическую обстановку“⁷⁷. По Хр. Матанову, дальнейшая жизнеспособность новых образований определялась наличием некоей местной политической традиции, однородностью этнического состава населения и географическим фактором⁷⁸.

Структуралистский подход к процессу восстановления Болгарского царства предложил И. Лазаров. В центре внимания исследователя оказывается такая „иррациональная“ категория как массовое сознание средневековых болгар, а также те инструменты, с помощью которых светской власти удавалось „манипулировать“ сознанием своих соплеменников – т. е. „политическая идеология“⁷⁹. Период становления Второго Болгарского царства в XII–XIII вв. становится для И. Лазарова наглядным примером такой „манипуляции“. В рамки идеологии исследователь включает, например, религиозную празднично-обрядовую систему, которая оказывала исключительное психологическое воздействие на средневековых болгар; процессы сакрализации и „харизматизации“ царской власти, в которых использовались трофейные византийские регалии императорской власти; употребление определенных царских имен, фигурировавших в апокрифических сказаниях и народных легендах, и, наконец, культы святых.

И. Лазаров отмечает, что в условиях постоянной борьбы между представителями болгарской знати за влияние Асеневам было необходимо „выделиться“, чего они и достигали посредством своей харизмы успешных лидеров, „воинской доблести“ в сражениях с Византией, однако эта „воинская доблесть“ не решала противоречий внутри семейного клана самих Асенецев. Урегулировать эти противоречия, по мнению И. Лазарова, должен был институт „совладательства“ – т. е. наличия одновременно двух правителей, при ведущей роли одного и вспомогательной роли другого⁸⁰. Этим исследователь объясняет „двоевластие“ Петра и Асеня, когда при решении внешне- и внутривнутриполитических вопросов в качестве главы государства выступал то один, то другой правитель.

Наиболее яркой тенденцией в болгарской историографии последних лет становится широкое применение комплексного подхода при оценке событий конца XII–начала XIII в. Среди работ этого направления стоит отметить вниманием обобщающие труды Г. Николова „Болгары и Византийская империя“⁸¹, „Внутриполитическое развитие возобновленного Болгарского царства (конец XII – конец XIII вв.): факторы и проблемы“⁸² и „Самостоятельные и полусамостоятельные владения в возобновленном Болгарском царстве (конец XII – начало XIII в.)“⁸³.

Опираясь на новейшие археологические данные, исследователь опровергает представление о том, что в XI–XII вв. болгарские провинции Византии находились в состоянии экономического упадка, вследствие чего введенный в 1185 г. чрезвычайный налог должен был переполнить чашу народного терпения. Увеличение денежного оборота на болгарских территориях во второй половине XII в. позволяет сделать вывод о том, что значительная часть населения в имущественном отношении была достаточно состоятельной, а финансирование болгарскими строительства и украшения новых храмов, рост числа заказов церковнобogosлужебных книг на славянском языке, активное участие в военных кампаниях Византии и появление среди болгар прослойки „новой“ знати, людей, „приобщенных к византийской армии, держателей проний“⁸⁴, представляет положение болгарских провинций империи в несколько ином свете, нежели „порабощение“ местного населения „иноземными захватчиками“ или противостояние „угнетенного“ болгарского народа „византийскому игу“. Именно „растущая экономическая мощь“ болгарских земель вместе с „желанием возвращения им политической свободы и возобновления раннесредневекового Болгарского царства“⁸⁵, стали главными причинами восстания Петра и Асеня 1185–1186 гг.

Несмотря на ряд критических замечаний, в целом, автор следует классическому университетскому направлению, заложенному еще историками-позитивистами начала XX в. Так, продолжая линию В. Златарского, автор утверждает, что „Асенеvцы были потомками болгарина Борила, который в конце XI века занимал высокое положение в Константинополе“, однако не отрицает и того, что „впоследствии, вероятно, кто-то из наследников рода Борила был связан с половцами“⁸⁶. В отличие от И. Божилова, отрицающего заключение перемирия между Византией и Болгарией в 1187 г. и считающего Ловечский договор плодом фантазии В. Златарского⁸⁷, Г. Николов убежден, что „заключение мира между Болгарским царством и Византийской империей в крепости Ловеч ознаменовало собой признание возобновленного Болгарского царства со стороны другого государства“⁸⁸. При этом, рассматривая период с 1185 по 1204 г., автор стремится совместить „балканистический“, „болгаристический“ и „византиноведческий“ ракурсы исследования, учитывая и общую ситуацию на Балканах, и особенности внутреннего развития болгарских земель, и кризисные явления в рамках Византийской империи как целого.

Несмотря на то, что автор однозначно оценивает становление Второго Болгарского царства как „возобновление“ Болгарии, видит в действиях Асенеvцев стремление обосновать преемственность нового политического образования по отношению к Первому царству, немаловажное воздействие на развитие болгарской государственности оказывало многолетнее пребывание в составе Византии. По мнению исследователя, Асенеvцы позаимствовали у византийцев не только какие-то внешние атрибуты (будь то титулатура правителей, их инсигнии, наименования должностных лиц и т. п.) – само политическое устройство возобновленной Болгарии копировало (хотя и не целиком) государственную структуру Византии времен поздних Комнинов и Ангелов⁸⁹. Это, в свою очередь, обусловило наличие в державе Асенеvцев с самых первых лет ее существования центробежных тенденций, практики заговоров и дворцовых переворотов, присущих Византии XI–XII вв. Наглядным проявлением этих тенденций становится появление в болгарских землях в конце XII – начале XIII в. нескольких самостоятельных политических образований: т. н. „Петровой“ земли (апанажа старшего Асенеvца), владений Добромира Хриза, Иванко и Иоанна Спиридонаки. Будучи „серьезным симптомом долгого процесса политической децентрализации и дезинтеграции Болгарии“, эти недолговечные владения, по замечанию Г. Николова, сыграли, тем не менее, положительную роль в становлении государственности болгар⁹⁰. Источники не зафиксировали ни одного выступления этих правителей против царства Асенеvцев: наоборот, осуществляя совместные действия против Византии, полусамостоятельные владения выступали как своего рода „сателлиты“ Болгарского царства⁹¹. По мнению Г. Николова, их появление и развитие показывают специфику болгарской государственности и ее структуры с конца XII по середину XIII в.⁹²

Новые тенденции обозначились и в работах Д. Чешмеджиева⁹³ и И. Билярского⁹⁴. Характеризуя средневековую Болгарию в духе предложенной в свое время Н. Йоргой формулы „Византия после Византии“⁹⁵, исследователи рассматривают события 1185–1204 гг. как воспроизведение болгарскими религиозно-политической практики Византийской империи, в рамках которой первые Асеневицы, опираясь на культы тех или иных святых, искали свою „квазирелигиозную идентичность“⁹⁶. Если статья Д. Чешмеджиева посвящена исключительно развитию и роли культа праведного царя Петра в истории средневековой Болгарии, включая и Второго Болгарского царства⁹⁷, то в центре внимания И. Билярского оказывается не только пантеон святых „покровителей царства“, но и деятельность болгарских правителей по перенесению и собиранию священных реликвий.

И. Билярский условно подразделяет средневековые культы на две основные категории: „царские“, которые предполагали почитание праведных правителей, и „градозащитные“, связанные с покровительственным отношением святого к определенному городу. В качестве главного „царского“ культа в Болгарии автор рассматривает почитание праведного царя Петра, который сделал из Болгарии настоящую христианскую державу „византийского типа“⁹⁸. В качестве „градозащитных“ исследователь выделяет, прежде всего, культ Богородицы, покровительницы „царствующего града“ Константинополя, почитание которой было сопряжено в Болгарии с культом св. Параскевы-Петки⁹⁹, и культ св. Димитрия Солунского, использованный Асеневицами во время восстания 1185–1186 гг. для легитимации власти¹⁰⁰. Период с 1185 по 1204 гг. интересует автора, прежде всего, как переломный момент в религиозно-политической практике средневековой Болгарии. Согласно исследователю, именно в это время достигает своего апогея культ праведного царя Петра, что выражается в принятии имени „Петр“ одним из Асеневицев во время восстания 1185–1186 гг., после чего „царские культы“ перестают играть первостепенную роль, а новая власть переходит к использованию „градозащитных“ культов. Это фактически означает смену „религиозной идентичности“ Первого Болгарского царства (которую оно вместе с принятием христианства позаимствовало у Византии IX века) на иную идентичность, связанную с Византией Комниновского периода (1081–1185), где превалировала концепция „богоспасаемого града“ как источника „божественной благодати“ для всего царства¹⁰¹.

В атмосфере возросшего интереса к роли реликвий и культов святых в укреплении политической власти к этой теме обращаются и современные „классики“ болгарской историографии: В. Гюзелев и К. Паскалева в работах 2006 г. „Чудотворная икона св. Димитрия Солунского в Тырново в 1185–1186 гг.“¹⁰² и „Что обнаружил в Тырново Исаак II Ангел“¹⁰³.

Для В. Гюзелева чудотворный образ св. Димитрия, использованный Асеневицами для легитимации своего выступления и своей власти — это, прежде всего, символ, „одна из основ болгарской религиозности и веры в существование возобновленного царства“¹⁰⁴. В свою очередь, К. Паскалеву этот образ интересует именно как материальный, художественный объект — его внешний облик и конкретный характер, был ли он „иконой“ в современном понимании этого слова или же шитым тканым покровом.

Оба исследователя рассматривают обстоятельства появления святыни в столице восстания Тырново, развитие культа св. Димитрия на болгарской почве, анализируют связь между перенесением реликвии и строительством Асеневицами храма в честь св. Димитрия, воздействие чудотворного образа на религиозно-политическое сознание населения болгарских земель. Несмотря на разницу в профессиональных подходах, и В. Гюзелев, и К. Паскалева независимо друг от друга приходят к выводу о том, что решающую роль в восстании 1185–1186 гг. сыграла „мистическая идея“¹⁰⁵, связанная с культом св. Димитрия. И что именно внешний облик чудотворного образа и его специфические свойства (мироточение) должны были убедить восставших в реальности самого главного и желаемого для них „чуда“: перемещения в Тырново вместе с этим образом (иконой или шитым покровом) чудотворного потенциала и покровительства св. Димитрия.

Отдельного внимания в свете тенденций последних лет заслуживает монография М. Каймакамовой „Власть и история в средневековой Болгарии (VII–XIV в.)“¹⁰⁶. Опираясь такими категориями как „историческая пропаганда“, „историческая память“, „историческая традиция“, автор обращается к исследованию средневековой исторической культуры и проблеме использования исторических знаний в политических интересах. Так, обращаясь к периоду возобновления Болгарского царства, М. Каймакова утверждает, что, эксплуатируя идею преемственности между своей, „возобновленной“ Болгарией и Первым Болгарским царством, Асеневцы руководствовались чувством „историчности“¹⁰⁷. На следовании болгарской традиции основывалась и „фамильная стратегия“ Асеневцев, стремившихся превратить свой род в династию: принятие старшим братом Феодором символического для болгар (в связи с образом одного из последних царей Первого царства) имени „Петр“, формирование культа „фамильного“ святого – великомученика Димитрия Солунского¹⁰⁸. По мнению М. Каймакамовой, знание о „древних царях“ Петре, Самуиле и других, которыми оперировал царь Калоян в переписке с Римской курией, было почерпнуто им из болгарских царских летописей. Наличие собственной библиотеки и собрания исторических сочинений обуславливалось не столько любознательностью самих Асеневцев и их предков, сколько прагматичными соображениями и утвердившейся еще в Первом Болгарском царстве традицией, по которой правитель был обязан контролировать историческое знание и его употребление¹⁰⁹.

Наконец, с началом 2000-х годов обнаруживает себя „новая волна“ интереса и к топографии средневекового Тырново, что является следствием новых масштабных археологических раскопок, давших интереснейшие результаты. В рамках соответствующего ежегодного издания („Археологические открытия и раскопки“) публикуются сведения о недавно открытых объектах на холме Трапезица, дается их приблизительная датировка¹¹⁰. Более того, в 2011 г. даже начинает издаваться специальный обобщающий труд „Археологические исследования средневекового города Трапезица“, где конкретный археологический материал не только систематизируется, но и интерпретируется силами исследователей разных специальностей (от нумизматов до искусствоведов), с приложением подробных таблиц, карт и иллюстраций¹¹¹.

2000-е гг. становятся переломными и в истории вопроса о датировке и идентификации сохранившегося в Тырново (и в свое время реконструированного в этом качестве) храма св. Димитрия. В „Известиях Национального исторического музея“ появляется статья В. Димовой с критикой относительно принятой до сих пор датировки этого объекта¹¹². Констатируя несоответствие использованной при его возведении строительной техники реалиям XII в., исследовательница относит храм к концу XIV в. Тем самым сомнению подверглась идентичность храма тому „молитвенному дому“, который был построен Асеневцами при подготовке к восстанию. В ответ, в 2005 г. выходит исследование Я. Николовой и М. Рובה „Храм первых Асеневцев“, ставшее итогом многолетнего изучения этого объекта и прилегающих к нему монастыря и некрополя и отражающее „официальную“ версию относительно локализации храма¹¹³. Несмотря на новую ответную публикацию В. Димовой 2008 г.¹¹⁴, „официальная“ версия продолжает доминировать и находить поддержку в ряду наиболее авторитетных представителей болгарской исторической науки, так что окончательно опровергнуть ее пока не представляется возможным.

Итак, развитие новейшей болгарской историографии происходило в сложных внутри- и внешнеполитических условиях. Под влиянием начавшегося „возродительного процесса“ и торжественного празднования в 1985 г. 800-летия восстания Петра и Асеня главная задача исторических работ о событиях конца XII – начала XIII в. сводилась к тому, чтобы подчеркнуть не только „национальный“ характер династии Асеневцев, но и целостность, „монолитность“ болгарского народа еще в Средневековье. Основными достижениями этого периода становится „обобщение итогов“ историографии предшествующего периода, систематизация и введение в национальную образовательную и

культурную практику накопленных ранее знаний и издание основного корпуса письменных источников, относящихся к событиям конца XII – начала XIII вв. в рамках серии „Источники по истории Болгарии“.

В начале 1990-х годов в связи с падением коммунистического режима и „железно-го занавеса“ в болгарской медиевистике усиливается влияние французской и немецкой исторической школы, начинается ее постепенная интеграция в мировую науку. Характерной особенностью работ, написанных в этот время, становится повышенное внимание к тем „неудобным вопросам“, которые так упорно обходили своим вниманием авторы работ 1980-х годов. Пока молодое поколение накапливает опыт, в авангарде „обновления“ болгарской медиевистики выступают историки старшего поколения, давно сформировавшиеся как профессионалы и прошедшие в свое время западноевропейскую школу, а потому сумевшие быстро адаптироваться к новым условиям. В 2000-е годы интерес к отдельным нюансам восстановления Болгарского царства переходит в новую стадию: впервые за достаточно длительное время представители болгарской историографии пытаются выйти за рамки собственной, национальной истории и применить к событиям восстановления Болгарского царства иной формат. Наглядными примерами тому служат работы Хр. Матанова, выполненные в ракурсе исторической балканистики, И. Лазарова, рассматривающего события конца XII – начала XIII в. со структуралистских позиций. Вместе с тем не прекращаются и исследования в традиционном для болгарской историографии направлении – в „формате“ „национально-политической“ истории, где, впрочем, также применяются новые исследовательские подходы. В ряду работ этого рода особого внимания заслуживают новейшие публикации В. Гюзелева, Г. Николова, М. Каймакамовой и Пл. Павлова. Наконец, раздвигаются и тематические рамки исследований: все больше внимания уделяется проблеме сакрального, роли культов святых и их реликвий в политике средневековой Болгарии — теме, давно ставшей „классической“ для представителей западной историографии.

¹ *Златарски, В.* История на българската държава през средните векове. Том II. България под византийско владичество (1018–1187). София, 1934.

² *Ников, П.* Второ Българско царство (1186–1396). София, 1937.

³ *Мутафчиев, П.* История на българския народ. – В: Съчинения на професор Петър Мутафчиев, т. 2. София, 1944.

⁴ *Дуйчев, И.* Проучвания върху българското средновековие. София, 1945; *Id.* Проучвания върху средновековната българска история и култура. София, 1981.

⁵ *Търкова-Займова, В.* Restauration de la Bulgarie par les Assenides (Problèmes du pouvoir). – Etudes Balkaniques, 1985, № 3, p. 27–36.

⁶ *Божилков, И.* Фамилията на Асеневици. Генеалогия и просопография. София, 1985; *Id.* Седем етюда по Средновековна история. София, 1995.

⁷ История на България в 14 тт, т. 3. Втора българска държава. София, 1982.

⁸ *Никита Хониат.* История. – В: ГИБИ, т. 11. София, 1983, с. 8–93; *Георги Акрополит.* История. – В: ГИБИ, т. 8. София, 1972, с. 150–213.

⁹ *Петров, П.* Възстановяване на българската държава (1185–1197 г.). София, 1985.

¹⁰ *Id.* Търново в политическата история на България (1185–1393). – В: История на Велико Търново, т. 1. София, 1986, с. 85–120.

¹¹ *Id.* Възстановяване на българската държава (1185–1197 г.)..., с. 59.

¹² *Ibid.*, с. 61.

¹³ *Ibid.*, с. 87.

¹⁴ *Id.* Търново в политическата история..., с. 88–89.

¹⁵ *Ibid.*, с. 89.

¹⁶ *Ibid.*, с. 90.

¹⁷ *Id.* Възстановяване..., с. 101.

¹⁸ *Id.* Търново в политическата история..., с. 91.

¹⁹ *Id.* Възстановяване..., с. 275.

²⁰ *Данчева-Василева, А.* Възобновяване и укрепване на българската държава (1186–1197 г.). – ИПр., 1985, год. XLI, кн. 9–10, с. 37–53.

²¹ *Ibid.*, с. 46.

²² *Ibid.*, с. 53.

- ²³ *Павлов, Пл.* Борбата на българския народ против византийското владичество и въстанието на Петър и Асен. Велико Търново, 1985, с. 1–25.
- ²⁴ *Ibid.*, с. 2.
- ²⁵ *Ibid.*, с. 15.
- ²⁶ *Ibid.*, с. 25.
- ²⁷ *Tărkova-Zaimova, V.* Restauration de la Bulgarie par les Assenides (Problèmes du pouvoir)..., р. 27–36.
- ²⁸ *Божилков, И.* Фамилията на Асеновци (1186–1460). Генеалогия и просопография. София, 1985.
- ²⁹ *Ibid.*
- ³⁰ *Ibid.*, с. 31.
- ³¹ *Ibid.*, с. 33.
- ³² *Ibid.*, с. 34.
- ³³ *Ibid.*, с. 36.
- ³⁴ *Ibid.*, с. 12–19.
- ³⁵ *Ibid.*, с. 12.
- ³⁶ *Ibid.*, с. 17.
- ³⁷ *Ibid.*, с. 19.
- ³⁸ *Ibid.*, с. 28.
- ³⁹ *Ibid.*, с. 35.
- ⁴⁰ *Ibid.*, с. 31.
- ⁴¹ *Попов, А.* Асеновци и „Новият град“ в Търново. – *Векове*, 1985, № 4, с. 5–10.
- ⁴² *История на Велико Търново.* София, 1986, с. 231–282.
- ⁴³ *Ibid.*, с. 271.
- ⁴⁴ *Ibid.*, с. 272.
- ⁴⁵ *Теофилов, Т.* Изследвания върху проблема за стилова реконструкция на църквата „Св. Димитър“ във Велико Търново. – *Годишник на музеите от Северна България*, 1991, № 17, с. 67–87.
- ⁴⁶ *История на Велико Търново.* София, 1986, с. 68–81; *Алексиев, Й.* Предстоличният Търнов. – *Сборник в чест на акад. Д. Ангелов.* София, 1994, с. 196–200.
- ⁴⁷ *Алексиев, Й.* Бележки за ранната история на търновските манастири. – *Studia protobulgarica et mediaevalia eugorensia.* Велико Търново, 1992, с. 189–196.
- ⁴⁸ *История на Велико Търново.* София, 1986, с. 70.
- ⁴⁹ *Ibid.*, с. 71.
- ⁵⁰ См., например: *Николов, Г.* На митинг в манастир „Хаджи Димитър“ Асен и Петър произнесли речи. – 168 часа, 1992, № 33, с. 27.
- ⁵¹ *Павлов, Пл.* Средновековна България и куманите. Военнополитически отношения (1186–1241 г.). – *Трудове на Великотърновския университет „Св. св. Кирил и Методий“.* Исторически факултет, т. 27, кн. 3, 1989. Велико Търново, 1992, с. 9–61.
- ⁵² *Ibid.*, с. 46.
- ⁵³ *Id.* Средновековна България и куманите..., с. 17.
- ⁵⁴ *Ibid.*, с. 26.
- ⁵⁵ *Петкова, И.* Някои моменти от развитието на взаимоотношенията на Византия и българските земи през XI–XII век. – *Средновековните Балкани: политика, религия, култура.* София, 1999, с. 89–94.
- ⁵⁶ *Ibid.*, с. 89–91.
- ⁵⁷ *Ibid.*, с. 91–94.
- ⁵⁸ *Илиева, Л.* Българските земи под византийска власт в края на XI–XII век. Автореферат. София, 2007.
- ⁵⁹ *Ibid.*, с. 11.
- ⁶⁰ *Ibid.*, с. 13.
- ⁶¹ *Божилков, И.* Седем етюда по средновековна история. София, 1995, с. 159–162.
- ⁶² *Lemerle, P.* Cinq études sur le XI siècle Byzantin. Paris, 1977.
- ⁶³ *Божилков, И.* Седем етюда..., с. 162.
- ⁶⁴ *Ibid.*, с. 137–141.
- ⁶⁵ *Ibid.*, с. 164–165.
- ⁶⁶ *Божилков, И., Гюзелев, В.* История на средновековна България. VII–XIV век (=История на България в три тома. Т. I). София, 1999, с. 421–526.
- ⁶⁷ *Ibid.*, с. 421.
- ⁶⁸ *Ibid.*, с. 424.
- ⁶⁹ *Ibid.*, с. 425.
- ⁷⁰ *Ibid.*, с. 429.

- ⁷¹ Ibid., с. 433.
- ⁷² Ibid., с. 430.
- ⁷³ *Андреев, Й.* История на Второто българско царство. Велико Търново, 1996.
- ⁷⁴ Ibid., с. 20–42.
- ⁷⁵ *Матанов, Хр.* Средновековните Балкани. Исторически очерци. София, 2002.
- ⁷⁶ Ibid., с. 162–166.
- ⁷⁷ Ibid., с. 214.
- ⁷⁸ Ibid., с. 215.
- ⁷⁹ *Лазаров, И.* Политическа идеология на Второто българско царство XII–XIII в. Генезис. В. Търново, 2003.
- ⁸⁰ *Id.* Политическа идеология..., с. 30–49.
- ⁸¹ *Николов, Г.* Българите и Византийската империя (август – ноември 1185 г.). – В: Тангра. Сборник в чест на 70-годишнината на акад. Васил Гюзелев. София, 2006, с. 597–617.
- ⁸² *Id.* Вътрешнополитическото развитие на възобновеното Българско царство (края на XII – края на XIII в.): фактори и проблеми. – В: Сборник радова Византолошког института. Београд, 2009, т. 36, с. 167–177.
- ⁸³ *Id.* Самостоятелни и полусамостоятелни владения във възобновеното Българско царство (края на XII – средата на XIII в.). София, 2011.
- ⁸⁴ *Id.* Българите и Византийската империя..., с. 598.
- ⁸⁵ Ibid., с. 606.
- ⁸⁶ Ibid., с. 599.
- ⁸⁷ *Божилков, И.* Седем етюда по средновековна история. София, 1995, с. 159–162.
- ⁸⁸ *Николов, Г. Н.* Българите и Византийската империя..., с. 614.
- ⁸⁹ *Id.* Вътрешнополитическото развитие..., с. 168.
- ⁹⁰ *Id.* Самостоятелни и полусамостоятелни владения..., с. 228.
- ⁹¹ Ibid., с. 226.
- ⁹² Ibid., с. 225.
- ⁹³ *Чеимеджиев, Д.* Няколко бележки за култа към цар Петър I (927–965). – В: Християнската традиция и царската институция в българската култура. Шумен, 2003, с. 23–37.
- ⁹⁴ *Биярски, И.* Покровители на Царството. Св. цар Петър и св. Параскева-Петка. София, 2004.
- ⁹⁵ *Курбатов, Г. Л.* История Византии. Ленинград, 1975, с. 177–178.
- ⁹⁶ *Биярски, И.* Покровители..., с. 9.
- ⁹⁷ *Чеимеджиев, Д.* Няколко бележки за култа към цар Петър I (927–965)..., с. 36–37.
- ⁹⁸ *Биярски, И.* Покровители..., с. 33.
- ⁹⁹ Ibid., с. 41.
- ¹⁰⁰ Ibid., с. 40.
- ¹⁰¹ Ibid., с. 29.
- ¹⁰² *Гюзелев, В.* Чудотворна икона на св. Димитър Солунски в Търново през 1185–1186 г. – В: Любен Прашков реставратор и изкуствовед. София, 2006, с. 36–39.
- ¹⁰³ *Паскалева, К.* Какво е открил Исаак II Ангел в Търново (една хипотеза). – В: *Studia Balcanica*, т. 25. Византия – Балканите–Европа. София, 2006, с. 634–647.
- ¹⁰⁴ *Гюзелев, В.* Чудотворна икона..., с. 38.
- ¹⁰⁵ Ibid., с. 38.
- ¹⁰⁶ *Каймакамова, М.* Власт и история в средновековна България (VII–XIV век). София, 2011.
- ¹⁰⁷ Ibid., с. 221.
- ¹⁰⁸ Ibid., с. 223–224.
- ¹⁰⁹ Ibid., с. 230.
- ¹¹⁰ *Алексиев, Й.* Разкопки на манастира „Св. Йоан Рилски“ на Трапезица (сектор Югозападен). – В: Археологически открития и разкопки през 2007. София, 2008, с. 675–681; *Тотев, К., Дерменджиев, Е., Караишев, П.* Велико Търново. Крепостта Трапезица. Археологически разкопки в сектор „север“. – В: Археологически открития и разкопки..., с. 610–614; *Дочев, К.* Трапезица, Югозападен сектор. – В: Археологически открития и разкопки през 2008. София, 2009, с. 504–506.
- ¹¹¹ *Тотев, К., Дерменджиев, Е., Караишев, П., Косева, Д.* Археологически проучвания на средновековния град Трапезица. Сектор Север, т. 1. Велико Търново, 2011.
- ¹¹² *Димова, В.* Църквата „Св. Димитър“ във Велико Търново. – Известия на националния исторически музей, 2000, № 11, с. 293–300.
- ¹¹³ *Николова, Я., Робов, М.* Храмът на първите Асеневци. Църквата „Св. Димитър“ във Велико Търново. Велико Търново, 2005.
- ¹¹⁴ *Димова, В.* Църквата „Св. Димитър“ в Търново. – В: Църквите в България през XIII–XIV век. София, 2008. С. 257–260.

**ПОСТКОЛОНІАЛЬНИЙ СИНДРОМ: МІФИ ПРО
„ТУРЕЦЬКЕ РАБСТВО“ ТА „ВІДРОДЖЕННЯ“
В БОЛГАРСЬКОМУ НАЦІОНАЛЬНОМУ ДИСКУРСІ
(ДРУГА ПОЛОВИНА 1940-х рр. – ПОЧАТОК 2000-х рр.)**

В. О. Свириденко

Свириденко, В. О. Постколониальний синдром: міфи про „турецьке рабство“ та „Відродження“ в болгарському національному дискурсі (друга половина 1940-х рр. – початок 2000-х рр.)

В статті розглядаються еволюція та політична експлуатація міфів про „турецьке рабство“ та національне Відродження у соціалістичній і постсоціалістичній Болгарії, аналізується їх репрезентація у наукових працях з історії Болгарії та болгарського Відродження. Робиться спроба розкриття особливостей конструювання й використання цих міфів у контексті внутрішньої політики соціалістичної Болгарії стосовно турецької меншини та вибудовування зовнішньополітичних відносин з Туреччиною.

Ключові слова: болгарське Відродження, „турецьке рабство“, політика ідентичності, політика пам'яті, міф.

Свириденко, В. О. Постколониальный синдром: мифы о „турецком рабстве“ и „Возрождении“ в болгарском национальном дискурсе (вторая половина 1940-х гг. – начало 2000-х гг.)

В статье рассматриваются эволюция и политическая эксплуатация мифов о „турецком рабстве“ и национальном Возрождении в социалистической и постсоциалистической Болгарии, анализируются их репрезентация в научных трудах по истории Болгарии и болгарского Возрождения. Делается попытка раскрытия особенностей конструирования и использования этих мифов в контексте внутренней политики социалистической Болгарии относительно турецкого меньшинства и построения внешнеполитических отношений с Турцией.

Ключевые слова: болгарское Возрождение, „турецкое рабство“, политика идентичности, политика памяти, миф.

Svyrydenko, V. Postcolonial syndrome: the myths about the “Turkish slavery” and “Revival” in Bulgarian national discourse (the second half of 1940s – early 2000s)

Evolution and political exploitation of the myths about “Turkish slavery” and national Revival in socialist and post-socialist Bulgaria are considered in the paper, their representation in scientific works on a history of Bulgaria and Bulgarian Revival is analyzed. An attempt is made at uncovering the peculiarities of construction and use of these myths in the context of socialist Bulgaria’s internal policy concerning Turkish minority and building foreign relations with Turkey.

Keywords: Bulgarian Revival, “Turkish slavery”, politics of identity, politics of memory, myth.

Колективні уявлення про минуле відіграють значну роль у процесі конструювання національної ідентичності. Зазвичай вони оформлюються у комплекс міфів¹, що мають на меті сакралізувати та легітимізувати існуючий порядок речей. Подібні цілі переслідує і політика пам'яті. Вона полягає у тому, що влада окреслює, які події необхідно пам'ятати і яким чином треба їх згадувати. Як правило, політика пам'яті розуміється у двох аспектах: 1) як політичний контроль над пам'яттю, спрямований на відбір, замовчування чи ідеологічне „перекручування“ фактів, а також 2) як політичне використання пам'яті в контексті легітимізації того чи іншого явища, феномену, процесу, походження та існування тієї чи іншої групи чи режиму тощо. Тобто, проводячи політику пам'яті, влада „винаходить“ ті чи інші міфи стосовно минулого.

Широко розповсюдженим у історичних наративах є міф про „золотий вік“, про давні часи, коли людство жило у спокої та достатку. Так званий „золотий вік“ протиставляється періоду занепаду. До такої схеми цілком вписуються міфи про „турецьке рабство“ та болгарське національне Відродження.

Зауважимо, що і після здобуття незалежності в результаті російсько-турецької війни 1877–1878 рр. Болгарія продовжувала залишатись ареною для культурної взаємодії православ'я та ісламу: у Болгарському князівстві проживала чисельна турецька меншина. Окрім того, залишались невирішеними два нагальні питання: здобуття повного

державного суверенітету (оскільки номінально князівство вважалося васалом турецького султана) і завершення об'єднання болгарських земель, що перебували під владою Османської імперії². Все це ставило перед владою завдання проведення політик пам'яті та ідентичності з метою формування національної ідентичності та обґрунтування територіальних претензій до Туреччини на етнічні болгарські землі. Міфи про „турецьке ярмо“ та болгарське національне Відродження з часів утворення Болгарської держави стали і залишаються донині знаряддями політик ідентичності та пам'яті.

Епоха національного Відродження – чи не найважливіша сторінка історії Болгарії. Однак існує лише дві праці, що розглядають цю добу у контексті проблематики ідентичності та пам'яті – роботи Р. Даскалова³ та М. Тодорової⁴. Праця Р. Даскалова важлива для розуміння того, як історична епоха оформлюється у колективних уявленнях і в болгарській історіографії, будучи водночас полем битви для досягнення політичної легітимності. Робота М. Тодорової фокусується на житті, смерті та „посмертному житті“ В. Левського. М. Тодорова досліджує героїзацію, уславлення, „присвоєння“ різними, часто опозиційними політичними силами, реінтерпретації, комеморації і зрештою, канонізацію єдиного незаперечного героя болгарського національного пантеону. У монографії фундаментально вивчено політичну експлуатацію та використання міфу про В. Левського. Однак не всі аспекти проблеми дістали висвітлення, зокрема з поля зору дослідників випали такі питання як джерела формування метафори „турецьке рабство“, процес конструювання міфів про „турецьке ярмо“ та національне Відродження, а також взаємодія і взаємовплив внутрішньої політики Народної Республіки Болгарія стосовно турецької меншини, зовнішньої політики (відносини з Туреччиною) і конструювання та використання вищевказаних міфів у цьому контексті.

Цєю статтею ми прагнемо розкрити механізм, як при проведенні політик ідентичності та пам'яті влада вдається до творення різного роду міфів і викривлення подій минулого. Ми не намагатимемось спростувати, чи існувало „турецьке рабство“ як таке, чи ні, та чи було насправді болгарське Відродження; мета роботи – дослідити (ре)конструювання та еволюцію міфів про „турецьке ярмо“ і про національне Відродження в болгарському національному дискурсі другої половини 1940-х рр. – початку 2000-х рр. Окрім того, ми прагнемо зрозуміти, як за соціалістичної доби міф про „турецьке рабство“ впливав на взаємовідносини з турецькою меншиною в Болгарії та чи спричинила державна політика НРБ стосовно турецької меншини до змін в інтерпретації періоду турецького панування.

Хронологічні рамки дослідження охоплюють період з 1946 по 2007 роки. Із часу створення НРБ і до самого кінця її існування міфи про „турецьке рабство“ і національне Відродження використовувались та експлуатувались режимом більш інтенсивно та більш ясно із метою легітимації своєї влади. Політика пам'яті була інтегральною частиною політики будь-якої держави за модерної доби, і Республіка Болгарія не була винятком. Проте, як ми розуміємо, акценти в цій політиці поступово змінювались. Ми передбачаємо, що трансформація цих міфів розпочалась із часу входження РБ до Європейського Союзу і була пов'язана із необхідністю обґрунтування „європейськості“ (легітимності знаходження Болгарії у складі ЄС) болгар.

Джерелами для написання роботи стали загальні праці з історії Болгарії та з історії Болгарського Відродження, які вийшли у світ у період з 1946 по 2007 роки. У статті ми проаналізуємо ці наукові доробки, використавши як методологію дослідження дискурс-аналіз, постколоніальні та імперські студії.

На нашу думку, початок конструювання міфів про „турецьке ярмо“ та національне Відродження як фактографічної і символічної істинності відноситься безпосередньо до періоду Відродження, що знайшло своє відображення у творчості болгарських письменників та поетів тієї доби (П. Хілендарський, Г. Раковський, Д. Чінтулов, Хр. Богев тощо). Так, у працях діячів Відродження зображувалося невимовно тяжке життя болгар під „турецьком ярмом“ та закликалося не тільки до вивчення власної історії, а й до рішучих дій проти іноземних поневолювачів. Особлива увага приділялась діяльності гайдуків і болгарських революціонерів. Саме винайдення міфу про

„турецьке рабство“ стало вихідним пунктом у формуванні ідеології національно-визвольного руху болгар.

Імперія Романових традиційно мала надзвичайний вплив на болгарське суспільство. Багато болгарських інтелектуалів епохи Відродження отримала освіту в Росії. Тому, можемо припустити, що деякі з них мали бути обізнаними з дискусіями навколо монголо-татарського ярма в Російській імперії. Вони певне сприйняли ці ідеї та згодом розповсюдили їх і у Болгарії. Російська дореволюційна історіографія, прагнучи відповідати на виклик, поставлений суспільною думкою того часу, чому Росія – не Європа та у чому причини її відставання у розвитку, вживали метафору „татарське ярмо“. Хоча деякі із її представників узагалі не вживали поняття „ярмо“. Радянська історіографія, посилаючись на роботу К. Маркса „Викриття дипломатичної історії XVIII ст.“, сформувала точку зору про катастрофічні наслідки монголо-татарської навали. Така позиція мала на меті пояснити причини відставання Росії, а згодом і Радянського Союзу, від західних країн⁵. В цьому контексті ми припускаємо, що концепт „монголо-татарське ярмо“, розповсюджений у Російській імперії та Радянському Союзі, міг вплинути на (ре)конструювання міфу про „турецьке ярмо“. Проте вплив концепції „татаро-монгольського ярма“ на формування метафори „турецьке ярмо“ потребує подальшого вивчення.

Міфи про „турецьке рабство“ та Болгарське Відродження стали основою формування болгарської національної ідентичності та одним із ключових стовпів написання національного гранднарративу. Написання релевантного історичного нарративу є основним завданням політики пам'яті будь-якої держави. Зауважимо, що характерними рисами офіційної політики пам'яті як НРБ, так і сучасної Республіки Болгарія були криміналізація та віктимізація минулого: винаходячи міфи стосовно турецького панування над болгарськими землями, влада намагалася сформувати погляд на історію нації як на низку злочинів проти болгар та репрезентувати болгарський народ як їх жертву. Так, п'ятивікове перебування болгарських земель під владою Османської імперії традиційно зображувалось як період „темних віків“ і нескінченних страждань болгарського народу. Окрім того, побутував також міф про насильницьку ісламізацію болгар. Відповідно епоха національного Відродження репрезентувалась як найвизначніша і найгероїчніша сторінка болгарської історії. Водночас і вона містила в собі низку історичних міфів (про гайдуків як свідомих борців за незалежність тощо)⁶.

Найбільш очевидними вони були за соціалістичної доби, оскільки саме в той період перед владою було поставлене завдання побудови „соціалістичної“ ідентичності. Ми схильні інтерпретувати СРСР як імперію слідом за Т. Мартіном, Ф. Хірш, Р. Шпорлюком, Д. Лівеном, С. Єкельчиком⁷ та іншими. Метою імперського дискурсу Радянського Союзу стосовно своїх національних „колоній“ було формування „соціалістичної“ ідентичності згідно із формулою „соціалістичний – за змістом, національний – за формою“. Цей принцип цілковито стосувався НРБ, яка сприймалася як „шістнадцята республіка“. Створюючи національну ідентичність та легітимуючи болгарську державність комуністична політика пам'яті (як і будь-яка) прагнула використати для цього найвидатніші події історії нації. Саме епоха болгарського національного Відродження стала основоположною частиною гранднарративу. Головною метою комуністичного режиму в цьому відношенні було встановити континуїтет з минулими, винайти „генеалогію“ з тим, щоб довести свою „спорідненість“ з революційними діячами епохи Відродження. Зокрема, проводились такі паралелі:

- між чорбаджіями⁸ епохи Відродження і буржуазією поствизвольної доби;
- між народом доби Відродження і пролетаріатом після проголошення незалежності;
- між революціонерами часів Відродження та соціалістами (комуністами);
- постать Христо Ботева, найвидатнішого революціонера Відродження, трактувалась як попередник сучасного пролетарія⁹.

Окрім того, діячі Відродження репрезентувались навіть як провісники „великої реформаторської справи“ Вітчизняного фронту. Досягнення Болгарією незалежності,

„братерський союз“ між слов'янськими народами, встановлення справжньої „народної демократії“, втілення в життя ідеалів повної людської свободи та соціального визволення, висунутих Хр. Ботевим, а також ненависть до зрадників та ворогів народу з „табору буржуазії“ бачились як втілення спадщини доби Відродження комуністичним режимом¹⁰.

Така державна позиція мала підтримку і в суспільстві. Коло професійних істориків традиційно були прибічниками концепції „турецького рабства“, окрім того, за соціалістичної доби вони активно сприймали пропоновані владою трактування періоду турецького управління та національного Відродження.

Після Другої світової війни болгарська історична наука переходить на марксистські позиції: домінує заперечення досягнень „старої“ школи, зневажається історична роль буржуазії в болгарській історії, на перший план висувуються соціально-політичні проблеми, робиться наголос на історії революційного руху. Відбувається перевидання творів істориків-марксистів, написаних до війни. Серед них, зокрема, і праця болгарського історика Ж. Натана „Болгарське відродження“¹¹. Під концептом „Болгарське відродження“ історик розуміє процес соціально-економічних перетворень, що являв собою за формою боротьбу болгарського народу проти турецького гніту та проти духовного гніту грецького духовенства. Революціонерів доби Болгарського відродження автор називає провісниками „великої реформаторської справи“ Вітчизняного фронту. Ж. Натан особливо підкреслює актуальність вивчення епохи Відродження: навчаючись на досвіді діячів доби, „ми будемо сильну, незалежну, вільну, народно-демократичну республіку в Болгарії“. Акцентуються симпатії „великого братерського російського народу“ до боротьби болгар за незалежність та „вирішальну допомогу“ Росії в цій боротьбі.

Згодом, в 50-ті рр. ХХ ст., виходять у світ дві узагальнюючі праці з історії Болгарського відродження: „Лекції з нової болгарської історії“ Д. Косева¹² та двотомна історія Болгарії¹³, де містився розділ, присвячений Відродженню. У своїй роботі Д. Косев, як і інші історики доби соціалізму, зображує чорбаджиїв як пригноблених болгарського народу, котрі зацікавлені у збереженні турецької влади. Історик детально описує стрімкий соціально-економічний розвиток та зародження капіталістичних відносин у болгарських землях на тлі феодальної системи Османської імперії, що перебувала у стані занепаду. Більша увага приділяється історії революційної боротьби, водночас не оминаються і питання духовно-культурної сфери. Хоча праця, звичайно, відчула на собі вплив доби і була написана з матеріалістичних позицій, завдяки виваженому науковому підходу автора „Лекції з нової болгарської історії“ відіграли важливу роль у підготовці молодого покоління болгарських істориків.

П'ятий конгрес Болгарської комуністичної партії (далі – БКП) 1948 р. доручив Інституту болгарської історії написання нової роботи з болгарської історії згідно з домінуючими політичними принципами. Авторський колектив був схвалений рішенням Політбюро ЦК БКП. Початковий варіант книги підлягав суворій партійній цензурі та обговоренню в Академії наук СРСР¹⁴. Звідси, праця „Історія Болгарії“ (Т. 1, 1954)¹⁵ насичена кон'юнктурними міркуваннями. В період 1961–1964 рр. з'являється трьохтомний варіант марксистської „Історії Болгарії“ (доби Відродження охоплює перший том¹⁶).

У травні 1968 р. Політбюро ЦК БКП прийняло рішення про створення багатотомної історії Болгарії. Праця мала складатися із 10 томів. Політбюро також розробило конкретні теоретико-ідеологічні та практичні рекомендації для написання роботи¹⁷. Автори четвертого тому, що вийшов 1983 р. та мав назву „Османське володарювання XV–XVII ст.“ („Османското владичество“)¹⁸, прагнули дистанціюватись від концепції „темних віків“, однак все ж багато чого з попередніх інтерпретацій було збережено. Це найбільш виявилось у вживанні метафор „рабство“ та „ярмо“. В 1985 та 1987 рр., коли комуністичні ідеологеми продовжували домінувати в історичній науці, вийшли у світ п'ятий та шостий томи „Історії Болгарії“¹⁹, що охоплювали період Відродження.

Праця Н. Генчева „Болгарське відродження“²⁰ відрізняється схильністю автора до неканонічного (немарксистського) історіописання: історик відмовляється від пропонованих владою трактувань епохи, проте, слідуючи історіографічній традиції, вживає

метафору „турецьке рабство“ стосовно періоду османського управління болгарськими землями. Робота позбавлена диспропорцій, які містилися попередні, увага приділяється не лише розвитку революційного руху та соціально-економічним чинникам Відродження, а й процесу націєтворення, культурній сфері, церковно-національному рухові та діяльності політичних угруповань болгарської еміграції. Згідно з Н. Генчевим, сутність Відродження полягає, по-перше, у вирішенні національного питання, а, по-друге, у переході від феодалізму до капіталізму. Головним результатом розвитку економічних, соціальних та культурних процесів доби Болгарського Відродження стало формування болгарської нації²¹.

Загалом, епоха Відродження інтерпретувалась у болгарській історіографії періоду соціалізму в економічних і соціальних (класових) поняттях. „Турецьке ярмо“ часто зображувалось як феодальне ярмо, що стримує розвиток болгарського капіталізму. Проте національне значення Відродження поступово реабілітувалось, в той час як соціально-економічний зміст применшувався. Болгарське Відродження пояснювалось соціально-економічними чинниками; роль особистості П. Хілендарського, якого нині вважають зачинателем процесу самоусвідомлення болгарської нації, довгий час нівелювалась. Центральне місце належало історії революційного руху, хоча поволі все більше уваги приділялось дослідженню духовно-культурних процесів.

Міф є своєрідним „клеєм історії“, завдання якого „переграти“ минуле по сценарію, який відповідає новим політичним цілям²². Таким чином відбувається певна інструменталізація минулого. Експлуатація міфів про „турецьке ярмо“ та національне Відродження від часу їх створення і донині була та є основою оформлення національної ідентичності болгар. Проте саме у соціалістичній Болгарії їх зміст стає жорстко регламентованим. Окрім того, ці міфи починають впливати на взаємовідносини з турецькою меншиною в НРБ. Навесні 1948 р. під впливом агітації, розгорнутої Туреччиною, і за сприяння Софії розпочалося переселення болгарських турків на історичну батьківщину. НРБ таким чином намагалась вирішити одну із найгостріших етнічних проблем. Але наприкінці 1950 р. Туреччина закрила кордон і перестала приймати переселенців. Утім, коли на початку 1952 р. кордон було знов відкрито, Болгарія відмовилася дати дозвіл на переселення. Це було зумовлено тим, що відбулися зміни у болгарській офіційній політиці щодо турецької меншини: розпочалась активна підтримка господарського і культурного розвитку регіонів з мусульманським населенням з тим, щоб відокремити його від ісламу і залучити до „соціалістичного будівництва“. Простіше кажучи, Болгарська комуністична партія та уряд прагнули таким чином реалізувати ідею болгарського соціалізму як національного за формою соціалістичного за змістом. Мета полягала у тому, щоб перетворити турецько-мусульманську меншину в секуляризовану соціалістичну націю²³. Така позиція болгарської сторони суттєво ускладнювала міждержавні відносини. Проте 1956 р. на вимогу Анкари Болгарія дала згоду на переселення турків, але вимагала від турецької сторони відшкодувати фінансові витрати, пов'язані з його організацією. Коли Туреччина після більш ніж річного зволікання погодилась на переговори з цього питання, то болгарська влада заявила, що може дозволити переселення не більше 2,5 тис. осіб. Це пояснювалось тим, що болгарським партійним керівництвом було розроблено нову концепцію „турецького питання“: тепер Болгарія виступала батьківщиною не тільки болгар, а й болгарських турків, а самі вони – „невід'ємна складова частина болгарської нації“. Зрештою, зважаючи на прагнення турків до виїзду з Болгарії, 1968 р. між Болгарією і Туреччиною було досягнуто домовленості про щорічну квоту переселенців, що сприяло нормалізації болгарсько-турецьких відносин²⁴.

Однак найяскравіше використання міфу про „турецьке рабство“ та насильницьку ісламізацію як пояснень та виправдань конкретної політики держави відбулось під час так званого „відроджувального процесу“ 1984–1989 рр., головною ідеєю якого було задля подолання тенденції зменшення чисельності болгарського етносу замінити мусульманські імена та прізвища турків і помаків²⁵ на болгарські. Термін „відроджувальний процес“ мав засвідчити, що йдеться не про примусово болгаризацію турків та інших мусульман, а про нібито повернення колись примусово ісламізованих болгар до свого

етнічного коріння. Спочатку перейменування проводилося завуальовано, а після прийняття ЦК БКП постанови „Зміцнення єдності болгарської соціалістичної нації та її етнічної гомогенності“ (січень 1985 р.) відбувалося відкрито, за участю міліції як гаранта дотримання правопорядку²⁶.

На нашу думку, позиція Болгарії стосовно турецької меншини та специфіка її відносин з Туреччиною мала чітке пояснення: вступ 1952 року Туреччини до НАТО. А, як відомо, соціалістична Болгарія, будучи формально незалежною державою, фактично мала статус зовнішньої „колонії“ Радянського Союзу (якщо розуміти СРСР як імперію). До того ж була ледве не найзавзятішим членом Організації Варшавського договору. Окрім того, зауважимо, що саме в першій половині 80-х років ХХ ст. відбувається чергове загострення „холодної війни“. Звідси, бачимо, що міф про „турецьке рабство“ в даному разі був використаний болгарськими урядовцями для виправдання державної політики. Так, у промові голови Ради міністрів і члена політбюро Г. Філіпова у Бургасі в березні 1985 року стверджувалось, що доля болгар за доби османського управління була дуже тяжкою та трагічною, а період „османського рабства“ описувався як часи жорстокого та систематичного потуречення („потурчане“) та ісламізації („исламізоване“). Прем'єр-міністр доводив, що наприкінці 1984 – на початку 1985 р. виник спонтанний і добровільний рух за „повернення“ слов'янських болгарських імен тим, хто при народженні отримав турецькі. Йшлося про те, що нібито ці люди усвідомили свою історію та відкрили для себе правду про своє походження, і все це сталося завдяки сприянню та піклуванню комуністичної партії про свій народ. Подібні ідеї висловлювались також головою парламенту та членом політбюро ЦК БКП С. Тодоровим²⁷.

Показово, що влада залучила болгарських істориків для справи виправдання „відроджувального процесу“ та доведення думки про те, що Болгарія є мононаціональною державою, а турецька меншина – це болгари, котрі піддалися асиміляторській політиці Османської імперії та втратили свою національну ідентичність. Найбільш показовими в цьому відношенні стали дві роботи, опубліковані Болгарською академією наук: „Проблеми розвитку болгарської народності та нації“ (1988) та „Сторінки болгарської історії. Нарис про ісламізованих болгар та національно-відроджувальний процес“ (1989). У січні 1990 р. 60 болгарських істориків виступили по телебаченню з декларацією, в якій вітали відміну кампанії по заміні імен та заявляли, що БКП змусила їх брати участь у цій кампанії²⁸.

Тепер коротко висвітлимо основні підходи до розуміння періоду турецького управління та епохи національного Відродження, висунуті болгарськими істориками постсоціалістичної доби. Р. Даскалов, який працює у постмодерній парадигмі, зауважує, що саме використання терміну „турецьке рабство“ є некоректним з двох причин. По-перше, науковий термін „рабство“ застосовується до Старого світу, а також до південних штатів США в період Нового часу; стосовно ж часів турецького панування над болгарськими землями цей термін стає емоційною та оціночною категорією. По-друге, вживання слова „турецький“ замість „османський“ породжує певні асоціації з Туреччиною і турецькою меншиною в Болгарії²⁹.

І. Стоянов наслідує підхід Н. Генчева до Болгарського Відродження, стверджуючи, що основним результатом матеріальних, соціальних та культурно-духовних змін, що мали місце під окресленої доби, було формування болгарської нації. Дослідник інтерпретує Болгарське Відродження як перехід до Нового часу, проводячи паралель між цією епохою і Ренесансом, Просвітництвом і Революційним буржуазним переворотом³⁰. П. Мітев визначає Болгарське Відродження як епоху переходу від Середньовіччя до Нового часу (або буржуазної доби), відзначаючи появу в цей період модерних ринкових і соціальних відносин, а також формування болгарської нації³¹. К. Косев звертає увагу на історіографічні проблеми при вивченні Болгарського Відродження, на викривлення і міфи у інтерпретації епохи. Однак і сам, слідує історіографічній традиції, вживає метафору „османське ярмо“ та стверджує, що болгарський народ перебував під подвійним гнітом – турецьким і грецьким³².

Довгий час не лише у суспільній, а і в науковій сфері Болгарії домінувало тракту-

вання турків та греків як „чужих“, „ворогів“, а звідси – і вживання термінів „турецьке рабство“, грецьке „фанаріотське ярмо“. Однак останнім часом простежується пошук певного консенсусу у цьому питанні. Поряд із вживанням емоційно забарвлених термінів „османське ярмо“³³, дослідники все більше схиляються до таких більш нейтральних характеристик як „турецьке володарювання“, „турецька влада“³⁴, „султанське підданство“³⁵. З'являються праці, які, зважаючи на територіальну близькість та взаємовплив, намагаються подивитися на болгарську культуру та в цілому на Болгарію як на культурне та ментальне Прикордоння³⁶.

На наш погляд, національний дискурс постсоціалістичної Болгарії мав риси подвійної постколоніальності: постосманської та пострадянської. З одного боку, будучи колишньою „колонією“ Османської імперії, Болгарія природно прагне зобразити турків виключно як поневолювачів та завойовників, а їх владу репрезентувати чи то як „турецьке ярмо“, чи то як „турецьке рабство“. Окрім того, використовувався також міф про насильницьку ісламізацію. З іншого – як намагання відкинути соціалістичний досвід, статус зовнішньої „колонії“ СРСР та спрямувати країну до європейських структур активно експлуатувалась теза про те, що потрапивши під турецьке панування, Болгарія на декілька століть відійшла від європейського цивілізаційного процесу; вплив же мусульманської цивілізації на традиційну християнську культуру болгар вважався чимось таким, проти чого потрібно було активно протистояти.

Національна історія завжди наголошує на здобутках нації та предметах національної гордості, а подекуди і вдається до їх гіперболізації. Головною дійовою особою національного метанаративу є „свої“, діяння яких виступають єдиними вірними та істинними, стосовно „чужих“ відбувається зворотній процес: „інший“ зазвичай постає в образі ворога³⁷ (в болгарському контексті традиційно такими „чужими“ є турки та греки). Якщо османське управління болгарськими землями репрезентується як „турецьке рабство“ чи „ярмо“ (головним чином, у адміністративній сфері), то домінування греків у церковній сфері та ініційована грецьким духовенством програма елінізації православного населення Османської імперії³⁸ характеризуються як „фанаріотське ярмо“³⁹. Тенденція зображення турків та греків як ворогів, боротьба проти яких цементує болгарську націю, є спільною як для соціалістичного, так і для постсоціалістичного болгарського гранднаративу.

Однак, як вже зауважувалося, останнім часом дослідники відходять від вживання метафор „рабство“ та „ярмо“. В результаті такого конструювання образів ворога стосовно турків і греків, праці (і особливо шкільні підручники з історії), що мають назву „Історія Болгарії“, незалежно від того, коли вони вийшли друком – за доби соціалізму, чи у постсоціалістичній Болгарії, цілковито ігнорують усіх, хто не є в даному разі етнічними болгарами, а якщо і згадують „інших“, то переважно у негативному ключі, і, таким чином, насправді постають як відповідно історії болгарського народу⁴⁰. Тобто, головним героєм гранднаративу є нація, яка проєціюється на минулі часи, коли її не існувало як такої, в тому числі і на період первіснообщинного ладу. Так, зокрема, у розроблених 1968 р. Політбюро ЦК Болгарської комуністичної партії рекомендаціях щодо написання багатотомної „Історії Болгарії“ радилося зображувати болгар як наступників фракційців⁴¹. Власне кажучи, коли ми говоримо про болгарське національне Відродження, то використання цього терміну передбачає, що до цього вже існувала нація, яка на разі „відроджується“. Однак, розуміючи концепт „нація“ як винахід модерної доби, середньовічну болгарську спільноту важко назвати нацією. Отже, вживання терміну „Відродження“ є в даному разі не зовсім коректним.

Зауважимо, що стосовно написання національного гранднаративу надзвичайно важливим є питання селективності: особливий акцент робиться на подіях, що уславлюють націю, в той час як моменти зрадництва, національної ганьби свідомо ігноруються⁴². Конструюючи та реконструюючи міфи про „турецьке ярмо“, історики соціалістичної та постсоціалістичної Болгарії акцентували перш за все увагу на економічному гнобленні, що проявилось у низці непомірних податків, які мало сплачувати болгарське населення османському уряду, а також на масових потуреченнях та ісламізації болгар. Випадки на-

сильницької ісламізації роздмухуються до неабияких масштабів, а факти добровільного переходу болгар до мусульманської віри всіляко замовчуються, або ж згадуються побіжно. Квінтесенція міфу про національне Відродження – відчайдушна боротьба болгар за національне визволення, основними провідниками якої початково були гайдуки. Характерно, що як за соціалістичної, так і за постсоціалістичної доби діяльність чет гайдуків, які за своєю суттю були розбійниками, що спустошували як маєтки мусульманських багатіїв, так і християнських, зображувалась як захист болгарського населення від турецьких загарбників. Гайдуки репрезентувались як національно свідомі борці за болгарську незалежність та як провісники революціонерів епохи пізнього Відродження⁴³. За доби соціалізму головна увага надавалась революційному рухові, а церковно-національний знаходився на маргінесі (проте поступово розроблялись і проблеми церковної боротьби), Відродження інтерпретувалося головним чином у соціально-економічних термінах, національна складова епохи згадувалась між іншим. У постсоціалістичній Болгарії Відродження стало розумітись не лише як боротьба проти „фанаріотського ярма“ та „турецького рабства“, а і як процес широких економічних, соціальних, культурно-духовних перетворень, головним результатом яких стало формування болгарської нації.

Однією із рис політики пам'яті і політики ідентичності є створення національних пантеонів. Діячі Відродження посідали і посідають важливе місце у переліку національних героїв як соціалістичної, так і постсоціалістичної Болгарії. Зокрема, образи Хр. Ботева та В. Левського були і є найбільш загребуваними серед політичних партій та сил різного спектру. Однак перш за все національні герої слугують легітимації режиму. Навколо них державою створюється низка культів, святкуються різного роду свята, річниця⁴⁴. Показово, що протягом соціалістичного періоду в Болгарії існувала навіть ієрархія національних героїв: найвищий щабель займали революціонери, за ними йшли діячі боротьби за незалежність болгарської церкви, найнижчу сходинку посідали просвітники. Окрім того, стосовно соціальних класів діяла також певного роду ієрархія відповідно до їх внеску у національне Відродження. Великий акцент робився на внеску селян, незважаючи на те, що їх реальний внесок у визвольні змагання болгарського народу був значно меншим, а буржуазія (особливо її найбагатша частина – чорбаджійство) піддавалась нищівній критиці⁴⁵. Лише в 70-х рр. ХХ ст. завдяки зусиллям болгарського історика Н. Генчева буржуазія була реабілітована.

Отже, міфи про „турецьке ярмо“ та національне Відродження дійсно посідали і посідають центральне місце у болгарському національному дискурсі. Відзначимо, що протягом зазначеного періоду відбувається еволюція у (ре)конструюванні цих міфів: порівняно із добою соціалізму в наукових працях постсоціалістичної Болгарії не зустрічається прямих паралелей між досліджуваною епохою і сучасною політичною ситуацією та намагання наділити сучасних політиків рисами діячів Відродження. Показово, що останнім часом простежується тенденція відходу від вживання метафор „турецьке рабство“ та „ярмо“.

¹ Поняття „міф“ в даному контексті розглядається нами не в термінах істинності/неістинності, не як оціночна, а як аналітична, нейтральна категорія. Міфи – це висловлювання, котрі щось повідомляють нам про світ і при цьому здобули стихійно чи завдяки діям суспільних та політичних сил статус фактографічних або символічних істин – неперифікованих, „знерухомлених“ і більш чи менш сакралізованих. Див.: Шацька, Б. *Минуле–пам'ять–міф*. Чернівці, 2011, с. 71–101.

² Чорний, В. П. *Історія Болгарії*. Львів, 2007, с. 222.

³ *Daskalov, Roumen. The making of a nation in the Balkans: historiography of the Bulgarian Revival*. Budapest–New York, 2004. (Даскалов, Р. Как се мисли Българско Възраждане: историографско проучване. София, 2002.)

⁴ *Todorova, M. N. Bones of Contentment: The living archive of Vasil Levski and the making of Bulgaria's national hero*. Budapest–New York: Central European University Press, 2009.

⁵ *Рудаков, В. Н. Концепция ордынского „ига“ и отношения с Ордой в русском общественном сознании второй половины XIII–XVI веков*. – Вестник МГИМО-Университета, 2012, № 4, с. 29–30, 32.

⁶ *Натан, Ж. Болгарское возрождение*. Пер. с болг. Н. Н. Соколова и С. Г. Займовского. М.,

1949; *Косев, Д.* Новая история Болгарии: Курс лекций. Пер. с болг. Л. Б. Валева, Н. И. Попова, Н. Н. Соколова. М., 1952; *Косев, К.* Кратка история на Българското Възраждане. София, 2001; *Стоянов, И.* История на Българското възраждане. Велико Търново, 1999.

⁷ *Lieven, D.* The Russian Empire and the Soviet Union as Imperial Polities. – *Journal of Contemporary History*, vol. 30, 1995, No. 4, pp. 607–635; *Шпорлюк, Р.* Імперія та нації (з історичного досвіду України, Росії, Польщі та Білорусі). К., 2000; *Martin, T.* The Affirmative Action Empire. Cornell UP, 2001; *Hirsch, Fr.* Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca and London, Cornell University Press, 2005; *Yekelchuk, Serhy.* Stalin's Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination. Toronto–Buffalo–London, 2004.

⁸ Чорбаджії – представники крупної сільської та міської буржуазії, з середовища яких обирали голів місцевого самоврядування.

⁹ *Даскалов, Р.* Как се мисли Българско Възраждане: историографско проучване. София, 2002, с. 341–342.

¹⁰ Там само, с. 343.

¹¹ *Натан, Ж.* Болгарское возрождение. Пер. с болг. Н. Н. Соколова и С. Г. Займовского. М., 1949.

¹² *Косев, Д.* Новая история Болгарии: Курс лекций. Пер. с болг. Л. Б. Валева, Н. И. Попова, Н. Н. Соколова. М., 1952.

¹³ История на България. Т. 1. София, 1954.

¹⁴ *Бонева, В.* Възраждане: България и българите в преход към новото време: академичен обзор. Шумен, 2005, с. 58, 62.

¹⁵ История на България. Т. 1. София: Издателство на БАН, 1954.

¹⁶ История на България. Т. 1. София: Издателство на БАН, 1961.

¹⁷ *Riis, C.* Religion, politics, and historiography in Bulgaria. New York: Columbia University Press, 2002, pp. 22–23.

¹⁸ История на България. Т. 4. София: Издателство на БАН, 1983.

¹⁹ История на България. Т. 5. София: Издателство на БАН, 1985; Т. 6. София: Издателство на БАН, 1987.

²⁰ *Генчев, Н.* Българско Възраждане. София: Издателство на Отечествения фронт, 1988.

²¹ Там само.

²² *Калинина, Г. Н.* Мифологизированная история как ресурс инструментализации прошлого. – В: Материалы VI Интернет-конференции „Образование в современном мире“ (март 2011 г.). Режим доступа: <http://www.sgu.ru/files/nodes/63395/Kalinina.pdf>.

²³ *Riis, C.* Religion, politics, and historiography in Bulgaria. New York: Columbia University Press, 2002, p. 13.

²⁴ *Чорній, В. П.* Історія Болгарії. Львів: ПАІС, 2007, с. 329–330.

²⁵ *Помаки* – болгари, що перейшли з християнства у магометанську віру (болгарською мовою цей процес має назву „помохакеданчеване“, звідси скорочена назва – „помак“).

²⁶ *Чорній, В. П.* Історія Болгарії. Львів: ПАІС, 2007, с. 342.

²⁷ *Riis, C.* Religion, politics, and historiography in Bulgaria. New York: Columbia University Press, 2002, pp. 15–16.

²⁸ *Ibidem*, p. 17.

²⁹ *Даскалов, Р.* Между Истока и Запада: Български културни дилеми. София: Лик, 1998, с. 76.

³⁰ *Стоянов, И.* История на Българското възраждане. Велико Търново: Абагар, 1999.

³¹ *Митев, П.* Българското Възраждане: Лекционен курс. София: Полис, 1999.

³² *Косев, К.* Кратка история на Българското Възраждане. София: Академично издателство „Проф. Марин Дринов“, 2001.

³³ Там само.

³⁴ *Стоянов, И.* История на Българското възраждане. Велико Търново: Абагар, 1999.

³⁵ *Бонева, В.* Възраждане: България и българите в преход към новото време: академичен обзор. Шумен: Университетско издателство „Епископ Константин Преславски“, 2005.

³⁶ *Косев, К.* Кратка история на Българското Възраждане. София: Академично издателство „Проф. Марин Дринов“, 2001.

³⁷ *Даскалов, Р.* Между Истока и Запада: Български културни дилеми. София: Лик, 1998, с. 69.

³⁸ Протягом турецького панування болгари не мали власної церкви, знаходячись під зверхністю Константинопольської патріархату; лише 1870 р. болгарська Церква отримала незалежність, було створено Екзархат.

³⁹ *Фанаріотами* називали представників старої грецької аристократії, які проживали в одному з кварталів Константинополя, що мав назву „Фенер“.

⁴⁰ Теза стосовно робіт з історії України була вдало підмічена американським вченим П.-Р. Ма-

гочієм. *Див.: Магочій, П.-П.* Україна: історія її земель та народів. Ужгород: Вид-во В. Падяка, 2012).

⁴¹ Riis, C. Religion, politics, and historiography in Bulgaria. New York: Columbia University Press, 2002, pp. 22–23.

⁴² Даскалов, Р. Между Истока и Запада: Български културни дилеми. София: Лик, 1998, с. 69, 75.

⁴³ Там само, с. 75–77.

⁴⁴ Одним із центральних постатей національного пантеону є Васил Левський. Доречі під час проведення у Болгарії телевізійного проекту „Великі болгари“ саме він очолив десятку великих болгар. Культю В. Левського у болгарському суспільстві присвячена монографія М. Тодорової. *Див.: Todorova, M. N.* Bones of Contention: The living archive of Vasil Levski and the making of Bulgaria's national hero. Budapest–New York: Central European University Press, 2009. Зауважимо, що до цього переліку 10 національних героїв входять також болгарський революціонер Хр. Ботев і зачинатель національного Відродження, автор „Історії слов'яноболгарської“ Паїсій Хілендарський.

⁴⁵ Даскалов, Р. Между Истока и Запада: Български културни дилеми. София: Лик, 1998, с. 78–79.

РАЗБОЙНИЧЕСТВО В БОЛГАРИИ НАКАНУНЕ И В ПЕРВЫЕ ВЕКА ОСМАНСКОГО ГОСПОДСТВА

Н. В. Пасько, Д. И. Полювянный

Пасько, Н., Полювянный, Д. Разбойничества в Болгарии в навечерие и в первые векове на османското господство

Статията разкрива континуитета между разбойничеството от последния век в живота на средновековната Българска държава и румелийското хайдутство от първото столетие на османското господство. Специално внимание е отделено на общите черти между политиките на българските и османските власти относно разбойниците (наказания, опазване на пътища, проходи и пр.). Статията засяга същността на хайдутството и неговата трансформация в националноосвободително движение.

Ключеви думи: България, разбойничество, османско господство, хайдутство.

Пасько, Н. В., Полювянный, Д. И. Разбойничество в Болгарии накануне и в первые века османского господства

В статье выявляется преемственность между разбойничеством последнего века существования средневекового Болгарского государства и румелийским гайдучеством первого столетия османского господства. Особое внимание уделено общности политики болгарских и османских властей по отношению к разбойникам (наказания, охрана дорог, переправ и т. д.). Затрагивается вопрос о сущности гайдучества и его дальнейшей трансформации в национально-освободительное движение.

Ключевые слова: Болгария, разбойничество, османское господство, гайдучество.

Pas'ko, N., Polyvyannyy, D. The brigandage in Bulgaria on the eve and in the first centuries of the Ottoman domination

The article reveals continuity between the brigandage of the last century of the medieval Bulgarian state and the Rumelian hayduks of the first century of the Ottoman rule. Special attention is given to common features in the policies of Bulgarian and Ottoman authorities towards brigands (punishment, protection of roads, passes, etc.). The article concerns the essence of the hayduk movement and its subsequent transformation into national liberation movement.

Keywords: Bulgaria, brigandage, Ottoman domination, hayduks.

Постоянное присутствие вооруженного насилия в повседневной жизни – одна из неотъемлемых черт общества на ранних этапах его развития. В Европе Средневековья и раннего Нового времени среди форм вооруженного насилия особое место занимало разбойничество, о широком и повсеместном распространении которого говорят богатый репертуар прямых и иносказательных названий разбойников в европейских языках, обилие связанных с ними сюжетов в фольклоре и агиографии¹, частые упоминания о разбое в правовых памятниках². Если морское пиратство было своеобразной „профессией“, связанной с преступным миром портовых городов, то сухопутное разбойничество, которое нередко носило „сезонный“ характер, питала прежде всего аграрная среда.

Разбойники заведомо и открыто позиционировали себя по ту сторону любого писаного или неписаного права, выводили себя за рамки существующих иерархий – иногда временно, с целью вернуть или повысить утраченный социальный статус. Это, в свою очередь, требовало от государственных и общественных структур жестких и действенных мер против разбойников.

Рассматривая исторические формы разбойничества в социальном контексте, британский историк Э. Хобсбаум обратил внимание, что пополнение разбойничьих рядов шло в основном за счет неженатой молодежи из крестьянских семей и одиноких мужчин различного происхождения, потерявших семьи или порвавших с сообществами, к которым они ранее принадлежали (изгоев, дезертиров, беглецов, разорившихся или лишенных наследства людей и пр.)³. Ростом разбойничества сопровождалась войны и междоусобицы, кризисы власти и природные бедствия, миграции населения и заселение колонистами равнин в гористой местности, формирование и пересмотр границ между государствами, уделами и пр. Еще один аспект – тесная связь разбойничества с ком-

муникациями – горными перевалами, мостами и бродами, лесными массивами, через которые проходили дороги.

В историографии болгарского Средневековья и раннего Нового времени существует несколько подходов к периодизации истории местного разбойничества (гайдучества, арамейства). Первый из них, характерный для большинства болгарских и для части отечественных исследователей, проводит черту между средневековым разбойничеством и гайдучеством османской эпохи, выделяя в последнем ранние тенденции к перерастанию в народное движение против завоевателей. Второй, представленный частью западных и российских ученых, представляет гайдучество сложным социально-историческим феноменом, который сформировался в условиях зрелого османского государства не ранее второй половины XVI в. Наконец, третья точка зрения сдвигает хронологические границы „национально-освободительного“ периода гайдучества на XVIII–XIX вв., относя его предшественников к „социальным бандитам“ по терминологии Э. Хобсбаума⁴.

В настоящей работе мы выдвинем дополнительные, хотя и косвенные аргументы в пользу второй точки зрения, обосновывая прямую преемственность между разбойничеством последнего века существования средневекового болгарского государства и румелийским гайдучеством первого столетия османского господства. Эта попытка укладывается и в русло другой отчетливой тенденции современной историографии – продлить эпоху болгарского Средневековья за счет размывания хронологического рубежа установления здесь османского владычества⁵.

Поскольку источники, прямо касающиеся разбойников, фрагментарны и малочисленны, целесообразно привлечь сведения о восприятии разбойничества современниками, а также данные о противодействии разбойникам со стороны властей. О распространении разбойничества в православных балканских странах говорит обилие упоминаний о нем в правовых памятниках. Составленный в первой половине XIV в. византийским канонистом Матфеем Властарем алфавитный кодекс „Синтагма“, который использовался в Болгарии и Сербии, включает и статьи, касающиеся разбойников. Общая правовая норма, что „с оружием нападающие и опустошающие чужие дома или поля наказываются смертной казнью“, в применении к разбойникам получила здесь важное дополнение: „Разбойники известные казнятся чрез повешение в тех местах, в которых совершали преступления, дабы сим зрелищем устрашить решающихся на сие и доставить утешение родственникам убитых“⁶. Даже раскаявшийся разбойник, согласно „Синтагме“, должен быть подвергнут суду как убийца: „Великий Григорий Нисский в 6-м правиле повелевает разбойника раскаявшегося и через покаяние прибегшего к Церкви подвергать суду человекоубийц, ибо разбойник, для достижения своего намерения, говорит св. отец, „употребляет и человекоубийство, и к сему приуговоряется и оружием, и скопищем подобных себе и способностями мест“⁷. Кодекс устанавливал, что „тот, кто для общей пользы, приложив старание отыскать разбойника, найдет и убьет его, тот и по гражданским и по церковным законам не только не подвергнется наказанию, но должен быть удостоен и наград, как спасший от смерти своих единоплеменников и сделавший страну безопасной“. В то же время, согласно „Синтагме“ и другому общеправославному своду – Номоканону, убийство разбойника в схватке обычным жителем или путником считалось самозащитой только в том случае, если разбойник напал первым⁸.

Согласно Законнику сербского царя Стефана Душана (1349 г., дополнен в 1354 г.), разбойники (гусаре), как и по „Синтагме“, карались смертью, и при этом вся ответственность за борьбу с ними возлагалась на местные власти – кефалиев и подведомственных им стражей, которые были обязаны охранять путников и их имущество от нападений разбойников. Более того, кефалии и население деревень, несшее повинность стражи, должны были возмещать пострадавшим ущерб от ограбления их разбойниками⁹.

В Болгарии не составлялись своды законов, подобные „Синтагме“ и „Законнику“, но в царских грамотах упоминается возмещение ущерба от разбойничества – „разбой“, от которого, например, был освобожден Иоанном Александром (1331–1371) монастырь св. Николая в с. Оряхово¹⁰. Наиболее полное определение разбойничества находится в части Синодика болгарской церкви, которая составлена в XIV в.: „Всеми, кто дома христианские грабит, или коней ворует, или волов, или на дорогах обирает на пагубу и

тщету христианам, и всем, кто их посылает на такие дела, или, зная о них, покрывает, анафема¹¹. В определении Синодика, читавшегося в храмах в первое воскресенье после Пасхи, привлекает внимание структурирование разбойничьего „ремесла“. Наряду с нападениями на жилища и угоном скота, упоминается классический бандитизм „на большой дороге“. Особо выделены те, кто посылает разбойников „на дело“, и те, кто по сути дела, помогает им, не выдавая властям их убежищ.

Другой церковный источник – написанное вселенским патриархом Каллистом и переведенное на славянский язык во второй половине XIV в. житие св. Григория Синаита, сообщает, что разбой был распространен среди жителей болгаро-византийского пограничья издавна „по давнему обычаю и вошел в их нрав“¹². Основанная св. Григорием обитель в Парории подвергалась частым нападениям разбойников, причиной чего, как отмечает житие его ученика – Ромила Бдинского, был распространившийся по всей стране голод („И сильный голод был по всей той стране и разбойники, по дорогам засевающие, творили зверства“...)¹³. В житии св. Ромила дается впечатляющее описание „зело лютых“ жестокостей, чинимых разбойниками: „Раскаленное железо в утробы иноков влагали, требуя у них то, что имели они для своих малых потребностей, и, забрав все, оставляли рабов и служителей Божьих даже без этих самых нужных вещей“¹⁴. „Хусаре“, как их называли местные жители, не только творили бесчинства, но и были задействованы в конфликтах между монастырями – недовольный приходом синайского подвижника местный старец Амирали не только угрожал Григорию навести на него разбойников, чтобы те погубили его вместе с учениками, но и реализовал эту угрозу. В конце концов инокам пришлось покинуть Парорийский монастырь, отправиться во внутренние области Болгарии (Загорье) и просить о защите царя Иоанна Александра. Вняв жалобам Синаита, царь устранил разбойников, нападавших на Парорию, смертной казнью и выстроил башню-пирг для укрытия иноков. Однако по возвращении монахов в Парорию на них обрушились новые бедствия – на обитель стали нападать турецкие отряды, и ее пришлось забросить¹⁵.

В православных славянских государствах Балкан в XIV в. жителям сел, расположенных вдоль дорог в горных ущельях и у речных переправ, государством вменялось в обязанность охранять пути и путников от разбойников. Однако те, кто был призван бороться с разбойниками, видимо, не слишком отличались от них. Византийский хронист Никифор Григора в частном письме (1326 г.), целиком включенном затем в его „Ромейскую историю“, подробно описал свою встречу с такими стражами – выходцами из Болгарии – во время путешествия по Македонии: „Я старался всеми силами поддерживать в себе бодрость духа, но тот не подчинялся и не переставал упрекать за несвоевременное путешествие. Обращаясь непрестанно сам к себе, дух мой видел снова и снова повторяющиеся картины засад и кровожадных мужей, которые из укрытия нападают на нас и убивают мечами. И пока мы находились в этом тяжелом положении, неожиданно из местных ущелий и пропастей появились некие мужи, одетые в черные одежды из шерсти и овечьей кожи, которые они изготавливали сами от овец, когда испытывали в них необходимость. Эти мужи были настоящими демонами-привидениями. Действительно, они не были целиком облачены в железо, как тяжело вооруженные воины, но не были и совсем безоружны. У большинства в руках было оружие для ближнего боя, например, копья и топоры, а у некоторых были и стрелы. В первый момент ужас и страх объяли нас. И могло ли быть иначе? Ведь мы находились в чужих местах, в непроглядном ночном мраке и при том между людей, которые не знали нашего языка. Большинство тамошних жителей – переселенцы из Мёзии (т. е. Болгарии) и ведут образ жизни, подобный своим соплеменникам. Затем мы опомнились и пришли в себя, потому что они вежливо и добродушно приветствовали нас на своем языке. Они не проявили никаких разбойничьих намерений, или потому, что по сравнению с нами их было мало, и они сочли бой с нами неравным, или потому, что их остановил Господь. Я допускаю более второе, чем первое, потому что как местные и опытные в устройстве засад против нас, чужаков, в тамошних местах люди они, если бы пожелали сразиться в такой непроглядной темноте, то делали бы это так, как если бы зрячие сражались со слепыми. Получив подобное приветствие и с нашей стороны (некоторые из наших понимали их язык), они кратко сообщили причину

своего пребывания там. Они были стражами дороги (φύλακες τῶν ὁδῶν) и были обязаны прогнать всякого, который пожелал бы, скрытно нападая, грабить близкие места¹⁶. Из текста самого письма следует, что упоминаемые здесь злоумышленники „переходят из соседних областей“, т. е. Болгарии или Сербии.

В византийских источниках о Болгарии XIV в. разбойниками называются также предводители вооруженных отрядов, нередко выступавшие в качестве наемников в бесконечных конфликтах между балканскими государями. Тот же Никифор Григора, описывая со слов своего предшественника Георгия Пахимера начало мятежа Ивайло-Лоханы в Болгарии (1277 г.), добавляет, что тот, будучи свинопасом, собрал вокруг себя много простых и необузданных людей и начал жить жизнью разбойника (ληστρικών βίον)¹⁷. Предводителем разбойничьей шайки, по словам Иоанна Кантакузина, в начале своей карьеры был и активный участник болгарско-византийских усобиц Момчил („Момчил юнак“), гибель которого нашла широкий отклик в средневековых балканских летописях.

В фольклоре и литературе народов всей Европы были распространены сюжеты о раскаивающихся разбойниках, ставших благочестивыми христианами, что выделяло разбойничество среди прочих преступных деяний. В средневековой Болгарии такие притчи распространились вместе с т.н. Патериками – сборниками монастырских поучительных рассказов и житий. Особенной популярностью пользовался т.н. Синайский патерик („Луг духовный“, или Лимонарь) – славянский перевод сборника Иоанна Мосха (конец VI – начало VII в.), куда входили несколько повествований о раскаившихся разбойниках. Надо отметить, что их сюжетные линии в целом соответствовали цитированному выше каноническому установлению: раскаивание не избавляло разбойников от суровых светских наказаний, включая смертную казнь¹⁸.

Специфическую интерпретацию этого мотива демонстрирует славянское житие св. Варвара Пелагонийского, почитание которого приобрело особое значение в Болгарии в середине XIV в., когда миро от мощей святого использовалось в Болгарской патриархии для помазания. Согласно житию в южнославянском списке XV в. Варвар, „египтянин“ по происхождению (т. е., возможно, цыган), более двадцати лет занимался „хусарским ремеслом“ на суше и на море и был избран товарищами атаманом за физическую силу и меткость стрельбы. Потерпев кораблекрушение, разбойник дал обет посвятить себя Господу и исполнил его, став отшельником. Варвар погиб от случайной стрелы самострела, поставленного охотником, что символизировало отложенную до примирения с Богом заслуженную кару. В тропаре, завершающем житие, св. Варвар сравнивается с евангельским разбойником (Лк. 23:40–43): „Разбойник, с Христом сораспятый, Бога так сущего уразумел, Варвар же не был сочтен разбойником (НЕ ПОЛУЧЬ РАЗБОЙНИЧЬ-СТВА), в Бога так веруя истинного“¹⁹.

Средневековое общественное сознание часто наделяло разбойников чертами народных мстителей и заступников. Если в классическом европейском Средневековье хрестоматийным примером благородных разбойников были веселые обитатели Шервудского леса, то фольклорные и литературные традиции южных славян в раннее Новое время возвели в ранг народных защитников-борцов против османского ига их балканских собратьев (гайдуков, арамиев, хусар, ускоков, клефтов) и пр. В болгарской историографии высказывалось мнение о том, что разбойники-гайдуки действовали на болгарской территории уже в XV в. Основой его являются известие французского путешественника Берtrandона де ла Брокьера (1433 г.) о наличии разбойников в Ихтиманском ущелье, где имелись два села, жители которых выполняли функции стражей проходившей здесь дороги²⁰, и летописное сведение о пленении в Софии некоего „воеводы Радича“, помещаемое под 1454 г. („В этом году Мехмед царь пленил Радича, болгарского воеводу, в Софии“)²¹. Последнее увязывается некоторыми болгарскими историками с гайдучеством весьма произвольно и скорее относится к последним актам сопротивления османам со стороны болгарской знати. Как отмечает И. Ф. Макарова, первый век османского владычества в целом характеризовался гораздо более низким уровнем преступности, чем последующие²².

На этом фоне явным диссонансом выступают фольклорные памятники, где прообразом будущих народных мстителей выступает Крали Марко – любимый герой юнацких

песен. Его реальный прототип – „королевич“ Марко, сын убитого в 1371 г. при Черномене Вукашина – был османским вассалом и погиб в битве при Ровине (1395 г.), сражаясь на стороне султана Баязида I (1389–1402) против валашского господаря Мирчо Старого. Мотивы героических деяний Марко заняли настолько прочное место в болгарской фольклорной традиции, что попали в круг внимания иностранных путешественников (Мелхиор Безолт – 1584, Райнхолд Любенау – 1587). Последний отмечал: „Болгары сочинили одну особую песню об этом Марко, которую они постоянно поют в честь этого деспота на своих сборищах и везде, где бы они ни были“²³. Вымышленные похождения фольклорного Марко, в свою очередь, стали образцом для песен о гайдуках. В результате даже в трудах ученых-славистов, например, П. А. Сырку, сам Марко предстал предводителем гайдуков, собиравшим вокруг себя „огромные четы, которые равнялись целым войскам“²⁴.

На наш взгляд, создание героического эпоса о Марко в период установления османского господства явилось своеобразным средством адаптации болгар к новым внесленным в их жизнь порядкам. „Персонификация индивидуальных и коллективных идеалов“²⁵ в образе „благородного разбойника“ выполняла сразу несколько функций: во-первых, позволяла теоретически расширить границы возможностей повествователя, поскольку соперживавший своему герою рассказчик с большой долей вероятности мог найти нечто общее с собирательным образом своего храброго и решительного героя; во-вторых, „легализовывала“ разбой, в который мог быть втянут либо сам повествователь, либо кто-то из членов его семьи в общественном сознании. Появившиеся позже песни о Новаке, Велко, Чавдаре и других гайдуцких атаманах – „воеводах“ – укрепили и развили эту тенденцию уже на более позднем, но немногим более достоверном материале преданий о народных мстителях.

Однако даже героизация гайдучества не уничтожила традицию считать разбойничество антиобщественным деянием и тяжким грехом. Как показано в работе болгарского исследователя Н. Ненова, для гайдуцкого эпоса характерно не только воспевание подвигов, но и мотив „грешных гайдуков“, деяния которых включали осквернение могил, убийство родственников, поджоги и грабежи церквей и монастырей²⁶. Среди подвергаемых мукам грешников помещают разбойников фрески с изображением Страшного суда в болгарских церквах XV в. (Драгалевци, Бобошево) и фольклорные тексты о Страшном Суде²⁷.

Упоминания о деятельности „гайдуков“ и „разбойников“ в болгарских землях становятся более частыми в XVI в. В исламском праве разбойничество („худуд“) считалось одним из наиболее тяжких преступлений. В Коране (5:34–35) разбойничество („хираба“) названо „войной против Аллаха и его Посланника“, а разбойники – „сеющими беспорядок по всей земле“. При этом следует учитывать, что разбойниками в традиционном смысле не считались люди, принадлежавшие „к дому войны“, т.е. приходившие из земель, еще не завоеванных османами, они относились к вооруженным противникам, подлежавшим уничтожению или плену²⁸.

Османские правовые источники косвенно подтверждают неоднозначное отношение к гайдукам сельского населения, нередко прямо или опосредованно страдавшего от разбойных нападений. Так, в султанском приказе („заповеди“) о пресечении разбоя в румелийских санджаках (в т. ч. и в районе Софии) 1528 г. указывается, что группы разбойников „нападают среди ночи на села, убивают людей, грабят имущество...“, совершают нападения на дорогах, грабят караваны... и в целом совершают различные подобные мятежи и чинят зло“²⁹. В канун-наме второй половины XVI в. о назначении стражников мартолосов для охраны дорог в горных районах Видинского санджака основной задачей вспомогательных османских войск, наряду с охраной горных проходов, помощью чиновникам при сборе государственных налогов, объявляется защита райи от разбойников³⁰.

Распространение разбойничества и принимаемые против него меры отмечали и те путешественники, которые проезжали через болгарские земли в XV–XVI вв. Так, по сообщению А. Вранчича, если местные жители-селяне не были объектом нападения разбойников, но жили в том районе, где было „совершено разбойничество“, а совершивший преступление не был найден, они наказывались вместо преступников. „В результате

этого“, писал Вранчич, – „сегодня даже малые группы путников могут спокойно миновать эти горы, поскольку каждое село, которое до этого само было разбойным, теперь из-за страха наказания охраняет свою территорию“⁴³¹.

По замечанию того же Вранчича (1553 г.), леса у с. Дервент (район р. Моравы), „хотя маленькие и не очень густые, имеют дурную славу, поскольку удобны для разбойнических засад“⁴³². Более жесткую оценку состоянию дел в европейских владениях Османской империи дал Ханс Дерншвам (1555 г.), утверждавший, что во всех районах Турции „царят лишь разбойничество и грабеж“⁴³³.

Зачастую суждения иностранных путешественников основывались не на их личном опыте, а на услышанных ими рассказах. Так, французский гуманист Жакоб Бонгарс (1585 г.) писал: „На другой день мы прошли через горы и леса, о которых *рассказывают* [курсив наш – Н. П.], что они полны гайдуков, чье количество около 300“⁴³⁴.

Как бы то ни было, подобные рассказы, пусть даже и преувеличенные страхом или фантазией, имели под собой основания, поскольку XVI век действительно стал сложным периодом для большей части населения империи. Так, в 1520–1580 гг. в отдельных районах Румелии численность населения увеличилась более чем на 70%⁴³⁵. При этом основу демографических перемен как в Анатолии, так и на Балканах составило увеличение численности населения в сельских округах⁴³⁶. Рост численности крестьян привел к нехватке земли и увеличению „удельного веса категории *мюджерред* – холостых крестьянских юношей, лишенных возможности получить надел и завести семью“⁴³⁷. Это „избыточное“ сельское население часто наводняло города, но и там, встречая серьезные ограничения для проникновения в эснафы (торгово-ремесленные корпорации), не находило себе места, умножая численность маргинальных слоев⁴³⁸.

Вероятно, именно такие „лишние люди“ и составляли основную массу людей, вступавших в разбойные отряды. По выражению российского социолога Я. Гилинского, „функциональные недостатки официальной структуры приводят к образованию неофициальных структур для удовлетворения потребностей“⁴³⁹, и это суждение вполне можно применить к данной ситуации.

Естественно, увеличение числа разбойников не могло не вызвать противодействия османских властей. Как уже упоминалось выше, одной из мер стало наложение наказания на жителей сел, в округе которых безнаказанно действовали разбойники. Помимо этого предпринимались и превентивные действия – еще с XIV в. началось возведение мостов, позволявших обойти стороной наиболее опасные для путешественников территории („Раньше окрестность моста Эркене была лесистой, множество пустынных и лесистых мест были укрытиями для арабий... Поэтому султан... израсходовал большие средства... и построил один просторный несравненный мост“⁴⁴⁰), организовывалось сопровождение путников („янычары, которые сопровождали нас, пустились вслед за ними [разбойниками]“⁴⁴¹), создавались отряды дервентжиев, занимавшихся охраной горных проходов. Для оповещения путников об опасности использовались барабаны. Как в своих записках сообщает Р. Лубенау (1587 г.), „в лесу на вершине высокой горы были поставлены стражники, которые при помощи турецких барабанов давали путнику знак, чтобы он остерегался разбойников, которых много водится в этих местах“⁴⁴². Однако это техническое усовершенствование османского времени мало что добавляет к картине, описанной более чем двумя веками ранее Никифором Григорой.

* * *

Приведенные выше факты и выводы, на наш взгляд, подтверждают мнение о том, что средневековое разбойничество традиционно сохранялось среди населения Болгарии в эпоху установления османского владычества в XV в. В XVI в. демографические процессы актуализировали его на новом уровне, создав относительно массовую базу, а начавшийся в XVII в. структурный кризис Османской империи привел к его трансформации в направлении, которое завершилось формированием нового вида вооруженной правоохранительной деятельности, сопряженного с осознанным противостоянием османским властям и самоуправству местной мусульманской верхушки. Начало „коренного перелома“ в войнах христианских коалиций против османов во второй половине XVI в. открыло перед гайдуками

перспективы легальной военной карьеры и перевело болгарское разбойничество в новую стадию, качественно отличавшуюся от прежней.

¹ *Левкиевская, А. А.* Разбойник. – В: Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). М., 2009, с. 391–395.

² В последние годы разбойничество в Османской империи стало объектом специального изучения (См.: *Osmanlı'dan Günümüze Eşkiyalık ve Terör.* Samsun, 2009, 528 p.).

³ *Hobsbawm, E.* Bandits. Revised Edition. N. Y. Pantheon Editions, 1981.

⁴ См.: *Пасько, Н. В.* Историография болгарского гайдучества в XV–XVII вв. – Наука и школа, 2012, № 3, с. 150–152.

⁵ *Генчев, Н., Георгиева, Ц.* История на България. Т. 2: XV–XIX вв. София, 1999, с. 20–34.

⁶ Алфавитная синтагма Матфея Властаря. М., 1892 [электронный ресурс]. Пер. Н. Ильинского. Репринт (с перенабором). М., 1996. Буква К. Гл. 23 <http://krotov.info/acts/canons/vlastar06.html#k23>.

⁷ Там же. Буква Л. Гл. 6 <http://krotov.info/acts/canons/vlastar06.html#Л6>.

⁸ *Павлов, А.* Номоканон при большом требнике. Его история и тексты, греческий и славянский, с объяснительными и критическими примечаниями. 1897, с. 117–119.

⁹ *Зигель, Ф.* Законник Стефана Душана. Вып. 1. 187, с. 82.

¹⁰ *Даскалова, А., М. Райкова.* Грамоти на българските царе. София, 2005, с. 42, 331.

¹¹ *Божилков, И., А. Тотоманова, И. Билярски.* Борилов синодик. Издание и перевод. София, 2010, с. 146, 177.

¹² Житие Григория Синаита, составленное Константинопольским патриархом Каллистом. Текст славянского перевода жития по рукописи XVI в. и историко-археологическое введение. Посмертный труд П. А. Сырку. СПб., 1909, с. 41–43.

¹³ Монаха Григория житие преподобного Ромила по рукописи XVI в. Императорской публичной библиотеки, собрания Гильфердинга с приложением службы преподобному Ромилу по рукописи XVII в. Белградской народной библиотеки. Сообщение П. А. Сырку. СПб., 1900, с. 14.

¹⁴ Цит. по: *Сырку, П.* К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. Т. 1. Вып. 1. Жизнь и труды патриарха Евфимия Тырновского. СПб., 1898, с. 106.

¹⁵ Полный текст жития см. *Стара българска литература.* Т. 4: Житиеписни творби. София, 1985, с. 468–491.

¹⁶ Гръцки извори за българската история. Т. 11. София, 1982, с. 148–149.

¹⁷ Там же, с. 136.

¹⁸ Луг духовный. Гл. 71, 143, 166, 189, 212.

¹⁹ См. *Иванова, К.* Житието на Варвар Мироточец Пелагонийски (Битолски). – Старобългаристика, 2000, № 2, с. 40–60.

²⁰ *Бертрандон, де ла Брокиер.* Задморско пътешествие. София, 1968, с. 35.

²¹ *Пастухов, И.* Българска история. Т. 2. София, 1944, с. 462.

²² *Макарова, И. Ф.* Българский народ в XV–XVIII вв. М., 2005, с. 33–34.

²³ Немски и австрийски пътеписи за Балканите XV–XVI в. Т. 3. Увод, подбор и коментар М. Йонов. София, 1979, с. 467.

²⁴ *Сырку, П.* Указ. соч., с. 10.

²⁵ *Pavicevic, O., Simeunovic-Patic, B.* Srbija i (anti)heroji. – Sociologia, 47, 2005, № 2, с. 161.

²⁶ *Ненов, Н.* Българската хайдушка епика. София, 1999, с. 100–114.

²⁷ *Макарова, И. Ф.* Указ. соч., с. 35.

²⁸ *Medieval Islamic Civilization. An Encyclopedia.* V. 1. Ed. J. Meri. NY, Taylor and Francis, 2006, p. 327; *El Fadl, K. A.* Rebellion and Violence in Islamic Law. Cambridge, 2001.

²⁹ *Цветкова, Б.* Хайдутството в българските земи през 15/18 век. Т. 1. София, 1971, с. 78.

³⁰ Там же, с. 96.

³¹ Немски и австрийски пътеписи..., с. 187.

³² Там же, с. 177.

³³ Там же, с. 258.

³⁴ *Цветкова, Б.* Указ. соч., с. 87.

³⁵ *Петросян, Ю. А.* Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки. М., 2003, с. 149.

³⁶ *Мейер, М. С.* Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991, с. 84.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, с. 85; *Петросян, Ю. А.* Указ соч., с. 148–149.

³⁹ *Гилинский, Я.* Социология девиантного поведения и социального контроля: краткий очерк. – Рубеж (альманах социальных исследований), 1992, № 2, с. 53.

⁴⁰ *Цветкова, Б.* Указ. соч., с. 75.

⁴¹ Немски и австрийски пътеписи..., с. 477.

⁴² Там же, с. 456.

НАЦИОНАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДСКИХ КВАРТАЛОВ СОФИИ XVII–XVIII СТ. ПО ДАННЫМ КАДИЙСКИХ РЕГИСТРОВ

Г. А. Леонтьева

Леонтьева, Г. А. Національно-релігійний склад населення міських кварталів Софії XVII–XVIII ст. за даними кадійських реєстрів

Поширена думка про етнічну та релігійну замкнутість міських кварталів (*махали*) Софії османської доби. Проте детальний аналіз документів шариатського суду дозволяє вже у XVII ст. спостерігати поступовий процес розмивання жорстких етноконфесійних рамок розселення міського населення, й до початку XIX в. моноетнічні квартали виглядають швидше рідкісним винятком. Крім того, це джерело дозволяє говорити про мирне „черезсмужне“ співіснування представників різних конфесій всередині міської спільноти.

Ключові слова: Софія, квартал, шариат, християни, мусульмани, співіснування.

Леонтьева, А. А. Национально-религиозный состав населения городских кварталов Софии XVII–XVIII ст. по данным кадийских регистров

Распространено мнение об этнической и религиозной замкнутости городских кварталов (*маха-лы*) Софии в османский период. Однако детальный анализ документов шариатского суда позволяет уже в XVII в. наблюдать постепенный процесс размывания строгих этноконфессиональных рамок расселения городского населения, и к началу XIX в. моноэтнические кварталы выглядят скорее редким исключением. Кроме того, данный источник позволяет говорить о мирном „чересполосном“ сосуществовании представителей различных конфессий внутри городского сообщества.

Ключевые слова: София, квартал, шариат, христиане, мусульмане, сосуществование.

Leontyeva, A. National and religious composition of the Sofia neighbourhoods' population in the period 17–18 c. according to the documents of the Sharia court

It is widely believed that the town neighbourhoods (*mahali*) in Sofia as well as other Ottoman towns were ethnically and religiously reserved. However, the detailed analysis of the sharia courts registers (sicills) of the 17–18 c. challenges common assumptions about town neighbourhoods. According to these sources the population of Sofia neighbourhoods was mixed by the beginning of 19 c., and ethnically reserved mahali are highly likely to be an exception. Besides this, we can see peaceful coexistence of people of different confessions in Sofia society.

Keywords: Sofia, neighbourhoods, Sharia, Christians, Muslims, coexistence.

На протязенні всего османського періода болгарської історії Софія являлась центром Румелійського бейлербейства (пізніше – зялета) і, находясь на пересеченні торгових шляхів, була центром багатого господарського району, де активно розвивалась торгова і реміснична життя. По даним європейських подорожників, Софія, починаючи з XVI століття, була центром оживленої внутрішньої і зовнішньої торгівлі, „софійський базар виробляв на іноземців враження своїм багатством і східною пишністю“¹. В XVIII ст. вона залишалась одним з найбільш значущих міст Болгарії.

Як і в інших містах Османської імперії, в Софії існувала традиційна для ісламського світу „церковно-квартальна“ організація населення². Мінімальною адміністративно-територіальною одиницею в містах являлась махала (тур. *Mahalle* – квартал, район міста), яка, як відзначають дослідники, по своєму характеру мала багато спільного з сільською громадою³. Їх схожість заключається в загальних функціях – необхідності регламентації і організації стосунків людей, живущих разом в окремому, але загальному для них просторі, що включає в т. ч. дотримання норм сусідських стосунків, спроби уникнути або вирішити конфліктні ситуації шляхом загального згоди. Міській квартал виступав також в якості посередника між своїми мешканцями і османською владою. Як і в сільській громаді, ця функція здійснювалась через колективну відповідальність мешканців – вони відповідали один за одного перед владою в кримінальних справах, але в той же час мали, наприклад, право вимагати через судові інстанції вигнання сусідів по кварталі, якщо їх дії порушували правила

сожительства в бытовом и моральном плане. Махала была ответственна за сбор и передачу налогов, осуществляла распределение общих налоговых задолженностей между отдельными плательщиками, внутри квартала собирались требуемые суммы, определялись люди, обязанные участвовать в налагаемых властями обязательных (ангарийных) отработках. Также они несли ответственность за скрывающихся или отказывающихся платить налоги, за соблюдение правил личного и социального поведения своих жителей, заботились о местах коллективного пользования – улицы, колодцы, чешме, квартальное кладбище⁴. Центром махалы являлся храм – мечеть или церковь, где представительскую роль, как правило, исполняли приходские священники, что объясняет название некоторых кварталов – например, махалы Поп Милош и Поп Калоян⁵.

Болгарский историк начала XX ст. А. Иширков в своем труде, посвященном истории Софии в XVII веке⁶, писал: „В центре города жили торговцы-иностранцы: купцы из Дубровника, греки, армяне, евреи и другие. Болгары и турки жили в отдельных кварталах. Та часть города, где жили болгары, носила имя „варош“ и, в свою очередь, делилась на махалы. Существовал также Новый Варош, где жили болгары-переселенцы“⁷.

Изначально городские кварталы были этнически замкнуты. Детальный анализ регистров кадийского суда – наследственных описей и документов купли-продажи недвижимого имущества показывает, что со временем разделение по этническому принципу сглаживалось. Проследить процесс постепенного превращения моноэтнических кварталов в многонациональные можно, сравнив данные нашего источника относительно состава населения кварталов Софии с данными более раннего городского регистра *джелепкешанов** 1576 г.⁸ Этот источник представляет собой подробный список людей, относящихся к категории джелепкешанов с числом предоставляемых ими овец. В регистре Софии джелепкешаны распределены по религиозному признаку и по принципу расселения по кварталам: в начале следует подробный регистр джелепкешанов-мусульман от каждой махалы, затем под заголовком „Неверные Софии“ – перечисление джелепкешанов из „кварталов неверных“.

По данным этого источника, в Софии было 11 христианских и 18 мусульманских кварталов, но есть указания на существование кварталов со смешанным в религиозном отношении населением. Например, махала Куру чешме в регистре 1576 г. фигурирует и как мусульманская, и как христианская: там зафиксированы 16 мусульман и 11 христиан-джелепкешанов⁹.

Сравнивая источники XVI и XVIII веков, необходимо принять во внимание тот факт, что со временем появлялись новые кварталы, а старые могли быть переименованы. Например, квартал Саат-и атик, упомянутый в одном из протоколов наследственных описей (1833 г., житель – мусульманин)¹⁰, явно, как подчеркивает болгарский исследователь С. Димитров, является переименованием одного из более старых кварталов, поскольку в XVI веке в Софии часов не было (*saat* – тур. час, часы), и, соответственно, не могло быть квартала с таким названием¹¹. Какой из старых кварталов, упомянутых в источниках XVI в., мог принять это название, неизвестно; исследователи до сих пор не смогли локализовать махала Саат-и атик на карте города¹². Этот пример объясняет, почему ряд названий кварталов Софии не совпадает в источниках XVI и XVIII веков.

Во вступительной части протоколов обязательно указывалась махала, к которой принадлежали участники процесса – продавцы и покупатели недвижимости, люди, призванные свидетельствовать, или умерший, чье наследство рассматривалось в протоколе. Это подтверждает важность критерия принадлежности человека к тому или иному кварталу. Интересные сведения о расселении людей внутри квартала содержатся в обязательном для протоколов купли-продажи описании местоположения продаваемого дома или участка: помимо махалы здесь указываются также имена соседей – владельцев примыкающих к дому (или земельному участку) хозяйств. Необходимо отметить, что основным критерием для османской администрации являлась не этническая, а религиозная принадлежность человека, и определить этнос, как правило, возможно лишь по имени.

* *Джелепкешан* – категория населения, обязанная предоставить определенное количество овец на нужды османского государства и армии; освобождались от чрезвычайных налогов.

В регистре джелбекшанов при перечислении „неверных Софии“ встречается несколько кварталов со славянскими названиями – махала Калоян (Поп Калоян), Поп Милош, Новосел¹³. Анализ этно-религиозного состава населения именно этих, заведомо христианских кварталов представляется наиболее интересным.

Квартал Новосел упомянут в четырех протоколах купли-продажи. На основании данных этого источника можно говорить о том, что мусульмане проникают в этот квартал уже в начале XVII в.: в 1618 г. христианка Петкана продала свой дом в махале Новосел мусульманину Мустафе бею, соседями которого стали христиане Атанас, Стой и „еврей-компаньоны“¹⁴.

Наиболее часто упоминаемым христианским кварталом является махала Калоян, находившаяся на месте современных бульвара „Витоша“, площади „Независимости“ и улиц „Алабин“ и „Калоян“¹⁵. В одном из протоколов махала Калоян определена как „один их кварталов Вароша большого города Софии“¹⁶. Однако в протоколе 1726 г.¹⁷ зафиксирована продажа дома в этом квартале мусульманином Эссеидом Ахмедом Беше евреям Авраму и Давиду. С разных сторон земельный участок купленного дома граничит с именем еврея Халимоглу Соломона, с „церковью стамбульского общества“ (не совсем ясно, что имеется в виду) и с церковью неверных¹⁸. Продавец, Эссеид Ахмед Беше во вступительной части протокола назван жителем махалы Мансур Ходжа. Поэтому нельзя сказать, что эта торговая сделка свидетельствует о серьезном проникновении мусульман в ранее замкнутый христианский квартал: вероятно достаточно большой дом являлся для живущего в другом месте покупателя скорее вложением капитала в недвижимость. Кроме того, местонахождение этого здания – между двумя храмами – дает возможность предположить, что это вообще было нежилое помещение.

В протоколе 1727 г. зафиксирована обратная ситуация: покупка дома в той же махале Калоян мусульманином Мустафой агой у еврея Йасифко, причем купленный дом „граничил с четырех сторон с землей еврея Самуила“¹⁹. Болгарский историк Страшимир Димитров приводил этот протокол в качестве примера постепенного проникновения мусульман в христианский квартал²⁰. Представляется, что в этом случае также можно говорить о приобретении собственности, финансовой операции с вложением капитала. Примечательно, что выкупается принадлежащая евреям недвижимость в христианском квартале. Таким образом, источники показывают, что ко времени заключения упомянутых сделок население христианской махалы уже не отличалось этно-религиозным единством. Судя по приведенным данным, постепенное размывание этнических границ городского квартала началось с проникновения в них представителей еврейской общины; интересы мусульман в документах выражены менее очевидно. Но при всех происходивших изменениях христианское население продолжало значительно преобладать в махале Калоян, и большинство протоколов с его упоминанием посвящено рассмотрению дел христиан.

Еще один пример проникновения мусульман в христианский квартал – махала Алишер, которая фигурирует в источнике более чем в 10 протоколах; почти все из них посвящены рассмотрению дел христиан. Однако в 1731 г. была заключена сделка по продаже огорода в махале Алишер между мусульманками, жительницами квартала Хаджи Байрам Байрамшах-хатун с сестрой Айше и Селим-агой. Находился проданный участок между еврейским кладбищем и огородом мусульманина Хусейна²¹. Эта сделка – еще один пример проникновения в христианский квартал мусульман не путем переселения, а путем покупки недвижимости, вложения капитала.

Более существенное проникновение мусульман в христианский квартал можно наблюдать на примере махалы Сонгурлар, которая в регистре джелбекшанов также была определена как исключительно христианская²². Всего в последственных описях и протоколах купли продажи она названа 11 раз, при этом в шести протоколах так или иначе фигурируют мусульмане. Самое раннее упоминание этого квартала относится к 1721 г., когда мастер по производству свечей мусульманин Ибрагим ага, записанный во вступительной части протокола как житель махалы Сонгурлар, продавал „пустующее место“, находившееся в другом квартале²³. Этот же персонаж упомянут в другом протоколе 1721 г. в качестве представителя двух мусульманских женщин, сестер Сафие хатун и

Умхани хатун, также жительниц квартала Сунгурлар, продавших православному священнику инструменты из свечной мастерской²⁴. Упоминание одного и того же человека в различных протоколах позволяет сделать вывод о взаимодействии представителей мусульманской общины внутри одного квартала. В данном случае речь также идет о профессиональной помощи – Ибрагим-ага, сам мастер по производству свечей, помогает продать инструменты по их производству. В 1722 г. жительница махалы Сунгурлар христианка Марга продала свой дом в этом квартале мусульманину Мехмеду Беше²⁵. Среди соседей этого участка упомянуты два мусульманина и одна христианка. Это показывает, что к 1722 г. мусульмане уже жили в этой махале.

Уже в XVII в. прослеживается и проникновение христиан в некоторые мусульманские кварталы. Например, махала Кара Данишменд, более 30 раз упомянутая в документах купли-продажи, в регистре джелепкешанов определена как мусульманская²⁶. В протоколе 1618 г. некий Петре, продающий виноградник в окрестностях Софии христианам Павлу и Коле, назван жителем квартала Кара Данишменд²⁷. Еще один христианин, Стефан, назван в числе соседей дома, проданного мусульманке Ханифе хатун в 1619 г.²⁸ Таким образом, уже в начале XVII в. христиане являлись жителями этого квартала, оставаясь все же меньшинством – в остальных имеющихся в нашем распоряжении протоколах, относящихся к 1617–1619 гг., махала Кара Данишменд выглядит преимущественно мусульманской.

Следующие упоминания этой махалы относятся уже к XVIII в. и говорят о возрастании доли христиан среди ее жителей. Например, в 1725 г. зафиксирована продажа жителем махалы Кара Данишменд христианином Костой дома в упомянутой махале христианке Кирче²⁹. Любопытен также состав соседей продаваемого дома – в их числе два мусульманина, Осман Челеби и Ибрагим, и два христианина, Велко и Цона. К 1739 г. относится протокол о продаже христианкой Неделей христианину Йовану дома в Кара Данишменд³⁰. В числе соседей – исключительно христиане. И даже среди свидетелей этой сделки, состав которых обязательно перечисляется в конце каждого протокола, присутствует несколько христианских имен – „немусульманин Тричко и немусульманин Постол“, что бывает крайне редко: в числе свидетелей обычно фигурируют только мусульмане.

Необходимо отметить упоминания „потомков Абдуллаха“ в числе жителей махалы Кара Данишменд. Такое имя давалось перешедшим в ислам из другой религии, немусульманам по рождению, и сохраняется только в первом поколении. В протоколах XVII в. упоминается лишь один человек с таким именем – в 1618 г. житель квартала Кара ибн Абдуллах Данишменд Мехмед Беше купил у немусульман братьев Петко и Йово лавку, находящуюся в другом квартале³¹. В XVIII в. упоминаний принявших ислам уже три: в 1725 г. дочь Абдуллаха Фатьма-хатун продала еврею Давиду лавку на одном из базаров города³²; в 1726 г. другой ибн Абдуллах Мехмед Беше продал христианину Мишо свой виноградник в пригороде Софии³³; в 1728 г. Айша хатун, дочь Абдуллаха, также продала свой виноградник христианину Цветко³⁴. Переход в ислам женщин можно объяснить замужеством за мусульманином, что предполагает и переселение в другой квартал. Что касается Мехмеда Беше, вероятно, он сменил религию по каким-то иным соображениям. Эти примеры объединяет также тот факт, что во всех четырех случаях „потомки Абдуллаха“ заключают сделки с немусульманами – евреями и христианами, что можно считать косвенным указанием на сохранение ими прежних связей, установленных еще до перехода в ислам. Более частое упоминание мусульман в первом поколении подтверждает тезис болгарского исследователя Е. Радушева, что „с начала XVIII века растет число того, что можно было бы назвать индивидуальными прошениями о добровольном принятии ислама“³⁵. Обусловлено это было, по мнению исследователя, рядом социально-экономических факторов, а также нередко стремлением попасть в ряды янычар – „желание части христианской райи попасть на кормление к султану было велико, ибо среди новообращенных мусульман встречаются и бывшие священники“³⁶.

Проникают христиане и в другие мусульманские кварталы. Так, из 25 упоминаний махалы Мансур Ходжа христиане фигурируют в качестве жителей квартала в 4 протоколах, самый ранний из которых относится к 1709 году³⁷. В то же время следует отметить

и существование кварталов, сохраняющих моноэтничность: обозначенная в регистре XVI в. махала Кара Шахин³⁸ встречается в 12 документах купли-продажи, но ни в одном из них немусульмане не фигурируют.

В целом, сравнение данных двух источников и их анализ показал, что четкое разделение кварталов Софии по этно-религиозному признаку со временем сглаживалось. Замкнутые в этническом плане кварталы, как например Кара Шахин в XVIII в. и позже, выглядят скорее редким исключением, нежели нормой. Население большинства кварталов становится смешанным. Смешанный состав соседей указывает на определенную „чересполосицу“ при заселении квартала, мирное соседство христиан с мусульманами, т. е. постепенное смешивание представителей различных этнических групп внутри квартала, а не создание внутри одной, большой махалы меньших по размеру замкнутых анклавов представителей иной религии.

¹ София древна и млада. София, 1980, с. 76. См. также: *Цветкова, Б.* София през XV–XVIII в. – В: София през вековете. Т. 1. София, 1989, с. 86.

² *Димитров, С.* Занаяти и търговия в София през XVIII век. – В: София през вековете. Т. 1. София, 1989, с. 95.

³ См.: История на България. Т. 2. София, 1999, с. 173–178; *Иванова, Св.* Институтът на колективната отговорност в българските градове през XV–XVIII в. – Исторически преглед, 1983, № 1, с. 33–44.

⁴ История на България, т. 2, с. 173.

⁵ *Цветкова, Б.* София през XI–XVIII век. – В: София през вековете. София, 1989, с. 86.

⁶ *Иширков, А.* Град София през XVII век. София, 1912. К сожалению, в труде А. Иширкова практически отсутствуют ссылки на какие-либо источники, используемые автором.

⁷ *Иширков А.* Ук. соч., с. 15.

⁸ Турски извори за българската история. Т. 3 (Извори за българската история, т. 16). София, 1972, с. 88–95 (далее – ТИБИ).

⁹ ТИБИ, т. 3, с. 91, 92.

¹⁰ ТИБИ, т. 6, с. 213.

¹¹ *Димитров, С.* Занаяти и търговия..., с. 95.

¹² ТИБИ, т. 6, географический указатель, с. 421.

¹³ ТИБИ, т. 3, с. 93–94.

¹⁴ ТИБИ, т. 6, с. 251.

¹⁵ Там же, т. 6, географический указатель, с. 422.

¹⁶ ТИБИ, т. 6, с. 273.

¹⁷ Там же, т. 6, с. 318.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, т. 6, с. 329–330.

²⁰ *Димитров, Стр.* Занаяти и търговия..., с. 96.

²¹ ТИБИ, т. 6, с. 352.

²² ТИБИ, т. 3, с. 93.

²³ ТИБИ, т. 6, с. 286.

²⁴ Там же, т. 6, с. 288.

²⁵ Там же, т. 6, с. 299.

²⁶ ТИБИ, т. 3, с. 90.

²⁷ ТИБИ, т. 6, с. 263.

²⁸ Там же, т. 6, с. 269.

²⁹ Там же, т. 6, с. 311.

³⁰ Там же, т. 6, с. 358.

³¹ Там же, т. 6, с. 250.

³² Там же, т. 6, с. 312.

³³ Там же, т. 6, с. 315.

³⁴ Там же, т. 6, с. 331.

³⁵ *Радушев, Е.* Некоторые черты структуры османского общества в XVIII в. (к оценке „века Паисия“). – В: От Стамбула до Москвы. Сборник в честь 100-летия профессора Миллера. М., 2003, с. 153.

³⁶ Там же.

³⁷ ТИБИ, т. 6, с. 282.

³⁸ ТИБИ, т. 3, с. 92.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УСТАНОВЛЕНИЯ РЕЖИМА ЛИЧНОЙ ВЛАСТИ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА

М. М. Кузьменко

Кузьменко, М. М. Соціально-політичні передумови встановлення режиму особистої влади князя Олександра Баттенберга

В статті розглянуто питання про особливості соціально-політичного розвитку Болгарії в кінці 1870-х – на початку 1880-х рр. Увага автора зосереджена на виявленні та характеристиці передумов встановлення особистої влади князя Олександра Баттенберга, аналізові їх витоків та впливу на перебіг болгарської історії в досліджуваний період. У роботі також висвітлюється процес утвердження монархічного режиму, його соціальна опора та чинники, що обумовили його падіння.

Ключові слова: Болгарія, авторитаризм, Олександр Баттенберг.

Кузьменко, М. М. Социально-политические предпосылки установления режима личной власти князя Александра Баттенберга

В статье рассмотрен вопрос об особенностях социально-политического развития Болгарии в конце 1870-х – начале 1880-х гг. Внимание автора сосредоточено на выявлении и характеристике предпосылок установления личной власти князя Александра Баттенберга, анализе их истоков и влияния на ход болгарской истории в исследуемый период. В работе также освещается сам процесс утверждения монархического режима, его социальная опора и факторы, обусловившие его падение.

Ключевые слова: Болгария, авторитаризм, Александр Баттенберг.

Kuzmenko, M. M. The socio-political prerequisites for establishing the personal regime of Prince Alexander of Battenberg

The article deals with the question of the features of socio-political development of Bulgaria in the late 1870s – early 1880s. The author's attention is focused on identifying and characterizing the preconditions of establishing Prince Alexander of Battenberg's personal power, analyzing their origins and influence on the course of the Bulgarian history during the studied period. The paper also describes the process of establishing of the monarchical regime, its social base and the factors that led to its downfall.

Key words: Bulgaria, authoritarianism, Alexander of Battenberg.

Болгария, освободившаяся от турецкой власти по итогам Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., вступила на путь строительства собственной государственности и формирования политической системы. Это было сопряжено с рядом трудностей и определило ряд политических трансформаций, которые привели к установлению в стране авторитарной власти князя Александра Баттенберга, получившего название „режим полномочий“. Причины подобного поворота в болгарской истории стоит искать не только в личности самого князя, который был сторонником сильной монаршей власти, а в комплексе черт, характерных для политического и социального развития возрожденного болгарского государства на заре своего существования.

Целью данной работы является анализ предпосылок установления в Болгарии авторитарного режима князя Александра Баттенберга и выявление социально-политических факторов, способствовавших установлению личной власти монарха. Для раскрытия темы были использованы труды болгарских авторов И. Димитрова, И. Гешевой, М. Маноловой, С. Радева, Б. Рангелова, П. Николова-Зикова¹, а также российских исследователей Р. Гришиной и Д. Польшанного². В них рассматриваются вопросы внутривластного развития Болгарии, в частности, касающиеся развития политической культуры болгар, деятельности различных политических сил и утверждения института монархии. Работы И. Димитрова³, а также молдавского историка С. Мадиевского⁴, содержат важные сведения о некоторых аспектах модернизации Болгарии. Анализу вопросов социально-политической истории Балканских стран посвящена и статья американского исследователя Г. Стоукса⁵.

В ходе исследования был использован ряд источников, среди которых законодательные акты Османской империи и Княжества Болгарии⁶, программы болгарских политических партий⁷, а также материалы дипломатической переписки⁸.

С принятием в 1879 г. Тырновской конституции Болгария формально превратилась в одно из наиболее демократических государств Европы последней трети XIX в. В Основном законе были закреплены базисные гражданские права и свободы⁹. В стране провозглашалась конституционная монархия, государственная власть в которой делилась на три ветви – законодательную, принадлежавшую парламенту – Обыкновенному Народному Собранию; исполнительную, сосредоточенную в руках правительства – Совета Министров; и судебную, которой обладали органы судопроизводства, действовавшие от имени князя¹⁰. При этом князь имел право законодательной инициативы, а исполнительная власть находилась под его верховным надзором и непосредственным руководством¹¹. В том же 1879 г. Великое Народное собрание* избрало монарха – правителем Болгарии стал гессенский принц Александр Баттенберг¹². Его кандидатура не вызвала существенных возражений как со стороны Российской империи, так и со стороны западноевропейских держав, подписавших Берлинский трактат, что в итоге и решило исход выборов. Таким образом, князь был компромиссной фигурой. Поддержка Петербурга обеспечила монарху симпатию со стороны народа. Население отдавало должное России за ее роль в освобождении страны от османского владычества, в результате этого персона Александра Баттенберга была воспринята болгарами с воодушевлением.

В это же время организуются первые болгарские политические партии – Консервативная и Либеральная, возникшие на основе оформившихся в ранее политических группировок „старых“ и „молодых“ соответственно¹³. Консерваторы последовательно отстаивали принцип консервативно-монархического управления, в котором должны были принимать участие наиболее состоятельные и образованные граждане; пропагандировали идею создания верхней палаты болгарского парламента – Сената, а также являлись сторонниками укрепления позиций князя в государстве. Социальная опора правых была представлена богатыми торговцами и ростовщиками, крупными землевладельцами и высшим духовенством. К этим социальным группам принадлежала и верхушка партии – К. Стоилов, Г. Начович, Д. Греков, В. Друмев¹⁴. Консерваторы претендовали на роль политической элиты молодого государства, однако в большинстве своем они были скомпрометированы лояльностью и сотрудничеством с турецкой администрацией в годы османского владычества. Кроме того, представители Консервативной партии открыто выступали за ограничение Тырновской конституции, причиной чему была их уверенность в политической незрелости болгарского народа. Эти факторы определили отсутствие у консерваторов народной поддержки, вследствие чего они постоянно терпели поражения на парламентских выборах¹⁵. Данную ситуацию достаточно хорошо иллюстрирует следующее наблюдение советника князя по финансовым вопросам француза Е. Кейе, который после случайной встречи с болгаринном, являвшимся одним из кандидатов на парламентских выборах, записал в том числе следующее: „Отличительные черты: носит перчатки, следовательно – консерватор, следовательно – не будет избран“¹⁶.

Политические оппоненты консерваторов – либералы, наоборот, пользовались значительной поддержкой населения, что позволяло им уверенно чувствовать себя в борьбе за власть и неизменно побеждать на выборах. Либеральная партия представляла интересы сельского населения, мелкой и средней городской буржуазии, из числа которой происходили партийные лидеры – к примеру, С. Стамболов и З. Стоянов¹⁷. Партия отстаивала принципы демократического управления государством, отраженные в Тырновской конституции¹⁸.

Из истории известно, что благоприятные условия для установления авторитарных режимов часто складываются в развивающихся странах, политическая культура граждан которых плохо сочетается с политической демократией. Также авторитаризм характерен для государств, в которых присутствует какой-либо социально-политический конфликт. Арбитром в его разрешении, как правило, выступает авторитарный лидер¹⁹. На

* Орган, который, согласно Конституции, мог вносить изменения в Основной закон, а также созывавшийся для разрешения важнейших государственных вопросов.

рубеже 70-х–80-х гг. XIX в. в подобном положении находилось и Болгарское княжество. Важно понимать, насколько сложен для общества, почти 500 лет находившегося под игом Османской империи, был переход от традиционного султанского правления, основанного на законах шариата, к системе управления, которая должна была строиться на договоре – конституции, пусть она и была спутницей монархической формы правления. Болгария не знала Реформации и Промышленной революции, существенно изменивших сознание жителей Западной Европы, что существенно затрудняло восприятие европейского уклада жизни, привносимого теперь в страну²⁰. Тырновская конституция хотя и являлась одной из наиболее демократичных для своего времени, оставалась во многом абстрактным понятием для простого болгарина, политическая сознательность и активность которого была не слишком высока.

Прослойка политической элиты в Болгарском государстве также только начинала формироваться. Длительное турецкое владычество уничтожило значимые и влиятельные средневековые болгарские династии, вследствие чего в исследуемый период можем говорить о фактическом отсутствии в стране аристократической прослойки. Об этом свидетельствует процесс выборов болгарского монарха в 1879 г., а точнее перечень кандидатов на престол, в который входили представители различных именитых европейских^{*21}, русских^{**}, балканских^{***} родов. Кандидатами от болгар же являлись бывший болгарский экзарх Анфим I и общественный деятель Александр Экзарх, не имевшие аристократического происхождения, а значит и реальных шансов на престол²². Преуспевавшие в период пребывания Болгарии в составе Османской империи крупные торговцы и землевладельцы (чорбаджии) и занимавшее достаточно сильные позиции в стране духовенство не смогли возглавить ставшую самостоятельной Болгарию. На Учредительном собрании, принявшем в 1879 г. Тырновскую конституцию, вместо них возобладала группировка либеральной интеллигенции, также, впрочем, не сумевшая в силу постоянного противостояния с консерваторами закрепиться на верхних ступенях государственной лестницы²³. В Болгарии не оказалось социальной прослойки, способной полностью контролировать государственный аппарат.

Что касается партийной системы страны, то она была сформирована на основе опыта европейских государств, трудноприменимого к болгарскому обществу, основу которого составляло крестьянство. Стоит, однако, учитывать тот факт, что принцип парламентаризма был, вероятно, более-менее понятен православному населению Болгарии, уже имевшему некоторый опыт соборного решения церковных вопросов²⁴. Так, согласно одному из пунктов фирмана султана Абдул-Азиза, которым в 1870 г. и был учрежден Экзархат, население ряда епархий получило право путем референдума определять церковную принадлежность общины²⁵. Не случайно, тот же Болгарский экзархат иногда называют началом болгарской государственности²⁶.

В исследуемый период в болгарском политикуме складывается ситуация, когда ни одна из партий не могла сосредоточить в своих руках ключевые государственные посты и наладить эффективное управление страной. Имевшие для этого достаточный кадровый потенциал консерваторы не могли рассчитывать на широкий доступ к рычагам власти в силу своей непопулярности в народе и, как следствие, неспособности выиграть выборы. Представители же Либеральной партии не имели достаточного управленческого опыта и соответствующих кадров, чтобы эффективно участвовать в системе руководства державой. Подобное положение вещей сделало гораздо более реальным выход на болгарскую политическую сцену в качестве исполнителя главной роли монарха, фактически сосредоточившего на некоторое время в своих руках полноту государственной власти.

Необходимо учитывать и личностный фактор становления монархической формы

* Александр Баттенберг – гессенский принц, Вальдемар Датский – принц Дании, Генрих VII Рейсс – германский дипломат из княжеского рода.

** Князь Дондуков-Корсаков, граф Николай Игнатьев.

*** Божо Петрович – черногорец княжеского рода, князь Бибеско – сын князя Валахии, правитель Румынии Кароль I и князь Сербии Милан Обренович.

авторитаризма. Князь Александр Баттенберг считал необходимым значительное усиление своих полномочий. Болгарский монарх воспитывался в духе прусской военщины с присущим ей консерватизмом; кроме того, в германских землях, откуда был родом молодой правитель, конституции, как правило, „октроировались“, то есть вводились самими монархами для стабилизации положения внутри государства и усмирения революционных тенденций. Основные законы были своеобразным „самоограничением“ для правителя, при котором он сохранял господствующее положение в государстве. Тырновская конституция в Болгарии выступала уже не как ограничение подобного рода²⁷, что только стимулировало рост недовольства князя Основным законом и сложившейся политической обстановкой в стране.

В пользу установления авторитарного режима сыграла слабая консолидация болгарского общества и низкий уровень духовной культуры болгар, связанный с пока еще недостаточно развитой системой образования. Несмотря на все успехи в деле просвещения, уровень грамотности населения на заре независимости Болгарии составлял порядка 10%, что объясняется недостаточным количеством школ. Одно учебное заведение приходилось на 2 тыс. жителей, в то время как, к примеру, в соседней Румынии – на 1,5 тыс.²⁸. По уровню грамотности Болгария в данный период отставала от своих соседей, хотя быстрое развитие системы образования обещало вскоре исправить положение в пользу болгарского государства^{*29}. А ведь уровень образования является одним из важнейших факторов, определяющих политическую активность граждан той или иной державы, его желание участвовать в политической жизни и само понимание обывателем государственных реалий своего времени. Соответственно, можем говорить о неготовности крестьянского большинства Болгарии к демократизации политической жизни державы.

Князь Александр Баттенберг не скрывал своего негативного отношения к Тырновской конституции, выказывая неудовлетворение ограничениями своей власти и считая Основной закон излишне либеральным и демократичным. Первые его попытки в начале правления добиться у российского императора Александра II содействия в деле отмены Конституции не увенчались успехом. В Петербурге не желали рисковать своей репутацией в Болгарии и подрывать доверие болгар к Российской империи. Стремление ограничить Конституцию сблизило князя Александра с консерваторами, которым он в 1879 г. и поручил формирование первого правительства во главе с Т. Бурмовым³⁰.

Однако ставка на консерваторов себя не оправдала – Либеральная партия имела значительно большую поддержку среди населения, что позволяло ей уверенно одерживать победы на выборах в Народное собрание в 1879 и 1880 гг. Власть консерваторов без поддержки со стороны общественности была не прочной, поэтому князю в апреле 1880 г. пришлось поручить формирование третьего по счету кабинета министров одному из лидеров Либеральной партии Д. Цанкову³¹. Однако это не свидетельствовало об отказе Александра Баттенберга от внутреннеполитического курса, направленного на усиление собственной власти.

13 марта 1881 г. в Петербурге был убит император Александр II. Новым правителем стал его сын – Александр III, который имел куда более консервативные взгляды и в „штыхы“ воспринимал принципы конституционализма. Это имело весомые последствия для Болгарии – новый российский самодержец не был против упразднения Конституции. Уже 27 апреля 1881 г. в стране произошел переворот, результатом которого стал роспуск Народного собрания и отмена Основного закона. Князь был наделен чрезвычайными полномочиями в делах управления страной³². Стоит отметить, что Российская империя, в сферу влияния которой входила Болгария, не препятствовала перевороту, относясь к нему нейтрально³³. Фактически в Болгарии устанавливается режим личной власти монарха, опиравшегося на Консервативную партию и силовые структуры – ар-

* В конце XIX в. Болгария начала обгонять другие балканские страны в этом компоненте, увеличивая количество школ и учителей, тем самым развивая свою образовательную систему. Так, если на стыке веков в Сербии и Румынии на одного учителя приходилось более 1000 граждан и более 50 учеников, в Болгарии аналогичные показатели составляли соответственно 419 граждан и 43 ученика.

мию и полицию, с помощью которых князь мог контролировать ситуацию в стране и поддерживать стабильность. Это было особенно важно во время гражданских волнений, спровоцированных сторонниками устранившейся после переворота от власти Либеральной партии. Важно, что численность данных силовых структур в период авторитарного правления Александра Баттенберга увеличивалась, свидетельствуя как о процессах их развития (это касается строительства армии Княжества), так и о том, что они являлись опорой власти Александра.

Поддержку князю оказывали и русские офицеры, входившие в состав болгарского правительства в период „режима полномочий“. Так, кабинет министров возглавляли генералы К. Эрнрот (май – июль 1881 г.) и Л. Соболев (июль 1882 – сентябрь 1883 г.). Должность премьер-министра они совмещали с руководством министерством внутренних дел, а К. Эрнрот получил также портфель военного министра. Пост военного министра неизменно принадлежал русским – на этой должности друг друга сменяли П. Паренсов, П. Плеве, К. Эрнрот, В. Крылов, И. Лессовой, А. Каульбарс и А. Редигер³⁴. Главным же источником авторитета выступал именно князь Александр: и доступ к власти, и сама власть зависели от близости к монарху. Подобной привилегией пользовались консерваторы и ряд русских офицеров, на которых опирался князь. Представители же либерального крыла болгарского политикума оказались отстранены от участия в управлении государством³⁵.

Авторитарный режим, однако, оказался не слишком жизнеспособным – он пал в 1884 г. В первой половине 1880-х гг. происходит обострение внутривнутриполитической борьбы в Болгарии вследствие активизации оппозиционных политических сил³⁶. Обостряются взаимоотношения князя с русскими высокопоставленными офицерами, в частности с генералом Л. Соболевым – у него возникли сомнения в целесообразности переворота в целом, а также мысли о том, что восстановление Тырновской конституции и законного порядка было бы в интересах как Болгарии, так и Российской империи³⁷. Все это привело к потере Александром Баттенбергом политической опоры и показало невозможность дальнейшего существования режима личной власти монарха. Вышеупомянутый конфликт с российскими офицерами, как и усиление проавстрийского вектора в болгарской внешней политике³⁸, привели к возникновению напряженности в отношениях Софии и Петербурга, что также пошатнуло позиции Александра Баттенберга, вынужденного считаться с мнением российской стороны. В итоге, Тырновская конституция в 1884 г. была восстановлена, а к управлению страной возвратились либералы – в том же году правительство возглавил лидер Либеральной партии П. Каравелов³⁹.

Стабильности режима не способствовали и некоторые социально-политические факторы. В Болгарии не существовало прослойки населения, способной с самого начала и надолго сосредоточить в своих руках управление государством, что могло способствовать демократизации политической жизни. Это стало следствием отсутствия аристократии, которую, к тому же, некому было заменить – прослойки буржуазии и профессиональных чиновников являлись слишком малочисленными.

В период „режима полномочий“ в стране, управляемой по преимуществу консервативной элитой, формируются зачатки политической сознательности населения, включившегося под знаменами Либеральной партии в борьбу за возобновление Конституции. Данная борьба способствовала консолидации болгарского общества. Население начинает более активно участвовать в политической жизни страны, что впоследствии способствовало привитию болгарскому традиционному обществу более передовой, европейской модели развития и отразилось на процессах формирования национального государства.

Таким образом, становление в Болгарии княжеского авторитарного режима стало следствием комплекса факторов, характерных для социально-политического развития государства на заре его существования. Амбиции монарха и политическая „незрелость“ общества сыграли решающую роль в торжестве консервативных и монархических сил в системе государственного управления Княжества и, соответственно, установлении режима личной власти Александра Баттенберга в первой половине 1880-х гг.

¹ *Димитров, И.* Князът, конституцията и народът. С., 1972, 223 с.; *Гешева, Й.* Съюзване и разединяване между умерени либерали и консерватории (1883–1885 г.) – Исторически преглед, 2011, № 3, с. 79–89; *Манолова, М.* Парламентаризъм в България (1879–1894). С., 1989, 238 с.; *Манолова, М.* Създаване на Търновската Конституция. С., 1980, 190 с.; *Радев, С.* Строителите на съвременна България. Т. 1. <<http://www.slovo.bg/showwork.php3?AuID=101&WorkID=2842&Level=1>>; *Рангелов, Б.* Политическият национализъм на българското националноосвободително движение през Възраждането <<http://simvol.boinaslava.net/index.php?page=start>>; *Николов-Зиков, П.* Раждането на българския консерватизъм. С., 2011, 330 с.

² *Гришина, Р. П.* Конституционна монархия в Болгарии и ее подданные. – В: Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (посл. четверть XIX—нач. XX в.) <http://promacedonia.org/chb2006/chb2006_grishina.htm>; *Польвинный, Д.* Идейное наследие Средневековой Болгарии и формирование государственной идеологии княжества Болгарии (1879–1886). – В: Болгария и Россия: между признательностью и прагматизмом. С., 2008, с. 19–27.

³ *Димитров, И.* Князът, конституцията и народът. С., 1972, 223 с.

⁴ *Мадиевский, С. А.* Различия социальных структур формирующихся буржуазных наций и некоторые отражения их в политических институтах и духовной культуре (на примере Болгарии и Румынии). – В: Балканские страны в новое и новейшее время. Сборник статей. Кишинев, 1977, с. 55–66.

⁵ *Стоукс, Г.* Социальные истоки восточноевропейской политики <http://intelros.ru/pdf/prognosis2_07/Stoyks.pdf>.

⁶ Ферман за създаване на Българска екзархия <<http://www.archivesforbalkans.bg/cgi-bin/e-cms/vis/vis.pl?s=001&p=0033&n=000001&g=>>>. Конституция на Българското княжество <<http://www.hadjinikolov.pro/wp-content/uploads/2010/02/Търновска-конституция-ФТП.pdf>>.

⁷ Програми, програмни документи и устави на буржоазните партии в България. Съст. В. Николова. С., 1992, 526 с.

⁸ Освобождение Болгарии от турецкого ига: в 3 томах. Под ред. С. Никитина. Т. 3. М., 1961, с. 573–574.

⁹ *Димитров, И.* Князът, конституцията и народът, с. 5–9.

¹⁰ Конституция на Българското княжество <<http://www.hadjinikolov.pro/wp-content/uploads/2010/02/Търновска-конституция-ФТП.pdf>>.

¹¹ *Токушев, Д.* История на новобългарската държава и право. 1878–1944. С., 2001, с. 101–104.

¹² Освобождение Болгарии от турецкого ига: в 3 томах. Под ред. С. Никитина. М., 1961, т. 3, с. 573–574.

¹³ *Рангелов, Б.* Политическият национализъм на българското националноосвободително движение през Възраждането <<http://simvol.boinaslava.net/index.php?page=start>>.

¹⁴ Подр.: Личности от Третото Българско царство. Под ред. Е. Стателовой. С., 2000, 312 с.

¹⁵ Програми, програмни документи и устави на буржоазните партии в България. Съст. В. Николова, с. 44.

¹⁶ Цит. по: *Николов-Зиков, П.* Раждането на българския консерватизъм. С., 2011, с. 273.

¹⁷ Подр.: Личности от Третото Българско царство. Под ред. Е. Стателовой. С., 2000, 312 с.

¹⁸ Програми, програмни документи и устави на буржоазните партии в България. Съст. В. Николова, с. 17.

¹⁹ *Эрме, Г.* Авторитаризм. – В: Политология: хрестоматия <<http://lib.rus.ec/b/204149/read#t57>>.

²⁰ *Гришина, Р. П.* Конституционна монархия в Болгарии и ее подданные – В: Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (посл. четверть XIX – нач. XX в.) <http://promacedonia.org/chb2006/chb2006_grishina.htm>.

²¹ *Семов, М.* Великите Сили и Българската национална драма. С., 1991, с. 126.

²² *Радев, С.* Строителите на съвременна България. Т. 1. <<http://www.slovo.bg/showwork.php3?AuID=101&WorkID=2842&Level=1>>.

²³ *Стоукс, Г.* Социальные истоки восточноевропейской политики <http://intelros.ru/pdf/prognosis2_07/Stoyks.pdf>.

²⁴ *Гришина, Р. П.* Конституционна монархия в Болгарии и ее подданные. – В: Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (посл. четверть XIX—нач. XX в.) <http://promacedonia.org/chb2006/chb2006_grishina.htm>.

²⁵ *Тодев, И.* Екзархията – фактическо начало на модерната българска държавност? – В: Държава & Църква – Църква & Държава в Българската история. С., 2006, с. 235.

²⁶ Ферман за създаване на Българска екзархия <<http://www.archivesforbalkans.bg/cgi-bin/e-cms/vis/vis.pl?s=001&p=0033&n=000001&g=>>>.

²⁷ *Гришина, Р. П.* Конституционна монархия в България и ее подданные. – В: Человек на Балканах. Государство и его институты: гримас политической модернизации (посл. четверть XIX – нач. XX в.) <http://promacedonia.org/chb2006/chb2006_grishina.htm>.

²⁸ *Мадиевский, С. А.* Различия социальных структур формирующихся буржуазных наций и некоторые отражения их в политических институтах и духовной культуре (на примере Болгарии и Румынии) – В: Балканские страны в новое и новейшее время. Сборник статей, с. 63.

²⁹ История на българския политически живот. Извори. Съст. Д. Дойнов, М. Тодоракова, Р. Кушева. Варна, 2000, с. 637–638.

³⁰ *Радев, С.* Строителите на съвременна България. Т. 1. <<http://www.slovo.bg/showwork.php3?AuID=101&WorkID=2842&Level=1>>.

³¹ *Чорний, В.* Історія Болгарії. Львів, 2007, с. 198.

³² *Димитров, И.* Князьт, конституцията и народът, с. 80–90.

³³ *Радев, С.* Строителите на съвременна България. Т. 1. <<http://www.slovo.bg/showwork.php3?AuID=101&WorkID=2842&Level=1>>.

³⁴ *Блек, С.* Установяване на Конституционно управление в България. С., 1996, с. 207–224.

³⁵ *Стоянов, З.* Превратът <<http://www.slovo.bg/showwork.php3?AuID=149&WorkID=17539&Level=1>>.

³⁶ *Гешева, Й.* Съюзване и разединяване между умерени либерали и консерватории (1883–1885 г.). – Исторически преглед, 2011, № 3, с. 79–82.

³⁷ *Димитров, И.* Князьт, конституцията и народът, с. 143–144.

³⁸ См.: *Мишев, Р.* Австро-унгарската политика към България при режима на пълномощията (1881–1883 г.). – В: Трудове на Великотърновския университет „Кирил и Методий“. Т. 22, кн. 3: Исторически факултет. – Велико Търново, 1987, с. 71–96.

³⁹ *Манолова, М.* Парламентаризъмът в България (1879–1894), с. 133–137.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ „ЦАНКОВИСТСКАЯ“ ПАРТИЯ В УСЛОВИЯХ СТАМБОЛОВИСТСКОГО РЕЖИМА 1887–1894 гг.: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М. Л. Крютченко

Крютченко, М. Л. Либеральна „цанковистська“ партія в умовах стамболовистського режиму 1887–1894 рр.: основні напрями діяльності

В статті розглянуто внутрішньополітичне становище в Болгарії протягом 1887–1894 рр., а також проаналізовано основні напрями діяльності політичного угруповання „цанковистів“ у період диктатури С. Стамболова. Автор приходить до висновку, що не дивлячись на встановлення диктатури С. Стамболова, політична діяльність „поміркованих“ лібералів не припинялася, але через еміграцію її лідерів не мала суттєвого впливу на ситуацію в Болгарії.

Ключові слова: Болгарія, опозиція, „цанковисти“, С. Стамболов.

Крютченко, М. Л. Либеральная „цанковистская“ партия в условиях стамболовистского режима 1887–1894 гг.: основные направления деятельности

В статье рассмотрен вопрос о внутриполитической обстановке в Болгарии в 1887–1894 гг., а также проанализированы основные направления деятельности политической группировки „цанковистов“ в период диктатуры С. Стамболова. Автор приходит к выводу, что несмотря на установление диктатуры С. Стамболова, политическая деятельность „умеренных“ либералов не прекращалась, однако из-за эмиграции ее лидеров не имела существенного влияния на ситуацию в Болгарии.

Ключевые слова: Болгария, оппозиция, „цанковисты“, С. Стамболов.

Krutchenko, M. The Tsankov's Liberal political organization in the conditions of the Stamboly political period 1887–1894: the main trends of the activity

The article discusses the inner political situation in Bulgaria in the years 1887–1894, and also the analysis of the main activities of the political group of the Tsankovists during the S. Stambolov's leadership. The author concludes that despite the establishment of Stambolov dictatorship, political activity of „moderate“ liberals did not stop, but due to the emigration of its leaders had no significant effect on the political situation in Bulgaria.

Keywords: Bulgaria, opposition, „Tsankovists“, S. Stambolov.

Степень научной разработанности темы, связанной с деятельностью оппозиции в период правления Стамболова, на наш взгляд, недостаточна. Основное внимание болгарских, советских, российских и украинских исследователей было приковано к политическому кризису 1886–1887 гг., режиму С. Стамболова, а также непосредственно деятельности правительства Народно-либеральной партии.

Историография данного вопроса представлена немногочисленными работами болгарских ученых М. Маноловой, В. Николовой, Д. Саздова, В. Танковой¹, которые осветили внутриполитическое положение в Болгарии в рассматриваемый период, а также исследованиями украинского историка Д. Миколенко², охарактеризовавшего деятельность болгарской оппозиции в 1887–1894 гг., и российского автора О. Дубовик³, рассмотревшей взаимоотношения власти и церкви в Болгарии.

В процессе исследования был использован ряд исторических источников: воспоминания С. Стамболова⁴ и С. Данева⁵; одного из лидеров „цанковистов“; мемуары других общественно-политических деятелей Болгарии⁶. Источники дают возможность более обстоятельно рассмотреть внутриполитическое положение Болгарии в 1887–1894 гг.

Цель статьи состоит в том, чтобы, выйдя за рамки внутриполитических процессов, дать характеристику и определить основные направления деятельности партии „умеренных“ либералов как самостоятельной политической силы.

В первой половине 1886 года против болгарского князя Александра I Баттенберга сформировалась оппозиция, в состав которой вошли либералы – „цанковисты“*, южно-

* Политическая группировка „цанковистов“ во главе с Драганом Цанковым возникла в результате раскола Либеральной партии Болгарии в 1882–1883 гг. В 1883–1885 гг. состояли в коалиции с консерваторами. С приходом к власти „каравелистов“, „умеренные“ либералы перешли в оппозицию. В то время, как консерваторы находились справа, а сторонники П. Каравелова – слева, „цанковисты“ в политическом спектре Болгарии занимали место в центре.

болгарские „соединисты“, а также часть членов консервативной партии. Все они рассматривали князя как главное препятствие на пути улучшения русско-болгарских отношений. Союзниками пророссийских группировок выступали офицеры болгарской армии во главе с начальником софийского военного училища майором П. Груевым, помощником министра обороны А. Бендеревым, капитаном Р. Дмитриевым, а также офицерами столичного гарнизона, которые решили вернуть покровительство России, насильственно отстранив князя от власти. В ночь с 8 (20) на 9 (21) августа 1886 г. силами Струмского полка и юнкеров военного училища был совершен переворот. Александр I Баттенберг по требованию заговорщиков отрёкся от престола и под конвоем покинул страну. В своей телеграмме Груев приказал всем войскам присягнуть новому правительству, в состав которого должен был войти и Д. Цанков; председателем правительства был объявлен П. Каравелов. Драган Цанков был назначен министром иностранных дел.

Против заговорщиков выступили сторонники князя. Инициатором контрпереворота стал глава Народного собрания С. Стамболов, который находился в то время в г. Тырново. Нейтрализовав заговорщиков, он предложил Александру вернуться в Болгарию⁷. Однако российский император Александр III не поддержал такого решения, и Баттенберг вынужден был повторно отказаться от своего права на престол. Управление страной князь поручил регентству во главе со С. Стамболовым.

7 июля 1887 г. князем Болгарии был избран Фердинанд Сакс-Кобург-Готский, а 20 августа 1887 г. было создано правительство во главе со Стефаном Стамболовым. В исторической литературе период правления кабинета „стамболовистов“ иногда называется „диктатура“.

В связи с событиями 1886–1887 гг. оформилась оппозиция новой власти, которую представляли „умеренные“ либералы – „цанковисты“, сторонники П. Каравелова, члены группировки, объединившихся вокруг В. Радославова, и южноболгарские „соединисты“⁸.

В связи с тем, что болгарская власть преследовала сторонников переворота 1886 г., большая часть группировки „цанковистов“ вынуждена была покинуть территорию Болгарии⁹. В их числе находились и их лидеры. Драган Цанков перебрался в Санкт-Петербург, А. Люцканов – в Стамбул. Другие представители „умеренных“ либералов – М. Балабанов, Д. Моллов, М. Сарафов – остались в Болгарии, однако вынуждены были воздерживаться от активной политической деятельности¹⁰.

В ноябре 1886 г. в Стамбуле были образованы первые комитеты болгарских эмигрантов, которые поставили перед собой цель – организовать восстание против регентства, а в декабре лидеры болгарских эмигрантов отправили махзар турецкому правительству с просьбой отстранить от власти в Болгарии регентский совет. 28 декабря 1886 г. Драган Цанков прибыл в Стамбул как представитель оппозиции. При посредничестве Порты были проведены двухсторонние переговоры между Д. Цанковым и К. Стоиловым. В их результате лидер „умеренных либералов“ получил отказ правительства в вопросе его включения в состав регентского совета.

Противоречия между правительством и „цанковистами“ усилились, и, после бунтов пророссийски настроенной части офицеров болгарской армии в Русе и Силистре (февраль 1887 г.)¹¹, опасаясь попыток переворотов, болгарская власть усилила репрес-

* Политическая группировка перешла в оппозицию после выхода П. Каравелова из состава Регентского совета в 1886 г.

** В. Радославов 16 августа 1886 г. был назначен премьер-министром и министром внутренних дел Болгарии. Однако отношения между главой кабинета министров и регентами ухудшилось, и после избрания Фердинанда князем Болгарии и назначением С. Стамболова главой правительства „радославовисты“ перешли в оппозицию.

*** После переворота против Александра Баттенберга в августе 1886 года поддержал Стефана Стамболова и контрпереворот. После отречения Баттенберга от болгарского трона входил в состав делегации, посланной в Европу для поиска нового князя. В 1886–1888 годах – министр в правительствах П. Каравелова и В. Радославова. В 1887 г. премьер-министр Болгарии. Министр правосудия в кабинете Стамболова. В 1888 году перешёл в оппозицию.

сии против оппозиции¹². „Цанковисты“ были объявлены соучастниками заговорщиков. Несмотря на то, что основные конституционные права и свободы давали возможность оппозиции в Болгарии контролировать работу власти, воспользоваться этим правом противники Стамболова не могли¹³. Власть развернула борьбу против инакомыслящих и неудовлетворенных представителей оппозиции, постепенно установив авторитарный режим¹⁴.

С течением времени оппозиционные политические партии и организации практически прекратили свою деятельность. Среди легальных оппозиционных партий оставались лишь „радославовисты“¹⁵. Таким образом, на протяжении так называемой „диктатуры Стамболова“ (1887–1894 гг.) многопартийная система в Болгарии не функционировала¹⁶.

„Нелегальная оппозиция“ – „цанковисты“, „каравелисты“ и южноболгарские „соединисты“ – не имели возможности для какой-либо пропаганды и участия в избирательных процессах. Весь государственный аппарат и, соответственно, его институты были проинструктированы относительно решения вопросов, связанных с деятельностью нелегальных группировок¹⁷. Основная цель стамболовистского правительства состояла в том, чтобы не допустить публичных мероприятий оппозиции и ее вмешательства в избирательный процесс¹⁸. Между тем, пророссийски настроенная часть общественности выступала за участие „цанковистов“ в выборах, и, более того, рассчитывала на получение ими большинства мест в парламенте¹⁹.

В 1887–1894 гг. вопрос о взаимоотношениях с Россией как страной-покровительницей стал одним из узловых в политической жизни болгарского государства. „Цанковисты“ считали, что страна без поддержки Санкт-Петербурга существовать не может²⁰. Именно поэтому за рубежом они пытались поддерживать отношения с пророссийски настроенными офицерами-эмигрантами – майором П. Груевым, капитанами А. Бендеревым, Р. Димитриевым и другими²¹. Виновной в разрыве дипломатических отношений с Россией „умеренные“ либералы считали новую власть. Они не признавали князя Фердинанда легитимным правителем государства²² и считали необходимым отстранить его от власти.

Одной из главных задач „цанковистов“ за границей же была дискредитация правящего в Болгарии режима перед лицом мировой общественности. В первую очередь критика обрушилась на внешнеполитический курс новой власти, который, по мнению Драгана Цанкова, можно было назвать антироссийским. „Умеренные“ же либералы не видели никакой другой альтернативы, кроме поддержки молодого государства со стороны России. Осуждению подвергался и сам князь Фердинанд, которого они считали незаконно избранным. Также „цанковисты“ отмечали, что члены Народного собрания не избираются, а „просто назначаются властью“²³.

Из-за угрозы репрессий „цанковисты“, которые остались в Болгарии, не имели возможности полноценно проводить агитационную работу и публиковать газеты. Тем не менее в V ОНС 1887 года шестеро из них – В. Николчев, Я. Геров, Т. Мишевски, баллотировавшиеся от Бялой Слатины, Д. Вылчев от Горной Оряховицы, Т. Тоторов от Оряхово и Ф. Симидов от Рахово – получили депутатские мандаты²⁴. Однако эти политики не позиционировали себя в качестве оппозиции, растворившись в парламентском большинстве.

Во второй половине 1880-х гг. в Болгарии оставался актуальным национальный вопрос, который для Софии сводился к Македоно-Одринской проблеме. Д. Цанков и его сторонники осуждали сближение правительства С. Стамболова с Болгарской экзархией. Они считали это бессмысленной практикой. По их мнению, подобные действия С. Стамболова не могли привести к компромиссу с Портой. Единственной страной, которая была заинтересована в усилении Болгарии и ослаблении Турции, по мнению „цанковистов“, была Россия²⁵. Как и „каравелисты“ и „стамболовисты“, „цанковисты“ выступили за сохранение болгарского национального характера Македонии и Фракии²⁶, а также критиковали попытки посягательства на эти земли со стороны Сербии и Греции²⁷.

После того, как в конце 1889 г. в приложениях к „Русско-славянскому календарю“ появился тезис, что на территории Македонии „проживает особенный славянский народ“, по инициативе Д. Цанкова и при содействии профессора Харьковского университета М. Дринова было разработано и опубликовано в газете „Славянские известия“ „Заявление болгарских эмигрантов“, где приводились аргументы в интересах доминирования в области болгарского этноса²⁸.

Еще одним направлением деятельности „цанковистов“ было сотрудничество с учеными, писателями и политическими деятелями Российской империи. „Умеренные“ либералы приняли участие в организации и проведении собраний Петербургского славянского благотворительного общества, где рассматривался вопрос об этнографических, географических и исторических границах Македонии. Д. Цанков высказал свое мнение по национальному вопросу. Раздел Македонии между балканскими станами „цанковисты“ категорически отвергали²⁹. Капитаном А. Бендеревым была разработана концепция решения национального вопроса на Балканах. На заседании 22 января 1890 г. им было предложено создание федерации под скипетром правящей в Сербии королевской династии. Князем Болгарии должен был стать наследник сербского престола Александр Обренович, до совершеннолетия которого страной управлял бы регентский совет³⁰. Предполагалось включить Македонию в состав данной федерации на равных правах с другими государствам (Болгарией и Сербией). Конвенция предусматривала также заключение таможенного союза с Сербией и военной конвенции с Россией. Проект А. Бендеревы поддержали профессор М. Дринов и Д. Цанков. Считается, что данная разработка положила начало идее южнославянской федерации под покровительством Петербурга³¹.

Таким образом, А. Бендерев предложил альтернативу внешней политике С. Стамболова. Однако, находясь за границей, „цанковисты“ автоматически лишались возможности популяризовать свои идеи. В связи с этим, по результатам выборов 1890 года, ни одного „цанковиста“ не было избрано в парламент³², а их проект не получил поддержки внутри страны. Следует отметить, что авторитет „умеренных“ либералов падал не только среди болгарского населения. Царская дипломатия также была разочарована в Д. Цанкове, полагая, что русофильская оппозиция переживает упадок и беспособна „избавить Болгарию от Фердинанда“³³ без открытого вмешательства России. Петербург не видел никаких положительных результатов от деятельности „цанковистов“.

„Умеренные“ либералы, не имея возможности легально вернуться к руководству страной, решили начать подготовку террористических актов против Фердинанда, С. Стамболова и некоторых других правительственных чиновников³⁴. С. Миларов, осужденный по делу о „заговоре с целью совершения убийства Его Царского Величества Князя и премьер-министра Стамболова и убийства министра Белчева“, упоминал о том, что сам лидер „цанковистов“ лично давал задание своим сторонникам уничтожить премьера и князя³⁵. Однако, учитывая субъективность показаний и не отвергая возможности их предоставления в результате давления со стороны власти, мы не можем утверждать, что данные указания действительно давались Драганом Цанковым. Так или иначе, такая информация, дошедшая до властей Болгарии в результате допроса С. Миларова, дала повод С. Стамболову для очередной волны репрессий³⁶.

В 1892 г. в связи с браком Фердинанда I правительство предприняло попытку изменить 38-ю ст. Тырновской Конституции таким образом, чтобы преемник князя мог быть неправославным³⁷. По мнению „цанковистов“, конституционные изменения, произведенные С. Стамболовым, имели открытый антидемократический характер.

Одновременно власть пошла на широкую либерализацию режима, что позволило оппозиционным силам Болгарии активизировать свою деятельность. Однако лидеры „цанковистов“ оставались за рубежом до решения „эмигрантского вопроса“*. Прошли выборы в VII ОНС. В парламенте „цанковистов“ представляли лишь двое депутатов – Д. Списаревски, который баллотировался от Добрича, и Л. Дуков – от Провадии³⁸.

* Вопрос относительно арестов участников переворота в 1886 г. и бунтов пророссийски настроенных офицеров в 1887 году.

В сентябре 1893 г. „умеренные“ либералы поддержали заявление объединенной оппозиции о том, что русофильская группировка будет выступать против „неконституционного управления“³⁹. Группировка апеллировала к Фердинанду, призывая его отстранить Стамболова от власти. В 1894 г. „цанковисты“ приняли программу „объединенной оппозиции“. Вместе с „радославовистами“ и южноболгарскими „соединистами“ они участвовали в кампании, направленной на дискредитацию власти⁴⁰, обращаясь к населению Болгарии с призывами предоставлять жалобы на администрацию Стамболова непосредственно князю с требованием свергнуть ненавистный режим правления.

Таким образом, в 1894 г. была сформирована партийная коалиция, в состав которой вошли „цанковисты“, бывшие консерваторы, „радославовисты“ и южноболгарские „соединисты“. Их позиция совпала с интересами князя, который стремился отстранить С. Стамболова от власти, рассматривая его как своего конкурента. К тому же мнения Фердинанда и Стамболова расходились в вопросе о внешнеполитической ориентации Болгарии. Пытаясь возобновить дипломатические отношения с Российской империей, князь установил в 1894 г. новый режим с новым правительством во главе с К. Стоиловым. После этого С. Стамболов сказал: „Выбор Фердинанда князем Болгарии является самой большой ошибкой, которую я сделал в моей жизни“⁴¹.

Итак, основные направления деятельности Д. Цанкова и его сторонников в период „стамболовистской диктатуры“: 1) поддержание тесных отношений с пророссийски настроенными офицерами, которые находились в эмиграции, а также с русской интеллигенцией; попытка повлиять на мнение европейской общественности; 2) критика внешнеполитического курса С. Стамболова; ориентация в вопросах внешней политики на Россию; 3) подготовка террористических актов против князя Фердинанда и С. Стамболова; 4) агитация за решение болгарского национального вопроса на Балканах.

Существенно влиять на ситуацию в Болгарии „умеренные“ либералы не могли, так как их лидеры находились в эмиграции. Лишь в 1893–1894 гг. „цанковисты“, оставшиеся в Болгарии, активизировали свою деятельность, поддержав объединенную оппозицию. После отстранения от власти С. Стамболова в 1894 г., процесс легализации „цанковистов“ ускорился. В 1895 г. был решен „эмигрантский вопрос“, и участники переворота были реабилитированы. После этого Д. Цанков вернулся в Болгарию. „Цанковисты“ возобновили свою легальную деятельность, в результате которой вместе с „радославовистами“ и „народниками“ восстановили многопартийную систему Болгарии. В истории „цанковисткой“ группировки начался период обновления партийной структуры.

¹ Манолова, М. Парламентаризъм в България (1879–1894). С., 1989, 238 с.; Николова, В. Политическите партии в България (1885–1918): общи черти и специфика. – В: Проблеми на новата и най-новата политическа история на България. С., 1991, с. 12–39; Саздов, Д. Многопартийната политическа система и монархическият институт в България (1879–1918). С., 1993, 258 с.; Танкова, В. Южно-българските съединители в условията на Стамболовия режим (1887–1894). – Исторически преглед, 1992, № 11, с. 150.

² Миколенко, Д. В. Політична опозиція в Болгарії за часів прем'єрства Стефана Стамболова (1887–1894 рр.). – В: Дриновський збірник/Дриновски сборник. Т. 4. Харків-Софія, Академічне видавництво „Проф. Марин Дринов“. 2011, с. 187–197.

³ Дубовик, О. А. Стефан Стамболов и болгарская церковь. – В: От этносов к нациям и современным государствам. М., 2010, с. 315–331.

⁴ Стефан Стамболов и неговото време. Непубликовани спомени. Съст. Е. Стателова и Р. Попов. С., 1993, с. 343.

⁵ Данев С. Мемоари. Съст. и ред. Е. Стателова и К. Гергинов. С., 1992, с. 290.

⁶ Стефан Стамболов в спомени на съвременници. Съст. Стойко Тонев, Даниела Давчева. С., 1992, с. 383.

⁷ Стефан Стамболов и неговото време..., с. 184.

⁸ Миколенко, Д. В. Політична опозиція в Болгарії за часів прем'єрства Стефана Стамболова (1887–1894 рр.), с. 187.

- ⁹ *Танкова, В.* Указ. соч., с. 150.
- ¹⁰ *Миколенко, Д. В.* Указ. соч., с. 191.
- ¹¹ *Златев, Л.* Политически аспекти на русофилския бунт в Руссе от 19 февруари 1887 г. – Исторически преглед, 1998, № 1–2, с. 168.
- ¹² *Стефан Стамболов и неговото време...*, с. 198.
- ¹³ *Миколенко, Д. В.* Указ. соч., с. 187.
- ¹⁴ *Стефан Стамболов в спомени на съвременници...*, с. 124.
- ¹⁵ Там же, с. 187.
- ¹⁶ *Саздов, Д.* Указ. соч., с. 98.
- ¹⁷ *Манолова, М.* Указ. соч., с. 174.
- ¹⁸ *Маринов, Д.* Стефан Стамболов и новейшата ни история. Т. 2. С., 1992, с. 198–199.
- ¹⁹ *Палангурски, М.* Избори по стамболовистки (1887–1894). Велико Търново., УИ „Св. св. Кирил и Методий“, 2008, с. 110.
- ²⁰ *Perry D.* Stefan Stambolov and the emergence of modern Bulgaria, 1870–1895 [Електронен ресурс] / D. Perry. – Режим достъпа: <http://books.google.com.ua/books?id=28nQRUIN7qIC&pg=PR9&lpg=PR9&dq=Perry+D.+Stefan+Stambolov+and+the+emergence+of+modern+Bulgaria&source=bl&ots=tVduOWPBae&sig=1YIS4L8ZoNMU6O9rjGOxjQCyRTc&hl=ru#v=onepage&q=Perry%20D.%20Stefan%20Stambolov%20and%20the%20emergence%20of%20modern%20Bulgaria&f>.
- ²¹ *Миколенко, Д. В.* Указ. соч., с. 191.
- ²² *Николова, В.* Указ. соч., с. 15.
- ²³ *Палангурски, М.* Указ. соч., с. 9.
- ²⁴ *Миколенко, Д. В.* Указ. соч., с. 191.
- ²⁵ Там же, с. 192.
- ²⁶ *Даскалов, Р.* Българското общество 1878–1939. Държава. Политика. Икономика. Т. 1. С., 2005, с. 183.
- ²⁷ *Попов Ж.* Българският национален въпрос в българо-румънските отношения 1878–1902 г. С., 1994, с. 241.
- ²⁸ *Миколенко, Д. В.* Указ. соч., с. 192.
- ²⁹ *Николова, В.* Указ. соч., с. 19.
- ³⁰ *Миколенко, Д. В.* Указ. соч., с. 193.
- ³¹ Там же, с. 193.
- ³² Там же, с. 192.
- ³³ *История на България. Възстановяване и утвърждаване на българската държава. Национално-освободителни войни 1878–1903 г. С., 1991, с. 262.*
- ³⁴ *Миколенко, Д. В.* Указ. соч., с. 192.
- ³⁵ Там же, с. 192.
- ³⁶ Там же, с. 192.
- ³⁷ Там же, с. 273.
- ³⁸ Там же, с. 192.
- ³⁹ *Николова, В.* Указ. соч., с. 14.
- ⁴⁰ *Стефан Стамболов и неговото време. Неопубликовани спомени.* Съст. Е. Стателова и Р. Попов. С., 1993, с. 275.
- ⁴¹ *Данев С.* Мемоари. Указ. соч., с. 80.

ДЖЕРЕЛА ТА ДЖЕРЕЛОЗНАВСТВО

УДК 94(497.2):323.269.6., 1876.04.18-05.23“ Дринов (044)

АПРИЛСКОТО ВЪСТАНИЕ В КОРЕСПОНДЕНЦИЯТА НА МАРИН ДРИНОВ: „ПОВЕСТ СЛАВНА ЗА МОИТЕ ПАНАГЮРЦИ“

Л. Соленкова

Соленкова, Л. Априлското въстание в кореспонденцията на Марин Дринов: „Повест славна за моите Панагюрци“

В настоящата публикация се представят 77 писма от 1876 и началото на 1877 г., написани от Марин Дринов или изпратени до него във връзка с Априлското въстание. Големият български учен и общественик не взема лично участие с пушка и сабя в ръка, но перото и думите му не са по-малко внушителни и влиятелни. От кореспонденцията се вижда, че Дринов е от онези българи, които повлияват за формирането на общественото мнение в Европа срещу турските зверства; популяризират българската кауза; спомогаат за образуването на благотворителни организации, които да помогнат на пострадалите след погромите. Наред с това, той не забравя и своето собствено семейство, за което дълго време няма информация. По този начин в писмата се вижда как се преплитат частният живот на даден човек с проблемите на целия народ.

Ключови думи: Марин Дринов, кореспонденция, Априлско въстание, Панагюрище, турски погроми, Българско възраждане, благотворителни организации.

Соленкова, Л. Апрельское восстание в корреспонденции Марина Дринова: „Повесть славная о моих панагюрцах“

В настоящей публикации представлены 77 писем 1876 – начала 1877 г., написанных Марином Дриновым или посланных ему в связи с Апрельским восстанием. Выдающийся болгарский ученый и общественный деятель лично не принимал участия в восстании с ружьем и саблей в руках, но его перо и слово были не менее внушительными и влиятельными. Из переписки видно, что Дринов принадлежал к тем болгарам, которые повлияли на формирование общественного мнения в Европе относительно турецких зверств; популяризировали болгарскую идею; способствовали образованию благотворительных организаций, которые помогали пострадавшим после погромов. Наряду с этим, он не забывал и о своей семье, о которой долгое время не располагал информацией. Таким образом, из писем видно переплетение частной жизни этого человека с проблемами всего народа.

Ключевые слова: Марин Дринов, кореспонденция, Апрельское восстание, Панагюриште, турецкие погромы, Болгарское возрождение, благотворительные организации.

Solenkova, L. The April Uprising in Marin Drinov's Correspondence: "A Glorious Story of my Panagyurtsi"

This publication presents 77 letters written by Drinov or sent to him in 1876 and early 1877 in connection with the April uprising. Drinov, a great Bulgarian scientist and public figure does not take a personal involvement in the uprising with a gun and a sword in hand, but his nib and words are no less impressive and influential. His correspondence shows that Drinov is one of these Bulgarians who influenced the formation of public opinion in Europe against the Turkish atrocities, popularized the Bulgarian cause, contributed to the formation of charitable organizations to help the victims after the pogroms. At the same time, he doesn't forget his family as well, for which he has had no information for a long time. Thus, the letters show how the private life of a man intertwines with problems of the all nation.

Keywords: Marin Drinov, Correspondence, April Uprising, Panagyurishte, Turkish pogroms, Bulgarian revival, Charitable organizations.

Всяко значимо събитие от обществен или частен характер намира място в кореспонденцията на съвременниците си. Така бъдещите изследователи на дадено събитие или личност, оставила епистоларно наследство, получават още един ценен извор. Извор, който освен конкретната информация, съдържа в себе си и данни от т.нар. субективен характер. От тях може да се види моментното състояние (както психическо, така и физическо) на автора на писмото, неговите размисли, емоцията, с която приема и описва случилото се, реакцията, която е последвала и т.н. Това още повече обогатява историята. По този начин тя не остава сух разказ за миналото, а получава човешко измерение, изпълва се с участници с реални очертания, емоции, чувства, реакции. И докато събитията от частен характер засягат тесен кръг от хора, то тези от обществен доста често стават „герои“ на много писма. Богатството се състои и в това, че се образува една своеобразна мрежа, която може да се оприличи на паяжина. Всеки участник в нея, получил информация, я споделя с останалите участници. Посредством това могат да се проследят и съществуващи връзки между отделни личности.

Настоящото кратко встъпително изложение към публикуваната тук кореспонденция си поставя за цел да покаже една такава мрежа, в центъра на която са поставени видният български учен и общественик Марин Дринов и Априлското въстание. Той е от онези личности, които умеят и имат силата да играят основна роля в общественния живот. В конкретния случай той не взема лично участие с пушка и сабя в ръка в борбите на българите през 1876 г. Но перото и думите му не са по-малко внушителни и влиятелни. Дринов е от онези българи, които пряко или косвено повлияват за формирането на общественото мнение в Европа срещу турските зверства; популяризират българската кауза; спомагат за образуването на благотворителни организации, които да помогнат на пострадалите¹. Наред с това, той не забравя и своето собствено семейство, за което дълго време няма информация и не може да му окаже нито духовна, нито материална подкрепа. Така посредством представената тук лична кореспонденция може лесно да се види преплитането между частното и общественото, невъзможността да се отдели едното от другото, особено когато в центъра са събитие с мащабите и последствията като тези на Априлското въстание и личност като тази на М. Дринов.

За този български учен 1876 г. е много динамична както в личен, така и в професионален аспект. В началото на годината Дринов се завръща в Москва, за да защити докторската си дисертация на тема „Южните славяни и Византия през X век“². Така на 23 март той става доктор по славянска словесност³, но тежките условия и политическият момент му попречват. Затова решава да поднови прекъснатата си научна командировка, започнала през август 1875 г., и да продължи научните си дирения в европейските архиви и библиотеки. В началото на май потегля за Варшава, където остава две седмици. На 25 май ученият се отправя за Прага през Познан. От 10 юни до 19 юли живее в столицата на Бохемия, след което заминава за Виена. Там остава около три седмици и се завръща отново в Прага, където, според едно негово писмо до Адолф Патера⁴, пристигат повече вести от Балканите. Разбира се, това негово мнение се опровергава, както се разбира в негови писма до Т. Пеев⁵ и К. Иречек⁶. По това време вниманието му вече е съсредоточено върху Сръбско-турската война. По-специално, той очаква подробности около съдбата на българските доброволци в нея, начело с Панайот Хитов и Филип Тотю⁷. В началото на септември М. Дринов се завръща в Харков, защото започва учебната година в университета, в който на 18 септември е утвърден като екстраординарен професор⁸.

През цялото това време, а и след това, българинът поддържа оживена кореспонденция със свои приятели и колеги. Пет са основните теми в нея. Първата – необходимостта да се представи пред европейската общественост положението в България. В тази връзка е и големият интерес и многото съвети към вестника на Т. Пеев, Ив. Драгов и Св. Миларов „Възраждане“. Дринов подкрепя тази идея и през целия период на

излизането му полага грижи за неговото разпространение⁹. Оказването на незабавна помощ на пострадалите българи посредством създаването на благотворителен комитет е втората тема в писмата. Третата е свързана с личните му тревоги за съдбата на семейството му и родния му град Панагюрище. Като следваща тема трябва да се изведе международната обстановка: събитията в Сърбия, настроенията сред Великите сили и Русия. Петата не е свързана със събитията, а с дейността на Българското книжовно дружество в Браила и с новостите в историческата наука по това време и в проучванията на Дринов и някои негови колеги¹⁰.

Представената тук кореспонденция е изпълнена с много емоция и тревоги. В свое писмо от 27 ноември 1876 г. Нешо Бончев¹¹ пише на М. Дринов: *И воистина друже мой, доживяхме до велики исторически минути, но се явихме непригответени за тях и лениви, като ония бди деви евангелски, у които погаснаха светилниците, та не излязоха во сретение жениху* (вж. писмо № 67). Но дали е така? Дали тези редове не са плод на страданието и безсилието пред тегобите и жестокостите, сполетели българския народ след април 1876 г., пред отчаянието от мисълта, че свободата е почти недостижима. Днес вече има различни оценки за избухването, хода и последствията от Априлското въстание, но това, около което се обединяват всички, е, че без това ясно заявяване на желанието и готовността за свобода пред лицето на Европа българският народ нямаше да извоюва свободата си през 1878 г., най-вероятно нямаше да я има толкова скоро след това и Руско-турската война. Така че, четейки тези редове, ние трябва да отчетем момента, в който са написани те, трябва да вземем предвид, че те са едно становище, изразено пред приятел в личната им кореспонденцията. Именно през есента на 1876 г. се усеща цялата трагедия, сполетяла българския народ: въстанието е кърваво потушено, настъпва зимата, няма достатъчно храна (малка част от засятото оцелява и дава плодове), част от нея дори е отровена, много домове са разрушени, помощта отвън, от Дядо Иван, все още не е дошла и не се знае със сигурност дали ще дойде и т.н.

Кореспонденцията между Бончев и Дринов е наситена с много емоция и откровения. Вероятно това се дължи на близкото приятелство между двамата още от детските им години. В писмата се вижда стремежът да се сподели всеки един научен факт, наред с другите радости и страхове около живота и здравето им. През януари и февруари 1877 г. напълно се разкрива стремежът им да съберат пълна информация за събитията в родината им през и след април 1876 г., да представят пред света страданията на българите и желанието на Дринов да напише „*Поучителна, хубава и славна повест [...] за това Панагюрско въстание*“ (вж. писма №№ 72, 73, 76). Желание, което потвърждава и в писмо до Константин Иречек (вж. писмо № 77).

Макар и живял в Прага през по-голяма част от лятото на 1876 г., Дринов няма възможност да се вижда със своя приятел и колега К. Иречек, защото последният прекарва лятната си ваканция в пътешествия из Алпите. Благодарение на този факт, за днешните изследователи е останала богата кореспонденция между двамата от този период, която дава много ценна информация както за отражението в Европа на събитията на Балканите, така и за техните научни търсения и лични преживявания. Въобще списъкът на личностите, освен вече посочените, с които М. Дринов си кореспондира през 1876 и началото на 1877 г. по въпроси, свързани с Априлското въстание, е много богат. В него фигурират на първо място братята му Найдено и Пейо Дринови¹². Другите са: Иван Дръцков, Иван Джуджов, Симеон Христов¹³, Райко Жинзифов¹⁴, Никола и Янко Ковачеви¹⁵, д-р Георги Странски¹⁶, Стоян Михайловски¹⁷, Найдено Геров¹⁸, Георги Тишев¹⁹, Драган Цанков²⁰, Марко Балабанов²¹, Нил Попов²², Николай Киреев²³. Има податки, че през този период Дринов си кореспондира и с Любен Каравелов, от когото е получил сведения за събитията в Сърбия, но те на този етап от изследването не са намерени. Вероятно има и други писма с посветени в тях редове на събитията на Балканите от 1876 г., които все още не са открити. На това навеждат някои реплики в самите писма на Дринов, а и интензитетът в тях. Има периоди, в които почти няма

изпратени или получени писма, а от последвалите се разбира, че информацията е обменяна.

Българският духовен живот от онова време е имал няколко големи политически и културни центъра вън от родината: Цариград, Букурещ, Браила, Белград, Одеса, Москва, Виена, Прага. Именно там са и голяма част от приятелите и колегите на Марин Дринов, с които той си пише. Така географски кореспонденцията обхваща Балканския полуостров, Централна и Източна Европа. Съответно този е ареалът, от който основно се черпи информация за събитията на Балканите и настроенятия на Стария континент относно борбите на народите в Османската империя, и в който може по някакъв начин да се въздейства посредством сведенията, предоставяни от Дринов и приятелите му, които често намират израз в периодичния печат²⁴.

Кореспонденцията между М. Дринов и неговите приятели и колеги се съхранява в различни архивохранилища както в България, така и извън нея. Писма от и до българина от разглеждания период се намериха в Научния архив на Българската академия на науките, Български исторически архив при Народната библиотека „Св. св. Кирил и Методий“, Литературния архив при Музей на националната книжнина в гр. Прага, Чехия. Вероятно такива се съхраняват и в Москва и Санкт Петербург в Русия, до които архивохранилища на този етап нямаш достъп. Голяма част от писмата цялостно или частично са публикувани в различни сборници или списания. Тук трябва да се споменат имената на Петър Динеков (Априлското въстание в неизвестни писма на съвременници. – Отец Паисий, 1936, № 5 и 6), Петър Миятев и Георги Димов (Документи за историята на Българското книжовно дружество в Браила. Т. 1. С., 1958), Кирила Каратеодорова, Бонка Тодорова-Пекова и др. (Априлско въстание 1876. Сборник от документи. Т. 1. С., 1956), Владимир Сис (Кореспонденция на д-р Константин Йос. Иречек с Марин Дринов. – Годишник на Народната библиотека в София за 1923 г. С., 1924), Людмила Горина (Научната биография на Марин Дринов в писмата му до Адолф Патера. – Векове, 1988, № 6), Лиляна Минкова (Писма на М. Дринов до О. М. Бодянски и Н. А. Попов, съхранявани в архивите на СССР. Известия на НБКМ. Т. 12 (18), 1971), Петър Миятев (Из архива на Константин Иречек. Т. 2. Преписка с българи. С., 1959), Тодор Панчев (Из архивата на Найдено Геров. Т. 1. С., 1911) и Михаил Попруженко (Документи за българската история. Архив на Найдено Геров (1871–1876). Т. 2. Съст. М. Попруженко. С., 1932).

След април 1876 г. въпреки усилията, Дринов не успява да се залови за работа, защото изцяло е погълнат от събитията в България и съдбата на семейството му. От европейския печат и писмата, които получава, ученият научава вести за въстанието на българите, неговото жестоко потушаване и по-късно през годината – и за бедстващото положение на българския народ. Българинът е разтърсен из основи и родолюбие то му се проявява отново с голяма сила. Той заживява с болките и тежобите на своя народ. А личната му обвързаност още повече засилва неговото желание да узнае всичко, което става по българските земи, и да помогне на бедстващото население.

М. Дринов не е изненадан от събитията от 1876 г. Още по време на обиколката си в България през 1875 г. той вижда, че недоволството на българите вече достига критични нива. А през март 1876 г. получава писмо от братята си Пейо и Найдено, едни от организаторите на въстанието в Панагюрище, в което се загатва за предстоящите събития (вж. писмо № 1). Малко по-късно, имайки възможността открито да говори за ставащото сред българите, Тодор Пеев му съобщава за организирането на тайни комитети в Одеса, Кишинев и някои градове в Румъния, които да подпомагат въстанието, както и за събирането в Браила на „мнозина безделници и пиенци българи от Русия и Влашко“, които се готвели да заминат за българските земи, за да участват в предстоящото въстание (вж. писмо № 2). Това са и първите сведения, достигнали до Дринов за въстанието на българите. Още тук проличава една особеност, характерна за целия период – от вътрешността на страна сведенията са оскъдни и изказани с недомлъвки: *Из Пловдив ми пишат често, но подробности не ми явяват, види се, не смеят* (вж.

писмо № 57), а извън нея – са отново малко, но с възможност да се съобщят свободно.

От 30 април е първото писмо, в което Т. Пеев съобщава на приятеля си, че въстанието е избухнало. И въпреки че по принцип не е революционно настроен, в писмо до Т. Пеев той пише: *Ако възстанието наистина се е проснало тъй далече, то ще да е много чудно нещо и нема съмнение, че не ще остане напраздно. Свет се е восчудил на българите, – всеки им съчувствува* (вж. писмо № 6).

Така, ангажиран както лично, така и като българин, Дринов започва усилено да събира данни за хода и събитията на Априлското въстание. Тук трябва да се отбележи фактът за начина на разпространение на информацията. По сведенията в писмата му се вижда, че българите извън Турция изграждат една мрежа, по която със светкавична светлина се разпространява информацията, която всеки неин член е получил, особено ако тази информация идва от вътрешността на страната. В отговор на запитванията на Марин Дринов последват доста любопитни и понякога много ценни изложения върху хода на кървавите събития и последствията от тях. Дринов е дълбоко развълнуван от онова, което научава. Описва със скръб и загриженост в писмата си до Иречек големите безчинства, които вършат турците в България. През август дори ще му напише: *освен страдания и мъки от България друго не се чува* (вж. писмо № 43). В голяма степен върху разказите на българския си приятел, чехът прави своите репортажи и статии, които публикува на страниците на чешкия периодичен печат²⁵.

Дълго Дринов чака за известия от родния си дом. Чак през юни получава сведения от Пловдив, от които разбира, че семейството му е живо, братята му са затворени в тъмница като организатори на въстанието, къщите и дюкяните им в Панагюрище са разграбени и разрушени (вж. писмо № 17, 31). Такава е съдбата на хиляди българи, имали смелостта да се борят за свободата си. Във в. „Възраждане“ се апелира за организирането на материална помощ в полза на пострадалите. Това е, както стана въпрос по-горе, друга основна тема в кореспонденцията. Всички са обединени около идеята, че трябва да се организира благотворителен комитет, който да събере нужните помощи, за да се помогне на останалото без покрив и препитание въстанало българско население. *Такъв комитет е нужно да се състави и по-сгодно място от Браила, доколкото аз зная, мъчно е да се намери. Народът ни гине, които оцелеят от башибузушките и черекзки зверства, те, ако не се вземат мерки, щат умрат сега от глад, а после и от студове* (вж. писмо № 16). Два са основните проблема, които се очертават тук. Първият е свързан със създаването на самият комитет. Няма единна позиция какъв да бъде той и кой да го ръководи. Впоследствие се нарояват много, което според Дринов не е добър знак за европейците. Вторият проблем е как събраните средства да достигнат до нуждаещите се. Самият той е изпълнен с почит и удивление пред подвига на въстаниците. В писмо до Нешо Бончев пише: *Времената са критически, трябва да даваме мило и драго, да не жалим нищо, когато отечеството ни се намерва в такава опасност. Ако се вземем сами да си помогнем, тогава можем да чакаме, че и други щат ни помогнат* (вж. писмо № 21). Във връзка с това на 15 май в Букурещ пристига Н. Киреев, който е изпратен там от Славянския комитет в Русия, за да събира сведения²⁶. Дринов обобщава всичко, което до този момент е научил от писмата на Т. Пеев и Н. Ковачев за въстанието на българите, и го описва на руснака. Тази информация заема важно място в неговия доклад за въстанието в България, предаден на 2 юни 1876 г. в Херцеговинската комисия към Петербургския славянски комитет²⁷. В това писмо, както и в други, е обрисувана със затрогващо съчувствие трагедията на българите. Съобщава за турските репресии, предлагайки да се изпратят в България представители на Червения кръст, които ще могат да *окажат голяма услуга на делото на милосърдие и човеколюбие* (вж. писмо № 7)²⁸. Предложението е написано малко по-късно и в писмо до Т. Пеев (вж. писмо № 22). През цялото време той прави всичко възможно, за да уведомява руската общественост за това, което се случва в България – причини, събития, последствия. Системно дава сведения в руския печат. Чернови от

тях могат да се намерят в архива на учения²⁹. За постигането на тази цел през ноември 1876 г. Дринов изнася публична лекция в Харковския университет на тема: „България на кануне ея погрома“. Голяма част от изнесената информация в нея е събрана от учения при обиколката му из България през лятото на 1875 г. В нея той признава открито, че кървавият път на революцията е много по-прав и кратък за избавление на българския народ от чуждото иго, отколкото дългия, едва ли не безкраен друм на борбата за освобождение с мирни, просветителски средства³⁰. Тази еволюция в разбиранията на Дринов за начина на постигане на мечтаната свобода от българите ясно се вижда и в неговата кореспонденция. Още през октомври 1876 г. той пише на К. Иречек, че правата посока е войната, *която и ние очакваме с такова нетърпение, както и Вие. Без нея няма оправия!* (вж. писмо № 57)³¹. С интерес историкът следи и дипломатическата обиколка на Др. Цанков и М. Балабанов, с която се цели да се представи тежкото положение на българите под османска власт и да се привлече вниманието на европейските държави за разрешаването на българския въпрос³².

От писмо до Иречек се разбира, че той се е завърнал в Харков с разбити надежди, съвсем болен: *не толко телесно, колкото душевно* (вж. писмо № 57). Въпреки това продължава да работи за българската кауза. Освен всичко посочено до тук, той започва лично да събира помощи за бедстващите българи. През октомври 1876 г. Дринов взема активно участие в създаването на Харковския комитет за подпомагане на славяните³³. В началото на следващата година получава писмо от Н. Попов, с което го приканва в Харков да се създаде филиал на Московския славянски комитет, чийто секретар е. Руснакът предлага Харковският комитет да е в основата на филиала. Основните задачи са подпомагане на момичета и момчета от южните славяни да се учат в Русия и да се събира църковна утвар и вещи за подпомагане на разрушените български, сръбски, хърватски и др. църкви след размириците от 1875–1876 г. (вж. писмо № 74). На общо събрание на членовете на Харковския комитет Дринов представя предложението на Попов. Отказват с мотива, че *пожертвованията в полза на славяните в последно време почти съвсем се прекратиха [...] постъпилите вече членове, които са около четиридесет, видимо са охладнели към делото [...]* (вж. писмо № 75).

Пак по това време Нешо Бончев пише на Дринов, че трябва да се опишат събитията от 1876 г. и да се съберат всички материали в европейския печат, свързани с тях (по примера на англичаните), не само за да *ги провери критически и да ги изправи*, но *баре да ги сохрани за историята?* (вж. писмо № 73). Дали повлиян от тези думи на приятеля си, дали по лична инициатива, или увлечен от търсенето на сведения, Дринов започва грижливо да събира информация за Априлското въстание. В края на декември той заминава за Москва във връзка с работата на Археологическата комисия, в която участва. Там успява да се срещне и да чуе разказите на българи участници във въстанието. Между тях са Райна Попгеоргиева, Иван Гешанов и пет-шест момчета – деца от Панагюрище. Тези свои срещи описва подробно на приятеля си Нешо. Накрая заключава: *Поучителна, хубава и славна повест може да се напише за това Панагюрско въстание* (вж. писма №№ 72, 76). В писмо до Иречек внася и едно уточнение: *Повест славна за моите панагюрци, за някои от техните съседи, за някои, но не и за всичките* (вж. писмо № 77).

Тази повест остава само като проект (събитията през следващите няколко години са толкова динамични, че изцяло поглъщат историка и той се откъсва от научните си занимания, за да се посвети на създаването и организирането на новата държава на европейската карта след 1878 г. – Княжество България). Но събрани заедно, онези редове, написани в писмата от и до Марин Дринов през 1876 и началото на 1877 г. и посветени на Априлската епопея, образуват един разказ за събитията, страданията, търсенията и надеждите на българския народ в навечерието на неговото освобождение. Именно те са обект на настоящата публикация. Тук са поместени в цялостен или частичен вид (поради ограничения обем страници, а и защото така може да бъде

написана замислената Дринова повест) в хронологичен ред 77 писма от и до М. Дринов. Подбрани са онези редове, които са посветени пряко на Априлското въстание и последствията от него. Не са предадени тези, посветени на останалите теми, вълнуващи М. Дринов през това време и посочени по-напред в текста. Писмата са писани в периода от 1 март 1876 г. до началото на април 1877 г. Те се поместват на оригиналният им език: български, руски и чешки. Осъвременени са графиката, правописът и пунктуацията. Всички намеси са отбелязани в квадратни скоби (1. [...] – пропуснат текст; 2. [не се четe] – текст, който не е могъл да се разчете). Личните и географските имена са предадени според оригиналното им изписване от адресантите, като в бележки под линия са дадени съответните уточнения. Зачертани или добавени в полето текстове от авторите се дават в бележки със звездичка („*“), непосредствено след текста на писмото. Преди всяко поместено писмо се посочват адресатът и адресантът, датата в нов и стар стил на написването му³⁴ и кратка анотация на пълното съдържание. След писмото се отбелязва архивохранилището, в което се съхранява, фондът, описът, архивната единица, листът, както и досегашни публикации на документа, ако има такива. Някои тук се публикуват за първи път.

Като заключение искам да предам само още няколко думи, написани в писмо на Нешо Бончев до Марин Дринов, които са обобщение на всички идеи, терзания и надежди в разглежданата тук кореспонденция: *голям раскряч направиха българите в своето духовно самопознание. Во очю се св[ъ]рива нашето многовременно робство* (вж. писмо № 73).

¹ Горина, Л. Марин Дринов – историк и обществен деец. С., 2006, с. 49–54.

² Пак там, с. 48–49.

³ Из архива на Константин Иречек. Т. 2. Преписка с българи. С., 1959, с. 120–122: *Писмо на М. Дринов до К. Иречек от 2/14 април 1876 г.*

⁴ Адолф Патера (1836–1912) – чешки филолог и историк, първи библиотекар на Чешкия кралски музей. Помага на много българи, учили или пребивавали в Прага.

⁵ Тодор Пеев (Пейов) (1842–1904) – български революционер, общественик, журналист и драматург, дългогодишен деловодител на Българското книжовно дружество.

⁶ Константин Иречек (1854–1918) – чешки историк, работи в България в периода 1879–1884 г. в Министерство на просвещението, министър на народното просвещение в две правителства – 1881–1882 г.

⁷ Паскалева, В. Принос към биографията на Марин Дринов. – В: Изследвания в чест на Марин Дринов. С., 1960, с. 45.

⁸ Екстраординарен – от латински извънреден. Професор, който не завежда катедра, доцент. Горина, Л. Цит. съч., с. 52–53.

⁹ Вж. кореспонденцията между Т. Пеев и М. Дринов след 6 юни 1876 г. Тук писмо № 13. Паскалева, В. Принос към..., с. 46

¹⁰ В своето изследване С. П. Боброва определя само три пряко свързани с Априлското въстание теми в кореспонденцията на М. Дринов. Тук са изведени още две, които заемат също важно място в епистоларното наследство на учения от този период и са пряко свързани със събитията от април 1876 г. Сръбско-турската война е още един конфликт на Балканите, който показва, че е станало време да се промени статуквото в Османската империя и че изкуственото поддържане на „болния човек край Босфора“ може да доведе до дестабилизация в целия район, а оттам – и в Европа. От друга страна, в тази обстановка съществуването и дейността на БКД е поставено на карта. А то е важно, защото Дружеството е онази институция, създадена преди Освобождението, която представя и легитимира българския народ пред цивилизования свят. Вж. Боброва, С. П. М. С. Дринов и Априлското въстание 1876 г. в България. – В: Вопросы истории славян. Вып. 86: Проблемы социально-политического развития и национально-освободительной борьбы зарубежных славян. Воронеж, 1980, с. 91; Соленкова, Л. Какво се случи с Българското книжовно дружество през 1876 г.? По данни от кореспонденцията между Марин Дринов и Тодор Пеев. – В: Сб. в чест на 70-годишнината на проф. дин Димитър Игнатовски. Шумен, 2011, с. 479–494.

¹¹ Нешо Бончев (1839–1878) – български общественик, литературен критик и педагог. Приятел на М. Дринов от детинство и заедно заминават и учат в Русия. Вж. Горина, Л. Цит. съч., с. 23–27.

¹² Найдено (1846–1909) и Пейо (1850–1914) Дринови.

¹³ Симеон Христов (1853–1911) – български учител и революционер от Пирот. През 1876 г. е студент в Прага.

- ¹⁴ *Ксенофонт (Райко) Иванов Жинзифов* (1839–1877) – български поет и публицист от армянски произход. Близък до кръга на русофилите в Русия.
- ¹⁵ *Никола С. Ковачев* (1842–1902) – български търговец във Виена. Притежава самостоятелна търговска кантора. Подпомага много българи. *Янко Ковачев* (1852–1926) – български търговец във Виена, издател. През 1874 г. заедно с Христо Г. Данов открива печатница, в която за две години са отпечатани 50 български книги.
- ¹⁶ *Георги Ив. Странски* (1847–1904) – български лекар и като такъв участва в Сръбско-турската война 1876 г. и в Руско-турската война 1877–1878 г.
- ¹⁷ *Стоян Михайловски* (1856–1927) – български писател и общественик.
- ¹⁸ *Найден Геров* (1823–1900) – български деец на просветното движение, учител, писател, езиковед, фолклорист, общественик, създател на едно от първите класни училища в България в Копривщица. През 1857 г. Геров е назначен за първи руски вицеконсул в Пловдив. През 1876 г. е принуден да се укрие в руската легация в Истанбул, тъй като цялата му дейност не е тайна за турските власти и те го обвиняват за подбудител на въстанието.
- ¹⁹ *Георги Тишев* (1848–1926) – български политик. Участник в църковните борби – секретар на Българската екзархия в Цариград (1872–1877 г., когато е изпратен на заточение в Анкара).
- ²⁰ *Драган Кириков Цанков* (1828–1911) – български политик и общественик. Почетен член на БКД. Един от дейците в униатското движение.
- ²¹ *Марко Балабанов* (1837–1921) – български юрист, журналист и политик. Взима участие в създаването на независимата Българска екзархия.
- ²² *Нил Попов* (1833–1891) – руски учен, историк, славяновед и архивист. Един от първите чуждестранни членове на БКД. Учредител и секретар на Славянския комитет в Москва, сред чиито задачи е събирането на дарения за подпомагане на книжовността, просветата, училищната, читалищната дейност и православната църква в българските земи и Цариград.
- ²³ *Николай Киреев* (1841–1876) – капитан в кавалерията на Русия. Един от дейците на Славянския благотворителен комитет. Убит е на 12 септември 1876 г. в Сръбско-турската война, в която организира и ръководи доброволческия отряд.
- ²⁴ *Паскалева, В.* Политиката на Австрия (Австро-Унгария) и българското националноосвободително движение от Кримската война до Освобождението. – В: *Известия на Института Ботев–Левски*. С., 1959, № 3, с. 126–137; *Хавранкова, Р.* Откликът на Априлското въстание през 1876 г. сред чешкото общество. – *Исторически преглед*, № 6, 1959, с. 26–52; *Първев, Г.* Полската общественост за българите и Априлското въстание. – *Исторически преглед*, 1970, № 3; *Козьменко, И.* Априлското въстание 1876 г. в България и его отражение в руской печати. – *Известия НБКМ*. Т. 12. С., 1972; *Косев, К., Н. Жечев, Д. Доинов.* История на Априлското въстание 1876. С., 1976, и т.н.
- ²⁵ *Хавранкова, Р.* Цит. съч., с. 41–45.
- ²⁶ *Генов, Ц.* Славянските комитети в Русия и българското освободително дело (1858–1878). С., 1986, с. 128–129.
- ²⁷ *Никитин, С. А.* Письма и записки Н. А. Киреева о балканских событиях 1876 года. – В: *Славянский сборник: Славянский вопрос и русское общество в 1867–1876 годах*. М., 1948, с. 112–117; *Боброва, С. П.* Цит. съч., с. 91; *Генов, Ц.* Цит. съч., с. 122, 130–131. Докладът е отправен до Херцеговинската комисия, организирана към Славянския комитет още в края на 1875 г. след събитията в тази част на Балканите. След Априлското въстание се създава и българска комисия. Целта ѝ е да съдейства на българските прояви срещу Османската империя, които били считани като прояви на общославянско дело. Крайната цел е освобождението на България. Затова и след потушаването на въстанието българите правят всичко възможно, за да уведомят обществеността и славянските комитети в Русия за извършените погроми и убийства в България. Важна роля тук играят В. С. Йонин и Н. А. Киреев. Първият е в основата на организирането на благотворителните комитети сред българите в Румъния.
- ²⁸ *Динев, П.* Априлското въстание в неизвестни писма на съвременници. – *Отец Паисий*, № 5, с. 181–183.
- ²⁹ *НБКМ-БИА*, ф. 111, а.е. 9.
- ³⁰ *Дринов, М.* Съчинения. Т. 3. С., 1915, с. 25–55. С. И. Сиделников определя характера на тази работа на Дринов като полумемоарен. Формата не е избрана случайно, защото тя има силно емоционално въздействие върху слушатели и читатели. *Сиделников, С. И.* Советская и болгарская историография Априлското въстания 1876 года в Болгарии. – *Вопросы истории*, 1976, № 4, с. 50.
- ³¹ *Паскалева, В.* Принос към..., с. 47.
- ³² *Божинов, П.* Цариградските българи и акцията в защита на националните интереси след Априлското въстание. – *Исторически преглед*, 2001, № 5–6, с. 3–20.
- ³³ *Горина, Л.* Цит. съч., с. 52.
- ³⁴ Прави впечатление, че писмата на българи, които трайно живеят в Австро-Унгария, са датирани по нов стил. На тези, които живеят в Русия, Румъния и Османската империя, са по стар стил. М. Дринов се съобразява със своя адресат и по съответния начин датира писмата си. Разбира се, на места се среща и двойна датировка.

КОРЕСПОНДЕНЦИЯ

№ 1

*Братя Найден и Пейо Дринови¹ до Марин Дринов – 1 март 1876 г. (13 март, н.с.).
Известяват го за семейни дела. Загават му за подготвяно въстание.*

Панагюрище, 1 март 1876

Любезний ни Байчо Марине,
[...] вие ни пишете да преправим къщата, но обстоятелствата никак не позволяват. Причината знаем, но нема как да ви явим, защото перото, както знаете, ни е ограничено. Много има да се съветваме от вас, но не можем да намислим с какъв начин. Зимане-даване² съвсем спре. Секи чака да се зпре времето па тугава да тръгува и пр. За повече не можем да ви съобщим. Защото, както ви пишем по-горе, не му е времето [...]. За повече да ви пишем нема засега та слет някой дене можем ви писа с друг начин. Затова бъдете известени [...].

Твои покорни братя
Дринови

НБКМ–БИА, ф. 111, оп. 1, а.е. 356, л. 40.

Публикувано в: *Априлско въстание 1876. Сборник от документи. Т. 1. Съст. К. Каратеодорова, Б. Тодорова-Пекова, В. Тилева, Зд. Нонева, М. Трифонова-Петрова. Ред. Ал. Бурмов. С., 1956 (По-нататък в текста – Априлско въстание 1876...), с. 122.*

№ 2

Тодор Пеев (Пейов)³ до М. Дринов – 14 март 1876 г. (26 март, н.с.), написано на бланка на Българското книжовно дружество (БКД). Съобщава му, че се е появил преводач на историята на Константин Иречек⁴, но той не го одобрява, че е получил книгата му „Южные славяне и Византия в X веке“ и че „дядо Климент“⁵ е помолил да му изпрати екземпляр. Напомня му да изпрати материали за „Периодическо списание“, с издаването на книжка 11–12 от което среща трудности. Сп. „Читалище“⁶ пак ще се издава. Разказва му това, което знае за подготовката на въстанието.

Българско книжовно дружество

Господине Председателю!

[...] Ако сте любопитни доволете ми да ви занимая и с още някои новини. Мнозина безделници и пиенци българи от Русия и Влашко се протакат тядява и се готвят да заминат в Българско за въстание. Около 30 души, студенти, офицере и други, са се вмъкнале отдавна между народът с мисия да го приготвят на въстание. В Одеса, Кишинев и някои градове в Румъния ся съставени тайни коомитети, с цел да поддържат започнуването на въстанието. Ако са истински известията, които получавам, голяма част от народът съчувствувала и била вече готова да въстане на пролет. От страна на Сърбия се препращат токожде агенти да подбуждат българите. Такива агенти е имало и в Букурещ. Научих се, че Председателят на сегашното разклатено сръбско министерство Калевич⁷, комуто под разположението обещавал 6000 пушки за българите. От друга страна, пък сърбите,

¹ Найден (1846–1909) и Пейо (1850–1914) Дринови – братя на Марин Дринов.

² Зимане-даване – ост. търговия.

³ Фамилното име на Т. Пеев се среща изписано от самия него по два начина: Пеев и Пейов. Във всяко писмо тук ще се даде така, както го е изписал самият той.

⁴ Става въпрос за: Jireček, K. Dějiny národa bulharského. Praha, 1876.

⁵ Митрополит Климент Търновски (Васил Друмев) (1840–1901) – български писател, духовник и политик, един от основателите на Българското книжовно дружество през 1869 г.

⁶ Сп. „Читалище“ излиза в периода 1870–1875 г. Издава се от Българското читалище в Цариград. Главни редактори са последователно М. Д. Балабанов, Л. Йовчев, П. Р. Славейков, С. С. Бобчев и др.

⁷ Любомир Калевич (1841–1907) – сръбски политик либерал. Председател на правителството и министър на вътрешните работи от 26 септември 1875 г. до 24 април 1876 г.

чувам, искали от Портата Изворник¹. Не зная дошло ли е време да възставаме ние българите, но от сърбите много ме е страх да не би чрез нас да искат да спечелят нещо.

Сърдечно Ви поздравлявам

Браила
14 март. 1876

Ваш
Т. Пейов

НБКМ–БИА, ф. 111, оп. 1, а.е. 235, л. 1–2.

Публикувано в: Априлско въстание 1876..., с. 147–148.

№ 3

Т. Пеев до М. Дринов – 30 април 1876 г. (12 май, н.с.), написано на бланка на БКД. Уведомява го за делата на Дружеството и за съобщенията във вестниците за избухването на въстанието, за позицията на Русия и за появата на ген. Черняев² в Букурещ.

Българско книжовно дружество

Господин Председателю!

[...] В няколко време насам се говори и пише из вестниците за бунт в Българско. Доколкото аз познавам работите, тия известия до негде ми се виждат вероятни. Според Цариградските Турски, Гърчки и наши вестници първий огън на бунтът е избухнал в[ъв] Вашето родно място, Панагюрище, гдето почти всичко[то] българско население се е дигнало, убило няколко заптието, а някои си предполагат да е убит и селският мюдюр, и сетне отишло в Балкана. Войски из Едерне са прагиле да умират бунта, но резултатите са още неизвестни. Говори се само, че подобни движения станале в Търновско, Троянско и Сливенско. Ако тез движения не са станале, аз вервам занапред непременно да станат, защото много апостоли са нахълтале в Българската земля и работят деятелно между народа, който и без това е твърде распален. Българското движение намерва голямо съчувствие у Руссите. Навярно знаете, че днес се немерва в Букурещ някой си Черняев ли беше или Черневский – не мога ви определи именно кое от тие названия, защото и г. Ценов³ така ми обади. Тоя господин е дошел в Букурещ да направи споразумение с нашите за започнуването на бунта в Българско и да принесе една помощ от около 40,000 рубли. Казват, че нему щяло да се предаде върховното управление на българското въстание. Аз получих неотдавна едно писмо из Николаев от г. Владимира Ионина⁴, бивший руски Консул в Турско и брат на сегашний генералний руски Консул в Рагуза⁵. Той ме моли да посредствам гдето трябва, за да го запишат като прост волонтер⁶ в редовете на Българските въстанници.

Ако Ви бъде възможно, купете и проводете ми още две карти от Етнографската карта Славянских народностей⁷.

От все сърдце Ви поздравлявам и оставам

Ваш преданий
Т. Пейов

30.IV.1876 г.

НБКМ–БИА, ф. 111, оп. 1, а.е. 235, л. 4.

Публикувано у: *Диневков, П.* Априлското въстание в неизвестни писма на съвременници. – Отец Паисий, 1936, № 5 (По-нататък в текста – *Диневков, П...*, № 5), с. 185–186 (частично); Априлско въстание 1876..., с. 309–311.

¹ Изворник – гр. Зворник в Република Сръбска, в Босна и Херцеговина. До 1878 г. е под османска власт, а след това преминава в границите на Австро-Унгария.

² Ген. Михаил Григорович Черняев (Черневский) (1828–1898) – руски генерал, славянофил. По време на Сръбско-турската война от 1876 г. е назначен от сръбското правителство за главнокомандващ на сръбската армия и на българските доброволци.

³ Никола (Николай) Ценов (неизв.) – български търговец, banker и обществен деец. Подпомага издаването на множество вестници и български обществени, образователни и културни организации. Председател на Настоятелството на БКД и негов почетен член до 1884 г.

⁴ Владимир Ионин (Ионин) – руски деец. Каго пратеник на Славянските благотворителни комитети той става политически председател на БЦБО.

⁵ Рагуза – средновековното име на Дубровник.

⁶ Волонтер – *от лат.* доброволец.

⁷ Става въпрос за: Етнографическа карта на славянских народностей. Составленная М. Ф. Мирковичем, дополнена А. Ф. Риттихом. 3-е изд. Петербург, 1875 г. М. Дринов публикува рецензия за нея издание в „Периодическо списание“, 1876, № 11–12, с. 215–227.

№ 4

Никола С. Ковачев до М. Дринов – 1 май 1876 г. (13 май, н.с.). На листа има филиграм „*Petrache Dimavich – radibin de marurao tuche la nuci arget, Braila*“. Към писмото е приложена изрезка от австрийския в. *Die Presse* от 13 май 1876 г. (н.с.) с дописка, пречетана от в. *Politische Correspondenz* от 7 май с. г. (н.с.) със сведения, получени от София за въстанието¹. Съобщава му това, което знае за хода на въстанието, за подготовката на чети във Влашко и за липсата на новини от вътрешността на страната.

Драгий ми бай Дринов,

Писмото ти от пр. получи, виждам да си получил писмата [и] двете. Вестниците казват, че в Златица, и Т. Пазаджик са ударили българи инсургенти² с тур[ски] ц[арски] войски?, и казват, че 1000–10,000 биле въстанници, до колко истина е не зная, но, че е станало сблъскване, нема съмнение, само не са знае точно, до каква степен е. Мене ми пишеха преди 20 дни още от Пловдив, че скоро ще избухне, и наистина чуся. Сега са чака от Влашко да минат чети до 10–15 дни още, та **бакълъм**³ какъв край ще вземе. Вер[оятно] конреспонденции четете из вестниците.– Мене от нигде нищо не са ми писали, ма то отгде и кой да пише, каквото са чуе и пише и в[ъв] вестниците ще ти пращам. За ваште и аз не знам кога положително. Защо 1^о брата нема тука,– 2^{по} като смутелно отива та и немам вкус или тгй да кажа разположен не съм, така виждам по-късно, коде 1 п[ъ]лний месец време има още.

Друго що да ти кажа. За Влашките чети са готвят от тука Етнограф[ски] карти, Компаси, пусули (Далеко гледи) да им са пратят та давно завърших нещо, да не отива сичко на ветара.

Поздравлява те твои искрен
Н. С. Ковачев

Виена
13/1 май 1876

НБКМ–БИА, ф. III, оп. I, а.е. 146, л. 19–20.

Публикувано у: *Диневков, П...*, № 5, с. 186–187 (частично); Априлско въстание 1876..., с. 320–321.

№ 5

Т. Пеев до М. Дринов – 9 май 1876 г. (21 май, н.с.). Описва продължаващите проблеми около списанието на Дружеството и преговорите по превода на Иречковата история. Съобщава известното му за въстанието – региона, който е обхванало, битката при Дряновския манастир и за подготовка на чета от 800 човека в Сърбия с войвода Панайот Хитов.

Господине Председателю!

[...] В писмото си, което преди това Ви отправих във[в] Варшава, Ви обаждах за приключенията в Отечеството ни. Според последните известия, които получавам от познаници, тие приключения са чисто въстание, което до сега е зело твърде широки размери. Т. Пазарджик, Белово, Панагюрище, Копривщица, Пирдоп, Златица до Самоков с повечето околни села заедно с Рила и Рилский манастир; после Стара и Нова Загора, Ямбол и Сливен; отсам Балкана Шипка, Габрово, Дряново заедно с Дряновский манастир; Ловеч, Тетевен, Етрополе и Орхание са разбунтувани. Всичките въстанници възлазят до сега до 40,000. Много села са изгорени. Железницата от Пловдив до София [е] развалена. В една битка при Дряновский манастир са паднале 700 низаме⁴, на които оръжието и всичката мунициция паднале в ръцете на въстанниците⁵. Турците са пресекле съобщенията с много

¹ НБКМ–БИА, ф. 111, а.е. 146, л. 21–22.

² Инсургенти – от руски ‘бунтовници, въстаници’.

³ Бакълъм – от турски ‘да видим’.

⁴ Низам – от турски ‘редовни войници’.

⁵ На 29 април 1876 г. в Дряновския манастир влиза четата на поп Харитон с около 200 четника. Там тя е обградена от редовна турска войска и башибозук. След 9-дневна съпротива манастирът е превзет и опожарен. Повечето от четниците загиват.

градове. Отистина, че Българските възстаници са правили големи опустошения, като са палили села, а жителите им взимале с[ъс] себе си, но и Турците жестоко са си отмъщавали за това, като са клале беззащитните жени, деца и старци. В Румъния се организират и са почти готови няколко чети, за да преминават в Българско. Също така и в Сърбия се е преготвила една силна чета от около 800 души, която ще мине в Българско под предводителството на Панайота Хитова. Много офицери и Юнкери Българи от Русия и Румъния влизат в редовете на четите. Каквито новини получа от сетне, ще Ви ги съобща въ[в] В[и]ена.

Сърдечно Ви поздравлявам

Браила
9 майя 1876

Т. Пеев

НБКМ–БИА, ф. 111, оп. 1, а.е. 235, л. 5–6.

Публикувано у: *Динев, П...*, № 5, с. 186 (частично).

№ 6

*М. Дринов до Т. Пеев – 12 май 1876 г. (24 май, н.с.). Коментира проблемите около отпечатването на списанието на Дружеството¹ и превода на Иречековата история. Описва му отзвук от въстанието в европейската преса, до която има достъп. В послетис Дринов съобщава за поместената информация в чешкия вестник *Národní listy* за Дряновската битка.*

Любезний Господине Пейвов!

Писмото Ви от 30 априлия ми стигна токо завчера на 10 мая, не зная къде се е маяло толкова време. Днеска получих и другото ви писмо от 9 мая, то както видите е пътувало токо 3 дни. От все сърдце ви съм благодарен за тия две писма и за новостите, които ми явяват. Тука токожде се пише по вестниците, че Българското възстание за малко време се разпространило твърде много: някои вестници гледат на него като на колосално нещо и чудят се на Българете, дето са подкарале работата така умно и еднодушно. За Дряновската битва, доколкото зная не е още писано в европейските вестници, но в тях завчера се приказваше, че Копривщение разбили Турската войска и й отнели четири топа. За Панагюрище се говори, че е пострадало много зле. Ако възстанието наистина се е проснало тъй далече, то ще да е много чудно нещо и нема съмнение, че не ще остане напраздно. Свет се е восчудил на българите, – всеки им съчувствува. –

[...] Другарски поздравлявам и вас и от все сърдце ви желая добро здраве, добър напредък.

Варшава 1876
Маия 12

Ваш слуга и другар М. Др.

P.S. Тая минута прочетох в *Národní listy* едно телеграфическо известие из Букурещ и за Дряновската битва².

НА БАН, ф. 1к, оп. 1, а.е. 418, л. 1–2.

Публикувано в: Документи за историята на БКД в Браила. С., 1958, Т. 1 (По-нататък в текста – *Документи за историята на БКД...*, Т. 1), с. 523–524.

³ Пеев прави опит да пренесе отпечатването на списанието в Букурещ. Вероятно с този си акт иска да подпомогне Христо Ботев, с когото са приятели. Но там е излъган от печатарите и на БКД е наложена глоба от 500 франка от румънските власти.

¹ *Národní listy*, 21 května 1876. Zvláštní telegramy „Nár. L.“. Z Bukurešti, 20 května. Телеграмата от Букурещ е изпратена на 20 май и е публикувана на 21 май 1876 г. (датите са в нов стил). Бохемия и Моравия приемат Григорианския календар през 1584 г., само две години след като е въведен в употреба от папа Григорий XIII – 24 февруари 1582 г.). По нов стил Дряновският манастир е превзет от турците на 19 май. Проследяването на скоростта, с която се придвижва информацията до чешкия всекидневник в тези смутни времена, е още едно доказателство, че интересът към събитията на Балканите е голям и Великите сили се стремят максимално бързо да узнават всяка промяна, настъпила там.

М. Дринов до Николай Киреев – 14 май 1876 г. (26 май, н.с.). Писмото е запазено в чернови вариант в архива на М. Дринов. Дава сведения на Н. Киреев за въстанието в българските земи и положението на народа въз основа на получена преди това информация от Т. Пеев и от чешкия периодичен печат (вж. тук писмо № 5). Споделя очакванията си след въстанието българите да бъдат сполетени и от глад и болести. Единственото спасение за тях той вижда в намесата и действията на организацията на Червеня кръст¹.

Николаю Александрович Кирееву²

О българском возстании ми пишут с берегов нижнего Дуная, от 9/21 мая, следующее.

„По известиям, только что полученным из внутренних областей Болгарии, возстание там сильно распространяется. Пламенем его объаты уже окрестности Белева, Татар-Пазарджика, Панагюрища (Отлукѳя), Коприщицы (Оврадалана), Сопота, Калофера, Старой и Новой Загоры, Ямбола и Сливена, – далее, по всю сторону Балкана, Габрово, Дряново вместе с Дряновским монастырем, Ловеч, Тетевен, Етрополе, Орхание, – наконец – Пирдоп, Златица, весь Самоковский край вместе с Рилою и Релским монастырем. Число повстанцев восходит до 40,000; – все они состоят исключительно из местных жителей, – из-за границы никто еще к ним не присоединялся. – Слышно, что известные болгарские воеводы формируют за границей большие четы, с которыми вскоре намерены отправиться на помощь повстанцам, но насколько здесь известно, до нынешнего дня ни одна из этих чет не переступала Турецкой границы. – Сообщения между многими болгарскими городами прерваны, железная дорога между Пловдивом (Филиппополем) и Софию во многих местах повреждена. – В одной битве, происходившей недавно около Дряновского монастыря, мало 700 низамов, оружие и амуниция которых достались в руки повстанцев. Говорят и о другой победе, одержанной последними около Коприщице, они овладели четырьмя пушками. Турки вымещают свои неудачи на женщинах, детях и стариках. – В виду этого беззащитное население, боясь оставаться в своих жилищах, сжигает их и удаляет в горы. Сожжено, таким образом множество деревень, истреблены между прочим и два города Габрово и Панагюрище.

В пояснение некоторых подробностей этого письма, считаю нежным присовокупит несколько заметок. Упомянутые в письме города и области находятся частою в ущельях, частою у подошвы северного Родоп (Доспата), Средней горы и Балканского хребта. Горы эти тянутся довольно широко, непрерывного почти целью от верховьев. [не се чете] владеющей в Архипелаг, и до Черною моря, проходят через самую середину Европейской Турции, куда редко заглядывает Европейское око. Благодаря этому обстоятельству, Турецкий фанатизм тут может разгуляться на просторе и выместит за все преграды, которые он встретил в Солуна и которые встречает иногда в более близких к Европе Босне и Герцеговине. Нет сомнения, что названные горы представляют в настоящем время ужасное зрелище. – Массы народа, уходящие в них от турецкого меча, тут будут погибать от голода, от разных болезней, естественных спутнице такой горемычной жизни. Об этих бедствиях Европа и не узнает или узнает нескоро, за недостатком прямых, непосредственных сообщений с заброшенным в такую глушь театром их. Вследствие этого же обстоятельства и оказать какую нибудь помощь бедствующим издали. Единственно возможным средством для этого представляется мне посылка членов общества Красного креста в ближайшие к возставшим областям города: Филиппопол, Тернов и Софию. Тут Красный крест может сослужит великую службу делу милосердие и человеколюбие. Кроме утешение несчастные и лечение больных, он мое

¹ Международният комитет на Червеня кръст е създаден през 1864 г. от швейцарския предприемач Анри Дюнан, след като става свидетел на битката при Солферино между Австрия и Италия (1859), когато след нея остават 40 000 убити, ранени и изчезнали.

² Написано на гърба на писмото.

бы занятее и раздачею пособие в котором можно надеяться человеколюбие Европы не откажет и Болгарии, где, если заблаговременно не будут приняты деятельные меры, нее десяткам, не сотням тысяч, а миллионом народу будет угрожать голодная смерть.

Варшава 14 мая.

НБКМ–БИА, ф. III, оп. 1, а.е. 9, л. 1–4.

№ 8

Нешо Бончев до М. Дринов – 19 май 1876 г. (31 май, н.с.). *Оплаква се от здравето си и климатичните условия в Русия. Съобщава за пристигането на Кирко Киркович¹ и Иван Джуджов² в Русия и вестите, които е научил от тях за хода на въстанието и за писмо от брат му Найден.*

Москва. Маия 19, 1976

[...] След като се позавявах реших да си ида в Турско, но внезапно додоха вести за българското въстание, и аз пречаках в Одеса ошти някои ден и като се уверих, че не е в Турско за болен човек, и оште и в Одеса ми не приляга да седа, станах и додох в Москва. [...]

Ако се умири в Турско, дома штя си ида, ако ли не, в Южна Русия. Доде Киркович в Одеса с[ъс] сичкото си домочадие и приказва ми за началото на движението, като очевиден. Пред очите му е изгорял речи, филибийский санджак³. Додоха и дохождат и други много българе. Движението се е почело в село Панагюрище и тому му е била силата, а такожде в Копривщице, Пазарджик и проч., да ти не пиша по-тенко, че, може да знаеш и по-добре. Сега пишат, че е сичко изгорело там, изгорело е и нашето място. Доде Иван Джуджов в Одеса и приказва ми много подробности за организацията на това движение, които не мога ти описа, най-паче, като имаш от тогожде Йована и от брат ти Найден писмо за тия работи.* Стигна ли ти едно такова писмо? И възигра радостию душа моя. Зачто ме снайде сега болест? Мислих си много пъти. Народът с радост взима оръжието. Секи припка да помага, а ние лежим. И посрамирах се най[-]паче мудрите, които първи требваше да излязат во сретение жениху⁴.

Много ти здраве от Тенова⁵ и Ксенофонта⁶.

Здравей!

P.S. Пиши со време чрез Ксенофонта, ако ли иде и той в планината с инсургентите, както ни плаши тука, тогава ще ти отпиша.

Твой
Н. Бончев

* прат. с писмо от 5 юния⁷.

НБКМ–БИА, ф. III, оп. 1, а.е. 50, л. 136–137.

Публикувано и в: *Априлско въстание 1876...*, с. 424; *Горинев, Н.* Нешо Бончев и Априлското въстание. – *Оборище*, № 2, 03.05.1935 (По-нататък в текста – *Горинев, Н...*), с. 2 (частично).

¹ Д-р Кирко Киркович (ок. 1845–1877) – роден в Сопот. Завършва медицина в Русия. По време на Освободителната война е военен лекар към руската армия.

² Иван Ст. Джуджов (Джуджев) (1844–1898) – български търговец, един от основателите на читалище „Виделина“, член на Панагюрския революционен комитет. Заедно с Антон Балтов заминава за Цариград, където трябва да купи оръжие за въстанието. Поради преждевременното избухване на въстанието, не успява да изпълни задачата и заминава за Румъния, където подпомага организирането на четата на Христо Ботев. Участва в Сръбско-турската война от 1876 г.

³ Филибе – турското име на Пловдив.

⁴ Библия. От Матей свето евангелие 25: 1–12. С., 1991, с. 1225–1226.

⁵ Николай Тенев (неизв.) – роден в Кукуш, 1858 г. е приет в Смоленската гимназия в Москва, завършва медицина в Московския университет. След завършването си остава в Русия, от 1870 г. е лекар в Орловска губерния.

⁶ Ксенофонт (Райко) Иванов Жинзифов (1839–1877) – български поет и публицист от армянски произход. Близък до кръга на русофилите в Русия.

⁷ Прибавено от М. Дринов с молив под линия.

№ 9

М. Дринов до Т. Пеев – 25 май 1876 г. (6 юни, н.с.). Описва му новините в печата за въстанието и го моли, ако има сведения, да му пише. Изказва силното си желание да научи за пораженията, нанесени от турците.

Любезний другару!

Днес отивам в Прага, дето мисля да се помая някоя неделя и друга. Поради това моля ви да ми адресувате писмата си там, именно, Böhmen, Prag, poste restante¹. За Българското въстание Европейските вестници явяват различни противоречиви известия: едни казват, че въстанието е вече потъпкано, други че то сега се захваща. Говори се, че всеки ден минават чети през Дунав и из Сърбия. Копривщица види се, че се държи още. За Панагюрище завчера четох в една дописка до Polit. Correspondenz, че и то се държи и било укрепено много добре. В други пак вестници четох и чета, че отдавна е взето, изгорено и разсипано. Башибузуците са правиле и правят страшни работи. Много желая да се науча до колко деца, жени, мирни селяни и граждани са изклани от тях и кои именно градове и села най-много са пострадале от тяхната лютост. Ако можете съберете ми такива сведения и ми ги изпратете по-скоро. На Ковачева написах завчера, ако е добил от вас писмо за мене, да ми го препрати в Прага, дето се наддам да го заваря. От там ще ви напиша по-подробно. Етнограф[ска] карта намерих само една, която ще ви изпратя от Прага.

Другарски ви поздравлявам

Варшава 1876

Май 25

Ваш

М. Дринов

НА БАН, ф. 1к, а.е. 419, л. 1.

Публикувано в: Документи за историята на БКД..., т. 1, с. 524–552; Априлско въстание 1876..., с. 465.

№ 10

М. Дринов до Т. Пеев – 4 юни 1876 г. (16 юни, н.с.). Притеснява се, че вече цяла седмица няма отговор на предишното си писмо (вж. тук писмо № 9). Дринов иска да разбере какво са решили в Дружеството за превода на Иречковата история, тъй като френският превод е готов, рецензия му е излязла в Časopis českého muzea². Отбелязва липсата на новини за въстанието.

Любезний другару!

[...] В тукашните вестници тия дни не се вече нищо споменува за въстанието, говори се само за страшни неистовства, които правиле башибузуци, черкези и пр.

Сърдечно ви поздравлявам и с голямо нетърпение очаквам отговорът ви.

Ваш

Юния 4/16 [1876]

Prag, Hotel zum Erzherzog Stefan

М. Дринов

НА БАН, ф. 1к, оп. 1, а.е. 420, л. 1–2.

Публикувано в: Документи за историята на БКД..., т. 1, с. 525.

№ 11

М. Дринов до Н. Бончев – без дата и без подател³, изпратено чрез Райко Жинзифов. Дринов моли Бончев, ако Ив. Джуджов има вести за семейството му и за съдбата

¹ Poste restante – писмо до поискване.

² Drinov M. Dějiny národa bulharského. Dle původních pramenův sepsal Konstantin Jos. Jireček. Časopis Muzea Království českého 50, 1876, s. 158–164.

³ Датата приблизително може да се определи въз основа на съдържанието му и на предходното писмо, написано от адресанта (тук поместено под № 7). Авторството на Дринов се разбира по почерка, от съдържанието и от забележката на Н. Бончев в следващото му писмо (тук поместено под № 11).

на писмото от брат му Найден, да му пише. Съобщава сведенията в немските вестници за хода на въстанието.

Любезний Райко!

Щом получиш настоящето ми, занеси го на Нешо. Кланям ти се и ти желая здраве телесно и благод душевна.–

Драги друже Нешо!

Днеска пристигнах в Прага, гдето заварих твоето от 19 маия писмо, което ми препратил Ковачев тие дни. Чудно ми е, че не си получил от мене писмо из Варшава. Щом стигнах там и прочетох твоето сладко послание, незабавно ти отговорих в Одеса в д. Гессена¹ и пр.– Това беше още преди един месец,– как ти не е стигнал отговорът ми, не зная. Писмо от Иван Джудж[ов] и от Найдена не ми е дохождало. Отде е пратено, де е адресирано? Защо не ми забележи? Защо не ми каза поне с две-три думи, де е Найден, какво си чул за майка ми и т.н. Не ги зная, де ся и живи ли ся, па вече се сецай, какво ми е състоянието. Отговори ми на тия питания незабавно, телеграф ми удари! Ако Иван Дж[уджов] е още в Одеса, напиши му, ако има нещо да ми каже, да ми напише пак в Прага. Ако би роднините ми имат нужда от пари, да им спомогне или по-добре, ако знае де са, да им напише да се преселят в Цариград.– Днеска четох в немските газети подробно кореспонденций за битвата в Панагюрище. Турците биле до 9000. Битвата траяла два дни: от едната и от другата страна паднале 800 души. На третий ден възстанниците се оттеглиле в горите.– Местото изгорело. Но какво е станало с жителите?– Най-голямото сражение станало около Черковата, види се, около старата.– Коприщица, казват, се държи. Днес се научих, че Д[-]р. Спас² [е] уловен от Турците, които се увериле, че той уж бил главний организатор.– Като си можил да направиш такъв дълъг път, то ти трябва да си се оправил вече. Дай Боже! Варди се хубаво и гледай това лето съвсем да оздравеш. Пиша на крака,– още не съм се преоблекъл, нито пак омил след железний път, та не ми издирва, че пиша така лошо. Напиши незабавно. В Австрию

Oesterreich. Prag. Hotel Erzherzog Stefan

Ако бъде нужно, телеграфирай!³

НБКМ–БИА, ф. III, оп. 1, а.е. 2, л. 184–185.

Публикувано у: Диневков, П..., № 5, с. 188 (частично); Априлско въстание 1876..., с. 483–484.

№ 12

Н. Бончев до М. Дринов – 5 юни 1876 г. (17 юни, н.с.). Съобщава му съдържанието на писмото на Найден Дринов; за предателството и по-ранното избухване на въстанието; сведения около Киркович и Джуджов.

Село Кусково⁴. юн[и] 5. 1876.

Стигна ми друже, вчера писмо от тебе из Прага, писано наскоро и без дата, както се често случва с вашите писма; того ради недоумявам, кога си дошел в Прага и проч. Nota bene. Едно нечто ви само извинява: това е че си го писал тутакси след дохождането от Варшава. Писмо от Варшава ми не е стигало, а из Одеса излязох маия 11^м. От Найден и Иов[ан] Джудж[ов] писмо с хим[ическо] мастило ти е пратено, по моята сметка, в краят на март месец, пред Великден, през Ат[анас] Стоянович⁵ в Цариград. [...] Целта на пис-

¹ Става въпрос за дома на Исидор Юльевич Гессен, отговарящ за Днестърската линия на Руското общество за параходство и търговия. Баща на историка Юлий Исидорович Гессен.

² Д-р Спас Иванов Абрашев (1837–1879) – брат на Доротеий митрополит Софийски, племенник на Найден Геров, завършва медицина във Виена. През 1862 г. в Коприщица отваря една от първите български аптеки. Член на революционния комитет в града. Неговата аптека е определена за шаб на въстаниците.

³ Написано в полето на писмото.

⁴ Село Кусково се намира на 18 км югоизточно от Москва. През XVIII и XIX в. е най-популярната лятна резиденция сред московската аристокрация.

⁵ Атанас Стоянович (неизв.–1894) – български банкиер, живеещ и работещ в Цариград.

мото е била да си не додиш дома, че се готви востание. Иован ми казва, че го готвиле за 1^а маия, но ги предал во Филибе някои си Черне¹, а отчасти косвено и д-р Спас, затова са се дигнале 10 деня по-рано. Та ми е чудно това, дето пишеш за Спаса, което обаче и тука чух. А други ми казваха, че Спас бегал, страха ради от нашите, в България, което е по-согласно с приказването на Иована. Не зная, писах ли ти в првното писмо, че в началото на маия, когато бях се вече стегнал да сляза в Цариград, доде в Од[еса] Киркович от София, дето бе доктор в последно време, спасающтися бегом от революции, а с него доде и Иован. Тия ми разборавиха за движението и отклониха от пътя. Кирко е и до сега в Одеса с многочисленно домочадие и без пари, както ми отписва вчера, а Йован оште тогава отиде в Кишинев. Целта му бе да мине дома през Дунава из Влашко, да бъде там, ако ли е много размирно – в Белград. До сега не доде от него никоя вест. Той е излезл из село преди Гергьовден за в Ц-град, та че да се врне дома на 28, а като се расшавале в Коприш[ица] и Панагюр[ище], той се веке не в[ъ]рщал. Така му росоветовали. До онова време му са известията из Панагюр[ище], а что станало после, не знае. Войниците са имали план да отстъпят в Златица, ако ги оттеснят от главното огнище – сир[еч] Панагюрище. За твои и мои роднини и за свои Иов[ан] приказва, че ги оставил живи, здрави и бодри, но за после что е станало, не знаем. Нашите панагюрци тука, вкуп се столшът и утвърждението на старата партия, Пет[ъ]р да река, са в голямо униние, аз ги утешавам. Да будет воля Божия! Отецеството гине, отецеството е в опасност, това помислете! Сега като доход тука, немам никакви новини; тука замира и глухне, смятение²; освен дето ми пише Кирко из Одеса. Това дето ти пишеш и него нема в тукашните газети.

[...] Здравей!

Н. Бончев

НБКМ–БИА, ф. III, оп. 1, а.е. 50, л. 138–139.

Публикувано и в: Априлско въстание 1876..., с. 480–481; *Горанов, Н...*, с. 2 (частично).

№ 13

Т. Пеев до М. Дринов – 6 юни 1876 г. (18 юни, н.с.), написано на бланка на БКД. Съобщава му новостите около проблемите в БКД, за липсата на новини за въстанието, за излизането на бр. 1 на в. „Възраждане“, за целите, които преследва с него. Съобщава му и за идеята да се сформира комитет за подпомагане на българското население след въстанието.

Българско книжовно дружество в Браила

Господине Председателю!

Получих и двете Ви писма – едното от 25 маия, а другото от 4 Иунии. На първото не Ви отговорих, защото отсъствувах от Браила.

Дето ме питате за новини по възстанието в отецеството ни, не ми е възможно да Ви дам известия по-положителни и по-подробни от оние, които черпим от европейските вестници, защото съобщенията с българско са съвършено прекъснати. Поради тая причина спреха самоволно и Царигр[адските] ни вестници, освен „Ден“, в който четох, че и в цела Македония нашите българе много теглиле от башибозуци и Черкези.

Аз съм предприел да издавам един български вестник³, в който ща има постоянно по некои членове⁴ на френски език. Целта му е да представя народните ни страдания и нужди пред Европа. Ще се трудя колкото е възможно по-положителни да бъдат известията ми по Бълг[арското] Възстание в тоя вестник. Заради това аз ще гледам да съставя едно телеграфическо бюро и да си настаня из българско дописни членове. Това вервам да сполуча у Консолатите. Редакцията на тоя вестник мерка да състави един комитет,

¹ Черньо Кацаров Илиев (1825/30–1903) – доносчик и турски шпионин.

² Смятение – *от руски* ‘объркване’.

³ В. „Възраждане“. Излиза през 1876 г. под редакцията на Т. Пеев, Ив. Драсов и Св. Миларов.

⁴ Статии.

разбира се с позволенията на тукашното правителство. Тоя комитет ще приема и препраща помощи за пострадалите възстанически фамилии в Българско. Утре се отпечатва първия брой на новия вестник, когото ще се погрижа да Ви изпроведа. Искане ми се тоя вестник да се приема и в Руссия. Казват, че за да се получи това, предварително требвало да се иска разрешение от Руското правителство. Само не ми казват определено от гдешно правителство и нам, та ви моля, като ми пишете, ако знаете нещо върху тоя обичай, съобщете ми го.

[...] Моля Ви се, колкото е възможно по-скоро, да се разпоредите за да ми се изпровежда един брой от вестникът „Die Politik“, който се издава в Прага. Много е потребен за редакцията на нашия вестник. Същевременно проводете ми един екземпляр и от Каницовото списание¹. Колкото заплатите за всичко, минете на сметката ми и при първа среща ще се наплатим, ако не желае в груп² да ви се внесе в Прага.

[136] [...] Сърдечно Ви поздравлявам.

Браила
6 Иуний 1876.

Ваш
Т. Пейов

НБКМ–БИА, ф. 111, оп. 1, а.е. 92, л. 135–136.

№ 14

Никола Ив. Дръзков до М. Дринов – 8 юни 1876 г. (20 юни, н.с.). Описва му това, което знае за развитието на въстанието, за заловените и закарани в Пловдив разбунтували се българи, за липсата на сведения около братята на М. Дринов.

Ц/град, 8/20 юния 1876

Г-дине М. Дринов!

В Прага

Приятелското Ви писъмце от 11-исти. ходящото приехме и разумяваме писанието Ви.

Вий ся жалите че не сте разбрали отдавна майка си и другите си роднини, истина че е мъчно и да са разберат где са и как са в тия размирици. Вий може да сте прочели и научили от газетите за Панагюрище и Коприщица особено, какви нещастия претърпеха и до сега още точни известия нема какво станаха жителите на тези села. Колкото панагюрци и копирищенци мъже са намериха в Ц/град по тия приключения, и те досега не можах да са научат що са е случило с техните домочадия, защото пътищата и пощата за тези села са затворени. По слухове обаче едни искат да кажат, че Панагюрище е разбито, изгорено и жителите му избегали по горите, други искат да кажат че жените [и] децата са откарали в[ъв] Филиби и са ги наместили по ханицата, а мъжете като бунтовници са затворили в тъмници, за които казват че от притеснения и мъки много хора на ден мрели. Такива и още по-лоши известия са раздават за ония места. А Клисура свършено е изсечена, ограбена и изгорена от башибузуците. Каквото прочее са е случило с жителите на тези села, това е и с Вашето домочадие. От Вашите братя никой нема в Цариград, но дай Господи да са живи, та и това зло ще са забрави. Вашето намерение за преселение на домочадието Ви е непригодно, защото правителството не оставя никого да са мръдне от местото си. Цели села башибузуците изсекоха ограбиха и изгориха, а сега силом ще карат да са отново заселят. Башибузуците и черкезите страшно злоупотребах на всяде населенията и българският народ много години ще оплакват честта си.

¹ Става въпрос да *Illustrierte Zeitung*, чийто сътрудник е Феликс Каниц (1829–1904) – унгарски публицист, художник и пътешественик. От 1878 г. е императорски съветник на император Франц Йосиф I. Автор на известния тритомен труд на немски език „Дунавска България и Балкана – исторически, географски и етнографски пътни студии от годините 1860–1875“, излязло в Лайпциг (1875–1879).

² Груп – от немски ‘пощенска пратка’.

Правителствените работи вървят като рак въз бързей и бог знай кога ще ся оправят. Повече какво да Ви пиша Вий от газетите по-добре можите да ся учите що става в турско. Главното е да Ви кажа, че от братята Ви нема никой тука и засега нема средство как да са научим за домочадието Ви живи и здрави ли са. Но ако са умири скоро, ще са постарам да испитаме и каквото научим ще Ви известим. Много Ви здрави от бай Нено и от съпругата му.

Усердно Ви и аз поздравявам.

Ваш Слуга
Н. Ив. Дръцков.

НБКМ–БИА, ф. 111, оп. 1, а.е. 97, л. 1.

Публикувано у: *Динеков, П...*, № 5, с. 187–188; *Априлско въстание 1876...*, с. 487–488.

№ 15

Н. С. Ковачев до М. Дринов – 9 юни 1876 г. (21 юни, н.с.). Съобщава му новини за хора и събития, свързани с въстанието.

Виена 9/6 1876

Бай Дринов!

Приях ти писмото с време, и ти притварвам друго, което пристигна преди 3 дни.

Вашето село Панагюрище, според вестниците трябва да е упостошено.

За Спас из Копривщица на Доротей Влад[ика]¹ – брат[ов] зет [е] тук. Наш Пранчов² бил уловен, понеже се доказало, че е той организаторът на въстанието. Утре ще дойдат български въстаници и ще узнаем подробности, [не се чете] като по-верни от тук[ашните] вестници. Янко [Ковачев] ми телеграфира вчера из [не се чете]. Как днес вечерта у 7 часа ще пристигне тука.

Писамцата ще пратя за Пловдив – Чети често Пол. Кореспонденц вътре има секога добри новини.

Твой
Н. С. Ковачев

НБКМ–БИА, ф. 111, оп. 1, а.е. 146, л. 23.

№ 16

М. Дринов до Т. Пеев – 10 юни 1876 г. (22 юни, н.с.). Подкрепя издаването на в. „Възраждане“ и ще се погрижи за разпространението му. Одобрява идеята да се направи благотворителен комитет, който е необходим за преодоляването на последиците от въстанието и погромите и дава някои препоръки за организирането му. Писмото завършва с някои бележки по издаването на „Периодическо списание“.

Hôtel Erzherzog Stefan Prag,

Юния 10/22 [1876]

Тие дни се намервах в отчаяние спрям[о] вас: мислех, че или сте се разболеле или Ви е станала някоя пакост. И много се възрадвах, като получих днес писмото ви и 8-те коли от „Период. списание“. Намервале сте се в отсъствие, та по това не ми сте отговориле с време. Вярвам, че сте ходиле по добра работа и желая от все сърдце добър успех. Газета, каквато сте намислили да издавате, на сегашно време е необходима. Старайте се

¹ Доротей Врачански, митрополит Софийски и Скопски (Дончо Иванов Спасов) (неизв.–1875) – роден в Копривщица, брат на д-р Спас Абрашев, племенник на Найдено Геров. Висш патриаршески и екзархийски духовник.

² Стоян Пранчов (неизв.) – син на копривщенския търговец Георги Пранчов. Учи в Париж. Основател на Дружество за поддържане на учителски кандидати от българската народност във Виена.

да представите работата, както е, – не се съмнявам, че ще се пазите от такива безумни фантазии, с каквито гледам е напълнен детински глупавий Български глас¹. – Недейте влиза в препирни с такива безумци, а си гледайте работата. Тие дни ще се видя с един приятел и ще да се допитам до него как да се направи, та газетата ви да ходи в Русия, – и незабавно ще да ви известя. Ако може аз ще се постарая да извърша формалностите, които са нужни за това и да ви освободя от едно главоболие. Празката „Политика“ след два-три дена ще захване да ви дохожда². Щом излезе ваший лист, пратете ми го незабавно. – Много се зарадвах като се научих, че сте намислили да съставите „Благотворителен комитет“. – Такъв комитет е нужно да се състави и по-сгодно място от Браила, доколкото аз зная, мъчно е да се намери. – Народът ни гине, които оцелеят от башибузушките и черкезки зверства, те, ако не се вземат мерки, щат умират сега от глад, а после и от студове. Еднородците ни в Румъния добре трябва да проумяват това и аз вярвам, че те щат [се] притекат на помощ. Не се съмнявам, че и много чужденци са готови да помогнат, – стига само комитетът ви да бъде организиран добре. Желателно е да се турят на челото му по-пръвите ни броилски граждани и гражданки, та да се изберат и добри распоредители, мъже благородни и влиятелни. Всяко вспомоществование да се обнародва в газетата ви, така също и всяка разноска. При такъв само начин благотелний комитет ще може да добие доверие, при което, аз се наддам, той ще извърши едно голямо родолюбиво и човеколюбиво дело. [...] От все сърдце ви желая добро здраве и бодрост. В успехът ви не се съмнявам.

Ваш другар
М. Дринов

НА БАН, ф. 1к, а.е. 421, л. 1–2.

Публикувано в: Документи за историята на БКД..., т. 1, с. 526–527.

№ 17

Д-р Георги Странски и Стоян Михайловски до М. Дринов – 11 юни 1876 г. (23 юни, н.с.). Съобщават му вести за неговото семейство и роднини. Описват му опустошенията, нанесени от башибозуци и черкези, разрушенията в Панагюрище, положението на арестуваните.

Пловдив 11 Юния 1876

Господине, М. Дринов

В[ъв] Виена

Честното Ви от 27 Миналаго днес с благодарение придаме, в което писаните Ви проумяхме.

В тоя час са намери тука пощаджията Г-н Д. Райнов, когото разпитахме за Вашите Роднини. Той ни разказа, че Г-жа Майка ви и сестрите Ви, както и всичките ви други роднини са живо и здраво но са останали само с голи ръце и къщи, както и всичките ви други селяне, от Роднините Ви само зет ви Г-н Димитри е ранен в кракът, който може да оздравя, а братята Ви Г-да Найдено и Пейо са затворени тука в града ни и строго са обвинени, щото освобождението им е съмнително. Колкото за пари казва Г-н Райнов, че Г-жа Майка Ви и сестрите Ви нямат неизбежна нужда освен това страхува са и да им занесе, защото ще го уберат из пътя, но когато са поуправят работите и като им станат нужни пари той ще ни обади да им протим и ще Ви обадим колкото им проводим.

Трябва да сте са известили, че тука околните села са разграбиха и почти расипаха от башибозуците и Черкезите, между които и Вашето село непомалко пострада там една трета част от къщите и Чаршията цяла изгориха, от хората мъже, жени и деца има около 600 души избити и 300-400 от тях затворени тука в града ни, между които са всичките

¹ Седмичен български политически и книжовен лист, излизал в Болград под редакцията на И. Иванов, 1876–1877 г.

² В. Politik излиза на немски език в Прага. По време на Априлското въстание се отнася със симпатия към българите и дописките по събитията в българските земи, които се публикуват на неговите страници, са подготвяни от Константин Иречек.

учители и свещеници, а всичките затворени са около 2000 души, на които истиндаците¹ няма да са свършат до една година и ще измрат от глад.

На 8 того обесиха 11 души тука, които бяха от селата Чанакчилар Еникьой², говори са че има да обесат тия дни още 17 души, но не са знае още от къде са. Вашата къща, както и на роднините Ви къщите, са останали здрави само дюкянът Ви в Чаршията е изгорен.

Поздравяваме Ви и сме Ваши Приятели

Странски и Махайловски

НБКМ–БИА, ф. 111, оп. 1, а.е. 296, л. 1.

Публикувано у: *Динеков, П...*, № 5, с. 188 (частично); *Априлско въстание 1876...*, с. 489–490.

№ 18

Симеон Христов до М. Дринов – 12 юни 1876 г. (24 юни, н.с.). Съобщава му за аудиенцията на Ив. Джуджов при министър Йован Ристич. Описва му, според сведенията, получени от Джуджов, положението в Панагюрище и на неговите жители, подготовката на въстанието и жените, взели участие в него.

Белград. 12/24 Юний 1876

Почитаеми Г-не Дринов!

Приех почитаемото Ви писмо, на което бързам да Ви отговоря.

Панагурецът от когото съм черпил известията, Вам веч познати, е Г-н Иван Джуджов, който бил тръгнал за в Цариград да накупува още оръжия, но когото въстанието спрело в Цариград. Той намерил прибежище отгоре си, че го прехвърлило тайном в Оде-са. Там посвършил работата си и дойде в Белград, гдето се намерихме. Има ауденция при Г-на Ристича³ и доста надълго му е разложил нуждата от братски съвез⁴ измежду сърбите и българите. Министра му се обеща, че по възможности, ще подпомага нашите въстаници, разбира се, че гледа да се възползува по нещичко и от нас. Подробно върху тези работи не мога Ви събщи по причина на сегашните обстоятелства.

Относително за Панагюрище, доколкото съм известен, не е изгорело, но сичко си е в порядък, защото нашите въстаници до сега не са отстъпили на турците туй место, също тъй и Копривщица. Турските войски до сега още не са могли да се доближат до тези места. Колкото пъти и да са търгали за Панагюрище не са могли да дойдат по далеч от Калагларе⁵, защото там се повечето са ги посрещали въстаниците, или пак от Калагларе по навътре са ги дочеквали измужде каменистите бърда.

В началото на въстанието всичките фамилии и неспособни за оръжие са се преселили в планината, именно на кое место не мога Ви определи. Измежду панагюрските фамилии намерват се и Пазарджиски. Също тъй са се преселили и повечето от населението на останалите вече попалени села. Според приказките на бае Ивана на планината са направени колиби и в тех живеят. За сичко потребно са се погрижиле. Само зле ща бъде, че нещат да имат доста сол, при всичко, че преди въстанието доста хиляди са се оки навлекли. Тес щели още повече да накупуват, но големото погромно купуване на солта дало причина на подозрение от старана на правителството.

За вашата стара майка не зная положително как е и что е, понеже именно не съм за нея попитал бае Ивана, но на pewno и тя трябва да бъде измежду другите фамилий. Колкото за брат Ви, вервам, ако е способен за оръжие, сега не къде с засукани ръкаве върти острия нож и обара⁶ по некой наш неприятел, както той, също тъй и всички останали панагюрци.

¹ Истиндаци – от турски ‘разпити, следствия’.

² Чанакчилар Еникьой – Староново село, дн. Старосел.

³ Йован Ристич (1831–1899) – сръбски държавник и историк, министър по време на Сръбско-турската война от 1876 г.

⁴ Съвез – ост. ‘съюз’.

⁵ Калагларе – дн. с. Левски, общ. Панагюрище, обл. Пазарджик.

⁶ Обара – ост. от ‘обарям, оборвам, наделявам, надвивам’.

От Вашите джелепи в Цариград е само Г. Стайко Додов с синът си и Г. Ланджо¹, а всичките други са в редовете на въстаниците или, ако немогат да въртят оръжие, то търкалестите лири дават, за да се набавят нужните неща за всички. Измежду въстаниците вледее потпълно братство всички са равни: бил богат или сиромаш. Чичо Нейчо е касиер, Симеон Х. Кирилов деловодител и прочий тес одлични лица са били съучастници. Г. Нешо Х. Пенчов, Влисан Х. Кирилов и прочий таквиз юнаци, сега са предводители на особени отделивания. Всякой, кой що е имал богатство жертвувал го е за народа си. Твърде интересно е, а що повече и твърде много радостно е за нас, че и самият женски пол взима съучастие в туй движение. Бае Иван ми приказва, че от селото Мечка² са молили Панагюрският център до 20 моми, прави амазонки, да ги приемат и те с тех на едно да боюват. Туй им се е дозволило и в употреблението на пушка са доста вещи. Мога да вервам, че техният пример ся после давали и много други таквиз исполинки, които нашият балкан има доста много.

За сега се бае Иван намерва в[ъв] вътрешността на Сърбия. До некой ден ще пристигне. Аз ща го попитам за Вашата фамилия и щото да зная повторно ща Ви явя. Само ако би да заминете за некъде явете ми, моля Ви, на къде да Ви отправя писмото си. Но вни чтото има ще Ви яви К. Иречек.

С приличните си поздрави и почитания

Съм Ваш почитател
С. Христов

НБКМ–БИА, ф. III, оп. 1, а.е. 330, л. 1–2.

Публикувано у: *Динеков, П...*, № 5, с. 188–190; *Априлско въстание 1876...*, с. 491–492.

№ 19

М. Дринов до К. Иречек – 13 юни 1876 г. (25 юни, н.с.). Разказва му за положението в България, за което е узнал от писмото на Н. Дръзков (вж. тук писмо № 14).

Днеска получех писмо от Цариград, от 8/20 юния. И там още не знаят добре какво е станало с жителете на Панагюрище, Копривщица, Татар-Пазарджик и пр.,– пътищата и пощата за тия места са затворени.– Пишат ми, че Пловдивските ханове, бани, тъмници, казарми и различни керхани³ са напълнени с жени, деца и старци, от които мнозина умират там всекидневно от теснота, от зловоние и от глад. Та оттук заключават, че е една част от жителите на речените места се намира в Пловдив, друга е изклана, друга, види се, се е разбягала по горите.– „Башибузуците и черкезите ограбиха, изгориха, изсекоха много села и страшно злоупотребиха на всяде населенията. Българският народ много години ще оплаква съдбата си“.–

Прегледайте първий брой на Пейовът вестник,– името „Възраждане“ много ми се ревне⁴,– ревне ми се такожде и програмата му.– Утре, след обед, ако сте свободен, заминете до мене.

25 юния
Неделя [1876 Прага]

М. Дринов

НА БАН, ф. 3к, оп. 1, а.е. 96, л. 18–19.

Публикувано в: *Из архива на Константин Иречек. Т. 2. Преписка с българи. С., 1959 (По-нататък в текста – Из архива на К. Иречек...), с. 123–124; Априлско въстание 1876...*, с. 492–493.

¹ Стойко Додов и Недельо Ланджов – български търговци от Панагюрище.

² Село Мечка – дн. Оборище, Панагюрско.

³ Керхани – *от турски* ‘работилници’.

⁴ Ревне – *от руски* ‘нрав’.

№ 20

Ив. Джуджов до М. Дринов – 14 юни 1876 г. (26 юни, н.с.). Съобщава му, че няма новини за хода на въстанието и за неговите роднини, освен това, което вече му е писал в писмото си С. Христов (вж. тук писмо № 18).

Београд 1876, Иуния 14-ий

Господина М. Дринова

В Златни Праг,

Питате Г-на Симеона Христова из Пирот с писмо, кой е Панагюрец в Београ[д], що му е съобщил за приуготовлението на българите за востание в Западна Тракия. Ето азе пребягналият в тоя град на подробности нищо не зная от Востанието нанасам. Но додекато сем знаял, то е, което сте научиле от Г-н Симеоновото писмо, то е сичко верно, а после как са е случило с нашето Панагюрище и със нашите фамилии нищо не зная, нито може човек да са научи на верно. А вънкашни приказки много ся слушат, но нищо наведено нема.

Да ви повече разправам за миналото на Востанието по нашите места не е нужно. Додекато азе сем бил известен, то сте го сичкото това научиле от Симеоновото писмо. Не зная дали сте получили от Вашите домашни писмо, което писмо ти са испрати чрез нашия Брат Симеон¹, понеже не знаехме в онова [време] де са намирахте*. Ако сте получили онова писмо, то от него сте са известиле за сичко до онова време що са е свършило и що е било извършено до тугава в наша Тракия, онова писмо като беше писано със бело, та не зная дали сте можле да извадите писмото. Та, ако сте получили онова писмо и не сте извадили писмото, да излезе на книгата да са четете, то ще да земете малко сачикабрус², счукайте хубаво и размешайте с малко вода, намажете книгата с оная вода и ще да видите написаното на книгата, ако ли не си получите онова писмо, трасете го от брата ми Симеона в Москва. С Господин Бончев са видохме в Одеса и той са приуготовляваше да тръгне за Москва на 12^{ми} маия, та не зная отишал ли е или не, понеже азе съм излезал на 11^{ми} маия из Одеса тоест един ден преди неговото излизане, но не зная отишал ли е или не е и в какво положение ся намира засега със здравето понеже беше много слаб със здравето, когато сме са видвале ние с него. Ако знаете за него де са намира засега и как е със здравето, пишете ми!

Как критикуват българското востание, и как мислят за нас Българите, нашите западни братя Славяне, не зная.

[...]

Ваш

Иван Ст. Джуджов

*то писмо е било с дата около 10 Априлия³.

НБКМ–БИА, ф. 111, оп. 1, а.е. 83, л. 1.

№ 21

М. Дринов до Н. Бончев – 14 юни 1876 г. (26 юни, н.с.). Дринов му съобщава новините около въстанието, които е получил от Цариград (вж. тук писмо № 14). Надява се, че когато сърбите започнат военни действия срещу турците, ще се научи повече за това, което е станало след 19 април 1876 г., и че въстанието не е потушено, противно на съобщенията от турска страна. Пише и за излизането на първия брой на в. „Възраждане“ и за намеренията да се организира благотворителен комитет в Браила, в който ще внася всеки месец по 100 франка. С добавка към писмото, носеща дата 15 юни, Дринов му разказва за новините, които е получил с писмото на С. Христов (вж. тук писмо № 18).

Hôtel Erzherzog Stefan Prag,

Неделя 14/26 Юния.–

³ Симеон Джуджов – брат на Иван Джуджов.

¹ Железен сулфат, наречен още Зелен камък.

² Прибавено по-късно с молив.

Благодаря ти друже, че побърза да ми отпишеш.– Ти не бе в състояние да ми дадеш някои утешителни или поне по-нови известия за Панагючище и за роднините ми, ала все пак, като ти чух гласът и сладките думи, то ми малко нещо пооекна на душата.– А знаеш ли, как ми отговориха днес от Цариград? „За Панагюрище, та и изобщо за вътрешните български места нищо не можем да ти кажем, че и ние тук нищо не знаем. Пощите и пътищата към тия места са прекъснати: правителството никого не пуца да ходи там, или пък да доходи от там тук. Слух се носи, че Фелибелишките ханища, хамаме, тъмници и различни кехрани са пълни със жени, деца и старци, между които види се намира и една част от панагюрците,– друга част е исклана, друга пак се пръснала по горите“. Така ми отписаха! Турски двинули в Болгарию массу голодных волков и бешеных собак, именуемых башибузуками и пр., потом закупорили ее со всех сторон, что бы скрыт от Европы травлю, которую они там производят с помощью этих хищных зверей.– Днес утре се очаква, че Сърбето без друго ще начнат война,– ако я подкарат с успех и ако сполучат да пробият железний пояс, с който е опасно сега отечеството ни, то ние тогава ще се научим, що се е чинило там от 19 Априлия до сега.– Турците казват на света, че българското възстание било вече съвсем потъпкано,– ако е така, то защо крият българската земя? Не е потъпкано,– юнаците ни се борят и види се, че правят чудни подвизи. В Браила захвана да се издава Българско-френска газета „Възраждане“, която редактира Пейов. Днеска добех 1-ий брой,– много е хубава,– пишете да ви я пращат.– В Браила се стараят да учредят благотворителен комитет за помощ. Ако го нагласят добре, ща се подпиша да им вносам по 100 франки всеки месец, додето траят злочестините.– Кажи това на нашите и при прикани, с Петра вклячително да притекът и тие на помощ. Времената са критически; трябва да даваме мило за драго, да не жалим нищо, когато отечеството ни се намерва в такава опасност. Ако се вземем сами да си помогнем, тогава можем да чакаме, че и друг щат ни помогнат [...].

15/27 Юния. Днес добих от Белград писмо, в което ми пишат, че Иван е там.– Казват ми още, че Панагюрище не било изгорено, нито пак превземено. Турците не могле още да стигнат там.– Неколко пъти се опитвале, но войниците ги отблъсквали.

НБКМ–БИА, ф. 111, оп. 1, а.е. 2, л. 186–187.

Публикувано у: Динев, П. ..., № 6, с. 234 (частично).

№ 22

М. Дринов до Т. Пеев – 14 юни 1876 г. (26 юни, н.с.). Дринов пише за впечатленията си от първият брой на в. „Възраждане“, за публикуването на телеграмата на Пеев в „Московские ведомости“, за разпространението на вестника, за одобрението на К. Иречек. Дава препоръки за основаването на благотворителния комитет. Оплаква се от невъзможността да напише нови статии за възстанието, поради липсата на новини. Интересува се и от работите по отпечатването на „Периодическо списание“. В бележка, добавена на следващия ден – 15 юни, Дринов съобщава за новините, публикувани в чешкия в. „Политика“, и че следващия път ще му изпрати и писмото, с което официално ще се включи в благотворителния комитет.

Hôtel Erzherzog Stefan Prag,

Юния 14/26 [1876]

Любезний Господине Пейов!

Вчера ми стигна първият брой на „Възраждане“, който очаквах с голямо нетърпение. Бързам да ви изкажа впечатлението си. Шрифтът не ми се поревна: буквите са стари и изтъркани особено френските. Че защо не печатате там, дето се печата „Период[ическо]

списание“? Типографски грешки има доста, особено във френския текст, който по това ще да направи, страх ме е, не твърде добро впечатление на европейските ви читатели, които не са навикнали на такива неисправности. Токо това са, спроти мене, у грозните страни на газетата ви. Другото ѝ е все хубаво: форматът и хартията са прилични, името „Възраждане“ е много добре намислено, тонът е сериозен, езикът доста чист и гладък, редакторът вещ, програмата му много разумна. Господ да ви поживи за това, дето основахте такъв един орган!– Днеска прочетох в „Московските ведомости“ телеграма из Браила, в която се излага главната мисъл на членът ви: „Високата порта и българск[ото] въстание“¹. Много ме зарадва тая мисъл, защото съм уверен, че вие, като я изказвате, имате някакви здрави основания.– Приятелят, от когото се наддам да се науча, как да се направи, за да ходи „Възраждане“ в Русия, засега не се намира в Прага,– тия дни обаче той ще се прибере и аз незабавно щя се разговоря с него. Днес ми доде на ум, че цензор на българските газети е Н. Хр. Палаузов², когото вие познавате добре. Напишете му,– той, наддам се, ще свърши работа. „Политиката“ щя захвана да ви испращам от утре, право до Редакцията ви. До 1^{ти} юлия, сиреч три-четири деня щя ви я испращам сам, па после щя ви запиша абонамент за три месеца, та вече да ви я испраща сама администрацията ѝ. Тя е доста скъпа – годината ѝ за в Браила струва 30 флорина. В последните пет-шест номера нямаше нещо особено любопитно за вас, та няма и да ви ги пращам. В утрешния № ще наидете дълъг член за нашите работи. Пишете ме абонент на „Възраждане“, което заповядайте да ми пращат редовно. Иречек такожде иска да се подпише,– и той се е много възраждал от „Възраждането“, което, дай Боже, да свърши работа!– Сега да додем на благотелният комитет. Той трябва да се основе и да се основе именно в Браила, а не в Букурещ, защото там българщината е малко-много компроментирана пред общественото мнение чрез прежните ѝ неразбории. Аз тук разбиравам централен комитет,– филиални нека има в Букурещ, Гюргево, Галац, Болград и пр. Като се турят на челото на тоя комитет по-първите ни родолюбиви браилски граждани и гражданки, па ако се намерят (в което не може и да има съмнение) деятелни распоредители, аз не се съмнявам, че той, комитетът сиреч, ще свърши голяма робата: не само ще спаси хиляди сиромаси от гладна смърт, но ще да спомогне и от друга страна.– Най-мъчния въпрос е как да се предава помощта в най-много притеглившите области, които са далеч от Браила и с които сношенията са прекъснати.– Мене се чини, че комитетът, който ще бъде припознат от румънското правителство, лесно ще да може да реши тоя въпрос. Ако нема други начин, то може да се прибегне към „Обществото на Червения кръст“. Намери това общество леснина да прати свои членове в Херцеговина,– защо да не може да направи същото и за България, раните на която са десет пъти по-тежки от херцеговинските.– А един път като влязат в злочестите български области членове от това човеколюбиво общество, то тогава е лесно: освен лекуване ранените и болните, те там могат да приемат върх себе си и раздаването на помощта, която комитетът ще може да праща чрез них. Наумявам ви тие работи токо тъй на всеки случай. Може би Вие там да сте вече и намислили някой друг по-практичен начин,– дай боже! Ако видите, че ще да може да се нареди комитетът, както да може да принесе истинска полза, то щом се състави, запишете ме негов спомоществател спроти записката ми, която ви притварям тук. Искане ми се да ви помогна с някоя и друга статия, но какво да напиша, не зная: пресни новини от българско нямам, а пак любопитните за нас европейски новости добивате.– Днес-утре щя да помисля пак,– давно намисля нещо.– Зная, че времето ви сега е златно, та ме е грех да ви го отнемам. Но все пак щя ви моля да не ме забравите и по некогаж да ми писвате.– [...]

15/27 юния. [...] Днешната „Политика“ е много любопитна за вас. Отивам да я купя и препратя. Щя пратя два №№ та ако един се загуби, други да ви стигне.

¹ Пеев, Т. Високата порта и българското въстание. – Възраждане, № 1, 5 юни 1876 г.

² Николай Хр. Палаузов (1819–1899) – български общественик и просветен деец. Племенник на Спиридон и Николай Палаузови. През 1861 г. става цензор на славянските вестници и книги, които пристигат в Русия през Одеса. Пише статии, доклади, с които запознава руската общественост с положението на българския народ, като се стреми да привлече вниманието им към делото за освобождението на България.

Писмото до благотворителний комитет, за което споменах по-горе, не ща мога да испратя заедно с настоящето, защото сега съм много улисан, та не мога да го напиша днес. Па не съм още и пресметнал, каква сума ща мога да пожертвувам.— След два-три дена ща ви напиша пак.—

От сърдце ви поздравлявам и ви желая добър успех.

Ваш другар
М. Др[инов]

НА БАН, ф. 1к, а.е. 422, л. 1–3.

Публикувано в: Документи за историята на БКД..., т. 1, с. 527–529.

№ 23

Георги Тишев до М. Дринов – 18 юни 1876 г. (30 юни, н.с.). Г. Тишев съобщава, че няма сведения за събитията в Панагюрище и Копривщица и описва положението на българите след въстанието.

Друже!

Последното ти приятелско писмо от 19/7 текущият юни, получих на време и много ти благодаря за благосклонното ти внимание към просбата ми за братята ми. Дано да може са свърши работата, защото действително, както казват, тий може да стоят в [не се чете].

С удоволствие ти бих явил и какво е станало [в] Панагюрище и Копривщица, но, за жалост, пълни и точни сведения нямам, защото пътник от тамо не е дохождал по причини на лошите пътища и писмата всичките казват по причина, че са отварят на пощата. Колкото са знае обаче, те са доста пострадали, именно са ограбени много и са в много лошо положение, а в Копривщица има и много убити. Ето що пише една жена на мъжът си от 25 миналият май за положението на Копривщица. Аскерът е распореден по къщите ни. Разполагат са с нас според волята си. Всичко, що имахме, ни го разграбиха. Децата ни мрат от глада и, като няма що да са прави, много майки подкачиха да утрепват децата си, като не могат да ги гледат тъй да умират от глад. Никой не може да излезе вън от къщата си, что става с комшиите ни никой не знае. Казвам, по-добре да не сме са родили на този свят отколкото да гледам такива злоупотребления и безчестия, които стават днес на нас“. В подобно положение, както са говори е и Панагюрище. Всичките първенци и от Копривщица и от Панагюрище, както от други околни места, са отведени в Пловдив и затворени, за да ги испитват и наказват. Надявам са обаче скоро работите да ся оправят, защото вестниците пишат, че правителството било зимало нужните за това мерки.

Друго като нема що да Ви пиша, поздравлявам те братски и оставам

Твои Тишев.

Цариград
1876 юний 18

НБКМ–БИА, ф. 111, а.е. 309, л. 1–2.

Публикувано у: Динеков, П..., с. 234–235 (частично). В началото той пише, че под-писът на автора на писмото не се разчита, и смята, че то е адресирано до Н. С. Ковачев от Марин Дринов.

№ 24

М. Дринов до Т. Пеев – 20 юни 1876 г. (2 юли, н.с.). Изказва одобрението си за организирането на благотворителни комитети за помощ на пострадалиите българи след въстанието и че ще внася всеки месец по 50 франка след като се устроят.

Почитаемий Господине Пейов!

Напълно споделям мисълта за съставяне в Румуния български благотворителни комитети, която така красноречиво изказа ваший браилский дописник в 1^{-и} брой на досто-

почтената Ви газета.– В два месеца време стотина хиляди българи останаха без къщи, без покъщнина, без имоти – голи и гладни. А злото се продължава и не му се види края. Но каквото и да излезе тойзи край няма съмнение, че до есен броят на злочестите ни съотечественици ще надмине и милион. При това страшно бедствие, което надали е налито друго път многострадалният български народ, не се съмнявам, че ни един от българите, които живеят в Румуния и в други свободни земи, няма да миряса, доде не изпълни свещенната си длъжност, която му налага днешните злочестини на отечеството ни: всеки охотно ще жертвува, щото може. Но за да се улесни пътят на тие жертвувания, да се тури ред както в приемането, така и в раздаването им, каквото те да хванат място, за това отистина е потребно един ден по-скоро да се съставят явни благотворителни комитети, за които напомнува достопочтеный ви браилски дописник. Уверен съм, че родолюбивите ни и просветени браилски граждани и гражданки първи щат побързат да устроят такъв комитет в градът си. Щом се състави тоя комитет, сторете добро, та ме запишете негов член, като му обявите, че се обвързвам да му вносам всеки месец додето трая неговата деятелност, по 50 франка (петдесет). Плащането на тая малка лепта ща захвана, щом се науча, че тоя благотворителен комитет се е съставил и е захванал своята човеколюбива деятелност.

Ползувам се от тоя случай за да ви изкажа дълбокото си уважение, с което оставам. Ваш покорен слуга

М. Дринов

Прага 1876

Юлия 2 н.с.

НА БАН, ф. 1 к, оп. 1, а.е. 423, л. 1–2.

Публикувано в: Документи за историята на БКД..., т. 1, с. 529; Априлско въстание 1876..., с. 505.

№ 25

Р. Жинзифов до М. Дринов – 23 юни 1876 г. (5 юли, н.с.). Пише, че следи публикациите в руските вестници относно събитията в Турция и че е получил подробни сведения от България, които заедно с Н. Бончев превеждат на руски език.

Москва, 23.VI. 1876

Не дей мисли, че руските газети малко пишат за България. Не! Сичките руски газети без исключения бежа заняти с Турските злудейства, които те извършиха над беззащитните Българи. Пред три дена аз получих голямо плико с подробни сведения (21 стран. гол. формат) о том как Турците върлували на българите. Бончев и аз превеждаме тези сведения и наднях ще ги напечатаме в Моск[овски] Введом[ости]. Знаеш ли Дринов? Киркович съ[с] семейството уже одавна ся намира в Одесса; преди две недели пристигна из Цариград в Одесса М. Жинзифов съ[с] семейството си; подир няколко дни яви ся и Бонев¹ съ[с] семейството си. Следователно в пусто Турско е много лошо, когато хората бягат даже из Цариград.

НБКМ–БИА, ф. III, оп. 1, а.е. 103, л. 49.

Публикувано у: Диников, П..., № 6, с. 235 (частично). Той посочва като дата на написване на писмото 23.VII.1876 г., месецът е изписан доста нечетливо. Но от бележка, добавена с молив, на М. Дринов върху писмо, изпратено от Н. Бончев на 26 юни 1876 г. (тук публикувано под № 29), се разбира, че писмото е изпратено един месец по-рано – през юни.

¹ Константин Бонев (ок. 1833–1882) – български лекар. През 1876 и 1877 г. се включва в организирането на български чети за Сръбско-турската война и на българското опълчение.

Т. Пеев до М. Дринов – 24 юни 1876 г. (6 юли, н.с.). Писмото е написано на бланка на БКД. Т. Пеев описва трудностите по отпечатването на в. „Възраждане“; желанието си да пренесе отпечатването на вестника в България, с което да е по-близо до българския народ. Съобщава му и докъде е стигнала работата по организирането на благотворителния комитет, за участието на Вл. Йонин в това начинание, за дарението от 10 000 рубли на Славянските благотворителни комитети в Русия, за нуждата да се съставят филиали на благотворителния комитет в европейските страни. Накрая благодари за материалите за в. „Възраждане“, които е изпратил, и че му изпраща още няколко коли от „Периодическо списание“.

Българско книжовно дружество в Браила

Господине Председателю!

Увреме получих писмата Ви от 14 до 20 Иуния. До сега не можех да Ви отговоря, защото бех заузет с вестникът. Освен участието, което зимам при написването му, голямо главоболие ми става с напечатването. Първият и вторият брой се нареждаха у Паничкова¹, а печатаха се у Перикли². Погрешни отистини има такива, които твърде много бият на очи, но какво можех да сторя, когато имах работа с печатарин неразбран и съ[с] словослагаче съвсем неопитни? Искях да се нарежда и пачата вестникът у Перикли, но той има малко букви – само колкото за Пер[иодическото] списание! Като се уверих, че у Паничкова никак не ще бъде възможно занаят нареддането на вестникът, принудих се, за третият му брой само, да пресека печатането на Пер[иодическото] списание за една неделя и да пренеса всичката работа у Перикли. Утре ще излезе третият брой когото ще ви изпровода. Надам се той да се отпечата по-чисто. Решил съм подир това да пренеса напечатването в Букурещ, гдето се надам да ми се отстъпи тамошната народна печатница с условия по-леки. В такъв случай ще трябва и аз да се преселя в Букурещ. Дружеството меркам³ или да оставя за няколко време без деловодител, или пък да настаним друг човек. Това не ми се искаше да направя, но принудиха ме сегашните тревожни и тежки обстоятелства за нашия народ. Решил съм да следвам с постоянно усърдие и деятелност издаването на „Възраждане“ по един програм, способен да въдвори между еднородците ни оная нравствена сила, която или не са имале, или ако са я имале до нейде, отнели им са я досегашне халосани вестници. Ако надеждите ми се изпълнят (за което съм повече уверен) да организуваме една силна, многобройна чета от хора вещи въ[в] военно и административно отношение, аз ще премина в българско и ще пренесем тамо и вестника и печатницата. За тая цел започнал съм да събирам другаре: мъже образовани, честни и обаятелни. Засага тука се намерват г. Миларов и Драсов. Но скоро ще дойде от Хайделберг и г. Поменов⁴. Писал съм в Одеса и за Бобчева⁵, комуто токожде се надам да дойде скоро. Но догдето дойде време да се мине в българско, ще се стараем кут да наредим благотворителни комитети, да си отворим прави и посредствени комуникации с нашите възстаници и да съставим един телеграфически и кореспонденц-бюро.

За благотворителните комитети вече съм на здраво уверен, че ще успеем. Аз бех си писал още зимес в Руссия с г-на Йонина, братът на Руский генерални консул в Рагуза за тая работа. Много съм признателен г-ну Йонину, че зе въ[в] внимание предложението ми

¹ Димитър Паничков (1808–1909) – български печатар и книгоиздател. През 1868 г. купува печатница „Съединение“ на Д. Войников в Браила. До 1877 г. там се печатат 15 български вестника и списания и 31 книги.

² Перикли М. Пестемалчиолу – управител на печатница „Триъгълник“ в Браила, в която се печата „Периодическото списание“.

³ Меркам – ост. ‘смятам’.

⁴ Константин Помянов (Поменов) (1850–1913) – български политически деец, депутат в Учредителното събрание, публицист. Завършва право във Виена като стипендиант на Добродетелната дружина.

⁵ Стафан Савов Бобчев (1853–1940) – български правист, държавник, публицист, общественик. През 1976–1977 г. в Букурещ издава в. „Стара планина“.

и живо се интересува с нашата работа. То, по повод на писмата ми и с рекомендацията, която бях му пратил, се отнесе до благотворителните комитети в Перебург и Москва, от гдето за първ път му дали 10,000 рубли и го задължили да устрои един централен благотворителен български комитет в Румъния, към когото направо да се отнасят комитетите от Русия. Завчера г. Ионин пристигна в Браила. Тук вече съставихме един частен благотворителен комитет. Треба да ви забележа, че членовете на управителното тяло на тоя комитет са хора повечето от долна ръка и които не се ползват от надеждна тежнина, влияние и доверие. Г-н Ионин минал през Болград, Измаил и Галац, гдето такоже устроил подобни комитети. Оттук заедно с едного от сътрудниците ми тръгнах със същата мисия за Плоещ, Батово т.н. След като се наредят частните комитети, ще се повикат техни представители, които да изберат централен комитет.

Съобщих Вашето желание на тукашния комитет, който се в рече, че ще Ви пише. Но аз от своя страна бях Ви помолил друго нещо. Потребно е да се съставят филиали и в Чехия, Хърватско и други словенски и несловенски земи; та ще да е много добре, ако Ви е заедно с г. Иречка, когото в особенност всинца молим, бъдете управителното тяло на филиалът в Чехско, и да се отнасят направо до Централния комитет, който се съставя в Букурещ.

Много Ви съм признателен за известията, които ми пратихте с първото и второто си писмо за обнародване във [в] „Възраждане“, както и за дето се вричат и за напред да ни писвате по нещо. Подобно съчувствие като от вас еднородци много ни насърчава. Благодаря ви също така и за трудът, който сте направили, за да ни препратите Politik. Днес получих първото изпращане от страна на редакцията на тоя вестник.

Дано „Възраждане“ може да се изпраща в Руссия, както ми пишете, та да не става нужда да прибегваме до други мерки. [...]

Поздравете г. Иречка и обадете му, че „Възраждане“ ще му се изпратя редовно.

Сърдечно Ви поздравлявам.

Браила
24 Иуний 1876.

Ваш
Т. Пейов

НБКМ–БИА, ф. III, оп. I, а.е. 92, л. 137–138.

№ 27

Настоятелството на Благотворната българска дружина до М. Дринов – 24 юни 1876 г. (6 юли, н.с.). Благодарят на М. Дринов за обещаните ежемесечни дарения от 50 франка, молят го да организира клон на дружеството в Прага.

Почитаемий Господине,

Настоятелството на Благотворната българска дружина ся научи с особено удоволствие [за] ежемесечното пожертвование от 50 франка, които му обещавате, за да употреби съгласно за целта, за която то ще прибегне към податливостта на мнозина българи.

Да ся помага на бедните и немощните е длъжност и Християнска и човеческа, да ся помага обаче на ония, които ся останали на открито небе, изложени на глад и студ челяди на ония юнаци, които си пролели и проливат свещената кръв за освобождението на порабощеното ни от турците отечество, държи първо место между ония длъжности, които и религията и човеческото право ни налага.

Ето причините почитаемий Г-не, за които настоятелството на Благотворителна българска дружина очете за свои дълг да Ви извести, че то е задържало за Вас почетното место между своите настоящи и бъдещи членове. За да може обаче настоятелството да изпълни и пристъпи по утешно към своята цел, то Ви моли да действувате тамо [гр. Прага – б.м. Л. С.] и съставите един клон от тукашната наша дружина. Необходимостта за съставянето, на който просветения Ваш патриотизъм и превъзвишени способности отменява от труда да Ви ги излагам.

В увереност, че Ви ще станете отзив пред всички ония, които имат човеческо сърдце и душа, за да помогнат на злочестите с хиляди безпокривни български селяни,

жертва на турските жестокости, предварявам да Ви благодарими и оставами с братски поздрав.

Ваши еднородци
Браила 24 Иуний 1876
Г^н Мар. Дринову
В Прага

Председател
П. Димович
Секретар
Т. Илиев

НБКМ–БИА, ф. III, оп. I, а.е. 95, л. 1.

№ 28

Ив. Дръцков до М. Дринов – 25 юни 1876 г. (7 юли, н.с.). Предава му разказа на Ненчо Х. Кръстев¹ за събитията в Панагюрище и че ще търси начин да разбере какво става с роднините му и ще им изпрати пари при възможност. Разказва за положение-то на затворниците в Пловдив и за необходимостта от създаването на благотворителна организация за подпомагане на населението.

Ц/град, 25^о Юния 1876

Почитаемий Г-дине М. Дринов!

В Прага

Приятелското Ви писмо от 15/27 ходяшаго м[е]с[е]ца приях и разумях посанието Ви.

Приятелят Ви, който Ви е известил, че Панагюрище не е изгорено и привзето от царската войска и че въстаниците още ся дръжели, а жителите се преселили в планината и ся намирали в безопасност, до нейде тия известия ся верни. Но аз вчера ся срещнах с г. Ненча Х. Кръстев тука и ми поразказа за Панагюрище какво е станало, което му оттам писмено съобщили.

Когато Панагюрище востанало неколко фамилии избегали в планината, а повече останали вътре. Войските и башибузука като разбили и влезли, изгорили чаршията и няколко къщи, исклали около 1500 души мъже, жени, деца, ограбили къщята до драм² и много други злодеяния, поповете и много [не се чете] фамилии изсекли, от Гершановци само бай Рад остана жив, но и той посечен [–] ще ли живеи не са знай. Попитях за Вашето семейство дали е здраво, но за него нищо не знай. За да са испита наведено здраво ли е, утре ще пиша чрез Пазарджик в Панагюрище до г. Рад Гешанов да ми извести как е и като приема известие тос час ще потръсим средство да им пратим пари, бъдете спокоен.

Колкото за бедните сиромаси, голи, боси и гладни що са остали, за тях тука нема кой да са погрижи да основе човеколюбиво общество за прегледвание. Това е работа на Екзархийското началство, но и до сега за такова нещо не са е продумало, дано барем повънка некои добри хора направят такова нещо. В тъмниците в[ъв] Филибе и другаде затворените мрът от 5/6 пъти бой на ден и от глад, това ми казва г. Ненчо, който Ви поздравлява.

Много Ви здрави от бай Нано и от съпругата му, и аз Ви сърдечно поздравлявам.

Ваш слуга
Н. Ив. Дръцков

НБКМ–БИА, ф. III, а.е. 97, л. 3.

Публикувано у: *Диневков, П. ..., № 6, с. 235–236 (частично).*

№ 29

Н. Бончев до М. Дринов – 26 юни 1876 г. (8 юли, н.с.). Коментира избухването на Сръбско-турската война, създаването на благотворителен комитет в Браила и действията на някои българи от Одеса. Пише му и за здравето си и за намерението да замине на юг от Москва.

с. Кусково, 1876. юния 26*

¹ Ненчо Х. Кръстев (неизв.) – български юрист.

² Драм – английска мерна единица за маса и обем, равна на 0,00178 кг.

Стигна ми, друже, честното ти от 14 писмо. Легна ли ти сърдце на место, като се удари Сърбия с неверните? Да е честито, а победа, като каже Черняев, в руках Божиих. Радваме се, че се нагласява в Браила благотворителен комитет, сомнително е обаче, че може да се намери достатъчно число честни хора за такива деликатни работи. В Одеса напр. такожде се уловиха да помагат на страждущите ни братия, но хора с най-нечисти и мрсни ръце, известният К. Палаузов¹ и Пашов². Такива могат от секо благотворение да направят извор за личен приход, както биде и в Херцеговина. Тукашният комитет събира доста пари и прашта ги на някъде, но за контрол и отчет и не мисли. Того ради мене ме не радват такиви жертви, от които страдащият не може и една риза да получи да си покрие голотата, а други си градят палати.

[...] От Москва се стегат да идат в Сърбия няколко докторе от нашите да лекуват ранените. Сичкий свят е одушевен.

Господ да ги благослови!

Н. Бончев

* От 23 юния 1876 г. Жинзифов ми писа, че провозда заедно с Бончева голем куп пратени писма и известия по българските работи и злочестини. Изпровоздат ги за поместване в Московский Ведомости³.

НБКМ–БИА, ф. III, оп. 1, а.е. 50, л. 140.

№ 30

М. Дринов до руското вице-консулство в Русе и Пловдив – 28 юни 1876 г. (10 юли, н.с.). Дринов моли консулството да покровителства родителите му и да им помогне

Prague, 28. VI. 1876
Vice-Consulat Russe, Philippopoli

On annonce qu'une de mes maisons à Panaguriste est brûlée; autre pillée; mes parents sont tombés dans misère; je vous prie humblement les prendre sous vos soins, leur entretien payerai avec reconnaissance.

Conseiller de Sour Drinoff

Публикувано в: Документи за българската история. Архив на Найдено Герова (1871–1876). Т. 2. Съст. М. Попруженко. С., 1932, с. 198.

№ 31

М. Дринов до Найдено Герова – 2 юли 1876 г. (14 юли, н.с.). Съобщава, че башибозук разграбил Панагюрище и за положението на семейството си и го моли за помощ.

Многоуважаемый
Найдено Герович!

Третьего днях я получил от одного из моих Константинопольских знакомых письмо, из которого узнал, что башобузуки в Панагюрище, между прочим, разграбили и дом, в котором живет моя матъ съ[с] семейством, сожгли одну нашу лавку (дюкян) и мыловарню (сапунджийницу), расхитили и имущество братьев моих, которые почему-то арестованы, отведены в Пловдив и там брошены в тюрьму, – матъ и остальные члени нашего семейства остались в пустом доме, без всякой опоры, без всяких средства к жизни. – По прочтении этих скорбных вестей, не видя никакого другого пути для оказания помощи моим родным, постигнутым таким бедствием, я осмелел отправить Вам телеграмму, ко-

¹ Константин Н. Палаузов (1816–неизв.) – български юрист, член и дарител на Одеското българско настоятелство, брат на Спиридон Палаузов. Изпълнител на завещанието на В. Априлов.

² Хаджи Мина Хаджиянков Пашов (1838–1881) – български търговец, общественик, един от инициаторите за откриване на българско училище в Цариград през 1866 г., подпомага българските емигранти.

³ Бележка, написана с молив по диагонал в горната част на листа. По почерка и съдържанието – е поставена от М. Дринов.

тору, надалос, Вы уже получили и в дополнение к которой пишу Вам настоящее письмо.— Прежде всего и еще раз покорнейше прошу Вас принять участие в несчастной судьбе моих родах, осведомится через кого нибуд из проживающих в Пловдив Панагюрцев или чрез нарочного [*не се чете*] об их нуждах и ссудит их необходимыми для удовлетворения этих нужд деньгами.— С эту, а равно и все издержки, которыя Вы сделаете по исполнению моей просьбы, я уплачу Вам немедленно с величайшею благодарностию.— За сим считаю нужным довести до сведения Вашего, что ограбленный дом принадлежит мне: в прошлом году я его перестраивал, отделявал, снабдал мебелью и разнаго рода домашнею утварью, оставил в нем и част своего дорожнаго багажа, так как намервался и нынешнее лето провести в Панагюрище, в кругу родных. Хочу сказат, что и расхищенные из этого дома вещи были моими.— Моею была и большая част расхищенного имущества моих братьев заключавашагося главным образом в разных товарах, которыми они торговали и которые и которые покупали большею частию на мои деньги. Третья част стоимости сожженной мылаварни и лавки принадлежала также мне. Поставляя Вас в известност обо всем этом, надеюс, что в случау, если полученные мною известия окажутся верными, Вы не оставите безнаказанным такое хищническое вторжение со стороны турецких войск в мое жилище и потребуете вознаграждения за причиненные ими мне убытки.

Мне неизвестно, за что именно мои братья содержатся в тюрьме, но зная, что они всецело были преданы своим торговым делам которыя вели с примерною честностию, я не думаю, что бы они совершили какое нибуд тяжкое преступление. Вся вина их заключалас, вероятно, в том, что они во время расхищения нашего имущества, должно быт, оказали какое нибуд сопротивление или же, предвидя это опустошение, принимали меры к предотвращению его. В виду этого я думаю, что Вы найдете възможност хлопотат о их скорейшем освобождении и возвращении в семью, которая крайне нуждается в их помощи и опеке.— Излишним считаю распространяться о том, как много Вы всем этим обяжете меня.

С истини е почтением и совершеннейшего преданностию чест имею бит.

Прага 1876
Юлия 2/14 Юля

НБКМ–БИА, ф. III, оп. I, а.е. 2, л. 202–203.

Публикувано с малки изменения в: Из архивата на Найден Геров. Т. 1. С., Издава БАН, 1911, с. 569–570.

Вашим покорнейшим слугою
М[арин] Дринов

№ 32

Н. С. Ковачив до М. Дринов – без дата, вер. 2–3 юли, ст.с., 1876 г. Съобщава му новини за възтанието, за залавянето на Христо Г. Данов¹, за развитието на Сръбско-турската война.

Драгий ми Бай Дринов!

Прага

Писмото ти от вчера приех, но и аз не знам какво да Ви кажа, като нема нищо положително. От Шумен, Свищов дойдоха човеци двама, тех ако гледам, совсем обезкуражили и не дават надежди, че ще стане нещо.

Сега от Вашите места пак совсем нема нещо положително. Пранчов казва, че нема от Копривщица и от Пловдив от как е наченала работата никакви писма. От Цариград извести човека от Русчущката² книжарница, как бай Данов бил затворен на 29 май още. Тъй също и много други търговци, учители сички са затворени.

¹ Христо Г. Данов (1828–1911) – български учител, книжовник, родоначалник на книгопечатането в България.

² Русчук – дн. Русе.

Днешните телеграфи явят, как са ударили вече при Алексинац – Ниш, но частно явят на Tag-blah и други. Догде не тресне магазиневичите из Цариград не верват на нищо.

Наистина вече сичко е готово у Делиград само да се збият. И Прокламацията издаде. Днес дойде изложение как и Черногорский княз промирал боя¹.

Давно даде Бог за отделната и за нам да са получи нещо.

Поздравляват я

Издава

Твой Н. С. Ковачев

Възраждане в

Браила от Пеов.

Нова България, чува се да излезва.

НБКМ–БИА, ф. III, оп. 1, а.е. 146, л. 26–27.

№ 33

С. Христов до М. Дринов – 3 юли 1876 г. (15 юли, н.с.). Съобщава на Дринов новини за българското участие в Сръбско-турската война. Изпраща прокламация до К. Иречек, която моли да се отпечата в чешкия в. „Политик“.

Белград. 3.VII.1876

Почитаемий Г-не Дринов!

С особена радост приех писмото Ви, на което разумех съдържанието.

Новини от тук засега слабо има. Говори се много, но на какво [да] вервам и аз сам не зная. Разнесе се глас, че нашите чети преминали и ударили на войските, които дохождаше от Видин на подкрепление на Нишката войска. В този бой, казват били ранени некой от войводите, но кои именно не се знае. Турските войски били съвсем разбити. Също тъй казват, че и сръбските войски са вече ударили, но до колоко е верно, то ще се Ви известите по-добре в Прага.

Провождам на Г-на Иречка една прокламация, която прочетете и Ви моля, гледайте да я преведете, за да излезе в Политик.

С приличните си поздравии съм

Вам почитател

С. Христов

НБКМ–БИА, ф. III, а.е. 330, л. 3.

Публикувано у: *Диников, П...*, № 5, с. 187 (частично). При Диников писмото е с дата от 3 юни 1876 г., но самият автор посочва 3 юли, а и съдържанието я потвърждава.

№ 34

М. Дринов до Т. Пеев – 6 юли 1876 г. (18 юли, н.с.). Пише за организирането на благотворителните инициативи за подпомагане на българите след въстанието и мнението си за бр. 3 на в. „Възраждане“.

Любезний Господине Пейов!

Писмото Ви от 24 юния получих, благодаря ви, че толкова много и тежки трудове ви сте изделили от златното си време, за да ми напишете. От все сърдце съчувствам на вашите благородни начинания. Старайте се, благородни момци, давно по-скоро съедините в едно тяло ръзпърснатите из Румуния еднородци, каквото всичките да могат да работят задружно. Само с тоя начин те щат да могат да отговорят на надеждите, които народът ни възлага и има право да възлага на тях. От многочислените румунски българи, между които има доста много богати, доста много интелегентни родолюбци, както народът ни, така и всички доброжелатели български из Европа, очакват сега голяма деятелност за облекчение

¹ В писмото няма посочена дата, но според данните, които съдържа, трябва да се датира от 2–3 юли 1876 г. На 30 юни 1876 г. сръбският княз Милан обявява война на Турция, а два дни по-късно това прави и черногорският княз Николай.

сегашните бедствия на България и за подобряване на нейната бъднина. Утешава ми се сърдцето, като ви слушам да казвате, че сте се сдобили с няколко добри другаре. Дай Боже, числото на тия образовани, честни и деятелни работници да порасте още повече и те със своята деятелност да покажат на европейците, че и между българете има вредни хора. Ако не стане това, нас щат да мислят, че без турците ние не ще да можем да се управляваме. Проникнат съм с голямо благоговение към г-на Ионина за старанията, с които той залага да облекчи участта на толкова хиляди клетници, които на много места са захванале да мрат вече и от глад. Страх ме е да не окъснеете с благотворителните комитети, които до сега трябваше вече да захванат деятелността си. В Русия вече захванаха да събират помощи не само в столиците, но и в други градове. Види се обаче, че тамошните комитети не знаят как да препращат тая помощ. Слушам, че мислят да я препращат чрез консулите, – не зная доколко тойзи път ще бъде сгоден. В Прага не може да се направи такъв благотворителен комитет, защото това нещо е възбранено от австрийското правителство. За Герцеговинците тук събират помощ токо редакциите на *Politik*, *Pokrok* и *Národní listý*. Те на радо сърдце щат събират помощи и за българете. Нека централний ви комитет се отнесе до тях писмено и ги помоли за това, като в същото време им каже къде да препращат помощта. Също така да се обърне комитетът и към други славянски и неславянски газети и благотворителни общества. Най-добре е да се напечата едно писмо – възвание по български и френски в няколко стотин екземпляра и да се разпрати на вси страни. Писмото трябва да бъде написано кратко: в кратке да се спомене за теглилата български, които са вече известни на цял свят и пр. За всяко пожертвование трябва да се публикува от кого е и колко е. За по-големичките пожертвования трябва да се благодари и с особни писма, за които такожде е добре да се приготвят печатни формули. Потрудете се, та наумете на комитетските управители за тие неща, защото ме е страх, че те щат забравят за тоя ред, от когото много зависи успехът на работата. [...]

Третий брой от „Възраждане“ е много добър от всяка страна, – така го искам! Давайте ни само повечко и по-пресни известия за Българско. Тие дни аз добих от Пловдив и от писма, в които ми дават няколко известия за Панагюрище и Копривщица. Пращам ви ги заедно с настоящето си, та да се възползвате от тях, ако ви влязат в работа.

Другарски ви поздравлявам

18/6 юлия [1876]

Ваш
М. Др[инов]

Още вчера очаквах 4-и брой от „Възраждане“, но не го дочаках и днес. За напред ми го пращайте във Виена до Ковачова¹ (*Laurenzerberg* № 3), дето отивам утре. От там аз скоро ща ви напиша пак.

НА БАН, ф. 1 к, оп. 1, а.е. 424, л. 1–2.

Публикувано в: Документи за историята на БКД..., т. 1, с. 530–531.

№ 35

М. Дринов до К. Иречек – 9 юли 1876 г. (21 юли, н.с.). Съобщава, че българите във Виена не знаят почти нищо за това, което става в България, и че Гр. Начов² ще отиде в Браила, за да види как върви работата по организирането на Благотворителното дружество.

Любезний друже!

Пристигнах благополучно. – И не те заварих тук, – отишел си преди един ден. Разговорихме се с нашите, разпитвах ги за новини, но те нищо не можиха да ми кажат. Уверих се, че те и от нас по-малко знаят, що се върши долу и какво е положението. Живков³,

¹ Н. С. Ковачев

² Григор Начович [Начов] (1845–1920) – български политик и дипломат. През 1876 г. организира изпращането на български доброволци за Сръбско-турската война и участва в организацията на благотворителните комитети.

³ Георги Живков (1844–1899) – български учител, участник в националнореволуционните борби, участник в Априлското въстание, политик. Брат на Никола Живков и Вела Живкова-Благоева.

види се, не е някой интересен човек, та няма и да се видвам с него.– Днес отива Н-ч в Браила и Букурещ да види, как отива нареждането на добродетелните дружества и пр. След една неделя той ще се върне от там и ще ни донесе новости, които незабавно ще ви ява. Аз ще се помая тук една[-]две недели. Газетите ми вече омързнаха, та мисля, че ще да мога да захвана някоя по-добра работа. Много съм уморен, па ми се и спи. До пътя ще ви напиша повечко.

Сърдечно ви поздравлявам.

21 юлия [1876] петък, вечер.

НА БАН, ф. 3к, оп. 1, а.е. 96, л. 20–21.

Публикувано в: Из архива на К. Иречек..., с. 124.

Ваш
М. Др[инов]

№ 36

К. Иречек до М. Дринов – 13 юли 1876 г. (25 юли, н.с.). Иречек съобщава, че е в Линц, където няма много новини. Пише, че там са интернирани Любibrатич¹ и още няколко херцеговци. В Линц е ходил и в музея, който е много богат, тъй като и районът е богат на келтски погребения и паметници от Средновековието.

Linz 25 Juli 1876

Drahý příteli!

Milý list Váš ode dne 21 s. m. obdržel jsem den před odjezdem. Včera strávil jsem celý den železniční [...]

Noviny jsem četl dnes ráno v kavárně, ovšem jen vídenské, a tak nevím nic o tom, co se na světě děje.

Je zde internován Ljubibratič a několik jiných Hercegovců. L[jubibratič] bydlí v jednom hostinci, ale ještě nevím, v kterém. Ve všech výlohách fotografií spatřuji se podobizny internovaných, z toho soudím, že se jim nevede zle. [...]

V Salzburgu doufám že naleznu list od Vás poste restante, ač máte-li něco nového. Zdejší obecenstvo silně sympathisuje s Jihoslovany.

[...] Pozdravy

Vás Dr. Konst. Jirečeku

PS Hr. Ivarov² byl v Praze

НБКМ–БИА, ф. 111, оп. 1, а.е. 124, л. 11.

Публикувано в: Сис, В. Кореспонденция на д-р Константин Йос. Иречек с Марин Дринов. – Годишник на Народната библиотека в София за 1923 г. С., 1924 (по-нататък в текста – Сис, В...), с. 143.

№ 37

М. Дринов до Адолф Патера – 13 юли 1876 г. (25 юли, н.с.). Пише, че във Виена достига до заключението, че в Прага имат повече информация за събитията на Балканите, съобщава му за арестуването на Данов.

Милейший Адольф Осипович!

Приехал благополучно. Пятый день уже провожу среди здешних знакомых, с которых вожусь с утра и до поздней ночи. Много они болтают и рассказывают, но я ничего путного ничего нового не узнал от них и пришел, наконец, к заключения, что мы в Праге лучше понимали положение вещей, чем они здесь. До смерти надоела уже мне пустая болтовня здешних моих знакомых, чтобы спасится от нее, я с завтрашнего дну начну заниматься в императорской библиотеке [...] Данова арестовали в Пловдиве за то только, что он член Венского благотворительного Болгарского общества, которое каким-то Пловдивским греком представлено туркам как революционный комитет. Так

¹ Мичо Любibrатич (1939–1889) – сръбски войвода в Херцеговина. През 1876 г. е предаден в Босна и взет в австрийски плен.

² Граф Уваров, Алексей С. (1824–1884) – руски археолог, основател на Московския исторически музей.

как это общество находится под покровительством Австрийского правительства, то настоятельно его собираются довести до сведения Андраши об этом казусе и просить его содействия для освобождения Данова. Вот единственная новость, которую могу сообщить вам пока отсюда. На днях приедет с юга один знакомый, который, надеюсь, привезет нам свежие новости оттуда. Если привезет чтонебудь интересное, а не замедлю поделиться с Вами [...]

Душевно Вам преданный

М. Дринов

Вена 1876

25 июля

LA PNP, Pozüstalost A. Patery.

Публикувано у: *Горина, Л.* Научната биография на Марин Дринов в писмата му до Адолф Патера. – Векове, 1988, № 6, с. 80.

№ 38

Т. Пеев до М. Дринов – 15 юли 1876 г. (27 юли, н.с.). Писмото е написано на бланка на БКД. Пеев описва трудностите, с които се сблъсква при организирането на Централен благотворителен комитет, борбите между млади и стари и пречките при отпечатването на в. „Възраждане“. Съобщава, че му изпраща по-редните коли от кн. 11–12 на „Периодическо списание“.

Българско книжно дружество в Браила

Почитаемий г-не Дринов!

Получих писмата Ви от 6 и 10-й т.м. Първото ми се препрати в Букурещ, гдето бях отишел да търся печатница за „Възраждане“, а второто ми донесе г-н Начович.

Както бех Ви съобщил с предишното си писмо, заедно с г. Йонина трябваше да се постареем колко по-скоро да основем централен благотворителен комитет, разбира се не самозван, каквито досега са съставяни от Каравеловци, при всичко че и нашата мерка незнаехме доколко ще бъде благоупотребена от разните представители на еднородните ни в Румъния. За тая цел другарите ни г. Миларов¹ до едно место с г. Йонина, а сетне с г. Енчева², бивший надзирател на южнославянския пансион в Николаев, а сега другар на г. Йонина, обходих поветото градове в Румъния и съставих честни комитети. От тие частни комитети на 8 т. м. се привикаха в Букурещ упълномощени представители, за да изберат членове за Централния комитет. Представители се явиха освен от два градове. Като се имаше предвид задружното работене, без изключение на стари и млади, измежду представителите се състави една комисия, която се изправоди до старите (нотабилите в Букурещ³), за да им обяви целта на дошлите представители и да ги покани да земат и те участие в избиране членовете за Цент[ралния] комитет. По предварително едно обещание на старите всинца се надахме, че работата ще стане с техното учистие. Донесе [се] отговор, че старите щели сами да работят без избирането на централен комитет. От друга страна, г. Йонин, редактор на „Новое время“, г. Суворин⁴ и поветото представители налагаха да се състави формален комитет, защото само на такъв комитет може да се даде отвънка доверие и да му се внасят помощи. Поради това старите бяха поканени, но те и тоя път се отказаха, като прибавиха, че не могат да зимат участие в комитети, които се съставят от чужденци!

Освен съ[с] старите ние трябваше да се борим и с друга една партия – Каравеловската, на чело на която стои г. Кирияк Цанков⁵ заедно с още некои негови олдаше⁶. Ко-

¹ Светослав Николов Миларов-Сапунов (1850–1892) – български писател, публицист и историк. Редактор на в. „Възраждане“ (1876).

² Петър Енчев (1855–1922) – деец на националноосвободителното движение. Един от учредителите на БЦБО.

³ Нотабил – *от лат.* ‘достопочтен, знатен’. Така наричат членовете на Добродетелната дружина.

⁴ Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912) – руски публицист, издател, белетрист.

⁵ Кирияк Цанков (1847–1903) – български революционер, политик и дипломат, един от ръководителите на БРЦК.

⁶ *Yoldaşlar* – *от турски* ‘другар’.

гато предложихме и на тая партия нуждата за формалното съставяне на един централен комитет, състоящ от лица честни, деятелни и способни, то тя каза, че това е съвсем излишно, защото в Букурещ бил вече съставен още лани благотворителен комитет, който съ[с] своето съществуване станал известен и на същото правителство. За да отхвърли предложението ни тая партия даже ни укори, че ние не сме почитали вехтите учреждения, ами ги захвърляме, и подбуждани от своекористни цели и амбиции, искаме да съставяме нови. Съставянето, обаче, на вехтите комитети като не почиваше на никаква формалност, биде само в състояние да оправдае нашата постъпка и да направи да се приеме предложението ни. Това стана и се назначи за в идущий ден първо заседание, в което представителите да простъпят до избирване членове за Цент[трален] Комитет. Цанков за да сполучи да възстанови пак своят Каравеловски комитет, преди да стане събранието, наговори към това един по един представителите. Против предложението на Ионина и на някои по-разбрани хора, Цанков сполучи желанието си чрез вишегласието на простодушните представители. Това е доста жално, защото между тие членове нема нито един въодушевен от искреност и снабден с необходимата способност, деятелност и честност, за да работи достойно и както трябва. От моите другаре г. Миларов е момък, който притежава качествата, за да заслужи удовлетворително и да даде живот съ[с] сила на работата, но интригите на Цанкова отдалечиха от работата и тоя момък, както и мнозина други способни, които меркахме да турим за членове. Всичко това разправихме на г. Начова, който снощи тръгна за Букурещ.

Интригите на Цанкова не се ограничиха само при съставянето на комитетът. Тоя човек употреби всичката си сила, за да унищожи и вестникът ни – главната работа, за която бех отишел в Букурещ. Като нема печетници в Браила, гдето да може вестникът да се отпечатва редовно поне по веднъж в неделята, аз бех се отнесъл за това в Букурещ до старите, които се врекоха да ми отстъпят тамошната народна печатница. Надигнах се от Браила заедно съ[с] сътрудниците си, двама словослагача и един машинист и отидох до Букурещ. Но там какво свърших? Старите, на които Цанков разбъркал умът, ме люляха в неопределеност 5–6 деня от днес за утре, че ще се съберат да ми се предаде печатницата. По едно време ми казаха, че ми отстъпват печатницата, ако приемам да се печата с мои разноски и един вестник, който Цанков щел да издава. При всичко че Цанкову са обещали от старите и некакви субвенция¹ за тоя вестник аз бех принуден да приема и това несправедно условие, само да може да се издава „Възраждане“. Но и това не помогна. Каза ми се най-сетне, че старите дават печатницата на Цанкова, с когото трябваше да се споразумея. Цанков ми каза, че ще издава не немски вестник, а ще поднови изданието на „Балкан“ на влашки и български език, и че печатницата ще бъде зеузета така, щото не бъде възможно да се издава там и други вестник. И така след едно скитане из Букурещ с шест души в две недели като похарчих около 50 турски лири, върнах се в Браила!

В Браила ми се иска да продължа издаването на „Възраждане“, но не мога да се реша. Виждам какви са сегашните обстоятелства, зная какви вестници има сега, уверен съм каква работа ще върша и Цанков и напълно съзнавам необходимостта на „Възраждане“, за издаването на което съм крайно въодушевен. Но при всичко това, както рекох, не вярвам занаяпред ще мога ли да го издавам, като до сега съм вече похарчил около 100 лири – почти всичкият си капитал, а от абонаменти не съм получил пробита пара! Та па и, ако бих продължавал изданието на вестникът, не вярвам че и за напред ще мога от абонати да му оздравя съществуването, защото по-многого наши читатели още не могат да ценят значението и необходимостта на сериозни вестници: те се задоволяват да предпочитат „Хитър Петър“, „Юнак“, „Български глас“ и др. подобни утрепки. Аз вярвам, че за сега издаването на „Възраждане“ е възможно само с некоя субвенция, за която, обаче, от влашките българе не мога да си въобразя ни най-малката надежда. [...]

¹ Субвенция – целева субсидия при определени условия.

Г-н Начович не ми даде 50.те фр., които ми пишехте да предам на тукашния благот[ворителен] Комитет. Види се да е забравил, защото много бързаше. [...]

Сърдечно Ви поздравлявам

Браила
15 Иулия 1876.

НБКМ–БИА, ф. 111, оп. 1, а.е. 235, л. 7–8.

Ваш
Т. Пейов

№ 39

М. Дринов до К. Иречек – 16 юли 1876 г. (28 юли, н.с.). Пише с какво се занимава и с кого се е срещал, за хората, които пристигат от крайдунавските градове, и за ужасите, които разказват, за началника на Харманлийската станция и неговите сведения.

do Salzburgu

Любезний друже!

Воздудих се, като ви разбрах в Линц. – Толкова скоро можахте да се пуснете на път? Радвам се, че се усещате добре и завиждам на туристическия ви живот. Аз във Виена нищо не правя и, види се, не ща и да мога да се взема за някаква работа: времето е много горещо, па и духът ми е неспокоен.–

Вчера пристигна тук г. Поменов из Хайделберг, който днес отива в Браила. Цял ден прекарах с него, – този момък ми се поревна, отнего аз се научих, че и в Липицкий университет¹ има един българин, Стоилов из Пловдив, когото много хвалят². – Научих се, че Пейов отишъл тие дни в Белград, но по каква работа, не зная. След няколко деня очакваме Н-ча³, който ще ни донесе подробни известия. – Тук всеки ден дохождат люде от крайдунавските градове и разказват страшни работи. Вчера дойде и един бежанец, който е бил началник на харманлийската станция (между Пловдив и Одрин). Той ни уверява, че в пазарджиско въстаниците са били не по-малко от 20.000. Но какво е станало с тях сега, не се знае. Ща се помая тук още една неделя, па ща да гледам да излеза на някъде. Ще ми се да ида право в Загреб. Мислите ли и вие да слезете там? По кое време? Напишете ми. Много ще ми бъде драго, ако ни се удаде да се срещнем татък. Много ви здравье от познайници.

Сърдечно Ви поздравлявам

Виена 1876
Юлия 28

НА БАН, ф. 3к, оп. 1, а.е. 96, л. 22–23.

Публикувано в: Априлско въстание 1876..., с. 510; Из архива на К. Иречек..., с. 125.

Ваш
М[арин] Др[инов]

№ 40

М. Дринов до К. Иречек – 17 юли 1876 г. (29 юли, н.с.). Дринов пише, че смята да замине за Загреб, защото няма работа във Виена, но преди това очаква Гр. Начович да се върне и да получи новини от него. Съобщава му и за новостите около Сръбско-турската война.

Любезний друже!

Завчера ви пратих писмо в Salzburg, poste restante.– Страх ме е, че то не ще ви завари там. Днеска Ви добих карточката,– желая ви добър път в Иннсбрук! Аз във Виена нямам работа, па е много тежко за живеене тук, защото е голяма горещина. Ще ми се

¹ Рупрехт-Карлс-Университет или Хайделбергски университет

² Константин Стоилов (1853–1901) – доктор по право на Хайделбергския университет, политик. Един от ръководителите на Консервативната партия, а след 1894 г. – на основаната от него Народна партия. Два пъти министър-председател (10 юли 1887–1 септември 1887 и 19 май 1894–18 януари 1899).

³ Григор Начович

да слеза в Загреб, но щя почакам, доде се върне Н-ч¹ за да вида, какви новости ще да донесе. Освен газетните известия, които Вие четете, засега нямам други новости.— Тая минута прочетох една депеша, в която се казва, че черногорците вчера са зле разбили Мухтар паша при Върбица, взеле в плен много турци заедно с Осман паша. Ако е истина, нека е честито! Явете ми, кога мислите да стигнете в Загреб, та, ако се реша да търгна за там, да зная, кога да Ви срещна.

Сърдечно ви поздравявам и ви желая добро здравье и весело пътуване.

Виена, 29 Юлия (1876)

Ваш
М. Др[инов]

(do Innsbrucku)²

НА БАН, ф. 3к, оп. 1, а.е. 96, л. 24.

Публикувано в: Из архива на К. Иречек..., с. 125–126.

№ 41

Т. Пеев до М. Дринов – 19 юли 1876 г. (31 юли, н.с.). Писмото е на бланка на БКД. Пеев го осведомява за дейността на БКД и за желанието на Н. Ценов да го затвори, докато се успокои политическата обстановка. Съобщава му за трудностите около в. „Възраждане“ и че вероятно ще спре издаването му. Моли го за помощ за издействане на субсидия за вестника от българите в чужбина.

Българско книжовно дружество в Браила

Господине Председателю!

[...] Подир 3–4 дни време ще излезе на ½ лист 4-й, а може би последний, брой от „Възраждане“. Средства не ми останаха нито тоя брой да издам, но заемнях от приятели и ще направя това, едно да се извиня пред публиката за закъснението на листа, а може и да я подготвя за да не се чуди и за самото му прекъсване, а други – да отворя на неправомерните нападения, с които ме обсипаха тъдевашните гърци и устно и чрез печатът свой по повод на обнародването въ[в] „Възраждане“ известие, че имало между турските баши-бозуци и гърци.

В последното си писмо Вие ми пишехте да поискам в работата си помощ от г-на Начевича. Виждането ни стана набързо, но при всичко това аз обстоятелно му разказах за работите, между които го запознах и с препятствията, които посреща вестникът ни. Той тръгна за Букурещ, от където, впрочем, се да ми пише. И до сега, обаче, писмо не съм получил. Аз бих се обърнал до Вас, за да Ви помоля не би ли било възможно от вънските българи да издействувате една каква год субсидия за „Възраждане“. Тие наши еднородци не приличат на влашките българи. Те щят да умеят да ценят по-добре необходимостта и значението на един сериозен български лист, какъвто предприема да бъде „Възраждане“, в особеност в сегашните обстоятелства, при които не ще се забави да дойде европейската дипломация да преобразова нашето положение, за което ние трябва с всички възможни средства да ѝ дадем осветление с благоприятни за нашия народ резултати.

[...] Сърдечно Ви поздравявам и очеквам колко по-скоро Вашият отговор, чрез който да се известят, мога ли да разчитам на каква-годе помощ за „Възраждане“ из венските българи.

Браила
19 иулия 1876

Ваш преданий
Т[одор] Пейов

НБКМ–БИА, ф. 111, оп. 1, а.е. 235, л. 9–10.

№ 42

К. Иречек до М. Дринов – 25 юли 1876 г. (6 август, н.с.). На листа в горния ляв ъгъл има воден знак „Innsbruck“. Иречек разказва за разходките си из Алпите, където е

¹ Гр. Начевич

² Добавено от Иречек

бил 7 дни. Съобщава какво знае за събитията на Балканите и за сведенията, получени от С. Христов.

Innsbruck 6 Aug. 1876. ned.

[...] Jediné noviny, které jsem zvěděl, byly, že Černohorci zajali jednoho pašu a že Černajev ustupuje.

Zde našel jsem množství listův, ale nepotěšil jsem se jimi. Christov¹ je při „Kancelarji Knjaževacke brigádě I. trupe u Pandiralu“ (preko Knjaženca). Píše psaní dosti hořehující. Sedláci bulharští v některých vesnicích, byvše poděleni zbraní, při příchodu Turkův jim ji vydali. Nařiká nad odchodem Srbův z okupovaného území a líčí bídu ubohého lidu, jenž ovšem a vojskem srbským ušel ze svých osad. Panajot² a Totjo³ jsou prý v krajině Pirotské, ale nic se o nich neví. „Живем тук как всекой войник. Покривка ми е сине небо и постелка ми е жълта слама. Туй нито съм си мислил да доживям, но тъй било речено да доживея. Наистина, че не ми е твърде добре, но нито твърде зле. Тука очаквам, како е щастие с войниците, ще отида в Пирот“. [...]

Pozdravte přátely a pište mi. Srdečně Vás pozdravuje

Váš Dr. Konst. Ji.

НБКМ–БИА, ф. III, оп. I, а.е. 124, л. 13–14.

Публикувано в: Сис, В..., с. 144–145.

№ 43

М. Дринов до К. Иречек – 30 юли 1876 г. (11 август, н.с.). Съобщава му последните вести от Балканите, за настъпването на турските войски, за обезкуражаването на приятелите му, за вестите за мъки и страдания от България. Разказва за запознанството си с Феликс Каниц и намерението му да напише една статия за опустошенията в Пловдивска област. Съобщава му за отпечатването на кн. 11–12 на „Периодическо списание“ и за спирането на в. „Възраждане“, за което е написал остро писмо на Т. Пеев.

Благодаря ви, друже, за милото ви писмо от 6 август. [...] тук [Виена – б.м. Л. С.] по-често и по-скоро достигат новости от долу [Балканите – б.м.]. Новостите в последно време са все лоши: турците превзеха всичката Тимокска долина, отдето сега гледат да се прехвърлят в Моравската. Приятелите са много обезкуражени, но аз не се отчайвам. В България работите отиват, както и напред: освен страдания и мъки, нищо друго от там не се чуе.– От Панайота и Тотьо няма никакъв глас, не ги знаем дори и де се намерват.– Тие дни минаха през Виена няколко руски докторе за Белград,– други са отишли и отиват през Румуния. Санитарната част в Сърбия казват, е вече оздравена добре.

Запозна се с Каница,– [...] – Господство му сега пише един член за опустошенията, в Пловдивската област,– из Пловдив му са изпратили доста добър материал – подробни статистически бележки за изгорените, изтрепани и ограбени села. Тоя член той ще напечата тие дни в Augsb. Allg. Z.⁴ – „Период. Списание“ е вече излязло,– книжката е доста голяма и добра. „Възраждането“ е вече спряло. Днеска написах на Пейова едно много остро писмо, в което го похулих за това, че се взе за такава работа, без да я оздрави.– Аз реших да не хода сега ни в Загреб, ни в Белград: никак не съм расположен за такава пътуване. Ща да се помая тук още една неделя, па ща се върна в Прага да се повида с Вас и после да търгна през Галиция за Харьков. Няма да слазям и в Румуния. Поздравляват Ви приятели. – Сърдечно Ви поздравлявам и аз.– Добър път и добро видение!

Виена 1876 Август 11

Ваш М. Дринов

НА БАН, ф. 3к, оп. I, а.е. 96, 25–27.

Публикувано в: Из архива на К. Иречек..., с. 126–127.

¹ Симеон Христов

² Сп. Квѣту, 1870 г. – портрет и биография.

³ Негов портрет и биография Иречек помества в Světozor в 1876 г., с. 561–563.

⁴ Augsburger Allgemeine Zeitung

Т. Пеев до М. Дринов – 3 август 1876 г. (15 август, н.с.), написано на бланка на БКД. Оплаква се от интригите на старите, които пречат както при издаването на вестника, така и в дейността на Благотворителния комитет. Разказва му за ситуацията в БКД, за дейността на Н. Ценов и за предложението на К. Цанков да се отнемат капиталите на Дружеството за благотворителна дейност и т.н. Описва му действията на Благотворителния комитет в Браила и на Централния комитет. От писмото става ясно, че М. Дринов е предложил да се състави сборник, в който да се съберат сведения за въстанието в България. Т. Пеев предлага също да се съберат и сведенията, публикувани в европейските вестници.

Българско книжовно дружество в Браила
Господине Председателю!

С писмото си от 11 т.м.¹ ми казвате, че на основание на сведенията, които бях Ви дал преди време, повервали сте, че българщината в Румъния ще да се е постреснала и захванала да работи, та ми се е дала възможност да предприема издаването на „Възраждане“. Българщината или масата българска в Румъния отистина беше се стреснала, но вехтите интрига, които до сега са я смушавали, не закъснеха да я разбъркат, токо щом се взехме за работа. В това време за работене аз и не мислех, че ще да се яви такова нещо и, като се уповавах на масата българска, повиках достойни момци, които веднага дойдоха и щеха и други още да дойдат, за да работим. Мене ми минуваха през ушите и противности, но като немаше кой друг да започне, рискирах² капиталът си около 150 лири и рекох: или ще се съдружим и създадем трайна и сериозна деятелност за полза на народа си, или пак ще изгубя парите си и ще поработя сам колкото ми бъде възможно. За зла чест, сбъдна се противното и аз сам щя да постоянствувам да издавам „Възраждане“ до когато мога. [...]

Пожертвованиято Ви за тукашния благотовр. Ком., което и Начович е оставил на един тукашен българин, не е още прибрано. Оставях си работата за 3–4 пъти да търся тоя човек и не могах да го намеря. Сам не ще да дойде да ме потърси. Аз обадих и на членовете от комитетът да ги потърсят и като приберат парите, да Ви известят. Подир това не съм срещал некого от членовете, за да се науча прибрали ли ся тия пари. Занапред най-сигурно можете да прашате пожертвованиято си до г-н Петраки Димович, който е председател на комитетата. Повече подробности за адресата на тоя господин не са Ви потребни. На браилския комитет аз бех казал да не задължава Вас да събирате помощи от други лица, защото това е работа на Центр. Комитет, комуто дадох бележка, когато бех в Букурещ, до кого трябва да се отнесе за помощ. Научавам се, че Центр. Ком. не е направил нищо за това и чуда се защо тукашният частен комитет прави такива нередности, от които ние българите не зная кога ще се избавим.

Според както са наклонни тукашните българе, а в особност както виждам г. Ценова, не вервам да позволят, щото от капиталите на Дружеството да се напечата сборникът, за които ми пишете. Колкото за съставянето на тоя сборник, аз мисля да можем тук до негде да послужим за тая работа. Аз вече съм се разговорил с някои много – малко компетентни лица за тая работа и ги съм молил, доколкото им е възможно да съберат сведения за пострадалите ни еднородци. За това мисля да се отнесем и до екзархията, която е в положение да достави най-верни и обширни подобни сведения. Само не зная до колко тя ще уцени важноста на подобно нещо, което не само сега пред Европа ще много да заслужи, но и за бъдещето на нашия народ и история ще бъде важен спомен за нашите теглила, които надминаха едновременните страдания на Евреите в Египет. За събиране на тие сведения аз мисля, че ще да бъде нужно да се събере и всичко, което се е писало по тая част в Европейските вестници и да се сравни съ[с] събираният материал. Но това е тежка работа, за което трябва особен човек нарочно да се рови из библиотеките. За книгата на Каница, види се, нахнаем³ не е било възможно да се испроводи. [...]

¹ Писмото не е намерено, но за него се споменава и в предходното (тук поместено под № 41).

² Рискирам – от сръбски ‘рисувам’.

³ Нахнамен – от немски ‘наложен платеж’.

Сърдечно Ви поздравлявам
Браила
3/15 авг[уст] 1876.
НБКМ–БИА, ф. III, оп. I, а.е. 235, л. 11–12.

Ваш
Т. Пейов

№ 45

М. Дринов до Т. Пеев – 4 август 1876 г. (16 август, н.с.). Разказва за загубите, които е понесло семейството му, и за бедственото положение, в което се намира то, за големия митинг в Манчестър от началото на август 1876 г. в подкрепа на българите. Интересува се дали са предадени парите, които е изпратил на Благотворителния комитет, коментира известията от България и ситуацията около благотворителните комитети в Румъния.

Виена 4/16 август. [1876]

Любезний Господине Пейов!

Имате правда: главоболията ми са големи. Притуриха ми се сега и много частни, лични скърби и залиси: къщите ни и дюкяните в Панагюрище са обрани и изгорени, братето ми са затворени, – родата ми, която е голяма, се намира в много бедствено положение. [...] Вчера четох в един английски журнал (The Manchester Courier, от 10 август [1876 г.] подробно описание на Манчестерският митинг за българите. Много хубави мисли и думи са изказани тук за българите. Митингът се е захванал с прочитането на телеграмата, която испратиха Виенските българки и която такожде е напечатана. Тя гласи така: „Душевна благодарност на дамският митинг за неговото съчувствие към злочестите български жени и деца, които стенат в жестоко робство. Милостивий Бог да благослови митингът на човеколюбивите и благородни английски сестри! Давно тоя митинг спомогне за облекчаването на страшните теглила, които милионе христене теглят повече от четири века“. От страна на Виенските българки (подписали 4 жени).

Добре би било такива работи да се обнародват в българските вестници, но кой да ги превожда. Аз сега няма и кога да си въздъхна! Утре отивам в Прага, дето ща се помая десетина дни, та после вече ща да се опътя за Харков на службата си. От България добих много скръбни известия на нашите четаре, насъде неразбории, кавги и кромолли. Да пази Господ! Начевич ви каза, че оставил парите ми Катранову¹, предаде ли ви ги той? Начевич ни зарадва с едно известие, че първите българки в Румуния са съставили благотворителен комитет, председателка на който е г-жа Елисавета Пулиева² в Букурещ. Тоя комитет имал едно отделение и в Браила, в челото на което е г-жа Ценова³. И така в Румуния сега има четири различни комитете: два женски и два мъжки – стар и млад. На кой от тях ме подписахте? Явете ми, та да зная, къде да пращам помощта си. Управителете на мъжкия филиален комитет в Браила са почтени мъже, но мленовете на централний им комитет, които щат да регулират деятелността им, са хора неразбрани. Направичко да си кажа, мене ме е срам да бъда член на едно общество, което се председателства от Цанкова⁴ и управлява от Грудова⁵. Ето защо аз бих предпочел да давам помощта си в женският комитет, в челото на който е г-жа Пулиева, Ценова и пр. Направете обаче както намирате за добро, явете ми само, де и как да пращам помощта си. Утре отивам в Прага, дето ща се помая десетина дни (пак [в] Hôtel Erzherzog Stefan Prag). Щом получите

¹ Георги Катранов (неизв.) – член на революционния комитет в Свищов, където е роден, и основава такъв в Оряхово. През 1870 г. емигрира в Букурещ.

² Елисавета Пулиева [Джикооглу] (1830–1900) – българска учителка, през 1870–1871 г. в Калофер създава женското дружество „Просвещение“, занимава се с благотворителна дейност. Жена на Христо Пулиев.

³ Иванка Н. Ценова – съпруга на Никола Ценов. През 1876 г. е основаво женско дружество за подпомагане на българите, пострадали по време на Априлското въстание.

⁴ Киряк Цанков

⁵ Иван Грудов (1827–1895) – български търговец в Букурещ. Член на създаденото от Г. С. Равковски Привременно българско началство в Белград (1862), един от създателите на ТБЦК, редактор на в. „Народност“ (1867–1880), председател на БЦБО (1876).

настоящото ми, напишете ми поне няколко редове, които се надаям щат ме заварят още в Прага. После ми пишете вече в Харков в Правление университета.

Другарски ви поздравявам и от все сърдце ви желая оправия на работите.

Ваш
М. Дринов

НА БАН, ф. 1 к, оп. 1, а.е. 426, л. 1–2.

Публикувано в: Документи за историята на БКД..., т. 1, с. 532–533.

№ 46

Настоятелството на Благотворната българска дружина до М. Дринов – 4 август 1876 г. (16 август, н.с.), в горния ляв ъгъл на листа има воден знак – Българ. благотв. дружба в Браила. Писмото е относно започване на благотворителната дейност и благодарност за дарението от 50 франка.

Българ. благотв. дружба в Браила

№ 17

Почитаемий Господине,

На 29 Юний под брой 1 Ви писахми въ[в] Виена чрез Г^{на} Янка Ковачева Ви писахми потребните.

Честити сме да Ви известими чрез настоящето си, че Дружината ни от 26 Юний е почнала своите дела и че спомоществованиято Ви за първия месец от 50 педесет франка приехми и Ви благодарими–.

За напред пращайте ги чрез Г^{на} Тод[ора] Икономова¹ за Настоятелството на Дружината.

Брайла изобилова с момци, които искат да заминуват за в Сърбия – ако можете да подействувате пред Вашите приятели и познайници, ние можими, ако ни дойдите материално на помощ в малко време да пратими повече от 5/600 души–.

С истинно почитание Ваши Единородци

Брайла 4 август 1876

Председател Т. Икономов
Касиер [не се чете]
Писар Т. Илиев
Димитър Тошев
Георги Петров
Б. Генчув
Панайот С. Чомаков

Господину Г^{ву}

Мар. Дринову

Въ[в] Виена

НБКМ–БИА, ф. III, а.е. 95, л. 3.

№ 47

Т. Пеев до М. Дринов – 9 август 1876 г. (21 август, н.с.), написано на бланка на БКД. Съобщава му за затрудненото материално положение на Дружеството. Изказва съжаление за бедите, постигнали семейството на Дринов. Обяснява положението около в. „Възраждане“ и даренията на Дринов за Благотворителния комитет. Споделя мнението си за прочетеното в чешките вестници „Народни листи“ и „Политик“ за българо–сръбските отношения. Моли да му бъдат препращани руски вестници.

Българско книжовно дружество в Браила

Господине Председателя!

Сега, токо като се готвех да тръгна на път за 2–3 дни по делата на вестникът, получих писмото Ви от 4/16 т.м. Набързо Ви отговарям. [...]

¹ Тодор Икономов (1835–1892) – български просветител, политик, участник в църковнонационалните борби, един от водачите на Консервативната партия след Освобождението.

Много ми е жал за нещастията, които са постигнали и Вашата рода в Панагюрище. Утешението за тие скърби трябва да намираме в действието на четири страни за да се облекчат пострадалите. Аз вярвам, че Вие, с проти положението си, което имате между българите частно и въобще между словените, ще да сте доста поработили за това. Четем и ние тъдява за произшествията в митингите, но вестникът ни е мъничък, та са и букви дребни нема в печатницата, та не ни остава место, за да обнародваме подобни известия. При всичко това правим по некогаж съкращения. И аз съм съгласен с Вас за пожертвованиято Ви да го внасят на Дамский комитет под председателството на г-жа Ценова в Браила или на г-жа Пулева в Букурещ. Записах Ви въ[в] филиалът на младежкий комитет, защото тогава немаше други комитети. – Аз се боя да Ви записвам на други комитети, да не би и с това да навлека и други негодования върху си от страна на нашите млади. Вие можете сами да се отнадете до Г-жа Ценова и да ѝ внесете пожертвованиято си, като в същото време пишете на мъжский комитет и просто го известите за това. – За неразборийте на нашите чети четох и аз в *Národní Listy* и *Politik*. Те много обвиняват българите. Истина, че ние българите не сме съвсем прави в тоя случай, защото поне в последно време не се стремяхме, но и сърбите не са по-малко виновни. Те, като княжество, с правителството и финанции, можеха да се надеят много на българите, ако бяха с чисто сърдце, без всека мисъл за стара Сърбия и други такива, се отнесли до Българе сериозни, честни и способни. Но нашите Сърбе какво направиха? Те презреха всичкий българский народ, като се споразумяваха за всичко с Каравелова, най-развалениу българин, когото никой не вярва, нито пък има с него някакво сношение. Аз мисля, че по-голямата отговорност пада върху сърбите. Моля Ви, където и да бъдете, писвойте ми по-честичко и по нещо ми съобщавайте и за наший вестник. Редакцията ни се нуждае от някои руски вестници. Не би ли Ви било възможно, гдето минуват думите Ви, да издействувате за да ни се препратят някои листове? Прощавайте, че Ви пиша на бързо.

Сърдечно Ви поздравлявам

9 август

Т. Пейов

[PP] Вчера излезе 7^и брой от „Възраждане“, който Ви пратих въ[в] Вена чрез Ковачев. Днес ще Ви пратя 11–12 кн. в Прага¹.

НБКМ–БИА, ф. III, оп. 1, а.е. 92, л. 139.

№ 48

К. Иречек до М. Дринов – 12 август 1876 г. (24 август, н.с.). Съобщава му за новоиздадени книги. Изказва радостта си за победите на Черняев и Хорватович² и за писмото от С. Христов, в което му описва за опустошенията в Пиротско.

Police nad Metuji 24/8 1876

Drahý příteli!

[...] raduji se u vítězství Čerňajeva a Horvatovice. Teď již můžete být spokojeni: Turci ze Srbska vyklopeni!

Nového nemám nic [...].

Nalezl jsem zde psaní Christova z Pandirala, osm stran dlouhé; posud jsem z něho věděl jen to, co mi otec svého času, psal do Innsbrucku. Piše o hrozném zpusťování celého kraje Pirotského [17] a podává jména vypálených vesnic.

Pozdravte přáteli a pište mi brzo, jmenovitě máte-li noviny z jihu. Od mého otce pozdravení.

Váš

Dr. Konst. Jireček

НБКМ–БИА, ф. III, оп. 1, а.е. 124, л. 16.

Публикувано в: *Сус, В...*, с. 145–146.

¹ Написано в полето на писмото.

² Юрай Хорватович (1835–1895) – сръбски генерал. По време на Сръбско-турската война пробил на 4 август 1876 г. турския фронт при Княжевац и с контраатака при Алексинац спасил на 25 август ген. Черняев от пълно разгромяване.

№ 49

К. Иречек до М. Дринов – 15 август 1876 г. (27 август, н.с.). Преразказва му сведенията, които е получил от С. Христов за съдбата на българските войводи и новините за въстанието в България.

Полица 27 авг[уст] 1876
(Police nad Metují v Čechách)

Любезний друже!

Надявам се, че [сте] приели писмо[то], което Ви писах преди два дена. Днес приех едно писмо от Христова за себе и второ (което тука пращам) за Вас.

Христов ми пише, че несъгласие се поевило между Панайота и Тотйова. Последница била да се разпръсне Тотйовата дружина и господин войвода без дружина се намерва в Белград. Останалите войводи Панайот, Риста Македонски, Евта, Илийо и Сима Соколов участвале в битка при Княжевац. От Панайотовата чета само няколко души са останали. Тук погина и Риста, богат човек из Влахия, който беше на свое иждивение¹ събрал цела чета от 350 души. Черняев види, че от таквиз чети примитивни нямат никакъв успех, сега съвсем войнишки ги урежда. Поставен за главнокомандващ над волентири полковник Зега и офицерите им се са Руси. Непрестано прихождат от всека стръна момчета Българи. Една голема чета от 2000 души ще търгне на ново в България.

В Кладово дошле некои момчета из Турско и приказват, че в околностите на Търново и Габрово и на Рил-планина подигнале са се нови чети и че се борят отчаяно. Богйов се намира на Рилска планина.

„Възстанието в България не е угаснало, но слабо пламти, по причина на немание муниципия. Те се придржават все по гористи места и немислят да се предават на Турците“.
(Христов у А. Стоянович фотографа Dubrovačka ulica 41.)

Очаквам новини от Вас. Надявам се, че Черногорци ще се обърнат сега към въсток, да се съединят с Чолак Антича².

Тука имахме четири дене безпрестанен дъжд! С приличните поздравления

Ваш
Д[-]р. Конст. Иречек

НБКМ–БИА, ф. 111, оп. 1, а.е. 124, л. 18–19.
Публикувано в: Сис, В..., с. 147.

№ 50

М. Дринов до К. Иречек – 16 август 1876 г. (28 август, н.с.). Съобщава за сведенията, които е получил от Л. Каравелов за българите в Сърбия, за отиването на ген. Кишелски³ и полк. Кесяков⁴ в Белград, за пристигането на Драган Цанков и М. Балабанов във Виена. Преразказва му вестите за ново въстание в България. Получил е и екземпляр от кн. 11–12 на „Периодическото списание“. Пише за намеренията си, когато тръгне за Харков, да мине през Виена. Изказва и съжаление за положението, в което се намира С. Христов, и че е трудно да му се помогне в този момент.

Прага 28 Августа (1876)

¹ Иждивение – ост. ‘разноски, разходи’.

² Чолак Антич – полковник, командващ лявото крило на Ибарската армия (главнокомандващ на армията е ген. Ф. Зех, чех). Той е трябвало да проникне през Новопазарския санджак към черногорската граница и да се съедини с черногорци.

³ Иван Кишелски (1826–1880) – българин, генерал-майор в руската армия. През есента на 1876 г. е изпратен в Румъния, за да събира сведения за турската армия, да подпомага българските революционери, да съдейства за формирането на Българското опълчение. Участва в създаването на БКД. Съставя „Проект на безсмъртното общество“ – политическа програма за освобождението на България.

⁴ Константин Кесяков (1838–1879) – българин, генерал-майор в руската армия. Участва в организирането на Втората българска легия (1867–1868). По време на Руско-турската война от 1877–1878 г. е назначен от Столетов за командир на Първа дружина на Българското опълчение.

Любезний друже!

Първото Ви писмо получих още завчера, – не ви отговорих незабавно, защото очаквах да пристигне Каравелов из Виена, та да ви съобщи и неговите новости. – Тая сутрина, когато вече се канех да ви напиша, донесоха ми и второто ви писмо. Сърдечно ви благодаря и за едното и за другото. – К-в¹ ме извести вчера из Виена, че няма да дойде в Прага, но ще се върне пак в Белград по някаква си работа. Той ми пише, че в Сърбия има много добри юнаци, [не се четe] но че те до сега нямаме добра организация, за която токо сега са захванале да мислят. Тия дни са дошли в Белград двама българи из Русия, именно генерал Кишелски и подполковник Кесяков, които видисе, че щат се вземат за организацията на българските волонтери. Уверяват ме, че те в скоро време щат състават една добра дружина от 3.000 души. – Цанков е вече пристигнал във Виена, днес утре ще пристигне и Балабанов². Викат ме да ида при тях, за да се поразговорим за някои работи, но надали ща да мога да ида, защото времето ми е твърде кратко. Ща гледам да се споразумеem писмено. Радвам се, че наместо Аверкия³ е пратен Цанков: той е разумен мъж, па има и опитност. –

Вчера добих писмо от Пловдив: по-многого от тамошните затворници са вече пуснати, – оставени са само 90 души, в числото на които има 12 панагюрци, – между тях са и моите брате. Казват ми, че има надежда и за тях, но аз се боя: нали не ги пуснаха до сега, то се види, че те са обвинени много зле. – Данов⁴ е освободен преди две недели, – завчера са добили писмо от него във Виена. – За новото въстание в България аз се научих и от друго място. Но все не ми се вярва да е нещо сериозно. [...] Благодаря ви за препратеното писмо от Христова⁵. Какво да се прави с него не зная. Много е мъчно да му се наиде някакво благодеяние сега. Хората на всъде са залисани с други нужди и неволии. – Предайте почтителното ми поздравление на отца Ви и на майка Ви. [...] От все сърдце ви поздравлявам⁶.

Ваш
М. Дринов

НА БАН, ф. 3к, оп. 1, а.е. 96, л. 28–29.

Публикувано в: Из архива на К. Иречек..., с. 127–128.

№ 51

М. Дринов до Т. Пеев – 18 август 1876 г. (30 август, н.с.). След като го осведомява за направеното във връзка с неуредиците в Книжовното дружество, поздравява го, че „Възраждане“ все още излиза. Споделя новините, които е получил за дейността на българите в Сърбия и от България: за ново въстание, за затворниците в Пловдив, между които са и неговите братя. Моли го да предаде, че ще забави малко помощта си за Благотворителния комитет и съжालява, че не са се обединили комитетите в Румъния, което прави според него невъзможна връзката им с тези в Русия, Англия и Пловдив.

Любезний Господине Пейов!

[...] „Възраждане“ ми доходи исправно, – вчера ми дойде и № 9. – Радвам се, като гледам, че то се държи и от все сърдце му желая да се удържи и занаяпред. – Новини има много, но все неясни, неопределени, та още и не твърде радостни. В Сърбия са се набрале вече доста много българи, повечето добри юнаци, но казват, че те се дивеят там

⁴ Л. Каравелов

¹ През 1876–1877 г. Др. Цанков и М. Балабанов са натоварени от Българската екзархия да извършат обиколка на Европа, за да информират европейската общественост за тежкото положение на българите след Априлското въстание.

² Врачански митрополит Аверкий (неизв.–1878) – български учител, духовник. Завършва Киевската духовна академия, слуша лекции в различни европейски университети. Преподава в Белградската семинария, в Зайчар, в Крагуевац и др. През 1873 г. е ръкоположен за Врачански митрополит.

³ Христо Г. Данов

⁴ Симеон Христов

⁵ Последните два реда са написани в полето на първата страница на писмото.

като гъски в мъгла: нямат организация, нямат добри воеводи. Сега има надежда, че те щат се организуват добре, виде щем какво ще излезе от тях.– Говори се за възстаници около Берковица, Габрово и Рилската планина,– имате ли известие за тях? Мене не ми се вярва да има там нещо сериозно.– В Пловдив от затворниците са остале токо 90 души, между които са и моите брате,– други са вече пуснати. [...] Браилската „благотворителна дружба“ (?) ме извести, че е вече прибрала 50-те франка. За сегашний месец ще ѝ испратя помощта си след две недели из Харков, защото за сега съм останал съвсем без пари,– нямам даже за път. Явете моля Ви се това на „Дружбата“, на която аз щя напиша по-после, когато ѝ испратя помощта си. Много е жално, че тие „благотворителни дружби“, не се съединиха в една добре организирана благотворителна дружба, която да влезе в сношение с всичките благотворителни комитети, които се съставиха в Россия, Англия и в наший Пловдив. Сега, когато нема това съединение, когато румунските българе са съставиле четири различни централни комитета, между които, види се, няма никакво споразумение,– тия толкова желателни сношения са, чини ми се, невъзможни. Та и с какви очи можем да искаме да се споразумеем? След три-четири деня аз тръгвам за в Харков, гдето ви моля за напред да ми прашате „Възраждането“ и писма[та]. Писвайте ми по-честичко,– аз такожде от там ща ви пиша и по-често и по-подробно, защото ща имам по-малко залиси.–

Другарски ви поздравлявам и от все сърдце желая успех на Вашите благородни трудове и старания.

Прага, 30 август
[1876]

Ваш М. Др.

НА БАН, ф. 1 к, оп. 1, а.е. 427, л. 1–2.

Публикувано в: Документи за историята на БКД..., т. 1, с. 533–534.

№ 52

К. Иречек до М. Дринов – 19 август 1876 г. (31 август, н.с.). В горния ляв ъгъл на листа има воден знак *Innsbruck*. Коментира новините, около посланическата обиколка на Др. Цанков и М. Балабанов и зверствата, които все повече подкопават авторитета на Турция. Получил е кн. 11–12 на „Периодическо списание“, говори за генеалогията на Пеячевич, за прекарването си в Манастира на бенедиктинците, в който е отседнал, и за околната природа.

[20] Monastýr Police v Krkonoších
31 Srpna 1876

Drahý příteli!

Milý list Váš ode dne 28. t. m. jsem obdržel a s radostí vyplňuji přání Vaše, abych Vám psal ještě před odjezdem Vaším z Prahy.

Děkuji za noviny. O Cankovu a Balabanovu, o celém tom tajemství bukurešťských novinách. Nejprve měli by jeli do Rus. Hlavní věc je, doložit pomocí statistických dat, že není pod tureckou vládou žádné garancie, aby se dnešní „Bulgarian massacres“ neopakovaly po druhé aneb po třetí. Vraždy bulharské strašlivý povyk působí po celé Evropě; ony více podkopaly autoritu Turecka a důvěru v možnost další jeho existence, než Staatskrach a porážky na bojišti. [...]

Dr. Konst. Jireček

PS. „Възраждане“¹ vychází pravidelně; dostal jsem dvě nové čísla, ale nic v nich nového není.

НБКМ–БИА, ф. 111, оп. 1, а.е. 124, л. 20–21.

Публикувано в: *Сис, В...*, с. 147–149.

¹ В *Сvětозор* 1876 г. (с. 388) Иречек пише: „В Браила почна да излиза под редакцията на Г[-н] Пейов, секретар на Българското книжовно дружество ново политическо седмично списание „Възраждане“. Списанието се отличава с множество съобщения за въстанията и рядко спокойствие и обективност – неща, които обикновено на българските вестници са съвсем чужди“.

М. Дринов до К. Иречек – 24 август 1876 г. (5 септември, н.с.). Коментира генеалигията на Пеячевич, върху която работи К. Иречек. Разказва му впечатленията си от срещата с Др. Цанков и М. Балабанов. Коментира новините от Сърбия. Екземплярът за него от „Периодическо списание“ е оставил при Адолф Патера, който ще му го изпрати.

Любезний друже!

Милото Ви писмо от 31 Август получих в събота, в неделя станах та додох в Беч¹, отдето след два-три часа търгам за Краков.– [...] Видех се с депутатете² и се разговорих с тях подробно: те са много добри и разумни момци. Работата си още не са захванале, защото очакват някакви наставления от долу³.– Днешните новини из Сърбия не са добри, но не трябва да се отчайваме: има надежда, че всичко ще се свърши добре.– [...] След един час търгам на път. Много Ви здраве от всички приятели, които сега са се набрале при мене, за да ме изпращат. От сърдце Ви поздравлявам.

Беч, 1876
5 септемвр[и]

Ваш
М. Дринов

НА БАН, ф. 3к, оп. 1, а.е. 96, л. 30–31.

Публикувано в: Из архива на К. Иречек..., с. 128–129.

К. Иречек до М. Дринов – 30 август 1876 г. (11 септември, н.с.). Изказва мнение, че политическите събития неизбежно ще доведат до война на Русия с Турция и до българско автономно княжество. Описва какво става в Европа, свързано със събитията на Балканите. Разказва му и новините, които е получил от С. Христов за българските войводи в Сърбия и България. Коментира положението на Л. Каравелов. Съобщава му и за обширно писмо, поместено във в. „Политик“ на 5 септември 1876 г. за положението на българите в Пиротско, съдбата на Легията и защитата им от сръбските журналисти.

Полица 11 Sept. 1876

Drahý příteli!

List Váš vídeňský jsem obdržel a doufám, že tato moje odpověď již Vás stihne zase v Charkově.

Politické události jdou v posledních dnech valem ku předu. Již není žádné pochybnosti, že Rusové v jménu severní triple-alliance vykonají válečnou exekuci proti Turecku a že z vůle severních mocností ještě letos povstali má autonomní knížectví bulharské! Dnes přišla zpráva, že prý Bismarck spisuje ultimatum, které prý Jgnatěv odevzdá v Cařihradě. Proslýchá se, že Rusové z části potáhnou i přes Uhry do Srbska, kde se spojí s armádou Čerňajeva. Zdali se i Rakousko a Prusko účastní při té záležitosti, neví se; v Prusích dějí se však skutečně přípravy válečné pro všechny případy. Angličané se ani nepohnou; agitace proti „Bulgarian massacres“ a opposice proti ministerstvu roste ode dne ke dni. Maďarský globus dostal se v posledních dobách do povážlivé rotace, ale z toho nic nebude.

Novin z dola máte jistě více nežli já. Christov mi píše, že vojvoda Risto Makedonski nepadl, nýbrž že je živ – ve Valachii. Panajot se svými stojí v Alexinci. Џjo byl těžce raněn a leží bez naděje v nemocnici. Totjo sedí v Bělehradě; Christov měl s ním obšírnou rozprávku, z níž viděl, že „přičiníte na rozpěrsváníeto na четата му са разни и достатъчни да го оправдаят пред света; в него нема голема кривица, но в неговите „емигранти“. От войводите в Балкана само се е спасил Стамбулов; намерва се тук. Двама са в Янтра удавиле, да се живи не предадат, на име Бенковски и Икономов“.

¹ Унгарското и сръбското име на Виена

² Става дума за Др. Цанков и М. Балабанов.

³ Има предвид Цариград. Там е седалището на Българската екзархия.

О sobě píše (přepíšu to), že list Váš dostal a že nahlíží vše, co jste mu psali. „Какво и да се случи с мене, хладно, кървно всичко ще дочакам, като се неможе другояче. За сега аз ще остана тук още некое време, в надежда, ако би се роботите по-скоро некак си избистрили, за да мога да се оправя на некая страна. Седя тука в най-голяма неизвестност. Нема се каде, ще се търпи“.

Hospodářství Karavelovců v Srbsku ukazuje se v světle horším a horším. V Kladově prý se kradlo, zradilo, vraždilo a lhalo, až honba. „Възраждане“ udešilo kyjem do té holoty a v posledních čísle (12), které dnes jsem obdržel, vidím z dopisů, že ten útok potkal se souhlasem na mnoha stranách.

V pražském časopise „Politik“ dne 5. září byl velice obšírný dopis „Von der unteren Donau“. Dopisovatel popisuje, nová ukrutenství Turků, vyčítá spálené vsi okolo Pirota (28), líčí osudy bulharské legie a brání Bulhary proti srbské žurnalistice a „Nár. Listům“. [...]

Zůstávám Váš Dr. Konst. Jireček

НБКМ–БИА, ф. III, оп. 1, а.е. 124, л. 22–23.

Публикувано в: Сис, В..., с. 149–151.

№ 55

К. Иречек до М. Дринов – 21 септември 1876 г. (3 октомври, н.с.). *Споделя впечатленията си от публикацията на Джанюариџс Макгахан¹ в „Дейли нюз“. Съобщава за митингите в Англия в подкрепа на българите, за посещението на Балабанов и Цанков у лорд Дерби², за предложението на Т. Пеев да напише продължение на „История на българите“, за да опише зверствата от 1876 г. Интересува се дали има вести от България и дали описаното от Макгахан и Скайлър³ е истина. Съобщава му новини около ген. Зах. Завършва писмото си със съобщение, че ще напише рецензия за книгата на Дринов „Южните славяни и Византия през 10 в.“; говори отново за генеалогията на Пеечевич; за кн. 11–12 на „Периодическо списание“.*

Praha 3.X.1876

Drahý příteli!

[...] Včera dostal jsem Mac-Gahanův cestopis po Bulharsku (z „Daily News“) a Baringův⁴ report, i četl jsem hluboko, hluboko do noci. Prosté, stoicky klidné listy Mac[-]Gahanovy podávají obraz přeužasný! A to není všecko – kolik vražd ve Vidinsku, Pirotsku, v Makedonii.

V Anglicku bylo již 265 meetingův pro Bulhary. Nyní se strojí Monstreprocession v Lond. Balabanov a Cankov byli u Derbyho.

Pejov onehdy vybědl mne v „Въз.“ veřejně ve pokračování dějin bulharských, k popisu hrůz l. 1876 pro Evropu. Dětinský nápad! Kde sebrat materiál, výpovědi očitých svědkův atd. nyní, kde tancujeme sur un volcan, kde je válka rus. tur. před vraty?

Máte zprávy z Панагюрище? Je pravda vše co v tamních věcech píšou Mac[-]Gahan a Schuyler? Dle toho všeho poustání, o němž tolik jsme mluvili a psli, bylo prabídné. O událostech Gabrovských vypravoval mi jeden Svištovec, jenž 11 máje byl v Gabrově a nyní v Praze učí se сапунджилък.

¹ Джанюариџс Макгахан (1844–1878) – американски журналист, кореспондент на „Дейли нюз“, известен с репортажите си за зверствата при потушаването на Априлското въстание (заедно с американския генерален консул Юджин Скайлър установява точния брой на избитите, както и на опожарените селища, църкви и манастири) и за хода на Руско-турската война от 1877–1878 г.

² Едуард Хенри Стенли, 15-и лорд на Дерби (Edward Henry Stanley, 15th Earl of Derby) (1826–1893) – английски държавник. През 1866–1868 и 1874–1878 г. е министър на външните работи в кабинета на Бенджамин Дизраели, 1-ви лорд на Бийкънсфийлд.

³ Юджин Скайлър (1840–1890) – американски учен, писател, пътешественик изследовател и дипломат. Генерален консул в Цариград (1876–1878), който има ключова роля при формирането на международно обществено мнение за турските зверства по време на Априлското въстание.

⁴ Зверствата по потушаването на въстанието в България са обсъдени в Британския парламент на 26 юни 1876 г., като опозиционната Либерална партия настоява за пълно разследване. Британското правителство възлага на Уолтър Баринг, втори секретар на тяхното посолство в Константинопол, да проведе разследването.

Ve Vidni maďarský globus úplně se rozkoulel. Dnešní depeše ohlašují, že Hoffman bude min. zahr. zál. – Gen. Zach zamře tyto dni, již není pomoci. [...]

Vašemu Dok. Konst. Ji.

PS. „Pokrok“ onehdy přinesl dopis z Kaloferu od jedné Česky, která tam je učitelkou¹. Město mnoho neutrpělo, ale živé barvy, kterými strašné jarní měsíce letošních roku prostým slohem jsou vyličený, mají něco děsně dojmavého.

НБКМ–БИА, ф. 111, оп. 1, а.е. 124, л. 24–25.

Публикувано в: *Сис, В...*, с. 151–154.

№ 56\

Н. Бончев до М. Дринов – 28 септември 1876 г. (10 октомври, н.с.). *Оплаква се от климата в цяла Русия, от липсата на политически новини и от научаването на вестта за Берлинския меморандум².*

Септ. 28 вторн. 1876

Теодосия

Друже мой!

[...] Но ваша милост, като имате голяма севда за политиката, напишете ми да сам и аз известен, понеже тука сме оскудни от политика. Днеска се получи в клубът един телеграм, много прекален, с ултиматуми и с умерений берлински меморандум. Истина ли е? Ако е истина, ваша бехта много излъгани с надеждите си, че българете щят напоследък да достигнат автономия. Разумявам не оная, която предлага лорд Дерби. [...]

Здравей, друже!

Н. Бончев

Адрес: Дворянская у., д. Трегубова.

НБКМ–БИА, ф. 111, оп. 1, а.е. 5, л. 144–145.

№ 57

М. Дринов до К. Иречек – 1 октомври 1876 г. (13 октомври, н.с.). *Дринов разказва за завръщането си в Харьков. Оценява високо откритията на Иречек за събитията от 1668 и 1688 г.³ Окуражава го да продължи заниманията си със сръбска история и му съобщава, че рецензията му на „История на българите“ е публикувана в „Славянский сборник“⁴. Пише и че един от братята му вече е на свобода и че има надежда и за другия.*

Мили друже!

Писмото Ви от 11 Септемвр[и] у време получих. Днеска ми пристигна и другото Ви писмо из Прага. [...] Аз се върнах в Харьков съвсем болен, не толко телесно, колкото душевно [...] Из Пловдив ми пишат често, но подробности не ми явяват, види се, не смеят. – Един от моите братъе е вече освободен, – казват, че има надежда и за освобождението на другий. – Мак-Гахановото пътуване не ми е познато. Трябва да Ви изповядам, че в последно време аз се старая, колкото е възможно да избягвам такива членове, както и вестници изобщо; нервите ми не могат вече да преносват такава четенье. – Все очека-

¹ Става въпрос за писмата на Йозефа (Богдана) Ираскова-Хитева (1844–1929), публикувани в „Покрок“ през 1876 г., които разказват за събитията по време и след Априлското въстание у нас. *Соленкова, Л., Т. Готовска-Хенце, Вл. Пенчев, Р. Маринска.* Жената като феномен в българо-чешката взаимност (средата на XIX–средата на XX в.). София–Прага, 2011, с. 24–29.

² През май 1876 г. външните министри на Съюза на тримата императори – Германия, Австро-Унгария и Русия, подготвят т.нар. Берлински меморандум, който предвижда гаранции за осъществяване на реформите в Турция. Но английската дипломация се противопоставя под предлог за запазването на авторитета на султана и интегритета на неговата империя.

³ В писмото си от 19 авг. 1876 г. (31 авг., н.с.) К. Иречек пише подробно за генеалогията на Пейчевичи и за своите открития за стария Кипровец (Чипровци).

⁴ Рецензията на Дринов за Иречеквата история е в „Периодическо списание“. Вж. Съчинения на М. С. Дринов. Т. 3, с. 234–246. В Славянския сборник, т. 2, няма отпечатана такава рецензия.

вам от ден на ден, давно работите вземат някаква права посока, – тогава пак ще захвана да чета редовно вестници. – А правата посока е войната, която и ние очакваме с такова нетърпение, както и Вие. – Без нея няма оправия! – От Пейова отдавна не съм получавал писмо: простете му детинската постъпка! Той, сиромашът, види се, съвсем е подивял от Влашко-българските неразбории. Много добре направи той, дето дързна да извади на яве глупостите и мърсотиите на Каравеловци¹. Казват, че сега българските работи в Сърбия стоят добре, не зная, до колко е истина [...].

Харьков 1 Октомвр[и] 1876.

НА БАН, ф. 3к, оп. 1, а.е. 96, л. 32–33.

Публикувано в: Из архива на К. Иречек..., с. 129–130.

№ 58

М. Дринов до Т. Пеев – без дата, но съдържанието му подсказва, че е писано в края на м. септември 1876 г., ст.с. Поздравява Пеев, че се е противопоставил на Каравеловци. Интересува се от дейността на благотворителните комитети.

Любезний Господине Пейов!

Преди три недели се завърнах в Харьков. Преди да тръгна из Прага, написах ви писмо, което не зная стигнало ли ви е. „Възраждане“ тука ми доходи, но твърде късно: № 12, който е излязъл още на 7 септемвр[и]. Ми стигна току преди три дена. Добре направихте, че се опълчихте против Каравеловци. Щат ли да могат да омаят техните гнусотии тези, които са сега поеле работата? Как отиват благотворителните комитете? Защо не публикувате нищо от тяхната деятелност? На браилский аз пратих преди две недели 25 рубли (г-ну Икономову), – не зная стигнаха ли. [...]

М. Дринов

НА БАН, ф. 1к, оп. 1, а.е. 408, л. 1–2.

Публикувано в: Документи за историята на БКД..., т. 1, с. 534–535.

№ 59

Т. Пеев до М. Дринов – 25 октомври 1876 г. (6 ноември, н.с.), написано на бланка на БКД. Описва му тежкото си материално положение, в което се намира, и търсенето, заедно с Миларов, на начин да продължи издаването на „Възраждане“. Решил е с руските войски да замине като доброволец за България. По-нататък му разказва и за състоянието на БКД, българското училище в Браила, дейността на благотворителното дружество.

Българско книжовно дружество

Господине Председателю!

След като ме извадиха из тукашното българско училище, преди 4 месеца отстраниха ме и от Дружеството. Трябваше да се отдам на издаването на „Възраждане“, което от как погълна всичките ми материални средства, положи ме и в дълг около 50 лири турски. Другарът ми г. Миларов ходи в Руссия, за да търси средства за по-нататъшното, поддържане на листът. Той не може нищо да свърши и сега вече нито на вересия ще мога да издавам вестникът. Много зле испаднах: нуждая се и за самата си прехрана, която не мога да добия с никакъв труд, защото се е дигнало върху ми общо гонение. С нетърпение очаквам да дойдат руските войски, заедно с които вече съм се решил, ако не намеря при тях друга работа, чрез която бих могъл да послужи с по-голема полза, – да нарамя пушката като български волонтер и да замина в българско. Токо давно това се сбъднеше по-скоро, защото всичкото си юнашко търпение може да се преодолее, в което отдавна вече съм испаднал. [...]

Благотворителното общество додето мислеше, че ще му се внасят от Руссия пари, за да ги раздава по народни потреби, дига гюрултия² доста голяма, като писа по разни

¹ Става въпрос за писаното на страниците на в. „Възраждане“ в бр. 12 от 26 август 1876 г. (ст. стил) по неуспеха на Априлското въстание и причините за това.

² Гюрултия – от турски, разг. ‘врява, глъчка, шум’.

места да се препоръча. От тука то е събрало твърде малко помощи, по-големата част от които, казват, харчили членовете му за своята прехрана. Сега на това общество дейтелността се ограничава в пробирането на народни и противорнародни хора. Това общество ме прогласи не само между браилците за шпионин, но се потруди да пише за това и на повече градове в Руссия, Сърбия, Влашко и България. Опростете ми заради дето не отговарям на писмата Ви у време. Немам много работи, които да ми пречат на това, но лошото ми положение ме е слисало до толкова, щото не приличам на себе си. Сърдечно ви поздравлявам.

25 окт. 1876.

Ваш
Т. Пейов

[PP] Много здраве ви праща и другаря ми г[-н] Миларов [*не се чете*]¹.

НБКМ–БИА, ф. III, оп. I, а.е. 92, л. 140–141.

№ 60

Н. Бончев до М. Дринов – 28 октомври 1876 г. (9 ноември, н.с.). Изказва благодарност за надеждата за отечеството, която му е дал Дринов в предно писмо (не е намерено). Притеснява се, че при война може при Теодосия да се извърши десант.

* Окт[омври] 28 1876. Теодосия

Приех, друже мой, честното ви писмо, и възродих се, най-паче за утешението ви за нашето многострадално отечество. Уви! Кой може да поверва, че ще някога и нас слънце да огрее! Убо погледни, царства и народи се разлюляха, политическият [х]оризонт се омраси, светът настръхна, племена и язици се разпалиха един на други, рикающите иский кого поглатити. Вскую шаташася язици? Доходят ми на памет словата на Давида². Возсташа царие земстии. Но възсташа тогива, когато едва ли штят може да уврагуват раните на страждуштите народи славянски.

Напоследък и аз се смутих, друже мои, и не знам, да остана ли тука, или да диря друго убежище. Отпиши ми за тия работи, понеже съм в голямо сомнение.

Доде ми писмо от Тенова из Орёл³, та ми советува поради войната и за здравето ми да оставя Теодосия и да ида с него ноедно в Ментона. Возможно ли е за мене толкова големо пътуване, когато съм толкова слаб, дето едва п[ъ]лзя по улицата. Отписъх му прочи, че не мога да излезя.

Но какво да чиня⁴? Как мислите вие в Харьков? Аз мисля, че ако стане война, в Теодосия ште да има десант. Основавам своето мнение на мнението на императ[ор] Николая в началото на Кримската война. Той се много боеше, че штят неприятелите да напатяат⁵ през Теодосия, та много повеления даде за тия нечта.

Здравей!

Н. Бончев

* NB 29 Царското слово ес Кремато⁶.

НБКМ–БИА, ф. III, оп. I, а.е. 50, л. 146.

№ 61

Др. Цанков и М. Балабанов до М. Дринов – 28 октомври 1876 г. (9 ноември, н.с.). Съобщават му, че досега са провеждали пропаганда в Англия за подкрепа на българите и за очарованието си от свободолобието и възпитанието на англичаните. Но след об-

² Написано в полето на последната страница на писмото.

¹ Библия. Псалтир 54: 10–16. С., 1991, с. 658.

² Николай Тенев

³ Чиня – *ост.* ‘правя, върша’.

⁴ Напататвам – *ост.* ‘нахлувам, нападам, налагам’.

⁵ Кремато – *от лат.* ‘изгарящо’. Бележка е направена от М. Дринов с молив в полето на първата страница от писмото.

рата в Източната криза те трябва да се върнат в Русия. Обръщат се към него с молба за финансова подкрепа.

Begent St. W.

London, 28 Warwick St.

9 Ноември 1876 (н.с.)

Ей Батюшка,

Доде време да видим и Матюшка Россия! До тоя час, в Англия, ний се пропаганда правихми. Начинът на тая пропаганда, както и резултатът, да вземем сега да ти ги описвами, требува много време, което никак немаме; но ний ся надевами да си зел едно понятие от вестниците за тая наша пропаганда между народът, когото цел свет мисли за студен, а ний намерихми за горещ. Свободата и отхраната¹, със които ся храни английски народ, правят англичанинът да е изображение на моралния човек. Ах! Колко е честит народът, който има тая свобода и тая отхрана!

Но нека оставим тия разсъждения за когато им доде времето. Нека първо ся освободи народът ни, и тогава щем го мислим каква свобода и каква отхрана требува да ся трудим да му дадем.

Сега да додем на предметът си, целта на писмото ни. Новата фаза, в която влезе от една неделя насам источният въпрос, прави Матушка Россия за средоточие на действията върху българският въпрос². Ето защо, както по нашите съобщения, тъй и по съветите на познатите приятели, да ся намерим първо в Петербург и после в разни страни в Россия, и то додето са зафане последният акт на драмата [...].

Твои искрени

Драган Цанков
Марко Д. Балабанов³

НБКМ–БИА, ф. III, оп. I, а.е. 331, л. 1–3.

№ 62

Р. К. Жинзифов до М. Дринов – 31 октомври 1876 г. (12 ноември, н.с.). Дава сведения за себе си, за пътуването на Константин Станишев⁴ и К. Бонев, за Н. Бончев.

Москва Окт[омври] 31.1876 г.

Любезний Марине!

Наистина не зная что да отговоря на твоето любезно писмо от 24 окт. Разве⁵ да ти кажа, че я сум жив и здрав! Экае⁶ важност [–] чу Райко е жив и здрав, че яде и пие и спие!... Станишев отдавна ся върна из Сърбия, из която изнесе не хубави впечатления. Бонев тоже блуждал в Румън[ия] и Серб[ия] и пак ся върна назад с празни ръце и лошево впечатление, а па за Каравелова и не питай? Но за то хорош его безхарактерний брат Любен. Бог с ним. Бонев заседна си на старото място в Подольск. Не ми е известно дали е дошло семейството му. Де ся намира Бончев да знаеш, ами за что отиде с него дъщерята на киевската Ведьма⁷? Грустно⁸, брате Марине! [...] Желая ти здравие и дългоденствие.

Твой

К. Жинзифов

¹ Отхрана – *ост.* ‘начинът, по който някой е отгледан и изучен да влезе в живота; възпитание’.

² На 31 октомври 1876 г. (н.с.) Русия дава ултиматум на Високата порта да спре войната срещу Сърбия и да сключи примирие с нея, като в същото време обявява и частична мобилизация на войските си. Турция се съгласява. Обезпокоено от действията на Русия, на 4 ноември английското правителство предлага да се свика в Истанбул международна конференция, на която да се приеме мирен изход от кризата.

³ Писмото е написано от ръката на Др. Цанков. М. Балабанов се е подписал саморъчно.

⁴ Константин Наков Станишев (1840–1900) – завършва математика в Москва. Близък приятел с Р. Жинзифов и К. Миладинов. Един от организаторите на Българското опълчение. Чиновник за особени поръчения при княз Ал. Дондуков-Корсаков. Назначен за вицегубернатор на Видин.

⁵ Разве – *от руски* ‘нима, дали, само’.

⁶ Экие – *от руски* ‘ето каква’.

⁷ Ведьма – *от руски* ‘вещица’.

⁸ Грустно – *от руски* ‘тъжно, жалко, печално’.

№ 63

Я. Ковачев до М. Дринов – 4 ноември 1876 г. (16 ноември, н.с.). Съобщава му новини около себе си, за положението в Пловдив и на Хр. Г. Данов, за опита на някои турци да отровят християни посредством храната.

Виена, 4 Ноемвр[и] 1876.

Любезний бае Дринов.

[...] От Пловдив нищо ново. Бай Данов е тамо още, а за тамошното положение не питай нищо. Бог да ги опази от турский нож. Дойде от тамо едно даскалче – Макаков, който ни приказа много новини и големи опашати лъжи, а нищо друго особно. Тебе бележа особно следующото: Панагюрци са минувале зимно време с армея Кисела¹, по тази техна превъзходно храна не била и техно произведение, а турско – от близките села, затова ето що им намислели турците от тези околни села да им направят за добро. Турците земали отровата турнали в малките (още доде не се завило зелето) още зелки. Един турчин пак от същото село бил спасителът на толкози християнски души. Той отиш[ъ]л в Копривщица и преди селенете да хапнат от зелето, обадил им и те го хвърлили, а отиват у Пловдив да явят на пашата, който се и уверил за истината. Има още други таквизи приказки, но и да не ги знаеш е по-добре. [...]

Твой Янко

НБКМ–БИА, ф. 111, оп. 1, а.е. 147, л. 17–18.

№ 64

М. Дринов до Адолф Патера – 17 ноември 1876 г. (29 ноември, н.с.). Разбира се, че според него изходът за българите е един – освобождението им от турско владичество по един или друг начин, и как той популяризира положението на българите. Моли да му изпрати Часопис чешкехо музея, в който К. Иречек публикува рецензията си за „Южните славяни и Византия през X век“².

29 ноември 1876 г., Харьков

Милейший Адольф Осипович!

Письмо отца протоиерея вместе с Вашею припискою я получил давно. От него повеяло Прогой, Штепаном, Пильзенским пивом, режским. Дух этот немало освежил меня, задыхающегося от душной харьковской атмосферы. Да, друзья мои, я тут совсем заглохну с тому же и обременен с массой занятий, - вздохнуть некогда. Пеймите это и не взыщите, что так долго не откликаюсь на милое, дружеское послание. Политикою теперь я не так увлекаюсь, как бывало в Праге, впрочем она теперь и не так и не так интересна, как тогда, теперь дело поставлено ясно: или, или. И в том, и в другом случае результатом будет тот, что братия будет освобождени от бусурманского ига, все мы чувствуем это и заранее благодарим Господа. [...] Недавно я прочел тут публичную лекцию о „Болгарии накануне ея погрома (из путевых заметок)“³. Думаю напечатать ее, если это удастся, пришлю вам. [...]

Душевно Вам преданный

М. Дринов

LA PNP, Pozůstalost A. Patery.

Публикувано в: *Горина, Л.* Научната биография на Марин Дринов в писмата му до Адолф Патера. – *Векове*, 1988, № 6, с. 80.

¹ Армея – *от гръцки* ‘кисело зеле’.

² Jiřeček K. Южные славяне и Византия в X веке. Сочинение М. С. Дринова. Москва 1876 [отдел. отпеч. Чтения Импер. общества истории и древностей российских 1875. Кн. 3.]. *Časopis Muzea Království českého* 50, 1876, s. 558–569.

³ По-късно лекцията е отпечатана под същото заглавие. Вж. *Болгария накануне ея погрома*. Публичная лекция, читанная в Харьковском университете, в ноябре 1876 года. – В: *Славянский сборник*, 2. Петербург, 1877, с. 23–45. *Също така в:* Дринов, М. Съчинения. Т. 3. С., 1915, с. 25–55.

№ 65

К. Иречек до М. Дринов – 24 ноември 1876 г. (6 декември, н.с.). Разказва му докъде са стигнали проучванията му за историята на Сърбия. Изпраща рецензиите за Дринов в Часопис чешкего музея. Съобщава какво е научил за мисията на Др. Цанков и М. Балабанов.

Praha 6.XII.1876

Milý příteli!

[...] Cankov a Balabanov jsou v Paříži a měli audienci u duc Decazes¹. [...]

Váš upřímný Dr Konst. Jireček

НБКМ–БИА, ф. 111, оп. 1, а.е. 124, л. 28.

Публикувано в: Сис, В..., с. 157–159.

№ 66

Я. Ковачев до М. Дринов – 25 ноември 1876 г. (7 декември 1877 г., н.с.). Пише му, че има облог със Сава Филаретов за превода на Иречековата история на френски език и ако се окажело, че няма такъв, Дринов ще плати вечерята. Съобщава му и за посещението на Черняев във Виена, за хода на делегацията на Др. Цанков и М. Балабанов, за пристигането на княз Богориди, нови сведения от Панагюрище.

Виена, 7/25.XII.1876

Любезный ми бае Дринов.

[...] Ами знаеш ли що имаме у В[иена]. Напредък от твоето прекрасно селце! Една жена, мъжът, на която бил у Анадола с овце от некая и друга година, кога дошле башибозуците в селото, насилите я и тя се осетила тежка. За да не роди беззаконно дете, тя предпочела смъртта и така се обесила. Името ми не ми иде сега на ум та да ти го кажа.– От по нас немам никакви новини и нищо се не чуе що става и крои [...].

НБКМ–БИА, ф. 111, оп. 1, а.е. 147, л. 21.

Публикувано у: Динеков, П..., № 6, с. 236 (частично).

№ 67

Н. Бончев до М. Дринов – 27 ноември 1876 г. (9 декември, н.с.). Споделя мнението си за подготвеността на българския народ за събитията от 1876 и 1877 г. и готовността си да се включи при евентуален военен конфликт. Разказва му за лошия климат и здравословното си състояние. Притеснява се за здравето на М. Дринов и за претоварването му в работата.

Ноемвр[и] 27. 1876. Теодосия

Имаме Ви, друже, честното писмо оште от 16 текущаго, но поради големите недъзи, които ме мъчат, не мога с време да ви отговарявам.

[...] И при такова състояние принуден съм да остава Теодосия, ако би да стане война. [...] Того ради седя [и] чакам, его се св[ъ]ршат восточните работи мирно [...], обаче не е възможно. Като кажеш „царство се кръти“¹. И воистина друже мой, доживяхме до велики исторически минути, но се явихме непригответени за тех и лениви, като ония бди деви евангелски, у които погаснаха светилниците, та не излязоха во сретение жениху². Достойните се уклониа от историческото поприще, та излезоха на него недостойните и невеждите.

Имам от Москва вести, че дошло там Гешанчето Иван³ и довело Райка учителката⁴, за която толкова много писаха вестниците, та че комитетът слав[янски] иж приел на свое

¹ Дук Луис Дюкас (1819–1896) – френски държавник и политик. Министър на външните работи на Франция (1873–1877).

¹ Библия. От Матей свето евангелие 25: 1–12. С., 1991, с. 1225–1226.

² Иван Гешанов (неизв.) – родом от Панагюрище, брат на Кръстьо Гешанов. Учи в Русия (1856–1870).

³ Райна Попгеоргиева Футекова-Дипчева (Княгиня) (1856–1917) – родена в Панагюрище в семейството на свещеника Георги Футеков. Съпруга на Васил Дипчев. Учителка, основателка на женското дружество „Китка“ в града. По поръка на Георги Бенковски ушива знамето на Априлското въстание. По време на въстанието е арестувана. След освобождаването си заминава за Русия, където учи за акушерка.

съдържание. Дошли и дохождат оште много българе. Той приказвал и за брат ми, че е жив. Но макар и да ся уцелели, не мисля да ги оставят на мира черкезите и досега, спроти както четем по вестниците. [...]

Здравей!

Н. Бончев

НБКМ–БИА, ф. 111, оп. 1, а.е. 50, л. 148.

Публикувано у: Динеков, П. ..., № 6, с. 236 (частично).

№ 68

Я. Ковачев до М. Дринов – 3 декември 1876 г. (15 декември, н.с.). Разказва за срещата на българите във Виена с ген. Черняев, която преминава без особен резултат, за срещата на Др. Цанков и М. Балабанов с Черняев и за опита им да се видят с граф Андраши, за домогванията на сърбите, за предстоящата Руско-турска война. Съобщава му и малкото новини, които има от българско.

Виена, 15/3 Декември 1876.

Любезний ми бае Дринов.

[...] Миналата петък веч[ер], г. Цанков си дойде от Рим, а в неделя сутрин рано и господ. Балабанов. В същия ден те се представиха и двамата пред Черняева, а подир това ходиха и при княз Богориди, към когото имаха писма от г[-]на Евл. Георгиев. Наминуване на нашите двама посланици у Виена било само да се представят пред тукаш[ния] министер графа Андраши и после скоро да заминат за Берлин и Петербург гдето е таман сега време да бъдат. Когато Маринович¹ се мъчи да уклони Царя да отстъпи едно парче от собствена България на Клевите Сърби.– Така, понеже всички тук министри се намират засега у Пеща, а застъпникът Андрашев, барон Ор[c]zy² не смее да ги приеме, а се отнесъл до Пеща да пита, нашите – както ти споменах по-горе, требваше да бързат да заминат за Берлин. И наистина, още във вторник вечер те заминаха с Куриерският поес за Берлин. Кога отидат и в Петербург и свършат там мисията си, българските делегати ще се завърнат у Виена и ще чакат кого от тех по-скоро ще повикат за Губернер в проч. Панагюрище.

От нашенско немам никакви известия. Бай Данов ще е излезъл вече от Пловдив за Русчук, от гдето ще очаквам писмото му.– [...]

Днес петък после неделя е понеделник – ето ти свети Никола: ще прием и ще се веселим та ако ще и царство да се разтури.

Твой Јнко

НБКМ–БИА, ф. 111, оп. 1, а.е. 147, л. 23–24.

№ 69

Р. Жинзифов до М. Дринов – 7 декември 1876 г. (19 декември, н.с.). Описва някои от действията на Славянския комитет и руски държавници за популяризирането на българската кауза. Дава му сведения за общи познати. Чака да се видят в Москва.

Москва. Дек[ември] 7. 1876 г.

Драгий Марине! Днес подир пладне поучих твоето писмо от 3 ч. текушаго мес. и днес же вечерта избирам време да ти напишам няколко редаве. Виж, брате, каква е работата. Времената са тежки и трудни сиреч искат да родят нещо, ама мъжко ли женско ли не зная. От всекога из нас потребен е посилен труд, и поради това аз уже пристъпих да съставя, по приглашението на Ивана Сергеевича³, „Дорожник по Македонии“ или иначе

⁴ Йован Маринович (1821–1893) – сръбски политик, младоконсерватор, министър-председател (22 октомври 1873–25 ноември 1874). През 1876 г. е пратеник на сръбското правителство в Русия.

⁵ Барон Феликс Орси (1835–1892) – унгарски благородник в двора на Австро-Унгарската империя, както и известен композитор и диригент.

¹ Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886) – руски публицист, обществен деец, славист, почетен чуждестранен член на БКД. От 1857 г. е председател на Московския славянски комитет. През 1878 г. е отстранен и изгонен от Москва след острата си критика за руската дипломация на Берлинския конгрес.

географическо-статистическо описание на Македония. Ами виж сега, брате, какво проклетство: хилядо души дозволе да седнат в душата на проклетият Ошмя[н]цев¹ (черна душа); за наше несчастье по-големата част от описанието на Македония, което преди 19 години изработихме аз и покойният Д. Миладинов², намира се у Ошмянцев от когото не е възможно да се земе назад, защото, както сам знаеш е проклет човек. Но как и да е аз все таки намирам за полезно да обнародувам поне тази част от описанието на Македония, която аз съхраних у себе си, там паче че Славянският комитет проси ми да са заема с това дело. След две недели ще пристъпам да го печатам; това нещо, рече че е свършено; ами вижте друго: комитетът настоятелно желае от нас българите да му съставим мъничък руско-български словар, и княз Черкасский³ обърна ся към мене с това предложение; аз, разбиравам, че можех да ся откажа; ами пита се, как да го съставя? Времето е късо, а па не търпи. Не зная какво ще направя. Необходим е помощник; сега же ще напиша на Петка Каравелова за тази работа; аз мисля, че по-добре е да съставя кратичък „русско-български беседник“. Как ти мислиш? Напиши ми по-скоро и дай ми съвет как знаеш. Много е вероятно че в конецът на тази неделя ще доди при теб Станишев с един русин да се посветоват сос тебе за работи които са касаят до българският народ. А за какви работи ти сам ще узнаеш подробно от них. Не са съмнявам, че ако доде разговорът до нашата Македония, то те непременно, как и аз и Станишев ще доказваш, че тя е чисто Словено-българска страна, защото, брате, тай е на самом дело. Времената, брате Дринов са много важни и превати. Но заради това ние ще си поговорим по-пространно като дидеш в Москва прямо към мене, и молам ти се даже да додиш по-скоро защото ти много ще помогнеш на общата работа.

Твърде съжالياвам че горкият наш другар Бончев са намира в лошаво положение. Види са че болестта е неизлечима и не можем да го считаме „жилещом мира сего“. Въобрази си Марине, какво ще стане с Анна⁴ ако Бончев не оздраве. Кой ще я прибере горката там в Татарската Феодосия? Казват ми че Бончев парите е зел с[ъс] себе си, а по при него има чужд човек – жена. Боя се да не остане Анна гола и боса. Бог да ѝ е на помощ. Аз до ден-денеска не съм видел нито Райна, нито Гешянова. Скоро ще пристигнат в Петербург Цанков и Балабанов, а от там те вероятно не ще са откажат да видят и белокаменната Москва, а по моему мнение, непременно трябва да са видим с них и ти добре си замислил да додеш в Москва. Поклон ти пращат Станишев и Бонев които сега са намират в Подольск, но скоро него ще го дигнат от старото пепелище и ще го проведат в Кишинев. Още ще ти кажам, брате Марине че овде в Москва родиха са много начинания, проекти, приготвувания относително за бъдещата съдбина на българите, но какво ще стане един Бог знае. Прощай и до скоро свидания.

Твой
К. Жинзифов

P.S. Ако имаш свободно време, то отговори ми.

+ 16 февралю 1877 Глед. писмото ми до Бончева от февруар⁵.

НБКМ–БИА, ф. 111, оп. 1, а.е. 103, л. 52–53.

¹ Яков Орел-Ошмянцев (1828–1893) – руски филолог и публицист. Съставя карта на славянските народи, за което е заподозрян в шпионаж и по искане на австрийския посланик е арестуван. Междувременно богатата му библиотека е разграбена. За изработването на тази карта получава картографски материали за Македония от Сава Филаретов. Работи и с братя Миладинови.

² Димитър Миладинов (1810–1862) – български просветител, книжовник и фолклорист. При обиколките си в Македония заедно с брат си Константин събира и издава „Български народни песни“ през 1861 г. в Загреб.

³ Владимир Александрович княз Черкасски (1824–1878) – руски юрист, славянофил и държавник. Изпратен в България по време на Руско-турската война (1877–1878) като пълномощник на Централното управление на Руския Червен кръст при действащата руска армия. По време на войната оглавява Временното Руско управление в българските земи. Организира гражданската администрация. Привлича изявени и авторитетни българи в управленската система. Подготвя записка за управлението на страната, която е взета под внимание при изработването на Търновската конституция.

⁴ Анна е сестра на Нешо Бончев, която живее при него.

⁵ Прибавено от М. Дринов с молив.

№ 70

Писмо от Я. Ковачев до М. Дринов – 11 декември 1876 г. (23 декември, н.с.). Пише му по лични въпроси, съобщава му сведенията във вестниците за провалянето на Цариградската конференция и за струпването около Кишинев на руска войска.

Виена 23 12/11. 76

Любезний ми бае Дринов.

[...] Новини нема никакви. Снощи се [...] получи известието на вседержителя Царя Рускаго от Москва. Днес всички вестници говорят за несбъдването на Конференцията у Ц-град – говорят само за бой и за Концентриране на 4 армии войска около Кишинев. Ти тамо може да черпиш по от близо новини и би могъл да ни известиш в тези облачни времена. [...]

Твой Янко

НБКМ–БИА, ф. 111, оп. 1, а.е. 147, л. 19.

№ 71

Н. Бончев до М. Дринов – 13 декември 1876 г. (25 декември, н.с.). Поради здравословни причини, има намерение да замине от Теодосия. Дава му заръжки за пътуването му до Москва.

Теодосия. Дек[ември] 13. 1876.

[...] Като бъдете в Москва и распитате за село Панагюрище, напишете ми да зная и аз. Имай на ум да узнаеш, кой пише в Русски Вед. (№ 308 и др.) за село Панаг. И подписа се М.? – Ако ли това не знаеш, то узнай, кой е држел кассата на востаниците в село Панаг.? [...] Непременно да се представиш и на Каткова¹ и на Аксакова и на други достойни мъже (исключавам Н. Попова²) и да распиташ, что и как и да изразиш благодарност за горештото им застъпничество. За сиромаштя от името на българите. Повече ти не пиша за тия работи, Sapienti sat³.

Н. Бончев

НБКМ–БИА, ф. 111, оп. 1, а.е. 50, л. 150.

№ 72

М. Дринов до Н. Бончев – 11 февруари 1877 г. (19 февруари, н.с.). Разказва му за срещите си в Москва с български въстаници и за новините, които е научил от тях.

Харков, 11 Февр[уари] 1877

От много работа, друже, и от голема залиса не можах досега да се вредя, за да ти утоля жаждата. Сега слушай само.– В Москва се видях с царцата Райка, с Иванчо Гершанов и с печестина⁴ панагюрски момичета, деца, които наскоро бяха пристигнале там. От тях аз можих да се науча доста добре за работата.– По причини на Херцеговинското възстание търговия спрела, вземане-даване престанало,– страшна сиромашия нагърнела⁵ светът. А турци все токо викат: „давайте!“ На хората им вече довило⁶.– От друга страна, Херцеговинското възстание, надежда, че Сърбия, Черногория, па и Россия се стегат да отворят война силно вълнувале духовете.– Па се притурило⁷ още едно нешто: чуло се, че Турците се канят да сечат Българите и канят се не на шега.– Това са причините на Панигюрското възстание.– Панигюрци, като се увериле, че околните турци се готвят да ги колят, поискале от Пазар⁸ войска да ги брани. Отговор не им бил дан.– То–

¹ Михаил Катков (1818–1887) – руски публицист. От 1863 г. до смъртта си той издава влиятелния вестник „Московская газета“.

² Нил Попов

³ Sat sapienti – от латински ‘за мъдрия е достатъчно; на мъдрия е достатъчно малко, за да разбере’.

⁴ Пет-шестина

⁵ Нагърнела – ост. ‘нагънала’.

⁶ Довило – ост. ‘дотегнало’.

⁷ Притурило – ост. ‘добавило’.

⁸ Пазар – дн. Пазарджик.

гава те вече решилие сами да се бранят. Па токо захванало да се бьбре¹ и за възстание.– „Секи си зарезал работата, па захванал все за това да хорати²“. Па токо взеле и да се готвят. Избрале комитет, който захванал да сбира пари за оръжие и др.– Всеки давал: богатите по хиляди, сиромаси по грош, по два, много бабички си дале и герданите! Стоян Цуцек намислил да ги издаде, побьрзале през ноц да му запалят къщата, та с ней и той жив да изгори.– Избавил се, но се уплашил така, щото престанал да мисли за издаване. Само наклопал няколко младеже, че по някакъв керез³ му запалиле къщата. Мюдюринът⁴ заповядал да хванат тия младеже и да ги турат в синджире, но народът не позволил: съ[с] сила отървал арестованите от заптиетата⁵ и ги освободил.– Турците премълчеле и оставиле работата така.– Пригответяне то си се продължавало.– Докарвале барут, точиле ножове, дядо Бимбаш правил пушки, а племянник му Никола – дървени топове.– От ракиените юзета⁶ правиле крушуме,– тотмаците⁷ от кантарете събирале за гюлета. С околните села са направиле споразумения: наш Пейо тук е бил посредникът.– В началото на Априлия от 70 села дошле представителе на Лисец и там на равнина „Разлатна“ три дни са се съвещавале. Балдъовският представител (Ненко)⁸ вземе та обади работата в Пловдив на пашата. Същото направил и един Коприщенин⁹. Чуло се, че иде в село Азис паша¹⁰ с 150 д[уши] заптиета.– „Ами сега?“– Вдигайте се! И всичко се вдигнало на крака. Първо и първо упушнале двама панигюрски заптиета. (Найден и Пейо тук са играле главна роля), а другите успеле да бегат. 300 душ[и] юнаци, облечени с гиздава форма и в гугли, украсени с левове събират се на чершията и искат от комитета револвере, но членовете на комитета казват, че револвере няма. Страшен яд обзел юнаците, някои от тях се спущат да разкъсат членовете, които обаче успеле да бегат и да се испокрият ... Иван Соколов¹¹ с 60 душ[и] излазя по пазарджикский път и край Калагларе среща Азис паша. Като видел тая чета, Азис бегал като опърлен в Пазар и там казал, че Панигюрский балкан е пъл[е]н с Московци, с което страшно изпоплашил турците. Бенковски¹² (загадочная личност!) с 80 душ[и] отишъл къде Бельово и по пътя изгорил ирушките махали. Ильо Педесетник с 50 душ[и] хванал Медет.– Харчо (fils¹³) отишъл в Стрелча, запалил турските къщи и обсадил джемията, в която турците успеле да се затворят. Щял и там от глад да ги умори, ако не им дошле на помощ османовчене и ако не го излъгале Коприщене. Много любопитен е тоя поход.– Рад Клисара хванал боирът свети Никола и много добре укрепил тамошний път. Много добре биле укрепени и други места край Мечка, край Ируците: жените правиле тие крепости. В самото село, дето се преселил и много народ из околните села, воодушевлението е било

¹ Бьбре – *ост.* ‘говори’.

² Хорати – *ост.* ‘говори’.

³ Керез – *от турски* ‘случай’.

⁴ Мюдюрин – турски подуправител, стоящ начело на нахия, в която са влизали неголям брой села.

⁵ Заптие – *от турски* ‘униформен стражар’.

⁶ Юз – *от турски* ‘100’. Ракиеното юзче е малко стъклено или метално шишенце с дълго гърло, побиращо 100 гр.

⁷ Тотмак (токмак) – *от турски* ‘чук за тепавица’.

⁸ Ненко Терзийски – не е сигурно дали той е бил на събранието в Оборище, но той предава информацията за подготовката на турските власти. Ненко Терзийски е разпознат от български войници при вратите на Цариград и е убит при опита му да избяга.

⁹ Вероятно тук отново става дума за д-р Спас Абрашев (вж. писмо № 13).

¹⁰ Пловдивският мюесариф

¹¹ Иван Соколов (1844–1907) – български революционер, един от организаторите на Априлското въстание в Пазарджик. На 10 април 1877 г. Иван Соколов е зачислен като опълченец и участва до последния ден в Освободителната война.

¹² Георги Бенковски (1843–1876) – български революционер, един от апостолите на Четвърти революционен окръг по време на Априлското въстание. Когато разбира, че в Копривщица вече се бият, той обявява въстанието и в Панагюрище, след което бързо сформира чета. Хвърковатата чета, с която неуморно обикаля целия регион и успява да мобилизира и мотивира много въстаници, играе централна роля във военните действия на въстанието. На 12 май загива в Тетевенския балкан.

¹³ Fils – *от френски* ‘син’.

голямо, – с радост и веселие неописано са посрещали четите, когато те са се връщали от своите походи и са се токо кърстили и благодарили бога, че ги е поживил, та да видат и българско царство. – „Нека ни сега истрепат, казвале мнозина, – барем си поцарувахме! Така са царували от 19 до 27 Априлия. В това време са ставали малки битви при Стрелча, при Калагларе, около Ируците и в Петрич. Петришкото срезение – и то е много любопитно: тук са разбити 400 душ[и] Черкезе: особено се е отличил бае Петко Мачев¹, който е утрепал началникът. – На 27 дохожда в Стрелча 8,000 войска. – Нашите могле да им извадат на среща около 200 душ[и] (Коприщене пак ги излъгале), които могле цел ден да противустоят на такава сила. Мужество са показали геройско. Тодър Налбатов² упушнал един юзбашия, после изважда ножа си и се хвърля въ[в] войската, и е колил, доде не го съсекле. – Страшен дъжд, който измокрил барута на нашите, накарал ги да се оттеглят в село. Тук се преоблекле, взеле нов барут и пак излезле да се бият, но са биле принудени да отстъпят. Отстъпвали са мъжки: биле са се в Балабановата кория, около света Петка и на двете бърда. Тук са се работили и дървените топове, от които един, хвърлен от Каменица, утрепал 8 турци на Кукла. На Маньово бърдо нашите са се държеле, доде не остане 30 душ[и], които най-после требвало да влезат в селото. Турците тогава са [се] спуснале след тях и успеле да ги хванат в плен всичките: между тях бил и наш Пейо. На Черковното бърдо битвата такожде е била отчаянна. Тук особно се е отличил Рад Клисара, който се е бил и в селото, при хаджи Симоновата къща. Тук той е задържавал Турците няколко часа, доде жителите на Долна махала не бегале на кърът и се скриве. Чудни работи разказват за тоя мъж, който слава Богу, остана жив.

За сега това ти стига. До пътя ща ти опиша разорението на селото, само ти, щом прочетеш настоящето, отпиши ми. Напиши повечко, а не като в последните си две писма.

Здравей!

Марин

НБКМ–БИА, ф. III, оп. 1, а.е. 2, л. 188–190.

Публикувано у: Динев, П., № 6, с. 236–238 (частично). Априлско въстание 1876..., с. 585.

№ 73

Н. Бончев до М. Дринов – 16 февруари 1877 г. (28 февруари, н.с.). Изказва благодарност за новините от Дринов около въстанието. Споделя надеждата и вярата си, че българският народ е направил голяма крачка в своето духовно самоопознаване и израстване. Задава някои доуточняващи въпроси и призовава за събиране на всички материали (публикации, легенди и т.н.) около въстанието. Прави някои алегорични сравнения.

Февр[уари] 16. 1877. Симферопол.

Не[и]зречено ти съм благодарен за последното писмо, о друже мой. Уповая и занаяпред да получа от вас благи вести. Описаните събития са знамение на времето, което ни показва, че българите от 10-15 годин[и] насам изминаха много и важни стадии в своето духовно развитие и преуспяние. Това ли е онова време, кога майките ни приказваха за еничерете, и беллика, за делибашиете и к[ъ]рджалиете, и, като св[ъ]ршеха трагическите сказания, добавяха, [с] понизивши³ глас, да ги не чуят стените: в онова време циганин е бил царът? Повтарям: голям раскрач направиха българите в своето духовно самопознание. Во очию се св[ъ]ршва нашето многовременно робство. Мъчно е сага да повярват някой, че штем ние някога най-после да надделеем на агаряните, но мъчно е и повр[ъ]штането назад. То мина онова време. Откак е зел Бимбаш за место палешници да кове пушки, и Рад Клисариът

¹ Петко Мачев (1826–1902) – български революционер. След обявяването на Априлското въстание е избран за член на Военния съвет. Придружава Бенковски с Хвърковатата чета и участва в сраженията с турските войски.

² Тодор Ненчев Искрѝв (Душманлията) – български революционер

³ Понизивши – ост. ‘нисък, тих’.

за место клепало та да улучи турците в Долна махала; тем им мина времето. О, дивна Вавилония, океанная! Блажен иже воздаст ти, блажен иже името и разб., от младенци твоя о камен!

Вашето писмо, друже, возбуди в мене и някои недоумения, които молим да ни разрешите. Комитетът от кого е възникнал? Кои му са биле главните хора? За что после се е скрил и оттеглил на страна от движението? Кои са тия хора Иван Соколов, Бенковски? Тодор Налбатов син ли е на Деян Налбатинът? Дека е тая Кукла, не мога да и хвана края; към св. Петка? Напиши ми оште кои от нашите соотечественици се споменуват като по лични между другите. Къде се е дянала после тая чета (возстаниците)?

Летоска с Петра¹ много приказвахме за тия работи, и той с неподражаема ирония ми възсоздаваше движението на нашите младеже и паническият страх на востанците. Оста ми на памет: „бягай, Илия, турци ни гонат“, и тия са разбегале кому къде очи гледат. Тогава аз согреших и повервах на лукавите петрови думи. Твоего писмо, друже, ми внуши друго, по благородно, мнение за българете. Седемдесетте избраници на Лисец и совештанието им на равнина Разлатна напомни ми Фирвалшtedското езеро и В[илхелм] Теля с дружината му². Знам, че историята разсипа сега обаяснието на тия народни сказания, но знам и това, че те действуват на мнозина благотворно.

[...] сега много пишат за българските летошни поличби, излезе в „синя книга“³ и проч., и проч.; питам Ви: За что некой не събере тия материали, ако не да ги провери критически и да ги исправи, то баре да ги сохрани за историята? Не клоня тия думи към тебе, един в поле на война, а клоня ги към другите ленивци, учении и най-паче към себе си. [...]

Здравей!

Н. Б.

НБКМ–БИА, ф. 111, оп. 1, а.е. 50, л. 156–158.

Публикувано у: *Динев, П...*, № 6, с. 238–239 (частично).

№ 74

Н. Попов до М. Дринов – 16 февруари 1877 г. (28 февруари, н.с.), на бланка на Славянския благотворителен комитет в Москва. Предлага на Харковския благотворителен комитет за помощ на южните славяни да се присъедини към инициативата на Славянския благотворителен комитет в Москва за подпомагане на момичета и момчета от южните славяни да се учат в Русия и да се събира църковна утвар и вещи за подпомагане на разрушените български, сръбски, хърватски и др. църкви след размириците от 1875–1876 г. Пише към кого да се обърнат, за да изпращат събраните помощи за южните славяни. Попов предлага и да се присъедини Харковския към Московския комитет.

Славянский благотворительный комитет

в Москве

Февраля 16 дня, 1877 года

№ 496

Милостивый Государь

Марин Степанович!

В последнее время на нам часто обращается за советами существующий в Харьков Комитет помощи Славянам, насчитывающий, [...], до 34 членов, в числе кои состоите и Вы.

¹ Петър Енчев

² Вилхелм Тел – швейцарски легендарен герой от епохата на освободителните борби на швейцарския народ против австрийското владичество на Хабсбургите (края на XIII–начало на XIV в.).

³ „Синя книга“ (Blue book) е термин, който често се отнася до алманах или други компилации на статистически данни и информация. Терминът датира от XV в., когато големи книги, подвързани със синьо кадифе, са използвани за водене на документацията от Парламента на Обединеното кралство. В тях се публикуват и докладите на консулите на Британската империя по света. През 1876 г. в Синята книга на Британия на първо място се публикуват данни, свързани с Източната криза.

Потрудитесь, разъяснит членам нижеследующее: [...].

2) Что полезно тепер-же приступит к сбору церковных одеяний и вещей с целой снабдит ими впоследствии, когда окончится война, или наступит полный мир, православные церкви в Болгарии, Сербии, Боснии и Герцеговине, разоренные Турками. [...]

3) Если ест желание помочь Болгарам или Боснякам, пострадавшим от прошлогодних смут, то можете высылать их при письмах: а) Его П[ревосходитель]ству Советнику Русского Посольства в Константинополь Александру Ивановичу Нелидову¹, б) в Белград, Петру Тодоровичу Мусевичу², в) в Загреб в редакции газеты „Обзор“ для передачи Илья [не се чете].

Сомневаюсь однажды, чтобы непосредственное внешние сношение Харьковских благотворителей не возбудили недоразумения и не встретили и [не се чете] препятствий. А потому было бы благоразумнее основать в Харьков Отдел Славянского Благотворительного Комитета. Для сего необходимо прислать в Московский Славянский Благотворительный Комитет просьбу за подписью не менее 50 человека, живущих в районе Харьковского Учебного округа, между коими желательно видеть подпись Харьковского архиерея и кого-либо из высокопоставленных лиц по учебному ведомству. Так недавно поступили Казанцы [...]. В просьба должно быть ясно сказано, что: подписавшиеся обязуются представлять в Харьковский Отдел ежегодно членский взнос не менее 5 рублей, а при открытий Отдела образовать фонд в 1000 руб.; обязуются подчиняться действующие в Комитете правилам, а в случае утверждение нового Устава в для Комитета – требованием сего Устава. В конце просьбе должно быть упомянуто, на чье имя Комитет должен отвечать в случае, если ходатайство его об открытии Отдела в Харьков будет уважено.

Примите уважение в совершен нам уважении и преданности.

Член Распорядительного Собрание Комитета

Нил Попов

НБКМ–БИА, ф. 111, оп. 1, а.е.251, л. 19–22.

№ 75

М. Дринов до Н. Попов – около 20 февруари 1877 г., ст.с.³ Съобщава му за отказа на Харьковския комитет да се превърне във филиал на Славянския благотворителен комитет, като излага съответните причини за това решение. Подкрепя предложението да се събира утвар за пострадалите църкви на Балканите и да се помогне на южнославянски деца да учат в Русия, като Харьковският комитет ще помогне на това дело. Предлага на Н. Попов да помогнат и за въстановаването на пострадалите след майския погром български училища.

Харьков, 1877 г., 10 февруаря

Милостивый государь
Нил Александрович!

Во вчерашнем общем собрании Харьковского Комитета помощи славянам я сообщил содержание Вашего письма от 16-го февраля присутствующим членам, которые,

¹ Александр Иванович Нелидов (1835–1910) – руски дипломат. От 1874 до 1877 г. е съветник в руското посолство в Цариград. Участва в дипломатическата подготовка на Руско-турската война. На 3 март 1878 г. (н.ст.) заедно с граф Игнатиев подписва Санстефанския мирен договор.

² Петър Тодоров Мусевич-Бориков (1840–1914) – български общественик и книжар. Увлечен се от протестантството. През 1876 г. е арестуван и осъден на смърт. След застъпничеството на английския консул в Цариград е освободен. Бяга в Русия. По време на Руско-турската война работи в Руския Червен кръст.

³ Тук прилагам препис на текста на писмото, публикувано в: Минкова, Л. Писма на М. Дринов до О. М. Бодянки и Н. А. Попов, съхранявани в архивите на СССР. – Известия на НБКМ. Т. 12 (18), 1971, с. 298–299. Тъй като в архива на М. Дринов е запазена чернова, върху която са нанасяни множество корекции и често е трудна за разчитане. В нея не е посочена дата, а в публикуваното писмо се посочва 10 февруари 1877 г., но датата със сигурност е по-късна, тъй като то е отговор на писмо от Н. Попов, което носи дата 16 февруари 1877 г.

после внимательного и всестороннего обсуждения Ваших предложений, пришли к следующим решениям.

1) Превращение Харьковского Комитета помощи славянам в Отдел Славянского благотворительного комитета в настоящее время невозможно. Пожертвования в пользу славян в последнее время совсем почти прекратились, прекратилось и поступление новых членов, – мало того, и большинство поступивших уже членов, которых около сорока, по видимому, охладели к делу, перестали посещать общие собрания; в последнем собрании присутствовало всего семь человек. Ввиду всего этого мало надежды, в настоящее время по крайней мере, на возможность основания в Харькове постоянного Отдела Славянского благотворительного комитета.

2) „Комитет помощи“ в настоящее время не в состоянии оказать никакой помощи бедствующим южным славянам, – денежные средства, которыми он располагает теперь, крайне скудны и едва хватают на пособие возвращающимся из Сербии добровольцам. Комитет, впрочем, не сомневается, что в случае возобновления войны в южнославянских землях, в кассу его снова начнут поступать пожертвования, которые будут высылаемы по Вашему указанию.

3) Касательно церковных одеяний и вещей решили немедленно приступить к их сбору. Судя по заявлениям некоторых членов, есть надежда, что в Харьковской епархии можно будет собрать довольно много таких вещей. [...]

К этому позволяю себе прибавить, что по отношению к народному просвещению болгар, в настоящее время полезнее было бы направить деятельность Славянского благотворительного комитета на восстановление разрушенных майским погромом болгарских училищ. Если бы Комитет ассигновал на этот предмет около 10 000 рублей, т.е. такую сумму, в которую обошлось бы ему воспитание в России десяти болгарок, то он бы мог восстановить около пяти таких школ, а этим была бы оказана весьма существенная помощь делу народного просвещения Болгарии.

Пользуюсь этим случаем, чтобы засвидетельствовать Вам свое грубое уважение, с которым остаюсь

Вашим покорнейшим слугою

М. Дринов

Минкова, Л. Писма на М. Дринов до О. М. Бодянки и Н. А. Попов, съхранявани в архивите на СССР. – Известия на НБКМ. Т. 12 (18). 1971, с. 298–299.

НБКМ–БИА, ф. III, оп. 1, а.е. 2, л. 338–339 (чернова на писмото).

№ 76

М. Дринов до Н. Бончев – 24 февруари 1877 г. (8 март, н.с). Съобщава му за смъртта на Р. Жинзифов. Отговоря му на поставените в предното писмо въпроси и му доразказва новините, които е научил на срещите си в Москва.

Февруария 24.–

Ти четеш, друже, Московските Ведомости, та трябва да си се научил вече за смъртта на Райко.

[...] На недоуменията ти може да кажа само това. – 1) В комитетът повечето членове са били добри момци, като Филип Щръбанов, Тодър Цветков, Захария Койчов, бае Петко Мачов, Иван Джуджев, Янко Даскалов и много други. Касиеринът само е излел – калпав, а той е бил Симеон х. Кириллов¹. – 2) Иван Соколов бил учител в Пазарджик, отдето и дошъл в село. 3) На Бенковски не му се знае соя и корена: той дошъл в село още през зимата от нейде си, показал се голям и распален родолобец, чрез което добил голямо влияние, все притучал да захванат по-скоро, за което нещо по-кунктаторската партия² (Тодър Белопитов³) смал го не убиле. Тодър Налбаатов наистина е син на Деяна. Кукла

¹ Симеон Х. Кирилов (1825–1910) – български революционер, деловодител на Панагюрския революционен комитет.

² Кунктатор – от лат. ‘изчакващ’.

³ Тодор Белопитов (ок. 1856–1876) – български революционер, секретар на Панагюрския революционен комитет и Хвърковатата чета на Бенковски. Съсечен по време на потушаването на въстанието.

се нарича върхът, които се намерва между Маньово бърдо и хаджи Симеоновата кория. Къде са се денале възстанниците? Повечето са изгинале в бой[я]т, а останалете са се пърснале кой на къде видел по горите, – неколцина са се испокриле в селото, дето турците ги изловиле до един. – Оттука вече се захваща скръбната повест, която ще ти изложи кратце. – Турците, както вече знаеш, са навлезле от две страни: откъде Маньово бърдо и от къде Долна Махала; шест дена са палиле, колиле, обирале. – Изгориле са 400 къщи, от които някои са разбивале с топове. Съвсем разсипале старата черкова, но новата не могле да разсипат, макар, че я биле с топовете си от вси страни. Много свет са исклале: само панагюрци тук са погинале до 400 душ[и], много по-голямо е числото на убитите селяне, които, както знаеш, са се намирале тогива в Панагюрище: трепале са повечето старци, деца и жени. Що е било младо, бегало е по Лисец и в Банските гори, та чрез това види се си е спасило животът. – Жени и моми са безчестиле, но не до там, както се пишеше по газетите. – Голямо усердие са показали турците в обирът. Не им стигнало дето обрале всичко, що нашле в къщата, но прекопале и повечето дворове, да търсат, нема ли нещо скрито в земята. – От както прекопале нашият двор, отишле, та прекопале и къщата ни. Нам взеле и един кошер из градината, – виж, вече, каква им е била алчността! Най-после те уловили до 400 душ[и] от по-първенците и от младежите, които са участвувале в битвите, та ги закарале през Пазар на Пловдив. За тяхната съдба вече знаеш. Ща ти кажа, че от тях много калпав се показал Симеон х. Кириллов. Турците го турнале в една добра одая, послале му дюшек, давале му кафе, ракия, добро яденье и пиенье, обрели му да го наградат, ако им искаже всичко и той взел та искажал много нещо. Иванчо Сарафина и той направил големи пакости. – Най-благородни тук са се показале наш Найдено и Пейо, Кръстйо Гешанов и Марин Шишков, за което щели да ги обесат. Но Господ ги избави и тях, та и всичките други затворници. – Ала знаеш ли, что е чудно? Тие злочестини не само не убиле духът на нашенци, но още повече го въздигнале. В село само Неделчо Немски не е доволен от възстанието, – всичките други са готови пак да възстанат, ако стане нужно: „това беше, казват мнозина, само за наука, втори път като възстанем, тогава щем да знаем вече, как да подкараме работата“. – Чакаат все Русите. – Преди един месец се стегнат та утроват Иванчо Сарафина и конци въ[в] воду! – Поучителна, хубава и славна повест може да се напише за това Панагюрско възстание, – ако ме поживи Господ, аз ща се взема за нея летоска. [...]

Здравей!

Марин

НБКМ–БИА, ф. III, а.е. 2, л. 191–192.

Публикувано у: *Динев, П. ...*, № 6, с. 239–240 (частично); *Горинев, Н.* Нешо Бончев и Априлското възстание. – Оборище, № 2, 3.V.1935, с. 2 (частично); Априлско възстание 1876..., с. 122.

№ 77

М. Дринов до К. Иречек – без дата, най-вероятно – началото на април 1877 г. Съобщава му различни новини около изследователската си дейност и за събраните материали за възстанието в Панагюрище.

Драги друже!

[...] В последно време аз събрах доста много материал за Панагюрското възстание и събрах от хора, които са вземале участие. – Хубава повест може да се напише, за това възстание, повест славна за моите панагюрци и за някои от техните съседи, за някои, но не и за всичките. [...]

М. Дринов

НА БАН, ф. 3к, оп. 1, а.е. 96, л. 45–46.

Публикувано в: Из архива на К. Иречек..., с. 136–137.

**ПИСЬМА М. С. ДРИНОВА
ИЗ ФОНДОВ ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКОГО ДОМА) РАН (1878–1903 гг.)**

В. Ю. Иващенко, С. И. Посохов

Иващенко, В. Ю., Посохов, С. И. Листи М. С. Дринова з фондів Інституту російської літератури (Пушкінського Дому) РАН (1878–1903 рр.)

Вперше публікуються колекція листів М. С. Дринова, що зберігається у фондах Інституту російської літератури (Пушкінського Дому) РАН. У листах до В. П. Дельсала, І. С. Аксакова, М. О. Хітрово, П. А. Кулаковського, Є. В. Петухова, О. М. Веселовського обговорюється ситуація в Болгарії в 1878–1881 рр., результати наукової діяльності М. С. Дринова та його колег. Публікація супроводжується короткою передмовою та коментарем.

Ключові слова: епістолярна спадщина, М. Дринов, Харківський університет, Олександр Баттенберг.

Иващенко, В. Ю., Посохов, С. И. Письма М. С. Дринова из фондов Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (1878–1903 гг.)

Впервые публикуется коллекция писем М. С. Дринова, хранящаяся в фондах Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. В письмах к В. П. Дельсалу, И. С. Аксакову, М. А. Хитрово, П. А. Кулаковскому, Е. В. Петухову, А. Н. Веселовскому обсуждается ситуация в Болгарии в 1878–1881 гг., результаты научной деятельности М. С. Дринова и его коллег. Публикация сопровождается кратким предисловием и комментариями.

Ключевые слова: эпистолярное наследие, М. Дринов, Харьковский университет, Александр Баттенберг.

Ivashchenko, V. Yu. Posokhov, S. I. M. S. Drinov Letters from the Institute of Russian Literature (the Pushkin House), RAS funds (1878–1903)

The collection of M.S. Drinov's letters stored in the collections of the Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of RAS is published for the first time. In the letters to V. P. Del-sal, I. S. Aksakov, M. A. Khitrovo, P. A. Kulakovskiy, E. V. Petukhov, A. N. Veselovskiy the situation in Bulgaria in 1878–1881 as well as the results of scientific activities of M. S. Drinov and his colleagues are discussed. The publication is accompanied by the brief introduction and commentaries.

Keywords: epistolary, heritage, M. S. Drinov, Kharkiv University, Alexander of Battenberg.

В предыдущих томах „Дриновского сборника“ были опубликованы письма М. С. Дринова к К. Я. Гроту и В. П. Бузескулу. Теперь вниманию читателей предлагается коллекция писем М. С. Дринова, хранящаяся в фондах ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН.

В фондах Пушкинского Дома отложились письма М. С. Дринова к разным корреспондентам, которые тематически распадаются на несколько групп. Большая часть писем – к В. П. Дельсалу, И. С. Аксакову, М. А. Хитрово – касаются ситуации в Болгарии в 1878–1881 гг. Письмо к российскому офицеру В. П. Дельсалу было написано в апреле 1878 г., когда М. С. Дринов занимал должность вице-губернатора Софийской области; письма к И. С. Аксакову и М. А. Хитрово связаны с поездкой Марина Степановича в Болгарию летом 1881 г. Первые два письма к И. С. Аксакову были составлены накануне отъезда М. С. Дринова в Болгарию и выражают опасение по поводу ситуации, которая сложилась в Болгарском княжестве после переворота Александра Баттенберга в апреле 1881 г. В корреспонденции к М. А. Хитрово от 6 ноября 1881 г. и к И. С. Аксакову от 10 ноября 1881 г. М. С. Дринов объясняет свой отказ возглавить Государственный со-

вет многочисленными нарушениями „Правил о выборах“ и „своеволием“ правительства А. А. фон Ремлингена. К этой группе примыкает и более позднее письмо М. С. Дринова к П. А. Кулаковскому (1900 г.), где наряду с информацией о состоянии дел в Харькове, профессор упоминает о событиях в Македонии.

Ряд представленных в публикации писем освещают научную деятельность М. С. Дринова и его коллег. Так, письмо редактору „Журнала Министерства народного просвещения“ Л. Н. Майкову (1885 г.) связано с публикацией статьи М. С. Дринова „Новый церковно-славянский памятник с упоминанием о славянских первоучителях“, а в письме к профессору Юрьевского (Тартусского) университета Е. В. Петухову (1903 г.) дается обстоятельная характеристика приват-доцента Харьковского университета Н. К. Грунского, который был приглашен продолжить преподавательскую деятельность в Юрьевском университете.

Наконец, еще два письма – Е. В. Петухову и академику А. Н. Веселовскому, написанные в ноябре 1903 г., по сути, являются ответом на поздравления М. С. Дринова с 30-летием его научно-педагогической деятельности в Харьковском университете.

Все упомянутые письма М. С. Дринова являются автографами. При подготовке к публикации текст источников был приближен к современным нормам правописания. Ошибки, которые не имели смыслового значения, исправлены. Сокращения слов раскрываются в квадратных скобках. Квадратными скобками обозначены также непрочитанные места. Выделенные автором слова поданы курсивом.

М. С. Дринов – В. П. Дельсалью¹

1 апреля 1878 г., София

Любезнейший Владимир Петрович!

Спасибо, от души спасибо, что поспешили поделиться со мною известием о подвиге однополчан, которых постановление заставило сердце забиться от радости. Молодцы! Я их превозношу, ставлю и буду ставить в пример всем соотечественникам. Какое употребление сделать из пожертвованной ими суммы, об этом мы с Вами поговорим обстоятельнее в скором времени. Вчера губернатор наш² получил предписание отправиться немедленно в Пирот, Трын, Враню, и ввести там гражданское управление. Нужно ехать как можно скорее, через два-три дня. Его Превосходительство намерен просить Вас приехать немедленно в Софию, чтобы отправиться вместе с нами в Пирот и Трын, в виду того, что там будет решен вопрос о бывшей Вашей нахии, о Брезнике³. Не сомневаюсь, что приедете с удовольствием. Тогда мы поговорим и о турецком скоте, о читальне и о многом другом. Учителя Ивана Соколова не знаю лично, но много слышал об нем. Об его педагогической деятельности отзываются с похвалой в Софии и Татар-Базаржике – во время Панагурского восстания⁴ он командовал четою и удивлял моих панагюрцев отвагою и неустрашимостью. В болгарском ополчении он вел себя молодцом с начала и до конца. По всему видно, что это личность очень почтенная. Мне очень хочется познакомиться с ним, и Вы крайне обрадуете и обяжете меня, если привезете его с собою в Софию. До свидания!

Душевно Вам преданный

М. Дринов

РО ИРЛИ РАН, ф. 522 (Архив В. П. Дельсалья), № 6, 2 лл. Л. 1–2*.

¹ Дельсаль Владимир Петрович (1844–после 1903) – штабс-капитан лейб-гвардейской 1-й артиллерийской бригады, автор „Записок бывшего Радомирского окружного начальника“.

² В декабре 1877 г. был образован Орханийский санджак (губерния), впоследствии переименованный в Софийский. Губернатором Софийской области был назначен П. В. Алабин, вице-губернатором – М. С. Дринов. Эту должность М. С. Дринов занимал до мая 1878 г.

³ Нахия – область в Сербии. Речь идет о формировании поморавского участка болгаро-сербской границы. По условиям Сан-Стефанского мира 19 февраля/3 марта 1878 г. образовывалось ав-

* На л. 2 об. – записка В. П. Дельсалья к Михаилу Степановичу, в которой он сообщает, что будет отсутствовать около недели.

тономное Княжество Болгария, а Княжество Сербия получало полную независимость. Намеченная между ними граница предполагала присоединение к Сербии района Ниш – Куршумлия – Лесковац, а к Болгарии – района Пирот – Враня. Позднее на Берлинском конгрессе (летом 1878 г.) условия Сан-Стефанского мира были пересмотрены, и район Пирот – Враня был передан Сербии.

⁴ Восстание в апреле 1876 г. против турецких властей.

М. С. Дринов – И. С. Аксакову¹

20 июня 1881 г., Харьков

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Сегодня я получил из Петербурга от А. Теохарова² письмо, в котором он просит ответить ему немедленно через Вас. Вследствие этого осмелюсь беспокоить Вас покорнейшею просьбою переслать г-ну Теохарову прилагаемый при сем мой ответ, который нарочно не запечатан, дабы Вы могли познакомиться с ним, если пожелаете.

Мне бы очень хотелось до выезда в Болгарию побывать в Москве и высказать Вам все опасения, обуревающие душу, познакомиться ближе с Вашими взглядами на дело, с Вашими надеждами. Но к великому моему сожалению это вряд ли мне удастся, так как раньше двух недель мне невозможно отлучиться из Харькова, хотя бы на самое короткое время, а через две недели, пожалуй, будет уже поздно думать о поездке в Москву. Нужно будет как можно скорее отправиться в Болгарию и там употреблять все усилия, чтобы одержанная Князем победа³ не была эксплуатирована приближенными к Его Высочеству лицами в пользу личных счетов так называемой консервативной партии, вожаки которой до того ожесточены против своих противников⁴, что, пожалуй, начнут беспощадно душить всех без разбору, гнать их* из пределов Княжества, замещать людьми сомнительной гражданской честности, пожалуй и иностранцами вроде Вашего знакомого Фарлеи⁵, а быть может и худшей еще пробы.

Глубоко Вас уважающий и
всею душою Вам преданный
и признательный
М. Дринов

РО ИРЛИ РАН, ф. 3 (Архив Аксаковых), оп. 4, № 194, 6 лл. Л. 1–2.

¹ Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886) – русский публицист и общественный деятель, один из идеологов славянофильства.

² Теохаров Антон Тодоров (Федорович) (1840–1914) – болгарский общественный деятель, в 1877–1879 гг. заведовал судебной частью при канцелярии князя В. А. Черкасского.

³ Речь идет о первом правителе независимой Болгарии князе Александре I Баттенберг (1857–1893), который в апреле 1881 г. совершил переворот, отправив в отставку кабинет министров П. Каравелова и распустив Народное собрание.

⁴ Здесь речь идет о представителях Либеральной партии Болгарии, которые выступали против узурпации власти князем Александром Баттенбергом и боролись за восстановление Тырновской конституции.

⁵ Автор книги „Новая Болгария“ (Лондон, 1880).

21 июля 1881 г., Одесса

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Вследствие разных хлопот и тревожений я не мог написать Вам перед отъездом из Харькова. Пишу из Одессы, куда прибыл дня четыре тому назад и откуда отправляюсь завтра в Софию через Варну¹. От всей души благодарю Вас за Ваше напутственное письмо, которое очень ободрило меня. Немало успокоила и прокламация, изданная Князем Александром после закрытия Тырновского собрания². Я с полным сочувствием отношусь к возведенному в этой прокламации устройству: проект подобного же государственного устройства еще два года тому назад был предложен мною в Тырнове вниманию более влиятельных членов Учредительного Собрания, которыми он был встре-

* Слово *их* вписано над строкой.

чен сочувственно. Особенно сочувственно отнеслись тогда к нему те из представителей, которые теперь стоят во главе противников „переворота“, из чего заключаю, что оппозиция этих господ коренится не в сути дела, а в форме, т. е. в свойстве приемов и мер, при помощи которых переворот был совершен. Судя по рассказам приехавших на днях сюда из Болгарии лиц, эти меры вызвали как в Княжестве, так и в Румелии весьма сильное брожение, которое в будущем может породить серьезные осложнения, тем более что новое министерство успело уже принять ряд новых неразумных мер, способных только еще более ухудшить положение. Мне особенно прискорбно было слышать очень, что министерство это начало злоупотреблять услугами русских офицеров: не довольствуясь возложением на них разных полицейских обязанностей, оно поручило им еще и надзора сбором десятины, самой ненавистой болгарским селянам подати. Русские офицеры, как я узнал от одного из них, приехавшего недавно в Одессу, очень тяготятся такими обязанностями, могущими подорвать доверие к ним народа и приготовить богатую почву для агитаторской деятельности оппозиции.

Я очень обрадовался, узнавши здесь, что на пост Министра внутр[енних] дел приглашен Домонтович³. Желательно было бы, чтобы и на пост министра финансов был назначен русский хороший финансист.

Глубоко Вас уважающий и
искренно преданный Вам
М. Дринов

РО ИРЛИ РАН, ф. 3 (Архив Аксаковых), оп. 4, № 194, 6 лл. Л. 3–4 об.

¹ М. С. Дринов приехал в Одессу 19 июля, 22 июля он был в Варне, а 2 августа – в Софии.

² 27 апреля (10 мая) 1881 г. вышел манифест князя Александра Баттенберг, который сообщал об отставке кабинета министров П. Каравелова, роспуске Народного собрания, приостановке действия Тырновской конституции и введении в стране чрезвычайного „режима полномочий“, фактически монархической диктатуры. Состоявшееся 1 (13) июля в г. Свиштове Народное собрание положительно решило вопрос о предоставлении князю чрезвычайных полномочий.

³ Домонтович Михаил Алексеевич (1830–1902) – русский генерал, военных историк, некоторое время был Тырновским губернатором, также занимал должность директора Канцелярии императорской Российской комиссии в Болгарии. Правительство возглавил военный министр генерал К. Г. Энрот.

10 ноября 1881 г., Харьков

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Письмо, которое Вы мне отправили в Софию с М. М. Павловым, последний передал мне на днях в Харьков. Он очень смущен моим удалением из Болгарии, тем более, что и М. А. Хитрово¹, которому он также рекомендован Вами, в настоящее время не находится там.

Я ему советую не унывать, а отправиться в Софию, как только г. Хитрово вернется туда. Недавно там открыта межевая школа, весьма неудовлетворительно обставленная учителями, в каковые подполковник Ремлинген², не долго думая, взял людей мало смыслящих в межевом деле. И мне кажется, что при содействии г-на Хитрово можно было бы пока пристроить Михаила Михайловича в этой школе, для которой он, конечно, был бы находкой.

Вашей телеграммы насчет ученика Шиханова я не получал в Софии, куда она, по-видимому, прибыла после моего отъезда. Я сообщил Ваш отзыв о сем юноше в Министерство народного просвещения и надеюсь, что на основании такого отзыва ему бы могли назначить пособие и теперь, хотя стипендии, кажется, уже розданы. Во всяком случае, я просил управляющего министерством Д. Стоянова уведомить Вас или меня о решении, которое будет принято по делу об этом столь благонадежном юноше.

Со времени моего возвращения в Харьков я каждый день почти собирался побеседовать с Вами о болгарских делах, но никак не могу собраться: впечатлений, которыми

бы хотелось поделиться с Вами, масса, а времени свободного очень мало, так как очень завален теперь своими университетскими занятиями, к которым должен был приступить без обычной летней подготовки. Надеюсь, впрочем, что князь Ухтомский³ обстоятельно познакомил Вас с положением. Из письма, которое я с ним послал г-ну Хитрово и с содержанием которого просил его познакомить и Вас, Вы уже знаете, вероятно, как нынешние правители Болгарии, с Ремлингеном во главе, поглумились над „Правилами о выборах“, только что утвержденными Князем. Третьего дня я получил известия и о других своеволиях, которые они позволили себе в деле о выборах. Этими своеволиями, беспримерными по своей развязности, не только изуродованы начала, положенные в основу устава Д[ержавно]го Совета, но и дана новая пища недоверию, еще более усиленный губящий Болгарию внутренний разлад, который только при добросовестном исполнении „Устава“ и „Правил о выборах“, можно было бы устроить, если не вдруг, то постепенно⁴. *Что будет дальше, не могу себе и представить.*

Глубоко и искренно Вас уважающий
М. Дринов*

РО ИРЛИ РАН, ф. 3 (Архив Аксаковых), оп. 4, № 194, 6 лл. Л. 5–6 об.

¹ Хитрово Михаил Александрович (1837–1896) – российский дипломат, исполнял обязанности комиссара международной комиссии по делам Болгарии, в 1881–1883 гг. был дипломатическим агентом и Генеральным консулом в Болгарии.

² Ремлинген фон Арнольд Александрович – русский и болгарский офицер, в июле 1881–январе 1882 гг. – министр внутренних дел Болгарии.

³ Ухтомский Эспер Алексеевич (1834–1885) – князь, морской офицер, участник обороны Севастополя, с 1881 г. служил помощником морского агента в Австрии и Италии.

⁴ После переворота Александр Баттенберг учредил Государственный совет, призванный заниматься подготовкой законопроектов, контролем за исполнением законов, решением спорных административных вопросов и т. д. М. С. Дринову было предложено возглавить Государственный совет. Он разработал „Устав“ и „Правила о выборах“ советников, которые были приняты и утверждены, однако многочисленные нарушения во время выборов вынудили М. С. Дринова отказаться от поста председателя Государственного совета.

М. С. Дринов – М. А. Хитрово¹

6 ноября 1881 г., Харьков

Многоуважаемый Михаил Александрович.

В ответ на вчерашнюю Вашу телеграмму, не без сердечной боли, должен сказать, что мною получены из Болгарии известия о новых вопиющих нарушениях „Правил о выборах“, известия еще более утверждающие меня в решении отказаться от вступления в Д[ержавный] Совет. – Проявленное в деле о выборах своеволие, беспримерное по своей развязности, дало новую пищу недоумению, недоверию, опасениям, усилив еще больше внутренний разлад, грозящий превратиться в великую пропасть между Князем и народом. Уже начали терять веру и такие степенные люди, органом которых служит „Марица“², – всем уже стало ясно, что самая суть Д[ержавного]го совета уже подорвана, изуродована самым грубым образом. Вступать мне в такой совет значило бы опозорить себя на веки вечные, погибнуть понапрасному. – Решение свое я бы мог изменить лишь в том случае, если бы решили поправить дело, для чего, по моему глубокому убеждению, существует только одно единственное средство – объявить состоявшиеся 1-го сего ноября выборы недействительными и назначить новые выборы, которые произвести на точном основании „Правил“, утвержденных Князем, и не по замыслам Р[емлинге]на³ и не совсем искусно укрывающихся за ним кулаков домашней (фанариотско-левантинской) и иностранной масти. – Вы бы немало облегчили мне душу, если бы могли обрадовать меня известием, что такое попращивание дела возможно. В таком случае, озаренный надеждою, я, быть может, нашел бы

* Выделенный текст написан поперек 1-го листа письма поверх основного текста.

еще в себе запас энергии для преодоления препятствий, которые мешают мне поехать в Петербург и с которыми теперь, находясь в полном отчаянии, я никак не могу сладить. – Князь Ухтомский⁴ рассказал Вам, надеюсь, до какой степени я в настоящее время завален своими университетскими занятиями, к которым пришлось возвращаться довольно поздно и без обычной летней подготовки.

Глубоко и искренно Вас уважающий
М. Дринов

РО ИРЛИ РАН, ф. 325 (*Архив М. А. Хитрово*), оп. 1, № 360, 4 лл. Л. 1–2 об.

¹ См. прим. 1 к письму И. С. Аксакову от 10 ноября 1881 г.

² „Марица“ – первая общеполитическая газета, которая в 1878–1885 гг. издавалась болгарским просветителем Христо Г. Дановым.

³ См. прим. 2 к письму И. С. Аксакову от 10 ноября 1881 г.

⁴ См. прим. 3 к письму И. С. Аксакову от 10 ноября 1881 г.

М. С. Дринов – Л. Н. Майкову¹

23 февраля 1885 г., Харьков

Милостивый государь, Леонид Николаевич!

О прилагаемой при сем статье Вас уже предупредил А. И. Кирпичников². Я предполагал было написать несколько кратких объяснительных заметок к открытому мною славословию славянским первоучителям, но увлекшись некоторыми указаниями его, быть может, действительно важными, затронул кое-какие темные вопросы, вследствие чего работа моя усложнилась и затянулась. Смею надеяться, однако, что если моя статья Вас не разочарует, то Вы успеете еще поместить ее в апрельской книге³. В видах ускорения дела я бы просил Вас распорядиться о напечатании церковными буквами только заглавия Синодика (две строки) и текста Славословия: эти места отмечены мною в рукописи красным карандашом (на обор. 2-го и 6-го листа). Все же остальные церковнослав[янские] выписки, не исключая и тех из них, в которых попадают юсы, йотированное а (га) и титлы, можно бы напечатать и гражданским шрифтом. Дело о корректуре вполне предоставляю на Ваше благоусмотрение. Искреннейше благодарю Вас за любезное Ваше намерение прислать мне особые оттиски немедленно по напечатании статьи, еще до выхода апрельской книги. Этим Вы дадите мне возможность еще до 6-го апреля ознакомиться с моею находкою некоторых заграничных знакомых. Особых оттисков я бы желал получить, если возможно, в числе ста экземпляров.

Пользуясь этим случаем, чтобы просить Вас принять уверение в моем глубоком к Вам уважении, с которым остаюсь

Вашим покорнейшим
слугою
М. Дринов

P. S. Если, по ознакомлении с моею статьей, признаете неудобным помещение ее в Вашем журнале, то соизволите передать ее г-ну Кирпичникову.

Поправки к статье Дринова

I

В рассмотрении 3-го пункта разногласия между житием св. Климента и Славословием

* Выделенная курсивом часть текста написана карандашом.

*сказано**:

..., что в некоторых папских письмах имеются весьма прозрачные намеки на то, что у св. Мефодия в последние годы

желательно исправить так:

..., что в некоторых папских письмах имеются кое-какие указания на то, что у св. Мефодия в последние годы

II

В том же месте, несколько ниже, на следующей, кажется, странице

написано:

... что было сделано, конечно, не по правилам, изложенным в письме Иоанна VIII от 880-го года. Весьма возможно, что...

желательно исправить и дополнить так:

... что было сделано во время перерыва сношений моравского архиепископа с Римом (припомним, кстати, что к этому именно времени, по свидетельству Паннонского жития, относится поездка Мефодия в Константинополь). Весьма возможно, что...

III

В заключительных словах к главной части статьи, перед переходом к рассмотрению отношений Славословия к Вратиславскому свидетельству и пр.

написано:

... решение Терновского собора применить эту же высшую форму церковного чествования и к славянским первоучителям...

желательно исправить:

... решение Терновского собора применить и эту форму церковного чествования к свв. славянским первоучителям...

РО ИРЛИ РАН, ф. 166 (Архив Л. Н. Майкова), оп. 3, № 414, 4 лл. Л. 1–3 об.

¹ Майков Леонид Николаевич (1839–1900) – исследователь истории русской литературы, действительный член Петербургской Академии наук, в 1882–1890 гг. редактор „Журнала Министерства народного просвещения“.

² Кирпичников Александр Иванович (1845–1903) – русский историк всеобщей литературы, член-корреспондент Петербургской Академии наук, профессор Харьковского, Новороссийского и Московского университетов.

³ См. Новый церковно-славянский памятник с упоминанием о славянских первоучителях. – В: Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 238, 1885, № 4, с. 174–205.

М. С. Дринов – П. А. Кулаковскому¹

23 февраля 1900 г., Харьков, Рудаковский переулок, 11
Многоуважаемый Платон Андреевич,

Простите великодушно, что так поздно отвечаю на Ваше любезное письмо от 5 с.м. Причиной тому была жестокая лихорадка, которая терзала меня почти целый месяц и не позволяла заняться разысканием необходимых Вам „Болгарских книжиц“ за 1859 год², хранящихся, вместе с другими моими редкостями, в более безопасном в пожарном отношении, но зато и в более холодном отделении нашего жилища. – Только вчера я мог извлечь их оттуда и сейчас же передал нашему университетскому экспедитору с просьбою переслать к Вам, что, не сомневаюсь, он уже и сделал. Этот том „Книжиц“ мне, по-видимому, не скоро понадобится, так что Вы можете поддержать его у себя и более продолжительное время. – Очень рад, что представилась возможность оказать Вам хоть небольшую услугу взамен тех больших одолжений, которые Вы мне делаете, снабжая своими ценными трудами, которые я читаю всегда с особенным интересом. – Вынесен-

* Слово подчеркнуто автором.

ные *Вами*^{*} из поездки по Болгарии впечатления несколько успокоили мою душу. Спасибо Вам и за глубоко правдивое слово о македонских делах. Но поймут ли когда-нибудь там, где следует, какую медвежью услугу оказывала и продолжает оказывать славянству деятельность новейших русских консулов в Македонии?³

У нас в Харькове все обстоит благополучно, – наш новый попечитель Анреп⁴ оказывается очень деятельным и разумным человеком. – Примите и передайте любезнейшей Екатерине Федоровне от жены моей и от меня самую искреннюю благодарность за добрую память и благорасположение.

Душевно вам преданный
М. Дринов

Н. Ф. Сумцов⁵ посылает Вам свою глубокую благодарность за Пушкинский сборник и за „Поездку по Болгарии“^{*}.

РО ИРЛИ РАН, ф. 572 (*Архив П. А. Кулаковского*), № 118, 2 лл.

¹ Кулаковский Платон Андреевич (1848–1913) – русский историк и филолог-славист, профессор Варшавского университета.

² Речь идет о журнале „Болгарские книжицы“ (1858–1862), издававшемся в Константинополе Т. Бурмовым.

³ В конце XIX – начале XX в. на земли Македонии, которая оставалась в составе Османской империи, претендовали балканские государства – Болгария, Греция, Сербия, борющиеся между собой за турецкое наследство. Официальная позиция российского руководства в отношении македонского вопроса состояла в том, чтобы избежать раздела Македонии между балканскими государствами, рассматривая возможность достижения автономии в рамках Османской империи, но фактически Санкт-Петербург в этот период поддерживал стремления Белграда упрочить здесь свое влияние. Российские консулы в Македонии в болгаро-сербских конфликтах и противоречиях чаще всего выступали на стороне сербов, чем и заслужили столь негативную оценку своей деятельности М. Дринова.

⁴ Анреп фон Василий Константинович (1852–?) – медик, в 1899–1901 гг. попечитель Харьковского учебного округа.

⁵ Сумцов Николай Федорович (1854–1922) – украинский фольклорист, этнограф, литературовед, историк, общественный деятель, член-корреспондент Петербургской и Чешской академий наук, профессор Харьковского университета.

М. С. Дринов – Е. В. Петухову¹

29 января 1903 г., Харьков

Глубокоуважаемый Евгений Вячеславович!

Простите великодушно, что так долго не откликнулся на Ваше письмо от 30-го пр. мес. – Дело в том, что Н. К. Грунский² нужен нашему факультету. В виду этого, прежде чем ответить Вам, я должен был^{**} поговорить с ближайшими по специальности товарищами, что, однако, оказалось неудобноисполнимым делом, так как некоторые из них, да и сам Декан³ находились в отпуску. Только на днях я мог встретиться и посоветоваться с ними, но, признаюсь, это очень мало облегчило мое затруднительное положение. Все они соглашаются со мною, что Грунского следует удержать при нашем факультете, а особенно в виду того, что наш бывший приват-доцент Б. М. Ляпунов⁴ вряд ли пожелает возвратиться к нам в Харьков из Одессы^{***}. Но никто не ручается

†† Выделенный текст написан поперек второго листа на полях.

‡‡ Слово был вписано над строкой.

§§ Слова *Б. М. Ляпунов* и *из Одессы* вписаны над строкой.

за то, что нашему факультету удастся в скором времени обставить Николая Козьмича в литературном отношении так хорошо, как это можете сделать Вы. – Как тут быть? – О научной подготовке г. Грунского я самого лучшего мнения. Во время своего студенчества он выдвигался среди своих товарищей редким прилежанием, необыкновенною любознательностью и особенно любовью к предметам славяно-русского отделения. На испытании в Государственной Комиссии, а затем и на магистерском своем экзамене обнаружил основательное знакомство с разными отраслями славяноведения, особенно с славянским языкознанием и с историей славянских литератур. Об основательной его подготовке свидетельствуют и обнаруженные уже им печатные труды, с которыми Вы, конечно, знакомы. Между этими первыми его учено-литературными опытами есть несколько таких, которые заслуживают внимания по высказанным в них самостоятельным взглядам и соображениям. Таковыми я считаю его отзывы о книге М. Мурка „Die Deutsche Einflüsse auf die Anfänge der Böhmisches Romantik“⁵ и о статье Вондрака „Frisinské Namátky“⁶, а также его палеографические заметки о Киевских глаголических листках⁷. Отмечу еще и его довольно объемистый труд (в 132 страницы) „О Наполеоне в русской художественной литературе“, удостоенный премией имени А. А. Поттебни⁸. Смею думать, что если Грунский, находящийся в начале своей ученой деятельности, будет и впредь относиться с такою же любовью к своему делу, то из него выработается весьма видный ученый деятель. Этому немало будет содействовать и нынешняя его заграничная командировка⁹.

Еще раз извиняюсь за невольное замедление ответом, и прошу принять уверение, в моем искреннем и глубоком уважении к Вам.

М. Дринов

РО ИРЛИ РАН, ф. 669 (Архив Е. В. Петухова), № 303, 4 лл. Л. 1–2 об.

¹ Петухов Евгений Вячеславович (1863–1948) – историк литературы, знаток древнерусской словесности, член-корреспондент Петербургской Академии наук, профессор Юрьевского (Тартуского) университета.

² Грунский Николай Кузьмич (1872–1951) – языковед, славист, в 1896 г. окончил славяно-русское отделение Харьковского университета и был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре славянской филологии. В 1899 г. сдал магистерский экзамен, с 1900 г. – приват-доцент Харьковского университета, в 1899–1902 гг. преподавал в Харьковском университете, с 1903 г. преподавал в Юрьевском (Тартуском), а затем в Киевском университетах.

³ В это время деканом историко-филологического факультета Харьковского университета был профессор Владислав Петрович Бузескул (1858–1931).

⁴ Ляпунов Борис Михайлович (1862–1943) – филолог-славист, академик АН СССР (1923 г.), Польской, Болгарской, Чешской АН, приват-доцент Харьковского, профессор Новороссийского (1899–1923 гг.) университетов.

⁵ См. Грунский, Н. Подробный отзыв об исследовании М. Мурка *Deutsche Einflüsse auf die Anfänge der Böhmisches Romantik*. – Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук, т. 2, кн. 4, 1897, с. 1109–1137.

⁶ См. Грунский, Н. Подробный отзыв об издании и исследовании Вондрака Фрейзингенских отрывков. – Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук, т. 3, кн. 1, 1898, с. 267–278.

⁷ См. Грунский, Н. Киевские глаголические листки: I палеографические наблюдения. – Записки Императорского Харьковского университета. Кн. 4, ч. неофиц., 1901, с. 85–92.

⁸ За студенческую работу „Наполеон I в русской художественной литературе“ Н. Грунский получил в 1895 г. от Харьковского историко-филологического общества половинную премию имени проф. А. А. Поттебни. Спустя 3 года эта работа была опубликована.

⁹ С 20 августа 1902 г. Н. К. Грунский находился в годичной заграничной командировке.

20 ноября 1903 г., Харьков

* Слово *было* вставлено над строкой.

Глубокоуважаемый Евгений Вячеславович!

Сердечно обрадовали Вы меня своим дружеским приветствием по случаю тридцатилетия моей профессорской деятельности. От всей души благодарю Вас за добрую память и за снисходительную оценку моего служения науке. Очень жалею, что так поздно откликаюсь на Ваш теплый привет, – причиной было* то, что во время юбилейного праздника, которое, сверх всяких моих ожиданий, вышло довольно шумным и продолжалось дня два, при убийственной погоде, я захватил сильную простуду и хворал довольно долго.

Душевно уважающий Вас
и сердечно преданный Вам
М. Дринов

РО ИРЛИ РАН, ф. 669 (Архив *Е. В. Петухова*), № 303, 4 лл. Л. 3–3 об.

¹ 8 августа 1903 г. исполнилось 30 лет научно-педагогической деятельности М. С. Дринова в Харьковском университете, что было отмечено чествованием юбиляра Харьковским историко-филологическим обществом и историко-филологическим факультетом университета.

М. С. Дринов – А. Н. Веселовскому¹

14 ноября 1903 г., Харьков

Глубокоуважаемый Александр Николаевич,

С несказанной радостью принял я и читаю присланный мне по случаю тридцатилетнего моего юбилея адрес с подписями членов 2-го и 3-го отделений Императорской Академии Наук, тех деятелей, ученые труды которых я всегда изучаю с особенным вниманием, почерпая в них обильную духовную пищу и руководство в моей сильной научной деятельности. Теплый привет и благопожелания со стороны высших двигателей излюбленных мною наук трогает меня до глубины души, а благосклонная оценка, которою они тут же почтили мои скромные труды, чрезвычайно поощрительно действует на меня, внушая пламенное желание посвятить остаток дней моих на изготовление более зримых работ.

Примите, высокоуважаемый Александр Николаевич, и передайте всем украсившим адрес своими подписями товарищам беспредельную мою благодарность за оказанное мне внимание.

Глубоко уважающий Вас
и искренно преданный
М. Дринов

РО ИРЛИ РАН, ф. 45 (Архив *А. Н. Веселовского*), оп. 3, № 331, 2 лл. Л. 1–1 об.

¹ Веселовский Александр Николаевич (1838–1906) – русский историк литературы, профессор Петербургского университета, академик Петербургской Академии наук.

ЛИСТИ РОДИНИ ДРИНОВИХ ДО В. Н. ЗЛАТАРСЬКОГО ЯК ДЖЕРЕЛО ВИВЧЕННЯ ІСТОРИЧНОЇ БОЛГАРИСТИКИ

С. І. Пачев

Пачев, С. І. Листи родини Дринових до В. Н. Златарського як джерело вивчення історичної болгаристики.

Стаття присвячена розгляду епістолярних джерел дослідження історичної болгаристики. Аналізується кореспонденція М. С. Дринова та членів його сім'ї із видатним болгарським істориком В. Н. Златарським. Зроблено висновки про інформативну цінність цього джерела.

Ключові слова: болгары, істориографія, історична болгаристика.

Пачев, С. И. Письма семьи Дриновых к В. Н. Златарскому как источник изучения исторической болгаристики.

Статья посвящена рассмотрению эпистолярных источников исследования исторической болгаристики. Анализируется корреспонденция М. С. Дринова и членов его семьи с выдающимся болгарским историком В. Н. Златарским. Сделаны выводы относительно информативной ценности данного источника.

Ключевые слова: болгары, историография, историческая болгаристика.

Pachev, S. I. The letters of the Drinov's Family to V. N. Zlatarsky as a source for the study of historical Bulgarian studies.

The article considers the epistolary sources for the study of historical Bulgarian studies. Analyzed correspondence of M. S. Drinov and his family with the famous Bulgarian historian V. N. Zlatarsky. It is concluded of the informative value of the source.

Keywords: Bulgarians, historiography, historical Bulgarian studies.

Для дослідження становлення та розвитку української історичної болгаристики важливим завданням є уведення до наукового обігу широкого комплексу історичних та істориографічних джерел, серед яких не останнє місце належить епістолярній спадщині вчених. Ці джерела несуть у собі не лише біографічні дані, а й важливу інформацію щодо загального розвитку вітчизняної болгаристики та славістики.

Одним з видатних українських болгаристів ХІХ – початку ХХ ст. був професор Харківського університету, болгарин за етнічним походженням Марин Степанович Дринов (1838–1906). Вивчення епістолярної спадщини М. С. Дринова ускладнюється тим, що вона не сконцентрована в одному місці. В особистих фондах ученого в Болгарському історичному архіві Національної бібліотеки ім. Св. Кирила та Мефодія та Науковому архіві Болгарської академії наук зберігаються переважно листи його кореспондентів. Власних листів М. С. Дринова там відносно небагато, їх слід шукати у фондах його адресатів, які розпорошені по різних архівах Болгарії, Росії, України, Чехії та інших країн.

Епістолярна спадщина М. С. Дринова вивчалася дослідниками біографії та наукової діяльності вченого. Л. В. Горина використала листи М. Дринова до М. Ф. Сумцова, М. Г. Халанського, І. В. Платонова, О. О. Потебні, А. Патери¹. Л. П. Лаптева зробила огляд листування М. С. Дринова із А. Патерою². Кореспонденцію М. С. Дринова із Д. Ризовим проаналізувала Р. Симеонова³. Є. Міладінова опублікувала листи М. С. Дринова до В. Н. Златарського⁴, але листи членів його сім'ї досі лишаються неопублікованими.

Стаття присвячена аналізу кореспонденції сім'ї Дринових із видатним болгарським істориком В. Н. Златарським. Об'єктом дослідження є листи М. С. Дринова та членів його сім'ї до В. Н. Златарського, а предметом – інформативна цінність цієї

кореспонденції як історіографічного джерела для вивчення процесу розвитку української історичної болгаристики кінця XIX – початку XX ст.

Листи, що розглядаються, були написані М. С. Дриновим в останній період його життя, а після смерті вченого кореспонденція була продовжена дружиною М. І. Дриновою та донькою М. М. Дриновою (Сасецькою). Нині ці листи зберігаються у фонді В. Н. Златарського в Науковому архіві Болгарської академії наук (ф. 9 к.).

Листи проникнуті довірливим та шанобливим ставленням М. С. Дринова до В. Н. Златарського як до продовжувача справи у широкому сенсі, як до свого духовного спадкоємця. Недаремно саме В. Н. Златарському випала місія перевезення наукового архіву і праху М. С. Дринова до Болгарії та редагування тритомного зібрання творів вченого.

Листи М. С. Дринова до В. Н. Златарського, перш за все, представляють цінність, тому що дозволяють уточнити деякі подробиці його біографії – як за останні роки, так і за весь період. З цього погляду особливо цікавим є, наприклад, лист від 17 грудня 1899 р., у якому М. С. Дринов зробив докладні пояснення до складеного В. Н. Златарським біобібліографічного нарису⁵.

У листах відобразилася драматична боротьба М. С. Дринова із смертельною хворобою, яку йому довелося пережити в останні роки. 27 вересня 1899 р. він пише, що влітку занедужав, повертаючись з київського археологічного з'їзду, і прохворів цілий тиждень⁶. 12 червня 1900 р. перед поїздкою на батьківщину М. С. Дринов повідомляє, що за зиму настраждався від різних хвороб і сподівається, що болгарські гори, вода та повітря зміцнять його здоров'я⁷. 26 березня 1901 р. М. С. Дринов скаржиться, що минулої зими не міг серйозно займатися наукою, тому що дуже ослаб після застуди⁸. У листі від 27 жовтня 1903 р. М. С. Дринов пише, що весною того року, повертаючись із Москви, застудився, причому застуда ускладнилася запаленням легень, яке тривало два місяці. Потім півтора місяці вчений продовжив лікування в Криму, але у середині вересня, повернувшись до Харкова, знову застудився і прохворів близько місяця⁹. У листі від 19 грудня 1904 р. він згадує, що попереднє літо „часто и много страдах от болестта си“¹⁰. З вересня 1904 р. по травень 1905 р. М. С. Дринов пробув у Ялті, але, згідно з його листом від 12 березня 1905 р., це не принесло великої користі його здоров'ю¹¹. На жаль, восени 1905 р. М. С. Дринову не вдалося вирушити до Криму. В літературі утвердилася думка, що цьому заварило погіршення здоров'я вченого, проте його донька у листі до В. Н. Златарського вказує, що причиною був загальний страйк 1905 р.: „Всё горюем и жалеем, что убийственные забастовки помешали нам осенью выехать в Крым“¹².

Листування із В. Н. Златарським було однією з ниточок, які зв'язували М. С. Дринова із далекою батьківщиною. Він дякує своєму адресату за люб'язно надіслані малюнки із видами Софії, передає вітання колегам¹³, висловлює щире вдячність за теплі слова, сказані В. Н. Златарським на урочистому засіданні 23 квітня 1899 р. у Софії¹⁴. У листах є дані про підготовку М. С. Дринова до останньої для нього поїздки на батьківщину в серпні 1900 р. У листі від 12 червня 1900 р. вчений звертається до В. Н. Златарського з проханням знайти для нього та сім'ї літню квартиру поблизу Софії на два тижні¹⁵.

Багато місця у листуванні займає обговорення наукових проблем, переважно тих, над якими на той момент працював В. Н. Златарський. 17 квітня 1899 р. М. С. Дринов поділився думками з приводу опублікованого звіту про реферат В. Н. Златарського „Към въпроса за тъй наречените преправки на Паисиевата история...“¹⁶ та висловив бажання ознайомитися як із рефератом В. Н. Златарського, так і з самим текстом історії ієросхимонаха Спиридона. У наступному листі від 6 червня 1899 р. М. С. Дринов дає пораду опублікувати історію Спиридона разом із передмовою В. Н. Златарського до життя Св. Теодосія і сподівається, що для цієї важливої справи Болгарське літера-

турне товариство (Българско книжно дружество – С. П.) знайде необхідні кошти¹⁷. А коли ці задуми здійснилися, М. С. Дринов зробив у листах докладний аналіз написаних В. Н. Златарським передмов¹⁸.

Деякі листи містять обговорення болгаро-сербських наукових суперечок. У листі від 6 червня 1899 р. М. С. Дринов висловив необхідність вести науковий діалог із серйозними сербськими вченими¹⁹. У наступному листі від 27 вересня 1899 р. він звертає увагу В. Н. Златарського на книгу російського письменника Є. Л. Маркова „Стольный город Сербии. Путевые очерки по Сербии“, у яких передані висловлювання про болгар з боку Й. Ристича, П. Сретковича, Н. Пашича, М. Мілічевича та інших. М. С. Дринов пропонує дати відповідь на ці висловлювання у пресі²⁰. У листі від 8 листопада М. С. Дринов схвалює намір В. Н. Златарського ознайомити болгарських читачів із названою працею Є. Л. Маркова. М. С. Дринов критикує Македоно-слов'янський збірник зі словником П. Д. Драганова та книгу С. Гопчевича „Старая Сербия и Македония. Историко-этнографическое исследование“²¹.

Листи містять відомості про наукові студії самого М. С. Дринова. 27 вересня 1899 р. він повідомляє, що через зайнятість ніяк не може завершити свою статтю „Медно (бакърно) гумно, меден ток в словенските и гръцките умотворения“ і сподівається її завершити за місяць²². Проте 28 грудня 1899 р. пише, що стаття ще не готова²³. Лише у листі від 12 червня 1900 р. М. С. Дринов сповіщає, що остання частина статті нарешті відправлена до редакції²⁴.

У листах відобразилася підготовка до друку харківського збірника праць на честь М. С. Дринова. У листі від 19 грудня 1904 р. учений скаржиться, що збірник поки що не готовий, оскільки поступово надходять нові статті, які редакція не хоче відхиляти, і загальний обсяг робиться вдвічі більший, ніж передбачалося²⁵. У листі від 12 березня 1905 р. М. С. Дринов сповіщає В. Златарського, що збірник вже підготовлений²⁶.

Подекуди М. С. Дринов ділиться у листах інформацією про поточні справи у Харківському університеті. 17 жовтня 1898 р. він сповіщає про свої приємні враження від святкування колегами 25-річчя його викладацької діяльності (захід відбувся 11 жовтня 1898 р.): „Преди една неделя моите тукашни другари и приятели взеха та отпразнуваха моето 25-годишно професорство в Харковский университет, с тия своя любезност те ми дадоха доста много нови замисли, поради които не можах да Ви се обадя досега“²⁷.

З листа від 25 березня 1903 р. стає зрозуміло, що протягом 1902–1903 навчального року М. С. Дринову довелося самому читати лекції з усіх розділів слов'янознавства, оскільки його помічник М. К. Грунський перебував у тривалому закордонному відрядженні до західно- та південнослов'янських земель²⁸. Взагалі, М. С. Дринов часто скаржиться на перевантаженість поточними справами, що заважають йому в наукових починаннях.

У листах описується також участь М. С. Дринова в апробації праць російських і українських болгаристів. 6 червня 1899 р. учений пише, що у травні отримав три праці на рецензування²⁹ (йдеться про праці М. Г. Попруженка „Синодик царя Борилу“, Б. М. Ляпунова „Исследование о языке синодального списка 1-ой Новгородской летописи“ та П. А. Сирку „К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке“). 27 вересня того ж року він скаржиться, що через хворобу не зміг зробити рецензію на працю П. А. Сирку в тому обсязі, в якому сподівався: „... Написах около 15 листов, и бях приготвил материал за още толково...“. М. С. Дринов відзначив, що, незважаючи на певні недоліки, П. А. Сирку зробив велику послугу науці, опублікувавши Зографський служебник та Зографський список з Євфимієвського служебника. З цього ж листа стає відомо, що у вересні М. С. Дринов підготував рецензію на працю Б. М. Ляпунова, після чого збирався взятися за рецензію на докторську дисертацію М. Г. Попруженка. Про те, з якою серйозністю М. С. Дринов підходив до написання рецензій,

свідчить його зауваження, що він зможе написати рецензію на дисертацію М. Г. Попруженка лише після того, як отримає фотографічне видання болгарського синодика, і просить В. Н. Златарського його надіслати³⁰.

У наступному листі від 8 листопада 1899 р. М. С. Дринов подякував за надісланий фотографічний примірник „Синодика...“, який, за його словами, дуже полегшив роботу над рецензією. Вчений пише, що вимушений працювати цілими днями, щоб завершити рецензію за десять днів³¹.

У листі від 27 жовтня 1903 р. М. Дринов повідомляє, що взявся за написання рецензії на дисертаційну працю П. А. Сирку, присвячену життю Св. Ніколи Софійського³².

Важливе місце у листах до В. Н. Златарського відведено враженням М. С. Дринова від наукових форумів, у яких він брав участь, у тому числі, про київський (1899 р.) і харківський (1902 р.) археологічні з'їзди. 6 червня 1899 р., напередодні XI археологічного з'їзду, М. С. Дринов повідомляє В. Н. Златарському, що не збирався їхати до Києва, але змінив свої плани, щойно довідався про заплановану участь у з'їзді В. Н. Златарського та групи болгарських учених³³. У листі М. С. Дринов передбачає, що на з'їзді може статися черговий раунд болгаро-сербської дискусії щодо етнографічних кордонів та інших спірних питань, і переконує В. Н. Златарського, що у цьому немає нічого поганого. В наступному листі, від 27 вересня 1899 р., М. С. Дринов висловлює свої позитивні враження від спілкування із болгарськими вченими у Києві, яке відбулося, на його думку, „... много спокойно, приятно и весело...“³⁴.

У листі від 16 липня 1902 р. М. С. Дринов нагадує В. Н. Златарському, що у серпні 1902 р. у Харкові має відбутися черговий XII археологічний з'їзд, на який запрошені зарубіжні гості. Вчений висловлює стурбованість з приводу того, що запрошення були розіслані надто пізно, але сподівається, що вони отримані вчасно у болгарському Вищому училищі (університеті). М. С. Дринов запрошує до участі у форумі В. Н. Златарського, Б. С. Цонева, Л. Г. Мілетича, І. Д. Шишманова, а також й інших представників болгарської науки. Він пропонує скористатися найбільш зручним, на його думку маршрутом – водним транспортом по Дунаю та Чорному морю до Одеси або Миколаєва, а потім залізницею до Харкова. М. С. Дринов запросив болгарських гостей зупинитися на час з'їзду в його харківському будинку в Рудаківському провулку, а якщо не вистачить місця – й у його друзів³⁵.

На жаль, через занадто пізню розсилку запрошень, а також через внутрішні проблеми у софійському Вищому училищі, болгарські вчені не змогли потрапити до Харкова на XII археологічний з'їзд. Тому в наступному листі від 14–18 вересня 1902 р. М. С. Дринов ділився враженнями, що харківський з'їзд „...излезе много поинтересен отколкото можеше да се очаква и по научните си резултати надмина Киевский“. Із задоволенням учений повідомив, що болгаристика („българската етнография и стара книжнина“) на з'їзді була представлена чотирма доповідями. Дві з них зробив М. С. Дринов про болгарські писемні пам'ятки („Видение пророка Исаяи о последнем времени“ и „Об одном рукописном сборнике церковных чиноположений XIV века“), а дві доповіді, присвячені „бердянським“ та „кримським“ болгарам, зробили „двома млади руски учени“ (мова йде про М. С. Державіна та О. Ф. Музиченка)³⁶.

У листах М. С. Дринова містяться деякі відомості, що стосуються ювілею Ю. І. Венеліна, а також інформація про його родичів. М. С. Дринов повідомляє, що зусиллями О. І. Маркевича знайдений 84-річний брат Ю. І. Венеліна Іван Гуца, що проживав на території Австро-Угорщини. М. С. Дринов висловив клопотання призначити брату Ю. І. Венеліна матеріальну допомогу в розмірі 1-2 тисячі левів від болгарського уряду³⁷.

Після смерті М. С. Дринова листування продовжили його дружина Маргарита Іванівна та донька Марія Маринівна (Сасецька). Окрім інформації особистого харак-

теру, в листах містяться дані про кропітку роботу із впорядкування архіву і бібліотеки вченого. У листі від 17 червня 1906 р. М. М. Дринова пише: „... Ужасно жаль и досадно, что при жизни папа не распорядился относительно своей библиотеки. Нам хорошо известно, что значительную часть своих книг он желал переслать в Софию, и эту волю его мы всенепременно исполним, о чем я уже писала господину Шишманову. Спасибо, Василий Николаевич, за Ваши указания о корреспонденции папы, имеющей значение для Болгарии. Я тоже и не раз слышала от отца, что среди писем его есть очень важные документы. Как рукописи, так и письма находятся в особом сундуке. Всё это мы сохраняем. Мне бы очень хотелось составить возможно скорее каталог папиной библиотеки. Со вчерашнего дня мы с братом взялись переписывать книги, находящиеся у папы в нижнем этаже; проф. Редин обещал оказать нам содействие в этом деле. Ко времени прибытия болгарской депутации содержимое в ящиках, можно надеяться, будет приведено в известность, и тогда сама депутация может указать, что из книг должно быть переслано в Болгарию и что оставлено на месте как ненужное“³⁸.

У листівці від 25 грудня 1906 р. М. М. Дринова повідомила В. Н. Златарського, що того ж дня відправила І.Д. Шишманову опис давніх рукописів з колекції М. С. Дринова³⁹. 30 липня 1908 г. М. І. Дринова писала, що дочка у свій час надіслала каталог бібліотеки М. С. Дринова для того, щоб комісія відібрала книги, необхідні для Софійського університету⁴⁰.

У листі від 27 травня 1910 р. М. І. Дринова сповіщає, що випадково знайшла серед своїх речей вступну лекцію свого чоловіка⁴¹. Відносно цього документа, М. М. Сасецька (Дринова) 5 березня 1915 р. повідомляла В. Н. Златарського: „... завтра вышлю Вам в заказном пакете первую вступительную лекцию покойного папы. Кроме нея у нас ещё имеются: 1) публичная лекция папы, читанная в Харьк[овском] Университете и напечатанная в сборнике „Болгария накануне ея погрома“ 2) „Записка о деятельности временного русского управления в Болгарии“, читанная папой в Болгар[ском] Народном Собрании по поручению Князя Дондукова-Корсакова. Если эти статьи Вам нужны – вышлю немедленно“⁴².

На жаль, колекція листів родини М. С. Дринова у фонді В. Н. Златарського хронологічно обмежена моментом вступу Болгарії у Першу світову війну на боці ворожої Росії блоку (очевидно, вона була перервана).

Таким чином, кореспонденція М. С. Дринова і його близьких із В. Н. Златарським є цінним джерелом для дослідження як біографії вченого, так і стану вітчизняної болгаристики рубежу XIX–XX ст. У листах містяться біографічні дані, погляди М. С. Дринова на окремі наукові проблеми, фрагментарна інформація про Харківський університет, а також дані про кропітку роботу із впорядкування архіву та бібліотеки М. С. Дринова після його смерті.

¹ Горина, Л. Марин Дринов: Историк и обществен деец. София, Академично издателство „Проф. Марин Дринов“, 2006. 239 с.

² Лаптева, Л. П. Марин Дринов и его связи с чешским ученым Адольфом Патерой (По письмам М. С. Дринова). – Дриновський збірник/Дриновски сборник. Т. 3. Харків–Софія, 2009, с. 400–406.

³ Симеонова, Р. Кореспонденцията между проф. Марин Дринов и Димитър Ризов във връзка с проектираното издаване на „Македонский календар“, съхранявана в Българския исторически архив на Народната библиотека „Кирил и Методий“. – Марин Дринов. Материали от българо-съветска научна конференция „150 години от рождението на М. Дринов“ и „110 години Народна библиотека Кирил и Методий“, ноември, 1988 г. София, 1989, с. 203–209.

⁴ Миладинова, Е. Отношенията на Марин Дринов с Васил Златарски и Иван Шишманов (Според документални материали в научния архив на БАН и Българския исторически архив на Народната библиотека „Кирил и Методий“). – Марин Дринов. Материали от българо-съветска научна конференция „150 години от рождението на М. Дринов“ и „110 години Народна библиотека Кирил и Методий“, ноември, 1988 г. София, 1989, с. 155–203.

- ⁵ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 930, арк. 2.
- ⁶ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 924, арк. 1 зв.
- ⁷ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 935, арк. 1.
- ⁸ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 950, арк. 1–2.
- ⁹ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 996, арк. 1 зв.– 2.
- ¹⁰ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 1024, арк. 5 зв.
- ¹¹ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 1048, арк. 2 зв.
- ¹² НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 1073, арк. 1 зв.
- ¹³ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 907, арк. 1.
- ¹⁴ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 918, арк. 1.
- ¹⁵ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 935, арк. 2.
- ¹⁶ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 915, арк. 1, 5.
- ¹⁷ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 918, арк. 1 зв.
- ¹⁸ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 936, арк. 1–4.
- ¹⁹ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 918, арк. 2 зв.
- ²⁰ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 924, арк. 2.
- ²¹ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 928, арк. 2–2 зв.
- ²² НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 924, арк. 2.
- ²³ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 932, арк. 1 зв.
- ²⁴ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 935, арк. 2 зв.
- ²⁵ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 1024, арк. 6 зв.
- ²⁶ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 1048, арк. 2 зв.
- ²⁷ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 907, арк. 1–1 зв.
- ²⁸ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 985, арк. 1.
- ²⁹ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 918, арк. 2.
- ³⁰ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 924, арк. 2.
- ³¹ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 928, арк. 1.
- ³² НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 996, арк. 2.
- ³³ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 918, арк. 2.
- ³⁴ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 924, арк. 1.
- ³⁵ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 963, арк. 1–2.
- ³⁶ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 965, арк. 1 об.–2.
- ³⁷ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 965, арк. 2.
- ³⁸ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 1075, арк. 2–4.
- ³⁹ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 156, арк. 3–3 зв.
- ⁴⁰ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 2630, арк. 2–2 зв.
- ⁴¹ НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 1237, арк. 2 зв.
- ⁴² НА–БАН, ф. 9 к, оп. 1, а.е. 1478, арк. 1–2.

**„ДЕЛО 13-ТИ“
(О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ „БОЛГАРСКОЙ
КОНТРЕВОЛЮЦИОННОЙ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ В УКРАИНЕ“ 1937–1938 гг.)**

М. Г. Станчев

Станчев, М. Г. „Справа 13-ти“ (про так звану „Болгарську контрреволюційну націоналістичну організацію в Україні“ 1937–1938 рр.)

Автор вперше публікує невідомі документи з таємного архіву НКВС України. Проліваючи світло на справу на так звану „Болгарську контрреволюційну націоналістичну організацію в Україні“, вони розкривають трагедію болгарської інтелігенції в СРСР під час сталінських репресій 1930-х рр.

Ключові слова: документи, націоналістична організація, справа, болгари, сталінські репресії.

Станчев, М. Г. „Дело 13-ти“ (о так называемой „Болгарской контрреволюционной националистической организации в Украине“ 1937–1938 гг.)

Автор впервые публикует неизвестные документы из секретного архива НКВД Украины. Пролливающие свет на дело так называемой „Болгарской контрреволюционной националистической организации в Украине“, они раскрывают трагедию болгарской интеллигенции в СССР во время сталинских репрессий 1930-х гг.

Ключевые слова: документы, националистическая организация, дело, болгары, сталинские репрессии.

Stanchev, M. G. “Business of 13” (about so-called “The Bulgarian counterrevolutionary nationalist organization in Ukraine” 1937–1938)

The author publishes for the first time documents still unknown from the People’s Commissariat for Internal Affairs confidential archive of Ukraine which shine so-called business about “The Bulgarian counterrevolutionary nationalist organization in Ukraine” and reveal the tragedy of the Bulgarian intellectuals in the country in the 30s years of the 20th century during Stalin repressions.

Keywords: documents, nationalist organization, business, Bulgarians.

1937 год стал знаковым в истории СССР, в истории многих народов, населяющих многонациональную советскую империю. Не стал этот год исключением как для этнических болгар, живущих компактными группами в ряде областей Украины, так и для болгарских эмигрантов, волею судеб оказавшихся в Советском Союзе. В Харькове, как первой столице советской Украины (до 1934 г.), была сосредоточена основная группа болгарской интеллигенции, работавшая в различных творческих и других организациях. Демонстрируя открытость национальной политики, сталинское руководство в 1920-е годы позволило создать болгарские административно-хозяйственные районы в Украине, национальные ячейки союзов писателей и журналистов, представители которых трудились в болгарских газетах, выпускавшихся до середины 1930-х гг.

Автором был обнаружен комплекс документов из архивов НКВД¹, переданных в Харьковский областной государственный архив, отражающих картину репрессий против болгарской интеллигенции Украины в конце 30-х годов XX столетия. Все они сконцентрированы в фонде репрессированных – ф. Р6452, оп. 1, дд. 7217, 7218, 7219. К настоящей публикации подготовлены только некоторые из них, связанные (под условным названием) с „Делом 13-ти“. Это документы вымышленной „Болгарской контрреволюционной националистической организации“, по „делу“ которой в 1937

г. в Харькове была арестована группа болгарских писателей и журналистов, работавших, в основном, в Укрнацкомиздате², газетах и журналах „Коллективист“, „Съветско село“, „Бъди готов“, „Млад ударник“ и других³. Им было предъявлено надуманное обвинение „в создании болгарской контрреволюционной националистической повстанческой организации“, действовавшей якобы под прикрытием болгарской секции Балканского клуба⁴. Организации ставили в вину „создание на территории СССР самостоятельного болгарского буржуазно-националистического государства и подбора кадров для вооруженного восстания против советской власти в момент войны“, контакты с иностранными разведками и видными „местными националистами“ в болгарских национальных районах.

По делу проходили 15 человек: 1) Мицев Серафим Иванович, 2) Фуклев Николай Петрович, 3) Радев Волчан Волчанов, 4) Варбанский Виктор Федорович, 5) Велев Панчо Колев, 6) Войников Иван Павлович, 7) Иванов Степан Федорович, 8) Мицев Николай Серафимович, 9) Пейчев Николай Иванович, 10) Попазов Дмитрий Дмитриевич, 11) Скендеров Владимир Иванович, 12) Федосов Федор Ильич, 13) Хаджикочев Кирилл Константинович, 14) Чудра Петр Ярович и 15) Шаховцов Иван Николаевич. Последний – украинец, реэмигрировавший из Болгарии и женатый на болгарке. На каждого из них в деле имеется краткая биография, характеристика и „аргументация“ причин ареста и обвинений, строившихся на личных, выбитых силой признаниях самих осужденных. Все участники, привлеченные по делу (их, разумеется было больше пятнадцати человек), были осуждены по двум статьям Уголовного кодекса – 54-11-10 („участие в контрреволюционной националистической организации“) и 54-6-10 („агент иностранной разведки“). По „результатам“ следствия к высшей мере наказания – расстрелу, без суда, были приговорены 13 человек (кроме В. Ф. Варбанского и П. К. Велева). Арестованные содержались в следственном изоляторе НКВД Харьковской области. О судьбе каждого из них долгие годы даже ближайшим родственникам ничего не было известно, о чем свидетельствуют публикуемые документы. В одном из них, в частности, жена Ф. И. Федосова Винникова Нина Григорьевна в 1956 г. обратилась в КГБ СССР с просьбой „пересмотреть дело ее мужа и реабилитировать его, дав ему возможность возвратиться в семью, а моей дочери увидеть отца...“. Ни жена, ни дочь не знали, что их отца в живых не было уже 18 лет. И место захоронения осталось неизвестным.

В целом все публикуемые документы можно разделить на несколько групп: документы 1937–1938 гг., связанные с обвинением и арестом подозреваемых: постановления органов НКВД об избрании меры пресечения и военного прокурора (*дела гражданских лиц почему-то рассматривает военная прокуратура – М. С.*); ордера на арест, протоколы обысков и даже квитанции об изъятии ценных и других вещей у арестованных; анкеты арестованных, в которых содержится важная биографическая информация; заявления и личные „признания“ обвиняемых, выбитые во время проведения следствия. Анализ протоколов обысков показывает, что были изъяты только личные документы обвиняемых (паспорта, партийные и комсомольские билеты, пропуска на работу, ручные часы и проч.). Как указывается в обвинительных документах, „вещдоков (*так в документе – М. С.*) не было“. То есть какими-либо вещественными доказательствами вины обвиняемых, кроме их собственных „заявлений“ и „личных признаний“, следствие не располагало, что будет признано только в 1956 г. Документы скомпонованы по персональным „делам“ осужденных, например, „Дело Мицева С. И.“ и др. Внутри „дела“ документы подаются в хронологическом порядке.

О сфабрикованности „Дела 13-ти“ говорит и тот факт, что все „признания“ словно писались под диктовку – стандартные обвинения „в участии в контрреволюционной националистической организации“ и пособничеству „иностранным разведкам“. Арестованные в одну ночь и размещенные по разным камерам харьковской тюрьмы № 5, обвиняемые не могли „договориться показывать одно и то же, называть одни и те

же фамилии“. Некоторые из них признали, что самооговорили себя под угрозой силы и отказались от данных показаний, однако в следующих протоколах они вновь признавали „свою вину“. Самооговаривали себя, оговаривали и своих товарищей. Сами протоколы не публикуются. Даются лишь некоторые отдельные выписки из заявлений и „личных признаний“. Чтобы показать характер признаний, публикуется общее обвинительное заключение по „Делу 13-ти“, обзорные выписки по следственному делу осужденных, их краткие биографии и характеристики.

Документы 1956 г. представляют собой, в основном, справки о реабилитации осужденных, жалобы жен на пересмотр дел своих мужей, показания свидетелей и обзорные справки по архивно-следственным делам, постановление Харьковского областного суда о пересмотре дел, протест военного прокурора Киевского военного округа по решению Особой тройки Управления НКВД по Харьковской области от 28 октября 1938 г. и др. Причем, до 1956 г. никакие жалобы относительно пересмотра дела (которые можно условно выделить в отдельную группу документов, свидетельствующих о семейных трагедиях) не принимались.

Люди долгие годы не могли найти своих близких и ничего не знали об их судьбе. Если проанализировать жалобы жен обвиняемых 1938–1939 гг., то становится очевидным, что органы НКВД и местная прокуратура нагло лгали родственникам о том, что никакой информацией они не располагают, а если и давали какие-то справки, то тоже вралы женам и их семьям, что их мужья высланы на 10 лет со строгой изоляцией. И это при том, что все осужденные были расстреляны 4 ноября 1938 г. До развенчания культа Сталина люди не могли получить правдивую информацию. Так, в 1954 г. жена С. И. Мицева Е. И. Калицева обратилась в Управление КГБ по Харьковской области с просьбой пересмотреть дело ее мужа и выделить денежное пособие на ее детей, однако ее просьба осталась неудовлетворенной. А когда Серафима Мицева и его сына оправдали в 1956 г. Е. И. Калицевой трижды пришлось обращаться в органы советского правосудия с просьбой выдать ей справки о реабилитации мужа и сына, чтобы после долгих препирательств добиться своего.

С подобными просьбами во все органы власти обращались практически все жены арестованных, которые хотели узнать о судьбе своих мужей, но никакой информации они так и не получили. Активнее всех была жена Н. П. Фуклева – Фуклева Валентина Петровна, которая написала около 10 писем и жалоб во все инстанции – органы НКВД, Прокуратуры, Верховного Совета СССР, лично И. В. Сталину и М. И. Калинин. Однако результат был один и тот же: власть упорно молчала, круговой порукой скрывая свои преступления. На всех жалобах даже нет резолюций (только факт регистрации). Исключение составляют жалобы, направленные М. И. Калинин или в Комиссию по делам репрессированных Верховного Совета СССР, которые переправляли с формальной просьбой разобраться обратно в прокуратуру Харьковской области. В те времена надо было обладать мужеством обращаться в высшие инстанции – власти, недовольные, что их „достаю“, могли отправить В. П. Фуклеву в Сибирь, ставшей в те времена для многих советских граждан „второй родиной“.

Все представленные документы публикуются впервые. В них, к сожалению, фамилии некоторых участников „процесса“ (которого не было), даются без имен/отчеств и без указания должностей и профессий, поэтому идентифицировать их не всегда удается. В материалах следствия нам не удалось найти какие-либо справочные материалы о них. В публикуемых документах сохранен стиль изложения того времени. У многих подследственных в тексте проскакивают болгаризмы (у болгар всегда были проблемы с падежами в русском языке), но это лишь подчеркивает аутентичность документов. Многие т. н. „заявления“ и „признания“ писались малограмотными следователями, поэтому в текстах сохранены их грамматические ошибки, искажены фамилии многих участников „процесса“. Сокращение слов раскрывается в квадратных скобках. Автором в скобках даны также исправления или пояснения.

ДОКУМЕНТЫ

1. „Дело“ Мицева Серафима Ивановича⁵

№ 1

Письмо Г. Димитрову⁶

6 сентября 1926 г.

г. Харьков

Дорогой товарищ Димитров.

Вчера получил Ваше письмо от 1 сентября 1926 г., искренне радуясь, что сегодня я имею возможность выполнить его содержание, которое я вполне разделяю. С переводным билетом АА № 336138 посылаю сумму 1100 рублей (одну тысячу сто рублей) на твое имя. Тысячу рублей посылаю на условиях, указанных в письме (взаимобразно) и 100 р. добровольный взнос на усиление фонда журнала „Коммунистическое знамя“, которое играет в эти важные исторические времена великую роль по объединению трудящихся Болгарии, под знаменем ВКП(б) за скорейшее свержение белогвардейского фашизма и установление в Болгарии власти рабочих и крестьян.

С комприветом

С. И. Мицев

С подлинным верно: Заграничного представительства БКП – Сапунов⁷

Печать Болгарского представительства Коминтерна, Москва, 13 октября 1927 года.

Верно: член партии с 1905 г. № п/б 673186 (Галин)⁸

Государственный архив Харьковской области (далее ГАХО), ф. Р6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 310. Копия.

№ 2

Квитанция № 8542

Получено от тов. Мицева С. И. Для перевода почтовой в город Москву на имя Г. Димитрова сумма 110 червонцев (сто десять червонцев – тысяча сто рублей) Харьков, 6 сентября 1926 г.

Государствен(ный) банк(овский) контролер

Кассир (фамилия нечитабельна)

С подлинным верно: Заграничное Представительство БКП (Сапунов)

Печать Болгарского представительства ИККИ

С копией заверенной. Верно: член партии с 1905 г. № п/б 673186

подпись (Галин)

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 311. Копия.

№ 3

Письмо С. И. Мицеву от заграничного бюро БКП в Коминтерне⁹

Болгарское представительство Болгарской партии при ИККИ

14 сентября 1926 г.

Уважаемый тов[арищ] Мицев!

Присланные Вами 1100 рублей мы получили. От имени ЦК Болгарской компартии мы выражаем свою благодарность и свое удовлетворение, что Вы так быстро и так щедро отозвались немедленно выполнить свой революционный долг.

Нет нужды уверять Вас, что ЦК БКП никогда не забудет и сумеет оценить этот Ваш акт, сделанный в таких важных и критических моментах для восстановления расстроенных рядов нашей партии.

За ЦК ВКП(б) (Боян)

Печать Болгарской коммунистической партии (тесняков)

Болгарского представительства Болгарской партии Коминтерна

С подлинным верно заграничного представительства ВКП (Сапунов)

Тоже печать
Москва, 13 октября 1927 г.

С подлинным верно: член партии с 1905 г. № п/б 673186 (Галин)
ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 312. Копия.

№ 4

Выписка из протокола № 24 заседания партколлегии ЦКК ВКП(б)¹⁰

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТРОЛЬНАЯ КОМИССИЯ

От 1-го июля 1928 года, параграф 4-й

СЛУШАЛИ: о тов. МИЦЕВЕ С. И., обвиняемого в ряде проступков (просьбу ЦК КП Болгарии об исключении МИЦЕВА из ВКП(б).

МИЦЕВ Серафим Иванович, 38 лет, член ВКП(б) с 1924 года (партбилет № 051631), ранее с 1918 г. по 1921 год состоял в болгарской партии и был исключен за фракционность; с 1913 по 1915 г. состоял в либеральной партии Болгарии; служащий, образование высшее – юрист; с 1915 г. по 1918 г. служил офицером Болгарской армии. В 1923 году прибыл из Болгарии в СССР как политэмигрант. Болгарским окружным судом за участие в сентябрьском восстании приговорен заочно к 15-ти годам каторги. В момент привлечения по настоящему делу был членом Центральной Комиссии нацменьшинства при Президиуме ВУЦИКа¹¹, – в настоящее время безработный.

19 марта 1928 года Болгарской секцией при ИККИ¹² был привлечен к партийной ответственности за то, что он, не будучи членом КП Болгарии, обманул доверие партии при переводе его в ВКП(б), благодаря чему и был переведен, а также за сокрытие своего прошлого дезертирства с фронта во время сентябрьского восстания в Болгарии, неправильные его указания на то, что он был членом Революционного комитета, комендантом города Берковицы и командиром революционного полка. ЦК Болгарской компартии просит ЦКК исключить Мицева С. И. из рядов ВКП(б) как чуждый элемент. Ряд товарищей (бывш(ие) членом Революционного комитета) отрицают дезертирство тов. Мицев с фронта, характеризуют его с лучшей стороны, как активного участника гражданской войны.

ПОСТАНОВИЛИ:

а) считать, что у ЦКК ВКП(б) нет основания для исключения тов[арища] Мицева С.И. из рядов ВКП(б);

б) объявить тов[аришу] Мицеву строгий выговор за сокрытие от партии факта исключения его из рядов КП Болгарии в 1921 году и считать его членом ВКП(б) с 1924 года;

в) предложить тов[аришу] Мицеву внести соответствующие исправления в свою автобиографию относительно своего революционного прошлого;

г) обязать тов[арища] Мицева отказаться от какого-то ни было участия в работе КП Болгарии и без специального разрешения на такую работу ЦК КП Болгарии.

т.т[оварищи] ШОРОХОВ, ЯРОСЛАВСКИЙ, СРЕГУШОВ, ЯНСОН, СМИДОВИЧ, МИЦЕВ, САПУНОВ И ЦОНЕВ / Болгарская секция ИККИ/ Ангел ЗЛАТКОВ, ТАСОВ, ПЕТРОВ, ТОДОРОВ, МОСКОВ

Секретарь Партколлегии – Ярославский
Заверяю: чл.: партии 1905 г. п/б 673186 подпись /ГАЛИН/
Печать: Постійн[а] промисл[ова] виставка
17. 03. 1935 г. Верно – подпись

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, д. 7217, л. 313. Копия с копии.

№ 5

Постановление об избрании меры пресечения

Гор. Харьков, 10 февраля 1938 года.

Я, оперуполномоченный III отдела УГБ ХОУ НКВД¹³ – Коган, рассмотрев материалы по обвинению гр. Мицева Серафима Ивановича, 1890 г. рожд[ения], урож[енца] Болгарии, болгарина, гражд[анина] СССР, члена ВКП(б), директора выставки рационал[изаторов] и изобретат[елей], проживает по Барачному пер. № 8, кв. 112 в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 54-6, выразившихся в том, что он подозревается в проведении контрреволюционной националистической и шпионской деятельности, Нашел, что: нахождение его на свободе может отразиться на ходе следствия.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 143, 145 и 156 УПК УССР,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Избрать мерой пресечения способов уклонения от суда и следствия по отношению к обвиняемому МИЦЕВУ СЕРАФИМУ ИВАНОВИЧУ – содержание под стражей в харьковской тюрьме.

2. Настоящее постановление представить военному прокурору.

Опер. Уполномоченный III отдела УГБ – подпись.

Согласен: нач. III отдела УГБ, ст. лейтенант госбезопасности – подпись.

Утверждаю: нач. ХОУ НКВД, майор госбезопасности – подпись.

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 1. Оригинал, печатный текст.

№ 6

Постановление

Гор. Харьков, 1938 г., 10 февраля

Военный прокурор Харьковского военного округа, рассмотрев материалы по делу по обвинению гр[аждани]на МИЦЕВА Серафима Ивановича – 1890 г. рожд[ения] по ст. ст. 54–6, принимая во внимание, что нахождение на свободе обвиняемого МИЦЕВА С. И. может отразиться на ходе следствия.

Потому, руководствуясь ст. 143, 145 и 156 УПК УССР,

ПОСТАНОВИЛ:

Мерой пресечения обвиняемому МИЦЕВУ Серафиму Ивановичу избрать содержание под стражей в харьковской тюрьме.

Копию настоящего постановления направить начальнику III отдела УГБ НКВД по Харьковской области, за которым зачислить арестованного.

Военный прокурор ХВО, военюрист 1 ранга, подпись /Блауберг/.

Постановление мне объявлено „ ___ “ 1938 г.

Обвиняемый _____ (подписи нет. Мицев даже не был ознакомлен с предъявлением ему обвинения – М. С.)

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 2. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 7

Ордер на арест № 26/51

УССР

Народный комиссариат внутренних дел

Харьковское областное отделение

Выдан „11“ февраля 1938 г.

Действителен „_____“ суток.

Сотруднику Харьковского областного управления НКВД УССР Федорову поручается произвести обыск и арест гр[аждани]на Мицева Серафима Ивановича, проживающего – Барачный пер. № 8, кв. 112.

Всем органам советской власти и гражданам УССР надлежит оказывать законное содействие предъявителю ордера при исполнении им возложенных на него поручений.
Зам. начальника ХОУ НКВД, майор Госбезопасности – Рейхман
Нач. 2 отдела УГБ НКВД, ст. лейт[енант] Госбезопасности – Чернов
ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 3. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 8
Протокол обыска
УССР

Народный комиссариат внутренних дел
Харьковское областное управление
1938 г., февраля, 11 дня.

Я, инспектор III отдела РКМ НКВД УССР¹⁴ Федоров, на основании ордера, выданного н[аркомато]м управления НКВД УССР за № 26/51 произвел обыск у гр[аждани]на Мицева Серафима Ивановича, проживающего в г. Харьков, Барачный пер. № 8, кв. 112.

При производстве обыска присутствовали: Писецкий Владимир Константинович, проживающий – Барачный пер. № 8 (*квартира не указана, что может означать, что данное лицо является вымышленным – М. С.*).

Согласно полученным указаниям задержан гр[ажданин] Мицев Серафим Иванович.

Изъято для представления в НКВД УССР следующее:

№ п/п	Наименование изъятого	Количество	Качественное состояние
1	Паспорт, выдан III отделом РКМ г. Харькова ХК № 67473 на 5 лет	1	Паспорт хранится в 8-м отделении УГБ ХОУ НКВД
2	Партийный билет на имя Мицев Серафим Иванович № 0804279	1	
3	Ручные часы (без указания фирмы)	1	

Жалобы на неправильности, допущенные при обыске, на пропажу вещей, ценностей и документов – нет.

В протоколе все занесено правильно, протокол нам прочитан, в чем подписываемся. Обыскиваемый – подпись /Мицев/.

Представитель домоуправления – подпись /Писецкий/.

Производивший обыск – подпись /Федоров/.

Копию протокола получил – подпись /Мицев/.

Примечания: 1. Все претензии и заявления должны быть внесены в протокол до его подписания. После подписи никакие жалобы и претензии не принимаются.

1. За справками обращаться в _____ НКВД УССР по адресу.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 4. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 9
Копия квит[анции] № 86

Ценности и вещи арестованных. Форма № 13

РО УГБ ХОУ НКВД _____ (наименование райгорapparата)
13 февр[аля] 1938 г.

Принято согласно протокола № _____ 11 февр[аля] 38 г.

По делу гр[аждани]на Мицева С. И.

Ручные часы без фирмы – один.

Казначей – подпись.

Указанные в сей квитанции ценности (вещи) занесены правильно. Квитанцию получил на руки: _____ подпись владельца (*отсутствует – М. С.*).

Поименованные ценности опечатаны в „_____“ пакетах.

_____ (указать текст оттиска печати) (*печать отсутствует – М. С.*).

_____ (подписи секретаря счетовода) (*подпись отсутствуют – М. С.*).

_____ (в лице сдавшего ценности) (*подпись отсутствует – М. С.*).

Перечисленные в квитанции ценности (вещи)

_____ получил:

_____ (подпись владельца) (*отсутствует – М. С.*).

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 5. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 10

Анкета арестованного

1. **Фамилия** – Мицев.
2. **Имя и отчество** – Серафим Иванович.
3. **Дата рождения: число** „__“ **месяц** __ январь **год** __ 1890.
4. **Место рождения** – г. Берковицы, Болгария.
5. **Место жительства (адрес)** г. Харьков, Барачный пер., № 8, кв. 112.
6. **Профессия и специальность** – научный музейный работник – юрист.
7. **Место службы и должность, или род занятий** – директор выставки изобретательства и рационализации.
8. **Паспорт** – выдан 3-м РК милиции г. Харькова.
9. **Социальное происхождение** – из крестьян.
10. **Социальное положение:**
 - а) до революции – студент и учитель;
 - б) после революции – адвокат.
11. **Образование** – высшее.
12. **Партийность (в прошлом и настоящем)** – член ВКП (б).
13. **Национальность и гражданство (подданство)** – болгарин, гражд[анин] СССР.
14. **Категория воинского учета – запаса и где состоит на учете** – не состоит.
15. **Служба в белых и др[угих] к [онтр] – р[еволюционных] армиях, участие в бандах и восстаниях против Советской власти в качестве кого** – не служил.
16. **Каким репрессиям подвергался при Соввласти: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)** – не подвергался.
17. **Состав семьи** – жена Мицева Екатерина Ивановна, 38 л[ет], домохозяйка, сын – Мицев Николай, 25 л[ет], студент, сыновья – Юрий, 10 лет, Анатолий и Сергей по 2 года.

Подпись арестованного /Мицев/.

Подпись сотрудника, заполнявшего анкету (*подпись неразборчива*).

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 7. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 11

Постановление по делу № (№ отсутствует – М. С.)

Гор. Харьков, 14 февраля 1938 года

Я, вр[еменный] нач[альник] Ш отдела УГБ ХОУ НКВД УССР Скраливецкий, рассмотрев следственный материал по обвинению гр[ажданина] Мицева Серафима Ивановича в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54 п. 1 „а“ УК УССР, нашел, что про-

изведенными следственными действиями установлено, что Мицев Серафим Иванович является одним из активных участников и руководителей болгарской контрреволюционной националистической организации, проводил активную контрреволюционную националистическую работу на Украине.

На основании ст. 126 УПК и руководствуясь ст. 127 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

Привлечь гр[ажданина] Мицева Серафима Ивановича в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по ст. ст. 54 п. 1 „а“ УК УССР, копией настоящего постановления сообщить обл[астному] Прокурору.

Вр[еменный] нач[альник] отделения III отдела УГБ /Скравилецкий/.

Согласен: начальник III отдела – подпись (*неразборчива*).

Постановление мне объявлено – подпись (Мицев).

28 февраля 1938 г.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 8. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 12

Заявление С. И. Мицева

Начальнику 9 обл[астного] управления НКВД через ст[аршего] следователя гр[ажданина] В. Н. Скравилецкого от подследственного Мицева Серафима Ивановича

Желая целиком и полностью искупить свою вину перед партией, Советской властью и социалистической родиной настоящим считаю необходимым сделать совершенно искренне заявление органам следствия, ничего не утаивая по совершенных мной контрреволюционных националистических преступлениях.

Я вступил в болгарскую Коммунистическую партию в 1918 г. и до 1925 года был преданным членом партии. В 1924 г. за активное участие в народно-революционном восстании против фашистского правительства Цанкова, болгарский фашистский суд меня присудил к 15 годам каторги и 20 лет лишения всех прав.

В 1925 г. в Харьков прибыл как руководитель болгарской секцией ЦК КП(б)У Мальчев (Генко Крыстев)¹⁵, бывший меньшевик, который был даже некоторое время от меньшевиков депутатом болгарского парламента. Мальчев явился центральной фигурой и организатором националистической болгарской организации. Под влиянием Мальчева в состав этой организации я сам вступил. Определяя общие задачи сообщаю, что они были направлены к разобщению между болгарам и остальными народами. Под видом того, что болгарский народ на Украине имеет свою 150-летнюю историю, поэтому у болгарского народа имеются отличительные качества, по сути проводилась шовинистическая пропаганда. В этом отношении центр проводил линию, которая отражала национально-демократический уклон Скрыпника¹⁶, утверждая, что болгарская нация безбуржуазная.

По мере возрастания общей классово-борьбы на Украине естественно менялся и характер практической работы организации, приобретая более острые, но более конспиративные (*так в тексте, возможно имелось ввиду конспиративные – М. С.*) формы. Таким образом оформился руководящий центр болгарской националистической организации.

О составе центра и его работе я дам более подробные показания перед следствием. Линия Мальчева имела связь с директивами, которые он, по его словам, получал из Москвы от Гаврила Генова¹⁷ и Сапунова. В 1928 году ввиду перехода из Нацмена (*Украинское государственное издательство для национальных меньшин – М. С.*) на общую работу, моя личная роль стала узкой (*узкой – М. С.*) и дальнейшая работа как члена организации проводилась в болгарском издательстве.

При допросе ничего не утаивая, я сообщу о составе организации и ее работе, соответственно по периодам.

12 февраля 1938 г., 51 камера.

Подпись – Мицев

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 9–10. Оригинал, рукопись.

№ 13

Личные показания Мицева С. И.

Став на путь разоблачения своих контрреволюционные националистические преступления и контрреволюционные националистические преступления лиц мне известных, я даю правдивые показания перед следственными органами НКВД.

В конце 1925 г. и начало 1926 г. из г. Москвы из болгарской секции Коминтерна в лице т[оварища] Гаврила Генова и Сапунов был командирован для работы в ЦК КП(б)У в качестве завед[ующего] болгарской секцией редактор болгарской газеты старый широкий социалист (болгарский меньшевик) Генко Крыстев (Мальчев). С конца 1924 г. до приезда Мальчева я работал в ЦК КП(б)У на этой работе. Но через много времени Генко Крыстев сообщил мне, что против меня имеется поданные очень много компрометирующие материалы, который написал в ЦК Болг[арской] компартии Гавриил Генов и меня ожидает исключение из партии.

Одновременно он сообщил мне как члена Центрального болгарского бюро ЦК КП(б)У Ш Коммунистический интернационал не представляет силу – он объединяет около 20 миллионов людей – а II-й интернационал эта сила объединяет 60 миллиона и он может защитит интересы междун[ародной] революции, которая затягивается. Нужно создат всред (*среди* – М. С.) болгар националистический центр для работы всред местных болгар. Эти суждения Мальчева были известны и в[торо]му члену болгарского бюро ЦК КП(б). У т. Иджилова¹⁸, который требовал несоглашаться с Мальчевым, но в бюро он остался.

Мальчев объединил вокруг своей личности махровых националистов из местных болгар Димитрия Димитрова¹⁹, брата Фуклеви²⁰ (имя одного Николай) и Пейчев Николай Федосеевич²¹, потом какой-то Садовой²² и др[угих] лиц местных болгар, имя которых не помню. Мальчев заявил мне, что через него от Сапунова и Гаврила Генова будут посылаемы для работы сред местных болгар на Мелитополщине и Одесчине много политэмигрантов болгар. И действительно через Мальчева, как заведующий и руководитель контрреволюционной организации в Харькове, в большинстве случаев без знание мое и Иджилова отправлялись по районам много болгар. Там были раньше Сапунов и направлены на ответственные работы Кирил Иванов²³, Чолаков²⁴ и др[угие], которые имени не помня. Мальчев с ними связался и даже в Харькове было расширенное совещание с местными работниками.

Переписка с Г. Генова и особенно с Сапуновым Мальчев имел почти ежедневно. Многие письма мне он не показывал, как и письма, которые он оправлял Сапунову и Г. Генову, за редкими исключениями. Так он постоянно всевозможными средствами: через болгарск[ие] газеты „Советское село“ (он был редактором), через писма, разные совещания, а именно ездил по районам, все время знакомился, он популяризировал свои националист[ические] идеи. Например, мне известно, что в одном болгарском селе, когда ученики начали петь русские песни и украинские он запретил им этого и говорил, что только болгарские песни могут петь дети, болгарский язык самый звучный, а песни самые мелодичные в мире. Вот он успел превратит с. Преслав, где много местных националистов, в болгарский националистический центр на Украине. Его встречали в некоторых болгарские села с цветами и только болгарскими песнями и т. д.

Он создавал всред болгар на Украине, где живут около 80 т[ысяч] болгар при помощи аппарата (партийного, советского, хозяйст[венного] и культурного) много националистических гнезд. Сдесь в Харькове постепенно Мальчев в большей степени и я на основе существующей болгарской секции при балканском клубе, в который входили еще

румено-безарайская секция (*речь идет о румыно-бессарабской секции – М. С.*), греческая, венгерская секций была создана новая болг[арская] националист[ическая] группа, в которую входили Радев²⁵, Скендеров²⁶, Алексеев²⁷, Галин и некоторые другие, как Фуклев, очень долгое время общ[ались] с заведующим клуба, который проводил в клубе беспрекословно националистическую линию центральной организации, в которой входил впоследствии Иван Колев Петров²⁸, Планински²⁹, ранше Димитров и т. д. и которой возглавил и руководил Мальчев.

Общая линия клуба была националистическая. Из другие секции мне известны руководитель секции греческих националистов Яли³⁰, венгерской секции Цинцар³¹ и др[угие] фамилии не помню. В период до сентября 1927 г. меня Мальчев по поручению Генова и Сапунова фактически отстранили и многие факты мне не сообщали. Я принимал активное участие в этой контрреволюционной организации. После того как Гаврил Генов и Сапунов через ЦК КП(б)У и ЦК ВКП(б) откомандировали в распоряжение болгарской секции К(оминте)рна и исключили из бол(гарской) компартию, а через 5-7 месяцев ЦК ВКП(б) восстановила в своих рядах в 1928 г., мне было запрещено специальным постановлением принимать какие бы то ни было участие в работе т[есной] болг[арской] линии. Но я интересовался болгарскими делами и, было возможно, я всегда участвовал в делах. Как активные члены контр[революционной] национал[истической] болг[арской] организации до последних лет были (*фамилия нечитабельна, но, речь скорее всего, идет о Шаховцове И. Н. – М. С.*) и его жена и Шаховцова³², Планински и Деведжиев, а Мальчев и Колев активные по районам, где работали до 1933–34 г., а Мальчев на сегодняшний день вместе с националистской Кандевой³³ и др. в г. Одесса.

Националистическая контрреволюционная организация на Украине создал Мальчев по директиве Сапунова. В отношении Г. Генова я не имею сомнения, (*скорее всего, Мицев хотел написать „сомневаюсь“.* – М. С.), что он мог дать такую директиву Мальчеву. Он был честным тесняком и проводил линию теснячества с его революционными качествами и недостатками. Эта организация в своей политической и практической работе ориентировалась на украинских националистов. По мере усиления классовой борьбы на Украине и непрерывных побед генеральной линии партии и социализма, почва для националистов в СССР осуживалась (*имеется ввиду – суживалась.* – М. С.) и поэтому Мальчев и Сапунов как идеологические руководители этой националистической болгарской организации наверно получили от кого-то и откуда-то извне директивы.

Но что бесспорно – ни это то, что организация, в которой я участвовал активно до 1928 г., а после перехода в общем аппарате и запрещенеие ЦКК периодически, и ношу ответственность за организацию как таковой и которую организовали Сапунов и Мальчев была агентурой фашизма, специально болгарского, нет никакого сомнения. Категорически заявляю, что начиная с начала моей общественно-политической деятельности с 1913 г. и по сегодняшний день меня никто не вербовал для какие бы то не было провокационной или шпионской работы из лагеря фашизма в Болгарии и до 1926 г. в СССР. Я был завербован для участия в контрреволюционной националистической работы в 1926 г. Мальчевым и никем другим, а я завербовал в болгар[скую] национал[истическую] контрреволюционную организацию Шаховцова и Галина. По моему из тех лиц, которые я знаю как сомнительных и нужно за их действия особо наблюдать, это – Луканов³⁴ (Москва), Ненов³⁵, был широкий социалист (меньшевик), Иванов (Киев), работники болгарской газеты участвовали во всех делах болгар много лет и не разоблачивших себя.

13.02. 1938 г.

ГАХО, ф. Р6452, оп.1, т. 1, д. 7217, л. 11–17. Оригинал, рукопись.

**2. „Дело“ Мицева Николая Серафимовича³⁶
№ 14**

Постановление об избрании меры пресечения

Гор. Харьков, 21 февраля 1938 г.

Я, оперуполномоченный III отдела УГБ ХОУ НКВД – сержант Госбезопасности МИХИЛЕВИЧ.

Рассмотрев материалы по обвинению гр. Мицева Николая Серафимовича, 1912 г. рожд[ения], урож[енца] Болгарии, по национальности болгарин, гражд[анин] СССР, беспрат[ийного], студент ХГУ, прож[ивающий] Барачный пер[еулок], № 8, кв. 112.

В преступлениях, предусмотренных ст. ст. 54-6 и 54-11 УК УССР, выразившихся в том, что он подозревается в контрреволюционно-националистической работе

Нашел, что: нахождение его на свободе может отразиться на ходе следствия.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 143, 145 и 156 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

1. Избрать мерой пресечения способов уклонения от суда и следствия по отношению к обвиняемому Мицева Николая Серафимовича – содержание под стражей в харьковской тюрьме.

2. Настоящее постановление представить военному прокурору.

Опер. Уполномоченный III отдела УГБ, сержант Госбезопасности – подпись (Михилевич).

Согласен: нач. III отдела УГБ, ст. лейтенант госбезопасности – (подпись не читывается).

Утверждаю: зам. нач. ХОУ НКВД, майор госбезопасности – подпись (Рейхман).

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 34. Оригинал. Печатный текст.

№ 15

Постановление

Гор. Харьков, 1938 г., 22 февраля

Военный прокурор Харьковского военного округа, рассмотрев материалы по делу по обвинению гр[ажданин]на Мицева Николая Серафимовича – 1912 г. рожд[ения] по ст.ст. 54–6 УК УССР

Принимая во внимание, что нахождение на свободе обвиняемого Мицева Н. С. может отразиться на ходе следствия.

Потому, руководствуясь ст. 143, 145 и 156 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

Мерой пресечения обвиняемому Мицеву Николаю Серафимовичу избрать содержание под стражей в харьковской тюрьме.

Копию настоящего постановления направить начальнику III отдела УГБ НКВД по Харьковской области, за которым зачислить арестованного.

Военный прокурор ХВО, военюрист 1 ранга /Завьялов/.

Постановление мне объявлено „ ___ “ 1938 г.

Обвиняемый _____ (подписи нет).

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 35. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 16

Ордер на арест № 31/51

УССР

Народный комиссариат внутренних дел

Харьковское областное отделение

Выдан „23“ февраля 1938 г.

Действителен „_____“ суток.

Сотруднику Харьковского областного управления НКВД УССР – Нетипа поручается произвести обыск и арест гр-на Мицева Николая Серафимовича, проживающего – Барачный пер. № 8, кв. 112.

Всем органам советской власти и гражданам УССР надлежит оказывать законное содействие предъявителю ордера при исполнении им возложенных на него поручений.

Зам. начальника ХОУ НКВД, майор Госбезопасности – Телешов.

Нач. 2 отдела УГБ НКВД, ст. лейт[енант] Госбезопасности – подпись /Чернов/.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 36. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 17

Протокол обыска

УССР

Народный комиссариат внутренних дел

Харьковское областное управление

1938 г., февраля, 23 дня

Я, курсант Харьковских курсов РКМ НКВД УССР Нетипа Василий Иванович инспектор на основании ордера, выданного н[аркомато]м управления НКВД УССР за № 27/54 произвел обыск у гр[аждани]на, Мицева Николая Серафимовича, проживающего в г. Харькове по улице Барачный переулок в доме № 8, кв. № 112.

При производстве обыска присутствовали: дворник т. Скорбач Андрей Трофимович, проживающий – Барачный пер № 51 б, Семерник Иван Иванович, – Барачный пер. № 8, кв. 111.

Согласно полученным указаниям задержан гр. Мицев Николай Серафимович.

Изыято для представления в НКВД УССР следующее:

№ п/п	Наименование изъятото	Количество	Качественное состояние
1	Паспорт, № 627913	1	Паспорт хранится в 8-м отделении УГБ ХОУ НКВД
2	Комсомольский билет 044364	1	
3	Профсоюзный билет № 271056	1	
4	Часы ручные	1	металлические

Жалобы на неправильности, допущенные при обыске, на пропажу вещей, ценностей и документов – жалоб нету.

В протоколе все занесено правильно, протокол нам прочитан, в чем подписываемся. Обыскиваемый – подпись /Мицев/.

Представитель домоуправления – подписи /Скорбач и Семерник/.

Производивший обыск – подпись /Нетипа/.

Копию протокола получил – (подписи нет).

Примечания: 1. Все претензии и заявления должны быть внесены в протокол до его подписания. После подписи никакие жалобы и претензии не принимаются.

1. За справками обращаться в _____ НКВД УССР по адресу.

ГАХО, ф. 6452, оп. 1, т.2, д. 7218, л. 37. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 18

Анкета арестованного

1. **Фамилия** – Мицев
2. **Имя и отчество** – Николай Серафимович
3. **Дата рождения: число** „18“ **месяц** август, **год** 1912
4. **Место рождения** – г. Берковица, Болгария
5. **Место жительства (адрес)** г. Харьков, Барачный пер. № 8, кв. 112.
6. **Профессия и специальность** – учащийся
7. **Место службы и должность, или род занятий** – Харьковский госуниверситет, студент
8. **Паспорт** – выдан 3-м РК милиции г. Харькова
9. **Социальное происхождение** – служащий

10. **Социальное положение:**
а) до революции –
б) после революции - учащийся
11. **Образование** – среднее
12. **Партийность (в прошлом и настоящем)** – беспартийный, член ВЛКСМ с 1934 г.
13. **Национальность и гражданство (подданство)** – болгарин, гражд[анин] СССР
14. **Категория воинского учета – запаса и где состоит на учете** – при госуниверситете
15. **Служба в белых и др[угих] к [онтр] – р[еволюционных] армиях, участие в бандах и восстаниях против Советской власти в качестве кого**
– не служил
16. **Каким репрессиям подвергался при Соввласти: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)**
– не подвергался
17. **Состав семьи** – холост, отец – Мицев Серафим Иванович, 1888 г. рожд[ения], работает пропагандистом в Краснозаводском парткоме, мать – Иванова Трояна Серафимовна, проживает в Болгарии
- Подпись арестованного** /Мицев/
Особые внешние приметы –
Кем и когда арестован – 23 февраля 1938 г.
Подпись сотрудника, заполнявшего анкету – подпись (Нетипа)
Дата – 26 февраля 1938 г.
ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 40. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 19

Постановление по делу №

Гор. Харьков, 21 марта 1938 года

Я, оперуполномоченный III отд[ела] УГБ Харьковского облуправления НКВД УССР Скраливецкий, рассмотрев следственный материал по обвинению гр[ажданина] Мицева Николая Серафимовича в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54 п. 1 а УК УССР, нашел, что произведенными следственными действиями установлено, что Мицев Николай Серафимович является агентом болгарской разведки по заданию которой проводил широкую шпионскую деятельность на территории СССР, одновременно имел задание по террору

На основании ст. 126 УПК и руководствуясь ст. 127 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

Привлечь гр[ажданина] Мицева Николая Серафимовича в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по ст. ст. 54-1 а УК УССР, копией настоящего постановления сообщить военному Прокурору.

Сотрудник III отдела УГБ (без подписи)

Согласен: начальник отдела – (без подписи)

Утверждаю: начальник – (без подписи)

Постановление мне объявлено – подпись /Мицев/

21 марта 1938 г.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 41. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 20

Заявление Н. С. Мицева

Начальнику Харьковского областного
Управления НКВД

через ст[аршего] следователя гр[ажданина] Скраливецкого

Я арестован в ночь с 22 на 23 февраля 1938 г. В тот же день я по своей инициативе

подал заявление о моем желании дать следствию правдивые показания о моей шпионской и контрреволюционной деятельности. Такой шаг с моей стороны объясняется моим твердым стремлением искупить свою вину перед Советским Союзом на этом основании, если мне будет разрешено, возвратиться к честному труду. Ниже приступаю к изложению своих показаний по существу дела:

В 1932 г. отец мой, Мицев Серафим Иванович, находясь в качестве политэмигранта в СССР и зная то положение, что я после окончания гимназии не смогу дальше учиться, ибо моя мать учительница в деревне и не могла меня поддерживать денежно, издействовал мне визу на въезд в СССР через ЦК МОПРа и Наркоминдел СССР. Виза эта находилась в Австрии (г. Вене), куда я должен был поехать и взять ее. Моим гарантом явился Владимир Иванов, учитель г. Берковица (Болгария), сильный реакционер, находящийся на службе у болгарской полиции. Но тем не менее он согласился дать гарантию. Без этого я не выехал бы из Болгарии. Его условие было, чтобы я собрал ему отсюда сведения о положении болгар в СССР, о настроении этих болгаров, о болгарских колхозах и вести кое-какую националистическую пропаганду среди молодежи болгаров. На этого учителя мне указал Славчо Красинский, сын Мальчева (Генко Крыстева), к семье которого я обращался за помощью. Этот Славчо Красинский, когда-то пишущий стихи в пролетарских газетах, потом перешел на службу в полицию. В СССР я должен был связаться с Генко Крыстевым, который бы помог мне во всех этих сведениях. Сначала приехав сюда и узнав то положение в разговорах с Радевым, Мицевым, Марчевским³⁷ и др. болгарами. в котором находились болгарские колхоза и о настроениях в районах, да и сам увидев все положение, те трудности, которые имелись в 1932 – 1933 г. в СССР я хотел обратно вернуться. Этого я не сделал ибо Радев мне предложил хорошую работу в редакции Укрсоцнацменздатат на лит[ературную] работу.

С Мальчевым я сразу не мог связаться, ибо он жил в Одессе. В Болгарию я открыто никому не писал и не давал никаких сведений, написав сестре о том, что я хочу вернуться и тем самым я рассказал о том, что положение в СССР, в особенности болгаров очень плохое. Сестра училась в этой же школе, где преподавал Владимир Иванов.

Прошу разрешить мне прервать свои показания, для того, чтобы до конца продумать всю историю, сложившиеся обстоятельства в Болгарии по вопросу вербовки меня болгарской разведкой, на этом основании дать действительно исчерпывающие по существу, ничего от следствия не скрываая.

25 февраля 1938 г.

Подпись (Мицев).

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 42–43. (В деле имеется второе заявление, более обстоятельное, видимо не без „подсказки“ следователя Скравецкого об условиях вербовки Мицева Н. С. болгарской разведкой для работы в СССР. При этом следует подчеркнуть, как видно из повторных, выбитых силой показаний, что если в первом заявлении Н. С. Мицев указал вполне естественные экономические причины отъезда из родного города, то во втором заявлении (*к сожалению, без даты – М. С.*) он сразу же приступает к изложению обстоятельств и мотивов его вербовки болгарской разведкой для проведения шпионской и контрреволюционной деятельности в СССР. При повторном признании Мицев уже пишет, что его гарантами для получения паспорта в Австрию стали не Владимир Иванов, его учитель, а генерал Кутенчев и проф. Цанков, которые и завербовали его. Видимо следователи решили, что „уровень“ вербовки Н. С. Мицева надо поднять до правительственного, для пущей убедительности. По словам Мицева генерал настоятельно советовал ему поступить во что бы-то ни стало в одно из военных учебных заведений в Харькове (*Мицев „настолько вял“ советам своего шефа, что стал студентом химического факультета ХГУ, а не военного вуза – М. С.*). Под давлением следствия, Мицев оговорил себя и в том, что ему было поручено убить секретаря ЦК ВКП(б) Кагановича и секретаря ЦК КП(б)У Косиора, а в случае „благоприятно сложившихся обстоятельств – убить Народного комиссара обороны Ворошилова“. Именно этого добились следователи НКВД, чтобы „придать вес“ болгарской контрреволюционной организации, что и явилось основным пунктом обвинения, приведшее к расстрелу Н. С. Мицева).

**Список лиц, проходивших по показаниям Мицева С. И. и Мицева Н. С.
по делу о болгарской контрреволюционной организации**

1. Парванов Дмитрий – бывший зав[едающий] Болгарской секцией ЦК КП(б)У – устанавливается
2. Малчев, он же Генко Крыстев – наемный работник, в Одессе, устанавливается
3. Сапунов – болгарская секция Коминтерна, г. Москва
4. Гавриил Генов – болгарская секция Коминтерна, Москва
5. Колев – ... быв[ший] зам[еститель] ред[акции] газ[еты], „Коллективист“
6. Иджилов Степан Демьянович, инспектор наркомпроса УССР, арестовывается
7. Планински Степан – б[ывший] ред[актор] газ[еты] „Коллективист“ – устанавливается
8. Димитров Дмитрий Демьянович – сотрудник АН СССР, г. Ленинград, устанавливается
9. Фуклев Николай Петрович, болгарский писатель, арестован.
10. Радев Волчан Волчанович – преподаватель одного из институтов Харькова
11. Алексеев Василий – инж[енер] Угольного института, рабочий ХЭМЗа, болгарин, приехавший из Америки – устанавливается
12. Чалаков ... – секретарь РПК в Коларовском районе, устанавливается
13. Димитров Аргир – председатель райполкома в Коларовском районе, устанавливается
14. Петров Петр Георгиевич – секретарь РПК в Коларовском районе, устанавливается
15. Коларов, Стоян – зам[еститель] секр[етаря] РПК в Коларовском р[айоне], устанавливается
16. Промков Георгий – секретарь РК ЛКСМУ Ольшанского р[айона], устанавливается
17. Петров Христо – инспектор горнаобразова (городского отдела народного образования – М. С.) в Мелитополе, устанавливается
18. Скендеров – работавший по торговой линии в Харькове, устанавливается
19. Шаховцова Теодора Васильевна, учительница болгарского языка, политэмигрант из Болгарии, переехавшая в Харьков из Коларовского района. Работница редакции „Коллективист“
20. Муж – Шаховцов, реэмигрант, прибывший совместно с Шаховцовой из Болгарии.
21. Федосов Федор – студент одного из Харьковских институтов, бывший директор педтехникума в Преславе, преподаватель одного из техникумов Харькова
22. Марков Дмитрий Федорович – болгарский литератор, арестован
23. Пейчев Николай Иванович – учитель, арестован
24. Галин Владимир Владимирович – б[ывший] директор ветинститута в Харькове, умер
25. Галина Раиса Дмитриевна – сотрудник редакции газеты „Коллективист“. Арестована.
26. Ненов Иван Тодорович – политэмигрант, ответственный работник редакции „Коллективист“, арестован
27. Попов – ранее руководивший Днепропетровской болгарской секцией политэмигрантов
28. Кирил Иванович... (речь идет о Кирилле Иванове – М. С.) руководивший наемной работой в Одессе
29. Гранчев Ангел – б[ывший] секр[етарь] РПК в Ботиевском р[айоне], устанавливается
30. Марков Константин Иванович – предс[едатель] РПК в Ботиевском р[айоне], устанавливается

31. Яли Савва – б[ывший] член ЦК Нацмена при ВУЦИКе, осужден
 32. Цинцар, Людвиг – б[ывший] зав[едующий] нач[альник] гл[авной] милиции УССР, осужден
 33. Саулевич – б[ывший] зам[еститель] Польской секцией при ЦК КП(б)У, осужден
 34. Лазоверт – б[ывший] зав[едующий] нацменотдела (отдел национальных меньшинств – М. С.) ЦК КП(б)У, осужден
 35. Клотц – б[ывший] зам[еститель] зав[едующего] польской секцией при Харьковском окружкоме КП(б)У, осужден
 36. Янович Анатолий – инспектор одного из заводов Харькова, осужден
 37. Красная... (на самом деле – Краснер – М. С.) – устанавливается
 38. Кандева, Невена (правильное имя – Райна – М. С.) – б[ывший] препод[аватель] Преславского педтехникума, устанавливается
 39. Даскалов – работник редакции, устанавливается
 Сотрудник III отдела УГВ ХОУ НКВД /Скравилецкий/.
 ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 51–53. Оригинал, печатный текст.

№ 22

Выписка из обвинительного заключения к след[ственному] делу № 114964*

По обвинению: МИЦЕВА Серафима Ивановича [...] МИЦЕВА Николая Серафимовича [...] и др. по ст. ст. 54-11 и 54-10 УК УССР.

3-м Отделом УГБ УНКВД по Харьковской области в 1938 году вскрыта и ликвидирована контрреволюционная болгарская националистическая повстанческая организация, действовавшая под прикрытием болгарской секции балканского клуба в г. Харькове... По делу арестовано как участники организации: Мицев Серафим Иванович... Мицев Николай Серафимович...

Произведенным следствием установлено:

1. Что Мицев Серафим Иванович является одним из руководителей украинского центра болгарской контрреволюционной националистической организации, будучи впервые привлеченным для контрреволюционной деятельности работником болгарской секции Коминтерна – Дмитриевым Д. /осужден/ (на самом деле Д. Димитров был ученым и работал в болгарской секции Института славяноведения, а не Коминтерна. – М. С.) и участником организации Малчевым в 1925 году. „Укрцентр“ и „Паритетное бюро“ развернули широкую контрреволюционно-националистическую работу среди болгар, в основном готовя повстанческие кадры в национальных болгарских районах. Лично Мицевым завербованы в организацию 3 человека – Иджилов, Галина /арестованы/ и Алексеев/ запрошена санкция на арест/. Участники организации, в том числе и Мицев, использовывали для контрреволюционной работы советские болгарские издательства, периодическую прессу, а также легальные возможности балканского клуба. В школах детям внедрялись националистическо-шовинистические идеи. В ВУЗах вербовались необходимые кадры для контрреволюционной националистической работы. Сын Мицева – Мицев Николай, в 1932 году прибыл из Болгарии, как агент болгарской разведки /арестован, сознался/. В предъявленном обвинении Мицев виновным себя признал /л. д. 54–86/, а также изобличается показаниями Фуклева, Скендерова, Маркова³⁸, Пейчева, Варбанского³⁹ и других /л. д. 168, 170, 180, 192, 266, 350, 401, 404/...

8. Мицев Николай Серафимович – агент болгарской разведки и участник контрреволюционной националистической болгарской организации. Для шпионской и террористической деятельности в СССР Мицев был завербован в 1932 году генералом Кутенчевым (София) и через Австрию, по визе Советского посольства, прибыл в СССР. Визу на въезд в СССР Мицев получил по ходатайству своего отца – Мицева С. И., политэмигранта, одного из основных руководителей болгарской к[онтр]-р[еволюционной] орга-

* Полный текст обвинительного заключения будет опубликован ниже.

низации. От генерала Кутенчева Мицев получил задание по прибытии в СССР, пробраться в одно из военно-учебных заведений РККА (*Революционного комитета Красной армии – М. С.*) и заняться осуществлением военного шпионажа и подготовкой условий для совершения террористических актов над руководителями компартии и Советского правительства.

При приезде в СССР Мицев через своего отца, по заданию болгарской разведки, связался в Харькове с представителем последней, бывшим заведующим болгарским Редсектором „Укргоснацмениздата“ – Радивым В. В., (*Радев. – М. С.*) при содействии последнего устроился на работу туда же. В процессе своей связи с Радивым по шпионажу, последний, как один из участников руководящего центра болгарской к[онтр]-р[еволюционной] организации, связал Мицева с руководящим составом болгарского к[онтр]-р[еволюционного] подполья в Харькове. По заданию Радива, Мицев собирал шпионские материалы о настроениях учащейся молодежи в высших учебных заведениях, о постановке в них военного дела, выявлял лиц, настроенных антисоветски и передавал все эти материалы Радиву. В изложенном Мицев виновным себя признал /л. д. 394–408/.

На основании изложенного ОБВИНЯЮТСЯ:

1. Мицев Серафим Иванович, рождения 1890 года, уроженец г. Верховица (*Берковица – М. С.*) (Болгария), болгарин, гражданин СССР, безпартийный (исключен), в прошлом член либеральной партии в Болгарии. В 1918–1923 г. г. осужден в Болгарии за революционную деятельность, в 1924 г. нелегально прибыл в СССР. До ареста – директор выставки изобретательства в г. Харькове, – как участник и один из руководителей к[онтр]-р[еволюционной] болгарской националистической организации, что предусмотрено ст. ст. 54-11 и 54-10 УК УССР...

2. Мицев Николай Серафимович, 1912 года рождения, уроженец г. Берковицы /Болгария/, сын дворянина, адвоката, гражданство СССР принял в 1937 году, болгарин, прибыл из Болгарии легально по прямым заданиям болгарской разведки, бывший член ЛКСМ, до ареста – студент химфакультета Госуниверситета в г. Харькове, – обвиняется в проведении шпионской работы как агент болгарской разведки и как участник болгарской националистической организации, по заданию которой проводил контрреволюционную националистическую работу, что предусмотрено ст. ст. 54-6, 54-10 и 54-11 УК УССР...

На основании изложенного,

ПОСТАНОВИЛ:

Следдело №114964 по обвинению: Мицева С. И... Мицева Н. С., [...] – по ст.ст. 54-6, 54-11 и 54-10 УК УССР – направить на рассмотрение ОСОБОЙ ТРОЙКИ при УНКВД по Харьковской области.

СПРАВКА : – Вещдоков (так в тексте – М. С.) по делу не имеется. Все обвиняемые содержатся под стражей в Харьковской тюрьме.

Вр[еменный] Нач[альник] III отдела УГБ
Мл[адший] лейтенант Госбезопасности /КУЗНЕЦОВ/
Подтверждаю: Нач[альник] III отдела УГБ УНКВД
Ст[арший] лейтенант Госбезопасности /БАРБАРОВ/
октябрь 1938 г., гор. Харьков.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 334, 335, 338–339. Оригинал, печатный текст.

№ 23

Заявление

Прокурору по спецделам т. Фильченкову

Мой муж, Мицев Серафим Иванович, арестован 10 февраля 1938 г. в г. Харькове. Сам политэмигрант был осужден на 15 лет каторги вместе с т. Димитровым фашистским судом Болгарии. Он же член горсовета, красный партизанин и т. д. Работал в г. Харькове с 1932 г. по 1937 г. директором выставки рационализации и изобретательства и парторгом.

В 1938 г. был заместителем председ[ателя] област[ного] общества изобретателей. Ввиду исключительно тяжелого положения моего – имея трех малолетних детей: одному из них 11 лет и двум по 3,5 года – близнецы – прошу убедительно сообщить местонахождение моего мужа.

Харьковское управление НКВД сообщает, что муж выслан на 10 лет и все. В апреле мес[яце] 1939 г. на приеме в приемной НКВД в г. Харькове мне сказали, что вопрос еще неразрешен с ним. Ровно через два месяца снова обратилась в приемную НКВД в г. Харькове, где сообщили, что дело разбиралось в мае мес[яце] и осталось в силе. В управлении же НКВД в Москве мне сообщили 10 сент[ября] 1939 г., что такого нет и не числится. Еще раз прошу убедительно сообщить где находится мой муж в настоящее время. При этом прилагаю справки имеющиеся.

10 сент[ября] 1939 г.

г. Харьков, Барачный пер. № 8, 2-й корпус, 6-й подъезд, 112 кв.

Калицева

Е. И. Калицевой.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 308–309. Оригинал, рукопись.

№ 24

Заявление Депутату Верховного Совета Ричкову

Калицевой Екатерины Ивановны, Барачный пер. № 8

Вас убедительно прошу сообщить местонахождение моего мужа Мицева Серафима Ивановича, арестован 10.02.1938 г. Я была в Москве, где НКВД сообщила, что не значится и сказали искать мне его в г. Харькове. Пришел человек с тюрьмы и сказал мне, что мой муж находится в настоящее время на Холодной горе в 5-й тюрьме, 2-й корпус, 15 камера в г. Харькове. Справочное же бюро при тюрьме уверяет, что Мицева нет, он выслан.

Я Вас убедительно прошу сообщить, где находится мой муж Мицев Серафим Иванович и пересмотреть его дело.

Жена Калицева Екатерина Ивановна, Барачный пер. № 8, 2-й корпус, 6-й подъезд 112 кв., г. Харьков.

Р. С. У меня очень тяжелое положение, имею трех малолетних детей.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 324. Оригинал, рукопись.

№ 25

Постановление

сов[ершенно] секретно

1940 года, января 4 дня, пом[ощник] Обл[астного] Прокурора по спецделам Харьковской области – ЛИБМАН, в порядке надзора рассмотрел дело осужденных Мицева С. И., Мицева Н. С...

НАШЕЛ:

1. **Мицев Серафим Иванович**, рождения 1890 года, уроженец г. Берковица, Болгария, болгарин, юрист, член ВКП(б) да ареста, в СССР прибыл нелегально в 1924 г., 11 февраля 1938 г. арестован как активный участник контрреволюционной болгарской националистической организации, существовавшей в Харькове при Балканском клубе (л.д. 9, 22, 58, 71, 72)...

6. **Мицев Николай Серафимович**, 1912 года рождения, уроженец г. Берковицы – Болгария, в 1932 г. прибыл из Болгарии в СССР легально, студент Госуниверситета, 23 февраля 1938 г. арестован как участник контрреволюционной болгарской националистической организации в гор. Харькове (л.д. 336, 370, 375, 378) ...

... Постановлением Особой Тройки УНКВД по Харьковской области от 28 октября 1938 г. – ... вышеуказанные обвиняемые осуждены по ст.ст. 54-10 и 54-11 УК УССР к

ВМН (*высшей мере наказания* – М. С.)...

Арестованные и привлеченные в качестве обвиняемых:

1. МИЦЕВ С. И. в предъявленном ему обвинении по ст.ст. 54-10, 54-11 УК УССР виновным себя признал и показал, что был завербован Димитровым Д. Д. в контрреволюционную болгарскую националистическую организацию, входил в состав центра контрреволюционной болгарской националистической организации. Сам завербовал в контрреволюционную националистическую организацию Иджилова С. Д., Гемжу Р. И., Алексеева Василия (см. л.д. 9, 22, 18, 58, 65, 71, 72).

Контрреволюционная деятельность вышеперечисленных осужденных материалами дела доказана полностью, а жалобы Калицевой, Фуклевой и Войниковой, в которых отсутствуют конкретные доводы, которые могли бы опровергнуть обвинение Мицева, Фуклева и Войникова, не заслуживают внимания.

Исходя из изложенного и руководствуясь приказом НКВД и Прокурора СССР от 26 декабря 1938 г. за № 2709

ПОСТАНОВИЛ:

1. Решение Особой Тройки от 28 октября 1937 г. УНКВД по Харьковской области по делу Мицева С. В... Мицева Н. С... оставить в силе, о чем сообщить жалобщикам.

2. Надзорное производство по делу прекратить и дело возвратить в 1-й Спецотдел НКВД для хранения в архиве.

Пом(ощник) обл(астного) Прокурора по спецделам подпись /Либман/

Утверждаю: Прокурор Харьковской области подпись /Д. Панасюк/

Отп[ечатано] 4 экз[емпляра].

ГАХО, ф. Р652, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 287–291. Оригинал, текст печатный.

№ 26

Заключение следователя

„УТВЕРЖДАЮ“

Нач[альник] Управления Комитета
Госбезопасности при Совете Министров
УССР по Харьк[овской] обл[асти]

Полковник /Решетов/
27 апреля 1954 г.

гор. Харьков, 1954 года, апреля „26“ дня.

Я, ст[арший] следователь Следотдела Управления Комитета Госбезопасности при Совете Министров УССР по Харьковской области – капитан Костозеров, рассмотрев заявление Калицевой Екатерины Ивановны и архивно-следственное дело № 3635 по обвинению ее мужа – Мицева Серафима Ивановича, 1890 года рождения, уроженца гор. Берковица /Болгария/, болгарина, гр[аждани]на СССР, бывш[его] члена КПСС, до ареста проживавшего в гор. Харькове по Барачному пер. № 8, кв. 112, работавшего директором выставки изобретательства, осужденного Особой Тройкой УНКВД Харьковской области 28/X-1938 года по ст. ст. 54-10, 54-11 УК УССР к ВМН.

НАШЕЛ:

В своем заявлении 2/1 – 1954 года Калицева Екатерина Ивановна, жена осужденного Мицева Серафима Ивановича просит пересмотреть дело ее мужа Мицева и помочь ей в получении на детей денежного пособия. Из материалов архивно-следственного дела видно, что в 1938 году Управлением НКВД Харьковской области была вскрыта и ликвидирована контрреволюционная болгарская националистическая повстанческая организация, действовавшая под прикрытием Болгарской секции Балканского клуба в Харькове.

Как участник и один из организаторов вышеуказанной организации 11 февраля 1938 года был арестован Мицев Серафим Иванович и привлечен к уголовной ответственности. Следствием по делу было установлено, что Мицев С. И., будучи враждебно настроен по отношению к существующему в СССР государственному строю, в конце 1925 года был завербован в контрреволюционную болгарскую националистическую повстанческую организацию активным участником этой организации Малчевым и являлся в ней одним из руководителей центра Болгарской контрреволюционной организации на Украине /том I, л. д. 19–21, 27–30, 95, 104, 128, 135, 201–214, 244, 266, 269, том 2, л. д. 329, 336, 346, 350, 368–369, 381–383, 396, 398, 459, 514, 569, 595–596 /.

Контрреволюционная болгарская националистическая повстанческая организация, участником которой являлся Мицев, ставила своей задачей создание на территории СССР самостоятельного буржуазно-националистического государства и собирала кадры для вооруженного восстания против Советской Власти в момент войны /т. I, л. д. 29, 31–32, 44, 127, 144, 269, том 2, л. д. 337, 349–350, 399, 458, 464, 515, 568–569/. Болгарская контрреволюционная организация действовала заодно с другими контрреволюционными формированиями при Балканском клубе /греческим, венгерским, румынским, польским/ /т. I, л. д. 31, 35–36, 44, 95, 127, 134–135, 271–272, том 2, л. д. 458/. Для контактирования контрреволюционных действий в Харькове было создано „паритетное бюро“ из представителей контрреволюционных групп, в состав которого преимущественно входили политэмигранты, прибывшие в СССР со специальными заданиями иностранных разведок, а также видные местные националисты, через которых направлялась вся контрреволюционная работа, как среди националистов, так и в болгарских национальных районах /т. I, л. д. 29–32, 36–38, 134–137, 277–278, том 2, л. д. 462–464/.

„Укрцентр“ и „паритетное бюро“ проводили широкую контрреволюционно-националистическую работу среди болгар, в основном готовили кадры повстанцев в национальных болгарских районах /т. I, л. д. 31–34, 35, 45, 129–134, 137–139, 270–271, 277–278, том 2, л. д. 352, 397, 465–466, 569/. В эту контрреволюционную организацию Мицев вербовал новых участников; так, им были завербованы Алексеев, Иджилов и другие /т. I, л. д. 30, 39–43/. Участники анти/советской организации Мицев, а также другие использовали для контрреволюционной работы соответствующие болгарские издательства, периодическую прессу, а также легальные возможности Балканского клуба. В школах детям внедрялись националистическо-шовинистические идеи. В ВУЗах вербовались кадры для контрреволюционной националистической деятельности /том I, л. д. 31, 33, 45–47, 140–144, 261, 278–281, том 2, л. д. 337–338, 400, 515 /. Арестованный по одному делу с Мицевым его сын Мицев Николай на следствии показал, что в 1932 году он прибыл из Болгарии со специальным заданием, как агент болгарской разведки и проводил на территории СССР подрывную работу /т. 2, л. д. 363–386/. Допрошенный в качестве обвиняемого, Мицев С. И. виновным себя признал полностью и дал об этом собственноручные показания /т. I, л. д. 9–86/.

Кроме того, был достаточно изобличен показаниями его соучастников, осужденных к ВМН (*высшей мере наказания* – М. С.) – Фуклева Н. П. /т. I, л. д. 95, 104, 127–144/, Радева В. В. /том I, л. д. 201–204, 244, 261, 266, 269–272, 277–281/, Войникова Н. П.⁴⁰ /том 2, л. д. 329, 336–338/, Иванова С. Ф.⁴¹ /т. 2, л. д. 346, 349–352/ Мицева Н. С. /т. 2, л. д. 363, 368–369, 381–383/, Пейчева Н. И. /т. 2, л. д. 396, 397–400/, Скендерова В. И. /т. 2, л. д. 458, 462–466/, Хаджи-Кочева К. К.⁴² /т. 2, л. д. 514–515/, Чудра П. Я.⁴³ /т. 2, л. д. 568–569/, и Шаховцова И. Н.⁴⁴ /т. 2, л. д. 595–596/. Решением Особой Тройки УНКВД, Харьковской области 28 октября 1938 года Мицев С. И. по ст. ст. 54-10 и 54-11 УК УССР осужден к ВМН. Арестованные по этому же делу другие участники контрреволюционной болгарской националистической повстанческой организации на следствии виновными себя признали. Учитывая, что имеющимися в деле материалами виновность Мицева С. И. доказана, основания в пересмотре решения Особой Тройки УНКВД, Харьковской области не имеется.

ПОЛАГАЛ – БЫ:

Ходатайство Калицевой Екатерины Ивановны о пересмотре дела ее мужа – Мицева Серафима Ивановича оставить без удовлетворения.

Старший следователь Управления Комитета Госбезопасности при Совете Министров УССР по Харьковской области – капитан /КОСТОРЕЗОВ/.

Согласен: начальник следотдела Управления Комитета Госбезопасности при Совете Министров УССР по Харьковской области

Подполковник – / ЖУКОВ /.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 3, д. 7219, л. 389– 390. Оригинал, текст печатный.

№ 27

Протест прокуратуры (в порядке надзора)

СПЕЦКОНТРОЛЬ СЕКРЕТНО. Экз. № 1

В ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ КИЕВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

по делу Мицева С. И. и других, всего 13 человек.

По постановлению Особой Тройки УНКВД по Харьковской области от 28 октября 1938 года, на основании ст. ст. 54-10 и 54-11 УК УССР были осуждены к расстрелу:

1. **Мицев Серафим Иванович**, 1890 г. рождения, уроженец гор. Берковица /Болгария/, быв. член ВКП/б/ с 1924 по 1937 г., болгарин, с высшим образованием, до ареста – директор выставки изобретательства в г. Харькове [...].

6. **Мицев Николай Серафимович**, 1912 г. рождения, уроженец Берковица /Болгария/, б/п., до ареста студент 4 курса Химического факультета Харьковского госуниверситета...

Постановление тройки в отношении всех осужденных приведено в исполнение 4 ноября 1938 года /л. д. 560–584/. По обвинительному заключению Мицев С. И. ... Мицев Н. С. ... обвинялись в том, что они являлись участниками болгарской националистической повстанческой организации, ставившей своей задачей создание на территории СССР самостоятельного буржуазного государства. Организация подготавливала кадры для борьбы с советской властью в момент войны /л. д. 545/.

Постановление Особой Тройки УНКВД по Харьковской области подлежит отмене, а дело прекращению по следующим мотивам:

Как видно из материалов дела, основанием к осуждению Мицева С. И. [...] Мицева Н. С. [...] явились только их личные признания своей вины. Произведенной проверкой в порядке ст. 370 УПК УССР установлено, что показания... осужденных являются противоречивыми и необидительными. Осужденный Мицев в своих показаниях назвал Малчева и Димитрова Д. Д. как лиц, завербовавших его в к[онтр] - р[еволюционную] болгарскую организацию. Из материалов проверки видно, что Малчев действительно в 1940 г. был осужден по ст. ст. 54-10 ч. 1 и 54-11 УК УССР к пяти годам ссылки, однако дело в отношении Малчева в 1956 году после проверки направлено в Военную Коллегию Верховного Суда СССР для его реабилитации. Димитров Д. Д. по делу Мицева органами предварительного следствия не допрашивался и установить его не представилось возможным /л. д. 36–37 – материал проверки/. (*Дмитрий Демьянович Димитров действительно не мог быть допрошен по делу, т.к. был расстрелян 18 января 1938 г. – М. С.*). Показания Мицева о том, что он завербовал в к[онтр] - р[еволюционную] организацию Иджилова, Галина и Алексеева являются также сомнительными. Из обзорной справки по делу Галины Р. Д. видно, что она в 1938 г. привлекалась к уголовной ответственности за к[онтр] - р[еволюционную] деятельность, но виновой себя ни в чем не признала и показания Мицева категорически отрицала. Алексеев В.Л. в 1937 г. был осужден, но Мицева С. И., как своего вербовщика, в своих показаниях не упоминает /л. д. 20–21, 64 – материал проверки/. Из обзорной справки по делу Иджилова С. Д. видно, что он в 1938 г. был привлечен к уголовной ответственности и в своих показаниях упоминает

Малчева, как своего вербовщика, а Мицева, как участника к[онтр] - р[еволюционной] организации. Но эти показания вызывают сомнения в их достоверности, так как дело в отношении Малчева после проверки направлено в Военную Коллегию для прекращения за отсутствием в его действиях состава преступления /л. д. 24–25, 36/.

Это обстоятельство также свидетельствует о необоснованном осуждении Мицева С. И., ... Мицева Н. С. и др. /л. д. 110–116 – материал проверки/. Компрометирующими материалами на Мицева С. И. ... Мицева Н. С. ... органы КГБ не располагают /л. д. 40–41 – материал проверки/. Допрошенные в процессе дополнительной проверки свидетели – Калицева Е. И., Янушевский Ф. С., Полтавец Г. И., Соколова М. П., Марков Д. Ф., Бурдун-Козляковская Л. В., Черняков М. В., Тумаркин Г. А. Краснянский Д. С., Руденко Т. И., Шейн С. Я., Винникова Н. Г., Татарченко М. Д., Помазан И. С., Дмитриев Г. Д., Киреев Н. М., Юхвид Л. А., Кравец И. Н., Ильевская Г. Д., Велев П. Н., Вейцман А. М., Маркилов Х. Р., знавшие по совместной работе и учебе Мицева С. И., Фуклева Н. П., Радива В. В., Войникова И. П., Иванова С. Ф., Мицева Н. С., Попазова Д. Д., Скендерова В. П., Федосова Ф. И., Хаджи-Кочева К. К. и Чудра И. Н., охарактеризовали их с положительной стороны и заявили, что о принадлежности осужденных к контрреволюционной организации им ничего не известно /л. д. 55–54, 68–69, 72–77, 82–84, 87, 94, 98, 103, 117–119 – материал проверки/.

Таким образом произведенной проверкой по настоящему делу установлено, что Мицев С. И. ... Мицев Н. С. ... были осуждены необоснованно. Поэтому, руководствуясь ст. 25 „Положения о прокурорском надзоре“, –

ПРОШУ:

Постановление Особой Тройки УНКВД по Харьковской области от 28 октября 1938 г. в отношении Мицева Серафима Ивановича ... Мицева Николая Серафимовича ... – ОТМЕНИТЬ и дело производством прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Дело в 2-х томах и материал проверки в т. ч. т. I. – на 325 листах, том II. – на 390 листах, материалы проверки – на 120 листах – наш. вх. № 019709 – в ВТ КВО (*Военный трибунал Киевского военного округа – М. С.*).

СПРАВКА:

1. Жена Мицева – Калицева Е. И. проживает по адресу – гор. Харьков, ул. Барачная, 3, кв. 25-а.

ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР КИЕВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ЮСТИЦИИ

/ И. БУДАРГИН/.

12 октября 1956 г., № 2/0 – 2/3159 – 5 /01294

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 3, д. 7219, л. 125–126. Оригинал, текст печатный.

№ 28

Справка о реабилитации Мицева С. И.

23 октября 1956 г. № 1371/0-56

Дело по обвинению Мицева Серафима Ивановича, 1890 г. рождения, пересмотрено военным трибуналом Киевского военного округа. Постановление Особой тройки УНКВД по Харьковской области от 23 октября 1938 года в отношении Мицева Серафима Ивановича отменено и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.

Зам. председателя ВТ КВО

Полковник юстиции

подпись /Захарченко/

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 3, д. 7219, л. 141.

№ 29

Справка о реабилитации Мицева Н. С.

25 октября 1956 г. № 1371/0-56

Дело по обвинению Мицева Николая Серафимовича, 1912 г. рождения, пересмотрено военным трибуналом Киевского военного округа 23 октября 1956 г.

Постановление Особой тройки УНКВД по Харьковской области от 23 октября 1938 года в отношении Мицева Николая Серафимовича отменено и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.

Зам. Председателя ВТ КВО

Полковник юстиции

подпись /Захарченко/

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 3, д. 7219, л. 209.

№ 30

Запрос Калицевой Е. И. о реабилитации

Прошу выслать мне, матери – Калицевой Е. И. реабилитацию.

Мужа реабилитацию я получила – Мицева Серафима Ивановича, а на сына реабилитации нет.

8.11.1956 г.

Подпись /Калицева/

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 3, д. 7219, л. 140.

3. „Дело“ Фуклева Николая Петровича

№ 31

Постановление (об избрании меры пресечения)

Гор. Харьков, 10 февраля 1938 года.

Я, оперуполномоченный Ш отдела УГБ ХОУ НКВД – Коган, рассмотрев материалы по обвинению гр. Фуклева Николая Петровича, 1905 г. рожд[ения], урожд[енца] Болгарии (Н. П. Фуклев не был уроженцем Болгарии, а родился в с. Преслав Коларовского района Днепропетровской, ныне Запорожской области. – М. С.), болгарина, гражд[анина] СССР, беспартийного, литературного работника, проживающего по ул. Революции № 13-а, кв. 3, в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 54-6, 54-11 УК УССР, выразившихся в том, что он подозревается в проведении шпионской деятельности,

Нашел, что: нахождение его на свободе может отразиться на ходе следствия.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 143, 145 и 156 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

1. Избрать мерой пресечения способов уклонения от суда и следствия по отношению к обвиняемому ФУКЛЕВУ НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ содержание под стражей в харьковской тюрьме.

2. Настоящее постановление представить военному прокурору.

Опер[ативный] Уполномоченный Ш отдела УГБ – подпись

Согласен: нач[альник] Ш отдела УГБ,

Ст[арший] лейтенант госбезопасности – подпись

Утверждаю: нач[альник] ХОУ НКВД, майор госбезопасности – подпись.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 87. Оригинал, печатный текст

№ 32

Постановление прокуратуры (о мере пресечения)

Гор. Харьков, 1938 г., 10 февраля

Военный прокурор Харьковского военного округа, рассмотрев материалы по делу по обвинению гр[аждани]на Фуклева Николая Петровича – 1905 г. рожд[ения] по ст.ст.

54-6, 54-11,

Принимая во внимание, что нахождение на свободе обвиняемого ФУКЛЕВА Н. П. может отразиться на ходе следствия

Потому, руководствуясь ст. 143, 145 и 156 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

Мерой пресечения обвиняемому ФУКЛЕВУ Николаю Петровичу избрать содержание под стражей в харьковской тюрьме.

Копию настоящего постановления направить начальнику III отдела УГБ НКВД по Харьковской области, за которым зачислить арестованного.

Военный прокурор ХВО, военюрист 1 ранга подпись /Блауберг/.

Постановление мне объявлено „___“ 193 г.

Обвиняемый _____ (подписи нет – М. С.)

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 88. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 33

Ордер на арест Фуклева Н. П.

УССР

Народный комиссариат внутренних дел

Харьковское областное отделение

ОРДЕР № 28/51

Выдан „11“ февраля 1938 г.

Действителен „_____“ суток.

Сотруднику Харьковского областного управления НКВД УССР Гудзенко поручается произвести обыск и арест гр[аждани]на Фуклева Николая Петровича, проживающего – ул. Революции № 13-а, кв. 3.

Всем органам советской власти и гражданам УССР надлежит оказывать законное содействие предъявителю ордера при исполнении им возложенных на него поручений.

Зам. начальника ХОУ НКВД,

майор Госбезопасности –

подпись /Рейхман/

Нач. 2 отдела УГБ НКВД,

ст[арший] лейт[енант] Госбезопасности –

подпись /Чернов/

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, д. 7217, л. 89. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 34

Протокол обыска

УССР

Народный комиссариат внутренних дел

Харьковское областное управление

1938 г., февраля, 11 дня.

Я, инспектор III отдела РКМ НКВД УССР Гудзенко, на основании ордера, выданного н[аркомато]м управления НКВД УССР за № 28/51 произвел обыск у гр[аждани]на Фуклева Николая Петровича, проживающего в г. Харьков, ул. Революции № 13-а, кв. 3.

При производстве обыска присутствовали: Гецович Ревека Яковлевна, проживающая – ул. Революции 13-а, кв. 13.

Согласно полученным указаниям задержан гр[ажданин] Фуклев Николай Петрович.

Изъято для представления в отдел НКВД УССР следующее:

№ п/п	Наименование изъятого	Количество	Качественное состояние
1	Паспорт, выдан П отделом РКМ г. Харькова ИП № 514303 на 5 лет	1	Паспорт хранится в 8-м отделении УГБ ХОУ НКВД
2	Членский билет № 0418809	1	
3	Комсомольский билет № 38550980	1	
4	Копия приказа о назначении консультантом	1	

Жалобы на неправильности, допущенные при обыске, на пропажу вещей, ценностей и документов – нет.

В протокол все занесено правильно, протокол нам прочитан, в чем подписываемся: Обыскиваемый – подпись /Фуклев/

Представитель домоуправления – подпись /Гецович/

Производивший обыск – подпись /Гудзенко/

Копию протокола получил – подпись /Фуклев/

Примечания: 1. Все претензии и заявления должны быть внесены в протокол до его подписания. После подписи никакие жалобы и претензии не принимаются.

1. За справками обращаться в _____ НКВД УССР по адресу.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, д. 7217, л. 90. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 35

Анкета арестованного

1. **Фамилия** – Фуклев
2. **Имя и отчество** – Николай Петрович
3. **Дата рождения:** число „_10_“ месяц – май, год – 1905
4. **Место рождения** – с. Преслав, Коларовский район Днепропетровской области
5. **Местожительство (адрес)** г. Харьков, ул. Революции № 13-а, кв. 3
6. **Профессия и специальность** – писатель, педагог
7. **Место службы и должность или род занятий** – областной методкабинет, методист-педагог по литературе
8. **Паспорт** – выдан 2-м РК милиции г. Харькова
9. **Социальное происхождение** – из служащих
10. **Социальное положение** – служащий
 - а) до революции – жил при родных
 - б) до 1927 г. учился, с 1927 г. служащий
11. **Образование** – высшее
12. **Партийность (в прошлом и настоящем)** – беспартийный
13. **Национальность и гражданство (подданство)** – болгарин, гражд[анин] СССР
14. **Категория воинского учета – запаса и где состоит на учете** – снят с учета как инвалид
15. **Служба в белых и др[угих] к [онтр] – р[еволюционных] армиях, участие в бандах и восстаниях против Советской власти в качестве кого** – не служил
16. **Каким репрессиям подвергался при Соввласти: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)** – не подвергался
17. **Состав семьи** – жена Фуклева Валентина Петровна, 1907 г. рожд[ения], сын – Валентин, 1929 г. рожд[ения], дочь Мая, 1934 г. рожд[ения], мать 70 лет, Александра

Подпись арестованного /Фуклев/

Подпись сотрудника, заполнявшего анкету (подпись неразборчива).

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 91. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 36

**Постановление о привлечении Фуклева Н. П.
в качестве обвиняемого по делу № (№ отсутствует – М. С.)**

Гор. Харьков, 10 февраля 1938 года,

Я, вр[еменный] нач[альник] III отдела УГБ ХОУ НКВД УССР Скраливецкий, рассмотрев следственный материал по обвинению гр[ажданина] Фуклева Николая Петровича в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54-11, 54-10 УК УССР, нашел, что произведенными следственными действиями установлено, что Фуклев Николай Петрович является одним из активных участников болгарской контрреволюционной националистической организации, проводил активную контрреволюционную националистическую работу на Украине.

На основании ст. 126 УПК и руководствуясь ст. 127 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

Привлечь гр [ажданина] Фуклева Николая Петровича в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по ст. ст. 54 п. 1 „а“ УК УССР, копией настоящего постановления сообщить обл[астному] Прокурору.

Вр[еменный] нач[альник] отделения III отдела УГБ – подпись /Скраливецкий/
Согласен: начальник III отдела – подпись (отсутствует)

Постановление мне объявлено – подпись /Фуклев/

„ ____ “ февраля 1938 г. (без даты – М. С.)

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 92. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 37

**Личные показания Фуклева Николая Петровича⁴⁵
от 16 февраля 1938 г.**

В ночь на 11 февраля 1938 г. я был арестован. 12 февраля был выходной день... (нечитабельно – М. С.), поэтому я был лишен возможности обратиться с заявлением о моем намерении дать следствию откровенные показания о моей контрреволюционной деятельности. В своем заявлении от 15 февраля (такого документа в архиве нет – М. С.) я признал свою причастность к действующей на Украине (в Харькове) контрреволюционной националистической организации, входившей в состав националистического подпольного центра, действующего под прикрытием Балканского клуба и нацменсектора при ЦК КП(б)У, а потом обкома КП(б)У.

Желая хотя бы частично уменьшить вину перед советской властью и, надеясь на смягчение наказания на суде, считаю необходимым полностью раскрыть перед следствием всю известную мне, а также свою личную контрреволюционную работу, направленную против соввласти. Ниже перехожу к изложению своих показаний по существу.

Контрреволюционная националистическая организация, действующая в городе Харькове под прикрытием болгарской секции балканского отдела Харьковского окрпарткома при Балканском клубе организована до 1925 года, т. к. я, приехав в Харьков осенью 1925 г., застал ее уже существующей. Мне стало известно из уст Димитрова Дмитрия Демьяновича, что она (болгарская националистическая организация) существует с 1924 года. Болгарская националистическая организация в Харькове имела прежде всего связь с такими контрреволюционными организациями национальных меньшинств, действовавших под прикрытием греческой, венгерской и румынской секции при клубе и с другими контрреволюционными организациями (польская, латышская и др.) через посредство нацменотдела Харьковского окрпарткома, возглавлявшийся тогда Клийоцем⁴⁶ (поляк) и нацменотдела ЦК КП(б)У, возглавлявшийся тогда Лозовертом⁴⁷ и Теодором⁴⁸.

Объединенный в т.н. балканскую секцию под видом парторганизации, болгарская, венгерская, греческая и румынская контрреволюционные националистические организации возглавлялись специальным бюро, в состав которого входили следующие лица:

Цинцар Л (был зам. Нач. милиции УССР), Скачевский, Яли, Бербек и Радев. В состав руководства болгарской националистической организации входили в разное время следующие лица: Мицев, Мальчев, Иджилов, Алексеев, Димитров, Радев. Завербован я был в националистическую организацию при следующих обстоятельствах: в конце 1925 или в начале 1926 года (не помню точно) я был приглашен из общежития открытой явиться в клуб балканской секции в помещении б[ывшего] партклуба (Рымарская, 21). По состоянию здоровья я не явился по этому приглашению (лежал с обострением туберкулезного процесса ноги). Вторичное предложение явиться в клуб я получил от Октябрьского райкома комсомола. Спустя несколько дней, предъявив пригласительский билет, я явился в болгарскую секцию. Там меня встретили болгары, в числе которых был мне знакомый Димитров Дим[итрий] Демьянович.

Окружив меня вниманием, встретившиеся со мной болгары стали упрекать меня за игнорирование балканской секции. Но состояние моего здоровья не давало возможности и в дальнейшем посещать клуб. Однажды меня пригласил к себе на квартиру Димитров Дим[итрий] Демьянович. На квартире он мне посоветовал изучать болгарскую литературу и готовиться быть культурным работником среди болгарского населения. Снабжая меня литературой, Димитров Дим[итрий] Демьянович постепенно приучил к систематическому посещению его квартиры, где он постепенно и последовательно разжигал во мне, молодом комсомольце, националистические настроения. Считая меня подготовленным в смысле националистического воспитания, Димитров Дим[итрий] Демьянович предложил мне вступить в болгарскую националистическую организацию, действовавшей под прикрытием болгарской подсекции балканской секции окрпарткома. Таким образом, я стал с 1926 года членом болгарской националистической организации, будучи завербованным Димитровым Дим[итрием] Демьяновичем, выполняя его поручения. Приблизительно через год (в мае 1927 г.) меня выдвинули заведующим клубом балканской секции. С этого момента роль моя в организации возросла. Я стал обеспечивать созыв и явку членов организации, действовавшей под прикрытием подсекций. Я обеспечивал также под руководством опытных националистов и контрреволюционеров Цинцара, Мальчева и Яли С. (он был председателем правления клуба балканской секции) полное техническое обслуживание подсекций.

Целью болгарской националистической организации, действовавшей под прикрытием болгарской подсекции балканской секции, было: объединение националистически настроенных лиц для организации националистической пропаганды и агитации среди трудящихся болгар УССР, ориентация всей культурной работы среди болгар УССР на Болгарию и объединение болгарских политэмигрантов, так или иначе оппозиционно настроенных по отношению к руководству БКП. До моего вступления в болгарскую националистическую организацию она была почти полностью укомплектована. На мою долю выпала задача вовлечь в организацию следующих лиц: Шаховцову (Васильеву) Тодору Васильевну, Шаховцова Ивана Николаевича, Нейнского Ивана (политэмигранта, работавшего в последнее время в Ольшанском районе) и Маркова Д. Ф., и я это сделал. В подсекциях балканской секции при клубе работали контрреволюционеры, прикрывавшиеся партбилетом и званием политэмигрантов Болгарии, Венгрии, Румынии. В число таких лжеэмигрантов были следующие лица: Мальчев Борис Матвеевич (в Болгарии его звали как Генко Крыстев), Мицев Серафим Иванович, Радев В., Алексеев (инженер), Скендеров, Колев, Гордев, Шаховцова (Васильева), Нейнский, Пападжаков, Мирчев (македонец), Недельчева. Из политэмигрантов знаю следующих лиц, принимавших участие в националистических организациях при балканской секции:

По болгарской подсекции:

1. Тодоров Федор Матв[еевич] – (б[ывший] студент ветинститута. Теперь не знаю где).
2. Пенчев Александр Степанович – (б[ывший] студент ветинститута. Работает где-то в Армении).

3. Николаев Вас[илий] – (б[ывший] студент ветинститута, работает где-то в Донбассе.)
4. Димитров Димитрий Демьянович – (б[ывший] студент ХИНО⁴⁹, работает в Ленинграде).
5. Федосов Вас[илий] Ильич – (б[ывший] студент ХИНО. Жил в последнее время в Ленинграде).
6. Шаховцов Ив[ан] Ник[олаевич] – (б[ывший] студент муздраминститута. Живет в Харькове).
7. Буюклийский Конст[антин] – (б[ывший] студент ХИНО. Работал в Северо-Кавказском крае учителем).
8. Войников Иван Павлович – (б[ывший] студент ХИНХ⁵⁰, Живет в Харькове).
9. Распопов Филипп – (б[ывший] студент ХИНХ. Живет, кажется, в Киеве).
10. Пейчев Ник[олаевич] – (б[ывший] студент ХИНО, живет в Харькове).
11. Иджилов – (б[ывший] зав[едующий] Болг[арского] бюро при НКП⁵¹, Живет в Харькове).
12. Садовой Николай Кузьмич – (б[ывший] студент ХИНХ, живет в Харькове).
13. Фуклев Александр Петрович – (б[ывший] студент ХВИ⁵², работает в Одессе).
14. Ракич – (серб, живет в Харькове).
15. Стояновский Ал[ександр] Фед[орович] – (б[ывший] студент мединститута, Сейчас не знаю где находится).
16. Яли Сава – (б[ывший] член ЦК нацмен при ВУЦИК. Живет в Харькове)
17. Яли Федор – (б[ывший] студент какого-то института. Живет в Мариуполе).
18. Кайлан Мих[аил] – (б[ывший] студент ХИНО. Работает где-то в Донбассе).
19. Каци Сем[ен] – (б[ывший] студент ХИНО. Живет в Харькове).
20. Шашкин - (б[ывший] студент ХИНО. Живет в Харькове).
21. Ашла – (б[ывший] студент какого-то института. Живет, кажется, в Харькове).
22. Темир Ольга – (б[ывший] студент ХИНО. Живет сейчас, кажется, в Ленинграде).

По румыно-бессарабской подсекции:

1. Левин Лев – (б[ывший] рабочий велозавода. Живет в Харькове).
2. Левин – (его брат).
3. Бесединский – (учитель школы слепых).
4. Шехтман – (учительница одной из школ г. Харькова. Жена Яновича).
5. Краснер – (б[ывший] портной. Живет, кажется в Харькове).
6. Немировский – (б[ывший] работник молдавского полпредства при ВУЦИК).
7. Мальчинов – (б[ывший] постпред (*постоянный представитель – М. С.*) Молдавской ССР при ВУЦИК).

По венгерской подсекции:

этой секции политэмигрантов не было.

Для проведения своей работы в подсекциях актив националистов-контрреволюционеров созывал специальные закрытые заседания под видом политэмигрантов-партийцев.

Характеристика на более активных организаторов и членов националистических контрреволюционных организаций при клубе балканской секции:

Димитров Димитрий Демьянович. В 1918 году был одним из активнейших членов контрреволюционной организации „Напредък“ в г. Бердянске, ставившей целью создать буржуазную болгарскую республику и сеявший национальный антагонизм между болгарами и другими национальностями на Украине. В 1923 или 1924 г. был перетянут из Бердянска в Харьков украинскими националистами Степовым и Скрипкой. В бытность Наркомом просвещения Шумского⁵³, Димитров был назначен зав[едующим] Болгарским бюро при НКП УССР и редактором ряда изданий на болгарском языке,

большинство которых были троцкистскими. С отъездом контрреволюционера Шумского в Ленинград, Димитров выехал туда же. Там он организовал т.н. этнографическую болгарскую группу при Академии наук, которая проводила националистическую контрреволюционную работу. Димитров являлся одним из организаторов контрреволюционных организаций, действовавших под прикрытием подсекций балканской секции Харьковского окрпарткома при Балканском клубе.

Мальчев Борис Матвеевич. Один из старейших членов меньшевистской партии в Болгарии (партия широких социалистов, боровшихся против тесных социалистов Благоева, Коларова и Димитрова). В Болгарии широко известны бешеная агитация против Страны Советов в период Гражданской войны и против Ленина. В 1920 году он вступил в партию тесных социалистов (коммунистическая партия Болгарии), а в 1924 году переехал из Югославии через Австрию (Вену) в СССР. С осени 1925 года он являлся редактором болгарской газеты „Съветско село“ (орган ЦК КП(б)У) и зав[едующим] Болгарским бюро при ЦК КП(б)У. Мальчев работал совместно с Димитровым. С 1929 года по настоящее время Мальчев работал в Мелитополе и Одессе.

Будучи вдохновителем и идейным руководителем болгарской националистической к[онтр] р[еволюционной] организации, осуществляя связь этой организации с Лозовертом, Теодором и др., работая инструктором Мелитопольского окрпарткома, деканом и преподавателем болгарского факультета Одесского пединститута, Мальчев систематически проводил националистическую работу. Я точно знаю, что Мальчев в течение нескольких лет собирает цифры об экономике болгар дореволюционной России и болгар СССР под видом подготовки научного труда. Об этой работе Мальчева знали работники редакции болгарской газеты „Коллективист“, политэмигранты – Стоянов Юрдан, Бояджиев и Иванов. Даже более того, они предоставляли ему свои страницы для публикации цифр и пропагандирования вредной „теориейки“ о преимуществах в положении болгар в Турции по сравнению с Россией, воспитывая, таким образом, антагонизм к русскому народу среди болгар, живущих в СССР. Такой вид (преимущество Турции перед Россией для болгар) был привит твердо Мальчевым и во мне еще с 1925 года, когда мне было 20 лет.

Работая в мелитопольском окрпарткоме в 1929–1930 г., Мальчев проводил явно кулацкую линию в вопросах коллективизации, вел борьбу с организациями незаможников и за это получил партвызыскание. Я точно знаю, что Мальчев в 1925–1929 годах (до его отъезда из Харькова) переписывался с лицами, живущими в Болгарии. Сын Мальчева – болгарский поэт – состоит в фашистской организации в Софии. Об этом мне сообщили в редакции газеты „Коллективист“.

Мицев Серафим Иванович. Бывший член буржуазной партии в Болгарии. В СССР приехал не то в 1923 – не то в 1924 году. В 1924 году втесался в доверие парторганизации и стал членом ЦК нацмен ЦК КП(б)У и редактором болгарской газеты „Сърп и Чук“ („*Серп и молот*“ – М. С.) (впоследствии „Съветско село“ и „Коллективист“). Спекулируя своим большим партстажем, Мицев разъезжал по болгарским районам и селам и собирал различные цифры и сведения об экономике и культуре болгар. Вступив в 1926 году в болгарскую националистическую организацию, скрывавшуюся под ширмой болгарской подсекции балканской секции, я встретил там Мицева, как одного из главнейших руководителей организации. Он давал задания, проводил „занятия“ и увязывал работу болгарской националистической организации с ЦК нацмен ВУЦИК, членом которого он состоял.

С 1929 года он усиленно добивался приезда его сына из Болгарии в СССР. В 1932 г или в 1933 г. сын его приехал в Харьков и сейчас учится на химическом факультете какого-то института в Харькове.

Марков Дмитрий Федорович. В течение ряда лет (1931–1934) находился в самых близких и товарищеских отношениях с разоблаченным в 1937 году врагом народа Аджаровым. Ликвидацию газеты „Коллективист“ на Украине Марков расценивал как на-

ционалистическое проявление в ЦК КП(б)У. Он, вместе с редакционными работниками газеты „Коллективист“ Бояджиевым и Чудрой, распространял среди болгар эту клевету на ЦК КП(б)У. Вместе с группой политэмигрантов (Иванов, Бояджиев, Чудра, Шаховцова, Стоянов). Марков поддерживал по существу контрреволюционную, фашистскую линию ориентации дальнейшего развития литературного болгарского языка на официальный язык фашистской Болгарии под видом борьбы за единый „внеклассовый“ болгарский язык, игнорируя факт фашизации литер[атурного] языка в Болгарии, игнорируя влияние русского языка на болгарский в настоящее время, игнорируя диалекты как базу для обогащения болгарского литературного языка.

Иджилов С. Будучи зав[едующим] Болгарским бюро при НКП УССР, Иджилов всячески содействовал издательской и писательской деятельности эмигрантки Каримы, которая, используя данные ей в СССР привилегии, разъезжала по советским городам и селам, а возвратившись в Болгарию написала клеветническую, фашистскую книжку о болгарях УССР и ГПУ.

Шаховцова Тодора Васильевна. Приехала из Болгарии до сентябрьского восстания привезла с собой белогвардейского эмигранта Шаховцова Ивана Николаевича, используя для этого свой партбилет. Будучи учительницей и партработником в Преславе (Коларовский район), Шаховцова вместе с Федосовым Васи[илием] Ильичем активно защищала кулацкую группировку „Стояновщина“. В 1926 году, спасаясь от разоблачения, как пособница классового врага, Шаховцова добивается с Мальчевым Б. М. об отъезде из с. Преслава и приезжает на работу в Харьков в качестве работника редакции газеты „Съветско село“, редактором которой в то время был Мальчев.

Шаховцов Иван Николаевич. В Харьков приехал из с. Преслава вместе со своей женой Шаховцовой Т. В. Окончил Харьковский муздраминститут. Известен в Харькове как Шахивец. Из Болгарии прибыл в 1923 году как т.н. возвращенец – русский эмигрант.

Колев Иван Петрович. Работая в качестве секретаря Благоевского РПК, Колев допускал ряд искривлений линии партии по отношению к середняку. За срыв сельхозкампаний он был снят с работы секретаря РПК в 1933 году. По сообщению Мальчева Колев выезжал в Болгарию.

Чудра Петр. Очень сомнительная личность. Приехал в СССР в 1934 году. Устроен на работу в редакцию газеты „Коллективист“ македонцем Ивановым (Иванов переехал на работу в Киев). Его приезд в СССР совпадает с приездом группы болгарских террористов в Ленинград. О себе дает очень противоречивые сведения. Например: одним он заявляет, что в Болгарии его не знают как Чудру и что это псевдоним он получил по приезду в СССР, а другим доказывает, что под фамилией Чудра он помещал в журналах „РЛФ“ и „Жупел“ свои произведения. Я имел возможность установить, что в журнале „РЛФ“⁵⁴ имеются произведения Б. Чудры, не П. Чудры.

П. Чудра заявлял Д. Маркову о том, что он удрал из болгарской фашистской тюрьмы, куда был посажен на 6 лет, а мне он говорил, что приехал учиться в СССР. Со слов Маркова Д. Ф. я знаю, что П. Чудра летом 1937 года ездил в Москву добывать в болгарском консульстве визы на выезд в Болгарию, мотивируя „желанием“ продолжить свою революционную деятельность. Он объяснил Маркову, что ему нужно использовать данную царем Борисом III амнистию (в связи с рождением царевича). Я объясняю это желание тем, что летом 1937 года началась усиленная работа по раскрытию подозрительных личностей. Чудра имел близкие отношения с врагами-контрреволюционерами Стоенчевым (Одесса) и Даскаловым (Киев). Чудра в течение 2-х лет добивался поступления в ряды Красной армии, но ему это не удалось. Работая совместно с ним, в редакции газеты „Коллективист“ в течение 3-4 месяцев я наблюдал, что Чудра усиленно добивался знакомства с замужними женщинами (буквально десятками женщин). Я отношусь к этим знакомствам с большим подозрением как к шпионскому методу использовать жен ответственных работников для контрреволюционных целей.

Радев Волчан Волчанович. Прибыл в Россию до сентябрьского восстания в Болгарии (1923 г.). Был секретарем болгарской националистической организации и членом бюро объединенной к[онтр]-р[еволюционной] организации балканской секции. В своей

книжке по национальному вопросу цитировал Троцкого, а книжку посвятил Скрипнику. В 1937 г. имел длинную аудиенцию с б[ывшим] секретарем Харьковской организации писателей Глушко (вскоре Глушко был арестован органами НКВД). Радев был в одной организации с Глушко в Институте маркс[изма]-лен[инизма] в Ленинграде [...]

Считаю свои долгом дополнительно остановиться на ряде лиц, которые не были в Харькове в период существования клуба балканской секции или не посещали его, но лицо которых вызывает политическое недоверие.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 1, д 7217, л. 93–122. Оригинал, рукопись.

№ 38

Обвинительное заключение к следственному делу № 114964

По обвинению: [...] ФУКЛЕВА Николая Петровича [...] и др. по ст. ст. 54-11 и 54-10 УК УССР.

3-м Отделом УГБ УНКВД по Харьковской области в 1938 году вскрыта и ликвидирована контрреволюционная болгарская националистическая повстанческая организация, действовавшая под прикрытием болгарской секции балканского клуба в г. Харькове [...] По делу арестовано, как участники организации: [...] Фуклев Николай Петрович [...] Произведенным следствием установлено:

Фуклев Николай Петрович с 1925 года активный участник контрреволюционной болгарской националистической организации и является одним из ее руководителей. Будучи зав[едующим] балканским клубом, лично проводил большую контрреволюционную националистическую работу как в г. Харькове, так и болгарских национальных районах. Работая в издательстве болгарской национальной литературы, протаскивал национальные идеи. Лично завербовал в состав контрреволюционной организации Шеховцова, Маркова /аристованы/ (*так и написано – „аристованы“ – М. С.*) и Нейнского /устанавливаем/. В предъявленном обвинении Фуклев виновным себя признал /л. д. 154-193/, также изобличается показаниями обвиняемых Мицева, Пейчева, Скендерова, Маркова и друг. /л. д. 63, 71, 267, 295, 297, 336, 420/.

На основании изложенного ОБВИНЯЮТСЯ:

[...] **Фуклев Николай Петрович**, 1905 года рождения, уроженец села Преслав, Днепропетровской области, болгарин, гражданин СССР, беспартийный, до ареста – консультант по литературе Облнаробраза г. Харькова, – как один из активных участников и руководителей болгарской к[онт]р[еволюционной] националистической организации, что предусмотрено ст. ст. 54-11 и 54-10 УК УССР [...]

На основании изложенного, ПОСТАНОВИЛ:

Следдело №114964 по обвинению: [...] Фуклева Н. П. [...] и др. – по ст.ст. 54-6, 54-11 и 54-10 УК УССР – направить на рассмотрение ОСОБОЙ ТРОЙКИ при УНКВД по Харьковской области.

СПРАВКА : – Вещдоков по делу не имеется.

Все обвиняемые содержатся под стражей в Харьковской тюрьме.

Вр[еменный] нач[альник] III отдела УГБ

Мл[адший] лейтенант Гос[ударственной] Безопасности

Подпись /КУЗНЕЦОВ/

Подтверждаю: Нач(альник) III отдела УГБ НКВД

Ст(арший). лейтенант Госбезопасности

подпись /БАРБАРОВ/

октябрь 1938 г.

гор. Харьков.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 335, 344. Оригинал, текст печатный.

Секретно, 13 февраля 1939 г.

От жены болгарского писателя Фуклева Николая Петровича – Фуклевой Валентины Петровны, проживающей в г. Харькове по ул. Революции № 13, кв. 3.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Муж мой Фуклев Николай Петрович 11 февраля 1938 г. был арестован и в ноябре выслан. Приговор: 10 лет строгой изоляции.

Я получила потрясающие сведения от мужа из тюрьмы. Следствие вынудило мужа подписать себе ложное обвинение. Муж передал мне это из тюрьмы и умоляет спасти его. Он и сам добивался в тюрьме, чтобы его повезли к прокурору, чтобы сообщить ему как под насилием подписал обвинение. Обвиняют мужа в том, что будучи в 1927–1928 гг. заведующим балканским клубом, он не мог не знать, что в клубе имеется контрреволюционная организация. Это клевета! Если бы он хоть немного подозревал, он бы сигнализировал. Ему было 21–22 года, когда он работал в клубе. Допускаю, что он мог проявить близорукость, недоглядеть, но никогда не мог быть виновным. Неужели следствие не могло проследить, познакомиться с его дальнейшей работой – честной и преданной, чтобы убедиться какие абсурдные предъявлены ему обвинения?

Взять хоть бы его работу в районе. В течении последних пяти лет был замредактором райгазеты, находясь на виду всего района. Много раз премировался за отличную работу по общественно-политическим компаниям, награжден почетной грамотой. Но никогда не имел ни выговоров, ни взысканий, ни по работе, ни по комсомолу. За 11-летнюю совместную жизнь с ним я настолько хорошо знаю моего мужа, что ручаюсь головой, что он ни в чем не виноват. Никогда не мог совершить он преступления, ни словом, ни делом. Это исключительно преданный человек, горячо любящий свою родину. У меня нет сомнения, что он жертва клеветы. До ареста на него клеветала группа лиц – сотрудников газеты „Коллективист“ (орган ЦК КП(б)У на болгарском языке, закрытая в декабре 1937 г.). Пять месяцев из-за клеветы Чудры и Бояджиева и др[угих] муж был без работы, был исключен из ЛКСМ и Союза писателей. После восстановления он заявил клеветникам, что отдаст их под суд за клевету. Несомненно новая клевета этой группы послужила причиной ареста Фуклева. Перед арестом член комитета ЛКСМ Союза писателей т[овариш] Муратов сообщил мужу: опять Бояджиев ходит с новыми материалами против тебя“ (л. 300).

После чего началась травля мужа? Муж неоднократно критиковал работу отдельных сотрудников болгарской газеты, указывая на недостатки, как напр[имер] плагиатство и др[угое], с другой стороны некоторые завидовали мужу как растущему писателю, а самая сильная вражда началась после сигнала Фуклева в отношении Аджарова, как человека политически подозрительного (см. Литературная газета № 17, от 11 апреля 1937 г.), раскрытого органами НКВД, который был другом и земляком этой группы клеветников, тоже эмигрант, а также после статьи мужа в газ. „Правда“ в апреле 1937 г. под названием „Кто руководит газ[етой] „Коллективист“? Статья была выслана в ЦК КП(б)У, а оттуда в газ[ету] „Коллективист“ на расследование. Таким образом, статья попала в руки тех, против кого она была направлена. Используя свое пребывание в газете, эта группа начала клеветать, после чего муж был отовсюду исключен и лишь через 5 месяцев восстановлен.

Причины травли мужа мне стали особенно ясны, когда после его ареста я нашла у него в столе целый ряд черновиков, его писем и сигналов. Судите, т[овариш] Сталин, из кратких сведений его биографий может ли он быть врагом? Родился в конце 1905 г. с. Орловка Днепропетровской области в семье народного учителя. В семье было 14 человек детей, жили в нужде. Семья была революционной. Отец и старшие братья принимали участие в революции с самого начала. С 1921 г. отец его – первый председатель КНС (Комитет невозможных селян – М. С.) своего села. Семья принимала участие в

общественно-политических кампаниях. В Гражданскую войну были расстреляны два старших брата мужа: Дмитрий – белыми в 1918-1919 гг., Василий – петлюровцами в 1919 г., следующие три брата служили в Красной армии во все время Гражданской войны.

Муж, будучи 14–15-летним, тоже принимал участие в Гражданской войне, позже был в отряде ЧОН (*Часть особого назначения*. – М. С.). В КСМ (*Коммунистический союз молодежи* – М. С.) вступил с момента организации ячейки в селе в 1920 г. и состоял до последнего времени, находясь на руководящих выборных должностях. Где бы Фуклев не встречал проявление классового врага – сигнализировал, смело и открыто выступая в печати, что и создало ему много врагов. Несколько известных мне фактов его бдительности и беспощадности к врагам народа:

1. В 1925–1929 гг. принимал активное участие в разоблачении кулацкой группы в с. Преслав Днепропетровской области под названием „Стояновщина“, разоблаченной впоследствии (см. ряд его статей в газете „Съветско село“).
2. В 1933 г., живя в Благоево Одесской обл[асти], писал в Одесское НКВД о своих подозрениях, что в Ленинграде при Академии наук существует болгарская националистическая группа. В 1934 г. эта группа была раскрыта.
3. Сигналы его в ЦК КП(б)У, начиная с 1934 г. о троцкисте Даскалове – б[ывшем] редакторе болгарского редсектора, арестованным в 1936 г.
4. Сигналы о писателе Аджарове в парторганизацию, что ССПУ ... (см. „Литературную газету“ за № 17, 11 апреля 1937 г.)
5. Целый ряд сигналов о других лицах.

Прошу Вас, дорогой тов[арищ] Сталин, дать распоряжение пересмотреть дело мужа. Не сомневаюсь, что при более внимательном и тщательном рассмотрении дела, невинность мужа будет доказана. Родине будет возвращен ее преданный сын, а семье и детям – любящий отец.

13 февраля 1939 г

В. Фуклева

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 299–302. Оригинал, рукопись.

№ 40

Заявление

Председателю Верховного Совета СССР т[оварищу] Калинин
Гр[ажданки] Фуклевой Вал[ентины] Петр[овны], жены болгарского писателя, проживающей по ул. Революции № 13 в г. Харькове

Дорогой Михаил Иванович!

Большим доверием и любовью Вы пользуетесь у трудящихся масс за Вашу заботливость и чуткость, которую Вы проявляете в своем руководстве. Обращаюсь и я к Вам с исключительной признательностью и искренностью по делу моего мужа Фуклева Н. П., который после 5 месячной безработицы, будучи оклеветанным, 20 января 1938 г. был восстановлен на работе консультанта Облметодкабинета, получил поручения по составлению ряда работ, в том числе научной брошюры „Преподавание Конституции в средней школе“. Как он воодушевленно эти дни работал, работу по составлению брошюры закончил и вдруг 11 февраля 1938 г. его забирают органы НКВД.

5 месяцев клеветники позорили его имя, начиная с 1 августа старались уничтожить его как писателя и как гражданина. 27 октября 1937 г. мужу точно сообщили в НКВД, что клеветническое обвинение на него не подтвердилось. Но личная ненависть болгар-эмигрантов, засевших в газете „Коллективист“ (орган ЦК партии на болгарском языке, закрытый 26 декабря 1937 г.) Чудры, Бояджиева и др[угих], на которых мой муж неоднократно писал критические материалы в газ[ету] „Правда“, по этим материалам были сняты летом 1937 г. сотрудники редакции „Коллективист“ Шаховцова и Ненов. Личная ненависть и боязнь быть привлеченными к суду за клевету, заставила их пойти на край-

ние методы клеветы (7 февраля 38 г. писатель т. Муратов – член комитета комсомола при Харьк[овском] обл[астном] Правлении Союза Писателей сообщил мужу, что клеветники опять на него начали травлю новыми методами клеветы. Бояджиев – самый активный в этом деле).

Я уверена, что арест моего мужа был результатом последней клеветы. Твердо убеждена, что органы НКВД всесторонне будут разбирать дело мужа, но я решила обратиться и к Вам с просьбой оказать участие в разборе дела мужа, обеспечить заботливость о живом человеке. Сообщаю, что Фуклев Н. П. 17 лет был честным комсомольцем, пользовался любовью и уважением населения, где бы он ни работал, много и много раз был премирован, получал грамоты, хорошие характеристики и никогда не имел замечаний. Как писатель он отражал могучий рост социалистической родины, вскрывая неоднократно лицо врага в подлинном вредительском действии. Всю жизнь он посвятил только закреплению и росту социалистических побед. Когда он был выдвинут на работу руководителя болгарской секции писателей при ССПУ (*Союз советских писателей Украины – М. С.*), когда начал вырастать его авторитет писателя, когда он становился все более популярным общественным работником, тогда именно достигают крайних пределов гнусные действия клеветников, именно на этом этапе они приложили все средства, чтобы уничтожить того человека, который прямо и честно систематически подавал сигналы о всех безобразиях группы сотрудников болгарской газеты об их антисоветских поступках (плагиат и проч[ее]).

Повторяю, Михаил Иванович, что Фуклев взят по обвинениям клеветников, он ни в чем не виноват – еще раз прошу Вашего непосредственного участия в разборе дела моего мужа. Фуклев Н. П. находится при Харьковском обл[астном] отделении НКВД. В Обком партии мною подано апелляционное заявление, написанное Фуклевым перед арестом для подачи в РК ЛКСМУ по вопросу его восстановления в рядах комсомола. В этом заявлении подробно освещены все клеветническое действия указанной группы.

Подпись /В. Фуклева/

Харьков, 14 февраля 1938 г.
Ул. Революции, 13, кв. 3.

ГАХО, ф. Р652, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 297–298. Оригинал, рукопись (Письмо до Калинина так и не дошло. На письме имеется печать Секретариата Президиума ВС СССР о направлении письма в Прокуратуру СССР 16 мая 1938 г. – М. С.).

№ 41

Заявление

Верховной Прокуратуре УССР
Фуклевой Наталии Петровны,
Харьков, ул. Революции 13, кв. 3.

Прошу пересмотреть дело моего брата Фуклева Николая Петровича, арестованного 2.02. 1938 г., сосланного в ноябре того же года. По его делу жена возбудила апелляцию перед Верховной Прокуратурой Союза, получила сообщение, что дело передано на заключение Вам. Никто из родственников не возбуждал бы апелляции, если бы брат в жизни действительно способен был допускать какие бы то ни было вредительские проявления, действия и настроения.

О нем могут сказать целые районы – Благоевский, Харьковский, Коларовский, в частности, население родного с. Преслава, как о самом честном и преданном советском работнике. Жизнь его с самого детства молна мужества, энергии и бодрости, верно-го делу партии, советской власти, комсомолу молодого энтузиаста – писателя. Смеею смело заявить, что под шумок „архистраховщины“ все, кого брат вскрывал как врагов, плутов и казнокрадов – все они сумели использовать момент подвести моментально к незаслуженному лишению свободы. Мне сообщили, что обвинение ему предъявлено за 1927 – 1928 г. по вопросу контрреволюционной организации при Балканском клубе, а

брат, будучи завоём, будто бы об этом знал, но не сигнализировал. Ему тогда было 21–22 года, жил он в эти годы исключительно комсомольскими заданиями, об этом прекрасно знал комсомол рудника „Желтой реки“ Кривого Рога, где в это время я работала в школе. Его светлые, радостные и бурные настроения и действия и до сих пор остались в памяти рудничного населения. Лучшие свои социалистические устремления он действительно посвятил на пользу общества. Он был неутомимым, несмотря на то, что временами болезнь – костный туберкулез, отрывала у него физические силы, но он сознавал, что в нем живет дух. Прикованный на 1,5 года к постели, он писал произведения, рисовал, выполнял общественные поручения.

В последние годы он все более закалял в себе стойкого борца за честность и гордость перед социалистической родиной, беспощадно вскрывал подлейших врагов, вдруг сам оказался заключенным с полной изоляцией на 10 лет. Мы знаем, что он надеется на освобождение, он просит ему в этом немедленно помочь, ибо он верит в социалистическую справедливость. Я сама работаю 25 лет учителем, с честью выполняю самые ответственные задания общественных поручений, преданно и честно воспитываю советскую молодежь и в настоящее время оправдываю высокую успешность в учебе. Когда я узнала, что брат просил свидания с прокурором, ему отказали; не хотел и не мог признавать обвинений – ему при насилии приказали, тогда я решила допустить, что возможны случаи, когда отдельные лица могли извратить законы Сталинской конституции и допустили издевательства над братом и брат оказался принужденным врагом.

Может быть я слишком наивна в своих рассуждениях, но я верю, что в советской стране каждый гражданин может обращаться к советской социалистической защите и просить пересмотра дела осужденного.

28 марта 1939 г.

подпись / Фуклева/

ГАХО, ф. Р652, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 295–296. Оригинал, рукопись.

№ 42

Заявление в Прокуратуру СССР

Прокуратуре Союза ССР

От Фуклевой Валентины Петровны,

проживающей в г. Харькове, по ул. Революции, № 13, кв. 3.

В январе я подала заявление на имя Вышинского, а в феврале ЦК выслало в Прокуратуру второе мое заявление; по делу мужа Фуклева Николая Петровича, арестованного в Харькове 11 февраля 1938 г.

Прошу, ответьте какой результат моего заявления.

1 марта 1939 г.

В. Фуклева

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 304. Оригинал, рукопись

№ 43

Заявление

Прокурору УССР*

От Фуклевой Валентина Петровны,

проживающей в г. Харькове по ул. Революции № 13, кв. 3

В ответ на мое заявление в Прокуратуру СССР мне сообщили, что заявление мое направлено Вам. Прошу сообщите мне результат заявления по делу мужа Фуклева Николая Петровича: писатель, год рождения 1905, арестован ... февраля в г. Харькове, высланного в октябре 1938 г.

4 мая 1939 г. Подпись /Фуклева/

ГАХО, ф. Р652, оп. 1, д. 7217, л. 293. Оригинал, рукопись.

* Письмо Фуклевой было перенаправлено областному прокурору, однако ответа в архиве я не нашел. На многих письмах-жалобах нет резолюций: есть только росписи людей, рассмотревших его без какого-либо ответа.

№ 44

Заявление

Генеральному Прокурору Союза ССР
От Фуклевой Вал(ентины) Петр(овны),
проживающей в г. Харькове, по ул. Революции, № 13, кв. 3.

Начиная с ноября 1938 г. я послала 7 заявлений в ГУЛАГ НКВД СССР с просьбой сообщить местонахождения моего мужа. Несмотря на обещание сотрудника ГУЛАГа во время моего пребывания в Москве сообщить, до сих пор я ответа не получила.

Прошу Вас, дайте распоряжение ГУЛАГу сообщить, где находится мой муж Фуклев Николай Петрович, писатель, год рождения 1905, арестован в городе Харькове 11 февраля 1938 г., выслан в начале ноября 1938 г.

Прошу Вас, дайте распоряжение сообщить также, если его там не числится, может быть – умер. Положение неизвестности очень тягостно и мучительно для семьи.

12 июля 1939 г.

В. Фуклева.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 307. Оригинал, рукопись

№ 45

Заявление В. М. Молотову

Депутату Верховного Совета тов[арищу] Молотову
От Фуклевой В. П., проживающей в Харькове по ул. Революции, № 13, кв. 3.

Муж мой Фуклев Николай Петрович арестован 11 февраля 1938 г. в г. Харькове. Осужден в конце октября 1938 г. на 10 лет со строгой изоляцией. Муж мне сообщил жуткие сведения, что следствие велось неправильно. Его вынудили насильно подписать себе обвинение. Умоляет сообщить об этом высшим органам власти, чтобы спасти его. Куда мы, его родственники, ни обращаемся, нигде не можем добиться. Умоляю Вас, тов[арищ] Молотов, обратите внимание на такой факт нарушения революционной законности по отношению к живому человеку. Мы все, его родственники, ручаемся за него, что он ни в чем не виноват. Это исключительно преданный человек, горячо любящий родину. Он доказал это своей многолетней преданной работой. Много раз премировался, награжден почетной грамотой.

Кроме того я, начиная с ноября 1938 г. его и не могу найти. Харьковская прокуратура направила меня в ГУЛАГ, но несмотря на моих 8 заявлений в ГУЛАГ, я ответа до сих пор не получила. Я слышала, если ГУЛАГ не отвечает, значит его там нет. Но где же он тогда? Если умер, так пусть бы сообщили. Умоляю Вас, помогите мне найти, где находится мой муж. Положение неизвестности очень тягостно для семьи.

6 августа 1939 г.

В. Фуклева.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 305. Оригинал, рукопись.

№ 46

Постановление (в порядке надзора)

Сов[ершенно] секретно

1940 года, января 4 дня, пом. Обл. Прокурора по спецделам Харьковской области – ЛИБМАН, в порядке надзора рассмотрел дело осужденных [...] Фуклева Н. П. [...] и других,

НАШЕЛ:

[...] 2. **Фуклев Николай Петрович**, 1905 года рождения, уроженец села Преслав, Днепропетровской области, болгарин, беспартийный, писатель, 11 февраля 1938 г. арестован до ареста как активный участник болгарской контрреволюционной националистической организации с 1926 г. в г. Харькове (л.д. 96,99,102,105,168,169).

Постановлением Особой Тройки УНКВД по Харьковской области от 28 октября 1938 г. – все вышеуказанные обвиняемые осуждены по ст.ст. 54-10 и 54-11 УК УССР к ВМН.

Обвинение [...] Фуклева Н. П. [...] и др. было основано на показаниях каждого обвиняемого, в которых они изобличали друг друга как участников контрреволюцион-

ной болгарской националистической организации, существовавшей при Балканском клубе в гор. Харькове с 1925 г. и действовавшей под прикрытием болгарской секции Балканского клуба, совместно с другими контрреволюционными формированиями, существовавшими при Балканском клубе (греческим, венгерским, румынским) и проводили активную контрреволюционную националистическую деятельность. Кроме, того, обвинение указанных выше лиц было основано на личном сознании каждого из обвиняемых в том, что каждый из них принадлежал к контрреволюционной болгарской националистической организации и проводил контрреволюционную деятельность.

В Прокуратуру Харьковской области поступили жалобы [...]

[...] от гр(ажданки) Фуклевой Валентины Петровны, в своей жалобе она просит пересмотреть дело ее мужа Фуклева Н. П., ссылаясь на то, что он осужден неправильно, что его оклеветали и что следствие вынудило Фуклева Н. П. подписать на себя ложное обвинение.

Арестованные и привлеченные в качестве обвиняемых:

[...] ФУКЛЕВ Н. П. в предъявленном ему обвинении по ст.ст. 54-10, 54-11 виновным себя признал и показал: что в состав контрреволюционной болгарской националистической организации был завербован Димитровым Д. Д. вначале 1926 г. (л. Д. 97, 99), вел контрреволюционную деятельность, выполняя роль связиста (л. д. 165, 166, 168). Лично завербовал в состав контрреволюционной националистической организации Шеховцову М. В., Маркова Д. Ф. и Нейнского И. (л. д. 98, 99, 100).

Исходя из изложенного и руководствуясь приказом НКВД и Прокурора СССР от 26 декабря 1938 г. за № 2709

ПОСТАНОВИЛ:

1. Решение Особой Тройки от 28 октября 1937 г. УНКВД по Харьковской области по делу [...] Фуклева [...] и других оставить в силе, о чем сообщить жалобщикам.

2. Надзорное производство по делу прекратить и дело возвратить в 1-й Спецотдел НКВД для хранения в архиве.

Пом(ощник) обл(астного) Прокурора по спецделам подпись /ЛИБМАН/

Утверждаю: Прокурор Харьковской области подпись /Д. Панасюк/

Отп[ечатано] 4 экз[емпляра]

ГАХО, ф. Р652, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 287–291.

№ 47

Протест (в порядке надзора)

СПЕЦКОНТРОЛЬ СЕКРЕТНО. Экз. № 1

В ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ КИЕВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА.

по делу Мицева С. И. и других, всего 13 человек.

По постановлению Особой Тройки УНКВД по Харьковской области от 28 октября 1938 года, на основании ст. ст. 54-10 и 54-11 УК УССР были осуждены к расстрелу:

[...] **Фуклев Николай Петрович**, 1905 г. рождения, уроженец села Преслав, Днепропетровской области, б/п., болгарин, с высшим образованием, до ареста консультант Харьковского областного отдела народного образования. Постановление тройки в отношении всех осужденных приведено в исполнение 4 ноября 1938 года /л. д. 560–584/.

По обвинительному заключению [...] Фуклев (далее перечисляются фамилии других обвиняемых – М. С.) [...] обвинялись в том, что они являлись участниками болгарской националистической повстанческой организации, ставившей своей задачей создание на территории СССР самостоятельного буржуазного государства. Организация подготавливала кадры для борьбы с советской властью в момент войны /л. д. 545 /.

Постановление Особой Тройки УНКВД по Харьковской области подлежит отмене, а дело прекращению по следующим мотивам:

Как видно из материалов дела, основанием к осуждению [...] Фуклева (*и других* – М. С.) явились только их личные признания своей вины. Произведенной проверкой в порядке ст. 370 УПК УССР установлено, что показания всех осужденных являются противоречивыми и неубедительными.

Показания Фуклева о том, что он с 1925 г. являлся участником антисоветской болгарской националистической организации, в которую был вовлечен Димитровым Дмитрием и по его заданию вовлек Шаховцова И. Н., Маркова и Нейнского – являются противоречивым и не заслуживают доверия. Из протокола допроса Шаховцова видно, что он в к[онтр]-р[еволюционную] организацию был завербован не Фуклевым, а Горбенко Л. Д. Кроме того, Шаховцов в своих показаниях Фуклева вообще не упоминает /л. д. 516–530, т. II/.

Это обстоятельство также свидетельствует о необоснованном осуждении... Фуклева Н. П. и др. /л. д. 110–116 материал проверки/. Компрометирующими материалами на [...] Фуклева [...] органы КГБ не располагают /л. д. 40–41 материал проверки/. Допрошенные в процессе дополнительной проверки свидетели [...], знавшие по совместной работе и учебе Фуклева Н. П. [...] охарактеризовали [...] с положительной стороны и заявили, что о принадлежности осужденных к контрреволюционной организации им ничего не известно /л. д. 55–54, 68–69, 72–77, 82–84, 87, 94, 98, 103, 117–119 – материал проверки/.

Таким образом произведенной проверкой по настоящему делу установлено, что [...] Фуклев Н. П. (*и другие* – М. С.) были осуждены необоснованно.

Поэтому, руководствуясь ст. 25 „Положения о прокурорском надзоре”,

ПРОШУ:

Постановление Особой Тройки УНКВД по Харьковской области от 28 октября 1938 г. в отношении [...] Фуклева Николая Петровича – ОТМЕНИТЬ и дело производством прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Дело в 2-х томах и материал проверки в т. ч. т. I – на 325 листах, том II – на 390 листах, материалы проверки – на 120 листах – от наш. вх. № 019709 – в ВТ КВО.

ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР КИЕВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ЮСТИЦИИ / И. БУДАРГИН/

12 октября 1956 г.

№ 2/0 – 2/3159 – 5 /01294

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 3, д. 7219, л. 125, 128, 134–135. Оригинал, текст печатный.

№ 48

Заявление

Военному Прокурору по Киевской области
От Фуклевой Валентины Петровны, проживающей в г. Харькове, Краснодонский пер. № 3, кв. 10.

Дело моего мужа Фуклева Николая Петровича, 1905 г. рожд., болгарина по национальности, было пересмотрено в г. Киеве 23 октября 1956 г. и решение тройки от 1938 г. 28.10. – отменено.

Прошу Вас, выслать мне справку* о реабилитации Фуклева Н.П.

7.11.1956 г.

подпись /Фуклева/

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 3, д. 7219, л. 291.

* Справка вручена ее дочери 12.01.1957 г. – М. С.

¹ НКВД СССР – Народный комиссариат внутренних дел СССР (предшественник ВЧК/ОГПУ), в 1946 г. переименованный в МВД СССР. На НКВД были возложены задачи обеспечения общественного порядка и государственной безопасности, охрана социалистической собственности, запись актов гражданского состояния, пограничная охрана, содержание и охрана исправительно-трудовых лагерей. Именно органами НКВД были осуществлены массовые репрессии в 1930-е годы.

² *Українакомиздат* – Украинское государственное издательство литературы для национальных меньшинств, существовавшее в 30-е годы XX ст.

³ Газеты на болгарском языке – „Коллективист“ (1924–1937), „Сърп и чук“ (1924–1925), „Съветско село“ (1926–1930), издаваемые в Украине для болгарского населения.

⁴ *Балканский клуб*. На самом деле такого клуба в г. Харькове фактически не существовало (с уставом, условиями приема в члены клуба и т. д.). Это подтверждается документами из архива. При проверке материалов следствия в 1956 г. военная прокуратура Харьковской области делала запрос в ЦГАОР „проверить и сообщить, имеются ли в архиве какие-либо материалы о Балканском клубе, существовавшем в г. Харькове (в какой период времени он существовал, какие стояли задачи перед ним, каким образом производился прием в члены клуба, входили ли в его состав какие-либо антипартийные группировки и контрреволюционные организации...).“ Из архива поступил ответ: „У нас архивных материалов о балканском клубе в г. Харькове нет, сведений о задачах и составе клуба дать не можем“. – *ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 3, д. 7219, л. 38–39.*

⁵ *Мицев, Серафим Иванович (1890–1938)*. Родился в г. Берковица (Болгария). Адвокат. Эмигрировал в СССР в 1925 г. Жил и работал в Харькове директором выставки изобретательства и рационализации. В феврале 1938 г. арестован органами НКВД Харьковской области как один из организаторов и руководителей „Болгарской контрреволюционной националистической организации“. Расстрелян в Харькове 4 ноября 1938 г. вместе со своим сыном Николаем Мицевым. Посмертно реабилитирован в 1956 г.

⁶ *Димитров, Георгий Михайлов (1882–1949)* – видный деятель болгарского и международного коммунистического движения. В 1935–1943 гг. Генеральный секретарь Исполкома Коммунистического Интернационала (ИККИ).

⁷ *Сапунов* – представитель Заграничного бюро ЦК БКП при ИККИ в Москве.

⁸ *Галин, Владимир Владимирович* – русский, работал директором зооветеринарного института в Харькове.

⁹ *Заграничное бюро ЦК БКП в Коминтерне* – высший партийный орган, руководивший деятельностью партии за пределами страны с 1923 по 1944 г. На Заграничное бюро возлагалось общеполитическое и идеологическое руководство партией, редактирование партийного органа – журнала „Коммунистическое знамя“. Деятельное участие в работе Заграничного бюро принимали Г. Димитров и В. Коларов.

¹⁰ *ЦКК ВКП(б)* – Центральная контрольная комиссия Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).

¹¹ *ВУЦИК* – Всеукраинский центральный исполнительный комитет. Первоначально ЦИК Всеукраинской Рады рабочих, солдатских и крестьянских депутатов УНР, ЦИК Всеукраинского съезда Советов – орган власти Советов Украины в 1917–1938 годах (с полугодовым перерывом с лета 1919-го по февраль 1920 г.).

¹² *ИККИ* – Исполнительный комитет Коммунистического интернационала, орган управления Коминтерна, действовавший в период между его конгрессами.

¹³ *УГБ ХОУ НКВД* – Управление государственной безопасности Харьковского областного управления Наркомата внутренних дел.

¹⁴ *РКМ НКВД УССР* – районный комитет милиции НКВД УССР.

¹⁵ *Малчев (Мальчев), Борис Матвеевич (1876–?)* – болгарский политэмигрант в СССР, профессор. По рекомендации Коминтерна работал в Мелитополе и Харькове в редакциях болгарских газет. Редактор газеты „Коллективист“. Переезжает в Одессу и становится деканом болгарского отдела в Одесском педагогическом институте. В 1940 г. был арестован и осужден по ст. 54-10 ч.1 и 54-11 УК УССР к пяти годам ссылки. В 1956 г. реабилитирован. Дальнейшая судьба неизвестна.

¹⁶ *Скрыпник, Николай Алексеевич (1872–1933)* – партийный и государственный деятель Украины. Учился в Петербургском технологическом институте (не окончил). В 1897 вступил в ряды РСДРП, большевик. В 1905–1907 гг. секретарь Петроградского комитета РСДРП. С 1913 г. редактор большевистского журнала „Вопросы страхования“ (Петербург). В 1914 г. включен в состав редколлегии газеты „Правда“, в том же году арестован и сослан в Тамбовскую губернию. В июне 1917 г. секретарь Центрального совета фабзавкомов. В октябре 1917 г. член Петроградского военно-революционного комитета. С декабря 1917 г. на Украине, нарком труда и промышленности. С марта 1918 г. председатель СНК и нарком иностранных дел Украины. В июле 1918–январе 1919 г. член коллегии

ВЧК. Один из главных организаторов террора во время Гражданской войны. С июля 1921 г. нарком внутренних дел УССР. В 1922–1927 гг. нарком юстиции и генеральный прокурор Украины. Организовывал преследования сторонников Л. Д. Троцкого, а затем „новой оппозиции“. В 1927–1933 гг. нарком просвещения УССР. С 1927 г. член ЦК ВКП(б). Был членом Исполкома Коминтерна. С 1927 г. председатель Совета национальностей ЦИК СССР. С февраля 1933 г. зам. председателя СНК и председатель Госплана УССР. Был обвинен в украинском национализме и в том, что возглавлял „национальный уклон Скрипника“. Во время заседания Политбюро ЦК КП(б) Украины, рассматривавшего его вопрос, застрелился.

¹⁷ *Генов, Гавриил (Цонев) (1.02.1892–20.01.1943)* – деятель болгарского и международного рабочего и коммунистического движения. Политический эмигрант в СССР (1927–1943). Родился в с. Живовци Монтанского округа (Болгария). После получения гимназического образования работает учителем в Видинском крае. Участник Балканской войны 1912–1913 гг. В 1912 г. вступает в Болгарскую рабочую социал-демократическую партию (т. с.). Участвует в подготовке и руководит вооруженной борьбой во Врачанском крае во время антифашистского сентябрьского восстания 1923 г. После поражения восстания эмигрирует в Югославию, а в 1927 г. – в СССР (под псевдонимом Цонев), и становится членом Заграничного бюро ЦК БКП. В СССР работает в Крестьянском интернационале и в болгарской секции Коминтерна. Учитя в Международной ленинской школе, после окончания которой поступает в аспирантуру и преподает там основы марксизма-ленинизма и историю БКП. Пишет труд по истории Сентябрьского восстания 1923 г., вышедший в Москве на болгарском языке уже после смерти автора. Он же – редактор сочинений Ленина на болгарском языке. Неожиданно умирает в Москве в возрасте 52 лет.

¹⁸ *Иджилов Степан Демьянович (1889–1938)* – до переезда в Харьков работал заведующим болгарским сектором Губсовпартшколы в Днепропетровске. В Харькове до ареста преподавал историю ВКП(б) в Институте железнодорожного транспорта. Арестован 22 февраля 1938 г. III отделом УГБ ХОУ НКВД с санкции Военного Прокурора ХВО Завьялова. По постановлению оперуполномоченного III отдела УГБ от 16 марта 1938 г. Иджилов обвинялся в том, что с 1925 г. являлся одним из участников руководящего центра „Болгарской контрреволюционной националистической организации“ в Украине. По решению Особой тройки УНКВД по Харьковской области от 29 сентября 1938 г. С. Д. Иджилов осужден к расстрелу. 9 октября 1938 г. приговор приведен в исполнение.

¹⁹ *Димитров, Дмитрий Демьянович (1897–1938)* – уроженец с. Диановка (Лозоватка) Коларовского района Днепропетровской области. В начале 30-х гг. XX в. – доцент славистического факультета языков и литератур Ленинградского государственного историко-лингвистического института. Научный сотрудник Института языка и мышления АН СССР, Института славяноведения АН СССР (1931–1933), которым руководил академик Н. С. Державин. Исследовал переселенческое движение болгар в Россию, а также переселение болгар из Бессарабии в Таврию (1861–1862 гг.), историографию болгарского национально-освободительного движения, а также вопросы славянской филологии. Исследователь фольклора, языка и истории приазовских болгар. Его основные труды – „Из Бессарабии в Таврию“ (1930), „Болгарское переселение в Украину и Крым“ (1931), „К изучению Любена Каравелова“ (1932). Арестован 20 октября 1937 г. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР; 13 января 1938 г. приговорен по ст. ст. 58-8-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Ленинград 18 января 1938 г.

²⁰ *Братья Фуклевы*. Речь идет об Николае Петровиче и Александре Петровиче Фуклевых. Информация о них приводится ниже.

²¹ *Пейчев, Николай Иванович (1898–1938)* – уроженец села Вячеславка (Вячеславовка) Днепропетровской области. Беспартийный, с высшим образованием; до ареста преподаватель 115-й школы г. Харькова. Арестован в октябре 1938 г. и осужден Особой тройкой Управления НКВД по Харьковской области по ст. 54-10-11 УК УССР (участие в контрреволюционной националистической организации). Расстрелян вместе с другими участниками процесса 4 ноября 1938 г. в Харькове. Реабилитирован в 1956 г.

²² *Садовой Николай Кузьмич* (неизв.) – бывший студент Харьковского института народного хозяйства; жил и работал в Харькове.

²³ *Иванов, Кирил* – один из руководителей отдела по делам нацменьшинств в Одесском губкоме.

²⁴ *Чолаков* – секретарь районного партийного комитета в Коларовском районе на Украине.

²⁵ *Радев, Волчан Волчанович (Волчан Волчанов) (1898–1938)* – уроженец гор. Варны, бывший член ВКП(б) с 1921 по 1936 г., с высшим образованием; до ареста работал на Харьковском патефонном заводе в должности плановика. В феврале 1938 г. арестован по делу о „Болгарской контрреволюционной националистической организации“ в Украине, осужден и расстрелян 4 ноября 1938 г. в Харькове.

²⁶ *Скендеров, Владимир Иванович (1898–1938)* – политический эмигрант в СССР. Уроженец г. Ксанги (Греция), член ВКП(б) с 1919 г. Образование среднее. С 1908 г. работал на табачном предприятии в Болгарии и до 1914 г. примыкал к революционному союзу табачников Болгарии. В 1916 г. мобилизован в болгарскую армию артиллеристом, в 1918 г. по окончании войны демобилизован. Снова работал на табачном производстве. Вступил в ряды БКП в январе 1919 г. Избирался в болгарский парламент, арестовывался и до 1921 г. находился на нелегальном положении. В 1921 г. эмигрировал в Советский Союз и был оформлен в балканском секторе Коминтерна как политэмигрант. В мае 1921 г. поступил добровольцем в Красную Армию и направлен на учебу на военно-политические курсы в Киев, после окончания которых направлен на разведывательную работу за границу, где находился до 1923 г. По возвращению в СССР был демобилизован по состоянию здоровья и переехал в Харьков, вернувшись к прежней профессии, работая в табачном тресте Украины и на 2-й государственной табачной фабрике г. Харькова сортировщиком табака. В 1930 г. был выдвинут на хозяйственную работу в Харьковский горпищеторг (уполномоченным Лысогорской базы), где и работал до самого ареста (л. 60, т. 3). Арестован в октябре 1938 г. и осужден Особой тройкой Управления НКВД по Харьковской области по ст. 54-6 УК УССР („агент иностранной разведки“). Расстрелян вместе с другими участниками процесса 4 ноября 1938 г. в Харькове. Реабилитирован в 1956 г.

²⁷ *Алексеев, Василий Леонтьевич* – 1900 года рождения, уроженец Тираспольского района Молдавской ССР. Арестован 18 марта 1937 г. молдавским погранотрядом по ст. 54-1а УК УССР. Осужден 20. 11. 1937 г. НКВД СССР к высшей мере наказания. Сведений об исполнении приговора не имеется. Следственное дело № 39614 на В. Л. Алексеева направлено в архив НКВД СССР 16 апреля 1938 г. (*ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 3, д. 7219, л. 44*).

²⁸ *Колев, Иван Петрович* – работал в качестве секретаря Благоевского РПК. За срыв сельхозкампаний был снят с этой работы в 1933 г. По всей вероятности выехал в Болгарию.

²⁹ *Планински* – бывший редактор газеты „Коллективист“.

³⁰ *Яли Савва* – грек, один из руководителей греческой подсекции балканской секции при Харьковском окрпарткоме. Был членом ЦК по делам нацменьшинств при ВУЦИКе.

³¹ *Цинцар, Людвиг* – венгр, работал заместителем начальника милиции в г. Харькове.

³² *Шаховцова (Василева) Тодора Васильевна* – болгарская политэмигрантка, сотрудница газеты „Коллективист“. Жена Шаховцова Ивана Николаевича.

³³ *Кандева, Райна Михайлова (1882–1967)* – политический эмигрант в СССР (1928–1945). Супруга Ламби Кандева. Родилась в Старой Загоре. Закончила гимназию (1903). Учительствовала в различных регионах Болгарии, участница революционного движения в Болгарии, из-за чего отстранена от педагогической деятельности. Как участника апрельских событий 1925 г., арестована вместе с супругом, но в 1926 г. освобождена и по решению ЦК БКП эмигрирует в СССР (1928). Исполкомом Коминтерна направлена на педагогическую работу в с. Преслав Мелитопольского округа в Болгарский педагогический техникум (1928–1930) в качестве директора. Переезжает в Харьков (тогда – столица Украинской ССР) и работает редактором в Издательстве иностранной литературы и детском журнале на болгарском языке „Млад ударник“ (1931–1933). С 1933 по 1938 г. Р. Кандева преподает в болгаро-советской партийной школе в Одессе и в болгарском секторе Одесского педагогического института. С 1939 по 1945 г. живет и работает в Москве. С 1945 г. возвращается в Болгарию и работает в Музее революционного движения, затем в Болгарском народном женском союзе, Отечественном фронте, в редколлегии журнала „Жената днес“ и др. Умирает в Софии.

³⁴ *Луканов, Тодор Станчев (1874–1946)* – болгарский политический деятель. Родился в г. Ловеч (Болгария). Работает учителем в Плевене, но за социалистические убеждения уволен. Уезжает в Женеву и заканчивает там право в 1900 г. Один из организаторов Болгарской социал-демократической рабочей партии в Плевене. В 1913 г. избирается народным депутатом в Народное собрание Болгарии от БРСДП. Во время Первой мировой войны арестован за социалистическую пропаганду. В 1923 г. эмигрирует в СССР, вступает в ВКП(б). Работает в Коминтерне. Умирает в Москве.

³⁵ *Ненов, Иван Тодорович (Федорович) (1888–1938)* – болгарский политэмигрант. Родился в г. Враца (Болгария). Член БКП. Участник Сентябрьского восстания 1923 г., после которого эмигрировал в Югославию (1923–1925), а затем в СССР. Вступил в ряды ВКП(б). До ареста работал заведующим сельскохозяйственным отделом в болгарской газете „Коллективист“ (Харьков). Арестован в феврале 1938 г. Управлением НКВД по Харьковской области и осужден по ст. ст. 54-6 и 54-11 УК УССР („агент иностранной разведки“ и „участник контрреволюционной националистической организации“) к высшей мере наказания. Расстрелян 4 ноября 1938 г. в Харькове. Реабилитирован в 1956 г.

³⁶ *Мицев Николай Серафимович (Иванов) (1912–1938)* – сын Мицева Серафима Ивановича. Родился в г. Берковица (Болгария). Переехал к отцу в Харьков, поступил в ряды ВЛКСМ и на хими-

ческий факультет Харьковского университета. К делу о „Болгарской контрреволюционной националистической организации“ его привлекли как „агента болгарской разведки“. Как и отца, арестовали в феврале 1938 г. и расстреляли 4 ноября 1938 г. в Харькове. Посмертно реабилитирован в 1956 г.

³⁷ *Марчевский, Марко (Марков, Марко Маринов) (1898–1962)* – известный болгарский писатель и переводчик, автор множества произведений, адресованных юношеству. Родился в с. Марча Габровского округа (Болгария). После окончания гимназии начал публиковать сатирические произведения. В 1918 г. основал журнал „Пламя“. Участник антифашистской борьбы в Болгарии. В 1925 г. эмигрировал в Грецию, затем в СССР. Окончил филологический факультет Харьковского университета, после чего жил и работал в Пензе и Кузнецке. С 1929 по 1934 г. – снова в Харькове, где на факультете журналистики Харьковского института народного образования (ХИНО) и университета преподает русскую классическую и советскую литературу; работал также редактором болгарской секции Издательства иностранной литературы. Будучи в СССР, публикует ряд произведений на социально-революционную тему, в частности о социалистическом строительстве в болгарских районах на территории Украины. В 1934 г. возвращается в Болгарию; как член БКП занимается общественной и литературной деятельностью, издает книгу „Восемь лет в СССР“. В 1941 г. попадает в концлагерь, из которого освобожден в 1944 г. После установления коммунистического режима в Болгарии полностью посвящает себя писательской и издательской работе, читает классическую русскую литературу в театральной академии в Софии.

³⁸ *Марков, Дмитрий Федорович (1913–1990)* – известный советский литературовед, славист. Член-корреспондент АН СССР (1966), иностранный член Болгарской академии наук (1968), академик АН СССР (1984). Директор Института славяноведения и балканистики АН СССР (1969–1990). Родился в с. Преслав Бердянского уезда Таврической губернии. После окончания в родном селе школы и педагогического техникума работал школьным учителем русского языка и литературы. С 1932 по 1936 гг. учился на филологическом факультете Харьковского университета. В 1936 г. поступил в аспирантуру университета по кафедре истории русской литературы, однако в 1937 г. был арестован по делу т.н. „Болгарской контрреволюционной организации“. В 1939 г. только Д. Ф. Маркову удалось добиться рассмотрения его дела судом, признавшего его невиновность. Все остальные дела, сострапанные „Тройками“ НКВД без суда и следствия, привели к расстрелу обвиняемых. В 1939 г. Марков освобожден из харьковской тюрьмы из-за отсутствия состава преступления, восстановлен в аспирантуре, продолжив работу над диссертацией. В 1941 г. призван на фронт, однако после окончания Горьковского училища зенитной артиллерии был направлен в тыл на работу на оборонное предприятие. После войны в 1946 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвященную синтезу фольклорных и литературных традиций в песнях А. В. Кольцова; работал преподавателем, заведующим кафедрой русской литературы в Сумском педагогическом институте. В начале 50-х гг. XX в. переезжает в Москву, где в 1954 г. защищает докторскую диссертацию о путях развития болгарской поэзии в первой четверти XX века в Институте мировой литературы АН СССР. В 1955 г. получает звание профессора, а с 1956 г. и до конца своих дней работает в Институте славяноведения и балканистики АН СССР. Занимался исследованием методологических вопросов славяноведения, истории литературы и культуры славянских народов. Мне приходилось встречаться с академиком Марковым в Харькове и Москве, однако в подробности „Дела 13-ти“ 1938 г. он вдаваться не стал, правда, подчеркнув при этом, что „многие беды происходили от некоторых болгарских политэмигрантов, направленных Коминтерном на работу в районы компактного проживания болгар“. Умер и похоронен в Москве.

³⁹ *Варбанский Виктор Федорович (1908–1944)* – уроженец села Райновка Коларовского района Днепропетровской области, завуч средней школы № 103 г. Харькова. Брат известного фольклориста и педагога Афанасия Федоровича Варбанского, выпустившего „Песни бердянских болгар“. В 1938 г. арестован по делу о „Болгарской контрреволюционной националистической организации“ в Харькове, однако вскоре освобожден из-за отсутствия состава преступления. В годы Великой Отечественной войны призван в ряды советской армии. Погиб 17 марта 1944 г. Похоронен в братской могиле в с. Грейгово Жовтневого района Николаевской области.

⁴⁰ *Войников, Иван Павлович (1896–1938)* педагог, родился в с. Диановка Коларовского района Днепропетровской области. Окончил Преславскую учительскую семинарию в 1918 г. и поступил в Феодосийский учительский институт. В июне 1919 г. мобилизован в Деникинскую добровольческую армию. Имел высшее образование. Беспартийный. До ареста работал преподавателем в Харьковском техникуме промышленного транспорта. Арестован в октябре 1938 г. и осужден Особой тройкой Управления НКВД по Харьковской области по ст. 54-10-11 УК УССР (участие в контрреволюционной националистической организации). Расстрелян вместе с другими участниками процесса 4 ноября 1938 г. в Харькове. Реабилитирован в 1956 г. В ответ на запрос дочери в 1956 г. Войниковой Ангелины в КГБ СССР с просьбой сообщить о судьбе отца, в архиве найдена справка (разумеется,

совершенно секретная) о том, что „Войников И. П., 1896 г. рождения, арестован УНКВД по Харьковской области 11.02.1938 г. и 28 октября приговорен тройкой НКВД к ВМН“... „Полагал бы сообщить гр. Войниковой А. И. в устной (!? – М. С.) форме о том, что ее отец Войников И. П., находясь в заключении, 30.07.1941 г. умер от стенокардии“ (ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 3, д. 7219, л. 233).

⁴¹ *Иванов, Степан Федорович (1896–1938)* – уроженец села Терновка Николаевской области, беспартийный, болгарин, с высшим образованием, до ареста экономист по труду „Харэнерго“. Арестован в октябре 1938 г. и осужден Особой тройкой Управления НКВД по Харьковской области по ст. 54-10-11 УК УССР („участие в контрреволюционной националистической организации“). Расстрелян вместе с другими участниками процесса 4 ноября 1938 г. в Харькове. Реабилитирован в 1956 г.

⁴² *Хаджи-Кочев Кирилл Константинович (1873–1938)* – уроженец села Рессе, Тернецкого (скапее всего Тырновского округа – М. С.) района (Болгария), беспартийный, болгарин. Образование среднее. До ареста – технический директор совхоза „Красный быт“ Харьковского района Харьковской области. Арестован в октябре 1938 г. и осужден Особой тройкой Управления НКВД по Харьковской области по ст. 54-6 УК УССР („агент иностранной разведки“). Расстрелян вместе с другими участниками процесса 4 ноября 1938 г. в Харькове. Реабилитирован в 1956 г.

⁴³ *Чудра Петр Ярович (1912–1938)* – уроженец села Микштелий (Болгария), беспартийный, болгарин, со средним образованием, журналист, без определенных занятий. Арестован в октябре 1938 г. и осужден Особой тройкой Управления НКВД по Харьковской области по ст. 54-6 УК УССР („агент иностранной разведки“). Расстрелян вместе с другими участниками процесса 4 ноября 1938 г. в Харькове. Реабилитирован в 1956 г.

⁴⁴ *Шаховцов Иван Николаевич (1902–1938)* – уроженец г. Чугуев Харьковской области. Беспартийный, украинец. С высшим образованием. В 1920 г. эмигрировал, оказавшись в Турции на полуострове Галлипополи, а затем в Болгарии; женился на болгарке Тодорке Василевой. Талантливый актёр и музыкант. При содействии „Союза возвращения на родину“ вернулся в Харьков, закончил Харьковский муздраминститут и работал до ареста художественным руководителем кукольного театра им. И. В. Сталина. Арестован в октябре 1938 г., осужден Особой тройкой Управления НКВД по Харьковской области по ст. 54-6 УК УССР („агент иностранной разведки“). Расстрелян вместе с другими участниками процесса 4 ноября 1938 г. в Харькове. Реабилитирован в 1956 г.

⁴⁵ *Фуклев, Николай Петрович (1905–1938)* – известный болгарский советский писатель-прозаик, журналист, литературовед и педагог. Член болгарской секции Союза писателей Украинской ССР. Родился в многодетной семье Петко Фуклева в с. Преслав Бердянского (ныне Приморского) района Запорожской области. Бурные годы Гражданской войны в СССР и репрессий разбросали семью Фуклевых. В живых остался один из многочисленных братьев (Александр), который дожил до 92 лет. После окончания Преславской гимназии Н. Фуклев становится студентом филологического факультета Харьковского института народного образования (вместо ликвидированного большевиками Харьковского университета). После окончания института в 1927 г. работает секретарем болгарской газеты „Коллективист“ в Коларовском районе Запорожской области. В 1930 г. вступает в Союз пролетарских писателей; активный участник всех методических совещаний по выработке рекомендаций по изучению славянских, в частности, болгарского языков. С 1932 по 1935 г. работает ответственным секретарем Благоевской районной газеты „Коммунар“ в Одесской области и избирается делегатом Всеукраинского конгресса советских писателей и Первого конгресса советских писателей. Там же, в Одессе, в 1934 г. он с восторгом воспринял открытие первого в СССР государственного болгарского драматического театра и принял активное участие в его деятельности. С 1935 по 1937 г. (вплоть до ареста) – литературный редактор газеты „Коллективист“, издаваемой в Харькове и по совместительству – консультант по славянским вопросам, письменности и литературе в Харьковском методическом кабинете Народного комиссариата образования Украины. Кроме того, Н. П. Фуклев, возглавлял болгарскую секцию Харьковского отделения Союза писателей СССР, был консультантом по литературе кабинета молодого автора при Союзе писателей Украины. Из-под его пера выходят многочисленные публицистические очерки, рассказы на болгарском и русском языках. А вышедший в 1935 г. роман „На позолоченной земле“ делает его популярным во всей Украине.

Н. П. Фуклев переводит с болгарского на русский и украинский языки произведения болгарских писателей Хр. Ботева и Л. Каравелова, на болгарский язык – произведения Т. Г. Шевченко и А. Мицкевича, а также критические статьи В. Белинского и Н. Добролюбова. В продолжении ряда лет (1927–1930) в „Вестнике академии литературы СССР“ публиковались под его редакцией болгарские поговорки и пословицы. Среди его друзей были известные украинские советские писатели – П. Тычина, М. Рильский, В. Сосюра, П. Панч и другие, а также болгарские писатели-политэмигранты и педагоги Иван Колев, Кузман Стойков, Райна Кандева, Марко Марков, Петр Аджаров, Крум Кюлявков, Генчо Крыстев (Борис Малчев), Анна Раковская, директор Одесского болгарского

драмтеатра Тодор Стойчев и др. Проживал Фуклев в Харькове по ул. Революции 13, кв. 3. Мне довелось побывать там вместе с его сыном Валентином Николаевичем Фуклевым (их переселили в подвал после ареста отца), который и рассказал мне о его судьбе. Арестовали Николая Фуклева 10 февраля 1938 г. по обвинению в „деятельности контрреволюционного Болгарского националистического центра во главе с Серафимом Мицевым“. 8 октября 1938 г. осужден Особой тройкой НКВД по Харьковской области и расстрелян в Харькове 4 ноября 1938 г. Реабилитирован посмертно в 1956 г.

⁴⁶ Клыц – политический эмигрант в СССР, поляк, член польской подсекции Балканского клуба.

⁴⁷ *Лозоверт* – по всей вероятности речь идет о Лозоверте Самуиле Генриховиче, работнике Наркомата просвещения. До 1921 г. Лозоверт работал в Наркомате просвещения РСФСР в Москве. – *ГАРФ, ф. А2306, оп. 50, д. 302.*

⁴⁸ Теодор – идентифицировать личность не удалось.

⁴⁹ *ХИНО* – Харьковский институт народного образования (бывший Харьковский университет).

⁵⁰ *ХИНХ* – Харьковский институт народного хозяйства.

⁵¹ *НКП* – Народный комиссариат просвещения.

⁵² *ХВИ* – Харьковский ветеринарный институт.

⁵³ *Шумский, Александр Яковлевич (1890–1946)* – революционер, советский партийный и государственный деятель. Родился в Волынской губернии. После окончания (экстерном) средней школы в Москве в 1911 г. поступает в Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского. Окончил его исторический факультет. В период Первой мировой войны активно работал в украинских социалистических организациях. Попад под подозрение охранного отделения, в 1916 г. уехал на гидротехнические работы в Закаспийский край. Вернулся в Москву, где был арестован и отправлен на фронт. После Февральской революции Шумский избирался членом корпусного, армейского, а затем фронтового комитета солдатских депутатов. После образования земельных комитетов его избрали членом Киевского губернского земельного комитета, а потом председателем Волынского земельного комитета. Входил в ЦК партии боротьбистов. Во время второго прихода советской власти на Украину в 1919 г. он занимал пост народного комиссара просвещения Украины.

В 1920 г., после окончательного установления на Украине советской власти, А. Я. Шумский был членом президиума ЦИК Украины и членом Политбюро ЦК КП(б)У. В период наступления Врангеля и Пилсудского был командирован президиумом ЦИК Украины на должности председателя сначала Полтавского, а потом Одесского губернского исполкома; состоял также членом реввоенсовета XII армии. С 1920 г. работал в Народном комиссариате иностранных дел. Был членом делегации на мирных переговорах с Польшей. В 1921–1923 гг. – полпред УССР в Польше. В 1921 г. на III конгрессе Коминтерна избран членом ИККИ. Был также членом президиума ЦИК СССР. В феврале 1922 г. возглавлял делегацию советского правительства по заключению торгового договора с Польшей. В 1924–1927 гг. снова народный комиссар просвещения Украины. Активно проводил политику украинизации. Предлагал выдвинуть на пост председателя Совнаркома Гринько, а на пост Политсекретаря ЦК КП(б)У – Чубаря.

В 1927 г., в связи с дискуссией по национальному вопросу, позиция А. Я. Шумского была осуждена партией и Коминтерном, и он был откомандирован с Украины на работу в Ленинград. С 1927 г. – ректор Ленинградского института народного хозяйства имени Ф. Энгельса. В 1929–1930 гг. – ректор Ленинградского политехнического института имени М. И. Калинина. 13 мая 1933 г. Шумский был арестован по обвинению в принадлежности к „Украинской военной организации“ и 5 сентября приговорен Коллегией ОГПУ к 10 годам содержания в Соловецком лагере. В 1935 г. заключение в лагере было заменено ссылкой в Красноярск. В сентябре 1946 г. сотрудниками НКВД был вывезен из Красноярска и 18 сентября в Саратове (по дороге в Киев) убит.

⁵⁴ *РЛФ* – „Рабочнически литературен фронт“, газета болгарских коммунистов (1929–1934 гг.).

(Продолжение следует)

РЕЦЕНЗІЇ

„КАК ПО ТИХОМУ БЫЛО / У НАС ПО ДУНАЮ...“

Рецензія на монографію: *Пригарин А. А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX вв.*
Одесса–Измаил–Москва: Смил, Археодоксия, 2010. 528 с.

Н. В. Аксьонова

Дослідження з історії колонізації старообрядцями Подунав'я починається зі вступу, що має назву „Відкриття закритості“. Саме це визначення і вводить читача в проблематику життя етноконфесійного угруповування, якому і присвячена рецензована монографія. Бажання якісно висвітлити „зачинені“ й „завуальовані“ сторінки історичного розвитку цієї своєрідної спільноти є наскрізним, воно стає для автора своєрідною дороговказною ниткою, за якою він спрямовує свій пошук.

Наразі підвищена цікавість до закритих субкультур привела до появи великої кількості літератури щодо „розкриття“ і дослідження потаємного і неофіційного. У сучасному науковому дискурсі кількість доробок, які розкривають адаптаційні механізми і стратегії проживання старообрядців за різних геополітичних обставин і впродовж тривалого проміжку часу невпинно зростає. Першість у відкритті проблематики ідентичності росіян-старообрядців, які проживають за межами своєї етнічної території, потрібно визнати за болгарською дослідницею Катериною Анастасовою¹. Наразі можна зазначити, що географія монографічних досліджень, які намагаються пояснити спосіб життя старообрядництва охоплює більшість регіонів розселення цієї етноконфесійної групи². Тому поява цього дослідження, що охоплює територію, яка за певних історичних епох належала різним державам і не складала цілісності у жодній з них, є важливою подією з точки зору вивчення не тільки старообрядництва, а насамперед регіонознавства. Із цією метою автор опрацював корпус джерел, сама класифікація яких постає окремою проблематикою дослідження; більшість із них вводяться до наукового обігу вперше. Загалом дослідження спирається на потужний список літератури багатьма мовами, має як іменний, так і географічний покажчик.

Це, на перший погляд, вузьке регіональне дослідження містить глибокі екскурси як в просторовому, так і в часовому відношенні. О. А. Пригарин намагається дослідити сусідні регіони старообрядництва, зазначити їхній вплив на історичні події в Подунав'ї. Саме з цією метою автор не обмежується Бессарабією. Так, у підрозділі „Новоросійський край як транзитний старообрядницький регіон“ ним простежена мережа соціально-релігійних зв'язків старообрядницького світу загалом. Саме задля цієї мети він провів чималу польову роботу зі збору матеріалу не тільки в Буджаку і на Буковині, але й у сусідніх з Україною державах – Румунії та Болгарії. Це надало дослідженню ширшого розуміння взаємовпливів діаспоральних груп, збагатило корпус усних свідчень і писемних джерел.

Сучасні підходи, які застосував учений для вивчення етноконфесійної групи включають різноманітні напрями і методи дослідження, тому більшість з розділів перегукується між собою, кожен з них постає новою гранню відкриття тактик та історичних реалій процесу старообрядницької колонізації Подунав'я. Це найголовніша вісь, яка дає можливість розглянути історію формування спільноти як цілісне і нерозривне явище.

Натомість першочерговим завданням монографії „Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX вв.“ є визначення ступеню ізольованості й взаємодій старообрядництва з іншими етносами регіону. У підрозділі „Культура життєзабезпечення старообрядців“ автор докладно знайомить читача з матеріальною культурою старовірів Подунав'я, ретельно досліджує вплив на неї сусідніх етносів і намагається визначити стратегії господарського життя, які були притаманні росіянам-старообрядцям до переселення в степовий регіон. Зазначається, що будинки старообрядців за браком лісу перевозилися навіть через державний кордон

в розібраному стані, але поряд з цим вони намагалися запозичити місцеві прийоми будівництва оселі³. У підрозділі докладно відтворюється реалії життя старообрядців в умовах зміни природного середовища проживання, віддаленості від співплемінників і освоєння чужоземних степів. Найголовнішим досягненням даної роботи є намагання розкрити характер колонізаційних процесів цієї релігійної спільноти як в просторі, так і в часі.

Головним показником успішності адаптаційних процесів старообрядців є демографічна характеристика етноконфесійної групи. Усі демографічні розрахунки і дані подані автором у окремому розділі „Чисельність і демографічна характеристика старообрядців Буджака“. Ознайомлення з цим розділом вимагає від читача певної обізнаності в методиках демографічних досліджень, бо він є по суті окремою соціально-демографічною розвідкою, проведеною за допомогою різноманітних методів. Для якісної характеристики ним проводилось порівняльне дослідження з соціальної структури сім'ї, опираючись на свідчення, що були отримані Ю. Волошиним для старообрядців Стародубщини XVIII ст.⁴

Головне досягнення роботи – всебічне відображення насамперед релігійного життя старообрядців, що загалом не властиво офіційній науці. До того ж акценти в розділі „Від пошуку “праведної” землі до її створення: релігійна практика старообрядців на Дунаї“ розставлені так, що усі новаційні процеси у середовищі дунайської групи старовірів розглядаються крізь призму релігійного життя. Підрозділ „Світогляд і духовна культура“ містить глибокі дискусії в археографію, іконографію, а також вводить до наукового дискурсу різноманітні джерела релігійного характеру. Опис світогляду старовірів О. А. Прігарін розпочинає дослідження мовних особливостей і приходять до висновку, що саме „таємне письмо мало вплив на усну мову старовірів, як і загальна система церковної грамотності в їхньому середовищі визначала мовну ситуацію“⁵.

Новітньою науковою розробкою є розділ „Назви старовірів і варіанти ідентичності“, в якому дослідник не тільки ґрунтовно дослідив етимологію ендонімів і екзонімів, пов'язаних зі старообрядцями, а й простежив феномен консолідації навколо певних назв, історичну обумовленість кожної з них. Автор розглядає усі наявні гіпотези про походження назв етноконфесійного угруповання. Містить дослідження й огляд топонімії Бессарабії старообрядницького походження.

Безумовно, робота вимагала також висвітлення ставлення державних апаратів до цього населення. Автор суттєво розширив цю проблематику історії старообрядництва, розглянувши політику усіх держав, до яких історично належала Бессарабія упродовж XVIII – першої половини XIX ст. Поряд із цим саме вивчення старообрядницької тактики і стратегії поведінки з „іншими“ є головним завданням дослідження. „Іншими“ в уявленнях старообрядців завжди були і будуть представники офіційної влади. Ступінь взаємодії з владою, співіснування та уникання конфліктів – ось підвалини, котрі намагався показати в своєму дослідженні О. А. Прігарін. Владний апарат із його статистично-бюрократичною системою старообрядці завжди уявляли як річ нехристиянську, майже диявольську – навіть через такі механізми намагався розгледіти автор реалії та життєві стратегії старообрядців. „Відкриття“ О. А. Прігарініми цієї теми зумовило появу наукового спрямування щодо поглядів на старообрядництво як на спільноту, що протиставляє себе офіційному дискурсові відразу у двох напрямках – державному і релігійному. Високого рівня наукових підходів цього спрямування наразі намагаються дотримуватися інші дослідники⁶.

Виходячи з актуальності цього дискурсу, автор не уникає історії протистояння держав, що вели боротьбу за землі по Дунаю, намагається визначити місце старообрядців у низці політичних і військових конфліктів. Це питання розглядається у підрозділах „Російсько-турецька війна 1806–1812 рр. і долі стародавнього православ'я“, „Російсько-турецька війна 1828–1829 рр. і переселення старообрядців“. Умови участі у збройних конфліктах на боці Османської імперії піднімається зокрема в таких підрозділах, як „Старообрядницьке населення Добруджі“, „Старообрядці Добруджі. Османське козацьке військо“. У роботі зазначається, що проросійські й антиросійські настрої, що були притаманні цій етноконфесійній групі у різні часи, спричинили нові хвилі еміграції та рееміграції частини населення Подунав'я⁷. У монографії єдинорівство не є тією площиною, через яку

розглядається принцип взаємодії старообрядництва і офіційної російської влади. Автор пропонує визначення подій і явищ історичного процесу з точки зору самих старообрядців – усе дослідження щільно пронизане мовою усних джерел і посиланням на свідчення очевидців. Проблематику достовірності „усних історій“ цілком логічно продовжується в підрозділі „Процеси формування спільності в сучасних переказах“; критичні підходи щодо цього виду джерел, запропоновані автором, можуть вважатися певним каноном для етнологів, що мають справу зі свідченнями інформантів.

„Відкриття“ у науковому світі особистісних тем привело до того, що у деяких дослідженнях наукові підходи замінюються на прийоми піару власного імені за допомогою „першовідкриття“ певних „сенсацій“ із життя тих чи інших груп. Навпаки, головним мірилом для О. А. Пригаріна стає не „підглядання“ за етнічними і релігійними особливостями і не оприлюднення „підслуханого“ потаємного знання, а розуміння, у повному сенсі, усіх настанов і бажань етноконфесійної групи, яку він обрав об'єктом дослідження та джерелом натхнення свого наукового пошуку.

О. А. Пригарін намагається вийти за межі позитивістської методології, вивчивши культурні спрямування старообрядців з точки зору культурного релятивізму. Обравши доволі складний підхід для історичного осмислення, автор створив оригінальну роботу не тільки з історії старообрядництва, а й історичної антропології в цілому.

Попри науковий дискурс, робота О. А. Пригаріна набуває міфологічної метафоричності, в якій гідронім постає певним духовним орієнтиром. Дунай не просто річка і значущий географічний об'єкт – це уособлення благочестивої мети і нагороди за страждання росіян-старообрядців.

¹ Анастасова, Е. Е. Старообрядчество в България: мит – история – идентичност. С., 1998. 127 с.

² Гарбацкі, А. А. Стараабраніцтва на Беларусі ў канцы XVII – пачатку XX ст. ст. Брест, 1999. 202 с.; Таранец, С. Старообрядничество Подолии. К., 2000. 239 с.; Аргудяева, Ю. В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000. 365 с.; Данилко, Е. С. Старообрядничество на Южном Урале: очерки истории и традиционной культуры. Уфа, 2002. 219 с.; Покровский, Н. И., Зольников, Н. Д. Староверы-часовенники на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. 471 с.; Фишман, О. М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М., 2003. 408 с.; Evseev, I. Gandurile si triestesile unui ruslipovean. Bucuresti, 2005. 540 p.; Дутчак, Е. Е. Из „Вавилона“ в „Беловодье“: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск, 2007. 414 с.; Анапасёнок, А. В. „Старая вера“ в Центральном Черноземье: XVIII–начало XX в. Курск, 2008. 304 с.; Кочергина, М. В. Стародубье и Ветка в истории русского старообрядчества (1760–1920 гг.): демографическое развитие старообрядческих общин, предпринимательство, духовная жизнь, культура. Брянск, 2011. 436 с.

³ Пригарин, А. А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII–первой половине XIX вв. Одесса, 2010, с. 316.

⁴ Волошин, Ю. В. Розкольницькі слободи на території Північної Гетьманщини у XVIII ст. (історико-демографічний аспект). Полтава, 2005. 312 с.

⁵ Пригарин, А. А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX вв. Одесса, 2010, с. 348.

⁶ Таранец, С. В. Старообрядчество в Российской империи (конец XVII – начало XX века). – Т. 1: Взаимоотношения старообрядческих сообществ с государством и официальной Церковью. Под ред. Г. В. Борзяка. НАН Украины. Институт истории Украины; Музей истории и культуры старообрядчества Украины. К., 2012. 704 с.

⁷ Пригарин, А. А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX вв. Одесса, 2010, с. 372.

УКРАЇНЬСЬКА ЕМІГРАЦІЯ В БОЛГАРІЇ

Рецензія на книгу: *Мангачев Петко. Українська еміграція в Болгарія през периода между двете световни войни (1918–1944 г.).*

Софія: Колбис, 2011. 321 с.

В. Власенко

Міжвоєнна українська еміграція в Європі привертає увагу не лише вітчизняних, але і зарубіжних дослідників. Проте, якщо в Німеччині, Чехії та Польщі, які в період між двома світовими війнами були політичними центрами еміграції, вже побачили світ праці про це складне суспільно-політичне і культурне явище, то в інших країнах, де існували периферійні осередки еміграції, робляться лише перші кроки з її вивчення. Саме такою країною є Болгарія.

Наприкінці 2011 року в Софії була підготовлена до друку книга болгарського автора (історика та журналіста за освітою) Петка Мангачева, присвячена українській еміграції міжвоєнного періоду в Болгарії. Маємо її сигнальний екземпляр.

Книга складається із вступу, семи розділів, післямови, додатків, іменного та географічного покажчиків. У першому розділі (с. 7–28) йдеться про історію болгарсько-українських зв'язків, починаючи з раннього Середньовіччя і до Першої світової війни включно.

Другий розділ (с. 29–58) присвячено діяльності українських громадських і культурних організацій у Болгарії, проте автор більше уваги приділив діяльності Української громади в Болгарії з централею у Софії, хоча організація мала більше десяти філій у регіонах країни.

Українська емігрантська періодика розглянута у третьому розділі (с. 59–135). Докладно описано зміст і тематику таких часописів, як „Українсько-български преглед“, „Українсько-български весті“, „Українсько слово“, „Гуртуймося“, „На сторожі“, „Незалежність“, а також журналів „Полски преглед“ та „Полско-български преглед“, що виходили болгарською мовою і в яких висвітлювалася українська проблематика.

У четвертому розділі (с. 136–215) автор характеризує ставлення болгарської преси до України. Використано матеріали більш ніж 25 болгарських друкованих засобів масової інформації. У п'ятому розділі (с. 216–224) робляться деякі узагальнення щодо праць з української проблематики в українській емігрантській і болгарській пресі.

У наступному розділі (с. 225–242) українська діаспора характеризується крізь призму документів Міністерства внутрішніх справ Болгарії, зокрема департаменту поліції. В ньому йдеться про політичний аспект у діяльності деяких емігрантських організацій та їхніх керівників. Наприклад, Українська громада в Болгарії сповідувала ідеї Української Народної Республіки; Українське культурне об'єднання спочатку орієнтувалося на Українське національне козацьке товариство на чолі з І. Полтавцем-Острияницею, а потім – на Організацію українських націоналістів. Були серед членів українських організацій і прихильники гетьмана П. Скоропадського.

Деякі приклади участі українських емігрантів (М. Драгоманова, М. Парашука та інших) у громадському та культурному житті Болгарії наводяться у сьомому розділі (с. 243–262).

У додатках (с. 269–304) представлені логотипи, редакторські статті, титули українських, болгарських, українсько-болгарських газет і журналів, офіційні документи болгарських органів влади й органів правопорядку, фрагменти документів Українського посольства в Болгарії (лист О. Шульгіна та вірча грамота), громадських організацій української еміграції (статути, протоколи, звернення, заяви, скарги тощо) та фотографія керівництва Українсько-болгарського товариства. Введення автором цього розділу книги, а також іменного (близько 380 позицій) та географічного (більше 150 позицій) покажчиків (с. 305–321), безумовно, розширило її інформативність.

Достоїнством книги є те, що автор взагалі звернувся до теми української еміграції в Болгарії міжвоєнного періоду, оскільки в болгарській науковій літературі до останнього

часу панувала виключно тема російської еміграції, й українців, як правило, не виділяли із загального російського емігрантського загалу. Лише Цветана Кьосєва звернула увагу на самобутність української еміграції (йдеться не про т. зв. „малоросів“) в цій балканській країні, її відокремленість від російської еміграції.

При написанні книги П. Мангачев використав документи і матеріали Центрального державного архіву, Державного архіву м. Софія, галузевого архіву Міністерства внутрішніх справ Болгарії, Наукового архіву Болгарської академії наук, тогочасну українську емігрантську і болгарську пресу. Деякі документи, особливо з архіву Міністерства внутрішніх справ, введено до наукового обороту вперше.

Незважаючи на достоїнства книги, варто зробити її автору певні зауваження і побажання. Дисонансом виглядає назва (тема) книги „Українската емиграция в България през периода между двете световни войни“ й обрані автором хронологічні межі дослідження (1918–1944 рр.), що включають і період Другої світової війни. Цікавий матеріал про Михайла Драгоманова подано у сьомому розділі книги, проте це явно виходить за рамки дослідження. Доцільно було б використати цей матеріал у першому розділі, де йдеться про розвиток болгарсько-українських зв'язків. При посиланні на документи Центрального державного архіву Болгарії та Державного архіву м. Софія помилково вказується Державна агенція „Архіви“, що є інституцією в галузі управління архівною справою, а не архівом як установою. Агенція – аналог колишнього Державного комітету архівів України, а нині Державної архівної служби України.

Автор, на наш погляд, занадто багато місця відводить цитуванню розлогих, великих за обсягом уривків з архівних документів (с.10–12, 20–22, 140–143) чи преси, тоді як авторський текст в одне-два речення слугує лише елементом зв'язку між цими уривками (с. 62–82). Тому переважає описовий характер викладу матеріалу замість його аналізу. Можливо, варто було б подати повні тексти окремих цитованих документів у додатках. Існує також певна диспропорція між окремими розділами книги, наприклад, між другим і третім. Другий розділ, на нашу думку, й мав би скласти основу книги, оскільки саме громадські організації еміграції і були засобом адаптації емігрантів до нових суспільно-політичних, економічних, культурних умов та мовного середовища, а також збереження національної самобутності. Між іншим, за змістом п'ятий розділ цілком співвідноситься з двома попередніми і тому виділення його в окрему структурну одиницю (9 сторінок) є недоречним. Автор чомусь не розрізняє поняття „еміграція“ та „діаспора“, які є близькі за змістом, але не тотожні, що відображено у назві шостого розділу. У книзі зустрічаються описки та неточності. Наприклад, перший голова управи Української громади в Софії Василь Филонович названий Володимиром Фироновичем (с. 61), географічні назви Базар і Венеція представлені в іменному покажчику (с. 305, 306), а, навпаки, Волошин і О. Кобилянська – в географічному (с. 317, 318). Сподіваємося, що зазначені вади стосувалися лише сигнального екземпляра книги і згодом були виправлені.

Безперечно, рецензована книга заслуговує на увагу фахівців з історії Південно-Східної Європи, міжнародних відносин, слов'янознавства, україністики, болгаристики, а також усіх, хто цікавиться українською історією. Вона може бути корисною як для українців Болгарії, так і широкого загалу болгарських читачів.

КНИГА ЗА ДОБРОНАМЕРНОСТТА

Рецензия за книгата на Румяна Конева „Иван Шишманов и обединена Европа“. София: ИК „Гутенберг“, 2011. 235 с.

Е. Дроснева

Година преди 150-годишнината от рождението на Иван Шишманов видя бял свят новата книга на доц. Румяна Конева, посветена на големия учен и общественик. И още първото изречение е многообещаващо в посоката на чувство за отговорност, на искреност към „героя“ и читателя, на изследователско умение, с които всеки отворил книгата ще се среща от страница в страница: „Едно ново изследване за проф. Иван Шишманов изисква голяма смелост“. Вярно е – много е голям Шишманов, много е разностранен, невероятно общителен, а дори само описът на отлично запазените му архив създава у търсеция огромна доза напрежение и съмнение дали ще погълне и осмисли цялото това богатство. А това не е всичко. Към него се добавя камарата публикации, основно на български език, приживе на Шишманов и особено след смъртта му. Начело с трите книги на покойния проф. Георги Димов, писани в различно време, с различно предназначение и една от друга по-добри. Към всичко това – впечатляващото книжовно наследство на учения. Още и очакванията, че във всяка страна, в която е имал колеги, близки, приятели, са останали материали в личните, често и в институционалните архиви и в местния печат. Та – смелост наистина се иска, да се захванеш да пишеш Книга за Шишманов.

Да споделя веднага: на Р. Конева смелост никога не ѝ е липсвала, поне откакто се знаем в последните тридесетина години. Но едната смелост никога не е достатъчна. Искат се още и умения. Колегата Конева тръгва от много добра научна база, която включва следването и дипломирането ѝ в Лайпцигския университет (1980) по специалностите „Културознание“ и „Литературознание“, дисертационния ѝ труд, защитен в България, две по-раншни книги – все върху българо-немските културни общувания във времена, които съвпадат с времето на активна реализация на Шишманов. Пристрастена към словото, тя умее и да пише на хубав, ясен, четивен и пъстроцветен български език. Работата ѝ във Фрайбург (2006–2011) като лектор по български език, литература и култура обогатява вникването ѝ в немския език и култура, вписването ѝ в и осмислянето на света на Иван Шишманов.

Тъкмо Фрайбург я насърчава и да създаде тази книга. Град, който в разказите за Шишманов присъстваше като щрих, и, както се оказва, не реалността е била щрих, а знанията ни за нея. Защото този „щрих“ обема почти три години от живота на учения, преподавания в тамошния университет (първи български лектор в Германия) и усърдна работа в библиотеките му все по същото време. Да не забравим – и укрепване на стари приятелства и създаване на нови, плюс вечната тъга за България и Своя Университет, успоредно на вживяването в общоевропейската идея за един по-добър свят след войната, от която цяла Европа и всички нейни граждани са загубили.

Резултатите от упорството, смелостта и уменията на Р. Конева отчетливо се виждат в книгата. Но и в самия Фрайбург – с поставената плоча в памет на Шишманов, с новоучреденото българо-румънско дружество на студентите, с предстоящото издаване на лекциите на учения от фрайбургския му период. Настойчивост, добронамереност и добросъвестност, сътрудничество с немските колеги – в университети, библиотеки и архиви – бележат пътя към книгата. И още тук да изтъкна едно от големите достойнства, освен въвеждането на толкова много нови извори: наистина богатите илюстрации, част от които се публикуват за първи път, бидейки издирени от авторката и колегите ѝ и от нейни студенти. Тук са несъществуващият днес пансион, в който семейство Шишманови живее, университетът, библиотеката („Триъгълникът на Шишманов“, както ги е нарекла в една своя предварителна студия авторката), фотографии на колеги и приятели на Шишманов и на самия него, документи за участието му в Първия паневропейски конгрес във Виена и по множество още въпроси.

Текстът е структуриран в три глави: „Изгорени 1918“, „Посланичество и доброволно изгнаничество“ и „Не на омразата“, предшествани от „Уводни думи“ и последвани от „Към началната история на една знаменателна годишнина (вместо заключение)“. Добавени са резюмета на български и немски език (не на английски, каквато е днешната масова практика) и, необичайно за антифинансовото ни днес време, добавен е и именован показалец. Така е

проследена предисторията на книгата, а по-важно – на фрайбургските открития на Р. Конева и тамошните ѝ колеги, прокарани са паралели между Шишмановото време и нашето, а изводите не винаги са благоприятни за нашето време.

Първата глава срихира житейския път на Шишманов, ранните му научни изяви и приятелства (трайни, за цял живот), но без претенции за пълна биография, а в търсене на отговори на въпроси за формирането на личността на учения и общественика, особено на изграждане на чувството му за добронамереност, за взаимност между европейските култури, която ще рече точно „взаимност“, а не сляпо преклонение или пък сляпо пренебрежение. Има ги страниците, изписани с чувство за хумор – защото Шишманов го е притежавал и защото на Румана Конева никак не ѝ липсва.

Втората глава е посветена основно на Шишмановия живот извън Родината. Наситен е разказът за пребиваването му като пълномощен министър в Украйна, но всъщност неговата Украйна изобщо не е само посланическият му период, нито пък семейната обвързаност с Михаил Драгоманов и „родата“. Тя е и украинската култура, начело с Тарас Шевченко, то се подразбира. Но то е и пълното съзнание за историческите съдбини на украинци и българи и за страните им, за културите, призвани да обединяват, не да разединяват народите. В тази глава най-вече е разказът на авторката за фрайбургските години. И читателят започва да усеща много преди края ѝ, че Иван Шишманов е бил много повече европеец от мнозина днешни претенденти да се наричат „европейци“, които делят континента най-малко на две, със съответната доза захлас към залез слънце и пренебрежение към изгрев слънце.

А третата глава показва един не че непознат Шишманов, ами в пълнота: неговата идея за Европа и прякото му участие в интелектуалното усилие най-сетне поне европейското човечество да проумее, че следвоенна Европа има два пътя: към нова война или към сътрудничество в полза на културното обединение на народите ѝ. Уви, както често бива, сражението между политици и интелектуалци се печели от първите с всички от това последици за народите и за всеки конкретен човек. В тази глава виждаме Иван Шишманов в качеството му на един от духовните лидери на европейското човечество. Колкото за България – то си се знае, пък и Р. Конева заключава: не е ясно докъде е легендата и докъде е истината, че потеклото на големия учен отпраща към Шишмановата династия от Второто българско царство, но пък е съвсем ясно, че Иван Шишманов е „един от духовните владетели на Третото българско царство“. Виждаме Шишманов в ръководството на Първия паневропейски конгрес (1926 г.), изпратен там от министър-председателя Андрей Ляпчев (този път България има късмет!), чуваме го да произнася речта си на френски, немски, български, щастлив, че най-сетне родният му български език за първи път е прозвучал на международен конгрес. Мисля си – толкова щастлив, колкото е бил, когато първо е изчел статията на зачинателя на идеята за обединена Европа граф Куденхоф-Калерги, после – вдъхновен, запознал студентите си във Фрайбург с нея – изглежда, че първи на континента е говорил пред студенти по въпроса, а по време на конгреса – вече и отдавна приятел с графа и с кого ли още не от мислещите хора в Европа.

Много бих се радвала, ако тази книга, засега разпространявана само служебно, дочака второ издание, по-достъпно за читателите като разпространение. Тогава биха могли и да се оправят дребни неточности, непълноти и вечно оставащите печатни грешки, особено откогато – пак заради нескопосно от финасова гледна точка време – нямаме коректори. Още повече бих се радвала да видя, че колегата Конева реализира свенливо заявените си намерения да продължи диренията си и да издаде още и още книги за Шишманов, за българо-немското културно общуване, за общоевропейската идея. Няма да крия, че и още една смела стъпка бележи тази книга – посветена е на покойния баща на авторката. Наистина е нужна смелост да посветиш книга за големия Шишманов на собствения си баща, пък бил той и проф. Илия Конев, учен литературовед. Но когато от него си посветен в „шишманознанието“, смелостта си заслужава победата и самото посвещение – поне на мен така ми изглежда – е въпрос на професионален и дъщерен дълг.

Накрая ще си призная, че малко завиждам на хората, които тепърва ще четат тази книга. Заради толкова важната първа среща, заради новото, което ще узнаят, често пъти неочаквано, дори неподозирано. И че тепърва ще открият – с едно четене няма да минат. Защото всеки качествен разказ за добронамереността си заслужава не един и не единствен прочит.

РЕЦЕНЗІЯ НА КНИГУ

БЪЛГАРИЯ, БАЛКАНИТЕ И РУСИЯ. XVIII–XXI ВЕК.
Българо-руски научни дискусии. Институт за исторически
изследвания към БАН; Българо-руска комисия на историците.
София, 2011. 404 с.

Н. І. Самойленко

Рецензована збірка є результатом співпраці провідних фахівців Інституту історичних досліджень (далі – ІД) Болгарської академії наук, Софійського університету ім. Св. Климента Охридського (далі – СУ) та Інституту слов'янознавства (далі – ІС) Російської академії наук, які спеціалізуються на дослідженні політичних та соціокультурних взаємин Болгарії, Росії та Балкан. Публікація є продовженням сталої традиції оприлюднення результатів спільних досліджень істориків обох країн. Особливістю зазначеної збірки поряд із введінням в науковий обіг нових історичних джерел є нетрадиційний підхід щодо оцінок відносин між державами та народами. Болгарсько-російські відносини розглядаються, з одного боку, крізь призму балканського контексту, а з іншого – простежується вплив на ці відносини (відкрито чи опосередковано) західноєвропейської культурно-цивілізаційної та політичної складової. Характерною рисою майже всіх статей є екстраполяція відносин Захід – Росія на події на Балканах, а також в самій Болгарії, починаючи із XVIII ст. Більшість публікацій мають конкретно-історичний характер, одна присвячена проблемам історіографії, дві – джерелознавства. Хронологічно матеріали збірки охоплюють головним чином XIX–XX ст. Деякі статті мають додатки у вигляді різного роду документальних історичних джерел, що виглядає цілком природно. Адже вони слугують красномовними ілюстраціями головної думки автора або є важкодоступними для користування широкому колу дослідників.

Згідно із заявленою (с. 9) редколегією (відповідальний редактор – представник болгарської сторони академік Георгі Марков) тематикою у рецензованій збірці політична та соціокультурна взаємодія між Болгарією, Росією (або СРСР) чи Заходом розглядається за декількома напрямками. По-перше, це публікації, пов'язані із ставленням Росії до воєн, в які були втягнуті Балкани, або які велися за участю Росії та Болгарії. Серед них стаття Т. Готовської-Хенце (ІД) „Війна, що програна, – справа, що виграна. Участь генерала М. Г. Черняєва в сербо-турецькій війні 1876 р.“. В дослідженні аналізується східна криза 1875–1876 рр. та її складова сербсько-турецька війна 1876 р. Звертаючись до діяльності одного з військових російського генерала добровольця М. Г. Черняєва, автор доходить висновку, що військова поразка в ній обернулася політичним виграшем як для балканських слов'ян (с. 119), так і для Росії. До того ж для останньої вона стала своєрідною заявкою на участь у вирішенні східного питання. Автор спирається на широке коло історичних джерел, які зафіксували не тільки реакцію російського суспільства на події 1875–1876 рр., але, в першу чергу, слов'янської спільноти Балканського півострову та Австро-Угорщини. Позиція Росії та Заходу стосовно сербсько-албанських суперечностей після завершення Балканських воєн з'ясована П. А. Іскандеровим (ІС) у статті „Росія, Захід та сербо-албанські відносини напередодні Першої світової війни (1913–1914 рр.)“. Дослідник звернувся до однієї з найважливіших проблем, що поставила Європу на межу повномасштабної війни, та перетворилася на фактор постійного випробування (в оцінці П. А. Іскандерова, с. 212) російської балканської політики. Автор не тільки виходить із того, що провідна роль в цих процесах належала Росії, але й доводить зазначену думку на підґрунті неоприлюднених раніше матеріалів Архива зовнішньої політики Російської імперії. Н. В. Васильєва (Інститут військової історії Міністерства оборони РФ) в публікації „Російські війська на Балканському фронті у Першій світовій війні“ розглянула російську військову присутність на Балканах в 1916 (від часу прибуття російських солдат на півострів) – 1918 рр. Цей сюжет пов'язаний із колом ключових проблем Першої світової війни, проте є ще недостатньо з'ясованим, оскільки тривалий час про долю російських солдат на Балканах

в зазначений період не було прийнято писати. Наведені автором конкретні дані певною мірою заповнили цю прогалину. Зазначена розвідка, безсумнівно, привертає увагу як досвід дослідження людини другого плану в історії, тобто наукового напрямку, пов'язаного з вивченням життя пересічної особи, а не лідерів нації чи держави, від яких певною мірою залежала доля решти.

До історії Другої світової війни та її наслідків звертаються Л. Ревякіна (ІД), П. Димитрова (ІД), Т. Волокітіна (ІС). Стаття Л. Ревякіної „До питання про створення Союзницької контрольної комісії в Болгарії й перші місяці її діяльності“ на підґрунті архівних документів вносить суттєві уточнення (попри те, що сюжету, винесеному в назву, вже віддали данину як болгарські, так і радянські, британські, американські історики) стосовно мотивації дій радянського керівництва та наводить додаткові факти щодо перших місяців роботи СКК в Болгарії. Дослідниця вважає, що саме механізм СКК відкрив перед Москвою (пріоритетним вплив якої в Болгарії визнали Велика Британія та США) можливість „спрямовувати уряд Вітчизняного фронту до так званих народно-демократичних змін“ в країні (с. 318-319). Крізь призму радянського післявоєнного домінування в регіоні Т. В. Волокітіною („3 історії однієї провокації: відставка екзарха Стефана в контексті „демократизації“ Болгарської православної церкви“, с. 84–96), розглянутий переломний та драматичний момент у відносинах держави і церкви в Болгарії (вересень 1948 р.), пов'язаний з примусовою відставкою екзарха Стефана, яка передувала початку процесу перетворення церкви на елемент державної структури. Стаття П. Димитрової „Роздуми з приводу одного ювілею (День Перемоги – історія і сучасність)“ простежує зміни у тлумаченні Другої світової війни у зв'язку із святкуванням Дня Перемоги у 1990-ті–2000-ні рр. на європейському континенті і за його межами та є переконливою відповіддю спробам європейського історичного ревізіонізму стосовно ролі СРСР в цій епохальній події. При цьому авторка не ставить знак тотожності між сучасною Росією та колишнім Радянським Союзом.

В другому тематичному колі представлені матеріали про Македонію. Є. Л. Валева (ІС) та О. М. Ісеєва (Саратовський державний університет ім. М. Г. Чернишевського) в статті „Македоністика під забороною: з історії становлення науки в СРСР“ розглядають взаємодію політичних та ідеологічних факторів, їх складний вплив на процес становлення й розвитку в СРСР (а згодом і в Росії) відносно молоді гілки слов'язознавства – македоністики та „віддзеркалення цього процесу в радянсько-болгарському історичному діалозі“ (с. 47). Попри компактність у розвідці всебічно відображено основні етапи з'ясування македонського питання на тлі його надмірної політизації в СРСР. Однак нарис становлення вищезгаданого наукового напрямку виглядав би ще більш повним та цікавим, якби авторам вдалося висвітлити участь у цьому представників славістичних центрів радянських республік. Політична роль Болгарської православної церкви як націотворчого чинника та її діяльність у Македонії, спрямована на створення підґрунтя для ідентифікації македонно-фракійського населення у якості болгарського, з'ясована Е. Г. Вартаньян (Кубанський державний університет) та В. Бондаревою (Краснодарський державний технологічний університет) у статті „Екзархійське просвітництво у Македонії у ракурсі болгарського націоналізму (остання чверть ХІХ ст.)“. Підкреслюючи актуальність вивчення цієї проблеми, автори апелюють до сьогодення та діяльності Російської православної церкви на пострадянському просторі (с. 52). На підґрунті широкої доказової бази докладно з'ясовано етноінтегруючу функцію Болгарської православної церкви (БПЦ) та її роль в процесі реалізації доктрини болгарського націоналізму. З цих позицій правомірним виглядає висновок щодо існування еволюційної за характером течії в зовнішньополітичній практиці болгарського націоналізму під егідою БПЦ (с. 68).

Третій тематичний напрям представляє західноєвропейський контент на Балканах. Він зафіксований у розвідці Т. Стоїлової (ІД) „Словенно-сербскія ведомости“ про події в Європі 1793 р., у якій з'ясовано образ Французької революції 1789–1793 рр., відтворений на сторінках сербського періодичного видання кінця ХVІІІ ст., яке друкувалося у монархії Габсбургів. Автор переконливо доводить, що висвітлення подій в цілому було якщо не об'єктивним, то нейтральним. Ставлення до них на сторінках газети можливо

розцінювати як показник значної політичної активності сербського суспільства Австрійської імперії (с. 344) та заперечення його провінційності. Західноєвропейській контент слугує критерієм для визначення стану болгарської культури та способу життя у статті Н. Христової (Новий болгарський університет) „Болгарська культура у XX ст. між Заходом і геополітичним Сходом: ідентифікаційні характеристики“. Дослідниця доходить висновку, що сучасна болгарська культура переживає процес емансипації від політичного та естетичного домінування не тільки Москви, але й Заходу (с. 397).

Наступна тематична складова присвячена історії соціалістичних країн та їх взаємовідносин. Зокрема, І. Марчева („Соціокультурні аспекти життя Болгарії наприкінці 60-х рр. XX ст. у висвітленні західного експерта“ (с. 245–265), спираючись на надзвичайно цікавий документ – службову записку одного з експертів Міжнародної організації праці, який працював у Болгарії, відтворює образ країни у сприйнятті типового британського представника середнього класу другої половини 60-х рр. XX ст. Документ зафіксував перші враження про країну, що знаходилась за „залізною завісою“, та образ якої у уявленнях пересічних мешканців західної частини європейського континенту був викривлений чисельними забобонами. Дослідниця показує, як зміст службової записки може служити непрямым чином джерелом для з'ясування стилю життя у Великій Британії зазначеного часу (с. 249). І. Марчева наголошує, що структури болгарського повсякдення (житло, громадський транспорт, життєві стандарти загалом, освіта, медичне обслуговування населення, культурні та інформаційні можливості) разом із загальною характеристикою країни, які стали предметом в цілому об'єктивного аналізу з боку громадянина держави з високими споживацькими стандартами, свідчили про низький ступінь соціальної диференціації болгарського суспільства. Спостереження дослідниці є особливо актуальними з огляду на потреби розвитку соціально-історичних розвідок у сучасній болгарській національній історіографії. У статті І. Баєвої (СУ) „Румунія і Болгарія між Сходом і Заходом у другій половині 80-х рр.“ аналізується зміна ситуації на Балканах під впливом радянської „перестройки“. Цей процес розглядається у контексті нових геополітичних пріоритетів на півострові: прагнення у другій половині 1980-х рр. зазначених країн розширити коло партнерів та союзників. Авторка обґрунтовує висновок, що попри відмінні стратегії подолання кризових явищ (румунський варіант: дистанціювання від Заходу та розширення зв'язків із Сходом; болгарський – апеляція до Заходу на тлі збереження тісних контактів із Сходом), з точки зору геополітичного становища результат був однаковий – перехід із радянської сфери впливу до західної (с. 28–29). Перебування між Сходом і Заходом визначало шлях Болгарії „до ринкової економіки та демократії“. Саме цьому присвячена стаття В. Тошкової (ПД) „Інша версія болгарського переходу до „демократії і ринкової економіки“. „Інша версія“ у тлумаченні В. Тошкової полягає у тому, що серед чинників болгарського переходу з'ясовуються не тільки внутрішні, але й зовнішні, в першу чергу домовленості з цього приводу між ССРСР та США (с. 356). Однією з перших вона намагається пояснити (а цього, зазвичай, уникали її попередники), чому ж Т. Живков не докладав жодних зусиль для збереження влади у своїх руках за допомогою силових структур (с. 357). Спостереження В. Тошкової є конче своєчасним як профілактика міфотворчості у масовій свідомості стосовно недалекого минулого й історичних подій, котрі відбулися за життя одного покоління. При цьому автору вдалося оминати спокусу відмовитися від принципу наукової об'єктивності на користь так званої „наукової публіцистики“. Погляд болгарських дослідників на проблеми політичного буття сучасної Росії зафіксований у розвідках Д. Грігорової (СУ) „Сгор Гайдар – демонічний образ переходу в пострадянській Росії“ та С. Міланової (ПД) „Росія на початку 90-х рр. XX ст. – політичні профілі“, у яких кризь діяльність тієї чи іншої особистості окреслена нова ідентичність країни.

Публікації В. І. Косіка (ІС) („Болгарія: росіяни у світі музики та співів (1920 – 1940)“, с. 213–228) та І. Макарової (ІС), що звернулася до важливої концептуальної проблеми про функції реформ „згори“, розглядаючи танзимат у Османській імперії („До історії реформи освіти в Дунайському вілайеті у 60-ті рр. XIX ст.“, с. 229–244), присвячені російським культурним впливам, котрі завжди були актуальними для формування європейського за своєю ідентичністю болгарського суспільства. Особливо цікаво, що це відбувається на тлі

уявлень про русофілство–русофобство болгарських політиків у висвітлені І. Тодева (ПС) („Доктор Стоян Чомаков – русофіл чи русофоб?“, с. 345–351).

Зазначена різноманітність тематики статей свідчить про широкий діапазон наукових інтересів авторів, їх прагнення по-новому розглянути питання, які є актуальними як з точки зору суспільного запиту, так і логіки розвитку науки, відкрити нові факти, пояснити раніше невідомі події. Послідовна дослідницька позиція є особливо актуальною з огляду на можливості її реалізації в умовах транзитивних суспільств. Вона дала результат, який об'єктивно спрямований проти ідеалізації не тільки далекого минулого, але й міфологізації подій і процесів, що відбувалися за життя сучасного покоління, котре було їх безпосереднім свідком. Адже розгубленість суспільної свідомості в перехідний момент історії країни, коли руйнуються попередні історичні уявлення, не може не породжувати різного роду історичних міфів. З цієї точки зору збірка, поза сумнівами, є актуальною не тільки для фахівців, але й для всіх, хто цікавиться історією Болгарії та Південно-Східної Європи. Використання авторами нового документального матеріалу, його об'єктивна й водночас небайдужа оцінка дозволила дійсно по-новому поглянути не тільки на низку проблем країн регіону, перш за все Болгарії, але й звернутися до концептуальних питань взаємозалежності малих та великих держав, активної ролі „малих“ народів у європейській історії.

ЛЕВСКИ Е ДУХОВНИЯТ НИ ОРИЕНТИР ЗА ЧОВЕЧНОСТ

(Размисли по повод книгата на проф. *Иван Стоянов*

„Нови щрихи върху идейните възгледи и дейността на Васил Левски“. Велико Търново:

УИ „Св. св. Кирил и Методий, 2012. 230 с.)

Хр. Томанова-Дамянова

Преди време, когато проф. Иван Стоянов пишеше своята книга за Левски, сподели, че финалът му бяга. Финалът бяга, когато искаш още да работиш по една тема, когато имаш чувството, че не си казал всичко, което би искал, когато си се заел с един проблем, който поставя нови въпросителни към известни вече неща. Тогава финалът бяга, защото не ти се иска да завършиш... Сега обаче на мен ми бяга началото. Как да започна, когато в съзнанието ми има толкова много мисли, когато заставам пред една вечна тема – Левски и нашето отношение към него? Твърдението „всеки си има своя Левски“ се е превърнало в клише, което носи много значение в себе си и същевременно – нищо конкретно. Когато заговорим за Апостола, ние сме склонни да го идеализираме, да го нагласяме спрямо себе си, собствените си виждания за света и важното в него. Идеално ни устройва онзи легендарен модел, създаден от Вазов и първите биографи на Левски. Достатъчно ни е да го знаем като основател на революционни комитети, като силен и храбър юнак, правещ за смях своите преследвачи.

Дали обаче този образ е реален и исторически оправдан? Не е ли по-достойно да възприемаме Левски като човек, надарен с изключителна далновидност и прозорливост, но човек реален и осезаем? Човек, за когото не са чужди съмненията, разочарованията, грешките... И не е ли по-велик той, когато знаем, че не е съвършен като Иисус, а се е стремил към личното си човешко съвършенство? Че е изграждал своите морални устои във време на исторически и всякакъв застой, защото е преследвал идеалите си и се е жертвал за тях? Спомням си думите на моя учител по философия г-н Шекерев: „Идеалът затова е идеал, за да не бъде достигнат“. Точно тези думи в една друга реалност – 80-те години на XX в., ме накараха да се замисля за смисъла на комунистическия идеал, в който ни възпитаваха. В онези времена тези думи звучаха почти бунтарски и дълбоко ме впечатлиха. И ако сега ги отнесем към личността на Левски, то струва ли си да го възприемаме само като идеал – невъзможен и високо отделен от нас? Не е ли по-достойно да мислим за Левски като личност възможна. Да вярваме, че след като той е успял да изгради своя характер върху основата на честността, достойнството, справедливостта – е възможно и за нас. Не е ли по-важно да възпитаваме в себе си такива качества, които традиционно смятаме, че са само приоритет на героите. Възможно е и е осъществимо – стига да поискаме. Нека да не забравяме, че най-великото, което притежава човек, е свободната воля! Всеки сам решава за себе си, без да увърта, без да търси виновник за състоянието, в което се намира, без да се чувства изкупителна жертва на времето. Защото колко е прав Апостолът: „Времето е в нас и ние сме във времето. То нас обръща и ние него“. Е, това е наистина велико философско умозаключение!

Започнах с намерението да представя книгата на проф. Иван Стоянов „Нови щрихи върху идейните възгледи и дейността на Васил Левски“, а се задълбах в собствените си разсъждения. И сега си давам сметка, че това е най-голямото достойнство на тази книга – тя предизвиква размисъл, кара те да търсиш диалог с нейния автор, не те оставя спокоен, не те образова – тя те кара да мислиш! А това е най-важно за този, който чете, мислейки.

Книгата на проф. И. Стоянов не е епическо произведение, тя е исторически изследователски труд. Авторът предлага документи, анализира ги и ги коментира. Той е преди всичко историк, който вярва, че историята не трябва да бъде пренаписвана. Че тя трябва да бъде такава, каквато е – без значение дали ни харесва, или не. Защото „...Ние сме във времето...“. А времето на нашето Възраждане е противоречиво, крайно, обаяно от една голяма авантюра – борбата за свобода. За „здравомислещите“ националното ни освобождение със собствени средства е една авантюра, а за „лудите“ – цел, за която жертват всичко и себе си.

Времето е безмилостно. Ако векове наред българите сме поставени в пладнето на едно ориенталско безвремие, то Европа е вървяла напред, трупала е знания, исторически опит. По пътя на изкуплението е достигнала до великия идеал за свобода, равенство, братство. Безгранични са хоризонтите на мисълта, на свободната воля на човека. Не че Европа не познава тиранията, безправие, неравенството, напротив – познава ги, но има нещо, което е много важно за развитието на човека и народите – бунтува се, не ги приема, бори се с времето и обстоятелствата.

Да видим нашата история от ХХ в. през призмата на световните и европейски процеси е много важно, когато се опитваме да се измерваме с другите. Да видим Левски редом с големите личности на епохата и така да оценим стореното от него е новият щрих към неговата личност. И когато проф. Стоянов търси европейските измерения на Левски, прави следния извод: „... в този ХІХ век робът е напънал всичките си сили – нравствени и физически, за да отхвърли робското тегло. На първо място са поставени нравствените сили – тоест поробенят трябва да осъзнае, трябва да осмисли, трябва да е подготвен умствено за това, което е, и за това, което предстои. Или с други думи казано, за да се започне подготовка за национално освобождение, „революцията“ в главите на тези, които ще се ръководят, които ще участват, които ще се борят за свобода, трябва да е свършен факт. Без тази „революция“ в мисловността, без осъзнаване на същността на положението, без визия за пътя, по който трябва да се върви, за да се промени то, без визия за бъдещето на възстановената държава, революцията си е чисто харамийство или в най-добрия случай – хайдутство. Само съзрелият умствено и нравствено човек може да впрегне своите сили в полза на националната кауза за по-добър живот, за по-свършена държавна организация, за изграждане на „храм на истината и правата свобода“. Осъзнаването на всичко това поставя Васил Иванов Кунчев на оня пиедестал, на който стоят и най-известните мислители и революционни дейци на ХХ век. И ако той не беше роден в Османската империя, и ако той не беше българин, и ако за него не се публикуваха до неотдавна изследвания само на български език – с малки преднамерени изключения, поради пренебрежението, с което гледат на историческата наука всички управляващи през различните периоди в развитието на българската държава - той щеше да има известността на Мацини, на Гарибалди, на Кошут, на Петьофи, на Бакунин, на Херцен...“.

Тези думи на проф. Стоянов показват удивлението на историка, преклонението на човека пред личността на Апостола и негодуването на гражданина от политическата апатия в България.

Търсенето на европейските измерения на Апостола и неговото представяне пред европейската общност е основна идея, около която са обединили усилията си нашите историци и университетски преподаватели. За това е нужен не само ентузиазъм, всеотдайност, но и една целенасочена държавна политика. Изисква се воля от страна на онези, които обичат да кичат кабинетите си с потрети на Левски и Ботев и да цитират думите на Апостола, че сме равни с другите европейски народи

Признавам си, че съм идеалист по убеждение, че доста наивно възприемам историята като обективна хроника на времето. Оказва се обаче, че много пъти субективното измества обективното, че фактите се манипулират, да не кажем фалшифицират, че винаги е имало хора, които с усещането си за някакво месианство преправят историята. Кому е било нужно и защо да изопачава словото на Апостола?! През последните години станахме свидетели на немалко развенчани митове и чиста проба спекулация с историческата правда. В книгата си със силата на фактите проф. Стоянов оборва някои от наложилите се във времето клишета в представите за Апостола и смело застава срещу фалшификациите и срещу неверни или недоказани твърдения – „истини“. Една от тях е „автентичността“ на лозунга „Чиста и свята република“.

Казах по-горе, че едно от достойнствата на книгата на проф. Стоянов е, че руши стереотипи и провокира евристично мислене. Признавам си, че истински се стреснах, четейки за революционния терор. Дадох си сметка, че много малко знам за този момент в революционното движение. Знаем, че за хората, занимаващи се професионално с история,

това не е новост, но за мен – един човек идеалист, изкушен от литературата, това е момент, който съзнателно или несъзнателно съм пропускала. Набирането на средства, десетъкът върху приходите, издадените смъртни присъди на „народни врагове“, борбата за лидерство, интригантството, прословутото българско недоверие... Всичко това във време на ново мислене, но със стари подлости... Наивно вярвах, че в онези времена хората са били по-чисти и морални. И сред това, в изумителното време, изпъква още по-ярко личността на Апостола. И буди нашето възхищение, защото качества като честност, достойнство, свободолюбие, независимост, отстояване на принципи се придобиват само с чисто сърце и ум.

В цялата си книга проф. Стоянов търси реалния образ на Левски, освобождава го от легендарното и мистичното и този образ още повече ни удивлява! Не преиначаването на историческата правда, а откриването на същата засилва възхищението ни от Васил Левски. Възхищение, което може да се долови и в цитираните думи на министъра на турската полиция на Османската империя и член на държавният съвет Али Саиб паша, съдил Левски: *„Той (Левски) се очертава като компетентна и централна личност, която е подбуждала населението да образува комитети... и е бил председател на всичките комитетски организации. Понеже бил твърде хитър и лукав, а същевременно известен по своята храброст“*. *„Да се получи подобно признание от висш представител на властта, срещу която е насочена дейността на Левски и ръководената от него организация, означава много. Означава, че ако четническите действия са определяни като разбойничество, в този случай едни от най-видните юристи на империята разбират, че срещу себе си имат нещо друго, нещо непознато за тях, поне от страна на българите. С това те ще трябва да се съобразяват от този момент насетне ежедневно“* – завършва в обобщение историкът. Да вдъхнеш респект и уважение у своя противник, какво по-голямо доказателство за значимостта на постигнатото от Васил Левски!

Когато говорим и мислим за Левски, не можем да не засенем проблема за предателството. За всички вече е ясно, че предателят не е един, че обстоятелствата и слабостта на мнозина ги правят предатели на Апостола. Въпросът за предателството остава отворен, защото той има не само исторически аспект, а съвременен. Защото предателството на Апостола продължава с всяко отдалечаване от неговите идеи, с всяка измяна на човешкото в нас. Многократно в свои изказвания проф. Стоянов акцентира на това предателство. Преди време ми сподели: *„Убеден съм, че живият и противоречив Апостол ни е по-нужен от една окачена на стената икона. Кога се срещат българите за Левски – на 18 юли и на 18 февруари. Кажете ми – какво се прави в момента в Карлово, Сопот, Калюфер и навсякъде в България за реализиране идеите на Левски? Нищо!!!! Какво се чува дори в родния му град за него няколко дни след 18 юли? Пак нищо!*

И ако не е музей, съвсем ще бъде забравен между 18 и 18-ти. За какво ни е такъв Левски? И колко са българите, които знаят кой е Левски? Ако карловци четат внимателно книгата, ще видят, че той става по-голям, но като човек, а не като икона. Нека сами си зададат въпроса – какъв им е нужен – като паметник, отрупан с цветя, което наистина е едно чудесно признание от българите, или като ориентир на днешното и утрешното време. Ако е като паметник – вече са над 150. Какво ще се промени в България, когато станат 1500 или 150 000? Нищо! Това ли заслужава Левски? За това ли си отива от този свят толкова млад, за да го признаваме единствено с паметници? Къде е храмът на истинната и правата свобода, къде е свободата и чистата република, къде е равенството?!..“ Много удивителни и още толкова въпросителни. Като своя отговорност приемам предизвикателството да отговоря на тези въпроси. Не се ангажирам с отговорите на другите, но мен ме боли правотата на тези въпроси.

Основата на моралните ми ценности постави моят баща. Десетте Божии заповеди и тефтерчето на Левски бяха неговия етичен кодекс. Изпълняваше божии закони и изпитваше дълбоко преклонение пред Апостола, преклонение не толкова пред революционната му дейност, а пред онази безкомпромисна честност, записваща всяка изядена маслина и изпита боза. Смяташе, че ако нашите управници имат толкова тефтерче, то животът в

България би бил друг. Баща ми живя скромно и честно. Бе почтен и принципиен, имаше златни ръце на майстор и си отиде от света дълбоко наранен, но не направил компромис с онова, в което вярваше и отстояваше през целия си живот. Като карловец той носеше в себе си образа на Апостола и успя още от най-ранното ми детство да го превърне за мен в пример за това какъв човек трябва да бъде. Ще споделя някои от принципите, които ме ръководят в живота: работи с желание и ентузиазъм; давай най-доброто, на което си способен; съревновавай се със себе си, винаги може да го направиш по-добре; имай мнение и заявявай позиция, отстоявай своите принципи; приеми предизвикателството да бъдеш честен, почтен, да държиш на дадената дума, да не предаваш приятелите, да подминаваш с насмешка дребните неща; не позволявай борбата за хляба да стане с цената на компромиси; изпълнявай задълженията си с чисто сърце и нека бъде будна съвестта ти. Вярвам в тези неща и се опитвам да бъда добър човек. Така възпитавам и децата си, за това говоря с моите ученици. Дали ще дойде времето на святата свобода, на равенството и братството – едва ли, но си заслужава да се приближаваме към тях.

И на финала – благодаря на проф. Иван Стоянов за пробудените размисли, за духовното родство, за пламенното слово, което пробужда съвести. Благодаря му за новите щрихи към портрета на един велик човек, който доказва, че е възможно да бъдем по-добри хора, Когато това се случи, и обществото ни ще бъде по-добро.

РЕЦЕНЗІЯ НА КНИГУ

„Болгарський фольклор Північного Приазов'я“.
Збирач та упорядник *О. Б. Червенко*. Бердянськ, 2012. 126 с.

І. С. Огієнко

У праці „Болгарський фольклор Північного Приазов'я“ представлено польові записи різних жанрів болгарського фольклору, що зібрані у місті Бердянську, селі Троянах Бердянського району, селах Богданівка, Ганнівка Приазовського району та селах Гюнівка, Лозуватка, Мануйлівка, Петрівка, Преслав Приморського району Запорізької області протягом 2007–2011 років від 22 інформаторів. Збирачем текстів та упорядником збірника є Оксана Борисівна Червенко, старший викладач кафедри загального мовознавства, слов'янської філології та соціальних комунікацій Інституту філології Бердянського державного педагогічного університету, аспірантка Інституту мистецтвознавства, фольклористики і етнології імені М. Т. Рильського НАН України. Авторка, котра сама має болгарське походження, присвятила свою першу друковану книгу рідній бабусі Марії, що з дитинства розказувала їй болгарські казки та легенди, співала пісні, мова якої рясніла колоритними приказками і прислів'ями. Видання розпочинається з передмови, де йдеться про історію видання фольклорних текстів, зібраних серед болгар, які проживають в Північному Приазов'ї, та їх збирачів. Передмова подана українською і болгарською мовами.

На півдні України знаходиться значна кількість болгарських поселень; населення їхнє і до наших днів зберігає свою автентичну культуру, дотримується народних звичаїв і обрядів. Починаючи з XIX ст. і до сьогодні, багато дослідників побувало в цих поселеннях в експедиціях, результати яких відображено у друкованих виданнях або зберігаються в архівах. Так, зокрема, відомими є дослідження А. В. Варбанського, М. С. Державіна, Т. Недельчева, Д. Дімітрова, Н. Кауфмана, К. Дінчева, І. А. Стоянова та Е. П. Стоянової, В. М. Изотова, Л. Ф. Ноздріної, В. В. Міткова, М. П. Гайдая, К. В. Квітки та ін. Співробітники Інституту мистецтвознавства, фольклористики і етнології імені М. Т. Рильського НАН України, зокрема Н. Шумада, І. Горбань, Н. Задорожнюк, Я. Конєва, А. Єрєма та інші, здійснили низку експедицій у болгарські поселення Одеської, Кіровоградської та Запорізької областей. Записи, зроблені ними, зберігаються у Наукових архівних фондах рукописів та фонозаписів ІМФЕ ім. М. Т. Рильського НАН України.

Далі подано тексти 148 записів. Домінують серед них пісні. Першими представлені чотири народні балади й пісні з міфічними і легендарними мотивами. За ними йдуть календарно-обрядові пісні зимового, весняного і осіннього циклів. До зимового циклу увійшло чотири пісні сурвакарів, які співаються на Новий рік, і дві різдвяні пісні. Весняний цикл відкривають лазарські пісні, яких було зібрано п'ятнадцять. Крім них, інформаторці вдалося зафіксувати дві пісні, що співаються на Еньовден. Серед болгар Північного Приазов'я й до сьогодні не забуто пісні, котрі співалися під час виконання одного з обрядів викликання дощу „леперуда“, в якому брали участь тільки дівчата і жінки. У селі Лозуватка Приморського району Оксана Червенко записала дві такі пісні. З осіннього циклу було зафіксовано одну пісню. До сімейно-обрядових увійшло п'ять весільних пісень. Найбільше було записано родинно-побутових пісень – тридцять, любовних – сорок одна. Також було зафіксовано ще чотири трудові, дев'ять історичних, три гайдуцьких, одна релігійна і вісім гумористичних. Окрім пісень, до збірника увійшло вісім прислів'їв та приказок, одна чарівна казка, одна колискова пісня, одна гра та чотири „старих міських“ пісень. Після кожного тексту зазначено прізвище, ім'я, по батькові виконавця, рік народження, дата і місце запису. Для деяких фольклорних творів зазначено їх жанрову, обрядову чи соціальну приналежність за визначенням інформатора.

В кінці подано перелік фольклорних експедицій, в яких було записано всі ці тексти. Авторка побувала у чотирнадцяти експедиціях. В алфавітному порядку представлено перелік інформаторів (22) і вказано порядковий номер виконуваних ними творів. В наступному списку перераховано усі населені пункти (9) із зазначенням порядкового номера записаного тексту.

Список використаної літератури налічує 22 позиції. Окрім того, до збірника ввійшли ще й додатки, до яких входять словник русизмів, дві карти болгарських населених пунктів Північного Приазов'я (одна передрукована фототипно з книги Мішо Хаджийського 1943 р., а друга „Болгарські села Північного Приазов'я“ – складена на основі досліджень С. Пачева), а також дванадцять фотографій. До збірника додається музичний диск із записами фольклорних текстів, представлених у книзі.

Видання призначене для болгаристів, фольклористів, філологів, етнологів, етномузикознавців, викладачів, учителів, аспірантів, студентів та всіх, хто цікавиться болгарським фольклором.

РЕЦЕНЗІЯ НА КНИГУ

**Павло-Роберт Магочій. Україна: історія її земель та народів.
Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2012. 794 с.**

В. Склокін

Свої міркування про український переклад другого видання „Історії України“ проф. Павла-Роберта Магочія я хотів би помістити в контекст дискусій, що точаться в українській історіографії вже близько двадцяти років. Маю тут на думці одну проблему і пов'язану з нею дискусію, яка, можливо, була і залишається ключовою для українського історіописання, а саме – проблему створення адекватного нарративу історії України. Здобуття незалежності у 1991 році відкрило шлях до націоналізації української історії всередині України. Втім, більшість українських істориків виявилася недостатньо підготовленою для виконання цього завдання на належному рівні. Брак ознайомленості з критикою традиційної національної історії в межах дисципліни національних студій, а також з модифікаціями національної історії в історіографіях країн Західної Європи та Північної Америки другої половини ХХ століття спричинився до того, що в якості моделі для національного нарративу були зрештою обрані схеми, розроблені українськими істориками кінця ХІХ – початку ХХ століття та діаспорними дослідниками середини – другої половини ХХ століття.

Ця модель, представлена у численних академічних та шкільних підручниках, пропонувала погляд на історію України як на історію постання та розвитку української нації й обґрунтовувала окремішність та тяглість національної історії протягом більш ніж тисячі років. Ціною, що її довелося заплатити за цю тяглість, стали, зокрема, такі методологічні вади, як телеологічне спрямування української історії у напрямку створення самостійної Української держави; ексклюзивність, тобто зосередження на історії етнічних українців і виключення або маргіналізація ролі інших етнічних груп, що мешкали на українських землях; презентизм, тобто приписування людям ранньомодерної доби та середньовіччя способів мислення та поведінки людей ХІХ–ХХ століть.

Критика цього підходу з'явилася практично одночасно з його появою на початку 1990-х рр. Дещо пізніше побачили світ і перші практичні спроби створення альтернативної схеми національної історії, як на рівні синтезу, так і на рівні конкретно-історичних досліджень. Найвідомішими та найуспішнішими серед них є, найімовірніше, „Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України“ Наталі Яковенко та „Історія України ХІХ–ХХ ст.: формування модерної української нації“ Ярослава Грицака. Обидві праці, написані з модерністських позицій, пропонували у багатьох відношеннях дійсно новаторське переосмислення української історії, залучаючи її до ширшого європейського та світового контекстів, а також виправляли чимало ганджів традиційної схеми. Водночас, обидві ці праці залишаються саме прикладами національної історії (нехай і в її модерністській версії), зображуючи історію України як історію постання та розвитку українського етносу, а згодом і перетворення його на модерну націю. Натомість інші етнічні групи, що традиційно мешкали на території України, згадуються в синтезах Яковенко і Грицака лише епізодично та побіжно і виступають радше не суб'єктами, а об'єктами історичного процесу.

Отже, тут виникає цілком обґрунтоване запитання: яке ототожнення у сучасних представників кримсько-татарської, болгарської, єврейської, карпаторусинської та інших українських національних меншин може виникнути з такою історією України, в якій вони або взагалі відсутні, або з'являються лише епізодично у ролі жертв, ворогів, конкурентів тощо, тобто в ролі „Інших“ для українців. Н. Яковенко усвідомлює цю проблему і зазначає, що, на її думку, історія таких українських регіонів, як Буковина, Закарпаття, Новоросія і Крим має розглядатися окремо в контексті історії тих держав, до складу яких вони входили. Втім, як видається, доцільність саме такого розв'язання цієї проблеми викликає серйозні сумніви.

Інший підхід до цього питання був запропонований ще у 1990 р. одним з найвидатніших українських істориків ХХ століття Омеляном Прицаком. У своїй доповіді „Що таке історія України?“, прочитаній на Першому міжнародному конгресі українців у Києві в серпні 1990 р., Прицак запропонував і обґрунтував необхідність послідовної територіальної концепції історії України. Згідно з цим поглядом історія України – це не історія одного лише українського етносу, а історія всіх етнічних груп, або принаймні тих етнічних груп, що мали елементи державної організації і які мешкали на території України з найдавніших часів до сьогодні. О. Прицак підкреслює: ми маємо враховувати, що протягом ХІХ–ХХ ст. українська ідентичність поступово стала домінувати на теренах сучасної України, і чимало представників інших етнічних груп стали частиною української нації. Втім, це не означає, що ми маємо дивитися на минуле з телеологічної перспективи і проектувати на нього те, що, як ми знаємо, відбулось пізніше, наприклад, неунікненність української колонізації чи українізації неукраїнського населення. Якщо ми говоримо про більш ранні періоди, ми не можемо віддавати перевагу українському етносу або українським державним організаціям над іншими етносами та неукраїнськими державними організаціями¹.

З різних причин проф. О. Прицак не встиг сам написати таку територіальну багатоетнічну історію України. Попри те, що його заклик загалом схвально зустріло чимало дослідників як в Україні, так і за кордоном, практичного втілення цих ідей довелося чекати досить довго, власне до появи першого видання „Історії України“ проф. П. Р. Магочія в 1996 р. А зараз ми вже маємо український переклад другого виправленого і доповненого видання 2010 р.

І тут я, власне, підходжу до ключового моменту цього тексту. Чому ця книга „Україна: історія її земель та народів“ є дійсно важливою і має стати обов’язковою лектурою для усіх, хто професійно цікавиться історією України? Тому, що це не просто ще один підручник, ще одна синтеза, одна з багатьох, а це – перша і на сьогодні найбільш послідовна та успішна спроба написати територіальну багатоетнічну історію України. У рецензованій книжці автор оповідає не лише історію постання та розвитку української етнічної та національної ідентичності, але також надає голос іншим етнічним групам, що мешкали на території сучасної України: росіянам, євреям, полякам, грекам, румунам. У другому виданні до цього переліку додалися болгари, чехи та молдовани, а також з’явився окремий розділ, присвячений історії Кримського ханату ХVІ–ХVІІ ст.

Все сказане вище, втім, не означає, що з появою книги проф. П. Р. Магочія завдання написання територіальної багатоетнічної історії вже остаточно виконано, або що багатоетнічна історія є єдиною можливим чи найкращим типом історії України². Я сказав би, що ця книга є першим вдалим кроком у напрямку створення такої історії, хоча очевидно, що успішність будь-якої подібної синтези залежить серед іншого від наявності конкретно-історичних досліджень, які розглядають історію окремих етносів, що мешкали на території України, під різноманітними кутами зору. А як ми добре знаємо, саме таких досліджень в Україні наразі якраз і бракує. Попри ці застереження, я все ж таки переконаний, що „Україна: історія її земель та народів“ проф. П. Р. Магочія, як і будь-яке піонерське, новаторське дослідження, заслуговує на уважне прочитання та серйозне обговорення.

¹ Прицак, О. Що таке історія України. – Слово і час, 1991, № 1, с. 53–55. Проникливий аналіз концепції Прицака пропонує Томаш Стрик: *Tomasz Stryjek. Jakiej przeszłości potrzebuje przyszłość? Interpretacje dziejów narodowych w historiografii i debacie publicznej na Ukrainie, 1991–2004.* Warszawa, 2007, s. 582–587.

² Див. критику Сергія Плохія, який, спираючись на аналіз праць Павла-Роберта Магочія, показує, що багатоетнічна історія лише модифікує та вдосконалює національну парадигму, але не виходить поза її межі: Плохій, С. Між історією та нацією: Павло Роберт Магочій і переосмислення української історії. – Критика, 2011, № 9–10, с. 27–30.

БЛИСКУЧИЙ РЕЗУЛЬТАТ БІБЛОГРАФОЗНАВЧИХ СТУДІЙ

Рецензія на: Ізмаїл Іванович Срезневський (до 200-річчя від дня народження) : біобібліогр. покажч. Укл. О. С. Журавльова, Н. Г. Мацнєва, Е. Д. Дроснева, В. Петрович, Б. Ріфл, Д. Шкергет. Вступ. ст. С. Ю. Страшнюк, Є. Х. Широкопад. Наук. ред. С. Ю. Страшнюк. Бібліогр. ред. С. Б. Глибицька, Ю. Ю. Полякова. Х.: ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2012. 92 с.: іл.

Н. М. Кушнарєнко

Харківська бібліотечна школа (ХБШ) є провідною на терені України. Її фундували, забезпечували авторитетне зростання впродовж багатьох років як окремі яскраві особистості – Х. Алчевська, І. Багалій, М. Сумцов, Л. Хавкіна, К. Рубинський та ін., так і провідні інституції бібліотечно-інформаційного профілю. Серед основних із них: Харківська державна наукова бібліотека ім. В. Г. Короленка, Центральна наукова бібліотека Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна, Харківська державна академія культури та ін. Саме ці репрезентанти ХБШ нині активно нарощують її здобутки, сприяють зміцненню її престижу на вітчизняному і світовому галузевому просторі.

Центральна наукова бібліотека Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна в Харківській бібліотечній школі посідає особливе місце. Її директором свого часу був відомий бібліотекознавець і бібліограф Костянтин Іванович Рубинський – один із засновників ХБШ. Сучасне керівництво та співробітники цієї бібліотеки не лише палко сприйняли, а й успішно реалізують його вагомі настанови в своїй професійній діяльності, яка в усі часи вирізнялася фундаментальністю та інноваційністю. Як його істинні послідовники, працівники бібліотеки вперше ґрунтовно дослідили й оприлюднили життєвий і професійний шлях, а також науковий доробок видатного українського (радянського) бібліотекознавця, зробивши його загальнодоступним. Можна згадати й інші ініційовані та успішно реалізовані цією бібліотекою проекти. Серед них – рецензований біобібліографічний покажчик.

Нове науково-бібліографічне видання присвячене І. І. Срезневському – видатному філологу-славісту, етнографу, вихованцеві Харківського університету, вченому зі світовим ім'ям, творчий доробок якого становить гордість вітчизняної і світової науки.

Перший „Библиографический список сочинений и изданий ординарного академика Императорской Академии наук И. И. Срезневского ко дню пятидесятилетия его ученой деятельности“, як відомо, був укладений 1879 р. А. Ф. Бичковим. Він містив 340 праць ученого.

Багаторічна плідна, копітка пошукова робота укладача рецензованої персоналії, головного бібліотекаря Центральної наукової бібліотеки Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна Ольги Сергіївни Журавльової, з використанням традиційних джерел та електронних ресурсів дозволила виявити пропущені в попередньому виданні та новоопубліковані праці. Задля забезпечення максимальної повноти до створення науково-бібліографічного покажчика було залучено фахівців з п'яти слов'янських країн – Болгарії, Росії, Сербії, Словенії, України. Творча співпраця з колегами значно збагатила покажчик, сприяла високій якості, надала йому міжнародного статусу. Ювілейний покажчик „Ізмаїл Іванович Срезневський (до 200-річчя від дня народження)“ з найбільшою повнотою кумулює науковий доробок ученого і, що дуже важливо, його „українську скриньку“.

Покажчик містить 1400 професійних бібліографічних записів. Добре структурований, він складається з двох частин. Перша – бібліографія праць І. І. Срезневського, починаючи з 1831 р. Цей підрозділ обіймає 396 описів праць українською, російською, болгарською, словенською та іншими мовами, поданих за хронологічною ознакою. Особливий

інтерес викликає підрозділ „Листування“. Наявність листів М. В. Гоголя, М. О. Добролюбова, М. І. Костомарова, О. О. Потебні, О. Х. Востокова, низки українських письменників, листування з вітчизняними і західноєвропейськими славістами, листи до матері і близьких надають можливість ліпше сприйняти ученого як непересічної особистості, коло його багатогранних інтересів, родинні стосунки. Похвальним можна вважати супровід бібліографічних записів стислими довідковими анотаціями біографічного характеру. На жаль, зроблено це вибірково, зрозуміло, що з суто об'єктивних причин.

Грунтовним є підрозділ біобібліографічного покажчика з назвою „Література про І. І. Срезневського“, який базується на значній підготовчій роботі з виявлення в численних виданнях розпорошених публікацій про вченого. Він містить 668 бібліографічних записів, серед яких 230 джерел українських науковців, зокрема вчених Харківського університету, присвячених видатному дослідникові української мови, етнографії, а також ролі І. І. Срезневського в розбудові культурного простору України. Високо оцінюючи високий фаховий рівень опрацювання цього розділу, вважаємо не досить вдалим назвами окремих підрозділів біобібліографічного покажчика, наприклад, „Бібліографія праць“ і „Бібліографія“. Доречніше було б, на нашу думку, дати такі заголовки – „Публікації І. І. Срезневського“ та „Бібліографічні джерела“, які найадекватніше відбивають зміст.

Друга частина покажчика містить праці вченого і літературу про нього сербською мовою з алфавітним покажчиком назв статей.

Ретельно опрацьовані укладачами основні вимоги щодо персонального бібліографічного покажчика (наявність передмови, хронології життя і діяльності, розміщення літератури, повнота бібліографічного опису, різноплановий допоміжний апарат). Посилують позитивне враження додані до покажчика фотоматеріали: копії титульних аркушів альманахів і книг з автографами І. І. Срезневського „В библиотеку Императорского Харьковского университета“.

Біобібліографічний покажчик „Ізмаїл Іванович Срезневський (до 200- річчя від дня народження)“ – свідчення високого рівня бібліографічної культури, якої іноді бракує сучасним виданням. Прикро, що наклад покажчика – 200 примірників. Для бібліографії, присвяченої вченому світового рівня, виданої вперше за 200 років, це, безумовно, недостатньо.

Звернення до творчої спадщини академіка І. І. Срезневського, ідеї, закладені в працях славіста, котрий вивчав походження і розвиток мов, словесності в безпосередньому зв'язку з історією їх народів, сьогодні, як ніколи, актуальні, необхідні суспільству. Фундаментальне науково-бібліографічне видання Центральної наукової бібліотеки Харківського університету надзвичайно корисне для дослідників творчої спадщини великого вченого, є ще одним свідченням потужності харківської наукової школи.

О РАБОТЕ НАД СЕРБСКОЙ ЧАСТЬЮ БИОБИБЛИОГРАФИИ ИЗМАИЛА СРЕЗНЕВСКОГО

В. Петрович

Жизненные пути двух выдающихся учених-славистов Измаила Ивановича Срезневского и Вука Стефановича Караджича пересеклись в Вене в середине XIX века. Они сотрудничали с 1840 года, когда будущего профессора славянской филологии Харьковского и Санкт-Петербургского университетов И. Срезневского за счёт Министерства народного просвещения направили ознакомиться со славянской наукой, культурой и обычаями. Они дружили и тесно общались до 1842 года, и, благодаря этим обстоятельствам, для будущих поколений в биографии Вука Караджича сохранены многие подробности из его детства, юности и первых лет работы. Изучение деятельности Вука Караджича немыслимо без подробностей, записанных его первым биографом. И. Срезневский опередил свое время, распознав значимость и ценность для сербской науки и культуры деятельности Вука. Автобиография последнего, к сожалению, не сохранилась для грядущих поколений; остались биография, записанная И. Срезневским в 1846 году, и дополнение к ней 1876 года.

Голуб Добрашинович всесторонне описал деятельность Вука Караджича и его вклад в сербскую литературу, не забывая осветить юношеские, так называемые „тршички“ годы, семейную жизнь и болезни. Творческое наследие Вука включает 2000 записанных песен, около 120 рассказов, 6379 пословиц, 47 427 слов, 166 опубликованных и столько же неопубликованных загадок, первую грамматику и первый букварь народного языка. Он первым описал историю восставшей Сербии, благодаря чему ее герои получили своего биографа. Он также являлся основателем сербской критики и этнографии. Вук внес ценный вклад в изучение старославянского и болгарского языков, диалектологии и акцентологии, географии и социологии, просодии и метрики народных песен, палеографии, в описание наших монастырей. Будучи одним из пионеров болгарской и албанской фольклористики, он записывал русские и румынские народные песни, воссоздал из отдельных уцелевших кусков книг (*србуље*) и древние рукописи¹. О сути языка и стиля Вук сказал своему биографу:

„Я был из народа, провел молодость среди народа, все Сербское народное было мне природным; обстоятельства позволили развиться этому чувству пристрастия к своему родному. Что язык мой народен, это естественно. Я не знал другого, говорил как знал, старался моим языком выражать все, что мне было нужно, старался изучать его, разумеется не по правилам, а безотчетливо, думая только о том, чтобы иметь в голове поболее слов и выражений и употреблять их кстати“.

Воодушевление И. Срезневского и сотрудничество его с Вуком упоминается в сербской литературе с 1842 года до XXI века. Библиографический материал о Срезневском в сербской литературе состоит из 274 библиографических единиц, показывая плодотворное сотрудничество двух этих выдающихся ученых. Библиография составлена *de visu*, единицы расположены по фамилии автора книги и текстов, в которых цитируется или упоминается И. Срезневский, а в дополнении дан регистр заголовков. Библиография, как исходная точка для многочисленных научных исследований (над этой библиографией работало 60 авторов), показывает значение и необходимость существования таких изданий.

Данная библиография соединила два выдающихся имени украинской и сербской науки и способствовала восприятию и познанию не только значения их личностей, но и общего значения как для науки, так и для культурного наследия обоих народов. Рецепция территориально ограниченной персональной библиографии даст возможность не только сиюминутного познания, но и будущего продумывания и реализации дальнейших проектов.

© Петрович В., 2013

Эти имена никогда не забудутся, благодаря их вкладу в науку и культуру, значению и утверждению украинско-сербских связей.

XXI век – век электронных книг и журналов, общедоступных архивов, принес нам развитие информационных и коммуникативных технологий и другие блага научного прогресса. Но без печатных книг и журналов не было бы открытых архивов. Электронную книгу можно использовать только после записанных мыслей и слов. Создание этой библиографии для меня было большим вызовом. Технологический прогресс в значительной мере способствовал доступности информации. Возможность электронного поиска такой информации, как библиографии, способствует развитию не только библиотечного дела, библиографии как науки, но и научных знаний в целом. Возможность перевода этой библиографии в электронный вид способствовало бы дальнейшей презентации и продвижению украинско-сербских связей. Ведь сегодняшний век – это век виртуальных библиотек, мир другого понимания реальности, период глобального библиотечного дела, основанного на кооперативном международном партнерстве. Где бы информация ни находилась, доступ к ней в новой форме библиографии неизбежен.

Согласно собранному материалу в данной библиографии, можем заключить, что Измаил Иванович Срезневский в сербской литературе изучался больше всего во второй половине XX века. Но и сегодня в Сербии не угасает интерес к дальнейшему изучению его творческого наследия².

¹ *Добрашиновић, Г.* Вуково револуционарно дело. – В: Друштвена и политичка мисао Вука Караџића: зборник радова са научног скупа Српске академије наука и уметности, одржаног 16. и 17. новембра 2005. године у САНУ у Београду. Београд, 2008, с. 79–86.

² Вук Стефановић Караџић Измаил Иванович Срезњевски. Изабрао, приредио и пре-вео Голуб Добрашиновић. Београд, 2008.

НАУКОВЕ ТА ХУДОЖНЄ ЖИТТЯ

ХІІ КОНФЕРЕНЦІЯ „БОЛГАРИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ“ (г. Судак, 4–6 ноября 2011 г.)

А. И. Ганчев, А. А. Пригарин

Очередная, XII-я по счету, международная научная конференция „Болгары в Северном Причерноморье“ состоялась 4–6 ноября 2011 г. в крымском городе Судак. Начиная с 2008 г. координатором конференции является Одесское научное общество болгаристов. На этот раз организационные хлопоты разделило Крымское общество болгар им. Паисия Хилендарского (председатель И. И. Абажер). Общественный интерес к академической акции подчеркивало присутствие активистов и лидеров центральных органов и территориальных организаций Ассоциации болгар Украины. Кроме того, в работе научного форума приняли участие Чрезвычайный и Полномочный Посол Болгарии в Украине Димитар Владимиров, а также Генеральный консул Республики Болгария в Одессе Стоян Горчивкин. Научный форум проходил в рамках ежегодного фестиваля „Български срещи“.

После приветствий и торжественного открытия конференции ученые сосредоточились на освящении актуальных тенденций в развитии болгаристики. Т. А. Агафонова и А. А. Пригарин (Одесса) охарактеризовали вклад своего учителя профессора В. Н. Станко в становлении и развитии исследования болгар в современной Одессе. Н. Н. Червенков (Кишинев) проанализировал направления и успехи исторической болгаристики в Молдове в последние пять лет. Синхронный срез представила В. Н. Пачева (Мелитополь), обозначив приоритеты в изучении болгар в Северном Приазовье. Такой историографический задел оправдался ходом секционных заседаний.

На первом из них – „История болгар и болгары в истории“ – (руководители В. И. Мильчев (Запорожье) и Н. Н. Червенков) было прочитано более 20 докладов и сообщений. Начало положили сюжеты археологического наследия и возможностей его научной интерпретации. В частности, с новейшими достижениями в исследовании праболгарских памятников Таврики познакомил В. Майко (Симферополь), а Керченского полуострова – Л. Пономарев (Керчь). Средневековое городище на плато Тепсень по материалам раскопок 2011 г. стало предметом сообщения В. Баранова (Киев). Н. Алексеев и Ю. Зеленский (Краснодар) рассказали о вкладе В. А. Тарабанова в изучении протоболгарских древностей Прикубанья. „Судея в системе Византийской торговли (VII–XII вв.)“ – так назывался доклад М. Тимошенко (Киев), прочитанный на секции.

Эти тематические сюжеты продолжил А. Домановский (Харьков), который предпринял попытку проследить понимание раннесредневекового Крыма в современной историографии, с акцентами на отражении этнического и политического облика в исторической и археологической науках. Реконструкциям социальной структуры общества во время Первого Болгарского царства посвятил свой доклад Н. Хрисимов (Велико Тырново). А связям Крыма с Вторым Болгарским царством в XIII–XIV вв. – П. Павлов (Велико Тырново). Их коллега и землячка А. Стамболийска описала контакты Видинской епархии с русскими землями на протяжении XIII–XVII вв.

В. Мильчев предложил принципиально новые методики локализации зон выхода болгарских переселенцев в Северное Причерноморье в конце XVIII – начале XIX в. Эти же сюжеты в освещении румынской историографии стали предметом анализа И. Думиники (Кишинев). М. Филипова (Одесса) предложила свои реконструкции по историко-демографическому портрету болгарского переселенца в Бессарабии в первой половине XIX века.

Остальные сюжеты касались событий и процессов XX столетия. Так, Т. Юриоглу (Запорожье) обстоятельно изложила положение национальных меньшинств Екатеринославщины и их участие в революционном движении 1917–1918 гг. Историографические результаты изучения болгарских национальных районов УССР 1920–1930-х гг. представил С. И. Пачев (Мелитополь). В. Турков (Сумы) на основе документов регионального архива СБУ осветил репрессии против болгарского населения в конце 1930-х гг. Болгарские поселения Придунавья в условиях экономических трансформаций 1940–1941 гг. стали предметом сообщения О. Луневой (Одесса).

Послевоенные события получили свое развитие в ряде докладов. Например, Ю. Ириоглу (Запорожье) охарактеризовал участие приазовских болгар в восстановлении народного хозяйства.

© Ганчев А. И., Пригарин А. А., 2013

ства. А. Р. Манджукова (София) проанализировала народную память о голоде 1946–1947 гг. в Бессарабии. Направления и характер миграционных процессов в среде болгар Крыма в 1940–1950-х гг. были воссозданы в докладе Н. В. Сяровым (Мелитополь). Малоизвестные факты работы болгарских специалистов на предприятиях Украины в 50–80-х гг. XX ст. были обобщены О. Каковкиной (Днепропетровск).

На второй секции – „Традиция и современность в культуре“ – также было заслушано около 20-ти докладов. Кроме традиционных этнографических тем, здесь были представлены результаты трансдисциплинарных исследований, а также проанализированы прикладные аспекты болгарско-украинского взаимодействия (О. Минкова, Мелитополь, и В. Чуркина, Харьков). Толерантность болгар Северной Таврии как адаптивная стратегия жизнедеятельности в поликультурном мире (О. Троицкая, Мелитополь) вызвала дискуссию на заседании. Она продолжилась во время обсуждения докладов коллег из того же города: Л. Козирь – о роли этнографического театра в контексте идентичности и воспитании толерантности, и Л. Кобыльник – о картине и модели этнического мира.

Оригинальные материалы и наблюдения над этнокультурной памятью и самосознанием у гагаузов Восточной Фракии на протяжении XX века представили Г. Георгиев (София) и Д. Ангелова (Ямбол). Категория „повседневность“ и ее осознание у болгар Приазовья послевоенного периода стала объектом обстоятельного доклада С. Пачевой (Мелитополь). Традиции в функционировании антропонимической системы болгар Украины были описаны А. Михиной (Донецк). В. Лазаровым (София) были проанализировано соотношение традиционного и инновационного в организации животноводства болгар Бессарабии.

Живой интерес и бурные дебаты вызвали доклады на „женские темы“: „Роль и место женщины в традиционной культуре болгар Бессарабии“ Е. Водичар и „На досуг в конце дня – повседневный быт пожилых женщин в Бессарабии“ Ж. Пимпиревой (обе – София). Этические и социальные проблемы пожилых людей в целом в бессарабских селах стало предметом сообщения О. Водичар (Одесса). Отдельные аспекты похоронно-поминальных ритуалов у болгар Бессарабии и Приазовья были освещены в докладах Г. Стояновой (Одесса) и Н. Красько (Мелитополь).

Два доклада представляли опыт работы по музейной этнографической работе в Крыму: Ю. Лаптев; О. Гайворонская и И. Спирина (Симферополь). Биографию Константины – болгарки из Кишлага – описала Л. Григорьева (Симферополь). Результаты изучения миграционных настроений болгар – студентов Одессы, представил А. Ганчев (Одесса).

Самым многочисленным и насыщенным получилось заседание третьей секции – „Фольклорное, литературное и языковое наследие“, которое прошло под руководством В. Л. Кляуса (Москва) и И. Ф. Горбань (Львов). Председательствующие задали высокий тон секционной работе своими докладами, которые были посвящены характеристике фольклорной традиции в селе Криничном и проблемам исследования народной культуры болгар Приазовья. Эти представления о фольклорной традиции получили свое развитие в докладах о песенно-танцевальной музыке болгар (И. Щербина, Симферополь); устном творчестве среди болгар Приазовья во второй половине XIX – первой XX вв. (А. Митева, Мелитополь); депортации болгар Крыма (О. Гайворонская, Симферополь).

Особый тематический блок составили размышления о роли современных масс-медиа в болгарской культуре: С. Корниенко (Бердянск), М. Попова (Одесса), Е. Хатлас (Познань), Я. Комар (Горловка). Современное состояние национальных интересов болгар Украины и их перспективы были очерчены в докладе С. Драгневой (Одесса).

Сюжеты диалектологии стали предметом лингвистических докладов: топонимии Островного (П. Добрев), антропонимике Кубея (В. Колесник), лексических маркеров Дельжилера (Л. Мисержи), обрядовой терминологии (С. Георгиева). Эти результаты отражали основные направления и достижения одесских филологов в изучении болгарских говоров. Герменевтический сюжет перевода „Катехизисных поучений“ Брадатого представила Д. Стоянова (Одесса). Прикладные аспекты преподавания болгарского языка в воскресной школе были изложены Т. Романенко (Мелитополь).

В заключение ученые обсудили итоги секционных заседаний и наметили перспективы дальнейшего сотрудничества. В частности, подчеркивалось, что подобные конференции заняли важное место в научной инфраструктуре современной болгаристики. Было рекомендовано опубликовать материалы Крымского научного форума в следующем томе сборника трудов „Болгары в Северном Причерноморье“.

**МУЗЕЙ АКАДЕМИКА И. И. СРЕЗНЕВСКОГО:
ВО ИМЯ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ**

Н. В. Колгушкина

14 июня 2012 г. исполнилось 200 лет со дня рождения замечательного учёного-слависта Измаила Ивановича Срезневского (1812–1880). Его труды по этнографии, археологии, палеографии, истории, лексикологии, лексикографии, методике изучения и преподавания языков по сей день остаются актуальными в науке, культуре и образовании.

Ещё при жизни учёного в 1879 г. Петербургский университет праздновал 50-летие научной деятельности академика И. И. Срезневского, где был отмечен его выдающийся вклад в науку. В письме в родовое село Срезнево священнику В. Г. Катинскому он тогда скромно написал: „...Было и по обычаю много речей, но не по обычаю не было ни слова, от которого мог поморщиться хоть один из присутствовавших“⁴¹.

Прошло ещё 50 лет, столетний юбилей в начале 1913 г. праздновала Петербургская Императорская академия наук. Тогда во вступительном слове на торжественном собрании отделе русского языка и словесности прозвучали слова А. А. Шахматова: „Полувековая деятельность Измаила Ивановича развернула во всей мощи силы, заложенные в его богато одарённой природе: они создали те памятники ума и таланта, которыми восторгаемся мы все, имеющие то или иное отношение к науке о русском языке, литературе, этнографии. Срезневский положил основания историческому изучению русского языка, поставив его в живую и нерасторжимую связь с изучением всех других славянских языков“⁴².

От Харьковского университета на столетнем юбилее И. И. Срезневского выступил профессор Н. Ф. Сумцов. Он подробно проанализировал деятельность его в Харькове с 1831 до 1839 г., до поездки за границу, а затем с 1842 по 1847 г., от возвращения из-за границы до перехода на службу в Петербург. Последние годы научной деятельности И. И. Срезневского в Харькове Н. Ф. Сумцов охарактеризовал так: „Эти переходные годы весьма интересны в том смысле, что наряду с местными учёными интересами у Срезневского вырастают новые, более широкие, всеславянские. В сороковых годах Измаил Иванович ещё работал по малорусской этнографии, интересовался деятелями малорусской литературы, и одновременно в тиши учёного кабинета в его лице в Харькове вырабатывался тот глубокий лингвист, который через два года, по переезде в Петербург в 1849 г. дал „Мысли об истории русского языка“, исследование небольшое по объёму, но чрезвычайно богатое по внутреннему идейному и фактическому содержанию“⁴³. В заключение своего выступления профессор Харьковского университета отметил, что „Срезневский с первых своих шагов в Харькове обнаружил орлиный полёт, рано понёсся на научные высоты своими смелыми порывами, увлёк с собою наиболее талантливых своих друзей, товарищей и учеников“⁴⁴.

Наследие академика И. И. Срезневского всегда было востребовано учёными и в России, и в славянских странах, несмотря на бурные события в начале, середине и конце XX века. Наши современники высоко ценят его вклад в славянскую филологию, продолжают развивать идеи славянского содружества.

Так случилось, что следующий юбилей учёного только в 1987 г. (175 лет со дня рождения), отмеченный научными сообществами России, Украины и других славянских стран, дал толчок для возрождения памяти выдающегося слависта. Памятные конференции прошли в Москве, Киеве, Ленинграде, Рязани. Для рязанцев это было особенно дорого, так как прах И. И. Срезневского, по его завещанию, покоится под сенью вязов на старом родовом кладбище села Срезнево Шиловского района Рязанской области.

Учёные отдела лексикологии и лексикографии Института русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук обратились к рязанской общественности с просьбой достойно увековечить память И. И. Срезневского. Откликнулись школьники. Усилия старшеклассников сначала были направлены на исследовательскую работу, которая обусловила просветительский интерес, помогла во многом познакомить рязанцев с личностью земляка,

его особо значимыми трудами. И в год 180-летия учёного, в рамках праздника славянской письменности и культуры, проходившего в Москве в 1992 г., состоялось открытие первого лексикографического музея И. И. Срезневского в одной из школ города Рязани. В 2000 г. в музее появилась новая расширенная экспозиция, а школе было присвоено имя И. И. Срезневского. Здесь в рамках Всероссийского праздника славянской письменности и культуры, проходившего в Рязани, прошла Международная конференция „Славянский мир: общность и многообразие“ и состоялся круглый стол „И. И. Срезневский и восточно-славянские лексикографические традиции“. Открывая научную конференцию памяти И. И. Срезневского, академик О. Н. Трубачёв сказал: „Имя большого учёного стремятся связать с большой теорией, полагая тем прочнее укрепить его славу. Век славянского национально-культурного возрождения, как и всякого возрождения, был материально-романтичен. И именно на этом пути создаются исторические ценности. К такому признанию и приходит наука нашего времени, казалось бы, перенасыщенная теоретической мыслью. Поэтому уместно вспомнить слова французского филолога Антуана Мейе о том, что хотя обычно думают, что науку двигают вперёд новые теории, в действительности же её успех обеспечивает точное описание фактов. Этим одухотворённым научным фактом жива и филология Срезневского, оставленная в наследие нам и нашей науке XX века“⁵.

В ряде других городов также состоялись конференции, заседания учёных советов, кафедр, посвящённых памяти учёного. Знаменательно, что не только наследие академика И. И. Срезневского оказалось востребованным в наше время, судьба учёного привлекла внимание молодёжи. Его научный и гражданский подвиг достоин благородного почитания.

Рязань готовилась отметить 190-летие Срезневского особым образом. Ежегодно школьники организовывали экспедиции в село Срезнево. Постепенно приводили в порядок сельское кладбище, проводили „зелёные конференции“ с приглашением местных жителей, администрации района, СМИ, где озвучивали планы создания мемориального комплекса в Срезневе. За дело взялись и члены Приходского совета сельского храма, и сельские жители, и районная и областная администрация.

В день открытия Мемориального комплекса в честь академика И. И. Срезневского при стечении огромного количества гостей взорам их предстали отреставрированные памятники: место захоронения Срезневского с чугунным литьём ограды, часовня возле могилы, белокаменная Покрово-Казанская церковь. Особое впечатление произвело восстановленное здание бывшей школы имени И. И. Срезневского – памятника, построенного на 10-летие со дня смерти учёного Рязанской епархией и его почитателями из славянских стран через журнал „Вестник Европы“. Тогда, в 1913 году, на открытии сельской школы звучали слова: „Какой памятник может быть лучше, когда будет звучать русская речь рядом с могилой того, кто так много для неё потрудился“⁶. А теперь в одной половине здания расположился сельский музей И. И. Срезневского, в другой – Паломнический центр имени И. И. Срезневского. Подарком для жителей и паломников была вновь проложенная асфальтовая дорога до самого села. Накануне в Рязанском государственном университете имени С. А. Есенина прошла Международная конференция, а в театре состоялся праздничный концерт. Так землякам вернулось имя знаменитого лексикографа, память о его добрых делах.

В мае 2007 г., к 195-летию И. И. Срезневского, в Рязанском государственном университете имени С. А. Есенина вновь прошла Международная конференция „Славянские языки, письменность и культура: исторические и современные тенденции в науке и образовании“. Значительным событием было открытие в её рамках нового научного музея И. И. Срезневского, теперь уже в университете, в стенах Факультета русской филологии и национальной культуры. Объёмная экспозиция о жизни, трудах и семье в четырёх поколениях Срезневских создавалась на базе „Культурно-образовательного и научно-просветительского Центра по изучению наследия академика И. И. Срезневского“.

Новый музей призван играть роль не только общедоступного, но и научно-вспомогательного средства обучения и воспитания. Он помогает студентам определять свои научные приоритеты, развивать творческие способности и сохранять те духовно-нравственные ценности, которые предлагает нам история. Факт создания в университете музея, посвящённого знаменитому учёному, говорит сам за себя: наука имеет свою историю, примеры служения

науке выдающихся представителей научных школ. Они должны быть известны всем, в первую очередь, молодёжи.

Музей располагает документальными и вещественными материалами: словарями, книгами, журналами; мемориальными предметами, фотографиями, переданными из семьи Срезневских; большим количеством копийных документальных материалов о жизни и научном наследии учёного из архивов Москвы и Санкт-Петербурга, часть из которых публикуется на страницах шестого тома „Дриновского сборника“.

В экспозиции музея отражены периоды и разнообразие направлений деятельности учёного. Харьковский период особо интересен студентам, так как он является научной колыбелью молодого Измаила Срезневского. Документальные материалы дают представление о связи русского учёного с Украиной, его научном и общественном вкладе в развитие этнографии, культуры, истории украинского языка и литературы.

И. И. Срезневского можно смело назвать выдающимся путешественником. В 1839 г. Совет Харьковского университета по предложению попечителя графа Юрия Александровича Головкина поддержал кандидатуру И. И. Срезневского для трёхлетнего путешествия по славянским землям с целью усовершенствования в языках, литературе, истории. По новому университетскому уставу 1835 г. Министерство просвещения поставило задачу открытия новых кафедр „Истории языка и литературы славянских наречий“ в четырех российских университетах (Московском, Петербургском, Харьковском, Казанском). Что и было сделано с успехом, в том числе и в Харьковском университете. Карта путешествий по славянским землям, представленная в музее, позволяет восхититься целеустремлённостью, силой воли и научными способностями молодого Срезневского, который вернулся из путешествия состоявшимся учёным.

Петербургский период жизни, отражённый в музее, показывает деятельность ученого в Петербургской академии наук, работу его над памятниками древнерусской и славянской письменности. Результатом его научных изысканий в области истории языкознания стал главный труд его жизни – „Материалы для словаря древнерусского языка“. Пока это единственный законченный исторический словарь русского языка от „А“ до „Я“. Каждый исследователь исторического языкознания за последние сто лет смог оценить уникальность этого лексикографического труда.

Для молодёжной аудитории интересен материал о педагогической деятельности И. И. Срезневского в Петербургском университете, вкладе его в развитие методики изучения и преподавания русского языка. Посетителей музея интересует широта петербургского окружения учёного, обширные международные связи.

Документы Петербургского университета и воспоминания современников подтверждают, что И. И. Срезневский поддерживал тесные связи со многими харьковскими земляками долгие годы. Он не только создал, но и был председателем „Общества вспомоществования харьковским студентам“ в Петербургском университете. А на „субботах Срезневского“ всегда присутствовали земляки-харьковчане.

Экспозиция музея отражает современное отношение славянской науки к наследию учёного-слависта, выдающегося лексикографа. Здесь хранятся подарки учёных-славистов: книги, статьи на славянских языках. Музей академика И. И. Срезневского выполняет задачу приобщения молодёжи к славянским культурам и языкам, к сохранению лучших народных традиций, за которые ратовал И. И. Срезневский.

Музейная педагогика, используемая при работе со студентами и школьниками, помогает создавать оптимальные условия для формирования гражданской позиции молодёжи, определения их приоритетов культурных и научных ценностей в условиях современной жизни. Музейная педагогика содействует удовлетворению потребностей студентов в их интеллектуальном, нравственном и духовном развитии через организацию различных мероприятий, помогает совершенствованию их профессиональной подготовки. На базе музея на Факультете русской филологии и национальной культуры преподаётся курс „Отечественная лексикография“⁷, работает „Научное студенческое общество срезневедов“.

Научно-поисковая работа в музее учит студентов постигать жизненное и научное наследие И. И. Срезневского и его современников, ориентироваться в собственном жизнен-

ном выборе. Быть трудолюбивыми и терпеливыми, скрупулёзными и точными в изучении гуманитарных наук. Работа в архивах и библиотеках выливается в разработку новых тем, напрямую приобщает к собственному научному творчеству. Свои находки студенты имеют возможность экспонировать в музее, разработанные темы и научные статьи представлять в СМИ, публиковать в научных сборниках конференций. Например, студентка Ольга Петрыкина занимается исследованиями научного наследия И. И. Срезневского по славянской филологии. Её привлёк тот факт, что, несмотря на невозможность ученого посетить во время путешествия Болгарии из-за господствовавшего там османского режима, он всё-таки обращается к анализу состояния болгарского языка и литературы: „Особый интерес у меня вызвал материал по изучению памятников болгарской письменности. Не имея доступа к памятникам письменности в Болгарии, И. И. Срезневский немало времени потратил на их поиски и изучение. На протяжении всей жизни им создается ряд работ, посвященных данной проблеме: „Очерк книгопечатания в Болгарии“ (1845), „Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках“ (1874), „Разбор болгарской грамоты XIII века”⁸. Она подробно анализирует работы учёного и заключает: „После окончания характеристики памятников болгарской письменности Срезневский подводит своеобразный итог: „За этими начатками новой болгарской литературы будет и рассвет, достойный старой славы болгар“, и составляет своеобразную программу дальнейшего развития болгарской культуры⁹.

Не менее важным фактором развития профессиональной подготовки студентов является просветительская деятельность в музее. Участие в конференциях и музейных мероприятиях развивает инициативу и творческие способности, придаёт уверенность, вырабатывает коммуникативные навыки. Музей осуществляет межвузовское студенческое сотрудничество с российскими университетами и славянскими сообществами. К 200-летию со дня рождения И. И. Срезневского Студенческим научным обществом срезневедов был разработан и реализован международный проект, в котором приняли участие 10 университетов России и Украины. В Рязанском государственном университете имени С. А. Есенина прошла Международная студенческая конференция, а в Санкт-Петербургском государственном университете откроется памятная доска академику И. И. Срезневскому.

В музее имеется большой материал о становлении первых российских университетов. И не случайно по предложению актива музея возрождаются старые университетские традиции. Читать Актвые лекции студентам разных факультетов приезжают известные учёные: филологи, историки, науковеды (доктора филологических наук Г. А. Богатова, М. Ю. Досталь, В. И. Аннушкин, В. И. Макаров, О. В. Никитин и другие).

Научное наследие учёного велико, разнообразно и современно, оно имеет огромный не только образовательный, но и воспитательный потенциал. Ежегодно в музее проходят Дни памяти И. И. Срезневского.

Судьба и жизненный опыт учёного-подвижника, педагога, автора уникальных методических концепций, воспитателя, благородного семьянина, любящего мужа и отца помогает обратиться к бесценному опыту семейного воспитания, основанного на нравственных и духовных семейных традициях. Опыта, так необходимого сейчас молодёжи. Ведь в семье Измаила Ивановича выросло 4 сына и 4 дочери. Все они вписали свою страницу в историю науки, образования, культуры. Шестеро из них представлены в различных энциклопедиях. К 200-летию юбилею академика И. И. Срезневского музеем полностью восстановлено родословное древо, насчитывающее более 70 имен. Подробно об этом написано в книге „Академик И. И. Срезневский в культурном пространстве России”¹⁰.

Этим содержанием наполнены встречи в музейных гостиных „Субботы Срезневского“, „Воспитание в семье Срезневских“, „Вся жизнь – прекрасный светлый гимн“, „Сила задушевной правды“. О литературном творчестве И. И. Срезневского“, „Словарь древнерусского языка – семейное дело Срезневских“, „Любящий Вас Срезневский“. Из эпистолярного наследия“. Музейные гостиные разрабатываются студентами на основе собранных ими архивных материалов. С этими мероприятиями музей выходит на другие площадки города.

Таким образом, на базе университетского музея академика И. И. Срезневского свои профессиональные навыки имеют возможность развивать будущие филологи, историки, педагоги, психологи, журналисты, культурологи, теологи. Изучение наследия академика

И. И. Срезневского, музейного и архивного дела, библиографии и библиотековедения – благодатная почва для взращивания молодого поколения будущей науки, образования и культуры. Обращение к жизненному примеру академика И. И. Срезневского, его творческому наследию – достойный вклад в сохранение памяти одного из подвижников русско-славянской филологии накануне его двухсотлетнего юбилея.

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 436, оп. 1, ед. хр. 1050, л. 44.

² *Шахматов, А. А.*, Вступительное слово на торжественном собрании отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, посвящённом памяти И. И. Срезневского. – В: Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Петроград, 1916, с. V.

³ *Сумцов, Н. Ф.* Харьковский период научной деятельности. – В: Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Петроград, 1916, с. 69–70.

⁴ Там же, с. 93.

⁵ *Богатова, Г. А.* Измаил Иванович Срезневский. – В: Отечественные лексикографы XVIII–XX вв. М., 2000, с. 136.

⁶ РГАЛИ, ф. 436, оп. 1, ед. хр. 1920, л. 3.

⁷ *Колгушкина, Н. В.* Отечественная лексикография: программа курса и методические материалы. Рязанский гос. ун-т им. С. А. Есенина. Рязань, 2007. 20 с.

⁸ *Петрыкина, О.* Славянское путешествие И. И. Срезневского и болгарские памятники письменности. – В: История и современность в изучении русского и славянских языков. К 200-летию со дня рождения академика И. И. Срезневского. Материалы международной студенческой научно-практической конференции, 21–22 апреля 2012 года. Рязань, 2012, с. 82.

⁹ Там же, с. 85.

¹⁰ *Колгушкина, Н. В.* Академик И. И. Срезневский в культурном пространстве России. Рязань, 2011. 420 с.

„ТАВРИЙСКАЯ БОЛГАРИЯ“ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА БЫСОВА

И. Л. Александрова

23 января 2013 г. исполнилось 60 лет Владимиру Леонидовичу Бысову – этническому болгарину, одному из инициаторов создания в городе Харькове Общества болгарской культуры имени Марина Дринова (1993). Владимир Бысов родился в 1953 году в городе Веймар, Германия, в семье советских специалистов – горного инженера и врача. В 1976 году окончил Московский физико-технический институт, факультет космических исследований. С 1978 года занимается фотографией, член Союза фотохудожников Украины. Лауреат муниципальной творческой премии г. Харькова 2003 и 2005 гг. Участник международных фотовыставок и фестивалей: Финляндия – 1994 г., США (г. Цинциннати) – 1999 г., Франция (г. Лилль) – 2001 г. Издал 12 авторских фотоальбомов, в частности „Город, переживший войну“, куда вошли фотодокументы из архивов Германии, Австрии, Польши – это фотолетопись о трагедии Харькова в годы Великой Отечественной войны.

В 2009 г. побывал в Болгарии, где запечатлел исторические места – Рильский, Роженский и Гложенский монастыри. Эти и другие работы болгарского цикла были представлены на фотовыставке в харьковской галерее АВЕК. А в сентябре 2012 г. в составе делегации Харьковского городского общества болгарской культуры имени Марина Дринова Владимир посетил родину своих предков – Украинскую Болгарию: город Приморск, села Преслав, Лозоватка, Коларовка Запорожской области.

В те дни их жители отмечали памятное событие – 150-летие переселения из Бессарабии в Таврийские степи. На торжествах по случаю этой даты присутствовали вице-президент Республики Болгария Маргарита Попова и представительная делегация болгарского Народного собрания. В селах Колларовка, Преслав, Лозоватка были установлены памятные стелы в знак благодарности от потомков переселенцев своим предкам-болгарам. Поэт Нико Стоянов, наш современник, в своем произведении точно отобразил это событие:

„Напуснал свидните Балкани
Не за да търси лек живот,
А БЪЛГАРИН да си остане
И да запази своя род!“

Свои впечатления от встречи Владимир отразил на фотоснимках, а „Гостинная на Дворянской“ любезно предоставила возможность выставить его работы под названием „АЗОВ“ и „МОЯ УКРАИНСКАЯ БОЛГАРИЯ“. Открытие выставки произошло 22 января 2013 г., в День соборности Украины.

Творчество Владимира Леонидовича пронизывает любовь к родным местам, где прошло его детство: Азовское море и села, связанные с памятью о маме – Димитровой Евгении Захарьевне, замечательном враче, безвременно ушедшей из жизни в 1997 году. Запечатлены дома, сохранившие болгарский колорит, уютные чистые дворики, неповторимая природа края. А самое главное – в каждом из снимков чувствуется личное отношение автора – любовь и уважение к людям, претворившим 150 лет назад голую безжизненную степь в уголок, напоминающий каждому об исторической родине – БОЛГАРИИ.

Предоставляем читателям „Дриновского сборника“ лично убедиться в этом.

ЮБИЛЕИ

ЮБИЛЕЯТ НА ДУХОВНИЯ ВЛАДЕТЕЛ НА БЪЛГАРСКАТА КУЛТУРА: 150-ГОДИШНИНАТА ОТ РОЖДЕНИЕТО НА ПРОФЕСОР ИВАН ШИШМАНОВ

Р. Конева

Юбилеите са културно-политическо явление в новата и най-новата история и изразяват няколко съдържаници се в модерността същностни идентификационни модела. Първият от тях е свързан с паметта, ускоряваща процеса на собственото национално опознаване и утвърждаване¹. Вторият е основополагащ елемент на културна и етнокултурна признателност към активното участие в този процес на заслужили в миналото (а и в настоящето) личности, допринесли за развитието на културата и за издигането на вътрешно-национални и международния авторитет на народите, но също и на институциите, които поемат за своя повеля да организират един или друг юбилей – личностен или институционален. Трети аспект от идентификационната схема в културно-политическото пространство е свързан обаче и с на пръв поглед слабо забележимия синдром на себеизтъкване и дори себевъзвеличаване, като се използват заслугите на юбиляра или юбилейния „носител“.

В историята на българската култура юбилеят е и институционализирана потребност, натоварена с различни аспекти от ментално-емоционалното и културно-политическото присъствие на „юбиляра“, съобразно разнородните времеви капризи на модерността (с цялата условност на понятието). Едно подготвено вече изследване на баланса между институционализацията на юбилея и народопсихологическите му специфики и рафлексии, свързващи миналото с настоящето и отправящи послания в бъдещето², ще покаже и в конкретния случай – с юбилеите и на професор Иван Шишманов – тази сложна взаимовръзка на всички онези компоненти, съпътстващи юбилейното тържество, където границата между почит и признателност е понякога доминирана от овластения изпълнител. Нещо повече: овластеният изпълнител, понякога идейно ненадраснал юбиляра, преповтаря и дори използва негови постижения, заслуги или мисловни висини, въз основа на които търси временно културно-политическо пространствено позициониране.

* * *

През 1920 г. в българския културен календар се отбелязва 30-годишнината от научната и преподавателска дейност на професор Иван Шишманов. Тогава той е на 58 години и чрез богатата си и плодотворна дейност вече е оставил приживе трайни следи и като организатор институционалист и като международно признат учен.

Времето след Първата световна война е за изтъкнатия учен, а и не само за него, особено болезнено, защото е белязано не само с духовна битка в посока на изграждане на културен оптимизъм, но е наситено с огромната воля на интелектуалците да помогнат да се превъзмогнат моралните травми от пропилените национални надежди. Юбилеят на Иван Шишманов се появява навреме – именно тогава, когато обиденото национално достойнство трябва да бъде защитено и то от тези, които година след година са го изграждали, утвърждавали и защитавали. Три десетилетия, посветени на усилено съзидаване, формират у юбиляра особена гражданска чувствителност и той формулира много скоро след военния духовен кипнеж – не подминал и не пощадил нито една европейска страна – общовалиден извод със стойността на сентенция: „*На поетите* (военния и патриотичен порив – б. м., Р. К.) *може и да се прости, но на учените – не*“.

„След скръбта, която е обладала душите ни – един луч от радост; след болнавият вой от самоотрицания и самоохулявания – едно освежаващо чувство на гордост, което подига сърцата ни – това е днешното тържество на велики качества, и – нека смело да кажа: на велик гражданин“³ – споделя своето откровение дългогодишният му и предан приятел Иван Вазов. Този цитат е само част от множеството написани и произнесени слова за учения общественик. Той разкрива обаче в разгърнатата форма функционалността на юбилея и особено културно-политическия му анонс в години на изпитания. „*След болнавият вой*

© Конева Р., 2013

от самоотрицания и самоохуления“ обществото има нужда от културно съживяване или както един от съвременниците на следвоенните години споделя – от *културен подем*⁴. Не само това, нуждата се превръща в закономерен *културен оптимизъм*⁵, в изграждането, утвърждаването и дори „победата“ на който немалка роля играят именно и разновидовите юбилеи.

В посока на изтъкнатата необходимост е и поздравителният адрес на ученика му Михаил Арнаудов, който предполага, че някои биха били вероятно тълкували тържества от подобен характер като неуместни и в дисхармония с общото настроение, „когато зла съдба и неизвестност за бъдещето терзаят всяка българска душа“⁶. „Ала тъкмо наопаки – подчертава следовникът на юбиляра – ние вярваме какво именно сега се налага на всички образовани да не отпадат духом и черпейки кураж от подвига на старите изпитани дейци, да се заловят мъжки за културна работа, за научен труд и за национална просвета, за да се подготви една по-добра и светла епоха“⁷.

Радостна съдба е за всеки творец да получава още приживе признание. За Иван Шишманов то е повече от показателно. Почти няма културна институция, която да не в организацията на тържествената вечер и да не подготви подобаващи слова, пропити с искрена благодарност и висока оценка. Адреси изпращат Министерството на просвещението, Софийският университет, Българската академия на науките, Институтът за слепи, Етнографският музей, Съюзът на българските учени, писатели и художници, Съюзът на гимназиалните и прогимназиалните учители, Читалищният съюз, Родителско-възпитателският съюз, Съюзът на българските писатели, Художествено-индустриалното училище, четирите художнически дружества, Народният театър, Домът на изкуствата⁸ и много видни интелектуалци съвременници и съратници.

От всички тях лъха топлина и пиетет, а обобщени по съдържание – характеризират личността и делото на големия ни духовен властелин. Приносът на проф. Шишманов се оценява в следното: издига нашата Алма матер наравно с другите европейски университети и заема едно от първите места между строителите и създателите на българската национална наука (проф. В. Златарски), запленил от „университетската катедра с увлекателно слово, с книги и статии“, упорито търсел висотата на идеите, за да възпита „цели поколения в любов към истината и доброто“ (артистите от Народния театър), дал е „вяра и криле на толкова млади таланти“ (СБП) и пр. А настоятелството на Дома на изкуствата⁹ заключава: „Българската наука записа вече в своите анали с ярки букви Вашето име. Вашите научни трудове при това прехвърлиха границите на родината, те получиха признание в страните на големата всечовешка култура и когато е въпрос да се сочат носителите на българската мисъл и българския национален гений, ние можем с гордост да посочим между малкото такива и Вас. Стотици и хиляди са вече ония младежи, които Вие от катедрата на Университета отправихте в бурите на живота с един жив идеал в гърдите, с една топла вяра в доброто и хубавото“¹⁰.

И във всички изказвания, слова, адреси, не може да се намери нито една неистина, приповдигнатост или пък стъкмена похвала, каквито често се използват при подобни тържества. Сам Иван Шишманов е създател на повечето институции, които на 30-годишния му юбилей са сред празнуващите. Има, разбира се, и позабравени заслуги, премълчавани предимства и неудобни за някои съвременници превъзходства. Но тази изключителна Темида на стойността – Историята – уравнива и подрежда в „своята“ лавица и разграничава истинските от фалшивите съзидатели. Професор Шишманов не само приживе омагьосва свои поклонници, възпитава свои ученици и привлича редица последователи. С примера си и с книжовното си и обществено наследство, с гражданското си достойнство, които той ни завещава, намира множество изследователи, възпламенили се от подвига му и споделили „своя“ прочит на Иван Шишманов с останалите колеги и братя по перо.

Това е ставало периодично още от първия ден, в който българският печат оповестява печалната новина, че на поредния си граждански пост, в Осло, на 22 срещу 23 юни 1928 г., ученият заспива вечен сън, за да събуди може би у поколенията след себе си редица въпроси за Духовния Смисъл, който той самият ненаатрапчиво и последователно изследва и прокарва. Изпратен с почести, с внушително шествие от поклонници, с цветя, венци и

стотици телеграми от цял свят¹¹, положен с дълбока горест в душите на осиротели интелектуалци, Иван Шишманов започва и отваря един нов път не само към вечността, а и към изследвателското пространство. Непреходен е и въпросът, кой всъщност е този голям човек, името на когото всички произнасят с възхита, но малцина дръзват да обхванат или да се опитат да обобщят представата за него и да отговорят на въпроса, защо той е сред най-изследваните първостроители на новата българска култура¹², а с активната си дейност и с огромния организационен размах – емблема на следосвобожденския духовен и институционален подем?

* * *

Иван Шишманов е личният и институционалният пример на съвременните българи, а и сам въплъщава основния завет на българската култура – стремежа към единност, заедност, толерантност. Защото още от зората на цивилизацията по нашите земи взаимността е вплетена като послание към народите съвместно да изграждат културата на тогавашна и днешна Европа.

В съзвучие с тази основополагаща повеля са се възпитавали и формирали редица поколения и в последните векове, израствали са личности от широк мащаб. Иван Шишманов е един от тях, култивирал и в житейския, и в творческия си път сътрудничеството между народите като аксиома на тяхното развитие.

Израснал в пограничен район на брега на Дунав, където голямата река е и връзката с голямата цивилизация, 14-годишният младеж от Свищов се озовава през 1876 г. във Виена – по препоръка на австро-унгарския учен Феликс Каниц; издържан е от родолюбиви българи, потопен е в нова и напълно непозната среда. Среща се отрано с другите народи, изучава ги, усвоява общото ни минало. Тук той започва да изгражда и възгледи, които за кратко време ще развие до дълбинни културно-политически концепции. Най-важният от тях е именно съдбовната сила на единението, съпричастността и сплотеността. Те го завладяват не само научно. Младият гимназист в едно от най-престижните виенски училища излива в стихотворения имагологични въпроси: „Да, българин съм!“, „До вси славяни“, „Прослава на Светите братя Кирил и Методий“; запленил е и от идеята за славянска взаимност.

Когато през 1881 г. пред очите на стъписаните виенчани изгаря при злощастно причинен пожар един от символите на културната столица – Бургтеатърът – Иван Шишманов формулира две от основните си бъдещи тези: превъзмогвайки омразата, чрез солидарност се завоюват културни пространства. „Пред едно такво нещастие престава всяка омразна полемика“ – записва той в дневника си и с вълнение следи как от Берлин, Париж, Прага и другаде пристигат съчувствени телеграми. Шишманов чете за тях в местния печат и разбира, че европейският културен свят има един мощен лост – съпричастността към човешката и културната трагедия, която може да бъде превъзможната чрез усвоен и култивиран възглед за единство и заедност.

В посока на тези вече оформени идеи се развива и целият житейски и творчески път на учения. В Йена, Женева и Лайпциг (1883–1888) чрез целеустремено университетско образование той утвърждава смисъла на Съизмерването, подготвя се всестранно в сравнителното културознание, което през целия си път ще прилага в областта на сравнителното обществознание и ще го защитава в институционалния и политическия си възглед за народите, в това число, разбира се, и българите.

След Първата световна война Иван Шишманов осъзнава фиаското на вложената в национални възделения енергия, отваря нова биографична и политическа страница в своя посветен на взаимността и единението живот.

От лятото на 1921 до началото на 1924 г. той живее във Фрайбург и се радва на сърдечен прием от страна на колегите си в един от най-старите и авторитетни университети. Бил е част от културния живот на града, близък приятел на изтъкнати германски учени, някои от тях и бивши негови преподаватели от Йена и Лайпциг: Ото Имиш, Едмунд Хусерл, Оскар де ла Камп, Феликс Рахфал, Фридрих Клуге, Ханс Янцен, Лудвиг Шутерлин, Хайнрих Финке и други¹³.

Средоточие на научната дейност на Иван Шишманов във Фрайбург е лекционният курс „Славянският свят“¹⁴. Воден от убеждението, че славяните са съставна и неделима

част на европейската история, той последователно отстоява цивилизационното единство на Европа. Лекционният курс и цялостното научно присъствие на Шишманов във Фрайбургския университет оставят ярък научен и личен спомен за него: той е първият български учен, чел лекции в Германия; основоположник на научната славистика във Фрайбург; духовен посланик на България в Германия; несломим радетел на европейското единство. Нещо повече: още тогава се бори срещу предразсъдъците спрямо славяните, срещу зараждащия се национализъм и тенденции за превъзходство на едни народи спрямо други.

Във Фрайбург Иван Шишманов прочита във *Фосише цайтунг* през 1922 г. статията на Рихард Николаус-Кеденхоф-Калерги „Паневропа – едно предложение“, запленива се от идеята и бързо я представя на студентите. Когато се завръща в България, той се включва още по-активно в борбата за мир и през октомври 1926 г. е сред първите мъже европейци, институционално поставили основите на Обединена Европа. Наравно с Паул Дестре, Вацлав Шустер, Паул Лъобе, Едуард Херио, Георг Лукач и не на последно място Куденхоф-Калерги Шишманов е в президиума на Конгреса, изнася доклад на пленарното заседание, ръководи секцията за културата и малцинствата, изготвя основните документи на този нов Виенски конгрес, предлага да се учреди в Женева общоевропейски университет, в който да преподават изявени учени от всички краища на Европа.

В пленарната си реч той обобщава: „Идеята за паневропейски съюз изисква критическия разум и размисъл на старите и опитните, но също горещата и непоклатима вяра на младите във възможността за нейното осъществяване.

Обединена Европа да бъде не само един траен съюз на интересите, но да бъде съюз на духа и още повече – на сърцата!

Затова за нас ще бъде най-голяма радост да се присъединим на страната на тези, които твърдо вярват, че духът на Европа е непресъхващ, тъй като това е духът на Сократ, на Платон, на Джордано Бруно, на Спиноза и Декарт, на Бернаден Сен-Пиер и Русо, на Лок и Хюм, на Лайбниц, на Кант, на Гьоте...

Високопочитаемо събрание! – продължава професор Шишманов. – Струва ми се, че ние сме дошли от всички краища на континента във великолепна Виена, за да отлеем и да подарим на човечеството нова, обещаваща мир камбана. И тази камбана трябва да се казва, както в Шилеровото прекрасно стихотворение, **съгласие:**

„Тъй камбаната дигнете
с яките възжета вий,
в чудний мир на звуковете,
в небесата да се вий!
Здраво дръж, тегли!
Дига се, трепти!
Радост в тоя свят да буди,
мир звънът – пръв да бъде!“

След като произнася тази своя реч, най-напред на български, после преминава на френски и продължава на езика на домакините – немски, Иван Шишманов записва в дневника си: „**За първи път на един международен конгрес се чу българска реч!**“¹⁵. Днес българският език е официално равнопоставен в Европейския съюз.

На 13 март 1927 г. в София се провежда учредително събрание на Българската секция на Паневропейския съюз, чийто председател става Иван Шишманов. Сред участниците се открояват имената на най-изтъкнатите български интелектуалци, политици и общественици. Приетият устав издига като основна цел пред сдружението „да разпространява между българския народ идеите на Паневропейския съюз за сближаване и сътрудничество между всички европейски народи на политическа, икономическа и културна почва“. Самият Шишманов ратува за тези идеи и като член на други авторитетни международни и национални организации.

След Първия паневропейски конгрес Иван Шишманов учредява и оглавява Българския клон на ПЕН-клубовете – международното неправителствено сдружение, което обединява „хората на перото“ в борбата им за мир и диалог между народите. Шишманов отново привлича около себе си най-известните български творци. През 1928 г., когато вече

се подготвя за Втория паневропейски конгрес, той получава покана за участие на конгреса на ПЕН-клубовете в Осло. Работата на конгреса е наситена със срещи и разговори с представители на европейския интелектуален елит, сред които той се чувства като в едно духовно семейство. На 23 юни 1928 г. в северния скандинавски град европейското сърце на българския учен престава да тупти.

* * *

Вестта за смъртта на големия български европеец отеква сред всички добронамерени хора в неговата духовна родина – Обединена Европа. Приемането на България в Европейския съюз на 1 януари 2007 г. съживи спомена за вярата и надеждата на големия български учен в духовните измерения на европейското обединение, на европейската интеграция.

Всички тези новоткрити факти (в продължение на цели шест години) за живота и дейността на професор Иван Шишманов след Първата световна война нямаше да бъдат достояние на широк кръг от общественици у нас и в чужбина, ако не беше посята от самия Шишманов и негови съратници волята за взаимност. Силата на добронамереността сплоти много хора: Славянският семинар във Фрайбург и най-вече чрез професор Елизабет Шоре, подкрепен и от българското посолство в Берлин, заедно с няколко германски културни институции поставихме паметна плоча на сградата на университета.

Водени от преклонение и почит към интелектуалното наследство на професор Иван Шишманов, Славянският семинар и ръководството на Фрайбургския университет „Алберт Лудвиг“ направиха първата стъпка за връщането му в Европа. На 8 декември 2010 г. – в деня на българския студентски празник, въведен лично от Шишманов в българския национален календар, на сградата на Славянския семинар във Фрайбург беше поставена паметна плоча. Съратници в тази обща инициатива, която почете една от спирките по европейските маршрути на „големия български славист, министър и радетел за европейската идея“ бяха: Славянският семинар – Фрайбург, Българското посолство – Берлин, Немско-българският форум – Берлин, Дружеството за Югоизточна Европа – Мюнхен, Немско-българското дружество за поощрение на приятелството между Германия и България – Берлин, Българо-румънското студентско дружество „Грифон“ – Фрайбург.

Ректорът на Софийския университет професор Иван Илчев лично присъства на този запомнящ се ден и участва в първата чуждестранна конференция, посветена на Иван Шишманов. Бойко Василев и Хрисимир Денев прекосиха заснежена Европа, за да отразят и подарят на българите този ден, прозвучал на някои от зрителите като „коледен подарък“. Активно участваше и младата смяна „европейци“ – студентите от българо-румънското дружество „Грифон“.

Държавният културен институт към МВНР и лично госпожа Людмила Димитрова насърчава от 2008 г. и подпомогна големия замисъл (ще ми позволите да избегна думата проект), монографията „Иван Шишманов и Обединена Европа“ и спонсорира изложбата „България в Европа“¹⁶, посветена на 150-годишнината от рождението на Иван Шишманов. Двадесет и пет табла, разкриващи основни моменти от живота на големия български европеец, бяха представени за три месеца в Университета в Йена, във фоайето на Софийския университет, в Народното събрание, в Българската академия на науките, в Страсбург и в редица други европейски центрове. В Страсбург Румяна Конева лично разведе изложбата президента на ПАСЕ Жан-Клод Миньон и го запозна с европейската идея на България, българите и, на първо място, на Иван Шишманов.

Този дългогодишен замисъл обаче нямаше да бъде възможен без съпричастността и на други добронамерени – колегите от Научния архив на БАН, на преждевременно напусналия ни директор Стоян Пинтев, на настоящия директор доцент Ружа Симеонова, на Валентин Георгиев. Специално за изложбата към отряда на добронамерените се присъедини и художникът Орлин Атанасов, а Вера Георгиева и Йорг Шенк, които с прекрасните преводи и на други европейски езици – на английски и немски – помогнаха нашият Шишманов да стане по-достъпен за всички, които го откриха или пък преоткриха.

Създаден бе и филм „Преди началото“ – с автори Бойко Василев и Румяна Конева, който обединява и други „добронамерени“: на първо място, вече споменатите Бойко Василев и Хрисимир Денев и приятелите на България от Австрия и Германия, които въпреки

Великденските си празници, отделиха време за нашето общо дело. Това са: проф. Елизабет Шоре, проф. Петър Бахмайер, проф. Хайнц Миклас, проф. Теде Кал, д-р Дитмар Ендлер. И така кръгът се разраства. Професор Шишманов ни остави наследство богато, пример за дълбок размисъл и съм уверена, че няма да е пресилено да кажа, че ние сме щастливи, че можахме да се „докоснем“ до него. Всеки посвоему. И по този начин му се поклонихме.

По инициатива на Българската академия на науките и на СУ „Св. Климент Охридски“ на 15 май 2012 г. в Аулата на Университета се проведе тържествено събрание, с което се почете 150-ата годишнина от раждението на един от създателите на Алма Матер – Иван Шишманов. Слова произнесоха Ректорът проф. Иван Илчев, тогавашният председател на БАН акад. Никола Съботинов, специалната гостенка от Фрайбург – проф. Елизабет Шоре, проф. Румяна Дамянова, доц. Румяна Конева и проф. Лозанка Пейчева. Представени бяха и новоизлязлата книга със събрани съчинения на Иван Д. Шишманов под редакцията на проф. Кирил Топалов, изложбата „България в Европа“ и филма „Преди началото“.

На 6 юни 2012 г. в тричасов семинар на доц. Елка Дроснева в 23-та аудитория студентите историци изслушаха лекциите на Р. Конева и Е. Дроснева, посветени на живота и делото на Иван Шишманов, а студентите от трети курс на специалност „История“ в Историческия факултет на Софийския университет „Св. Климент Охридски“ – Стефан Иванов и Имелда Владева, представиха и курсовите си работи за Иван Шишманов като позитивист и изследовател на европейските литератури в сравнителен план, което беше особено мил символ в посока на приемствеността между поколенията. А именно за това ратува и самият български учен, когото честваме.

В деня на самата годишнина в сградата на университета беше проведена и научна сесия под патронажа на г-жа Йорданка Фандъкова, кмет на София, организирана от Националното етнопедагогическо сдружение „Иван Шишманов“, което също има своя годишнина – четири десетилетия от основаването си.

На 22 юни в сградата на МВНР председателят на Българската секция на ПЕН-клубовете, писателят Георги Константинов представи сборника „Проф. Иван Д. Шишманов – възрожденецът и европеецът“, посветен на знаменателната годишнина, а Румяна Конева представи книгата си „Иван Шишманов и Обединена Европа“, спонсорирана от Държавния културен институт към МВНР.

На тържествена вечер в Народният театър (в създаването на който Шишманов е особено активен!) се събраха стотици български интелектуалци, за да се почувстват, като всички нас, една малка част от онези, на които големият учен посвети силата, любовта и живота си. Беше представена постановката „Хъшове“, която възпламени публиката. Тази незабравима вечер показва едно: Иван-Шишмановите послания са усвоени и залегнали в новата и най-новата ни културна история.

Малко е да се посвети една цяла година¹⁷ на този наш духовен водач. Но този юбилей съживи и още едно: Иван Шишманов остави завет с личния си пример. Сам член или симпатизант на Народно-либералната партия, той **никога не е проявявал партийни симпатии и пристрастия при културния или обществения си избор**. Неговият пръв приятел и неизменен другар – Иван Вазов – е бил член на Народната партия. Сам Шишманов, когато е трябвало да представя България, е участвал на конгреси и на социалисти, и на консервативни кръгове, не е изхождал и от партийната принадлежност на членовете, които е канил да работят в създадените от него културни организации. Защото е имал усвоен принцип: в областта на духовността и културата и най-вече *в стремежа към нейния възход* партийните пристрастия са в разрез с цивилизационния тон.

Съществува легенда, според която професор Иван Шишманов е потомък на последния български владетел – цар Иван Шишман – на Второто българско царство¹⁸. Дори и да не се докаже това предположение, сигурно е едно: **Иван Шишманов е един от духовните владетели на Третото българско царство, достойно вписали се и в европейския културен указател.**

¹ Heidegger, M. Sein und Zeit, 1927, Niemeyer, Tübingen 19. A. 2006; Kramer, M. Das Jubiläum als Schnittstelle zwischen Geschichte und Zukunft. W., 1996.

² *Конева, Р.* Юбилеите на Софийския университет „Св. Климент Охридски“. – В: Университетът и младите на Балканите. Благоевград, 2000, с. 125–135; *Същата.* Юбилеят – проверка на политическата култура на българите 1878–1918. – Collegium Germanica, Sofia, 2003, Nr. 4, s. 69–86; *Същата.* Юбилеят между науката и историята. – В: Военно-исторически сборник. С., 2003, № 1, с. 3–12; *Същата.* Юбилеят – фактор на социално, политическо и културно себеопределяне. – В: Сборник в памет на Радослав Попов. София, 2005, с. 286–299; *Същата.* Юбилеите на професор Иван Шишманов (1920–2012) – един културен трансфер (под печат).

³ Поздравителни адреси до проф. Иван Шишманов. По случай 30-годишнината от научната му дейност (6 май 1920 г.). – Годишник на Народния театър „Иван Вазов“. София, 2011, с. 135.

⁴ Вж. *Кацаров, К.* 60 години живяна история. Монтрьо, 1970.

⁵ За културния оптимизъм вж. *Конева, Р.* Културна политика на българската държава през периода 1912–1918 г. Дис. ... канд. ист. наук, С., 1985; Културната политика на България след националната катастрофа (септември 1913 – септември 1915). – Исторически преглед, 1987, № 5, с. 19–33; Голямата среща на българския народ. Културата и предизвикателствата на войните 1912–1918. София, 1995; Оптимизмът в българската култура, 1878–1918. – Балканистичен форум, 1995, № 2, с. 65–76.

⁶ Поздравителни адреси до проф. Иван Шишманов..., с. 136.

⁷ Пак там.

⁸ Изброяването е по реда на четените адреси – б. а.

⁹ Елин Пелин, Ст. Киров, Ал. Балабанов, Хр. Борина, П. Морозов.

¹⁰ Пак там, с. 139.

¹¹ „Венци на гроба на татѐ“ – такава бележка остава синът му Диминър Шишманов, който изброява 17-те венеца, поднесени в знак на поклон. За телеграмите и съболезнователните писма вж. *Ванова, Л. и И. Георгиева.* Документи за Иван Д. Шишманов (II ч.). – Известия на държавните архиви, 99, 2010, с. 94–157; вж. и *Конева, Р.* Иван Шишманов и Обединена Европа. София, с. 189–193.

¹² Тук няма да цитирам множеството изследвания, посветени на професор Иван Шишманов. Ще спомена само авторите Георги Димов, Кристина Гечева и Здравко Дафинов, оставили ни монографични издания, както и редица изследователи, проучвали от различен ъгъл теми за големия учен и свързани с името му. Обобщаващ и мащабен е и проектът на Института за литература, чийто идеен вдъхновител е и съставителят на поредицата „Шишманови четения“ проф. Румяна Дамянова. Издани са досега три сборника, в които са поместени статии на редица наши и чужди хуманитаристи. Всички те са значима опора за по-нататъшни проучвания днес и в бъдеще.

¹³ Вж. по-подробно *Конева, Р.* Иван Шишманов и Обединена Европа. София, 2011.

¹⁴ Лекциите на Иван Шишманов са повече от осем десетилетия в Архива на учения. След „преоткриването“ им изготвих съвместен проект с Фрайбургския университет за издаването им, а изтъкнатият учен славист проф. Елизабет Шоре се нагърби с нелеката задача да ги разшифрова. Предстои публикуването им на немски и български език.

¹⁵ За паневропейската идея вж. *Конева, Р.* Европейският и паневропейският културен оптимизъм на Иван Шишманов. – Балканистичен форум, 2009, № 1–2–3, с. 288–307; *Същата.* Prof. Ivan Šišmanov und die Pan-Europa-Bewegung – Bulgaren in Österreich, Wien, 2010, 8–9, s. 20–21; *Същата.* Радост тоя свят да буди... – За Буквите, 2010, май, с. 28; *Същата.* Първите „мъже-европейци“. Към историята на Паневропейското движение в България. Част 1. – Балканистичен форум, 2010, № 1–2, с. 82–104; *Същата.* Ivan Šišmanov: Die Freiburger Jahre des bulgarischen Wissenschaftlers und Politikers (1921–1924). Freiburg, 8. Dezember 2010. – Südosteuropa Mitteilungen, 03. 2011– 51. Jahrgang, s. 107–111; *Същата.* Prof. Ivan Šišmanov (22.06.1862–23.06.1928) Vorkämpfer eines vereinten Europas – Bulgarien Jahrbuch, Verlag Otto Sagner / München–Berlin–Washington, D. C., 2012, s. 95–110; *Същата.* Големият човешки замисъл „взаимност“ в българската култура и „взаимната взаимност“ в големия европейски замисъл на професор Иван Шишманов / Балканите и техните периферии. – Балканистичен форум, 2012, № 1, 2012, s. 1–69.

¹⁶ Автор на идейния проект, подбор на материалите и текста на изложбата – Румяна Конева.

¹⁷ Предстоят още чествания – в родния му град Свищов, подготвя се албум, под печат е и нова книжка от Шишмановите четения.

¹⁸ Подробности вж. у *Дроснева, Е.* Времена, пространства, хора: Иван Шишман, Петър Ников и Иван Шишманов. – Богословска мисъл, 2007, № 1–4, с. 50–71 и посочената литература.

**ПЕТНАДЕСЕТ ГОДИНИ УКРАИНСКА ФИЛОЛОГИЯ
В СОФИЙСКИЯ УНИВЕРСИТЕТ
„СВ. КЛИМЕНТ ОХРИДСКИ“**

А. Стаменова, П. Мартинова-Иванова

През учебната 2011/2012 г. се навършиха 15 години от откриването на украинистичния профил в специалността „Славянска филология“ в СУ „Св. Климент Охридски“, който приема първите си студенти през учебната 1996/97 г. Преподавателите и студентите от профила организираха отбелязване на тази годишнина в три събития, които имаха за цел да представят дейността на младата българска украинистика в максимално широкия контекст както на украинско-българските и българско-украинските културни, научни и политически връзки, така и в областта на художествената литература – на взаимния украинско-български превод, който има продължителна и плодотворна история. Замисълът на украинистите беше да изтъкнат, че в двете ни страни от много десетилетия съществува традиция на взаимно опознаване и популяризиране, която представлява здрава и мотивираща основа за развитие на една университетска специалност.

На 04.05.2012 г. (рождени ден на многозаслужилия за българите, България и българистиката закарпаторусин/украинец Юрий Венелин) в Новата конферентна зала на Софийския университет се състои първото събитие от поредицата, което премина под формата на кръгла маса под наслов „Българско-украински и украинско-български културни връзки в миналото и днес“. Сред поканените гости се открояваха с присъствието си Н. Пр. посланикът на Украйна в Република България г-н Микола Балтажи, деканът на Факултета по славянски филологии проф. Панайот Карагъзов, ръководителят на Катедрата по славянско езикознание доц. Валентин Гешев, доц. Христо Манолов, литературовед от БАН и дългогодишен лектор по български език в Киевския национален университет „Тарас Шевченко“, доц. Елка Дроснева от Историческия факултет на СУ, г-жа Антонина Якимова, представител на украинската диаспора в България, г-н Васил Жукивски, журналист, издател на електронното списание „Българско-украински вести“.

Доц. Албена Стаменова, преподавател по украински език и ръководител на профил „Украинистика“, откри срещата с представяне на личностите, свързани с преподаването на различните украинистични дисциплини в профила – доц. Лидия Терзийска, дългогодишен преподавател по руска и украинска литература и доайен на украинистиката в Софийския университет, доц. Албена Стаменова, която води теоретичните украинистични дисциплини и практически украински, гл. ас. д-р Райна Камберова, водеща занятия по практически украински, която в момента се намира в Токио, Япония, гл. ас. Олга Сорока от Лвовския национален университет „Иван Франко“, лектор по украински език, и г-жа Валентина Драгулева – хоноруван преподавател по украински. Представени бяха и докторантите украинисти Владимир Колев – по украинска литература, Павлина Мартинова, Стефан Узунов и Анита Йорданова – по украински език. Специално представяне беше направено на проф. Иван Андрийович Стоянов, лектор по украински език в СУ „Св. Климент Охридски“ през 1992–1998 г., един от основоположниците на украинската филология в София, сега ръководител на Катедрата по славянска филология в Киевския славистичен университет, както и на Елза Петривна Стоянова, негова съпруга и също преподавател по български език в СУ в този период, понастоящем професор в Киевския славистичен университет. Представени бяха и лекторите по украински досега – Валентина Червоножко от КНУ „Тарас Шевченко“, Остап Сливински и Наталя Григораш от ЛНУ „Иван Франко“, Лилиана Прокопенко от Одеския национален педагогически университет „К. Д. Ушински“. Като хоноруван преподавател в първите години на профила работят също Таня Димитрова и Антоанета Горинава.

Доц. Албена Стаменова изтъкна, че Софийският университет е единственото място в България, където се развива украинска филология, и едно от немногото в света. Началото на украинската филология в Софийския университет, както всяко начало, е трудно – без специално подготвени кадри (особено след отпътуването от София на И. А. Стоянов), без учебници и учебни пособия, които да са подходящи за носители на българския език. Преподавателите в профила с много лични усилия и всеотдайност се посвещават на дейността си и правят най-доброто възможно, за да осигурят високо качество на преподаването и добри резултати от учебния процес. Доц. Валентин Гешев, по силата на широките си и дълбочени филологически интереси, изучава украински език и води лекции по теоретич-

ния курс на украинския език. Към преподавателска работа е привлечена Райна Камберова, възпитаничка на специалността от първия випуск. Постепенно, след защитата на докторската си дисертация, Албена Стаменова, първият докторант по украински език в Софийския университет, поема тези лекции, а през 2008 г. излиза първият в България учебник по украински език за българи в съавторство на Албена Стаменова и Райна Камберова (Украински език за българи. Част 1. София: Мико Дизайн ЕООД, 2008, 180 с.). Така е постигната висока ефективност и резултатност на преподаването, повтаряемост и предсказуемост на знанията на студентите, които са поставени на сериозни методични основи. Това е първа част от един по-широко замислен труд, като авторите работят и върху следващи части. Усилията на преподавателите и развитието на управлението на факултета с течение на времето дават своите плодове и днес украинската филология може да се похвали с украинистичен кабинет със значителна библиотека и добре обзаведена аудитория, където се провеждат занятията по украинистичните дисциплини. Благодарение на проектна дейност по НИД, украинистиката разполага с компютри и техника, подпомагащи учебния процес. Профилът поддържа сайта „Българска виртуална украинистика“ (www.bgukrainistika.com), на който е поместено представяне на нашата дейност, преподавателите, предоставени са учебни материали и електронният каталог на украинистичната библиотека. На сайта е поместен и отскоро издаваният електронен алманах „Българска украинистика“ – научно издание, създадено да предоставя трибуна на изследвания в областта на украинистиката и славистиката в най-широк спектър – филология, история, етнография и др. В него има и раздел, отреден за продукцията на млади учени, в който се публикуват части от техните дипломни и магистърски работи, тези на изследванията и др. Научният колектив по проектите, състоящ се от преподаватели и докторанти, продължава дейността си по създаване на електронен украинско-български речник.

Сред постиженията на преподавателския колектив и студентската общност са и сбирките на клуб „Благодатната сряда“, в рамките на който студентите подготвят съобщения и презентации за важни исторически личности, събития, места, културни реалии. В края на учебната 2010/11 г. представителката на Украинското посолство г-жа Ирина Козик награди от името на Посолството студентите, участвали в работата на клуба, а това е признание и стимул за младите украинисти.

В областта на международното сътрудничество е постигнато немалко по отношение на езиковата практика на студентите. В съответствие с договорите на Софийския университет с Киевския национален университет „Тарас Шевченко“ и Львовския национален университет „Иван Франко“ е осигурен редовен ежегоден студентски обмен, като български студенти украинисти пътуват на стаж до Киев и Львов, а украински студенти от тези университети стажуват в София. Полагат се усилия за редовно осигуряване на украински лектори, университетски преподаватели – носители на езика, които да преподават на българските украинисти. Този процес е доста бавен и свързан с множество административни действия. Затова със задоволство и удовлетворение беше отбелязана работата вече трета година на лвовската лекторка Олга Сорока, която е прекрасен преподавател и колега.

В заключение доц. А. Стаменова обобща, че профилът „Украинска филология“ посреща своята 15-годишна с немалки достижения и с ентузиазъм за не по-малко активно развитие в бъдеще.

Г-н Посланикът Микола Балтажи поздрави преподавателите и студентите от украинска филология и им подари от името на Посолството на Украйна ценни книги. Като човек, допринесъл решително за административното уреждане на въпроса с откриването на профила „Украинистика“ преди 15 години, деканът на ФСФ проф. П. Карагъзов изказа своите поздравления и сподели с аудиторията някои от трудностите, които се е наложило да се преодоляват тогава. Доайенът на украинистиката в България доц. Л. Терзийска разказа за формирането си като украинист и за първите стъпки в преподаването на украински език в Софийския университет – първоначално като факултативен курс, по-късно като втора специалност, докато се стигне до откриването на самостоятелен профил. Поздравления бяха отправени и от доц. Хр. Манолакев и г-жа Антонина Якимова, деен представител на украинската диаспора в България и ръководителка на неделното училище по украински език.

След официалната част студенти от профила „Украинистика“ представиха известни личности, допринесли за въвеждането на българистичната проблематика в научен оборот и разработването ѝ, за създаване и развитие на връзките между български учени и общественици и украински интелектуалци и за развитието на украинско-българските културни и научни връзки. Студентите от III и I курс по украинска филология Анастасия Стоилова,

Мария Димитрова, Мариета Лулина, Стойко Енев, Лилия Желева представиха живота, научното творчество и връзките с България на Ю. Венелин, О. Бодянски, В. Григорович, М. Драгоманов, Леся Украинка, М. Парашук. Представени бяха и видните българи В. Априлов, Л. Каравелов от Зорница Сепетчиева и Габриела Джоглева, а от студентите историци Стефан Иванов и Михаела Касърва беше представено научното дело на Иван Шишманов и Марин Дринов. От докторанта по украински език Стефан Узунов беше подготвено представяне на Харковската българистична школа. Доц. Елка Дроснева от Историческия факултет припомни, че празнуването на годишнината на българската университетска украинистика се осъществява на рождената дата на Юрий Венелин. Тя говори за дългогодишните академични връзки между софийската и харковската историческа школа, за близките отношения между известни украински и български учени, отбеляза 150-годишнината от рождението на проф. Иван Шишманов, чествана през 2012 г. – личност, дълбоко свързана с Украйна.

Кръглата маса „Българско-украински и украинско-български културни връзки в миналото и днес“ имаше за цел да представи в широки рамки личностите и научните школи в България и Украйна, допринесли за изграждането и укрепването на културните връзки между двете страни. В рамките на тази секция бяха подготвени доклади за Лвовската университетска българистика от Олга Сорока, за Българистичната школа в Одеса от докторантката Павлина Мартинова, за Киевската българистика от доц. Олена Чмир от Киевския национален университет „Тарас Шевченко“, за изследванията в Украйна върху българистична проблематика в областта на фолклора, етнографията и етнологията от Тая Матанова, докторантка в Института за етнология и фолклористика с Етнографски музей към БАН. Тези съобщения, както и другите презентации, ще намерят място на интернет страницата на украинистичния профил.

На 11.05.2012 г. в СУ „Св. Климент Охридски“ бе проведена кръгла маса „Вятър от Украйна“, посветена на превода от украински и български език. Събитието съвпадна с празника на светите Кирил и Методий по стар стил, първите преводачи на първия за всички славяни писмен език – старобългарския.

Участие в кръглата маса взеха преподавателите от профил „Украинистика“ доц. д-р Лилия Терзийска, доц. д-р Албена Стаменова, гл. ас. Олга Сорока и хон. ас. Валентина Драгулева, докторантите Павлина Мартинова и Стефан Узунов, студентите украинисти от първи и трети курс, видните преводачи на украинска и руска литература Мария Петкова, Доротея Монова и Райчо Ангелов – представители на издателство „Парадокс“, което активно популяризира превода на съвременната украинска проза в България през последните години, госпожа Антонина Якимова и др.

Срещата бе открита от ръководителя на профил „Украинистика“ доц. Албена Стаменова, която през последните години активно се занимава с превод на украинска литература. Първата част на кръглата маса бе посветена на превода от български език в Украйна. На тази тема – украинско-българските преводачески взаимоотношения през XX век, бе посветен и докладът на хон. ас. Владимир Колев, преподавател по украинска литература.

Темата бе продължена от доклада на студента от трети курс Мартин Петрусенко, посветен на украинските преводачи от български език – Павло Тичина, Дмитро Билоус, Дмитро Павличко и др. След това известната преводачка Мария Петкова разказа за трудностите, които е срещнала в работата си, представи свои преводи и разказа за срещите и познанствата си с други български преводачи на украинска литература като Пенка Кънева, Петко Атанасов, Лиляна Минкова, Димитър Методиев, Иван Давидков и др. Тя също така разказа и за контактите си с украински писатели (Павло Загребелни и др.). Мария Петкова щедро сподели своите „мъки преводачески“, свързани с превода на романа „Роксолана“ на Павло Загребелни, който е замислила още докато романът не е бил завършен.

Мария Гюзелева, студентка от трети курс, представи творчеството на писателите Марко Вовчок, Олга Кобилянска и Олес Гончар и българските преводи на техните произведения. Калия Анева, също студентка от трети курс, разказа за украинските писатели Григор Тютюнник, Тарас Шевченко, Леся Украинка, Иван Франко и преводите на произведенията им на български език.

На срещата присъства и украинската художничка Галина Назаренко, която на живо демонстрира характерния петриковски стил – декоративно-орнаментално изкуство, зародило се в края на XIX–началото на XX век в село Петриковка, Днепропетровска област, откъдето е и името на стила. Снимките от срещата с майсторката може да бъдат видени във фотогалерията на украинистичния сайт.

Антонина Якимова, ръководител на неделното училище по украински език, прочете приветствие от Съюза на писателите в Украйна по повод 15-годишнината на профила „Украинистика“ и подари книги за библиотеката на профила.

Доцент Албена Стаменова прочете приветствие от декана на Филологическия факултет на ЛНУ „Иван Франко“ проф. д-р. Ярослав Гарасим и всички колеги украинисти и слависти от Лвовския университет.

Доц. Албена Стаменова закри кръглата маса с общ преглед на преводите от украински на български език от последните години. Тя изтъкна, че те са естествено продължение на дългогодишната преводаческа традиция от украински език в България. Забележителните преводи на украинска литература, с които всяка национална традиция би могла с право да се гордее, извършени от предходните поколения български преводачи, довеждат до българския читател произведенията на украинската литературна класика и много стойностни творби на украински автори. След известно прекъсване, в последно време на българската публика се представя съвременната украинска литература и младите български преводачи се чувстват вдъхновени и задължени от високите творчески постижения на своите предшественици.

А. Стаменова представи последните преводи на украинска съвременна проза, които е направила заедно с гл. ас. Райна Камберова: „Пролетни игри в есенните градини“ на Юрий Винничук (2010) и „Дванайсетте обръча“ на Юрий Андрухович (2012). На вниманието на присъстващите беше представен също последният брой на списание „Българска етнография“, който е посветен на Украйна и помества статии на украински учени. Представено бе и второто издание на учебника „Украински език за българи. Ч. 1“.

Отбелязването на 15-годишнината на университетската украинистика в България приключи на 18.05.2012 г. в украинистичния кабинет в бл. 17 на „Студентски град“. Студентският и преподавателският състав се обединиха около решението кабинетът по украинистика да бъде наречен на името на проф. Михайло Драгоманов – изтъкнатия украински учен и интелектуалец, един от първите професори в новоосновения Софийски университет, влиятелен и приносен учен, чийто житейски път завършва в България. Вече е станало традиция всяка година студентите от профила да представят пиеси, свързани с украинска тематика, традиции и обичаи, например „Катерина“ на Тарас Шевченко, коледна постановка на „Вертеп“. Тази година те играха приказката „Дядовата ръкавичка“ в модернизирания вариант. Организатор, режисьор, постановчик, основен автор на декора и костюмите беше лекторката по украински език Олга Сорока. Краткото хумористично представление, изнесено с много настроение, повдигна духа на присъстващите гости, сред които бяха и преподаватели и студенти от профила „Словакистика“. Снимките, както и клипчето от постановката, може да бъдат намерени на сайта на специалността „Украинистика“.

Създаването на профил „Украинистика“ в рамките на специалността „Славянска филология“ в Софийския университет поставя на сериозни научни и методически основи преподаването на украински език и украинска литература. С отбелязването на неговата петнадесета годишнина преподавателите и студентите от профила потвърдиха своята подготвеност и постижения с готовност да продължат да допринасят за изучаването и популяризирането на украинския език и култура в България.

**ПО СЛУЧАЙ 65-ГОДИШНИНАТА
НА ДОКТОРА НА ИСТОРИЧЕСКИТЕ НАУКИ
Н. Н. ЧЕРВЕНКОВ**

Е. Челак

През януари 2013 г. изтъкнатият българист и родолюбец, хабилитираният доктор на историческите науки Николай Червенков отбелязва 65-годишния си юбилей. Заедно с него ще празнуват тази дата многобройните му съмишленици, колеги, студенти не само от Молдова, където ученият живее и работи, но и от целия свят, тъй като името на българиста Николай Червенков е известно далеч извън границите на малката република. Той е автор и съавтор на над 150 научни труда, в това число 13 монографии, различни сборници с документи, учебници и помагала, а също така и над 200 научнопопулярни статии.

Хабилитираният доктор Николай Червенков е роден през 1948 г. в семейството на потомци на български преселници в българското село Чийшия (сега Городнее), което се намира в центъра на българщината в Бесарабия – Болградски район, Одеска област, Украйна. Имено тук, в това прочуто българско село, което сред местните българи през XIX–първата половина на XX в. има репутация на най-интелигентното в българската диаспора, Николай започва да се интересува от историята на България, потеклото на рода си, миналото на селото. Този интерес е подхранван и от учителя му по история, големия родолюбец, бъдещия изтъкнат учен българист Константин Поглубко. Под ръководството на учителя си Николай участва в написването на историята на село Чийший, а също така и в изграждането на историко-краеведчески музей в родното си село. Затова след завършване на средното образование изборът му е предопределен: той постъпва в Историческия факултет на Одеския университет. Тук Николай Червенков успешно продължава да се занимава с краеведство, проучва историята на основаването на редица български села, които посещава, интервюира селяните, събира фолклорни материали.

След успешната защита на дипломната си работа, посветена на участието на бесарабските българи в националноосвободителните борби на българския народ през 1856–1869 г., и завършването на университета през 1972 г. Николай Червенков е поканен на работа в Института по история на Академията на науките на Молдова, в секцията по история на европейските социалистически държави, като по-специално се занимава с историята на България. Завършва аспирантура в Института по история към Академията на науките на Молдова, веднократно стажува в Института по история към БАН (София) и в Института по славянознание и балканистика към Академията на науките на СССР (Москва). През 1982 г. Николай Червенков защитава дисертацията си на тема: „Участие на българите в Румъния в национално-освободителните движения след Кримската война до създаването на БРТЦК“ (научни ръководители са му докторите на историческите науки В. Конобеев и В. Гросул). През същата година младият изследовател издава първата си монография „Политическите организации в българското национално-освободително движение през втората половина на 50-те–60-те години на XIX век“¹, по която стотици студенти историци и досега изучават политическата история на българските земи преди Освобождението. А две години преди това излиза съвместната с С. Новаков книга „Минало и настояще на село Кортен“ – едно от най-първите сериозни изследвания, посветени на краеведските проучвания на българските села в региона².

През периода 1972–2004 г. доктор Червенков се труди в Академията на науките на Молдова. Отначало като младши, след това като старши научен сътрудник, завеждащ отдел „История на югоизточните държави“³. По това време научните му интереси засягат предимно проблемите на българското националноосвободително движение, българо-руско-молдавските връзки, историята на българските преселници в Бесарабия³. По това време д-р Червенков е и член на Националния съвет на балканистите на СССР, по-късно е избран за заместник-председател на Междурепубликанската асоциация на българистите, член е на ръководството на Общобългарския комитет „Васил Левски“.

През 1991 г. Н. Червенков започва работа в Института за междуетнически изследвания. Тук той отначало е водещ научен сътрудник, а от 1997 г. е завеждащ секция „Българистика“⁴, заместник-директор на института. Като ръководител на секция „Българистика“ д-р Червенков прилага много усилия да изгради система за научни проучвания в областта на историята, лингвистиката, етнографията и фолклора на българската диаспора в Молдова и Украйна. По

това време доктор Червенков се занимава с проблемите по история на българите в постсъветското пространство. В съавторство с д-р Иван Грек издава първата през последния половин век обобщаваща монография „Българите в Украйна и Молдова. Минало и настояще“, посветена на българските преселници⁴. Заедно с проучванията на диаспората д-р Червенков продължава да се занимава с общи проблеми на българската история⁵, пише серия от статии за политическата палитра на България, научнопопулярна книга за Васил Левски⁶. Освен това той прецизно работи върху демографските проблеми на българското население в Молдова и Украйна. Заедно с професор Петър-Емил Митев оглавява социологическото изследване „Българите в Украйна и Молдова: традиции и промени“, в резултат на което се публикува много интересно издание⁷. През 2003 г. излиза солидната колективна монография с етнографски и исторически очерци за бащиното се на д-р Червенков Чийшия, в която историческата част много талантливо и скрупулозно е написана от него⁸.

През 2003 г. Николай Червенков защитава докторска дисертация на тема: „Формиране на българската държавност през Възраждането“ в Кишиневския педагогически университет. Авторът прецизно изучава особеностите при формирането на идеите за българската държавност през Възраждането и обръща внимание на политическия живот на българската емиграция в Румъния през 50–70-те години на XIX в. Много внимателно разглежда българо-турския дуализъм в българското освободително движение, българските политически програми, съществували в навечерието на Освобождението, и формирането на републиканските идеи през 1970-те години. От една страна, изследването на доктор Червенков има важно значение за всестранното проучване на цялата епоха на Българското възрождане, а от друга – разкрива се процесът на формиране на българската държавност след Руско-турската война 1877–1878 г., когато се създават Княжество България и автономната област Източна Румелия, които се обединяват през 1885 г. в една държава. Темата е много интересна, тъй като обсъжданите в Османската империя през XIX в. въпроси за самоуправление, автономия, федерации, конфедерации, независимост до този момент на Балканите, са много важни и актуални.

През 1994 г. в Молдова по инициатива на група молдавски българисти се създава Научно дружество на българистите в Република Молдова, което се превръща в истински изследователски център на българистични проучвания в страната и извън нейните предели. Д-р Червенков единодушно е избран за председател на това сдружение. За своя най-важна задача дружеството определя проучванията в областта на историята, културата и езика на българския народ, молдавско-българските връзки, както и популяризирането на изследователската дейност в публичното пространство. Освен това целта на дружеството е съдействие и осигуряване на научна помощ на българските организации и институции в републиката. През цялото време на съществуването си под председателството на проф. Червенков дружеството работи в няколко изследователски насоки: „Проучване и функциониране на българския език в Молдова“ (рък. доктор Надежда Кара), „Археология и култура“ (рък. докторът на историческите науки Николай Русев), „Краезнание“ (рък. докторът на историческите науки Николай Червенков), „Социологически проучвания“ (отново Н. Червенков) и др. Много е важна учебно-методическата работа в учебните заведения. В рамките на тези насоки са реализирани самостоятелно или съвместно с други държавни или обществени институции повече от 15 научни проекта. За почти 20-годишното си съществуване Научното дружество на българистите в Република Молдова публикува около 30 монографии, издава алманаха „Български хоризonti“. От десет години Научното дружество на българистите притежава собствено издателство - „S. S. B.“. Самият доктор Н. Н. Червенков оказва огромно съдействие и помощ за издаване на краеведска литература – книгите на молдавските краеведи П. Кайряк⁹, И. Манолов¹⁰, В. Маринов¹¹, И. Пасков¹², И. Думиника¹³ излизат под неговата научна редакция. По такъв начин Научното дружество на българистите в Република Молдова се превръща в истински център за проучвания на историята и културата на българите в региона. Всичко това става главно благодарение на усилията, запалеността и страстността на неговия председател, истинския радетел за българщината доктор Н. Червенков.

Заедно с научната си дейност професор Червенков дълги години всеотдайно работи на нивата на образованието и просветата. Той е хоноруван доцент в Молдовския държавен университет и Кишиневския държавен педагогически университет по учебен курс „История на българския народ“. А от 2004 до 2010 г. е избран за първи ректор на Тараклийския държавен университет „Григорий Цамблак“. Още на тържественото откриване на университета на

1 октомври 2004 г. президентите на Молдова и България Владимир Воронин и Георги Първанов се споразумяват да се създаде Молдовски държавен университет, в който основно да се учат младежи от българската диаспора, както на молдавски, така и на български език при използване на руски език. Университетът е създаден на базата на Тараклийския педагогически колеж „Св. св. Кирил и Методий“, подготвящ педагогически кадри в продължение на десет години, които добре знаят български език. Вузът наследява неговите специалности: начална и предучилична педагогика, педагогика на музиката, български, молдовски и английски език. След това включват се и нови специалности – история, счетоводство и социално дело.

От самото си начало университетът се включва към Болонския процес, студентите придобиват степен „лицензиант“, което съответства на бакалавърската степен в България. В момента тук се обучават до 350 студенти. Според концепцията на университета студентите основно са от български произход – 75–82% през различните години. Повече от 10% са гагаузи. Мнозина от контингентата са от Тараклийски район, но идват и от други южни райони на републиката.

Ректорската дейност изисква от учения Н. Червенков огромни организаторски способности, различни умения за комуникиране с хора с най-различен манталитет, интелект и културно ниво. По време на ректорството си доктор Червенков демонстрира природна гъвкавост за решаване на редица сложни въпроси, същевременно в критични ситуации е упорит и настоява на своето като истински българин. Тези качества му помагат не само да отстои позициите на университета, но и да го подтикне към по-нататъшно развитие. Тук той се проявява не само като учен с добро име, но и като патриот, свързан с родината си България.

Докторът на историческите науки Николай Червенков през годините на своята научна и преподавателска дейност дава съществен принос за развитието на българистиката. Неговите трудове се отличават с пълнота и дълбочина на изследванията, ерудиция и широки знания по изучаваните проблеми, щателен анализ. Със своя талант, творчески порив и щедра душа ученият Николай Червенков заслужено печели авторитет и уважение сред всички, които работят с него на нивата на българистиката. Като изтъкнат учен българист, старши научен сътрудник доктор Н. Червенков е награден с орден на Република Молдова „Глорие Мунчий“. Той получава грамота от Президиума на Академията на науките на Молдова, а също така – паметен медал на Софийския университет „Св. Климент Охридски“, почетен знак от Президентата на Република България, академичен медал на БАН „Професор Марин Дринов“, „Признание“ на Молдовската академия на науките, грамота и медал на Общобългарския комитет „Васил Левски“. 65-годишният юбилей на хабилитирания доктор на историческите науки Николай Червенков е начало на нови творчески успехи както на изследователското, така и на просветителското поле. Неговите колеги българисти го поздравяват от сърце по случай юбилея и му пожелават вдъхновение на многая лета!

¹ Политическите организации българското национално-освободително движение во втор. половине 50-х – 60-е гг. XIX в. Отв. ред. В. Я. Гросул. Кишинев, 1982.

² Прошлое и настоящее села Кириутня. Под ред. Л. С. Бульмаги. Кишинев, 1980.

³ Вж. по-подр.: Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII – 70-е годы XIX в. Отв. ред. И. Достян. Москва, 1986; Болгаро-российские общественно-политические связи 50–70-е гг. XIX. Отв. ред. Б. Н. Билунов. Кишинев, 1996; Международные отношения на Балканах 1830–1856. Отв. ред. В. Н. Виноградов. Москва, 1999.

⁴ Грек, И., Червенков, Н. Българите от Украйна и Молдова. Минало и настояще. София, 1993.

⁵ България XX века. Отв. ред. Е. Валева. Москва, 2003, с. 5–37.

⁶ Васил Левский. Отв. ред. И. Грек. Кишинев – Чимишлия, 1993. 134 с.

⁷ Бесарабските българи за себе си. Съст. П.-Е. Митев и Н. Червенков. София, 1996. 317 с.

⁸ Чийшия: очерки истории и этнографии болгарского села Городнее в Бессарабии. Гл. ред. Н. Станко. Одесса, 2003. 788 с.

⁹ Кайряк, П. Родословные древа Тараклии. Книга первая и вторая. Кишинев, 1999–2002.

¹⁰ Манолов, И. Родословные древа с. Кайраклия. Кишинев, 2009.

¹¹ Маринов, Д. Село Викторовка, Република Молдова (История, бит и култура). Кишинев, 2007.

¹² Пасков, И. Колибабовка. Болгарское село на севере Буджака. Кишинев, 2011.

¹³ Думника, И. Храм “Успения Божией Матери” села Кирсово (Исторические аспекты). Кишинев, 2012.

ДОКТОРУ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

М. Г. СТАНЧЕВУ – 60 ЛЕТ

С. Ю. Страшнюк

Написать биографический очерк о Михаиле Георгиевиче Станчеве в связи с его 60-летием – задача непростая. С одной стороны, это приятная миссия, ибо давно знаю и уважаю этого замечательного человека, с которым связывают не только дружеские отношения, но и общая увлеченность историей Болгарии, а в последнее время – заботы по развитию Центра болгаристики и балканских исследований имени М. Дринова и кафедральные будни. Это облегчает задачу, тем более что в личной библиотеке хранятся как авторефераты диссертаций М. Г. Станчева, так и все книги (с дарственной надписью), вышедшие из-под его пера. Но, с другой стороны, творческая биография юбиляра не вписывается в традиционные каноны жанра, хотя у него за плечами 20 лет научно-педагогического стажа. Его путь в большую науку прямым не назовешь, но то, что он оставил в ней свой неизгладимый след, сомнению не подлежит. Как и в других сферах деятельности, которыми ему приходилось заниматься.

Родился Михаил Георгиевич 28 апреля 1953 г. в Южном Казахстане, в селе Тахиркуль, что на берегу реки Сыр-Дарья, куда были выселены в годы сталинских репрессий его родители и родственники. В двухлетнем возрасте потерял мать, навечно оставшейся в казахстанской земле. Отцу, Георгию Николаевичу Станчеву, благодаря „хрущевской оттепели“, вместе с тремя детьми в 1956 г. удалось вернуться в Чадырлунгский район Молдавии, в родное село Кирютня (ныне вернувшее свое старое болгарское название Кортен). Поскольку дом после ареста деда и отца конфисковали, обустроить быт пришлось заново. Поэтому „босоное детство“ выдалось не из легких; приходилось не только учиться, но и работать в колхозе, что, впрочем, было нормой для сельских детей послевоенного поколения.

Закончив в 1970 г. Кирютянскую школу № 4, по совету любимого учителя-краеведа Савелия Захаровича Новакова поступает на исторический факультет Харьковского государственного университета. Уже тогда, на первом курсе, решил посвятить себя болгаристике и нашел понимание со стороны декана Степана Ивановича Сидельникова (1916–1977), крупного специалиста по истории Болгарского возрождения, и профессора кафедры истории КПСС Георгия Николаевича Попова, известного историка Болгарской коммунистической партии. Именно проф. Г. Н. Попов (1925–1988) стал наставником молодого человека. Под его руководством Михаил в течение нескольких лет увлеченно изучал историю сотрудничества ВЛКСМ и ДКСМ. Вскоре пришло и первое признание: премия имени Комсомола Украины за лучшую студенческую научную работу (1972) и Почетная грамота ЦК ВЛКСМ как победителю Всесоюзного конкурса студенческих работ по общественным наукам (1975), что открывало дорогу в аспирантуру. Отработав положенные два года ассистентом в Севастопольском приборостроительном и Харьковском авиационном институтах, он под руководством профессора Г. Н. Попова прошел курс обучения в стационарной аспирантуре ХГУ, защитив в начале 1982 г. кандидатскую диссертацию о сотрудничестве Союзов молодежи Украины и Болгарии¹.

Продолжив в 1980-е годы преподавательскую работу на Кафедре истории КПСС Харьковского авиационного института (ХАИ), получает вскоре ученое звание доцента и навыки лектора-международника, часто выступая по линии Общества „Знание“ не только перед студенческой аудиторией в различных высших учебных заведениях города, но и на партийно-хозяйственных и комсомольских активах, в колхозах и совхозах области. Эта деятельность стала особенно интересной с началом перестройки, когда открывались неизвестные страницы истории СССР и Украины, горячо обсуждались табуированные ранее темы, возвращались незаслуженно забытые и просто вычеркнутые из народной памяти имена. Большой популярностью в Харьковском центральном лектории пользовался цикл „От какого наследства мы отказываемся? О сталинизме и не только о нем“, который молодой лектор вел вместе с коллегой по кафедре профессором А. И. Эпштейном². Появились

© Страшнюк С. Ю., 2013

и публицистические статьи в городских, республиканских и даже всесоюзных изданиях, в том числе по молодежной проблематике. Огромный резонанс, в частности, вызвала его публикации о подпольной организации „Молодая гвардия“, действовавшей в годы Второй мировой войны в Крыму, в болгарском селе Марфовка³, о которой, в отличие от мифологизированной А. Фадеевым краснодонской организации, ранее писать было не принято. Вероятно, из-за национальной принадлежности большинства ее членов: ведь крымские болгары в 1944 г. разделили участь многих других депортированных народов полуострова...

В условиях горбачевской гласности, открывшей глаза на сущность сталинского режима, разрабатывать историко-партийную проблематику душа не лежала. И когда пришло время определяться с перспективной темой исследования, М. Г. Станчев решил обратиться к истории советской болгаристики. Это намерение было поддержано директором Института славяноведения и балканистики АН СССР академиком Д. Ф. Марковым. Помочь осуществить замысел докторской диссертации должна была 10-месячная стажировка в Болгарию, которая пришлась на 1988–1989 учебный год.

В Софийском университете имени Климента Охридского научным консультантом назначили профессора Марию Велеву, которая поставила задачу: начать с раскрытия методологических и научно-организационных основ развития болгаристики в СССР, определить ее этапы, приоритетные направления исследований, выявить кадровый потенциал, процесс формирования научных школ и факторов, способствовавших или препятствовавших научной деятельности. Погрузившись в тему, М. Г. Станчев был неприятно поражен масштабами репрессий против советских славистов в 1930-е гг., жертвами которых стали и многие видные ученые-болгаристы. Продолжая работу в заданном направлении, Михаил параллельно увлекся другими сюжетами, связанными с историей „бессарабских болгар“, к которым принадлежал и сам.

Народная Республика Болгария стояла тогда на пороге крупных перемен, и ответственность страны живо интересовалась своим прошлым, в том числе судьбой „соплеменников“ в Украине и Молдавии, чье национальное сознание было „разбужено“ горбачевской перестройкой. Откликаясь на этот информационный запрос, М. Г. Станчев берется за написание брошюры „Советские болгары: прошлое, настоящее и будущее“, где впервые говорилось о трагедии коллективизации, о голоде 1946–1947 гг. в районах компактного проживания болгар, обвиненных в „буржуазном национализме“, пособничестве классовому врагу или антисоветской деятельности. Однако из идеологических и политических соображений отдел пропаганды ЦК БКП запрещает ее публикацию, и только благодаря авторитетному вмешательству академика Веселина Хаджиниколова, директора Института этнографии БАН и главного редактора журнала „Исторически преглед“, рукопись в несколько измененном виде публикуется Обществом по распространению знаний имени Г. Киркова под весьма нейтральным названием „Из истории болгарских переселенцев в Россию“⁴. Публикация не осталась незамеченной в кругах болгарской интеллигенции: автора печатают в газетах, приглашают на телевидение...

Вернувшись в Харьков в судьбоносном для Болгарии 1989 году, М. Г. Станчев неожиданно для родных и близких с головой уходит в политику: избирается членом Координационного совета „Демократической платформы КПСС“, даже баллотируется в Верховный Совет УССР. В украинский парламент, правда, пройти не удалось, но студенты ХАИ выдвигают его своим кандидатом в Харьковский городской совет. В вузовской многотиражке он публикует статью „Что такое советская власть и как с ней бороться?“⁵, ставшей его предвыборной платформой. На демократической волне конца 1980-х, а точнее в марте 1990 г., доцент М. Г. Станчев становится депутатом горсовета, что круто изменило привычный образ жизни и творческие планы. Войдя в „команду“ городского головы Е. П. Кушнарева, 5 июня 1991 г. решением Харьковского городского совета он был избран заведующим отделом международных связей Харьковского горисполкома, проработав в этой должности шесть лет.

Не станем подробно рассказывать о его заслугах в развитии международного сотрудничества Харькова, об установлении и укреплении побратимских связей с Белгородом, Болоньей, Варной, Лиллем, Нюрнбергом, Познанью, Тянцинем, Цинциннати, как

и о его общественной работе в качестве заместителя председателя Межреспубликанской научной ассоциации болгаристов и председателя Харьковского городского общества болгарской культуры имени М. Дринова, у истоков которого он стоял. Это заняло бы слишком много места. Для нас важно отметить, что в первые годы независимости Украины, заполненные большой работой по „наведению мостов“ с зарубежными партнерами, по привлечению в город иностранных инвестиций и другими служебными обязанностями, Михаил Георгиевич находил время и для научного поиска.

Именно в начале 1990-х он по-настоящему открывает для себя имя Крыстю (Христиана) Раковского, видного деятеля болгарской и европейской социал-демократии, премьер-министра Советской Украины в 1919–1923 гг., крупного советского дипломата, превратившегося в главного героя его „научного романа“ на всю оставшуюся жизнь. Не то, чтобы он не знал о нем раньше. Хотя из учебников истории КПСС и международных отношений 1920-х гг. эта фамилия была старательно вымарана идеологической цензурой, накануне распада СССР К. Раковский в числе других видных деятелей Советского государства был официально реабилитирован. Но ряд обстоятельств побуждали глубже разобраться с этой неординарной личностью: его национальное происхождение, связь с Харьковом, принадлежность к антисталинской оппозиции и, наконец, как выяснилось, настоящая фамилия Раковского – Станчев (!!!).

С тех пор все свободное от работы время Михаил Георгиевич посвящает изучению государственной, политической и дипломатической деятельности Х. Г. Раковского, найдя единомышленника в лице известного историка-болгариста Г. И. Чернявского, профессора Харьковской государственной академии культуры. По словам М. Г. Станчева, „мне всегда везло на знакомство с хорошими людьми, но отношения с Георгием Иосифовичем переросли в настоящую дружбу – человеческую и творческую“. Уже в 1993 г. вместе они издают книгу „В борьбе против самовластия, Х. Г. Раковский в 1927–1941 гг.“⁶, получившую высокую оценку научной общественности, а спустя год в соавторстве с В. И. Головкиным выпускают книгу о дипломатической деятельности Х. Г. Раковского – „Между Москвой и Западом“⁷. Кропотливая работа в архивах Болгарии, Украины и России вылилась в 1997 г. в новый документальный сборник „Фарс на крови“⁸, где обнародованы три комплекса документов: переписка Х. Г. Раковского с писателем В. Г. Короленко и его женой (1917–1921); письма и телеграммы ссыльного Х. Г. Раковского ссыльному Л. Д. Троцкому за 1928 год, а также материалы „следствия“ по сфабрикованному советской охранкой „делу“ Х. Г. Раковского (1937–1941 гг.).

Между тем, служебная карьера М. Г. Станчева вновь резко изменилась: получив солидный опыт на поприще парадипломатии, в 1997 г. он переходит на работу в Министерство иностранных дел Украины, откуда с должности советника отдела стран Центральной и Восточной Европы командировается в Софию в качестве советника посла Посольства Украины в Болгарии. Напряженная дипломатическая деятельность, в том числе в должности Временного поверенного, не помешала сосредоточиться над докторской диссертацией „Доктор Крыстю Раковский: государственный деятель, политик и дипломат“, блестяще защищенной 16 марта 2000 г. в специализированном Совете Института истории Болгарской академии наук⁹. О чем свидетельствует сохранившаяся в личном архиве стенограмма заседания Совета с отзывами авторитетных болгарских ученых – профессора Милена Семкова, профессора Филиппа Панайотова, члена-корреспондента НАН Украины, директора Института украинской археологии и источниковедения НАНУ П. С. Соханя. Последний особо отметил ввод в научный оборот огромного множества „неизвестных и малоизвестных исследователям документов и фактов из так называемых засекреченных архивов и фондов, которые позволили ... раскрыть те темные страницы деяний тоталитарных режимов, что оставались за кадрами истории“. Высказанное на защите пожелание опубликовать текст диссертации в виде монографии ввиду бесспорной научной актуальности темы было реализовано в 2004 г. в сотрудничестве с Академическим издательством „Проф. Марин Дринов“¹⁰. Одновременно в Харькове выходят первые три тома „Архива Л. Д. Троцкого“¹¹, в составлении которого Михаил Георгиевич принимал непосредственное участие.

Вернувшись осенью 2001 г. в Украину, М. Г. Станчев какое-то время исполнял обязанности начальника отдела Юго-Восточной Европы МИДа, а затем возглавлял Управление по международным, внешнеэкономическим связям и европейской интеграции Харьковской областной государственной администрации, приложив немало усилий к созданию еврорегиона „Слобжанщина“. А заодно работал по совместительству профессором кафедры мировой экономики и международных экономических связей Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина и профессором кафедры международного права Национальной юридической академии имени Ярослава Мудрого.

Казалось бы, карьера складывалась успешно, но летом 2003 г. поступило предложение со стороны правления крупной американской компании „СигмаБлейзер инвестмент груп“, от которого государственный чиновник IV ранга не смог отказаться: стать ее представителем на Балканах. Сменив профессию дипломата и госслужащего на кресло топ-менеджера, Михаил Георгиевич возвращается в Софию в новом качестве. Однако при всей занятости „ремесло“ историка не оставил: в 2006 и 2008 гг. „научный тандем“ Станчев – Чернявский публикует две монографии, имевшие большой резонанс в академической среде: „Георгий Бакалов: Политическая биография (с культурологическим компонентом)“¹² и „Л. Д. Тороцкий и Болгария“¹³.

Между тем, приближался юбилей Alma mater, к 200-летию которой хотелось преподнести достойный подарок. Таковым стал сборник, посвященный основателю Харьковского университета Василию Назаровичу Каразину¹⁴. М. Г. Станчев был душой авторского коллектива книги, изданной на средства Болгарской академии наук. Не только из-за болгарского происхождения рода Каразиных (по мужской линии), что убедительно доказал Михаил Георгиевич на основании архивных источников¹⁵, но и как дань уважения старейшему университету Украины, в стенах которого прошли подготовку более сотни болгарских специалистов в различных отраслях знания. Не случайно еще в 1980 г. Харьковский университет был удостоен ордена Кирилла и Мефодия I степени, с чем была связана первая статья М. Г. Станчева, опубликованная в Болгарии¹⁶. А в 2005 г. не без его влияния Президиум БАН решил наградить Каразинский университет своей высшей наградой – Золотой медалью, названной в честь ... профессора Харьковского университета и одного из основателей Болгарской академии наук Марина Дринова. Надо ли говорить, что Михаил Георгиевич сопровождал делегацию БАН во главе с вице-президентом, академиком К. Косевым, которая специально приехала в Харьков, чтобы вручить ректору, профессору В. С. Бакирову на торжественном (майском) заседании Совета университета эту заслуженную награду – за поддержание на протяжении двух веков традиций исторической болгаристики. Не подлежит сомнению, что столь высокая оценка Президиума БАН харьковской школы болгаристики послужила импульсом, побудившим ректора издать приказ об учреждении Центра болгаристики и балканских исследований имени М. Дринова, торжественно открытого вместе с Председателем БАН академиком И. Юхновским во время IV Дриновских чтений 28 февраля 2006 г. На протяжении семи лет его существования М. Г. Станчев оставался научным руководителем Центра и председателем международного редакционного совета „Дриновского сборника“, который стал выходить с 2007 г. как орган Комиссии историков Украина – Болгария.

Вернувшись в последние годы к своей излюбленной теме о „бессарабских болгарях“¹⁷, М. Г. Станчев приступил к подготовке трехтомного научного проекта „Болгары в Российской империи, СССР, странах Балтии и СНГ“. В 2009 г. вышел первый том из этого цикла, который охватывает 300-летний период – со времени Прутского похода Петра Первого до начала XXI века¹⁸. Он целиком посвящен статистическому описанию болгарского населения в империи Романовых, Советском Союзе и независимых государствах, образовавшихся после его распада. Это уникальный кладезь информации для историков, демографов и социологов, ибо под одной обложкой собран свод статистических данных о болгарских переселенцах в Россию, чьи потомки проживают нынче во всех государствах СНГ и Балтии (сведений, почерпнутых из ревизских сказок, переписей населения и других источников, характеризующих динамику численности болгар по таким индикаторам,

как пол, состояние в браке, профессия, грамотность, владение родным языком и т. п.). Практически завершена работа над вторым томом, где представлены более 1700 биографий известных болгар, оставивших свой след на земле и в памяти потомков. Некоторые из них уже опубликованы в виде отдельных статей¹⁹. Постепенно накапливаются материалы и для третьего тома, главной темой которого будет история болгарских городов и сел, преимущественно в Украине и Молдове.

По ходу работы над этим фундаментальным энциклопедическим трудом появилась и хорошо иллюстрированное издание о роде Станчевых²⁰. „Я писал эту книгу с особым интересом и наслаждением, – говорит автор, – открывая и для самого себя неизвестные страницы своего рода“. Еще раз отдал должное Михаил Георгиевич и роду Каразиных, опубликовав документальный сборник „Дунай в огне“, где содержатся дневниковые записи, журналистские репортажи с балканского фронта Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а также гравюры и картины известного русского писателя и художника Николая Николаевича Каразина – внука основателя Харьковского университета²¹.

Чрезвычайно насыщенный событиями период жизни М. Г. Станчева завершился в начале 2012 года, который стал годом возвращения „на круги своя“. Оставаясь советником компании „СигмаБлейзер“ по Украине и Юго-Восточной Европе, в июне он избирается профессором кафедры новой и новейшей истории Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. В октябре в специализированном Ученом совете Д. 64. 051.10 проходит переаттестацию диссертации, защищенной ранее в Софии. Получив от ВАК Украины подтверждение ученой степени доктора исторических наук, со 2 января 2013 года М. Г. Станчев возглавил университетскую кафедру новой и новейшей истории, переняв эстафету от доцента А. П. Чижова – еще одного воспитанника профессора Г. Н. Попова, что является залогом продолжения факультетских традиций исторической болгаристики. Жизненный цикл, таким образом, замкнулся, точнее начался новый его этап.

И хотя рано подводить итоги, но за что бы Михаил Георгиевич ни брался в своей жизни, он всегда ставил перед собой высокую планку. И неизменно добивался успеха, о чем свидетельствуют многочисленные награды. Его дипломатическая деятельность отмечена в 2001 г. Почетным знаком Министерства иностранных дел Болгарии „Золотая лавровая ветвь“ (за личный вклад в развитие болгаро-украинских отношений); деловая активность – почетным дипломом и наградой „Золотой Меркурий“ Европейской бизнес-ассоциации за персональный вклад в развитие экономики Украины и евроинтеграционные процессы (2003); научная работа – золотой медалью имени М. Дринова за развитие болгаристики в Украине и сотрудничество между учеными Украины и Болгарии (2006); общественная работа – номинацией „Человек года“ по версии Ассоциации болгар Украины (2012). К 60-летию М. Г. Станчева Центральная научная библиотека Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина издала библиографию его трудов²², где значится более 200 позиций; Центр болгаристики и балканских исследований имени М. Дринова 30 апреля 2013 г. организовал в его честь научный семинар, на котором с докладом выступили автор этих строк, доцент Харьковской государственной академии культуры М. В. Тортика, соискательница университетской Кафедры новой и новейшей истории О. Н. Гуринова, а также депутат областного совета и бывший мэр г. Харькова М. Д. Пилипчук, от имени горисполкома вручивший юбиляру почетную грамоту и серебряную медаль г. Харькова. Ректорат Каразинского университета выразил свое уважение юбиляру своей высшей наградой – золотой медалью имени В. Н. Каразина. Когда том готовился к печати, пришла еще одна приятная новость: 23 октября 2013 г. Общее собрание академиков БАН избрало М. Г. Станчева своим Иностранным членом.

Жизнь ученого, разумеется, не ограничивается наукой, преподавательской и общественной деятельностью. У каждого человека есть свои увлечения. Для Михаила Георгиевича таковым на всю жизнь остался спорт. В свое время он перепробовал себя во многих видах (успел поиграть даже за юношескую сборную Молдовы по футболу, и лишь непреклонная позиция отца не позволила пройти профессиональную подготовку в знаменитой „школе вратарей“ Льва Яшина, обратившего внимание на талантливого парня из молдав-

ской глубинки). Но, в конечном итоге, сделал выбор в пользу волейбола, защищая многие годы цвета университетского „Буревестника“, будучи его капитаном на старших курсах, и, как всегда, не ошибся: в составе сборной СССР стал в 1972 году чемпионом Всемирной универсиады, проходившей в Восточном Берлине в рамках X Всемирного фестиваля молодежи и студентов. И, хотя врачи давно запретили выходить на волейбольную площадку, до сих пор „вживую“ болеет за харьковский „Локомотив“, а спортивную форму позволяют поддерживать бег по утрам, плавание и настольный теннис.

Он всегда подтянут, полон энергии и творческих замыслов, которые непременно будут реализованы, поскольку есть хорошая привычка: доводить задуманное до конца. Его спецкурсы „Основы дипломатии“, „Дипломатический этикет и протокол“ вызывают неподдельный интерес у студентов; ему есть что сказать и аспирантам, которые обязательно появятся в обозримом будущем. А еще Михаил Георгиевич заядлый дачник, благо есть где развернуться: уютный домик на старом Белградском шоссе под Софией и добротная украинская хата постройки начала XX века в селе Перекоп, что на Валковщине, всегда открыты для друзей. Ибо гостеприимство – неотъемлемая черта характера М. Г. Станчева, что гармоничным образом сочетается в нем со здоровым прагматизмом, креативностью мышления, широким кругозором, принципиальностью, отзывчивостью и личной порядочностью.

Наверняка Михаил Георгиевич, только что завершивший работу над сценарием документального фильма о Х. Г. Раковском, не раз позиционировал себя со своим героем. Когда-то, в далеком 1924 году, находясь на вершине популярности, тот без ложной скромности сказал: „Я принадлежу пяти странам – Болгарии, Румынии, Франции, Украине и России“. С высоты прожитых лет нечто подобное может сказать о себе и М. Г. Станчев, хотя перечень стран будет несколько отличаться. С Казахстаном его связывает место рождения и могила матери; в Молдавии остался отчий дом, куда по праздникам иногда наведывается; Украина дала ему высшее образование и возможности для профессиональной реализации; Болгария – приложить свои таланты в роли дипломата, топ-менеджера и ученого. А с Россией, где проживает много родственников, навсегда связала жена Татьяна (тоже, кстати, выпускница исторического факультета Харьковского университета), уроженка Дальнего Востока. Вместе они воспитали двоих детей: сын Дмитрий, получивший диплом Харьковской юридической академии имени Ярослава Мудрого, работает в Болгарии; дочь Юлия, окончившая отделение модного дизайна Национальной академии театрального искусства и кино в Софии, связала свою судьбу с миром моды и туристическим бизнесом. В августе 2012 г. дочь подарила родителям внука, которого назвали Марком – в честь основателя рода Станчевых, переселившегося в конце XVIII века из Болгарии в Бессарабию, в пределы Российской империи. „Болгарському роду нема переводу“!

Заканчивая биографический очерк перефразой этой украинской пословицы, хочется пожелать Михаилу Георгиевичу Станчеву сохранять и дальше бодрость духа, интеллектуальную свободу и высокую спортивную форму, что есть необходимым условием для реализации многочисленных творческих замыслов.

¹ Станчев, М. Г. Участие комсомольских организаций Украины в советско-болгарском культурном сотрудничестве, 1959–1971 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1981. 21 с.

² Станчев, М. Г. Рядом с ним было спокойно и уверенно. – В: Аркадий Исаакович Эпштейн: След на Земле. Харьков, 2012, с. 121.

³ Станчев, М. Г. Младогвардейците от Марфовка. – Дружба (Объед. орган парткома, профсоюз и комсомола болгарских строителей в СССР), 1985, 4 май; его же. Българската „Млада гвардия“. – Роден край (Одесса), 1989, 14, 24 май; то же. – Родно слово: вестник за бесараб. българи (Кишинев), 1989, 24 май.

⁴ Станчев, М. Г. Из история на българските преселници в Русия. София, 1989. 41 с.

⁵ Станчев, М. Г. Что такое советская власть и как с ней „бороться“? – За авиакадры (Харьков), 1990, 12 марта.

⁶ Чернявский, Г. И., Станчев, М. Г. В борьбе против самовластья: Х. Г. Раковский в 1927–1941 гг. Харьков, 1993. 324 с.

⁷ Головкин, В. А., Станчев, М. Г., Чернявский, Г. И. Между Москвой и Западом. Дипломатиче-

ская деятельность Х. Раковского. Харьков, 1994. 384 с.

⁸ Станчев, М. Г., Чернявский, Г. И. Фарс на крови. Харьков, 1997. 286 с.

⁹ Станчев, М. Г. Д-р Кръстьо Раковски – държавник, политик, дипломат. 1917–1941 г.: дис. ... д-р на ист. наук. София, 2000. 41 с.

¹⁰ Станчев, М. Г. Д-р Кръстьо Раковски – държавник, политик, дипломат. Прев. от руски Л. Георгиев. София, 2004. 314 с.

¹¹ Архив Л. Д. Троцкого в трех томах. Т. 1. Науч. ред. Г. И. Чернявский, Ю. Г. Фельштинский, М. Г. Станчев. Харьков, 1999, 456 с. (Коммунистическая оппозиция в СССР); Архив Л. Д. Троцкого в трех томах. Т. 2. Науч. ред. Г. И. Чернявский, Ю. Г. Фельштинский, М. Г. Станчев. Харьков, 2001, 476 с. (Коммунистическая оппозиция в СССР); Архив Л. Д. Троцкого в трех томах. Т. 3, ч. 1. Науч. ред. Г. И. Чернявский, Ю. Г. Фельштинский, М. Г. Станчев. Харьков, 2002, 432 с. (Коммунистическая оппозиция в СССР); Архив Л. Д. Троцкого в трех томах. Т. 3, ч. 2. Науч. ред. Г. И. Чернявский, Ю. Г. Фельштинский, М. Г. Станчев. Харьков, 2002, 484 с. (Коммунистическая оппозиция в СССР).

¹² Станчев, М. Г., Чернявский, Г. И. Георгий Бакалов: политическая биография (с культурологическим компонентом) [монография]. София, 2006. 420 с.

¹³ Станчев, М. Г., Чернявский, Г. И. Л. Д. Троцкий, Болгария и болгары [монография]. София, 2008. 356 с.

¹⁴ Василий Каразин: живот и дейност [сборник]. Съст. М. Станчев, А. Запрянова, Л. Георгиев, П. Чолов [и др.]. София, 2005. 376 с.

¹⁵ Станчев, М. Г. „Етнические образы“ В. Н. Каразина в источниках и историографии. – Вісник Харківського університета, 2004, № 633. Серія: Історія. Вип. 36, с. 29–43; его же. Васил Каразин и основаването на Харковския университет (200 години от създаването му). – Исторически преглед, 2004, № 3–4, с. 184–198; его же. Нові документальні свідчення про походження Василя Каразина. – В: Схід – Захід : іст.-культуролог. зб. За ред. В. В. Кравченко. Х.; К., 2005, вип. 7: Університети та нації в Російській імперії, с. 274–278; его же. Происхождение В. Н. Каразина: историографические и источниковедческие аспекты. – В: Василий Каразин: живот и дейност [сборник]. Съст. М. Станчев, А. Запрянова, Л. Георгиев, П. Чолов [и др.]. София, 2005, с. 202–239; его же. Происхождение В. Н. Каразина: проблемы историографии и источниковедения. – Bulgarian Historical Review : Research Quarterly, 2005, № 3–4, с. 203–215; его же. Дворянский род на Каразин – документи и материали. – В: Василий Каразин: живот и дейност [сборник]. Съст. М. Станчев, А. Запрянова, Л. Георгиев, П. Чолов [и др.]. София, 2005, с. 244–280; его же. Марин Дринов за произхода на В. Н. Каразин (един неизвестен документ). – В: Василий Каразин: живот и дейност [сборник]. Съст. М. Станчев, А. Запрянова, Л. Георгиев, П. Чолов [и др.]. София, 2005, с. 141–154.

¹⁶ Станчев, М. Г. Харковский университет и България. – Проблеми на висшето образование (София), 1981, № 2, с. 48–51.

¹⁷ Станчев, М. Г. Преселването на бесарабските българи в Сибир и Далечния Изток. – Родолубец (София), 2006, № 7, с. 339–355; Его же. Българите в СССР по време на сталинските репресии (по данните на преброяването на населението през 1937 и 1939 г.). – В: Научни приноси в памет на проф. Константин Попов: материали от науч. конф. „100 години от рождането на проф. Константин Попов“, София, 29–30 ноември 2007 г. Велико Търново, 2007, с. 425–439; Его же. Българското население в СССР (по данни от първото следвоенно преброяване на населението от 1959 г.). – В: Приятели за науката: Сб. в чест. на проф. Тодор Балкански по случай неговата 65-годишнина. Велико Търново, 2009, с. 352–381; Его же. К вопросу о численности болгар в СССР (по материалам переписи населения 1926 г.). – В: Българите в Северното Причерноморие. Т. 10. Велико Търново, 2010, с. 149–174; Его же. Първите български преселници в Южна Украйна (1711–1800 г.). Някои неизвестни статистически данни. – Български хоризонт (Кишинев), 2007, № 6–7, с. 2–8.

¹⁸ Българы в Российской империи, СССР, странах Балтии и СНГ. Т. 1 (1711–2006). Стат. сб. София, 2009. 618 с.

¹⁹ Станчев, М. Г. Серый кардинал (О родоначальнике атомной и водородной бомб в СССР Н. А. Дмитриеве). – В: България: метрополия и диаспора. Сб. по случай 65-годишнината на д-ра на ист. науки Николай Червенков. Велико Търново, 2013, с. 339–347; его же. Генерал Симеон Ванков и Дальний Восток. – Русская газета (София), 2006, 13–19 февраля.

²⁰ Станчев, М. Г. Род Станчевых (с. Кортен, Республика Молдова). София, 2010. 184 с.

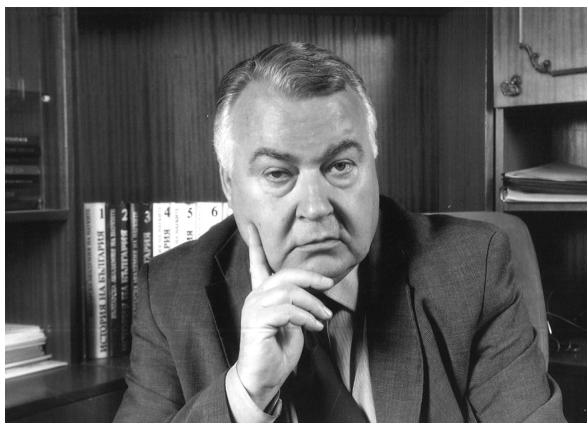
²¹ Каразин Н. Н. Дунав в пламъци (Дневник на кореспондента). Репортажи (1877–1878 г.). Съст. М. Станчев, Л. Владева, Л. Георгиев. София, 2008. 250 с.

²² Михаил Георгиевич Станчев – профессор Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина (к 60-летию со дня рождения). Библиографический указатель. Харьков, 2013. 56 с.

IN MEMORIAM

„РАСТЕШЕ БОЛКА И СТАНА БОЛЕСТ!“¹
(Кого погребяхме в лицето на професор Георги Бакалов
и – най-важното! – Защо?)

В. Вълчанов

Двадесет и първи юни, 06 ч. 40 мин. Звъни ми Жоро Бакалов. Пита ме как точно е озаглавен научният форум, за който го бях уведомял, и тъй като темата бе изцяло в неговата научна сфера, му предложих да изпрати поне доклад, защото е изключено лично да присъства, „накичен“ с тръбички след четвъртата операция. Той със слаб глас обясни, че въобще не му е до доклади и научни съобщения...

А сега, с далече по-бодър, укрепнал глас поиска названието на темата на форума, очевидно готов да участва, макар и задочно. Извиних се, че след осем и половина часа под наркоза при моята неотдавнашна операция паметта ми стана твърде неуслужлива и не мога да цитирам точното заглавие. Посъветвах го да пие вода от извора и да позвъни на своя бивш студент Горан Благоев², в чието предаване чух за този форум. Жорж се извини за ранното позвъняване и каза, че му има телефона и ще го потърси „по-късно, в по-прилично време“.

Радостта ми, че след толкова месеци липса на интерес към работа той прояви инициатива, бе огромна! А и гласът му звучеше съвършено различно.

По-късно позвъних на лекуващата го лекарка с поредната молба за информация и прогноза. Тя дословно завърши с думите: „Бавно, но сигурно вървим към подобрене!“ . Тази нейна констатация естествено се монтира в съзнанието ми със заявления сутрешен интерес към дейност, към делото на живота му. Прекръстих се и се помолих: направи, Господи, поредното си чудо и върни по-бързо в строя този необикновено важен и нужен на България човек! Как след всичко това да повярвам, че на следващия ден, след обяд, на операционната маса сърцето на Жоро Бакалов е престанало да работи?! Шокът ще отзвучава Бог знае колко дълго...

Както и водопадът от въпроси: какво обуслови всичко това и кой ще носи отговорността за преждевременната кончина на проф. Георги Бакалов? А за освобождаването му от Агенцията „Държавни архиви“? Ще се опитам поне от единия край да приоткрия завесата на тези драматични въпроси.

„Тя – Смъртта – е добра! – казваше проф. Бакалов – В един миг ти решава всичките сложни и заплетени казуси на битието“. А в неговото битие, в неговата съдба, като в капка вода се отразяваха най-уродливите, най-зловещите и човеконенавистни черти на един обществен строй, близо половин век господствал в България. Тъкмо тези „особености“ на строя са и главната, фундаменталната причина и за заболяванията на проф. Бакалов, и

за леталния изход! Духът се бореше, мобилизиран от интелектуални задачи, ала плътта, както е известно, си остава уязвима и несъвършена. Особено при непрекъснатите и безмилостни атаки на Злото.

Битието му бе действително съставено от сложни и твърде често отвратителни от морално-егична гледна точка казуси. Те обаче имаха обща основа, общ корен! Обединяваше ги класово-партийната ненавист към инакомислещия (и въобще замислящия се!) и отмъстителната нетърпимост на бездарията към таланта, към можещия, към реално творещия. Прословутата „агресия на сивата посредственост“...

Така безспорно признатият от цяла Европа (включително и в бившия Съветски съюз!) като най-ярък, задълбочен познавач и специалист по история на Византия и Рим, не можеше цели десетилетия да откликне на многобройните покани за симпозиуми, конгреси и т.п. научни форуми от същата тази Европа. И само благодарение на личното застъпничество и поетата лична отговорност от Аксиния Добрева Джурова³, той посети съседна Гърция, а по-късно – и Москва...

Тези запрети бяха само една от множеството изяви на Злото, неотлъчно вървящо по петите му и натрупващо болката от поредната несправедливост. Защо този блестящ учен и педагог бе подложен на такъв безпощаден остракизъм? Ами, вижте в кадровата му справка: учил не в нормално социалистическо средно училище, а в Семинарията! После и в Духовната академия и чак тогава завършил и Университета. Разбира се, че не е партиен член и най-главното: „Когато класовият враг хвали някого, той следва да бъде наблюдаван под лупа“ (В. Ленин). И при все това – два мандата декан на Историческия факултет на Софийския университет, два пъти – първи заместник ректор на Алма Матер (единствен с право на подпис по финансовите въпроси!).

Как така, как е възможно всичко това с тази биография? Отговорът е простичък: ами нали някой все пак трябва да работи! И то да работи така честно, всеотдайно, без работно време, че да формира цялостния облик на Университета. И пред обществото, и пред света!

Нищо, че още първата му кандидатура за ректор бе брутално фалшифицирана – само и само да не е той! И от целия лош театър остава само Болката. Следва обаче кандидатура за министър на културата. Издигната при това от „най-високо място“! Всичко като че ли е ОК, но ето че Елка Константинова⁴ го кани на кафе и още от вратата казва: „Уви, професор Бакалов, намерили са ви картонче...“.

„Ново двайсет!!!“ – казва народът. Прословутото картонче убиец! (Много често – в прекия смисъл на думата, както бе и при него!) Не след дълго идва поредната номинация – този път е за министър на просветата и образованието! Като се има предвид университетското му управленско развитие – също кандидатура безконкурентна! Ала скритият фокусник Велзевул отново вади от ръкава си въпросното картонче и дава своя „принос“ в растежа на болката!

Следва неколнократна кандидатура за посланик във Ватикана с предварително взторжено одобрение от приемащата страна. И отново в последния момент се размахва картончето! Можем само да си представим какво безвъзвратно загуби българската наука от несъстоялото се присъствие на проф. Георги Бакалов в библиотеките и архивите на Ватикана... А оставаше само Болката!

Своеобразен връх в градацията на номинациите му бе тази от СДС – за президент на Република България! Петър Стоянов⁵ го разхожда с колата си по цяла България на срещи с избирателите. Бакалов държи речи и професионално излага платформата си на държавник. Докато неочаквано Петър Стоянов заявява, че сам той ще се кандидатира?! Казват, че този път картончето е размахал самият Иван Костов⁶... (Разбира се, и от Петър-Стояновата кандидатура нищо не излезе, та се извади от небитието посмъртно неизбираемия и никому неизвестен старик Неделчо Беронов.)

Няма що: „криво да седим, но право да съдим“! За целия тъй наречен „преход“ Държавна сигурност **не направи нито една грешка** – нито кадрова, нито тактическа, нито стратегическа. Затова с пълно основание си пеят: „Ние сме на всеки... линеен метър!“⁷. Но това е съдбата на осем милиона български граждани и в мащабите на цялото Отечество Злото някак си се дисперсира! А в мащабите на съдбата на отделната

човешка личност – и конкретно тази на проф. Георги Бакалов – то се концентрира и се превръща в лична трагедия и във все по-трудно преодолима Болка!

Още в началото на тази сатанинска сага проф. Бакалов събира колегите си – преподаватели, студенти и аспиранти от Историческия факултет – в една университетска аудитория и им разказва кратката и абсурдна фактология по въпросното картонче. Ето я: на една опашка за кафе зад него се нарежда университетското ченге. (Те бяха „публична тайна“ и в Киноцентъра, където съм работил, и в Университета. Нещо повече – сами държаха да се знае кои са и какви са, вероятно като частична рекомпенсация на факта, че никой по-добре от тях не знае, че всъщност те са „господин Никой“ в това море от имена на творци и научни светили.) Та, прилепва се до него ченгето и го пита дали не може да се намери някаква научно обоснована фактология, която да оправдае и мотивира „голямата екскурзия“ на турското население в онзи момент... Професор Бакалов отговаря, че неговите научни интереси са свързани с Рим и Византия, но доколкото му е известно, такава фактология по турския въпрос няма. Толкова!

Още след първото появяване на феномена „картонче“ проф. Бакалов издирва адреса на университетското ченге. Посреща го жена му, която го моли да не безпокои съпруга ѝ, защото е много, много болен. Жоро се представя и моли за буквално пет минути. Чувайки гласа му, болният нарежда на жена си: „Пусни го да влезе!“ и без да губи време му казва: „Знам, че за картончето ще ме питаш. Към онзи момент ние вече точно знаехме, че си отиваме. И такива като тебе, с твоите качества, ще отидат по върховете. Ето защо получихме указанието да им направим картончета и да ги отстраним завинаги от властта“.

Професор Бакалов попитал откъде е получено това указание? Болният мълчливо посочил с показалец към тавана, т.е. от най-високо място, и добавил: „Знам, че те канят по телевизии, радио и вестници. Ако се изкушиш да разкажеш за този наш разговор, трябва да знаеш, че аз ще отричам и ще твърдя, че такъв е нямало. И въобще не съм те чувал и виждал. Разказах ти, за да го знаеш за себе си. И да знаеш, че аз лично съм те уважавал и ценил. Но указанието за нас си е заповед. Всъщност ти никога не си бил под пагон и едва ли ще го разбереш...“. Пак се намесила съпругата и Жоро – както бил обещал – си тръгнал.

Голите картончета – без писмена вербовка, без доноси (евфемистично наричани „доклади“), без нищо – нищичко друго, се оказа един от най-зловещите и садистични прийоми за осъществяване на една авансова лустрация! Написах за това веднага, след като Жоро бе отстранен от длъжността „Директор на Държавния архив“ – пак заради размахано картонче. Знаех, че сам той не ще го стори, заради хипертрофиралото си чувство за дадена дума. Прочетох му текста, той ми благодари, но ми забрани да го публикувам!

Останах с впечатлението, че този чист (и поради това и наивен) човек се надяваше, че ще преоцени решението си и ще го върнат на работа... Та нали неотдавна, след интегрирането на МВР архива в Държавния архив той бе награден с поименно оръжие. Нали работата по връщането на иззетите от Съветския съюз като военни трофеи български архиви беше сложена на релси, а тя бе работа огромна по мащабите си. Нали благодарение на неговата лична популярност, оглавената от него Агенция излезе от своята свенлива полулегалност и чрез медиите стана достойна на цялата ни общественост. Нали благодарение отново на неговата лична енергия и натрупан административен опит авгиевите обори на финансовите злоупотреби в Агенцията бяха разчистени! И то така, че за в бъдеще да са просто невъзможни.

Не е била само резултат на наивитет надеждата, че ще го върнат! Имаше предостатъчно и мотиви, и причини делото му да бъде продължено. Но кога у нас делата са били въобще мотив за разумни решения? И коварното картонче⁸ за сетен път изигра кошмарното си предназначение... А натрупаната Болка беше станала болест!

Когато завинаги загубим близък, а и той е човек с особена обществена стойност, като правило се обръщаме към онова, което остава след него – поуците от делата му. За приносите на проф. Бакалов в историческата наука е писано много и ще се пише тепърва още повече. Ала за съдбата му, и особено за личния му живот, поназнайваха буквално броени хора – на пръстите на едната ръка. Ето защо неговите уроци по достойнство и принципиалност, по толерантност и човеколюбие следва да търсим и изследваме на територията на

неговия грубо прекъснат жизнен път.

А що се отнася до клишетото „пословична скромност“, съотнесено към личността на Георги Бакалов, то се нуждае от заостряне – неговата скромност имаше просто клиничен характер и размери. Защитен от тишината на библиотеки и архиви, той оставаше далеч от делничната врява на политическите страсти. Те обаче – политиците – хипнотизирани от добродетелите и мащабите на неговата ренесансова личност, спорадично търсеха неговия обществен авторитет и личностно обаяние. Разбира се, в името на техните си користни интереси. И бележеха съдбата му, безжалостно осакатявайки я.

За смъртта той не говореше често, но очевидно спокойно и отдалече се е готвил за срещата с нея. Защото като добър и просветен християнин той ходеше в една църквичка в околностите на София при един възрастен, запазил се чист и непокарен свещеник, за да се причести и да му бъдат прочетени Киприяновите молитви. И така, преди всяка поредна операция! Без последната – петата...

Прости ми, Жорж, че прекрочвам твоята забрана! Но в твоята лична съдба, в твоята трагична участ, като в капка вода се отразяват стотици съдби, житейски трагедии на наши сънародници! Нищо в тях – уви! – не може да се поправи! Но за Указанията, за техните автори и техните изпълнители трябва да се знае и да се помни!

Преди години в мемоарната книга на едно ТВ предаване ти написа и прочете в кадър: „Понякога съжаляваме за казаните думи, но за неказаните – никога!“. Живеем във време, скъпи и истински непрежалими мой приятелю, когато най-много трябва да се съжалява тъкмо за „неказаните думи“! Защото никой по-добре от тебе не знаеше, че „който не познава своето Минало, е обречен да го повтори!“.

Особено, когато то е изпълнено с жестокост, коварство и омраза към инакомислищите, по принципа на Йосиф Сталин: „Който не е с нас – е против нас!“. А това, както знаеш, си е най-обикновен фашизъм. Срещу който – във всичките му форми и преображения – ти се сражаваше през целия си съзнателен живот. В тези битки ще ни липсваш страшно много, сражавайки се дори и с факта на смъртта си с друг сталински идиотски постулат, че „няма незаменими личности“?! Ето, тебе **няма кой да те замени!** Никога!

Защото твоите разработки по проблемите на националната доктрина, или програмите за преподаване на религия в средното ни училище предполагат истински мащабна, интердисциплинарна подготовка, каквато ти безспорно имаше. Тя бе обусловена както от енциклопедичния характер на образователния ти път, така и от същността и палитрата на твоята неповторима човешка личност. А всички твои макропроекти са пряко свързани с настоящето, но особено драматично – с бъдещето на България!

Ето защо ще ни липсваш все по-силно и все по-болезнено.

¹ Стих от поемата „Анамнеза“ на Добри Жотев. Следващите бележки са на редактора.

² Магистър по история (1993), журналист. Водещ на предаването „Вяра и общество“ по БНТ1.

³ Проф. д.и.н. Аксиния Джурова, изкуствовед. Директор на Центъра за славяновизантийски проучвания „Акад. Иван Дуйчев“ към Софийския университет „Св. Климент Охридски“. Дъщеря на дългогодишния министър на отбраната в Народна Република България генерал Добри Джуров.

⁴ Проф. д.ф.н. Елка Константинова, литературовед. Народен представител и министър на културата в първото СДС правителство. Дъщеря на литературния критик Георги Г. Константинов.

⁵ Петър Стоянов – юрист, адвокат. Президент на Република България (1997–2002).

⁶ Иван Костов – икономист, депутат, министър и премиер на Република България (1997–2001). Днес – председател на партия „Демократи за силна България“ (ДСБ).

⁷ Днешна парафраза на обикнатата песен от сериала „На всеки километър“, създаден и излъчван по БНТ в края на 60-те години на ХХ в. Оригиналът гласи: „Ние сме на всеки километър! Оттук и до края на света!“, и е изпълняван от покойния актьор Коста Карагеоргиев.

⁸ Разказът за „картончето“ отразява реални събития в България през последните повече от 20 години. Въпросните „събития“ са плод на некадърен закон за „справяне“ с някогашната „Държавна сигурност“. Както обикновено, политическата ситуация е повод за разчистване на лични сметки и поругаване на почтени хора.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

- Айдачич Деян** – доктор філологічних наук, доцент Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка.
- Аксьонова Наталя Володимирівна** – кандидат історичних наук, ст. викладач кафедри українознавства філософського факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Александрова Ірина Леонідівна** – секретар Харківського міського товариства болгарської культури імені М. Дринова.
- Василєва Надєжда** – магістр історії Софійського університету імені Св. Климента Охридського.
- Вилчанов Вилчан** – кінорежисер, дійсний член Євразійської академії телемістечтв та радіо, член Міжнародної асоціації письменників і публіцистів, член Болгарської кіноакадемії.
- Власенко Валерій Миколайович** – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії Сумського державного університету.
- Готовска-Хенце Теодорічка** – доктор, старший науковий співробітник II ст. Інституту історичних досліджень Болгарської академії наук.
- Гусєв Нікіта Сергійович** – аспірант Інституту слов'янознавства Російської академії наук.
- Добичіна Анастасія Сергіївна** – аспірант кафедри історії південних і західних слов'ян історичного факультету Московського державного університету імені М. В. Ломоносова.
- Дросєва Елка** – доктор, доцент історичного факультету Софійського університету імені Св. Климента Охридського.
- Дьомін Олег Борисович** – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедрою нової та новітньої історії історичного факультету Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.
- Іващенко Вікторія Юріївна** – кандидат історичних наук, доцент кафедри історіографії, джерелознавства та археології історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Калякіна Ксенія Анатоліївна** – аспірант кафедри нової та новітньої історії історичного факультету Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.
- Кісельова Юлія Анатоліївна** – викладач кафедри історіографії, джерелознавства та археографії історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Колгушкіна Ніна Василівна** – директор Музею академіка І. І. Срезневського Рязанського державного університету імені С. О. Єсеніна.
- Конєва Румяна** – доктор історичних наук, доцент Інституту балканістики з Центром фракології Болгарської академії наук.
- Косєва Петя** – студентка IV курсу історичного факультету Софійського університету імені Св. Климента Охридського.
- Крютченко Марія Леонідівна** – бакалавр, студентка V курсу історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Кузьменко Михайло Михайлович** – бакалавр, студент V курсу історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Кушнарєнко Наталя Миколаївна** – доктор педагогічних наук, професор, завідувач кафедри документознавства та книгознавства, проректор з наукової роботи Харківської державної академії культури.

- Лазарович Микола Васильович** – кандидат історичних наук, доцент, докторант кафедри міжнародних відносин Чернівецького національного університету імені Юрія Федьковича.
- Лантєва Людмила Павлівна** – доктор історичних наук, професор кафедри історії південних і західних слов'ян історичного факультету Московського державного університету імені М. В. Ломоносова.
- Леонтєва Анна Андріївна** – аспірант кафедри історії південних і західних слов'ян історичного факультету Московського державного університету імені М. В. Ломоносова.
- Ліфанов Констянтин Васильович** – доктор філологічних наук, доцент кафедри слов'янської філології філологічного факультету Московського державного університету імені М. В. Ломоносова.
- Малацай Ірина Володимирівна** – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії слов'ян історичного факультету Київського національного університету імені Тараса Шевченка.
- Мартінова-Іванова Павліна** – докторант філологічного факультету Софійського університету імені Св. Климента Охридського.
- Миколенко Дмитро Валерійович** – кандидат історичних наук, доцент кафедри нової та новітньої історії історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Наумов Сергій Олександрович** – доктор історичних наук, професор кафедри історії України історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Ніколова Івана** – студентка IV курсу історичного факультету Софійського університету імені Св. Климента Охридського.
- Ніколова Надєжда** – доктор, науковий співробітник II ст. Інституту болгарської мови Болгарської академії наук.
- Огієнко Ірина Сергіївна** – кандидат філологічних наук, молодший науковий співробітник відділу мистецтва та народної творчості зарубіжних країн Інституту мистецтвознавства, фольклористики та етнології імені М. Т. Рильського НАН України.
- Пасько Наталя Володимирівна** – аспірант кафедри всесвітньої історії та міжнародних відносин Івановського державного університету.
- Пачев Сергій Іванович** – кандидат історичних наук, директор Центру болгаристики, доцент кафедри історії Мелітопольського державного педагогічного університету, докторант Запорізького національного університету.
- Петрович Вєра** – магістр філології, співробітник бібліотеки імені С. Марковича Белградського університету.
- Пирванов Петр** – доктор, асистент економічного факультету Південно-Західного університету імені Неофіта Рильського (м. Благоевград, Болгарія).
- Поливяний Дмитро Ігоревич** – доктор історичних наук, професор кафедри всесвітньої історії та міжнародних відносин, проректор Івановського державного університету.
- Посохов Сергій Іванович** – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедрою історіографії, джерелознавства та археології, декан історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Райківський Ігор Ярославович** – кандидат історичних наук, завідувач кафедрою історії України, доцент Прикарпатського національного університету імені В. Стефаника.
- Руденко Ганна Василівна** – аспірант кафедри нової та новітньої історії історичного факультету Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.

- Самойленко Наталія Іванівна** – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії і права Полтавського національного технічного університету імені Ю. Кондратюка.
- Свириденко Вікторія Олегівна** – аспірант кафедри українознавства філософського факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Світленко Сергій Іванович** – доктор історичних наук, професор кафедри історії України, декан історичного факультету Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара.
- Склокін Володимир В'ячеславович** – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії Східноукраїнської філії Міжнародного Соломонового університету.
- Соленкова Любомила** – доктор, науковий співробітник II ст. Інституту історичних досліджень Болгарської академії наук.
- Стаменова Албена** – доктор, доцент кафедри слов'янознавства факультету слов'янської філології Софійського університету імені Св. Климента Охридського.
- Станчев Михайло Георгійович** – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедрою нової та новітньої історії історичного факультету, голова Наукової ради Центру болгаристики та балканських досліджень імені М. Дринова Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Старков Валерій Андрійович** – кандидат історичних наук, старший науковий співробітник відділу пам'яток духовної культури Інституту української археографії та джерелознавства імені М. С. Грушевського НАН України.
- Стефанова Александра** – студентка IV курсу історичного факультету Софійського університету імені Св. Климента Охридського.
- Стоянов Іван** – доктор історичних наук, професор кафедри нової та новітньої історії Болгарії історичного факультету, начальник відділу «Науково-дослідницька, художньо-творча та видавнича діяльність» Великогирновського університету імені Святих Кирила та Мефодія.
- Стоянова Ельза Петрівна** – доктор філологічних наук, професор кафедри слов'янської філології Інституту славистики та міжнародних відносин Київського славістичного університету.
- Страшнюк Сергій Юрійович** – кандидат історичних наук, доцент кафедри нової та новітньої історії, директор Центру болгаристики та балканських досліджень імені М. Дринова Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Томанова-Дамянова Христина** – журналіст газети «Диалог днес» (м. Карлово, Болгарія).
- Челак Єкатерина** – кандидат історичних наук (м. Калінінград, Росія).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ В „ДРИНОВСКИЙ СБОРНИК“

В связи с намерениями редакционной коллегии внести „Дриновский сборник“ в Российскую базу научного цитирования (РИНЦ) обращаем внимание авторов на изменение правил оформления статей, начиная со следующего тома.

К публикации в „Дриновский сборник“ по-прежнему принимаются статьи на украинском, русском или болгарском языках, которые не были ранее опубликованы, а также археографические материалы, рецензии и обзорная информация о научных конференциях (симпозиумах, семинарах) или других значимых событиях в области балканистики.

При этом следует придерживаться следующего расположения элементов:

1. Тематическая рубрика – код статьи по Универсальной десятичной классификации (индекс УДК).

2. Название статьи – приводится на украинском (болгарском), русском и английском языках.

3. Сведения об авторах

Обязательно:

– фамилия, имя, отчество всех авторов полностью на украинском (болгарском), русском и английском языках;

– полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город на украинском (болгарском), русском и английском языках. Если все авторы статьи работают в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого отдельно;

– адрес электронной почты для каждого автора;

– корреспондентский почтовый адрес и телефон для контактов с авторами статьи (можно один на всех авторов).

Опционально:

– подразделение организации;

– должность, звание, ученая степень;

– другая информация об авторах.

4. Резюме статьи на английском, русском, украинском (болгарском) языках. Каждое резюме – 4–5 предложений (до 500 знаков) – начинается из фамилии автора и названия статьи.

5. Ключевые слова к каждому резюме на трех языках (от 4 до 7 слов). Ключевые слова или словосочетания отделяются друг от друга точкой с запятой.

6. Текст статьи:

Формат. К рассмотрению принимаются статьи в текстовом редакторе, совместном с MS Word 1995–2007. Электронный вариант должен быть представлен в виде одного файла. Название файла составляется латинскими буквами из фамилии автора.

Шрифт и абзац. Шрифт Times New Roman. Размер кегля – 14. Междустрочный интервал – 1,5. Отступление первой строки абзаца – 1 см.

Объем. Текст публикации с литературой и приложениями не может превышать 60 тыс. знаков с пробелами (1,5 условн. авт. л.).

7. Примечания – концевые, в порядке упоминания.

8. Список сокращений (если есть).

Статьи из журналов и сборников (один, два и более авторов):

Рудаков В. Н. Концепция ордынского „ига“ и отношения с Ордой в русском общественном сознании второй половины XIII – XVI веков // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 4. – С. 24–32.

Пасько Н. В. Разбойничество в Болгарии накануне и в первые века османского господства. / Н. В. Пасько, Д. И. Польшивный // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 6. Харків–Софія: Академічне видавництво „Проф. Марин Дринов“, 2013, с. 187–197.

Монографії и сборники статей:

Манолова М. Парламентаризмът в България (1879–1894). София, 1989, с. 128.

Perry D. Stefan Stambolov and the emergence of modern Bulgaria, 1870–1895. Durham: Duke University Press Books, 1993, p. 301.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы (межвуз. сб. науч. тр.). Саратов. гос. ун-т [под ред. С. Ф. Мартыновича]. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 199 с.

Райзберг Б. А. Современный экономический словарь. Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Газеты:

Дзеркало тижня, 2012, 18 грудня.

24 часа, 1998, 18 юли.

Известия, 1973, 23 августа.

Архивы:

Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА), ф. 846, оп. 1, д. 4409, л. 9.

Авторефераты:

Миколенко Д. В. Правоцентристські партії у політичній системі Болгарії (1899– 1908 гг.) : автореф. ... дис. канд. іст. наук. Харків, 2007. 23 с.

Диссертации:

Станчев М. Г. Д-р Кръстю Раковски — държавник, политик и дипломат. 1917–1941. Дис ... д-р на ист. науки. София, 2000. 487 с.

Аналитические обзоры:

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007. / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: ИМЭМО, 2007. 39 с.

Материалы конференций:

Археология: история и перспективы. Сб. ст. первой межрегион. конф. Ярославль, 2003. 350 с.

Интернет-документы:

Стоукс Г. Социальные истоки восточноевропейской политики. – URL: http://intelros.ru/pdf/prognosis2_07/Stoyks.pdf (дата обращения: 17.04.13).

ЗМІСТ

<i>Дѣмин О. Б. (Одесса)</i> Христианские византийские основы деятельности Константина-Кирилла и формирование славянской письменности.	5
---	---

ИЗМАЇЛ СРЕЗНЕВСЬКИЙ ТА СЛОВ'ЯНСЬКИЙ СВІТ

(до 200-річчя від дня народження)

<i>Кисельова Ю. А. (Харків)</i> І. І. Срезневський та становлення традиції історичної рефлексії в Харківському університеті.	12
<i>Готовска-Хенце Т. (Софія)</i> Первая встреча Измаила Срезневского с чешскими славистами.	19
<i>Лантева Л. П. (Москва)</i> И. И. Срезневский и его научные контакты с чешским славистом В. Ганкой.	30
<i>Райківський І. Я. (Івано-Франківськ)</i> Измаїл Срезневський та Галичина.	42
<i>Айдачич Д. (Київ)</i> О книге „Святылища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам и современным преданиям“ И. Срезневского.	47
<i>Наумов С. О. (Харків)</i> Мовне питання в „малоросійському/українському проєкті“ першої половини ХІХ ст.	63
<i>Світленко С. І. (Дніпропетровськ)</i> І. І. Срезневський і українські народолюбці Наддніпрянщини 40–80-х рр. ХХ ст.	74
<i>Старков В. А. (Київ)</i> „Материалы для словаря древнерусского языка“ І. І. Срезневського як джерело вивчення давньоруської ігрової культури.	82
<i>Дроснева Е. (Софія)</i> Срезневски, българите и България през 170 години.	92
<i>Стоянова Е. П. (Київ)</i> Теодосій Ікономов – славист доби болгарського Відродження, сучасник та однодумець Ізмаїла Срезневського.	125

ІСТОРІЯ СЛАВІСТИКИ ТА МІЖСЛОВ'ЯНСЬКИХ ВЗАЄМИН (ХІХ – перша третина ХХ ст.)

<i>Николова Н. (Софія)</i> Марин Дринов в истории славистики.	131
<i>Калякіна К. А. (Одеса)</i> Наукове відрядження О. О. Кочубинського в слов'янські землі (1874–1876 рр.).	137
<i>Малацай І. В. (Київ)</i> Висвітлення становища словаків на сторінках „Журналу Міністерства народної освіти“ (Про внесок Ш. М. Дрекслера у розвиток славистики).	141
<i>Лифанов К. В. (Москва)</i> Т. Д. Флоринский и словакистика.	146
<i>Стоянов И. (Велико Търново)</i> Иван Аксаков и Московското славянско общество за подписаните договори в Сан Стефано и Берлин.	149
<i>Миколенко Д. В. (Харків)</i> Македонське питання в зовнішній політиці болгарського уряду Рачо Петрова у 1903–1906 рр.	158
<i>Гусев Н. С. (Москва)</i> Образ России и русских в сознании болгар в период Балканских войн 1912–1913 гг.	170
<i>Самойленко Н. І. (Полтава)</i> Національна ідентичність болгарської діаспори у творчому доробку М. С. Державіна.	180
<i>Лазарович М. В. (Чернівці)</i> Болгарська національна меншина України напередодні національної революції 1917–1921 рр.	187
<i>Руденко Г. В. (Одеса)</i> Російська історична наука в еміграції 1920–1930-х рр. в оцінках А. В. Флоровського.	196

**ИСТОРИЧНА БОЛГАРИСТИКА В ОСОБАХ І КОНЦЕПЦІЯХ:
ПОГЛЯД МОЛОДИХ УЧЕНИХ**

Първанов П. Л. (Благовєвград) Марин Дринов и Стефан Савов Бобчев.	199
Василева Н. (София) Монографичните изследвания на д-р Симеон Табаков.	203
Стефанова А. (София) Размисли за историка Крумка Шарова.	215
Косева П. (София) Монографиите на Зина Маркова.	221
Николова И. (София) Неотъпканият път на Вера Мутафчиева.	231
Добычина А. С. (Москва) Восстановление средневекового болгарского государства (1185–1204) в современной болгарской историографии.	238
Свириденко В. О. (Харків) Постколониальный синдром: міфи про „турецке рабство“ та „Відродження“ в болгарському національному дискурсі (друга половина ХХ ст.–початок 2000-х рр.).	253
Пасько Н. В., Полювянний Д. И. (Иваново) Разбойничество в Болгарии накануне и в первые века османского господства.	263
Леонтьева А. А. (Москва) Национально-религиозный состав населения городских кварталов Софии XVII–XVIII ст. по данным кадийских регистров.	270
Кузьменко М. М. (Харьков) Социально-политические предпосылки установления режима личной власти князя Александра Баттенберга.	275
Крютченко М. Л. (Харьков) Либеральная „цанковистская“ партия в условиях стамбуловистского режима 1887–1894 гг.: основные направления деятельности.	282

ДЖЕРЕЛА ТА ДЖЕРЕЛОЗНАВСТВО

Соленкова Л. (София) Априлското въстание в кореспонденцията на Марин Дринов: „Повест славна за моите панагюрци“.	288
Иващенко В. Ю., Посохов С. И. (Харьков) Письма М. С. Дринова из фондов Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН (1878–1903 гг.).	352
Пачев С. І. (Мелітополь) Листи родини Дринових до В. Н. Златарського як джерело вивчення української болгаристики.	362
Станчев М. Г. (Харьков) „Дело 13-ти“ (о процессе 1937–1938 гг. над так называемой „Болгарской контрреволюционной националистической организацией в Украине“).	368

РЕЦЕНЗІЇ

Аксъонова Н. В. (Харків) „Как по тихому было / У нас по Дунаю...“: Рецензія на монографію: Пригарин, А. А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII–первой половине XIX вв. / Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова / Отв. ред. О. Б. Демин. Одесса; Измаил; Москва: Смил, Археодоксия, 2010. 528 с.	413
Власенко В. М. (Суми) Українська еміграція в Болгарії: Рецензія на книгу: Мангачев, Петко. Украинската емиграция в България през периода между двете световни войни (1918–1944 г.). София: Колбис, 2011. 321 с.	416
Дроснева Е. (София) Книга за добронамеренността. Рецензия за книгата: Конева, Румяна. Иван Шишманов и обединената Европа. София: ИК „Гутенберг“, 2011. 235 с.	418
Самойленко Н. И. (Полтава) Рецензія на книгу: България, Балканите и Русия. XVIII–XXI век: Българо-руски научни дискусии. Институт за исторически изследвания на БАН; Българо-руска комисия на историците. София, 2011. 404 с.	420
Томанова-Дамянова, Хр. (Карлово) Левски е духовният ни ориентир за човечност. – Рецензия за книгата: Стоянов, И. Нови щрихи върху идейните възгледи и дейността на Васил Левски. Велико Търново, 2012. 230 с.	424

Огієнко І. С. (Київ) Рецензія на книгу: Болгарський фольклор Північного Приазов'я / Збирач та упорядник О. Б. Червенко. Бердянськ, 2012. 126 с.	428
Склокін В. (Харків) Рецензія на книгу: Магочій, Павло-Роберт. Україна: історія її земель та народів. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2012. 794 с.	430
Кушнарєнко Н. М. (Харків) Блискучий результат бібліографознавчих студій: Рецензія на: Ізмаїл Іванович Срезневський (до 200-річчя від дня народження): бібліограф. покажч. / укл. О. С. Журавльова, Н. Г. Мацнева, Е. Д. Дроснева, В. Петрович, Б. Ріфл, Д. Шкергет; вступ, ст. С. Ю. Страшнюк, Є. Х. Широкоград; наук. ред. С. Ю. Страшнюк; бібліогр. ред. С. Б. Глибицька, Ю. Ю. Полякова. Харків: ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2012. 92 с.: іл.	432
Петрович В. (Белград) О работе над сербской частью библиографии Измаила Срезневского.	434

НАУКОВЕ ТА ХУДОЖНЄ ЖИТТЯ

Ганчев, О. І., Пригарін О. А. (Одеса) XII конференция „Болгары в Северном Причерноморье“ (Судак, 4–6 ноября 2011 г.).	436
Колгушкина Н. В. (Рязань) Музей академика И. И. Срезневского: во имя сохранения памяти.	438
Александрова И. Л. (Харьков) „Таврийская Болгария“ в творчестве Владимира Бысова.	443

ЮВІЛЕЇ

Конєва Р. (Софія) Юбилеят на духовният владетел на българската култура: 150-годишнината от рождението на професор Иван Шишманов.	444
Стаменова А., Мартинова-Иванова П. (Софія) Петнадесет години украинска филология в Софийския университет „Св. Климент Охридски“.	451
Челак Е. (Калининград) По случай 65-годишнината на доктора на историческите науки Н. Н. Червенков.	455
Страшнюк С. Ю. (Харьков) Доктору исторических наук М. Г. Станчеву – 60 лет.	458

IN MEMORIAM

Вълчанов В. (София) “Растеше болка и стана болест!” (Кого погребяхме в лицето на професор Георги Бакалов и – най-важното! – Защо?).	465
Відомості про авторів.	469
Требования к оформлению статей в „Дриновский сборник“.	472

СЪДЪРЖАНИЕ

<i>Дѣмин О. Б. (Одесса)</i> Христианские византийские основы деятельности Константина-Кирилла и формирование славянской письменности.	5
ИЗМАИЛ СРЕЗНЕВСКИЙ И СЛАВЯНСКИЙ СВЯТ (По случай 200-годишнината от рождението му)	
<i>Кисельова Ю. А. (Харків)</i> І. І. Срезневський та становлення традиції історичної рефлексії в Харківському університеті.	12
<i>Готовска-Хенце Т. (Софія)</i> Первая встреча Измаила Срезневского с чешскими славистами.	19
<i>Лаптева Л. П. (Москва)</i> И. И. Срезневский и его научные контакты с чешским славистом В. Ганкой.	30
<i>Райківський І. Я. (Івано-Франківськ)</i> Измаїл Срезневський та Галичина.	42
<i>Айдачич Д. (Київ)</i> О книге „Святылища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам и современным преданиям“ И. Срезневского.	47
<i>Наумов С. О. (Харків)</i> Мовне питання в „малоросійському/українському проєкті“ першої половини ХІХ ст.	63
<i>Світленко С. І. (Дніпропетровськ)</i> І. І. Срезневський і українські народолюбці Наддніпрянщини 40–80-х рр. ХХ ст.	74
<i>Старков В. А. (Київ)</i> „Материалы для словаря древнерусского языка“ І. І. Срезневського як джерело вивчення давньоруської ігрової культури.	82
<i>Дроснева Е. (Софія)</i> Срезневски, българите и България през 170 години.	92
<i>Стоянова Е. П. (Київ)</i> Теодосій Ікономов – славист доби болгарського Відродження, сучасник та однодумець Измаїла Срезневського.	125
ИСТОРИЯ НА СЛАВИСТИКАТА И ВЗАИМООТНОШЕНИЯТА МЕЖДУ СЛАВЯНИТЕ (ХІХ – първата третина на ХХ в.)	
<i>Николова Н. (Софія)</i> Марин Дринов в истории славистики.	131
<i>Калякіна К. А. (Одеса)</i> Наукове відрядження О. О. Кочубинського в слов'янські землі (1874–1876 рр.).	137
<i>Малацай І. В. (Київ)</i> Висвітлення становища словаків на сторінках „Журналу Міністерства народної освіти“ (Про внесок Ш. М. Дрекснера у розвиток славистики).	141
<i>Лифанов К. В. (Москва)</i> Т. Д. Флоринский и словакистика.	146
<i>Стоянов И. (Велико Търново)</i> Иван Аксаков и Московското славянско общество за подписаните договори в Сан Стефано и Берлин.	149
<i>Миколенко Д. В. (Харків)</i> Македонське питання в зовнішній політиці болгарського уряду Рачо Петрова у 1903–1906 рр.	158
<i>Гусев Н. С. (Москва)</i> Образ России и русских в сознании болгар в период Балканских войн 1912–1913 гг.	170
<i>Самойленко Н. І. (Полтава)</i> Національна ідентичність болгарської діаспори у творчому доробку М. С. Державіна.	180
<i>Лазарович М. В. (Чернівці)</i> Болгарська національна меншина України напередодні національної революції 1917–1921 рр.	187
<i>Руденко Г. В. (Одеса)</i> Російська історична наука в еміграції 1920–1930-х рр. в оцінках А. В. Флоровського.	196

**БЪЛГАРСКА ИСТОРИЯ – ЛИЧНОСТИ И КОНЦЕПЦИИ,
ПРЕДСТАВЕНИ ОТ МЛАДИ УЧЕНИ**

<i>Първанов П. Л. (Благоевград)</i> Марин Дринов и Стефан Савов Бобчев.	199
<i>Василева Н. (София)</i> Монографичните изследвания на д-р Симеон Табаков.	203
<i>Стефанова А. (София)</i> Размисли за историка Крумка Шарова.	215
<i>Косева П. (София)</i> Монографиите на Зина Маркова.	221
<i>Николова И. (София)</i> Неотъпканият път на Вера Мутафчиева.	231
<i>Добychина А. С. (Москва)</i> Восстановление средневекового болгарского государства (1185–1204) в современной болгарской историографии.	238
<i>Свириденко В. О. (Харків)</i> Постколониалний синдром: міфи про „турецьке рабство“ та „Відродження“ в болгарському національному дискурсі (друга половина ХХ ст.–початок 2000-х рр.).	253
<i>Пасько Н. В., Полювянний Д. И. (Иваново)</i> Разбойничество в Болгарии накануне и в первые века османского господства.	263
<i>Леонтьева А. А. (Москва)</i> Национально-религиозный состав населения городских кварталов Софии XVII–XVIII ст. по данным кадийских регистров.	270
<i>Кузьменко М. М. (Харьков)</i> Социально-политические предпосылки установления режима личной власти князя Александра Баттенберга.	275
<i>Крютченко М. Л. (Харьков)</i> Либеральная „цанковистская“ партия в условиях стамбуловистского режима 1887–1894 гг.: основные направления деятельности.	282

ИЗВОРИ И ИЗВОРОЗНАНИЕ

<i>Соленкова Л. (София)</i> Априлското въстание в кореспонденцията на Марин Дринов: „Повест славна за моите панагюрци“.	288
<i>Иващенко В. Ю., Посохов С. И. (Харьков)</i> Письма М. С. Дринова из фондов Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН (1878–1903 г.).	352
<i>Пачев С. І. (Мелітополь)</i> Листи родини Дринових до В. Н. Златарського як джерело вивчення української болгаристики.	362
<i>Станчев М. Г. (Харьков)</i> „Дело 13-ти“ (о процессе 1937–1938 гг. над так называемой „Болгарской контрреволюционной националистической организацией в Украине“).	368

РЕЦЕНЗИИ

<i>Аксъонова Н. В. (Харків)</i> „Как по тихому было/ У нас по Дунаю...“: Рецензія на монографію: Пригарин, А. А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII–первой половине XIX вв. Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова. Отв. ред. О. Б. Демин. Одесса; Измаил; Москва: Смил, Археодоксия, 2010. 528 с.	413
<i>Власенко В. М. (Суми)</i> Українська еміграція в Болгарії: Рецензія на книгу: Мангачев, Петко. Українската емиграция в България през периода между двете световни войни (1918–1944 г.). София: Колбис, 2011. 321 с.	416
<i>Дроснева Е. (София)</i> Книга за добронамеренността. Рецензия за книгата: Конева, Румяна. Иван Шишманов и обединената Европа. София: ИК „Гутенберг“, 2011. 235 с.	418
<i>Самойленко Н. И. (Полтава)</i> Рецензія на книгу: България, Балканите и Русия. XVIII–XXI век: Българо-руски научни дискусии. Институт за исторически изследвания на БАН; Българо-руска комисия на историците. София, 2011. 404 с.	420

Томанова-Дамьянова, Хр. (Карлово) Левски е духовният ни ориентир за човечност. – Рецензия за книгата: Стоянов, И. Нови щрихи върху идейните възгледи и дейността на Васил Левски. Велико Търново, 2012. 230 с.	424
Огієнко І. С. (Київ) Рецензия на книгу: Болгарський фольклор Північного Приазов'я. Збирач та упорядник О. Б. Червенко. Бердянськ, 2012. 126 с.	428
Склокін В. (Харків) Рецензия на книгу: Магочій, Павло-Роберт. Україна: історія її земель та народів. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2012. 794 с.	430
Кушнарєнко Н. М. (Харків) Блискучий результат бібліографознавчих студій: Рецензия на: Ізмаїл Іванович Срезневський (до 200-річчя від дня народження): бібліограф. показч. Укл. О. С. Журавльова, Н. Г. Мацнева, Е. Д. Дроснева, В. Петрович, Б. Ріфл, Д. Шкергет; вступ. ст. С. Ю. Страшнюк, Є. Х. Широкоград; наук. ред. С. Ю. Страшнюк; бібліогр. ред. С. Б. Глибицька, Ю. Ю. Полякова. Харків: ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2012. 92 с.: іл.	432
Петрович В. (Белград) О работе над сербской частью библиографии Измаила Срезневского.	434

НАУЧЕН И ХУДОЖЕСТВЕН ЖИВОТ

Ганчев, О. І., Пригарін О. А. (Одеса) XII конференция „Болгары в Северном Причерноморье“ (Судак, 4–6 ноября 2011 г.).	436
Колгушкина Н. В. (Рязань) Музей академика И. И. Срезневского: во имя сохранения памяти.	438
Александрова И. Л. (Харьков) „Таврийская Болгария“ в творчестве Владимира Бысова.	443

ЮБИЛЕИ

Конєва Р. (София) Юбилеят на духовният владетел на българската култура: 150-годишнината от рождението на професор Иван Шишманов.	444
Стаменова А., Мартинова-Иванова П. (София) Петнадесет години украинска филология в Софийския университет „Св. Климент Охридски“.	451
Челак Е. (Калининград) По случай 65-годишнината на доктора на историческите науки Н. Н. Червенков.	455
Страшнюк С. Ю. (Харьков) Доктору исторических наук М. Г. Станчеву – 60 лет.	458

IN MEMORIAM

Вълчанов В. (София) „Растеше болка и стана болест!“ (Кого погребяхме в лицето на професор Георги Бакалов и – най-важното! – Защо?).	465
За авторите.	469
Изисквания за оформлението на статиите за „Дриновски сборник“.	472

Друкується за підтримки общини Панагюриште (Болгарія)

ДРИНОВСЬКИЙ ЗБІРНИК
ТОМ VI

Українська
Перше видання

Редактор **Світлана Филчева**
Художник **Константин Жеков**
Графічний дизайн **Ваня Кривокапова**

www.baspress.com

ISBN 978-954-322-705-1

ISBN 978-954-322-706-8

Підписано до друку 11.12.2013 р. Формат 70x100 1/8. Ум. друк. арк. 41,51. Тираж 300 пр. Зам. № 310/13.

Видавець і виготовлювач
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна,
61022, м. Харків, пл. Свободи, 4
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 3367 від 13.01.2009 р.
Видавництво ХНУ імені В. Н. Каразіна.
Тел.: 705-24-32